Russ. 220 a (16

Елисей Кипріяновичъ
ТРЕГУБОВЪ

2694

16

130 g

Fgт | 77 | 4146

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1885.

(47.71)
-724
ПРОВЕРКА
1943 г.
9(47.71)
Проверено 1938 г.

МАЗЕПА

и

МАЗЕПИНЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

2694.

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Инв. № 20947
Музея Народоведения

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1885.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 Л. 7
1009

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI ТОМА.

СТРАН.

I. Мазепа 1—591
II. Мазепинцы 593—719

МАЗЕПА.

ИСТОЧНИКИ.

При составленіи настоящей монографіи служили мнѣ матеріалами слѣдующіе источники:

1. Современные обработываемой эпохѣ письменные памятники, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ: главнымъ образомъ дѣла бывшаго Малороссійскаго Приказа, соединеннаго съ Приказомъ Посольскимъ. Это: а) Пріѣзды въ Москву гетманскихъ и запорожскихъ посланцевъ, ихъ распросныя рѣчи о текущихъ событіяхъ, происходившихъ въ малороссійскомъ краѣ, подвѣдомственномъ гетманскому управленію, оффиціальныя донесенія, привозимыя ими отъ гетмана, а также письма гетмана къ государственнымъ особамъ, прилагаемыя при оффиціальныхъ донесеніяхъ, копіи съ писемъ иноземныхъ, которыя присылались къ гетману, донесенія, поданныя гетману отъ лицъ, посыланныхъ имъ съ порученіями, распросныя рѣчи и сказки, отобранныя отъ разныхъ лицъ въ малороссійскомъ краѣ, и всякаго рода извѣщенія, которыя гетманъ считалъ нужнымъ сообщать верховному правительству. б) Пріѣзды въ Москву изъ малороссійскаго края лицъ духовнаго званія и мѣщанъ изъ малороссійскихъ городовъ, обыкновенно являвшихся за полученіемъ жалованныхъ грамотъ и разныхъ царскихъ милостей. в) Отписки великороссійскихъ воеводъ, находив-

шихся на царской службѣ въ малороссійскомъ краѣ. г) Пріѣзды изъ Москвы въ Малороссію къ гетману и въ Запорожскую Сѣчу царскихъ пословъ и гонцовъ съ царскими грамотами, даваемые имъ изъ Посольскаго Приказа Наказы, и статейные списки, представляемые въ тотъ же Приказъ ими по окончаніи порученія, съ разными свѣдѣніями, полученными во время пребыванія въ Малороссіи. Всѣ подлинные письма и документы, принадлежавшіе къ этимъ дѣламъ, извлечены оттуда и составляютъ особый отдѣлъ, носящій названіе «Подлинники». Эти подлинники— самыя драгоцѣнныя и любопытныя бумаги въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ собственно малороссійскихъ дѣлъ, то-есть дѣлъ бывшаго Малороссійскаго Приказа, служили мнѣ источниками при надобности и другія дѣла Посольскаго Приказа, хранящіяся въ томъ же Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, преимущественно польскія и крымскія въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія съ Польшею и Крымомъ касались Малороссіи.

2. Дѣла Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Они сохраняются въ свиткахъ, но значительная часть ихъ переписана и внесена въ особыя рукописныя книги по годамъ. Тѣ, которыя служили мнѣ источниками, принадлежали также бывшему Малороссійскому Приказу, а потому иныя изъ нихъ, по своему содержанію, совершенно одинаковы съ тѣми, которыя хранятся въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ; но за то есть громадная масса такихъ дѣлъ, которыя сохранились исключительно въ Архивѣ Министерства Юстиціи, съ тою разницею, что подлинниковъ здѣсь несравненно менѣе.

3. Дѣла Государственнаго Архива, хранящіяся въ Санктъ-Петербургѣ подъ главнымъ вѣдѣніемъ канцлера. Дѣла, относящіяся къ царствованію Петра Великаго, а слѣдовательно къ описываемой мною эпохѣ, составляютъ особое собраніе подъ названіемъ «Кабинета». Они внесены въ особо переплетенныя книги. Здѣсь помѣщены черновые отпуски исходящихъ бумагъ, царскихъ указовъ, царскихъ

писемъ, писемъ приближенныхъ къ царю особъ и всякихъ правительственныхъ распоряженій; здѣсь же помѣщены и входящія бумаги: донесенія и извѣщенія, посылаемыя верховному правительству. Кромѣ занесенныхъ въ Кабинетъ, письма нѣкоторыхъ современниковъ Петра Великаго и его сподвижниковъ, какъ напримѣръ Меншикова, Мазепы, Головина, Гольца и другихъ, сохраняются въ подлинникахъ въ особыхъ собраніяхъ.

4. Гисторія Свейской Войны. Это—журналъ, веденный по приказанію Петра Великаго во все продолженіе войны со Швеціей. Журналъ этотъ подъ тѣмъ же названіемъ былъ напечатанъ еще въ прошломъ столѣтіи, но я пользовался имъ въ старой рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ.

5. Рукописи Императорской Публичной Библіотеки. Собраніе польскихъ рукописей временъ Августа II. Это сборники, такъ называемые «Sylvae rerum», куда заносились документы, письма, рѣчи, описанія и пр.,—вообще все, что въ свое время могло возбуждать интересъ. Такіе сборники, встрѣчаемые въ изобиліи какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ польскихъ книгохранилищахъ и архивахъ, свидѣтельствуя о развитіи у поляковъ интереса къ дѣламъ своего края, служатъ драгоцѣнными матеріалами для занимающихся исторіею Польши и странъ, имѣвшихъ съ Польшею сношенія, но собственно для избранной мною въ настоящемъ случаѣ эпохи польское собраніе рукописей Публичной Библіотеки представило не такъ много богатства, какъ при занятіяхъ другими эпохами малороссійской исторіи, что надобно приписать ходу политическихъ обстоятельствъ того времени.

6. «Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей». Годы 1846—1847 (разныя малорусскія лѣтописи, напечатанныя тогда въ этомъ изданіи). Годы 1858, № 1, и 1859, № 1 (разные оффиціальные документы и письма, извлеченные изъ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, между прочимъ дѣло Кочубея и Искры).

7. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи». Томы III и IV, 1830 г. (законы и распоряженія правительства съ 1689 по 1712 годъ).

8. «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. IV.

9. «Письма фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева», 4 т., 1778—1789 гг.

10. «Древняя Русская Вивліоѳика», т. XVI. (Сказаніе о взятіи Азова).

11. «Исторія Петра Великаго», соч. Устрялова. Томы I—IV, 1859—1863 гг. (Сочиненіе драгоцѣнное и до сихъ поръ незамѣнимое по множеству матеріаловъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ каждому тому).

12. Первыя *Русскія Вѣдомости*, 1703 г. и далѣе.

13. «Собраніе записокъ о Петрѣ Великомъ», составленное Туманскимъ, 8 томовъ. (Это, теперь уже рѣдкое, изданіе заключаетъ въ себѣ множество современныхъ актовъ и писемъ).

14. Голикова, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 1788 г.

15. «Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго», Голикова же. Томы VII и VIII, изд. 1791 г., томъ XV, изд. 1795 г. (Здѣсь, особенно въ XV томѣ, есть много современныхъ матеріаловъ, изъ нихъ нѣкоторые встрѣтилъ я въ бумагахъ Государственнаго Архива, но другіе мнѣ извѣстны единственно по тексту, сообщенному въ этомъ изданіи).

16. «Памятники Кіевской Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ», томы 3—4, изд. 1852 г. (Здѣсь встрѣчаются черты ранней дѣятельности Мазепы еще задолго до его гетманства).

17. «Архивъ Юго-западной Россіи», часть III, т. II, о козакахъ, изд. 1852 г. (Здѣсь помѣщены документальные матеріалы, относящіеся къ біографіи знаменитаго въ свое время Палѣя и другихъ дѣятелей въ юго-западной Руси, а равно къ возстанію южнорусскаго народа противъ польскихъ пановъ, происходившему на правой сторонѣ Днѣпра въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія).

18. «Załuskiego Andr. Chrysost. Epistolarum historico-

familiarium». Tom. I—IV in f. (Рѣдкая книга, гдѣ встрѣчаются подробности, относящіяся къ событіямъ, о которыхъ свѣдѣнія передаются въ предшествовавшемъ источникѣ).

19. «Pamiętniki Chrysostoma Paska», изд. 1877 г. (Любопытныя для бытовой исторіи записки польскаго шляхтича второй половины XVII вѣка, въ которыхъ, между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія о молодыхъ лѣтахъ Мазепы во время его пребыванія въ Польшѣ).

20. «Акты Западной Россіи», изданные Археографическою Коммиссіею, томъ V, изд. 1853 г. (Здѣсь помѣщено нѣсколько актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи въ первыя двѣнадцать лѣтъ гетманства Мазепы).

21. «Лѣтопись событій въ Юго-западной Россіи». Составилъ Самуилъ Величко. Издана Кіевскою Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, томъ III, 1864 г. (Неутомимый собиратель письменныхъ историческихъ матеріаловъ и краснорѣчивый повѣствователь о судьбахъ южно-русскаго края въ XVII вѣкѣ, Самуилъ Величко не можетъ быть изъятъ отъ справедливаго порицанія за свое суетное риторство и за крайній недостатокъ критическаго отношенія къ тѣмъ источникамъ, какіе у него были подъ рукою. Многіе считаютъ его умышленнымъ фальсификаторомъ и выдумщикомъ. Дѣйствительно, у него въ лѣтописи помѣщено не мало такихъ документовъ, которыхъ лживость очевидна. Но нельзя не обратить вниманія на то, что самъ авторъ лѣтописи въ своемъ предисловіи къ читателю заранѣе соглашается съ тѣмъ, кто скажетъ, что въ его лѣтописи есть невѣрности, и предоставляетъ читателю исправить ихъ, если читатель найдетъ другіе, болѣе достовѣрные, источники. Такая искренность побуждаетъ насъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ изложенію такихъ событій, которыя совершались въ болѣе близкое время къ написанію этой лѣтописи, когда авторъ могъ быть современникомъ и очевидцемъ излагаемыхъ событій, не подчиняясь слѣпо голосу другихъ, на письмѣ передававшихъ о нихъ свѣдѣнія потомкамъ. Въ III томѣ Лѣтописи Величка излагается исторія Малороссіи со всту-

пленія на гетманство Мазепы до половины 1699 года. Авторъ, сообразно своему обычаю, принятому при составленіи первыхъ двухъ томовъ своей лѣтописи, и въ III томѣ посреди повѣствованія вмѣщаетъ письма и документы; изъ нихъ нѣкоторые извѣстны и по другимъ источникамъ, а потому нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать вообще невѣрность сообщаемыхъ въ III томѣ документовъ, и думать, что они вымышлены самимъ авторомъ лѣтописи).

22. «Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, Краткаго описанія Малороссіи и Собранія историческаго». Издана Кіевскою Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Изд. 1878 г. (Эта драгоцѣнная лѣтопись, безспорно самая достовѣрнѣйшая изъ всѣхъ другихъ малороссійскихъ лѣтописей, была уже прежде напечатана въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» въ 1846 году, а теперь вновь переиздана, во-первыхъ потому, что первое изданіе вышло изъ продажи, во-вторыхъ потому, что отыскались новые списки этой лѣтописи съ нѣкоторыми отмѣнами противъ прежняго изданія. Эта лѣтопись, составленная очевидцемъ событій, о которыхъ шла рѣчь, прерывается 1702 годомъ. Извѣстія о событіяхъ дальнѣйшихъ годовъ, внесенныя въ первое изданіе, какъ неразрывная часть единаго сочиненія, взяты изъ другой лѣтописи, напечатанной въ приложеніяхъ къ кіевскому изданію подъ названіемъ: «Краткое описаніе Малороссіи»,—и очевидно попадали въ Лѣтопись Самовидца случайно. Извѣстія эти по отношенію къ эпохѣ Мазепы вообще не важны. Что касается до загадочной личности Самовидца, то есть вѣроятіе предполагать, что авторомъ этой лѣтописи былъ Ѳедоръ Коробка. Это выводится вотъ изъ чего. Лѣтописецъ, упоминая подъ 1660 годомъ о бывшей въ Борисовѣ коммиссіи, сообщаетъ, что онъ былъ тамъ съ козаками: «Въ Борисовѣ на початку року починается коммиссія, на которую и насъ козаковъ затягнено, и былисмо» («Лѣт. Самов.», стр. 61). Но изъ дѣлъ этой коммиссіи мы узнаемъ, что тамъ были: нѣжинскій пол-

ковникъ Золотаренко, Өедоръ Коробка, Романъ Ракушка и 53 козака (Солов. «Ист. Рос.», т. XI, стр. 110). А такъ какъ о Василіѣ Золотаренкѣ и Романѣ Ракушкѣ («Лѣт. Самов.», стр. 108) тотъ же лѣтописецъ въ другихъ мѣстахъ своей лѣтописи говоритъ въ третьемъ лицѣ, то и дѣлается вѣроятнымъ, что находившійся на Борисовской коммиссіи авторъ Лѣтописи Самовидца былъ Өедоръ Коробка, если, разумѣется, не допускать, что авторомъ Лѣтописи Самовидца могъ быть кто-нибудь не изъ трехъ чиновныхъ, а изъ пяти-десяти трехъ простыхъ рядовыхъ козаковъ, сопровождавшихъ посольство. Послѣднее едва ли вѣроятно).

23. «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, о ея народѣ и о козакахъ, собрано и составлено чрезъ труды инженера генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана», 1785—1787 гг., изд. въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн.» и отдѣльно 1847 года. (Это сборное повѣствованіе событій малороссійскаго края, происходившихъ съ XVI по XVIII вѣкъ включительно, составлено трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ прошлаго столѣтія, однимъ изъ тѣхъ, которые, не задаваясь ни притязаніями на ученость, ни щегольствомъ краснорѣчія, имѣли въ виду только собрать и передать потомкамъ свѣдѣнія о томъ, что происходило въ ихъ краѣ съ ихъ предками. «Повѣствованіе» составляетъ четыре части, раздѣляемыя на книги. Описываемая нами эпоха излагается въ III части, въ пятой книгѣ. Авторъ включаетъ въ свое повѣствованіе нѣкоторые письма и документы, не давая нигдѣ повода подвергать сомнѣнію сообщаемое имъ какъ документъ, какъ равно и подозрѣвать въ чемъ бы то ни было умышленное искаженіе историческихъ свѣдѣній).

24. «Лѣтопись Григорія Грабянки собранная и самобитныхъ старожиловъ свѣдительстви утвержденная року 1710». Изд. Кіевск. Времен. Комм. для разбора древнихъ актовъ. Изд. 1854. (Эта лѣтопись, одна изъ подробнѣйшихъ, излагаетъ эпоху Хмельницкаго и событія послѣдовавшаго времени, а о гетманствѣ Мазепы уже говоритъ

при концѣ своемъ, сообщаетъ однако любопытныя свѣдѣнія о войнахъ съ бусурманами и о дѣйствіяхъ Палѣя, но съ 1700 года до измѣны Мазепы включительно ограничивается короткими и неважными извѣстіями).

25. «Исторія Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи и взятія остальныхъ шведскихъ войскъ при Переволочнѣ включительно, сочиненная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, бывшимъ архіепископомъ Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ». Изд. 1788 г. (Это сочиненіе, кромѣ извѣстій о современныхъ событіяхъ, писанныхъ человѣкомъ близко стоявшимъ къ Петру, любопытно и по вѣрной характеристикѣ личности Мазепы).

26. «Otwinowskiego Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, od roku 1696 po rok 1728». Изд. 1849 г. (Въ ряду событій своего времени, совершавшихся въ Польшѣ въ царствованіе Августа II, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся Палѣя и возстанія южнорусскаго народа на правой сторонѣ Днѣпра, а также и личности Мазепы).

27. «Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи». Выпускъ VI. 1877 года (сообщеніе о годѣ рожденія Мазепы).

28. «Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе», составленное Шафонскимъ. Изд. 1851 г.

29. Бантышъ-Каменскаго. «Исторія Малой Россіи», томъ III. Отъ избранія Мазепы до уничтоженія гетманства. Изд. 1842 г.

30. С. Соловьева. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Томы XIV и XV. Изд. 1864—1865 годовъ.

31. «Szujskiego Dzieje Polski», т. IV. Изд. 1866 года.

32. «Ambrożego Grabowskiego Starożytnosci Polskie», 2 tomy. 1840. (Въ числѣ матеріаловъ находится нѣсколько касающихся положенія козаковъ въ концѣ XVII вѣка).

33. «Tagebuch des Generals Patrick Gordon während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen von Jahre 1655 bis 1660 und seiner Aufenthalt in Russland von Jahre 1661 bis 1699 zum erstenmale vollständig veröffentlichet der Fürst M. A. Obolensky und Dr. Posselt». Три тома, изд.

1849 и 1859 г. (Заключаетъ изложеніе событій избранія Мазепы и многихъ иныхъ, происходившихъ въ первые годы его гетманства).

34. «Passages from the diary of Patrick Gordon». Изд. 1859 г. (Извлеченіе изъ того же дневника въ подлинникѣ).

35. «The History of Peter the Great to which is prefixed a short general history of the country from the rise of that monarchy, by Alexandre Gordon». I—II. 1755. (Авторъ былъ сынъ генерала Патрика Гордона, служившій Россіи, одинъ изъ сподвижниковъ Петра).

36. Сочиненіе Густава Адлерфельда, одного изъ приближенныхъ къ Карлу XII особъ. Авторъ пробылъ вмѣстѣ съ своимъ королемъ отъ начала Сѣверной войны до Полтавской битвы, въ которой былъ убитъ. Какъ очевидецъ, онъ по приказанію своего государя велъ записки о военныхъ событіяхъ и, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ, какъ Мазепа передался къ шведскому королю и послѣдовалъ за нимъ: онъ довольно обстоятельно описалъ это замѣчательное событіе. Вообще его разсказъ, вездѣ простой и безпристрастный, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи этой эпохи. Послѣ смерти автора его сочиненіе продолжалъ племянникъ его, Карлъ-Максимиліанъ Адлерфельдъ, описавшій бѣгство Карла XII съ остатками своихъ силъ и Мазепы съ его соумышленниками черезъ степь въ Турцію. Это описаніе присоединено къ прежнему дневнику вмѣстѣ съ запискою о тѣхъ же событіяхъ, составленною Понятовскимъ, полякомъ сторонникомъ шведскаго короля, вмѣстѣ съ послѣднимъ бѣжавшимъ съ Полтавскаго поля въ Турцію, и все издано подъ общимъ именемъ Густава Адлерфельда. Сочиненіе это было еще въ прошломъ столѣтіи переводимо со шведскаго на другіе европейскіе языки. Не зная по шведски, я пользовался переводами на французскій и нѣмецкій. Первый носитъ заглавіе: «Histoire militaire de Charles XII». 4 vol. Paris. 1741. Нѣмецкій переводъ называется такъ: «Leben Karls des Zwölften Königs von Schweden auf

desselben Befehl beschrieben von Herrn Gustav von Adlerfeld königlichen Cammerherrn mit Anmerkungen erläutert und fortgesätzt, wie auch mit nöthigen Abrissen versehen». 1—3. Изд. 1742 года.

37. Сочиненіе Нордберга, бывшаго при королѣ Карлѣ XII лютеранскимъ пасторомъ и придворнымъ проповѣдникомъ. Онъ сопровождалъ короля во всѣхъ походахъ и былъ близкимъ очевидцемъ всѣхъ важнѣйшихъ событій, совершавшихся около воинственнаго государя. Послѣ полтавскаго пораженія онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими соотечественниками, чтобъ избѣжать плѣна отъ калмыковъ, угрожавшаго оставшимся на полѣ, добровольно отдался въ плѣнъ русскимъ. Авторъ составилъ описаніе дѣяній своего короля, котораго изобразилъ въ самомъ свѣтломъ образѣ — великодушнѣйшаго, неустрашимаго и справедливѣйшаго героя. Онъ кромѣ того горячій патріотъ, а потому быть можетъ не вездѣ строго безпристрастенъ. Тѣмъ не менѣе это сочиненіе, излагая шагъ за шагомъ все движеніе Карла XII, проводившаго свое царствованіе въ военныхъ походахъ по чужимъ землямъ, составляетъ одинъ изъ первоклассныхъ источниковъ для обработываемой мною эпохи. Я пользовался французскимъ переводомъ этого сочиненія, который носитъ такое заглавіе: «Histoire de Charles XII». 4 volumes in 4°. La Haye. 1728 года.

38. Сочиненіе Фрикселя, шведскаго историка, написавшаго спеціальную историческую монографію о Карлѣ XII. Онъ пользовался приведенными выше современными записками Адлерфельда и Нордберга, но также и многими неизвѣстными намъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ Стокгольмскихъ архивовъ. Сочиненіе это написано талантливо, добросовѣстно и безпристрастно. На основаніи архивныхъ источниковъ оно передаетъ намъ многое изъ отношеній Карла къ своимъ генераламъ, чего нѣтъ въ другихъ сочиненіяхъ. Авторъ никакъ не менѣе Нордберга патріотъ и любитъ личность Карла XII, но не увлекается этою личностію до того, чтобы не замѣчать ея недостатковъ. Я пользовался нѣмецкимъ переводомъ этого сочиненія, ко-

торый изданъ подъ такимъ названіемъ: «Lebensgeschichte Karls XII». Th. 1—5. Braunschweig. 1861 года.

39. «Wahrhaftige Bericht von der Moscowiter unchristlichen und harten Verfahren gegen S. K. M. von Schweden hohe und niedrige Officiere, Bediente und Unterthanen». Stockholm. 1705 года. (Эта брошюра написана была въ то время, когда между воюющими сторонами начинались было переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ, не приведшіе, однако, къ успѣху. Тогда, въ качествѣ отместки русскимъ за суровое отношеніе къ непріятелямъ, приказано было развести изъ Стокгольма жившихъ тамъ русскихъ плѣнниковъ по другимъ городамъ, подвергнувъ ихъ тамъ тюремнымъ стѣсненіямъ. Авторъ брошюры изображаетъ черными красками жестокость и безчеловѣчіе русскихъ надъ шведами и выставляетъ въ противоположность гуманное и снисходительное обращеніе шведовъ съ русскими плѣнниками).

40. «Engels Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosacken». Изд. 1796 года. (Добросовѣстный трудъ замѣчательнаго по трудолюбію и дарованію плодовитаго нѣмецкаго ученаго, успѣвшаго въ непродолжительное время своей жизни составить исторію почти всѣхъ странъ восточной Европы. По исторіи Украины ему знакомы были преимущественно польско-латинскіе источники).

41. *Русскій Архивъ*, изд. Бартеневымъ. 1863 года. (Путешествіе священника Лукьянова, сообщающаго свѣдѣнія о Палѣѣ).

42. «Motleys the history of the life of Peter I emperor of Russia». V. 1—3. Изд. 1739 года.

43. Катифора, «Житіе Петра Великаго». 4 т. Русскій переводъ XVIII столѣтія.

44. Scherer, «Annales de la Petite Russie ou histoire des Cosaques-Saporogues et des Casaques d'Ukraine». 1 — 2 т. Изд. 1788 года.

45. «Schreiben eines proben Polacken an seines gleichen in Warschau worin er auf grossmächtigen Czar so genannte freundliche Demonstration an die Republique Polen antwor-

tet». 1704 года. (Протестъ противной Петру партіи въ Польшѣ въ эпоху перенесенія туда военныхъ дѣйствій).

46. «Declaratio Sacrae Czaar. Majestatis quo jure et qua intentione exercitum suum in Poloniam introduxerit». Изд. 1705 года.

47. «Gründliche Relation desjenigen so zwischen denen Schweden und Moscowitern seit dem II Dec. vorigen bis zum 31 März lauffenden 1709 Jahres vorgegangen». Изд. 1709 года.

48. Письма Лазаря Барановича.

49. Симоновскій: «Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ».

50. «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли,» Бантышъ Каменскаго. 8 томовъ. Изд. 1836—1847. (Здѣсь помѣщены біографическія свѣдѣнія о лицахъ, бывшихъ сподвижниками Петра Великаго и участниками въ Сѣверной войнѣ, между прочимъ, о самомъ Мазепѣ).

51. Volumina Legum». 1—8 т. (собраніе польскихъ законовъ, между которыми есть относящіеся къ правобережной Украинѣ).

52. «Hermanns Geschichte des Russischen Staats.» 4 т. Изд. 1849 г.

53. «Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи». Собралъ Л. Пахилевичъ. Изд. 1864 года.

54. «Списокъ населенныхъ мѣстностей Россіи, изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ». Томы: 13-й (Екатеринославская губернія), 33-й (Полтавская), 41-й (Таврическая), 46-й (Харьковская), 47-й (Херсонская), 48-й (Черниговская).

55. «Украинскія народныя пѣсни», собранныя М. Максимовичемъ. Изд. 1834 года.

56. «Малорусскіе преданія и разсказы», собран. Драгомановымъ. Изд. 1876 года.

Полтавское пораженіе шведскихъ силъ, сдача остального шведскаго войска подъ Переволочною и бѣгство ко-

роля въ Турцію подали поводъ къ появленію брошюръ, спеціально описывавшихъ эти громкія событія, надѣлавшія въ свое время величайшаго шума во всей Европѣ. Изъ такихъ брошюръ были у меня подъ руками:

57. «Umständliche Bericht der unglücklichen schwedischen Niederlage bey Pultawa den 27 Juni 1709». Изд 1710 года.

58. «Ausführliche Relation von der den 27 Juni 1709 zwischen ihre Czaar. Majestät und des Königes von Schweden Armee ohnweit Pultawa vorgefallenen Bataille». Изд. 1709 года.

59. Vollständige Nachricht von den Siegreichen Treffen I. Gross. Czaar. Maj. gegen die schwedische Armee zwischen Pultawa und Potruka den 29 Juni 1709».

60. «Mars Moscowiticus oder das Moscowitische Kriegsglück wie es endlich S. Czar. Maj. Petrum Alexiowitz statlich secundiret und nach derbey Pultawa erhaltenen herrlichen Victorie in Moscau eingeführt hat.» Изд. 1710 года.

61. «Stettinisch Postzeitung von 17 Oktober mitbringend was von der Königlichen schwedischen Armee in Russland vorgefallen». 1708.

62. «Extract-schreiben an S. Czaar. Maj. des Feldmarschal Menschikow von der Niederlage den noch übriegen aus der Bataille bey Pultawa nach Turckey salwirten Truppen». 1709.

63. «Umständlicher, glaubwürdiger und ausführlicher Bericht der unglücklichen schwedischen Niederlage bey Pultawa den 27 Iuni st. v. 1709, geschrieben ans Breslau anno 1710».

64. «Specification derer schwedische Truppen so an ihre Durchleucht dem Fürsten Menschikow der 30 Iuni 1709 bey Perewoloczna als Kriegsgefangene sich ergeben haben», 1709.

Долгомъ считаю засвидѣтельствовать свою глубокую признательность г. директору Московскаго Главнаго Архива

Иностранныхъ Дѣлъ, барону Ѳ. А. Бюлеру, и вообще всѣмъ гг. начальствующимъ и служащимъ въ архивахъ, въ которыхъ я былъ допущенъ,—за доброе и обязательное вниманіе ко мнѣ во время моихъ занятій матеріалами для составленія настоящей монографіи.

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стр.	Напечатано.	Читать.
33	27	Тарененко.	Тараненко.
—	35	впослѣдствія	впослѣдствіи
73	16	Іосифъ	Іоасафъ
118	7 и 8	Абазинъ	Абазынъ
141	21	Ефима	Евфима
456	9	Миргородскій полковникъ Кгалаганъ.	Миргородскій полковникъ Апостолъ.—Кгалаганъ.
604	32	Руссовъ	Русовъ
614	16	Григорій	Игнатъ
—	30	оъ	онъ
640	9	Ласогскій	Лисовскій
645	28	прабережная	правобережная
667	38	благослевеніе	благословеніе
670	36	Горленк	Горленко

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе Мазепы.—Его юность.—Пребываніе при польскомъ королевскомъ дворѣ.—Приключеніе съ Фальбовскими.—Переходъ Мазепы къ козакамъ.—Событія въ его жизни до избранія въ гетманы. Избраніе.—Укрощеніе своевольствъ.—Поступокъ съ имуществомъ Самойловича.—Постройка Новобогородска.—Недовольство запорожцевъ.—Преслѣдованіе сторонниковъ Самойловича.—Нерасположеніе гетмана къ митрополиту Гедеону Четвертинскому, его племяннику и нѣкоторымъ старшинамъ.—Первый доносъ на гетмана.

По извѣстію, доставленному въ Археографическую коммиссію графомъ Брюэль-Плятеромъ, Иванъ Степановичъ Мазепа-Колединскій, шляхетнаго происхожденія герба Бончъ, родился въ 1629 г. [1]). Сообщеніе это имѣетъ вѣсъ: графъ Брюэль-Плятеръ—самъ владѣлецъ архива князей Вишневецкихъ и кромѣ того всегда находился въ сношеніяхъ съ другими польскими владѣльцами старинныхъ архивовъ; но это сообщеніе, не подтвержденное никакими современными свидѣтельствами, противорѣчитъ шведскимъ извѣстіямъ тѣхъ современниковъ, которые близко видѣли и знали Мазепу въ 1708 году; они говорятъ, что тогда было ему 64 года отъ рожденія, тогда какъ ему должно было быть 79 лѣтъ, еслибъ онъ родился въ 1629 году.

[1]) Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи, вып. VI, 1877 г. стр. 44.

Очень можетъ быть, что оба извѣстія не вполнѣ точны, какъ это читатель замѣтитъ изъ нѣкоторыхъ чертъ его жизни.

По общему мнѣнію современниковъ, Мазепа былъ уроженцемъ изъ малороссійскаго края и увидѣлъ впервые божій свѣтъ въ селѣ Мазепинцахъ, лежащемъ недалеко отъ Бѣлой-Церкви, на рѣкѣ Каменкѣ. Это имѣніе пожаловано было въ 1572 году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепѣ-Колединскому, съ обязательствомъ отправлять за него службу по старостиву Бѣлоцерковскому [1]. Самъ Иванъ Степановичъ, будучи уже гетманомъ, сообщалъ въ Малороссійскій Приказъ, что у родителей его было двое дѣтей—сынъ и дочь, и отецъ отправилъ сына, т. е. его, Ивана Степановича, на воспитаніе ко двору Яна-Казимира, гдѣ онъ былъ «покоёвымъ». Король послалъ его въ числѣ трехъ молодыхъ шляхтичей куда-то за границу для образованія на три года: король Янъ-Казимиръ имѣлъ обыкновеніе каждый годъ высылать съ этою цѣлью трехъ молодыхъ людей шляхетскаго званія на королевскій счетъ [2]. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ 1659 году, мы встрѣчаемъ Мазепу въ качествѣ королевскаго придворнаго съ важнымъ порученіемъ къ гетману козацкому Ивану Выговскому, а въ слѣдующихъ годахъ—къ гетманамъ Юрію Хмельницкому и (въ 1663 г.) къ Павлу Тетерѣ [3]. Видно, что хотя онъ былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, но уже пользовался довѣріемъ короля, какъ человѣкъ умный и сметливый [4]. Несомнѣнно, въ то время онъ былъ вѣренъ

[1] *Пахилевича*: „Сказ. о насел. мѣстн. Кіевской губерніи", стр. 108.

[2] *Otwinowski*: „Dzieje Pols. pod panow. Aug. II", т. II, стр. 169.

[3] Памятники Кіевской врем. коммиссіи, томъ III, отд. 3, стр. 362 и 366; томъ IV отд. 3, стр. 271.

[4] Еслибы Мазепѣ въ 1708 году было 64 года, то въ 1659 г. было бы ему не болѣе 15 лѣтъ: едва ли въ такомъ юномъ возрастѣ онъ

польской власти. Вскорѣ съ нимъ случились событія, побудившія его удалиться отъ двора королевскаго и потомъ вовсе изъ Польши.

Разсказываютъ, что этотъ молодой человѣкъ, по своему времени отлично воспитанный, пріобрѣлъ при королевскомъ дворѣ свѣтскій лоскъ и, притомъ одаренный красивою наружностью, имѣлъ способность нравиться женщинамъ; онъ завелъ тайную связь съ одной госпожей, но мужъ послѣдней, подмѣтивъ это, приказалъ схватить Мазепу, привязать къ лошадиному хвосту и пустить въ поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная къ господину изъ Украины, очутившись на волѣ, понеслась съ привязаннымъ къ ея хвосту человѣкомъ въ украинскія степи. Козаки нашли его полумертвымъ отъ боли и голода, привели въ чувство и онъ, оправившись, остался между козаками [1]). Другой историкъ, Стебельскій, разсказываетъ тотъ же анекдотъ, прибавляя, что господинъ, съ женою котораго былъ въ связи Мазепа, раздѣлъ его дò-нага, облилъ дёггемъ, обсыпалъ пухомъ, посадилъ на дикую лошадь, привязавъ его къ ней веревками и пустилъ на произволъ судьбы [2]). Подобное излагается и въ исторіи Отвиновскаго [3]).

могъ уже окончить трехлѣтнее образованіе за границею и получать отъ короля важныя порученія. Но еслибъ ему въ 1708 году было уже 79 лѣтъ, то, принимая во вниманіе, что назадъ тому четыре года онъ заводилъ любовныя интриги,—кажутся странными такіе поступки въ подобномъ возрастѣ.

[1]) *Симоновскій*: „Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ", стр. 116.

[2]) *Бантышъ-Каменскій*: „Исторія Малой Россіи", т. III, прим. 7.

[3]) Въ Бельзскомъ воеводствѣ Мазепа втерся къ женѣ своего сосѣда, который, поймавши Мазепу въ ночное время, обнажилъ его и приказалъ, привязавши къ столбу, высѣчь розгами, а потомъ съ ногъ до головы вымазать смолою и обсыпать пухомъ. Сдѣлавши изъ него чудовище, панъ посадилъ Мазепу на необученную лошадь спиною къ головѣ, а лицомъ къ хвосту, ноги же подвязалъ къ бокамъ лошади и въ такомъ видѣ пустилъ по большой дорогѣ. Съ наступленіемъ дня,

Это разсказано подробнѣе и правдоподобнѣе въ запискахъ Паска, служившаго разомъ съ Мазепою при дворѣ Яна-Казимира и сообщающаго нѣсколько свѣдѣній о молодости Мазепы. По его извѣстіямъ, въ 1661 году Мазепа, находясь при королевскомъ дворѣ, оговорилъ передъ королемъ своего товарища Паска, будто послѣдній, по порученію короннаго войска, находившагося тогда во враждѣ съ королемъ, ѣздилъ къ войску литовскому подущать его противъ своего государя. Паска арестовали, разобрали дѣло, оправдали и король подарилъ ему 500 червонцевъ, а Мазепа былъ временно удаленъ отъ двора, но скоро опять былъ допущенъ. Въ слѣдующемъ 1662 году Пасекъ, не забывая причиненнаго ему оскорбленія и будучи навеселѣ, ударилъ Мазепу; Мазепа схватился за оружіе. Бывшіе при этомъ свидѣтелями придворные не приняли сторону Мазепы, потому что не любили и не уважали его: онъ былъ «козакъ» и въ ихъ глазахъ «не слишкомъ-то благородный» (nie bardzo nobilitowany). Драка во дворцѣ, да еще въ преддверіи покоевъ, гдѣ находился тогда король, считалась большимъ преступленіемъ, но король, услыхавши объ этомъ, сказалъ: «Клевета показывается больнѣе раны. Хорошо еще, что не столкнулись между собою гдѣ-нибудь на дорогѣ». Онъ призвалъ къ себѣ Паска и Мазепу, приказалъ имъ передъ своими глазами обняться и простить другъ другу взаимныя оскорбленія [1]).

На слѣдующій 1663 годъ Мазепа вышелъ изъ Польши, по

лошадь принесла Мазепу въ мѣстечко, гдѣ происходила ярмарка. Было много наѣхавшаго русскаго народа. Увидавши Мазепу, всѣ подумали, что это ѣдетъ дьяволъ, и разбѣгались во всѣ стороны, а русскіе попы, вышедши на улицу, стали осѣнять его крестнымъ знаменіемъ. Въ это время лошадь, зацѣпившись за возъ, споткнулась; Мазепа развязался и упалъ на землю. Освободившись отъ такой бани, онъ со стыда ушелъ за Днѣпръ и тамъ съ теченіемъ времени сталъ гетманомъ всей заднѣпровской стороны (*Otwinowski*, стр. 169).

[1]) „Pamiętniki Chr. Paska“, стр. 133—209.

выраженію Паска, со срамомъ. Пасекъ описываетъ въ такомъ видѣ приключеніе съ чужой женой и ревнивымъ мужемъ. На Волыни была у Мазепы деревушка; по сосѣдству съ нимъ жилъ въ своемъ имѣніи какой-то панъ, по фамиліи Фальбовскій. Проживая временно въ своей деревнѣ, Мазепа втерся въ домъ къ Фальбовскому, понравился женѣ его и сталъ бывать тамъ часто въ такое время, когда хозяина не было дома. Домашніе слуги донесли пану, что Мазепа и пани Фальбовская пересылаются между собою записками, а при свиданіи наединѣ бесѣдуютъ. Панъ Фальбовскій, не сказавши ничего женѣ, попрощался съ нею, какъ будто отправляясь куда-то далеко, и выѣхалъ со двора. Отъѣхавши немного, онъ остановился на той дорогѣ, по которой, какъ ему донесли, Мазепа ѣздилъ къ женѣ его. Вдругъ бѣжитъ обычный посланецъ съ запиской отъ жены къ Мазепѣ: это былъ тотъ самый слуга, который открылъ пану о связи его жены съ Мазепою. Панъ Фальбовскій взялъ у слуги женину записку и прочиталъ въ ней любезное приглашеніе Мазепѣ, съ извѣщеніемъ, что мужъ уѣхалъ въ далекій путь. Фальбовскій возвратилъ записку посланцу и сказалъ: «Поѣзжай и проси отвѣта. Скажи, что пани приказала скорѣе!» Слуга поѣхалъ далѣе съ запискою, а панъ остался ждать на мѣстѣ, такъ какъ до Мазепина двора оттуда не было и двухъ миль. Исполнивши свое порученіе, посланецъ ворочался назадъ съ отвѣтною запискою Мазепы, въ которой было обѣщаніе пріѣхать тотчасъ. Не много прошло времени, какъ ѣдетъ и самъ Мазепа Встрѣтились, повидались, какъ добрые знакомые. —«Куда ѣдете, ваша милость?» спрашивалъ панъ Фальбовскій.—Мазепа назвалъ какое-то иное мѣсто.—«Ко мнѣ прошу заѣхать!» сказалъ панъ Фальбовскій.—Мазепа отговаривался тѣмъ, что ему надобно спѣшить въ названное имъ мѣсто, и при этомъ замѣтилъ: «Да вѣдь и вы, пане, я вижу, также куда-то ѣдете».—Тутъ панъ Фаль-

бовскій хватаетъ Мазепу за шиворотъ, показываетъ его записку къ своей женѣ и говоритъ: «А это что?»—Мазепа сталъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣрялъ, что ѣдетъ къ нему въ домъ въ его отсутствіе въ первый разъ.—«Хлопъ!—сказалъ Фальбовскій слугѣ, который недавно возилъ къ Мазепѣ записку,—сколько разъ этотъ господинъ бывалъ въ моемъ домѣ безъ меня?»—Служитель отвѣчалъ: «столько разъ, сколько у меня волосъ на головѣ».—Фальбовскій сказалъ Мазепѣ: «Выбирай теперь себѣ родъ смерти»!—Мазепа просилъ не убивать его и во всемъ признался. Фальбовскій приказалъ ему раздѣться до-нага, посадилъ на собственномъ конѣ безъ сѣдла, оборотивши лицомъ къ хвосту, а затылкомъ къ головѣ лошади, приказалъ связать ему руки назадъ, а ноги подвязать веревками подъ брюхо лошади, потомъ велѣлъ коня, пылкаго по натурѣ, напугать крикомъ и ударами плети, да въ добавокъ произвести у него надъ самыми ушами нѣсколько выстрѣловъ. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой тропинкѣ, которая шла зарослями посреди шиповника, дикихъ грушъ и терновыхъ кустовъ. Даже и тотъ, кто бы держалъ поводья въ рукахъ, долженъ былъ, ѣдучи по этой тропинкѣ, безпрестанно нагибаться и уклоняться отъ колючихъ растеній, иначе могла задѣть его по головѣ вѣтка или разодрать платье; а каково-то было, говоритъ описатель, голому, посаженному задомъ къ конской головѣ, сидѣть на конѣ, когда тотъ отъ испуга и боли летѣлъ, что есть духу!... Мазепу, когда онъ выѣхалъ изъ дому, провожало двое или трое служителей, но панъ Фальбовскій не пустилъ ихъ съ господиномъ, чтобъ они не могли спасать его. Конь донесъ Мазепу до воротъ его двора еле живого. Мазепа кричитъ, зоветъ сторожа: сторожъ, послышавши голосъ хозяина, отворилъ было ворота, но какъ увидалъ на конѣ пугало, тотчасъ затворился и спрятался. Мазепа зоветъ дворню: дворня выглядываетъ изъ-за дверей и

только крестится. Мазепа увѣряетъ людей, что онъ ихъ господинъ, но они ему не вѣрятъ, и съ большимъ трудомъ могъ онъ объясниться съ ними, пока его впустили во дворъ прозябшаго и исколотаго до крови [1]).

Пасекъ, личный недоброжелатель Мазепы, говоритъ, что именно послѣ этого происшествія онъ покинулъ навсегда Польшу отъ стыда. Но лѣтопись Величка, сообщающая между прочимъ, что Мазепа поступилъ ко двору Яна-Казимира уже послѣ того, какъ обучался въ Кіевѣ риторикѣ, а потомъ гдѣ-то философіи, и при своихъ природныхъ способностяхъ получилъ всестороннее образованіе («яко былъ бѣглецъ во всякихъ рѣчахъ»), говоритъ, что Мазепа оставилъ придворную службу тогда, когда король Янъ-Казимиръ предпринялъ походъ съ войскомъ на лѣвую сторону Украины подъ Глуховъ и на пути остановился въ Бѣлой-Церкви, слѣдовательно въ концѣ 1663 года. Здѣсь Мазепа отклонился отъ войска короля и остался при своемъ старомъ отцѣ, жившемъ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Мазепинцахъ. Когда Павло Тетеря, считавшійся съ польской стороны козацкимъ гетманомъ, убѣжалъ въ Польшу, а козацкимъ предводителемъ сталъ Петро Дорошенко, Иванъ Степановичъ Мазепа присталъ къ послѣднему и тотчасъ обратилъ на себя его вниманіе своими способностями и ловкостью («для своей ростропности и цѣкавости»). Сперва онъ сдѣланъ былъ ротмистромъ гетманской надворной компаніи, потомъ получилъ чинъ писаря [2]). Будучи у Дорошенка, Мазепа вступилъ въ бракъ съ богатою вдовой Фридрикевичъ, у которой отъ перваго брака былъ сынъ по имени Крыштофъ. Бракъ этотъ совершился въ Корсунѣ. Намъ неизвѣстно, какое имя носила его жена по родителямъ но она была родственница прилуцкому полковнику Горленку.

[1]) Ibidem, стр. 213—214.

[2]) *Величко:* „Лѣтопись“, т. II, стр. 342.

Ukrainian library stamp

Дальнѣйшія событія жизни этого человѣка—его первое прибытіе въ Переяславъ къ гетману Самойловичу въ качествѣ посла отъ Дорошенка, его посылка въ Турцію съ невольниками, когда онъ былъ схваченъ на дорогѣ запорожцами, его отправленіе въ Москву, гдѣ онъ, дѣйствуя во вредъ Дорошенку, съумѣлъ поддѣлаться въ довѣріе московскимъ боярамъ, его многолѣтнее пребываніе при гетманѣ Самойловичѣ сперва въ званіи войсковаго товарища, потомъ въ чинѣ генеральнаго асаула, наконецъ его интриги, употребленныя имъ передъ всемогущимъ временщикомъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ для погубленія гетмана Самойловича, — все это изложено въ нашемъ сочиненіи «Руина», напечатанномъ въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1879—1880 годахъ, — сочиненіи, котораго непосредственнымъ продолженіемъ должна признаваться настоящая монографія.

По низложеніи Самойловича (20 іюля 1687 года) назначенъ былъ день 25 іюля днемъ избранія новаго гетмана. Наканунѣ, 24 числа іюля, передъ вечеромъ, нѣсколько великорусскихъ полковъ и стрѣльцы, по приказу князя Голицына, двинулись на широкую ровную возвышенность, господствующую надъ рѣкою Коломакомъ близъ козацкаго стана. Они разбили царскій шатеръ во ста саженяхъ отъ стана, поставили окола шатра стулья и скамьи, а передъ самимъ шатромъ—небольшой столикъ, покрытый ковромъ.

На другой день, 25 іюля, около 10 часовъ утра, вышелъ туда главнокомандующій князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ боярами [1]), а за ними слѣдовали великорус-

[1]) Алексѣемъ Сем. Шеинымъ, кн. Влад. Дмитр. Долгоруковымъ, Конст. Осип. Щербатовымъ, окольничими: Венедиктомъ Андр. Зміевымъ и кн. Даниломъ Аѳан. Барятинскимъ; думными дворянами: Иваномъ Юр. Левонтьевымъ и Аггеемъ Алексѣев. Шепелевымъ, стольникомъ кн. Бор. Евфим. Мышецкимъ, думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игн. Украинцевымъ и дьяками разрядовъ.

скія ратныя силы разрядовъ Рязанскаго и Новгородскаго. Разомъ съ ними понесли «клейноты» (знаки гетманскаго достоинства): бунчукъ, булаву и царское знамя. Толпы козаковъ—конныхъ въ 800 человѣкъ и пѣшихъ въ 1,200—приблизились къ шатру. Изъ нихъ вызвано было нѣсколько знатнѣйшихъ чиновныхъ особъ и они, вслѣдъ за боярами, отправились въ походную церковь, куда понесли и гетманскіе «клейноты». Въ этой церкви совершено было архимандритомъ, протопопомъ и священниками непродолжительное молебствіе съ освященіемъ «клейнотовъ». Послѣ того всѣ вышли изъ церкви. Клейноты положены были на столѣ передъ шатромъ, поставили тамъ образъ Всемилостиваго Спаса, положили крестъ и Евангеліе. Бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ сталъ на скамью и возвѣстилъ козакамъ, что по ихъ челобитью цари и великіе государи прислали свой милостивый указъ, чтобъ Ивану Самойловичу гетманомъ у нихъ не быть, а на его мѣсто избрать другаго, кого они, старшины, и все войско излюбятъ и вольными голосами изберутъ. Затѣмъ была прочтена дьякомъ царская грамота въ такомъ же смыслѣ.

Козаки крикнули:

«Рады за великихъ государей умирать и кровь свою проливать, и въ подданствѣ у нихъ желаемъ быть вѣчно».

«Козаки!—сказалъ Голицынъ,—по вашему извѣчному обычаю, изберите себѣ гетмана вольными голосами, объявите, кого желаете избрать гетманомъ».

Нѣсколько минутъ было тихо. Наконецъ, стоявшіе ближе произнесли имя Ивана Мазепы. Они, конечно, знали, что могущественный временщикъ расположенъ къ нему и желаетъ доставить ему гетманское достоинство. Имя это стало быстро произноситься и по задней толпѣ. Немногіе голоса произнесли было имя обознаго, Василія Борковскаго, но его тотчасъ заглушили крики: «Мазепа, Мазепа нехай буде гетманъ!» Мазепа, съ его изумительнымъ умѣнь-

емъ влѣзать всѣмъ въ душу, успѣлъ уже расположить къ себѣ многихъ, независимо отъ того, что большая часть готова была признать его гетманомъ, зная, что того хочетъ Голицынъ.

Нѣсколько разъ князь Голицынъ повторялъ свой вопросъ и нѣсколько разъ, въ отвѣтъ ему, прогремѣло имя Ивана Мазепы. Затѣмъ думный дьякъ взошелъ на скамью и прочелъ прежде статьи, на которыхъ отдавался Московскому Государству гетманъ Богданъ Хмельницкій въ Переяславѣ: эти статьи составляли основной законъ, по которому край малороссійскій сдѣлался частью русской державы; потомъ прочитаны были новыя статьи: то были царскія рѣшенія на пункты въ челобитной, поданной передъ тѣмъ козаками. Объявлялось, что новоизбранный гетманъ со всѣми старшинами долженъ будетъ подписать эти статьи и сообразно съ ними принести присягу на вѣрность. Обозный Борковскій, какъ знатнѣйшее по чину лицо послѣ гетмана, отвѣчалъ отъ имени цѣлаго козачества согласіемъ. Затѣмъ старшины подписали предложенныя статьи, а новоизбранный гетманъ передъ крестомъ и Евангеліемъ произнесъ присягу въ знакъ своего вступленія въ высокую должность [1].

Послѣ этого совершался обрядъ, отправлявшійся при избраніи каждаго гетмана. Государевъ ближній бояринъ вручалъ Мазепѣ гетманскіе «клейноты» съ приличными изреченіями. По окончаніи обряда всѣ великоруссы двинулись въ свой станъ, а новоизбранный гетманъ провожалъ Голицына и прочихъ бояръ до половины дороги. Въ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ дней. новый гетманъ угощалъ боярина, всѣхъ великорусскихъ начальныхъ лицъ и своихъ старшинъ. Много было тогда выпито съ произнесеніемъ заздравныхъ пожеланій, дано было пять залповъ изъ ору-

[1]) „Собр. Госуд. Гр и Дог.", т. IV, стр. 546.—*Gordon*: *Tagebuch*, т. II, стр. 190.

дій, а по окончаніи пира одарили 15 знатныхъ особъ. 29 іюля выступилъ гетманъ съ козаками и двумя пѣшими великорусскими полками; сверхъ того съ нимъ отправился конный полкъ смоленской шляхты, который, для усмиренія возникшаго въ Малороссіи своевольства, долженъ былъ находиться при гетманѣ до тѣхъ поръ, пока гетманъ найдетъ возможнымъ отпустить его [1]).

Всѣхъ новыхъ статей, составлявшихъ прибавленіе къ статьямъ гетмана Хмельницкаго, было 22. Большая часть ихъ повторяетъ то, что уже постановлялось при избраніи прежнихъ гетмановъ по челобитнымъ отъ козаковъ, всегда добивавшихся сохраненія своихъ вольностей—льготъ отъ всякихъ податей и повинностей, возлагаемыхъ исключительно на мѣщанъ и поспольство, неподсудности воеводамъ, права владѣть имѣніями по жалованнымъ грамотамъ, права вольнаго избранія гетмана. Гетманъ не долженъ былъ смѣнять старшинъ безъ царскаго указа, хотя виновныхъ дозволялось ему казнить смертью по своимъ правамъ, донося о томъ государю. Число войскъ оставлялось на волю рады, но жалованье реестровымъ—по 30 злотыхъ рядовому козаку—полагалось только въ комплектѣ тридцати тысячъ. Подтверждалось также содержаніе полка въ 1.000 человѣкъ для укрощенія своевольныхъ, которые, оставя свои работы, назывались козаками и производили въ краѣ шатость и измѣну, а для охраненія гетманской особы въ Батуринѣ полагалось быть стрѣлецкому полку съ тѣмъ, чтобы гетманъ выдавалъ на содержаніе его хлѣбный запасъ. Козаки, въ своей челобитной, домогались и теперь, какъ бывало при прежнихъ избраніяхъ, дозволенія принимать иноземныхъ пословъ; но правительство отказало и при этомъ было присовокуплено: такъ какъ съ Польшею заключенъ уже вѣчный миръ, то гетманъ и старшины

[1]) *Gordon*, т. II, стр. 191.

должны смотрѣть, чтобы жители малороссійскаго края довольствовались городами, отшедшими въ царскую сторону, и отнюдь не вступались бы въ тѣ города, которые оставлены по вѣчному мирному договору подъ властію польскаго короля; если-жъ бы съ польской стороны оказалась какая-нибудь противность, то гетманъ и старшины обязаны писать о томъ къ великимъ государямъ, но сами не должны нарушать мира съ поляками. Съ крымскимъ ханомъ русская держава находилась еще въ открытой войнѣ и потому малороссійскому правительству вмѣнялось въ обязанность по надобности посылать военныя силы противъ татаръ. Для удержанія татарскихъ набѣговъ положено было построить укрѣпленные городки на Днѣпрѣ противъ Кодака, на рѣкахъ: Самарѣ, Орели и на устьяхъ Берестовой и Орчика, а населять ихъ малороссійскими жителями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, до окончанія войны съ Крымомъ, запрещалось запорожцамъ и всѣмъ малороссійскимъ жителямъ вести торговыя сношенія съ татарами [1]). Старшины, въ своей челобитной, просили, чтобъ имущество отрѣшеннаго Самойловича отдано было въ войсковую казну, но правительство рѣшило отдать туда только половину, а другую обратить въ казну великаго государя.

Гетманъ съ береговъ Коломака отправился къ Гадячу и тамъ появлялись къ нему владѣльцы маетностей и арендаторы съ жалобами на буйную чернь, которая многихъ торговцевъ и вообще зажиточныхъ людей ограбила, а иныхъ даже и умертвила. Открывалось, что къ такимъ своевольствамъ подучали посполитство тѣ козаки, которые еще до избранія новаго гетмана тотчасъ по отрѣшеніи Самойловича ушли изъ обоза, стоявшаго на берегу Коломака. По гетманскому указу полковники и сотники въ своихъ вѣдомствахъ принялись ловить своевольныхъ, сажать ихъ

[1]) „Собр. Госуд. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 543—558.

въ тюрьмы и производить надъ ними розыски. Тогда въ разныхъ полкахъ эти розыски сопровождались большими жестокостями. Тѣмъ, которые признаны были главными зачинщиками и возмутителями, ломали руки и ноги, другихъ казнили менѣе мучительною смертью—отрубали головы или вѣшали, у иныхъ въ наказаніе отнимали имущества, а нѣкоторыхъ, увлеченныхъ въ преступленіе по неразумѣнію, били палками, выражаясь, что изъ нихъ выбивали глупость [1]). Наконецъ гетманъ разослалъ повсюду универсалъ, которымъ предоставлялъ каждому, кто потерпѣлъ отъ кого-либо оскорбленіе, искать на противникѣ судомъ, а не прибѣгать къ самоуправству [2]).

Гетманъ изъ Гадяча, вмѣстѣ съ генеральными старшинами, прибылъ въ свой Батуринъ и оттуда отослалъ данный ему отрядъ смоленской шляхты, удержавши при себѣ только тѣхъ стрѣльцовъ, которые, по царской волѣ, назначались оберегать его особу.

Тогда произведенъ былъ осмотръ и раздѣлъ имущества низложеннаго Самойловича. Изъ Москвы пріѣхалъ царскій чиновникъ, который долженъ былъ забрать изъ этого имущества половину, слѣдуемую въ казну. Не мало было этого имущества; оно, кромѣ денегъ, состояло въ металлической посудѣ, мужскихъ и женскихъ одеждахъ, украшеніяхъ, мѣхахъ, оружіи, сбруѣ. Раздѣлъ длился нѣсколько недѣль. По свидѣтельству современника [3]), иное еще и до раздѣла, а иное и послѣ раздѣла изъ этого имущества было самовольно похищено роднею гетмана и его слугами; нѣкоторые присвоили себѣ кое-что и съ дозволенія самого гетмана. Тогда оказались такія особы, которыя при прежнемъ гетманѣ находились почти въ нищетѣ, а при новомъ гетманѣ вдругъ явились владѣтелями состоянія въ

[1]) *Величко*, т. III. стр. 54.

[2]) „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 79.

[3]) *Величко*, т. III, стр. 55.

нѣсколько тысячъ злотыхъ. Величко говоритъ, что самъ онъ лично зналъ такихъ и вспоминаетъ о двухъ: объ одномъ запорожцѣ, бывшемъ у гетмана покоёвымъ, а о другомъ—цирюльникѣ. Такіе счастливцы обогатились отъ крупицъ, падавшихъ къ нимъ изъ сокровищницы Самойловича, которая въ воображеніи современниковъ принимала баснословные размѣры. Недаромъ несчастнаго гетмана обвиняли въ алчности и грабительствѣ: обильны были его палаты и кладовыя всякаго рода драгоцѣнными вещами, какъ показываетъ сохранившаяся опись; много было у него экипажей, лошадей, скота и стадъ. Половина, какъ говорятъ, не пошла ни въ царскую казну, ни въ войсковой скарбъ. Мазепа не установилъ особаго войсковаго «скарбника» для наблюденія вообще за войсковою казной, а старшины тоже не обратили тогда на этотъ важный вопросъ вниманія, предоставляя новому гетману завѣдывать войсковою казной по своему произволу, какъ бывало и при Самойловичѣ, даромъ что послѣднему было поставлено это въ вину. У новаго гетмана были свои слуги, которымъ онъ довѣрялъ приходы и расходы, и только въ опредѣленные сроки давалъ отчетъ собранію старшинъ и полковниковъ, но тѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно только одобряли поступки гетмана. Отъ этого выходило, что собственно съ гетманскими доходами обращались очень экономно, а войсковая казна тратилась не только на содержаніе охотнаго войска и на жалованье козакамъ, но и на частныя прихоти гетмана и его двора, а также и на всякіе подарки [1]). Чтобы расположить къ себѣ старшинъ, гетманъ, послѣ своего водворенія въ Батуринѣ, учреждалъ чуть не каждый день пиры для старшинъ и полковниковъ и обдаривалъ гостей своихъ на счетъ Самойловичевой сокровищницы [2]). Самому князю Василію

[1]) Ibid., стр. 56,

[2]) Ibid., стр. 54.

Васильевичу Голицыну, въ благодарность за оказанное покровительство при своемъ избраніи, Мазепа заплатилъ 10,000 руб. изъ того же источника [1]).

Вторая половина 1687 года проводилась въ веселыхъ пирахъ и празднествахъ въ Батуринѣ, а съ ранней весны 1688 года принялись за построеніе городковъ сообразно статьѣ договора, утвержденнаго на избирательной радѣ. Важнѣйшій изъ этихъ городковъ на берегу Самары начать былъ въ мартѣ, а оконченъ къ августу того же года. Постройкою завѣдывалъ самъ гетманъ съ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ и Григоріемъ Ивановичемъ Косаговымъ. Московское правительство думало производить эту постройку, сгоняя на работу малороссійское посполиство, но гетманъ нашелъ неудобнымъ отрывать народъ отъ лѣтнихъ работъ и предпочелъ исполнить это дѣло козаками по выбору изъ шести полковъ. Работою занято было до двадцати тысячъ рукъ. Городокъ этотъ былъ расположенъ на русской сторонѣ рѣки Самары, выше Вольнаго-Брода и ниже другаго *брода*, называемаго Песчанымъ [2]). Гетманъ доносилъ, что эта крѣпость будетъ «въ окрестныхъ государствахъ явна и славна, великимъ государямъ къ чести, а непріятелямъ страхъ и разореніе» [3]). Гетманъ, по царскому указу, приглашалъ универсалами охотниковъ, какъ изъ малороссіянъ, такъ изъ великороссіянъ, поселиться у новопостроеннаго укрѣпленія; мѣста для поселенія отводились за крѣпостнымъ валомъ. Въ рединѣ городка построена была деревянная церковь во имя Живоно-

[1]) Записка *Голицына*, хранящаяся въ Государств. Архивѣ.

[2]) Крѣпость была въ „пошвѣ“ осьмнадцать саженъ, вышина вала до щита—2 сажени, щита—извнѣ полъ-сажени, извнутри—въ сажень, отъ городовой стѣны до рва разстоянія 2 сажени, ровъ шириною въ 5 саж., глубиною—3 саж.; всей городовой стѣны 376 саженей. Укрѣпленія были земляныя съ выводами (Донесеніе гетмана отъ 18 августа 1688 г., Арх. Ин. Дѣлъ).

[3]) Архивъ Ин. Дѣлъ, № 72.

снаго Источника Пресвятыя Богородицы, отчего и городокъ названъ былъ Новобогородскомъ [1]). Воеводою оставленъ былъ Косаговъ съ тысячью ратныхъ людей, но вскорѣ замѣнилъ его Волконскій, а Косагову велѣно быть снова въ знакомомъ ему Запорожьѣ [2]).

Постройка городка на Самарѣ произвела волненіе между запорожцами. Мазепа это предвидѣлъ и потому, собираясь строить городокъ, старался не допускать объ этомъ вѣсти до Запорожья, но объ этомъ сообщилъ туда, бывшій въ въ Москвѣ посланцемъ изъ Сѣчи, Липохой [3]). Тамъ сдѣлалось волненіе уже весной, и кошевой Григорій Сагайдачный писалъ гетману, что все Войско низовое бьетъ челомъ великимъ государямъ, чтобы не строить городковъ въ державѣ Войска низоваго, гдѣ у запорожцевъ есть достояніе—свои рощи и пасѣки [4]). Гетманъ отвѣчалъ, что городокъ строится въ виду предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій противъ татаръ, какъ временное складочное мѣсто боевыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы постоянно занять край и наносить убытки запорожцамъ въ ихъ рыбныхъ и пчелиныхъ промыслахъ [5]). Для успокоенія кошевого, гетманъ послалъ ему въ даръ 1,000 червонныхъ [6]). Запорожское недовольство, какъ всегда бывало, ограничивалось только временными криками. Всегда искали запорожцы повода волноваться, но скоро и успокоивались.

Важнѣе было то, что каждое волненіе въ Запорожьѣ легко и быстро отражалось въ гетманщинѣ. Городовые козаки не имѣли такихъ причинъ быть недоволь-

[1]) Нынѣ Новомосковскъ. Закладка церкви происходила 23 апрѣля (въ пятницу на святой недѣлѣ, когда празднуется Живоносный Источникъ), а освященіе церкви и крѣпости—1 августа.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ № 86.

[3]) Ibid., № 37.

[4]) Ibid., № 55.

[5]) Ibid., № 70. Письмо Мазепы къ кошевому отъ 20 іюня.

[6]) Ibid № 72.

ными постройкою городковъ на Самарѣ, какъ запорожцы, за то въ Украинѣ было не мало такихъ, которыхъ могли возбуждать запорожцы, постоянно шатавшіеся по гетманщинѣ. То были, какъ и въ прежнія времена, тяглые рабочіе люди, такъ-называемые мужики, самовольно «вбившіеся» въ козацкое званіе. На этотъ разъ такіе люди находились въ послѣднемъ крымскомъ походѣ и, ставши случайно козаками, не хотѣли отрекаться отъ козацкаго званія и возвращаться въ мужицкое, а этого отъ нихъ требовало малороссійское правительство на томъ основаніи, что они, будучи зажиточнѣйшими, выбыли изъ мужицтва; въ мужицтвѣ же остались убогіе, на которыхъ исключительно падаютъ всѣ тягости, какія прежде несли вмѣстѣ съ ними и вышедшіе изъ тягла самовольно въ козаки. Кромѣ того, въ полкахъ лубенскомъ и миргородскомъ запорожцы возбуждали народъ къ ропоту за утѣсненіе отъ полковыхъ властей и гетманъ доносилъ, что можно опасаться бунта. По такимъ донесеніямъ, московское правительство указывало гетману дѣйствовать, если нужно будетъ и оружіемъ для усмиренія запорожцевъ и укрощенія шатости въ Украинѣ, при содѣйствіи великороссійскихъ войскъ, а для охраненія гетманской особы въ Батуринъ послало еще 300 ратныхъ людей къ прежнимъ семи стамъ [1]). Но гетманъ сообразилъ, что извѣстіе о безпокойствахъ въ Малороссіи можетъ въ Москвѣ зародить мнѣніе о неумѣньи его самого держать въ повиновеніи управляемый край, и потому спѣшилъ извѣстить, что онъ уже исправилъ тѣ оскорбленія, которыя дѣлалъ народу бывшій гетманъ [2]),

[1]) Ibid., № 61.

[2]) Въ томъ ихъ освободилемъ яко то мельницы козацкіе власнымъ ихъ иждивеніемъ строенные въ волномъ заживаню заховалемъ, десятины пчолиныи и дани медовыи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роковыи обычныи податки отпустилемъ, при якомъ моемъ поступкѣ не мѣютъ оны причины на мене роптати на мою владзу.

...узея народоведения

водворилъ въ странѣ спокойствіе и самъ совершенно безопасенъ, особенно подъ охраненіемъ двухъ стрѣлецкихъ полковъ и охотныхъ козаковъ [1]). Кошевой уже не противился царской волѣ [2]), но въ Сѣчѣ все еще раздавались мятежные голоса, толковавшіе, что лучше запорожцамъ мимо царской воли помириться съ Крымскою ордой и вести свободно торговлю съ Крымомъ [3]). Однако, толкуя о такомъ примиреніи съ крымцами, сѣчевики не прочь были и воевать противъ крымцевъ и досадовали, зачѣмъ Косаговъ не ведетъ ихъ на войну, какъ обѣщалъ. «Насъ просто обманываютъ, — кричали запорожцы: — говорятъ, будто крѣпость построена для военнаго времени, а на войну не идутъ, и выходитъ, что ее построили только намъ въ досаду» [4]).

Низложивши Самойловича, Мазепа опасался оставшихся въ Малороссіи близкихъ его сторонниковъ. Ближе всѣхъ по родству съ отрѣшеннымъ гетманомъ былъ племянникъ Самойловича, Михайло Василевичъ Галицкій, бывшій гадяцкій полковникъ. Отставленный отъ полковническаго уряда, онъ проживалъ въ слободѣ Михайловкѣ, въ Слободской Украинѣ. Не оставлялъ его тамъ въ покоѣ новый гетманъ, поднималъ противъ него обвиненія за прежніе поступки по управленію полкомъ и, кромѣ того, за произнесеніе какихъ-то «плевосѣятельныхъ» словъ. Другой сторонникъ и пріятель бывшаго гетмана Самойловича былъ Леонтій Полуботокъ; и его возненавидѣлъ гетманъ и доносилъ въ Москву, что Полуботокъ тайно

[1]) Надѣюсь же изъ малодушныхъ всякій в постоянствѣ найдоватися мусить, понеже зъ премилосердого ихъ царскихъ величествъ призрѣнія зуполныхъ два полка московскихъ стрѣльцовъ при мнѣ зоставати будуть и охотницкого регименту моего полки конныи и пѣхотныи суть мнѣ надежны (Архивъ Ин. Дѣлъ., № 50).

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, № 63.

[3]) Ibid., № 72.

[4]) Ibid., № 86.

сносится съ крымскимъ ханомъ [1]). Нерасположенъ былъ гетманъ и къ митрополиту Гедеону, бывшему въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Самойловичу, а еще болѣе къ его племяннику, князю Юрію Четвертинскому, жениху дочери Самойловича. Гетманъ боялся, чтобы вызванный въ Москву на житье князь Юрій не вредилъ ему, и писалъ къ своему покровителю князю Вас. Вас. Голицыну, будто до него дошли слухи, что Юрій Четвертинскій, живя въ столицѣ, говоритъ о гетманѣ непристойныя рѣчи, хвалится, что бывшаго гетмана опять поставитъ на гетманскій урядъ, а тотъ уже отомститъ своимъ недругамъ,—и въ малороссійскій край князь Юрій «озывается» къ своей бывшей невѣстѣ; приставъ, поставленный въ Москвѣ наблюдать надъ нимъ, ему ни въ чемъ не воспрещаетъ потому, что «всегда съ нимъ въ подпитіи» [2]). О самомъ митрополитѣ Гедеонѣ Мазепа писалъ, что это человѣкъ злобный и мстительный и гетманъ отъ него опасается тайныхъ и явныхъ враговъ. Будучи недоброжелателемъ Гедеона, гетманъ дружилъ съ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, бывшимъ прежде въ ссорѣ съ Гедеономъ, и, при содѣйствіи гетмана, Лазарь выхлопоталъ возвращеніе себѣ трехъ протопопій, отобранныхъ Гедеономъ и присоединенныхъ къ кіевской митрополіи, причемъ просилъ изъять его архіепископію отъ духовной зависимости кіевскому митрополиту и подчинить непосредственно московскому патріарху [3]). Въ письмѣ своемъ къ царямъ Лазарь жаловался на бывшаго гетмана и радовался, что съ избраніемъ новаго наступили лучшія времена [4]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., № 27.

[2]) Ibid., № 98.

[3]) Ibid., 1688 г. № 4; 1689 г., № 9.

[4]) „Возненавидѣнный бывшимъ гетманомъ утѣсненъ быхъ отъ него многими обидами, многими скорбями и неисповѣдимыми печалями,

Гетманъ, въ своихъ донесеніяхъ, чернилъ не только такихъ лицъ, которыя были друзьями и приверженцами бывшаго гетмана, но набрасывалъ тѣнь и на другихъ, даже на такихъ, которыя прежде за-одно съ нимъ содѣйствовали гибели Самойловича и которымъ наружно все еще онъ оказывалъ покровительство и благорасположеніе. Такъ, генеральному асаулу Войцѣ Сербину онъ далъ универсалъ на маетности въ селѣ Подлипномъ, въ Нѣжинскомъ полку, а полковнику переяславскому Дмитрашкѣ Райчѣ—на село Березань, въ полку Переяславскомъ, и самъ ходатайствовалъ въ Малороссійскомъ приказѣ о выдачѣ имъ жалованныхъ грамотъ по своимъ универсаламъ [1]). Но тотъ же гетманъ тайно писалъ въ Москву о Войцѣ Сербинѣ, что онъ ему, гетману, не желателенъ [2]), а о Дмитрашкѣ Райчѣ припоминалъ давнія дурныя дѣла его еще при Многогрѣшномъ и Бруховецкомъ,—представлялъ, что его ненавидятъ полчане за то, что, будучи волоскимъ уроженцемъ, ставитъ сотниками своихъ земляковъ, и всѣ полчане просятъ, чтобъ онъ не былъ у нихъ полковникомъ и не жилъ бы въ ихъ городѣ [3]). По донесенію гетмана, Дмитрашку Райчу потребовали въ то время въ Великороссію. Когда гетманъ отправился на постройку Новобогородска, Дмитрашка, находясь въ Сѣвскѣ, жаловался князю Голицыну, что гетманъ дѣлаетъ стѣсненія женѣ его, оставшейся въ Малороссіи, а гетманъ по этому по-

утѣсненъ быхъ не просто, но какъ мертвый забвенъ и при жизни землею покровенъ явихся и что могло быть тяжелѣе, когда гетманъ запрещалъ мнѣ посылать предъ вашъ царскій престолъ письменныя челобитья, дабы я возмогъ пріяти милость и обрѣсти благодать; но Богъ, животворяй мертвые, даровалъ такое улучить время, о которомъ могу сказать: нынѣ время благопріятно и се нынѣ день спасенія!" („Письма Лаз. Барановича". Черниговъ. 229).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., № 57.

[2]) Ibid., № 98.

[3]) Ibid., № 97.

воду писалъ тому же князю Голицыну, что на Дмитрашку Райчу есть подозрѣніе въ измѣнническихъ замыслахъ и слѣдуетъ его препроводить къ войсковому суду. «Вы десять лѣтъ меня знаете,—писалъ Мазепа,—способенъ ли я кому-нибудь завидовать и чинить козни на чужое здоровье! Я Дмитрашкѣ Райчѣ не врагъ, пусть бы онъ только не сѣялъ плевелъ, а то вотъ здѣсь, по его письмамъ, твердятъ, что его скоро приведутъ съ какимъ-то бояриномъ для принятія нѣкотораго чина» [1]). Счелъ нужнымъ Мазепа набросить нѣкоторую тѣнь и на кіевскаго полковника Солонину, хотя недавно передъ тѣмъ рѣшилъ въ его пользу споръ съ кіевскимъ воеводой и кіево-печерскими старцами [2]). Но вслѣдъ затѣмъ онъ указывалъ на письмо Солонины къ гетману, въ которомъ тотъ просилъ защитить его отъ «Москвы». Солонина разумѣлъ здѣсь кіевскаго воеводу, своего личнаго недоброжелателя, но Мазепа придалъ словамъ его болѣе общій смыслъ. «Странно,— замѣтилъ гетманъ,—какъ этотъ мужикъ дерзаетъ такъ писать» [3]).

Такъ Мазепа дѣлалъ тайный вредъ своимъ соумышленникамъ по дѣлу низложенія Самойловича,—онъ ихъ опасался. Эти люди недавно испробовали, какъ возможно при посредствѣ низкопоклонничества предъ сильными московскаго міра свергать своихъ гетмановъ; могли они подумывать, нельзя-ли и съ Мазепой то же сдѣлать, что сдѣлали съ Самойловичемъ. И Мазепа старался заранѣе сковырнуть тѣхъ, отъ которыхъ могъ ожидать вредныхъ противъ себя интригъ, но не зная навѣрное, удастся ли ему, не хотѣлъ допускать на себя упрековъ въ несправедливости. Поэтому онъ поступалъ двулично: однимъ и тѣмъ же явно покровительствовалъ, а тайно чернилъ до-

[1]) Ibid., № 86.

[2]) Ibid., № 84.

[3]) Ibid , № 98.

носами, на тотъ конецъ, чтобъ обезпечить за собою довѣріе въ Москвѣ, когда эти люди вздумаютъ вредить ему.

Въ Кіевѣ между тѣмъ появился первый письменный доносъ на самого гетмана, открывшій собою цѣлый рядъ доносовъ все въ одномъ и томъ же смыслѣ. Доносчикомъ былъ какой-то попъ-разстрига изъ Путивля. Въ его доносѣ было сказано, что гетманъ сносится тайно съ поляками, дружитъ съ ними и тайно покупаетъ себѣ въ Польшѣ маетности. Кіевскій воевода отправилъ доносчика съ товарищемъ въ Москву, а изъ Москвы ихъ препроводили въ Батуринъ къ гетману. «Мню,—писалъ Мазепа къ Голицыну,—что сіи оболгатели, по уговору особъ на мене враждующихъ, съ баснями послани суть». Сообщая, что онъ приказалъ посадить ихъ обоихъ подъ караулъ, гетманъ увѣрялъ князя Голицына въ своей простотѣ, незлобіи и неизмѣнной вѣрности престолу [1]).

[1]) Ibid., № 98.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленія къ новому походу на Крымъ.—Извѣстія отъ турецкихъ христіанъ.—Архимандритъ Исаія.—Шакловитый у Мазепы.—Мнѣнія о гетманѣ въ Малороссіи.—Походъ въ степь.—Встрѣча съ татарами.—Возвращеніе.—Восхваленія и награды Голицыну.—Пріѣздъ Мазепы со старшинами въ столицу.—Переворотъ въ правленіи.—Гетманъ у Троицы.—Прибавочныя статьи.—Царскія милости.

Въ концѣ лѣта 1688 года, въ Москвѣ рѣшено было возобновить на слѣдующую весну войну съ бусурманами. Пришли отъ римскаго императора и отъ Венеціянской республики къ московскому правительству побудительные призывы дѣйствовать съобща противъ турокъ. Извѣщали, что настаетъ время самое удобное побѣдить и искоренить бусурманъ и освободить отъ ихъ ига православныхъ христіанъ,—туркамъ приходится худо, со всѣхъ сторонъ потери и пораженія, на сѣверѣ въ Сербіи потеряли они Бѣлградъ, а на югѣ—Селунь (Солунь) и островъ Кандія завоеваны венеціянцами. Такой счастливой для христіанъ поры уже тысяча лѣтъ какъ не бывало [1]. Въ Москву стали приходить обращенія прямо изъ восточно-православнаго міра, порабощеннаго мусульманами. Отъ бывшаго константинопольскаго патріарха Діонисія, лишеннаго своего сана за

[1]) „Соб. Госуд. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 589.

дружбу съ Россіей, прибылъ архимандритъ Исаія. Онъ привезъ грамоту отъ имени всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, въ которой излагалось то же, что и въ грамотахъ римскаго императора и Венеціянской республики: наступило удобное время съ надеждою на успѣхъ ополчиться на невѣрныхъ,—они пришли въ крайнее безсиліе и сами говорятъ, что къ нимъ приближается конечная гибель. Но за то они съ неистовствомъ озлобились на православныхъ христіанъ въ Румеліи, Мореѣ, Болгаріи и Сербіи, причинили имъ много мукъ и поруганій, до трехъ тысячъ истребили, а несчетное множество свезли въ Азію и въ Египетъ на поселеніе; они, съ повелѣнія своего султана и своего великаго муфтія, намѣреваются разорить до основанія всѣ церкви и монастыри въ тѣхъ краяхъ, откуда выселили христіанъ, а оставшихся на прежнихъ мѣстахъ жительства—перебить и такимъ образомъ искоренить все христіанство. «Въ нашей странѣ нѣтъ ни города, ни мѣстечка, гдѣ бы не творились поруганія и разоренія церквамъ Божіимъ, посрамлены архіереи и іереи: крестъ оплеванъ, хулится и укоряется имя Христово; невѣрные все только говорятъ: еслибъ вашъ Іисусъ былъ Богъ, не оставилъ бы онъ своихъ поклонниковъ въ нашихъ рукахъ въ неволѣ» [1]). Тотъ же архимандритъ Исаія привезъ грамоту отъ волоскаго (молдавскаго) господаря Щербана: тотъ совѣтовалъ отправить разомъ два войска—одно на Буджакъ сухопутьемъ, другое водою на Дунай, а для удержанія крымцевъ сосредоточить третье войско на Запорожьѣ; затѣмъ просилъ принять всѣхъ православныхъ христіанъ подъ царскую руку, увѣрялъ, что и онъ самъ, и сосѣдъ его, владѣтель мультанскій (валахскій), съ подвластными странами, желаютъ поступить въ подданство московскому престолу ради единой вѣры и не замедлятъ выступить съ

[1]) Ibid.

семидесятитысячнымъ войскомъ на помощь царскимъ силамъ [1]). Съ тѣмъ же архимандритомъ прислалъ грамоту и нареченный сербскій патріархъ Арсеній о томъ же, но дѣлалъ предостерегательныя внушенія насчетъ союза съ западнымъ христіанствомъ.

«Западныя державы,—писалъ онъ,—отняли у турокъ въ Венгріи и въ Мореѣ мѣстности, заселенныя православнымъ народомъ, но тотчасъ стали тамъ вводить унію и обращать православные храмы въ костелы. Если повезетъ имъ счастіе далѣе и они завоюютъ Царьградъ, то православные христіане пріидутъ въ окончательную погибель и вѣра православная искоренится. Православные христіане съ радостію отдадутся подъ власть великихъ государей россійскихъ, но не подъ власть папежниковъ».

Списки съ привезенныхъ Исаіею грамотъ посланы были на обсужденіе гетману Мазепѣ, и тотъ въ своей грамотѣ, посланной въ Москву, согласно съ сербскимъ патріархомъ, представлялъ также, что западные союзники только того и желаютъ, чтобъ искоренить восточное православіе, замѣнивъ его латинствомъ въ Царьградѣ и подвластныхъ ему областяхъ. «Въ томъ страхѣ правовѣрныи христіане, яко духовныи, тако и мірскіи, обрѣтаючися, не имѣютъ иного прибѣжища, токмо великихъ государей» выражался Мазепа, вѣроятно, съ цѣлью сказать угодное верховной власти [2]). Гетманъ, по царскому повелѣнію, сообщилъ волоскому господарю, что, сообразно договору, заключенному царями съ польскимъ королемъ, войска обоихъ государствъ весною выступятъ на войну съ рѣшительною цѣлью освободить всѣхъ христіанъ отъ мусульманскаго ига [3]).

19 сентября въ Москвѣ былъ объявленъ царскій указъ всѣмъ служилымъ людямъ готовиться весною будущаго

[1]) Ibid., стр. 592.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., св. 20, № 89.

[3]) Ibid., № 91.

года въ походъ противъ крымцевъ [1]), а 28 сентября Мазепа сообщалъ, что малороссіяне, услышавъ о предстоящей войнѣ, приняли это извѣстіе съ большою радостью и «ни въ комъ не объявится лѣности» [2]). Гетманъ совѣтовалъ выступать весною какъ можно ранѣе, а чтобы непріятели не сожгли въ степи сухой прошлогодней травы и не произвели степнаго пожара, затруднительнаго для русскихъ войскъ, необходимо самимъ выжечь степь осенью: тогда новая трава скоро и безпрепятственно начнетъ расти слѣдующею весною, и такъ русскія войска будутъ идти по самой первой весенней зелени, и для войска это будетъ здоровѣе, такъ какъ еще не начнутся тягостные лѣтніе жары и не успѣетъ явиться моровое повѣтріе, которое обыкновенно запорожцы, черезъ свои походы, заносятъ изъ Крыма. Тогда бусурманы будутъ лишены въ достаткѣ конскаго корма; а если у татаръ лошадй не будутъ сыты, то татары отпора не дадутъ. Такой совѣтъ подалъ тогда гетманъ, и, быть можетъ, еслибъ онъ былъ принятъ и исполненъ, то и предположенный походъ совершился бы удачно [3]).

Въ октябрѣ отправился къ гетману въ Батуринъ любимецъ царевны Софіи и князя Голицына, Шакловитый, съ милостивымъ словомъ къ гетману, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайнымъ порученіемъ провѣдать о вѣрности самого гетмана и о степени расположенія и довѣрія къ нему подчиненныхъ малороссіянъ. Шакловитый сообщилъ въ Москву, что хотя въ поступкахъ гетмана не замѣчается наклонности къ измѣнѣ, но малороссіяне его не любятъ, не довѣряютъ ему, твердятъ, что онъ весь душою полякъ и ведетъ тайныя переписки съ польскими панами [4]). Отъ такихъ

[1]) „Собр. Гос. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 587.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., № 96.

[3]) Ibid. окт. 20, № 99.

[4]) *Gordon*, т. II, стр. 235.

извѣстій въ Москвѣ не поколебалось довѣріе къ гетману,— напротивъ, оно должно было въ то время укрѣпляться, потому что искренность его предостереженій насчетъ западныхъ державъ подтверждалась извѣстіями русскаго посла въ Вѣнѣ, Возницына, доносившаго секретно, что цесарское величество положительно хочетъ заключить миръ съ Турціей особо, безъ участія Россіи; то же сообщалось и о другомъ союзникѣ—польскомъ королѣ, хотя послѣдній положительно заявлялъ, что ни за что не станетъ мириться съ Турціей безъ согласія съ Россіею [1]).

Походъ открылся въ мартѣ 1689 года. Великороссійскихъ войскъ, выступившихъ въ поле, было 112,000, подъ главнымъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына. Генералъ Гордонъ совѣтовалъ въ походѣ держаться берега Днѣпра и черезъ каждые четыре перехода ставить крѣпости, а въ каждой изъ крѣпостей оставлять по нѣскольку сотъ человѣкъ. Такой способъ предлагался въ томъ соображеніи, чтобы русское войско могло имѣть пункты опоры для своего продовольствія и для помѣщенія раненыхъ, а непріятелю могло это возбудить страхъ, такъ какъ ему показалось бы, что у русскихъ очень великія силы [2]). Другія начальныя лица говорили, что лучше идти прямо степью къ Крыму. Главнокомандующій присталъ къ послѣднему мнѣнію, принявши впрочемъ кое-что изъ мнѣнія Гордонова: положили оставить у Самары часть войскъ подъ командою князя Ивана Θедоровича Волынскаго, а со всѣмъ остальнымъ идти въ походъ по лѣвому берегу Днѣпра быстрымъ шагомъ, чтобы не допустить татаръ произвести степной пожаръ. Гетмана тогда на совѣтѣ не было; его совѣтъ, данный еще прошлаго года, о сожженіи сухой травы въ предшествовавшую осеннюю пору остался, какъ видно,

[1]) *Устряловъ*: „Ист. Петра Вел.“, т. II, стр. 217.

[2]) *Gordon*, т. II, стр. 249.

безъ исполненія. Гетманъ, съ цѣлымъ своимъ регементомъ, присоединился къ главному войску около 20 апрѣля [1]).

Слѣдуя далѣе по предназначенному направленію, 11-го мая соединенное войско достигло рѣки Каирки: оставалось еще четыре дня пути до Перекопа. Князь Голицынъ отрядилъ часть силъ своихъ къ Асланъ-Керменю у Днѣпра и двинулся съ цѣлымъ корпусомъ далѣе на Перекопъ. 14-го мая войско достигло Зеленой-Долины. Она была шириною въ десять верстъ, изобиловала водою и травою. Русскіе расположились станомъ. Здѣсь пойманный татаринъ показалъ, что ханъ крымскій за день передъ тѣмъ сталъ у рѣки Каланчака, а его орда расположилась впереди, на Черной-Долинѣ [2]). Русскіе по этой вѣсти двинулись далѣе. На пространствѣ, отдѣляющемъ Черную-Долину отъ Зеленой, появился отрядъ орды: она шла отъ Кизикерменской дороги и наступала съ правой стороны на русское войско. Произошла битва, длившаяся отъ трехъ до четырехъ часовъ. Съ обѣихъ сторонъ не мало было убитыхъ и раненыхъ, но русскіе принудили татаръ отступить.

16 мая русскіе достигли Черной-Долины. Тутъ справа появился самъ ханъ со всѣми своими силами. Полился сильный дождь. До полудня перевѣсъ былъ на сторонѣ татаръ. Они съ чрезвычайною быстротой напали на арріергардъ, загнали русскую конницу и пѣхоту въ обозъ, но пушечные выстрѣлы заставили ихъ отступить. Тогда татары обратились на лѣвое крыло русскаго войска, нанесли пораженіе двумъ слободскимъ полкамъ, перебивъ у нихъ много лошадей и людей, хотя и сами потерпѣли отъ ружейной и пушечной пальбы. Послѣ того уже татары не осмѣливались вступать въ бой и только издали показывали намѣреніе нападать, а съ наступленіемъ ночи

[1]) *Устряловъ:* „Ист. Петра Вел.", т. I, прилож. IX, стр. 361. Донесеніе Голицына.

[2]) *Gordon*, т. II, стр 257.

совсѣмъ скрылись изъ вида. На другой день, 17 мая, русскіе подвинулись далѣе, но главнокомандующій приказалъ ввести конницу въ обозъ, находя, что она не въ силахъ будетъ удержать напоръ непріятеля, когда онъ явится. Вскорѣ татары снова появились, не увидали конницы впереди обоза, а на пѣхоту нападать не осмѣлились и ушли къ Каланчаку. Русскіе послѣдовали за ними и къ вечеру достигли Каланчака. Тамъ нашли они достаточно травы и воды, но лѣса для дровъ не было. 20 мая русскіе дошли до Перекопа [1]).

Послѣдніе два дня перехода отъ Черной-Долины до Перекопа оказались черезчуръ тягостными для русскаго войска. Князь Голицынъ, въ своемъ донесеніи, говоритъ, что отъ самой Каирки войска шли восемь дней безводною степью: вопреки извѣстію Гордона [2]), князь говоритъ, что въ обѣихъ долинахъ—Зеленой и Черной—воды вовсе не было, а въ Каланчакѣ вода была дурнаго свойства. Гибли отъ безводья и лошади, и люди. Начинала чувствоваться скудость и хлѣбныхъ запасовъ. Когда, наконецъ, русскіе добрались до Перекопа, то думали было сперва возводить шанцы и стали досматривать, откуда можно доставать воду и кормъ для лошадей. Оказалось, что всѣ поля были потравлены и выбиты, воды недоставало ни въ рѣкахъ, ни въ колодцахъ; съ правой стороны Перекопа было Черное море, съ лѣвой—Гнилое, но въ обоихъ вода соленая и для питья невозможная. Около Перекопа всѣ посады и деревни были выжжены татарами [3]). Соображая, что долго стоять подъ Перекопомъ будетъ для войскъ слишкомъ затруднительно, князь Голицынъ попытался войти въ сношенія

[1]) *Устряловъ*: „Ист. Петра Вел.“, т. I, примѣч. 95. Мѣсто изъ дневника Гордона, не вошедшее въ нѣмецкій переводъ Поссельта.

[2]) *Gordon*, т. II, стр. 257 и 258.

[3]) *Устряловъ*: „Ист. Петра Вел.“, т. I, прилож. IX, стр. 372. Донесеніе Голицына.

съ ханомъ: въ этомъ случаѣ онъ довѣрялъ плѣнному татарину, который показалъ, что ханъ желаетъ примириться. Но ханъ, черезъ присланнаго къ князю Голицыну своего кеманъ-мурзу Сулешова, изъявилъ готовность мириться не иначе, какъ на условіяхъ Бахчисарайскаго мира [1]). Это побудило князя Голицына прервать и сношенія съ татарами, и военныя дѣйствія противъ нихъ. 21 мая русскіе стали отступать назадъ [2]). Впослѣдствіи современники распускали слухи, будто князь Голицынъ, въ предшествовавшую тому ночь, взялъ съ хана взятку въ двѣ бочки золотыхъ [3]).

Гетманъ Мазепа, какъ и прочіе военачальники, не участвовалъ въ намѣреніи главнокомандующаго мириться съ непріятелями, а когда князь Голицынъ послалъ къ нему Венедикта Зміева спросить: не будетъ ли отъ такого примиренія между козаками смуты,—Мазепа, съ своею обычной уклончивостію, не сталъ противорѣчить сильному временщику, но хотѣлъ всѣми возможными способами отстранить себя отъ участія въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго могъ ожидать со временемъ непріятныхъ послѣдствій: онъ отвѣчалъ, что козаки скучаютъ, но измѣны отъ нихъ онъ не ожидаетъ.

На обратномъ пути цѣлыхъ восемь дней безпокоили отступавшихъ русскихъ татары, однако не причинили имъ большаго вреда. Русскіе болѣе терпѣли отъ безводья, пока имъ на облегченіе не полился проливной дождь [4]). 12 іюня достигло войско до Самары. 24 іюня Мазепа разстался съ главнокомандующимъ и съ береговъ Коломака повернулъ съ войскомъ своего регимента въ гетманщину [5]). 27 іюня

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., прим. 95. Изъ дневника Гордона.

[3]) Ibid, т. II, стр. 235.

[4]) Ibid., т. I, прим. 95. Изъ дневника Гордона.

[5]) *Gordon*, т. II, стр. 262.

[library stamp]

самъ Голицынъ распустилъ все свое войско и съ начальными людьми отправился въ столицу [1]). Сердечно преданная Голицыну, царевна Софія спѣшила передъ братьями-царями и передъ вельможами выставить подвиги своего любимца въ самомъ свѣтломъ видѣ. Самъ князь Голицынъ, въ своихъ донесеніяхъ, постоянно представлялъ ходъ дѣлъ въ войскѣ такъ, какъ будто русскіе одерживаютъ надъ непріятелемъ блистательныя побѣды одна за другою. 27 іюля, въ субботу, объявлена была похвала и царскія милости боярамъ-предводителямъ во внутреннихъ дворцовыхъ покояхъ, а второстепеннымъ начальнымъ людямъ — на дворцовой лѣстницѣ. Бояре получили въ даръ кубки, кафтаны, вотчины, денежную придачу къ окладамъ жалованья; прочимъ, второстепеннымъ, давали ковши, матеріи на одежду, жаловали увеличеніемъ денежнаго оклада и обращеніемъ части числящихся за ними помѣстій въ вотчины; иностранцамъ, бывшимъ въ походѣ, пожалованы были серебряные кубки, соболи, матеріи на одежду и мѣсячное жалованье не въ зачетъ, въ видѣ подарка [2]). Имена убитыхъ выставлены были въ соборной церкви, дабы отцы, сыновья, братья и ближніе родственники имѣли всегда передъ глазами свидѣтельство о вѣрности и подвигахъ своихъ кровныхъ. Всѣмъ, участвовавшимъ въ походѣ, розданы были на память золотыя медали разной величины, смотря по достоинству чина каждаго.

Слабоумнаго царя Іоанна сестрѣ не трудно было увѣрить, что ея любимецъ велъ дѣло блистательно; но не могла Софія заставить такъ же думать и талантливаго Петра, уже и безъ того озлобленнаго противъ сестры. Правда, 26 іюля усиленныя просьбы склонили его не препятствовать объявленію милостей и наградъ; но когда на другой день

[1]) Ibid., стр. 263.

[2]) *Gordon*, т. II, стр. 266.

полководцы и начальные люди поѣхали въ Преображенское благодарить за царскія милости, Петръ не принялъ никого и тогда всѣ поняли, что уже близка гроза и наступитъ перемѣна въ правленіи. Гроза разразилась въ августѣ того же года. Начальникъ стрѣлецкаго приказа, Шакловитый, сторонникъ Софіи, настраивалъ своихъ стрѣльцовъ противъ Петра, но двое изъ этихъ стрѣльцовъ, Мельновъ и Ладогинъ, прибравши съ собою другихъ товарищей, убѣжали въ Преображенское и сообщили Петру, что на него и на его мать, царицу Наталью Кирилловну, замышляется убійство. Ночью съ 7-го на 8-е августа Петръ вскочилъ съ постели, едва успѣлъ обуться, въ одномъ бѣльѣ побѣжалъ въ конюшню, сѣлъ на верховую лошадь и ускакалъ въ лѣсъ; туда принесли ему платье и онъ, верхомъ на той же лошади, тотчасъ уѣхалъ въ Троицкій монастырь. На другой день къ нему прибыли мать, жена и нѣсколько ближнихъ бояръ, между которыми пользовался тогда особымъ довѣріемъ Петра князь Борисъ Голицынъ [1]).

Когда въ столицѣ и ея окрестностяхъ происходили такія смуты, въ Москву пріѣхалъ гетманъ Мазепа съ старшинами, полковниками и съ большою свитой. Съ нимъ пріѣхали тогда генеральные старшины: обозный Борковскій, судья Савва Прокоповичъ, писарь Василій Кочубей, асаулъ Андрей Гамалѣя и бунчужный Евфимъ Лизогубъ; при каждомъ изъ этихъ старшинъ состояло по пяти козаковъ. Прибыли полковники: черниговскій—Лизогубъ, полтавскій—Θедоръ Жученко, нѣжинскій — Степанъ Забѣла, миргородскій — Данило Апостолъ и лубенскій — Леонтій Свѣчка. Съ каждымъ изъ нихъ былъ полковой писарь, а при нѣкоторыхъ еще и полковой судья. При особѣ полковника состояло по пяти козаковъ, а при полковомъ

[1]) *Gordon*, т. II, стр. 267 и 268. *Устряловъ:* „Ист. Петр. В.“, т. II, стр. 61.

писарѣ и при полковомъ судьѣ — по два козака. Сверхъ того съ гетманомъ пріѣхали тогда въ Москву девять значныхъ войсковыхъ товарищей старшихъ [1]), семнадцать значныхъ войсковыхъ товарищей *молодшихъ* [2]) и восемь канцеляристовъ [3]). При каждомъ изъ этихъ лицъ было по козаку. Затѣмъ собственный штатъ гетмана состоялъ изъ восьми дворянъ гетманскихъ, близкихъ къ особѣ гетмана [4]); при каждомъ изъ нихъ также было по козаку. Дворовыхъ гетманскихъ людей было 70 человѣкъ, 50 драгуновъ, 12 музыкантовъ, —всего при гетманѣ и при всѣхъ знатныхъ особахъ было 304 человѣка. Разомъ съ гетманомъ прибыли въ Москву и пять духовныхъ сановниковъ [5]).

Встрѣчать ихъ высланъ былъ стремяннаго полка полковникъ стольникъ Иванъ Циклеръ съ 500 конныхъ рейтаровъ и съ двумя ротами подъячихъ Малороссійскаго Приказа. Дьякъ Василій Бобынинъ пріѣхалъ съ царскою каретою для почетнаго гостя и отъ имени царей и царевны спросилъ гетмана о здоровьѣ. Гетманъ счелъ умѣстнымъ

[1]) Конст. Солонина, Дмитрашка Райча, Григ. Гамалѣя, Як. Жураховскій, Ив. Лысенко, Степ. Гречаный, Андрей Дорошенко сотникъ сосницкій, Данило Лисицкій, Пав. Герцикъ—все бывшіе полковники и старшины.

[2]) Ив. Забѣла, Пав. Полуботокъ, Дим. Горленко, Семенъ Савичъ, Мих. Гамалѣя, Ив. Мировичъ, Дим. Зеленскій, Ив. Сулима, Ѳед. Григоровичъ, Конст. Ширкеевичъ, Юрій Кожуховскій, Вас. Забѣла (сынъ нѣжин. полковника), Ив. Иваненко (внукъ полт. полковника), Вас. Свѣчка (сынъ луб. полковника), Кондратъ Тарененко (двоюродный братъ Дорошенка), Троф. Подтереба, Ив. Фалковскій.

[3]) Вас. Чуйкевичъ, Петръ Иваненко, Лука Петровскій, Мих. Маковскій, Вас. Солонина, Пав. Андріенко, Александръ Мадурскій, Ив. Переводчикъ.

[4]) Дим. Чечелъ, Андр. Михаловскій, Ив. Витвицкій, Климъ Довгополъ, Вас. Лавриченко, Илья Сербинъ, Катъ, Илья Жаленко.

[5]) Игуменъ кирилловскій Иннокентій, батуринскій—Димитрій (впослѣдствіи Ростов. митроп. св.), іеромонахъ Іоаннъ Заруцкій и два мірскихъ священника.

похвалить царскую карету и сказалъ: «благодарю Бога, что сподобилъ меня чести сѣсть въ царскую карету!» Гетмана ввезли въ Калужскія ворота, потомъ, черезъ пловучій мостъ, провезли въ Москворѣцкія ворота, а далѣе, слѣдуя Ильинскимъ крестцомъ, привезли на большой Посольскій дворъ, гдѣ назначено было ему помѣщеніе со всѣми прибывшими съ нимъ малороссіянами. Гетманъ не зналъ еще что̀ происходитъ «наверху», не могъ предвидѣть скораго паденія власти Софіи и временщика, считалъ Голицына неизмѣнно могучимъ, а потому, въ разговорахъ съ приставами (которые должны были о его рѣчахъ доносить князю Голицыну), расхваливалъ подвиги князя Василія Васильевича въ крымскомъ походѣ. «Никогда еще,— говорилъ Мазепа,—не бывало бусурманамъ такого страха, какъ отъ князя Василія Васильевича, ближняго боярина! Жаль, что за безводными и безкормными мѣстами не успѣли разорить Перекопа!.. Но вѣдь въ древнихъ хроникахъ писано: персидскій царь Дарій приходилъ войною на Крымъ и войска у него было множество, а всетаки не могъ онъ взять Перекопа за безводіемъ и безкормицею и принужденъ былъ уйти, и зарокъ далъ, что не пойдетъ болѣе въ тотъ край!»

На другой день послѣ пріѣзда въ Москву, гетмана съ малороссіянами повезли во дворецъ для торжественнаго представленія. Думный дьякъ проговорилъ пышную рѣчь, восхвалилъ славные подвиги князя Василія Васильевича Голицына, нанесшаго бусурманамъ такое пораженіе, «какого они себѣ не чаяли, и такому подобнаго не слыхано». И гетману отдавалась похвала, какъ участнику побѣдоноснаго дѣла. Тогда гетману даны были отъ имени государей дары: серебряный рукомойникъ съ лоханью, золотой поясъ съ турецкими драгоцѣнными камнями, золотая узда съ наперстью. Гетманъ и всѣ малороссіяне были у руки одного изъ государей, Іоанна Алексѣевича. Петра

здѣсь не было. Потомъ гетманъ посѣтилъ патріарха Іоакима [1]).

Съ мѣсяцъ послѣ того сидѣли малороссіяне съ своимъ гетманомъ въ большомъ Посольскомъ дворѣ, а тѣмъ временемъ въ столицѣ совершались великія дѣла. Пошла рѣшительная, послѣдняя борьба между братомъ и сестрою. Петръ изъ Троицкаго монастыря потребовалъ къ себѣ служилыхъ. Софія всѣми средствами старалась удерживать стрѣльцовъ отъ перехода къ Петру, а между тѣмъ пыталась посылать къ брату сначала бояръ, а потомъ патріарха, съ цѣлью какъ-нибудь уладить возникшій споръ. Все было напрасно,— и бояре, и патріархъ остались при Петрѣ у Троицы. Петръ далъ приказаніе всѣмъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ начальнымъ людямъ, подъ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе, прибыть къ Троицѣ, взявши съ собою по десяти человѣкъ простыхъ рядовыхъ изъ каждаго полка, а вмѣстѣ съ ними должны были явиться къ государю московской гостиной сотни и всѣхъ московскихъ черныхъ сотенъ съ десятью тяглецами изъ каждой сотни и слободы [2]). Всѣ повиновались. Тогда Петръ потребовалъ выдачи Шакловитаго и его сообщниковъ стрѣльцовъ, обвиняемыхъ въ злоумышленіи на жизнь Петра и его матери. Софія принуждена была уступить, потому что всѣ стрѣльцы уже перешли на сторону Петра. Шакловитаго выдали и казнили. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ не принималъ участія въ московскихъ смутахъ этихъ дней и запрятался въ свою подмосковную вотчину Медвѣдково; но послѣ выдачи Шакловитаго 7-го сентября отправился къ Петру вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ и другомъ Леонтіемъ Неплюевымъ, окольничимъ Венедиктомъ Зміевымъ, Григоріемъ Ивановымъ Косаговымъ и думнымъ дьякомъ Емель-

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи, кн. 51. Подробное описаніе пребыванія Мазепы въ Москвѣ въ 1689 году.

[2]) *Gordon*, т. II, стр. 270. *Устр.*: „Истор. Петра Вел.“, т. II, стр. 651.

яномъ Игнатьевымъ Украинцевымъ. Князь Голицынъ приготовился доказывать Петру свою невинность, но его не допустили ни до какихъ объясненій, а прямо объявили приговоръ, которымъ лишали его всѣхъ вотчинъ и назначили ему жить въ ссылкѣ въ Каргополѣ: виною ему поставлено было то, что онъ провозгласилъ самовольно царевну Софію верховною правительницею, тратилъ безплодно государственную казну и совершилъ два напрасныхъ похода въ Крымъ, ничего не сдѣлавши. Неплюева, за обиды, нанесенныя сѣвскимъ жителямъ во время своего управленія, за грабительства и разореніе Комарницкой волости, лишивъ всѣхъ имѣній, сослали въ Пустозерскъ. Зміева удалили въ его деревни, а Косагова и Украинцева оправдали [1]). Только вліянію любимца Петрова, князя Бориса Алексѣевича Голицына, обязанъ былъ падшій временщикъ тѣмъ, что не подвергся смертной казни. Впрочемъ, на другой годъ Каргополь былъ найденъ слишкомъ удобнымъ для такого преступника: его перевели въ Яренскъ, а еще черезъ годъ сослали въ Пустозерскъ, потомъ въ Пинегу, гдѣ онъ и умеръ въ крайней бѣдности, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1713 году [2]).

Казалось бы, съ паденіемъ временщика должна была постигнуть неблагопріятная участь и гетмана Мазепу, который былъ возведенъ въ гетманскій санъ главнымъ образомъ по вліянію князя Василія Васильевича и съ той поры держался его милостями. Дѣйствительно, Мазепа уже тогда ожидалъ себѣ бѣды, а бывшіе съ нимъ малороссіяне совѣтовались между собою, кого теперь придется имъ избирать въ гетманы вмѣсто Мазепы: объ отрѣшеніи послѣдняго, казалось, не могло быть никакаго сомнѣнія [3]). Волею-неволею по царскому приказу отправился Мазепа съ своею ас-

[1]) *Gordon*, т. II, стр. 280.

[2]) *Устряловъ*, II, примѣч. 20, стр. 344 и 345.

[3]) *Gordon*, т. II, стр. 283.

систенціею къ торжествующему царю Петру. 9-го сентября, когда онъ, ѣдучи къ Троицѣ, доѣхалъ до села Воздвиженскаго, ему было прислано царское приказаніе остановиться и ждать, пока позовутъ его. Страшно, конечно, ему было ожидать этого зова. Но пришлось ему томиться ожиданіемъ недолго. На другой же день, 10-го сентября, его позвали. На Троицкомъ посадѣ малороссіяне встрѣтили великолѣпный шатеръ, поставленный для пріема ихъ гетмана. Въ тотъ же день, послѣ полудня, гетманъ былъ допущенъ къ царю. Онъ вошелъ, одѣтый въ богатый кафтанъ, окруженный старшинами; за нимъ козаки несли блестящіе дары; то были: золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, сабля въ дорогой оправѣ, стоившая 2,000 рублей, и 10 аршинъ золотнаго аксамиту для царской матери-царицы Натальи Кирилловны, а для царицы Евдокіи—золотныя ожерелья съ алмазами. Молодой царь, статный и красивый, сидѣлъ одѣтый въ бархатный кафтанъ, окруженный боярами, одѣтыми въ байберековые кафтаны. Думный дьякъ Украинцевъ объявилъ гетману и всѣмъ старшинамъ похвалу за военные походы съ Голицынымъ. Такимъ образомъ давалось знать, что немилость царя къ Голицыну за его крымскій походъ не падаетъ на участниковъ этого похода—Мазепу и все войско запорожское, такъ какъ козаки въ этомъ походѣ исполняли только свой долгъ и не могли принимать отвѣтственности за ошибки главнаго предводителя. Думный дьякъ, проговоривши свою рѣчь, сказалъ гетману, что онъ можетъ теперь говорить къ великому государю, если имѣетъ нужду. Мазепа прежде всего замѣтилъ о трудности своего сана, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старикъ, не можетъ похвалиться здоровьемъ, но онъ давалъ обѣщаніе служить царю вѣрно, до пролитія послѣдней капли крови, билъ челомъ, чтобы великій государь держалъ его всегда въ своей милости со всѣми старшинами и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ. Рѣчь Ма-

зепы, вполнѣ до насъ не дошедшая, понравилась Петру. Сверхъ ожиданія многихъ, онъ принялъ очень милостиво и ласково гетмана и всѣхъ старшинъ. Ласковый пріемъ придалъ гетману смѣлости и онъ тутъ же подалъ государю челобитную, чернившую Василія Васильевича Голицына и товарища послѣдняго Леонтія Неплюева. Онъ доносилъ царю, что Леонтій Неплюевъ угрозами вынудилъ у него дать князю Голицыну отчасти изъ пожитковъ отрѣшеннаго гетмана Самойловича, а отчасти изъ собственнаго своего «имѣньишка», которое по милости монаршей нажилъ на гетманскомъ урядѣ, 11,000 рублей червонцами и ефимками, болѣе трехъ пудовъ серебряной посуды, на 5,000 рублей драгоцѣнныхъ вещей и три турецкихъ коня съ уборомъ [1]). Любопытна записка Мазепы, сохранившаяся въ дѣлахъ Государственнаго Архива, вмѣстѣ съ письмами царевны Софіи, показывающая, что Мазепа, послѣ своего избранія въ гетманы, заплатилъ князю Голицыну взятку за содѣйствіе [2]). Въ нравственныхъ правилахъ Ивана Степановича съ-молоду укоренилась черта, что онъ, замѣчая упадокъ той силы, на которую прежде опирался, не

[1]) Архивъ Ин. Дѣлъ, 1689 года, № 17.

[2]) Прирекла обѣтница моя вашой княжей вельможности не могла чрезъ немалое время прійти въ належитое исполненіе, едно завсегдашними моими около дѣлъ на новости уряду моего трудными заботами, другое затымъ, же не моглемъ наскоро приспособитися въ такую способность, якая бы до посланія была удобна. Теперь тую должность мою въ пилности належитой составивши, посылаю вашей княжой вельможности милостивому благодѣтелю моему въ червонныхъ золотыхъ пять тысячъ и осьмъ сотъ рублей въ копѣйкахъ три тысячи рублей и въ талярахъ битыхъ тысячу и двѣсти рублей, всего десять тысячъ рублей. Якое мое приношеніе изволь ваша княжая вельможность приняти милостиво и ховати мене въ милостивой отческой и благодѣтельской своей ласцѣ и заступленіи. О що покорно прошу обѣцуючи то по себѣ, донелѣ же жыти буду, же во всемъ желательнымъ и послушнымъ есмь работникомъ вашей княжей вельможности, о его же милостивую, отческую ласку истиннымъ всецѣлымъ усердіемъ и повольными услугами моими старатися буду.

OTTO

OTTO OTTO OT

затруднялся никакими ощущеніями и побужденіями, чтобы не содѣйствовать вреду падающей прежде благодѣтельной для него силы. Измѣна своимъ благодѣтелямъ не разъ уже выказывалась въ его жизни. Такъ онъ измѣнилъ Польшѣ, перешедши къ заклятому ея врагу Дорошенку; такъ онъ покинулъ Дорошенка, какъ только увидалъ, что власть его колеблется; такъ, и еще беззастѣнчивѣе, поступилъ онъ съ Самойловичемъ, пригрѣвшимъ его и поднявшимъ его на высоту старшинскаго званія. Такъ же поступалъ онъ теперь съ своимъ величайшимъ благодѣтелемъ, передъ которымъ еще недавно льстилъ и унижался. И ему на этотъ разъ удалось болѣе, чѣмъ всѣ прежніе разы. Онъ заслужилъ къ себѣ милость царя Петра. Вѣроятно теперь ему помогла та природная вкрадчивость, та способность всѣмъ нравиться съ перваго раза,—способность, которая живетъ съ человѣкомъ и съ нимъ умираетъ, оставляя мало слѣдовъ для потомковъ, задающихся изученіемъ историческаго лица. По единогласному свидѣтельству лично знавшихъ этого человѣка, ему была присуща въ высшей степени такая способность. Петру не представлялось ничего противъ этого человѣка. Если онъ слушался Голицына, то потому, что въ рукахъ Голицына была верховная власть. Избранъ былъ Мазепа въ гетманы по желанію всего войска запорожскаго вольными голосами; отъ старшинъ на него не было челобитныхъ; ничто не возбуждало къ нему царскаго неудовольствія, а заявленіемъ о Голицынѣ и Неплюевѣ Мазепа отклонилъ отъ себя подозрѣніе крѣпкой солидарности съ Голицынымъ и его друзьями.

14-го сентября думный дьякъ предложилъ гетману и старшинамъ, не найдутъ ли они нужнымъ представить соображенія къ измѣненію чего нибудь въ статьяхъ договора, составленнаго на коломацкой радѣ. Замѣчено было, что вопросъ объ арендахъ на этой радѣ остался нерѣшеннымъ, но и теперь оставляли его рѣшить голосамъ

всего народа, которые будутъ отбираться по вопросамъ, разосланнымъ въ полки. Гетманъ находилъ необходимымъ произвести новую перепись всѣмъ козакамъ, чтобъ отдѣлить настоящихъ козаковъ отъ своевольныхъ мужиковъ, безпрестанно втирающихся въ козаки, а затѣмъ надобно будетъ строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались въ козачество. Старшины старались не допускать въ козаки посполитыхъ, чтобы держать послѣднихъ у себя въ подданствѣ съ ихъ землею. Со старшинами за одно того же домогались всѣ войсковые товарищи, владѣвшіе маетностями. Мазепа, какъ полякъ по воспитанію, мирволилъ этому «панскому» направленію; но ему хотѣлось, чтобы «паны», то-есть владѣльцы маетностей, зависѣли отъ него, и потому обратилъ вниманіе правительства на то, что нѣкоторые малороссіяне ѣздили въ Москву и тамъ выхлопатывали себѣ маетности въ Малороссіи. Отсюда происходили, какъ выражался гетманъ, «трудности и неналежная докука». Тотъ, кто недавно получилъ грамоту въ Москвѣ, домогается отвода ему земли во владѣніе, сообразно жалованной грамотѣ, а тутъ явится кто нибудь другой и докучаетъ гетману, указывая, что у него есть болѣе давнее право на владѣніе, сообразно гетманскому универсалу. На это представленіе гетману отвѣчали, что впередъ не будутъ выдавать жалованныхъ грамотъ на маетности безъ предварительныхъ гетманскихъ универсаловъ. Въ этотъ пріѣздъ гетмана въ Москву выдано было множество жалованныхъ грамотъ на маетности, и тогда, можно сказать, болѣе чѣмъ въ прежнія времена, положенъ былъ фундаментъ частнаго землевладѣнія въ Малороссіи и начало будущаго малороссійскаго дворянства. Кромѣ общей жалованной грамоты всему малороссійскому народу на бывшія у каждаго лица поземельныя владѣнія [1]), самому гетману Мазепѣ

[1]) Арх. Юст., кн. 51, лл. 199—220.

даны грамоты на сёла Острочъ и Ядловку въ Баришевскомъ повѣтѣ Переяславскаго полка, которыя гетманъ тогда же пожертвовалъ на содержаніе богадѣльни при Кіево-Печерскомъ монастырѣ, на село Кочюровку въ Глуховскомъ повѣтѣ, гдѣ у гетмана былъ дворъ и водяная мельница на рѣкѣ Есмани, и на село Самбуръ въ Красненскомъ повѣтѣ. Всѣми этими маетностями владѣлъ Мазепа и прежде, въ званіи генеральнаго асаула, а теперь онѣ отдавались ему въ потомственное владѣніе. Еще прежде своего пріѣзда въ Москву исходатайствовалъ гетманъ утвержденіе своихъ универсаловъ: за генеральнымъ писаремъ Кочубеемъ села Диканьки и Ярославца, за генеральнымъ судьею Вуеховичемъ двухъ селъ въ Полтавскомъ повѣтѣ, за Михайломъ Гамалѣею на села въ Любецкомъ повѣтѣ, за генеральнымъ бунчужнымъ Евфимомъ Лизогубомъ селъ: Погребки, Кишки и Крапивное съ мельницами на рѣкѣ Сеймѣ [1]), за басанскимъ сотникомъ Янковичемъ, нѣжинскимъ полковникомъ Степаномъ Забѣлою и охотницкими полковниками: Герасимомъ Василевичемъ, Яворскимъ, Кожуховскимъ и Новицкимъ—на пожалованныя имъ всѣмъ маетности [2]). Въ пріѣздъ Мазепы въ Москву, по гетманскому ходатайству, даны грамоты на маетности и многимъ другимъ лицамъ [3]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., №№ 76 и 115.

[2]) Ibid., 1689 г., № 7.

[3]) Войсковому канцеляристу Василію Чуйкевичу на село Андріашевку, полтавскому полковнику Θедору Жученку на село Жуки, лубенскому полковнику Свѣчкѣ на села Деймановку и Дивятовку, Андрею Гамалѣю на село Середнюю Буду, Димитрію Зеленскому на мѣст. Константиновку, Павлу Герцику на село Стасовское, черниговскому полковнику Якову Лизогубу на село Слабино, полтавскому полковому судьѣ Буцкому на село Мартыновку, черниговскому полковому писарю Ивану Скоропадскому на село Выхвостово, нѣжинскому полковому писарю Θедору Завадскому на село Крупичъ-Поле, полковнику охотницкому Пашковскому на село Ромашки, другому—

Гетманъ покровительствовалъ тогда и литературнымъ трудамъ въ своемъ краѣ. По его рекомендаціи, еще до пріѣзда его въ Москву, привозили въ столицу старцы Кіево-Николаевскаго монастыря книгу Радивиловскаго «Вѣнецъ Христовъ», а старцы печерскіе—книгу «Вѣнецъ отъ цвѣтовъ духовнаго винограда печерскаго» для поднесенія ихъ государямъ [1]). Разомъ съ гетманомъ пріѣзжалъ въ столицу глуховской житель Аѳанасій Заруцкій съ книгою: «На похвалу великихъ государей». Онъ подавалъ Голицыну челобитную, гдѣ изъявлялъ желаніе потрудиться и впредь «въ начертаніи книжномъ къ прославленію престола ихъ царскихъ величествъ и его князя Голицына, чтобъ испытно чиномъ весь лѣтописецъ о родствѣ ихъ царскихъ величествъ написанъ былъ, дабы и въ настоя-

Андріенку на село Порохню, значному войсковому товарищу Димитрію Горленку на разныя села, войсковымъ товарищамъ Степану Гречаному, Данилу Лѣсницкому, Ивану Забѣлѣ, Максиму Ильяшенкѣ, Ивану Мировичу, Андрею Дорошенкѣ, Ивану Сулимѣ, Трофиму Полтеребѣ, конотопскому сотнику Кандыбѣ на разныя села, грунты и мельницы. Племянникъ Мазепы Обидовскій получилъ жалованную грамоту на званіе стольника и на имѣніе въ рыльскомъ уѣздѣ, кіевскій полковникъ Григорій Карповичъ получилъ грамоту на села Семиполки, Мостище и Рудню; Леонтій Полуботокъ, хотя ненавидимый Мазепою, получилъ по его универсалу грамоты на разныя села въ Черниговскомъ полку, въ Любецкомъ и Сосницкомъ повѣтахъ. Затѣмъ тогда же даны были жалованныя грамоты Лубенскаго полка обозному Димитрію Глуховцу на село Луку, Черниговскаго полка обозному Калинику на село Ивашково, лубенскому полковнику Свѣчкѣ въ прибавку на два села въ Пирятинскомъ повѣтѣ, Ивану Лисенку на села Дягово и Осьмины, войсковому товарищу бывшему кіевскому полковнику Солонинѣ на села Евлисну, Бонденки и Крехайло, охотницкимъ полковникамъ: Кожуховскому на село Загоровку и Яворскому на село Юдино, Саввѣ Прокоповичу на село Кудровку; войсковымъ товарищамъ: Черняку на село Гавринцы, Шинкѣевичу на село Шаболиново съ мельницами и озерами и другимъ лицамъ Ibid., №№ 27, 31—37, 40, 47—49).

[1]) Ibid., 1688 г., № 60.

щее время мудрымъ людямъ было что прочитать». Онъ заявлялъ, что до сихъ поръ онъ писалъ кратко, но теперь хотѣлъ бы написать подробнѣе, и просилъ снабдить его лѣтописями, потому что въ малороссійскомъ краѣ таковыхъ нельзя было найти [1]).

19-го сентября малороссіяне были отпущены изъ Москвы. На отпускѣ гетману и старшинамъ надарили соболей, разныхъ пряностей и лакомствъ, вина, уксусу и проч.

[1]) Ibid., 1688 г., № 63; 1689 г., № 30.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Волненія въ Малороссіи въ отсутствіе гетмана.—Смута изъ Запорожья.—Писарь Сажка.—Сношеніе запорожцевъ съ Польшею.—Атаманъ Лазука.—Подозрѣнія на Польшу.—Недруги Мазепы въ Малороссійскомъ краѣ.—Леонтій Полуботокъ.—Михайло Василевичъ Галицкій.—Пасквиль на гетмана - Подсылка Шумлянскаго.—Доморацкій.—Чернецъ Соломонъ.—Выдача ихъ и казнь.—Чаліенко и другіе враги гетмана.—Новый пасквиль.—Мать и сестра Мазепы.—Довѣріе и милость къ гетману московскаго правительства.

Поѣздка гетмана въ Москву не обошлась безъ нѣкоторыхъ смутъ въ Малороссіи. Гетманъ, отъѣзжая въ столицу, поручилъ вмѣсто себя управленіе краемъ въ званіи наказнаго гетмана генеральному судьѣ Вуеховичу, а для защиты рубежей гетманщины отъ татарскихъ вторженій разставилъ вдоль Днѣпра охотныхъ козаковъ и засеймскія сотни Нѣжинскаго полка, давши надъ тѣми и другими наказное начальство стародубскому полковнику Миклашевскому. Боялись татаръ, но тревога наступила отъ своихъ, а не отъ чужихъ [1]). Гетманъ получилъ отъ Вуеховича извѣстіе, что въ Ромнахъ, въ Чернухахъ, въ Басани — въ Переяславскомъ полку, въ Кобылякахъ и Будищахъ— въ Полтавскомъ полку и во всѣхъ побережныхъ городкахъ

[1]) „Лѣтопись Самовидца“, изд. 1878 г., стр. 177.

пошли слухи, что гетмана задержатъ въ Москвѣ со старшинами, отпустятся назадъ только бывшіе съ ними незнатные люди; толковали даже, что «нѣкій иной чинъ имѣетъ быти». Такіе слухи распространяли запорожцы, злобствовавшіе на гетмана за то, что онъ запретилъ малороссіянамъ ѣздить на Запорожье для торговли и лишилъ Запорожскую Сѣчь возможности получать хлѣбъ и другіе предметы продовольствія изъ Малороссіи. Запорожцы ошибались: такія стѣснительныя мѣры послѣдовали по волѣ московскаго правительства и гетманъ, будучи въ Москвѣ, ходатайствовалъ объ ихъ отмѣнѣ. Вуеховичъ писалъ, что трудно ему удерживать спокойствіе, люди его не слушаютъ, властей не уважаютъ и уходятъ въ разныя стороны: тѣ на Низъ въ степи, а тѣ къ Бугу и инымъ рѣчкамъ на правой сторонѣ Днѣпра. Изъ полковъ Гадяцкаго, Миргородского и Лубенскаго поднимается поспольство большими громадами на правый берегъ Днѣпра искать новоселья; иные же, доносилъ Вуеховичъ, думаютъ и нѣчто новое у себя зачать. Правобережная Украина повидимому начинала для малороссіянъ лѣваго берега дѣлаться такою же обѣтованною землей, какою лѣтъ пятнадцать тому назадъ казались для правобережной Украины лѣвобережная и слободскій край. «Что̀ можемъ мы сдѣлать, писалъ Вуеховичъ, съ какими-нибудь нѣсколькими тысячами дворянъ (т. е. гетманской надворной команды) противъ большаго числа непослушныхъ! Не такъ страшны намъ невѣрные татары, какъ свои нехристи, которые страха Божія не имѣютъ и начальства не слушаютъ. Множество ихъ порывается на ту сторону Днѣпра искать себѣ житья, а запорожцы разглашаютъ, что татаръ бояться нечего, что татары намъ не враги и ханъ приказалъ отпустить на свободу всѣхъ, которыхъ татары недавно захватили на другомъ берегу Днѣпра, когда тѣ ходили за ягодами и за дровами». Вуеховичъ умолялъ

гетмана поспѣшить въ Украину и издать универсалъ къ народу; о томъ же доносили гетману генеральный хоружій Ломиковскій и стародубскій полковникъ Миклашевскій: послѣдній писалъ, что, находясь на стражѣ въ Днѣпровской пристани, онъ принужденъ былъ пропускать нѣсколько возовъ за Днѣпръ, потому что весь народъ ропталъ, почему не дозволяютъ ходить на Низъ за звѣриными и рыбными промыслами [1]).

Шатаніе съ мѣста на мѣсто, исканіе льготнаго житія на новосельяхъ было тогда въ нравахъ малороссійскаго народа не только въ гетманщинѣ, но и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ селились выходцы слобожане. Путивльскаго уѣзда слободы Терновой жители малороссіяне, поверстанные службою къ сѣвскому воеводѣ, самовольно убѣжали со службы, забрали свои семьи и ушли въ село Хоруговку, принадлежавшее Михайлу Гамалѣѣ. Владѣлецъ объявилъ у себя новопоселенцамъ льготы на 15 лѣтъ и такимъ образомъ переманилъ къ себѣ изъ Терновой слободы 40 дворовъ, а потомъ посылалъ дѣлать наѣзды на Терновую слободу, грабить и бить людей, чтобъ отъ такой «тѣсноты» переходили къ нему терновцы на житье [2]).

По возвращеніи домой, гетманъ узналъ, что вся смута въ народѣ исходитъ отъ запорожцевъ. Былъ на Запорожьи писарь, по имени или по прозвищу Сажка. Онъ сообщалъ въ Украину секретно гетману, что̀ творится въ Сѣчѣ, и какъ запорожцы, подущаемые татарами, толкуютъ о томъ, что надобно вмѣстѣ съ ляхами и татарами воевать москалей [3]). Сажка извѣстилъ гетмана, что кошевой Гусакъ, хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товарищества, послалъ въ Варшаву къ польскому коронному гетману Прокопа Лазуку съ товарищами Забіякою и Кисляковскимъ:

[1]) Арх. Юст., кн. 51, стр. 220—248.

[2]) Ibid. Донесеніе воеводы изъ Путивля отъ 9 октября.

[3]) Ibid., кн. 51, л. 248; кн. 59.

они повезли «суплику» отъ войска низоваго запорожскаго съ жалобою, что Москва нарушаетъ ихъ вольности и хочетъ всѣхъ ихъ сдѣлать рабами своего московскаго царя и его бояръ [1]. «Пусть,—обращались они въ своей супликѣ ко всей Рѣчи Посполитой,—пусть святой духъ освѣтитъ сердца вельможностей вашихъ и дастъ вамъ здравый совѣтъ [2], а наше желаніе таково, чтобы оба народа, польскій и малороссійскій, соединились» [3].

Обо всемъ этомъ гетманъ узналъ черезъ писаря Сажку и потомъ черезъ посланнаго нарочно въ Варшаву ловкаго кіевскаго торговца Ельца и сообщилъ въ Москву; но тамъ узнали о сношеніяхъ запорожцевъ съ Польшею и другимъ путемъ. Какой-то шляхтичъ Подольскій сообщилъ московскому резиденту Волкову о прибытіи запорожцевъ, замѣчая, что король польскій хоть и не приметъ запорожцевъ въ подданство, но будетъ радъ размолвкѣ запорожцевъ съ царемъ и съ городовыми козаками, потому что король польскій, какъ и всѣ вообще поляки, недоволенъ уступкою Москвѣ областей, принадлежавшихъ прежде Рѣчи

[1]) Awizy z Moskwy zachodzą, że jesteśmy iuż pod ręką y władzą carom moskiewskim y iego bojarom dumnym na wieczną niewolę, y na ucisk w poddaństwo od Jego Królewskiey Mości y Rzeczy Pospolitey oddaleni. Na co iak Zaporoże, tak y wszystek naród dziedziczny kozacki z niemałym bolem y żalem serdecznym narzekamy y musiemy na to ciężko wzdychać, że przez to samo ręce y nogi sobie przewiązowali y pod iarzmem ich moskiewskim ięczeć iuż do tego samego przyjdzie, że moskale nas za nos wodzą y Zadnieprze posiadają y naród dziedziczny kozacki wypieraią y zaniedług wykorzenią y nie tylko chcą imie kozackie zgubić, ale Zaporoże wykorzenić, a żeby my wolne woysko zaporozkie i wszystek naród kozacki byli im wiecznymi niewolnikami y widomie prawa nasze starynne kozackie kasuią y wolności nasze y swobody dziadów naruszaią.

[2]) Niech Duch swięty oświeci serca wielmożności waszych y doda zdrowey rady.

[3]) Gdyby te narody obadwa złączyli (Арх. Ин. Дѣлъ, 1849 г., іюнь, № 40. Арх. Юст., кн. 59).

Посполитой [1]). Въ слѣдующемъ 1690 году Сажка извѣстилъ гетмана, что Прокопъ Лазука воротился отъ короля и привезъ королевскій подарокъ 200 червонцевъ для раздачи товариству [2]). Тогда гетманъ отправилъ въ Сѣчь ловкаго козака Василя Горбачевскаго, приказывая сойтись съ Прокопомъ Лазукою и вывѣдать отъ него, что̀ ему говорили въ Польшѣ. Лазука открылся Горбачевскому и говорилъ: «Меня очень почетно приняли въ Польшѣ. Коронный гетманъ увѣщевалъ насъ служить королю, а король, отсылая черезъ меня 200 червонцевъ, обѣщалъ еще прислать поболѣе черезъ посредство какихъ-то кіевскихъ знатныхъ особъ, но пусть гетманъ не довѣряетъ ляхамъ. Изъ того, что я слышалъ отъ короннаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ, вижу, что они зла желаютъ нашей Украинѣ». Такое предостереженіе Лазуки скоро стало подтверждаться вѣстями, приходившими изъ Крыма, что ханъ намѣревается всѣми силами орды своей помогать полякамъ подчинить себѣ Украину, а лѣтомъ 1690 года [3]) Мазепа сообщилъ въ Приказъ, что турецкіе послы подали цесарскому величеству статьи о мирѣ и въ этихъ статьяхъ упоминается только о цесарской державѣ, да о польской Рѣчи Посполитой, да о Венецейской, а о царской державѣ нѣтъ и помина. Польскій король то и дѣло что пересылается съ крымскимъ ханомъ, который берется устроить примиреніе между Турціей и Польшею. «Я имѣю, писалъ Мазепа, вѣрную вѣдомость, что отъ цесарскаго величества и отъ польскаго короля великимъ государямъ царямъ никакого добра надѣяться не слѣдуетъ, а напротивъ можно опасаться военныхъ вредительствъ» [4]).

Такъ расплывались въ ничто пышныя ожиданія успѣ-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1849 г., № 40.

[2]) Арх. Юст., кн. 62, л. 111.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ, Подлинники, іюль 1690 г.

[4]) Арх. Юст., кн. 59.

ховъ, которыхъ, казалось, можно было ждать отъ союза христіанскихъ державъ въ борьбѣ съ мусульманами. Союзники, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, поддерживая другъ друга, ковали ковы одинъ противъ другого и каждый поодиночкѣ искалъ возможности помириться съ враждующею стороною съ выгодою для себя и въ ущербъ союзникамъ. Бдительный гетманъ, отлично понимавшій, что̀ такое польское правительство, слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и въ пору указывалъ московскому правительству неискренность союза Польши съ Россіей и тѣмъ самымъ, оказывая ему услуги, располагалъ къ себѣ его довѣріе

Между тѣмъ у гетмана были внутри края между старшинами враги, нетерпѣвшіе его въ равной степени, какъ не терпѣлъ ихъ и онъ. Главными изъ нихъ продолжали быть Леонтій Полуботокъ и Михайло Василевичъ Галицкій. О Полуботкѣ доносилъ гетманъ, что онъ наговаривалъ кіевскому воеводѣ князю Ромодановскому на гетмана, будто онъ, Мазепа, человѣкъ польской породы, посылаетъ въ Польшу къ сестрѣ своей старицу Липницкую для покупки маетностей и что войско запорожское этого гетмана не терпитъ и всѣмъ малороссіянамъ онъ непріятенъ. Ромодановскій подтвердилъ, что это сообщаемо было Полуботкомъ. Мазепа воспользовался челобитною, поданною на Полуботка нѣкоторыми переяславцами, и испросилъ въ Приказѣ одобреніе смѣны его съ полковничьяго уряда, назначивъ вмѣсто его управлять Переяславскимъ полкомъ Ивана Лысенка [1]).

Съ другимъ недоброжелателемъ гетмана, Михайломъ Василевичемъ Галицкимъ, Мазепа связалъ дѣло о появившемся въ Кіевѣ подметномъ письмѣ.

9-го марта 1690 года въ Кіевѣ стрѣлецъ Евстратка въ Пятницкихъ воротахъ Печерскаго мѣстечка поднялъ

[1]) Ibid., л. 104. Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., № 32.

письмо и принесъ его своему капитану, а послѣдній доставилъ это письмо царскому кіевскому воеводѣ. Письмо это заключало въ себѣ предостереженіе отъ «злопрелестнаго» гетмана Мазепы. Оно выдавалось написаннымъ жителемъ правой стороны Днѣпра, уступленной Польшѣ. Припоминалось, какъ этотъ Мазепа когда-то людей православныхъ русскихъ—подольскихъ и волынскихъ—хваталъ и продавалъ бусурманамъ, обдиралъ въ церквахъ съ иконъ серебряные оклады и отдавалъ туркамъ, какъ послѣ того своего пана гетмана задалъ въ вѣчное безславіе и безчестіе и завладѣлъ его достояніемъ, съ котораго потомъ покупалъ сестрѣ своей маетности въ польскихъ владѣніяхъ, а на остатокъ, что горше всего, стакался съ Голицынымъ, хотѣвшимъ жениться на царевнѣ Софіи и изгнать съ престола и со свѣта царя Петра, съ тѣмъ и пріѣхалъ въ Москву, чтобъ, устранивши Петра, устроить на свой счетъ свадьбу Голицына съ Софіею. Они вмѣстѣ затѣвали «искоренить, погубить и въ ничто обратить престолъ отъ вѣка сіяющій и страшный всѣмъ гонителямъ на благочестіе. Иные изъ соумышленниковъ уже приняли судъ, а его, который есть источникъ и начало пагубы, вы сохраняете на такомъ урядѣ, на которомъ если перваго своего замысла и не учинитъ, то уже подлинно управляемый имъ край злою хитростію своею отдастъ въ нашу сторону, гдѣ всѣ церкви Божіи и людей вѣра благочестивая скончаются подъ игомъ польскимъ, и вашей власти упадокъ, и намъ кончину, и благочестію православному конецъ учинитъ прелестникъ Мазепа. Доколѣ же вы этого злодѣя губителя будете держать? Ваше царское благочестіе промышляете какъ бы заграничныхъ враговъ побѣдить, а этого домашняго врага бережете на пагубу своему царству! У насъ въ Коронѣ Польской издавна такъ и ведется, что умышлявшихъ зло королю казнятъ смертію и роды ихъ, сеймовыми конституціями обезчещенные, пребываютъ вѣчно

подъ банниціею и только для того держутся, дабы другіе, видя постигшую ихъ отъ Бога и Рѣчи Посполитой пагубу, каялись и не покушались мыслить зла королю своему; сей же на ваше царское здоровье умышлялъ и ему какъ будто все прощено, и онъ ищетъ способа, какъ бы своего достичь! Вотъ и Шумлянскій нашъ уніатъ, а на самомъ дѣлѣ римлянинъ (папистъ), изъявляетъ желаніе поддаться подъ власть патріарха московскаго, а все это для того, дабы, чрезъ свою волчью покорность, вступивши подъ власть святительскую, могъ вмѣстѣ съ злодѣемъ гетманомъ учинить пагубу вашему престолу. Мы сердечно скорбимъ о такихъ измѣнническихъ видахъ противъ вашего престола и не желаемъ, чтобы цѣлъ оставался врагъ, чрезъ котораго пала бы стѣна благочестія нашего, когда вы сами государи для того и миръ съ польскимъ королемъ постановили, чтобы сіяло благочестіе». На оберткѣ этого подметнаго письма было написано, что воевода долженъ передать его самимъ государямъ, а не иному кому для врученія, потому что измѣнникъ, будучи въ Москвѣ, раздавалъ ближнимъ боярамъ многія сокровища за то, чтобъ тѣ при всякомъ удобномъ случаѣ держали его сторону.

Письмо это было переслано въ Москву, а изъ Москвы отправлено въ Батуринъ съ дьякомъ Борисомъ Михайловымъ, которому приказано было увѣрить гетмана въ неизмѣнной къ нему царской милости. Въ Москвѣ подозрѣніе падало на нѣкоего старца Одорскаго, пріѣхавшаго въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону посвящаться въ санъ епископа мстиславскаго. Кіевскіе воеводы задержали его и взяли у него какіе-то листы польскаго и латинскаго письма, которые почему-то показались подозрительными и теперь отправлялись къ гетману.

Борисъ Михайловъ прибылъ въ Батуринъ 8-го апрѣля. Пріемъ ему былъ очень почетный. За пять верстъ отъ города встрѣчалъ его генеральный хоружій Ломиковскій.

По прибытіи въ Батуринъ царскій посланецъ остановился на постояломъ дворѣ и гетманъ прислалъ за нимъ свою карету. На гетманскомъ дворѣ встрѣчали его генеральные старшины и пятьдесятъ знатныхъ батуринскихъ обывателей, а самъ гетманъ стоялъ на крыльцѣ своего гетманскаго дома и поклонился ему до земли.

«У насъ — сказалъ Мазепа, — такъ издавна ведется: какъ пріѣдетъ къ намъ лицо отъ царскаго пресвѣтлаго величества, то генеральные старшины сходятся и радуются, и на радости у гетмана бенкетують, и тебя, Борисъ, намъ невозможно также не почтить».

Посланникъ извинился недомоганіемъ и уѣхалъ въ той же гетманской каретѣ въ свое помѣщеніе. Отложили свиданіе до будущаго времени. Въ назначенный для того день, Бориса Михайлова привезли снова. Мазепа встрѣтилъ его на крыльцѣ и ввелъ въ свои покои. Свиданіе съ царскимъ посланникомъ происходило наединѣ.

Соображаясь съ даннымъ наказомъ, Борисъ Михайловъ, вручивши Мазепѣ подметное письмо, говорилъ гетману:

«Кто бы могъ быть такимъ недругомъ, что подкинулъ письмо? Не Одорскій ли? Не взять ли бы его тотчасъ изъ Кіева и привезти въ Батуринъ на допросъ?»

Дьякъ сообщилъ гетману и другія подозрѣнія: на нѣкоего поляка Искрицкаго, недавно пріѣзжавшаго въ Малороссію и желавшаго видѣться съ гетманомъ, и на одного священника, который пріѣзжалъ въ Кіевъ просить благословенія у митрополита на постройку церкви въ Корсуни. «Этому попу, — сказалъ дьякъ, — не слѣдуетъ дозволять строить церкви въ Корсуни, а дать бы ему священническое мѣсто гдѣ-нибудь на лѣвой сторонѣ, для того, чтобъ отвадить ѣздить къ намъ съ правой стороны и подговаривать жителей къ переселенію съ лѣвой стороны на правую».

Проглядѣвши поданное подметное письмо, гетманъ поднялъ глаза къ образамъ и произнесъ: «О, Пресвятая Бо-

городица! Ты зриши мою убогую и грѣшную душу, Ты вѣси, какъ денно и нощно непрестанное имѣю попеченіе, какъ бы ихъ царскимъ величествамъ до конца живота услужить и за ихъ государское здравіе кровь пролить. Мои злодѣи не спятъ и о здравіи моемъ нудятся: ищутъ, чѣмъ бы могли меня поткнуть и погубить. На тебя, Богородица, моя надежда, что вѣрная и истинная служба великимъ государямъ и мое радѣніе до сего не допустятъ».

Затѣмъ гетманъ разсыпался въ клятвахъ и увѣреніяхъ въ томъ, что никогда не имѣлъ помышленія дѣлать какой-либо вредъ великимъ государямъ. «Письмо это,—говорилъ онъ,—написано не въ Польшѣ и не полякомъ. Это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи совсѣмъ нѣтъ. Думаю, это письмо написано здѣшними людьми и притомъ не однимъ; въ двухъ мѣстахъ оно переправлено другимъ почеркомъ. Это сочинилъ какой-то малороссійскій уроженецъ лѣвой стороны Днѣпра, притомъ часто бывавшій въ Москвѣ. Подозрѣваю Михайла Василевича Галицкаго: природа у него такая, что влечетъ къ тому, чтобы другимъ дѣлать зло и въ людяхъ посѣвать смуту. Когда я былъ въ Москвѣ, онъ всякими способами старался привлечь царя на гнѣвъ противъ меня. Тогда онъ для себя самого добивался гетманства. И прежде, когда еще я былъ генеральнымъ асауломъ, онъ составилъ подметное письмо, въ которомъ написалъ, будто я гетманскаго сына Семена и дочь его, что была за бояриномъ Шереметевымъ, отравилъ и на самого гетмана болѣзнь глазную наслалъ; только бывшій гетманъ не поставилъ этого ни во что. Будучи гадяцкимъ полковникомъ, онъ самовольно сносился съ крымскими мурзами и бывшаго гетмана подбивалъ, чтобы тотъ надѣялся на дружбу крымцевъ, а на того же гетмана писалъ подметныя письма. Когда Михайла отъ полковничества отставили, онъ жилъ въ Москвѣ, а теперь услыхалъ я, что его отпустили изъ Москвы въ свои мает-

ности въ лебединскомъ уѣздѣ. Думаю, напрасно ему дозволяютъ жить въ малороссійскомъ краѣ; будетъ изъ того вредъ: онъ уйдетъ либо на Донъ, либо въ Крымъ, либо въ Запорожье — и тамъ затѣетъ такое дѣло, что послѣ и слышать будетъ страшно. Пусть бы великіе государи приказали поскорѣе взять его изъ лебединскаго уѣзда и привезти въ Москву. Есть у меня подозрѣніе, что въ написаніи подметнаго письма, вмѣстѣ съ Михайломъ, участниками были: Дмитрашко Райча и Полуботокъ. Въ подметномъ письмѣ есть выраженіе: «для милосердія Божія». Такое выраженіе въ обычаѣ у Дмитрашки Райчи въ письмахъ. Оба — и Дмитрашка Райча, и Полуботокъ — съ Михайломъ большіе друзья, а Полуботокъ ему еще и сродни».

Тутъ гетманъ постарался набросить вскользь подозрѣніе на Юрія Четвертинскаго. Мазепа самъ, въ бытность свою въ Москвѣ, исходатайствовалъ этому человѣку возвращеніе въ малороссійскій край. Воротившись, князь Юрій Четвертинскій женился на прежней своей невѣстѣ, дочери несчастнаго Самойловича жилъ въ своей маетности въ хуторѣ Дунаевцѣ и принялъ къ себѣ тещу, жену сосланнаго гетмана [1]). Мазепѣ это было не по-сердцу. Онъ навелъ рѣчь на князя Юрія и говорилъ:

«Вотъ еще этотъ князь Юрій Четвертинскій, пьяница, разсѣеваетъ въ народѣ худые слухи на мой счетъ. Онъ говорилъ батуринскому попу Василію: «гдѣ прежде была вода, тамъ опять вода будетъ. Бывшему гетману уже есть царская милость; увидишь, что̀ съ его злодѣями станется»! Да тутъ же меня помянулъ; не тайно, а явно, знатнымъ особамъ говоритъ про меня худое, не зазрясь ни на кого. Живетъ онъ Юрій подъ моимъ урядомъ, а мнѣ унять его невозможно. Онъ пожалованъ стольничествомъ. Взять бы его съ женою къ Москвѣ, да и тещу

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., № 9.

его вывезти бы изъ малороссійскихъ городовъ и къ мужу отослать, потому что отъ нихъ умножается мнѣ зло. Взять ихъ отсюда есть пристойная причина: онъ—стольникъ и, находясь въ такомъ чинѣ, въ дальнихъ отъ Москвы малороссійскихъ городахъ ему волочиться не довлѣетъ, а гетманской женѣ отъ мужа врознь жить неприлично».

На другой день было новое свиданіе гетмана съ дьякомъ. Борисъ, согласно съ даннымъ ему наказомъ, всетаки хотѣлъ подозрѣніе въ составленіи подметнаго письма свернуть на кого-нибудь изъ жителей польскихъ владѣній и говорилъ объ Искрицкомъ. Надобно знать, что еще прошлый годъ была къ гетману подсылка отъ львовскаго епископа Шумлянскаго, принявшаго унію. Пріѣзжая къ Мазепѣ, польскій шляхтичъ Доморацкій привезъ отъ Шумлянскаго письмо такого содержанія, что всякъ, прочитавши его, могъ подумать, что между уніатскимъ архіереемъ и малороссійскимъ гетманомъ ведутся какія-то секретныя сношенія въ пользу Польши и въ ущербъ царской власти. Въ этомъ письмѣ говорилось о прежней посылкѣ къ гетману пана Искрицкаго [1]. Гетманъ тогда же сообщилъ объ этомъ въ Москву, подвергъ Доморацкаго пыткѣ и вмѣстѣ съ пыточными рѣчами отправилъ его самого въ Москву. Теперь Борисъ Михайловъ говорилъ:

«Вызвать бы тебѣ, гетманъ, этого Искрицкаго. Съ нимъ бы ты могъ разговориться и вывѣдать, кто къ тебѣ его посылалъ».

«У Искрицкаго, — говорилъ гетманъ, — здѣсь есть тесть, Павелъ Герцикъ. Искрицкій хотѣлъ сюда ѣхать, да воротился назадъ, можетъ быть услыхавши, что Доморацкій задержанъ. Я призову тестя его, Герцика, и скажу,

[1]) Ваша милость уже имѣешь вѣдомость отъ пана Искрицкаго, но Искрицкій насъ еще ни о чемъ не извѣщаетъ, чему мы удивляемся. Авось либо новый посланецъ нашъ, вручитель настоящаго письма, будетъ счастливѣе и принесетъ намъ добрыя вѣсти и пр.

чтобъ онъ зятя звалъ къ себѣ. Когда удастся мнѣ Искрицкаго заманить и онъ обличится въ связи съ Доморацкимъ, я прикажу его вывезти за городъ Кіевъ и повѣсить на дорогѣ въ польскіе города. Только напрасно искать составителя подметнаго письма въ польской сторонѣ,—и я, и всѣ старшины подлинно знаемъ, что письмо это написано Михайломъ Василевичемъ».

Въ это время пришло извѣстіе изъ Кіева о кончинѣ митрополита Гедеона. Царскій посланникъ зналъ, что гетманъ не любилъ покойника, но Мазепа передъ Борисомъ Михайловымъ, говоря о смерти Гедеона, прослезился и началъ расточать похвалы двумъ скончавшимся тогда іерархамъ: митрополиту Гедеону и московскому патріарху Іоакиму.

Уже прощаясь съ гетманомъ, царскій посланникъ дьякъ Борисъ Михайловъ попросилъ назадъ подметное письмо, которое привозилось гетману для показа. Дьякъ объяснялъ, что это письмо нужно для сыска воровъ въ государевомъ приказѣ. Мазепа увидалъ недовѣріе къ себѣ, измѣнился въ лицѣ, выслалъ прочь бывшихъ тамъ и, оставшись съ Борисомъ Михайловымъ наединѣ, говорилъ:

«Очень меня печалитъ то, что во мнѣ сомнѣваются! Иначе для чего бы это письмо брать назадъ отъ меня? Зачѣмъ хотятъ хранить такія клеветы и сплетни про меня? Изъ этого я догадываюсь, что письму этому вѣрятъ и о моей головѣ станутъ мыслить!»

Борисъ Михайловъ увѣрялъ гетмана въ неизмѣнной къ нему милости обоихъ государей и объяснялъ, что подметное письмо требуется обратно вовсе не ради какой-то осторожности отъ гетмана, а для сыска воровъ.

Гетманъ позвалъ генеральнаго писаря Кочубея и сказалъ:

«Се ще менѣ щепа въ серце влѣзла! Борисъ проситъ листъ назадъ».

«Что съ нимъ будете дѣлать? Развѣ въ наказѣ у тебя написано, что взять его назадъ?» спросилъ посланца Кочубей.

«Въ наказѣ того писать не доводится,—сказалъ Борисъ Михайловъ,—а мнѣ приказано словесно привезти назадъ письмо».

Кочубей по приказу гетмана принесъ царскую грамоту, гдѣ было сказано, чтобы вѣрить Борису во всемъ, что у него въ наказѣ написано. Прочтена была грамота. Гетманъ произнесъ:

«Видишь, вѣрить тому, что въ наказѣ написано, а того, чтобы письмо назадъ отдавать—не написано, и потому намъ отдать письма нельзя. Такія письма подираются и сжигаются, а я, гетманъ, до ихъ государскаго указа, то письмо сохраню въ цѣлости для подлиннаго свидѣтельства и сыска и учну до самой крайней вѣдомости доискиваться, а тебѣ того письма не отдамъ».

Въ разговорѣ съ Борисомъ Михайловымъ, Мазепа сознавался, что его многіе не любятъ и считаютъ полякомъ, способнымъ измѣнить царской державѣ. «Зазрятъ мнѣ,—говорилъ онъ,—что я когда-то въ молодости былъ покоевымъ у прежняго польскаго короля Яна-Казимира и что у меня въ Польшѣ есть сестреница (сестра). Оттого чаютъ у меня доброжелательство къ польской сторонѣ. Точно, меня въ молодыхъ лѣтахъ отецъ отправилъ ко двору Яна-Казимира, только этого не слѣдуетъ мнѣ ставить въ подозрѣніе. Лучше же было, что я научался обращенію съ людьми вблизи королевской особы, а не гдѣ-нибудь въ корчмахъ, предаваясь всякимъ безобразіямъ. Хоть и былъ я при польскомъ королѣ, однако послѣ, по моей прямой совѣсти, перешелъ на сю сторону Днѣпра и тутъ получилъ себѣ милости и всякое добро, и дослужился до гетманскаго чина, и съ нимъ до всякаго довольства и почета у ихъ царскихъ величествъ, а не у польскаго короля.

Теперь вотъ, по милости ихъ царскихъ величествъ, я мало чѣмъ меньше польскаго короля. Чего же мнѣ еще желать? Прежніе гетманы помышляли иначе и за то себѣ воспріяли, а я то имѣю непрестанно въ своей памяти. А что моя сестра остается въ Польшѣ, такъ это потому, что она обжилась тамъ и возвращаться ей сюда не зачѣмъ. Вѣдь и кромѣ меня, гетмана, у многихъ изъ нашихъ старшинъ есть сродники въ Польшѣ: у обознаго Борковскаго, напримѣръ, тамъ родной братъ... На нихъ, однако, позора за то нѣтъ. И меня подозрѣвать не слѣдуетъ, будто я доброжелательствую болѣе польской сторонѣ».

«Я, — замѣтилъ Борисъ Михайловъ,—о тебѣ такихъ рѣчей не слыхалъ, да и говорить никто не посмѣетъ». Объяви, гетманъ, именно, кто о тебѣ такія рѣчи говорилъ.

«Я вѣдь говорилъ, — отвѣчалъ гетманъ, объ этомъ, только очищаючи себя отъ подозрѣній, а не на доводъ противъ кого бы то ни было, и объявлять о такихъ людяхъ не-зачѣмъ. Вотъ только что нехорошо: нынѣшніе малороссійскіе люди ѣздятъ въ Москву и живутъ по столицѣ въ разныхъ мѣстахъ, а особаго двора малороссійскаго не имѣютъ, по своей волѣ вездѣ бродятъ изъ улицы въ улицу, иные покумились и посватались съ вашими людьми всякихъ чиновъ и отъ нихъ-то идутъ всякіе поговоры и непристойныя слова, и если на Москвѣ впредь учинится какое воровство, или подметное письмо явится, о томъ никакими способами розыскать будетъ невозможно. Пусть бы великіе государи изволили указать особый дворъ для малороссіянъ, какъ уже было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ».

11 апрѣля гетманъ отправилъ Бориса Михайлова съ большимъ почетомъ, самъ провожалъ его до кареты, а генеральные старшины, хоружіе и асаулъ проводили его за пять верстъ отъ Батурина.

Попытка гетмана заманить Искрицкаго, какъ говорилъ гетманъ дьяку, не удалась. Посланный челядникъ добрался до имѣнія Искрицкаго и подалъ ему письмо будто бы отъ Доморацкаго. Но Искрицкій смекнулъ хитрость и сказалъ: «А гдѣ Доморацкій? Знаемъ мы васъ, крашенныя лисицы! Не будь мирнаго договора, зналъ бы я куда дѣть тебя листоношу!» И прогнанъ былъ челядникъ, и вернулся ни съ чѣмъ [1]).

Между тѣмъ въ Польшѣ появилось отъ Мазепы такое же загадочное лицо, какимъ являлись изъ Польши въ Малороссію къ Мазепѣ Доморацкій и Искрицкій. Это былъ человѣкъ средняго роста, тощій, блѣднолицый, съ клинообразною бородкой, съ длинными усами, въ чернеческой одеждѣ. Съ виду казалось ему лѣтъ около сорока. Онъ называлъ себя инокомъ Соломономъ [2]). Онъ пріѣзжалъ въ Польшу два раза. Первый разъ—въ концѣ 1689 года; тогда онъ привезъ и подалъ польскому королю въ Жолквѣ письмо гетмана Мазепы, будто бы писанное во время возвращенія изъ похода къ Перекопу и порученное этому чернецу, бывшему въ крымскомъ походѣ съ образомъ Всемилостиваго Спаса. Въ этомъ письмѣ гетманъ жаловался на утѣсненія, терпимыя малороссіянами отъ Москвы, желалъ возсоединить снова Украину съ Рѣчью Посполитою, обѣщалъ расположить къ этому козаковъ, просилъ королевской протекціи и заявлялъ, что съ нимъ въ замыслѣ татары [3]). Король не вполнѣ повѣрилъ подлинности этого письма, задержалъ чернеца, отправилъ въ Креховскій монастырь недалеко отъ Жолквы, а немного времени спустя приказалъ отпустить его и выдать ему проѣзжій листъ на обратный путь въ Украину, какъ человѣку будто бы бродившему за собираніемъ милостыни. Вес-

[1]) Арх. Юст., кн. 59, л. 159 и далѣе.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ.—Дѣла польскія 1690 года.

[3]) *Устряловъ*: „Ист. Петра Вел.", т. I, прилож. 10, стр. 483.

ною 1690 года Соломонъ явился снова въ Польшѣ и направлялся прямо въ Варшаву. Не доѣзжая польской столицы, нанялъ онъ какого-то студента и вмѣстѣ съ нимъ составилъ «воровскія» письма къ королю и къ коронному гетману будто отъ имени Мазепы съ такимъ же, какъ и въ прежнемъ письмѣ, желательствомъ пріязни и подданства Польской Коронѣ отъ войска запорожскаго и отъ всего малороссійскаго народа. Студентъ, котораго подговорилъ на это Соломонъ, прежде служилъ «хлопцемъ» у какого-то итальянца, а потомъ училъ дѣтей у хозяина того дома, куда присталъ Соломонъ. Послѣ составленія фальшиваго письма, чернецъ остался пьянствовать въ Солкѣ, а студентъ уѣхалъ впередъ въ Варшаву, явился къ королю и донесъ объ обманѣ. Скоро вслѣдъ за студентомъ прибылъ въ Варшаву чернецъ Соломонъ и подалъ королю письмо, будто бы отъ малороссійскаго гетмана, уже переписанное на-бѣло. Но король былъ уже предупрежденъ, приказалъ тотчасъ позвать студента и дать ему очную ставку съ Соломономъ. Студентъ обличалъ плутовство черневыми отпусками письма, написанными его рукою. Присмотрѣвшись въ лицо чернецу, король узналъ въ немъ того самаго, который уже пріѣзжалъ къ нему съ подобнымъ письмомъ и представлялся въ Жолквѣ въ прошломъ году. Соломонъ сначала запирался и вывертывался; но когда ему пригрозили пыткою, то сознался, что оба раза подавалъ королю отъ гетмана Мазепы фальшивыя письма и дѣлалъ это самовольно, желая какъ-нибудь поселить раздоръ и смятеніе [1]). Послѣ того, когда Соломона содержали подъ карауломъ, онъ, думая какъ-нибудь вывернуться, вымыслилъ еще два письма отъ Мазепы—одно къ королю, другое къ Шумлянскому, въ которыхъ излагалось удивленіе, почему посланный чернецъ

[1]) Арх. Юст., кн. 59. Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., № 29.

Соломонъ не возвращается [1]) Король на этотъ разъ еще менѣе могъ поддаться обману послѣ того, какъ этотъ чернецъ былъ уже уличенъ студентомъ въ составленіи фальшиваго письма. Припугнутый угрозами пытки, Соломонъ указалъ на фальшивыя печати, выдаваемыя за Мазепины, зарытыя имъ въ саду [2]). Король приказалъ содержать чернеца Соломона подъ крѣпкимъ карауломъ въ двойныхъ кандалахъ и увѣдомить о томъ московское правительство и гетмана Мазепу. Король сообщилъ Мазепѣ, что изъ показаній, данныхъ Соломономъ, оказывалось, что онъ былъ родомъ изъ Бродъ, служилъ у Дорошенка, потомъ ушелъ въ Москву и поступилъ тамъ въ духовное званіе. Въ то время, какъ самъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ находился во вторичномъ крымскомъ походѣ, сынъ князя, управлявшій Москвою, посылалъ Соломона къ бывшему гетману Самойловичу и тотъ будто участвовалъ въ замыслѣ составить фальшивыя письма отъ имени Мазепы къ польскому королю [3]).

Когда Мазепѣ доставлены были копіи съ показаній Соломона, онъ изъявилъ недовѣріе въ ихъ подлинности и совѣтовалъ московскому правительству вытребовать Соломона въ Москву чрезъ особаго гонца въ Польшу [4]). О томъ же Мазепа писалъ къ коронному гетману польскому, домогаясь отсылки Соломона въ Москву [5]). Гетманъ настаивалъ на обвиненіяхъ Михайла Василевича Галицкаго и притягивалъ къ дѣлу нѣкоего Аѳанасія Озерянскаго, служившаго по разнымъ порученіямъ у Михайла Василевича и жившаго у послѣдняго въ Москвѣ. Арестованный въ Ахтыркѣ или Лебединѣ, Озерянскій былъ доставленъ

[1]) *Устряловъ:* „Ист. Петра Вел.“, т. I, прилож. X, стр. 479 и 480.

[2]) Ibid., стр. 485.

[3]) Ibid., стр. 483—485.

[4]) Арх. Юстиціи, кн. 59.

[5]) Ibid., кн. 62, л. 27.

въ Батуринъ и тамъ выдавалъ за неоспоримую истину, что чернецъ Соломонъ высланъ былъ въ Польшу Михайломъ Василевичемъ [1]). По настоянію гетмана еще 24 апрѣля велѣно было препроводить Михайла Василевича въ Москву съ женою и дѣтьми [2]), но, по осмотру врача, Михайло Василевичъ оказался страждущимъ меланхоліею и былъ оставленъ въ слободѣ Михайловкѣ до зимняго пути [3]). Мазепа не давалъ ему покоя: по гетманскому прошенію послѣдовалъ 10 октября указъ Шереметеву непремѣнно взять Михайла Василевича и доставить въ Москву. Не помогло Михайлу Василевичу обращеніе къ новоизбранному послѣ Гедеона кіевскому митрополиту Варламу Ясинскому съ просьбою примирить его съ гетманомъ, который заподозрѣваетъ его безъ всякихъ основаній въ слаганіи фальшивыхъ писемъ. Гетманъ, съ обычнымъ ему видомъ мягкосердечія, увѣрялъ митрополита, что онъ радъ все сдѣлать для Михайла Василевича, но не смѣетъ безъ царскаго указа, а между тѣмъ продолжалъ посылать въ Приказъ просьбы о непремѣнномъ арестованіи Михайла Василевича. 30 ноября Шереметевъ арестовалъ Михайла Василевича и его повезли въ Москву вмѣстѣ съ дѣтьми, оставивши однако въ имѣніи больную жену владѣльца. Такъ какъ все предшествовавшее лѣто шли толки о Михайлѣ Василевичѣ и можно было предвидѣть, что какъ бы онъ ни отписывался, а все-таки его повезутъ въ Москву, то Леонтій Полуботокъ, благопріятель и родственникъ Михайла Василевича, опасаясь, чтобы по настоянію Мазепы не арестовали и его, рѣшился предупредить бѣду отважнымъ шагомъ: въ іюлѣ 1690 года онъ самъ побѣжалъ въ Москву, думая добиться личнаго представленія царю Петру и подать ему на письмѣ обличеніе противъ

1) Ibid., кн. 59, л. 201. Арх. Ин. Дѣлъ, іюль 1690 г.

2) Арх. Юстиціи, кн. 59, л. 104.

3) Ibid., л. 325.

гетмана. Царь Петръ не допустилъ его къ своей особѣ [1]), а приказнымъ путемъ Полуботку трудно было выиграть свое дѣло, потому что обвиненія противъ гетмана онъ не основывалъ ни на какихъ неоспоримыхъ доказательствахъ. 23 іюля его отправили за карауломъ въ Малороссію, поручили гетману держать его въ своей маетности и гетману «учинилась отъ того великая, стыдная печаль» [2]).

Въ Москвѣ не имѣли никакого повода принимать на вѣру доносы враговъ гетмана, тѣмъ болѣе, когда Мазепа сильно себя выгораживалъ заранѣе тѣмъ, что домогался, чтобы Соломона препроводили не къ нему, а въ Москву. Но въ Москвѣ, въ обращеніи съ малороссіянами, давно уже усвоили способъ держаться, какъ говорится, себѣ на умѣ, поэтому не удивительно, что Михайло Василевичъ, привезенный въ столицу въ концѣ 1690 г., тотчасъ же въ началѣ 1691 года отпущенъ былъ въ свою маетность Михайловку [3]), а за поведеніемъ гетмана думный дьякъ Украинцевъ секретно поручилъ наблюдать генеральному писарю Кочубею [4]).

Соломонъ сидѣлъ въ кандалахъ въ Польшѣ, а Доморацкій въ Москвѣ. Московскіе бояре обратились къ жившему постоянно въ царской столицѣ польскому резиденту Довмонту и требовали выдачи Соломона. Въ сентябрѣ 1691 года польскій гонецъ Янъ Окраса передалъ въ подлинникѣ составныя письма и поддѣльныя печати, взятыя у Соломона, а затѣмъ, по королевскому приказанію, выданъ былъ и Соломонъ, въ замѣнъ котораго бояре выдали Доморацкаго, сообщая, что король долженъ приказать казнить его смертію, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвести ро-

[1]) *Gordon*, т. II, стр. 310.
[2]) Госуд. Арх. Кабинетныя дѣла, отдѣлъ II, кн. 53.
[3]) Арх. Юст., кн. 59.
[4]) Госуд. Арх. Кабин. дѣла, отд. II, кн. 53.

зыскъ надъ Шумлянскимъ и учинить ему наказаніе [1]). Объ этомъ уніатскомъ епископѣ Шумлянскомъ въ Москву приходили жалобы отъ кіевскаго митрополита Варлаама въ томъ, что Шумлянскій при живомъ митрополитѣ именуетъ себя кіевскимъ митрополитомъ и самовольно присвоиваетъ себѣ въ польскихъ владѣніяхъ маетности, принадлежащія кіевской митрополіи [2]).

Выданнаго поляками Соломона отправили для казни изъ Москвы въ Батуринъ съ царскимъ гонцомъ Языковымъ. Мазепа, относительно Соломона, показалъ себя сдержанно: онъ объявилъ, что безъ совѣта со всѣми полковниками не станетъ его казнить: такъ издавна ведется по войсковымъ обычаямъ. Мазепа увѣрялъ, что вообще не желаетъ никого казнить смертію и самъ будетъ за своего злодѣя и клеветника просить милосердія у великихъ государей.

Удерживая на время Языкова, Мазепа послалъ созвать старшинъ и полковниковъ для суда надъ преступникомъ. Этотъ преступникъ, какъ оказалось, назывался въ мірѣ Семенъ Троцкій; по лишеніи монашескаго сана онъ преданъ былъ мірскому войсковому суду подъ именемъ разстриги Сеньки. Царскій гонецъ привезъ Мазепѣ самую пріятную новость: Михайло Василевичъ, по указанію на него самого Сеньки, привезенъ въ Москву, жестоко пытанъ и осужденъ на ссылку въ Сибирь [3]).

Съѣхавшіеся старшины и полковники подвергли розыску Сеньку Троцкаго.

«Помни страшный судъ Божій и смертный часъ свой, — говорили ему, — скажи правду. Кромѣ Мишки Васильева, кто еще былъ съ тобою въ соумышленіи?»

«Я уже все сказалъ на Москвѣ, — отвѣчалъ подсу-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ. Польскія дѣла, связка 146.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1691 г., № 11.

[3]) Ibid., 1692 г., № 24.

димый,—никакихъ не было соучастниковъ. Еслибы кто въ семъ дѣлѣ былъ со мною, я бы еще въ Москвѣ все сказалъ, — не стерпѣлъ бы такихъ жестокихъ пытокъ съ огня».

Его приговорили къ смертной казни. Тогда царскій гонецъ сказалъ:

«Итакъ, мнѣ остается казнить его тотчасъ».

«Казнить его тотчасъ нельзя, — возразилъ гетманъ, — мы о немъ къ великимъ государямъ писали. Подождемъ царскаго указа. Еще надобно дать преступнику время покаяться, да и людей собрать побольше, чтобы всѣ видѣли казнь его. Не дурно было бы повезти его по всѣмъ городамъ, чтобы народъ вездѣ его увидѣлъ. Мишку же Василевича надобно заслать на вѣчное житіе въ самые дальные сибирскіе городы... Скорбно мнѣ то, что злые люди изъ малороссійскихъ жителей клевещутъ на меня, будто я служу великимъ государямъ неправдою, будто думаю измѣнить и передаться польскому королю въ подданство. Сокрушаюсь, когда я слышу объ этомъ. На прежнихъ гетмановъ такихъ навѣтовъ не было, какъ на меня».

До полученія царскаго указа Сеньку Троцкаго держали въ тюрьмѣ. Царской милости не послѣдовало. Сеньку казнили смертію 7 октября 1692 года.

Гетманъ былъ доволенъ, что ему удалось уничтожить одного изъ злѣйшихъ враговъ своихъ, Михайла Василевича, но ему хотѣлось также утопить Леонтія Полуботка и сына послѣдняго, Павла. Гетманъ говорилъ Языкову:

«Говорилъ намъ миргородскій полковникъ Данило Апостолъ: какъ мы съ старшинами ѣхали къ Троицѣ по указу государя Петра, Павелъ Полуботокъ догналъ на дорогѣ ѣхавшаго въ каретѣ Апостола и сказалъ, что былъ у Михайла Василевича и тотъ едва ли не исполнитъ давнишняго намѣренія своего снять съ плечъ голову гетману.

Дѣло выходитъ такъ: если зналъ Павелъ Полуботокъ про такой замыселъ, то и отецъ его, Леонтій, навѣрное зналъ. Явно показывается злоба ихъ обоихъ ко мнѣ: они знали объ умыслѣ на жизнь своего властителя и не предостерегли его» [1]).

Войсковой судъ рѣшилъ обоихъ Полутковъ лишить маетностей и держать подъ стражей [2]).

Дѣло чернеца Соломона осталось неразъясненнымъ и загадочнымъ. Устряловъ, въ своей «Исторіи Петра Великаго», склоняется къ такому мнѣнію, что Мазепа въ самомъ дѣлѣ тайно посылалъ въ Польшу этого чернеца. Но на это нѣтъ никакихъ основаній. Невозможно, чтобы Мазепа, довѣривши Соломону такое страшное для себя дѣло, самъ потомъ добивался, чтобы Соломона выдали въ Москву и допрашивали его тамъ, а не въ Батуринѣ. Не слѣдуетъ допускать тайной измѣны въ 1690 году на томъ только основаніи, что этотъ человѣкъ оказался измѣнникомъ черезъ 18 лѣтъ. Обстоятельства позже были совсѣмъ иныя, чѣмъ раннія. Мазепа дѣйствительно былъ истый полякъ по своему польскому воспитанію и шляхетскому происхожденію, но, разъ отступивши отъ Польши къ козачеству, онъ сдѣлался гетманомъ, получилъ въ козачествѣ такую высокую степень, которая ставила его, какъ онъ самъ о себѣ выражался, мало-меньше польскаго короля; обласканный московскимъ правительствомъ, не имѣя притомъ повода опасаться прекращенія къ себѣ довѣрія, Мазепа ничѣмъ не могъ быть побуждаемъ къ измѣнѣ: польская сторона не была могущественна, а московская слишкомъ слаба. Мазепа не былъ еще тайнымъ врагомъ русскаго царя и русской державы, потому что это не представляло ему никакихъ выгодъ. Былъ ли кѣмъ-нибудь подосланъ

[1]) Арх. Юст., кн. 66, лл. 157, 168 и 170.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1692 г., № 24.

Соломонъ, или же по собственному побужденію составилъ подлогъ, это остается неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ въ рукахъ не было допросовъ, сдѣланныхъ ему въ Москвѣ, и очной ставки съ Михайломъ Василевичемъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ причины не допускать вѣроятности того, что выставлено причиною появленія этого чернеца, именно интриги Михайла Василевича, который также ненавидѣлъ Мазепу, какъ и Мазепа его, преслѣдуя упорнѣе, чѣмъ кого бы то ни было изъ своихъ недоброжелателей. По настоянію Мазепы, въ Сибирскій Приказъ данъ былъ царскій указъ—«сосланнаго въ Сибирь Мишку Василева беречь строже, какъ человѣка вельми коварнаго и неусыпнаго изобрѣтателя козней» [1]. Все имущество осужденнаго было отписано на гетмана [2]. Но сынъ сосланнаго, Данило, упросилъ возвратить ему движимое отцовское имущество, хотя слободу Михайловку отдали племяннику гетмана Обидовскому. Мазепа былъ недоволенъ и этой милостію къ сыну своего лютаго врага [3]. Тѣмъ не менѣе послѣдній нашелъ себѣ въ Москвѣ настолько покровительства, что могъ упросить, чтобъ его родителя не отправляли въ Красноярскъ, дабы не дать ему тамъ умереть съ голода, а оставили на житьѣ въ Тобольскѣ [4].

Кромѣ такихъ крупныхъ враговъ, какъ Михайло Василевичъ и Полуботки, гетману досаждали другія не столько важныя лица: такъ, въ началѣ 1690 года, глуховской сотникъ доносилъ сѣвскому воеводѣ, что въ городъ Глуховъ пріѣзжалъ изъ Сѣвска ротмистръ Соболевъ, съ тремя рейтарами, и въ ратушѣ, въ собраніи товариства, произносилъ непристойныя рѣчи о гетманѣ и о великихъ

[1]) Арх. Юст., кн. 67, л. 103.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., февраль, № 1.

[3]) Арх. Юст., кн. 66, л. 799.

[4]) Ibid., кн. 67, листъ 103.

государяхъ, говоря такъ: «худо великіе государи дѣлаютъ, что служилымъ людямъ волокиту чинятъ; соберемся и убьемъ гетмана, а другого поставимъ»! Произведено было слѣдствіе. Соболевъ запирался въ худыхъ рѣчахъ о государяхъ, а въ рѣчахъ о гетманѣ сознался, говоря, что произнесъ это въ пьяномъ видѣ, и за это козакъ билъ его по щекамъ. Соболева указано было сѣвскому воеводѣ казнить смертію, «чтобъ инымъ непостояннымъ людямъ неповадно было такихъ лукавыхъ и возмутительныхъ словъ изрыгать» [1]). Двое изъ ходившихъ по городскимъ и сельскимъ ярмаркамъ торгашей: одинъ—москвичъ Кадашевской слободы, другой—калужанинъ, говорили: «гетману не долго быть на урядѣ; скоро пришлютъ изъ Москвы бывшаго гетмана на его мѣсто, затѣмъ что малороссійскій народъ не только не хочетъ имѣть Мазепу у себя гетманомъ, но желалъ бы, чтобъ имя его здѣсь не вспоминалось». Индукторъ, собиравшій на границѣ торговыя пошлины, услыхалъ это и донесъ. Обвиняемые на допросѣ, учиненномъ надъ ними въ Сѣвскѣ, заперлись и ихъ посадили только въ тюрьму [2]). Явился еще врагомъ гетмана нѣкто Михайло Чаліенко. Родомъ онъ былъ изъ Черкасъ, немалое время находился въ татарской неволѣ, послѣ освобожденія явился въ Кіевъ и подалъ доносъ на гетмана въ такомъ же смыслѣ, какъ подавались и прежніе доносы: гетманъ по природѣ полякъ и желаетъ отступить отъ державы великихъ государей подъ польскую власть; въ этихъ видахъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ заранѣе маетности въ польскихъ владѣніяхъ и просилъ зятя своего Войнаровскаго, земскаго старосту владимирскаго, селить людей въ селѣ Мазепичахъ (Мазепинцахъ), гдѣ родился Мазепа. Доносчика было приказано наказать кнутомъ и сослать въ Архангельскъ; но Чаліенко

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., апр. № 27.

[2]) Ibid 1689 г., № 56.

убѣжалъ оттуда, скитался и въ 1693 году былъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Лукою, схваченъ въ малороссійскомъ городѣ Воронежѣ тамошнимъ сотникомъ и отправленъ въ Батуринъ [1]). Царскимъ указомъ отъ 2 іюня велѣно было казнить его смертью [2]). Мазепа, неумолимый къ такимъ врагамъ, которыхъ опасался, зная, что за ними есть въ Москвѣ протекція, склоненъ былъ показывать великодушіе къ врагамъ неважнымъ и малосильнымъ. Онъ ходатайствовалъ о милосердіи Чаліенку. «Самъ я человѣкъ грѣшный,—писалъ онъ,—и вѣрю, что Господь наипаче прощаетъ грѣхи тѣмъ, которые прощаютъ другимъ причиненныя имъ досады». Московское правительство отозвалось, что опасно оставлять въ живыхъ такихъ, которые могутъ убѣжать въ польскую сторону или пристать къ врагамъ, въ случаѣ непріятельскаго вторженія [3]). Въ Москвѣ какой-то малороссіянинъ Порваницкій распространялъ о гетманѣ худые слухи и, хотя, когда его схватили, онъ подъ пыткою показалъ, что болталъ въ пьяномъ видѣ, однако его отправили въ Батуринъ для совершенія надъ нимъ казни [4]).

Недавно еще московское правительство возмущено было пасквилемъ въ подметномъ письмѣ, поднятомъ великорусскимъ ратнымъ человѣкомъ. Вскорѣ, въ 1691 году, явился въ Кіевѣ другой пасквиль на гетмана. Его принесла въ кіевскій Фроловскій дѣвичій монастырь неизвѣстная монахиня изъ польскихъ владѣній. Въ этомъ новомъ пасквилѣ говорилось почти то же, что и въ прежнемъ: что Мазепа нѣкогда продавалъ бусурманамъ христіанъ въ рабство, что, достигши гетманскаго сана, злоумышлялъ, вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ, на жизнь царя Петра, что у него есть тайная мысль отдать Малороссію Польшѣ, съ цѣлью истреб-

[1]) Арх. Юст. кн. 66, л. 970 и 985.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., № 39.

[3]) Арх. Юст., кн. 66, л. 985.

[4]) Ibid., л. 905 и 1031.

ленія православныхъ церквей и православной вѣры, и что подготовляясь къ этому исподволь, онъ покупаетъ для сестры своей маетности въ польскихъ владѣніяхъ. Митрополитъ при трехъ игуменахъ допрашивалъ игуменью Фроловскаго монастыря и сестеръ и, не доискавшись, кто такая была неизвѣстная монахиня, доставившая въ монастырь письмо, отправилъ ихъ въ Батуринъ. Гетманъ также ничего отъ нихъ не допросился и поручилъ матери своей, игуменьѣ кіевскаго Печерскаго дѣвичьяго монастыря Магдалинѣ, произвести какимъ-нибудь путемъ дознаніе—кто такая была эта неизвѣстная монахиня. Мать Мазепы отправила довѣренную монахиню Липницкую въ Полонскій дѣвичій монастырь, находившійся въ польскомъ владѣніи. Липницкая провѣдала, что то была уставщица того же монастыря и что еще прежде она сообщила своей игуменьѣ, будто нашла это письмо на дорогѣ въ верхнемъ городѣ Кіевѣ противъ двора воеводскаго и отнесла во Фроловскій монастырь безъ намѣренія вредить гетману. Уставщица, снова спрошенная въ присутствіи Липницкой, во всемъ заперлась [1]). Этотъ пасквиль не могъ повредить гетману, какъ и прежній, но Мазепа не мало тревожился такими выходками противъ себя и такъ изъяснялся въ своихъ отпискахъ въ Приказъ, обращенныхъ къ лицу государей: «Истинно радѣтельная служба моя не точію въ нерадѣтельство, но и въ злое клятвопреступничество превращается. Тяжко уязвленъ есмь непрестанными болѣзнями, сокрушилось и изсохлось сердце мое. Идѣже бы мнѣ безъ таковыхъ напраснствъ и козней свободнымъ разумишкомъ мыслити и простирати начинанія о належащихъ въ предбудущія времена службахъ и радѣніяхъ, которыя бы къ угожденію вамъ и къ охраненію вольностей православнаго россійскаго народа належали, тутъ утѣсняетъ мя всегда

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1691 г., ноябрь, № 64.

скорбь, печаль, плачъ и воздыханіе, отчего неточію плоть моя немоществуетъ, но и малый разумишко мой пришелъ въ притупленіе и духъ мой едва держится во мнѣ» [1]).

Московское правительство не только угождало гетману, показывая недовѣріе ко всѣмъ обвиненіямъ, такъ обильно сыпавшимся противъ него, но оказывало милости роднымъ его и всѣмъ, за кого онъ ходатайствовалъ. Сестра гетмана, о которой шла рѣчь въ подметномъ письмѣ, была прежде замужемъ за Обидовскимъ: отъ этого ея брака былъ сынъ, служившій при Мазепѣ въ козачествѣ, сдѣланный впослѣдствіи нѣжинскимъ полковникомъ и по ходатайству дядюшки-гетмана пожалованный вотчинами. Эта сестра гетмана, послѣ смерти перваго мужа, вышла вторично замужъ за нѣкоего Витуславскаго, отъ котораго имѣла дочь Маріанну, потомъ въ третій разъ вышла за поляка Войнаровскаго, отъ котораго имѣла сына уже подростка, по имени Андрея, любимца гетмана. Между нею и ея третьимъ мужемъ произошелъ разладъ и она пріѣхала въ Кіевъ къ своей матери, игуменьѣ Магдалинѣ. Игуменья тотчасъ представила ее царскому кіевскому воеводѣ князю Ромодановскому и тогда писала къ своему сыну гетману:

«Теперь-то пристойно враговъ нашихъ обличить, зачѣмъ лаютъ они, будто мать твоя высылаетъ сестрѣ твоей въ Польшу казну, а сестра твоя покупаетъ тамъ для тебя маетности. Спросить бы сестру твою, да и челядь, хотя бы подъ страхомъ огненной пытки, какія тамъ такія новокупленныя маетности?»

Гетманъ, не считая возможнымъ ѣхать въ Кіевъ для продолжительнаго свиданія съ сестрою, просилъ московское правительство дозволить послѣдней пріѣхать къ нему въ Батуринъ. На это послѣдовало разрѣшеніе указомъ 18 де-

[1]) Арх. Юстиціи, кн. 59, л. 1380.

кабря 1691 года [1]). Сестра оставалась у гетмана въ Батуринѣ до октября 1692 года и Мазепа испросилъ у московскаго правительства разрѣшеніе сестрѣ своей на безпрепятственный пріѣздъ въ царскія владѣнія для свиданія съ матерью-игуменьею, съ братомъ-гетманомъ и сыномъ Обидовскимъ. «У меня, —замѣчалъ Мазепа, — въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого родства кромѣ сестры, и мы другъ къ другу сердечною разжигаемся любовью; притомъ она исповѣданія восточнаго и желаетъ почаще поклоняться кіевской святынѣ» [2]). Впослѣдствіи, зимою 1694 года, эта сестра Мазепы жаловалась брату, что мужъ ея Войнаровскій, будучи самъ римско-католическаго исповѣданія, сталъ побуждать ее измѣнить православію и не допускалъ къ ней православныхъ духовныхъ съ требами, поэтому она не хочетъ жить съ мужемъ и проситъ дозволенія навсегда переселиться въ Кіевъ къ матери своей, игуменьѣ Магдалинѣ, и принять иноческій ангельскій образъ. Мазепа не рѣшался самъ разрѣшить ей этого, а испросилъ разрѣшенія у царя черезъ племянника своего Обидовскаго; сестра его пріѣхала въ Кіевъ съ двумя падчерицами, дочерьми Войнаровскаго отъ перваго брака [3]). Спустя недолго послѣ того, Мазепа сообщалъ, чти Войнаровскій изъ польскихъ краевъ требовалъ возвращенія къ себѣ жены своей, но она скончалась въ кіевскомъ монастырѣ [4]).

По ходатайству гетмана, избранный новый митрополитъ кіевскій, Варлаамъ Ясинскій, получилъ право именоваться экзархомъ московскаго патріархата и подтвержденіе прежнихъ грамотъ Софійскому митрополитскому собору на маетности [5]). Мѣсто архимандрита печерскаго послѣ

1) Ар. Юст. кн. 62, л. 434—436.

2) Ibid., кн. 66, л. 300.

3) Ibid., кн. 74, л. 658 и 667.

4) Ibid., кн. 75, л. 398—404.

5) Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., № 46.

Ясинскаго заступилъ бывшій генеральный судья Вуеховичъ. Безсемейный и безродный, онъ, чувствуя уже подходящую старость, счелъ за лучшее искать пристанища въ стѣнахъ святой обители и, пользуясь своимъ званіемъ генеральнаго старшины, безъ всякаго полагаемаго монастырскими уставами искуса, оставивъ свой судейскій столъ, прямо сталъ высокопреподобнымъ отцомъ, а гетманъ, по его постриженіи, исходатайствовалъ оставленіе за нимъ его прежнихъ маетностей. При этомъ гетманъ не обошелся безъ того, чтобъ и себя выставить: «не хочу,—писалъ онъ,—поступать такъ, какъ бывало поступалъ прежній гетманъ въ такихъ случаяхъ, что себѣ все забиралъ» [1]).

По ходатайству гетмана, получили жалованныя грамоты на монастырскія владѣнія: игуменъ Кіево-Николаевскаго монастыря Іосифъ Кроковскій [2]), Межигорскаго монастыря игуменъ Иродіонъ Журавскій, которому подтверждены были ставропигіальныя грамоты греческихъ патріарховъ, Братскаго монастыря ректоръ Гавріилъ и больничнаго монастыря при Печерской лаврѣ игуменъ Іезекіиль; имъ посланы были богослужебныя одежды, утварь и обычная царская милостыня, а кіевскаго дѣвичьяго Михайловскаго монастыря игуменья Агаѳія получила жалованную грамоту на деревню съ землями, садами и прудами [3]). Выпрашивая отъ московскаго правительства милости монастырямъ, гетманъ передъ тѣмъ воздвигалъ на собственный счетъ храмы въ этихъ же монастыряхъ. Въ 1690 году построена была его иждивеніемъ соборная церковь въ Николаевскомъ монастырѣ, а въ 1693 году воз-

[1]) Арх. Юст. кн. 66, л. 660.

[2]) На село Тростенцово, село Бортичи, деревню Труханову, озеро Долобское и перевозъ черезъ Днѣпръ.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1691 г. № 52.

двигнута Богоявленская каменная церковь въ Братскомъ монастырѣ и сооруженъ старый каменный академическій корпусъ [1]).

[1]) Кiев. Мѣсяцесловъ.—Пахилевичъ: «Монастыри гор. Кiева»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Охлажденіе между польскимъ и московскимъ дворами.—Опасеніе мира Польши съ Крымомъ.—Народныя бѣдствія въ Украинѣ—Бѣгство народа въ Сѣчу.—Смуты въ Сѣчѣ.—Петрикъ.—Его явленіе въ Сѣчѣ.—Его письма къ женѣ и Кочубею.—Мятежныя затѣи.—Бѣгство Петрика въ Кизикермень и въ Крымъ.—Возмутительныя воззванія къ запорожцамъ.—Договоръ татаръ съ запорожцами у Каменнаго-Затона.—Возмутительный универсалъ Петрика къ малороссійскому народу.—Неудачи.—Бѣгство татаръ и Петрика—Станъ Петрика у Перекопа.—Новыя неудачныя попытки.—Приступъ къ Полтавѣ.—Бѣгство изъ-подъ Полтавы.—Колебаніе въ Запорожской Сѣчи.—Мѣры относительно владѣльцевъ и арендарей.—Военные походы козацкихъ отрядовъ въ дикія поля.

Дружба и союзъ Россіи съ Польшею, состряпанные искуственно, сшитые на живую нитку, видимо распадались. Это показывали и загадочныя подсылки къ малороссійскому гетману, и принятіе въ Варшавѣ по секрету запорожскихъ посланцевъ, и болѣе всего сношенія короля польскаго съ ханомъ, открытыя русскимъ резидентомъ и подтверждаемыя Мазепою, узнавшимъ о нихъ черезъ своихъ соглядатаевъ [1]. Въ Запорожской Сѣчи постоянно боролись двѣ партіи: одна, всегда недовольная московскимъ правительствомъ, хотѣла примиренія и союза съ Кры-

[1]) Арх. Юст. кн. 62, л. 760.

момъ, находя въ такомъ союзѣ возможность получать выгоды отъ добыванія соли и рыбы въ крымскихъ владѣніяхъ; другая—склонялась къ повиновенію царямъ московскимъ главнымъ образомъ ради того, чтобы получать каждогодно царское жалованье. Осенью 1690 года послѣдняя партія взяла верхъ. 17 сентября царскій стольникъ Чубаровъ съ двумя посланцами отъ гетмана привезъ въ Сѣчу царское жалованье и царскую милостивую грамоту, въ которой убѣждали запорожцевъ не мириться съ татарами, царскими врагами, и напротивъ быть готовыми къ войнѣ противъ нихъ. Съ особымъ торжествомъ принималъ желанныхъ гостей кошевой атаманъ Гусакъ, одѣтый по праздничному, въ кармазинный кафтанъ, подбитый соболями, со знакомъ своего атаманства—оправленною золотомъ и камнями «камышиною» въ рукѣ, въ сопровожденіи всей сѣчевой атаманіи и товариства, также «цвѣтно и стройно» разодѣтаго. Гремѣли пушечные и ружейные выстрѣлы, били въ литавры. Во всеуслышаніе прочитана была царская грамота, розданы были всѣмъ товарищамъ по росписи присланные царскіе подарки—мѣха, сукна и ткани. Тогда запорожскіе товарищи произносили такія слова: «пора намъ, наконецъ, Бога бояться, пора перестать гнѣвить христіанскихъ государей и тѣшить бусурманъ». Мазепа, извѣщая объ этомъ Приказъ, придавалъ этимъ словамъ значеніе обращенія запорожцевъ на правый путь, совѣтовалъ посылать скорѣе къ запорожцамъ великороссійскія ратныя силы и заняться укрѣпленіемъ южныхъ городовъ Русской державы [1]).

Но скоро гетману пришлось не хвалить запорожцевъ, а дѣлать имъ выговоры. Запорожцамъ хотѣлось скорѣе воевать противъ татаръ, чтобы съ войны получать добычу и такимъ образомъ—въ мирѣ ли чрезъ посредство бе-

[1]) Ibidem и далѣе.

зопасныхъ промысловъ, или въ войнѣ черезъ добычу, а все-таки не оставаться безъ выгодъ на счетъ своихъ бусурманскихъ сосѣдей. Они послали спросить гетмана: когда же прикажутъ выступать имъ въ походъ. Гетманъ отвѣчалъ, что дѣлать такіе вопросы непристойно, а надобно съ терпѣніемъ ждать царскаго указа; иначе, если такія намѣренія несвоевременно разглашать, непріятель узнаетъ и станетъ принимать свои мѣры [1]). Во все лѣто 1691 года хотя и происходило нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ съ татарскими загонами, но онѣ были неважны и неудачны [2]), а зимою приходили угрожающія вѣсти, что крымскій ханъ выслалъ на Подоль съ ордою какого-то козака Стецика, именовавшаго себя гетманомъ козацкимъ съ бусурманской стороны, и, сверхъ того, другая орда еще въ большемъ размѣрѣ готовится идти въ малороссійскіе городы [3]). Тогда въ Сѣчи опять пробудились и зашевелились буйные инстинкты, враждебные московскому правительству и склонные къ тому, чтобы пристать къ татарамъ. Кошевой Гусакъ съ трудомъ усмирилъ въ Сѣчѣ междоусобіе и казнилъ зачинщиковъ, но зато навлекъ на себя ропотъ [4]). Тутъ въ это время въ Сѣчъ накоплял-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1691 г., № 68.

[2]) Арх. Юст. кн. 62, л. 646.

[3]) Ibidem, л. 677.

[4]) Очень любопытенъ разсказъ современника и очевидца козака Доброскока, представляющій много характеристическихъ чертъ запорожскаго быта. Мы его передаемъ здѣсь, такъ какъ онъ не былъ еще извѣстенъ въ печати. „Былъ въ Деревянковскомъ куренѣ козакъ Матвѣевецъ, котораго всѣ куринчики слухали и поважали и на войнѣ былъ онъ удатливъ и въ подпитіи веселый товарищъ. Многажды былъ онъ ватажкомъ, языковъ татарскихъ ловилъ и въ Москву водилъ. И сталъ онъ на гулянкѣ говорить: коли онъ былъ въ Москвѣ, то люди царя имелетинскаго (имеретинскаго) наговаривали его, жебы онъ, повернувшися на Запарожье, прибралъ собѣ охочихъ молодцовъ, хоча бы найбольшей и постарался з такою купою

ся удалый сбродъ изъ Украины, распространявшій неудовольствіе и противъ великороссійскихъ властей, и противъ гетманскаго управленія. Было въ Украинѣ разомъ

пройти къ землѣ Милетинской (Имеретинской) на службу царю ихъ. На якой службѣ обѣцано и залецано ему и всѣмъ, которые бы з ними от Запорожа прийшли, великіи доволства и заплаты и особне добычи на непріятелехъ тамъ противъ царя милетинскаго воюючихъ. И такъ тотъ Матвѣевецъ прекладаючи такую рѣчь, упевняючи тимъ що зъ Озовскаго моря можно до земле Милетинскои наближитися, побудилъ былъ многихъ козаковъ на добычъ охочихъ до того походу". (Матвѣевецъ предполагалъ идти челнами по Днѣпру, потомъ рѣкою Конкою до ея вершины, а потомъ перевезти челны на лошадяхъ до другой рѣки, впадающей въ Азовское море.) И въ такомъ намѣреніи своемъ онъ Матвѣевецъ „просилъ килькокротне атамана кошевого о двѣ суденцѣ морскихъ, якіи прошлои осени черезъ промыслъ атамана кошевого взятыи въ тую пору коли атаманъ кошовый и войско низовое розмиривщись зъ непріятелями, громили ихъ на Днѣпрѣ. Теды атаманъ кошовый, любо отмовлялся дати Матвѣевцеви тыхъ суденъ, однакъ тѣшилъ его, же спорадывшися зъ войскомъ учинити можетъ. Що Матвѣевецъ почиталъ собѣ за обѣтницю. И когда уже по зимѣ прошлой роспустилися воды, тогда тыи судна взято отъ Сѣчи под калауры, якіи отъ городковъ турецкихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ ниже Сѣчи отъ войска низоваго поставляютъ; якое тыхъ суденъ отвалене Матвѣевецъ увидѣвши, былъ жалостенъ, же ему ихъ не дано, и видячи еще одинъ човенъ дубовый войсковый подъ Сѣчею стоячій, направилъ тамъ товарищовъ убогихъ харпаковъ, которыи з нимъ въ тую дорогу идти хотѣли, абы оный взяли и увезли отъ Сѣчи в далніи мѣста. Якаясь-то голота такъ и учинила, же тотъ човенъ взяли и увезли прочь. А кошовый довѣдавшися же того човна взято, велѣлъ его Матвѣевца призвати передъ себе на обличеніе. Где тотъ Матвѣевецъ не идучи самъ одинъ передъ кошевого, прибралъ собѣ товарищовъ Москальца, атамана Бруховецкаго курѣня и Остапца, значного товарища Менского курѣня и иншихъ козаковъ десятковъ з два. И такъ купою передъ кошового пришедши, пыталъся, для чого кошовый призвалъ его передъ себе. Кошовый з гнѣвомъ до его говорилъ, же онъ поступаетъ противъ владзы его кошового и противъ волѣ войсковоѣ мѣючи намѣреніе идти не знать куды и забираючи упорне въ утечку човны войсковые. Теды Матвѣевецъ оттого смѣле вымовлялся, задаючи кошовому ложь, а кошовый за та-

нѣсколько причинъ, возбуждавшихъ волненіе въ посполь-
ствѣ. Выше было указано, какое множество жалованныхъ

кіи отпорныи слова ударилъ его по щекахъ, якого удару не вытерпивши хватилъ былъ за груди кошового и взялся з нимъ бити. А когда атаманы курѣнныѣ при кошовомъ атаманѣ будучіи кинулися на Матвѣевца, тогды Матвѣевцево товариство взялися бити з атаманами и за тымъ, прибравшися, кошового руки доволная сила перемогла и переконала Матвѣевца и его товариство. И заразъ той Матвѣевцевъ з купою товариства приспособленый приходъ и спорное съ кошовымъ боронья получили ему Матвѣевцеви за бунтовную противность, будто онъ з умыслу приходилъ кошового забити. И такъ одного того Матвѣевца, а другого Москальца, а третего Остапца схопили и ланцугами желѣзными поковали, з которыхъ оковъ Москалецъ утекъ прочъ и всѣ при Матвѣевцеви будучіи товарищи розно розбрелися. Що дѣялося въ четвергъ второе недѣли поста. И заразъ на завтрее въ день пятничный зобралъ кошовый раду и тотъ Матвѣевцевъ поступокъ преложилъ за великую всему войску низовому противность и шкоду, где заразъ и суду просилъ у всего войска, якъ его Матвѣевца и его помощниковъ карати. Теды се войско, на тотъ часъ на кошу будучое, за атаманомъ кошовымъ и за атаманами курѣнными при кошовомъ будучими, Матвѣевца съ товарищомъ Остапцомъ присудили казнити смертію, и такъ безъ жадного одкладу велѣли ему Матвѣевцеви и товарищеви его Остапцеви шію втяти, которыхъ стыналъ татарскій невольникъ. Матвѣевцеви заразъ тотъ татаринъ оттялъ голову и того дня его тѣло на томъ же мѣстѣ где стынано поховано. А Остапцови за килька разами татаринъ не перетялъ шіи и зосталъ оный недорѣзаный еще живый: взяли его курѣнныи товарищи и велѣли въ ранахъ гоити. Якому кошевого скорому въ той карѣ поступку многіе дивовалися, же не диждаючи войска, по лугахъ на добычахъ будучого, умертвилъ того Матвѣевца такого ватажнаго чоловѣка, которого все войско мѣло в любви. А тепера послѣ того караня всѣ козаки въ лугахъ на добычахъ будучіи, а особливо на Днѣпровскихъ порогахъ, на осятринной ловли найдуючіися, якихъ оного триста числомъ мовятъ быти, великое на кошового чинятъ прекаканіе, же того Матвѣевца многократно в промыслахъ будучого военныхъ засудилъ не по обычаю и поведенію войсковому. И тое ему кошовому причитаютъ що онъ учинилъ такую казнь надъ Матвѣевцемъ зависти ради, боячися жебы его Матвѣевца войско кошовымъ не наставило“ (Арх. Ин. Дѣлъ, № 6, 1691 г.).

грамотъ на маетности исходатайствовалъ гетманъ въ Москвѣ разнымъ старшинамъ, генеральнымъ и полковымъ, и войсковымъ товарищамъ. Во всѣ эти маетности были посланы гетманскіе универсалы, возлагавшіе на посполитыхъ жителей этихъ маетностей обязанность повиноваться своимъ новымъ владѣльцамъ. Но въ Малороссіи между козачествомъ и посполитствомъ не установилась еще строгая раздѣлительная сословная черта. Козаки пополнялись изъ посполитства по распоряженію гетманскаго правительства, а во время войнъ, когда нужно было поболѣе военной силы, посполитые самовольно шли на войну, потомъ уже оставались козаками и признавались въ этомъ званіи. Такъ было, какъ мы знаемъ, въ послѣдніе два крымскихъ похода. Со временъ Богдана Хмельницкаго козацкіе правители старались не допускать такого окозаченія всего народа и строго хотѣли отдѣлять законно пріобрѣвшихъ козацкое званіе отъ посполитыхъ, или, какъ выражались тогда въ Малороссіи, козаковъ отъ мужиковъ. Московское правительство, по представленіямъ гетмановъ, также признавало справедливымъ соблюдать это отличіе; чтобы не допускать составленія самовольныхъ козацкихъ ватагъ изъ посполитства, учреждены были компанейцы. Но когда распространилось и умножилось такъ называемое охотное войско, содержимое на счетъ войсковаго скарба особо отъ городовыхъ козаковъ, то посполитству открывался новый путь вступать въ козачество. Охотные набирались отовсюду и посполитые могли записываться въ число ихъ. Но то были случаи, когда поступленіе въ козаки посполитыхъ было не противно правительству. Такіе случаи представлялись не часто, а весь народъ вообще не зналъ и не хотѣлъ знать раздѣленія козаковъ отъ мужиковъ. Мужикамъ хотѣлось быть одинаково вольными козаками. Таковъ былъ народный взглядъ, который, однако, долженъ былъ склоняться передъ дру-

гимъ правительственнымъ взглядомъ. Понятно, что поспольству, жившему въ маетностяхъ, жалованныхъ знатнымъ лицамъ, не по сердцу было повиноваться новымъ господамъ. Тѣ, которые были поотважнѣе, убѣгали изъ этихъ маетностей въ Сѣчу.

Но къ этому присоединились разомъ народныя бѣдствія, усилившія волненія въ народѣ. Въ 1690 году свирѣпствовала моровая болѣзнь, зацѣпившая Запорожье и южную часть Полтавскаго полка и во всѣхъ остальныхъ полкахъ наводившая на народъ оторопь ожиданія. Въ тотъ же годъ лѣтомъ на малороссійскій край было нашествіе саранчи. Она появилась съ юга 9 августа и прошла всю Украину до Стародуба, опустошила весь хлѣбъ на поляхъ и произвела ужасную дороговизну: осмачка (полъчетверти) ржи и овса продавалась по три золотыхъ, что̀ считалось въ то время очень высокою цѣной. Множество дохлой саранчи производило смрадъ; скотъ поѣдалъ ее съ травою, заболѣвалъ и даже говядина пропахивала саранчею [1]). Нѣкоторымъ въ страхѣ казалось, что у саранчи на одномъ крылѣ можно было разобрать начертанное слово «гнѣвъ», а на другомъ крылѣ слово «божій» [2]). Затѣмъ по многимъ мѣстамъ Украины начались пожары [3]). Неудивительно, что воображеніе народа, уже болѣзненное, стало приписывать эти пожары поджигателямъ, подсылаемымъ ляхами, заклятыми врагами малороссійскаго народа. Разсказывали, что хватаемые были лазутчики, которые сознались, что отправлены польскимъ правительствомъ производить поджоги въ малороссійскихъ городахъ [4]). Трудно опредѣлить, въ какой степени была тутъ какая-нибудь доля правды: при пыткахъ, которыя въ

[1]) „Лѣт. Самовидца", изд. 1847 г., стр. 81.

[2]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 91.

[3]) „Лѣт. Самовидца", изд. 1847 г., стр. 80.

[4]) Арх. Юст. кн. 62, л. 386.

томъ вѣкѣ неизбѣжно употреблялись, люди легко могли наговаривать на себя все, что имъ прикажутъ, а народъ склоненъ былъ сочинять разсказы, объяснявшіе постигшія ихъ бѣдствія. Отъ всѣхъ такихъ-то причинъ накоплялось въ Сѣчѣ много украинскаго народа недовольнаго положеніемъ дѣлъ на своей родинѣ. Эти бѣглецы говорили, будто у москалей есть намѣреніе выселять людей изъ Гетманщины на слободы, а съ праваго берега Днѣпра перегонять разселявшихся тамъ жителей на лѣвый берегъ, какъ уже дѣлалось при Самойловичѣ; они кричали, что въ Гетманщинѣ завелось панство, что цари, по просьбѣ гетмана и старшинъ, отдаютъ народъ панамъ въ неволю,—жаловались на аренды, которыя стѣсняли свободные промыслы народа и давали возможность немногимъ обогащаться въ ущербъ бѣднаго люда [1]).

Въ такомъ безпокойномъ состояніи умовъ засталъ Запорожье 1692 годъ и тутъ наступила новая и болѣе бурная смута, надѣлавшая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не мало кутерьмы и на Запорожьѣ, и во всей Гетманщинѣ. Послѣ праздника Крещенія привезли изъ Москвы въ Батуринъ царскіе дары гетману, генеральнымъ старшинамъ и козацкимъ полковникамъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ находились лично въ Батуринѣ и тамъ получили царское жалованье, приходившееся на ихъ долю, а тѣмъ, которые были тогда въ своихъ полкахъ, гетманъ отправлялъ царскіе дары съ нарочными посланцами. Въ числѣ отсутствовавшихъ былъ полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко. Къ нему на всеѣдной недѣлѣ посланъ былъ съ этою цѣлью войсковой канцеляристъ Петръ Ивановичъ, по-малороссійски Петро Иваненко, носившій кличку Петрикъ; въ старой пѣснѣ ему дается прозвище Петричевскій. Сдѣлавши свое дѣло и получивши отъ полковника Жученка

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., май, № 6.

благодарственное письмо къ гетману, Петрикъ, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ Батуринъ, объявилъ, что поѣдетъ въ Новый-Санжаровъ для посѣщенія тамъ своихъ родныхъ. Это было уже при наступленіи великаго поста. Выѣхавши изъ Полтавы, Петрикъ переправился черезъ Ворсклу въ степь, покинулъ свои санки подъ стогомъ сѣна, а самъ со служителями сѣлъ верхомъ на лошадей; они поскакали въ Сѣчь Запорожскую [1]). Скоро послѣ того пришло къ гетману извѣстіе черезъ переволочинскаго «дозорцу» Рутковскаго, что Петрикъ, пріютившись въ Запорожьѣ, настраиваетъ на мятежническія затѣи козаковъ и самого кошеваго. Петрикъ увѣрялъ запорожцевъ, что если пригласить татаръ и съ ними войти въ Украину, то весь тамошній народъ поднимется, гетманъ улепетнетъ въ Москву, а бѣдные люди всѣ пристанутъ къ запорожцамъ и передушатъ пановъ своихъ, которымъ цари надавали вольностей. Передавая гетману такія рѣчи, произносимыя возмутителемъ въ Сѣчѣ, сообщали, что когда кошевой трезвъ, то говоритъ ему: «полно тебѣ, Петръ, врать», но чуть подопьетъ, такъ и самъ несетъ много непристойнаго, а степенные и благонамѣренные люди принуждены только молчать [2]) [3]).

[1]) „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 65.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., № 6.

[3]) „Я, пане кошовый, мовить Петрикъ, горло свое ставлю и велите мене на суставы порубаты, колы то вся Украина начавши отъ Полтавы не поклонится, тилько хочь шесть тысячей орды возьми, да пойди въ городы, а мене пошли съ килька сотъ коньми въ Полтавщину. Я знатиму з якого конця почати, да и дѣдусь мой не буде спати за свою зневагу, що его скинули с полковництва, а гетманъ сей заразъ в Москву утече, бо тамъ его вся душа, а тутъ тильки тѣнь его... Одни (гроши?) сестрѣ въ Польшу отвѣзъ, а теперь на Москву другіе почавъ возити, да и самъ туды жъ к чоргу покрутится... Онъ присягъ цареви якъ бувъ на Москвѣ, такъ-разъ такій городъ посередь Сѣчи поставити якъ на Самари побудовавъ!—Або мо-

День ото дня въ Сѣчѣ поднималось значеніе Петрика. Живя тамъ, онъ написалъ письма къ Кочубею и къ своей женѣ. Перваго извѣщалъ онъ, что убѣжалъ въ Сѣчу отъ безстыдной ярости жены своей, которая не только злословила его, но и посягала на его жизнь; онъ нашелъ пріютъ себѣ въ Сѣчѣ Запорожской, которая издавна была всѣмъ обидимымъ исконное прибѣжище и заступленіе. «Лучше мнѣ,—выражался онъ въ письмѣ своемъ,—ѣсть соломаху здѣсь съ добрыми молодцами, чѣмъ жить безпрестанно въ страхѣ внезапнаго прекращенія живота моего». Въ письмѣ къ женѣ онъ выражался такъ: «Ганно! ты какъ хотѣла, такъ и учинила! Не описываю твоихъ непристойныхъ и злотворныхъ поступковъ. Сама ты вѣдаешь, что́ дѣлала. Если тебѣ лучше будетъ безъ меня, то забудешь меня. Живи, богатѣй, прохлажайся, а я собѣ хоть соломаху ѣстиму, да не буду опасаться за свое здоровье. Пришли мнѣ зеленый кафтанъ, котелъ, треногъ и путо ременное, а хлопство мое (прислуга), что тамъ осталось, пусть будетъ въ цѣлости. Марта 2. Твой желательный мужъ» [1]).

Гетманъ, узнавши, что Петрикъ волнуетъ запорожцевъ, писалъ кошевому, что этотъ человѣкъ, бывши войсковымъ

вить: пане кошовый, чи не помогуть намъ братія наши голоколѣнки з бѣдными людми, которыхъ сердюки, арандари, да тіе дуки що имъ царѣ вольности понадавывалы, мало ихъ живыхъ не ѣдять; оны почують що ты з войскомъ рушишся з Сѣчи, то сами воны такъ чортивъ панивъ подавять, а мы вже прійдемо на готовый ладъ; да и около самого гетмана есть тамъ люди добрыи, которыи насъ лепше послухають нежели его самого! Не допустять его до Москвы: и тамъ ему одного часу отъ нихъ мало не склалося лихо! Коли кошовый тверезый, то ганить и говорыть: Петре! не брыдь ледачого, да и отъ стариковъ есть ему за те в бороду; а якъ попопьються, то кошовый много ледачого самъ говорыть и на тотъ часъ уже статечныи и зычливыи козаки мусять мовчати".

[1]) Арх. Юст. кн. 62, л. 800 и далѣе.

канцеляристомъ, укралъ изъ канцеляріи важныя бумаги и скрылся въ Сѣчи. Гетманъ просилъ выдать его какъ вора и плута. На радѣ, созванной по этому поводу, раздѣлились голоса: нашлись такіе товарищи, что хотѣли поступить въ угоду гетману, но другіе, и самъ кошевой, заступились за Петрика. Кошевой атаманъ Гусакъ говорилъ: «если мы Петра Ивановича выдадимъ, то къ намъ въ Сѣчу никто ходить не станетъ, а у насъ съ-поконъ вѣка такъ ведется, что всѣмъ приходъ вольный». Защитники Петрика взяли верхъ и онъ не только остался въ Сѣчи, но еще избранъ былъ кошевымъ писаремъ. Тогда успѣлъ онъ многихъ соблазнить увѣреніями, что, пришедши въ Украину, всѣ они станутъ ходить въ кармазинахъ, что самъ гетманъ требуетъ его выдачи только оттого, что боится москалей, которые находятся около него и наблюдаютъ за нимъ, а на самомъ дѣлѣ гетманъ склоненъ къ нему, Петрику. Еще болѣе вѣроятнымъ показалось сѣчевикамъ, что Кочубей, какъ увѣрялъ Петрикъ, ему покровительствуетъ [1]).

Но Запорожье издавна отличалось непостоянствомъ: легко и нежданно могла взять верхъ противная партія, которая уже на радѣ соглашалась выдать Петрика. Притомъ Петрикъ въ своихъ видахъ не могъ опираться на содѣйствіе однихъ запорожцевъ,—приходилось искать еще какой нибудь иноземной помощи. Петрикъ недолго оставался въ Сѣчи и въ томъ же 1692 году послѣ Юрьева дня ушелъ вмѣстѣ съ запорожцемъ Василіемъ Бузскимъ въ Кизикермень [2]) [3]), ни у кого не спрашиваясь, хотя кошевой атаманъ и зналъ, куда онъ уходитъ [4]). За Петрикомъ послѣдовало сѣчевиковъ человѣкъ шестьдесятъ, которыхъ онъ

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 20.

[2]) Арх. Юст. кн. 66, л. 107.

[3]) Нынѣ Бериславъ, заштатный городъ Херсонской губ.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., № 6.

успѣлъ уже настроить. Кромѣ ихъ въ Сѣчѣ было довольно такъ называемой «сиромы» (оборвышей), готовой пристать къ Петрику, какъ только онъ появится съ какимънибудь признакомъ успѣха, потому что эту «сирому» очень соблазняла возможность пограбить арендарей и богатыхъ пановъ «кармазинниковъ».

Въ Кизикерменѣ Петрикъ разглашалъ, будто посланъ Кочубеемъ, генеральнымъ писаремъ, который, будучи врагъ Мазепѣ, хочетъ свергнуть его съ гетманства и самъ стать гетманомъ. Черезъ три дня послѣ побѣга Петрика изъ Сѣчи явился туда козакъ съ письмомъ Петрика къ кошевому атаману и ко всей запорожской братіи: Петрикъ благодарилъ за хлѣбъ за соль, извѣщалъ, что идетъ немедленно поднимать орду на Московское Государство и скоро прибудетъ со вспомогательными татарскими силами за тѣмъ, чтобы начать дѣло освобожденія Украины [1]).

Петрикъ перешелъ въ Крымъ. Сперва Петрикъ замѣтилъ у татарскихъ мурзъ мало охоты подавать помощь запорожцамъ. Только нѣсколько мурзъ показали къ его дѣлу сочувствіе. За то при ихъ содѣйствіи Петрикъ добился ласковаго пріема у хана и объявилъ, будто Сѣчь Запорожская поручила ему вступить съ крымскимъ юртомъ въ мирный союзъ противъ Московскаго Государства. Петрикъ увѣрялъ хана, будто всѣ украинскіе городы только и ожидаютъ прихода хана съ его ордынскими силами, чтобы возстать противъ ненавистныхъ москалей [2]). Тутъ пришли въ Крымъ къ Петрику четыре козака и Петрикъ увѣрялъ хана, что эти козаки прибыли отъ всѣхъ жителей малороссійскихъ просить крымской помощи противъ москалей.

Въ то время, когда Петрикъ явился въ Крымъ, ханъ былъ озлобленъ противъ Москвы. Недавно передъ тѣмъ

[1]) Ibid., 1692 г., апр., № 20.

[2]) Арх. Юст. кн. 66, л. 116.

ѣздилъ по порученію гетмана въ Крымъ гетманскій гонецъ, черниговецъ Пантелеймонъ Радичъ, провѣдать, есть ли со стороны татарской желаніе начать мирные переговоры съ Россіей. Ханъ Саадетъ-Гирей по этому поводу послалъ гонца въ Москву провѣдать: какого рода были бы съ царской стороны желательныя условія примиренія. Московское правительство вслѣдъ затѣмъ отправило въ Крымъ подъячаго Василія Айтемирова съ проектомъ условій мирнаго договора. Но эти условія не по вкусу приходились крымцамъ. Русскіе хотѣли, чтобы при размѣнѣ плѣнныхъ соблюдено было совершенное равенство и русскіе плѣнные изъ Крыма, какъ и крымскіе изъ Россіи, были бы отпущены безъ всякаго окупа. Татары отвѣчали: «вашихъ московскихъ и козацкихъ людей въ полону у насъ тысячъ сто, а нашихъ у васъ какихъ-нибудь тысячи двѣ, много три... Какъ же можно освобождать намъ вашихъ безъ окупа? Издавна велось, что при размѣнѣ плѣнныхъ присылали изъ Москвы размѣнную казну за вашъ полонъ. Нашъ ханъ и весь крымскій юртъ готовы съ вами мириться, но готовы и биться: за казну всѣ станемъ какъ одинъ человѣкъ! Татаринъ за добычу воюетъ, оттого, что у него всего пожитку что два коня, а третья своя душа». Попытки къ устройству примиренія повели только къ большему озлобленію и даже московскій гонецъ, привозившій проектъ мирныхъ условій, подвергался оскорбленіямъ. Тутъ, какъ нельзя кстати, къ хану обратился Петрикъ съ предложеніемъ воевать вмѣстѣ съ татарами противъ москалей [1]).

18 мая Петрикъ писалъ въ Сѣчу, что заключилъ съ ханомъ договоръ, которымъ, какъ онъ надѣялся, запорожцы будутъ довольны. По этому договору со стороны хана дозволялось запорожцамъ невозбранно отправлять свои рыбные

[1]) Полн. Собр. Зак., т. III, ст. 433.—Арх. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, 1692 г., связка 146.

и соляные промыслы по обоимъ берегамъ днѣпровскаго низовья и по рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, какъ это бывало при Богданѣ Хмельницкомъ. Кто захочетъ идти на такіе промыслы, тотъ долженъ испросить позволенія у кошевого атамана и тогда смѣло можетъ отправляться, не опасаясь никакихъ безпокойствъ отъ татаръ ни на сушѣ, ни на водѣ. «А кто,—прибавлялъ Петрикъ,—захочетъ идти съ нами для отобранія милой отчизны нашей отъ московской власти, тотъ пусть готовится къ походу и пусть знаетъ, что ханъ съ черкесами и съ частію орды самъ двинется изъ Перекопа на нѣмцевъ, а намъ въ помощь оставляетъ ясновельможнаго салтана Калгу со всѣми ордами крымскими, черкескими и ногайскими, которымъ дано уже повелѣніе собираться въ походъ».

Въ Сѣчѣ, между тѣмъ, произошла перемѣна. Гусака смѣнили; вмѣсто него кошевымъ атаманомъ избранъ былъ нѣкто Ѳедько [1]). При этомъ новомъ кошевомъ Петрикъ написалъ къ запорожцамъ новое посланіе отъ 27 мая, извѣщалъ, что уже всѣ орды двинулись въ путь съ Калгою, и приглашалъ кошевого съ товариствомъ встрѣчать союзниковъ у Каменнаго-Затона [2]), съ тѣмъ, чтобъ утвердить по своему усмотрѣнію постановленный имъ съ татарами договоръ. 22 іюня Петрикъ прислалъ третье посланіе къ запорожцамъ, и притомъ очень пространное: въ немъ излагалъ онъ цѣль своего предпріятія и надежды на его осуществленіе. Онъ вспоминалъ, что когда прибылъ изъ Батурина въ Сѣчь, то говорилъ уже добрымъ молодцамъ, въ какомъ печальномъ состояніи находится малороссійскій край, приводимый къ упадку сосѣдними монархами. «Не удивительно,—разсуждалъ теперь Петрикъ въ письмѣ своемъ,—что такъ поступаетъ польскій король: мы были когда-то его подданными, съ Божіею помощію при Богданѣ

[1]) Арх. Юст. кн. 66.

[2]) Бывшая крѣпость на берегу Днѣпра, близъ Сѣчи.

Хмельницкомъ отбились отъ подданства его власти и такъ много вреда ему надѣлали, что онъ до сихъ поръ не оправится. Неудивительно, если крымскій ханъ съ нами враждуетъ: мы изъ давнихъ временъ причиняли вредъ Крымскому Государству и теперь всегда чинимъ. Но дивны поступки московскихъ царей: не мечомъ они насъ пріобрѣли, а предки наши добровольно имъ поддались ради христіанской вѣры. Переселивши съ правой стороны Днѣпра на лѣвую нашихъ жителей, москали обсадились нашими людьми отъ всякихъ непріятелей, такъ что откуда бы непріятели ни пришли,—будутъ прежде жечь наши городы и села, нашихъ жителей забирать въ полонъ, а Москва будетъ находиться отъ нихъ въ безопасности за нами, какъ за стѣною. Этимъ не довольствуется Москва, а старается всѣхъ насъ обратить въ своихъ невольниковъ и холоповъ. Сперва они гетмановъ нашихъ Многогрѣшнаго и Поповича [1]), которые за насъ стояли, забрали въ неволю, а потомъ и всѣхъ насъ хотѣли поворотить въ вѣчную неволю. Нынѣшнему гетману допустили они раздавать городового войска старшинамъ маетности, а старшины, подѣлившись между собою нашею братіею, позаписывали ее себѣ и своимъ дѣтямъ на вѣки въ неволю, и только что въ плугъ не запрягаютъ! Москва дозволяетъ нашимъ старшинамъ чинить подобное для того, чтобъ наши люди оплошали и замужичали, а москали тѣмъ временемъ завладѣли бы Днѣпромъ, Самарою и настроили бы тамъ своихъ городковъ! Я также вамъ сообщалъ, что король польскій, недовольный московскимъ царемъ за то, что не воевалъ Крыма, хотѣлъ самъ, помирившись съ ордою, идти на Москву и отобрать въ свое подданство нашу Украину. А каково было бы тогда нашей Украинѣ? Не были ли наши братья и на кольяхъ, и въ водныхъ прорубяхъ? Не принуждали ли козацкихъ

[1]) Такъ называли Самойловича.

женъ опаривать кипяткомъ дѣтей своихъ, не обливали ли ляхи нашихъ водою на морозѣ, не насыпали ли имъ въ голенища горящихъ угольевъ, не отбирали ли жолнѣры у нашихъ людей ихъ достояніе? Все это вы помните, и ляхи этого не забыли и развѣ не стали бы они того же чинить надъ нами снова!.. Во время моего нахожденія въ Сѣчѣ я много совѣтовалъ начальнымъ товарищамъ взяться за дѣло и не допустить нашей милой отчизны Украины дойти до крайняго упадка. Но изъ вашихъ милостей никто не захотѣлъ постоять за своихъ людей; поэтому я, какъ уже разъ покинувши отца, мать, жену, родныхъ и немалое имущество, прибылъ къ вамъ добрымъ молодцамъ въ Запорожье, такъ и теперь, призвавши на помощь Бога и Пречистую Его Матерь, христіанъ заступницу, принялся за дѣло, которое касается цѣлости и обороны отчизны й общей свободы: я въ Кизикерменѣ договорился о мирѣ съ беемъ кизикерменскимъ Камѐнь-мурзою, а въ Перекопѣ ханъ утвердилъ мирныя статьи, чему свидѣтелями были и ваши посланцы Левко Сысой съ товарищами. Посылаю вамъ эти статьи. Прочтите ихъ въ радѣ: надѣюсь, не найдете ничего зловреднаго отчизнѣ!.. Но можетъ быть кто нибудь скажетъ: какъ намъ воевать своихъ отцовъ, матерей, братьевъ и друзей; или быть можетъ скажете: гдѣ мы сами дѣнемся, когда опустошимъ свой край, кто намъ дастъ тогда хлѣба? Не дай Богъ воевать свою отчизну; не хороша та птица, что собственное гнѣздо мараетъ, не добрый тотъ панъ, что собственную вотчину разоряетъ! Но когда захотите помогать намъ и прибудете въ Каменный-Затонъ, тогда учинимъ совѣтъ, куда намъ съ ордою обращаться, такъ, чтобы не причинять никакой бѣды нашимъ городамъ и селамъ. Не затѣмъ начали мы наше дѣло, чтобы воевать своихъ людей, а затѣмъ, чтобъ освободить ихъ и себя отъ хищничества москалей и пановъ нашихъ. Сами вы, умныя головы, разсудите и сообразите,

лучше ли быть въ неволѣ, или на волѣ,—чужимъ слугою, или самому себѣ господиномъ,—у москаля, либо у ляха мужикомъ, или вольнымъ козакомъ? Когда славной памяти Богданъ Хмельницкій съ Войскомъ Запорожскимъ при помощи орды выбился изъ лядскаго подданства, развѣ дурно было тогда Украинѣ? Развѣ не было тогда у козаковъ золота, серебра и суконъ дорогихъ, и табуновъ лошадей и чередъ рогатаго скота?.. Всего было вдоволь. А какъ мы стали московскаго царя холопами, такъ опустѣла въ конецъ чигиринская сторона, а у перегнанныхъ на лѣвую сторону Днѣпра нашихъ братій не только что не стало достоянія, да и лаптей негдѣ было взять! Большая часть нашихъ братій осталась въ неволѣ въ московскихъ городахъ, а другихъ татары каждый годъ въ полонъ вмѣсто дани забираютъ, о чемъ сами вы знаете, какъ дѣлалось прошлою зимою въ полку Переяславскомъ, а ранѣе передъ тѣмъ въ полку Харьковскомъ подъ Зміевымъ и на другихъ мѣстахъ. Пусть вамъ, господа, будетъ еще и то извѣстно, что самъ гетманъ, съ совѣта всѣхъ полковниковъ, присылалъ ко мнѣ секретно человѣка своего извѣстить, что какъ только мы съ ордами приблизимся къ Самарѣ, то всѣ они отъ Москвы отстанутъ, сойдутся съ нами и станутъ вмѣстѣ воевать Москву. Человѣкъ этотъ при мнѣ, и когда, Богъ дастъ, прійдемъ въ Каменный-Затонъ, я вамъ покажу его! Будьте довѣрчивы и ничего не опасайтесь».

Письмо это было писано въ Акмечетѣ (нынѣшнемъ Симферополѣ). На пути изъ Крыма къ Каменному-Затону, изъ урочища Черной-Долины, 12 іюля Петрикъ послалъ еще четвертое письмо къ запорожцамъ, убѣждая всѣхъ пристать къ татарамъ, ради освобожденія малороссійскаго народа отъ московскаго ярма, а черезъ нѣсколько дней послѣ того Петрикъ и Калга-салтанъ съ своими ордынцами были уже въ Каменномъ-Затонѣ. 23 іюля гетманъ, черезъ своего «дозорцу» въ Переволочнѣ, получилъ извѣстіе, что

кошевой атаманъ съ курѣнными атаманами приняли отъ Калги-салтана дары и условились: запорожцамъ вмѣстѣ съ татарами идти на малороссійскіе городы, производить смятеніе въ поспольствѣ, подстрекать мужиковъ къ избіенію арендарей и пановъ. Подробности этого событія мы узнаемъ въ показаніи пойманнаго впослѣдствіи въ полонъ сообщника Петрикова, Кондрата. Было дѣло такъ. Прибыли къ Сѣчѣ Батырча-мурза и Калга-салтанъ; съ ними былъ Петрикъ и послалъ въ Сѣчь письмо, приглашая кошеваго атамана и все товариство встрѣчать его съ хлѣбомъ-солью. Ему на это сперва прислали такой отвѣтъ: «пусть встрѣчаетъ тебя тотъ, кто посылалъ тебя». Тогда Петрикъ послалъ сказать сѣчевикамъ: «если вы меня съ хлѣбомъ-солью не встрѣтите, то я прикажу переловить всѣхъ вашихъ ватажныхъ людей, которые теперь промышляютъ на Молочныхъ-Водахъ и на Бердѣ [1]), и велю отдать ихъ въ неволю татарамъ!» Послѣ такой угрозы собралась рада и приговорила: ради спасенія ватажныхъ людей, выйти къ Петрику въ Каменный-Затонъ съ поклономъ, но во всякомъ случаѣ допроситься отъ него, кто его послалъ. Кошевымъ атаманомъ былъ тогда опять Гусакъ. Ѳедька недавно отставили. Этотъ кошевой вышелъ съ 38-ю курѣнными атаманами и съ двумя тысячами войсковыхъ товарищей. Поднесли Калгѣ-салтану хлѣбъ-соль. Калга былъ доволенъ и сказалъ запорожцамъ: «Петрикъ явился къ намъ въ Крымъ отъ васъ всѣхъ; хотя съ нимъ не было вашихъ писемъ, но онъ увѣрялъ насъ на словахъ, что вы его обнадежили». Тогда курѣнные атаманы обратились къ Петрику и сказали: «ты писалъ, какъ прибудешь къ намъ съ татарами, тогда узнаемъ, кто посылалъ тебя, — говори же, кто посылалъ тебя?»—«Какое дѣло вамъ до того, кто меня пос-

[1]) Обѣ рѣки—въ Таврической губ., впадаютъ въ Азовское море.

лалъ? — отвѣчалъ Петрикъ. — Сами увидите, что̀ будетъ, когда только приступимъ къ Полтавскому полку. Этотъ полкъ весь мнѣ сдастся, да и Миргородскій потомъ весь перейдетъ къ намъ. Гетмана, и старшинъ, и пановъ, и арендарей—всѣхъ побьютъ и настанутъ у насъ такія вольности, какія были при Богданѣ Хмельницкомъ! Если мы теперь не выбьемся изъ подъ московскаго ярма, такъ уже не выбьемся изъ-подъ него никогда».—«Я учиню раду въ Сѣчѣ.—отвѣчалъ кошевой атаманъ, — и коли рада приговоритъ идти, тогда и я пойду!» Дали взаимное обѣщаніе: малороссіяне не будутъ чинить «препятія» татарамъ, когда тѣ пойдутъ назадъ, а татаре не станутъ трогать запорожскихъ ватажниковъ, сновавшихъ за промыслами на Молочныхъ-Водахъ и на Бердѣ. Калга подарилъ кошевому добраго коня, а двумъ курѣннымъ атаманамъ по «чугѣ» (одежда) [1]).

Гусакъ видимо сочувствовалъ мечтаніямъ Петрика, но не рѣшался открыто стать за него предъ всѣмъ товариствомъ. Оттого на радѣ, собравшейся на другой день послѣ свиданія съ Петрикомъ, не послѣдовало ничего рѣшительнаго. Рада, находясь подъ нравственнымъ вліяніемъ Гусака, постановила, что всему низовому сѣчевому войску идти въ походъ на Украину не слѣдуетъ, но кто изъ товарищей захочетъ идти съ Петрикомъ, тому не возбранять. Тутъ пришла отъ гетмана увѣщательная грамота къ запорожцамъ, чтобъ они не приставали къ злымъ замысламъ. Кошевой атаманъ поступилъ и здѣсь согласно своему двуличному характеру. Онъ отвѣчалъ Мазепѣ, что у запорожцевъ вовсе нѣтъ такого безумнаго намѣренія, чтобы вмѣстѣ съ бусурманами идти на войну противъ православныхъ христіанъ. Но въ томъ же письмѣ кошевой дѣлалъ замѣчаніе, что во время гетманства Мазепы совер-

[1]) Арх. Юст. кн. 66, л. 107.

шаются дѣла не лучше такихъ, какія дѣлались при ляхахъ, противъ которыхъ поднялся Богданъ Хмельницкій, «Стали держать подданныхъ такіе паны, которымъ никакъ не слѣдуетъ дозволять ихъ держать, а они заставляютъ бѣдныхъ людей дрова возить, конюшни чистить, печи топить. Пусть бы только генеральные старшины держали подданныхъ, это было бы еще не такъ обидно, а то держатъ такіе, которыхъ отцы не держали подданныхъ никогда. Могли бы эти люди, какъ и отцы ихъ, питаться своимъ трудовымъ хлѣбомъ». Повторяя точно такія жалобы, какія заявлялъ въ своихъ писаніяхъ Петрикъ, кошевой Гусакъ уже тѣмъ самымъ, при всѣхъ своихъ увѣреніяхъ въ непричастности къ мятежнымъ замысламъ Петрика, показывалъ, что относится къ его дѣлу не безъ сочувствія.

Когда рада порѣшила, что охотники могутъ идти къ Петрику, тотчасъ набралось такихъ охотниковъ до пятисотъ. Василь Бузскій, пріятель Петрика, избранъ былъ ими полковникомъ и просилъ дать ему войсковые клейноты, т. е. знаки наказного начальническаго достоинства, но кошевой атаманъ и старшины не дали ихъ ему чтобы не казалось, будто они отправлены отъ всего Запорожскаго Низоваго Войска. Кошевой хотѣлъ, чтобъ ихъ отпустили только на томъ основаніи, что въ Сѣчѣ, съ давнихъ поръ никого силою не удерживаютъ, но это не значило бы, что все товариство признаетъ ихъ затѣю добрымъ дѣломъ. Охотники самовольно пошли въ Каменный-Затонъ и тамъ тотчасъ собрались въ раду и провозгласили Петрика гетманомъ, а Калга-салтанъ вручилъ ему войсковые клейноты: булаву, бунчукъ и хоругвь. Такимъ образомъ Петрикъ копировалъ изъ себя Богдана Хмельницкаго, котораго первый разъ провозгласили гетманомъ запорожцы, а также напоминалъ собою Суховѣенка и Дорошенка, которые первые знаки гетманскаго достоинства получили отъ татаръ.

Петрикъ, считая себя уже гетманомъ, нарёкъ трехъ полковниковъ (Василія Бузскаго, Кондрата и Сысоя) и шесть сотниковъ, потомъ послалъ къ ватажникамъ на Молочныя-Воды и на Берду созывать ихъ вмѣстѣ съ собою на войну противъ москалей для достиженія вольностей; при этомъ онъ грозилъ ихъ отдать татарамъ въ неволю, если они его не послушаютъ. Самъ Петрикъ съ Калгою-салтаномъ отступилъ отъ Сѣчи и на рѣчкѣ Татаркѣ собралъ раду, чтобъ обсудить, куда имъ сначала идти. Порѣшили прежде подчинить самарскіе городки, а между тѣмъ послать въ Полтавскій полкъ къ цариченскимъ и китай-городскимъ жителямъ воззванія, приглашающія сдаться и показать примѣръ другимъ. 29 іюля съ Самары Петрикъ распустилъ такой универсалъ ко всему народу малороссійскому:

«Всему товариству и посполитымъ обывателямъ добраго отъ Бога здоровья и благополучія. Зная, что войско Запорожское пребываетъ въ угнетеніи, вѣдая о вашихъ несносныхъ страданіяхъ и желая избавить васъ отъ тиранства Москвы и немилостивыхъ вашихъ пановъ, я обратился къ Крымскому Государству, для чего ѣздилъ въ Крымъ и возвратился оттуда съ ордою. У Каменнаго-Затона близъ Сѣчи все Войско Запорожское съ кошовымъ атаманомъ и курѣнными атаманами на войсковой радѣ утвердило обоюдною присягою миръ, постановленный съ Крымскимъ Государствомъ, а на другой радѣ по Божіей волѣ избрало меня гетманомъ и повелѣло мнѣ съ ордами и съ Войскомъ Запорожскимъ идти на оборону вашу противъ Москвы. Нынѣ двинувшись изъ Каменнаго-Затона и совокупившись какъ съ тѣмъ войскомъ, которое было на Молочныхъ-Водахъ, такъ и со всѣми ордами, находившимися при Калгѣ-салтанѣ, мы пришли къ Самарѣ, о чемъ васъ всѣхъ извѣщаемъ настоящимъ нашимъ листомъ. Довѣрьтесь мнѣ и, устроивъ между собою надлежащій порядокъ, высылайте къ его милости салтану и къ намъ Вой-

ску Запорожскому свою старшину и сами съ нами готовьтесь въ этотъ военный путь противъ непріятеля своего москаля, дабы съ Божіей помощью скинуть невольническое ярмо съ вольныхъ вашихъ козацкихъ хребтовъ. Вѣдайте, что эта война противъ москаля началась не ради чего иного, какъ для вашихъ вольностей и общаго народнаго блага. Сами знаете, что̀ съ вами дѣлаютъ москали и ваши хищные паны и что̀ вамъ вытворяется отъ арендарей: объѣздили вамъ тираны шеи, поодбирали себѣ пожитки ваши [1]). Станьте же дружно за вольности свои. Если теперь поможетъ Господь Богъ отбиться изъ подъ ярма московскаго, тогда устроите у себя такой порядокъ, какой сами захотите, и станете пользоваться такою вольностію, какою пользовались предки ваши при Богданѣ Хмельницкомъ. Войско Запорожское утвердило миръ съ Крымскимъ Государствомъ на такихъ условіяхъ, чтобъ тогобочная чигиринская сторона Днѣпра была намъ возвращена въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ Хмельницкій съ ордами завоевалъ ее отъ ляховъ, а другая сегобочная сторона при насъ оставалась бы со всѣми полками и городами. Вольно будетъ всякому отправлять рыбные, соляные и звѣриные промыслы по Днѣпру, Бугу и другимъ рѣчкамъ безъ всякой платы. Выбившись изъ настоящаго подданства, каждый, коли захочетъ, можетъ идти въ свою отчизну, гдѣ прежде проживалъ, и не будетъ по этому поводу никому тревоги и опасности. Государство Крымское дало намъ присягу всегда оборонять насъ отъ Москвы, отъ ляховъ и отъ всѣхъ непріятелей. Если вы теперь не пріиметесь за

[1]) „А тое вѣдайте що ся война на москаля всчалася не для чого иншого, але для вашихь волностей и добра общого, посполитого. Не треба вамъ того много писати, сами знаете що вамъ дѣютъ москали и ваши драпежныи паны и що ся вамъ чинить отъ арендарей, все тое добре знаете: объѣздили вамъ шыи тиранствомъ и худобы ваши вси поодбирали“.

свои вольности, то знайте, что потеряете ихъ навсегда и останетесь вѣчно московскими невольниками и никто уже послѣ за васъ не заступится».

Петрикъ очевидно разыгривалъ изъ себя Богдана Хмельницкаго; но времена, когда Богданъ Хмельницкій могъ совершать свои великія дѣла, прошли невозвратно. Вездѣ и во всемъ подражаніе бываетъ хуже оригинала, и событія, искуственно повторяемыя не во-время, представляютъ собою что-то комическое. Петрикъ въ малороссійской исторіи явился такимъ типомъ, какимъ былъ Донъ-Кихотъ въ исторіи человѣческаго поэтическаго творчества.

Мазепѣ извѣстны были шагъ за шагомъ поступки Петрика; гетманъ послалъ въ Москву просить, чтобъ указано было воеводамъ Борису Петровичу Шереметеву и князю Борятинскому соединиться съ полками гетманскаго регимента. Въ концѣ іюля Мазепа выслалъ впередъ четыре городовыхъ полка—Прилуцкій, Миргородскій, Лубенскій, Нѣжинскій и съ ними охотный конный полкъ Пашковскаго, а самъ съ пятью охотными полками сталъ подъ Гадячемъ и ожидалъ прибытія къ себѣ съ одной стороны великорусскихъ воеводъ, а съ другой—выборныхъ отрядовъ изъ полковъ: Кіевскаго, Черниговскаго и Стародубскаго. Стоя подъ Гадячемъ, гетманъ распустилъ 28 іюля универсалъ ко всему малороссійскому народу, служившій какъ бы опроверженіемъ возмутительныхъ воззваній Петрика. Въ немъ гетманъ вспоминалъ о прежнихъ усобицахъ, о бѣдствіяхъ и разореніяхъ, постигшихъ отъ нихъ край, убѣждалъ пребывать въ вѣрности царямъ и въ послушаніи гетману, угрожалъ въ добавокъ карою тѣмъ, которые прельстились бы и поддались обманщику, «загибельному сыну Петрику» [1]).

Гетманъ скорѣе дождался своихъ полковъ, чѣмъ вели-

[1]) *Величко* т. III, стр. 110.

Bayerische Staatsbibliothek München

коросcійскихъ вспомогательныхъ ратныхъ силъ. Шереметевъ не доходилъ еще до мѣста, гдѣ ему надлежало сойтись съ козаками, а князь Борятинскій, какъ носились слухи, былъ гдѣ-то далеко за Путивлемъ. Гетманъ не сталъ долѣе ихъ ждать и двинулся къ Полтавѣ.

Высланные впередъ полковники прислали къ гетману извѣстіе, что жители Цариченки, Китай-городка [1]) и другихъ орельскихъ городковъ поддаются мятежу, повѣривши «прелестнымъ» письмамъ возмутителя. Этого было мало. До гетмана доходилъ слухъ, что огонь мятежа распространяется вдоль праваго берега Ворсклы: жители кишенскіе и сокольскіе начинаютъ «малодушествовать», готовы сдаться татарамъ и признать власть Петрика. Вездѣ по пути, по которому шелъ гетманъ, слышались отъ «легкомысленныхъ людей дерзкія рѣчи». Въ обозѣ самого гетмана стрѣльцы доносили, что какой-то пьяный козакъ, помахивая саблей, кричалъ: «станемъ рубить москалей»! Можно было опасаться, что мятежникъ дѣйствительно угадалъ народное желаніе [2]). Гетманъ еще разъ послалъ гонца къ Шереметеву съ просьбою спѣшить на выручку малороссійскаго края и въ то же время отправилъ къ четыремъ высланнымъ впередъ полковникамъ приказаніе идти противъ непріятеля на вспоможеніе жителямъ городковъ: Маячки [3]) и Нехворощи [4]), которые еще не поддались мятежнику, но могли поддаться, если къ нимъ въ-пору не явится выручка. Нелегкимъ казалось для этихъ полковниковъ такое порученіе, такъ какъ они не знали навѣрное татарской силы и опасались встрѣтить ее въ размѣрѣ, превосходящемъ ихъ собственныя силы. Гетманъ ободрялъ ихъ скорымъ подкрѣпленіемъ послѣ прибытія Шереметева.

[1]) Оба—мѣстечки Кобыляк. уѣзда, при р. Орели.

[2]) Арх. Юст. кн. 66, л. 533.

[3]) Мѣстеч. Кобыляк. уѣзда, при р. Орели.

[4]) Мѣстеч. Константиноградскаго уѣзда, при р. Орели.

Августа 5-го полковники съ своими полками, которые были расположены вдоль берега Ворсклы, двинулись къ рѣкѣ Орели и приблизились къ Маячкѣ. Подъ этимъ городкомъ стоялъ уже Петрикъ съ ордою [1]).

Вотъ какъ Петрикъ туда добрался. Разославши съ береговъ Самары свои возмутительные универсалы, онъ прежде всего хотѣлъ подчинить себѣ Новобогородскъ. Но его «прелестныя» письма, туда посланныя, не имѣли никакого успѣха, потому что въ этомъ недавно еще основанномъ городѣ большинство жителей состояло изъ великороссіянъ. Запорожцы съ Петрикомъ попытались было ночью ворваться въ посадъ, но пораженные пальбою изъ замка ушли, а одинъ изъ новопожалованныхъ Петрикомъ полковниковъ, Кондратъ, попался въ плѣнъ. Утромъ послѣ того Петрикъ съ запорожцами и Калга-салтанъ съ татарами направили путь къ Украинѣ. На дорогѣ прибыли къ Петрику посланцы изъ городковъ Цариченки и Китай-городка съ хлѣбомъ-солью, изъявляли отъ имени всѣхъ жителей покорность и охоту содѣйствовать освобожденію Украины отъ московской власти. Все, казалось Петрику, шло удачно. Онъ оставилъ обозъ неподалеку отъ Китай-городка и вмѣстѣ съ Калгою-салтаномъ двинулся налегкѣ къ Маячкѣ. Туда было уже послано заранѣе «прелестное» письмо, какъ и въ другіе городки, но изъ Маячки никто не приходилъ къ Петрику съ хлѣбомъ-солью. Приближаясь къ Маячкѣ, у рѣчки, носившей то же имя, встрѣтили они ватагу украинцевъ, которые ходили на промыслы къ Молочнымъ-Водамъ и къ Бердѣ, а теперь возвращались домой. Петрикъ сталъ уговаривать ихъ пристать къ нему и вмѣстѣ съ ними идти на москалей, чтобъ освободить весь народъ малороссійскій отъ московскаго ярма. Многіе ватажники

[1]) Архивъ Ин. Дѣлъ 1692 г. Донесен. Мазепы отъ 7 августа. Подлин.

сразу догадались, что передъ ними какая-то шайка бездѣльниковъ: хотя они себя и называли запорожцами, но это казалось сомнительнымъ, такъ какъ съ ними не было ни кошеваго, ни запорожскихъ старшинъ. Нѣкоторые изъ ватажниковъ, однако, наружно согласились пристать къ Петрику и такихъ набралось около полторы тысячи; другіе же наотрѣзъ отказались и ушли на островъ, гдѣ грозили обороняться, если ихъ станутъ принуждать. Тогда приставшіе къ мятежнику просили дозволенія взять и привезти свои оставленные возы, а когда получили позволеніе, то убѣжали тотчасъ къ товарищамъ на островъ. Нѣкоторые оставались еще при Петрикѣ, но дождавшись ночи, также всѣ отъ него убѣжали [1]).

Такимъ образомъ не успѣлъ Петрикъ увеличить своей силы ватажниками и, оставаясь съ одними татарами, да съ кружкомъ запорожцевъ, подступилъ къ городку Маячкѣ. Онъ послалъ туда еще одно «прелестное» письмо. На это письмо жители отвѣтили положительнымъ отказомъ: къ городку приближались высланные гетманомъ полковники.

Какъ только татары увидали вдали гетманскіе полки, на нихъ сразу нашелъ переполохъ. До нихъ доходили вѣсти, что въ порубежныхъ мѣстахъ разставлены московскія силы, а сзади всѣ бѣлогородскія рати готовы противъ нихъ къ походу. Татары поспѣшно отступили къ своему табору, оставленному подъ Китай-городкомъ. Тутъ прибѣжалъ къ Петрику какой-то козакъ и говорилъ, что отправленъ отъ полтавскаго полковника Павла Герцика, стоявшаго у городка Кобылякъ. Онъ убѣждалъ Петрика спѣшить къ Полтавѣ, увѣряя, что и полтавскій полковникъ и весь Полтавскій полкъ пристанутъ къ Петрику, потому что всѣ ненавидятъ москалей.

Сказанное козакомъ о Полтавскомъ полкѣ была ложь.

[1]) Арх. Юст. кн. 66, л. 108. Показаніе ватажника Макаренка.

Напротивъ, когда возмутительный универсалъ Петрика дошелъ въ Полтаву, тамъ былъ уже гетманъ и приказалъ послать къ мятежнику написанный въ гетманской канцеляріи отвѣтъ отъ имени всего Полтавскаго полка въ самомъ презрительномъ тонѣ. «Какъ смѣешь ты гетманомъ именоваться?—было сказано въ этомъ отвѣтѣ.—Всѣ мы, и старшіе и меньшіе, удивляемся твоему безумству: кто тебя, щенка такого, поставилъ начальникомъ и опекуномъ надъ нами? Съ чего ты это убиваешься и заботишься о нашемъ житіи? Мы знаемъ, что твой батько былъ нищій и жилъ у насъ въ Полтавѣ въ богадѣльнѣ, а ты, будучи въ школѣ, валялся между нищими на улицѣ, и подъ окнами нашими выкормился объѣдками. Ты не только не былъ въ рыцарскихъ упражненіяхъ, но и въ домовыхъ наукахъ, а потомъ хоть и втерся въ войсковую канцелярію, но тамъ, обокравши товарищей и измѣнивши своему пану, убѣжалъ на Запорожье! Мы тому не вѣримъ, будто къ тебѣ прибылъ Калга-салтанъ; не надѣемся, чтобъ такая важная особа послѣдовала за тобою, лгуномъ и щенкомъ! Вѣрно цыганъ какой-нибудь собралъ тысячную толпу оборвышей изъ татаръ и назвался салтаномъ!»

Письмо это показываетъ взглядъ, образовавшійся тогда у малороссійскихъ старшинъ по отношенію къ тѣмъ, которыхъ они могли унижать за ихъ простое происхожденіе [1]). Письмо это, вѣроятно, принесъ Петрику тотъ козакъ, который выдавалъ себя посланнымъ отъ Герцика, а можетъ быть Петрикъ самъ выдумалъ и сообщилъ Калгѣ о такой присылкѣ отъ Герцика; дѣйствительно же полученнаго письма, конечно, не показалъ салтану и убѣждалъ послѣдняго идти далѣе къ Полтавѣ. Но Калга-салтанъ былъ въ такомъ расположеніи, что, вмѣсто похода далѣе въ Украину, собрался съ своею ордою отступать въ

[1]) *Величко*, т. III, стр. 114—116.

Крымъ [1]). Къ нему пришла вѣсть, что въ Крыму готовится переворотъ: мурзы недовольны ханомъ, хотятъ избрать другого, большинство вновь желаетъ нѣкогда бывшаго въ Крыму ханомъ Селимъ-Гирея и уже послали въ Константинополь просить падишаха о его назначеніи [2]).

Когда Петрикъ съ Калгою ходили къ Маячкѣ, оставленные въ таборѣ близъ Китай-городка татары, по своему обычаю, стали расходиться небольшими загонами и ловить плѣнниковъ, съ тѣмъ чтобы гнать ихъ въ Крымъ. Петрикъ, по возвращеніи изъ-подъ Маячки, не безъ труда упросилъ Калгу отпустить на волю малороссіянъ, забранныхъ татарами. Было бы черезчуръ, еслибы послѣ всѣхъ льстивыхъ обѣщаній татарской дружбы, на которыя былъ такъ щедръ Петрикъ въ своихъ универсалахъ, татары на первыхъ же порахъ показали малороссіянамъ свою дружбу такимъ способомъ.

Первый походъ Петрика до крайности уронилъ его въ глазахъ народа: безъ того, можетъ быть, нашлось бы болѣе готовыхъ увлечься его горячими возбужденіями. Да и татары неохотно шли съ нимъ и теперь не слушали его убѣжденій. И пришлось ему ворочаться вспять за своими союзниками, а когда на возвратномъ пути достигъ онъ до рѣчки Татарки, то нѣсколько сотъ запорожцевъ, приставшихъ къ нему въ Каменномъ-Затонѣ, ушли отъ него въ Сѣчь; осталось ихъ съ нимъ человѣкъ восемьдесятъ самыхъ забубенныхъ. Съ ними Петрикъ слѣдовалъ за Калгою-салтаномъ до Перекопа. Калга уѣхалъ въ Крымъ, а Петрикъ, съ своею купою удальцовъ, простоялъ подъ Перекопомъ въ ханскихъ окопахъ около трехъ мѣсяцевъ. Изъ Перекопа выдавалось его козакамъ поденно пшено и по нѣскольку барановъ для прокормленія. Здѣсь посѣщали

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., № 20.

[2]) Арх. Юст. кн. 66, лл. 751 и 985.

его малороссійскіе торговцы изъ Полтавскаго полка; онъ ихъ принималъ ласково, играя изъ себя роль гетмана, угощалъ горѣлкою и увѣрялъ, что скоро прибудетъ въ Украину съ татарскими вспомогательными силами. «Не добро вамъ съ Москвою,—говорилъ онъ.—Я къ чему намѣрился, то конче исполню. Выгоню Москву, всѣхъ васъ освобожу изъ московской неволи; станутъ люди изъ московскихъ слободъ переходить опять на чигиринскую сторону на прежнее жилье». Всѣ ѣздившіе въ Крымъ за солью чумаки отдавали ему поклонъ, какъ батьку козацкому, потому что только по его ходатайству ханъ дозволялъ имъ ѣздить въ свои владѣнія для соляныхъ промысловъ, тогда какъ вообще малороссіянамъ, подданнымъ царя московскаго, это не дозволялось, по поводу непріязненныхъ отношеній Крымскаго юрта къ Московской державѣ [1]).

Въ послѣднихъ числахъ сентября, или въ первыхъ октября, козаковъ, состоявшихъ около Петрика, развели изъ ханскаго окопа подъ Перекопомъ по разнымъ татарскимъ селеніямъ, а самъ Петрикъ, съ шестнадцатью товарищами, поѣхалъ въ Бахчисарай ожидать и встрѣчать новаго хана. Этотъ ханъ пріѣхалъ изъ Турціи въ декабрѣ послѣ Николина дня. Петрикъ явился къ нему съ поклономъ и представилъ фальшивыя письма, писанныя будто бы отъ гетмана и Кочубея къ прежнему хану: въ этихъ письмахъ заключалась просьба оказать козакамъ помощь, чтобъ осво-

[1]) Разсказываютъ: Петрикъ добился тогда для малороссійскихъ солевозцевъ права набирать соль въ озерѣ, называемомъ Проклятое. Оно было очень изобильно солью; но татары не допускали, по суевѣрію, брать изъ него соли: „Тамъ соль проклятая,—говорилъ Петрику Батырча-мурза,—и тотъ будетъ проклятъ, кто станетъ ее добывать и употреблять. Давно когда-то, во время Сагайдачнаго, тамъ было побито много козаковъ и татаръ не мало пропало. Озеро это кровью осквернилось и стало Проклятымъ“.

бодить Украину отъ московской власти и перевести поселенныхъ въ слободскихъ полкахъ малороссіянъ на прежнія мѣста ихъ жительства, въ Чигиринщину. Ханъ Селимъ-Гирей и прежде былъ неумолимый врагъ Москвы, а теперь принялъ ласково Петрика уже только единственно потому, что этотъ человѣкъ явился врагомъ Москвы. Не знаемъ, въ какой степени не сомнѣвались въ Крыму въ подлинности привезенныхъ имъ писемъ гетмана и Кочубея, но достаточно было, что онѣ приглашали крымцевъ къ походу,—и ханъ далъ тотчасъ приказаніе татарамъ кормить лошадей и быть готовыми къ походу.

Послѣ быстраго отступленія Калги-салтана и Петрика, полковники, высланные гетманомъ, бросились было въ погоню за уходившими, но не догнали, потому что, въ виду погони, отступленіе стало совершеннымъ бѣгствомъ.

Гетманъ Мазепа распустилъ свое войско; съ врагомъ ему не удалось биться, однако оно пробыло въ трудахъ и лишеніяхъ военнаго похода цѣлыхъ 12 недѣль, а Полтавскаго полка козаки—осьмнадцать. Успѣхъ надъ мятежомъ былъ пріобрѣтенъ чрезвычайно скоро и легко, но гетманъ удостоился отъ московскаго правительства похвалъ и подарковъ, какъ бы за очень важный подвигъ. Такимъ это дѣло и должно было показываться издали, если судить о немъ по тѣмъ замысламъ, съ какими пускался возмутитель на свое предпріятіе. Стольникъ Таракановъ привезъ гетману и старшинамъ милостивое слово великихъ государей и подарки. Онъ представился гетману въ станѣ, устроенномъ въ Бадаквѣ [1]) на Артополотѣ. Тамъ гетманскій таборъ былъ устроенъ на подобіе города, съ воротами, отъ которыхъ шли улицы, составленныя изъ шатровъ, до гетманскаго шатра. Гетманская пѣхота уставлена была по всему пути, по которому шелъ царскій посолъ. Пѣ-

[1]) Нынѣ село Лохвицкаго уѣзда, при р. Сулѣ.

хота играла на трубахъ, била въ литавры. Царскій посолъ поднесъ гетману съ царскою похвальною грамотою подарокъ—кафтанъ «откровеннымъ видомъ, съ распростертыми полами», а старшинамъ присланы были соболи и матеріи, называемыя «байбереки» [1]).

Въ концѣ 1692 года произошла суровая расправа съ тѣми, которые во время прихода Петрика присылали къ нему съ хлѣбомъ-солью и признали его гетманомъ. Такая участь постигла двухъ сотниковъ: цариченскаго и китайгородскаго. Войсковой судъ присудилъ ихъ къ смертной казни, которая должна была исполниться на мѣстѣ ихъ преступленія. Но китай-городскіе жители испросили помилованіе своему сотнику, представляя, что зачинщикомъ измѣны былъ не онъ, а священники, подававшіе совѣтъ сдать городъ. На этомъ основаніи присудили китай-городскому сотнику и его сообщникамъ учинить такую казнь: положить имъ головы на плахи, потомъ, снявши съ плахъ, объявить, что, по прошенію царицы Натальи Кирилловны, смертная казнь замѣняется для нихъ наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ дальніе сибирскіе городы. Этотъ приговоръ былъ исполненъ 2 ноября [2]). Цариченскому сотнику отрубили голову въ Полтавѣ 2 декабря [3]).

Петрикъ, убѣжавшій отъ рубежей Гетманщины, прислалъ въ Сѣчь письмо въ такомъ смыслѣ: «Не сомнѣвайтесь. Дѣлу сему конца еще нѣтъ. Что́ мы начали, то и совершимъ». Но въ Сѣчи уже очень мало нашлось у него сторонниковъ. Гусакъ теперь уже не мирволилъ Петрику, сталъ обращаться грубо съ его сторонниками и грозилъ имъ наказаніями. Но тутъ поднялась смута. Гусака обвинили въ томъ, что онъ бралъ дары отъ татаръ, приходившихъ съ Петрикомъ. Его принудили положить свою

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1692 г., августъ, № 98.

[2]) Арх. Юст. кн. 66, л. 107.

[3]) Ibidem, л. 568.

«комышину». Съ нимъ разомъ смѣнили всѣхъ другихъ сѣчевыхъ старшинъ и выбрали новыхъ. Кошевымъ атаманомъ выбранъ былъ Василь Кузьменко. Это не обошлось безъ междоусобій: поднимались курѣни на курѣни, сѣчевую церковь забросали полѣньями, купецкихъ людей пограбили [1]).

Для удержанія Запорожья въ спокойствіи, гетманъ находилъ, что слѣдуетъ въ Каменномъ-Затонѣ построить крѣпость и тамъ держать постоянно гарнизонъ съ орудіями. Нельзя было не обратить вниманія, что Запорожье было опасно для Гетманщины главнымъ образомъ оттого, что тамъ скоплялись недовольные порядкомъ въ Украинѣ и другъ друга подстрекали на отважныя мятежническія затѣи. Надобно было исправить причины народнаго недовольства. По вопросу о маетностяхъ старшинъ и войсковыхъ товарищей полагалось возможнымъ успокоить народныя жалобы на утѣсненіе тѣмъ, что гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ давалъ наставленіе владѣльцамъ не отягощать своихъ подданныхъ въ земляхъ, лѣсахъ, сѣнокосахъ и во всякихъ угодьяхъ, подъ опасеніемъ отобранія маетностей [2]). Но и это дѣлалось только на случай возможности отягощенія. Угрожая въ своемъ универсалѣ владѣльцамъ маетностей карою за отягощеніе подданныхъ, гетманъ сообщалъ въ Приказъ, что отъ особъ, владѣющихъ маетностями, какъ отъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ «люди въ подданствѣ будучіе отягощенія и бремени неудобоносимаго не терпѣли» [3]). Относительно арендъ, возбуждавшихъ также всеобщее недовольство народа, гетманъ до поры до времени ограничился универсаломъ, дозволявшимъ на крестины и на свадьбы курить вино для своего домашняго обихода и покупать дешевою цѣною

[1]) Ibidem, л. 1090.

[2]) Ibidem, л. 1050.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., № 24.

вино бочками: собственно это и прежде дозволялось, но съ такимъ ограниченіемъ, чтобы покупаемая бочка заключала не менѣе пятидесяти квартъ. Теперь же дозволялось покупать гораздо меньше — въ десять квартъ и притомъ безъ явки арендарямъ и ихъ шафарямъ, объявляя единственно мѣстнымъ полковымъ старшинамъ. Самыхъ арендарей обязали продавать въ раздробь кварту не дороже двухъ копѣекъ. Это издавалось только какъ временно облегчительныя мѣры, — предполагалось скоро уничтожить аренды вовсе [1]).

Неугомонный Петрикъ въ Крыму старался расположить новаго хана и представилъ какое-то письмо, полученное будто бы отъ полтавскаго полковника. Въ этомъ письмѣ увѣряли, что какъ только онъ явится съ татарами, то весь Полтавскій полкъ ему сдастся. Крымскіе мурзы убѣждали хана Селимъ-Гирея вѣрить Петрику и сообщали, что имъ подлинно извѣстно, какъ малороссіяне не терпятъ москалей и готовы принять татаръ, какъ избавителей. Бывшіе въ Крыму невольники греки, напротивъ, уговаривали Петрика не пускаться снова въ это дѣло и не отдавать на расхищеніе мусульманамъ своихъ единовѣрцевъ. Петрикъ на это имъ отвѣчалъ: «Я стою за посполитый народъ, за самыхъ бѣдныхъ и простыхъ людей. Богданъ Хмельницкій избавилъ народъ малороссійскій изъ неволи лядской, а я хочу избавить его отъ новой неволи москалей и своихъ пановъ».

11-го января 1693 года ханъ Селимъ-Гирей отправилъ въ походъ зятя своего Нуреддина-салтана и сына Ширинъбея съ ордами, а съ ними выступилъ и Петрикъ съ кучкою своихъ воровскихъ козаковъ. Прежде всего ханъ Селимъ-Гирей приказывалъ имъ идти къ Сѣчѣ и попытаться подвинуть сѣчевиковъ идти въ малороссійскіе городы.

[1]) Арх. Юст. кн. 66, л. 568.

Если малороссійскіе городы не станутъ сдаваться, то ханъ не приказывалъ ихъ разорять. Самъ ханъ обѣщалъ весною идти съ ордами на великороссійскіе городы и слободы. 16 января Нуреддинъ-салтанъ и Петрикъ отправили въ Сѣчь воззваніе, убѣждавшее пристать къ нимъ [1]). Петрикъ извѣщалъ запорожцевъ, что онъ прошлое лѣто не могъ довести своего предпріятія до конца оттого, что татары его покинули, а теперь новый ханъ Селимъ-Гирей, въ совѣтѣ со всѣмъ своимъ государствомъ, постановилъ помогать малороссіянамъ, чтобъ вырвать ихъ изъ подъ московскаго подданства. «Не прельщайтесь, братья,—выражался онъ, что московскіе цари шлютъ вамъ червонные золотые: все это Москва дѣлаетъ оттого, что видитъ волка въ лѣсу, а какъ Москва помирится съ Крымомъ, то часть нашей Украины ордѣ отдастъ, а другую заберетъ себѣ въ вѣчную неволю. У насъ правдиво говорится: за кого крымскій ханъ, тотъ и будетъ панъ!.. Не привязывайтесь къ этой Москвѣ, какъ рыба-судакъ къ неводу, что ее еще не затягиваютъ неводомъ, а она уже къ нити прилегаетъ и тащитъ ее рыболовъ туда, куда уже прежде другихъ рыбъ затащилъ. Такъ и вы добровольно привязались къ Москвѣ, а она съ вами то же учинитъ, что уже прежде учинила съ тѣми, которыхъ раньше васъ подъ свою власть взяла».

На это воззваніе запорожцы послали Петрику отвѣтъ, составленный сѣчевымъ писаремъ Созонтомъ Грибовскимъ. Запорожцы выражались, что, усматривая близость конца міру, они считаютъ приличнымъ вести себя такъ, какъ учитъ церковь — царей почитать и пановъ слушаться. «Предавшись отчаянію и забывъ создавшаго и искупившаго тебя своею кровью Бога,—писали они,—ты отдался бездонному аду съ душею и съ тѣломъ. Желаемъ тебѣ тамъ бесѣдовать на вѣчныя времена! Отъ крымскаго хана

[1]) Ibid., кн. 67, л. 29.

ты получилъ клейноты; иди же себѣ съ ними куда хочешь, только отъ насъ убирайся подальше. Безъ нашего вѣдома ты ушелъ въ Крымъ, безъ насъ теперь и походъ свой совершай, а намъ больше не докучай!» [1]).

Нуреддину отвѣчали запорожцы, что, согласно съ договоромъ, заключеннымъ прошлый годъ съ бывшимъ Калгою-салтаномъ въ Каменномъ-Затонѣ, они желаютъ безопасно отъ татаръ промышлять звѣриными, соляными и рыбными добычами, но отрекаются отъ военнаго похода на Московское Государство. Нуреддинъ послѣ этого послалъ имъ еще одно письмо въ такихъ выраженіяхъ: «Намъ не надобно такого мира, какого хотите вы, и отъ нынѣшняго часа вамъ отъ насъ не будетъ покоя! Если же опомнитесь, то пусть вашъ кошевой атаманъ самъ пріѣзжаетъ къ намъ для разговора, либо, вмѣсто себя, знатныхъ особъ присылаетъ». На это запорожцы уже не послали письменнаго отвѣта, а словесно передали: «мы ко псу Петрику больше писать не станемъ и выходить къ вамъ изъ Сѣчи не будемъ». [2]).

Запорожская Сѣчь показала татарамъ, что Петрику на нее нечего полагаться, но Петрикъ увѣрялъ Нуреддина и мурзъ, что въ Гетманщинѣ встрѣтятъ ихъ не такъ, какъ въ Запорожьи. «Всѣ городы малороссійскіе, — говорилъ Петрикъ,—признаютъ меня гетманомъ и тогда останется разослать татаръ загонами въ великороссійскіе украинные городы и въ малороссійскіе слободскіе полки, чтобы вывозить оттуда малороссіянъ на правую сторону Днѣпра» [3]). Петрика особенно занимала мысль вновь населить правобережную Украину и такая мысль нравилась бусурманамъ, потому что малороссіяне, перешедши на правую сторону Днѣпра, очутились бы подъ турецкимъ господ-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., № 14.

[2]) Арх. Юст., кн. 66, л. 1152, 1158, 1168 и далѣе.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., № 20.

ствомъ. Петрикъ писалъ письма въ Чигиринъ и въ Корсунъ, добиваясь, чтобы тамошніе жители заранѣе признали его гетманомъ [1]). Несмотря на грубый отказъ всего запорожскаго коша, въ Сѣчѣ нашлось-таки нѣсколько забулдыгъ, которые тогда пристали къ Петрику.

Татары съ Петрикомъ двинулись въ Украину къ Переволочной [2]). Они намѣревались напасть на этотъ городокъ ночью, но какой-то хлопецъ, пойманный татарами, ушелъ изъ ихъ рукъ, просидѣлъ нѣкоторое время закопавшись въ снѣгу, потомъ вылѣзъ, прибѣжалъ въ Переволочну и далъ въ-пору знать о подходящемъ непріятелѣ. 15 января въ полночь явился Петрикъ съ татарами. Онъ увѣрялъ Нуреддина, что переволоченскій сотникъ явится къ нему съ хлѣбомъ-солью. Вышло не такъ. «Наши, — говоритъ современное донесеніе, — весело поиграли съ татарами; не безъ того, что и нашихъ двухъ-трехъ они изрубили, за то мы ихъ отбили знатно и чернь косами татаръ рубала». Татары нахватали подъ Переволочною у жителей скота и овецъ, но салтанъ разсердился за это, велѣлъ перебить у грабителей лошадей и самихъ чуть не побилъ. Нужно было показывать малороссіянамъ, что татары идутъ къ нимъ какъ союзники и избавители, а не какъ наѣздники.

Тогда Петрикъ сталъ увѣрять Нуреддина, что если Переволочна не сдалась, то другой пограничный городокъ Кишенка непремѣнно сдастся. Петрикъ встрѣтилъ кишенцевъ, ѣздившихъ въ степь за сѣномъ, и навязалъ имъ «прелестное» письмо, обращенное ко всему товариству и къ посполитымъ людямъ города Кишенки. «Прошлаго лѣта,—писалъ онъ,—приходили мы съ ордою затѣмъ, чтобъ освободить васъ всѣхъ отъ московскаго ярма, но не могли

[1]) Ibid., № 39.

[2]) Нынѣ мѣстечко Кобыляк. уѣзда, при р. Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

тогда окончить нашего дѣла. Теперь слыша, что москали и ваши паны чинятъ вамъ великія тягости, вышли мы опять вамъ помогать, и хотимъ, чтобъ вы въ такой вольности жили на обоихъ берегахъ Днѣпра, какъ ваши предки живали при Богданѣ Хмельницкомъ. Высылайте къ намъ своихъ духовныхъ и старшинъ городовыхъ; учинимъ согласіе и пусть товариство ваше, кто захочетъ, идетъ съ нами на войну тотчасъ, а вамъ никакого убытка не будетъ и волосъ не спадетъ у васъ съ головы. Если же вы послушаетесь чьего-нибудь непристойнаго совѣта, то знайте, что это вамъ даромъ не пройдетъ».

Подошедши къ Кишенкѣ [1]), татары расположились въ «подворкахъ» (предмѣстьи); Кишенка не высылала на поклонъ духовныхъ и старшинъ. Напрасно прежде хвасталъ Петрикъ передъ Нуреддиномъ, будто у него въ Кишенкѣ есть пріятели: они не отзывались. Петрикъ еще разъ послалъ въ Кишенку письмо, приглашалъ охотниковъ идти съ нимъ воевать Москву, увѣряя, будто Переволочна сдалась ему. «Ступайте себѣ далѣе въ Полтавщину,—отвѣчали кишенцы,—а мы тѣмъ временемъ подумаемъ, да посовѣтуемся» [2]).

Тогда Петрикъ утѣшалъ своихъ союзниковъ, что когда они подойдутъ къ Полтавѣ, то дѣло измѣнится, потому что полтавскій полковникъ съ нимъ въ соумышленіи. Они зажгли подворки, гдѣ стояли, и съ наступленіемъ ночи пошли къ Полтавѣ.

Татары расположились въ окрестностяхъ Полтавы вплоть до Стараго-Санжарова [3]). Часть ихъ разошлась съ загонами, разорила два села и наловила въ полонъ множество жителей, говорятъ, тысячъ до двухъ [4]). Петрикъ

[1]) Больш. мѣст. Кобыл. уѣзда, при р. Ворсклѣ.

[2]) Арх. Юст., кн. 66, лис. 1182.

[3]) Мѣст Полтавск. уѣзда, въ 23 вер. отъ Полтавы.

[4]) Арх. Юст. кн. 66, л. 1139.

послалъ въ Полтаву съ «прелестнымъ» письмомъ какого-то монаха Гервасія. «Полтавцы!—писалъ онъ,—крымскія войска пришли освободить васъ отъ московскаго ярма, а порубежные городки ваши не соизволили на то, чтобъ имъ и вамъ добро было. За это крымскія войска пошли на вашихъ войной. Но его милость салтанъ вамъ даетъ знать: если хотите жить съ крымцами въ братерствѣ, присылайте къ нему для соглашенія своихъ старшинъ и салтанъ прикажетъ воротить весь яссырь, сколько его взято, и скотину». При этомъ Петрикъ послалъ въ Полтаву нѣсколько малороссійскихъ невольниковъ, освобожденныхъ изъ Крыма [1]).

Но тутъ до Нуреддина и до Петрика дошла вѣсть, что великороссійскія и гетманскія ратныя силы приближаются. Гетманъ, слѣдившій за движеніями крымцевъ и Петрика, еще въ декабрѣ 1692 года далъ знать въ Москву. Послѣдовалъ царскій указъ: Шереметеву съ двадцатью тысячами конницы и столько же пѣхоты идти къ рубежамъ украинскимъ а товарищу его, князю Борятинскому, стоять по близости позади—«на страхъ непостояннымъ людямъ» [2]). Въ самарскихъ городахъ поставлено было до двухъ тысячъ козаковъ изъ слободскихъ полковъ съ отрядомъ изъ великороссійскихъ ратныхъ силъ [3]). Полтавскій полковникъ вовсе не шелъ на соединеніе съ Петрикомъ,—напротивъ, собралъ противъ него три сотни своего полка [4]). Страхъ встрѣтиться съ многочисленными противными военными силами и явное нежеланіе малороссійскихъ жителей поддаваться Петрику побудили татаръ къ немедленному отступленію. Они угнали съ собою множество яссыра, но когда дошли до рѣки Бальчика, Петрикъ упросилъ Ну-

[1]) Ibid., л. 1182.

[2]) Ibid., л. 985.

[3]) Ibid., л. 588.—Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 20.

[4]) Арх. Юст., кн. 67, л. 1139.

реддина отпустить плѣнниковъ на волю, дабы малороссіяне и теперь могли повѣрить, что татары имъ друзья. По одному извѣстію, число татаръ въ этомъ походѣ простиралось до тридцати тысячъ, а съ Петрикомъ малороссіянъ было до четырехсотъ человѣкъ [1]); по другому—татаръ было только до десяти тысячъ, а приставшихъ къ Петрику малороссіянъ всего 80 человѣкъ [2]).

Какъ бы то ни было, второе покушеніе Петрика потерпѣло такую же неудачу, какъ и первое. Народъ ни на̀-волосъ не обольстился его воззваніями, не показалъ желанія пожертвовать жизнію и достояніемъ ради освобожденія отъ московской власти, не усматривалъ въ Петрикѣ новаго Хмельницкаго, и Мазепа, казалось, имѣлъ право увѣрять московское правительство, что все, взводимое Петрикомъ и подобными ему зложелателями объ утѣсненіяхъ народу, есть ложь,—въ Малороссіи всѣ, старшіе и меньшіе, живутъ счастливо, въ изобиліи и довольствѣ, никто никого не насилуетъ, никто ни отъ кого не терпитъ [3]).

Гетманъ, хотя и на этотъ разъ вовсе не участвовалъ въ отогнаніи татаръ съ Петрикомъ, однако доносилъ въ Москву, что онъ поступалъ не такъ, какъ прежніе гетманы, которые только высылали противъ непріятелей своихъ полковниковъ, а сами уклонялись отъ личнаго участія въ битвахъ; онъ же, напротивъ, какъ только услыхалъ, что идетъ Петрикъ въ Украину съ татарами, тотчасъ выступилъ къ Лубнамъ, разставилъ вдоль Днѣпра нѣсколько городовыхъ и охотныхъ полковъ, чтобы не допустить татаръ, пользуясь морозами, перебраться черезъ Днѣпръ по льду: оттого-то непріятель, какъ увидѣлъ, что въ этой сторонѣ всѣ готовы къ отпору противъ него, обратился на

[1]) Ibid., кн. 66, л, 1168.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 20.

[3]) Ibid., № 24.

Полтавскій полкъ, но услыша, что и тамъ готовы отражать его, скоро бѣжалъ оттуда «сломя голову, къ своимъ поганскимъ жилищамъ» [1]).

Немаловажною причиной неудачи Петрика было то, что запорожцы не пристали къ нему всѣмъ своимъ кошемъ. Послѣ бѣгства Петрикова гетманъ посылалъ въ Сѣчу войскового товарища Трощинскаго съ похвалою запорожцамъ и съ иконостасомъ въ сѣчевую церковь. Но этотъ гетманскій посолъ наслушался тогда въ Сѣчѣ «рѣчей невѣжливыхъ и ко вредительству належащихъ». Сердились запорожцы на гетмана, услыхавши, что онъ совѣтовалъ строить крѣпость у Каменнаго-Затона [2]),—толковали, что имъ выгоднѣе быть въ мирѣ съ бусурманами, потому что съ соляной и рыбной добычи «они были и сыты, и пьяны, а царскаго жалованья имъ дается мало»; нѣкоторые же прямо отзывались: «пусть намъ ханъ дастъ плату и лошадей, такъ мы будемъ на услугахъ Крымскому Государству» [3]). Самъ кошевой Кузьменко писалъ къ гетману грамоту, въ которой увѣрялъ, что если запорожцы и заключатъ миръ съ бусурманами, то такой миръ не повредитъ гетманскому регименту. Но въ той же грамотѣ кошевой своею рукой приписалъ: «если что здѣсь противнаго вашей милости написано, то простите мнѣ дураку. Я пишу по войсковому приказу и колибъ якимъ способомъ дознались, что я вамъ иное написалъ, то убили бы мене въ радѣ» [4]).

Вслѣдъ затѣмъ весною 1693 года ханъ прислалъ въ Сѣчь турка обновить примиреніе, постановленное запорож-

[1]) Ibid., № 8.

[2]) „Що се?—кричали сѣчевики.—Гетманъ хоче другу Сѣчь заводити, щобъ насъ у руки взять! Абы здоровъ бувъ нашъ Днѣпръ, а мы собѣ другу Сѣчь знайдемо, а Москвѣ смѣятись изъ себе не дамо“!

[3]) Арх. Юст. кн. 66, л. 212.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 14.

цами у Каменнаго-Затона. Безпокойныя головы взяли верхъ; ханскій посолъ былъ встрѣченъ съ почетомъ; всѣхъ курѣней атаманы произнесли присягу хранить миръ съ ханомъ и его государствомъ и послали въ Крымъ своихъ пословъ для утвержденія мирнаго договора. Петрикъ между тѣмъ въ Крыму не переставалъ возбуждать хана ложными вымыслами и увѣрять, что малороссійское поспольство только того и ждетъ, чтобы пришелъ ханъ съ ордою: вся чернь поднимется на старшинъ и на гетмана и по всѣмъ полкамъ начнется расправа съ панами и арендарями. Обо всемъ этомъ тотчасъ узналъ гетманъ и, сообщивъ въ Москву, разослалъ универсалы, чтобы всѣ полки были снова въ готовности отражать внезапное вторженіе крымцевъ [1]).

Два неудачныхъ покушенія Петрика показывали, что малороссіяне не поддаются возбужденіямъ противъ московской власти, гетмана, пановъ и арендарей, но тѣмъ не менѣе всетаки на виду стояла необходимость устранять по возможности причины, которыми возбуждали въ народѣ неудовольствіе. Дѣло объ арендахъ прошлаго года осталось неоконченнымъ. Въ Свѣтлое Воскресеніе 1693 года гетманъ созвалъ въ Батуринѣ изо всѣхъ полковъ козацкихъ старшинъ, значныхъ войсковыхъ товарищей и нѣкоторыхъ мѣщанъ на совѣтъ объ арендахъ. Немало оказалось такихъ, что стояли за аренды. «Никому онѣ не вредятъ,—говорили такіе господа,—развѣ только шинкарямъ, а въ городахъ значительные отъ арендъ оказываются пожитки и не только удовлетворяются текущія потребности, но еще по тысячѣ и по двѣ тысячи золотыхъ кладется на сбереженіе». Но раздавалось болѣе голосовъ, доказывавшихъ, что аренды надобно «отставить совершенно», потому что онѣ стали народу ненавистны и черезъ нихъ

[1]) Ibid., № 21.

подается неспокойнымъ людямъ поводъ къ преканіямъ; чумаки ходятъ за солью и рыбою въ Сѣчь и своими разсказами о тягостяхъ народу отъ арендъ волнуютъ запорожцевъ, а тѣ всегда рады придраться къ чему нибудь, лишь бы мутить. Подавали совѣтъ, вмѣсто арендъ, собирать на всякіе войсковые расходы налогъ съ тѣхъ людей, которые держатъ шинки или курятъ вино въ своихъ винницахъ и продаютъ по ярмаркамъ. Положили, въ видѣ опыта, установить на годъ такой порядокъ, а по окончаніи срока полковые старшины и всѣ уряды должны представить вѣдомости, изъ которыхъ можно будетъ сообразить, достаточно ли будетъ собираться въ скарбъ войсковой отъ такого способа винной продажи [1]).

Въ Сѣчѣ, между тѣмъ, шло большое колебаніе. Въ іюнѣ смѣнили Кузьменка, кошевымъ сталъ Гусакъ и писалъ къ гетману, что надобно объявить запорожцамъ большой походъ подъ Кизикермень, и запорожцы, въ надеждѣ получить себѣ въ морѣ проходъ Днѣпромъ, не будутъ въ мирѣ съ бусурманами [2]). Но въ іюлѣ запорожцы начали кричать, что слѣдуетъ быть въ мирѣ и въ союзѣ съ крымцами; Гусакъ противился; буяны взяли верхъ, низложили Гусака и «накрыли шапками» Семена Рубана, курѣннаго атамана Полтавскаго курѣня [3]), а къ гетману послали ругательное письмо, въ которомъ говорили, что онъ не отецъ, а вотчимъ Украинѣ [4]). Гетманъ, въ отвѣтѣ своемъ, обличалъ запорожцевъ, что сами они достойны называться пасынками, а не дѣтьми Украины, за то, что поступаютъ такъ, какъ имъ взбредетъ въ голову, а не такъ, какъ велитъ монаршій указъ. Запорожцы, при гетманскомъ послѣ, под-

[1]) Ibid., № 39.

[2]) Ibid., №№ 33 и 36.—Арх. Юст. кн. 67, л. 756.

[3]) Арх. Юст. кн. 67, л. 867.

[4]) Арх. Ин Дѣлъ 1693 г., № 50.

няли противъ гетмана крикъ, ругань; доставалось тогда и высшему правительству [1]).

Въ это время гетманъ писалъ въ Москву, что было бы полезно поднять запорожцевъ на бусурманъ и подвинуть вообще козаковъ на войну съ Турціей. «Въ малороссійскомъ посполитомъ народѣ много такихъ, что смятенія желаютъ; нищимъ и убогимъ хочется на счетъ богатыхъ добывать себѣ состояніе; однокровные съ запорожцами по природѣ, они всегда смотрятъ на запорожскіе поступки какъ на образецъ для себя, больше чѣмъ на стройные порядки въ городахъ, и какое бы зло отъ запорожцевъ не вщалося, они готовы по своему безумію къ нимъ пристать. Есть такіе, что и землями владѣютъ, и въ дворахъ своихъ живутъ, но не умѣютъ оправлять своихъ домовъ и приторно имъ жить хозяевами, и они какъ только заслышатъ, что въ чужой землѣ нуждаются въ людяхъ для службы, такъ и готовы идти. Отъ прежнихъ гетмановъ и отъ меня полковникамъ и порубежнымъ сторожникамъ бывали приказы не выпускать ихъ, да никакими способами усмотрѣть за ними невозможно, и еслибы, избави Богъ, началась война противъ Россійской державы, то непріятели нашими людьми, къ нимъ бѣгающими, воевали бы Украину. Если же отъ насъ начнутся твориться военные промыслы, тогда бы всѣ охотники къ войнѣ пошли туда и не бѣгали бы за рубежъ на чужіе зазывы, не поднимали бы и домашнихъ смутъ» [2]). На такіе представленія гетмана московское правительство отвѣчало, что для военныхъ дѣйствій надобно ждать удобнаго времени, о чемъ будетъ въ свое время указъ, а до тѣхъ поръ гетманъ долженъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, примѣняясь къ прежнимъ указамъ, и всѣми силами стараться,

[1]) Арх. Юст. кн. 57, л. 1259.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., №№ 42. и 43.

чтобы запорожцы не вступали въ союзъ съ бусурманами и оставались послушными царямъ [1]).

Во все время отъ половины лѣта 1693 до 1695 года военныя дѣйствія ограничились частными посылками отрядовъ и стычками ихъ съ татарскими загонами. Іюня 27-го 1693 года за Смѣлою правобережные полковники Палѣй и Абазинъ разбили орду [2]), а октября 27-го того же года, соединясь съ Палѣемъ и Абазинымъ, полковники —переяславскій Мировичъ и конноохотный Пашковскій— одержали надъ татарами побѣду при рѣкѣ Кодымѣ [3]). Въ началѣ 1694 года Петрикъ изъ Крыма сталъ опять присылать въ Сѣчь воззванія, обѣщая явиться съ ордами для отобранія отъ московской власти милой отчизны Украины [4]).Между сѣчевиками опять поднялось смятеніе, опять запѣли старую пѣсню объ утѣсненіяхъ, чинимыхъ народу панами и арендарями. Это смятеніе разносили пріѣзжавшіе въ Сѣчу малороссійскіе ватажане, ѣздившіе ватагами подъ предлогомъ разныхъ промысловъ. «Это такіе люди, писали изъ Сѣчи гетману, — что живучи въ Украинѣ не смѣютъ языка распускать, а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ плодятся рѣчи и разсказы, возбуждающіе къ бунтамъ! Иной мелетъ съ-пьяна, а иной хоть не пьетъ, дьявольскій сынъ, да безъ пьянства горечью дышетъ, собака, и не токмо что на гетмана и на пановъ, но и на самыхъ монарховъ съ желчью слова говоритъ!» [5]). Самъ кошевой атаманъ Рубанъ колебался. Но въ іюлѣ его отрѣшили и избрали кошевымъ атаманомъ другого, по прозвищу Шарпила [6]). Тогда запорожцы стали рѣшительно

1) Арх. Юст., кн. 67, л. 890.

2) Ibidem, л. 889.

3) Арх. Ин. Дѣлъ 1693 г., № 64.

4) Арх. Юст. кн. 69, л. 366.

5) Ibid, л. 268. Письмо писаря Грибовскаго.

6) Ibid, л. 810.

врагами татаръ и ватага ихъ въ 400 человѣкъ ворвалась въ крымскія поселенія, взяла въ плѣнъ до двухсотъ татаръ и освободила около сотни русскихъ полонянниковъ обоего пола [1]). Потомъ, подъ начальствомъ того же Шарпила, запорожцы на урочищѣ Чингарѣ разгромили татарскій городокъ и тѣмъ побудили салтана Нуреддина, шедшаго съ ордою на Слободскую Украину, вернуться назадъ [2]). Въ сентябрѣ 1694 года гетманъ отправилъ за Днѣпръ въ «дикія поля» отрядъ изъ нѣсколькихъ полковъ городовыхъ и охотныхъ подъ наказнымъ гетманствомъ черниговскаго полковника Лизогуба. Соединившись съ Палѣемъ, они ходили къ устью Днѣстра, овладѣли татарскою крѣпостью Паланкою и воротились съ добычей и двумя-стами плѣнныхъ. За это отъ царя присланъ былъ гетману золотной кафтанъ и порядочное количество матерій и соболиныхъ мѣховъ, а Лизогубу и бывшимъ съ нимъ въ походѣ полковникамъ [3]) прислано также соразмѣрное вознагражденіе [4]). Участвовавшій въ этихъ походахъ запорожскій кошевой Шарпило бился съ татарами, но вернулся безъ добычи; за это онъ былъ низложенъ и вмѣсто него дали «комышину» другому, по прозвищу Примѣ [5]). При этомъ новомъ кошевомъ стала опять брать верхъ партія, расположенная ко враждѣ съ Россіей и къ миру съ татарами. Запорожцы кричали, что выгоднѣе имъ, живя въ согласіи съ татарами, ходить на промыслы за звѣрьми, рыбою и за солью, чѣмъ, угождая Москвѣ, быть въ непріязни съ Крымомъ и за то получать въ награду сукна, которыхъ присылаютъ такъ мало, что приходится

[1]) Ibid., л. 560.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1694 г.; № 21.—Арх. Юст. кн. 71 л. 240.

[3]) Миргородскому, лубенскому, переяславскому, прилуцкому, и охотнымъ: Кожуховскому, Ясликовскому и Новицкому.

[4]) Арх. Юст. кн. 71, л. 192.—Арх. Ин. Дѣлъ 1694 г., № 19.

[5]) Арх. Юст. кн. 74, л. 651.

на человѣка по аршину, либо деньги, которыхъ по раздѣлу достанется на товарища какихъ-нибудь злотыхъ по два. Запорожцевъ располагала къ миру и возможность размѣна плѣнныхъ, причемъ они могли надѣяться воротить попавшихъ въ неволю своихъ товарищей [1]). Но Мазепа въ январѣ 1695 года уговорилъ ихъ увѣреніями, что царь скоро предприметъ большой походъ подъ Азовъ, а они, запорожцы, будутъ чинить промыселъ надъ непріятелемъ и получатъ много добычи [2]). Вслѣдъ затѣмъ прислана въ Сѣчь такого же содержанія царская грамота [3]), а въ апрѣлѣ прибылъ туда съ царскимъ жалованьемъ стольникъ, и запорожцы на своей радѣ дали обѣщаніе чинить надъ бусурманами воинскій промыселъ по царскому указу [4]).

[1]) Ibid., кн. 69, л. 385 и далѣе.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники, январь 1695 г.

[3]) Ibid., февраль 1695 г.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ 1695 г., № 16.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первая осада Азова Петромъ.—Дѣйствія Шереметева и Мазепы на Днѣпрѣ.—Покореніе турецкихъ приднѣпровскихъ городковъ.—Гарнизонъ въ Таванскѣ.—Вѣсти о намѣреніи бусурманъ вторгнуться въ Украину.—Приготовленіе къ отпору.—Нашествіе татаръ зимою 1695—1696 годовъ.—Разореніе городковъ и селеній.—Отступленіе татаръ.—Смерть Петрика.—Приготовленіе ко второму азовскому походу.—Отправка козаковъ къ Азову.—Запорожскій атаманъ Чалый.—Стоянка Шереметева и гетмана на Коломакѣ.—Взятіе Азова.—Подвиги козаковъ подъ Азовомъ.—Царскія милости.—Свиданіе Мазепы съ царемъ въ Острогожскѣ.—Гибель запорожскаго атамана Чалаго.—Бунтъ Кіевскаго полка противъ своего полковника.

1695 годъ былъ знаменитъ въ дѣятельности козаковъ. Въ этотъ годъ совершался первый азовскій походъ царя Петра, походъ неудачный по причинѣ измѣны инженера Янсона, перешедшаго къ туркамъ: русскіе потеряли попусту время съ весны до глубокой осени и потратили не мало войска и денежной казны. Но эти потери отчасти вознаградились успѣхами другаго войска, которое въ числѣ ста тысячъ было отправлено на войну въ иную сторону, подъ предводительствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы. Оно отправилось къ низовьямъ Днѣпра съ цѣлью отвлечь непріятеля и воспрепятствовать крымскимъ ордамъ помогать туркамъ въ то

время, когда послѣднихъ тѣснили русскія военныя силы въ Азовѣ. Военачальники, сообразно предоставленнымъ имъ отъ царя полномочіямъ, принялись осаждать турецкіе укрѣпленные городки, построенные на Днѣпрѣ. Первый изъ этихъ городковъ былъ Кизикермень (гдѣ нынѣ Бериславъ). Въ немъ находился порядочный турецкій гарнизонъ и довольно большое число орудій, а вблизи его расположились, для вспомоществованія гарнизону въ случаѣ нужды, татары подъ начальствомъ салтановъ Нуреддина и Ширинъ-бея. Русскіе явились въ одинъ изъ послѣднихъ дней іюля, въ среду, и стали обозами на мѣстѣ безопасномъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ четвергъ на зарѣ гетманъ приказалъ своимъ охотнымъ и городовымъ полкамъ двинуться къ стѣнамъ пѣшими. Противъ козаковъ вышли янычары, но тотчасъ были прогнаны въ Кизикермень, а за янычарами козаки вскочили въ сады и огороды кизикерменскихъ обывателей. Послѣ этой первой попытки гетманъ подалъ совѣтъ насыпать шанцы и такимъ способомъ подходить ближе и ближе къ городу. Утвердивши плетеныя корзины съ насыпанною землей, уставили пушки, размѣстили пѣшихъ козаковъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Ночью всѣ работы были окончены и весь Кизикермень былъ обложенъ козацкими шанцами. Утромъ въ пятницу съ козацкихъ шанцевъ началась пальба по Кизикерменю изъ пушекъ и ручнаго оружія и продолжалась въ теченіе четырехъ сутокъ, съ пятницы до вторника. Кизикерменцы отвѣчали хотя не лѣниво, но безъ успѣха. Чуть только янычары отворятъ окна въ стѣнныхъ амбразурахъ, какъ изъ козацкихъ пушекъ летять туда ядра и не допускаютъ противниковъ выпускать свои снаряды. Большой страхъ осажденнымъ задавали въ то же время пускаемыя гранаты [1]). Много помогло тогда

[1]) „Лѣт. Сам.", изд. 1847 г., стр. 84.

русскому дѣлу плавное войско, состоявшее изъ двухъ козацкихъ городовыхъ полковъ, Кіевскаго и Черниговскаго, и присоединившихся къ нимъ на пути запорожцевъ. Перетягивая свои челны съ большою трудностію по мелкому и высохшему протоку, оно не допускало татаръ Нуреддина и Ширинъ-бея подавать помощь тѣснимымъ въ крѣпости. Но кизикерменскія стѣны были сложены изъ чрезвычайно твердаго камня и гетманъ нашелъ, что нельзя обойтись безъ рытія подкоповъ. Начали вести подкопъ подъ кизикерменскія стѣны. Взрывъ произвелъ поврежденіе въ стѣнахъ, въ которыхъ, въ добавокъ, вспыхнулъ сберегавшійся тамъ порохъ [1]). Передъ солнечнымъ заходомъ осажденные дали знать, что сдаются. Вышелъ самъ кизикерменскій бей и писарь его «чемерисъ» (польскій татаринъ) Шибанъ-Липка. Договорились о сдачѣ. Бывшіе тамъ турки были довольны, но татары не довѣряли честности козаковъ и, не успѣвши захватить съ собою всего своего достоянія, ушли въ нижній городъ, сохранившійся лучше верхняго, котораго стѣны сильно пострадали отъ взрыва. Гетманъ запретилъ до разсвѣта козакамъ ходить въ городъ, но козаки его не послушались и, несмотря на то, что были очень утомлены, бросились въ опустѣлый верхній городъ съ тѣмъ, чтобы захватить себѣ все, что тамъ найдутъ, и не допустить сдѣлать того же другимъ своимъ товарищамъ. За козаками вслѣдъ бросились туда и нѣкоторые ратные люди. Въ городѣ произошелъ пожаръ и, благодаря сухому времени, распространился съ такою быстротой, что многіе не только утратили все, что успѣли тамъ захватить, но и сами едва улепетнули отъ огня [2]). Запершіеся въ нижнемъ городѣ татары, по требованію козаковъ, стали выходить и козаки многихъ изъ нихъ огра-

[1]) Арх. Юст. кн. 76, л. 300 и далѣе.—Арх. Ин. Дѣлъ, 1696 г., февраль. Посольство въ Москву.

[2]) „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 280—284.

били, вопреки своему обѣщанію; другіе же татары и турки съ женами и дѣтьми сами бросались со стѣнъ кизикерменскихъ въ запорожскія лодки и были перевезены въ качествѣ плѣнныхъ на островъ Таванскъ [1]), уже тогда занятый козаками; на этомъ островѣ была другая турецкая крѣпость, называемая по-турецки Мустритъ-Кермень, по-русски Таванскъ. Какъ только тамъ увидали, что Кизикермень не устоялъ, тотчасъ сдались. Крѣпость эта была малолюдна и тѣсна; въ ней помѣщалось не болѣе 150 человѣкъ непріятельскихъ силъ. Было вблизи еще двѣ крѣпости—Исламъ-Кермень и Мубарекъ-Кермень. Эти маленькія крѣпостцы безъ боя сдались русскимъ, покинутыя бѣжавшими изъ нихъ бусурманами.

Удерживать Кизикермень военачальники признали невозможнымъ. Нужно было починивать стѣны и орудія, а для этого были необходимы мастеровые: ихъ недоставало. Рѣшились сбить кизикерменскія стѣны до основанія [2]) и поставить гарнизонъ единственно въ небольшомъ укрѣпленіи, находившемся на Таванскомъ островѣ. Шереметевъ и гетманъ назначили тамъ быть гарнизону изъ великороссіянъ и малороссійскихъ охотныхъ козаковъ подъ начальствомъ Ясликовскаго. Сами военачальники собрались въ Украину.

Едва только они отступили, какъ запорожцы вошли самовольно въ Таванскъ, забрали бывшихъ тамъ плѣнныхъ и орудія, подуванили между собою добычу, стали тѣснить поставленныхъ тамъ въ гарнизонѣ великороссіянъ и малороссіянъ, не давая имъ ни въ чемъ воли, принудили, наконецъ, ихъ выйти изъ города и копать себѣ другой валъ, а Таванскъ объявили собственностью Запорожской Сѣчи. Но самимъ запорожцамъ, вступившимъ въ

[1]) На Днѣпрѣ близъ нынѣшняго гор. Берислава.

[2]) „Лѣт. Самов.“, изд. 1847 г., стр. 85.

Таванскъ въ числѣ шестисотъ, стало тѣсно въ укрѣпленіи, имѣвшемъ всего 140 саженъ въ окружности, да и обороняться въ немъ отъ непріятеля было трудно, потому что валъ былъ высыпанъ изъ песку и притомъ стоялъ на низкомъ мѣстѣ. Запорожцы увезли оттуда лучшія пушки въ Сѣчу, оставили на прежнемъ мѣстѣ плохія, а потомъ, вытолкавши малороссіянъ и великороссіянъ, и сами стали расходиться на промысловую добычу [1]).

Гетманъ, достигши рубежей гетманскаго регимента, распустилъ бывшее съ нимъ городовое козачество, такъ какъ приближалось время уборки хлѣба, а охотные козацкіе полки отправилъ на сторожу къ вершинѣ Самары стеречь крымцевъ, еслибы тѣ захотѣли идти на выручку Азову; самъ же 30 августа прибылъ въ свой Батуринъ со стрѣлецкимъ полкомъ Анненкова, постоянно состоявшимъ при гетманской особѣ [2]). Вскорѣ гетманъ отъ воротившагося изъ подъ Азова своего посланца узналъ, что царь съ войскомъ уже отступилъ въ свое государство и нечего было опасаться выручки со стороны крымцевъ осажденнымъ въ Азовѣ туркамъ; оставалось беречь недавно покоренные городки [3]). Поэтому гетманъ вызвалъ съ вершины Самары охотныхъ козаковъ и послалъ 500 гадячанъ и лубенцевъ на придачу къ охотнымъ козакамъ, оставленнымъ въ Таванскѣ, а запорожцамъ предоставлялъ во владѣніе и береженіе другіе городки—Исламъ-Кермень и Мубарекъ-Кермень [4]). Но оказалось, что первый былъ сожженъ турками, а въ послѣднемъ сами запорожцы сокрушили всѣ башни и стѣны [5]). Присланные въ Таванскъ козаки, вмѣстѣ съ оставленными тамъ прежде охотными

[1]) Арх. Юст., кн. 75, л. 259.

[2]) Ibidem., л. 11—60.

[3]) Ibid. л. 381 и 420.

[4]) Ibid., л. 381.

[5]) Ibid., л. 478

козаками, по причинѣ крайней тѣсноты, работали за тавискими стѣнами другой валъ со рвомъ; къ декабрю мѣсяцу эти укрѣпленія были готовы, но, за неимѣніемъ лѣса, нельзя было строить въ Таванскѣ деревянныхъ хатъ и козаки помѣщались въ плетеныхъ курѣняхъ, лежа на голой землѣ и терпя «отъ зимнихъ досадъ» [1]), хотя уже тогда въ срединѣ Таванска были постройки и поставлена была деревянная церковь [2]).

Сдѣлавши распоряженія о содержаніи Таванска, гетманъ отправилъ часть плѣнныхъ, взятыхъ при покореніи турецкихъ приднѣпровскихъ городковъ, въ Сумы для разсылки ихъ въ Великороссію на работы. Другіе оставались въ Украинѣ и въ апрѣлѣ слѣдующаго года были отправлены, въ числѣ 360 человѣкъ, на работы въ Воронежъ.

Въ ноябрѣ 1695 года гетманъ и старшины получили отъ царя обычныя награжденія за лѣтній походъ [3]). Но тогда же стали приходить угрожающія вѣсти о новыхъ замыслахъ враговъ: ихъ сообщали гетману выходцы изъ турецкихъ владѣній и письма, получаемыя изъ Молдавіи [4]). Мазепа издалъ универсалъ о томъ, чтобы жители свозили въ городы хлѣбъ, сѣно и всякіе свои пожитки. и приказалъ полковникамъ гадяцкому, миргородскому и полтавскому быть на-готовѣ къ отпору непріятельскаго вторженія, а полковникамъ лубенскому и охотнаго полка Новицкому стеречь днѣпровскія переправы [5]). Въ январѣ 1696 года приходили къ гетману одно за другимъ извѣстія о вторженіи татарской орды въ предѣлы Гетманщины [6]). Татары брали яссыръ по берегамъ Орели, сожгли

[1]) Ibid., л. 683.

[2]) Ibid., л. 701.

[3]) Ibid., л. 787 и 795.

[4]) Ibid., л. 695 и 716.

[5]) Ibid., л. 995.

[6]) Ibid., л. 987.

Китай-городокъ съ шестью церквами, дворами и гумнами, но не взяли замка, куда спрятались успѣвшіе уйти отъ плѣна 16 января сожгли татары Кишенку съ тремя церквами и съ дворами, также не взявъ замка, 18 января подступили къ Келебердѣ, а оттуда пошли къ Голтвѣ на встрѣчу собраннымъ противъ нихъ козацкимъ полкамъ. Но выставленные тамъ полковники [1]) отступили, найдя, что у нихъ остается мало силы за самовольнымъ уходомъ многихъ козаковъ. Татары пошли вдоль берега рѣки Голтвы, пожгли хутора около Рѣшетиловки, повернули къ рѣкѣ Пслу, сожгли села и хутора около городковъ Остапа, Бѣлоцерковки и Богачки и направились къ Гадячу [2]). Вездѣ по пути они расходились въ стороны чамбулами, или загонами, и ловили яссыръ.

Гетманъ выступилъ изъ Батурина, двинулся въ Прилуки, самъ еще не рѣшаясь, куда ему прежде идти: онъ опасался, что на полки Кіевскій, Переяславскій и Нѣжинскій нападетъ изъ-за Днѣпра бѣлогородская орда, и потому не тревожилъ козачества этихъ полковъ съ мѣстъ своихъ [3]). Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе. что дѣйствительно бѣлогородская орда въ числѣ 30.000 человѣкъ, какъ показывали языки, переправилась черезъ рѣку Бугъ и идетъ—только не на упомянутые выше полки, а на Кременчугъ, для соединенія съ ордою крымской [4]). Съ бѣлогородскою ордою шелъ Петрикъ. Съ нимъ бѣлогородскіе татары осадили порубежные городки гетманскаго регимента Потокъ и Омельникъ [5]). Петрикъ послалъ жителямъ этихъ городковъ универсалъ, вѣроятно, посланный

[1]) Гадяцкій, миргородскій и компанейскій.

[2]) Арх. Юст. кн. 75, л. 1145.

[3]) Ibid., л. 1205.

[4]) Ibid., л. 1111.

[5]) Нынѣ мѣстечки на р. Пслѣ, Кременчугскаго уѣзда.

тогда и въ иныя мѣста. Вотъ что говорилось въ этомъ универсалѣ:

«Вамъ, старшинамъ, козакамъ и всѣмъ посполитымъ людямъ желаю добраго здоровья. Калга-салтанъ съ ордами крымскими, бѣлогородскими, черкесскими, ногайскими, калмыцкими, пришедши въ вашу сторону, требуетъ, чтобъ вы съ нимъ учинили примиріе и потомъ жили бы себѣ спокойно по своему давнему обычаю, а если того не учините, то станетъ онъ васъ разорять огнемъ и мечемъ за то, что вы дерзнули вмѣстѣ съ московскими военными силами воевать на кизикерменскіе городы. Однако, жалѣя васъ и всего вашего края, приказалъ онъ мнѣ написать къ вамъ: что хотите, то и выбирайте себѣ: смерть или жизнь, разореніе страны или спокойное пребываніе въ цѣлости! Выходите для переговоровъ со мною,—волоса не спадетъ съ вашей головы; если же такъ не поступите, то симъ не вѣдаете, что васъ ожидаетъ! Въ чемъ будетъ ваша воля, давайте мнѣ знать сегодня же. Вашъ желательный пріятель Петръ» [1]).

Вся сила, которою могъ угрожать Петрикъ, состояла исключительно изъ татаръ; малороссіянъ при немъ было теперь только 15 человѣкъ. Гетману Мазепѣ достался въ руки Петриковъ универсалъ и противъ этого универсала Мазепа разослалъ свой универсалъ, въ которомъ предлагалъ тысячу рублей награжденія за истребленіе Петрика. Самъ гетманъ изъ Прилукъ двинулся къ Лохвицѣ, но тутъ пришлось ему трудно: вдругъ стало таять, приходилось мѣнять сани на телѣги, въ которыхъ, по причинѣ дурнаго пути, безпрестанно ломались колеса, Не обошлось тогда, по собственному выраженію гетмана, «безъ большой докуки обывателямъ» [2]). Шереметевъ изъ Ахтырки

¹) Арх. Юст. кн 75, л. 1132.

²) Ibid., л. 1205.

звалъ гетмана съ его войскомъ къ нему на соединеніе, но татарскія силы близъ Гадяча загораживали ему путь; была опасность, что татары пойдутъ на Батуринъ и гетманъ уже послалъ батуринскому сотнику приказаніе снять на подворкѣ около зaмка деревянныя постройки и сгонять жителей въ зaмокъ. Къ счастію, вслѣдъ затѣмъ пришла къ гетману вѣсть, что двѣ орды, соединившіяся было вмѣстѣ, крымская и бѣлогородская, снова разбились на двѣ половины: крымская направилась къ Полтавѣ, бѣлогородская разоряла Поднѣпровье. Гетманъ отрядилъ къ Полтавѣ прилуцкаго полковника Димитрія Горленка и приказалъ пристать къ нему полковникамъ: гадяцкому, миргородскому и полтавскому съ ихъ полчанами, а̀ лубенскаго полковника Свѣчку и охотнаго полка Новицкаго отрядилъ противъ бѣлогородской орды, приказавши имъ дѣйствовать взаимно, при надобности, съ полковниками кіевскимъ, переяславскимъ и съ Палѣемъ. «Чаю,—писалъ онъ,—бѣлогородскіе татары не захотятъ ворочаться во свояси и станутъ ловить яссыръ; тутъ-то и можно будетъ побить ихъ». Самъ гетманъ съ остальнымъ своимъ войскомъ попытался идти къ востоку на соединеніе съ Шереметевымъ, дошелъ до мѣстечка Рашевки на берегу рѣки Псла и здѣсь услыхалъ, что 1 февраля татары всѣ ушли безъ оглядки: бѣлогородскіе—за Днѣпръ, крымскіе — въ свои дикія степи. Схваченные въ плѣнъ татары показали, что они бѣжали оттого, что вдругъ стало таять; страшно имъ стало весенней распутицы; на Днѣпрѣ и на Пслѣ подъ ними ледъ проламывался и много ихъ потонуло [1]).

Охотный полковникъ Пашковскій гонялся за ними въ лѣсу за Ворсклою, взялъ немало плѣнныхъ, и тѣ говорили, что Калга-салтанъ пытался удерживать своихъ крымцевъ, чтобы разорять Слободскую Украину, но чернь та-

[1]) Ibid., л. 1217 и 1219

тарская самовольно бѣжала, Калга приказывалъ непослушнымъ рѣзать носы и уши,—ничто не помогало, и Калга самъ, вслѣдъ за своевольными, поворотилъ въ дикія степи [1]). Гетманъ, узнавши, что враговъ болѣе нѣтъ въ области его регимента, приказалъ распустить городовыхъ козаковъ въ свои полки, а охотныхъ въ ихъ становища.

Тогда постигъ конецъ и Петрика. Пытался онъ обольстить малороссіянъ на всѣ лады: распускалъ слухъ, будто гетманъ съ нимъ тайно въ соумышленіи, сочинялъ даже, будто самъ онъ побочный сынъ Мазепы [2]). Никакія хитрости и вымыслы не умножили числа его соумышленниковъ, нигдѣ не расположили малороссіянъ признавать его за гетмана и освободителя отъ Москвы. Нашелся, напротивъ, охотникъ воспользоваться тысячью рублей, обѣщанною гетманомъ за голову возмутителя. То былъ нѣкто Якимъ Вечирка, или Вечирченко: служилъ онъ прежде въ полку у Палѣя на правой сторонѣ Днѣпра, потомъ перешелъ на лѣвую сторону и находился въ одномъ изъ отрядовъ, гонявшихся за бѣжавшими татарами. Подъ Кишенкою напалъ онъ на Петрика и прокололъ его копьемъ. Но награды отъ гетмана ему не пришлось получить: вслѣдъ затѣмъ татары схватили Вечирку и умертвили мучительнымъ образомъ, какъ показывали раны на трупѣ его, найденномъ кишенцами вмѣстѣ съ трупомъ Петрика. Кишенцы повѣсили послѣдній на крюкѣ, а Вечирку похоронили съ честью [3]).

Итакъ, гетманъ Мазепа въ другой разъ, не вступая самъ въ битвы съ татарами, освободилъ Гетманщину отъ

[1]) Ibid., л. 1258.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., іюнь.—„Исторія Русовъ", 191.

[3]) *Бантышъ-Каменскій:* „Ист. Мал. Рос.", т. III, прим. 21.—Народная пѣсня объ этомъ событіи напечатана въ моей статьѣ: „Исторія козачества въ памятникахъ народ. творчества", *Русская Мысль*, 1880 года.

ихъ вторженія, и это дѣло, дѣйствительно немаловажное по своимъ послѣдствіямъ, казалось въ Москвѣ еще болѣе прежняго важнымъ подвигомъ. Государь прислалъ Мазепѣ похвальную грамоту, а Мазепа, пользуясь этимъ, черезъ присланнаго къ нему царскаго посла, дьяка Виніуса, выпросилъ у царя себѣ мѣстечко Ямполь, недалеко отъ Сѣвска, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его смерти, его вдовѣ и племянницѣ былъ бы пріютъ съ ихъ пожитками [1]).

Прогнаніемъ татаръ изъ Украины не окончились военныя дѣйствія противъ бусурманъ; напротивъ, они только что начинались въ болѣе важномъ размѣрѣ. У царя Петра созрѣло твердое намѣреніе завоевать у турокъ Азовъ и создать русское мореплаваніе на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Малороссійскій гетманъ прилагалъ соотвѣтственное стараніе къ веденію этого предпріятія, чрезвычайно важнаго и смѣлаго по своему времени [2]). Мазепа подавалъ совѣтъ послать для охраненія Таванска великороссійскихъ ратныхъ людей, а запорожцевъ отправить въ чайкахъ на море для разрыва непріятельскихъ силъ, которыя, конечно, будутъ отправлены турками въ судахъ на выручку Азова. Для этого, по его соображеніямъ, необходимо было прислать 1000 рублей на сооруженіе запорожской флотиліи изъ чаекъ и двѣ тысячи четей хлѣбныхъ запасовъ на 2.000 человѣкъ запорожцевъ, которые отправятся въ море на три мѣсяца; слѣдовало, кромѣ того, устроить флотилію для плавного похода войскъ по Днѣпру. Суда для этого гетманъ находилъ удобнымъ дѣлать въ Брянскѣ и оттуда Десною спустить въ Днѣпръ. Правительство отправило гетману требуемую сумму на постройку запорожскихъ чаекъ, а относительно плавного похода замѣтило, что если суда въ Брянскѣ не поспѣютъ, то гетманъ тогда долженъ самъ

[1]) Арх. Юст. кн. 114, л. 782.

[2]) Арх. Юст., кн. 76, л. 60—100.

найти еще иные способы приготовленія судовъ къ плавному походу вмѣстѣ съ Шереметевымъ. Вслѣдъ затѣмъ царскій посолъ Бухвостовъ привезъ гетману указъ отправить 15.000 конницы и 5.000 пѣхоты козацкаго войска подъ Азовъ, давши имъ на пять мѣсяцевъ запасовъ. Гетманъ отвѣчалъ, что хотя онъ готовъ и самъ лично вести козацкій отрядъ подъ Азовъ, но долженъ доложить, что въ малороссійскомъ краѣ едва ли наберется такое число козаковъ съ лошадьми, какое требуется; большая часть козачества, за недостаткомъ лошадей, можетъ вступить въ бой пѣшими, и развѣ только у начальныхъ лицъ и у значныхъ товарищей будутъ свои боевые кони. Онъ можетъ набрать всего и конныхъ и пѣшихъ тысячъ пятнадцать для отправленія подъ Азовъ. Онъ считаетъ возможнымъ взять запасовъ только на три мѣсяца: ихъ придется везти гужомъ, а водяного пути нѣтъ. На это представленіе 2 апрѣля 1696 года данъ былъ отвѣтъ, что дозволяется взять козакамъ, снаряжаемымъ подъ Азовъ, запасовъ на три мѣсяца, но съ тѣмъ, что на остальные два мѣсяца запасы будутъ доставлены водою по Сѣверному Донцу, который становится судоходнымъ, начиная отъ Бѣлгорода. Кромѣ того, указано было купить въ Слободской Украинѣ 500 воловъ и 1.500 барановъ и, по распоряженію Шереметева, отправить на Донъ [1] [2]).

24 апрѣля отправилъ гетманъ требуемый царемъ подъ Азовъ козацкій отрядъ въ числѣ 15.000 человѣкъ подъ наказнымъ гетманствомъ Якова Лизогуба, черниговскаго полковника, бывшаго когда-то наказнымъ гетманомъ Дорошенка на правой сторонѣ Днѣпра. Съ нимъ пошли два

[1]) Ibid., л. 138.

[2]) „Скуплено было въ Сумскомъ полку гуртъ воловъ и барановъ: воловъ 200 по три рубля за вола, 150—по два рубля съ полтиной, 10—по два рубля и 3—по одному рублю съ полтиной; барановъ 600 по 7 алтынъ 2 деньги, а 300 по 6 алтынъ 4 деньги“.

городовыхъ полка—Гадяцкій и Лубенскій, два полка охотныхъ—одинъ конный, другой пѣшій, и одинъ компанейскій. Путь ихъ лежалъ на Ахтырку и Валуйки. За ними вслѣдъ велѣлъ гетманъ везти запасы на телѣгахъ на три мѣсяца и сверхъ того каждому козаку приказано взять съ собою денегъ для покупки себѣ продовольствія еще на одинъ мѣсяцъ [1]). Гетманъ, въ своемъ донесеніи въ Приказъ, замѣтилъ, что доставить запасы на два мѣсяца до Сѣвернаго Донца для дальнѣйшей сплавки по водѣ очень затруднительно: люди посполитые обнищали отъ непріятельскихъ разореній, отъ кормленія охотныхъ войскъ, отъ запорожскихъ проѣздовъ и не могутъ снарядить достаточнаго числа подводъ; многіе ушли уже въ слободскіе полки для переселенія. До сихъ поръ посполитые возили подводы съ запасами только охотнымъ козакамъ, компанейцамъ и сердюкамъ, а городовые козаки всегда возили себѣ запасы сами на своихъ лошадяхъ; теперь же изъ городовыхъ многіе такъ обѣднѣли, что, отправившись въ походъ, не оставили при своихъ семьяхъ никакой челяди, которая бы могла везти ихъ запасъ; нѣкоторые едва могли взять съ собой для прокормленія что нибудь на дорогу и сами выступали въ походъ на единственномъ конѣ, на которомъ дома работали.

25 апрѣля послѣдовалъ царскій указъ Шереметеву, по совѣту съ гетманомъ, идти плавнымъ походомъ подъ Очаковъ или въ другое мѣсто съ 2.500 ратныхъ въ большихъ стругахъ, изготовленныхъ въ Брянскѣ и спущенныхъ черезъ Десну въ Днѣпръ; сверхъ того гетманъ долженъ былъ распорядиться о постройкѣ судовъ въ городахъ гетманскаго регимента и приказать гнать ихъ Днѣпромъ до Переволочны, или до устья Орели [2]).

[1]) Арх. Юст. кн. 76, л. 805.

[2]) Ibid., л. 470 и 483.

Въ Запорожской Сѣчѣ, еще не дождавшись отъ гетмана денегъ, присланныхъ царемъ на постройку запорожскихъ судовъ, въ апрѣлѣ снарядился и отправился въ море на чайкахъ атаманъ Чалый съ 500 сѣчевиковъ [1]). Тогда кошевой Гусакъ домогался, чтобы гетманъ выдалъ ему присланные царемъ для постройки чаекъ деньги, извѣщая, что, кромѣ ушедшихъ уже въ море съ Чалымъ, собираются еще охотники туда же, но отправить ихъ изъ Сѣчи не на чемъ. Гетманъ отвѣчалъ, что не дастъ ни денегъ, ни запасовъ, пока не убѣдится въ дѣйствительной охотѣ запорожцевъ идти на царскую службу.

Но запорожцы скоро доказали, что въ данное время на нихъ можно положиться. Атаманъ Чалый, пустившись въ Черное море съ своею ватагою, напалъ на девять турецкихъ судовъ, шедшихъ въ Очаковъ съ запасомъ: многихъ турокъ потопили, а нѣсколько десятковъ ихъ взяли въ полонъ и привели въ Сѣчь. Узнавши объ этомъ, гетманъ сообразилъ, что въ самомъ дѣлѣ запорожцы могутъ быть очень полезны, отвлекая подвозъ водою продовольствія непріятелю; онъ послалъ въ Сѣчь деньги на постройку и починку судовъ и приказалъ везти въ Запорожье на 200 подводахъ хлѣбные запасы, но приказывалъ запорожцамъ отнюдь не медлить и выступать на Лиманъ, а къ нимъ въ пособіе назначилъ кіевскаго полковника Мокіевскаго съ его полкомъ [2]).

Мокіевскій изъ Сѣчи выступилъ разомъ съ ватагою запорожцевъ въ числѣ 1.740 человѣкъ. подъ начальствомъ атамана Якова Мороза, въ челнахъ или чайкахъ на Лиманъ 30 іюня [3])[4]).

[1]) Ibid., л. 528.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники іюня 30.

[3]) Ibid., іюля 4.

[4]) Чинити военные промыслы около Очакова и около вежи очаковскіе на сторонѣ Перекопской стоячои.

Отправивши Мокіевскаго въ Сѣчь, гетманъ самъ собрался идти въ походъ на соединеніе съ Шереметевымъ. Для безопасности на случай вторженія бѣлогородской орды, гетманъ расположилъ разъѣзды по днѣпровскому побережью изъ сотенъ полковъ Переяславскаго, Лубенскаго и части Черниговскаго, приказывая этимъ козакамъ по мѣрѣ надобности плавать въ челнахъ и по Днѣпру для высмотра непріятелей. Защита Батурина ввѣрена была великороссійскимъ стрѣльцамъ, состоявшимъ при гетманѣ [1]).

Іюня 10 гетманъ прибылъ въ Гадячъ съ немногочисленнымъ войскомъ [2]). Тамъ изъ разныхъ вѣстей узналъ онъ, что самъ ханъ стоитъ на рѣкѣ Колончакѣ [3]); его орды разставлены по берегу Сиваша, охраняя Крымъ отъ вторженія русскихъ; Нуреддинъ-салтанъ съ 10.000 татаръ пошелъ къ Азову, а турецкія каторги плыли по морю тремя флотиліями къ Азову и къ Очакову. Гетмана безпокоило то, что въ Таванскѣ находилось войска всего 1.036 человѣкъ [4]).

6 іюля гетманъ соединился съ Шереметевымъ на р. Коломакѣ; оттуда оба съ своими войсками перешли къ рѣчкѣ Берестовой и расположились тамъ обозами [5]). Здѣсь, оберегая рубежи русскихъ поселеній, простояли они до послѣднихъ чиселъ августа, когда ихъ вынудили сойти оттуда малороссійскіе козаки, которые стали роптать и самовольно разбѣгаться домой, оправдывая своевольство тѣмъ, что подходило осеннее время и надобно было каждому у себя дѣлать хозяйственныя приготовленія къ зимѣ.

Въ теченіе того времени, когда гетманъ съ Шереметевымъ стояли у Берестовой, совершилось достопамятное

[1]) Арх. Юст. кн. 76, л. 830 и 885.

[2]) Ibid., л. 877 и 994.

[3]) Рѣчка въ Таврической губерніи

[4]) Арх. Юст. кн 76, л. 840, 927 и 965.—Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники іюня 30

[5]) Арх. Юст. кн. 78, л. 10.

событіе въ русской исторіи: 17 іюля взятъ былъ Азовъ— первое завоеваніе Петра Великаго. Этотъ городъ, вмѣстѣ съ своею каменной стѣной, былъ еще обведенъ землянымъ валомъ, а снаружи за нимъ прорытъ былъ ровъ. За этимъ рвомъ въ полѣ русскіе стали насыпать валъ, стараясь сдѣлать его выше непріятельскаго вала, оберегавшаго городъ. Царь съ новопостроенными своими судами сталъ на устьѣ Дона, чтобы не пропускать турецкихъ силъ, плывшихъ на каторгахъ на выручку Азова. Малороссійское войско и донскіе козаки поставлены были за Азовомъ по направленію къ морю и къ полю, откуда ожидались къ туркамъ вспомогательныя силы. Кубанскіе татары попытались было взять на своихъ лошадей турокъ, успѣвшихъ съ своихъ каторгъ ступить на берегъ; козаки имъ помѣшали. Это была первая услуга козаковъ царскому дѣлу. Потомъ турки, находившіеся въ Азовѣ, ночью, черезъ посредство орды, расположенной въ полѣ, хотѣли сообщать о себѣ свѣдѣнія туркамъ, прибывавшимъ на судахъ. И до этого козаки не допустили. Тогда бусурманы, видя, что козаки сильно имъ мѣшаютъ, рѣшились разомъ съ двухъ сторонъ ударить на нихъ: турки—изъ Азова, а татары—съ поля [1]). Дѣло было 17 іюля. Козаки, отбивши напоръ татаръ, не дожидаясь царскаго «ординанса», бросились на валъ азовской твердыни. Было полдневное время. Козаки лѣзли на валъ съ ружьями и копьями, стрѣляли и кололи враговъ, вступали съ ними въ рукопашный бой, наконецъ напали на одну башню или раскатъ и зацѣпили судовыми канатами за сваи, на которыхъ укрѣплены были цѣпи, державшія орудія. Турки были сбиты съ вала; козаки бросились за ними вслѣдъ и погнали ихъ до каменныхъ стѣнъ города, расположенныхъ внутри землянаго вала. Турки, за недостаткомъ свинца, стрѣляли въ нихъ

[1]) „Лѣт. Самовидца", изд. 1847 г., стр. 86.

чѣмъ попало, даже монетами, и бросали въ нихъ зажженные мѣшки, внутри наполненные порохомъ. Не подоспѣли къ козакамъ свѣжія силы, чтобы начать приступъ «каменнаго города». Козаки вернулись на валъ, но уже не сходили съ вала назадъ. Турки стали копать внутри около вала ровъ, чтобы не допускать козаковъ снова отважиться на «каменный городъ». Наступила ночь. Козаки, успѣвшіе въ предшествовавшій день подкопать и расшатать утвержденныя на раскатѣ сваи, сорвали четыре пушки, а на другой день съ разсвѣтомъ готовились опять броситься въ бой съ вершины вала на враговъ, засѣвшихъ во рву и сновавшихъ какъ летучія мыши вокругъ бѣлыхъ стѣнъ «каменнаго города». Но къ нимъ былъ присланъ царскій приказъ не трогаться съ мѣста, пока не послѣдуетъ сигнала ко всеобщему приступу. Козаки роптали, сердились. «Какъ намъ не идти на приступъ, — кричали они,—мы здѣсь стоимъ безъ дѣла двѣ недѣли, отъ голода многіе изъ насъ таютъ, принуждены милостыни просить!»

18 іюля замышлялся всеобщій приступъ, но не состоялся. Осажденные замахали шапками, склонили знамена, затѣмъ въ русскій станъ пріѣхалъ самъ азовскій бей Гассанъ-Арасланъ, предложилъ принять городъ со всѣми боевыми принадлежностями и просилъ только выпустить осажденныхъ съ ихъ семействами и пожитками. Царь согласился, но потребовалъ выдачи измѣнника Янсена, виновника неудачи прошлогодняго азовскаго похода. Турки уступили этому требованію только послѣ долгихъ усилій отклонить такое условіе, потому что Янсенъ изъявилъ желаніе принять мусульманскую вѣру. «Отсѣките лучше мнѣ голову сами, а не выдавайте Москвѣ», кричалъ бѣдный измѣнникъ, но турки связали его и выдали на поруганіе и на безчеловѣчныя мученія; зато, въ отместку за выданнаго ренегата, турки замучили тогда же двадцать христіанскихъ плѣнниковъ. На другой день турки въ числѣ 3.000

были отпущены на свои суда, а городъ Азовъ, сильно пострадавшій во время осады, былъ занятъ русскими [1]). По извѣстіямъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, подтверждаемымъ современными актами, государь признавалъ честь побѣды за козаками и приказалъ угостить старшинъ столомъ, за которымъ изобильно лились хорошія вина и меды, а простыхъ козаковъ угощали горѣлкою, медомъ и пивомъ, и кормили хлѣбомъ, ветчиною, мясомъ и рыбою. По окончаніи стола царь приказалъ всѣхъ обдарить: старшины получили по 15 червонцевъ, рядовые козаки—по 1 рублю [2]). Въ числѣ козаковъ при взятіи Азова было 600 запорожцевъ и они получили по одному рублю и по сукну на человѣка [3]). Довольный успѣхомъ, царь тотчасъ отправилъ похвальную грамоту гетману Мазепѣ за удачную присылку козаковъ и за хорошій выборъ начальниковъ, особенно за назначеніе наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Лизогуба, котораго царь въ своей грамотѣ назвалъ «мужемъ добродѣтельнымъ и въ воинскихъ дѣлахъ искуснымъ» [4]). При отпускѣ, іюля 30, Лизогубъ былъ щедро одаренъ, а козаки его отряда получили такое изобиліе продовольства на дорогу, что могли еще продавать часть того, чтò имъ было дано.

Царь потребовалъ Мазепу лично къ себѣ. Гетманъ пустился нà-скоро въ дорогу, намѣреваясь пересѣчь царю возвратный путь изъ Азова въ столицу. Мазепа встрѣтилъ

[1]) „Древ. Рус. Вивліоѳика", т. XVI. Сказаніе о взятіи Азова. — Арх. Юст. кн. № 76, л. 1009 и далѣе.—„Лѣтоп. Самов.", изд. 1847 г., стр. 86. — „Лѣт. Грабянки", стр. 246—249. — *Gordon*: „Tagebuch", т. III, стр. 54—55.—*Устр.*: „Ист. Петра В.", т. II. 288. Прилож. XIII, стр. 494.

[2]) „Лѣт. Самовидца", изд. 1847 г., стр, 86.—„Лѣт. Величка". т. III, стр. 386.

[3]) Арх. Юст. кн. 78, л. 77.

[4]) Ibid., кн. 76, л. 1010.

царя Петра и представился ему въ слободскомъ полковомъ городѣ Острогожскѣ, иначе Рыбномъ. Тамъ онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и дорогими каменьями, и щитъ на золотой цѣпи, украшенный алмазами, яхонтами и рубинами [1]). Царь принялъ гетмана чрезвычайно милостиво и любезно, самъ былъ у него въ гостяхъ и обѣдалъ, провелъ съ нимъ въ бесѣдѣ цѣлый день и отпустилъ съ увѣреніями въ своей неизмѣнной милости. При отпускѣ Мазепа получилъ въ даръ 12 кусковъ бархата, объяри, атласу, 5 косяковъ камки, соболей парами на 525 рублей и соболиный мѣхъ въ 300 рублей [2]). Это было второе свиданіе гетмана Мазепы съ царемъ Петромъ, и въ этотъ разъ Мазепа, оставившій на царя и въ прежнее свиданіе пріятное впечатлѣніе, еще болѣе расположилъ къ себѣ государя. Съ этихъ поръ мы видимъ, что Мазепа, до самаго злосчастнаго конца своего гетманства, почти каждый годъ ѣзжалъ въ Москву обыкновенно при началѣ года и чаще всего случалось ему бывать тамъ тогда, когда и Петръ, проводившій всю жизнь въ метаніяхъ по своей широкой державѣ и по сосѣднимъ краямъ, навѣдывался въ свою родную столицу. Такъ утверждались между царемъ и гетманомъ такія отношенія, что Мазепа сталъ пользоваться не только уваженіемъ, но любовью и полнымъ довѣріемъ къ себѣ царя Петра.

Возвращаясь изъ Острогожска домой черезъ Бѣлгородъ, Мазепа видѣлся тамъ снова съ Шереметевымъ и узналъ, что хана болѣе опасаться нечего: онъ ушелъ съ Колончака.

Въ этотъ достопамятный годъ не вездѣ козаки были такъ счастливы, какъ Лизогубъ съ своимъ отрядомъ подъ

[1]) Рукопись Имп. Академіи Наукъ, in quarto, № 75.— *Устр.:* „Ист. Петра В.“, т. II, стр. 297.

[2]) „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 86. — *Устр.:* „Ист. Петра В.“, т. II, стр. 299.

Азовомъ. Когда Мазепа разомъ съ бояриномъ Шереметевымъ стоялъ таборомъ на рѣчкѣ Берестовой, посланъ былъ въ степь отрядъ полтавскихъ полчанъ и охотныхъ козаковъ подъ начальствомъ санжаровскаго сотника Максима Плечника для устроенія карауловъ на Муравскомъ шляху, шедшемъ къ Азову отъ вершины рѣки Конки черезъ рѣку Коратымъ. Плечникъ одержалъ побѣду надъ татарскимъ загономъ, но, увлекшись за нимъ въ погоню, наткнулся на другой загонъ, гораздо многочисленнѣйшій. Схватка произошла на голой степи; не къ чему было прислониться и Плечникъ былъ взятъ въ плѣнъ съ 140 козаками. Одинъ только изъ нихъ, развязавшись у татаръ, убѣжалъ, пролежалъ сутки въ болотѣ и потомъ, пустившись снова въ путь, благополучно добрался до украинскихъ береговъ Днѣпра [1]). Еще большее несчастіе постигло запорожскаго богатыря атамана Чалаго. Послѣ своего ранняго подвига надъ десятью турецкими судами, Чалый воротился въ Сѣчь, а въ іюнѣ пустился снова въ Черное море, вмѣстѣ съ Яковомъ Морозомъ, избраннымъ въ то время кошевымъ атаманомъ. Выплывши на море, Чалый съ своею ватагою въ 340 человѣкъ отлучился отъ Мороза и направился къ крымскому городу Козлову (нынѣ Евпаторія, по-татарски Хазлевъ). Не доходя 5 верстъ до этого города, ватага высадилась на берегъ. Запорожцы разорили два татарскихъ села, взяли въ полонъ 62 человѣка, сѣли въ свои челны и поплыли назадъ. Не доходя Очакова, встрѣтили ихъ турки, плывшіе на каторгахъ, въ фуркатахъ и мелкихъ судахъ. Козаки пристали къ «острову козацкому», окопались тамъ и два дня отбивались удачно; ночью благополучно сѣли въ свои челны, пришли къ Стрѣлицѣ и къ «сагайдачнымъ кучугурамъ», тамъ вышли на берегъ и пошли пѣшкомъ въ ольховый лѣсъ, какъ

[1]) Арх. Юст. кн. 76, л. 1075 и 1078.

вдругъ напалъ на нихъ ханъ съ ордою и въ добавокъ вышли противъ нихъ изъ Очакова турки. По извѣстію одного изъ вернувшихся впослѣдствіи козаковъ, Данила Татарчука, они защищались цѣлый день 27-го августа, а къ вечеру того же числа, видя свое малолюдство и страдая отъ недостачи прѣсной воды, сдались. Передъ сдачею Чалый сказалъ своимъ товарищамъ: «Ну, теперь мнѣ живу не быть,—я убилъ двухъ турокъ!» Дѣйствительно, бусурманы его убили, а прочихъ плѣнниковъ привели передъ хана и тотъ велѣлъ ихъ засадить въ Очаковѣ, обѣщая выпустить въ обмѣнъ за своихъ плѣнныхъ [1]) [2]).

Не совсѣмъ удачно дѣйствовалъ и отправленный гетманомъ кіевскій полковникъ Мокіевскій. Отправивши часть своего отряда съ Морозомъ въ Черное море, самъ съ другою частью пошелъ онъ къ Козьему-Рогу, но его полчане, оставленные въ Таванскѣ, отрѣшили его отъ уряда и самовольно выбрали полковникомъ своего полковаго хоружаго Сергѣя Солонину. Мокіевскій, узнавши объ этомъ, не шелъ уже въ Таванскъ, а удалился въ Запорожскую Сѣчь, откуда далъ знать гетману. Гетманъ отправилъ генеральнаго хоружаго Ефима Лизогуба возстановить прежняго полковника, произвести слѣдствіе и зачинщиковъ бунта доставить къ нему, вмѣстѣ съ новоизбраннымъ самовольно Сергѣемъ Солониною, котораго подозрѣвалъ въ

[1]) Ibid., кн. 78, л. 69 и 83,

[2]) Въ донесеніи гетману кошевой Яковъ Морозъ говоритъ объ этомъ событіи такъ: „По отходѣ съ Чернаго моря ватажнаго атамана Чалаго значная учинилася поражка отъ поганыхъ каторгами и фуркатами: не могучи въ Днѣпръ воднымъ путемъ пробратися на степъ приставали, ижъ ханъ крымскій со злоносными своими ордами и прійшовшими съ моря янычарами за ними гонячими, а надто стрѣльбою огнистою такъ дрибною, якъ арматною обточивши оныхъ разили безпощадно и надъ все безводіемъ презъ кильки дней будучи умерщвляемы поневольне мусилися имъ поганымъ отдатися въ руки человѣка 340, обѣцуючися имъ вернути добытый ясcыръ 60 человѣка“.

участіи въ мятежѣ [1]). Бунтовщики были подвергнуты наказаніямъ. Мазепа отнюдь не допускалъ козакамъ въ своихъ полкахъ безъ вѣдома гетмана отрѣшать и выбирать полковниковъ, какъ хотѣли часто козаки по примѣру Запорожской Сѣчи. Въ городовыхъ полкахъ гетманъ старался давать полковничьи мѣста, чрезвычайно въ то время выгодныя, лицамъ, которымъ самъ благопріятствовалъ и въ вѣрности къ себѣ могъ быть увѣренъ, или же своимъ родственникамъ: такъ, кіевскій полковникъ Мокіевскій приходился Мазепѣ близкимъ роднымъ по его матери, которая была изъ рода Мокіевскихъ.

[1]) Арх. Юст. кн. 78, л. 1078.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Исправленіе крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра.—Приготовленія къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. — Доносъ стародубца Сусла. — Неудачный походъ боярина князя Долгорукаго и гетмана въ низовья Днѣпра. — Оборона Таванска. — Попытки склонить козаковъ къ измѣнѣ. — Отступленіе мусульманъ отъ Таванска. — Безполезный походъ гетмана и князя Долгорукаго въ 1698 году. — Неурожаи въ Малороссіи. — Побѣги на правую сторону Днѣпра. — Переселеніе въ Великороссію. — Гетманскія имѣнія въ рыльскомъ уѣздѣ. — Подсусѣдки. — Свиданіе гетмана съ царемъ въ Воронежѣ. — Съѣздъ 1699 года въ Гадячѣ. — Мѣры обороны края. — Мысль вести великую войну противъ турокъ. — Конгрессъ въ Карловицѣ. — Перемиріе съ турками на два года.—Миръ Турціи съ императоромъ и съ польскимъ королемъ. — Дьякъ Украинцевъ въ Константинополѣ. — Перемиріе съ Турціею на 30 лѣтъ.

Послѣ покоренія Азова военная дѣятельность козаковъ гетманскаго регимента сосредоточилась на Днѣпрѣ. Еще когда гетманъ и Шереметевъ стояли на рѣкѣ Берестовой, Неплюевъ осмотрѣлъ Таванскъ, нашелъ его, даже съ придѣланнымъ землянымъ валомъ, очень тѣснымъ, распредѣлилъ ратнымъ людямъ работы по расширенію вала, осмотрѣлъ кромѣ того Кизикермень и Шингирей и доносилъ, что удобнѣе всего исправить и укрѣпить Шингирей [1]).

[1]) Арх. Юст. кн. 76, л. 280.

И гетманъ Мазепа раздѣлялъ этотъ проектъ и приказалъ вмѣстѣ съ ратными царскими людьми работать своимъ козакамъ, посланнымъ въ Таванскъ, надъ которыми начальникомъ, вмѣсто недавно умершаго полковника Ясликовскаго, назначилъ сердюцкаго полковника Чечела [1]).

Надобно было ожидать новыхъ непріятельскихъ дѣйствій. Запорожцы, ободрившись недавними успѣхами, изъявляли желаніе снова пуститься въ море и просили дать имъ досокъ, канатовъ и снастей на постройку сорока морскихъ судовъ. Гетманъ сообщалъ царю, что самъ онъ желаетъ отъ себя построить для малороссіянъ 50 судовъ и просилъ дать ему на то матеріалъ. Царю Петру нравилось такое предложеніе: указано было купить все нужное въ Приказѣ Большой Казны и доставить въ Малороссію, а изъ Запорожья прислать въ Москву мастеровъ стругового дѣла. Гетманъ послалъ какого-то Василія Богуша съ семью товарищами, съ кормщиками и съ передовщиками, но тутъ же замѣтилъ, что, кромѣ Запорожья, во всемъ малороссійскомъ краѣ нѣтъ такихъ мастеровъ. Видно, что гетманъ старался угодить царю и самъ вызывался съ тѣмъ, что̀ царю въ то время нравилось, но въ то же время онъ съ осторожностію заранѣе отклонялъ отъ себя исполненіе такихъ невозможныхъ требованій, какихъ могъ ожидать отъ царя, зная его пылкую и предпріимчивую натуру [2]). По сказкѣ присланныхъ въ Москву запорожскихъ мастеровъ, указано было для строенія судовъ готовить лѣсные матеріалы въ Брянскѣ, а для отысканія годнаго къ судостроенію лѣса посланы были туда тѣ же самые запорожскіе мастера. Гетману указывалось прислать туда для рубки лѣса рабочихъ и плотниковъ [3]). Дѣло это пошло не такъ скоро, какъ бы могло. Возникли недоразу-

[1]) Ibid., кн. 78, л. 58.

[2]) Ibid., кн. 78, л. 107.

[3]) Ibid., кн 78. лл. 145, 152, 169 и 173.

мѣнія отъ воеводъ брянскаго и трубчевскаго, которые, по жалобамъ на нихъ отъ гетмана, оправдывали себя тѣмъ, что не допускаютъ рубить только бортныхъ деревьевъ, съ которыхъ крестьяне платятъ въ казну медовый оброкъ [1]).

Между тѣмъ еще съ декабря 1696 года къ гетману стали приходить зловѣщія вѣсти о новой грозѣ бусурманскаго вторженія и 1-го января 1697 года гетманъ созвалъ старшинъ и полковниковъ на съѣздъ. Обсуждались мѣры защиты края, и «по многихъ разговорахъ» рѣшили, что жители сами себя должны оборонять [2]), а всего войска раннею весною собирать не слѣдуетъ, пока не узнаютъ навѣрное о готовности непріятелей ко вторженію, потому что движенія и походы войска отзываются тягостями и разореніями на жителяхъ [3]) [4]). Гетманъ приказалъ всѣмъ полковникамъ готовить въ своихъ полкахъ суда, годныя для морскаго и рѣчнаго плаванія, и хотя полковники отговаривались, что у нихъ въ полкахъ нѣтъ дерева, пригоднаго для судостроенія, но гетманъ подтвердилъ имъ, что они должны приложить все свое стараніе, чтобы угодить «царской богоподобной волѣ».

Раннею весною получены вѣсти, что крымскій ханъ собирается громить Таванскъ [5]), и въ апрѣлѣ гетманъ, по царскому указу, уговорился съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ идти въ плавной походъ внизъ по Днѣпру отъ Новобогородска и выступать тотчасъ, какъ

[1]) Ibid., кн 77, л. 240, 245; кн, 78, л. 62, 70, 127, 130 и 174.

[2]) Абы при нынѣшнемъ въ хлѣбахъ неурожаѣ и въ сѣнахъ недостатку всякіи мѣстъ и городовъ жители сами себе боронили отъ непріятельского нашествія.

[3]) Ibid., кн. 78, л. 697.

[4]) Отъ порушенія и походу войскъ значное въ имѣніяхъ людскихъ учинилося умаленіе, бо опрочъ того же въ лѣсахъ и гаѣхъ ставалося опустошеніе, когда войско обоймовало и истребляло кормы конскіе, тогда власные ихъ статки отпадати мусѣли.

[5]) Ibid., л. 84.

только пригонятся къ устью Самары суда, изготовляемыя въ Брянскѣ и сплавляемыя Десною въ Днѣпръ [1]). 11 мая извѣстилъ гетманъ Приказъ, что уже у его полковниковъ сдѣлано 70 струговъ морскихъ и 600 лодокъ [2]), а 23 числа того же мѣсяца доносилъ, что мастеръ Василій Богушъ спровадилъ въ Десну, а оттуда въ Днѣпръ къ назначенной цѣли изготовленныя въ Брянскѣ суда, изъ которыхъ 50 назначалось для городовыхъ козаковъ и 40 для запорожцевъ [3]). Затѣмъ думный дворянинъ Неплюевъ, назначенный быть въ «сходныхъ товарищахъ» Якову Өедоровичу Долгорукому, доставилъ изъ Брянска еще 121 стругъ, и 25 мая послѣдовалъ царскій указъ о плавномъ походѣ. Его цѣлью было овладѣніе Очаковомъ и защита Таванска и новоотстроеннаго Шингирея [4]).

Тѣмъ временемъ татары стали врываться въ слободскіе полки, и хотя въ первой половинѣ мая чугуевскій воевода и харьковскій козацкій полковникъ разбили ихъ загонъ, но вслѣдъ затѣмъ явилась другая многочисленная орда тысячъ въ двадцать и, раздѣлившись на чамбулы, надѣлала опустошеній въ слободахъ около Валокъ [5]).

Гетманъ собирался въ походъ, а между тѣмъ его стали опять безпокоить прежняго рода внутренніе враги. Стародубецъ Сусла подалъ кіевскому губернатору доносъ на гетмана Мазепу въ такомъ же духѣ, въ какомъ подавались на него и прежде доносы. Мазепа—не русскій человѣкъ, а полякъ, расположенъ больше къ Польшѣ, чѣмъ къ Россіи, сносится съ панами и съ королемъ о томъ, какъ бы Украину подвернуть снова подъ власть Польши; держитъ у себя въ приближеніи охотныхъ козаковъ, компанейцевъ и сердю-

[1]) Ibid., кн. 77, л. 23; кн. 78, л. 190.

[2]) Ibid., кн. 77, л. 278.

[3]) Ibid., кн. 77, л. 278 и 555.

[4]) Ibid., л. 331.

[5]) Ibid., л. 371 и 395.

ковъ, гдѣ все на-голо̀ одни поляки служатъ; городовые козаки не терпятъ ни его, ни своихъ полковниковъ и сотниковъ, которые, за покровительствомъ гетмана, разобрали себѣ козацкія земли и самихъ козаковъ обращаютъ себѣ въ подданство; во время послѣдняго похода гетманъ не могъ собрать вокругъ себя всѣхъ полковъ, потому что у козаковъ было намѣреніе побить гетмана и старшинъ, а противъ кіевскаго полковника Мокіевскаго взбунтовались его полчане оттого, что ихъ полковникъ, родомъ полякъ, дѣлаетъ надъ ними насилія. Доносъ этотъ посланъ былъ въ Москву, а государь приказалъ препроводить его къ гетману. Мазепа, чрезъ посланнаго нарочно по этому поводу канцеляриста Чуйкевича, объяснялъ, что въ доносѣ все ложь, у гетмана нѣтъ родни «лядской» вѣры, изъ начальныхъ людей всѣ вѣры православной и между охотными козаками нѣтъ ни одного поляка. И то ложь, будто обращаютъ козаковъ въ подданство; не было въ томъ ни одной жалобы, а еслибы такія возникли, то на то есть войсковый судъ. Иные козаки, обнищавши, сами желаютъ поступить въ мужики, но этого имъ не дозволяется, какъ равно изъ мужиковъ не вписываютъ въ козаки, согласно царскому указу. Гетманъ въ послѣднюю войну не могъ стоять долго со всѣми полками не потому, чтобы опасался бунта, а потому, что войско было раскинуто по разнымъ мѣстамъ, опасаясь непріятеля съ разныхъ сторонъ. Кіевскій полковникъ совсѣмъ не ляхъ, а чистый русинъ: дѣдъ его при Хмельницкомъ положилъ голову подъ Чортковымъ, а отецъ — на Дрижипольской битвѣ подъ Ахматовомъ, и бунтъ противъ кіевскаго полковника произошелъ оттого, что козаки недовольны были зачѣмъ ихъ ведутъ на море. Главные зачинщики этого бунта убѣжали, а прочихъ наказали и отпустили. Такъ оправдывалъ себя Мазепа противъ новаго доносчика.

Желая поддѣлаться къ правительству, Сусла, будучи

уже въ Москвѣ, въ добавленіе къ своему извѣту на гетмана, указывалъ, что въ Малороссіи съ торговыхъ людей берутъ слишкомъ мало пошлины, а можно было бы собирать побольше. Гетманъ по этому поводу объяснилъ, что съ торговыхъ людей собираются пошлины такъ, какъ дѣлалось при Богданѣ Хмельницкомъ и другихъ гетманахъ, и сборъ не увеличивается ради того, чтобы не отогнать торговцевъ [1]).

Суслу арестовали въ Москвѣ. И прежде, какъ мы видѣли, не довѣряли такимъ доносамъ; теперь же, когда царь Петръ былъ особенно доволенъ гетманомъ, его положеніе въ виду всякихъ доносовъ становилось еще крѣпче. Къ гетману послали похвальную грамоту и подарки, состоявшіе въ соболяхъ, цѣною на 1.000 рублей, въ кускахъ матерій—атласа, бархата, байберека и въ разныхъ столовыхъ припасахъ (ренское вино, лимоны, рыбы и проч.). Разомъ посланы подарки старшинамъ и полковникамъ, состоявшіе въ объяряхъ, атласахъ, камкахъ и соболяхъ. Гетманъ, изъявляя благодарность за вниманіе, сдѣлалъ такое замѣчаніе царскому послу: «иду на царскую службу не съ веселымъ, а съ унылымъ лицомъ, оттого, что про меня выдумываютъ худыя рѣчи, будто я ляхъ: у меня и дѣдъ и отецъ родились въ Украинѣ и служили великимъ государямъ, и я царскому пресвѣтлому величеству служу вѣрою и правдою!» [2]) Жалкаго Суслу препроводили къ гетману, который подвергъ его истязаніямъ, потомъ, продержавъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, отправилъ на мѣсто его жительства въ Кіевъ [3]).

Не ранѣе, какъ въ половинѣ іюня 1697 года, гетманъ, разставивши сотни разныхъ полковъ вдоль по днѣпров-

1) Ibid., л. 251.

2) Ibid., л. 379.

3) Ibid., кн. 81, л. 889.

скому побережью, начиная отъ Кіева вплоть до Переволочной, самъ отправился къ Ворсклѣ и, перешедши ее, соединился на Коломакѣ съ княземъ Як. Ѳед. Долгорукимъ [1]). Іюля 6-го гетманъ прибылъ въ Кодакъ [2]) и тамъ узналъ, что турки плывутъ по морю къ устью Днѣпра: эту вѣсть принесли въ Запорожье бывшіе у турокъ невольники, которые, плывя на каторгахъ изъ Козлова въ Царьградъ, изрубили турокъ, овладѣли каторгой, пристали къ берегу и пѣшкомъ явились въ Сѣчу [3]). Переправа войскъ черезъ пороги продолжалась нѣсколько дней. Не мало судовъ разбилось, не мало погибло людей съ запасами и оружіемъ. Гетманъ 13-го іюля прибылъ къ урочищу Кичкасу, гдѣ кончались пороги, и тамъ дожидался плывшихъ сзади его судовъ до 19 числа этого мѣсяца [4]). Тогда прибѣжалъ къ гетману гонецъ изъ Таванска съ извѣстіемъ, что бусурманы, занявши Исламъ-Кермень, начали палить изъ него по Шингирею. Гетманъ отправилъ впередъ себя на судахъ черниговскаго полковника Якова Лизогуба съ 3.200 сборныхъ козаковъ, а князь Я. Ѳ. Долгорукій — Неплюева съ отрядомъ царской рати. Сами военачальники послѣдовали за ними и у Каменнаго-Затона встрѣтилъ ихъ кошевой Яковенко. Бояринъ далъ ему семь струговъ и по талеру, а гетманъ по золотому, на 4.000 запорожцевъ, и оба приказали собрать сѣчевиковъ и плыть въ низовья на войну. За ними вслѣдъ поплыли и военачальники, оставивши у острова Томаковки весь тяжелый обозъ и орудія и приказавши войску взять съ собою только самые необходимые запасы.

Гетманъ, сидя на одномъ суднѣ съ бояриномъ княземъ

[1]) Ibid., кн. 77, л. 429.

[2]) Нынѣ село Екатеринославскаго уѣзда, на рѣкѣ Днѣпрѣ, близъ Кодацкаго порога.

[3]) Ibid., л. 406 и 473.

[4]) Ibid., л. 565.

Долгорукимъ, плылъ внизъ, а за ними слѣдовала тѣмъ же путемъ великорусская и малорусская ратная сила. 26-го іюля они пристали къ берегу у опустѣлаго городка Кизикерменя: тамъ уже ихъ дожидался поплывшій впередъ кошевой Яковенко съ запорожцами. Онъ извѣстилъ военачальниковъ, что татаръ уже нѣтъ: опасаясь, что русскіе идутъ противъ нихъ въ многолюдствѣ, они ушли изъ Исламъ-Керменя.

Русскіе занялись поправкою судовъ, которыя, будучи сработаны на́-скоро, изъ сырого дерева, стали течь, а между тѣмъ военачальники сообразили, что гораздо лучше помѣстить гарнизонъ въ Таванскѣ, вмѣсто Шингирея, потому что Шингирей стоялъ на двѣ версты выше Таванска и не могъ служить защитою послѣднему. Поручили по плану инженеровъ строить укрѣпленія въ Таванскѣ, стѣны Шингирея рѣшили взорвать и сохранить Кизикермень, который былъ расположенъ на берегу прямо противъ Таванска и могъ быть не безполезенъ для русскихъ во время непріятельскаго нашествія; туда положили высылать изъ Таванска людей поперемѣнно [1]).

Когда занялись возведеніемъ укрѣпленій на Таванскомъ островѣ, непріятелей нигдѣ не было видно, а 29-го іюля они вдругъ начали появляться съ крымской стороны по направленію къ рѣкѣ Конской Водѣ, сначала небольшими кучками; на другой день они становились все гуще и, наконецъ, 31-го іюля явился самъ ханъ крымскій съ ордой и турецкіе паши съ янычарами и пушками. Они прежде всего напали на Шингирей, изъ котораго еще не были выведены великороссіяне. Военачальники отправили къ нимъ подмогу: великороссіяне вошли въ Шингирей, а малороссіяне окопались шанцами на берегу Конской Воды и отстрѣливались отъ непріятеля. Такъ прошло до 2-го

[1]) Ibid., кн. 81, л. 701.

августа. Въ этотъ день утромъ крымская орда ударила на Таванскую крѣпость, а съ кизикерменской стороны появилась внезапно другая орда—бѣлогородская. Съ этой поры съ двухъ сторонъ, съ крымской (лѣвой Днѣпра) и съ противоположной—кизикерменской, происходили безпрестанныя нападенія на Таванскую крѣпость. Русскіе отбивались, но продолжали въ то же время постройку укрѣпленій на Таванскомъ островѣ. Тогда между козаками поднялся ропотъ. «При прежнихъ гетманахъ,—кричали они,— мы знали одно воинское дѣло, а теперь, при каждогодныхъ походахъ, насъ заставляютъ рвы копать, шанцы насыпать, возить и таскать известь и глину. Дѣло это не козацкое!» — Но гетманъ, исполняя царскій указъ, опредѣлилъ для крѣпостной строительной работы быть всегда полуторѣ тысячѣ козаковъ и часто посылалъ смѣнять однихъ другими, такъ что все войско разомъ и отбивалось отъ непріятеля, и работало надъ постройкою крѣпости. Замѣнить козаковъ мужиками, какъ имъ хотѣлось, нельзя было въ ненаселенномъ краѣ. До 7-го августа были насыпаны шанцы и выкопаны рвы. 10-го августа русскіе узнали, что пришли новыя турецкія суда съ моря и вступили въ Днѣпръ, а съ двухъ береговъ увеличиваются татарскія силы, — и русскіе, казалось, могли быть скоро обняты со всѣхъ сторонъ непріятелями; бусурманы затѣвали перегородить имъ путь вверхъ по Днѣпру. 12-го августа татары попытались склонить запорожцевъ къ измѣнѣ и подослали татарина убѣждать ихъ оставить москалей, которые думаютъ взять всѣхъ козаковъ въ неволю; но запорожцы не поддались на обольщеніе и отвѣчали, что они съ гетманомъ будутъ стоять за крестъ святой и за православнаго монарха [1]). Вѣрность запорожцевъ не спасла дѣла. Въ войскѣ было мало хлѣбныхъ запасовъ, потому что во

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 24.

время прохода судовъ черезъ пороги невозможно было взять много на подводахъ сухимъ путемъ. Мало было и пороху, который взятъ былъ только на время плавного похода; наконецъ и пушки были покинуты на Томаковкѣ [1]) близь Сѣчи [2]). Надѣялись найти въ Таванскѣ хлѣбные и боевые запасы, но ихъ тамъ оказалось немного. Невозможно, казалось, оставаться долго съ голоднымъ войскомъ при опасности быть окруженными непріятелемъ, а перебѣжчики сообщали, что бусурманы, зная положеніе русскихъ, нарочно хотятъ затянуть войну до осени, чтобы русскихъ до конца заморить голодомъ; у нихъ же самихъ запасовъ было довольно и въ случаѣ нужды имъ легка была поставка изъ Крыма моремъ. Гетманъ съ бояриномъ, посовѣтовавшись, разсудили, что лучше будетъ уйти заранѣе для избѣжанія опасности быть отрѣзанными отъ отечества и доведенными до голодной смерти. Они оставили въ Таванскѣ гарнизонъ изъ 5.000 человѣкъ: одна часть его состояла изъ великорусскихъ ратныхъ людей, другая изъ малороссійскихъ козаковъ [3]). Въ Кизикерменѣ бояринъ помѣстилъ 500 ратныхъ людей, а гетманъ — черниговцевъ [4]).

20-го августа двинулись бояринъ и гетманъ съ своими силами вверхъ по Днѣпру въ обратный путь. Кошевой провожалъ ихъ, плывя за ними позади съ своими запорожцами и оберегая, чтобы непріятельскія суда не погнались за ними [5]). Много труда приняли русскіе въ своемъ обратномъ плаваніи по причинѣ противнаго вѣтра и оскудѣнія хлѣбныхъ запасовъ: приходилось имъ питаться ово-

[1]) Островъ на Днѣпрѣ, выше Никополя, Екатериносл. уѣзда.

[2]) Арх. Юст. кн. 81, л. 1.—Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г. Подлинники, августъ.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ 1797 г., № 39.

[4]) Арх. Юст. кн. 81, л. 701—708.

[5]) Ibid., л. 47.

щами и плодами, какіе могли встрѣтить на берегу, дикими грушами, яблоками и терномъ. Только черезъ шесть дней достигли они Томаковки. Гетманъ послалъ въ Таванскъ на подмогу осажденнымъ 760 лубенцевъ, а бояринъ—300 ратныхъ царскихъ людей. 3-го сентября добралось войско до береговъ Орели, гдѣ считалась тогда граница Гетманщины. Войско малороссійское было сильно изнурено и истомлено 16-ти недѣльнымъ труднымъ походомъ и многіе стали уходить. «Ужъ такое у городовыхъ козаковъ моего региаменту худое обыкновеніе, — писалъ гетманъ: — какъ только региментарь ворочается изъ похода, такъ они, несмотря на запрещенія отъ старшинъ и не дождавшись указа о роспускѣ, самовольно бѣгутъ въ свои домы» [1]). Дошедши до Ворсклы, гетманъ отправилъ въ Таванскъ 1.500 полтавцевъ и 300 лубенцевъ подъ командою полтавскаго полковаго судіи Буцкаго и приказалъ, дошедши до Сѣчи, побросать лошадей, сѣсть въ оставленныя тамъ суда и плыть до Таванска [2]). 24-го сентября съѣхался гетманъ съ бояриномъ Я. Ѳ. Долгорукимъ въ Опошнѣ [3]) на Ворсклѣ. Тамъ состоялся военный совѣтъ и рѣшено послать на выручку осажденныхъ въ Таванскѣ войско тысячъ въ двадцать и даже болѣе. Съ великороссійской стороны снаряжены были туда князь Лука Ѳед. Долгорукій и генералъ Патрикъ Гордонъ, а гетманъ назначилъ туда наказнымъ полтавскаго полковника Искру со всѣмъ Полтавскимъ полкомъ, изъ котораго значительная часть была уже прежде отправлена; къ полтавцамъ присоединено нѣсколько сотенъ полковъ Нѣжинскаго, Гадяцкаго и Лубенскаго, да пѣхотный полкъ сердюковъ. Гетманъ по прежнимъ образцамъ приказывалъ имъ сѣсть на суда въ Сѣчѣ и плыть по Днѣпру до Таванска,

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г. Подлинники, сентябрь.

[2]) Ар. Юст. кн. 81, л. 107.

[3]) Мѣст. Зеньков. уѣзда, при р. Ташани, у впаденія въ р Ворсклу.

а тѣмъ, которые не могли помѣститься въ судахъ, идти берегомъ. Отправивши Искру, гетманъ 8-го октября прибылъ въ Батуринъ [1]).

По отходѣ гетмана и князя Долгорукаго отъ Таванска, бусурманскія силы увеличились прибытіемъ сераскира-паши съ десятью тысячами [2]). Но и къ осажденнымъ прибыли на помощь ночью 4-го сентября посланные бояриномъ и гетманомъ люди; проводилъ ихъ запорожскій кошевой атаманъ, уже не Яковенко, котораго смѣнили, а другой [3]). Русскіе, частью плывя на челнахъ по протоку Космахѣ и частью идя пѣшимъ строемъ по берегу и отстрѣливаясь отъ турокъ и татаръ, добрались сначала до Кизикерменя, вошли туда, а на другой день въ обѣденную пору вступили въ Таванскъ при восклицаніяхъ и выстрѣлахъ въ знакъ радости осажденнаго войска [4]). Съ тѣхъ поръ въ продолженіи двухъ недѣль «денно и нощно» непріятели безпокоили осажденныхъ пальбою съ берега и изъ 36 фуркатовъ, которые рѣкою Конскою вошли въ Днѣпръ и стали выше Таванска. Осажденные въ Таванскѣ сдѣлали себѣ внутри города другой валъ для защиты отъ пушечныхъ выстрѣловъ; за двумя валами сидѣвшихъ нельзя было видѣть непріятелямъ; многія турецкія гранаты и ядра переносило черезъ городъ, а попадавшія въ средину города падали въ нарочно выкопанныя ямы и тамъ разрывались. Бусурманы сдѣлали подкопы подъ четырьмя раскатами или башнями, но прежде взрыва послали къ кошевому, стоявшему на одномъ изъ раскатовъ съ запорожцами, приглашеніе сдаться. Запорожцы убили посыльнаго. Тогда непріятели произвели взрывъ, но повредили самимъ себѣ

[1]) Ibid., л. 172 и 219. — *Gordon:* „Tagebuch“, т. III, стр. 143.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 30.

[3]) Ibid., №№ 31 и 37.—Арх. Юст. кн. 81, л. 318.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г. Подлинники, октябрь.—Арх. Юст. кн. 81, л. 348.

болѣе, чѣмъ осажденнымъ, потому что козаки успѣли перекопать подкопъ.

Послѣ такой неудачи бусурманы обратились на Кизикермень. Какой-то перебѣжчикъ увѣрилъ ихъ, будто тамъ нѣтъ вовсе ратной силы. Но тамъ, какъ мы сказали, оставлено было 500 ратныхъ царскихъ людей, да еще нѣсколько черниговцевъ, а назначенный тогда въ Таванскъ воеводою Бухвостовъ успѣлъ заранѣе прислать къ нимъ 1.000 человѣкъ Нѣжинскаго полка, которыхъ прислалъ гетманъ по возвращеніи въ Малороссію [1]).

14-го сентября бусурманы взорвали устроенный подъ Кизикермень подкопъ и повредили переднюю стѣну; одни бросились въ прорывъ, другіе стали приставлять къ стѣнѣ лѣстницы. Тѣхъ, которые бросались въ прорывъ, засыпáло землею, а тѣхъ, которые стали всходить по лѣстницамъ, кизикерменцы побивали каменьями. Послѣ такой неудачи татары ушли къ судамъ, а пойманный въ плѣнъ турокъ показалъ съ пытки, что султанъ далъ имъ указъ покинуть осаду, если не будутъ удаваться приступы, и они рѣшились попытаться еще одинъ разъ: если же въ этотъ разъ не удастся, тогда уйдутъ. Плѣнникъ объявилъ, что на всѣхъ непріятельскихъ судахъ будетъ войска 33.000, а невольниковъ тысячъ шесть [2]).

Послѣ неудачи подъ Кизикерменемъ бусурманы сосредоточили свою дѣятельность надъ Таванскомъ, устроили вновь подкопы съ раскатами и еще разъ прежде взрыва попытались склонить къ измѣнѣ козаковъ, зная, что они москалей недолюбливаютъ. Въ этотъ разъ они уже для такой цѣли не посылали своихъ людей, чтобы запорожцы ихъ не побили, а бросили въ городъ, прикрѣпивши къ стрѣламъ, два письма—одно отъ татаръ, другое отъ турокъ.

[1]) Арх. Юст. кн. 81, л. 145.

[2]) Ibid., л. 268.

Письмо отъ татаръ гласило такъ:

«Черкасамъ, атаманамъ, сотникамъ и всей козацкой черни многое поздравленіе. Мы съ вами старые друзья. За что же вы противъ насъ бьетесь? Зачѣмъ за Москву умираете? Вѣдь Москва съ вами не очень добрыя дѣла творитъ. Нашъ государь васъ къ себѣ приглашаетъ. Не бойтесь ничего дурного. На той сторонѣ, гдѣ стоятъ каторги, тамъ увидите ханское желтое знамя. Пусть кто-нибудь изъ вашихъ приходитъ къ этому знамени. Мы ханскому величеству донесемъ и все станется, дастъ Богъ, по вашему желанію. Если же это слово не пригодно вамъ,—какъ себѣ знаете, а ваши грѣхи на вашихъ шеяхъ. Я здѣсь такой человѣкъ, что меня послушаютъ».

Другое письмо гласило такъ:

«Отъ войска турецкаго и отъ хана крымскаго слово старшинамъ и всему козацкому войску, находящемуся въ городѣ. Нашъ падишахъ—старѣйшій надъ всѣми землями. Городъ, который вы заняли—его городъ. Сдайте его намъ добровольно, если хотите себѣ здоровья, а не сдадите, такъ мы его возьмемъ съ помощью Бога и Мугамета пророка его, и тогда васъ мечемъ истребятъ наши рыцари. Одинождьі и дважды вамъ говоримъ: сдайте городъ. Сегодня же отпишите намъ отвѣтъ».

На эти письма данъ былъ одинъ отвѣтъ тѣмъ же способомъ—пущенною изъ города стрѣлою:

«Не вѣримъ вашимъ лживымъ пророкамъ, надѣемся на Всемогущаго Бога и на Пречистую Его Матерь, твердо уповаемъ, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавѣли наши сабли и не ослабѣли руки, а хлѣбныхъ и боевыхъ запасовъ у насъ много. Не устрашайте насъ угрозами и не прельщайте обманами. Дѣлайте что хотите, а мы не подумаемъ отдавать этого города въ вашу область, но всякій часъ ожидаемъ къ себѣ войскъ и готовы мужественно стоять, пока силъ нашихъ станетъ, за вѣру право-

славную, за честь и за имя нашего государя. Надѣемся при помощи Божіей нанести вамъ великое пораженіе и будетъ вамъ вѣчный срамъ».

На другой день, 25 сентября, въ седьмомъ часу утра, бусурманы зажгли приготовленные ими подкопы подъ раскаты. Одни съ неистовствомъ бросились въ проломъ, другіе полѣзли по лѣстницамъ на городовую стѣну. Приступъ продолжался пять часовъ, а съ турецкихъ каторгъ и фуркатовъ посылался въ крѣпость сильный огонь. Ничто не помогло бусурманамъ. Они были отбиты: осажденные стали исправлять разрушенныя мѣста.

Послѣ того еще нѣсколько дней бусурманы продолжали повышать свои шанцы, приближаясь тѣснѣе къ городу, и устроили новый подкопъ подъ раскатъ, уже прежде поврежденный. Осажденные съ своей стороны повышали свой внутренній валъ. 1-го октября бусурманы зажгли свой подкопъ, но онъ не произвелъ никакого вреда осажденнымъ.

Готовились бусурманы снова идти на приступъ; между тѣмъ разставленная по берегу Днѣпра татарская сторожа принесла извѣстіе, что къ Таванску на выручку идутъ свѣжія русскія силы. Это извѣстіе произвело такой переполохъ, что ночью съ 9-го на 10-е октября бусурманы собрались отступать. Суда, поставленныя выше Таванска, примкнули къ тѣмъ, которыя стояли ниже, а затѣмъ турки и бывшіе съ ними татары перебрались съ кизикерменской стороны на крымскую и разошлись: турки на своихъ судахъ — къ устью лимана, а татары степью — въ Крымъ [1]).

Изъ русскихъ силъ, шедшихъ на выручку Таванска, скорѣе другихъ дошелъ полтавскій полковникъ съ своимъ отрядомъ и не увидалъ уже тамъ непріятелей [2]). Вернув-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1697 г., № 39.—Арх. Юст. кн. 81, л. 231, 268 и 323.
[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1697 г., № 35.

шись обратно, онъ доложилъ гетману, что хотя Таванскъ остался невзятымъ, но приведенъ въ крайнее разрушеніе. Проломы въ стѣнахъ, происшедшіе отъ взрывовъ, такъ широки, что въ нихъ можно въѣзжать на лошадяхъ; пушки у турокъ были такой величины, что козаки подобныхъ и не видывали, а бомбы, пущенныя въ городъ, вѣсили отъ трехъ до пяти пудовъ каждая. Всѣхъ убитыхъ и раненыхъ въ Таванскѣ и Кизикерменѣ было 205 человѣкъ, а бусурманы, по тому же докладу полтавскаго полковника, потеряли около семи тысячъ [1]).

Походъ подъ Таванскъ гетмана и князя Долгорукаго никакъ не можетъ быть признанъ славнымъ подвигомъ. Правительство, однако, не поставило гетману на видъ неудачи этого похода, особенно когда она была исправлена послѣдующею высылкою войскъ, заставившихъ бусурманъ отступить, чѣмъ достигалась главная цѣль похода. Гетманъ, старшины и полковники получили въ награду подарки, состоявшіе, по обыкновенію, въ матеріяхъ и соболяхъ; запорожцамъ, бывшимъ на войнѣ, прислано 1.500 рублей деньгами и 1.100 портищъ суконъ, а кошевому атаману, писарю и асаулу дано еще особо ефимками [2]).

Новые слухи о томъ, что бусурманы готовятся на слѣдующій годъ опять нападать на русскія владѣнія, побудили къ мысли о новомъ плавномъ походѣ [3]). Въ январѣ 1698 года былъ объ этомъ у гетмана съѣздъ, послѣ чего всѣ полковники, каждый въ своемъ полку, принялись за постройку челновъ. Это не обходилось безъ затрудненія и ропота, потому что тогда накладывали съ козаковъ сборъ по ефимку и по полтинѣ; судовъ строить не умѣли, недоставало ни мастеровъ, ни работниковъ, ни гребцовъ [4]). Однако, по

[1]) Арх. Юст., кн. 81, л. 323.

[2]) Ibid., л. 644.

[3]) Ibid, л. 527.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1698 г., № 18.

распоряженію гетмана, городовые козаки въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ построили 430 челновъ, за что царь похвалилъ гетмана [1]). Въ концѣ мая гетманъ приказалъ городовымъ козакамъ подниматься въ походъ, четыре полка отправилъ впередъ въ Таванскъ, а шесть оставилъ при себѣ и двинулся на Коломакъ для соединенія съ княземъ Долгорукимъ [2]). У князя положено быть 83.280 человѣкъ войска пѣшаго и коннаго [3]).

Въ іюлѣ оба войска отправились сначала безводною степью, направляясь къ Перекопу, но потомъ, опасаясь безводья и безкормицы въ вытравленныхъ и выжженныхъ степяхъ, повернули къ Таванску, сдѣлали распоряженіе о скорѣйшемъ исправленіи Таванска и Кизикерменя и послали десятитысячный отрядъ великороссіянъ и малороссіянъ къ Очакову плавнымъ путемъ; но такъ какъ русскія суда были малы, а люди мало искусны, притомъ пушекъ съ ними было немного, и тѣ небольшаго размѣра, то они не рѣшались проплывать между двумя турецкими крѣпостями, Очаковомъ и Кинбурномъ, съ которыхъ поражали бы ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Простоявши двое сутокъ въ пустынѣ, гдѣ не было ни хатъ, ни шалашей они отступили. Тогда предводители нашли, что взять Очаковъ, какъ намѣревались, трудно. «Намъ,—говорили они въ свое собственное извиненіе,—не образецъ запорожцы, которые въ малолюдствѣ ночью воровски проплываютъ, или сухопутьемъ пробираются къ морю. У насъ большіе обозы. Какъ только мы туда дойдемъ, въ Царьградѣ узнаютъ и пришлютъ противъ насъ на каторгахъ войско. И теперь стоять намъ подъ Кизикерменемъ и Таванскомъ невозможно: люди отъ недостатка продовольствія разбѣ-

[1]) Арх. Юст., кн. 79, л. 387.

[2]) Ibid., л. 350 и 480.

[3]) Ibid., кн. 81, л. 913.

гаются; запасовъ на пять мѣсяцевъ на подводахъ привезти сюда трудно, а тѣ, что отправлены были на судахъ, пропали на порогахъ, и здѣсь ни за деньги купить, ни саблею достать—ничего нельзя. Поэтому лучше намъ воротиться»[1]). По такимъ соображеніямъ оба войска отступили назадъ.

Если первый походъ князя Долгорукаго съ гетманомъ нельзя было назвать блестящимъ, то этотъ второй, по своему окончанію, можно было назвать постыднымъ, подъстать походу князя Вас. Вас. Голицына съ Самойловичемъ. Но гетманъ, сколько намъ извѣстно, не испыталъ отъ царя никакого знака неудовольствія, хотя и не получилъ награжденія.

Завоеваніе турецкихъ городковъ не приносило малороссійскому краю ни малѣйшей пользы, а только прибавляло народу бóльшія тягости. Нужно было починять разоренные городки, содержать тамъ гарнизоны, а для нихъ доставлять хлѣбные и боевые запасы. Такая доставка ложилась бременемъ на народъ. Терпѣлъ нужду преимущественно Полтавскій полкъ, расположенный на перепутьи Москвы и Украины съ низовьевъ Днѣпра. Весною 1698 года полковникъ полтавскій доносилъ, что послѣ праздника Рождества Христова пять разъ была посылка съ запасами къ Таванску и городки Полтавскаго полка давали каждый по нѣскольку десятковъ подводъ на весь тотъ неближній путь. Гетманъ, передавая въ Приказъ этотъ докладъ полтавскаго полковника, съ своей стороны замѣчалъ: «Вотъ уже одиннадцать лѣтъ вершится война съ Крымомъ и всѣ военныя силы идутъ черезъ Полтавскій полкъ. Люди терпятъ убытки черезъ топтаніе и вытравленіе травъ и хлѣбовъ, черезъ опустошенія рощъ въ ихъ старинныхъ займищахъ. Гонцы безпрестанно ѣздятъ не только по царскимъ грамотамъ, но и по воеводскимъ памятямъ, требуютъ отъ жителей

[1]) Ibid., кн. 68, л. 59 и далѣе.

себѣ корма и питья, а иные осмѣливаются бить и безчестить городовыхъ старшинъ. Хотя и есть царскій указъ начальнымъ людямъ безъ царскихъ грамотъ и безъ гетманскихъ проѣзжихъ листовъ никому ничего не брать, но многіе на то не смотрятъ и знать этого не хотятъ [1]). Въ подобныхъ выраженіяхъ отзывался гетманъ и послѣ похода съ княземъ Долгорукимъ: «Вотъ уже въ продолженіи 12-ти лѣтъ, съ начала своего гетманства, я совершилъ 11 лѣтнихъ и 10 зимнихъ походовъ, и не трудно всякому разсудить, какія трудности, убытки, разоренія отъ этихъ безпрестанныхъ походовъ терпитъ Войско Запорожское и вся Малая Россія» [2]).

Къ довершенію тягостей въ 1698 году постигъ Малороссію хлѣбный недородъ. Край былъ такъ несчастливъ, что это явленіе безпрестанно повторялось въ послѣднія лѣта, почти каждый годъ, то въ бо̀льшей, то въ меньшей степени. Отсюда — скудость и дороговизна. Въ январѣ 1699 года гетманъ, въ своемъ донесеніи въ Приказъ, рѣзкими чертами изображаетъ это народное бѣдствіе, увеличивавшееся отъ военныхъ обстоятельствъ [3]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1698 г., № 78.

[2]) Арх. Юст. кн. 68, л. 62.

[3]) По прежнихъ килькахъ неурожайныхъ на хлѣбъ годѣхъ нынѣшній годъ наступилъ зѣло голодный, якого многіе народу малороссійскаго не помнятъ, за оскудѣніемъ хлѣба то лободою, то з половою, то лѣсными нѣякими брунками, приправуючи ихъ тежъ з половою и з мякинами з великимъ своимъ стогнаніемъ себе живятъ, а чистый хлѣбъ ни у кого не сыщется. Якого тугого часу и въ иншыхъ передъ тымъ пожитокъ приносячихъ речахъ теперь жадного не маютъ пожитку. А и окроме того помянутаго неурожаю уставичне лѣто и зиму чрезъ кильконадцятъ лѣтъ отправуючи военные походы не малый в хлѣбахъ всѣмъ малороссійскимъ людемъ якъ на нивахъ, такъ и въ гуменныхъ зложеніяхъ чинился убытокъ. Въ малороссійскихъ городѣхъ отнюдь жита не можемъ и переплачуючи зъискати и купити, понеже за явнымъ неурожаемъ нѣчего з сеголѣтнёго присѣвку у

Такое печальное положеніе усиливало у малоруссовъ охоту къ шатанію и исканію новыхъ мѣстъ жительства. Переселившіеся съ праваго берега Днѣпра на лѣвый опять порывались въ отечество своихъ предковъ. Такъ прилуцкій полковникъ Горленко доносилъ гетману, что въ его полку козаки и поселяне (мужики) распродаютъ свои грунты и поля и спѣшатъ переселяться за Днѣпръ [1]). Въ Черниговщинѣ толпа организовалась самовольно въ полкъ подъ начальствомъ какого-то бродяги, поляка Кулаковскаго, и ушла за Днѣпръ въ Полѣсье, собираясь на службу къ польскому королю; но Палѣй не пустилъ ихъ и заворотилъ подъ гетманскій региментъ [2]). Переяславскій полковникъ Мировичъ доносилъ, что въ городкахъ, мѣстечкахъ и селахъ, прилежащихъ къ Днѣпру, натолпились люди, пришедшіе изъ разныхъ полковъ гетманскаго регимента; у всѣхъ у нихъ на умѣ — какимъ нибудь способомъ перебраться на противную сторону Днѣпра и тамъ поселиться [3]).

Поляки старались тогда заселить и упрочить за собою украинскія пустыни и, провѣдавши о настроеніи народа лѣвой стороны Днѣпра, наслали «осадчихъ», которыхъ должность состояла въ томъ, чтобы зазывать людей въ новоосновываемыя слободы, опредѣлять имъ именемъ своихъ пановъ льготы на извѣстное число лѣтъ отъ всякихъ

людей нѣтъ, — хоча бы прошлорочное у якого господарного и то развѣ сотаго в спрятахъ зъискалося, то за уставичными дожчами и безпрестанными черезъ усю осень и уже половину зимы трудными бездорожами не бываетъ на торги провожено. А если где осмачка якая оного на рынку появится, то килько албо и килькопадцять чоловѣка осмакъ маючихъ, албо ремесленныхъ людей обще всѣ на роздѣлъ свой оное купити хватають, где не безъ сварокъ бываетъ, бо такою малою продажою не могутъ себе бѣдныи удоволити (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1699 г., январь 19).

1) Арх. Юст. кн. 81, л. 895.

2) Ibid., л. 877.

3) Арх. Ин. Дѣлъ 1699 г., № 14.

повинностей, или подманивать обѣщаніями всегдашнихъ выгодъ на новосельѣ. Такимъ способомъ завелись немалыя слободы въ Корсунѣ, Богуславѣ, Драбовцѣ и Мошнахъ. Изъ этихъ слободъ осадчіе отправляли посыльныхъ на лѣвую сторону Днѣпра завлекать жителей разсказами о привольномъ житьѣ-бытьѣ за Днѣпромъ. Такъ, отъ нѣкоей княгини Анны Вишневецкой (имѣвшей впослѣдствіи важное значеніе въ жизни Мазепы) и отъ ея сына былъ отправленъ въ Переяславскій полкъ какой-то Могильницкій съ двумя товарищами — однимъ мазуромъ, другимъ русиномъ — подущать малороссіянъ къ переселенію въ слободу Мошны: двое попались сторо́жѣ, поставленной на берегу Днѣпра, а Могильницкій едва ушелъ [1]). Мировичъ указывалъ на другаго такого же подговорщика, Ѳеофана Воронича, именовавшаго себя корсунскимъ игуменомъ [2]). Нѣкоторые изъ зажиточныхъ лѣвобережныхъ жителей, не переходя совсѣмъ на жительство въ правобережныя слободы, заводили на правой сторонѣ въ пустыхъ лѣсахъ и поляхъ пасѣки и хутора, сами оставались на прежнемъ своемъ жительствѣ, а въ заведенныхъ правобережныхъ поселкахъ держали своихъ подручныхъ. Зе́мли, на которыхъ основались эти поселки, никому передъ тѣмъ не принадлежали и хозяева, живя сами на лѣвой сторонѣ Днѣпра, считали ихъ своею собственностью по праву займанщины и притомъ тянувшею къ гетманскому регименту. Тамъ между выселенными людьми и польскими осадчими возникали ссоры [3]). Такіе случаи не отбивали, однако, въ народѣ охоты къ бѣгству и къ поселеніямъ на правой сторонѣ Днѣпра подъ разными видами: не удерживали ихъ ни угрозы, ни кары за побѣги, а сторо̀жи, располагаемыя

[1]) Арх. Юст. кн. 68, л. 92.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1699 г., № 14.

[3]) Ibid., май, № 9.

по днѣпровскому побережью, не въ силахъ были останавливать перехожихъ, — черезчуръ длинно это побережье и не было возможности заставить его караулами на всемъ его протяженіи; зимою по льду, а лѣтомъ на челнахъ легко было пробираться на правый берегъ. Гетманъ жаловался царю, что нѣтъ мѣръ удержать народнаго стремленія къ переселеніямъ на слободы; онъ просилъ царя войдти въ сношенія съ польскимъ королемъ и привести дѣло такъ, чтобы гетманъ могъ послать своихъ вооруженныхъ людей разорить эти слободы и убѣжавшихъ туда для поселенія перевести на прежнія мѣста, на томъ основаніи, что по мирному договору Россіи съ Польшею отнюдь не слѣдовало возобновлять запустѣлыхъ городовъ въ правобережной Украинѣ.

На неоднократныя донесенія о томъ гетмана царь Петръ въ мартѣ 1699 года относился къ польскому королю съ просьбою — не дозволять ни коронному гетману, ни кому нибудь другому изъ польскихъ пановъ заселять оставленную впустѣ Украину. Тогда же царь поручалъ гетману удвоить строгость надзора, чтобы жители не бѣгали въ слободы на правую сторону Днѣпра [1]). Но побѣги не прекращались и спустя почти годъ послѣ того царскій указъ всѣмъ пограничнымъ воеводамъ предписывалъ ловить малороссійскихъ бѣглецовъ и отправлять къ гетману, который долженъ чинить имъ жестокое наказаніе и потомъ водворять на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства [2]).

Прежде, недавно еще, обѣтованною страною для переселенцевъ была Слободская Украина. Въ настоящее время она не привлекала бѣглецовъ въ прежней степени. Теперь малороссіяне, тамъ поселившіеся, узнали на опытѣ великороссійскіе пріемы воеводскаго управленія; они часто имъ при-

1) Ibid., мартъ, № 10.
2) Ibid., л. 1700, № 4.

ходились не по вкусу и нѣкоторыхъ даже заставляли убѣгать съ новоселья. Кромѣ того Слободская Украина въ послѣдніе годы стала часто подвергаться разореніямъ отъ татаръ. Такъ и въ 1698 году, когда гетманъ и князь Долгорукій ходили походомъ на Низовье, сильная орда съ двумя салтанами ворвалась въ Слободскую Украину, раздѣлилась загонами, разорила многія слободы по Донцу, городокъ Салтовъ, и едва успѣли спасти отъ нихъ полковой городъ Харьковъ [1]).

Тѣмъ не менѣе переселенія на востокъ изъ Гетманщины не прекращались и въ это время многіе водворялись не только въ Слободской Украинѣ, гдѣ все сплошное народонаселеніе тогда состояло изъ малороссіянъ, но и въ чисто великорусскомъ краѣ на земляхъ великорусскихъ владѣльцевъ рыльскаго и путивльскаго уѣздовъ, гдѣ малороссійскимъ новопоселенцамъ приходилось жить въ-перемежку съ великороссіянами. На переселенія отваживались малороссіяне въ надеждѣ избавиться отъ тягостей, которыя несли въ своемъ прежнемъ краѣ, не думая, что на новосельѣ придется имъ испытывать своего рода тягости и бѣдствія. Такъ, бѣжавшіе на правую сторону Днѣпра соблазнялись приманками польскихъ пановъ, обѣщавшихъ имъ всякія блага и льготы, забывали о томъ, что́ нѣкогда творилось отъ поляковъ съ ихъ отцами и дѣдами и что̀ могло и должно было случиться съ ними самими. Такъ и поселившіеся въ великорусскомъ порубежномъ краѣ у тамошнихъ помѣщиковъ скоро извѣдали совсѣмъ иную судьбу, чѣмъ та, какую имъ обѣщали. Мазепа самъ накупилъ себѣ имѣній въ рыльскомъ уѣздѣ и малороссіяне, приставшіе прежде къ тамошнимъ великорусскимъ помѣщикамъ, стали переселяться на земли малороссійскаго гетмана. Но помѣщики этого края — Полянскіе, Тургеневы,

[1]) Арх. Юст. кн. 81, л. 815 и 818.

Стремоуховы, Дуровы, Ширковы — были такіе потатчики своему нраву, что фамильныя имена ихъ до сихъ поръ остались въ мѣстныхъ преданіяхъ съ памятью объ ихъ безчинствахъ. Они, собравши своихъ великороссійскихъ крестьянъ, стали преслѣдовать ушедшихъ отъ нихъ малороссіянъ, разоряли деревни, заводимыя послѣдними на гетманскихъ земляхъ, нападали на нихъ по дорогамъ, ловили ихъ гдѣ могли, били, увѣчили и до смерти убивали, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, и такимъ способомъ погибло тогда до сотни душъ [1]). Когда, по жалобамъ на такія неистовства, производился розыскъ, то великорусскіе люди, не только прикосновенные къ дѣлу, но и посторонніе, били и безчестили малороссіянъ, присылаемыхъ гетманомъ къ розыску; мѣстные подъячіе держали сторону помѣщиковъ, а люди и крестьяне, которыхъ помѣщики посылали и водили на разбои, по наущенію своихъ помѣщиковъ, не говорили на допросахъ правды [2]). Такимъ образомъ имя гетмана Мазепы, въ то время царскаго любимца, не было столько сильно, чтобъ охранить малороссіянъ, его земляковъ, передъ великорусскимъ правосудіемъ.

Нѣкоторые посполитые, не переселяясь ни въ польскія, ни въ великорусскія владѣнія, находили уловку избавиться отъ тягостей, падавшихъ исключительно на посполъство: они продавали — часто фиктивно — свои дворы и грунты козакамъ, а сами оставались съ тѣми же дворами и грунтами, числясь козацкими «подсусѣдками», а тѣмъ самымъ уже подчинялись козацкому управленію и не несли повинностей, лежавшихъ на посполитыхъ. «Подсусѣдки», изъ которыхъ скорѣе чѣмъ изъ посполъства записывали въ козаки, считались неимѣвшими собственныхъ грунтовъ и по-

1) Ibid., кн. 83, л. 275.

2) Ibid., л. 229.

лей, освобождались вообще отъ повинностей наравнѣ съ козаками, при которыхъ записывались [1]). Но гетманъ, узнавши объ увеличеніи числа такихъ подсусѣдковъ, въ 1701 году своимъ универсаломъ поворачивалъ ихъ снова въ разрядъ посполитыхъ, такъ какъ въ тѣхъ городахъ и селахъ, гдѣ происходили такія самовольныя перехожденія, посполитые, умаленные въ своемъ числѣ выбывшими изъ ихъ разряда подсусѣдками, не въ силахъ уже были содержать охотныхъ козаковъ [2]) [3]).

Такимъ образомъ въ Гетманщинѣ ощущалось народное недовольство настоящимъ положеніемъ и не могло себѣ найти исхода. Происходила перетасовка сословій и мѣстъ жительства. Многіе козаки, тяготясь службою, добровольно пытались поступить въ посполъство, а посполъство, по старинному обычаю, рвалось въ козачество и, какъ мы видѣли, хотя бы въ подсусѣдки козацкіе, причемъ была возможность поступить въ козаки. Другіе посполитые съ своими грунтами и полевыми участками попадали въ зависимость пановъ, получавшихъ отъ царя жалованныя грамоты на маетности; отважнѣйшіе изъ такихъ, не желая исполнять повинностей по отношенію къ владѣльцамъ, рвались вонъ изъ Гетманщины,—изъ нихъ-то многіе тогда искали себѣ новоселья въ польскихъ и великорусскихъ

[1]) *Шафонскій*: „Описаніе Черниговскаго Намѣстничества“, часть I, стр. 86.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1701 г., № 70.

[3]) Въ Стародубскомъ полку многіе зажиточные посполитые продали дворы свои и грунты и поля козакамъ и сами жили у нихъ въ подсусѣдкахъ, и в тѣхъ дворахъ своихъ от себе проданныхъ свободно живучи всякихъ неналежныхъ собѣ волностей заживали, черезъ якіи вымыслы тыхъ непостоянныхъ людей всюды по городахъ и селахъ дѣется долегливость и утискъ и обтяжаніе, поневажъ спомѣшканцѣ оныхъ в маломъ числѣ остаючися згола не могутъ общимъ выдолати повинностямъ и для малолюдства своего належитыхъ войску охочому выставити грошовыхъ мѣсячныхъ датковъ.

владѣніяхъ. Козаки городовые, считая себя людьми вольными, не всегда повиновались начальству, часто убѣгали со службы съ похода или не ходили въ походъ, не слушая гетманскихъ универсаловъ. Отъ этого гетманъ все болѣе и болѣе не считалъ ихъ вполнѣ надежною военною силой и предпочиталъ охотныхъ козаковъ, набираемыхъ какъ изъ малороссійскаго посполъства, такъ и изъ иноземцевъ. Число ихъ безпрестанно увеличивалось всякимъ сбродомъ. Они раздѣлялись на полки, но не имѣли отведенныхъ имъ земель и дворовъ и располагались «на лежахъ», то-есть на квартирахъ во дворахъ посполитыхъ, по распоряженіямъ гетмана. Они составляли для народа истинную тягость и возбуждали къ себѣ нерасположеніе не только въ посполитыхъ, но и въ козакахъ городовыхъ и даже въ запорожцахъ [1]).

Зимою 1698—1699 годовъ Мазепа былъ позванъ для свиданія съ царемъ въ Воронежъ [2]) и по возвращеніи, по царскому указу, отправилъ туда 3.000 козаковъ беречь строившіеся корабли [3]). Послѣ того гетманъ собралъ на съѣздъ всѣхъ полковниковъ въ Гадячъ. Тамъ долго разсуждали о новыхъ средствахъ войны противъ бусурманъ и порѣшили, что каждому полку лучше оставаться въ

[1]) Въ Таванскѣ, куда посланы были сердюки—отдѣлъ охотныхъ козаковъ, произошла большая смута, начавшаяся ссорою между сердюцкимъ полковникомъ Покотиломъ и запорожскимъ полковникомъ Костенкомъ и разразившаяся свалкою между сердюками и запорожцами, причемъ злоба противъ сердюковъ распространилась на царскихъ ратныхъ людей. Тогда въ свалкѣ многихъ убили до-смерти, другимъ переломали ноги и ребра, у купецкихъ людей разбили бочки съ виномъ и медомъ, разсыпали соляные запасы и самую церковь Великомуч. Георгія осквернили кровью. Производился розыскъ и кончился тѣмъ, что обѣ стороны помирились а за убитыхъ отправили сорокоустъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1700 г.).

[2]) Арх. Юст. кн. 68, л. 411.

[3]) Ibid., л. 339 и 342.

своей области наблюдать за непріятельскими оборотами и сообразно съ тѣмъ устраивать свои воинскія движенія [1]).

Весною 1699 года въ Малороссіи сдѣлался переполохъ отъ новыхъ вѣстей, принесенныхъ татарскими перебѣжчиками—*тумами* (т. е. рожденными отъ татарина и русской плѣнницы), что бусурманы заключаютъ миръ съ нѣмцами и хотятъ обратить всѣ силы на царскія области [2]). Это была первая вѣсть, принесенная объ этомъ въ Украину и тотчасъ сообщенная гетманомъ въ Москву. Вскорѣ затѣмъ господарь молдавскій, съ которымъ малороссійскій гетманъ велъ постоянно тайныя сношенія, сообщалъ о томъ же и представлялъ гетману, что молдаване и валахи боятся нѣмцевъ больше чѣмъ турокъ, потому что нѣмцы думаютъ имъ навязать папизмъ и хотятъ подчинить цезарю нѣмецкому. Господарь повторялъ то, что сообщалось уже прежде изъ христіанскаго Востока: что и онъ самъ и всѣ молдаване и валахи поголовно желаютъ свергнуть съ себя бусурманскую неволю и поддаться православному русскому государю. Онъ указывалъ способы вести успѣшнѣе войну противъ турокъ. Важнѣйшій пунктъ веденія этой войны былъ, по его мнѣнію, на устьѣ Днѣпра и больше всего надлежало ожидать успѣха отъ козаковъ, которые могутъ вторгнуться въ Буджакъ (нынѣшняя Бессарабія) и дѣйствовать разомъ съ возставшими молдаванами и валахами. Мазепа, повидимому, сочувствовалъ такимъ заявленіямъ и посылалъ довѣренныхъ лицъ составить описаніе путей и становищъ отъ устьевъ Днѣпра, Буга и Днѣстра до устьевъ Дуная [3]).

Но царь Петръ уже иначе смотрѣлъ на эти дѣла: въ его голову уже вступилъ проектъ войны со Швеціей и онъ нуждался въ мирѣ съ другими сосѣдями своей державы.

[1]) Ibid., л. 401.

[2]) Ibid., л. 403.

[3]) *Устр*: „Ист. Петра В.", т. III, Прилож. 7, стр. 472 и 478.

Притомъ ему было извѣстно, что его союзники—императоръ и польскій король—готовы заключить съ Турціей миръ и заключать его «сепаратно» отъ Россіи, если Россія не пристанетъ къ миру вмѣстѣ съ ними. Собирался конгрессъ въ Карловицѣ съ цѣлью переговоровъ о мирѣ съ турками. Царь послалъ туда своего посла, дьяка Возницына. На этомъ конгрессѣ цесарскіе уполномоченные отъ имени своего императора постановили сепаратный миръ съ Турціей и такимъ образомъ оставили союзниковъ самихъ расправляться съ турками. Турецкіе уполномоченные, въ переговорахъ съ Возницынымъ, представителемъ Россіи, потребовали возвращенія всего завоеваннаго русскими въ послѣднюю войну. Поэтому оказалось невозможнымъ Россіи совершенно помириться съ Турціей подобно нѣмецкому императору. Дьякъ Возницынъ ограничился только заключеніемъ перемирія на два года, а въ продолженіи этого срока положено было вести переговоры для постановленія мира или перемирія на болѣе продолжительный срокъ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ турки заключили сепаратный миръ съ Польшею. Турки возвратили Польшѣ Каменецъ совершенно опустѣлый и обѣщали свободу римско-католическаго исповѣданія въ областяхъ, принадлежавшихъ Оттоманской Портѣ. Поляки съ своей стороны возвратили Турціи отнятые ими во время прошлой войны молдавскіе города [2]).

Царь Петръ остался безъ союзниковъ. Тогда онъ отправилъ возобновлять переговоры о мирѣ своего уполномоченнаго дьяка Емельяна Украинцева въ Константинополь, въ сопровожденіи цѣлаго своего новопостроеннаго флота для внушенія туркамъ уваженія къ силѣ Русской державы. Переговоры длились съ ноября 1699 года по іюль 1700. Много разъ

[1]) Ibid., т. III, стр. 256.

[2]) *Szujski*: „Dzieje Polskie", IV, 166.

собирались на конференціи и расходились, не договорившись до окончанія. Подробности ихъ не относятся къ нашему предмету. Скажемъ только мимоходомъ, что главнымъ спорнымъ пунктомъ, на которомъ никакъ не могли сойтись обѣ стороны, были приднѣпровскіе городки: турки домогались ихъ возвращенія; русская сторона пыталась ихъ удержать въ обладаніи Русской державы. Наконецъ 3 іюля 1700 года было постановлено и подписано съ обѣихъ сторонъ перемиріе на 30 лѣтъ. Турція уступала Россіи Азовъ со всѣми тянувшими къ нему городками. Россія приняла на себя обязательство, разорить въ теченіи тридцати дней послѣ окончательнаго подтвержденія мирнаго договора, приднѣпровскіе городки, отнятые у турокъ, а впередъ по всему днѣпровскому берегу, начиная отъ Сѣчи до устья Днѣпра, не быть никакому поселенію, кромѣ небольшаго укрѣпленія для переправы проѣзжихъ людей черезъ Днѣпръ. Пространство отъ Перекопа до ближайшаго къ нему изъ азовскихъ городковъ, Міусскаго городка, положено оставить впустѣ [1]). По принятому на себя Россіей обязательству разорить городки въ низовьяхъ Днѣпра, завоеванные въ прошлую войну, порученіе это возложено было на генерала Кольцо-Мосальскаго и исполнено имъ въ 1701 году. 8 октября этого года Гетманъ получилъ вѣдомость и сообщилъ ее въ Москву, что Таванскъ и Кизикермень разбиты и всѣ боевыя принадлежности оттуда вывезены [2]).

[1]) *Устр.:* „Ист. Петра В.“, т. III, Прилож. 7, стр. 550.

[2]) Арх. Юст. кн. 83, л. 992.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Преслѣдованіе стрѣльцовъ.—Доносъ Забѣлы и Солонины на гетмана. —Судъ надъ доносчиками.—Благосклонность царя къ гетману.—Пожалованіе гетмана кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго.—Торговля селитрою.—Корчемство.—Разореніе турецкихъ крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра.—Постройка крѣпости близъ Сѣчи.—Своевольство запорожцевъ.—Греческій караванъ.—Неудачныя попытки запорожцевъ склонить хана.—Волненія въ Малороссіи.—Оскорбленія малороссіянамъ отъ великороссіянъ.—Попытки примиренія съ запорожцами.— Безчинства и разбои.

Въ 1698 году совершалась въ Москвѣ страшная царская расправа надъ стрѣльцами. Случайно спасавшіеся отъ погрома убѣгали въ украинныя области и въ Гетманщину. Царь послалъ указъ гетману приказать ловить ихъ по всѣмъ полкамъ. Но стрѣльцовъ, находившихся при гетманѣ въ Батуринѣ, не тронули, а только велѣли имъ именоваться солдатами [1]). Ихъ начальникъ, полковникъ Анненковъ, пріобрѣлъ большое благорасположеніе гетмана и когда въ 1699 году Анненковъ былъ переведенъ воеводою въ Путивль [2]), Мазепа испросилъ у царя дозволеніе оставить Анненкова при себѣ въ Батуринѣ и по прежнему

[1]) Арх. Юст. кн. 68, л. 389.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1699 г., іюнь.

командовать полкомъ, назначеннымъ изъ великороссіянъ для охраненія гетманской особы [1]).

Пользуясь наступившимъ мирнымъ временемъ, гетманъ продолжалъ заниматься сооруженіемъ храмовъ на собственный счетъ. Такъ, около этого времени построены были каменная ограда Печерской лавры на протяженіи 520 саженъ (въ два сажня высоты и четыре толщины) съ четырьмя башнями, боковые придѣлы съ сѣверной и южной стороны великой лаврской церкви съ надстроенными надъ ними пятью куполами и церковь надъ экономскими воротами лавры, гдѣ съ наружной стороны былъ выставленъ лѣпной работы гербъ Мазепы. Около того же времени, вѣроятно, начата по желанію гетмана и на его счетъ надстройка боковыхъ придѣловъ на нижнихъ папертяхъ Кіево-Софійскаго собора съ шестью куполами надъ ними, что̀ дало этому зданію тотъ видъ, въ какомъ находится оно и теперь [2]). Вознесенская соборная церковь въ Переяславѣ, созданная также гетманомъ, относится вѣроятно къ тому же времени. Такъ видимое всѣми благочестіе и усердіе къ православнымъ храмамъ уничтожало силу враговъ Мазепы, выставлявшихъ его въ своихъ доносахъ полякомъ, тайно сочувствовавшимъ польскимъ завѣтнымъ видамъ и только притворно казавшимся русскимъ православнымъ. Недовѣріе къ его искренности не испарялось въ Украинѣ и въ 1699 году гетмана потревожило повтореніе

[1]) Ibid., декабрь, № 31.

[2]) О постройкахъ въ Лаврѣ см. въ „Опис. Кіево-Печерской Лавры митрополита Евгенія“, стр. 32. О постройкахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ—Грамота митрополита Варлаама Ясинскаго въ Актахъ Выдубицкаго монастыря, кн. IX, стр. 26 *Епарх. Вѣдом.* Кіев. 1870 г., стр. 65: „По милости В. Ц-го В-ства и призрѣніемъ патронскимъ региментарскимъ его м-сти гетмана и кавалера Свято-Софійская обитель есть значне обновлена въ своемъ украшеніи сими часы такъ церковномъ яко и въ господарскомъ“.

прежнихъ исторій съ доносами. Былъ въ Гетманщинѣ нѣкто Данило Васильевичъ Забѣла, носившій званіе бунчуковаго товарища. Это званіе недавно было учреждено гетманомъ Мазепою, который, по своему усмотрѣнію, давалъ его дѣтямъ, принадлежавшимъ къ чиновнымъ фамиліямъ. Забѣла былъ человѣкъ нрава безпокойнаго, склоннаго къ каверзамъ, что́ въ тѣ времена было многимъ свойственно. Онъ за что-то не взлюбилъ гетмана и сошелся съ Андреемъ Солониною, который находился на службѣ при гетманскомъ дворѣ и не угодилъ своему пану гетману. Они вмѣстѣ уѣхали въ Москву, начали искать тамъ покровительства боярина Бориса Петровича Шереметева и подали ему доносъ на гетмана. Но Мазепа узналъ объ этомъ ранѣе, чѣмъ еще доносъ дошелъ до царя, и самъ написалъ царю, что «эти два человѣка на гетманскую честь небыльныя слова износятъ и плевелы сѣютъ». Гетманъ въ Москву извѣщалъ, что одинъ изъ доносчиковъ, Забѣла, по челобитію своего дяди, былъ уже привлеченъ къ войсковому суду, а другой доносчикъ, Солонина, служивши у гетмана во дворѣ, укралъ у него деньги. Государь, оказывая довѣріе къ гетману, приказалъ, не разбирая доноса, обоихъ доносчиковъ и съ ними еще какого-то попа Леонтія [1]) послать въ Батуринъ, но сказать имъ напередъ, чтобъ они ѣхали безъ опасенія, потому что государь писалъ къ гетману, чтобъ имъ не было никакого зла.

Царскій гонецъ привезъ колодниковъ въ Батуринъ скованными «въ черкаскихъ телѣгахъ». Когда подъѣхали къ гетманскому двору, стащили колодниковъ съ телѣгъ и повели пѣшкомъ въ гетманскій дворъ, въ сопровожденіи караульныхъ. Гетманъ былъ тогда у обѣдни; колодники въ цѣпяхъ дожидали, стоя у дверей его свѣтлицы. Вы-

[1]) Въ дошедшемъ до насъ судномъ дѣлѣ о немъ нѣтъ ничего.

шедши изъ церкви, гетманъ принялъ изъ рукъ гонца царскую грамоту и поклонился до земли.

Колодниковъ предали войсковому суду.

Изъ дошедшаго до насъ дѣла мы узнаемъ, что нѣкто Якимъ Самойленко, дядя Данилы Забѣлы, показывалъ, что этотъ Данила, живя у себя въ домѣ въ селѣ Реутинцахъ, еще въ прошлый предрождественскій постъ, когда гетманъ ѣздилъ къ царю въ Воронежъ, говорилъ: «гетманъ отъ царя не воротится,—онъ съ поляками дружитъ и царю хочетъ измѣнить». Кромѣ того, Данило произносилъ о матери гетмана «лживыя, поклепныя и безчестныя слова», называя ее «чаровницею». Потомъ позванные въ судъ двое челядниковъ Данилы Забѣлы, которыхъ онъ, будучи въ Москвѣ, посылалъ къ себѣ домой въ Малороссію, показали, что Данило говорилъ, будто гетманъ самъ «тайно послалъ къ бусурманамъ вора Петрика и былъ желателемъ прихода бусурманскаго въ Украину». Въ подтвержденіе такихъ показаній, одинъ малороссіянинъ, бывшій недавно въ Москвѣ, Онисимъ Ворончейко, объявлялъ, что онъ собственными ушами слышалъ, какъ Забѣла «на почтенную родительницу гетмана честную игуменью прикладалъ наносы».

Забѣла запирался. Но когда его стали стращать пыткою, то онъ сказалъ: «я убѣжалъ въ Москву отъ страха, —на меня сотникъ кролевецкій подалъ гетману челобитную; а если я что говорилъ въ Москвѣ, то говорилъ будучи пьянъ: мнѣ казалось, что по такимъ словамъ меня удержатъ въ Москвѣ и не пошлютъ въ Батуринъ».

Судьи, выслушавшіе такія рѣчи отъ подсудимаго, произнесли: «невозможно, чтобъ Данилка такіе великіе страшные поклепы и потворы на честь ясневельможнаго гетмана вымыслилъ самъ собою; надобно подъ пыткою допросить его, кто ему въ семъ дѣлѣ былъ совѣтникомъ и наставникомъ».

Забѣла, не допуская себя до пытки, сказалъ:

«Вотъ какъ дѣло было. Черезъ село Реутинцы ѣхали люди боярина Шереметева. Я имъ разсказалъ о своихъ нуждахъ и о своемъ страхѣ. Они посовѣтовали мнѣ ѣхать въ Москву къ ихъ боярину и увѣрили меня, что бояринъ будетъ мнѣ заступникомъ. Я послушался ихъ и поѣхалъ. Когда я разсказалъ боярину о своихъ дѣлахъ, бояринъ сперва сказалъ, что напишетъ обо мнѣ ходатайственный листъ къ гетману. Я отвѣчалъ, что боюсь ѣхать къ гетману. Тогда мнѣ бояринъ сказалъ: правда, и мнѣ гетманъ добра не желаетъ. Поживи, коли такъ, въ Москвѣ, пока великій государь не воротится изъ подъ Азова, и никуда не ходи, ни въ Приказъ, ни къ боярамъ, а какъ царь воротится въ Москву, тогда подашь на гетмана челобитную въ мои руки, а я самъ представлю ее великому государю и буду ходатайствовать объ оказаніи тебѣ милости. По какому боярскому обнадеживанію я и остался въ Москвѣ. Винюсь въ томъ, что злорѣчилъ, наводилъ измѣнническую потвору на гетмана и на мать его, говорилъ, будучи пьянымъ безъ разума и памяти. Впрочемъ, не было у меня наставника и совѣтника ни здѣсь въ малороссійскихъ городахъ, ни въ Москвѣ».

Дѣло показалось важнѣе. Данило притягивалъ къ нему первѣйшаго царскаго боярина Данила подвергли пыткѣ, взяли на встряску, продержали полчаса въ висячемъ положеніи. Онъ говорилъ то же, что и передъ пыткой, и только «поносилъ» себя самого за то, что понадѣялся на слова, сказанныя ему боярскими людьми, поѣхалъ въ Москву и черезъ то пришелъ «вотъ въ какую муку!»

Его спустили на землю, допрашивали, кто былъ ему наставникомъ и совѣтникомъ, и, ничего не допросившись, подняли опять на дыбу; онъ, «вопія крикомъ великимъ», твердилъ все одно и то же: я лаялъ по своему безумному обычаю, будучи пьянъ и безъ памяти, ни отъ кого къ

тому не было у меня подущенія и ни отъ кого о томъ ни единаго слова не слыхалъ».

Судьи прекратили пытки и допросы и положили такой приговоръ:

«Данилка Забѣла, отъ своей злости и безумія, наводя на высокую честь гетманскую и на всечестную его матерь тяжкіе поклепные потворы, хотѣлъ тутъ же и войсковые и народные малороссійскіе порядки развратить, а того ради такой безумный лживецъ и зломысленный навѣтникъ за ту свою вину подлежитъ смертной казни, имущество же его взять въ войсковой скарбъ, ибо и прежніе гетманы такъ поступали съ подобными».

Не знаемъ, былъ ли пытанъ товарищъ Данила Андрей Солонина, но его подвергли допросу, изъ котораго видно, что онъ былъ родомъ изъ Волыни, по смерти отца съ матерью переѣхалъ въ Козелецъ, служилъ двѣнадцать лѣтъ у кіевскаго полковника Солонины, потомъ три года у генеральнаго судьи Вуеховича, а наконецъ у гетмана. Ему отказали отъ службы на томъ основаніи, что у гетмана и безъ него много челяди, и онъ уѣхалъ въ польскія владѣнія; тамъ увидалъ его бояринъ Шереметевъ, пригласилъ въ Москву, и жилъ онъ у него на боярскомъ иждивеніи, а когда бояринъ уѣхалъ въ свои вотчины, то присталъ къ Забѣлѣ. Денегъ гетманскихъ онъ не кралъ.

И этого Андрея Солонину судъ приговорилъ, какъ соумышленника, къ одинакой карѣ съ Даниломъ Забѣлою.

Гетманъ, представляя въ Приказъ приговоръ войсковаго суда, приложилъ къ нему собственное милостивое смягченіе наказанія [1] [2].

[1]) Ibid., 1699 г., № 39.

[2]) „Какъ и прежде сего плутамъ и врагамъ моимъ въ такихъ случаяхъ я показывалъ милосердіе, такъ и сихъ Данилку Забѣленка и Андрюшку Солонину учинилемъ свободными отъ смертной казни, только до времени приказалемъ ихъ подъ карауломъ держати“.—Что

Ничто не подрывало царской благосклонности къ гетману. Въ 1700 году въ январѣ, гетманъ отправился въ Москву, по царскому приглашенію, съ 48-ю особами. Въ этотъ разъ ему оказали пріемъ, превосходившій ласковостію прежде бывшіе пріемы. Гетману заявили признаніе за нимъ заслугъ, оказанныхъ въ теченіи тринадцати лѣтъ сряду, и важности его успѣшныхъ дѣйствій въ войнѣ противъ турецкаго султана и крымскаго хана, въ особенности же его подвиговъ надъ Днѣпромъ, когда были покорены пять турецкихъ городковъ и взято множество плѣнныхъ. За это за все государь возложилъ на гетмана только-что установленный орденъ св. Андрея Первозваннаго. Мазепа былъ вторымъ, получившимъ этотъ орденъ, послѣ Головина. Сверхъ того, на отпускѣ, пожаловали ему венгерскій золотой кафтанъ съ алмазными запонками, подбитый соболями [1]). Бывшій въ Москвѣ разомъ съ гетманомъ генеральный писарь Кочубей получилъ почетное званіе стольника [2]). Тогда же, по ходатайству гетмана, оказано было вниманіе хвастовскому полковнику Палѣю, главному въ то время воскресителю козачества въ правобережной Украинѣ: къ нему отправили въ подарокъ денегъ, суконъ, камокъ, соболей, а на полчанъ его 1.000 ефимковъ. Но подъячему, который повезъ царскіе подарки, приказано было передать ихъ Палѣю секретно, чтобы не дать повода полякамъ подозрѣвать какого нибудь противъ нихъ подущенія, потому что поляки очень неблагосклонно относились къ возстановленію ненавистнаго для ихъ памяти козачества во владѣніяхъ,

поводомъ къ доносу былъ „безпокойный" правъ Забѣлы, показываетъ то, что и послѣ Мазепы на преемника его, гетмана Скоропадскаго, тотъ же Забѣла подавалъ лживый доносъ.

[1]) Ibid., 1700 г., № 19.

[2]) Ibid., № 30.

на которыя простирали свои виды [1]). Гетманъ испросилъ у царя отдать подъ его гетманскій регименть городъ Новобогородскъ со всѣми жителями, исключая служилыхъ царскихъ людей, которыхъ положено было вывести въ другіе городы. Гетманъ обѣщалъ правительству принять для укрощенія запорожскихъ своевольствъ и побѣговъ украинскихъ бѣглецовъ въ запорожскія степи мѣры, болѣе дѣятельныя, чѣмъ были тѣ, какія употреблялись прежде воеводами, управлявшими Новобогородскомъ.

Но тогда же послѣдовали распоряженія верховнаго правительства, которыя вообще не совсѣмъ нравились малороссіянамъ. Въ послѣднее время въ Малороссіи распространилось селитренное производство. По царскому указу предписывалось продавать селитру не иначе, какъ въ казну. Цѣна на селитру была указана по два рубля съ полтиною за пудъ [2]). Но послѣ заключенія мира съ Турціей царскій указъ вдругъ сбавилъ цѣну селитры на полтора рубля за пудъ на томъ основаніи, что селитренные майданы теперь не будутъ разоряемы непріятелями, производство селитры будетъ требовать менѣе расходовъ и хлѣбъ сталъ дешевле, хотя гетманъ, въ видахъ охранить выгоды мѣстныхъ производителей, докладывалъ, что если, по замиреніи съ турками и татарами, не нужно беречь майдановъ отъ непріятелей, то необходимо держать караулы для охраненія ихъ отъ разбойниковъ, и расходы на производство вовсе не уменьшились [3]) [4]). Не могло

[1]) Ibid., № 40.

[2]) Ibid., 1699 г., № 31; 1700 г., № 4.

[3]) Арх. Юст. кн. 83, л. 128.

[4]) *Примѣч.* Гетманъ сообщалъ, что хотя хлѣбъ сталъ дешевле (за осьмачку отъ 6 до 8 зл., съ провозомъ до 10-ти), за то возвысилась цѣна на солонину, составлявшую обычную пищу рабочихъ на майданахъ, и волы, необходимые при работахъ, прежде стоившіе по два рубля съ полтиною за штуку, поднялись въ цѣнѣ отъ 4 до 5 руб. за штуку.

быть малороссіянамъ пріятнымъ строгое запрещеніе возить на продажу въ Великороссію горячее вино и табакъ, который сдѣланъ былъ въ то время предметомъ казенной монополіи и отданъ на откупъ англичанамъ. Гетманъ публиковалъ, что корчемные продавцы вина и табаку, кромѣ наказанія, которое постигнетъ ихъ на мѣстѣ преступленія, не уйдутъ отъ вторичнаго наказанія войсковымъ судомъ, когда возвратятся домой [1]). Однако торговля виномъ и табакомъ была до того выгодна, что, несмотря на такія угрозы, «огурливые и легкомысленные люди всетаки дерзали возить табакъ на продажу въ великороссійскіе городы», какъ выражался гетманъ въ своемъ донесеніи.

По возвращеніи гетмана въ Украину отъ царя, вскорѣ началась у него хлопотливая возня съ запорожскимъ своевольствомъ, которое часъ отъ часу все болѣе разгоралось. Когда въ началѣ 1701 года прибылъ въ Сѣчу генералъ Кольцо-Мосальскій, съ тѣмъ, чтобы разорить турецкіе городки, запорожцы заортачились. Гетманъ приказалъ имъ содѣйствовать доставленію орудій и боевыхъ припасовъ изъ Таванска и устроить у себя въ Сѣчѣ складъ для ихъ храненія. Запорожцы съ безчестіемъ встрѣтили гетманскихъ посланныхъ [2]), посылали гетману ворчливые отвѣты, и хотя не отказывались, по приказанію царскаго генерала, беречь царскую казну, но не хотѣли допустить въ Сѣчу ни единаго изъ царскихъ ратныхъ людей, показывая къ нимъ недовѣріе и нерасположеніе [3]). Всего болѣе пришлось запорожцамъ не по нраву то, что генералу князю Кольцо-Мосальскому данъ былъ указъ строить новые городки близъ Сѣчи вмѣсто прежнихъ разоренныхъ городковъ въ низовьяхъ Днѣпра. Мѣсто для постройки ближайшаго городка бы-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1700 года, №№ 4 и 31.

[2]) Арх. Юст. кн. 83, л. 696.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ. 1700 г., № 4.—Арх. Юст. кн. 83, л. 40.

ло избрано у Микитина-Рога (гдѣ нынѣ Никополь). Гетману указано было содѣйствовать этой постройкѣ и онъ послалъ 6.000 козаковъ своего регимента на работы въ прибавку къ 3.500 ратнымъ, бывшимъ у князя Кольцо-Мосальскаго [1]).

Запорожцы около того же времени надѣлали новыхъ хлопотъ своими своевольствами. Толпа сѣчевиковъ напала на греческій караванъ. Турецкіе подданные греки, торговцы, прибыли изъ своей страны въ Очаковъ съ товарами, оттуда поплыли вверхъ по Бугу, а потомъ, приставши къ берегу, наняли у малороссіянъ, занимавшихся рыболовствомъ, подводы и двинулись степью на Чигиринъ. За ними слѣдила ватага запорожцевъ съ атаманомъ Щербиною и асауломъ Тонконогомъ. Они пригласили изъ ватажниковъ, ловившихъ рыбу на рѣкѣ Бугѣ, нѣсколько «легкомысленныхъ» молодцовъ и напали на греческихъ торговцевъ, когда тѣ, на пути своемъ къ Чигирину, достигали до рѣки Ингула. Запорожцы ограбили весь караванъ, отвезли награбленные товары въ Сѣчь, разрѣзали тюки и кипы (называемыя гарары) и подѣлили товары, въ числѣ которыхъ находились драгоцѣнные камни и жемчугъ цѣною въ нѣсколько тысячъ талеровъ [2]). Изъ Сѣчи получались вѣсти, что запорожцы, подѣливши по курѣнямъ награбленные товары, похвалялись поступать также и съ другими торговыми караванами, когда тѣ будутъ проходить [3]). Силистрійскій сераскиръ-паша прислалъ къ гетману жалобу и требовалъ вознагражденія за разграбленіе грековъ, турецкихъ подданныхъ [4]). Около того же времени другая ватага запорожцевъ напала на селитренные майданы, заведенные изъ Гетманщины старшинами на бере-

[1]) Арх. Юст. кн. 83, л. 650, 951 и 971.

[2]) Ibid., л. 158.

[3]) Ibid., кн. 86, л. 844.

[4]) Ibid., л. 259.

гахъ Самары, и разоряли ихъ, забирая воловъ, казаны и всякую рухлядь [1]). Запорожцы претендовали, что берега Самары, покрытые лѣсомъ (такъ-называемая Товща-Самарская), составляютъ давнее достояніе Запорожской Сѣчи и заводчики не иначе могутъ держать тамъ селитренные майданы, какъ платя въ войсковой сѣчевой скарбъ по 100 злотыхъ отъ котла [2]).

Гетманъ сообщилъ обо всемъ этомъ въ Москву, а на то время туда пріѣхали запорожскіе посланцы — бывшій кошевой Крыса съ товарищами. Въ Москвѣ ихъ задержали и стали допрашивать о греческихъ караванахъ и о селитренныхъ майданахъ. Они отозвались незнаніемъ дѣла. Московское правительство разослало запорожскихъ посланцевъ по великороссійскимъ городамъ и написало въ Сѣчь, что если не будутъ возвращены награбленные товары и виновные не подвергнутся жестокому войсковому наказанію, то задержанные товарищи будутъ казнены смертію [3]). Запорожцы отъ такой угрозы пришли въ неистовство, отрѣшили своего кошевого Петра Сорочинскаго и выбрали Костю Гордѣенка, человѣка крайне задорнаго, яраго ненавистника московской власти. Этотъ новый кошевой писалъ гетману такого рода объясненіе: греки, слѣдовавшіе въ караванѣ, сами были виноваты; вопреки прежнимъ обычаямъ ѣхать въ Сѣчу, они хотѣли миновать ее и поѣхали дикою степью. Сѣчевики, ѣздившіе на промыслы, узнавши о томъ, хотѣли только загородить каравану неправильный путь, но греки стали въ нихъ стрѣлять; тогда сѣчевики позвали другихъ товарищей, бывшихъ на рыбныхъ промыслахъ, и «большимъ собраніемъ» заворотили караванъ къ Сѣчѣ. Атаманія и все сѣчевое товари-

1) Ibid., кн. 83, л 1037.

2) Ibid., л. 158.

3) Ibid., кн. 86. л. 360.

ство подѣлили между собою изъ греческихъ товаровъ только красные кумачи, а дорогія вещи: камни, жемчугъ и деньги возвратили торговцамъ и сами проводили ихъ до великороссійскихъ городовъ [1]). Въ этихъ оправданіяхъ была чистая ложь; ни гетманъ, ни московское правительство не могли повѣрить этому, да и самъ сообщавшій такое оправданіе, конечно, зналъ, что ему не повѣрятъ. Не теряя времени, запорожцы, подущаемые притомъ пріѣзжавшими въ Сѣчу татарами [2]), послали въ Крымъ посольство къ хану просить возобновленія прежняго союза, стариннаго «братерства», и помощи противъ москалей, а тѣмъ временемъ самые отважные составили ватагу въ числѣ шестисотъ—настоящую разбойничью шайку: въ вершинахъ рѣки Вовчей не было отъ нихъ ни прохода, ни проѣзда людямъ Полтавскаго полка, ѣздившимъ на пасѣки и на рыбныя ловли [3]).

Болѣе всего раздражала запорожцевъ въ то время постройка городка недалеко отъ Сѣчи. Отважнѣйшіе грозили выйти съ оружіемъ на строителей [4]). Гетманъ посылалъ въ Сѣчу требовать, чтобы запорожцы не мѣшали царскимъ ратнымъ ломать камня у Каменнаго-Затона для постройки крѣпости, а кошевой атаманъ отъ имени всего товариства написалъ такой отвѣтъ, обращенный къ лицу царя: «Объявляемъ вашему царскому величеству всѣ мы единогласно, что совершенно не хотимъ онаго города близъ насъ на Днѣпрѣ имѣть и камня на строеніе брать не дозволимъ. Еще и города не выстроили, а мы уже терпимъ убытки и неправды въ вольностяхъ нашихъ, чего напредь сего ни отъ кого не видали по даннымъ намъ монархами грамотамъ, теперь же дознались напустнаго

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 39.

[2]) Арх. Юст. кн. 83, л. 831.

[3]) Ibid., кн. 86, л. 291.

[4]) Ibid., л. 618.

утѣсненія товариству нашему, ходящему для своихъ добычъ и промысловъ. Мы на бой противъ бусурманъ по вашему царскому указу идти всегда готовы, а города строить не позволяемъ» [1]).

Однако попытка запорожцевъ сойтись съ татарами во вредъ Россіи не удалась. Запорожскіе послы, отправленные въ Крымъ, встрѣтили хана недалеко отъ Карасубазара и предлагали прежнее «братерство», какъ было при Хмельницкомъ. Ханъ призвалъ какого-то стараго татарина, помнившаго времена Исламъ-Гирея, дѣлалъ ему распросы и потомъ сталъ держать совѣтъ съ своими мурзами. Нѣкоторые заявляли охоту открыто подать помощь запорожцамъ, другіе же опасались, что запорожцы, надѣясь на однихъ охотниковъ пристать къ ихъ замыслу, которыхъ въ Украинѣ найдется немного, опять подведутъ татаръ, какъ уже было недавно съ Петрикомъ и еще ранѣе съ Суховѣенкомъ. Ханъ рѣшилъ спросить объ этомъ своего верховнаго повелителя, турецкаго падишаха, а до полученія отвѣта мурзы убѣждали запорожцевъ не сноситься съ Москвою.

Но въ самомъ запорожскомъ товариствѣ возникло раздвоеніе. Самые задорные ненавистники Москвы кричали: «лучше на вѣки поддадимся турку, а не останемся въ московской неволѣ». Другіе представляли такое хитрое соображеніе: «если орда съ нами теперь не пойдетъ воевать Москвы, а на насъ опалъ царскій станется за сношеніе съ татарами, то мы отпишемся, что ничего о томъ не знали, скажемъ, что намъ приказалъ такъ чинить съ ордою гетманъ. Вотъ его гетмана возьмутъ въ Москву, а намъ будетъ милость монаршая» [2]) [3]). Гетманъ заранѣе обо всемъ этомъ узналъ и отправилъ къ хану за объясненіями посла своего Зави-

[1]) Ibid., л. 796.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 77.

[3]) А мы будемо оплывати въ ласцѣ монаршей.

довскаго. Ханъ принялъ гетманскаго посла ласково и объявилъ, что ни за что не станетъ нарушать мира съ московскимъ царемъ. Гетманскій посланецъ отъ имени гетмана жаловался на грабежи, учиненные татарами надъ русскими торговцами въ Кубанской и Ногайской ордѣ. Ханъ приказалъ тотчасъ учинить розыскъ и воротить награбленные товары; сверхъ того онъ далъ строгій приказъ не поступать впередъ такимъ образомъ. Тогда же ханъ хотѣлъ окончить размѣнъ полоненниковъ такъ, чтобы уже ни русскихъ въ Крыму, ни татаръ въ Россіи въ плѣну не оставалось. Это не такъ скоро могло окончиться, такъ какъ русскихъ полоненниковъ отпускали не иначе, какъ въ обмѣнъ за татарскихъ или за выкупъ деньгами. Нѣкоторые русскіе въ это время получили свободу и въ числѣ ихъ былъ князь Юрій Четвертинскій, взятый въ плѣнъ во время нашествія Петрика съ Бѣлогородскою ордою [1] [2].

[1]) Арх. Ин Дѣлъ 1700 г., 6 апрѣля. Подлинники.

[2]) Въ реляціи, поданной имъ, разсказываются приключенія его во время плѣна. Салтанъ Казы-Гирей купилъ его у взявшихъ его въ плѣнъ татаръ за 500 левковъ и послалъ къ хану въ качествѣ „языка“. Распросивши его о числѣ и объ оборотахъ русскихъ войскъ, ханъ воротилъ его къ салтану. Салтанъ Казы-Гирей предложилъ князю внести за себя окупъ (ошацоватися). Князь Четвертинскій предложилъ 200 левковъ. Салтанъ не согласился и отослалъ его на каторгу въ работу, чтобы заставить предложить бо́льшую сумму. Князь пробылъ на каторгѣ два мѣсяца, но бо̀льшей суммы не обѣщалъ. Его отослали въ Очаковъ, засадили въ яму, продержали съ мѣсяцъ, потомъ отослали въ ханскій фольварокъ (усадьбу) Яниклый; тамъ пробылъ онъ 17 сутокъ, какъ вдругъ пріѣхалъ отъ салтана Казы-Гирея „билибаши“ и приказалъ дать князю 150 ударовъ по подошвамъ, вымучивая большій окупъ. Потомъ его заковали въ двойныя кандалы и желѣзныя путы и отправили въ Килію: тамъ у него хотѣли рвать зубы, вымогая бо́льшій окупъ. Князь Юрій, видя себя уже близкимъ къ смерти, поступился дать 5.000 левковъ, да еще сверхъ того представить въ размѣнъ за себя десять татаръ. Казы-Гирей согласился и ждалъ этого окупа два года, но не дождался, потому что князь не въ силахъ былъ

Силистрійскій Юсуфъ-паша продолжалъ требовать вознагражденія за ограбленный караванъ и гетманъ не безъ труда упросилъ присланнаго отъ паши «агу» взять вознагражденіе жалованьемъ, которое по обычаю каждый годъ присылалось отъ царя запорожцамъ сукнами, камками, атласами и соболями. Такія вещи приняты были по оцѣнкѣ въ десять тысячъ левковъ; гетманъ прибавилъ еще 640 рублей деньгами и, сверхъ того, отдалъ греческимъ купцамъ, потерпѣвшимъ разореніе отъ запорожцевъ, 400 рублей, собранныхъ съ переволоченскаго перевоза на Днѣпрѣ, составлявшаго собственность Запорожской Сѣчи [1]).

Казалось, у запорожцевъ отнималась надежда на помощь мусульманскаго міра противъ московской власти, но пріѣзжавшіе въ Сѣчь татары разжигали ихъ и твердили, что если Москва не покинетъ строить городовъ при Днѣпрѣ, то бусурманы пойдутъ войною на московскіе городы и пригласятъ запорожцевъ [2]). Даже силистрійскій паша заявлялъ гетману, что туркамъ вообще не мило построеніе городовъ, что оно означаетъ приготовленіе къ войнѣ. Такія заявленія распаляли у запорожцевъ задоръ ко враждѣ съ Москвою. «Но не такъ страшны запорожцы и татары,—писалъ Мазепа въ Приказъ [3]),—страшнѣе намъ малороссійскій посполитый народъ: весь онъ своевольнымъ духомъ дышетъ; никто не хочетъ быть подъ тою властію, подъ которою пребываетъ, а полтавскій полковникъ пишетъ мнѣ, что всѣ его полчане при случаѣ начнутъ запорожцамъ помогать въ ихъ зломъ намѣреніи». Осенью 1702 года запорожцы на-

добыть такой суммы. Князя отправили къ хану въ Крымъ. Нѣсколько разъ по ханскому приказанію находился онъ при ханскомъ войскѣ въ походахъ и снова возвращался въ Крымъ. Наконецъ пріѣхалъ братъ князя и сталъ на его мѣсто въ плѣну, а князь Юрій освободился.

[1]) Арх. Юст. кн. 86, л. 713 и 960.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., ноябрь, № 77.

[3]) Арх. Юст. кн. 86, л. 824.

пали на царскую казну, которую везъ капитанъ Суходольскій, убили капитана и двухъ солдатъ, ограбили казну, а бывшаго при капитанѣ священника, исколовъ копьями, замертво покинули въ терновникѣ [1]); они, кромѣ того, уводили у великороссійскихъ ратныхъ людей почтовыхъ лошадей [2]) и задержали царскую грамоту, въ которой уговаривали ихъ не препятствовать постройкѣ крѣпости [3]).

Такія безчинства сами по себѣ хотя еще не возбуждали политическихъ опасностей, но волненія въ Запорожьѣ откликались въ Украинѣ и слухи о сборѣ запорожцевъ на войну противъ москалей, разносясь по Гетманщинѣ, находили въ народѣ сочувствіе. Въ Сѣчу стремились всякіе бездомные бродяги. Гетманъ приказывалъ компаніямъ стеречь переходы, не пускать бѣглецовъ черезъ Днѣпръ, а полковникамъ заблаговременно предупреждать въ своихъ полкахъ побѣги и сажать въ тюрьмы своевольныхъ [4]). Въ одномъ изъ тогдашнихъ денесеній гетманъ огуломъ весь малороссійскій народъ обвинялъ въ легкомысленности и склонности къ шатанію [5]).

Въ Малороссіи отношенія народа къ великороссійскимъ ратнымъ людямъ становились все хуже и хуже. Уже и при прежнихъ гетманахъ видно было, что малороссіяне не

[1]) Ibid., кн. 89, л. 163.

[2]) Ibid., кн. 86, л. 959.

[3]) Ibid, л. 779.

[4]) Зъ городовъ многіе легкомысленные люди, особливо гультаи домовъ своихъ неимущіе, чуючи о запорожскомъ зломъ передсявзяти, до Сѣчи бѣгуть, а любо компанѣямъ приказалемъ на таковыхъ сторожу пилную имѣть, оно также городовымъ полковникамъ велѣлемъ престерегати и ловячи до туремнаго давати вязеня, еднакъ же прокрадуются оны.

[5]) На жителей тутейшихъ малороссійскихъ яко легкомыслныхъ и непостоянныхъ людей мѣлъ чулость и неусыпное око, а нынѣ подъ сей часъ кгды оны со всѣхъ сторонъ мѣютъ похопъ до нестатечности, всеусерднѣйшее прилагаю стараніе жебы оный народъ задержать. (Арх. Ин. Дѣлъ, Подлинники, 1702 г.).

долюбливаютъ великороссіянъ и хотя послѣ возмущенія при Бруховецкомъ народъ по внѣшности оставался вѣрнымъ и покорнымъ, но доволенъ своимъ положеніемъ онъ не былъ и никогда, казалось, не представлялось ему такихъ рѣзкихъ поводовъ роптать на гнетъ, ложившійся на него отъ московской власти, какъ въ описываемое время. Съ начатіемъ шведской войны во всѣхъ владѣніяхъ царя Петра почувствовалась невыносимая тягость народу отъ службъ и поборовъ. Не миновала и Малороссію та же участь, хотя въ меньшей степени, чѣмъ прочія царскія области. Царь началъ требовать высылки козаковъ въ сѣверныя страны государства, гдѣ главнымъ образомъ происходилъ театръ военныхъ дѣйствій; а этого прежде не бывало и козаки знали только свою Украину, да прилегавшія къ ней южныя степи. Народъ былъ недоволенъ и внутри своего края грубостію обращенія съ нимъ царскихъ ратныхъ людей и всякаго рода должностныхъ лицъ, ѣздившихъ по дѣламъ службы. «И козаки и поселяне, — писалъ въ Приказъ гетманъ,—всѣ злобятся на меня, всѣ кричатъ въ одно: пропадать намъ до конца и сгубятъ насъ москали! У всѣхъ одна мысль уходить за Днѣпръ и можетъ произойти внезапное зло» [1]). Не мало сохранилось извѣстій того времени о столкновеніяхъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ между малороссійскими жителями и великороссійскими царскими служилыми. Для примѣра приведемъ нѣкоторые случаи, показывающіе, какъ нагло и презрительно обходились царскіе служилые съ туземцами.

Въ 1702 году полуполковникъ Левашовъ, идучи съ отрядомъ мимо городка Кишенки, послалъ туда приказаніе, чтобъ его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью и съ дарами, и онъ за то не станетъ трогать ихъ города. Кишенцы послушались, вышли къ нему съ возами, наполненными хлѣбомъ,

[1]) Арх. Юст, кн. 83, л. 540.

гусьми, курами, напитками и еще поднесли ему «въ почесть» 15 талеровъ деньгами. Левашовъ все это принялъ, но противно своему обѣщанію вошелъ въ городъ и расположилъ тамъ свой отрядъ: его ратные люди объѣдали жителей, обожгли у нихъ подворки, овины, разорили огороды. Такъ прошло нѣсколько дней. Выходя изъ Кишенки, Левашовъ кишенцамъ «далъ руку» (т. е. обѣщалъ), что уже теперь не будетъ имъ разоренія. Однако, дошедши до Переволочны, онъ послалъ назадъ въ Кишенку взять у тамошнихъ жителей плуговъ и воловъ и не прислалъ ихъ назадъ, а бѣдные кишенцы принуждены были сами ѣхать за Днѣпръ и выкупать за чистые талеры своихъ воловъ. При этомъ, когда одинъ кишенецъ напомнилъ полуполковнику, что великій государь такъ дѣлать не велитъ, Левашовъ чуть не прокололъ его копьемъ и кричалъ: «полно вамъ, б...... дѣти, хохлы свои вверхъ поднимать! Ужъ вы унасъ въ мѣшкѣ!»—Другой начальникъ Скотинъ шелъ черезъ порубежные днѣпровскіе городы, и бывшіе въ его отрядѣ ратные люди въ городахъ и за городами людей били, съ ножами на нихъ бросались, иныхъ какъ татары въ неволю брали (въ вязеню держали), а когда козацкіе начальные люди пошли къ нему съ поклономъ, то онъ велѣлъ ударить въ барабаны, чтобъ ихъ не слышать, и затѣмъ приказалъ прогнать ихъ бердышами. Въ Керебердѣ во время ярмарки на день св. Онуфрія московскіе служилые люди, плывя по Днѣпру, пристали къ берегу и стали съ своихъ суденъ торговать виномъ, а такъ какъ продажа вина тамъ была на откупѣ, то жители, по настоянію арендарей, ходили просить «москалей», чтобъ они перестали торговать, и понесли къ нимъ хлѣбъ-соль, но «москали» бросились на нихъ съ дубинами и копьями, а нѣкоторыхъ, схвативъ, увели къ себѣ на суда какъ плѣнныхъ и потомъ пустили, обобравъ, чуть не голыми, да еще обрѣзали имъ волосы въ знакъ безчестія. Въ томъ же

1702 году гетманъ писалъ въ Приказъ, жалуясь огуломъ на ратныхъ людей, которые, проходя черезъ городы и села Полтавскаго полка, безчинствовали, забирали въ качествѣ подводъ лошадей и не ворочали иначе, какъ взявши съ хозяевъ взятку, а становясь во дворахъ, совершали надъ малороссіянами всякія неправды, поруганія, грабежи и даже убійства. «Что между нашими людьми и пріѣзжими москалями דракъ бываетъ, того и описать невозможно!»— выражается въ донесеніи гетману одинъ козацкій чиновникъ [1]).

Не только въ Гетманщинѣ, но и за ея предѣлами, какъ уже мы видѣли, прорывались такія же грубыя выходки великороссіянъ надъ малороссіянами. Въ путивльскомъ и рыльскомъ уѣздахъ великороссійскіе помѣщики заманивали на свои земли малороссіянъ, искавшихъ селитьбы, а потомъ домогались, чтобы тѣ поступали въ число ихъ крѣпостныхъ, и «побивали ихъ жестокимъ мучительствомъ» [2]). По жалобамъ, которыя безпрестанно присылались отъ гетмана въ Приказъ, царь въ 1701 году далъ подтвердительный указъ воеводамъ «съ великимъ подкрѣпленіемъ, буде впередъ малороссійскимъ людямъ отъ кого нибудь станется обида отъ воеводскаго или полковничьяго недосмотра и за то начальнымъ людямъ быть въ казни и въ вотчинахъ отписаны будутъ» [3]). Но и послѣ такого строгаго царскаго указа въ январѣ слѣдующаго 1702 года въ Комарницкой волости (Орловской губ.) крестьяне били и безчестили посланца самаго гетмана, отправленнаго къ царю, и ѣхавшихъ съ нимъ малороссіянъ: по жалобѣ на то, царь приказалъ произвести розыскъ, и тѣхъ, которые признаны будутъ виновными, сослать въ Сибирь съ женами и дѣтьми [4]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 39.

[2]) Ibid., л. 1701, мартъ. Подлинники.

[3]) Ibid., л. 1701, № 5.

[4]) Арх. Юст. кн. 89.

Такія-то явленія располагали опасаться народнаго волненія въ Украинѣ, если запорожцы задумаютъ повторить Петриково дѣло. Были признаки, заставлявшіе гетмана и старшинъ полагать, что теперь поспольство отзовется къ подобному событію иначе, какъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ концѣ 1702 года гетманъ созвалъ полковниковъ и сдѣлалъ имъ такой вопросъ: слѣдуетъ ли совокуплять полки съ тѣмъ, чтобы не допускать запорожцевъ до вторженія. Всѣ полковники дали такой отвѣтъ: «Если совокуплять полки, то на оставленныхъ козаками мѣстахъ скорѣе могутъ вспыхнуть бунты между поспольствомъ, потому что тамъ не будетъ начальства. Лучше разставить на приличныхъ мѣстахъ два или три полка, а остальные полковники пусть остаются съ своими полковыми старшинами въ своихъ полкахъ и пусть наблюдаютъ, какое вліяніе на поспольство будутъ производить вѣсти о запорожскихъ злоумышленіяхъ; самъ же гетманъ съ компанейцами и съ охотными козаками будетъ стоять въ Гадячѣ и смотрѣть на непріятельскіе обороты, чтобы чинить военный промыселъ по мѣрѣ надобности» [1]). Гетманъ побудилъ и кіевскаго митрополита съ своей стороны послать къ запорожцамъ пастырское увѣщаніе не вступать въ связи съ невѣрными и не поднимать оружія на единовѣрныхъ братій, жительствующихъ въ Гетманщинѣ и въ слободскихъ полкахъ [2]). Самъ гетманъ отправилъ запорожцамъ посланіе, увѣрялъ, что никто не думаетъ нарушать ихъ вольностей, указывалъ на печальныя послѣдствія междоусобій въ правобережной Украинѣ, гдѣ столько городовъ, селъ обращено въ пепелъ и гдѣ столько жителей погибло отъ меча или взято въ неволю,—убѣждалъ запорожцевъ жить въ союзѣ и дружбѣ, покоряться властямъ и обѣщалъ хо-

[1]) Ibid кн. 86, л. 875.

[2]) Ibid, л. 952.

датайствовать за нихъ передъ царемъ [1]). На такое посланіе кошевой Гордѣенко свова отвѣчалъ гетману рѣзкою и грубою выходкой. [2]) [3]).

Нужно было во что бы то ни стало умиротворить Украину, тѣмъ болѣе, что событія на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ русскій народъ вступилъ въ открытую борьбу противъ польскаго панства, волновали лѣвобережныхъ малороссіянъ и возбуждали ихъ къ побѣгамъ за Днѣпръ съ намѣреніемъ биться тамъ противъ извѣчныхъ враговъ всего малороссійскаго народа. Одобрять такую борьбу не было тогда въ видахъ русскаго государя, который съ тогдашнимъ польскимъ королемъ и съ Рѣчью Посполитою вступилъ въ союзъ противъ шведовъ [4]). Нельзя было притомъ не имѣть въ виду и того обстоятельства, что соперникъ и врагъ царя Петра, шведскій король, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ успѣхъ въ Польшѣ, отторгалъ отъ польскаго короля на свою сторону польскихъ пановъ, манилъ ихъ обѣщаніями усмирить правобережныхъ украинцевъ, бунтовавшихъ противъ панства, перенести войну на лѣвую сторону Днѣпра и привести весь малороссійскій народъ въ прежнюю покорность польской Рѣчи Посполитой. При такихъ угрожающихъ слухахъ неблагоразумно было оставлять запорожцевъ въ раздраженіи противъ московской власти. Гетманъ получалъ свѣдѣнія о польскихъ дѣлахъ уже не отъ вѣстовщиковъ, которые выбирались изъ людей всякаго званія, а прямо отъ польскаго короннаго гетмана черезъ нарочно присланнаго посланца. Тогда московское правительство рѣшило отправить въ Сѣчу стольника

[1]) Ibid., л. 960.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1702 г. Подлинники, ноябрь.

[3]) Еще такого нежелательного гетмана у насъ не було. Бувъ еси намъ перше батькомъ, а теперь ставъ витчимомъ. Знайшлисьмо уже собѣ иншого пана!

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 39.

Протасьева съ выговоромъ запорожцамъ за ихъ безчинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявить имъ прощеніе отъ царя по ходатайству за нихъ гетмана и кіевскаго митрополита. Задержанныхъ по поводу разбойническаго нападенія на греческій караванъ указано было освободить и отпустить [1]).

Царскій посланникъ Протасьевъ прибылъ въ Батуринъ въ апрѣлѣ 1703 года, а 1-го мая прибыли туда же отпущенные изъ Москвы запорожцы, атаманъ Герасимъ Крыса съ товарищами. Этотъ Крыса, отбывшій нѣсколько лѣтъ въ заточеніи за безчинства съ запорожской братіею, сталъ тогда въ большомъ уваженіи у запорожцевъ, и гетмана извѣщали, что Крысу думаютъ избрать кошевымъ атаманомъ [2]).

Вмѣстѣ съ Протасьевымъ отправилъ гетманъ въ Сѣчу своего генеральнаго асаула Скоропадскаго. Они прибыли въ Сѣчу 5-го мая. Протасьевъ раздалъ привезенное обычное царское жалованье. Запорожцы поблагодарили и назначили раду 7-го мая на праздникъ Вознесенія. Тогда на радѣ запорожцы объявили, что не хотятъ присягать государю, пока не будутъ снесены городки, построенные на Самарѣ и на Днѣпрѣ. Какъ ни убѣждалъ ихъ царскій посолъ «отложить новоизмышленныя противныя слова» и произнести присягу, какъ ни увѣрялъ, что городки построены для охраненія малороссійскаго края и отъ нихъ Запорожской Сѣчѣ никакой трудности не будетъ, запорожцы твердили все одно и то же: «когда городки снесутъ, тогда мы и присягу принесемъ». 8-го мая послы уѣхали, не окончивши дѣла [3]), а по отъѣздѣ ихъ въ Сѣчѣ кричали, что надобно идти на Украину и убить гетмана [4]).

[1]) Арх. Юст. кн. 89, л. 165.

[2]) Ibid., кн. 94, іюнь.

[3]) Ibid., кн. 89, л. 419.

[4]) Ibid., л. 482.

Но запорожская удаль, такъ сказать, размѣнялась на мелочь и, не въ силахъ будучи затѣвать важное дѣло — идти въ Украину и поднимать народъ противъ властей, ограничилась частными разбоями, вспышками неповиновенія и дерзкими похвалками противъ правительства. Такъ, разбойническая ватага сѣчевиковъ, подъ начальствомъ Карнауха, безчинствовала надъ проѣзжими торговыми людьми и чуть не убила гетманскаго посланца, грека Згуру, ѣхавшаго въ Молдавію, а перешедши на лѣвую сторону Днѣпра, разбила валку чумаковъ, ѣхавшихъ изъ Лубенскаго полка на Берды за солью. Курѣнные атаманы Корсунъ и Андрюшка Москаль напали на отрядъ царскихъ служилыхъ и перекололи ихъ [1]). Гордѣенко показывалъ видъ, будто не одобряетъ такихъ разбойническихъ нападеній, а между тѣмъ въ числѣ разбойниковъ былъ его племянникъ. Тѣмъ временемъ въ Сѣчу пріѣзжали какіе-то татары, наговорили запорожцамъ, что если Москва не разоритъ крѣпости у Каменнаго-Затона, то силистрійскій паша придетъ самъ разорять ее, и по этому поводу Гордѣенко убѣждалъ запорожцевъ держаться турокъ и татаръ противъ москалей. «Вся бѣда,—писалъ гетманъ въ Приказъ, — отъ этого пса Гордѣенка. Онъ подстрекалъ запорожцевъ, чтобы не присягали. Пока этого проклятаго пса не уничтожатъ, до тѣхъ поръ нельзя отъ запорожцевъ надѣяться покорности» [2]). Но черезъ нѣсколько времени Гордѣенка отставили сами запорожцы и избрали кошевымъ Герасима Крысу. Тогда запорожцы стали ловить своихъ разбойниковъ и въ августѣ истреблена была ватага Андрюшки Москаля, Ропухи и трехъ ихъ товарищей. Къ сожалѣнію, исправленіе запорожцевъ было недолговременно. Скоро смѣнили Крысу и избрали Гордѣенка снова.

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ № 2.—Арх. Юст. кн. 94. іюнь 1703 г.

[2]) Арх. Юст. кн. 94, іюнь.

Онъ увѣрялъ гетмана, что будетъ вѣренъ царю, однако удальцы опять дѣлали разбои; но такъ какъ эти разбои совершались надъ малороссіянами, ѣздившими по торговымъ дѣламъ, то это отвращало многихъ отъ запорожцевъ и въ народѣ терялось къ нимъ довѣріе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возобновленіе козачества въ правобережной Украинѣ.—Палѣй.—Самусь.—Искра.—Абазынъ.—Прежняя судьба Палѣя.—Жизнь Палѣя въ Хвастовѣ.—Его подвиги противъ татаръ.—Столкновеніе съ поляками.—Сеймовой декретъ объ уничтоженіи козачества.—Неудачныя попытки поляковъ выгнать Палѣя.—Возстаніе русскаго народа противъ польскихъ пановъ.—Взятіе козаками Бѣлой-Церкви.—Свирѣпости съ обѣихъ сторонъ.—Укрощеніе возстанія.—Требованіе сдать полякамъ Бѣлую-Церковь.—Упорство Палѣя.—Самусь и Искра переходятъ на лѣвую сторону Днѣпра.—Обвиненіе Палѣя въ сношеніи съ царскими врагами.—Планъ Мазепы заманить и схватить Палѣя.

Послѣ «Руины» въ правобережномъ краѣ во власти поляковъ осталось населеннымъ одно Полѣсье—сѣверная часть нынѣшней Кіевской губерніи съ частію Волынской. Все пространство прежней Украины на югъ и на юго-западъ (въ нынѣшнихъ губерніяхъ Кіевской и Подольской) оставалось пустынею; тамъ держались съ польскими гарнизонами только два городка, Немировъ и Бѣлая-Церковь, которая поляками, вопреки договору, не была сдана Дорошенку. Занятый великою идеею войны съ мусульманскимъ міромъ, польскій король Янъ Собѣскій не побоялся мысли возстановить павшее козачество и въ 1684 году универсаломъ намѣтилъ для жительства козаковъ зѐмли въ Украи-

нѣ около Корсуна, Чигирина, Лысенки и Умани, именно тамъ, гдѣ прежде были полки: Чигиринскій, Черкасскій, Корсунскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій [1]). Въ слѣдующемъ 1685 году состоялось сеймовое постановленіе о принятіи въ отеческое покровительство всѣхъ козаковъ, которые пожелали бы поселиться въ Украинѣ, признавъ надъ собою власть гетмана, поставленнаго отъ Рѣчи Посполитой, съ правомъ пользоваться всѣми вольностями и привилегіями, дарованными прежними польскими королями козацкому званію [2]). Но Украина, хотя и считалась пустынею, скрывала уже въ своихъ степяхъ и лѣсахъ самовольно гнѣздившихся удальцовъ, которые, ища воли, проживали въ кустахъ и камышахъ, вкушая незатѣйливой пищи изъ пойманной рыбы или застрѣленной дичины, шатались по безбрежной и бездорожной пустынѣ, нападали на татарскіе загоны, ходившіе черезъ степи ловить яссыръ въ волынскихъ селахъ и городахъ, доставали себѣ отъ нихъ оружіе и добычу, освобождали отъ неволи своихъ братій-христіанъ [3]). То былъ первый контингентъ возобновлявшагося козачества. Но королевскій универсалъ и сеймовая конституція пробудили охоту къ козачеству въ посполитомъ русскомъ народѣ Полѣсья, Волыни и Червоной Руси, находившемся въ порабощеніи у шляхетства: такимъ образомъ начала воскресать прежняя, уже притухшая, борьба козачества со шляхетствомъ. Уже въ 1684 году, еще до сеймовой конституціи, узаконявшей козачество въ Рѣчи Посполитой, Миронъ, наказной гетмана Могиленка, разсылалъ повсюду своихъ посланцевъ увѣрять народъ, что королевскимъ универсаломъ дозволяется «хлопамъ» отрекаться отъ повиновенія панамъ своимъ и идти въ козаки. Польскій региментарь (военачальникъ) указывалъ

[1]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. II, стр. 39 и 94.

[2]) Volum Legum V, 50.

[3]) „Лѣтопись Грабянки“, стр. 238 и 239.

шляхетству ловить такихъ возмутителей, отсылать къ суду и сажать на́-колъ [1]). Но это не прекратило послѣдующихъ попытокъ. Въ разныхъ мѣстахъ проскакивали бунты хлоповъ—мѣщанъ и крестьянъ, раздавались похвалки молодцовъ топить всѣхъ ляховъ [2]), а иногда совершались побои и истязанія надъ особами шляхетскаго званія [3]). Противодѣйствовать такимъ явленіямъ для поляковъ было тѣмъ труднѣе, что нѣкоторые природные шляхтичи наравнѣ съ козаками получали отъ короля «приповѣдные листы» для набора охотниковъ въ козаки и на такомъ основаніи подговаривали владѣльческихъ хлоповъ записываться въ набираемые козацкіе полки мимо воли своихъ владѣльцевъ [4]). Тѣ, которымъ выдавались «приповѣдные листы», носили названіе полковниковъ. Изъ такихъ козацкихъ полковниковъ пріобрѣли сразу извѣстность четыре: Искра, Самусь, Абазынъ и болѣе всѣхъ Семенъ Палѣй. Первый поселился въ Корсунѣ [5]), второй въ Богуславѣ [6]), третій на Подоліи, въ Брацлавѣ [7]), четвертый въ бывшемъ Бѣлоцерковскомъ полку, въ мѣстечкѣ Хвастовѣ [8]), которое принадлежало прежде католическому епископу и королемъ Яномъ Собѣскимъ уступлено было Палѣю въ видахъ необходимости козацкой силы на время веденія войны съ бусурманами [9]). Эти полковники и другіе, которые менѣе были извѣстны, стали привлекать въ украинскія пустыни жителей не только изъ южнорусскаго края,

[1]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. II, стр. 94 и 97.

[2]) Ibid., стр. 45.

[3]) Ibid., стр. 78, 83, 118 и 177.

[4]) Ibid., стр. 71, 96 и 142.

[5]) Нынѣ мѣст. Каневскаго уѣзда при р. Роси.

[6]) Нынѣ мѣст. Канев. уѣзда при р. Роси.

[7]) Нынѣ уѣздн. гор. Подольск. губ. при р. Бугѣ.

[8]) Нынѣ мѣст. Васильков. уѣзда при р Упавѣ.

[9]) *Otwinowski*: „Dzieje panowania Aug II“, str 15.

подчиненнаго Польшѣ, но изъ Молдавіи и болѣе всего изъ лѣвобережной Украины. Украина правобережная, откуда еще такъ недавно уходили громадами жители, спасаясь отъ татарской, турецкой и лядской неволи, опять становилась обѣтованною страною вольности. Современникъ уже въ 1692 году называетъ тамощніе козацкіе полки многолюдными [1]). Во всѣхъ этихъ полкахъ зародилось и утверждалось одинакое стремленіе—освободить южнорусскій народъ отъ польской власти, обратить панскихъ хлоповъ въ вольныхъ козаковъ и присоединить правобережную Украину по прежнему къ Московской державѣ. Самый дѣятельный и болѣе вѣрный народному духу изъ полковниковъ былъ Семенъ Филипповичъ Палѣй и потому пріобрѣлъ народную любовь. О происхожденіи его извѣстно, что онъ былъ родомъ изъ Борзны отъ предковъ козацкаго званія. Фамильное прозвище его было Гуркò. Былъ у него братъ Ѳедоръ, владѣвшій наслѣдственною землею близъ гор. Борзны [2]). Въ Батуринѣ у него съ братомъ былъ общій домъ. Получивши хорошее по тому времени образованіе (вѣроятно, въ Кіевской коллегіи), онъ былъ записанъ въ «компутъ» Нѣжинскаго полка, потомъ ушелъ въ Запорожье и тамъ-то прозванъ былъ Палѣемъ (т. е. сожигателемъ) за свои военные подвиги. Въ нашемъ сочиненіи «Руина» мы уже упоминали объ этой личности. Во время пребыванія въ Сѣчѣ онъ пріобрѣлъ большое къ себѣ уваженіе. Изъ Сѣчи Палѣй-Гуркò поступилъ въ службу польскаго короля Яна III-го именно въ то время, когда король легально возстановлялъ козачество въ правобережной Украинѣ. Палѣй былъ уже прежде женатъ и имѣлъ дочь, которая еще въ 1677 году вышла за Танскаго, впослѣдствіи, лѣтъ черезъ двадцать, сдѣлавшагося полковникомъ бѣлоцерковскимъ, а

[1]) *Ambr. Grabowski* „Starożyt. Polskie", II, 532.

[2]) Изъ семейнаго архива Николая Никол. Забѣлы въ Красномъ-Колединѣ, Конотоп. уѣзда.

потомъ кіевскимъ. Установившись въ Хвастовѣ съ королевскаго дозволенія, Палѣй по кончинѣ жены своей въ другой разъ женился на какой-то вдовѣ, о которой мы знаемъ, что она была сестра козака Саввы и мать сына отъ перваго брака, Симашка. Оба—и шуринъ, и пасынокъ Палѣя—во все продолженіе дѣятельности послѣдняго были его вѣрными и неизмѣнными товарищами [1]). Какъ только Палѣй кликнулъ кличъ на слободы, такъ и повалилъ къ нему съ разныхъ сторонъ южнорусскій народъ. «Я нашелъ здѣсь край опустѣлый,—писалъ онъ въ 1694 году Мазепѣ,—и работалъ около Хвастова, какъ около своего хозяйства; обширныя поля засѣялись хлѣбами, умножились жители, да не такъ изъ польскихъ панскихъ подданныхъ, какъ съ береговъ Днѣпра, изъ Войска Запорожскаго и изъ Волошскаго края; и церкви Божіи на славу имени Божія я построилъ и украсилъ» [2]). Священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, ѣздившій изъ Великороссіи въ Святую землю на богомолье черезъ малороссійскій край, оставилъ любопытныя черты о Хвастовѣ въ то время, когда тамъ правилъ Палѣй. Отъ Бѣлогородки, принадлежавшей кіевскому Софійскому собору, дорога до Хвастова шла пустымъ лѣсомъ. На ней не было селеній. Городокъ Хвастовъ стоялъ на горѣ; вокругъ всего жилья въ немъ былъ высыпанъ земляной валъ, а по верху его шелъ деревянный острогъ. Путешественнику городъ Хвастовъ показался крѣпокъ не строеніемъ, а людьми («сидѣльцами крѣпокъ»). Въ его земляномъ валѣ путешественникъ замѣтилъ нѣсколько воротъ; въ каждыхъ воротахъ выкопаны были ямы, выстланныя соломою: «тамъ,—говоритъ очевидецъ,—лежала палѣевщина (т. е. Палѣевы козаки), человѣкъ по двадцати и по тридцати въ каждыхъ воротахъ; — они голы что бубны, безъ рубахъ, наги и

[1]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. II, Предисловіе, стр. 64.
[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники, мартъ 1694 г.

страшны зѣло, а за ними въ ворота нельзя ни съ чѣмъ проѣхать изъ селъ: дрова ли, солому, сѣно... съ чѣмъ бы ни ѣхали, — они все рвутъ, что собаки». Простоявши съ полъ-дня въ Хвастовѣ, путешественники ѣхали далѣе, ночевали въ Палѣевомъ селѣ Мироновкѣ, а на утро пріѣхали въ городъ Паволочъ [1]), также входившій въ тогдашнее владѣніе Палѣя и бывшій порубежнымъ его городомъ. Путешественники прибыли туда въ заговѣнье передъ масляницей: въ этотъ день отправлялось тамъ множество свадебъ. Тутъ встрѣтили они толпу Палѣевыхъ козаковъ, которые, какъ только увидали проѣзжихъ москалей, бросились смотрѣть на нихъ. «Обступили насъ какъ есть около медвѣдя. Все голыдьба безпорточная, на иномъ и клока рубахи нѣтъ, страшны зѣло, черны что арапы и лихи что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ втрое, что такихъ уродовъ мы отъ роду не видали» [2]). Путешественникъ изображаетъ палѣевцевъ нищими; между тѣмъ по всѣмъ современнымъ извѣстіямъ оказывается, что въ Палѣевомъ владѣніи было изобиліе; да и самъ тотъ же путешественникъ въ своемъ описаніи выражается: «Харчъ въ Хвастовѣ всякая дешева, кажется дешевле кіевскаго».

Оставивши Паволочь, набравши тамъ на дорогу для себя всякаго съѣстнаго, а для лошадей овса и сѣна, путники пустились на пять дней въ «печальное и унылое путное шествіе» по пустынѣ, гдѣ не встрѣтили ни городка, ни села вплоть до полуразореннаго Немирова. Тамъ снова запаслись они припасами, которые тамъ уже были дороже, чѣмъ въ Хвастовѣ, и опять пустились другою пустынею до Сороки, гдѣ уже начинались турецкія владѣнія. На возвратномъ пути изъ Святыхъ мѣстъ, тотъ же Іоаннъ

[1]) Нынѣ мѣст. Сквирскаго уѣзда при р. Раставицѣ.

[2]) *Рус. Арх.* 1863 г., стр. 155.

Лукьяновъ съ бывшими при немъ богомольцами ѣхалъ черезъ Немировъ по украинской пустынѣ до Палѣева владѣнія въ купеческомъ караванѣ, возвращавшемся изъ Турціи въ Московское государство. Турки провожали путешественниковъ и говорили, что они проводили бы ихъ до Кіева, но боятся Палѣя: онъ ихъ не выпуститъ, а побьетъ. «Развѣ Палѣй своевольный у государя своего?» —спросили русскіе турокъ. Турки отвѣчали: «У насъ про него ходитъ страшно-грозная слава и мы никого такъ не боимся, какъ его»! [1]). Добрались до Паволочи. Находившійся тамъ наказной Палѣевъ полковникъ, услышавши о приближеніи каравана, приказалъ ударить въ бубны и литавры. По такому сигналу, подчиненные ему козаки-палѣевцы осѣдлали коней и выѣхали въ поле со знаменами. «Было ихъ,—говоритъ священникъ,—человѣкъ триста и выскакивали они изъ кустовъ словно зайцы, кучками человѣкъ въ 20 и 30, стали гарцовать на коняхъ, бросать копья, пускать стрѣлы изъ луковъ, стрѣлять изъ пистолетовъ, а турки, провожавшіе караванъ, какъ увидали палѣевщину, такъ и стали ни живы, ни мертвы». Полковникъ подъѣхалъ къ купцамъ и всѣхъ ихъ привѣтствовалъ, а купцы угощали козаковъ водкою. Караванъ остановился таборомъ за городомъ, въ полѣ, и полковникъ прислалъ туда овса, всякаго съѣстнаго и меду. Турки далѣе Паволочи не стали провожать путешественниковъ; охрану ихъ приняли теперь на себя палѣевскіе козаки. Когда путешественники прибыли въ Хвастовъ, Палѣя тамъ не было; онъ уѣзжалъ въ Кіевъ, а вмѣсто него управляла тогда всѣмъ полкомъ его жена. Она выслала навстрѣчу за пять верстъ путникамъ пятьсотъ конныхъ козаковъ, а когда караванъ сталъ таборомъ въ полѣ, прислала туда говядины, калачей и вина. Путешественники пробыли въ

[1]) Ibid., стр. 327

Хвастовѣ цѣлый день. Палѣева жена звала купцовъ къ себѣ на обѣдъ и говорила: «Зачѣмъ вы до насъ турокъ не довели? Пусть бы они узнали, каковъ мой господинъ Палѣй, и я знала бы какъ ихъ угостить! Жаль, что безъ почести гостей отпустили! Я бы имъ дала назадъ провожатыхъ человѣкъ пятьсотъ черезъ лядскую землю». Изъ Хвастова два дня до Кіева провожали путешественниковъ палѣевцы [1]).

Это драгоцѣнное описаніе современника и очевидца представляетъ живо бытъ козаковъ въ правобережной Украинѣ. Поразителенъ, между прочимъ, этотъ семейный порядокъ общественной жизни, при которомъ въ отсутствіи полковника всѣмъ его полкомъ управляетъ оставшаяся дома жена, словно домашнимъ хозяйствомъ.

Въ первые годы заселенія Украины козаками они вѣрны были цѣли, съ которою Янъ Собѣскій предпринялъ возстановленіе козачества въ краѣ, подвластномъ Рѣчи Посполитой: козаки безпрестанно предпринимали военные походы противъ бусурманъ и особенно славился ими Палѣй. Онъ, говоритъ малорусскій лѣтописецъ [2]), не только не допускалъ татаръ опустошать польскихъ и русскихъ предѣловъ, но самъ ходилъ и посылалъ своихъ козаковъ въ Буджацкую орду разорять татарскія села: не одинъ разъ доставалось отъ нихъ Очакову. Не разъ крымскіе и бѣлогородскіе салтаны, при содѣйствіи турецкихъ янычаровъ, наступали на Палѣя съ своими ордами и даже подходили подъ самый Хвастовъ, но Палѣй всегда счастливо побѣждалъ ихъ и отгонялъ; онъ взялъ въ полонъ одного салтана. Постоянный борецъ противъ мусульманъ, Палѣй, однако, не чуждался и дружественныхъ сношеній съ ними, когда они сами къ нему дружелюбно обращались; такъ

[1]) Ibid., стр. 330.

[2]) „Лѣтоп. Грабянки“, стр. 239 и 240.

однажды пріѣзжалъ къ нему изъ Буджацкой орды ага съ подарками—сѣдломъ, лукомъ и стрѣлами [1]). Были между татарами у него даже родные: его сестра была когда-то взята въ полонъ и стала женою татарина, а ея сынъ Чора-мурза, будучи мусульманиномъ, пріѣзжалъ въ Хвастовъ гостить къ дядѣ.

Заселялась Украина, умножалось войско козацкое и Палѣй разставлялъ своихъ козаковъ на жительство по Полѣсью въ маетностяхъ не только королевскихъ, но и духовныхъ лицъ и наслѣдственныхъ шляхетскихъ. Такъ какъ козаки считались королевскимъ войскомъ и не получали опредѣленнаго жалованья, то собирали съ жителей въ свою пользу «борошно»: подъ этимъ словомъ разумѣлась тогда не одна хлѣбная мука, какъ теперь понимаютъ это слово, но также деньги, возы съ лошадьми и всякія хозяйственныя орудія,—однимъ словомъ все, въ чемъ козаки могли нуждаться для своего содержанія [2]). Палѣй становился словно удѣльный владѣтель въ своемъ полку, а разстановка въ чужихъ маетностяхъ козаковъ вела къ тому, чтобы современемъ сколько возможно больше расширить территорію этого полка и распространить козачество, передавъ ему надъ краемъ господство, принадлежавшее польскому шляхетству. Другіе козацкіе полковники, какъ Искра, Самусь, Абазынъ, также старались объ умноженіи народонаселенія пришельцами и о расширеніи козачества. Абазынъ именовался полковникомъ подольскимъ и при его стараніяхъ населялась опустѣвшая Брацлавщина, возникали села за селами около Немирова, Винницы, Илинецъ, Брацлава. Заселялась и Поднѣстровщина. Стекались на новоселье пришельцы изъ Молдавіи и лѣвобережной Украины, а равно изъ Волыни и Черво-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1699 г., № 37 и 39.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, Предисловіе, стр. 50.

ной Руси [1]). Всѣ новосельцы дѣлались вольными козаками и устроивались по козацкому порядку въ сотни [2]). Подобнымъ же способомъ наполнялись полки Искры и Самуся, по выраженію поляковъ—«гультайствомъ» (бродягами), и всѣ за-одно держались палѣевщины [3]).

До 1688 года у новозаселявшихъ правобережную Украину не было открытыхъ столкновеній съ поляками, хотя они, какъ малороссіяне, по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ, не любили ихъ. Но въ 1688 году Палѣй обратился черезъ гетмана Мазепу съ просьбою къ царю принять подъ свою высокую руку всю Бѣлоцерковщину и Хвастовщину и причислить къ регименту Войска Запорожскаго. Это значило, что правобережное козачество начинаетъ гласно заявлять то, что́ у него было въ мысли. Московское правительство не могло рѣшиться на такое дѣло, которое повлекло бы за собою разрывъ съ Польшею послѣ недавно установленнаго мира. Палѣй получилъ отвѣтъ, что невозможно исполнить того, чего онъ проситъ; но если онъ самъ своею особою и другіе вмѣстѣ съ нимъ пожелаютъ поступить подъ царскую руку, то пусть идутъ въ Запорожье, а изъ Запорожья вольно будетъ имъ перейти въ малороссійскіе города. Само собою разумѣется, что такое дозволеніе не соглашалось съ желаніями Палѣя: оно касалось только отдѣльныхъ лицъ, а Палѣй думалъ передать все правобережное козачество съ его краемъ подъ единую власть царя и подъ управленіе единаго козацкаго гетмана. Палѣй замышлялъ поссорить Россію съ Польшею; это показываетъ письмо его къ царскому воеводѣ въ Кіевѣ, гдѣ сообщается, будто у польскаго короля заключенъ съ бусурманами тайный договоръ во вредъ Русской державѣ [4])

[1]) Ibid., ч. III, т. II, стр. 459 и 530.

[2]) Ibid., Предисловіе, стр. 61. стр. 449.

[3]) *Ambr. Grabowski*: „Starożyt. Pol.“, II, 532.

[4]) Арх. Юст. кн. 62, октябрь 1688 г.

Неизвѣстно, открытыя ли поляками покушенія Палѣя отторгнуть отъ Рѣчи Посполитой правобережную Украину, или козацкія нападенія на шляхетскія усадьбы были причиною, только Палѣй былъ гдѣ-то схваченъ поляками и посаженъ въ тюрьму въ Немировѣ. Но онъ потомъ скоро освободился. Между тѣмъ, во время его сидѣнія въ тюрьмѣ, Хвастовъ—гнѣздо палѣевцевъ—былъ захваченъ поляками, и такъ какъ онъ издавна уже считался маетностію католическаго епископа, то нахлынули туда ксендзы и хотѣли обращать православныя церкви въ унитскія,—какъ вдругъ воротился освободившійся изъ неволи Палѣй, выгналъ ихъ и какъ говорятъ, нѣкоторымъ упрямымъ приказалъ отрубить головы [1]). 22 декабря 1688 года палѣевскіе сотники Андрущенко и Тышко съ 500 козаковъ напали на маетность пана Өедоровича Иванковъ: козаки повыгоняли изъ домовъ и поколотили панскихъ слугъ, набрали не мало серебра, мѣди, платья, оружія и всякой домашней рухляди, пять дней хозяйствовали въ панской усадьбѣ; напослѣдокъ, насмѣхаясь надъ польскими обычаями, въ первый день праздника Рождества Христова выволокли на мостъ дохлую свинью и говорили: «нехай ляхи зъѣдять, буде имъ на всѣ святки» [2]).

Вскорѣ въ 1689 году Палѣй писалъ Мазепѣ, что польскій король прощаетъ его проступки и убѣждаетъ оставаться въ послушаніи ему и Рѣчи Посполитой, обѣщая свои милости, но онъ, Палѣй, съ своими козаками ни за что не хочетъ быть подъ властію польскихъ пановъ; всѣ козаки того только и желаютъ, чтобы находиться подъ властію великаго государя. Палѣй просилъ дать совѣтъ, какъ ему поступить, когда на Хвастовъ нахлынутъ польскія хоругви: бѣжать ли ему въ Кіевъ подъ защиту цар-

[1]) *Соловьевъ*: „Ист. Россіи“, т. IV, стр. 174.—Неизвѣстно откуда почерпнуто это извѣстіе.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 184.

ской власти, или обороняться, ожидая отъ царя помощи? Гетманъ Мазепа съ своей стороны совѣтовалъ московскому правительству принять Палѣя и указывалъ на запустѣлый городокъ Триполье, вошедшій по мирному договору въ черту царскихъ владѣній на правой сторонѣ Днѣпра: тамъ, казалось, возможно было поселить Палѣя съ его полчанами, не безъ выгоды для государства въ видахъ обороны Кіеву. Но изъ Москвы полученъ былъ отвѣтъ въ прежнемъ смыслѣ: никакъ нельзя принимать Палѣя съ его полкомъ, а можно принять его самого, если придетъ прежде на Запорожье, а потомъ перейдетъ въ малороссійскіе городы [1]).

Послѣ того Палѣй, не смотря на два царскихъ отказа принять его, усердно помогалъ русскимъ въ войнѣ съ бусурманами. Въ 1690 году Палѣй, какъ хорошій знатокъ мѣстностей въ низовьяхъ, руководилъ посланнымъ отъ Мазепы козацкимъ отрядомъ и съ нимъ вмѣстѣ счастливо совершилъ военный походъ подъ Кизикермень [2]) [3]).

Въ 1692 году отношенія Палѣя къ полякамъ стали непріязненнѣе. Это показываетъ своебразное письмо къ Палѣю пана Дружкевича, поставленнаго отъ Рѣчи Посполитой въ званіи комиссара наблюдать надъ козаками: «Изъ ада родомъ сынъ немилостивый! Ты отрекаешься отъ поддансства королю, ты смѣешь называться полковникомъ отъ руки царскаго величества, ты твердишь, будто граница тебѣ указана по Случъ, ты грозишь разорить польскія владѣнія по Вислу и за Вислою. Смѣху достойны твои угрозы! Помнишь ли, какъ ты когда-то пришелъ ко мнѣ въ первый разъ въ короткой сермяжкѣ, заплатанной полотномъ, а нынѣ ты выше рта носъ дерешь! Король

[1]) Арх. Юст. кн. 62, л. 125.

[2]) Акты Западн. Россіи, т. V, стр. 240.

[3]) Охочо походъ подъ Кизикермень отправили, промыслъ чинили и зъ непріятелями бусурманы отправовали бой.

тебя такъ накормилъ хлѣбомъ, что онъ у тебя изо рта вонъ лѣзетъ! Учинившись господиномъ въ Хвастовѣ, въ королевской землѣ, ты зазнался, Полѣсье разграбилъ, да еще обѣщаешь наѣздомъ идти на наши города! Смотри, будемъ бить какъ непріятеля [1])!» Послѣ такихъ угрозъ Палѣй опять обратился къ Мазепѣ съ просьбою ходатайствовать за него передъ царемъ и гетманъ снова представительствовалъ за него, изображая его человѣкомъ искренно преданнымъ царю. Чтобъ успокоить опасенія московской власти стать въ неловкое отношеніе къ полякамъ, гетманъ писалъ въ Приказъ: «Изъ поступковъ польской стороны видно, что она не боится нарушать мирнаго договора, когда принимаетъ къ себѣ изъ подъ высокодержавной царской руки запорожцевъ: прошлаго года 700 ихъ пошло въ Немировъ съ атаманомъ Гладкимъ, а потомъ еще 400 человѣкъ принято въ королевскую службу» [2]). Но московское правительство твердило все то же, что уже прежде отвѣчало по поводу Палѣя. Въ декабрѣ того же года Палѣй писалъ гетману, что поляки грозятъ разгонять изъ становищъ въ Полѣсьѣ людей Палѣева полка, а татарскіе мурзы обѣщаютъ ему 40.000 орды на помощь, если онъ признаетъ надъ собою верховную власть крымскаго хана; но онъ, Палѣй, предпочитаетъ быть подъ властію православнаго государя. Снова гетманъ ходатайствовалъ за Палѣя. «Если, — выражался онъ въ своемъ донесеніи въ Приказъ, — теперь Палѣю помощи не подать, то какъ бы онъ въ крайнемъ положеніи не обратился къ бусурманамъ, и оттого будетъ больше бѣды, чѣмъ отъ какого нибудь Стецика Ягорлыцкаго, назначеннаго гетманомъ съ татарской руки на правой сторонѣ Днѣпра, или отъ проклятаго Петрика. Палѣй между

[1]) Арх. Юст. кн. 66, л. 434.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1692 г. № 24.

военными людьми имѣетъ большую честь и за нимъ пойдутъ многіе. Хотя царское величество и указываетъ ему способъ перейти подъ государеву руку, но онъ тѣмъ не удовольствуется: онъ хочетъ удержать при себѣ всѣхъ людей, которые теперь у него подъ властью, а въ Хвастовщинѣ у него поселилось тысячи три хатъ и городъ Хвастовъ онъ хочетъ удержать за собою, потому что онъ его устроилъ и укрѣпилъ». Мазепа совѣтовалъ снестись съ польскимъ правительствомъ и попытаться устроить дѣло такъ, чтобы можно было принять Палѣя [1]). Но московское правительство оставалось съ своимъ прежнимъ рѣшеніемъ и строго указывало гетману не вмѣшиваться въ междоусобія, возникшія у Палѣя съ поляками [2]).

Въ слѣдующемъ 1693 году Палѣй, вмѣстѣ съ высланными гетманомъ козаками, одержалъ надъ татарами побѣду на рѣкѣ Кодымѣ [3]) и за это получилъ отъ царя награду [4]). Но вслѣдъ за тѣмъ у него съ поляками возникло очень крупное недоразумѣніе. Козаки дѣлали нападенія на шляхетскія волости и переманивали панскихъ подданныхъ въ козаки [5]). Въ отмщеніе за то коронный гетманъ написалъ Палѣю грозное письмо, упрекая его въ разныхъ безобразіяхъ, а всѣдъ за тѣмъ преемникъ Дружкевича, региментарь полякъ Вильга, наблюдавшій надъ козаками, предпринялъ походъ на Хвастовщину съ польскими хоругвями и съ козаками, вѣрными Рѣчи Посполитой, подъ начальствомъ своихъ полковниковъ Искрицкаго и Яремы Гладкаго. Они напали разомъ на нѣсколько мѣстъ Палѣева владѣнія въ одинъ день 29 декабря. Но палѣевцы отстояли себя и тогда отличился храбростію и

1) Ibid., № 25.
2) Арх. Юст. кн. 70, л. 382.
3) Арх. Ин Дѣлъ 1693 г., № 64.
4) Ibid. № 79.
5). Арх. Юго-Зап. Россіи. ч. III, т, II, стр. 185—196 и 284.

распорядительностью шуринъ Палѣевъ, Савва [1]). Вильга думалъ было, что жители, поселившіеся въ Хвастовщинѣ, въ страхѣ предъ поляками отступятъ отъ Палѣя и сами отдадутъ его полякамъ въ руки [2]). Но Вильга ошибся въ своемъ ожиданіи и оставилъ намѣреніе добывать въ руки Палѣя или выгонять его изъ Хвастова, а Палѣй въ мартѣ 1694 года самъ пріѣхалъ къ гетману Мазепѣ и старался убѣдить его, какъ полезно будетъ для царской державы принять его въ подданство съ Хвастовщиною. Гетманъ угощалъ Палѣя, дарилъ изъ собственныхъ средствъ и изъ войсковаго скарба, но, ссылаясь на нежеланіе царя принимать его въ подданство и тѣмъ нарушать миръ съ Польшею, совѣтовалъ Палѣю не раздражать польскаго корсля. «Ну, такъ я, — сказалъ Палѣй Мазепѣ,—присягну въ вѣрности королю, отпущу плѣнныхъ жолнѣровъ польскихъ, какіе у меня есть, не отрекаюсь и пѣхоту посылать королю, когда велитъ. Но изъ Хвастова ни за что не выйду, какъ того ляхи хотятъ, *а якъ станутъ силно наступати, то хочъ бы завчасу до якого запустѣлаго города мавъ я прихилитися*» [3]). И дѣйствительно, воротившись отъ гетмана безъ надежды получить пособіе изъ лѣвобережной Украины, Палѣй послалъ къ королю какого-то Напугу съ жалобою на то, что поляки хотѣли его выгнать изъ Хвастовщины и вмѣстѣ съ тѣмъ же Напугою отправилъ королю плѣнныхъ татаръ, какъ трофеи своей недавней побѣды надъ невѣрными. Король въ письмѣ своемъ похвалилъ Палѣя за подвиги противъ бусурманъ и извѣстилъ, что пошлетъ къ коронному гетману приказъ наградить козаковъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ походѣ, и даровать полку Палѣя безопасное пребываніе. Такимъ образомъ между

[1]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 132.

[2]) Ibid., стр. 225.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ 1694 г., мартъ. Подлинники.

Палѣемъ и польскимъ королемъ возстановилось, повидимому, согласіе. Самъ коронный гетманъ обращался къ Палѣю ласково [1]).

Пока продолжалась война съ турками, польская власть нуждалась въ козакахъ, какъ въ военномъ сословіи, и потому должна была смотрѣть сквозь пальцы на ихъ явное стремленіе освободить народъ отъ панской власти. Но съ прекращеніемъ этой войны полякамъ нечего было мирволить козачеству и они стали явно признавать его положительно вреднымъ для своего шляхетскаго строя общества. Уже въ теченіи нѣскольких лѣтъ совершались въ Украинѣ одно за другимъ событія, не оставлявшія сомнѣнія, что съ возстановленіемъ козачества неизбѣжно возобновленіе страшной борьбы южнорусскаго народа съ поляками. Вотъ, напримѣръ, въ имѣніи пана Стецкаго, рабочій подданный Прокопъ, подманивши 200 человѣкъ палѣевыхъ козаковъ, навелъ ихъ на усадьбу своего пана; козаки распорядились по-своему панскимъ добромъ, поколотили вѣрнаго панскаго урядника, а Прокопъ кричалъ такія знаменательныя слова: «за Вислу ляхивъ прогнати, щобъ ихъ тутъ и нога не постала [2])!» Замѣчательно, что тогда козакамъ, въ ихъ борьбѣ съ шляхетствомъ, содѣйствовали болѣе всего сами же поляки. Лица шляхетскаго званія пользовались козаками въ своихъ постоянныхъ ссорахъ и наѣздахъ между собою и оттого часто въ жалобахъ на своевольство козаковъ указываются имена людей шляхетскаго происхожденія, руководившихъ козацкими своевольствами [3]). При такихъ наѣздахъ козаки угоняли панскій скотъ, грабили домашнее хозяйство у помѣщиковъ, надѣляли побоями лицъ шляхетскаго званія съ цѣлью вымучить у нихъ деньги, истреб-

[1]) „Лѣт. Величка“, т. III, стр. 256—260.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 284.

[3]) Ibid., стр. 293, 307, 315, 317, 324, 330, 338 и 343.

ляли владѣльческіе документы на право владѣнія маетностями. Иногда козаки дѣлали очень рѣзкія выходки противу поляковъ, показывавшія сильную вражду и желаніе разорваться съ ляхами. На козацкаго полковника Кутискаго-Барабаша послѣдовала коллективная жалоба отъ всего шляхетства кіевскаго воеводства въ томъ, что онъ разставлялъ своихъ козаковъ во владѣльческихъ маетностяхъ и отягощалъ ихъ сборомъ «борошна». Коронный гетманъ отправилъ къ нему посланцевъ изъ владѣльцевъ съ выговоромъ, а Кутискій-Барабашъ посадилъ ихъ въ тюрьму, морилъ голодомъ и съ гнѣвомъ выразился такъ: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король—царь турецкій, а гетманъ—господарь волоскій,—бо треба тое вѣдати: где Барабашъ, тамъ ничого не машъ» [1]). Подобную же выходку встрѣчаемъ мы въ 1697 году во время бывшаго въ Польшѣ безкоролевія по кончинѣ короля Яна III: сотникъ Палѣева полка Цвѣль съ своими козаками напалъ на каптурового [2]) судью Сурина, ѣздившаго для исполненія своей судебной обязанности въ село Калиновку. Козаки, встрѣтивши его на дорогѣ, закричали: «Бійте ляхивъ, бійте! Нехай не ѣздють на суды; тутъ нашъ козацкій судъ»! Съ такими словами козаки поколотили и самого господина, сидѣвшаго въ коляскѣ, и его прислугу, забрали у него деньги, оружіе, вещи, съѣстные запасы, а всѣ судебные документы повыбрасывали и истребили [3]).

При королѣ Августѣ II, тотчасъ послѣ примиренія съ Турціей, въ 1699 году, въ Польшѣ собранъ былъ «примирительный» сеймъ, названный такъ потому, что былъ созванъ съ цѣлью утвердить мирный договоръ съ Турціею.

[1]) Ibid., стр. 313. 315 и 318.

[2]) Въ Польшѣ на время безкоролевья упразднялись прежніе суды и учреждались временные, имѣвшіе силу до избранія новаго короля и называемые каптуровыми.

[3]) Ibid., стр. 356 и 360.

На этомъ сеймѣ было постановлено распустить войско и уничтожить козачество, такъ какъ возстановленіе его при покойномъ королѣ Янѣ III было предпринято только съ временною цѣлью въ виду войны съ турками. Палѣй владѣлъ Хвастовомъ съ королевскаго дозволенія, но теперь Рѣчь Посполитая въ его услугахъ уже не нуждалась и опасно было,—говоритъ полякъ-современникъ,—держать въ сосѣдствѣ этого хлопа, который не только никогда не слушалъ гетманскихъ ордонансовъ, но захватилъ имѣнія разныхъ пановъ вблизи Хвастова и обратилъ ихъ въ помѣщеніе своимъ козакамъ, такъ что развѣ только самые великіе паны могли брать какіе нибудь доходы съ своихъ маетностей [1]). Въ подтвержденіе этому извѣстію можно указать на многія въ 1699 году жалобы владѣльцевъ на то, что, по причинѣ занимаемыхъ козаками становищъ и неповиновенія собственныхъ подданныхъ, подстрекаемыхъ козаками, владѣльцы не получали съ своихъ маетностей никакихъ доходовъ [2]).

Въ исполненіе сеймоваго постановленія, коронный гетманъ издалъ универсалъ, обращенный къ полковникамъ: Самусю (носившему у поляковъ званіе наказнаго гетмана), Палѣю, Искрѣ, Абазыну, Барабашу и вообще ко всѣмъ козакамъ. Онъ извѣщалъ ихъ всѣхъ, что сеймъ Рѣчи Посполитой постановилъ распустить козацкое войско, отнынѣ всякая козацкая служба прекращается и козаки теряютъ уже право занимать становища въ чьихъ бы то ни было маетностяхъ: королевскихъ, духовныхъ или шляхетскихъ,—всѣ тамъ находящіеся должны выбраться оттуда, иначе будутъ признаны своевольными и непослушными ватагами и онъ, коронный гетманъ, прикажетъ истреблять ихъ какъ непріятелей: для этой цѣли снаряжаетъ онъ нѣ-

1) *Otwinowski*: „Dzieje panow. króla Aug. II“, стр. 15.

2) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 365—368, 370—372 и 374.

сколько хоругвей и пѣшихъ полковъ [1]). По извѣстію современнаго историка, католическій епископъ прислалъ къ Палѣю двухъ ксендзовъ въ качествѣ своихъ комиссаровъ требовать возвращенія маетности. Палѣй этихъ ксендзовъ посадилъ въ тюрьму, потомъ выгналъ прочь и отвѣчалъ: «я не выйду изъ Хвастова; я основалъ его въ свободной козацкой Украинѣ; Рѣчи Посполитой до этого дѣла нѣтъ, я же настоящій козакъ и гетманъ козацкаго народа» [2]). Тогда коронный гетманъ, какъ разсказываетъ тотъ же современный историкъ, замыслилъ усмирить грубаго хлопа, не раздувая большаго огня, и далъ порученіе схватить Палѣя генералу Брандту, стоявшему со ввѣреннымъ ему отрядомъ войска въ Бѣлой-Церкви. Брандтъ устроилъ такъ порученное ему дѣло: онъ отобралъ нѣсколько десятковъ человѣкъ и приказалъ имъ притаиться въ лѣсу недалеко отъ Палѣевыхъ пасѣкъ, а въ Хвастовъ къ Палѣю послалъ іудея, который прежде часто велъ торговыя сношенія съ Палѣемъ. Іудей на этотъ разъ долженъ былъ прикинуться, будто пріѣхалъ покупать медъ, и этимъ способомъ вытащить Палѣя къ пасѣкамъ. Но Палѣй былъ тогда пьянъ и самъ не поѣхалъ, а послалъ съ іудеемъ своего пасынка Симашка. Симашко былъ уже на четверть мили отъ города, какъ одинъ пасѣчникъ даетъ знать Палѣю, что близъ пасѣки въ лѣсу явились какіе-то люди и стоятъ закрывши себя и лошадей своихъ древесными вѣтвями. Палѣй послалъ въ догонку извѣстить о томъ пасынка. Симашко тотчасъ убилъ въ полѣ іудея, съ которымъ ѣхалъ, вернулся въ Хвастовъ, собралъ отрядъ конныхъ козаковъ, пошелъ съ нимъ на засаду и уничтожилъ ее.

Послѣ того уже въ слѣдующемъ году, какъ это видно

[1]) Ibid., стр. 369.

[2]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II“, стр. 15.

изъ современныхъ актовъ [1]), коронный гетманъ Яблоновскій послалъ подъ Хвастовъ региментаря Цинскаго съ четырьмя тысячами польскаго войска. Но Палѣй заранѣе провѣдалъ о намѣреніяхъ поляковъ, созвалъ со всей своей Хвастовщины обывателей съ женами и дѣтьми въ городъ и приказалъ около стараго города построить «зáгороду», куда велѣлъ свезти сѣна и хлѣба и сложить въ скирты [2]) [3]), намѣреваясь обороняться хотя бы и долгое время. Когда польское кварцяное войско приблизилось, подполковникъ Гольцъ выступилъ изъ него впередъ съ 200 гренадеровъ, ночью подошелъ къ загородѣ и пустилъ гранаты въ скирты сѣна и хлѣба. Сдѣлался пожаръ, во время котораго сгорѣло нѣсколько козаковъ. По извѣстію польскаго современника [4]), Палѣй отдѣлался отъ короннаго гетмана тѣмъ, что прислалъ ему нѣсколько боченковъ съ деньгами; тогда поляки отошли и расположились на зимовыхъ квартиракъ въ мѣстечкахъ и селахъ около Хвастова, а потомъ скоро совсѣмъ удалились оттуда. Малороссійскіе лѣтописцы представляютъ это дѣло иначе: они говорятъ, что Палѣй, ожидая нашествія польской военной силы на Хвастовъ, заранѣе расположилъ своихъ полчанъ въ засадѣ за лѣсомъ, а самъ съ прочими полчанами заперся въ городѣ. Стоявшіе въ засадѣ ударили на поляковъ въ то время, когда Палѣй напиралъ на нихъ изъ города, и такимъ образомъ они были прогнаны отъ Хвастова [5]). Польскій историкъ говоритъ, что коронный гетманъ, какъ въ то время

[1]) Въ исторіи Отвиновскаго разсказываемое здѣсь событіе отнесено къ 1699 году.

[2]) Рукопись Имп. Публ. библ. Polskie, fol., № 92, л. 9.

[3]) Oprócz zamku w stertach po kilku set maż każdego zboża w jamach miał sobie.

[4]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II“, стр. 16.

[5]) „Лѣт. Грабянки“, стр. 240.—*Симоновскій*: „Крат. опис. о козац. малорос. народѣ“, изд. 1847 г, стр. 118.

подозрѣвали, былъ очень не расположенъ къ затѣямъ короля Августа начинать войну со Швеціею въ союзѣ съ московскимъ государемъ; напротивъ, хотѣлъ, чтобъ, окончивши продолжительную войну съ турками, Рѣчь Посполитая начала бы новую войну съ Московскимъ Государствомъ. Но въ какой степени справедливо судили о коронномъ гетманѣ Яблоновскомъ его соотечественники, объ этомъ узнáется развѣ въ долинѣ Іосафатовой, — замѣчаетъ польскій историкъ [1]). Изъ дѣлъ того времени видно, что польскіе жолнѣры, возвращаясь изъ-подъ Хвастова, терпѣли отъ русскихъ жителей разныя поруганія и оскорбленія [2]) [3]). Самъ Палѣй,—говоритъ польскій историкъ,—избавившись отъ польскихъ военныхъ силъ, не только не думалъ отдавать полякамъ Хвастова, но продолжалъ захватывать подъ свое владѣніе маетности разныхъ пановъ и разорять шляхетское достояніе [4]). Такъ въ маѣ 1700 года племянникъ Палѣя Чеснокъ съ козаками разорилъ маетность пани Ласковой [5]), а того же года въ октябрѣ палѣевскіе козаки, въ соумышленіи съ нѣкіимъ

[1]) *Otwinowski*: "Dzieje panow. Aug. II„, стр. 16.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. Ш, т. П, стр. 378.

[3]) W roku terazniejszym tysiącznym siedemsetnym dnia siódmego oktobris powracającego z wojskiem z pod Chwastowa i przejeżdżającego przez miasto Łabuń wespół z wielmożnym imc. panem Czaplicem stolnikiem owruckim chorążym tej że chorągwi pomienionej jaśniewielmożnego imc. pana oboznego koronnego i pytającego na przedmieściu o drogę pewnego chłopa na Wołyń jadącego, gdzie juxta suam barbariam rusticam nie tylko drogi ukazać nie chciał, ale tergiversionem na stogu zboża stojąc inhoneste pokazał, a potym słowami niepowściągliwemi karczemnemi, grubjańskiemi protestującego bił i sromocił, a zawoławszy gwałtu na innych sąsiadów na folwarkach w stodołach będących, którzy przypadszy z nim że około ostąpiwszy i z konia zbiwszy kijami cepami po głowie i po różnych ciała miejscach bili, tłukli i kaleczyli, razów sinich spuchłych kijowych nie mało zadali...

[4]) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II", стр. 16.

[5]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 318.

паномъ Самуиломъ Шумлянскимъ, напали вооруженные на маетности пана Олизара, поколотили подстаростъ и урядниковъ, забрали хлѣбъ, стоявшій въ стогахъ, скотъ, лошадей, хозяйственную рухлядь, питье въ полубочкахъ и деньги, поступавшія въ экономію отъ арендаторовъ [1]). Въ слѣдующую затѣмъ зиму панъ Микульскій поссорился съ своею сосѣдкою панею Головинскою, взялъ отъ Палѣя «приповѣдный листъ» для набора своевольныхъ козаковъ и съ этими козаками напалъ на имѣніе Головинской, выгналъ владѣлицу, сжегъ ея усадьбу и разогналъ ея людей [2]).

Дружелюбныя отношенія Палѣя къ гетману Мазепѣ стали охлаждаться. Уже съ 1694 года между ними пробѣжала, какъ говорится, какая-то черная кошка. Мазепа, въ своихъ донесеніяхъ въ Приказъ, замѣчалъ, что Палѣй становится уже не тотъ, какимъ былъ до сихъ поръ, что онъ уже начинаетъ сходиться съ поляками, а отъ него, гетмана, о томъ таится [3]); его собственные полчане говорятъ о немъ, что онъ на двѣ стороны свою службу показываетъ — и полякамъ, и православному царю, притомъ безпрестанно пьетъ [4]). Но наружно Мазепа продолжалъ оказывать дружелюбное вниманіе къ правобережному полковнику и Палѣй пріѣзжалъ къ гетману въ гости на свадьбу его племянника Обидовскаго [5]). Возраставшая слава Палѣя, усиливая любовь къ нему народа, не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ, возбуждала въ гетманѣ тайную досаду и зависть; всѣ малороссіяне видѣли въ Палѣѣ истиннаго козака-богатыря, а на счетъ Мазепы никакъ не могло уничтожиться

[1]) Ibid., стр. 383.
[2]) Ibid., стр. 385.
[3]) Арх. Юст. кн. 69, л. 459.
[4]) Арх. Ин. Дѣлъ. 1697 г., № 91.
[5]) Ibid., 1698 г. январь. Подлинники

предубѣжденіе, что какъ онъ ни прикидывается русскимъ, а все-таки на самомъ дѣлѣ онъ «ляхъ» и пропитанъ насквозь лядскимъ духомъ. Въ такихъ отношеніяхъ находился глава правобережнаго козачества съ малороссійскимъ гетманомъ, когда шляхетство показывало болѣе и болѣе свирѣпаго раздраженія противъ Палѣя и всего козачества.

Въ 1701 году на сеймикѣ волынскаго воеводства обязали отправленныхъ на генеральный сеймъ пословъ добиваться, чтобы гетманъ коронный привелъ въ исполненіе сеймовый декретъ 1699 года объ уничтоженіи козачества, выгналъ бы Палѣя и предалъ бы «инфаміи» всю его старшину [1] [2]. Въ подобномъ враждебномъ козачеству духѣ отозвалось шляхетство кіевскаго воеводства въ ноябрѣ того же года, выразивши въ инструкціи, данной своимъ посламъ на сеймъ, домогательство выгнать Палѣя и уничтожить козачество [3] [4].

Такимъ образомъ шляхетство южнорусскаго края выступило противъ козачества съ рѣшительнымъ намѣреніемъ снести его съ лица той земли, которую Польша считала своимъ достояніемъ. Въ силу такихъ настоятельныхъ требованій шляхетскаго сословія [5] [6], король Августъ II

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 395.

[2]) Aby tego Paleja extra fines patriae collata sibi a respublica potestate rugować raczył, zaciągi extra notitiam władzy hetmańskiej aby znoszone były, starszyzna zaś aby pro infamibus deklarowana była.

[3]) Ibid., стр. 411.

[4]) Aby jak najskuteczniejsze wynalezione byli media jakoby durantibus comitiis constitutia przeszłego sejmu przyszła do ekzekucyej et hoc opprobrium z województwa naszego i z Chwastowa tolletur, czego etiam cum periculo sejmu ich mści panowie posłowie dopilnować mają... doniosą imci panowie posłowie tak ciężkie krzywdy oppressiae laesiones praw i wolnosci naszych od rebellizującego Paleja pochodzące y oraz adhibebunt operam jako by ten buntownik mógł być z województwa naszego wypędzony.

[5]) Ibid., стр, 417.

[6]) Na usilną instancyą od Izby poselskiej do nas wznieconą.

предписалъ Палѣю вывести все козачество изъ воеводствъ кіевскаго и брацлавскаго и распустить конную и пѣшую козацкую милицію. Лѣтомъ 1702 года поляки стали приводить въ исполненіе постановленіе своего сейма и смыслъ королевскаго декрета: владѣтели коронныхъ имѣній и «дѣдичные» паны, въ сопровожденіи вооруженной силы кварцянаго войска и панскихъ отрядовъ, стали наѣзжать на украинскіе городки, домогались изгнанія козаковъ и водворенія шляхетскаго господства въ краѣ.

Тогда началось противъ шляхетства противодѣйствіе со стороны южнорусскаго народа, грозившее возобновленіемъ страшной для пановъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

Первые признаки такого противодѣйствія показались въ Богуславѣ. Самусь, носившій данное ему королемъ Яномъ III званіе наказнаго козацкаго гетмана, прежде жилъ въ Винницѣ; по заключеніи мира съ турками, поляки удалили его оттуда и приказали жить въ Богуславѣ съ званіемъ только полковника, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручили ему быть осадчимъ, т. е. накликать поселенцевъ въ богуславское староство. Теперь вдругъ назначенъ былъ въ Богуславъ подстароста и прибылъ въ этотъ городъ отбирать его подъ свою власть. Самусю съ козаками приказывали уходить прочь. Но въ ту пору въ Богуславѣ у Самуся были: другой козацкій полковникъ Харько Искра и Палѣевъ пасынокъ Симашко. Новый подстароста тотчасъ по своемъ прибытіи сталъ обращаться съ жителями «досадительно». За это его убили, а вслѣдъ за нимъ стали избивать іудеевъ. По примѣру Богуслава, то же стало происходить и въ другихъ украинскихъ мѣстностяхъ. Прогнали и частью перебили шляхтичей и іудеевъ въ Корсунѣ и въ Лисянкѣ, а затѣмъ по новозаводимымъ слободамъ начали изгонять польскихъ осадчихъ, созывавшихъ на жительство поселенцевъ во имя своихъ пановъ. Пасынокъ Палѣя Симашко заохочивалъ народъ къ возстанію.

хотя Палѣй сообщалъ гетману, что Симашко очутился въ возстаніи случайно. Палѣй увѣрялъ, что онъ самъ не радъ тому что́ происходитъ, и просилъ дать совѣтъ, какъ ему поступать. «Не вмѣшивайся въ это дѣло, а сиди смирно, какъ сидѣлъ» [1]), отвѣчалъ ему гетманъ. Съ своей стороны Самусь обращался три раза въ гетману, заявляя, что общее желаніе всѣхъ козаковъ правой стороны Днѣпра — поступить подъ высокую руку царскаго величества и состоять подъ единымъ региментомъ гетмана, признаваемаго царемъ. «Уже изо всѣхъ нашихъ городовъ,— сообщалъ Самусь,—выгнали лядскихъ старостъ, пановъ и жидовъ, а многихъ жидовъ крестили; держится у ляховъ еще одна Бѣлая-Церковь, но всѣ жители оттуда выбѣжали, а остались въ замкѣ служилые поляки; къ нимъ пристали тѣ, что ушли туда изъ Корсуна и Лисянки, да наберется еще человѣкъ пятьдесятъ шляхты: ожидаютъ они себѣ изъ Польши военной помощи, но мы слышимъ, что король со шляхтою не въ любви. Я по неволѣ долженъ былъ обороняться отъ ляховъ: они вѣдь мнѣ смерть задать собрались. Не даютъ ляхи мнѣ при старости укрухъ хлѣба съѣсть. Они хотятъ нашихъ дѣтей въ котлахъ варить» [2]). Самусь объявлялъ, что непремѣнно хочетъ воевать съ ляхами и добывать Бѣлую-Церковь. Онъ умолялъ прислать ему въ помощь какой нибудь полкъ и заранѣе заявлялъ, что если начнутъ ляхи его стѣснять, то ему ничего не остается болѣе, какъ уходить на лѣвый берегъ Днѣпра. Мазепа отвѣчалъ: «Помочи тебѣ не подамъ и безъ царскаго указа тебя не прійму. Безъ моего вѣдома ты началъ, и кончай какъ знаешь по своей волѣ». Въ донесеніи своемъ въ Приказъ Мазепа приводилъ со-

[1]) Жебы до того не втручался, але якъ сидѣлъ тихо, такъ чтобъ и нынѣ скромно и статечне обходился.

[2]) Арх. Юст. кн. 86, л. 768.

ображенія, что Самусь дѣлаетъ это, должно быть, съ чужого подущенія; самъ онъ человѣкъ простой и необразованный и едва ли безъ чужого совѣта додумался бы до этого. «Бунтъ распространяется быстро, — писалъ гетманъ, — уже отъ низовьевъ Днѣстра и Буга по берегамъ этихъ рѣкъ не осталось ни единаго старосты, побили много мѣщанъ—поляковъ и жидовъ, другіе сами бѣгутъ въ глубину Польши и кричатъ, что наступаетъ новая хмельнищина. Впрочемъ, случившаяся на правой сторонѣ Днѣпра смута *принадлежностямъ нашимъ зѣло естъ непротивна*. Пусть господа поляки снова отвѣдаютъ изъ поступка Самусева, что народъ малороссійскій не можетъ уживаться у нихъ въ подданствѣ; пусть поэтому перестанутъ домогаться Кіева и всей Украины».

По царскому указу въ августѣ 1702 года гетманъ приглашалъ Палѣя участвовать съ своими полчанами въ войнѣ противъ шведовъ. Палѣй отвѣчалъ, что радъ бы служить царю, да не смѣетъ выходить, потому что на него собираются польскія военныя силы въ Коростышовѣ, и какъ только онъ выйдетъ, такъ они и Хвастовъ разорятъ, и людей православныхъ перебьютъ. «Всему свѣту извѣстно,— выражался Палѣй,—что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили съ сего свѣта и много христіанъ мечомъ истребили въ нашей достойной слезъ Украинѣ». Палѣй умолялъ гетмана о помощи (о ратунку). Но гетманъ не смѣлъ вмѣшиваться, хотя и писалъ въ Приказъ, что, по его мнѣнію, было бы можно подать Самусю помощь, только тайно. Гетманъ самъ долженъ былъ находиться въ осторожности. Волненіе правобережныхъ козаковъ противъ польскихъ пановъ могло отозваться соотвѣтственно и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ ещо недавно запорожцы съ Петрикомъ возбуждали посполъство противъ своихъ пановъ. Теперь, какъ только на правой сторонѣ Днѣпра пошла расправа съ поляками и іудеями, такъ и на лѣвой,

въ Переяславскомъ полку, стали порываться бить іудеевъ [1]). Бить ляховъ и жидовъ продолжало еще для всего малороссійскаго народа казаться дѣломъ привлекательнымъ; побѣги съ лѣвой стороны Днѣпра на правую увеличивались особенно, когда въ народѣ господствовало нерасположеніе къ московской власти. Мазепа писалъ въ Приказъ: «Всѣ поселяне на меня злобятся; здѣсь, говорятъ, насъ изгубятъ москали и у каждаго мысль уходить за Днѣпръ» [2]).

Шляхта воеводствъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго оповѣстила посполитое рушенье всей своей братіи на усмиреніе козацкаго и хлопскаго возстанія, поднятаго въ Богуславѣ и Корсунѣ съ подущенія Палѣя [3]). Короннаго гетмана главнымъ образомъ просили выгнать Палѣя изъ Хвастова [4]). Посполитое рушенье мѣстнаго шляхетства признавалось на ту пору единственною мѣрою спасенія, потому что польское кварцяное войско отвлекалось внутрь государства для отраженія вторгавшихся шведовъ. Между тѣмъ Самусь двинулся на Бѣлую-Церковь, написалъ гетману Мазепѣ, что хотя замокъ тамъ хорошо укрѣпленъ, но по причинѣ малолюдства не устоитъ противъ него [5]). 7-го сентября, изъ табора подъ Бѣлою-Церковью, Самусь разослалъ ко всѣмъ козацкимъ старшинамъ универсалъ, въ которомъ извѣщалъ, что присягнулъ за весь народъ украинскій быть до смерти вѣрнымъ царскому пресвѣтлому величеству и пребывать въ покорности гетману Мазепѣ, что въ настоящее время онъ съ козацкимъ войскомъ находится подъ городомъ Бѣлою-Церковью противъ непріятелей поляковъ и всѣ съ нимъ единодушно будутъ добиваться, чтобы ляхи съ этихъ поръ ушли навсегда изъ

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 4.

[2]) Арх. Юст. кн. 83, л. 543.

[3]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 442, 451, 457 и 461.

[4]) Ibid., ст. 495.

[5]) Арх. Юст. кн. 86, л. 668.

Украины и уже болѣе по ней не расширялись [1]). «Прошу васъ, господа,—выражался Самусь, — приложите все стараніе ваше, соберите изо всѣхъ городовъ поднѣстранскихъ охотное товариство въ сотни и тысячи и поспѣшите стать съ нами за-одно. Какъ скоро Богъ намъ поможетъ взять бѣлоцерковскій замокъ, мы не станемъ тратить времени и тотчасъ двинемся на противниковъ нашихъ польскихъ пановъ». Этотъ универсалъ посланъ былъ къ поднѣстровскимъ козацкимъ старшинамъ Валозону, Палладію и Рынгошу [2]).

Недаромъ Самусь тогда обратился въ поднѣстранскій край. Начавши отъ Богуслава и Корсуна, возстаніе, поднятое Самусемъ, пошло на западъ къ Бугу и Днѣстру. Хлопы, жадные крови шляхетской, — какъ выражались поляки,—поднялись... «Города за городами, села за селами выбивались изъ-подъ господства владѣльцевъ и скоро возстаніе доходило уже до Каменца [3]). Подоляне прислали къ Палѣю просить быть «патрономъ» народнаго возстанія противъ ляховъ. Палѣй, вначалѣ, хотя и дружилъ тайно съ Самусемъ, но не выказывался съ открытою враждою ко всѣмъ полякамъ; онъ, повидимому, слѣдовалъ совѣту Мазепы — не мѣшаться въ поднявшееся возстаніе. Но само шляхетство озлобило его, указывая въ своихъ заявленіяхъ на Палѣя, какъ на первѣйшаго врага, и добиваясь, какъ мы уже говорили, отъ короннаго гетмана паче всего изгнанія этого человѣка изъ Хвастова. Поэтому Палѣй принялъ предложеніе поднѣстрянъ и отправилъ къ одному изъ подольскихъ предводителей, Палладію, своего неутомимаго пасынка Симашка и какого-то Лукьяна съ

[1]) Żeby od tego czasu laszkowie z ojczyzn naszych ukraińskich ustępowali i więcej już na Ukrainie nie rozposcierali się.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 450.

[3]) Ibid, стр. 458.

своими полчанами [1]). Въ то же время Палѣй отправилъ 1.500 своихъ полчанъ въ другую сторону, къ Бѣлой-Церкви, въ подмогу Самусю, а потомъ и самъ туда поѣхалъ [2]).

Двѣ недѣли простоялъ Самусь подъ Бѣлою-Церковью. Козаки насыпали шанцы. Тутъ пріѣхалъ къ Самусю отъ новаго короннаго гетмана, Іеронима Любомирскаго, нѣкто Косовскій и объявилъ, что если Самусь положитъ оружіе и покорится королевской волѣ, то получитъ прощеніе отъ короля и Рѣчи Посполитой за все то, что происходило въ Богуславѣ, Корсунѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ были побиты поляки и іудеи. Самусь отвѣчалъ: «Мы тогда будемъ желательны королю и Рѣчи Посполитой, когда у насъ во всей Украинѣ отъ Днѣпра до Днѣстра и вверхъ до рѣки Случи не будетъ ноги лядской» [3]).

Но тутъ Самусь услышалъ, что противъ него на помощь польскому гарнизону въ Бѣлой-Церкви идетъ региментарь Рущицъ съ двумя тысячами польской военной силы. Самусь отошелъ отъ Бѣлой-Церкви вмѣстѣ съ полковникомъ Искрою и оба двинулись къ Котельнѣ, гдѣ, какъ они освѣдомились, стояли ляхи. Къ Рущицу присоединился панъ Яковъ Потоцкій съ надворными хоругвями и съ ополченіемъ шляхты кіевскаго воеводства. У Самуся было тысячъ около двухъ своихъ козаковъ и полторы тысячи палѣевцевъ подъ начальствомъ Омельченка. Поляки были многочисленнѣе козаковъ, но у нихъ происходили нестроенія и взаимныя ссоры: Рущицъ и Потоцкій не ладили между собою за первенство. Поляки изъ Котельни ушли въ Бердичевъ. Козаки 16-го октября подошли къ этому городу. Въ это время Потоцкій, желая перетянуть на свою сторону воиновъ Рущица, своего сопер-

[1]) Ibid., стр. 451.

[2]) Арх. Юст. кн. 86, л. 668.

[3]) Ibid., л. 667.

ника, поилъ ихъ виномъ и когда такимъ образомъ шляхетскія головы были разогрѣты, вдругъ козаки ворвались въ Бердичевъ и начали рубить всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку; многіе въ ужасѣ пустились бѣжать, но попадали въ воду; самъ Потоцкій едва спасся бѣгствомъ. Козаки, усиленные хлопами, приставшими къ нимъ изъ сосѣднихъ селъ, разграбили таборъ Потоцкаго [1]). Рущицъ съ частію своего войска ушелъ въ замокъ, но черезъ четверть часа козаки взяли этотъ замокъ и Рущицъ ушелъ въ одной рубахѣ къ волынской шляхтѣ, стоявшей неподалеку въ ополченіи. Весь его отрядъ былъ изрубленъ. Городки: Пятка, Слободище и другіе, вслѣдъ за Бердичевомъ, пристали къ козакамъ.

Раздѣлавшись такимъ образомъ съ польскимъ отрядомъ, шедшимъ на помощь бѣлоцерковскому гарнизону, Самусь съ Искрою воротились къ Бѣлой-Церкви. Тамъ, во время отсутствія Самуся, продолжалъ стоять Палѣй, но отходилъ на нѣкоторое время въ Хвастовъ, оставляя начальство одному изъ своихъ свойственниковъ по женѣ, Михайлѣ Омельченку. Говорили, что у Палѣя на головѣ появлялась какая-то болѣзнь, но самъ Палѣй шутилъ надъ собой и говорилъ: «колы не напьюсь, то и нездужаю». Носился слухъ, что онъ тогда досадовалъ на Самуся за то, что Самусь не отдалъ ему булавы своей послѣ того, какъ громада подольская просила его, Палѣя, быть патрономъ, т. е. руководителемъ возстанія [2]).

Козаки продолжали стоять подъ Бѣлою-Церковью семь недѣль и, наконецъ, этотъ городъ былъ взятъ ими въ исходѣ ноября. Козаки овладѣли 28-ю пушками и большимъ запасомъ пороха, гранатъ и свинца. Палѣй, какъ разсказываютъ, въ знакъ торжества, въѣхалъ туда шестер-

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II. стр. 508.

[2]) Арх. Юст. кн. 86, л. 768.

нею въ каретѣ, показывая тѣмъ, что онъ есть панъ полковникъ бѣлоцерковскій [1]). Всѣ три козацкихъ предводителя прислали Мазепѣ коллективное письмо, просили принять Бѣлую-Церковь подъ власть царскую, назначить туда осадчаго и уже не возвращать ее ляхамъ [2]).

Послѣ расправы съ Бѣлою-Церковью Самусь двинулся на Немировъ, гдѣ поляки озлобили противъ себя русскихъ безжалостными казнями пойманныхъ мятежныхъ хлоповъ. Въ Немировѣ, кромѣ тамошняго поспольства, находился польскій гарнизонъ и немного шляхты изъ воеводствъ брацлавскаго и волынскаго. Козаки въ числѣ 10.000 подступили къ городу и немировское поспольство тотчасъ передалось своимъ единовѣрцамъ, а потому городъ былъ взятъ безъ затрудненія. Всѣхъ поляковъ и жидовъ истребили, кромѣ тѣхъ изъ послѣднихъ, которые изъявили готовность принять христіанскую вѣру [3]). По извѣстію современника Залускаго [4]), мѣстные хлопы замучили коменданта, обрубливая ему руки и обрѣзывая губы, а у ксендза-іезуита Цаполовскаго содрали съ бороды кожу у живаго. Затѣмъ козаки овладѣли Баромъ, откуда малочисленный польскій гарнизонъ убѣжалъ въ Меджибожъ.

Во все то время, когда Самусь и Палѣй добывали Бѣлую-Церковь, въ прибужской и поднѣстранской странѣ происходили событія, напоминавшія времена Богдана Хмельницкаго. Въ брацлавскомъ воеводствѣ еще въ іюлѣ нѣкто Хведорина и Тригубъ, бѣглый хлопъ, собрали шайку мятежныхъ хлоповъ, «гультайства», напали на Илинцы — имѣніе Лещинскаго, изранили и искалѣчили тамошняго панскаго губернатора (управителя); возставшіе

1) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, Предисловіе, стр. 134.

2) Арх. Юст., кн. 86, л. 840.

3) Ibid., л. 768.

4) *Załuski*: „Epistolae", III, 294, 332 и 333. — Первыя *Русскія Вѣдомости*, стр. 2. 18.

разсѣялись по окрестностямъ шайками, которыя безпрестанно увеличивались пристававшими хлопами и производили всякія безчинства въ имѣніяхъ Жолкѣвскаго и Юрія Любомирскаго [1]. Въ подольскомъ краѣ (собственно въ воеводствѣ подольскомъ) появились «левенцы», по объясненію тамошняго шляхетства—разбойники, посягавшіе на личности и имущества шляхетскихъ обывателей [2] [3]. Надобно имѣть въ виду, что воеводство подольское еще недавно, вмѣстѣ съ Каменцемъ, возвращено было Польшѣ отъ Турціи, польскіе паны стали тамъ заводить поселенія и приманивали новопоселенцевъ льготами отъ работъ и даней на извѣстный срокъ; новопоселенцы, приходя туда, не водворялись прочно на однихъ мѣстахъ, а шатались отъ одного владѣльца къ другому и отличались буйнымъ духомъ. Рядомъ съ панскими слободами заводилъ козацкія слободы изъ разныхъ выходцевъ козацкій полковникъ Абазынъ и эти слободы поддерживали во всемъ краѣ козацкій духъ. Нетвердо прикрѣпленное къ власти пановъ населеніе разомъ заволновалось и въ сентябрѣ шляхетство жаловалось, что взбунтовавшееся хлопство не даетъ спуска ни шляхтѣ, ни губернаторамъ [4]. Хлопы съ женами и дѣтьми бѣжали отовсюду къ поднѣстранскому полковнику Абазыну, заклятому врагу поляковъ и іудеевъ [5]. Къ нему въ содѣйствіе явился Палѣевъ пасынокъ Симашко: въ двадцати волостяхъ перебили они арендаторовъ іудеевъ, изгнали шляхтичей, ограбили и разорили ихъ усадьбы и объявили край козацкимъ [6]. Шляхетство спасало жизнь

[1] Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 432—435.

[2] Ibid., стр. 426.

[3] Swieżo leweńcy alias zbójcy na dobra i substancye dóbr i fortun i osób województwa Podolskiego znajdują się.

[4] Ibid., стр. 452.

[5] Арх. Юст. кн. 86, л. 698.

[6] *Załuski*. III, 333.

свою бѣгствомъ въ глубину Польши [1]), забирая съ собой все, что успѣвало схватить на скорую руку, и стараясь взять съ собою письменные документы на владѣніе маетностями, чтобы впослѣдствіи сохранить на нихъ законное право [2]). Іудеи съ женами, съ дѣтьми и съ купеческими товарами спѣшили также въ глубину Польши; ихъ на дорогѣ грабили не только козаки, но даже и шляхтичи [3]). Въ иныхъ мѣстахъ не осталось ни единаго іудея, ни католика [4]). Сдѣлался такой переполохъ, что люди не знали кого имъ бояться—козаковъ или поляковъ [5]), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые владѣльцы шляхтичи, пользуясь смутнымъ временемъ, нападали на свою же братію владѣльцевъ, съ которыми прежде были въ ссорѣ, и производили пожары и грабежи [6]). Хлопскія шайки составлялись и возрастали не по днямъ, а по часамъ, и всѣ эти шайки величали себя козаками Палѣя и Самуся. Такъ, напримѣръ, одна шайка, напавши на панское имѣніе, схватила жену губернатора, домогалась отъ ней выдачи жида и кричала: «дай намъ, така-сяка, горѣлки, бо мы будемъ з тобою чуда робити; пизнаешъ козакивъ Самусевыхъ! Куды поділа жида? — говори, а то мы з тобою вмѣстѣ и твою хату перевернемъ» [7]) У іудеевъ выпивали горѣлку, истребляли утварь и имущество, самихъ убивали и трупы бросали на съѣденіе псамъ [8]). Молодцы гонялись по дорогамъ за бѣгущими шляхтичами, и какъ поймаютъ какого, тотчасъ бьютъ дубьемъ, топчатъ ногами, ведутъ къ рѣкѣ, угрожая

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 509, 563, 605 и 647.
[2]) Ibid., стр. 523, 605—607.
[3]) Ibid., стр. 485.
[4]) Ibid., стр. 681.
[5]) Ibid., стр. 456.
[6]) Ibid., стр. 523.
[7]) Ibid., стр. 453.
[8]) Ibid., стр. 536.

утопить, или оберутъ и обнажатъ, привяжутъ къ дереву и покинутъ на произволъ судьбы [1]). Всѣ начальники такихъ шаекъ именовались полковниками. Зимою 1702—1703 годовъ явился на Подоли нѣкто Хведоръ Шпакъ, именовавшій себя полковникомъ Войска Запорожскаго. Онъ писалъ каменецкому коменданту, что идетъ на пановъ по приказанію короля, ради того, что дѣдичные господа владѣльцы утѣсняютъ своихъ подданныхъ вопреки королевской волѣ [2]). Есть извѣстіе, что подъ именемъ полковника Шпака своевольствовалъ осадчій Билоцкій съ людьми, которые къ нему понаходили, и не малую толпу католиковъ и евреевъ продавалъ онъ татарамъ [3]). Другіе извѣстные полковники, взбунтовавшіе Могилевъ, Калюсъ, Ушицу, Лоевцы, Козловъ, Лятаву, Ластовцы, Ярышовъ, Жванъ—были: Скорычъ, Мидопака, Аксентій Сотникъ, Дабижа, Дерикалика; ихъ шайки составлены были въ значительной степени изъ молдаванъ [4]). Расправляясь съ врагами русской вѣры и русскаго народа, они не довольствовались простыми убійствами, а сопровождали ихъ варварскими истязаніями, отсѣкали руки и ноги, насиловали шляхетныхъ женъ и дѣвицъ, ругались надъ костелами и синагогами [5]). Но они, чувствуя свое относительное малосиліе, не смѣли зацѣплять укрѣпленныхъ городовъ и нападали только на такія жилыя мѣстности, которыя стояли открытыми. Только на городъ Староконстантиновъ напали они и въ конецъ его разорили [6]). Мѣщане уніаты и католики были имъ враждебны, какъ шляхтичи и жиды, но православные мѣщане въ нѣкоторыхъ

[1]) Ibid., стр. 512.
[2]) Ibid., стр. 521.
[3]) Ibid., стр. 561.
[4]) Ibid., стр. 559—561.
[5]) *Otwinowski*: «Dzeje panow. Aug. II». str. 42.
[6]) Арх. Юго-Зап Россіи. ч. III, т. II, стр. 599.

городахъ сами шли въ мятежныя шайки и вмѣстѣ съ хлопами трепали поляковъ и іудеевъ [1]).

Долго шляхтѣ и евреямъ въ Подоліи не было никакихъ средствъ спасенія кромѣ бѣгства. Кварцяное войско было занято войною противъ шведовъ и не ранѣе какъ 4-го дкабря польный гетманъ Сѣнявскій издалъ универсалъ, извѣщая, что идетъ на укрощеніе козацкаго мятежа [2]).

Хотя возстаніе было вполнѣ хлопскимъ, т. е. мужичьимъ, но впослѣдствіи многія лица шляхетскаго званія привлечены были къ суду за участіе въ немъ. Мы упомянули о томъ, какъ иные подъ всеобщее смятеніе дѣлали обычные наѣзды другъ на друга. Оставалось еще впрочемъ очень немного православныхъ шляхтичей, неуспѣвшихъ, подобно прочей своей братіи, измѣнить отеческой вѣрѣ. Такимъ изъ послѣднихъ могиканъ своего времени былъ тогда Данило Братковскій. Получивши отличное воспитаніе, онъ занимался литературою и напечаталъ по польски сочиненіе подъ названіемъ: «Міръ пересмотрѣнный по частямъ» («Swiat poczęści przejrzany»), гдѣ въ сатирическомъ тонѣ изобразилъ пороки шляхетскаго общества. Этотъ господинъ подобралъ около себя кружокъ шляхтичей, сохранившихъ подобно ему православную вѣру, и на сеймикахъ воеводствъ кіевскаго и волынскаго вмѣстѣ съ ними составилъ для пословъ, отправляемыхъ на сеймъ въ Варшаву, инструкцію, въ которой требовались гарантіи свободы православнаго вѣроисповѣданія [3]). Римско-католическая партія, составлявшая на сеймикахъ и на сеймѣ большинство, сильно озлобилась за это и православная вѣра, вмѣсто требуемаго облегченія, подверглась еще большимъ стѣсненіямъ и униженіямъ. Такъ, послѣ возвращенія Польшѣ Подоліи, въ Каменцѣ не дозволялось се-

[1]) Ibid., стр. 609.

[2]) Ibid., л. 500.

[3]) Ibid., Предисловіе. стр. 116,

литься православнымъ; весь подольскій край въ церковномъ отношеніи былъ изъятъ отъ вѣдомства кіевскаго митрополита и подчиненъ исключительно львовскому уніатскому владыкѣ, какъ будто тамъ уже не было вовсе и не должно быть православія. Братковскій въ 1701 году присталъ къ Палѣю и распускалъ сочиненія въ защиту правъ православной религіи [1] [2]. Вслѣдъ за тѣмъ Братковскій отправился въ Батуринъ къ Мазепѣ, съ которымъ былъ близокъ уже давно [3] [4]. Онъ возвращался оттуда во Львовъ, гдѣ имѣлъ тогда мѣсто своего жительства, и направился не прямымъ путемъ черезъ Кіевъ, а черезъ Полѣсье, для осторожности отъ поляковъ, которые за нимъ наблюдали. Переодѣтый, онъ хотѣлъ обойти обозъ волынскаго посполитаго рушенія, вышедшаго на войну противъ мятежныхъ хлоповъ, и былъ схваченъ [5] [6]. Онъ былъ преданъ суду въ Луцкѣ и обвиненъ въ томъ, что, «враждуя къ уніи, ѣздилъ въ Украину, на возвратномъ пути возмущалъ народъ и козаковъ, всегда шаткихъ въ вѣрности Рѣчи Посполитой, и тѣмъ придалъ огня метежу, возникшему подъ предлогомъ сочувствія къ своей религіи, будто бы угнетаемой поляками, чего никогда не бывало» [7]. Такой приговоръ былъ произнесенъ надъ нимъ. Его подвергли огненной пыткѣ; онъ ничего новаго не показывалъ

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 484.

[2]) I tak z supliki za religiją greko-dizunitską, jako skryptòw i istów ręką obwinionego pisanych patet etc...

[3]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 566.

[4]) Знаемый его зъ давна конфидентъ зъ града Львова человѣкъ учоній благочестія святого непоколебимый блюститель.

[5]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 484.

[6]) Gdy go wojska naszego przednia straż chcącego fictohabi tu declinare obóz nasz zatrzymała.

[7]) Ibid.

и ни отъ чего уже сказаннаго не отпирался. [1]) Его казнили мучительною смертiю 25 ноября 1702 года [2]).

Гетманъ Мазепа не только не смѣлъ оказывать сочувствiя русскимъ, возставшимъ на правомъ берегу Днѣпра, но въ ноябрѣ 1702 года получилъ отъ царскаго резидента въ Варшавѣ, князя Григорiя Долгорукаго, письмо такого содержанiя: «Шведскiй король хитрыми вымыслами, по совѣту приставшихъ къ нему польскихъ измѣнниковъ, велѣлъ распространять слухи, будто его царское величество указалъ вашей вельможности послать 20.000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царскимъ гетманомъ, и будто мятежи, поднявшiеся въ Украинѣ, возникли съ позволенiя нашего государя. Рѣчь Посполитая приходитъ въ немалое подозрѣнiе. Необходимо всѣмъ на дѣлѣ доказать, что этотъ мятежъ начался безъ воли царской и не приноситъ никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этотъ огонь, препятствующiй Рѣчи Посполитой обратить оружiе противъ шведовъ». Гетману указывалось вести непрестанныя сношенiя съ польскими коронными гетманами и не допускать своихъ козаковъ присоединяться къ мятежникамъ [3]).

Вслѣдъ затѣмъ въ декабрѣ и въ февралѣ 1703 года гетманъ въ письмахъ къ коронному гетману старался увѣрить въ неосновательности слуховъ, распускаемыхъ правобережными бунтовщиками, будто они дѣйствуютъ съ царскаго согласiя [4]).

Польскiй король Августъ писалъ универсалъ къ Палѣю,

[1]) „Лѣт. Величка", т. III, стр. 567.

[2]) Посередъ рынку луцкого чрезъ ката за семь разовъ мордерско зосталъ стятый, а до Львова зъ женою и дѣтми повидатися не допущенный.

[3]) Арх. Юго-Зап. Россiи, ч. III, т. II. стр. 496.

[4]) Рукоп. Имп. Публ. библ. Разноязычная, № 39, л. 20.

укорялъ его за смуту [1]) и убѣждалъ козаковъ разъѣхаться по домамъ [2]) [3]). Въ 1703 году успѣхи короля шведскаго въ Польшѣ были чрезвычайны. Обѣ столицы попадали подъ власть его, а польскіе паны думали, какъ бы помирить враждующихъ королей, своего и шведскаго, и подвинуть ихъ къ союзу противъ Россіи [4]). Они-то и старались утвердить мнѣніе, будто мятежи въ Украинѣ возбуждаются съ русской стороны. Даже и въ массѣ южно-русскаго народа носились такія соблазнительныя вѣсти, будто со стороны гетмана Мазепы дано обѣщаніе помощи Самусю. Польскій коронный гетманъ просилъ малороссійскаго гетмана оказать помощь къ укрощенію бунта въ Украинѣ [5]). Но гетманъ Мазепа ограничился только тѣмъ, что посылалъ увѣщательныя письма къ Самусю и Палѣю [6]), а по рубежу приказалъ разставить караулы для преграждения охотникамъ пути къ правобережнымъ мятежникамъ и угрожалъ смертною казнію за самовольныя побѣги [7]). Мазепа долженъ былъ въ то же время дѣлать уступки своимъ старшинамъ и вообще козакамъ, которые, какъ истые малороссіяне, все-таки смотрѣли съ недружелюбіемъ

[1]) ...pod ten czas kiedyby wszystkie siły na odpór grassującego nieprzyjaciea obrócić potrzeba, wynalazłszy praetext prywatnych krzywd y nieukontentowania, tak wielkie na Ukrainie zaczęli się rozruchy tumulty y zamieszania, których dotąd jeszcze nie przestali oraz gorzey a surowiey postępujecie ogniem y mieczem szeroko rosproscierając y miasta fortece odeymując...

[2]) Ibid., л. 11.

[3]) aby zaraz za ogłoszeniem ninieyszego uniwersału naszego o tey zawziętości upamiętali pohamowali, do domów własnych ujechali y cale tego złego poprzestali.

[4]) Арх. Юст. кн. 86, л. 875.—Рук. Имп. Пуб. библ. Польская, folio № 17.

[5]) Арх. Юст. кн. 86, л. 970.

[6]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1702 г., декабрь, № 28.—Арх. Юст. кн. 86, л. 976.

[7]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1703 г., № 6.—*Załuski*: „Epistolae“, т. III, str. 399—401.

къ полякамъ на то, что дѣлалось въ ихъ государствѣ. Вѣроятно, по этой причинѣ, гетманъ тогда писалъ канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять отъ Палѣя Бѣлую-Церковь въ царское владѣніе. Государь, вмѣсто соизволенія на такую мысль, опять предписывалъ гетману учреждать построже караулы, чтобы не пропускать малороссійскаго народа за Днѣпръ для участія въ мятежѣ противъ поляковъ, а къ Самусю и Палѣю писать, чтобъ они возвратили Бѣлую-Церковь польскому королю, какъ законному властителю. Съ этою же цѣлью царь отправилъ къ Палѣю генерала Паткуля уговаривать козацкаго полковника исполнить волю союзныхъ государей, а король Августъ написалъ Палѣю снова увѣщаніе о томъ же и выставилъ ему неумѣстность сдѣланнаго заявленія, что онъ отдастъ Бѣлую-Церковь только тогда, когда русскій царь прикажетъ. Палѣй не сопротивлялся волѣ двухъ государей, но и не спѣшилъ ее исполнить [1]). Польскіе паны, понуждая Мазепу оказывать имъ содѣйствіе въ укрощеніи возставшаго народа, подозрѣвали искренность и царя и гетмана [2]). Царскій резидентъ при польскомъ дворѣ письменно сообщилъ Мазепѣ, что поляки распускаютъ слухи, будто Мазепа содѣйствуетъ Палѣю, что поляки готовы повиноваться пришедшему къ нимъ непріятелю, а союзниковъ и друзей подозрѣваютъ во враждѣ къ себѣ [3]).

[1]) Арх. Юст. кн. 94.

[2]) Рукопись Им. Публ. библ. Разнояз. Miscelanea, № 39, л. 44. Письмо кiев. воеводы къ сендомiрскому. — Iż cara moskiewskiego niepewny skutek przyjaźni tym bardziey in suspitione być musi, którego apprehensibilis być powinna potentia.

[3]) Ibid., л. 12. — Udają iż od W. M. dwa posłańcy przy boku Paleja zostawać maią czyniąc z nim jakieś consilia. Nie mogą tego pojąć y rozsądzić należycie co jest lepszego albowiem który nieprzyjaciel przyszedł w ich państwo violentią y do tych czas ciężkie wybierając

Но поляки все таки укротили возстаніе южнорусскаго народа. Небольшихъ усилій стоило польному гетману Сѣнявскому уничтожить шайки хлóповъ и отнять Немировъ у Самуся. Послѣдній убѣжалъ въ Богуславъ. Сѣнявскій осадилъ Ладыжинъ. Туда ушли козаки, вытѣсненные изъ Немирова; тамъ же заперся съ 2.000 человѣкъ полковникъ Абазынъ. Послѣ упорной битвы Немировъ былъ взятъ. Абазынъ былъ посаженъ на колъ; всѣ бывшіе съ нимъ и старые и малые истреблены. По однимъ извѣстіямъ погибшихъ было до двухъ тысячъ, а другіе простираютъ ихъ число до десяти тысячъ [1]). Другой предводитель мятежныхъ русскихъ хлóповъ Шпакъ былъ въ февралѣ разбитъ воеводою кіевскимъ Потоцкимъ и генераломъ Брандтомъ [2]). По предложенію пана Потоцкаго, носившаго титулъ воеводы кіевскаго, всѣмъ хлопамъ, заподозрѣннымъ въ возстаніи, отрѣзывали лѣвое ухо и, по свидѣтельству современника, можетъ быть преувеличенному, такимъ способомъ заклеймено было до 70.000 человѣкъ [3]). Сначала былъ повальный судъ побѣдителей и пойманныхъ казнили тотчасъ на мѣстѣ поимки. Тогда хлопы, подѣлавши обширные засѣки, забирались туда и сидѣли тамъ, защищаясь съ своими женами, дѣтьми, съ домашнимъ скотомъ и всякою рухлядью. Жолнѣры добы-

contribucye y prowianty w wolnym narodzie absolute postępując soble, y takie ma szczęście że ad omnem nutum roskazania jego totus componitur orbis że nie uważając na inszy despekt wszystkiego onemu oddawają, który zaś ich państwu iest życzliwy i szczerze pomagaiący przyjaciel na tego suspikują y za nieprzyiaciela sobie poczytają.

¹) Перв. *Рус. Вѣдом.*, стр. 23. 65, 78, 80, 92, 109 и 110. — Арх. Юст. 1703 г., кн 94, мартъ.

²) Рукоп. Имп. Публ. библ. Польская, folio, № 108, л. 429.—Woiewoda kijowski z generałem Brandtem dobrze goszczą w Podolu, recenter uderzyli na 2.000 kozaków, których znieśli a półkownika Szpaka żywcem wziąwszy, na pal kazali wbić.

³) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II„, str. 42.

вали ихъ оружіемъ и тотчасъ истребляли безъ разбора пола и возраста [1]). Но потомъ стали предавать виновныхъ установленнымъ судамъ и тогда приходилось подвергать смертному приговору цѣлыя селенія, такъ какъ по суду оказывалось, что жители всѣ огуломъ принимали участіе въ мятежѣ. Иногда, однако, спасали ихъ отъ смерти сами владѣльцы, жалѣя своихъ подданныхъ, отъ которыхъ все-таки надѣялись впослѣдствіи имѣть рабочую силу [2]).

Такъ прошла вся послѣдовавшая зима 1703—1704 годовъ. Въ королевскомъ универсалѣ августа 2-го главными укротителями этого возстанія называются: два князя Янушъ и Михалъ Вишневецкіе, два Юрія Любомирскихъ—коронный обозный и подкоморій и двое Потоцкихъ — Іосифъ воевода кіевскій и Яковъ, староста хмѣльницкій [3]) [4]).

Мазепа, сообщая въ Приказъ о томъ, что отобраніе Бѣлой-Церкви отъ козаковъ для отдачи ея полякамъ представляетъ затрудненіе, писалъ: «Не могу брать на душу грѣха, чтобы привѣтными увѣреніями склонять Палѣя, Самуся и Искру къ послушанію, а потомъ отдать ихъ полякамъ въ неволю. Не могу завѣрять ихъ, что они останутся цѣлы и невредимы какъ въ своемъ здоровьѣ, такъ и въ пожиткахъ. Поляки не только надъ козаками, но и надъ всѣмъ русскимъ народомъ, находящимся у нихъ подъ властію, поступаютъ по-тирански. Это пока-

[1]) Ibid.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 566, 576, 577 и 585.

[3]) Рукопись Имп. Публ. библ. Польская, folio, № 108, л. 429.

[4]) Возстаніе православнаго народа дало возможность іезуитамъ умножить своихъ святыхъ. Они провозгласили мученикомъ вѣры какого-то Андрея, погибшаго въ 1702 году отъ *схизматиковъ*, и въ 1710 году княгиня Дольская убрала его мощи, приписывая его заступничеству освобожденіе своего сына, князя Вишневецкаго, изъ московскаго плѣна (Рукоп. Имп. Публ. библ., разнояз., № 37, л. 248).

зали недавнія дѣла ихъ въ Поднѣстровщинѣ и въ Побужьи, гдѣ они, отмщая за бывшій мятежъ народный, многихъ казнили, иныхъ вѣшали, другихъ бросали на гвозди или сажали на колъ» [1]).

Въ продолженіи всего 1703 года Сѣнявскій напрасно посылалъ Мазепѣ убѣжденіе за убѣжденіемъ расправиться оружіемъ съ Палѣемъ и другими мятежниками и принудить отдать полякамъ Бѣлую-Церковь. Польскіе паны вообще были увѣрены, что Мазепа болѣе чѣмъ кто нибудь можетъ это сдѣлать [2]). Мазепа зналъ, что еслибы онъ началъ исполнять польское желаніе, то раздражилъ бы весь лѣвобережный народъ противъ себя, а потому ограничивался только тѣмъ, что посылалъ неоднократно къ Палѣю требованіе отдать Бѣлую-Церковь полякамъ; разставленные же по днѣпровскому побережью караулы не пускали народъ бѣгать за Днѣпръ «на своеволье». Палѣй ни-мало не спѣшилъ отдавать Бѣлой-Церкви,—напротивъ, укрѣплялъ ее и умножалъ свою военную силу всякимъ «гультайствомъ» Мазепа доносилъ на Палѣя, что когда онъ получалъ отъ царя жалованье, то разглашалъ объ этомъ и оттого пошли слухи, будто царь потакаетъ бунтамъ. «Палѣй, — выражался Мазепа, — человѣкъ ума небольшаго и безпросыпно пьянъ; какъ получитъ жалованье, тотчасъ напьется, надѣнетъ соболью шапку и щеголяетъ въ ней, да хвастаетъ, чтобы всѣ видѣли: вотъ-де, какая ему монаршая милость [3])». Немного времени спустя, Мазепа писалъ Головину, что Палѣй внушаетъ опасность, какъ бы онъ не поладилъ съ поляками, передавшимися на сторону шведскаго короля.

Наступилъ 1704 годъ. Въ первый день этого года

[1]) Арх. Юст., кн. 94, мартъ 1703 г.

[2]) Рукоп. Имп. Публ. библ. Польская, folio, № 92.—Choć by Paley у nie chciał oddawać eductus armis Mazeppy będzie musiał.

[3]) Арх. Юст. кн. 94, апрѣль 1703 г.

явился въ Переяславъ къ тамошнему полковнику Мировичу Самусь и изъявилъ желаніе сдать Мазепѣ, какъ гетману всего Войска Запорожскаго, знаки гетманскаго достоинства, нѣкогда данные ему, Самусю, отъ польскаго короля. Вслѣдъ за нимъ туда же пріѣхалъ корсунскій полковникъ Искра съ такою же покорностью и говорилъ: «Мы съ поляками не можемъ ужиться! Не знаемъ, гдѣ намъ и дѣться, если не будемъ приняты отъ православнаго монарха и отъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра» [1]. Съ царскаго разрѣшенія гетманъ 24 января принялъ отъ Самуся гетманскіе клейноты въ Нѣжинѣ. Тогда къ Палѣю опять была послана царская грамота объ отдачѣ бѣлоцерковской «фортеціи» польскому королю — союзнику царя; при этомъ Палѣю грозили, что если такъ не станется, то Бѣлую-Церковь возьмутъ и займутъ великороссійскія и малороссійскія войска, хотя бы и силою, и потомъ она будетъ отдана полякамъ [2]. Мазепа сообщалъ въ Приказъ, что Палѣевъ полковой обозный Цыганчукъ, пріѣзжавшій къ гетману со свадебнымъ платкомъ по случаю брака Палѣева пасынка съ дочерью кіевскаго мѣщанина, говорилъ, что Палѣй сносится съ Любомирскими и получаетъ отъ нихъ подарки, а въ то время Любомирскихъ подозрѣвали въ нерасположеніи къ королю Августу и въ склонности къ шведской сторонѣ. «Не лучше ли будетъ, — писалъ Мазепа Головину, — если я зазову Палѣя куда-нибудь хитростію и задержу, пока состоится указъ царскій о взятіи Бѣлой-Церкви и объ отдачѣ ея ляхамъ? Иначе, если Палѣй самовольно сойдется съ ляхами, то добра отъ этого не будетъ. Черезъ людей нашей породы они на сей бокъ огонь вскинутъ».

Послѣ того, какъ не стало на правой сторонѣ Самуся

[1]) Ibid., кн. 95, январь 1704 г.

[2]) Ibid., февраль.—Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г., № 2.

и Искры, Палѣй остался тамъ единственнымъ борцомъ за козачество, пріобрѣталъ еще болѣе вѣса и славы въ народѣ и казался гетману не милъ и опасенъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Мазепу давно уже обвиняли въ наклонности отдать Украину Польшѣ; и теперь еще (въ концѣ 1703 года) присланъ былъ въ Батуринъ изъ Москвы человѣкъ, явившійся съ доносомъ на гетмана, будто онъ сносится со сторонниками шведскаго короля въ Польшѣ; но царь не вѣрилъ никакимъ доносителямъ и прямо отсылалъ ихъ къ гетману [1]). Теперь Мазепа въ свою очередь употреблялъ передъ правительствомъ такое орудіе и обвинялъ въ подобной наклонности къ польской сторонѣ тѣхъ, кого въ данное время не взлюбливалъ. И вотъ относительно Палѣя онъ указывалъ, что этотъ человѣкъ своимъ вліяніемъ можетъ склонить малороссійскій народъ на польскую сторону. «Поляки, — писалъ Мазепа, — хотятъ выбрать себѣ въ короли сына Собѣскаго и начать войну съ Россіею. Нашъ народъ глупъ и непостояненъ; онъ какъ разъ прельстится: онъ не знаетъ польскаго поведенія, не разсудитъ о своемъ упадкѣ и о вѣчной утратѣ отчизны, особенно, когда будутъ производить смуту запорожцы. Пусть великій государь не слишкомъ даетъ вѣру малороссійскому народу; пусть изволитъ, не отлагая, прислать въ Украину доброе войско изъ солдатъ храбрыхъ и обученныхъ, чтобъ держать народъ малороссійскій въ послушаніи и вѣрномъ подданствѣ. Нужно, однако, съ нашимъ народомъ обращаться человѣколюбиво и ласково [2]), потому что если такой свободолюбивый, но простой народъ озлобить, то уже потомъ трудно будетъ суровостью приводить его къ вѣрности. Я, гетманъ и кавалеръ, хочу служить вѣрно до конца живота моего его царскому пресвѣтлому величеству, какъ обѣщалъ передъ

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1703 г., № 43.

[2]) Черезъ людскость и ласку.

святымъ Евангеліемъ, и непрестанно пекусь о содержаніи Украины безъ поколебанія, но имѣю о томъ сердечную печаль, что поляки, какъ есть неистовые, неправдивые и злостные люди, меня, гетмана, во весь свѣтъ поносятъ, а паче всего предъ царскимъ престоломъ злословятъ и нарекаютъ на меня неудобоносимыя дѣла». Въ то же время гетманъ взводилъ подозрѣніе въ измѣнѣ на стародубскаго полковника Миклашевскаго, въ томъ, будто онъ велъ тайныя сношенія съ литовскимъ паномъ Коцеломъ и послѣдній сообщалъ Миклашевскому, что если у поляковъ состоится миръ со шведами, то поляки приблизятся къ границамъ Московской державы и заставятъ царя уступить Польшѣ Украину; тогда украинская вольность будетъ такова же, какова польская и литовская: сколько сенаторовъ изъ Короны и Литвы, столько же будетъ и изъ Украины, и всѣ козаки вольностью и шляхетскимъ достоинствомъ одарены будутъ. Миклашевскій, преданный войсковому суду, отрицалъ, чтобы слышалъ подобныя внушенія, но за самовольныя сношенія съ Коцеломъ безъ вѣдома гетмана былъ отставленъ отъ полковничьяго уряда, однако вскорѣ обратно получилъ его, примирившись съ гетманомъ. Трудно рѣшить, въ какой степени былъ виноватъ Миклашевскій, но надобно принимать во вниманіе то, что малороссійскихъ старшинъ соблазняла несовсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся попытка Выговскаго образовать изъ Украины автономное политическое тѣло подъ единою федеративною властью съ Польшею [1]). Гетманъ Мазепа въ душѣ болѣе, чѣмъ всѣ старшины, сочувствовалъ этой мысли, но по обстоятельствамъ не находилъ еще современнымъ и удобнымъ для своихъ выгодъ показывать такое сочувствіе, а потому и выдалъ Миклашевскаго.

Но съ Миклашевскимъ гетманъ могъ помириться, а съ

[1]) Арх. Юст. кн. 86, л. 964.

Палѣемъ ни за что, потому что Палѣй былъ въ народѣ руководителемъ совершенно иного стремленія, такого, при которомъ не было мѣста какому бы то ни было соединенію съ Польшею. Мазепа въ концѣ марта 1704 года писалъ Головину, что необходимо выманить Палѣя изъ Бѣлой-Церкви и, заковавши, отправить въ Батуринъ, иначе малороссійскому краю угрожаетъ большое зло и поляки чрезъ Палѣя найдутъ себѣ опору въ малороссійскомъ народѣ для исполненія своихъ злыхъ замысловъ [1]).

[1]) Арх Ин. Дѣлъ 1703 г., апрѣль. Подлинники.—.... ѣхать въ Кіевъ жебы Палѣя звабивши з Бѣлой Церкви албо в руцѣ его взяти албо в первое противъ поляковъ недоброхотство повернути. Бо если такъ з Палѣемъ не поступити, то скорѣи малороссійскому краю вящшаго зла отъ его сподѣватися нежели от заграничныхъ непріятелей, якъ чрез готовый и способный инструментъ якъ на Запорожьи такъ и тутъ на Украинѣ свое злое намѣреніе спадно будетъ полякамъ исполнити, маючи себѣ готовое пристанище в Палѣевой нынѣшнеи державѣ. Если теды уваблю его Палѣя з подручными его до себе в Кіевъ и пріиму в свои руки преже имененнаго совершеннаго царскаго указа, его оковавши за карауломъ отослати в Батуринъ, чи инакъ з нимъ поступити? А тутъ же докладаю, же скваплиие з нимъ такъ не поступлю, ажъ совершенно довѣдаюся о его з Любомирскими черезъ ротмистра теперъ свѣжо в Хвастовѣ будучого учиненныхъ трактатахъ, то есть певная же отдался цѣлкомъ въ ихъ протекцію и оборону, поневажъ черезъ умыслецаго своего кревнаго прозываемого Чеснокомъ, своимъ подручнымъ со всѣми городками подъ его областію на тотъ часъ найдучимися оголосилъ тое, же ляхи на насъ ласкавы и всѣ наши проступки каютъ, не такъ якъ намъ удавали о ихъ противъ насъ завзятости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Участіе малороссіянъ въ Сѣверной войнѣ въ ея первые годы.—Дьякъ Борисъ Михайловъ у гетмана.—Совѣты Мазепы. Первыя посылки козаковъ въ Ливонію и Ингрію.—Участіе козаковъ въ Эрестферской битвѣ.—Успѣхи шведскаго короля въ Польшѣ.—Взятіе Быхова козаками.—Милости царя къ гетману.—Волненія въ Запорожьи.—Походъ гетмана на правую сторону Днѣпра.—Мировичъ и Апостолъ съ козаками въ Польшѣ.—Дѣло съ Палѣемъ.—Арестованіе Палѣя.—Возвращеніе Мазепы съ войскомъ назадъ.—Судьба отправленныхъ въ Польшу козацкихъ отрядовъ.—Ссылка Палѣя въ Сибирь.

11-го ноября 1699 года въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвою, происходили черезъ полномочныхъ первые тайные переговоры между царемъ и королемъ польскимъ противъ Швеціи. Настроенный ливонскимъ измѣнникомъ шведскаго короля Паткулемъ, король Августъ затѣвалъ отнять у Швеціи Ливонію, нѣкогда принадлежавшую польской Рѣчи Посполитой и уступленную Швеціи по Оливскому договору. Августъ обязывался стараться склонить къ этой войнѣ чины Рѣчи Посполитой, а самъ Петръ обѣщалъ давать ему вспоможеніе войскомъ.

Военныя дѣйствія открылись въ 1700 году польскимъ королемъ въ Ливоніи. Тогда отъ царя данъ былъ указъ малороссійскому гетману послать въ Ливонію козаковъ въ помощь польскому королю. Гетманъ собралъ отрядъ изъ охот-

никовъ и назначилъ надъ нимъ наказнымъ гетманомъ полтавскаго полковника Искру. Едва только снаряжена была эта посылка, какъ является новый царскій указъ—идти гетману самому съ 10.000 козаковъ. Не успѣлъ гетманъ выступить, какъ въ августѣ пришелъ новый указъ — не ходить вовсе. Когда по этому указу гетманъ распустилъ собиравшееся войско на домашнія работы,—вдругъ приходитъ иной указъ: отправить наскоро 12.000 козаковъ. «Мнѣ бы,—написалъ тогда гетманъ Головину,—хотѣлось самому лично служить великому государю и туда нести свою голову, гдѣ его величество обрѣтается: тогда и войско при гетманѣ было бы стройнѣе и въ случаяхъ военныхъ козаки показали бы болѣе отваги; но пусть будетъ такъ, какъ творитъ премудрая и превысокоразсмотрительная монаршая воля. Гдѣ его царскому величеству угодно будетъ меня держать, *тамъ нехай и буду*. [1]).

Надъ посланнымъ отрядомъ наказнымъ назначенъ былъ племянникъ Мазепы Обидовскій (сынъ сестры его отъ перваго ея брака): въ отрядѣ было по 4.000 нѣжинцевъ и черниговцевъ, по 1.000 кіевцевъ и стародубчанъ и четыре охотныхъ полка. Прибывши во Псковъ, Обидовскій съ частью своихъ козаковъ поспѣшилъ къ Нарвѣ, гдѣ должна была происходить битва. Но тамъ дѣло было уже покончено: пораженное шведами русское войско разбѣжалось. Обидовскій вернулся во Псковъ не видѣвши непріятеля и въ февралѣ 1701 года скончался. Начальство надъ отрядомъ принялъ кіевскій полковникъ Мокіевскій. Полковники, оставшись безъ Обидовскаго, ссорились и ругались между собою, доносили своему гетману на Мокіевскаго, Мокіевскій доносилъ на прочихъ, пока наконецъ ихъ отпустили, указавши замѣнить другимъ отрядомъ [2]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1700 г., августъ. Подлинники.

[2]) Ар. Юст. кн. 83, л. 155.

Первыя высылки козаковъ на сѣверъ не обошлись безъ жалобъ на тягости и всякаго рода лишенія; въ особенности роптали тѣ, которые были высланы въ отрядѣ Искры. Отъ дурной осенней погоды и отъ недостатка продовольствія и конскаго корма, многіе убѣгали самовольно домой, направляясь черезъ польскія владѣнія. Хотя за это гетманъ подвергалъ ихъ тюремному заключенію, однако долженъ былъ въ письмахъ своихъ къ Головину замѣтить, что невозможно такъ насиловать людей: одни вернулись безъ лошадей, у другихъ лошади едва ползутъ и многіе козаки остались безъ одежи и безъ обуви [1]). Козаки, бывшіе съ Обидовскимъ, по возвращеніи въ Украину, жаловались, какъ гетманъ выражался: «хоть не въ очи, такъ за̀ очи»,—что великороссіяне во псковской землѣ ихъ стѣсняли и обижали, когда они ѣздили по волостямъ за фуражомъ, били ихъ и сорокъ человѣкъ пометали въ воду. Эти козаки, возвращаясь домой, встрѣтили на дорогѣ посланный гетманомъ на смѣну имъ другой козацкій отрядъ въ 7.000, подъ наказнымъ гетманствомъ гадяцкаго полковника Боруховича, и разсказали своимъ землякамъ, что̀ съ ними дѣлалось въ Московщинѣ; тѣ, испугавшись, задумали ворочаться назадъ, но гетманъ послалъ къ нимъ нарочнаго сказать, что если они самовольно воротятся, то онъ прикажетъ ихъ вѣшать [2]). Отрядъ Боруховича ничего не сдѣлалъ замѣчательнаго.

Въ февралѣ 1701 года царь Петръ видѣлся съ королемъ Августомъ въ Биржахъ [3]) и послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ пирушкахъ, оба государя заключили формальный союзъ. Петръ обѣщалъ Августу 15.000 войска въ помощь, обязываясь устроить на свой счетъ магазины для его продовольствія и сверхъ того въ придачу

[1]) Ibid., л. 116.

[2]) Ibid., л. 653.

[3]) Нынѣ мѣстечко Ковенской г., Поневѣжскаго уѣзда, при р. Опощѣ.

100.000 рублей. Будущія завоеванія были заранѣе подѣлены союзниками: Петръ себѣ бралъ Ингрію и Карелію,— Августу и Рѣчи Посполитой уступалъ Остзейскій край. Польскіе паны, бывшіе на этомъ совѣщаніи, требовали еще отъ Россіи уступки права на правобережную Украину. Петръ, по этому вопросу, отправилъ дьяка Бориса Михайлова къ Мазепѣ.

Когда, пріѣхавши въ апрѣлѣ въ Батуринъ, этотъ дьякъ сообщилъ гетману условія, какихъ требовали поляки, гетманъ благодарилъ царя за довѣріе къ себѣ, потомъ, прочитавши присланныя польскія условія, сказалъ:

«Поляки требуютъ отдачи имъ Трехтемирова, Стаекъ и Триполья—это можно имъ уступить, лишь бы они, прежде отдачи имъ этихъ мѣстъ, подтвердили договоръ; а чтобъ дозволить имъ, какъ они хотятъ, населять Чигиринщину и другія мѣста въ правобережной Украинѣ, того никакъ нельзя, потому что тогда съ лѣваго берега будутъ люди переходить на житье на правый берегъ, и въ единое лѣто заселится все днѣпровское побережье; поляки учнутъ его называть своимъ и оттого, по такой близости, будутъ происходить ссоры. Запорожцы будутъ склонны къ правой сторонѣ и мнѣ гетману будутъ отдавать послушаніе развѣ только по крайней неволѣ. И такъ отъ правобережныхъ жителей и отъ запорожцевъ будетъ намъ происходить всегдашнее безпокойство. Просятъ поляки уступить имъ нѣсколько селъ въ Стародубскомъ полку: и этого нельзя, оттого что Стародубскій полкъ дѣлится отъ польскихъ владѣній рѣкою Сожью. Немалое число ратныхъ людей и казны обѣщаетъ государь полякамъ, но какое будетъ вспоможеніе съ польской стороны? Не чаю я отъ поляковъ добра: и прежде брали они царскую казну, а по договору не поступали, да еще твердили, будто миръ заключилъ безъ ихъ воли самъ король, а не Рѣчь Посполитая. Противно договору они многія православныя церкви обратили

въ унію и въ прошломъ году соборную львовскую церковь отдали унитамъ. Вызвалъ король въ прошломъ году нашего великаго государя на войну подъ Ругодивъ (Нарву), а самъ прочь отступилъ. Съ поляками дружить опасно. Наши кроникары пишутъ:—пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ, полякъ русину не будетъ братомъ.—И до нынѣ такъ исполняется! Ужъ коли съ ними договоръ чинить, такъ съ ихъ первѣйшими сенаторами, арцыбискупомъ гнѣзненскимъ и великимъ коронным гетманомъ Любомирскимъ, которые у нихъ всѣ дѣла вѣдаютъ и за Днѣпромъ у нихъ есть вотчины».

Дьякъ Борисъ Михайловъ сказалъ:

«Великій государь о всякихъ принадлежностяхъ, что належатъ къ малороссійскому краю, безъ совѣта своего вѣрнаго подданнаго гетмана и кавалера ничего чинить не изволитъ и для того обнадеженія я, Борисъ, сюда и присланъ нарочно» [1]).

Вскорѣ послѣ этого свиданія гетманъ получилъ указъ идти на войну самому. Онъ выступилъ и, добравшись до рѣки Сожи, тамъ остановился, дожидаясь своихъ полковниковъ къ сбору. Но 26 іюня онъ получилъ иной указъ—воротиться и послать отрядъ козаковъ. Гетманъ выслалъ пять полковъ [2]) подъ наказнымъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола, приказавши роздать козакамъ «чехами» на годовую службу и на мѣсячные кормы [3]). Эти малороссійскіе козаки участвовали въ сраженіи при Эрестферской мызѣ, гдѣ былъ разбитъ шведскій генералъ Шлиппенбахъ. Донося своему гетману объ этой побѣдѣ, полковники жаловались, что великороссіяне отнимали у малороссіянъ военную добычу и обращались съ ними съ пре-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1701 г., № 20.

[2]) Миргородскій, Лубенскій, Переяславскій, Полтавскій и Нѣжинскій.

[3]) Арх. Юст. кн. 83, л. 847.

небреженіемъ. «Едва ли,—замѣчали полковники,—кто впередъ изъ нашихъ, услышавши отъ товарищей о такомъ доброхотствѣ, захочетъ идти въ эту царскую службу, развѣ съ понужденіемъ и насиліемъ». Вотъ уже вторая подобная жалоба, показывавшая, какъ неладно было малороссіянамъ съ великороссійскими войсками. Козаки эти были отпущены въ январѣ слѣдующаго 1702 года, но «козацкое посполъство», т.-е. рядовые козаки, уходило къ шведамъ. По этому поводу царская грамота къ козакамъ гласила такъ: «Намъ великому государю слышать о томъ прискорбно, однакожъ мы васъ атамановъ и козаковъ и все посполъство увѣщеваемъ, дабы вы, припоминая Бога и крестное ваше цѣлованіе и службы вашихъ предковъ и отечество свое, возвратились въ домы свои безъ всякаго сумнѣнія, а наша великаго государя милость никогда отъ васъ отъемлема не будетъ. Кто же сію милость презритъ и по прежнему въ домъ свой не возвратится, и тѣ лишены будутъ нашей царской милости и воспріимутъ смертную казнь и отчество ихъ и наслѣдіе въ вѣчномъ проклятіи да пребудутъ» [1]).

Видно, что, недовольные дурнымъ обращеніемъ великороссіянъ, малороссіяне, бывшіе тогда въ походѣ, не сознавали преступленія въ томъ, чтобы идти служить царскимъ врагамъ. Вернувшись въ Малороссію, козаки кричали: «что нашъ гетманъ? вонъ въ Москву ѣздитъ, да милости получаетъ, кавалерію ему дали, а о насъ не радитъ, что мы на царской службѣ разоряемся! Коли такъ и впередъ будетъ, такъ мы лучше пойдемъ польскому королю служить» [2]).

Самъ гетманъ Мазепа былъ тогда въ большой милости

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 1.

[2]) Арх. Юст. кн. 83, л. 642.

у государя, съѣздилъ въ Москву и тамъ получилъ милости какъ себѣ, такъ и тѣмъ, за кого ходатайствовалъ [1]).

Въ 1702 году въ Польшѣ совершились крупныя событія. Уничтоживши саксонское войско короля Августа подъ Ригою, Карлъ XII вступилъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Вскорѣ Варшава была у него во власти. Польскіе паны одинъ за другимъ стали переходить на его сторону [2]). Въ іюнѣ, послѣ Клишинской побѣды надъ саксонскимъ войскомъ, Карлъ овладѣлъ Краковомъ. Здѣсь дѣла нѣсколько перевернулись. Карлъ, засѣвши въ Краковѣ, расположилъ свое войско въ Тарновскихъ горахъ: шведы озлобили поляковъ поборами съ жителей и неуваженіемъ къ костеламъ [3]). Сторона короля Августа стала подниматься. Преданные ему поляки составили въ Сендомирѣ конфедерацію и взаимно присягнули стоять за своего короля. Тѣмъ, которые пристанутъ къ врагу, конфедерація угрожала смертною казнью. Польское кварцяное войско было также еще за короля Августа [4]). 29 августа король Августъ былъ снова въ Варшавѣ съ 24.000 войска саксонскаго [5]), а Карлъ съ 30.000 своего войска стоялъ въ Краковѣ. Въ это время православные люди, бывшіе въ Польшѣ, сооб-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., №№ 1[illegible], 17—19 и 23. — Въ этотъ разъ, по его представленію, выданы были вдовѣ племянника Мазепы Обидовской, дочери генеральнаго писаря Кочубея, жалованныя грамоты на угодья и села въ полкахъ: Нѣжинскомъ (Крупичъ), Прилуцкомъ (Переводъ) и Лубенскомъ (Коровинцы), генеральному асаулу Ломиковскому—на разныя маетности, а запорожцамъ въ подарокъ 1.000 червонныхъ съ придачею матерій, соболей и суконъ.

[2]) Арх. Юст. кн. 86, л. 400.

[3]) Ibid., л. 698. —...костелы дерутъ и съ людей великіе харчевые и денежные запасы емлютъ.

[4]) *Otwinowski*: „Dzieje pan Aug. II“, str. 32—44. — Арх. Юст. кн. 86, л. 668—671.

[5]) Саксонское войско было въ Польшѣ въ то время потому, что король польскій Августъ былъ наслѣдственный владѣтель Саксоніи

щали въ Малороссію, что у польскихъ пановъ сенаторовъ идетъ рѣчь о томъ, какъ бы примирить короля польскаго со шведскимъ и обратить ихъ оружіе на Москву съ тѣмъ, чтобы возвратить Польшѣ Украину [1]).

Между тѣмъ царь 27 іюля далъ Мазепѣ указъ отправить козаковъ къ литовскимъ городамъ Быхову и Могилеву, чтобы не допускать шведской партіи полякамъ укрѣпиться въ этихъ городахъ [2]). Быховъ уже осаждалъ вѣрный королю Августу староста мозырскій Халецкій, стараясь добыть засѣвшихъ тамъ поляковъ партіи Сапѣгъ, такъ называемыхъ сапѣжинцевъ, приставшихъ къ шведскому королю. По распоряженію гетмана Мазепы прибылъ туда отрядъ козаковъ въ 12.000 подъ наказнымъ гетманствомъ стародубскаго полковника Миклашевскаго [3]).

Дѣло подъ Быховомъ пошло для русской стороны удачно. Осаждавшихъ козаковъ и поляковъ партіи Августа было 18.000 съ сотнею пушекъ; въ Быховѣ — 4.000 гарнизона изъ сапѣжинцевъ, 150 запорожцевъ перебѣжчиковъ и до полуторы тысячи разнаго сброду. Осаждавшіе стали палить въ крѣпость. Комендантъ Биздюкевичъ былъ раненъ кирпичомъ, раздробленнымъ козацкимъ ядромъ, и 12 октября послалъ объявить, что сдается, только не полякамъ, а русскому царю. Затѣмъ подписали договоръ о сдачѣ крѣпости: комендантъ, старобыховскій губернаторъ, поставленный владѣльцемъ города Сапѣгою, нѣкоторыя лица изъ рыцарства и еврейскій кагалъ. Тотчасъ Халецкій ввелъ туда королевскихъ драгунъ, а быховскій гарнизонъ долженъ былъ присягнуть королю Августу и идти въ Могилевъ. Всѣмъ объявлялась амнистія и ненарушимость правъ, дарованныхъ городу его владѣльцами Сапѣгами.

[1]) Арх. Юст. кн. 86, л. 700.

[2]) Ibid., л. 508.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г. Подлинники, августъ.

По возвращенiи Миклашевскаго отъ Быхова, гетманъ казался недоволенъ Миклашевскимъ за то, что онъ допустилъ Халецкому взять Быховъ на королевское имя, тогда какъ осажденные сдались на имя царское, а не на королевское. Мазепа хотѣлъ было казнить смертью запорожцевъ, служившихъ Сапѣгамъ, взятыхъ въ Быховѣ и теперь приведенныхъ въ Батуринъ; но бывшiе при взятiи Быхова полковники упросили гетмана пощадить виновныхъ, потому что сами они ранѣе поклялись душами своими, что преступникамъ окажется милость [1]).

Зимою съ 1702 на 1703 годъ гетманъ снова ѣздилъ въ Москву и воротился съ новыми пожалованiями; онъ получилъ Крупецкую волость со всѣми принадлежащими къ ней селами и деревнями, ему надарили соболей, бархатовъ, вина и прочаго [2]). Польскiй король, во вниманiе къ услугамъ, оказаннымъ малороссiйскимъ войскомъ, прислалъ Мазепѣ орденъ Бѣлаго Орла.

Въ слѣдующiй затѣмъ 1703 годъ мы почти не видимъ участiя козаковъ въ войнѣ на сѣверѣ; извѣстно только, что запорожцы находились на устьѣ Невы и жаловались, что имъ не даютъ ни крупъ, ни сухарей, а заставляютъ жить на одномъ хлѣбѣ, да и того даютъ только половину противъ положеннаго [3]). Вернувшись на Запорожье, эти сѣчевики своими разсказами настраивали товарищей противъ великорусской власти. Разгорѣлось волненiе, возбуждаемое заклятымъ врагомъ москалей Костею Гордѣенкомъ, бывшимъ тогда въ званiи кошевого атамана. Возмутительный духъ разносился по Украинѣ, отчасти запорожцами, которые каждый годъ отъ Сырной недѣли до Пасхи, по давнему обычаю, посѣщали своихъ свойственниковъ въ Украинѣ, отчасти малороссiйскими торговцами,

[1]) Арх. Юст. кн. 86, л. 723 и 824.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1703 г., № 12.

[3]) Арх. Юст. кн. 94, октябрь 1703 г.

проживавшими по временамъ въ Сѣчѣ по своимъ торговымъ дѣламъ. Въ Гетманщинѣ народное негодованіе возбуждалось и подогрѣвалось своевольствами, которыя не переставали показывать ратные царскіе люди. «Купы» (шайки) удальцовъ стали бѣгать въ запорожскія степи и гетманъ нашелъ необходимымъ, съ цѣлію не допускать народъ до побѣговъ, обставить, какъ онъ выражался, охотными полками весь рубежъ гетманскаго регимента. Въ Запорожьѣ, гдѣ увеличивалось число бѣглецовъ, загоралось желаніе идти въ Украину и расправляться тамъ съ москалями, панами и арендаторами [1]). Въ особенности бѣгство въ Сѣчу происходило изъ Полтавскаго полка. Гетманъ по этому поводу отставилъ полтавскаго полковника Искру и счелъ нужнымъ замѣтить въ своемъ донесеніи въ Приказъ, что вообще у всего малороссійскаго народа «зѣло отпадаетъ сердце къ великому государю» [2]). Это тревожное положеніе не разразилось однако никакимъ всеобщимъ волненіемъ въ народѣ и не прервало участія козаковъ въ царской войнѣ со Швеціею.

Съ 1704 года царь Петръ нашелъ удобнѣе посылать малороссіянъ противъ шведовъ не на сѣверъ, а въ польскія области въ качествѣ вспомогательныхъ военныхъ силъ своему союзнику королю Августу II, и съ этою цѣлью указано было гетману держать въ Польшѣ своего резидента, а съ коронными гетманами вести «любительную корреспонденцію» [3]).

Въ апрѣлѣ по царскому указу Мазепа долженъ былъ

[1]) ...арендаровъ и пановъ бити и грабити и зовсѣмъ розбити: кгдыжъ правѣ намъ не докы бути, терпѣлисмо же отцовъ и братовъ и кревныхъ нашихъ держали въ неволѣ и въ конець хотятъ закабалити, а мы за вольность козацкую идемъ на такихъ противныхъ намъ воевати.

[2]) Арх. Юстиціи кн. 94, мартъ 1703 г.

[3]) Ibid., кн, 95.—Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г., № 2.

со всѣмъ своимъ войскомъ, переправившись черезъ Днѣпръ у Кіева, вступить за рубежъ польскихъ владѣній и чинить промыселъ надъ нерасположенными къ королю Августу панами, нещадно опустошая огнемъ и мечомъ ихъ маетности. Мазепа шелъ уже со скрытымъ намѣреніемъ схватить Палѣя и въ своихъ донесеніяхъ въ Приказъ постоянно сообщалъ, на основаніи показаній какого-то бѣглаго канцеляриста изъ Бѣлой-Церкви, что Палѣй безпрестанно сносится съ Любомирскими, которые рѣшительно уже пристали къ шведамъ. Между тѣмъ, отклоняя Палѣя отъ всякаго противъ себя подозрѣнія, онъ приглашалъ его къ себѣ на соединеніе съ своими полчанами и спрашивалъ, какъ знатока мѣстныхъ путей: куда идетъ лучше трактъ въ Польшу—черезъ Подоль, или черезъ Волынь?

Въ самой Рѣчи Посполитой дѣла для короля Августа пошли плохо. Паны уже перестали между собою толковать о примиреніи двухъ королей во вредъ Россіи, но прямо одинъ за другимъ отступали къ шведской сторонѣ и приходили къ согласному отрѣшенію короля Августа отъ престола и къ выбору иного короля. Августъ, подозрѣвая, что выборъ ихъ остановится на комъ нибудь изъ сыновей покойнаго короля Яна Собѣскаго, приказалъ арестовать и отправить въ Саксонію двухъ братьевъ Собѣскихъ, Якова и Константина. Это, какъ показали послѣдствія, не спасло Августа отъ конкурентовъ.

Гетманъ Мазепа въ маѣ стоялъ обозомъ близъ могилы Перепетыхи [1]), ожидая прибытія козацкихъ полковъ, которымъ приказалъ спѣшить [2]). Отсюда, по желанію короля Августа, сообщенному царскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, гетманъ отправилъ въ Польшу 3.000 козаковъ съ мирго-

[1]) Языческое гробовище Сквирскаго уѣзда, раскопанное въ 1846 году.

[2]) „Лѣт. Грабянки“, стр. 256.

родскимъ полковникомъ Даниломъ Апостоломъ, а четвертую тысячу поручилъ комиссаріусу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, который шелъ съ великорусскими военными силами туда же въ помощь королю Августу.

15 іюня Мазепа съ войскомъ стоялъ подъ Паволочью на шляху Гончарихѣ. Сюда прибылъ къ нему Палѣй съ своими полчанами, не подозрѣвая никакихъ козней, и расположился особымъ обозомъ рядомъ съ обозомъ гетмана. Мазепа у себя въ обозѣ принималъ Палѣя очень радушно и угощалъ. По этому поводу гетманъ писалъ къ Головину: «Вотъ уже наступила четвертая недѣля, какъ Палѣй находится при мнѣ (при боку моемъ гетманскомъ). Онъ безпрестанно пьянъ и день и ночь, не видалъ я его трезвымъ. Я стараюсь обратить его противъ Любомирскихъ и предлагалъ ему дать своихъ козаковъ для усиленія его полчанъ, но онъ, насыщенный духомъ Любомирскихъ, все только отговаривается то болѣзнью, то другими предлогами». Между тѣмъ Любомирскій, владѣлецъ Полоннаго, написалъ гетману Мазепѣ, что удивляется—зачѣмъ это гетманъ съ козацкими силами вступилъ въ черту владѣній Рѣчи Посполитой. Самъ онъ, Любомирскій, стоитъ съ войскомъ не съ дурнымъ какимъ умысломъ противъ короля Августа, а для того, чтобы оберегать край отъ мужицкихъ бунтовъ, и просилъ гетмана оказывать покровительство его маетностямъ. Съ тѣхъ поръ все лѣто стоялъ Мазепа у Паволочи, переписывался съ Головинымъ и сообщалъ ему разные доводы измѣны Палѣя и связи его съ врагами. Гетманъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему Самусь, говорилъ, что Палѣй ничего добраго не желаетъ ни царю Петру, ни королю Августу, что Палѣй собиралъ раду въ Кошеватой [1]) и произносилъ такія рѣчи, которыя показывали худой умыселъ противъ Мазепы и его войска.

[1]) Нынѣ мѣстечко Таращанскаго уѣзда на р. Роси.

Гетманъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему изъ Дубна польскій полковникъ Барановскій и жаловался, что палѣевскіе «гультаи» разоряютъ маетности пановъ вѣрныхъ королю Августу, наконецъ прислалъ Мазепѣ письмо Іосифъ Потоцкій кіевскій воевода: «за два года назадъ, — писалъ онъ,—съ подущенія Палѣя свирѣпствовало хлопство надъ своими панами по всему Поднѣстрью, а Палѣй оглашалъ, будто вѣроломные варварскіе поступки совершаются во имя царя и съ согласія гетмана Войска Запорожскаго. Нынѣ, обращаясь какъ песъ на свою блевотину, взялся Палѣй за то же: по его наущенію своевольная шайка замучила моего сотника Алексѣя, мятежники овладѣли Немировомъ и разграбили». Пріѣзжали къ Мазепѣ губернаторы разныхъ маетностей и коменданты городовъ, убѣгавшіе отъ «гультаевъ»; они извѣщали о разныхъ шайкахъ, бродившихъ по краю. Единомышленникъ Палѣевъ Шпакъ изъ Умани составилъ ватагу и дѣлалъ разоренія около Днѣстра, ссылаясь на то, будто это творится съ согласія царя и гетмана Войска Запорожскаго. Другой предводитель ватаги въ томъ же краѣ былъ сотникъ Палѣева полка Назуленко; третій—запорожецъ изъ Сѣчи, Корсунъ; четвертый—въ окрестностяхъ Каменца — Ворона [1]). Всѣ они называли себя царскими полковниками. Пріѣзжавшіе къ Мазепѣ губернаторы представляли ему, что все зло этихъ бунтовъ идетъ отъ Палѣя, наконецъ и самъ король Августъ написалъ къ Мазепѣ, жалуясь, что разбои чинятся надъ шляхетствомъ около Буга и Днѣстра по наущенію Палѣя.

Мазепа 10 іюля пригласилъ Палѣя въ свой обозъ и сообщилъ ему о жалобахъ, возникшихъ на него. Палѣй отвѣчалъ: «Я своимъ полчанамъ запретилъ обижать поляковъ; но не всѣ меня слушаютъ; иной самовольно

[1]) Рукоп. Имп. Пуб. библ. Польская, folio, № 11.—Арх. Юго-Зап. Россіи, III, т. II, стр. 637.

своимъ путемъ идетъ. Что́ же мнѣ дѣлать! На то они люди войсковые. Они смотрятъ на то, какъ ведутъ себя ляхи съ ихъ королемъ. Вотъ какъ я услышу о добромъ поведеніи короля и ляховъ, то и смирю гультаевъ: полны будутъ висѣлицы!» Гетманъ сказалъ Палѣю, чтобъ онъ, по желанію царскому, ѣхалъ въ Москву. «Незачѣмъ мнѣ туда ѣздить!» отвѣчалъ Палѣй. Тогда Мазепа не отпустилъ Палѣя въ его обозъ, а задержалъ въ своемъ обозѣ, однако не открывалъ ему объ умыслѣ отправить его насильно въ Москву. — «Вотъ уже шестой день сидитъ Палѣй у меня въ обозѣ,—писалъ Мазепа Головину, — онъ безпросыпно пьянъ, кажется уже пропилъ послѣдній умъ, какой у него оставался! Это человѣкъ безъ совѣсти и гультайство у себя держитъ такое же, каковъ самъ: не знаютъ они надъ собою ни царской, ни королевской власти и всегда только къ грабежамъ и разбоямъ рвутся. Самъ Палѣй даже не помнитъ что говоритъ: я предложилъ ему ѣхать въ Москву, — онъ отказался; я черезъ нѣсколько дней сталъ упрекать его за это, а онъ мнѣ сказалъ, что ничего не помнитъ, потому что былъ тогда пьянъ». Но сидя въ гетманскомъ обозѣ, если только вѣрить донесенію Мазепы, Палѣй внушалъ мятежническіе замыслы четыремъ сотникамъ Полтавскаго полка, говоря: «Добра не буде, поки вы не збудете вашихъ панивъ и орандаривъ». Сотники сами передали это гетману [1]).

Въ концѣ іюля Мазепа передвинулъ свой обозъ къ Бердичеву, а 1-го августа приказалъ взять Палѣя подъ караулъ и тотчасъ отправилъ въ Бѣлую Церковь извѣщеніе, что отдаливши, по извѣстнымъ ему причинамъ (для певныхъ причинъ), Палѣя отъ полковничества, вручаетъ этотъ урядъ Михайлу Омельченку, обязывая по-

[1]) Арх. Ин. Дѣл. Подлинники, іюль.—Арх. Юст. кн. 95.

слушаніемъ къ нему всѣхъ подчиненныхъ Палѣю полчанъ [1]).

Большая часть полчанъ палѣевыхъ не находилась тогда съ нимъ близъ козацкаго стана, слѣдовательно не могла противодѣйствовать гетманскимъ распоряженіямъ, а тѣ, которые были съ Палѣемъ, не могли, по своему малолюдству въ сравненіи съ козацкимъ войскомъ Мазепы, защищать своего полковника. Въ Бѣлой Церкви находился палѣевъ гарнизонъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Эти «гультаи», получивши приказаніе гетмана сдать Бѣлую Церковь, заупрямились и кричали: «поки батька нашого Палія не уздримъ, поты не пиддамося гетманови». Но бѣлоцерковскіе мѣщане закричали на нихъ: «коли вы добромъ не уступите, то мы васъ отсюда выбьемъ вонъ, никому иному кланяться не будемъ, только пану гетману». Это произошло оттого, что мѣщане боялись присылки военной силы, если добровольно не сдадутъ Бѣлой Церкви.

Гетманъ послалъ въ Бѣлую Церковь 200 человѣкъ самусевцевъ (т.-е. бывшаго самусева полка) и прибавилъ къ нимъ еще 100 человѣкъ Переяславскаго полка, которымъ также велѣлъ называться самусевцами. Онъ между козаками распустилъ такой слухъ, будто все это сдѣлалось съ Палѣемъ по наущенію Самуся, который, досадуя, что Палѣй бралъ съ Любомирскихъ деньги, а съ нимъ Самусемъ не подѣлился, заявилъ гетману объ измѣнѣ Палѣя съ тѣмъ, чтобы въ Бѣлой Церкви были поставлены въ гарнизонъ козаки самусевой ватаги [2]).

[1]) Арх Юго-Зап. Россіи. ч. III, т. II, стр. 640. ...абысьте вы всѣ належитое оному отдавали послушенство и всякую яко старшому своему повинность. Онъ зась яко справный и благоразсудительный человѣкъ такъ знатиметъ, якъ добрыхъ миловати и на оныхъ респектъ оказывати, а злыхъ и преступныхъ слушнымъ карапемъ наказывати.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники 1704 г., августъ.—Арх. Юст. кн. 95.

Чтобы показать Палѣя еще болѣе виновнымъ передъ царскимъ правительствомъ, Мазепа послалъ Головину сказку, отобранную будто бы у еврея, хвастовскаго орандаря, черезъ посредство котораго Палѣй велъ сношенія съ Любомирскими. Въ этой сказкѣ сообщалось, что коронный подкоморій Любомирскій говорилъ еврею такъ: «пусть Палѣй набираетъ побольше войска и переманиваетъ къ себѣ отъ гетмана Мазепы сердюковъ и компанѣйцевъ, а когда мнѣ пришлетъ шведскій король деньги, я Палѣю дамъ изъ нихъ часть. Саксонскій песъ посадилъ Собѣскихъ въ тюрьму. Будемъ ему мстить, пока силъ нашихъ станетъ. Бѣлая Церковь будетъ Палѣю отдана въ вѣчное владѣніе. Только пусть Палѣй будетъ всегда желателенъ дому Любомирскихъ» [1]).

24 августа того же года [2]) гетманъ писалъ Головину, что онъ «божевильнаго» (безумнаго) пьяницу Палѣя отослалъ за карауломъ въ Батуринъ вмѣстѣ съ его пасынкомъ Симашкомъ и велѣлъ держать ихъ обоихъ въ батуринскомъ за́мкѣ до царскаго указа. «Еслибы, — замѣчалъ гетманъ,—не предостерегъ меня уманскій сотникъ, то Палѣй въ ту ночь, которая послѣдовала за вечеромъ, когда онъ былъ взятъ подъ караулъ, убѣжалъ бы въ Запорожье черезъ Межигорскій монастырь, гдѣ для него уже были приготовлены челны на Днѣпрѣ».

Мазепа еще изъ Паволочи отправилъ къ королю Августу канцеляриста Дмитрія Максимовича съ вопросомъ, что̀ ему дальше дѣлать и куда идти. 10 августа подъ Бердичевъ Максимовичъ прибылъ съ отвѣтомъ. Король писалъ, чтобы гетманъ послалъ къ нему 30.000 козаковъ, а самъ бы съ остальнымъ войскомъ расположился близъ Полоннаго въ маетностяхъ Любомирскихъ въ наказаніе владѣльцамъ

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлинники. Донесеніе Мазепы 10 августа.
[2]) Ibid., Донесеніе 24 августа.

за недоброжелательство къ королю Августу. Но Мазепа доносилъ въ Приказъ, что исполнить въ точности королевской воли онъ не можетъ, потому что тогда бы самъ остался безъ военной силы. Вмѣсто требуемыхъ 30.000, Мазепа отправилъ королю только 10.000 подъ наказнымъ гетманствомъ переяславскаго полковника Мировича. Тогда всего козацкаго войска при королѣ Августѣ, вмѣстѣ съ усланными прежде съ миргородскимъ полковникомъ, было 17,000. «Мнѣ докучаетъ, — писалъ Мазепа Головину, — король Августъ письмами, требуя, чтобъ я ради его королевскихъ прибылей укрощалъ своевольство, начавшееся отъ Палѣя и его гультайства, да и шляхта брацлавскаго и подольскаго воеводствъ то и дѣло что пріѣзжаетъ ко мнѣ съ докучливыми просьбами помочь имъ отобрать въ свое владѣніе маетности, изъ которыхъ выгналъ ихъ Палѣй. А ко мнѣ, между тѣмъ, пріѣзжаютъ панскіе подданные и просятъ дозволенія прогнать лядскихъ губернаторовъ» [1]).

Стоянка козаковъ подъ Бердичевомъ сопровождалась большими лишеніями и неудобствами. Привезенные съ собою запасы истощились. Въ покупкѣ все было дорого, да и многимъ козакамъ не за что было купить: въ то время всю Малороссію одолѣвало безденежье, такъ какъ вывозная торговля остановилась по случаю неустройствъ въ Польшѣ и малороссіяне перестали гонять воловъ на продажу въ Гданскъ и Силезію [2]). Скудость продовольствія

[1]) . . . никгды бы ляхи не показали себя способными справитися з бунтовщиками понеже самые подданные ихъ къ бунтамъ склонны и не хотятъ долѣе ига лядскаго надъ собой терпѣти. Какъ уже изъ чотырохъ городовъ: Винницы, Бершада, Ягорлыка и Новоконстантинова пріѣзжали подданные ко мнѣ и просили, чтобъ я позволилъ имъ губернаторовъ своихъ вонъ выгнати не могучи болшъ терпѣти несносныхъ грабительствъ.

[2]) Арх. Юст. кн. 95, л. 455.

была тѣмъ ощутительнѣе, что въ обозѣ было многолюдство. Съ гетманомъ было тысячъ двадцать козаковъ, а кромѣ нихъ были еще и великороссійскіе ратные люди подъ гетманскимъ начальствомъ: послѣдніе были плохо одѣты, плохо вооружены и плохо содержимы. Многое побуждало гетмана желать скорѣйшаго окончанія этого похода и возвращенія въ Украину. Молдавскій господарь писалъ Мазепѣ, что, пользуясь войною, возникшею между царемъ и шведскимъ королемъ, турки думаютъ вступить въ союзъ съ послѣднимъ и не сегодня-завтра татары ворвутся въ Украину. Получались кромѣ того вѣсти о новыхъ замыслахъ запорожцевъ производить смуту въ народѣ [1]). Опять носились обычныя воззванія противъ «орендарей» и пановъ [2]) и по донесенію гетмана данъ былъ указъ кіевскому воеводѣ въ случаѣ надобности посылать ратныхъ людей для усмиренія запорожцевъ, если они явятся въ Украину бить богатыхъ людей и торговцевъ [3]).

24 августа гетманъ получилъ извѣстіе, что король польскій ушелъ изъ королевства, а малороссійскому гетману поручалъ опустошать нещадно маетности Любомирскихъ на Волыни [4]). Гетманъ не приступалъ къ исполненію королевскаго желанія до полученія о томъ же указа отъ своего государя, а только подвинулся далѣе на Волынь и въ сентябрѣ сталъ таборомъ за Любаромъ [5]). Тогда между козаками началось волненіе. Стали составлять купы (кружки) и порывались домой. Въ день Воздвиженія произошелъ большой шумъ въ козацкомъ таборѣ. Его подняли самусевцы и палѣевцы, а къ нимъ приставали и городовые козаки разныхъ полковъ. Подходили съ палками

[1]) . . . всиваты колотнечу въ людяхъ.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1704 г. Донесеніе Мазепы отъ 10 іюля.

[3]) Арх. Юст. кн. 95, л. 550 и далѣе.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлин., августъ.

[5]) Ibid., сентябрь.

къ шатрамъ начальныхъ людей. Требовали вести ихъ домой. Носились слухи, что шведскій король съ приставшими къ нему поляками замышляетъ переходить на лѣвую сторону Днѣпра и занять тамъ зимнія становища. Между тѣмъ почти передъ глазами гетмана Мазепы волынская шляхта, послѣ успѣховъ Карла XII въ Червоной Руси, объявила себя на сторонѣ шведскаго короля, а потомъ вскорѣ услышавши, что дѣло короля Августа начинаетъ поправляться, опять заявила охоту стоять за Августа [1]). То же произошло и съ Любомирскими: Мазепа по приказанію короля расположилъ козаковъ въ маетностяхъ Любомирскихъ въ наказаніе за то, что они отпали отъ Августа, но потомъ скоро получилъ извѣстіе, что Любомирскіе опять поддались королю Августу, и приказалъ козакамъ выйти изъ ихъ маетностей [2]). Все это показывало, что польское шляхетство начало колебаться то въ ту, то въ противную сторону, и становилось невозможнымъ услѣдить: кто другъ, а кто врагъ царскому союзнику.

Наконецъ царскій резидентъ въ Варшавѣ прислалъ Мазепѣ отъ имени короля польскаго разрѣшеніе возвратиться домой и гетманъ 12 октября поворотилъ назадъ свое войско. 18 октября Мазепа былъ въ Хвастовѣ, а 29 прибылъ въ Батуринъ [3]), жалуясь въ своемъ донесеніи въ Приказъ, что польскій король напрасно продержалъ козаковъ безъ дѣйствія и безъ всякой пользы для своего дѣла.

Въ то время, когда Мазепа съ войскомъ совершалъ свой походъ на Волынь и обратно, посланные на помощь польскому королю полковники Мировичъ и Апостолъ такъ исправляли возложенныя на нихъ порученія. Мировичъ былъ свидѣтелемъ взятія Львова Карломъ XII. По доне-

[1]) Арх. Юст. кн. 95, л. 600—603.

[2]) Ibid., л. 859.

[3]) Ibid., л. 619. 720.—Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлин., октябрь.

сенію козацкаго полковника, это событіе произошло 26 августа оттого, что львовскій комендантъ Каминскій тайно мирволилъ шведамъ и впустилъ ихъ ночью въ городъ черезъ потайную калитку. По описанію шведскаго историка Нордберга, Каминскій послѣ взятія города скрывался и уже на другой день добровольно явился и сдался шведамъ [1]). Прикомандированный къ коронному референдарію Ревускому Мировичъ съ козаками отступилъ предъ напоромъ шведовъ къ Бродамъ и увидалъ, что поляки болѣе непріязненно относятся къ козакамъ, чѣмъ къ самимъ шведамъ. Многіе изъ поляковъ, видя торжество противной партіи, стали разъѣзжаться по своимъ домамъ, «а насъ козаковъ,— писалъ Мировичъ, — ведутъ въ осеннее время по болотамъ и на стоянкахъ за связку сѣна бьютъ» [2]). Миргородскій полковникъ Апостолъ былъ прикомандированъ къ генералу Брандту, вмѣстѣ съ нимъ счастливо выдержалъ сраженіе противъ шведскаго отряда майора Лейонгельма: шведы въ числѣ 760 человѣкъ были разбиты. «Большую часть ихъ,—говоритъ Апостолъ,—мы перекололи», а 300 человѣкъ приведены были плѣнными къ королю Августу [3]). По извѣстію Нордберга, эти шведы сдались военноплѣнными, Брандтъ принялъ ихъ ласково, а козаки, которыхъ съ Брандтомъ было до трехъ тысячъ, отобрали у шведовъ оружіе, и сперва обѣщавши имъ жизнь, потомъ варварски ихъ перекололи [4]). Вслѣдъ за пораженіемъ Лейонгельма сдался въ Варшавѣ шведскій генералъ Горнъ: козаки участвовали въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Козаки, бывшіе съ миргородскимъ полковникомъ, были очень довольны обращеніемъ съ ними генерала Брандта. Апостолъ, въ своемъ донесеніи гетману, называлъ его

[1]) *Nordberg* (французскій переводъ), т. II, стр. 488—490.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлин., сент. 7.

[3]) Ibid. 1704 г. Донесеніе Апостола изъ Закрочима августа 31.

[4]) *Nordberg*, т. II, стр. 492.

«человѣкомъ правдивой совѣсти: любо и жить и умирать съ нимъ, можно съ нимъ разговаривать безъ толмача, и еслибъ не онъ, то мы бы не знали какъ съ этими нѣмцами обходиться, не умѣя говорить съ ними». Но не такъ отнеслись козаки къ Паткулю, подъ команду котораго потомъ поступили. Это былъ, по словамъ Апостола, человѣкъ «гордомысленный», не говорилъ иначе какъ по-нѣмецки и кругомъ его были все нѣмцы, обращавшіеся съ козаками презрительно. Паткуль даже не счелъ нужнымъ показать имъ царскій указъ, по которому долженъ былъ ими командовать. Козаки износили свои одежды, терпѣли голодъ, имъ не давали провіанта, а приказывали самимъ для себя молотить снопы, молоть зерно и печь хлѣбъ. Паткуль этимъ не ограничился. Онъ вздумалъ обучать козаковъ нѣмецкому строю съ мушкетами, а тѣхъ, которые не могли скоро навыкнуть, велѣлъ бить жестоко и грозилъ висѣлицею. Чуть какой козакъ выпятится изъ строя, его тотчасъ приказываютъ бить, не обращая вниманія, хотя бы онъ былъ въ числѣ полковыхъ старшинъ [1]). Въ Познани, гдѣ стояли козаки и обучались нѣмецкому строю, козацкій сотникъ Родзянка замѣтилъ: «развѣ когда полгода поучатся, тогда обучатся!» Это сочтено было дерзостію; Паткуль хотѣлъ казнить Родзянку смертію и помиловалъ только послѣ усиленныхъ просьбъ за него всѣхъ козаковъ. Въ Познани, наконецъ, обступили козаковъ кругомъ 2.000 саксонской конницы и 2.000 пѣхоты; прежде—всѣхъ старшинъ взяли подъ караулъ, потомъ изъ обоза пріѣхали Паткуль съ Брандтомъ и приказали нѣмцамъ побрать у козаковъ для себя лучшихъ лошадей, а прочихъ лошадей неизвѣстно куда дѣли и козаки остались пѣшими. Это печальное событіе сообщено было полковнику переяславскому, который, вмѣстѣ съ референдаріемъ Ревускимъ,

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ. Донесеніе Апостола отъ 20 октября.

шелъ къ Варшавѣ по пути отъ Львова. «Какъ скоро наше товариство, — сообщалъ Мировичъ гетману, — услыхало о томъ, какъ обходятся нѣмцы съ ихъ братіею козаками, такъ и въ мысли ни у кого не стало чтобъ идти далѣе за Вислу». И отъ польскихъ жолнѣровъ, съ которыми принуждены были совершать походъ, козаки Мировича много натерпѣлись. «Поляки безчестятъ нашихъ людей,—писалъ Мировичъ,—хлопами и свинопасами называютъ, плашмя саблями бьютъ, заспоривши за какую нибудь связку сѣна или за поросенка. Никто изъ нашихъ добраго слова отъ ляховъ не услышитъ, кричатъ на насъ: въ нашихъ есте рукахъ, нога ваша не уйдетъ отсюда, всѣхъ васъ тутъ вырубимъ»! Подъ Тыкоциномъ 20 октября Мировичъ съ козаками отсталъ отъ референдарія, взялъ путь къ Бугу, мимо Люблина, и отпустилъ козаковъ для лучшаго прокормленія на Полѣсье, тѣмъ болѣе, что носились слухи о моровомъ повѣтріи во Львовѣ, въ Бѣломъ-Камени, въ Бродахъ и Кременцѣ [1]). Козаки, бывшіе у миргородскаго полковника, лишившись лошадей, отобранныхъ у нихъ нѣмцами, шли пѣшкомъ къ Кракову, недалеко Велюна наткнулись на шведовъ и на поляковъ шведской стороны, принуждены были вступить съ ними въ бой и были разбиты. Ихъ погибло тамъ 1.700 человѣкъ, осталось всего 80, которые прибыли въ Украину съ двумя сотниками полковъ Нѣжинскаго и Прилуцкаго [2]).

Полковники Мировичъ и Апостолъ воротились въ ноябрѣ, отговариваясь и холодомъ и голодомъ. Въ царскомъ указѣ о нихъ 20 декабря сказано, что хотя оба они достойны казни за распущеніе козаковъ и за самовольный уходъ со службы, но царь, по ходатайству гетмана, простилъ ихъ вины [3]).

[1]) Ibid., Подлинники 1704 г. Донесеніе Мировича.

[2]) Арх. Юст. кн. 96.

[3]) Ibid.,

Палѣй сидѣлъ въ батуринскомъ замкѣ до первыхъ мѣсяцевъ 1705 года. Его имущество было описано и опись послана въ Москву. У него найдено до 2.000 червонцевъ, кромѣ дукачей, бывшихъ по украинскому обычаю на женскихъ коралловыхъ монистахъ; 5.274 талера найдено сокрытыми въ землѣ, такъ какъ въ тѣ времена земля была обычною сохранною казною, предохранявшею капиталы отъ непріятелей и разбойниковъ. Кромѣ того сумма 15.000 чеховъ числилась розданной въ долгъ разнымъ лицамъ. Серебренная посуда, составлявшая въ то время обычную роскошь козацкихъ старшинъ, не представляла у Палѣя большаго изобилія, по крайней мѣрѣ если сравнивать съ богатствами этого рода, найденными у Самойловича послѣ его низложенія: всего посуднаго серебра у Палѣя было вѣсомъ 5 пуд. 39 фунтовъ. За то у Палѣя было немало дорогаго богато-оправленнаго оружія и одеждъ мужскихъ и женскихъ, бархатныхъ, луданныхъ, златоглавныхъ и проч. Его бывшій факторъ іудей и его родственникъ Омельченко (занявшій полковническую должность) показывали, однако, что Палѣй зарылъ еще въ землѣ большой кладъ, но не знали гдѣ. Гетманъ безъ царскаго указа не смѣлъ по этому поводу подвергать Палѣя и жену его пыткѣ, хотя этого ему хотѣлось.

Въ началѣ 1705 года Мазепа, будучи въ Москвѣ, лично представлялъ царю, что Палѣя оставлять въ Украинѣ не годится, а слѣдуетъ отправить его въ Великую Россію, но и въ столицѣ не держать долгое время и опредѣлить ему мѣсто ссылки гдѣ-нибудь подальше [1]). Палѣй былъ доставленъ вмѣстѣ съ своимъ пасынкомъ Симашкомъ въ Москву въ мартѣ 1705 года [2]). Сначала указомъ 30 мая

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники 1705 г., 8 февраля. ...понеже порозумѣлемъ яко многіе его жалѣютъ и переговоруютъ.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г., № 3.

велѣно было сослать Палѣя въ Енисейскъ и держать тамъ до кончины живота [1]). Но по этому указу онъ почему-то отправленъ не былъ, а 30 іюля состоялся другой указъ, которымъ приказывалось везти Палѣя до Верхотурья въ три подводы, въ сопровожденіи десяти солдатъ, оттуда препроводить въ Тобольскъ, а изъ Тобольска въ Томскъ, гдѣ положено было содержать его постоянно [2]).

Народная память создала о пребываніи Палѣя въ Сибири поэтическій образъ такого рода: Палѣй собирается идти молиться Богу; его вѣрный «чура» натягиваетъ на него сѣрую свиту и даетъ въ руки еловую вѣтвь. Онъ идетъ къ часовнѣ и не знаетъ, молиться ли ему Богу или тосковать. Воротившись изъ часовни, онъ беретъ «бандуру» и поетъ пѣсню, въ которой выражаетъ и свое горе и современную народную философію: «горе жить въ свѣтѣ: одинъ, запродавши свою душу, вышиваетъ себѣ золотомъ одежды; другой, какъ въ дикомъ лѣсу, слоняется въ Сибири». Ясно, что здѣсь судьба Палѣя противополагается судьбѣ Мазепы, погубившаго его и продолжавшаго жить въ роскоши и изобиліи [3]).

[1]) Арх. Юст. кн. 100, л. 132.

[2]) Ibid., л. 346. и какъ къ вамъ тобольскіе служилые люди въ Томскъ привезутъ Семена Палѣя, и вы бъ его Семена Палѣя, принявъ въ Томскѣ, велѣли до нашего великаго государя указу держать на постояломъ дворѣ за крѣпкимъ карауломъ и нашего великаго государя жалованья давать ему изъ тамошнихъ доходовъ и какъ пристойно по рублю на день, а буде вашимъ недосмотромъ какимъ случаемъ онъ, Семенъ Палѣй, бѣжитъ и вамъ быть въ жестокомъ наказаніи. (Грамота царскимъ воеводамъ въ Томскъ).

[3]) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича изд. 1834 г., стр. 113.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Милость царя къ гетману.—Поѣздка гетмана въ Москву.—Недовѣріе къ полякамъ. — Казнь сотника Мандрики. — Дѣло о размежеваніи границъ Турціи.—Запорожье въ этомъ вопросѣ.—Новый походъ Мазепы съ войскомъ въ Польшу. – Новый король въ Польшѣ. — Неудовольствія польскихъ пановъ. — Подчиненіе Замостья. — Возвращеніе козаковъ на Волынь.—Мазепа въ Дубно.—Полковникъ Горленко.—Оскорбленія, наносимыя великороссіянами малороссіянамъ.—Крестины въ Бѣлой Криницѣ.—Княгиня Дольская.—Первое искушеніе.

Во всѣ предшествовавшіе годы ни на волосъ не нарушались самыя лучшія отношенія Мазепы къ царю. Между гетманомъ и царемъ происходили частые обмѣны подарковъ, какъ между близкими друзьями; одинъ другому посылали на гостинецъ произведенія, составлявшія для получавшаго рѣдкость. Напримѣръ, Мазепа отправлялъ Петру въ Москву къ царскому столу своей охоты дичь, лосей и сернъ, также изъ малороссійскихъ садовъ дуль, яблокъ, вишенъ и щепъ разныхъ плодовыхъ деревьевъ, а царь Мазепѣ, вмѣстѣ съ разными гостинцами, присылалъ произведенія сѣверной природы, напримѣръ, живую рыбу изъ Невы и Ладожскаго озера [1]. Въ началѣ 1705 года гетманъ снова былъ принятъ въ Москвѣ, по собственнымъ

[1] Арх. Юст. кн. 100, л. 47.—Арх. Ин. Дѣлъ, 1705 г. Подлинники.

его словамъ, «зъ великимъ уконтентованемъ», и описаніе пріема, сдѣланнаго ему въ этомъ году, показываетъ, какъ высоко цѣнили тогда гетмана. Съ самаго новаго года начали по царскому указу готовить кормы для лошадей Мазепы, а для его свиты — вина и съѣстные припасы. Мазепа въѣхалъ въ столицу 17 января, вмѣстѣ съ генеральнымъ асауломъ Скоропадскимъ и съ пятью знатными войсковыми товарищами; за нимъ прибыла многолюдная свита, состоявшая изъ слугъ и челядниковъ, на двухстахъ подводахъ; всѣмъ каждодневно отпускались въ изобиліи столовые запасы и напитки въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ достоинству гостей. Во время бытности царя въ своей столицѣ, гетманъ былъ много разъ приглашаемъ къ государю на пиры и вмѣстѣ съ тѣмъ на бесѣды о текущихъ дѣлахъ. Тогда предположено было повторить на весну походъ въ Польшу на помощь партіи короля Августа. Но Мазепа встрѣтилъ тогда въ Москвѣ вообще недовѣріе къ Польшѣ, съ которою Московское Государство находилось въ союзѣ противъ шведовъ. Мазепа не только не уничтожалъ такого недовѣрія, а еще поддерживалъ. «А что еслибы поляки показали намъ вражду, — не сыскался ли бы у нихъ новый Палѣй, который былъ бы намъ тогда полезенъ?» спрашивалъ Мазепу Головинъ, давая тѣмъ гетману понять, что на случай признаютъ не безполезнымъ и того Палѣя, котораго гетманъ домогался заслать подальше и безповоротнѣе. — «Для поляковъ, — отвѣчалъ Мазепа, — всякій козакъ есть Палѣй, но правобережные козаки безъ лѣвобережныхъ ничего съ ляхами не сдѣлаютъ! Въ городкахъ они могутъ еще кое какъ обороняться, а въ полѣ отпора не дадутъ. Да ихъ теперь тамъ и немного: козачества всего 4.700 человѣкъ при 8.200 душахъ всего населенія мужскаго пола. Намъ и на нашей сторонѣ надобно остерегаться лядскаго нападенія. Ляхи насъ не терпятъ и войска польскія, стоя на зимовыхъ

квартирахъ, гдѣ только встрѣтятъ малороссіянъ изъ Гетманщины, обираютъ ихъ, называютъ измѣнниками и бьютъ» [1]).

По возвращеніи гетмана въ Украину царь оказалъ Мазепѣ новый знакъ своего довѣрія, приказавши казнить смертію Мандрику, сотника кобецкой сотни Кіевскаго полка, за дерзкія слова о Мазепѣ [2]).

Къ гетману начали присылать польскіе паны Любомирскій и Шембекъ приглашенія оказать помощь войсками своего регимента для приведенія русскихъ подданныхъ въ послушаніе панамъ. Гетманъ отговаривался неимѣніемъ на то царскаго указа, а присланному по этому дѣлу пану Радзіевскому говорилъ такъ: «люди тамошніе быть подъ властію вашею не хотятъ, говорятъ что имъ лучше быть подъ бусурманами, чѣмъ подъ ляхами, да не только подъ бусурманами, а хоть бы и подъ самымъ Люцыперомъ... особенно послѣ того, какъ два года тому назадъ польный коронный гетманъ истреблялъ ихъ старыхъ и малыхъ около Буга и Днѣстра. Намъ приневоливать ихъ трудно, а вотъ когда король Августъ воротится въ Польшу и вся Рѣчь Посполитая будетъ съ нимъ въ единомысліи, тогда быть можетъ его царское величество, ради любви и пріязни къ королю, и найдетъ какой нибудь способъ устроить

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлин., февр.

[2]) Арх. Юст. кн. 96, л. 222 и 265.

(Мѣстный городовой атаманъ донесъ, что этотъ сотникъ, ѣдучи съ нимъ на одной повозкѣ, говорилъ: не буде у насъ на Украинѣ добра поки сей гетманъ живый буде, бо сей гетманъ—одно зъ царемъ розумѣетъ; царь на Москвѣ своихъ губитъ и въ ссылку засылаетъ, а гетманъ розными способами до умаленія Украину приводитъ и теперъ якъ самъ слышишь килька добрыхъ молодцовъ безъ всякой помочи и надежды пропало; для того-то онъ часто на Москву бѣгае, щобъ тамъ науку брать, якимъ то способомъ сей народъ сгубити“. Мандрика сознался, что онъ говорилъ это будучи пьянъ).

такъ, чтобъ Украина правобережная стала спокойна подъ польскою властію [1]).

Весною гетманъ получилъ указъ идти съ войскомъ на Волынь, а въ маѣ пришелъ другой указъ, которымъ предписывалось ему идти на-легкѣ безъ тяжелой артиллеріи къ Бресту; въ іюнѣ же присланъ третій указъ идти самому къ Сендомиру, а въ Литву отправить козацкій отрядъ для соединенія съ великороссійскими военными силами. Тогда гетманъ отправилъ въ Литву отрядъ сборнаго козацкаго товариства, по одному извѣстію въ 3.000 [2]), по другому же [3]) 4.500 человѣкъ, назначивъ надъ этимъ отрядомъ наказнымъ гетманомъ прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка и давши ему запасовъ на полгода. Затѣмъ съ Мазепою войска, готоваго къ походу, было 40,000 городовыхъ козаковъ и охотныхъ пѣшихъ и конныхъ полковъ. Съ нимъ должны были разомъ идти три великороссійскихъ полка сѣвскаго разряда [4]).

Отправляясь на войну, гетманъ принималъ участіе въ коммиссіи о проведеніи рубежей между царскими и турецкими владѣніями. Веденіе этого дѣла возложено было царемъ на дьяка Емельяна Украинцева, но въ іюнѣ гетманъ писалъ къ Меншикову, что запорожцы противодѣйствуютъ порубежному дѣлу, домогаясь, чтобы граница была на Бугѣ и Днѣпръ оставался бы въ ихъ власти [5]). Такія требованія выражались смѣлымъ и дерзкимъ тономъ въ письмахъ кошевого атамана Гордѣенка къ дьяку Украинцеву и къ гетману,—и Мазепа, испытавши, какъ онъ выражался, что увѣщанія гетманскія пристаютъ къ запорожцамъ какъ горохъ къ стѣнѣ, отправилъ на границу

[1]) Арх. Юст. кн. 96, л. 307.

[2]) Ibid., л. 256.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники 1705 г. мая 20.

[4]) Арх. Юст. кн. 96, л. 307.

[5]) Ibid, л. 395.

къ югу нѣсколько сотенъ Нѣжинскаго полка, приказавши по требованію Украинцева укрощать оружіемъ упрямство и своевольство «тыхъ псовъ запорожцевъ». Московское правительство, однако, обошлось тогда ласково съ запорожцами, послало имъ милостивую грамоту, въ которой прощались имъ всѣ вины, указывало имъ содѣйствовать порубежной коммиссіи, жить въ согласіи съ великороссійскими людьми и казнить промежду себя противниковъ, дерзающихъ производить безпорядки. Эта порубежная коммиссія, на которую съ козацкой стороны гетманомъ былъ посланъ войсковой товарищъ Максимовичъ, не пришла къ желанному концу. Турецкіе коммиссары выставляли съ своей стороны разныя претензіи, а русскіе домогались, чтобы турки на кизикерменской и таванской землѣ не возобновляли крѣпостей, по крайней мѣрѣ, до окончанія войны царя со шведами [1]).

Гетманъ выступилъ 18 іюня. Дошедши до Паволочи, онъ отправилъ впередъ Самуся и Искру, приказавши имъ опустошать по-козацки подольскія маетности Потоцкаго и винницкое староство, находившееся тогда во владѣніи Лещинскаго, выбираемаго шведскою партіей въ короли. Впрочемъ, гетманъ велѣлъ только уничтожать панскихъ губернаторовъ, а посполиству не дѣлать никакого разоренія, чтобы можно было потѣшить войско добычею [2]). Въ первой половинѣ іюля Мазепа съ войскомъ вступилъ на Волынь: тамошнее шляхетство прислало къ нему депутацію и просило обойти мимо ихъ воеводство, потому что всѣ обыватели его вѣрны королю Августу. Они указывали на воеводства подольское и руское, гдѣ находились маетности пановъ, приставшихъ къ шведской сторонѣ. Сообщая объ этомъ въ Приказъ, Мазепа изъявлялъ мало до-

[1]) Ibid., л. 447, 471 и 481.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г., іюнь, Подлинники.

вѣрія къ искренности и постоянству поляковъ, хотя бы и такихъ, которые выдавали себя неизмѣнными приверженцами короля Августа [1]). Онъ опасался, чтобы даже самые гетманы польскіе не задумали, измѣнивши внезапно королю Августу, заступить путь козацкому войску. Мало надѣялся Мазепа и на самихъ своихъ козаковъ и вспоминалъ событія давнихъ временъ, когда козаки выдавали головою ляхамъ своихъ предводителей [2]).

Мазепа съ своимъ войскомъ съ 13 іюля по 4 августа стоялъ таборомъ на берегу рѣки Случи близь Стараго Константинова [3]). Всѣ панскіе губернаторы и евреи разбѣжались, остались на своихъ мѣстахъ одни православные, народъ бѣдный [4]). Мазепа приказалъ своимъ козакамъ скосить весь хлѣбъ на корню, а остальной вытоптать лошадьми въ маетностяхъ Потоцкаго и другихъ пановъ шведской партіи и наложилъ на жителей контрибуцію въ пользу своего войска [5]).

¹) . . . мало кого албо и нѣкого щирозичливого на сторону короля Августа во всей Польщѣ ни въ кого духвати и хочь нѣкоторыи озываются зичливыми бути, а въ сердцу що иншого кнують якъ маю отъ тутейшихъ пересторогу.

²) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подл. іюль. — Арх. Юст. кн. 96, л. 483. ...у нихъ такой обычай въ тяжкихъ разахъ албо утѣкати, албо гетмана и старшины своей отступивши въ руки непріятелеви оныхъ выдавати, чинячи себе невиновными.

³) Арх. Юст. кн. 96, л. 496.

⁴) ...заразъ всѣ губернаторы и жиды порознь вглубь Польщи розбѣглися, тилько самая убожь зосталася и то наши православныи, а в замку нѣсколько дракгоніи заперлося.

⁵) ...іюля 27 рушилемся къ Збаражу для досмотру, якую могу учинити руину о такую постараюся: збоже все едно сжати, а другое конми вытоптати велю и прикажу абы контрибуцію выдано на войско, якую если дадуть, то заразъ войско великороссійское и малороссійское при мнѣ зостаючее потѣшу. Тоже и Бродамъ, главной маетности Потоцкихъ учинити велю.

Во время стоянки подъ Старымъ Константиновомъ посѣщалъ гетмана панъ подкоморій Любомирскій и увѣрялъ его въ своей преданности къ королю Августу, но губернаторъ этого пана, управлявшій его маетностію въ Полонномъ, подкупленный заранѣе Мазепою, сообщалъ секретно, что его панъ обманываетъ гетмана: онъ дружитъ съ новоизбраннымъ королемъ Лещинскимъ и теперь, побывавши у малороссійскаго гетмана въ обозѣ, пошлетъ извѣстить Лещинскаго о всѣхъ порядкахъ, какіе замѣтитъ въ козацкомъ таборѣ. Поэтому Мазепа, какъ доносилъ онъ Головину, держалъ себя такъ осторожно съ Любомирскимъ, чтобы тотъ не въ силахъ былъ ничего отъ него вывѣдать. «Я,—выражался Мазепа,—сюда вошелъ какъ агнецъ среди волковъ: здѣсь нѣтъ ни одного человѣка искренно преданнаго королю Августу; они кажутся ему вѣрными не по нравственному долгу, а по принужденію, потому что видятъ вблизи царское войско. Всѣ здѣшніе православные обыватели, которые бываютъ у меня въ обозѣ и хлѣбъ-соль ѣдятъ, предостерегаютъ меня, что шляхта—исконные враги намъ» [1]).

4 августа Мазепа съ войскомъ былъ уже въ Зборовѣ, съ большимъ затрудненіемъ переправившись черезъ рѣку Серетъ подъ Залозцами: вездѣ плотины и мосты были умышленно снесены обывателями, чтобы задерживать походъ козацкаго войска, а таборъ, который шелъ съ гетманомъ, былъ чрезмѣрно великъ: въ немъ было 16.000 повозокъ,

[1]) . . . имѣлъ розныя розмовы, хотячи щось помыслного себѣ по мнѣ вырозумѣти, лечъ ничого не могъ отъ мене вытягти, бомъ якъ въ мовѣ, такъ и въ дѣлахъ осторожне з нимъ поступовалъ. Увойшолемъ якъ агнецъ межи волковъ, где мало кого албо ни одного королю зичливого нѣтъ, развѣ когда царскаго войска сильнѣе будетъ рука, мусятъ быти не изъ цноты, але з примусу зичливыми. Теперъ всѣ тутейшіе обыватели що въ обозѣ у мене бываютъ, хлѣбъ-соль ѣдятъ, остерегаютъ, мовячи: шляхта саме исконныи враги наши.

такъ какъ по царскому указу козаки взяли съ собою запасовъ на цѣлые полгода. По селеніямъ все было пусто; обыватели недѣли за двѣ до прихода русскихъ войскъ ушли изъ своихъ дворовъ.

Зборовъ былъ маетностію королевича Александра Собѣскаго. Гетманъ приказалъ здѣсь своему войску вести себя скромнѣе чѣмъ въ маетностяхъ Потоцкаго и другихъ отъявленныхъ враговъ короля Августа, но сознавался, что невозможно было обойтись безъ нанесенія вреда: таборъ, идя по дорогѣ, долженъ былъ по неволѣ зацѣплять нивы съ посѣянными на нихъ хлѣбами и располагаться тамъ на попасъ и на ночлегъ, потому что близко дороги не было травъ.

12 августа коронный гетманъ Іеронимъ Любомирскій прислалъ къ Мазепѣ своего ловчаго Куницкаго, которому приказалъ находиться постоянно при гетманѣ и домогаться скорѣйшаго соединенія козацкаго войска съ польскимъ. Но гетманъ подозрѣвалъ, что этотъ резидентъ присланъ только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы высматривать положеніе козацкаго войска. Кромѣ того гетманъ жаловался, что его безпокоятъ безпрестанныя посѣщенія шляхты съ разными просьбами объ охраненіи ихъ шляхетскихъ маетностей; гетманъ подозрѣвалъ въ гостяхъ шпіоновъ [1]).

14 августа козаки подошли ко Львову. Мазепа долженъ былъ вести ихъ къ Сендомиру на соединеніе съ саксонскимъ войскомъ, но не зналъ, куда это войско двинулось, потому что не получалъ о томъ извѣстія отъ Паткуля. 23 августа козаки вошли въ бельзское воеводство. На всемъ пути своемъ, начиная отъ Збаража, они истребляли хлѣба на корню и пасѣки въ волостяхъ Потоцкаго и другихъ; обыватели отовсюду бѣжали съ своими семьями и пожит-

[1]) ...отъ пріѣзжаючихъ по сту и по двѣсти человѣкъ шляхты, то з сказками о залоги, то о универсалы охраненія просячи, а найбольше в шпѣгахъ безпрестанная дѣется докука и трудность, якое отъ роду моего не мѣлемъ.

ками передъ приближеніемъ козацкаго войска, какъ будто передъ приближеніемъ татарской орды. Доставалось маетностямъ не только пановъ враждебныхъ королю Августу, но и всѣмъ безъ различія, и шляхтичи кричали, что имъ остается сѣсть на коней и обороняться отъ козаковъ [1]).

1 сентября козацкій таборъ былъ подъ Грубешовымъ. Агенты Мазепы, посланные въ Варшаву, извѣщали, что король шведскій посылаетъ противъ козаковъ приставшихъ на его сторону поляковъ, но полученный передъ тѣмъ царскій указъ снова предписывалъ гетману, чтобъ онъ, зашедши въ средину Польскаго Королевства, избѣгалъ битвы до соединенія съ саксонскимъ войскомъ. Царь Петръ повторялъ ему приказаніе нещадно опустошать маетности пановъ враждебныхъ королю Августу и налагать на нихъ контрибуціи, а подканцлеръ Шембекъ обращался къ Мазепѣ съ иною просьбою: щадить маетности не только расположенныхъ къ Августу, но и враговъ его, потому что они всетаки подданные Рѣчи Посполитой [2]). Изображая

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г., августъ — сентябрь. Подлинники. ...Каштеляне, подкоморіи и инніи урядники пріѣздячи до мене в обозъ говорятъ: мы сподѣвалися що ваша милость по указу своего монархи пріишолъ Рѣчи Постолитои особливе наши воеводства боронити отъ шведскаго здирства и розоренія, ажъ видимо иначе дѣется, когда войска козацкія внивецъ добра наши розоряютъ и мусымъ рады не рады всѣ воеводства на конь всѣдши отъ такого утисненя войску вашему боронитися. И любо я ихъ политичными раціями збуваю, же войско такъ великое не можетъ безъ того обойтися, щобъ не принесли в добрахъ вашихъ якои шкоды, однакъ оны тымъ не контенты. Теперъ засъ знову муситься чинити имъ разореніе, когда з гуменъ для кормленія себе и коней войско пашню буде брати. Бо такая тутъ проклятая земля же одинъ пѣсокъ да глей и когда позбирали з поля пашню, то сама гола земля осталась!

[2]) ...не тилько зычливыхъ королю пановъ, но и незычливыхъ, поневажъ то все подданные Рѣчи Посполитой, которой въ пришлый часъ для всякихъ податковъ и выплаты контрибуціи люди потребны и жебы тымъ въ крайнее отчаяніе и зычливыхъ королю не привести.

разоренное состояніе края, самъ Мазепа въ донесеніяхъ къ царю замѣчалъ, что если начать отягощать контрибуціями тѣхъ, которые хотя и не расположены къ Августу, но прикидываются его сторонниками, то можно побудить ихъ всѣхъ къ войнѣ противъ козаковъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ 3 сентября совершилась коронація Станислава Лещинскаго, избраннаго въ короли при живомъ королѣ Августѣ по волѣ Карла XII. Примасъ королевства арпіепископъ гнѣзненскій хотя и былъ расположенъ къ Станиславу, но уклонялся отъ исполненія обряда коронаціи. Онъ опасался гнѣва папы, благоволившаго къ королю Августу, и поручилъ исполнить обрядъ львовскому архіепископу [1]. Послѣ этого событія шведская сторона въ Польшѣ стала усиливаться, но паны страннымъ образомъ какъ будто играли своею присягою: они то признавали новокоронованнаго короля Станислава, то опять возращались на сторону Августа. Епископъ вармійскій Залускій добровольно отступилъ отъ Августа къ Станиславу, потомъ уѣхалъ отъ Станислава къ Августу въ Саксонію, куда удалился король Августъ; тамъ, живя вблизи Августа, Залускій началъ снова тайныя сношенія со Станиславомъ. Братъ короннаго гетмана Любомирскаго призналъ Станислава и обѣщалъ своимъ вліяніемъ расположить на его сторону все войско, а потомъ опять объявилъ себя за Августа. Подскарбій Пребендовскій недавно хлопоталъ въ пользу Августа у прусскаго короля, а потомъ вдругъ присталъ къ Станиславу, когда узналъ, что тотъ былъ коронованъ. Поляки той и другой партіи обѣщали своимъ соотечественникамъ золотыя горы и чудеса всевозможнѣйшихъ благъ, желая приманить къ себѣ свою братію, но приставшіе легко отступали назадъ, какъ только замѣчали, что обѣщанія

[1]) *Adlerfeld*, т. II, стр. 235. — *Nordberg*, т. II, стр. 31—35 (во французскомъ переводѣ).

могутъ остаться и неисполненными. Приверженцы Августа распускали слухъ, что новоизбранный въ короли Станиславъ, въ благодарность за свое избраніе, обѣщалъ шведскому королю Курляндію, а Сапѣгамъ часть Литовскаго Княжества въ качествѣ независимаго наслѣдственнаго владѣнія [1]). Они думали возстановить своихъ соотечественниковъ противъ шведской стороны страхомъ, что при такой перемѣнѣ власти не будетъ удержу мятежному хлопству противъ шляхетства, какъ уже то было во время нашествія на Польшу короля Густава [2]), а духовенству внушали опасеніе, что у духовныхъ особъ отнимутся имѣнія, какъ поступлено въ Швеціи [3]).

Между тѣмъ Паткуль, одинъ изъ первыхъ заправщиковъ Сѣверной войны, сошелъ съ своего поприща. Король Августъ, недовольный имъ за растрату денегъ, полученныхъ отъ царя Петра для уплаты войску, приказалъ арестовать его въ то самое время, когда Паткуль собирался жениться на богатой вдовѣ Руморъ, съ тѣмъ чтобы потомъ уѣхать въ Швейцарію и тамъ жить себѣ частнымъ человѣкомъ. Его засадили въ крѣпость Зоненштейнъ въ Саксоніи [4]). Это случилось тогда, когда малороссійскій гетманъ дожидался отъ него руководительства, куда ему идти съ козацкимъ войскомъ.

23 сентября, остановившись обозомъ подъ Уханью, Мазепа получилъ царскій указъ послать требованіе къ ординату Замойскому, владѣльцу крѣпости Замостья — пустить туда гарнизонъ русскихъ войскъ, чтобъ не дать шведамъ

[1]) Рук. Имп. Публ. библ. Polskie, folio, № 17.

[2]) ... że jak za Karola Gustawa chłopstwo polskie zbuntowane było na zniesienie szlachty, a Rptey większy niepokòy urość może od kozakòw którzyị kiedyś kròlewstwo pustoszyli teraz by de novo sprzeciwić się mogli gdyby car moskiewski do nich roskazał że ich Polska chce nazad odebrać.

[3]) Рук. Имп. Публ. Разноязычн. Miscelanea, folio, № 39, л. 190.

[4]) *Nordberg*, т. II, стр. 42. Франц. перев.

овладѣть этой крѣпостью. Требованіе это, посланное гетманомъ, не имѣло успѣха. Ординатъ отвѣчалъ, что ему не нужно иностранной помощи. Тогда Мазепа двинулся съ войскомъ по направленію къ Замостью. На пути своемъ Мазепа замѣчалъ, что польская шляхта повсюду склоняется на сторону Станислава Лещинскаго. Враждебная Августу сторона тѣмъ болѣе выигрывала, что козаки, а еще болѣе великорусскіе ратные люди, шедшіе съ козаками подъ командой Неплюева, будучи голодны, такъ много себѣ позволяли, что не щадили и божіихъ храмовъ, хотя за это и постигало ихъ строгое наказаніе.

Подходя къ Замостью, гетманъ повторилъ ординату свое предложеніе и при этомъ даже пригрозилъ, что въ случаѣ упрямства онъ прибѣгнетъ къ военнымъ мѣрамъ. Замойскій опять отказалъ, объясняя, впрочемъ, что для этого нужны были бы особыя письма къ нему отъ короля Августа и отъ царя. Пріѣзжалъ потомъ въ качествѣ коммиссара какой-то Накваскій, но такъ какъ онъ особаго письма королевскаго не привезъ, то ординатъ и ему отказалъ. Тогда гетманъ расположился обозомъ подъ Замостьемъ. Польскіе гетманы коронный и польный нѣсколько разъ приглашали его къ нимъ на свиданіе, но онъ не поѣхалъ и сообщилъ Головину, что не довѣряетъ имъ [1]).

Во время мѣсячной стоянки подъ Замостьемъ была попытка новокоронованнаго короля склонить малороссійскаго гетмана къ измѣнѣ русскому царю. Прибылъ какой-то

[1]) ...кто можетъ такимъ людямъ малодушнымъ здоровье свое повѣрити и меньше бы о самого мене здоровье, бо у великаго государя много такихъ слугъ какъ я. Идетъ мнѣ о войскахъ великороссійскихъ и малороссійскихъ жебы оныхъ з утратою своего здоровья не погубити, поневажъ голосы такъ носятся, что будто и по арматы, якихъ у себе не мѣютъ, до Замостя послали для неякогось надъ нами промыслу.

полякъ Вольскій съ тайнымъ предложеніемъ пристать къ Лещинскому и шведскому королю. Гетманъ подвергъ его пыткѣ; показаніе, вынужденное этою пыткою, вмѣстѣ съ отобранною у него инструкціей, отправилъ въ Малороссійскій Приказъ, а самого шляхтича Вольскаго не отправилъ, опасаясь, чтобъ его не отгромили на дорогѣ [1]).

[1]) Изъ письма къ царю отъ 13 окт.: Се уже четвертое отъ короля шведскаго и отъ псевдо-короля польскаго Лещинскаго, беззаконно теперь въ Варшавѣ коронованнаго, устремилося на мою душу и на непреоборимую подданскую вѣрность искушеніе, которые покушаются мене своими факціями и злоковарными прелестьми къ себѣ приклонити, прислали зъ Варшавы в сихъ числахъ в обозъ до мене гетмана нѣякогось шляхтича Вольскаго, якого я велѣвши допросити з пыткою, посылаю распросныи рѣчи его до двору Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, изъ которыхъ совершенный будешь Ваше Царское Пресвѣтлое величество извѣстенъ съ чимъ онъ Вольскій и отъ кого до мене посланъ и что ему ко прельщенію моей непреодолимой подданской вѣрности повѣрено втайнѣ мнѣ предложити. А его самого Вольскаго для того не посылаю, что нынѣ тѣмъ путемъ трудный небезбѣдный и несвободный проѣздъ, обавляючися абы его кто с противной стороны нечаянно не отгромилъ.

Въ инструкціи привезенной Вольскимъ было: 1) король весьма извѣстенъ еще отъ дѣда своего, какую склонность къ отчизнѣ своей всегда имѣлъ г. Мазепа, нынѣ же вящіе чинити непотребно доводы, яко разумному человѣку, сколь многоущербныя Р. Поспол. польской суть настоящія помѣшанія, а что вяще короля Августа защищать, то истиннѣйшую прорекають сей Р. П—той правъ и вольностей пагубу. 2) До трактованя съ г. Мазепою дана полная мочь г. Борковскому, но понеже далная дорога къ сему выразумленію, того ради заблагоразсуждено, дабы приносцу сего послать, который бы что подлиннаго моглъ уложить и умовленную вещь съ королемъ шведскимъ утвердить прежде, нежели войску его противъ козаковъ рушиться. 3) Тотъ же приносецъ сего объявитъ г. Мазенѣ несмертельную славу, которую восприиметъ изъ вспокойства отчизны своей, всякую вольность, которая ему отъ маестата и Р. П—той дана будетъ, освобожденія изъ подъ владѣнія тиранскаго, впослѣди награжденіе какое самъ себѣ желати будетъ. 4) Въ которомъ основаніи ежели сіе дѣло счастливое пріиметъ поведеніе и ежели приносецъ сего что подлин-

Мазепа въ донесеніи своемъ увѣрялъ государя въ своей подданнической вѣрности, непоколебимой ни предъ какими искушеніями [1]).

7 ноября Мазепа извѣстилъ Головина, что, наконецъ, ординатъ Замойскій допускаетъ вступить въ крѣпость гарнизону изъ 1.000 великороссійскихъ ратныхъ людей и 200 малороссійскихъ козаковъ, обязываясь въ теченіи мѣсяца содержать гарнизонъ этотъ на свой счетъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ его маетности были изъяты отъ контрибуцій. 12 ноября, сообразно царской волѣ, Мазепа разставилъ половину своего войска въ воеводствѣ бельзскомъ и въ землѣ хелмской, въ такомъ опустѣломъ краѣ, гдѣ чувствовался недостатокъ запасовъ для людей и корма для лошадей, а съ остальною половиною двинулся на Волынь [2])

наго и истиннаго отъ г. Мазепы съ собою принесетъ, то обязуется король для истинности сего трактату отъ короля шведскаго гваранцію получить и къ нему немедленно отослать, и на то обнадеживаніе короля шведскаго, что когда къ мирнымъ договорамъ съ Москвою придетъ, то въ первомъ пунктѣ заключится содержаніе сего трактату, который нынѣ состоится. 5) Донесетъ (Вольскій), что столько войска въ Украину на президіумъ дадутъ, сколько г. Мазепа потребовати будетъ. 6) Симъ подобіемъ дѣло къ дѣйству привести всѣхъ способнѣйшее видится совершеніе, еже чрезъ публичные бунты гораздо опаснѣйшій, а чрезъ настоящій секретный трактатъ можетъ самъ г. Мазепа подать способы, которые ему для интересу Р. Посп—той короля и себѣ самому полезны быть покажутся. 7) Просить о резолюціи на всякой пунктъ сколь скоро возможно. Данъ въ Варшавѣ 23 сентября 1705 года, при подписаніи и положеніи нашей печати. Станиславъ король. Адамусъ Радомскій секретарь комнатный Е. К—го В—ства. (Арх. Ин. Дѣлъ № 3).

[1]) ...онъ гетманъ во всѣхъ искушеніяхъ аки столпъ непоколебимый и адамантъ несокрушимый и его малую службишку и подданскую вѣрность зломыслящихъ людей коварство и злокозная прелесть не могли умягчити, сокрушити, преклонити и преодолѣти.

[2]) О всемъ, касающемся похода Мазепы къ Замостью, смотри Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлинники.

Прибывши на Волынь, Мазепа заложилъ свою квартиру въ Дубно. Тутъ прибылъ къ нему изъ Гродна полковникъ прилуцкій Горленко, назначенный наказнымъ гетманомъ надъ отрядомъ, высланнымъ въ Литву. Когда этотъ отрядъ прибылъ въ Гродно, царь приказалъ Горленку послать 1.000 козаковъ къ Ригѣ, отдавши ихъ подъ команду генерала Рона. Горленко съ остальными остался въ Гродно. Еще въ концѣ сентября онъ, Горленко, черезъ курьера письменно сообщалъ своему гетману о бѣдственной судьбѣ козаковъ, посланныхъ къ Ригѣ [1]), и о всякихъ обидахъ, терпимыхъ козаками въ литовскомъ краѣ отъ великороссійскихъ начальныхъ людей [2]). По царскому указу устроены были тамъ временныя почты и на эти

[1]) Выбралисъ они на двѣ недѣли и въ одежу на студень не запаслися и любо подъ Ригою трохи были корму придбали, да и тотъ уже схарчили, а теперь панове полковники дракгунскіе съ полками своими становятся по селамъ, а козакамъ не позволяютъ не только по обыкновенію въ селахъ кормитися, але и выпросити корму въ село козаковъ не пущаютъ, а еслибы якій пришолъ въ село, то дракгуны заразъ выбиваютъ, для чого вездѣ въ полѣ мусятъ голодомъ и холодомъ погибати и многіе зъ нихъ, маючи конѣ выпрацованыи, уже и близко пѣшими зостаются.

[2]) Государ. Архивъ. Письмо Орлика къ Яворскому, напечатанное въ „Основѣ" 1862 г. листопадъ. ...Сами мы корму з дому привезеного не маемъ и любо по царскому указу дано намъ муки житнои по три шапки или по четыре въ мѣсяцъ на человѣка меншъ дано нежели салдатамъ дается. Тымъ хлѣбнымъ провіантомъ безъ соли, безъ крупъ, безъ сала если возможно прожити? Купити соли, крупъ и сала не маемо за что. Лошади у козаковъ такъ уставичными черезъ шесть мѣсяцевъ працами, посылками и корму ради скудости суть знужени, що нѣчимъ болшъ служити, надто що есть найтруднѣйшая: козаки мало не всѣ суть голѣ и босѣ, кгды свиты, чоботы и шапки, которые з домовъ были, подрали, кожуховъ не споминаемъ, бо тое заледво который маетъ не взявши, черезъ шестимѣсячное по рожныхъ мѣстахъ на службѣ монаршои пребываючи и дожчевой сліоты не по еднокротъ дознавши погнили, подрали, а иныхъ купити отнюдь не маемо чимъ.

почты высланы были прилуцкіе козаки: эти-то козаки особенно терпѣли отъ нахальства русскихъ офицеровъ, ѣздившихъ на почтовыхъ лошадяхъ [1]). Случалось, что у козаковъ забирали лошадей и уѣзжали на нихъ, а козаки потомъ должны были отыскивать своихъ взятыхъ лошадей и находили ихъ измученными шибкою ѣздой и остающимися безъ корма; случалось и такъ, что офицеръ, взявшій козака съ лошадью, гналъ безъ милости и билъ разомъ и лошадь и козака [2]). Горленко жаловался, что его самого, наказнаго гетмана, насильно столкнули съ коня и забрали подъ подводы лошадей у него и у прочихъ козацкихъ начальныхъ людей съ нимъ ѣхавшихъ [3]). 9 ноября Горленко упросилъ Шафирова исходатайствовать ему отпускъ со службы, ссылаясь на болѣзнь въ ногѣ. Оставивъ надъ своими полчанами въ Гродно своего сына Андрея, онъ явился къ гетману въ Дубно вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ кіевскимъ полковникомъ Мокіевскимъ. Тамъ на словахъ они сообщили гетману подробнѣе и точнѣе о всѣхъ оскорбленіяхъ, которыя претерпѣли малороссійскіе козаки отъ великорусскихъ офицеровъ. Горленко прибавилъ, что онъ нарочно притворился больнымъ, потому что боялся, чтобъ его съ козаками не услали въ Пруссію и не стали бы тамъ учить козаковъ регулярному

[1]) Лошадей на почтовой гоньбѣ загнали, трехъ козаковъ прилуцкихъ невѣдомые люди напали и порубали сокирами, на почтѣ козаковъ стоючихъ кто кольвекъ ѣде забивае, и трудно ихъ знати, бо не кажуться (ibidem).

[2]) ...Взявши съ почты коня и козака съ нимъ гонятъ безъ милости, а когда упираются, то бьютъ и коня и козака разомъ: за чимъ, говоритъ, у тебе лошадь худа? Въ полѣ встрѣтятъ козака—отнимутъ лошадь и самого ограбятъ и побьютъ (ibidem).

[3]) ...наконецъ и тое приложилъ, будто его, Горленка, наказного гетмана кудась едучаго съ коня сопхнено и насилно съ подъ его и съ подъ прочихъ ему послѣдучихъ начальнихъ людей кони въ подводы забраны (ibidem).

строю. Объ этой посылкѣ козаковъ для обученія регулярному строю писалъ еще прежде гетману Иванъ Чернышъ, находившійся при гетманскомъ племянникѣ Войнаровскомъ также въ Гродно. Чернышъ писалъ, что онъ даже видѣлъ копію съ царскаго указа объ этомъ. Быть можетъ это было предположеніе Петра, тогда состоявшееся и тотчасъ отмѣненное, такъ какъ все царствованіе Петра изобилуетъ распоряженіями, которыя тотчасъ и отмѣнялись.

Изъ другихъ мѣстъ Гетманщины Мазепа получалъ жалобы на дурное обращеніе великоруссовъ съ малороссіянами. Черниговскаго полка городенскій сотникъ доносилъ своему полковнику Полуботку, что ѣхавшій съ солдатами изъ Могилева въ Кіевъ Иванъ Павл. Зыковъ допускалъ своихъ солдатъ чинить надъ жителями безчинства и поруганія [1]). Въ Черниговѣ проѣзжалъ изъ Москвы съ аптекой нѣкто Роптѣевъ и требовалъ 44 подводы; хотя ему обѣщались ихъ выставить, но онъ, не дождавшись, послалъ своихъ людей ловить лошадей въ полѣ, а наловивши болѣе ста, требовалъ, чтобы хозяева выкупали ихъ отъ него. Мазепа, получая съ разныхъ сторонъ такія вѣсти, до того раздражился, что въ кругу близкихъ къ себѣ старшинъ высказалъ, что другой бы склонился къ предложенію, которое присылалъ къ нему Станиславъ Лещинскій съ Вольскимъ [2]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлинники. Донесеніе Полуботка гетману. ... хоромы отмыкали, шубы и платья забирали, гусей и куръ рѣзали, во дворѣ сотниковомъ въ небытности его занявши квартиру, господаря чуть не убили до смерти, еслибъ не спрятался въ колодцѣ, выпустили изъ кухвы горѣлку для смѣха, дьячка изъ церкви съ клироса вывели и такъ отколотили, что едва ли будетъ живъ, гонялись за людьми и кололи ихъ шпагами, такъ что бѣдные люди съ семьями хотятъ всѣ бѣжать со дворовъ своихъ, взяли до семидесяти лошадей и многихъ не возвратили, такъ и пропали.

[2]) Письмо Орлика къ Яворскому. Гос. Арх. ... якого-жъ намъ

Находясь въ Дубно, Мазепа ѣздилъ на короткое время въ Бѣлую-Криницу и тамъ былъ воспріемникомъ у князя Вишневецкаго. Мать двухъ Вишневецкихъ, урожденная Ходоровская, Анна, вдова Константина Вишневецкаго, воеводы бельзскаго, по смерти мужа была за другимъ мужемъ, княземъ Дольскимъ, любимцемъ покойнаго короля Яна Собѣскаго, великимъ маршаломъ литовскимъ, умершимъ въ 1695 году. Вдова послѣ двухъ мужьевъ, княгиня Дольская была еще не стара [1]) и обладала въ высшей степени качествами прелестницы. Мазепа съ нею крестилъ дочь, родившуюся у ея сына. По извѣстію современника, близкаго къ Мазепѣ, онъ тогда велъ съ нею денныя и ночныя бесѣды, и въ это-то время брошено было первое искушеніе передаться на шведскую сторону [2]).

добра впредь надѣятися за наши вѣрныя службы и хтожъ бы былъ такій дуракъ, якъ я, чтобъ подъ сее время не преклонился до противной стороны на такія пропозиціи, якія Станиславъ Лещинскій до мене присылалъ.

[1]) Сынъ ея Михаилъ гетманъ литовскій родился въ 1680 году.

[2]) ... въ краткихъ числѣхъ по пріѣздѣ Димитрія Горленка въ Дубно прошенымъ былъ Мазепа въ кумовство и на христины отъ князя Вишневецкаго воеводы (не воеводы, а каштеляна) краковскаго до Бѣлои Криницы, котораго дочери будучи тамъ съ маткою его княгинею Дольскою воспріемникомъ якіе имѣлъ съ нею денные и нощные конференціи и если такъ малый вѣтрикъ реляціи Димитрія Горленка и Ивана Черныша поколибалъ сердце его, Мазепы, и до измѣны преклонилъ или княгиня Дольская прелестми своими ему оную выперсвадовала, о томъ самъ единый Богъ вѣсть. Однакъ отъ большей части разсуждаю, что тая прелестница мѣла его обезумить. (Письмо Орлика къ Яворскому. Гос. Арх.)

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Запорожское своевольство.—Козаки въ Литвѣ.—Новое искушеніе Мазепѣ черезъ посредство княгини Дольской.—Нерасположеніе Мазепы къ Меншикову.—Успѣхи шведскаго короля въ Саксоніи.—Альтранштадтскій договоръ. — Отреченіе Августа отъ польской короны. — Своевольства великороссіянъ въ Малороссіи.—Строеніе Печерской крѣпости въ Кіевѣ.—Жалобы старшинъ и полковниковъ.—Пребываніе царя въ Жолквѣ. — Неудачныя попытки примиренія съ шведскимъ королемъ.—Союзъ царя съ поляками, не признавшими Станислава.— Мазепа въ Жолквѣ. — Меншиковъ и Мазепа.—Іезуитъ Зеленскій.— Ксендзъ тринитарій. — Продолженіе работъ надъ Печерскою крѣпостью. — Польскія попытки овладѣть правобережною Украиною.— Козаки въ Польшѣ. — Сношеніе Карла и Станислава съ Турціею. — Третье искушеніе Мазепѣ отъ княгини Дольской и короля Станислава.—Мазепа открывается своему генеральному писарю.—Непосланныя письма къ царю и канцлеру. — Пріѣздъ къ Мазепѣ іезуита Зеленскаго.—Тайный посланецъ Мазепы у короля Станислава.—Безпорядки въ царской державѣ. — Успокоительная царская грамота къ малороссійскому народу.

Первое искушеніе не подѣйствовало на Мазепу. Мало располагали его и проблески вражды къ москалямъ въ Малороссіи. Правда, въ Запорожской Сѣчи эта вражда показалась до того острою, что когда великорусскіе ратные люди, плывя по Днѣпру, нуждались въ судахъ и перевозчикахъ, чтобы безопасно пройти черезъ пороги, то коше-

вой Гордѣенко приказывалъ запорожскому полковнику, находившемуся въ Кодакѣ, распорядиться такъ, чтобы на порогахъ пропали всѣ суда съ московскими ратными людьми [1]). Сѣчь Запорожская не переставала быть притономъ удалыхъ бѣглецовъ изъ украинскаго поспольства, которые пѣли тамъ все одну и ту же старую пѣсню идти въ Украину и бить пановъ и орандарей [2]). Но такое броженіе въ народѣ не могло быть полезнымъ гетману, потому что ненависть поспольства къ панамъ прежде всего обращалась противъ него, такъ какъ онъ былъ самый первый, главный панъ. Народъ не любилъ великорусской власти надъ собою, но не терпѣлъ и своего гетмана, считая его разомъ и польскимъ паномъ и угодникомъ московской власти. Раздраженіе малороссіянъ противъ великороссіянъ не могло подвинуть гетмана стать въ недружелюбное отношеніе къ Московской державѣ. Притомъ всѣ эти зажигательные крики объ избіеніи пановъ и арендарей оставались одними криками, а сѣчевое своевольство ограничивалось только нѣсколькими разбойническими разореніями пасѣкъ въ «товщѣ» (дебри) Самарской, да угономъ скота и лошадей запорожскими «харцызами» [3]) (разбойниками).

При тогдашнемъ положеніи дѣлъ ничто не располагало Мазепу поддаться внушеніямъ въ пользу шведовъ, притомъ такія внушенія дѣлала ему женщина, которая была матерью одного изъ предводителей Августовой партіи въ Польшѣ, воевавшаго противъ шведовъ, а потому черезчуръ довѣряться ея искренности въ то время еще было

[1]) ... абы назначилъ имъ такого переправщика жебы усѣ байдаки были зъ умыслу на перепустѣ порозбиваны до едного и ратные люди жебы ни еденъ не былъ вызволенъ.

[2]) ... тамъ ни о чемъ тилько на Украину пановъ бити была мова, мовячи скоро тилько выйдемо, всѣ села украинскіи зъ нами заразъ совокупятся и одного тыждня всѣхъ пановъ выбьемо.

[3]) Арх. Ин. Дѣл. 1705 г. Подлинники.—Арх. Юст. кн. 96., л. 503.

неблагоразумно. Вѣроятно, такого рода внушенія дѣлались ему вскользь, въ качествѣ соображеній, какъ поступить въ случаѣ, если дѣла повоpотятся окончательно во вредъ Августу и Петру. Еще, однако, дѣло Петра не казалось тогда слабымъ и Мазепа, имѣвши всегда въ виду собственное благополучіе, не видѣлъ нужды поворачивать круто въ противную сторону.

Съ зимы 1705 на 1706 годъ дѣла становились все хуже для Петра и Августа и все лучше для Карла и Станислава. Шведы направлялись въ Литву. Царскій фельдмаршалъ Огильви занялъ Гродно и ожидалъ прибытія въ помощь саксонскаго войска короля Августа. Но саксонской помощи не могло явиться, потому что саксонскій главнокомандующій Шуленбергъ былъ разбитъ на голову при Фрауэнштадтѣ шведскимъ генераломъ Реншильдомъ, а Потоцкій, предводитель польскаго войска стороны Станислава, поразилъ польское войско Августовой стороны, бывшее подъ командою князя Вишневецкаго. Карлъ двинулся въ Литву. Онъ не успѣлъ взять Гродно, но расположилъ свое войско такъ, что оно не допускало продовольствія русскимъ военнымъ силамъ, находившимся въ Гродно. Вступленіе Карла въ Литву быстро расположило шляхетство этого края на сторону Станислава Лещинскаго. Воеводства новогродское, слонимское и волковиское объявили себя за новаго короля. Призналъ его въ воеводствѣ виленскомъ повѣтъ лидскій. Князь Огинскій, сильнѣйшій изъ литовскихъ магнатовъ, изъявилъ желаніе пристать къ Станиславу, если за нимъ, Огинскимъ, сохранятъ носимый имъ санъ польнаго литовскаго гетмана.

Въ это время Петръ потребовалъ Мазепу въ Минскъ, куда и самъ обѣщался быть. Гетманъ пріѣхалъ въ Минскъ въ началѣ марта съ компанейцами и съ двумя городовыми полками—Миргородскимъ и Переяславскимъ; скоро потомъ

подоспѣли еще козаки. Войска у Мазепы было до 14.000 [1]). Мазепа расположилъ своихъ козаковъ «на пассахъ» отъ Гродна до Вильна [2]), въ городахъ Минскѣ, Слуцкѣ, Несвижѣ и Ляховичахъ [3]). Царь приказалъ имъ безпокоить шведовъ, пока не придутъ на помощь саксонскія войска.

Тутъ постигали козаковъ несчастія одно за другимъ. Въ Несвижѣ поставленъ былъ стародубскій полковникъ съ четырьмя сотнями своихъ полчанъ. Шведы напали на нихъ сонныхъ ночью и одну сотню истребили совершенно; погибъ и стародубскій полковникъ Миклашевскій. Другая сотня, повѣривши слову непріятеля, обѣщавшаго отпустить козаковъ на свободу, если они не будутъ защищаться, положила оружіе и была объявлена военноплѣнною. Третья сотня заперлась въ бернардинскомъ монастырѣ, не поддавалась никакимъ убѣжденіямъ сдаться, и когда шведы, не ставши ихъ добывать оружіемъ, ушли, соединилась съ четвертою сотнею и обѣ пришли къ гетманскому обозу. Вслѣдъ затѣмъ 18 марта шведы осадили переяславскаго полковника Мировича въ Ляховичахъ, за четыре мили отъ Несвижа.

Въ Литвѣ сторона Станислава все болѣе и болѣе брала верхъ. Именемъ двухъ соперничествующихъ королей устанавливалось въ Литвѣ два высшихъ судилища—два трибунала: одинъ отъ короля Станислава въ Вильнѣ, другой отъ короля Августа въ Минскѣ. По замѣчанію Мазепы, на минскій трибуналъ не находилось много охотниковъ ѣхать, потому что шведскій король угрожалъ разорять огнемъ и мечемъ маетности тѣхъ господъ, которые туда поѣдутъ. Шляхетство повсюду торопилось признавать королемъ Станислава Лещинскаго. Къ этому возбуждала шляхетство, кромѣ страха шведовъ, ненависть къ русскому

[1]) *Nordberg*, т. II, стр. 80. Французскій переводъ.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г., мартъ. Подлинники.

[3]) *Nordberg*, т. II, стр. 81.

войску, наводнившему край въ видахъ поддержанія стороны враждебной Станиславу. Въ городѣ Оршѣ былъ повѣтовый сеймикъ, гдѣ въ приватномъ совѣщаніи замышляли истребить великороссійское войско хитрымъ способомъ, чтобъ и духа его не оставалось въ странѣ [1]).

Находясь въ Минскѣ, Мазепа получилъ отъ княгини Дольской небольшое письмецо, писанное цифрами. Въ немъ княгиня извѣщала гетмана о возрващеніи своего посланца отъ какого-то двора съ письмомъ отъ какого-то короля, котораго имя не называлось въ письмѣ. Мазепа приказалъ прочитать это письмо въ-слухъ своему писарю Орлику и произнесъ:

«Вотъ глупая баба хочетъ черезъ меня обмануть его царское величество, чтобъ царь, оставивши короля Августа, принялъ подъ свою протекцію Станислава Лещинскаго и помогъ ему утвердиться на престолѣ, а онъ за то обѣщаетъ царю подать такіе способы, чтобы царь могъ побѣдить шведа. Я уже о такомъ ея дурачествѣ говорилъ государю. Его величество смѣялся надъ этимъ».

Орликъ въ своемъ письмѣ къ Яворскому, сообщая объ этомъ событіи, говоритъ, что самъ онъ Орликъ тогда повѣрилъ Мазепѣ и не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, чтобы гетманъ склоненъ былъ въ измѣнѣ царю [2]). Вѣроятно, такъ и было на самомъ дѣлѣ. Царская сторона въ то время не проигрывала до такой степени, чтобы возбуждать опасенія въ тѣхъ, которые держались ея.

Мазепа долженъ былъ по царскому указу пребывать въ Минскѣ, пока русское войско, подъ командой фельдмаршала Огильви, не выйдетъ изъ Гродно. 24 марта Огильви

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г., мартъ. Подлинники. ...абы войско великороссійское было знесено здрадливе щобъ и духа едного зъ войскъ великороссійскихъ яковымъ кольвекъ способомъне оставить.

[2]) Письмо Орлика.

вышелъ изъ Гродно и направился къ Бресту, но Мазепа послѣ того оставался въ Минскѣ еще до половины апрѣля, хотя его козацкое войско находилось въ большой нуждѣ по причинѣ падежа лошадей и недостатка въ продовольствіи для самого войска. Гетманъ всетаки думалъ освободить Мировича, котораго въ Ляховичахъ держали въ осадѣ шведы въ числѣ 5.800 человѣкъ войска. Гетманъ отправилъ къ Мировичу на выручку великороссійскій отрядъ въ 5.000 человѣкъ подъ командой Неплюева и прибавилъ къ нимъ своихъ козаковъ, но послѣдніе, прошедши версты три отъ Минска, вернулись назадъ подъ тѣмъ предлогомъ, что измученныя лошади не въ силахъ были везти ихъ. Тутъ пришло гетману извѣстіе, что самъ шведскій король спѣшитъ къ Ляховичамъ съ шестью тысячами своего войска. Тогда Мазепа, оставивши переяславскаго полковника «на волю Всемогущаго Бога», двинулся изъ Минска на Быховъ: царь приказывалъ въ этомъ городѣ помѣстить гарнизонъ, хотя гетманъ заранѣе изъявлялъ сомнѣніе, чтобы тамъ добровольно приняли русскій гарнизонъ, тѣмъ болѣе, что гетманъ шелъ туда съ немногочисленнымъ войскомъ и безъ артиллеріи [1]).

Быховская крѣпость съ городомъ могла быть сдана малороссійскому гетману только съ разрѣшенія гетмана литовскаго. Тогдашній литовскій великій гетманъ князь Михаилъ Вишневецкій, достигшій въ очень молодыхъ лѣтахъ своего сана только благодаря своей громкой родовитости, держался до сихъ поръ партіи Августа и отличался даже жестокостію надъ его противниками, но вдругъ сталъ склоняться на противную сторону, какъ только успѣхи Карла дѣлались очевидными въ Литвѣ и большая часть шляхетства литовскаго отступила отъ Августа и признала Станислава. Гетманъ Мазепа, находясь еще въ Минскѣ,

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г., апрѣль. Подлинники.

обращался къ Вишневецкому съ просьбою подать помощь Мировичу въ Ляховичахъ. Вишневецкій отговорился тѣмъ, что его войско разослано въ другія мѣста. Чрезъ нѣсколько дней Мазепа узналъ положительно, что Вишневецкій хотя и не объявилъ себя рѣшительно на сторонѣ Станислава, но уже сносится съ панами шведской партіи и, стоя на Двинѣ, самъ не двигается противъ непріятеля и своимъ подначальнымъ начальникамъ отрядовъ запрещаетъ воевать противъ шведовъ и ихъ польскихъ союзниковъ, а къ быховскому коменданту Синицкому послалъ приказаніе не впускать козаковъ ни въ Быховъ, ни въ Могилевъ [1]).

Когда Мазепа приступилъ къ Быхову, Синицкій, исполняя приказаніе великаго литовскаго гетмана, наотрѣзъ отказалъ впускать козаковъ въ крѣпость, согналъ изъ быховской волости людей, расположилъ ихъ по крѣпостному валу въ видахъ обороны и уставилъ на башняхъ орудія. У гетмана Мазепы оставалось какихъ-нибудь тысячи двѣ козаковъ и тѣ терпѣли отъ недостатковъ всякаго рода. И такъ гетманъ Мазепа отошелъ отъ Быхова, поручивши стоять подъ этимъ городомъ новому стародубскому полковнику Силенку [2]).

На возвратномъ пути въ Украину, гетманъ о судьбѣ покинутыхъ въ Литвѣ козаковъ узналъ отъ переяславскихъ полчанъ, приставшихъ къ его войску въ Борисовѣ въ числѣ 150 человѣкъ: Ляховичи добыты непріятелемъ, разгромленные козаки ушли въ свой край черезъ Слуцкъ, а самъ Мировичъ со старшинами и со многими товарищами взятъ въ полонъ шведскимъ генераломъ, который, забравши плѣнныхъ, отправился въ Полонное къ подкоморію Любомирскому, ставшему открытымъ сторонникомъ шведскаго короля [3]).

[1]) Ibid. Донесенія, апрѣля 22 и 24.

[2]) Ibid. Донесеніе, мая 13.

[3]) Ibid., іюнь.

О дальнѣйшей судьбѣ Мировича извѣстно [1]), что шведскій генералъ, у котораго онъ находился въ плѣну, отправилъ его, вмѣстѣ съ другими военноплѣнными, въ Штеттинъ. Жена Станислава Лещинскаго просила шведскаго короля отпустить Мировича домой, но Карлъ не согласился, полковника отправили въ Стокгольмъ, и гетманъ посылалъ къ нему черезъ Малороссійскій Приказъ 1170 ефимковъ на милостыню малороссійскимъ плѣннымъ въ Швецію. Мировичу не пришлось уже воротиться въ отечество: онъ умеръ въ плѣну.

Возвратившись въ Батуринъ, гетманъ получилъ извѣстіе, что лѣтомъ царь пріѣдетъ въ Украину осматривать укрѣпленія Кіева, считавшагося тогда важнѣйшимъ оборонительнымъ пунктомъ при военныхъ обстоятельствахъ того времени. Мазепа дѣлалъ распоряженія для встрѣчи на границѣ Черниговскаго полка такого высокаго, еще не виданнаго въ Украинѣ, гостя, но вдругъ царь извѣстилъ его, что пріѣдетъ прямо въ Кіевъ водянымъ путемъ. Гетманъ приказалъ собираться туда козакамъ и самъ отправился въ Кіевъ въ концѣ іюня, жалуясь въ своихъ письмахъ къ Головину на свои «подагричные и хирагричные» недуги [2]).

Въ Кіевѣ опять было искушеніе гетману. Все та же кума, княгиня Дольская, прислала къ нему письмо, написанное цифрованною азбукой. Мазепа позвалъ къ себѣ въ спальню Орлика, самъ легъ на постель, а своему генеральному писарю приказалъ читать письмо. Въ этомъ письмѣ княгиня Дольская, именемъ короля Станислава, просила Мазепу начинать «намѣренный» путь, надѣясь на скорое прибытіе изъ Волыни цѣлаго шведскаго войска, и быть увѣреннымъ, что всѣ желанія, какія гетманъ заявитъ, будутъ исполнены. Княгиня обѣщала притомъ прислать

[1]) Ibid., 1707 г., февраль. Подлинники.

[2]) Ibid., 1706 г., іюль. Подлинники.

«ассекурацію» Станислава и «гваранцію» шведскаго короля. Мазепа, выслушавши чтеніе письма, вскочилъ съ гнѣвомъ съ постели, началъ бранить княгиню, себя называлъ «ношеною и искусною» птицей, которую не удастся провести какой-нибудь бабѣ, когда его не могли провести болѣе знатные и искусные, потомъ сжегъ полученное письмо и велѣлъ написать отвѣтъ, въ которомъ просилъ княгиню прекратить съ нимъ такую корреспонденцію и не помышлять, чтобъ онъ, служивши вѣрно тремъ государямъ, при старости лѣтъ наложилъ на себя пятно измѣны. Запечатавши самъ этотъ отвѣтъ, Мазепа не отдалъ его Орлику, а спряталъ при себѣ, и Орликъ навѣрно не зналъ, былъ ли онъ отосланъ княгинѣ Дольской, или быть можетъ Мазепа написалъ ей иной отвѣтъ, котораго содержаніе скрылъ тогда отъ своего генеральнаго писаря [1]).

[1]) „Слухавъ того листу Мазепа (яко видимо было) съ великимъ гнѣвомъ, а выслухавши порвалъ ся разъяренный съ постели и началъ княгиню поносить тыми словами: „проклятая баба обезумилась. Прежде мене просила чтобъ царское величество воспріялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь иное пишетъ; бѣснуется тая баба, хочетъ мене ношенаго и искуснаго птаха обманить. На бѣду бы мнѣ крайнюю пошло, когда бы единой бабѣ далъ прельститися, возможное ли дѣло оставивши живое искать мертваго и отплывши едного брега другого не достигнуть? Станиславъ и самъ не есть надеженъ своего королевства; Рѣчь Посполитая раздвоенная, якій же можетъ быть фундаментъ безумныхъ тоей бабы прелестей. Состарѣемся служачи царскому величеству и нынѣшнему и отцу и брату его величества вѣрне, не прелстили мене ани король польскій Янъ III, ани ханъ крымскій, ани донскіе козаки: а теперь при кончинѣ вѣку моего единая баба хочетъ мене обманити“. Тое вымовивши взялъ съ рукъ моихъ оригиналное цифирное письмо и переводъ его и велѣвши принести огню спалилъ, а до мене обратившися реклъ: пиши до тоеи проклятои бабы цифрами не выходя отсюду въ тые слова:„ Прошу вашей княжой милости оставити тую корреспонденцію, которая мене можетъ погубити и на житіи и на гонорѣ и на субстанціи. И не токмо ваша княжая милость не надѣйся, но ни помышляй о томъ чтобъ я при старости

Соображая обстоятельства, можно допустить, что и въ самомъ дѣлѣ Мазепа въ это время не рѣшался еще на измѣну, потому что могущество Карла не достигло еще такой высоты, чтобы вѣрность врагу шведскаго короля становилась до крайности опасною, а царское могущество не упало до того, чтобы не возбуждать къ себѣ страха за будущее. Что княгиня Дольская, которой сынъ уже перешелъ на сторону Станислава и которая сама притомъ была въ родствѣ съ Станиславомъ, пыталась склонять малороссійскаго гетмана на сторону новаго польскаго короля — это было уже теперь естественно; но Мазепа, кажется, только высматривалъ и, такъ сказать, примѣривался, какъ ему поступать, если обстоятельства дѣйствительно приведутъ къ необходимости искать дружбы съ Карломъ и Станиславомъ.

Петръ прибылъ въ Кіевъ 4 іюля. Во время пребыванія государя въ Кіевѣ случились у Мазепы встрѣчи, которыя должны были расположить его слушать съ бо̀льшимъ вниманіемъ внушенія своей кумы. Долго Петръ оказывалъ Мазепѣ дружеское расположеніе и никто не становился между нимъ и монархомъ. Но усиливавшаяся въ государѣ привязанность къ Меншикову возбудила въ Мазепѣ признаки ревности къ послѣднему. Когда царь прибылъ въ Кіевъ, вдругъ разнеслась вѣсть, что Карлъ XII направляется

моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ, которую отъ молодшихъ лѣтъ моихъ доселп ненарушимо сохранилъ и въ оной умрѣти желаю, не хотячи и за живота и по смерти моей безчестнаго измѣнническаго пороку и имени на особу мою навесть, и того ради и повторе вашей княжеской милости прошу оставить тую корреспонденцію и болшъ о томъ до мене не писать". Такій листъ цыфрами написанный велѣлъ при себѣ запечатать и взялъ до рукъ своихъ, который если до княгини Долской одослалъ и черезъ кого (понеже я и въ то время посланца того не видалъ) или инный рукою своею писалъ, о томъ Богу свидѣтельствующу, не знаю" (*Основа* 1862 г. Листоп. Истор. Акты, стр. 5).

въ Украину [1]). Царь снаряжалъ Меншикова на Волынь съ кавалеріею, а Мазепѣ указывалъ въ случаѣ нужды содѣйствовать Меншикову и исполнять то, что послѣдній прикажетъ. Эта предполагавшаяся тогда экспедиція не состоялась, потому что Карлъ повернулъ изъ Польши не въ Украину, а въ Саксонію, но Мазепа принялъ царскій указъ себѣ въ безчестіе. «Вотъ,—говоритъ онъ близкимъ своимъ, —вотъ какое награжденіе мнѣ при старости за многолѣтнюю вѣрную службу! Велятъ быть подъ командою Меншикова! Не жалостно было бы еслибъ меня отдали подъ команду Шереметева или иного какого нибудь великоименитого и отъ предковъ заслуженнаго человѣка!»

Шляхетская гордость человѣка, бывшаго въ юности «покоёвымъ» польскаго короля, топорщилась при мысли находиться подъ командою того, кто въ дѣтствѣ въ Москвѣ торговалъ пирогами. Впрочемъ, была еще причина недовольства Мазепы противъ Меншикова. Мазепа сваталъ сестру Меншикова за племянника своего Войнаровскаго. Александръ Даниловичъ сначала обѣщалъ, а потомъ отрекся отъ своего обѣщанія. Орликъ сообщаетъ, будто Меншиковъ отвѣчалъ Мазепѣ, что на его сестрѣ самъ царь думаетъ жениться [2]). Какъ бы то ни было, но по наружности Мазепа и Меншиковъ казались добрыми пріятелями. Когда Петръ находился въ Кіевѣ, Мазепа пригласилъ на обѣдъ къ себѣ государя и нѣкоторыхъ вельможъ. Въ числѣ почетныхъ гостей былъ и Меншиковъ. Когда гости порядочно подпили, Александръ Даниловичъ, будучи «маленько шуменъ и силёнъ», какъ выражается очевидецъ, взялъ Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ поодаль отъ другихъ и говорилъ, наклонясь къ нему нá-ухо, но такъ, что стоявшіе здѣсь генеральные старшины и нѣкоторые полковники могли кое-что разслышать.

[1]) *Голиковъ:* „Дѣянія Петра Вел.“, т. II, стр. 320.

[2]) Письмо Орлика (*Основа*).

«Гетманъ Иванъ Степановичъ,—сказалъ Меншиковъ,— пора приниматься за враговъ». И онъ при этомъ подморгнулъ на старшинъ. Тѣ, замѣтивши, что паны хотятъ говорить между собою втайнѣ, стали отдаляться, но Мазепа кивнулъ имъ, показывая знакъ, чтобъ они оставались, и отвѣчалъ Меншикову, какъ будто нá-ухо, но такъ, чтобы другіе слышали: «Не пора».

«Не можетъ быть лучшей поры какъ нынѣ, когда здѣсь самъ есть царское величество съ главною своею арміей.» сказалъ Меншиковъ.

Мазепа возразилъ:

«Опасно будетъ несконча едноей войны съ непріятелемъ, другую начинать внутреннюю.»

«Ихъ ли, враговъ, опасаться и щадить! — сказалъ свѣтлѣйшій.—Какая съ нихъ польза его царскому величеству? Прямо ты вѣренъ царскому величеству; но надобно тебѣ знаменіе твоей вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и впредь будущіе государи вѣдали и имя твое блажили, что единъ такій былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ».

Въ это время царь всталъ съ своего мѣста съ тѣмъ, чтобъ уѣхать, и разговоръ гетмана съ Меншиковымъ прервался неоконченнымъ.

Проводивши высокихъ гостей, Мазепа воротился къ старшинамъ и спрашивалъ: «слышали?»

Тѣ отвѣчали, что слышали.

«Вотъ всегда, — сказалъ Мазепа, — мнѣ тую пѣсенку поютъ, и на Москвѣ и на всякомъ мѣстѣ! Не допусти имъ токмо, Боже, исполнить то, что̀ думаютъ!»

Слова, произнесенныя Меншиковымъ, еслибы даже и могли быть слышаны старшинами, не были бы вполнѣ понятны, а потому Мазепа могъ объяснять ихъ смыслъ какъ хотѣлъ, и объясненія его поразили всѣхъ страхомъ.

Дѣло шло о перемѣнахъ въ козацкомъ строѣ управленія Гетманщины; къ этому дѣйствительно стремился Петръ, хотѣвшій передѣлать все свое государство на новый ладъ. Царь до сихъ поръ не трогалъ малороссійскихъ порядковъ только изъ уваженія къ совѣтамъ Мазепы, который находилъ несвоевременнымъ касаться въ этомъ отношеніи Гетманщины, хотя въ принципѣ всегда заявлялъ предъ царемъ одобреніе его преобразовательнымъ планамъ, чѣмъ и поддерживалъ къ себѣ расположеніе Петра. Меншиковъ, конечно, былъ и прежде свидѣтелемъ царскихъ бесѣдъ съ гетманомъ и теперь, находясь подъ-шумкомъ, дѣлалъ на это намеки сообразно извѣстной пословицѣ: «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ». Старшины и полковники, услышавши отъ своего гетмана объясненіе словъ Меншикова, разразились жалобами. «Козаки,—вопіяли они,—служатъ царю безъ всякой противности, вѣрнымъ и послушливымъ сердцемъ; козаки своими оброками (на свой счетъ) совершаютъ далекіе походы и въ Инфлянтахъ (въ Лифляндіи), и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, и въ донскихъ городахъ, и въ Казанскомъ государствѣ; козаки погибаютъ и умаляются, а за всѣ ихъ службы—и за прежнія въ турецкой войнѣ, и за послѣднія въ теперешней войнѣ—не только нѣтъ имъ милости, а еще ругаютъ ихъ и унижаютъ,—говорятъ, что отъ насъ дѣла нѣтъ никакого,—вѣрная служба наша въ полушку не ставится и наконецъ, промышляютъ о нашей погибели». [1]).

Въ это время получено было новое цифрованное письмо отъ княгини Дольской. На этотъ разъ она не писала уже о королѣ Станиславѣ, не дѣлала намековъ, которые можно было понимать, какъ приглашенія къ измѣнѣ. Она, какъ будто послушавшись Ивана Степановича, совершенно оставила прежняго рода корреспонденцію,—теперь она

[1]) Письмо Орлика. Гос. Арх.—*Основа.*

только по дружбѣ къ нему предостерегала его насчетъ Меншикова. Она писала, что была гдѣ-то у кого-то воспріемницей, вмѣстѣ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, и на крестинахъ, сидя за столомъ между Шереметевымъ и генераломъ Реномъ, отозвалась съ похвалой о гетманѣ Мазепѣ. Генералъ Ренъ отозвался о немъ также съ похвалою и сказалъ: «Жаль этого добраго и умнаго Ивана! Онъ, бѣдный, не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, его отставя, самъ стать въ Украинѣ гетманомъ». Княгиня съ удивленіемъ обратилась къ Борису Петровичу Шереметеву и спрашивала: правда ли это? Шереметевъ отвѣчалъ утвердительно.—«Отчего же никто изъ добрыхъ пріятелей не предостережетъ его?» сказала княгиня. — «Невозможно, отвѣчалъ Шереметевъ: мы сами много терпимъ, да молчать принуждены!» Вотъ какой разговоръ сообщался въ цифрованномъ письмѣ—и Орликъ прочиталъ это письмо вслухъ, по приказанію гетмана.

Тогда Мазепа сказалъ: «Я самъ хорошо знаю, что́ они замышляютъ надо мной и надъ всѣми вами: хотятъ меня уконтентовать княженіемъ Римскаго государства, всю старшину искоренить, городы наши отобрать подъ свою область, поставить въ нихъ своихъ воеводъ или губернаторовъ, а когда бы наши воспротивились, то за Волгу всѣхъ ихъ перегнать, а Украину своими людьми осадить (заселить). Не треба о томъ много говорить: сами вы слыхали, какъ князь Александръ Даниловичъ въ квартирѣ моей въ Кіевѣ во время бытности царскаго величества говорилъ мнѣ на̀-ухо: пора нынѣ за тѣхъ враговъ приниматься! И въ другой разъ князь Александръ Даниловичъ просилъ себѣ у царя княженія Черниговскаго: черезъ него онъ стелетъ себѣ путь до гетманства».

При существовавшей досадѣ гетмана противъ Меншикова, письмо княгини Дольской подливало, какъ говорит-

ся, масла въ огонь. Гетманъ припомнилъ тутъ все, чѣмъ былъ недоволенъ на Меншикова, и сказалъ: «Господи! освободи мене отъ ихъ панованя!»

Онъ приказалъ Орлику написать княгинѣ Дольской отвѣтъ съ благодарностью за дружбу и предостереженіе [1]).

Между тѣмъ въ теченіи 1706 года на Западѣ совершались событія, сдѣлавшія крутой поворотъ Сѣверной войны въ пользу шведской стороны. Чтобы смѣшать наблюдательность своихъ враговъ, Карлъ XII распустилъ слухъ, будто намѣренъ обратиться на Украину, и отправилъ какъ бы передовой отрядъ своего войска къ Кіеву подъ начальствомъ капитана Бракенгейма, а самъ со всею силою пустился совсѣмъ въ противоположную сторону—къ границамъ Саксоніи. Бракенгеймъ имѣлъ только незначительную битву съ царскими ратными людьми, высланными кіевскимъ воеводою; но у Карла была цѣль отвести на время вниманіе царя, чтобы нанести рѣшительный ударъ своему сопернику Августу въ его наслѣдственномъ владѣніи. Карлу хотѣлось, вступивши въ Саксонію, навести тамъ такой переполохъ, чтобы даже германскіе владѣтели, изъ желанія удалить войну отъ германской территоріи, увѣщевали Августа отречься отъ польской короны. Осторожный совѣтникъ Карла, министръ графъ Пиперъ, представлялъ королю, что такимъ движеніемъ можно раздражить противъ себя не только всѣхъ германскихъ владѣтелей, но и морскія державы—Англію и Голландію, которыя до сихъ поръ не вмѣшивались въ ходъ Сѣверной войны. Но Карлъ не послушался своего министра, а приказалъ ему написать отъ королевскаго имени ноту къ иностраннымъ державамъ, въ которой шведскій король увѣрялъ всѣхъ, что, воюя съ своимъ непріятелемъ Августомъ, онъ не думаетъ наносить никакого

[1]) Письмо Орлика.

вреда цѣлой Германіи. Затѣмъ Карлъ оставилъ въ Польшѣ небольшой корпусъ шведскаго войска подъ командой генерала Мардефельда, приказавши ему дѣйствовать совмѣстно съ польскимъ войскомъ Потоцкаго, кіевскаго воеводы. Самъ Карлъ 26 августа вступилъ въ Саксонію.

Это вступленіе чужихъ войскъ въ край произвело страхъ: саксонскіе министры стали увозить государственные архивы и казну, частные владѣльцы—свои имущества. Самъ Августъ находился тогда въ Литвѣ близъ Новогрудка и для сохраненія своего наслѣдственнаго владѣнія не видѣлъ иного средства какъ скорѣе просить мира у шведскаго короля. Съ этою цѣлью Августъ послалъ двухъ коммиссаровъ—барона Имгофа и Пфингстена: онъ далъ имъ полномочіе заключить мирныя условія, смотря по обстоятельствамъ, и дозволялъ имъ въ крайнемъ случаѣ сообщить его готовность отказаться отъ польской короны. Эти коммиссары представились Карлу XII въ Бишофсверденѣ 1 сентября. Начались конференціи. Шведскіе уполномоченные, сообразно волѣ своего государя, стояли твердо на отрѣшеніи Августа отъ польской короны; саксонскіе коммиссары, какъ ни увертывались, не въ силахъ были побѣдить ихъ упорства. Конференціи прервались; Карлъ пошелъ далѣе вглубь Саксонской страны побѣдителемъ. Саксонскіе коммиссары не смѣли возвращаться, не окончивши договора, и поѣхали вслѣдъ за Карломъ. 10 сентября Карлъ дошелъ до Лейпцига; коммиссары, слѣдуя за нимъ, все домогались смягчить условія, но все было напрасно. 14 сентября коммиссары Августа заключили миръ въ замкѣ Альтранштадтѣ, гдѣ была тогда главная квартира шведскаго короля. Августъ отрекся отъ польской короны, обязался въ теченіи шести недѣль выдать универсалъ, разрѣшающій всѣхъ его польскихъ подданныхъ отъ данной ему присяги на вѣрность, признать польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго и

разорвать союзъ съ московскимъ царемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Августъ обязывался выдать Карлу XII Паткуля, измѣнившаго шведскому королю, а самъ, напротивъ, снималъ приговоръ, произнесенный имъ прежде надъ полковникомъ Герцомъ, который перешелъ изъ саксонскаго войска къ шведскому королю. По Альтранштадтскому договору предоставлялось Карлу оставлять на предстоящую зиму шведское войско въ Саксоніи, а Августу саксонское войско въ польскихъ предѣлахъ. Карлъ тотчасъ издалъ распоряженіе, чтобы шведскія войска вели себя въ Саксоніи благочинно и не обращались съ жителями по-непріятельски.

Между тѣмъ генералъ Мардефельдъ, оставленный въ Польшѣ, не зналъ еще о заключенномъ мирномъ договорѣ и шелъ на содѣйствіе Потоцкому къ Калишу. Августъ получивши отъ Пфингстена заключенный съ королемъ шведскимъ договоръ, тотчасъ утвердилъ его. Саксонскій генералъ послалъ Мардефельду объ этомъ извѣстіе. Но Мардефельдъ еще не имѣлъ въ рукахъ письменнаго указа своего государя, не повѣрилъ врагу и вступилъ подъ Калишемъ въ бой противъ соединеннаго войска русскаго подъ командою князя Меншикова и саксонскаго подъ командою генерала Брандта. Мардефельдъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Карлъ очень разгнѣвался, когда узналъ, что въ этой битвѣ участвовали саксонцы. Августъ писалъ Карлу, что это произошло отъ недоразумѣнія: саксонцы не хотѣли вступать въ битву, но ихъ увлекли русскіе и поляки. Августъ напередъ обѣщалъ разорвать всякія дружескія связи съ московскимъ царемъ и предлагалъ Карлу дать какое угодно удовлетвореніе. Карлъ принялъ извиненія Августа, но не довѣрялъ ему И точно, Августъ, увѣряя шведскаго короля въ своей искренности, старался нѣкоторое время скрывать отъ русскихъ и отъ поляковъ своей партіи состоявшееся уже примире-

ніе съ Карломъ и увѣрялъ, что, отправивши къ шведскому королю посольство, онъ только обольщаетъ шведовъ [1]). Готовясь ѣхать на свиданіе съ шведскимъ королемъ, Августъ говорилъ русскому резиденту, находившемуся при его особѣ: «нѣтъ мнѣ иного исхода, какъ постановить миръ со шведами, но это сдѣлается только для вида. Мнѣ лишь бы выпроводить шведовъ изъ Саксоніи, а тамъ, какъ они уберутся, я, собравшись съ силами, опять начну противъ нихъ войну въ союзѣ съ царскимъ величествомъ» [2]).

Августъ поѣхалъ въ Саксонію и видѣлся съ Карломъ. Оба короля обмѣнялись между собою дружелюбными визитами, вмѣстѣ ѣздили на охоту, но тогда же перехвачены были и доставлены Карлу письма, писанныя Августомъ къ своимъ сторонникамъ въ Польшѣ: изъ этихъ писемъ Карлъ XII ясно видѣлъ, что Августъ помирился съ нимъ обманчиво. Августъ писалъ къ своимъ польскимъ благопріятелямъ, что если онъ уже по необходимости отрекся отъ короны, то совѣтуетъ имъ не признавать королемъ Станислава, а избрать себѣ въ короли кого-нибудь иного подъ покровительствомъ царя Петра. Карлъ разгнѣвался за такую двуличность Августа и за то увеличилъ военную контрибуцію, наложенную уже на Саксонію: онъ хотѣлъ истощить наслѣдственное владѣніе Августа и тѣмъ самымъ умалить его силы и средства [3]).

Отказъ Августа отъ короны сразу лишилъ его въ Польшѣ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ. Былъ у него такой ярый и вмѣстѣ неутомимо-дѣятельный сторонникъ Шмигельскій, что шведскій король назначалъ награду за его голову. Шмигельскій перешелъ къ Станиславу Лещинско-

[1]) *Nordberg*, т. II, стр. 112 и 113.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г. Польскія дѣла. Подлинники.

[3]) *Nordberg*, т. II, стр. 138.

му. За нимъ послѣдовалъ генералъ Брандтъ, недавній побѣдитель Мардефельда. Оба оправдывали свой переходъ тѣмъ, что Августъ самъ отрекся отъ польской короны и развязалъ ихъ отъ присяги на вѣрность. За ними послѣдовали многіе поляки, которые до того времени колебались: теперь уже Станиславъ Лещинскій имѣлъ законный видъ истиннаго польскаго короля.

Такой блестящій успѣхъ Карла не могъ не отозваться и въ Украинѣ впечатлѣніемъ невыгоднымъ для увѣренности въ силѣ русскаго государя, который велъ борьбу съ такимъ героемъ, какимъ казался шведскій король. Теперь обстоятельства располагали Мазепу сдѣлать при случаѣ новый шагъ къ сближенію съ царскими врагами. Между тѣмъ рядъ мелкихъ событій, гдѣ великороссіяне обращались съ малороссіянами оскорбительно и презрительно, подавалъ каждому поводъ не предполагать въ малороссіянахъ большой любви къ русской власти. Въ 1706 году, и особенно за послѣдніе мѣсяцы этого года, въ современныхъ дѣлахъ встрѣчается множество жалобъ съ разныхъ краевъ Гетманщины. «Отовсюду,—писалъ Мазепа Головину,—ко мнѣ доходятъ жалобы на своевольства великороссійскихъ ратныхъ людей». Гетманъ умолялъ найти средства къ обузданію своевольства великорусскихъ войскъ [1]) и препроводилъ замѣчательную по чертамъ того времени жалобу городенскаго сотника Стаховича на безчинства великороссійскихъ ратныхъ людей, проходившихъ черезъ его сотню [2]).

[1]) ... чтобъ ваша вельможность на плачъ, стенаніе, вопль и слезы бѣдныхъ людей милосердымъ окомъ приклонившеся изволилъ ими же вѣси судьбами таковую своеволю войскъ великороссійскихъ ускромити и отъ дальнихъ разореній, побоевъ и смертныхъ убойствъ людей моего регимента освободити. (Донесеніе гетмана Головину 26 сен. 1706 г.—Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники).

[2]) ... идучи зъ Полоцка нѣякійсь маіоръ Данило Евстратовичъ полку Репина и другой капитанъ Дмитрій Яковлевичъ з людми ве-

Слишкомъ тяжела казалась для малороссіянъ царская служба въ то время, особенно при безпощадной дисциплинѣ, которую вводилъ Петръ. Запорожцы, бывшіе на царской службѣ, за самовольный уходъ были обращены на галерныя и другія работы [1]), а нѣкоторые изъ нихъ, нашедши случай уйти, добрались до Сѣчи и произвели тамъ волненіе. Рада снарядила посольство къ царю въ

ликороссійскими першъ у сотню мою городенскую великія обиды и забойства людямъ чинили, а на остатокъ въ селѣ Хоробричахъ человѣка на смерть замордовали, першъ колѣни шпакгою покололи начинаючи, а потомъ з фузеи прострѣлили, а тилько з тое причины, що з куньми въ лѣсъ утѣкавъ, и въ томъ же селцѣ хлопця Ивана стрѣлци з конемъ въ полѣ узяли и не знать где подѣли, и коней десятеро взяли. Теды я въ Седневѣ ходилемъ самъ зъ тими людми же бы казалъ панъ маіоръ записать того человѣка Ивана Корененкова зятя хто ёго забивъ и якого полку салдатъ, и вспоминалемъ ся про того хлопця и про забраныи конѣ. Теды много зо мною сперечился и не вчинилъ розыску а на потомъ сказалъ мнѣ тое, що и тебе, мовилъ, якъ козака забьютъ самого то пропадешъ. А скоро (я) з двора вышолемъ и пошолемъ въ другой дворъ коней своихъ познавати, що у мене взяли въ городѣ, а они маіоръ и капитанъ наславши денщиковъ узяли заразъ мене у шію першъ бити, а потомъ поваливши нузцями (?) що ледво тильки мене живого покинули. И послѣ того бою знову я трохи очунявши приходилемъ до ёго маіора, оповѣдаючи ему, же то власне есть зъ его направы, а онъ з того смѣхъ учинивъ и сказалъ: не шукай лошадей по дворахъ. То, мовить, тобѣ за тое, що ты у насъ управы просишъ. Милостивый добродѣю! умилосердись и приложѣть свого панського стараня в такой нашей бѣдѣ и забойствѣ московскомъ, же вже четвертого чоловѣка въ сотнѣ моей забили на смерть, а теперь пришло уже и до мене самого же трохи на смерть не забили. И такъ вѣдаетъ Богъ чи скоро буду людми послѣ ихъ рукъ же не могу и плечима здвигнутися и духу въ собѣ привдохнути отъ ихъ побою (Ibid. Донесеніе Стаховича черниговскому полковнику).

[1]) ... запроважено на государскіе водоходные каторги а иные безвинно въ разные пороздавано неволѣ, отъ которой неволѣ выходцы свободившися намъ войску подали вѣсть (Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г. Подлин. Челобитная кошевого, сент. 15-го).

Кіевъ, но посланный атаманъ Игнатъ Галаганъ опоздалъ, не засталъ уже въ Кіевѣ государя и долженъ былъ воротиться въ Сѣчу. Тогда запорожское товариство такъ заволновалось, что собиралось заключать союзъ съ крымскимъ ханомъ и привлекать татарскую орду противъ Москвы [1]). Къ этому побуждалъ ихъ кошевой Гордѣенко. Но противъ смѣлыхъ и отчаянныхъ затѣй возстали старые козаки и отвратили отъ злобныхъ намѣреній тѣхъ, которые задумывали уже выступать съ оружіемъ въ Гетманщину [2]).

Въ Кіевѣ также былъ сильный ропотъ между козаками разныхъ полковъ, согнанныхъ на крѣпостныя работы. Въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ они трудились надъ крѣпостію на собственномъ содержаніи. Съ 15 августа работы усилились. Государь нашелъ, что мѣстоположеніе дѣлаемой крѣпости неудобно, и положилъ возводить новыя укрѣпленія вокругъ Печерскаго монастыря. Въ день Успенія, по совершеніи церковнаго обряда, самъ Петръ сдѣлалъ закладку и поручилъ работы казакамъ подъ личнымъ наблюденіемъ гетмана, котораго обязалъ не отлучаться до наступленія зимнихъ холодовъ, развѣ только на короткое время. Гетману въ помощь приданъ былъ великорусской

[1]) ... едны въ безумной своей радѣ кричатъ зломысленнѣ и настаѣваютъ на тое злосовѣтно чтобы посылать до хана крымского для затягненя имъ въ помощь и въ пособіе орды, а иные тому злочестивому передсявзятію противятся, для чого между собою тамъ въ Сѣчѣ дракою курѣнь на курѣнь нападаетъ и непрестанно бьются. До того ихъ побуждаетъ зловредный песъ Костя, бывшій кошевый, который у запорожцевъ мѣетъ любовь. А до того тыи злонравныи запорожцы похваляются, что сами собѣ мусятъ за тое взяти мзду, что всуе цѣлое лѣто и осень вышовши на службу погубили и ничого за тое награды не получили (Ibid. Донесеніе гетмана 17 ноября).

[2]) ... старики тамошніе задавно въ Сѣчѣ пребываючіи воспротивилися.. (Ibid. Донесеніе гетмана 8 декабря).

службы полковникъ Гейсенъ съ царскими людьми [1]). Великорусскіе офицеры обращались грубо съ козаками, били ихъ палками, обрубливали имъ уши и чинили надъ ними всяческое поруганіе. Бѣдные козаки переносили всевозможныя тягости, терпѣли томительный зной при тяжелыхъ земляныхъ работахъ, терпѣли вѣчное безпокойство за свой домъ, зная, что безъ нихъ некому было убирать сѣна и хлѣбовъ въ рабочую пору, и кромѣ того находились въ постоянномъ страхѣ: великорусскіе люди въ то время безпрестанно сновали черезъ малороссійскій край то съ рекрутами, то съ запасами, насиловали оставшихся дома козацкихъ женъ и дочерей, забирали и истребляли лошадей и домашній скотъ и самихъ даже старшинъ надѣляли побоями. Изъ полковниковъ миргородскій Апостолъ и прилуцкій Горленко выступили тогда передъ гетманомъ, заступаясь за козаковъ. Горленко говорилъ ему: «всѣ мы за душу Хмельницкаго Бога молимъ за то, что тотъ освободилъ Украину отъ лядскаго ига, а твою душу и кости станутъ дѣти наши проклинать, если ты послѣ себя оставишь козаковъ въ такой неволѣ».

Гетманъ сказалъ, что онъ уже много разъ описывалъ царю о такихъ обидахъ, и предлагалъ ѣхать снова старшинамъ съ просьбами о томъ же.

Черезъ нѣсколько дней гетманъ объявилъ полковникамъ, что совѣтовался съ кіевскимъ воеводою о предполагаемой посылкѣ, но воевода князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сказалъ, что это дѣло царю будетъ неугодно и гетманъ повредитъ себѣ и козакамъ [2]).

[1]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.", т. II. стр. 336.

[2]) ... зачалося дѣло фортификаціи печерской, наступили переходы черезъ малороссійскіе городы до главной арміи то рекрутовъ то всякихъ началныхъ особъ, то многочисленныхъ съ запасами и припасами обозовъ, а полковники съ старшиною своею часто, до гетмана приходя жалостнѣ предлагали, что приставы у того дѣла фортификаціон-

Въ концѣ октября, согласно царскому дозволенію, гетманъ распустилъ свое войско, которое, по его донесенію, стало и босо, и голо, и голодно, будучи истомлено въ конецъ пятимѣсячною тяжелою работою. Самъ гетманъ уѣхалъ въ Батуринъ. На весну предполагалось созвать снова козаковъ на фортификаціонную работу [1]).

24 декабря [2]) царь опять проѣхалъ черезъ Кіевъ и отправился оттуда въ польскій городъ Жолкву. Мазепѣ

наго козаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шпадами обтинаютъ и всякое поруганіе чинятъ, что козаки, оставивши домы свои, косовицу и жнива, поносятъ на службѣ царского величества тяготу дней и варъ, а тамъ великороссійскіе люде домы ихъ разграбляютъ, разбираютъ и палятъ, жонамъ и дочкамъ ихъ насиліе чинятъ, кони, быдла и всякую худобу забираютъ, старшину біютъ смертными побоями; надто два полковники миргородскій и прилуцкій, яко началнѣшіи и паче инныхъ болшее до Мазепы дерзновеніе имѣвшіи, одозвалися съ тымъ: миргородскій сказалъ ему Мазепѣ: „очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Боже на тобе смерти, а мы зостанемо въ такой неволѣ, то и кури насъ загребутъ!“ А прилуцкій подтвердилъ тыми словами: „якъ мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига ляцкаго свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы и дѣти наши во вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего по смерти своей въ такой неволи зоставишъ!“ А когда таковыми переговорами часто ему Мазепѣ наприкралися, отказалъ имъ тыми словами: „уже я до двору царского величества о таковыхъ обидахъ и разореніяхъ часто и многократнѣ писалъ, и если вамъ угодно, изберѣте отъ себе до царского величества, или ты, Прилуцкій, ѣдь, а я отъ себе съ енералной старшины пошлю съ тобою Орлика, и буду черезъ васъ до царского величества писать и чоломъ бить, чтобъ права и волности наши ненарушимы были.“ Но по нѣколикихъ дняхъ предложилъ намъ будто онъ о той посылкѣ до царского величества говорилъ и совѣтовалъ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, и будто его княжая милость ему говорилъ, что то дѣло царскому величеству неугодно будетъ и если пошлешъ, то и себѣ бѣду сдѣлаешъ и ихъ погубишъ“, (Письмо Орлика).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г., окт. Подлинники.

[2]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. II, стр. 404.

данъ былъ указъ явиться туда же на совѣщанія. Къ новому 1707 году царь прибылъ въ Жолкву вмѣстѣ съ близкими особами, въ числѣ которыхъ былъ новый канцлеръ, Гаврила Ивановичъ Головкинъ, заступившій мѣсто управлявшаго Посольскимъ Приказомъ Ѳедора Головина, умершаго недавно передъ тѣмъ въ Глуховѣ на пути въ Кіевъ.

Во Львовѣ тѣмъ временемъ съѣхались нѣкоторые польскіе паны, которые послѣ отреченія отъ короны Августа не хотѣли признавать короля Станислава. Они оскорблялись тѣмъ, что, признавши его королемъ, признали бы главенство надъ Польшею шведскаго короля, который по своему произволу возвелъ Станислава въ короли [1]. На этомъ львовскомъ съѣздѣ паны постановили не признавать въ Польшѣ иного короля, кромѣ избраннаго націею свободно, безъ чуждаго принужденія. Съ этого съѣзда отправились въ Жолкву къ находившемуся тамъ царю знатные и вліятельные паны: краковскій каштелянъ Янушъ Вишневецкій, мазовецкій воевода Хоментовскій, Воловичъ, Шембекъ и другіе [2]. Тогда обѣ стороны—и русская и польская—нуждались одна въ другой. Русскій царь оставался теперь въ борьбѣ съ Карломъ безъ союзника; поляки поняли это и домогались отдачи и укрѣпленія за Польскою Короной правобережной Украины. Царь не только соглашался на это, но еще обязался дать полякамъ 20.000 рублей въ качествѣ субсидіи,—такъ хотѣлось ему отклонить пановъ отъ Станислава.

Между тѣмъ Петръ искалъ дипломатическимъ путемъ устроить для себя выгодный исходъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ разсылалъ по европейскимъ дворамъ посольства искать союза или посредничества къ примиренію со шведскимъ королемъ, предлагалъ искать упраздненной

1) *Otwinowski*: „Dzieje panow. Aug. II“ стр. 115.

2) Ibid., 117.—*Соловьевъ*, т. XV, стр. 201.—*Германъ*, т. IV, стр. 228.

польской короны и королевичу Собѣскому, и седмиградскому князю Ракочи, и сильному въ Англіи герцогу Марльборо, которому, какъ говорятъ, кромѣ того, обѣщалъ по выбору въ Россіи княжество кіевское, владимирское или сибирское [1]).

Петру намѣренія его не удавались. Болѣе удачно везло его сопернику Карлу, продолжавшему сидѣть въ Саксоніи. Августъ увѣрялъ его, что не думаетъ о нарушеніи договора и что всѣ писанія отъ его имени, ходящія въ Рѣчи Посполитой, подложны [2]). Въ Альтранштадтъ, гдѣ жилъ Карлъ, стекались знатныя особы съ поздравленіями изъ разныхъ странъ Европы: въ числѣ ихъ 16 апрѣля 1707 года посѣтилъ Карла герцогъ Марльборо, котораго напрасно старался расположить къ себѣ русскій царь. Государства—Франція, Англія, Нѣмецкая Имперія, Голландскіе Штаты, Ганноверъ, Пруссія—всѣ безусловно признали польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго. По настоянію царя, министры европейскихъ дворовъ, въ смыслѣ посредничества, предлагали Карлу примиреніе съ Петромъ. Но Петръ, прибѣгая къ посредничеству, заранѣе заявлялъ, что хочетъ во что бы то ни стало удержать за собою Петербургъ и Орѣшекъ, а Карлъ не соглашался уступить ни одной пяди земли изъ своихъ владѣній. «Еслибы царь, говорилъ Карлъ иностраннымъ министрамъ, искренно желалъ примириться съ нами, то призналъ бы королемъ Станислава и не раздувалъ бы междоусобія въ Польшѣ. Зачѣмъ онъ сдѣлалъ губернаторомъ Ингріи Меншикова?»—«За это царь долженъ уплатить Швеціи», предлагалъ французскій ми-

[1]) *Соловьевъ*, т. XV, стр. 216. Если дѣйствительно существовало такое предположеніе, то едва ли оставалось оно неизвѣстнымъ Мазепѣ, и предложеніе кіевскаго княжества англійскому лорду не могло нравиться малороссійскому гетману.

[2]) *Nordberg*, т. II, стр. 146.

нистръ.—«Я не продаю своихъ земель, отвѣчалъ Карлъ. А вотъ какъ я подойду поближе къ рубежу государства Петрова, тогда услышимъ, что̀ онъ заговоритъ!» [1]).

Въ то же время Петръ, желая удержать въ союзѣ съ собою поляковъ, не признавшихъ власти Станислава, увѣрялъ, что не иначе согласится толковать о мирѣ, какъ вмѣстѣ съ Рѣчью Посполитою [2]), и что вѣсти о томъ, будто онъ хочетъ вступать отдѣльно въ переговоры, выдуманы министрами шведскаго короля [3]). Примасъ, котораго Петръ увѣрялъ въ этомъ своимъ письмомъ, относился повидимому съ довѣріемъ къ царскимъ словамъ и благодарилъ царя за его вниманіе къ выгодамъ Польши. Но въ Литвѣ партія Станислава еще болѣе усилилась, когда вступилъ туда съ войскомъ шведскій генералъ Левенгауптъ, назначенный отъ Карла губернаторомъ Ливоніи. Братья Вишневецкіе открыто стали на сторону Станислава: гетманъ Михаилъ, какъ мы уже видѣли, прежде къ тому склонялся, но братъ его Янушъ еще въ началѣ 1707 года въ Жолквѣ былъ въ числѣ пановъ, заключившихъ съ Петромъ союзный договоръ, а черезъ нѣсколько времени помирился съ своимъ давнимъ врагомъ Сапѣгою и объявилъ себя за Станислава. Гетманъ литовскій Михаилъ Вишневецкій издалъ къ обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго универсалъ, въ которомъ убѣждалъ повино-

[1]) Ibid, стр. 156.

[2]) ... żeby krew ludzka dłużey nie przelewała gotowiśmy słuchać zawsze propozycye do pokoiu, ieżeli one ofiarować zechce, ale takim sposobem, żeby ten pokóy iawnie y przytomnie z wiadomością spólną R. P-tey był traktowany concludowany przez kommissarzów zobopòlnych; żebyśmy zaś taiemnie przez który kolwiek dwór wchodzić mieli pierwiey y na potym, żaden o tym nie tylko suspikować ale y pomyslić nie powinien (Рукоп. Импер. Публ. библіот., folio. Miscelanea № 35, л. 242).

[3]) ... ministrowie iego po wszystkich dworach cudzoziemskich y przez poczty publiczne ogłosić takie wieści y gazety iakoby z nami miał wchodzić w iaki traktat osobny i stanowić pokóy (Ibidem).

ваться Станиславу и изгонять русскихъ, какъ враговъ, изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой. Примѣръ Вишневецкихъ былъ до того вліятеленъ, что Великое Княжество Литовское почти все очутилось признающимъ короля Станислава [1])

Августъ, обѣщавшій выдать шведскому королю Паткуля, все еще медлилъ, опасаясь этимъ поступкомъ вооружить противъ себя царя Петра, который могъ бы тогда по-непріятельски поступить съ саксонскими войсками, остававшимися на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ: Паткуль считался въ русской службѣ. Но въ мартѣ русскіе сами настояли, чтобы саксонскія войска вышли изъ Польши, уступивши мѣсто русскимъ войскамъ. Тогда Августъ, не опасаясь болѣе мщенія за Паткуля, приказалъ генералу Мейерфельду привезти несчастнаго Паткуля изъ Кенигштейна, гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и отдалъ шведамъ. Его казнили мучительною смертію. Вслѣдъ затѣмъ Августъ, досадуя на Альтранштадскій миръ для него унизительный, приказалъ отправить на мѣсто Паткуля въ Кенигштейнъ Фингстена и барона Имгофа, обвинивъ обоихъ въ превышеніи даннаго имъ полномочія [2]).

Между тѣмъ съ весны, по царскому указу, со всѣхъ гетманскихъ полковъ спѣшили козаки съ запасомъ кирокъ и лопатъ оканчивать кіевскую «фортецію», которую царю хотѣлось довершить скорѣе въ видахъ препятствія къ непріятельскому вторженію [3]). Петръ ожидалъ, что Карлъ, раздѣлавшись съ Августомъ, теперь обратится всѣми силами на державу русскаго государя. Поэтому царь писалъ къ Апраксину, чтобы дать указъ, дабы всѣ обыватели, ожидая непріятеля, держали хлѣбъ не въ житницахъ, а непремѣнно

[1]) *Nordberg*, т. II, стр. 133—148.

[2]) Ibid., стр. 148.

[3]) Госуд. Арх. Кабинетскія дѣла, кн. № 20.

въ ямахъ, вырытыхъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, для удобнѣйшаго сбереженія. «Вся тягость войны теперь останется на однихъ насъ»—писалъ царь Мазепѣ, приглашая его въ Жолкву на совѣтъ.

По этому царскому приглашенію, Мазепа прибылъ съ нѣкоторыми старшинами въ Жолкву 11 апрѣля, въ день великой пятницы. Послѣ 20 апрѣля былъ воинскій совѣтъ. Что̀ тамъ произошло, мы не знаемъ, но по окончаніи этого совѣта Мазепа не пошелъ на обѣдъ къ царю, а воротился въ свое помѣщеніе разстроенный, цѣлый день ничего не ѣлъ и былъ чрезвычайно раздражителенъ. Онъ не сообщалъ старшинамъ, что̀ за непріятность съ нимъ произошла, а только произнесъ для всѣхъ загадочныя и зловѣщія слова: «Еслибъ я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе, а здѣсь, хоть бы я въ ангела перемѣнился—и тогда не могъ бы службою и вѣрностію своею никакого получить благодаренія»! Онъ отпустилъ старшинъ, и тѣ ушли въ совершенномъ невѣдѣніи, что̀ сталось съ ихъ гетманомъ.

На другой или на третій день послѣ того войсковой товарищъ Димитрашко доставилъ письмо свѣтлѣйшаго князя Меншикова къ компанейскому полковнику Танскому: Меншиковъ приказывалъ Танскому, взявши на шесть мѣсяцевъ деньги для уплаты жалованья своимъ полчанамъ и на покупку провіанта, выступать съ своимъ полкомъ въ походъ. Это взорвало гетмана. Онъ почелъ для себя личнымъ оскорбленіемъ обращеніе свѣтлѣйшаго князя къ козацкому полковнику мимо козацкаго гетмана. Въ ярости Мазепа закричалъ: «Можетъ ли быть болѣе поруганія, посмѣянія и униженія моей особѣ! Князь Александръ Даниловичъ всякій день со мною видится, всегда со мною конверсуетъ и не сказалъ мнѣ о томъ ни единаго слова, а безъ моего вѣдома и согласія разсылаетъ ордонансы людямъ моего регимента! Кто-жъ это безъ моего указа выдастъ Танскому

мѣсячныя деньги и провіантъ? И ка́къ Танскій можетъ идти безъ моей воли съ моимъ полкомъ, которому я плачу́? Да еслибъ онъ пошелъ, я-бъ его велѣлъ какъ пса разстрѣлять!»

Мазепѣ въ это время, какъ видно, запахло чѣмъ-то очень плохимъ — возможностію потерять гетманство; и для старшинъ это запахло такимъ новымъ порядкомъ, что вмѣсто начальниковъ, выбранныхъ Войскомъ Запорожскимъ, станутъ управлять козаками царскіе бояре, а страхъ такой перемѣны, какъ извѣстно, уже не малое время безпокоилъ малоруссовъ. Во всякомъ случаѣ, страсть царя Петра къ преобразованіямъ готова уже была коснуться Гетманщины, а желаніе какъ можно тѣснѣе слить этотъ край съ остальными частями Русской державы унаслѣдовалась имъ отъ прежней московской политики. Недаромъ Мазепа воротился съ воинскаго совѣта разстроеннымъ. Тамъ, какъ оказывается, сообщено было Мазепѣ намѣреніе царя произвести нѣкоторое измѣненіе въ отправленіи козацкой службы: чтобъ изъ всѣхъ городовыхъ козаковъ выбиралось извѣстное число и составлялись компаніи, которыя бы получали жалованье, а прочіе козаки оставались дома. Это мы узнаемъ изъ послѣдующаго письма Мазепы къ Головкину, въ которомъ говорится, что указъ объ устроеніи компаній, сообщенный царемъ въ Жолквѣ, не можетъ придти въ исполненіе за смятеніемъ непостояннаго народа [1]). Орликъ называетъ этотъ указъ «указомъ объ устроеніи козаковъ подобіемъ слободскихъ полковъ въ пятаки» и говоритъ, что всѣ полковые старшины считали тогда выборъ «пятаковъ» (пятаго человѣка изъ козаковъ) ступенью къ преобразованію козаковъ въ драгуны и солдаты. Старшины сильно волновались, сходились безпрестанно то у обознаго

[1]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго“, т. XV, стр. 158.

Ломиковскаго, то у миргородскаго полковника Апостола, совѣтовались между собою, кричали и даже обращались къ чтенію Гадяцкаго договора. Гетманъ извѣщалъ Головкина, что указъ о компаніяхъ очень непріятенъ полковникамъ. Самъ гетманъ не показывалъ ни малѣйшаго знака неудовольствія къ замыслу царя. Этотъ указъ не состоялся.

Въ то самое время, когда поступокъ Меншикова съ Танскимъ въ Жолквѣ раздражилъ Мазепу, ему доложили, что въ пріемной команатѣ стоитъ и дожидается львовскій іезуитъ Заленскій, ректоръ іезуитской школы въ Винницѣ. Вдругъ Мазепа какъ будто просвѣтлѣлъ и радостно воскликнулъ: «а онъ откуда взялся?» Онъ велѣлъ обозному Ломиковскому и писарю Орлику провести іезуита къ нему во внутреннюю комнату и потомъ отпустилъ всѣхъ старшинъ по ихъ помѣщеніямъ.

Мазепа бесѣдовалъ съ этимъ іезуитомъ наединѣ, никто не слыхалъ ихъ бесѣды, но и никто не подозрѣвалъ ничего дурного. Впослѣдствіи Орликъ узналъ отъ самого Мазепы, что гетманъ посылалъ этого іезуита въ Саксонію къ Станиславу Лещинскому, бывшему тамъ съ своимъ покровителемъ—шведскимъ королемъ.

Скоро послѣ того царь отпустилъ Мазепу и старшинъ изъ Жолквы разомъ со своимъ сыномъ Алексѣемъ царевичемъ. Отъѣхавши нѣсколько миль отъ Жолквы, гетманъ уговорилъ царевича ѣхать впередъ, обѣщаясь догнать его, а самъ свернулъ съ дороги, заѣхалъ въ одинъ изъ дворовъ, принадлежавшихъ княгинѣ Дольской, не засталъ тамъ самой княгини, но нашелъ тамъ какого-то монаха Тринитарскаго ордена, о чемъ-то съ нимъ наединѣ бесѣдовалъ, а потомъ продолжалъ свой путь и нагналъ царевича. «На этотъ разъ, говоритъ Орликъ, ни у кого изъ насъ не было ни малѣйшаго подозрѣнія въ невѣрности гетмана къ царю; мы всѣ думали, что княгиня Дольская домогалась у Мазепы получить взаймы нѣкоторую сумму

денегъ для выкупа изъ залога своихъ драгоцѣнностей, о чемъ уже письменно передъ тѣмъ къ нему обращалась» [1]).

По возвращеніи изъ Жолквы, гетманъ недолгое время оставался въ Батуринѣ и въ іюнѣ отправился въ Кіевъ. Тамъ работали надъ печерскою крѣпостію всѣ козаки — и городовые и охотные — всѣ, кромѣ тѣхъ, которые находились въ военныхъ командировкахъ. Работы вышли труднѣе, чѣмъ думалось. Прежде предполагали только поновить часть вала, который былъ уже выведенъ вокругъ Печерскаго монастыря; но оказалось, что этотъ валъ весь осыпался, пришлось его дѣлать весь снова. Съ подошвы до верха валъ обкладывали дерномъ и приходилось за такимъ дерномъ посылать далеко. Инженеръ, завѣдывавшій фортификаціоннымъ дѣломъ, приказалъ, начиная отъ горы печерскаго мѣстечка внизъ къ Днѣпру, высыпать не одинъ, а два вала, и такимъ образомъ задалъ козакамъ двойную работу. Съ малороссійскими козаками работали и великорусскіе стрѣлецкіе полки [2]). Въ сентябрѣ Мазепа, въ письмѣ къ Головкину, изображалъ въ печальныхъ чертахъ состояніе, въ какое пришли козаки отъ продолжительной утомительной работы [3]). Гетманъ просилъ

[1]) Письмо Орлика.

[2]) Въ половинѣ іюня гадяцкіе полчане нашли въ землѣ печерской горы кучу старинныхъ монетъ, изъ которыхъ Мазепа, числомъ сто, послалъ Головкину. Антіохійскій патріархъ, которому посылали ихъ на показъ, назвалъ ихъ ассирійскими. По учрежденіи академіи наукъ, этотъ кладъ былъ туда переданъ. Монеты эти—арабскія куѳическія.

[3]) ...регименту моего козаки тутъ въ Кіевѣ на службѣ монаршои зостаючіи весняною цѣлолѣтнею и осеннею около фортификаціи печерской работою такъ изнемозчѣли, знужнѣли, утрудились, что невозможно ни на какую службу больш ихъ употребити, понеже отъ безмѣрныхъ непрестанныхъ трудовъ третья часть ихъ больныхъ обрѣтается, а до того лишившися всѣ уже давно борошенныхъ запасовъ якъ послѣднѣйшіи нищіи по монастырямъ и по дворамъ ходячи просять хлѣба, послѣднюю одежу з себе для пропитанія продаютъ, конѣ

дозволенія отпустить козаковъ, ссылаясь на то, что имъ надобно еще укрѣплять свои городки въ полкахъ. Но указъ о распущеніи козаковъ съ крѣпостныхъ работъ полученъ былъ гетманомъ не ранѣе 7 ноября. Тогда гетманъ сдалъ крѣпость совершенно готовую кіевскому губернатору князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и назначилъ въ число гарнизона 500 козаковъ своего регимента Стародубскаго полка. Мазепа оставался въ Кіевѣ, ожидая скорой кончины престарѣлой своей матери [1]).

Въ Жолквѣ, какъ мы уже говорили, польскіе паны успѣли вынудить у царя Петра согласіе на возвращеніе Польшѣ правобережной Украины. Гетману было это объявлено въ Жолквѣ, но царь тогда же сказалъ Мазепѣ, что прежде чѣмъ прибудетъ коммиссія, учрежденная по этому вопросу, малороссійскій гетманъ будетъ о томъ предупрежденъ заранѣе, дабы могъ дать время не желающимъ поступать подъ польскую власть перебраться на лѣвую сторону Днѣпра [2]).

всѣ воженемъ дерну, дерева, палисаду, кирпичу, извести такъ замордовали, что и за едину милю поѣхати ими нелзя ... (Арх. Ин. Дѣлъ 1706 г. Подлинники. Донесеніе Мазепы сентября 29).

[1]) ...фортецу печерскую новопостроенную и въ дѣлѣ своемъ совершенную отдалемъ на руки князю Димитрію Михайловичу Голицыну, у котораго остановилемъ президіального регименту моего войска полку стародубскаго пять сотъ человѣкъ людей надежныхъ съ своими боро-шенными запасами, съ полковникомъ наказнымъ, со старшиною и сотниками. Войско свое роспустилемъ, а самъ остаюсь въ Кіевѣ ради болѣзни моей подагричной обычной, наипаче для того, что госпожа матка моя велми болѣзнуетъ и до кончины живота приближается (Арх. Ин. Дѣлъ, ноябрь. Подл. Письмо Мазепы).

[2]) ...предостерегти бѣдныхъ людей сегобочныхъ, дабы они нимъ еще отдасться въ ляцкую область Украина могли па такую сторону зъ имѣніемъ своимъ перебратися завчасу, чтобъ ихъ польская власть въ державу свою неудобоносимую нечаянно не загорнула и отмщенія за тое не учинила за то, что они въ бунтахъ з Палѣемъ, Самусемъ и Искрою зостаючи, многимъ кровопролитіемъ и убойствомъ шляхты, ксендзовъ и жидовъ поляковъ раздражили и на неукротимую вражду

Въ августѣ, назначенный для отобранія правобережной Украины, каштелянъ волынскій Віельгорскій обратился къ Мазепѣ съ требованіемъ приступить вмѣстѣ съ поляками къ возвращенію Бѣлой-Церкви и всей правобережной Украины подъ власть Рѣчи Посполитой, во исполненіе договора царя съ тѣми панами, которые вошли съ царемъ въ союзъ противъ шведовъ. 22 августа Мазепа получилъ отъ царя секретный указъ не отдавать Украины полякамъ и отговариваться отъ нихъ неполученіемъ собственноручнаго царскаго указа [1]). На этомъ основаніи Мазепа, на приглашеніе Віельгорскаго пріѣхать къ нему для совѣщанія о такомъ важномъ дѣлѣ, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ [2]). Віельгорскій приписывалъ медленность въ исполненіи царскаго обѣщанія упрямству самого Мазепы и угрожалъ, что если такъ, то польскія войска и безъ участія малороссійскаго гетмана займутъ силою правобережную Украину. «Вижу,—писалъ по этому поводу гетманъ къ Голов-

подвигнули (Ibid., 1707 г. Подлин., августъ. Письмо Мазепы къ Головкину).

[1]) ...нынѣ въ томъ интересѣ не усну ниже воздремлю, но всяческимъ тщаніемъ прилежати буду, дабымъ возмоглъ таковыми и прочими раціями выпроводити коммиссаровъ польскихъ безъ совершенства ихъ намѣреній. О возвращеніи Украины ихъ въ область лядскую люде сегобочніи послыша велми были ужаснулися и возмятилися, а будучи у мене полковники ихъ со старшиною отозвалися з такою резолюціею, что готовы всѣ до крови стать и не допустить тихъ коммиссаровъ сами, не требуя отъ мене помощи, токмо соизволенія. Мы, мовятъ, дамо имъ коммиссію, и за Вислою не сокрыются; обаче я ихъ, полковниковъ з старшиною; обнадежилъ и утвердилъ, дабы до указу его царскаго величества всѣ зоставали въ своихъ жилищахъ несумнительно (Ibid. Письмо Мазепы къ Головкину 28 августа).

[2]) ...al restitutionem Ukrainy nie tylko potrzebny iest nowy mnie ordynans cara J. M. lecz o to expedit na tym bardziey starać się żeby własną ręką monarszą był ten ukaz corroboratus, bo bez niego nie możecie W. M. panowie przyjść ad possessionem Ukrainy (Ibid. Письмо Мазепы къ Віельгорскому, сент. 20.)

кину,—безъ кровопролитія не обойдется; а у меня войска мало, потому что все раскидано въ разныя стороны: одни въ Польшѣ, другіе въ Быховѣ, третьи на Волыни, четвертые въ Казани, а со мною остались такіе, что изнурены работою надъ постройкою крѣпости, лишились лошадей и сами нагіе и голодные чуть не валяются отъ дуновенія вѣтра» [1]).

При тогдашнемъ положеніи вещей, когда въ Польшѣ не было ни единаго правленія, ни порядка, а большинство поляковъ все таки склонялось на сторону Станислава Лещинскаго, было естественно, что царь, при искренней готовности возвратить Польшѣ правобережную Украину въ возмездіе за полезный съ нимъ союзъ, долженъ былъ помедлить съ этимъ дѣломъ. Поляки были недовольны, что не могли взять въ свою власть края, отдаваемаго имъ самимъ царемъ, дѣлали угрозы, но эти угрозы были безсильны. Дѣло пріостановилось и нельзя было предвидѣть, какъ оно поворотится. Малороссіяне во всякомъ случаѣ не могли спокойно смотрѣть на уступку половины своего отечества прежнимъ своимъ врагамъ. Мазепа, какъ бы онъ втайнѣ ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ, но, окруженный старшинами, долженъ былъ раздѣлять общенаціональное воззрѣніе. «Конечно»,—разсуждалъ онъ въ письмѣ къ Головкину,—«всякая вещь приватная должна уступать общей пользѣ. Намъ трудно знать внутреннія намѣренія великаго государя, по которымъ онъ, ради союза съ Польшею, готовъ ей дѣлать такую уступку, но мы не ожидаемъ никакого добра отъ поляковъ въ близкомъ съ ними сосѣдствѣ. Если ужъ такова воля великаго монарха, что отдавать въ польскую область Бѣлую-Церковь и другія украинскія мѣста, то по крайней мѣрѣ пусть бы министры царскаго величества съ министрами польскими

[1]) Ibid. Письмо Мазепы къ Головкину отъ 23 октября.

утвердили и постановили, чтобы поляки не интересовались городами и мѣстами, находящимися близко Днѣпра—Каневомъ, Черкасами, Чигириномъ и прочими, которые были оставлены впустѣ генеральною коммиссіей во время установленія вѣчнаго договора при королѣ Янѣ Собѣскомъ» [1]).

Военныя событія въ Польшѣ привлекали туда участіе козаковъ. Изъ Жолквы отправленъ былъ въ распоряженіе польскаго короннаго гетмана Сѣнявскаго компанейскій полковникъ Танскій, потомъ въ маѣ царь потребовалъ отъ Мазепы еще пять тысячъ козаковъ, и Мазепа отправилъ ихъ въ качествѣ охотнаго полка подъ командою своего племянника Войнаровскаго, а въ концѣ іюня, по царскому указу, выслалъ еще сборный козацкій отрядъ на Волынь въ Полонное на соединеніе съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, для устрашенія «непостоянныхъ ляховъ, абы они къ сторонѣ противной не приставали» [2]). Въ іюнѣ гетманъ отправилъ 1.300 стародубцевъ въ гарнизонъ въ Быховъ, который тогда сдался русскому генералу Бауэру [3]).

Отправленное въ Польшу въ этотъ годъ козацкое войско поступило подъ команду князя Волконскаго, «человѣка молодаго, глупаго и неразсудительнаго», какъ аттестовалъ его польскій историкъ [4]). Въ самою пору жатвы прошли козаки черезъ все краковское воеводство. «Эти люди,—описываетъ польскій историкъ козаковъ Танскаго,—не встрѣчали непріятеля, а за то всякаго мирнаго жителя обдирали, не разбирая званія и состоянія, и мало въ воеводствѣ осталось домовъ, гдѣ бы они не грабили и не били стеколъ въ окнахъ. Они забирали пивные и горѣльчаные котлы, выдирали пчелъ въ пасѣкахъ и обваривали ихъ кипяткомъ, зажигали хаты безъ всякаго повода, истребляли

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem. Донесеніе Мазепы отъ 26 іюня.

[3]) *Otwinowski*: „Dzieje pan. Aug. II“ str. 120.

[4]) Ibidem., str. 121.

скотъ поголовно; бывало, загонятъ цѣлое стадо въ лѣсъ, вырѣжутъ изъ живаго вола кусокъ мяса себѣ на жареное или полосу кожи со спины и—кинутъ несчастное животное. Вездѣ, гдѣ эти козаки стояли обозомъ, тамъ невозможно было стоять отъ нестерпимаго смрада. Они умышленно, безъ всякой нужды, истребляли копны хлѣба въ поляхъ, сожигали скирды на гумнахъ, обдирали костелы, ругались надъ католическою святынею; невозможно было отъ нихъ ни отпроситься, ни откупиться, и, многихъ поселянъ обобравши, они уродовали ударами плетей по голому тѣлу, а тѣхъ, которые показывали намѣреніе сопротивляться или убѣгать отъ нихъ, забивали до смерти; еслибы при этихъ козакахъ не находилось 600 великороссіянъ, то, кажется, въ краковскомъ воеводствѣ не осталось бы въ живыхъ ни человѣка, ни скотины» [1]). Козаки, совершая такія жестокости, исполняли волю своего государя, который нарочно послалъ ихъ разорять маетности пановъ, приставшихъ къ союзу со шведами и признавшихъ королемъ польскимъ Станислава Лещинскаго. Такого рода войну еще прежде приказывалъ Петръ Шереметеву въ Ливоніи; тотъ же способъ наблюдался теперь и въ Польшѣ, и не одними малороссійскими козаками, но вообще всѣми царскими ратными людьми. Въ Великой Польшѣ съ русскими и калмыками свирѣпствовалъ тогда полковникъ царской службы Шульцъ, сожигалъ до тла зáмки, усадьбы и цѣлые города, а подчиненные ему калмыки въ одномъ мѣстѣ загнали кучу дѣтей въ домъ и сожгли [2]). Современныя шведскія извѣстія сообщаютъ возмутительныя черты обращенія русскихъ съ непріятелемъ во все теченіе Сѣверной войны. Они варварски уродовали попавшихся въ ихъ руки шведовъ, не щадили ни безоружныхъ жен-

[1]) Ibidem.

[2]) *Nordberg,* т. II, стр. 162.

щинъ, ни стариковъ, ни даже невинныхъ дѣтей, а тѣхъ, которыхъ по чему-нибудь оставляли въ живыхъ, уводили съ собою въ рабство [1]). Шведы жаловались, что ихъ плѣнниковъ содержали русскіе самымъ жестокимъ и унизительнымъ образомъ, а въ случаѣ кончины ихъ, бросали ихъ тѣла на съѣденіе собакамъ и хищнымъ животнымъ [2]). Не всегда разореніе постигало только враговъ царя: Денгофъ, противникъ Станислава, заключавшій съ царемъ союзъ въ Жолквѣ, жаловался, что козаки производили разоренія и грабежи въ его маетности. Такъ, несчастный польскій край терзали и русскіе и козаки, и калмыки и шведы, но болѣе всѣхъ терзали его собственные соотечественники: нѣкоторые, не желавшіе повиноваться Станиславу, стояли за новую «элекцію», сами еще не зная, кто будетъ выбранъ въ короли; другіе—такихъ становилось

[1]) Gegen S. K. M. v. Schweden getreue Unterthanen Maenn und Weiblichen Geschlechts ohne Verschoenung der kleiner Kinder Verfahren wann sie nur waehreden Krieges das hoechstklaegliche Unglück gehabt in ihre grausame Gewalt zu gerathen indem sie gegen dieselbe ganz unnatürliche Weise ihre Grau samkeit und Tyranney ausgeübet, theils durch die schmerzlichste n Todes Arten jammerlich ermordet und umbs Leben gebracht, theils insonderheit wehrlose Weiber mittels Verstümmelung der Nasen, Ohren und Brüste sambt andern Grausamkeiten zu Tode gequaelet oder halb tod liegen lassen, theils kleine Kinder auf Holz und Eysen gespiesset ins Feuer geworfen oder auf andere entsetzliche Arth und Weise entleibet, die übrigen aber mit weggeführet und entweder zur ewigen Sclaverey verkauffet oder zu ihren eigenen Sclaven gemacht, ander zu ihren aberglaubischen Gottes-Dienst gezwungen, diejenigen aber so sich nicht dazu verstehen wollen anderer Gestalt jaemmerlich vergehen und umkommen lassen.

[2]) ... in abscheu und schimpflichen Loechern und Gefaengnissen nicht anders denn unvernüntfliche Thiere in Koth und Unreinigkeit liegen und elendiglich vergehen. Die Leiber derer welche allendlich durch den Tod von solchen Qual Marter und Leiden erloeset werden hinausgeworfen und liegen unterm blossen Himmel unbegraben denen Hunden und andern Thieren zum Raub, Speise und Vertehrung (Wahrhaftige Bericht von der Moscowiter... Verfahren... Stockholm. 1705).

больше—признавали Станислава; но иные не приставали окончательно ни туда, ни сюда, переходили то къ одной, то къ другой партіи, искали собственной выгоды и ловили въ мутной водѣ рыбу. Эти-то господа совершали тогда чистые разбои и злодѣянія подъ предлогомъ обратить другихъ къ своему долгу: тѣ—на сторону Станислава Лещинскаго, тѣ—на сторону новой элекціи, заставляя другихъ признать то или иное, но въ сущности такое, чего они сами внутренно не признавали. Таковъ, по извѣстію шведскаго историка, былъ нѣкто Рыбицкій: прежде вѣрный сторонникъ Августа, онъ, по отреченіи послѣдняго отъ короны, остался все-таки ненавистникомъ короля Станислава. Бывало такъ: люди его партіи наткнутся на людей партіи Любомирскихъ и Потоцкаго, притворяются, будто Рыбицкій передался уже Станиславу, будто приказывалъ и имъ служить вмѣстѣ съ сторонниками Станислава. Вкравшись въ довѣріе, идутъ они вмѣстѣ съ послѣдними, потомъ улучивъ удобный случай, неожиданно нападаютъ на товарищей пути своего и истребляютъ ихъ. Сами знатные сторонники Станислава, Любомирскіе и Потоцкій, забравшись въ Гданскъ, растрачивали тамъ на свои удовольствія суммы, которыя край доставлялъ имъ на содержаніе войска, а ихъ солдаты, не получая средствъ, шатались, пробавляясь грабежомъ; русскіе и козаки нападали на нихъ и истребляли ихъ во множествѣ. Разсказываютъ, что одинъ козацкій полковникъ, взявши въ плѣнъ шляхетнаго предводителя такой шайки, обращался съ нимъ презрительно и говорилъ: «вы, ляхи, были когда-то нашими господами, а мы вашими хлопами. Но тогда вы были храбры, а теперь у васъ храбрости стало столько сколько у старой бабы, и вы достойны того, чтобы мы, бывшіе ваши хлопы, ругались надъ вами, потому что вы не умѣете защищать себя. Если вы не исправитесь, то мы васъ всѣхъ за уши возьмемъ

и кожу съ васъ сдеремъ» [1]). Но козаки, выказывая себя въ Польшѣ жестокими по царской волѣ, неохотно, однако, вели тамъ войну и при первомъ удобномъ случаѣ убѣгали оттуда. Такъ, козацкій отрядъ въ 440 человѣкъ, оставленный кн. Волконскимъ между рѣками Саномъ и Вислою безъ хлѣбныхъ запасовъ для себя и безъ корма для лошадей, весь разбѣжался, покинувши своего наказного полковника, и когда послѣдній, оставшись безъ подчиненныхъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ воротиться въ Украину, гетманъ приказалъ забить его въ кандалы и посадить подъ караулъ [2]).

Показываясь вѣрнымъ царскимъ подданнымъ, гетманъ извѣстилъ, по вѣстямъ полученнымъ изъ Молдавіи, что турки желаютъ завести войну съ русскимъ царемъ и сносятся съ его врагами. Посланцы Станислава были у Порты и Порта тайно отправила дружелюбныя грамоты къ шведскому королю и къ Станиславу Лещинскому, поручивши силистрійскому сераскиру переслать эти грамоты съ нарочнымъ посланцемъ черезъ венгерское государство. Сераскиръ избралъ для этой цѣли одного агу и приказалъ ему присмотрѣться къ силамъ шведскаго короля, чтобы потомъ турки могли сообразить: въ состояніи ли шведы удачно вести войну съ московскимъ царемъ. Ага долженъ былъ убѣждать шведовъ не мириться съ царемъ безъ сношенія съ Оттоманскою Портою для общей выгоды [3]). По извѣстію шведскаго историка [4]), ага, о которомъ сообщалъ Мазепа, представлялся въ Брестѣ 1707 года въ ноябрѣ шведскому королю, который еще въ сентябрѣ оставилъ Саксонію. Карлъ оглашалъ намѣреніе идти на русскаго царя; его войско собиралось въ Польшѣ. Ага

[1]) Ibidem, стр. 182.

[2]) Арх. Иностр. Дѣлъ 1707 г., октябрь. Подлинники.

[3]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.

[4]) *Nordberg*, т. II, стр. 196.

совѣщался съ графомъ Пиперомъ и вручилъ ему письмо отъ силистрійскаго паши, который извѣщалъ, что слова Карла дошли до падишаха и послѣдній предлагаетъ ему дружбу. Въ знакъ своего расположенія, падишахъ приказалъ выкупить изъ московской неволи 100 шведскихъ плѣнныхъ въ благодарность за то, что Карлъ освободилъ турокъ, находившихся въ плѣну въ Польшѣ и содержавшихся во Львовѣ. Но когда рѣчь коснулась возможности тѣснаго политическаго союза со Станиславомъ, ага сказалъ, что султанъ готовъ оказывать помощь Станиславу, не разрывая, однако, мирнаго договора съ московскимъ государемъ. Карлъ отвѣчалъ, что самъ онъ никогда не броситъ короля Станислава и ему было бы пріятно, еслибы турецкій султанъ оказалъ послѣднему прямое содѣйствіе.

Важныя по своему времени свѣдѣнія передавалъ верховному правительству малороссійскій гетманъ, и въ его вѣрности къ царю со стороны Петра не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія. Между тѣмъ тихо происходило много такого, о чемъ и въ голову не могло приходить ни Петру, ни его ближайшимъ совѣтникамъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ дѣлалось 16-го октября, когда Мазепа находился еще въ Кіевѣ. Была ночь. Его писарь Орликъ, находившійся у него въ помѣщеніи, занятъ былъ какимъ-то длиннымъ писаніемъ. Мазепа нѣсколько разъ обращался къ нему изъ внутреннихъ комнатъ: «Скоро ли ты кончишь? Есть еще иное дѣло!» Писаніе было, наконецъ, окончено, и писарь положилъ его на столъ передъ гетманомъ. Мазепа сидѣлъ за столомъ и держалъ въ рукѣ письмецо въ небольшомъ конвертѣ. Онъ сказалъ:

«Княгиня Дольская, черезъ одного волоха, прислала мнѣ вотъ это письмецо, зашивши посланцу въ шапку. Я знаю напередъ, что она все одно да то же пишетъ, а чортъ ее проситъ объ этой корреспонденціи: когда нибудь эта безумная баба меня погубитъ! Не даромъ говорится:

у женщины волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Возможное ли дѣло, чтобъ одна баба глупымъ своимъ умомъ обманула меня! Распечатай это письмо и прочти».

Орликъ приблизился къ свѣчкѣ, которая заслонена была зонтикомъ отъ глазъ Мазепы, вскрылъ конвертъ и досталъ оттуда цифирное письмо, писанное княгинею Дольскою, а въ это письмо вложено было другое, маленькое, запечатанное письмецо. Полагая, что и это послѣднее отъ той же княгини, и не присмотрѣвшись хорошенько къ печати, Орликъ распечаталъ и другое — и уже послѣ того замѣтилъ по срединѣ при печати слова: Stanisław Król. Писарь не сказалъ ничего гетману и самъ прежде пробѣжалъ это письмо короля Станислава. Мазепа, видя, что писарь долго молчитъ и не читаетъ вслухъ письмо,— сказалъ:

«Зачѣмъ ты такъ долго медлишь и не читаешь? Ты вѣдь привыкъ читать безъ перевода цифирныя письма: вѣдь къ нимъ у тебя есть ключи».

«Я, — отвѣчалъ Орликъ, — и безъ ключа прочитаю княгинино цифирное письмо, но здѣсь есть письмецо отъ Станислава, для котораго не нужно и ключа».

«Отъ Станислава? Это невозможно!» воскликнулъ Мазепа.

«Возможно! — отвѣчалъ Орликъ. — Здѣсь и подпись имени его и печать».

«Дай сюда!» сказалъ Мазепа, взялъ и тихо прочиталъ. Тогда онъ показалъ такой признакъ ужаса, что упустилъ изъ рукъ на столъ письмо и произнесъ такія слова: «О, проклятая баба, ты погубишь меня!»

Онъ потомъ долго сидѣлъ молча, задумавшись. Молчалъ и Орликъ. Наконецъ, обратившись къ своему писарю, гетманъ сказалъ: «Что мнѣ дѣлать съ этимъ письмомъ? Посылать ли его къ царскому величеству или удержать?»

Орликъ сказалъ: «Ваша вельможность самъ изволишь разсудить высокимъ своимъ разумомъ, что надобно посылать: этимъ самымъ и вѣрность свою непоколебимую явишь, и бо̀льшую милость у царскаго величества поищешь».

Мазепа замолчалъ и опять долго сидѣлъ погруженный въ думу; потомъ приказалъ Орлику читать цифирное письмо отъ княгини Дольской.

Въ этомъ письмѣ княгиня извѣщала Мазепу: посылала она въ Саксонію ко двору Станислава ксендза-тринитара и тотъ ксендзъ выѣхалъ оттуда въ тотъ самый день, когда шведское войско выступило въ Польшу. Ксендзъ привезъ съ собою письмецо къ Мазепѣ отъ короля Станислава, который, кромѣ того, приказалъ словесно передать Мазепѣ, чтобъ онъ начиналъ замышленное дѣло прежде, чѣмъ шведы приблизятся къ украинскимъ границамъ. Ксендзъ привезъ еще проектъ трактата съ Мазепою и съ цѣлымъ Войскомъ Запорожскимъ. Княгиня просила Мазепу прислать за нимъ какого-нибудь своего довѣреннаго.

«Тутъ, — говоритъ Орликъ въ своемъ письмѣ къ Яворскому, — я припомнилъ себѣ, что Мазепа видался съ этимъ ксендзомъ-тринитаромъ во дворцѣ княгини Дольской, куда заѣзжалъ съ дороги, ворочаясь изъ Жолквы. Тутъ мнѣ становилось ясно, что Мазепа замыслилъ что-то лукавое».

«Сожги передо мною это письмо», сказалъ Мазепа.

Орликъ исполнилъ приказаніе. Мазепа долго сидѣлъ и молчалъ.

«Съ умомъ борюсь, — сказалъ онъ, наконецъ: — посылать это письмо къ царскому величеству, или не посылать? Посовѣтуемся еще утромъ, — прибавилъ онъ, — а теперь иди себѣ въ свою квартиру и молись Богу, да, яко же хощетъ, устроитъ вещь. Можетъ быть твоя молитва пріятнѣе, нежели моя. Ты по христіански живешь.

Богъ то вѣдаетъ, что я не для себя чиню, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ».

«Пришедши въ свою квартиру, — разсказываетъ въ томъ же письмѣ Орликъ, — я взялъ денегъ два рубля, вышелъ и сталъ раздавать нищимъ и нищенкамъ, лежавшимъ въ кущахъ (шалашахъ) на улицѣ, и въ богадѣльнѣ Печерскаго монастыря. Я дѣлалъ это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Всемогущій Богъ освободилъ меня отъ обстоящихъ бѣдъ и отвратилъ Мазепино сердце отъ лукаваго предпріятія. Нищіе, валявшіеся на улицѣ, бранили меня, когда ночью я толкался въ ихъ кущи: они не милостыни отъ меня надѣялись, а опасались воровства; однако же, услыхавши отъ меня слова, поняли, что я не воръ, отворяли дверцы шалашей и принимали милостыню».

Прошла ночь. Рано утромъ на другой день позвали Орлика къ гетману. Когда писарь вошелъ, гетманъ сидѣлъ уже за своимъ столомъ, а передъ нимъ лежалъ крестъ съ частицею животворящаго древа.

Мазепа произнесъ Орлику такую рѣчь: «До сихъ поръ я не смѣлъ тебѣ объявлять прежде времени моего намѣренія и открывать тайну, которая вчера тебѣ открылась случайно. Не то, чтобъ я въ твоей вѣрности сомнѣвался, — я никогда о тебѣ не подумаю, чтобъ ты заплатилъ мнѣ неблагодарностію за толикую къ тебѣ милость, за любовь и благодѣянія, и сталъ бы моимъ предателемъ, — но я разсуждалъ такъ: ты человѣкъ умный и добросовѣстный, однако еще молодъ и недостаточно опытенъ въ такихъ оборотахъ. Я опасался, чтобъ ты, въ бесѣдахъ съ великороссіянами да и съ нашими всякаго чина людьми, или по довѣрчивости, или по неосторожности да какъ бы не проговорился объ этомъ секретѣ и тѣмъ самымъ не погубилъ бы меня и себя. Но такъ какъ теперь это случайно не утаилось, то я призываю Всемогущаго Бога во свидѣтели и присягаю тебѣ вотъ въ чемъ: не для приватной

моей пользы, не ради высшихъ почестей, не ради большаго обогащенія, не для иныхъ какихъ нибудь прихотей, но ради всѣхъ васъ, состоящихъ подъ властію моею и подъ моимъ регментомъ, ради женъ и дѣтей вашихъ, ради общаго добра матери нашей бѣдной Украины, для пользы всего Войска Запорожскаго и народа малороссійскаго, для возвышенія и расширенія войсковыхъ правъ и вольностей хочу я при помощи Божіей такъ чинить, чтобъ вы съ женами и дѣтьми вашими и отчизна съ Войскомъ Запорожскимъ не погибли какъ отъ московской, такъ и отъ шведской стороны. Если-жъ бы я, ради какихъ либо моихъ приватныхъ прихотей, дерзалъ такъ поступать, то пусть побьетъ меня и на душѣ и на тѣлѣ Богъ въ Тройцѣ Святой Единый и невинныя страсти Христовы!»

Онъ поцѣловалъ крестъ съ частицею животворящаго древа и, обратившись къ писарю, продолжалъ:

«Я въ тебѣ увѣренъ крѣпко и надѣюсь, что ни совѣсть твоя, ни доблесть, ни честность, ни прирожденная шляхетная кровь не допустятъ тебя сдѣлаться предателемъ своего господина и благодѣтеля; однакоже, для большей вѣрности, чтобы мнѣ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ я присягнулъ тебѣ, такъ и ты присягни мнѣ передъ распятымъ на животворящемъ древѣ Христомъ, — присягни, что будешь мнѣ вѣренъ и не откроешь никому секрета».

Орликъ присягнулъ и поцѣловалъ крестъ, который держалъ въ рукахъ Мазепа. До тѣхъ поръ его все еще тревожило подозрѣніе: не испытываетъ ли его гетманъ; но послѣ произнесенія присяги Орликъ сталъ увѣреннѣе въ томъ, что Мазепа говоритъ съ нимъ искренно и повѣряетъ ему важную тайну. Писарь сталъ смѣлѣе и сказалъ:

«Присяга вашей вельможности показываетъ усердную вашу ревность и отеческое помышленіе о своей отчизнѣ

и всѣхъ насъ; но кто можетъ изслѣдовать судьбы Божіи: какой предѣлъ положенъ настоящей войнѣ и за кѣмъ будетъ викторія? Если за шведами, вельможность ваша и мы всѣ будемъ счастливы; но если за царскимъ величествомъ, тогда мы всѣ пропадемъ и народъ погубимъ».

Мазепа отвѣчалъ: «Яйца курицу учатъ! Дуракъ развѣ я, чтобы прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, пока не увижу, что царское величество не въ силахъ будетъ защищать не только Украины, но и всего своего государства отъ шведской потенціи? Ужъ я, будучи въ Жолквѣ, докладывалъ царскому величеству: если король шведскій и Станиславъ раздѣлятся и первый пойдетъ на государство Московское, а второй на Украину, то мы не можемъ оборониться отъ шведскихъ и польскихъ войскъ съ нашимъ безсильнымъ войскомъ, подорваннымъ и умаленнымъ отъ частыхъ походовъ и битвъ. Того ради просилъ я царское величество тамъ же, въ Жолквѣ, чтобъ изволилъ придать намъ въ помощь по крайней мѣрѣ хоть тысячъ десять изъ своихъ регулярныхъ войскъ, а его величество мнѣ отвѣчалъ: «не токмо десяти тысячъ, и десяти человѣкъ не могу дать; сами обороняйтесь, какъ можете». И то еще меня понудило посылать этого ксендза-тринитара, капелляна княгини Дольской, въ Саксонію (объ іезуитѣ Заленскомъ Мазепа не вспомянулъ), чтобы тамъ, видя какую нибудь мою къ себѣ инклинацію, не рѣшались поступать съ нами по непріятельски и опустошать бѣдную Украину мечемъ и огнемъ. Тѣмъ не менѣе я буду сохранять вѣрность царскому величеству до тѣхъ поръ, пока не увижу, съ какою потенціею король Станиславъ придетъ къ украинскимъ предѣламъ и какой успѣхъ покажутъ шведскія военныя силы. Если мы увидимъ себя не въ силахъ оборонять Украину и самихъ себя, то чего ради намъ самимъ лѣзть въ погибель и губить свою отчизну? Самъ Богъ и цѣлый

свѣтъ будетъ видѣть, что мы по нуждѣ рѣшились это сдѣлать, что, какъ вольный и незавоеванный народъ, мы старались всѣми способами о нашей цѣлости. Безъ крайней послѣдней нужды я не перемѣню моей вѣрности къ царскому величеству. Для этого я заблагоразсудилъ писать къ царскому величеству и послать эту записочку Станислава, ко мнѣ писанную, въ доказательство моей вѣрности. Ты, не уходя отсюда, напиши одно письмо къ царскому величеству, а другое къ Гаврилу Ивановичу Головкину. Мы въ письмо вложимъ записку Станиславову въ донесеніе царскому величеству»

Гетманъ далъ своему писарю наставленіе, какъ составить донесеніе царю и письмо канцлеру Головкину. Писарь, по гетманскому приказанію, написалъ то и другое и представилъ гетману. Мазепа, взявши въ руки написанныя письма, сказалъ:

«У моей матери, игуменьи печерской, есть вѣрный слуга и отчасти намъ сродственникъ; она обѣщала черезъ него послать эти письма Войнаровскому, а Войнаровскій представитъ ихъ царскому величеству и графу Гаврилу Ивановичу Головкину».

Но Мазепа обманулъ своего писаря, которому все еще не вполнѣ довѣрялъ, особенно послѣ того, какъ тотъ осмѣлился сдѣлать замѣчаніе, что отступленіе отъ царя можетъ не принести хорошихъ послѣдствій. По собственной душѣ зналъ хорошо Мазепа, какъ человѣкъ легко можетъ пожертвовать всякими чувствами дружбы, привязанности, благодарности, когда представится искушеніе. Мазепа впослѣдствіи самъ сознался Орлику, что мать его игуменья Магдалина не отдала этихъ писемъ для отсылки Войнаровскому, но удержала у себя и предъ своею кончиною (которая постигла ее очень скоро) вручила ихъ жившей съ нею внукѣ своей, племянницѣ Мазепы, паннѣ Маріаннѣ, рожденной отъ втораго брака сестры Мазепы, при-

казывая отдать по смерти ея эту записку гетману. Мазепа тогда, сообщая о томъ Орлику, прибавилъ, что «госпожа матка его просила одну богоугодно живущую черницу молиться Богу, чтобъ Онъ самъ указалъ: надобно ли посылать, или удержать эти письма, а этой черницѣ было такое откровеніе, что если эти письма пошлются, то гетманъ погибнетъ».

На другой день послѣ откровенныхъ объясненій съ Орликомъ 18-го октября Мазепа велѣлъ Орлику отписать Станиславу цифрами, что не можетъ исполнить королевскаго указа по многимъ причинамъ, которыя излагалъ въ такомъ смыслѣ: Кіевъ и другіе укрѣпленные пункты въ Украинѣ наполнены многочисленными московскими гарнизонами, «подъ которыми козаки, якъ перепелиця подъ ястребомъ, не могутъ головы поднести (поднять); кромѣ того нѣсколько тысячъ великороссійскаго войска регулярнаго, хорошо обученнаго и снаряженнаго, находится при мнѣ гетманѣ: они наблюдаютъ за всякими моими поступками и достаточно сильны, чтобы пресѣчь всякое противное начинаніе, а вся царская потенція находится въ Польшѣ недалеко отъ Украины. У насъ въ Украинѣ и начальные и подначальные, и духовныя и мірскія особы, словно разныя колеса, не въ единомысленномъ согласіи: тѣ благоволятъ къ протекціи московской, другіе — къ турецкой, третьимъ по вкусу побратимство съ татарами изъ врожденной антипатіи къ полякамъ. Самусь съ прочими полковниками, старшинами и козаками правобережной Украины, послѣ недавнихъ бунтовъ, не легко склонятся къ Рѣчи Посполитой. Того ради надобно первѣе постараться привести къ единомыслію войско и весь народъ въ Украинѣ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Притомъ сама Рѣчь Посполитая теперь раздвоена и сама съ собою не въ согласіи». Мазепа обѣщалъ только не вредить ни въ чемъ интересамъ Станислава и шведскихъ войскъ. Онъ

просилъ, чтобы Станиславъ прежде постарался привести въ единство польскую Рѣчь Посполитую на столько, чтобъ она единогласно признавала его своимъ государемъ и королемъ.

Въ слѣдующую затѣмъ зиму, когда Мазепа жилъ въ своемъ Батуринѣ, происходило такое событіе. На второй день праздника Рождества Христова іезуитъ Заленскій, пріѣхавши въ Украину, остановился въ селѣ Оленовкѣ [1]), не доѣзжая двухъ миль отъ Батурина, послалъ гетману письмо, въ которомъ давалъ знать о своемъ прибытіи и просилъ указать, гдѣ ему пріютиться. Мазепа смутился такимъ пріѣздомъ. Онъ позвалъ Орлика, сообщилъ ему о прибытіи іезуита и сказалъ:

«Признаюсь теперь тебѣ, я изъ Жолквы посылалъ ксендза Заленскаго въ Саксонію провѣдывать, какъ скоро войска шведскія оттуда двинутся. Теперь чортъ его принесъ сюда: ожидаетъ въ Оленовкѣ отъ меня указа, гдѣ ему пристать. Если онъ сюда пріѣдетъ, то подастъ меня въ явное подозрѣніе. Поѣзжай сейчасъ въ Оленовку и сдѣлай выговоръ Заленскому: скажи, не нужно было ему сюда ѣхать, слѣдовало изъ Винницы извѣстить о своемъ возвращеніи изъ Саксоніи и написать реляцію о повѣренномъ ему дѣлѣ, а самому не ѣздить для возбужденія въ подозрительныхъ умахъ нехорошаго мнѣнія о своемъ пріѣздѣ. Прикажи Заленскаго привезти въ Бахмачъ [2]) ко мнѣ во дворецъ» [3]).

Орликъ отправился въ Оленовку. Іезуитъ удивился, когда увидѣлъ, что Орлику извѣстенъ секретъ.

[1]) Нынѣ село Борзенскаго уѣзда при рѣчкѣ Загоровкѣ.

[2]) Нынѣ мѣстечко Конотопскаго уѣзда при рѣкѣ Борзнѣ на желѣзной дорогѣ.

[3]) Дворъ Мазепы, теперь уже не существующій, находился въ хуторѣ Поросючкѣ, въ верстѣ отъ Бахмача, въ лѣсу.

«Я думалъ, — сказалъ онъ, — что ни одинъ духъ, ниже самъ Войнаровскій о томъ не вѣдаетъ. Такъ сказывалъ мнѣ въ Жолквѣ самъ гетманъ. Я нарочно поспѣшалъ въ Батуринъ къ празднику, оттого что въ это время съѣзжаются къ гетману всѣ старшины и полковники съ поздравленіями. Со мною универсалъ короля Станислава, обращенный къ цѣлой Украинѣ: я бы могъ его всѣмъ объявить и словесно *ассекуровать* (обезпечить) всякими вольностями и королевскимъ особливымъ призрѣніемъ и милостями».

Орликъ привезъ іезуита Заленскаго въ Бахмачъ и помѣстилъ во дворцѣ Мазепы. Изъ Бахмача Орликъ два раза привозилъ Заленскаго къ Мазепѣ на Гончаровку [1]), первый разъ для аудіенціи, второй — для прощанія съ гетманомъ передъ своимъ отъѣздомъ. Заленскій вручилъ Мазепѣ универсалъ Станислава: король расхваливалъ мужество, храбрость и отвагу Войска Запорожскаго, обнадеживалъ расширеніемъ и умноженіемъ правъ и вольностей, обѣщалъ свои отеческія попеченія всему малороссійскому народу, возбуждалъ всѣхъ малороссіянъ прибѣгать къ нему, какъ къ своему наслѣдственному государю, и вмѣстѣ съ предостойнѣйшимъ вождемъ своимъ стараться о низверженіи съ своихъ шей московскаго ига при скорой помощи непобѣдимыхъ войскъ шведскихъ и польскихъ. Отдавши въ руки гетмана такой универсалъ, Заленскій разсказывалъ о состояніи шведскихъ войскъ, какъ они многочисленны и хорошо снаряжены, сообщалъ, что съ одной стороны король шведскій намѣревается идти изъ Литвы на Москву, а съ другой — Станиславъ пойдетъ изъ Польши къ Кіеву и къ нему присоединится въ помощь татарская орда, какъ уже далъ обѣщаніе турецкій послан-

[1]) Урочище въ полуверстѣ отъ Батурина, гдѣ былъ дворецъ Мазепы, обведенный валомъ.

никъ. Заленскій не привезъ къ Мазепѣ никакого частнаго письма отъ Станислава, и Мазепа ничего съ ксендзомъ не писалъ, а только велѣлъ ему неисходно оставаться въ Винницѣ до полученія дальнѣйшей вѣдомости [1]).

По извѣстію шведскаго историка Нордберга [2]), въ октябрѣ 1707 года у короля Станислава Лещинскаго былъ тайный посланецъ отъ Мазепы. Современникъ Адлерфельдъ [3]), а за нимъ шведскій историкъ Фриксель [4]) говорятъ, что это былъ какой-то болгарскій или сербскій низложенный архіерей, странствовавшій въ видѣ собирателя милостыни: настоящая цѣль его поѣздокъ извѣстна была только четыремъ лицамъ: двумъ королямъ — шведскому и польскому, Мазепѣ и еще одному какому-то польскому пану. Этотъ посланецъ отъ имени Мазепы говорилъ такъ:

«Всѣмъ извѣстно, что московкіе ратные люди большіе трусы, и хотя хвастаютъ, что съ твердостію будутъ ожидать нападенія отъ шведовъ, но всегда разбѣгаются. Мазепа предлагаетъ королямъ шведскому и польскому свое содѣйствіе и заранѣе обѣщаетъ устроить мосты для шведскаго войска, если короли станутъ покровительствовать его намѣреніямъ. Московское войско, котораго будетъ въ Украинѣ тысячъ шесть или семь, все будетъ истреблено».

Въ Польшѣ были увѣрены, что козаки ничего такъ не желаютъ, какъ освободиться отъ царской власти. Думали и говорили такъ: московская власть кажется козакамъ невыносимымъ бременемъ, хотя они сами наложили на себя это бремя. Но вѣдь то дѣлалось давно: тогда они обольщались надеждами свободы и разныхъ выгодъ, ко-

[1]) Письмо Орлика.

[2]) *Nordberg*, т. II, стр. 190.

[3]) *Адлерфельдъ*: „Исторія Карла XII", нѣмецкій переводъ, изд. 1742 года, т. III, стр. 234.

[4]) *Фриксель*: „Исторія Карла XII", нѣм. пер., т. I, стр. 79.

торыми, однако, не пришлось имъ пользоваться. Такъ соображалъ и Станиславъ и не усомнился въ искренности малороссійскаго гетмана. Онъ черезъ того же посланца благодарилъ Мазепу за сочувствіе, увѣрялъ, что будетъ хранить втайнѣ его предложеніе, требовалъ того же со стороны Мазепы и обѣщалъ на будущее время вести съ нимъ тайныя сношенія до тѣхъ поръ, когда козакамъ можно будетъ объявить открытый разрывъ съ Москвою. Шведскій король, когда его извѣстили объ этомъ посольствѣ, на первый разъ не слишкомъ обрадовался новому союзничеству. Онъ сказалъ: «я замѣтилъ по опыту, что козаки способны оказывать услуги, когда приходится преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, но вообще во время войны на нихъ нельзя полагаться».

Такимъ образомъ изъ шведскихъ источниковъ открывается, что у Мазепы, кромѣ сношеній съ царскими непріятелями черезъ католическихъ духовныхъ, велись еще сношенія и другими путями, остававшіяся неизвѣстными гетманскому приближенному Орлику и, вѣроятно, другимъ лицамъ, знавшимъ о его сношеніяхъ, отправлявшихся путемъ, прежде нами указаннымъ. Кажется, гетманъ и въ это время не пришелъ еще къ полному рѣшенію переходить на шведскую сторону, но постепенно приближался къ нему по мѣрѣ того, какъ успѣхи Карла и Станислава Лещинскаго внушали ему опасеніе, что царь не отстоитъ своего государства, когда побѣдоносный соперникъ грянетъ на его державу съ соединенными шведскими и польскими силами. Это тѣмъ казалось вѣроятнѣе, что внутри Русскаго государства происходили потрясающія волненія. Страшный гнетъ, тяготѣвшій надъ великорусскимъ народомъ по случаю напряженной войны, сталъ невыносимъ безпрестанными поборами и доставкою людей въ войско, и заставилъ народъ массами бѣжать изъ своихъ жилищъ. Притономъ бѣглыхъ сталъ Донъ и прилегавшія къ нему

украинныя страны Московскаго Государства. На рѣкахъ: Донцѣ, Гайдарѣ, Хопрѣ, Бузулукѣ, Калитвѣ, Медвѣдицѣ и на ихъ притокахъ основались городки, наполненные бѣглыми: жители этихъ городковъ признавали себя козаками, всѣ тянули къ донскому козачеству и стали враждебно къ русскому правительству. Явился смѣлый предводитель мятежа, донской атаманъ Кондратій Булавинъ. Уже лѣтомъ 1707 года гетманъ Мазепа изъ-подъ Кіева, по царскому указу, долженъ былъ посылать отрядъ въ ту сторону для укрощенія бунтовъ. Царь отправилъ съ отрядомъ войска князя Юрія Долгорукаго для отысканія въ украинныхъ городахъ бѣглыхъ и для возвращенія ихъ на прежнія мѣста жительства. Въ октябрѣ 1707 года Булавинъ разбилъ и истребилъ до-тла весь посланный царемъ отрядъ, убилъ самого князя Долгорукаго и потомъ отважно призывалъ цѣлый Донъ и всю украинную страну къ возстанію противъ царской власти.

Это возстаніе находило себѣ готовый контингентъ въ Запорожьѣ и въ самой Гетманщинѣ. Тамъ козаки и посполитые бѣгали изъ своихъ жилищъ, заводили слободы на югѣ, на рубежахъ съ запорожскимъ краемъ, и не хотѣли подчиняться гетманскому регименту. Такъ завелась Вольная Слобода на Самарѣ, населенная людьми изъ Полтавскаго полка; начальствовавшій надъ ней сотникъ Лучинченко не хотѣлъ слушать полтавскаго полковника, отговариваясь, что онъ подчиненъ самарскому воеводѣ, не слушалъ, однако, и послѣдняго, ссылаясь на то, что козакъ долженъ слушать только своего полковника. Ни полковникъ, ни самъ гетманъ не находили легальныхъ способовъ съ ними справиться. Въ Полтавскомъ полку разгуливала вольная разбойничья шайка, которой атаманомъ былъ Лебединъ: 10 лѣтъ сряду онъ наводилъ страхъ и только весною 1707 года компанейцы усмирили его и

взяли въ плѣнъ [1]). Кошевой атаманъ доносилъ гетману, что въ Запорожской землѣ повсюду распространяются своевольныя разбойническія «купы» бѣглецовъ [2]).

Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ, какъ и прежде, не переставали столкновенія между великороссійскими ратными людьми и малороссійскими обывателями; взаимныя ссоры кончались нерѣдко кровавою расправою съ обѣихъ сторонъ. Жалобы на наглость великороссіянъ посылались по прежнему гетманомъ къ царю. Царь Петръ самъ сознавалъ, что малороссіянамъ, какъ и великороссіянамъ становится невыносимо тяжело. Онъ прислалъ успокоительную грамоту, обращенную ко всему малороссійскому народу, и приказывалъ читать ее во всѣхъ полкахъ. Въ этой грамотѣ царь сознавалъ, что народъ терпитъ отъ великороссійскихъ военныхъ людей, проходящихъ по дѣламъ службы черезъ малороссійскій край, но указывалъ, «что по поводу военнаго съ королемъ шведскимъ случая безъ того обойтись невозможно; что надлежитъ ради общей государственной пользы сносить эти неудобства, такъ какъ и онъ самъ персоны своей не щадитъ». Онъ обнадеживалъ народъ явить ему царскую милость по окончаніи войны, а до того времени давалъ обѣщаніе приказать войску, проходящему черезъ малороссійскій край, и «всѣмъ посыльщикамъ» вести себя смирно и не чинить обидъ и разореній малороссійскимъ жителямъ подъ страхомъ жестокаго наказанія [3]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1707 г., май. Подлин.

[2]) ... то изъ воложской стороны, то з Дону, то нѣякіись москалѣ по розныхъ мѣстахъ туляючись незносныя бѣднымъ людямъ дѣютъ по шляхамъ шкоды и здирвства (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1707 г. мая 29. Донесеніе кошевого).

[3]) Арх. Иностр. Дѣлъ 1707 г. Грамоты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Видимое дружелюбіе гетмана къ царю и его вельможамъ.—Доносъ на гетмана, поданный козакомъ Мирономъ.—Довѣріе къ гетману.—Движеніе шведовъ въ Литву.—Взятіе Гродна шведами.—Карлъ въ Сморгонахъ и Радосовицахъ.—Булавинъ и запорожцы.—Бунтъ Булавинскій.—Участіе козаковъ въ его укрощеніи.—Письмо къ Мазепѣ пана Тарла.—Мотря Кочубеевна.—Доносъ Кочубея и Искры на гетмана.—Розыскъ по этому доносу.—Боязнь Мазепы во время производства розыска.—Колебаніе Орлика.—Старшины пристаютъ къ замыслу Мазепы.—Выдача Кочубея и Искры Мазепѣ и казнь ихъ.

Роковой въ исторіи Малороссіи 1708 годъ начался при обоюдныхъ выраженіяхъ добрыхъ отношеній между гетманомъ и русскимъ правительствомъ. Царь прислалъ гетману врача, заботясь о здоровьи Мазепы, безпрестанно жаловавшагося на «подагричные и хирагричные» недуги; гетманъ въ своихъ письмахъ разливался благодарностію за вниманіе къ нему [1]).

[1]) ... О здравіи моемъ благосердствуя, благосердствуешь, неизрѣченную паче же реку равнобожескую монаршескую свою являя мнѣ милость, когда для уврачеванія моей немощи изволилъ в. ц. пресв. вел—ство милостивно указать лекаря мнѣ прислать. И что воздамъ в. ц. в—ству за всѣхъ яже воздалъ ми еси? А понеже по достоинству возблагодарить не возмогу, убо до кончины житія и истощенія силъ моихъ за толь премилосердое монаршее призрѣніе вѣрными своими непремѣнными услугами подданнически награждать

Мазепа отправилъ Головкину «звѣрины» (дичины) своей охоты для царскаго стола, назначая часть изъ посланнаго для самого канцлера, и изъявлялъ ему желаніе кушать на здоровье [1]). Съ своей стороны и верховной власти представился случай показать образчикъ прежняго неизмѣннаго довѣрія и расположенія къ гетману. Явился снова доносчикъ, обличавшій Мазепу въ намѣреніи измѣнить царю: это былъ новокрещенецъ рейтаръ Миронъ, освободившійся изъ турецкой неволи. Онъ, прибывши въ Кіевъ, сообщилъ, что въ Яссахъ видѣлся онъ съ проживающимъ тамъ Василіемъ Дрозденкомъ, сыномъ брацлавскаго полковника Дрозда, который, нѣкогда будучи соперникомъ Дорошенка, былъ послѣднимъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Этотъ Василій Дрозденко говорилъ Мирону: «прошлаго года находился я въ Польшѣ при королѣ Станиславѣ, именно тогда, когда присланъ былъ туда бусурманскій посланецъ. Въ это время явился къ королю Станиславу какой-то чернецъ съ письмомъ отъ гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманскомъ посланцѣ; говорили, что оно заключало такое обѣщаніе, что козацкія войска, вмѣстѣ съ польскими и крымскими, будутъ воевать противъ царскихъ войскъ». Доносчика отправили изъ Кіева въ Посольскій Приказъ. Тамъ говорилъ Миронъ, что Дрозденко велѣлъ ему довести это до свѣдѣнія царя ради единой православной вѣры и памятуя, что отецъ его былъ подъ державою московскаго государя брацлавскимъ полковникомъ. Въ Москвѣ не повѣрили доносу и государь послалъ гетману утѣшительную грамоту [2]). Такъ къ этому

долженствую, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ проницающій сердца (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., январь. Подлинники).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 г. Подлин. Письмо гетмана отъ 9 января.

[2]) ... вѣрность твоя свидѣтельствуется тѣмъ, что ты ни мало ничего у себя не задерживая намъ о всемъ доносилъ. И такъ мы, вел. государь, разсуждаемъ, что тотъ Василій Дроздъ, наслышавшись о

доносу отнеслось правительство, наученное по опыту недоказанностію прежнихъ многочисленныхъ доносовъ на Мазепу; между тѣмъ для насъ теперь видно, что сообщеніе Дрозда заключало въ себѣ истину, относясь именно къ посылкѣ отъ Мазепы къ Станиславу болгарскаго или сербскаго эксъ-архіерея.

Довѣряя во всемъ гетману, царь поручилъ ему разослать по полкамъ своего регимента приказъ ловить и пытать тѣхъ, которые бы явились съ «прелестными» письмами отъ шведскаго короля и Станислава, такъ какъ открывалось, что шведскій король приказалъ въ Гданскѣ печатать русскими литерами воззванія и распространять въ Украинѣ черезъ русскихъ перебѣжчиковъ [1]).

Послѣ того какъ посланники турецкій и гетманскій предлагали шведской сторонѣ надежду на содѣйствіе, Карлъ съ большею отвагой замыслилъ перенести войну къ рубежу Московскаго Государства. Царь Петръ находился въ Гродно, въ срединѣ Великаго Княжества Литовскаго. Шведскій король самъ лично съ небольшимъ отрядомъ ударилъ на двухтысячный отрядъ русскихъ драгунъ, поставленный у моста на рѣкѣ Нѣманѣ, и прогналъ его. Русскіе ушли въ противоположные городскіе ворота изъ города. Шведы вошли въ Гродно. Царь въ слѣдующую ночь попытался было ихъ выгнать, но это

чернецѣ и составныхъ его письмахъ, будучи при дворѣ королевскомъ въ то время, когда къ тебѣ гетману была злохитрая подсылка по нѣкоему злоумышленному ненавистныхъ людей подущенію, чтобъ въ Малой Россіи замѣшаніе учинить, вѣдая и видя то, и завиствуя тому, что мы, вел. государь, изволяемъ имѣть тебя гетманомъ съ генеральною старшиною и съ полковниками и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ безъ всякаго подозрѣнія, и ты нашего цар. в—ства подданный служишь намъ вѣрно и въ Украинѣ все съ пожиткомъ войску и народу малороссійскому исправляется (Арх. Ин. Дѣлъ. Подл. 1708 г., январь).

[1]) Ibid. Подл., февр.

ему не удалось. Шведское войско овладѣло цѣлымъ городомъ, а царь ограничился только тѣмъ, что приказалъ опустошить огнемъ и мечомъ весь окрестный край, чтобы не допустить вошедшихъ въ Гродно шведовъ получать изъ окрестностей средства къ своему существованію въ чужой странѣ.

Король шведскій съ войскомъ двинулся далѣе. 11-го февраля заложилъ онъ свою главную квартиру въ Сморгонахъ, а 18-го марта въ Радосовицахъ. Царь съ войскомъ сталъ въ Вильнѣ; его генералы съ военными силами расположились въ Полоцкѣ, въ Минскѣ, въ Могилевѣ [1]).

Гетману указано было собрать полки и выступить за Кіевъ, въ правобережную Украину, съ цѣлію содѣйствовать по мѣрѣ надобности полякамъ партіи Сѣнявскаго, враждебной шведамъ, впустить въ Бѣлую-Церковь польскій гарнизонъ [2]) и держать при Сѣнявскомъ малороссійскаго резидента. Февраля 6-го Мазепа съ половиною своего войска былъ уже въ Хвастовѣ. Сѣнявскій писалъ ему, что идти самому далѣе не-зачѣмъ, а требовалъ присылки шести тысячъ козаковъ въ Польшу, о чемъ Мазепа доносилъ, представляя неудобство такой посылки [3]).

[1]) *Nordberg*, II, 206—209.

[2]) . . . кгарнизонъ свой когда поляки до Бѣлой Церкви пришлютъ и до мене з тымъ отзовутся, невозбранно впущу оныхъ туды до фортецы Бѣлоцерковской, а прочую Украину по указу вашего царскаго величества держать буду и не отдамъ ее въ поссесію полякамъ до воли вашего цар. величества (Госуд. Арх. Письмо Мазепы января 30-го 1708 года).

[3]) . . . по указу в. ц. в—ства рушивши я в походъ военный з Батурина и переправивши Днѣпръ, поспѣшилъ до Хвастова немедленнымъ маршемъ, где и войска регименту моего, которые могли в нынѣшнее великое распутіе послѣдовательно мнѣ належащаго мѣста достигнуть, около Хвастова разставленныя пребываютъ, а половина войска по повелѣнію в. ц. в—ства для лготы своей в домахъ зосталася, где зде въ Хвастовѣ получилъ я отъ г-на Синявскаго гет-

Очевидно, Мазепа, замысливши измѣнить царю Петру и при возможности объявиться на сторонѣ противной, чувствовалъ себя крайне въ фальшивомъ положеніи, когда его принуждали посылать подчиненное ему войско противъ тѣхъ, которымъ онъ тайно обѣщалъ свое содѣйствіе, и оттого-то онъ изо всѣхъ силъ старался подъ разными благовидными предлогами удерживаться отъ посылки козаковъ на помощь полякамъ, враждебнымъ королю Станиславу. Царскій указъ предписывалъ отправить стародубскихъ полчанъ къ Быхову на соединеніе съ бывшими тамъ польскими военными силами; Мазепа пытался увѣрить правительство, что это будетъ небезопасно, потому что на искренность поляковъ нельзя положиться [1]). Онъ

мана великаго коронного трикратное писаніе, в которомъ желаетъ, дабы я далечейшимъ походомъ и самъ не турбовался и войскъ не трудилъ, того ради что непріятельская потенція з Польщи вышла и маршъ свой до Литвы опредѣлила, токмо в Великой Польщѣ около Познаня малая нѣкая партія оставлена, на которую проситъ у мене суккурсу шесть тысячь выборнаго войска туда жъ до Великой Польщи, а мнѣ совѣтуетъ около Бѣлой Церкви стоять, смотря неусыпно на поведенія бусурманскія, ибо получилъ онъ, гетманъ (яко до мене пишетъ), будто подлинную отъ зичливыхъ корреспондентовъ вѣдомость, что поселъ турецкій, посыланный до короля шведскаго и до Станислава, обѣщалъ имъ именемъ Порты въ помощь по первой веснѣ 4000 турокъ и 6000 орды и будто и письмомъ тую свою ассекурацію утвердилъ. Я убо безъ именного в. ц. в—ства указу не знаю яко тымъ суккурсамъ желаніе его г-на гетмана великого исполнить. Понеже отъ Днѣпра ажъ до Случи на сей пустыни не токмо сѣна но и соломы невозможно достать, а отъ Случи до Львова мало не тое же чинится для консистенціи войскъ обозовыхъ коронныхъ. И если въ такую далекую сторону 6000 выборнаго войска пошлю, то подлинно в нынѣшнее распутіе и крайнюю безкормицу отъ коней отпадутъ и пѣши поприходять (Ibid. Письмо Мазепы 6 февр.).

[1]) . . . понеже тамъ около Быхова многіе корогвы войска литовскаго приближаются и волочатся, которые, яко непостоянные, Богъ вѣдаетъ что думаютъ и какимъ намѣреніемъ тамъ собираются, и

извѣщалъ, что, по поводу сношеній шведовъ съ турками, надобно остерегаться отъ внезапнаго вторженія бусурманскихъ союзниковъ шведскаго короля, и потому нельзя лишать Украину постояннаго войска. Сѣнявскій напрасно требовалъ и присылки козаковъ и возвращенія Украины, ссылаясь на объявленную волю царя. Мазепа все отговаривался неполученіемъ окончательнаго царскаго указа и Сѣнявскій писалъ къ царю, представлялъ доводы, что одна Бѣлая-Церковь безъ территоріи недостаточна, и, жалуясь на малороссійскаго гетмана, просилъ приказать ему исполнить царскую волю объ отдачѣ Украины [1]. Мазепа, напротивъ, писалъ, что опасно посылать козацкое войско подъ команду ляхамъ, потому что они коварны [2]. Спустя немного времени, Сѣнявскій потребовалъ уже не шесть, а десять тысячъ козаковъ ему «въ сикурсъ» и сверхъ того желалъ, чтобъ и самъ гетманъ Мазепа съ остальными козацкими силами шелъ къ нему въ Дубно, потому что противъ Сѣнявскаго шли военныя силы Станислава. Царь приказалъ Мазепѣ исполнить требованіе Сѣнявскаго, потому что долженъ былъ содѣйствовать польскому войску, которому давалъ субсидію [3]. Мазепа

если бъ оные, изъявляя сокровенную свою внутреннюю вражду, похотѣли нечаянное на полки моего регимента учинить нападеніе, а наши бы ихъ не одолѣли, то надежнѣе будетъ уступить и приперътися для оборонительнаго отпору къ своимъ городамъ, гдѣ я скорѣе бы войсками регименту моего подалъ помощь (Ibid. 1708 г. Письмо марта 9).

[1]) . . . Господинъ гетманъ Мазепа указы в. в—ства паче разсказами нежели самымъ дѣломъ исполняетъ, отсрочивая сикурсъ, который нынѣ зѣло былъ бы потребенъ къ разорванію силъ непріятельскихъ, въ чемъ не жалуясь на персону его м—сти, дерзаю просить в. в—ство о дѣйствительномъ къ нему указѣ и объ отданіи Украины (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., мартъ. Подлинники.)

[2]) . . . ляхи повидимому, аще теперь и являются быти вѣрными, обаче внутрь сокрываютъ что невозможно того проникнути (Ibid.).

[3]) Госуд. Арх. Кабинетскія Дѣла. Отдѣленіе II, кн. № 8.

долженъ былъ снарядить на помощь къ Сѣнявскому отрядъ козаковъ подъ начальствомъ кіевскаго полковника Мокіевскаго [1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа не переставалъ увертываться и выдумывать всякіе способы, чтобъ, исполняя царскую волю, не дѣйствовать наперекоръ своимъ тайнымъ замысламъ.

Мазепа писалъ Головкину, что получилъ «перестерогу» отъ нѣкоторыхъ поляковъ, преданныхъ царю, что непріятели намѣрены вторгнуться въ Украину, а Сѣнявскій колеблется и подумываетъ пристать къ шведской сторонѣ. «Быть-можетъ, — писалъ Мазепа,—Сѣнявскій нарочно замыслилъ отвлечь отъ меня 10.000 козаковъ, чтобы раздѣлить мои силы и открыть непріятелю нашему путь въ Украину». Мазепа повторялъ опасенія и со стороны сераскира и со стороны Запорожья; тамъ, подъ покровительствомъ запорожцевъ, которыхъ въ своемъ донесеніи онъ честилъ «псами», стекается разный сбродъ изъ Гетманщины, Слободской Украины, Польши и Волощины,—люди готовые на всякое воровство и своеволіе [2]). Все это, по видимо-здравымъ соображеніямъ гетмана, не допускало удалять его съ войскомъ изъ Украины. Сѣнявскій ни за что не хотѣлъ брать Бѣлой Церкви и вводить туда польскаго гарнизона, домогаясь непремѣнно отдачи ея территоріи. Но Мазепа всѣми силами старался убѣдить царя, что если отдать Бѣлую Церковь съ уѣздомъ и дозволить тамъ стоянку польскихъ военныхъ силъ, то между поляками съ одной стороны и съ другой—бѣлоцерковскими козаками, а за ними и всѣми обывателями правобережной Украины, начнется междоусобная драка. Это казалось чрезвычайно основательнымъ, судя по недавнимъ еще событіямъ, и притомъ все это сходилось съ тогдашними

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., апрѣль. Подлин.

[2]) Ibid.

намѣреніями, возникшими у Петра. У царя велись тогда тайные переговоры съ королемъ Августомъ; царь пытался побудить Августа появиться въ Польшѣ и своимъ прибытіемъ поддержать противниковъ Станислава; поэтому Петръ воспользовался предостереженіями Мазепы, отложилъ до возвращенія Августа отдачу Польшѣ правобережной Украины, задержалъ движеніе Мазепы съ малороссійскими военными силами на Волынь къ Сѣнявскому и, наконецъ,—выдачу обѣщанной денежной субсидіи на польское войско [1]). Подозрѣніе на Сѣнявскаго, которое набрасывалъ царю Мазепа, подтверждалось извѣстіями и изъ другаго пути. Царскій резидентъ, состоявшій тогда при Сѣнявскомъ, доносилъ царю, что этотъ панъ, въ минуты откровенности, высказывался такъ: «если придутъ такія обстоятельства, что мнѣ невозможно будетъ держаться царской стороны, то я отступлю къ противной сторонѣ, только *шельмой* никогда не буду, а заранѣе объявлю объ этомъ прямо» [2]). По извѣстію шведскаго историка [3]), Сѣнявскій въ это время сильно колебался и уже склонился было на сторону Станислава подъ вліяніемъ убѣжденій французскаго посланника маркиза де-Бонака, но потомъ опять отвернулся въ противную сторону. Причиною такого колебанія было то, что союзъ съ Петромъ щекоталъ честолюбивыя надежды Сѣнявскаго — сдѣлаться самому королемъ [4]), а его жена, черезъ посредство другихъ лицъ, искала милости у Станислава «про запасъ», чтобъ имѣть возможность пристать къ нему тогда только, когда уже станетъ ясно, что царскія дѣла пойдутъ худо [5]).

[1]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II. кн. № 8. Донесеніе царю Головкина 9 мая.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. Польскія Дѣла.

[3]) *Nordberg*, II, 210.

[4]) Ibid., стр. 226.

[5]) Арх. Ин. Дѣлъ. Польскія Дѣла 1709 г.

Польскіе паны въ то время такъ легко переходили съ одной стороны на другую, что никакихъ соображеній нельзя было составлять заранѣе ни о комъ: малѣйшее что-нибудь, манившее выгодою, или устрашавшее опасностію, располагало польскаго пана пристать къ той сторонѣ, которой онъ только-что передъ тѣмъ былъ противникомъ, и измѣнить той, которой недавно клялся въ вѣрности. Такъ въ эту пору братья Любомирскіе—обозный и подкоморій, открыто ставшіе за Станислава, теперь обращались къ царскимъ министрамъ, пзъявляли «униженность» и охоту служить общимъ интересамъ, прося возвратить свою маетность Лабунь, захваченную Меншиковымъ [1]). Съ Сѣнявскимъ могло быть что-нибудь подобное въ обратномъ смыслѣ.

Мазепа бросалъ подозрѣніе на Сѣнявскаго, выставляя свою вѣрность царю; но и Сѣнявскій не оставался въ долгу и бросалъ передъ царемъ подозрѣнія на Мазепу. Въ апрѣлѣ, жалуясь, что, вопреки царскому обѣщанію, Мазепа не отдаетъ Украины и самъ не идетъ съ войскомъ къ Дубно, онъ сказалъ русскимъ резидентамъ Украинцеву и Дашкову: «охъ, смотрите, какъ бы гетманъ вашъ не имѣлъ со шведскимъ королемъ и съ Лещинскимъ тайнаго согласія!» Разомъ стольникъ Кантакузинъ сообщилъ Мазепѣ, что посланецъ турецкій, ѣздившій въ Польшу къ Станиславу и къ шведскому королю, слышалъ, какъ Станиславъ хвалился, что у него есть друзья въ Москвѣ, гетманъ съ Украиною съ нимъ за-одно и станетъ помогать ему противъ Москвы, когда Порта пошлетъ въ помощь Станиславу орду. Самъ Мазепа сообщилъ о такихъ слухахъ на счетъ себя Головкину и приписывалъ такую клевету противъ него сераскиру, который хочетъ затянуть Порту въ войну противъ русскаго царя. Въ маѣ ѣздилъ

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., мартъ. Подлин.

къ Сѣнявскому отъ Мазепы войсковой канцеляристъ Максимовичъ и съ нимъ Сѣнявскій прислалъ Мазепѣ кокое-то письмо, «писанное невѣдомо отъ кого и до кого»: въ этомъ письмѣ желали склонить Сѣнявскаго къ переходу на сторону Станислава и указывали, какъ на примѣръ, что гетманъ Войска Запорожскаго уже къ нему склонился[1]). И объ этомъ Мазепа тотчасъ самъ извѣстилъ Головкина, признавалъ такое письмо произведеніемъ «адгерентовъ» шведскихъ, которые другъ съ другомъ ссорятся и его, невиннаго, въ свои дрязги мѣшаютъ. Мазепа горько жаловался, что клеветники не даютъ ему покойно окончить въ старости дней своихъ, и увѣрялъ, что гетманское званіе доставляетъ ему только муку [2]). Головкинъ, успокоивая «добраго» старика, писалъ къ нему: «Много такихъ разсѣянныхъ бездѣлицъ бываетъ не на одного васъ, но и на иныхъ многихъ вѣрныхъ слугъ царскаго величества; нечего тому вѣрить, ибо непріятели всегда для своей пользы ложь на вѣрныхъ сплетаютъ, дабы тѣмъ своихъ единомысленниковъ увеселить».

Сѣнявскій, долго домогавшійся всей правобережной Украины, въ маѣ отнесся къ русскому правительству съ готовностію взять одну Бѣлую Церковь съ ея уѣздомъ.

[1]) Ibid., 23 мая.

[2]) . . . Благодарю Бога моего, что грѣхъ ради моихъ наказуетъ мя отовсюду скорбями, напастьми и клеветами, бѣдами и неудобоносимыми печалями, которыя въ крайней моей немочи и ослабѣлой старости превосходятъ мои силы и не даютъ мнѣ спокойно сего уже короткаго житія докончить, но прежде времени въ гробъ женутъ! Богдай бы того никогда уряду гетманского не зналъ, на которомъ отъ начала его не живу, а мучусь, стражду и непрестанныя напасти и внутрь отъ своихъ знаемыхъ и лжебратій и извнѣ отъ чужестранныхъ терплю. Прошу вашей вельм—сти, сотвори милость съ ближнимъ своимъ горѣе нежели въ разбойники впавшимъ и милосердствуя о мнѣ, подаждь въ тяжкихъ печалѣхъ желаемую отраду, да не скончаюся безвременно (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г., май).

Головкинъ по этому поводу писалъ къ гетману Мазепѣ, что это дѣло оставляется на его собственное усмотрѣніе: если гетманъ надѣется, что отдача Бѣлой Церкви не произведетъ волненія во всемъ малороссійскомъ народѣ, то можетъ исполнить требованіе Сѣнявскаго, а въ противномъ случаѣ можетъ подождать [1]).

Такимъ образомъ Мазепа успѣлъ-таки поставить дѣло съ поляками такъ, какъ ему было нужно до поры до времени. Онъ держалъ царя въ подозрѣніи относительно поляковъ, не шелъ самъ въ Польшу на помощь противникамъ Станислава, не посылалъ ужъ туда болѣе козаковъ, не отдавалъ и Бѣлой Церкви Сѣнявскому, а стоялъ обозомъ у Бѣлой Церкви, куда перенесся изъ Хвастова еще 27 марта по причинѣ скудости въ конскихъ кормахъ. Стоя подъ Бѣлою Церковью, какъ будто дожидаясь дальнѣйшаго царскаго указа, Мазепа отправлялъ по царской волѣ козацкіе отряды въ другую сторону.

На Запорожьи появился предводитель донцовъ и украинныхъ удальцовъ Московскаго Государства, Кондратій Булавинъ. Сначала онъ заложилъ свой станъ въ урочищѣ Кленковѣ, на рѣкѣ Калміусѣ; къ нему набралось тамъ до 9.000 всякаго рода «гультаевъ»; донцовъ было съ нимъ то тысячи человѣкъ [2]). Оттуда Булавинъ прибылъ въ Сѣчу, принесъ письмо отъ донскаго козацкаго войска къ низовому запорожскому и сталъ возбуждать запорожцевъ идти вмѣстѣ съ донцами на Русь—бить бояръ, прибыльщиковъ, дворянъ и подъячихъ. Три раза собиралась въ Запорожьѣ рада. «Молодята» (т.-е. недолго еще жившіе въ Сѣчѣ) вошли въ задоръ и подняли обычный крикъ: идти бить арендарей и пановъ за то, что Украиною за-

[1]) Госуд. Арх. Кабинетскія Дѣла. Отдѣленіе II, кн. № 8. Письмо Головкина.

[2]) Арх. Юст. кн. 104, л. 128 и 173.

владѣли. «Старики» удерживали ихъ и представляли, что въ то время никакъ нельзя было начинать такого похода: первое, оттого, что зима была теплая и рѣки не совсѣмъ замерзли; второе, въ Москву посланы были ихъ товарищи и могли тамъ пропасть, если Запорожье пристанетъ къ мятежу. Дозволили Булавину жить въ Кодакѣ, но не дозволяли приглашать татарскую орду [1]). Это происходило въ срединѣ зимы. Мазепа отправилъ въ Сѣчь батуринскаго сотника съ приказаніемъ выдать Булавина. Сначала рада рѣшила исполнить требованіе гетмана, но на другой день пьяницы и «гультаи» взяли верхъ надъ стариками и закричали, что Булавина выдать невозможно, потому что издавна въ Сѣчу воленъ всякому приходъ и Сѣчь никогда никого не выдавала. Булавину, однако, послали въ Кодакъ приказаніе жить смирно, распустить всякое «гультайство» и не затѣвать ничего противнаго государю [2]). Но вслѣдъ затѣмъ въ Сѣчѣ произошелъ переворотъ: смѣнили кошеваго, избрали Костю Гордѣенка, «древняго вора и бунтовщика», какъ его называлъ въ своихъ донесеніяхъ Мазепа. Напрасно отъ гетмана приходили одно за другимъ требованія выдать, или, по крайней мѣрѣ, прогнать Булавина. Онъ продолжалъ сидѣть въ Кодакѣ и оттуда разослалъ 260 агентовъ въ украинныя страны Московскаго Государства и на Донъ съ возмутительными грамотами [3]). Онъ возбуждалъ донцовъ тѣмъ, что «дѣды и отцы положили старое поле и то старое поле держалось крѣпко, а нынѣ злые бояре и нѣмцы козаковъ ругаютъ и оскорбляютъ, жгутъ и казнятъ жестоко и старое поле переводится ни во что». Онъ, Булавинъ, возстаетъ за это старое поле и съ нимъ за одно всѣ запорожскіе козаки и бѣлогородская орда. Онъ даетъ такой приказъ войску дон-

[1]) Ibid. л. 174 и далѣе.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., январь. Подлин.

[3]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, кн. № 8.

скому и всѣмъ городамъ украиннымъ: со всѣхъ станицъ половина жителей пусть идетъ къ нему, а половина остается дома. Всѣхъ начальныхъ и простыхъ черныхъ людей посадскихъ и волостныхъ, въ селахъ и деревняхъ украинныхъ городовъ, возбуждалъ онъ истреблять дворянъ, прибыльщиковъ, нѣмцевъ, но уговаривалъ между собой отнюдь не заводить вражды, никого безвинно не оскорблять подъ страхомъ смертной казни, всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ освободить и всѣмъ вездѣ устроиться по козацкому обычаю въ десятки, выбравъ атамановъ и асауловъ. При новомъ кошевомъ уже не только не запрещали Булавину приглашать татаръ, но рѣшали, что когда къ Булавину пристанутъ бѣлогородскіе татары, горскіе черкесы и калмыки, тогда и запорожцы не задумаются идти на великорусскіе городы [1]). Булавинъ переправился черезъ Днѣпръ, сталъ на урочищѣ Вороное и оттуда кликнулъ кличъ: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! кто похочетъ съ походнымъ военнымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко поѣсть да попить, на добрыхъ коняхъ поѣздить—пріѣзжайте къ нему въ вершины самарскія!» [2]).

Мазепа съ своей стоянки подъ Бѣлою Церковью отправилъ противъ Булавина полтавскаго полковника Левенца и охотнаго полковника Кожуховскаго; но въ то же время писалъ Головкину, что не слишкомъ-то довѣряетъ искренности и вѣрности посланныхъ козаковъ [3]). Безъ сомнѣ-

[1]) Ibid., отд. II, кн. № 7.

[2]) Ibid., отд. II, кн. № 7. Письмо Долгорукаго.

[3]) ... если пристали къ Булавину своевольные запорожцы, то какъ воронъ ворону глаза не выклюнетъ, такъ и козакъ на козака сильно наступать не будетъ, а чтобъ къ онымъ козакамъ приданы были великороссійскія войска, понеже при нихъ лучше будутъ козаки служить (Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе Мазепы 9 мая).

нія, посылая войско противъ Булавина, Мазепа и здѣсь принужденъ былъ поступать наперекоръ своимъ истиннымъ тайнымъ намѣреніямъ. Естественно, ставши сторонникомъ Карла и Станислава и врагомъ Петра, онъ долженъ былъ для цѣлей своихъ тайныхъ союзниковъ находить подходящими всякія смуты и безпорядки въ царской державѣ.

Однако посылка козацкихъ полковниковъ сдѣлала свое дѣло. Булавинъ ушелъ [1]) и перебрался въ украинныя страны Московскаго Государства. Онъ установился съ своею вольницею въ Пристанномъ городкѣ на Хопрѣ, взволновалъ городки по рѣкамъ: Хопру, Битюгу, Медвѣдицѣ, Гайдарѣ и Сѣверному Донцу. Весь этотъ край, не съ давняго времени населенный бѣглою вольницею, сталъ тянуть къ Донскому Войску. Булавинъ изъ Пристаннаго грянулъ на Черкасскъ, убилъ атамана Лукьяна Максимова и былъ провозглашенъ атаманомъ всего козачества. Не малую надежду полагалъ онъ на Запорожье, а главное—на множество «гультаевъ», скоплявшихся тамъ изъ Гетманщины и Слободской Украины, только того и алкавшихъ, чтобы ворваться «въ городы» и расправляться тамъ съ зажиточными людьми, владѣльцами дворовъ и земельныхъ угодій. Въ концѣ мая Булавинъ, овладѣвши Черкасскомъ, съ нѣсколькими тысячами удальцовъ прибылъ въ Бахмутъ и оттуда послалъ въ Сѣчь свой новый «прелестный» универсалъ. Онъ извѣщалъ, что князь Василій Долгорукій съ московскими ратными людьми пришелъ истреблять все козачество, побить старыхъ и малыхъ и сжечь всѣ козачьи городки. Онъ извѣщалъ, что,

[1]) ... для промыслу надъ нимъ ординовалемъ полкъ Полтавскій и полкъ компанейскій, о которыхъ сближенюся къ Самарѣ онъ бунтовщикъ увѣдавъ, снать перестороженый отъ пасѣчниковъ увойшелъ, оставя куренѣ токмо и невѣдомо куды зъ гультайствомъ своимъ удалился (Ibid).

въ ожиданіи такой бѣды для всего козачества, Войско Донское призываетъ всѣхъ обитателей береговъ Дона, Медвѣдицы, Хопра, Гайдара, Сѣвернаго Донца, Днѣпра и всѣхъ его «запольныхъ» (впадающихъ въ Днѣпръ) рѣчекъ, гдѣ только обрѣтается козачій присудъ, —подниматься и идти противу грозящаго всѣмъ врага, «чтобы всѣ козачьи рѣки оставались по прежнему, какъ было тамъ козачество, и чтобы между всѣми козаками было побратимство» [1]). Сборное мѣсто назначено подъ Ямполемъ [2]). Воззванія Булавина надѣлали болѣе крика и шума, чѣмъ оказали ему помощи на дѣлѣ. Въ Сѣчѣ, въ Кодакѣ и разныхъ степныхъ притонахъ кричали, что надобно идти разорять и убивать всѣхъ значныхъ и богатыхъ людей. Въ самой Запорожской Сѣчѣ 13 мая была шумная рада. Удалыя и горячія головы сперва взяли верхъ. Но пріѣхавшіе изъ Кіева монахи вынесли изъ сѣчевой церкви крестъ и евангеліе и успѣли уговорить часть козаковъ [3]). Послѣ того хотя запорожцы и приставали къ Булавину, но отдѣльными ватагами, человѣкъ въ нѣсколько сотъ въ каждой. Такъ, напримѣръ, 30 мая пошло къ нему 300 удальцовъ съ красными кумачными знаменами [4]), а 9 іюня отправилась къ нему другая партія—500 пѣшихъ человѣкъ [5]). Но самъ Булавинъ повредилъ себѣ тѣмъ, что раздѣлилъ свои силы. Онъ отправилъ одинъ отрядъ своихъ козаковъ въ 5.000 чел. къ Азову, а другіе два, подъ начальствомъ единомышленныхъ своихъ атамановъ, Драного и Голаго, на западъ для привлеченія къ себѣ жителей и умноженія силъ своихъ. Голый, въ отрядѣ котораго было тысячи полторы запорожцевъ, удачно распра-

[1]) Арх. Юст., кн. 104, л. 188.

[2]) Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

[3]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 7.

[4]) Арх. Юст. кн. 104, л. 220.

[5]) Ibid., л. 238.

вился съ слободскимъ Сумскимъ полкомъ. Булавинцы напали на него въ-расплохъ на берегу рѣки Уразовой [1]), убили всѣхъ старшинъ и самого полковника Андрея Герасименка, взяли весь обозъ [2]). Другіе предводители—Семенъ Драный и Безпалый—двинулись къ Ямполю, гдѣ назначено было сборное мѣсто, но ихъ не допустили бригадиръ Шидловскій и полковникъ Кропотовъ: съ этими послѣдними дѣйствовали посланные гетманомъ полковники полтавскій и компанейскій, которыхъ, послѣ ухода Булавина съ урочища Вороное, гетманъ прикомандировалъ къ маіору гвардіи князю Долгорукому [3]). Полтавскій полковникъ приказалъ заранѣе вывести изъ городковъ Тора [4]) и Маяковъ [5]) всѣ козація семьи въ Изюмъ, чтобы не допустить торскихъ и маяцкихъ козаковъ пристать къ мятежу [6]). У Кривой Луки [7]), недалеко отъ Тора, встрѣтилъ онъ идущаго Драного, съ которымъ было до пяти тысячъ донцовъ и 1.500 запорожцевъ. Бой былъ жестокій, продолжался пять часовъ—три часа дня и два часа ночи—и кончился совершеннымъ пораженіемъ мятежниковъ. Драный палъ въ битвѣ. Многіе потонули въ Сѣверномъ Донцѣ. Запорожцы ушли въ Бахмутъ. Шидловскій тамъ ихъ осадилъ. Запорожцы сдавались, прося пощады, но ихъ не слушали и истребили;—Бахмутъ былъ сожженъ [8]). Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Булавинъ

[1]) Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда.

[2]) Арх. Юст. кн. 104, л. 238.

[3]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе Мазепы 9 мая.

[4]) Нынѣ Торская слобода Купянскаго уѣзда, при рѣкѣ Жеребцѣ.

[5]) Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

[6]) Арх. Юст., кн. 104, л. 188.

[7]) Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

[8]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, № 18; отд. II, № 7.—Арх. Юст., кн. 104, л. 260.

самъ стоитъ при урочищѣ Деркулѣ [1]). Противъ него пошли полковники полтавскій и компанейскій и вступили въ бой съ «чатою» (высланнымъ передовымъ отрядомъ) въ 800 человѣкъ. Мятежники были разбиты [2]). Булавинъ поспѣшно ушелъ къ тому отряду козаковъ, который онъ еще прежде изъ Черкасска отправилъ къ Азову, но тамъ пришелъ ему конецъ. Онъ покусился ворваться въ Матросскую и Плотничью слободы, прилегавшія къ городу Азову; три часа была жестокая битва противъ четырехъ ротъ солдатъ; изъ крѣпостей Азовской и Петровской гремѣли пушечные выстрѣлы. Козаки держались упорно; наконецъ, были прогнаны, 423 изъ нихъ пало въ битвѣ, 400 утонуло во время бѣгства, 60 попалось въ плѣнъ. Солдаты овладѣли однимъ знаменемъ, побрали лошадей, достали много панцырей съ убитыхъ [3]). Булавинъ со срамомъ привелъ въ Черкасскъ остатки разбитыхъ. Тамъ поднялъ противъ него бурю атаманъ Зерщиковъ, его единомышленникъ и вмѣстѣ соперникъ. По наущенію этого человѣка, козаки стали кричать, что Булавина слѣдуетъ убить за то, что онъ погубилъ войско. Булавинъ, съ небольшимъ кружкомъ вѣрныхъ его совѣтниковъ, убѣжалъ въ свой курѣнь. Козаки принялись доставать его изъ курѣня. Булавинъ, защищаясь, успѣлъ застрѣлить двоихъ изъ своихъ враговъ, но увидѣлъ, что ему никакъ нельзя отбиться... Его воображенію предстали страшныя муки казни, которая его ожидала, еслибы козаки его взяли и выдали, и онъ пустилъ себѣ въ лѣвый високъ пулю изъ пистолета. Козаки переловили его совѣтниковъ, въ числѣ которыхъ былъ братъ Булавина и сынъ Дранаго. Ихъ всѣхъ посадили на цѣпь, потомъ выдали азовскому губернатору Толстому. Тѣло Булавина отправлено было въ

[1]) Нынѣ слобода Старобѣльскаго уѣзда, при рѣкѣ Деркулѣ.

[2]) Арх. Юст. кн. 104, л. 250.

[3]) Ibid., л. 260.

Азовъ: голову отсѣкли и отдали врачамъ сохранить ее на-показъ, а туловище, уже смердящее, было повѣшено за ноги на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило нападеніе на Азовъ [1]).

Возстаніе въ украинныхъ городахъ продолжалось еще до конца 1708 года и было угашено княземъ Долгорукимъ посредствомъ самыхъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ мѣръ. Левенецъ, Кожуховскій и сотники ихъ полковъ, числомъ 21, получили въ награжденіе по парѣ соболей и по объяринному кафтану за побѣду при Деркулѣ, подготовившую полное пораженіе мятежника [2]). Но Мазепа не совсѣмъ одобрительно отозвался о полтавскомъ полковникѣ [3]).

Въ концѣ мая гетманъ получилъ отъ Ленчинскаго, польскаго короннаго подскарбія, увѣдомленіе, что ему незачѣмъ будетъ идти внутрь Польши. Мазепа сообщалъ, что по его соображеніямъ слѣдуетъ воротиться въ Украину и беречься съ одной стороны внутреннихъ смятеній въ краѣ [4]), а съ другой—помощи врагамъ изъ Турціи. Посолъ гетманскій Згура ѣздилъ въ Бендеры къ сераскиру «съ комплиментомъ» и тамъ подлинно узналъ, что сторонникъ Станислава Лещинскаго, панъ Тарло, домогался въ Бендерахъ черезъ сераскира получить отъ Порты въ помощь хотя немного орды [5]). Этотъ Згура, родомъ грекъ, близкій совѣтникъ Мазепы, впослѣдствіи явился однимъ изъ участниковъ измѣны гетмана, а потому вѣ-

[1]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, № 18, отд. II, № 7.

[2]) Арх. Юст. кн. 104, л. 250.

[3]) ... а полковникъ полтавскій издревле есть непостояненъ и въ ближайшемъ съ запорожцами сосѣдствѣ пребывая, всегда однимъ духомъ съ запорожцами дышетъ (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. мая 30. Донесеніе Мазепы).

[4]) ... опасно чтобъ въ обозѣ роптаніе, смятеніе и бунтъ непостоянныхъ и малодушныхъ не произошелъ, или въ городахъ безъ полковниковъ и сотниковъ не начинали якого бунту (Ibidem).

[5]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина.

роятно, доставляя пугливыя реляціи, на самомъ дѣлѣ ѣздилъ къ сераскиру вовсе не съ такими полезными для царя видами, какъ о немъ показывалъ гетманъ въ своихъ донесеніяхъ Головкину. Панъ Тарло отъ 9 іюня писалъ гетману письмо, убѣждалъ пристать на сторону шведскаго короля и Станислава и увѣрялъ именемъ обоихъ королей, что Войско Запорожское и весь украинскій народъ будутъ оставаться при своихъ старинныхъ правахъ и вольностяхъ съ пріумноженіемъ новыхъ, лишь бы только гетманъ, освободившись отъ тиранской власти, возвратился къ своему наслѣдственному государю и къ общей матери—Рѣчи Посполитой.

Мазепа это письмо препроводилъ къ Головкину и испрашивалъ приказанія государя, какъ ему поступить. Царь приказалъ гетману дать отвѣтъ Тарлу по своему усмотрѣнію. Тогда Мазепа отъ 23 іюля отвѣчалъ Тарлу въ такомъ смыслѣ, что невозможно отклонить его, гетмана, отъ вѣрности своему государю, и притомъ украинскій народъ никогда не захочетъ соединяться съ поляками, испытавши отъ нихъ много несчастій [1]). Мазепа припоминалъ пану Тарлу, какъ еще въ недавнія времена кіевскій вое-

[1]) ... не могутъ мене никогда ни стрѣлы, ни огонь розлучить отъ любви пресвѣтлѣйшаго всемилостивѣйшаго государя моего, которого святобливымъ предкамъ пресвѣтлѣйшимъ царемъ московскимъ и его царскому величеству одиножды во все со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ вѣру присяглъ и оную свято содержати долженъ есмь по праву совѣсти... напрасный вашъ трудъ, непотребные заводы, ненадежные надежды и ожиданія суть; понеже въ тихъ своихъ вертоглавныхъ дѣйствахъ напрасно чрезъ толь многіе годы трудитеся, ибо первѣе на землѣ звѣзды будутъ, небо же сохою орано, нежели Украина мѣла бы когда возвратитися къ Коронѣ Польской и народъ козацкій, отъ вѣковъ къ польскому имѣющій ненависть, съ Рѣчью Посполитою соединенъ имѣлъ быть; покамѣстъ свѣтъ стоитъ свѣтомъ, не будетъ козакъ поляку братомъ, ожегшися на водѣ побратимства лядскаго (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин., іюль).

вода Потоцкій расправлялся съ возставшимъ народомъ: жолнѣры отнимали отъ матерней груди невинныхъ малютокъ и втыкали на копья, бросали ихъ въ ямы и душили огнемъ, загоняли въ избы женщинъ и сожигали [1]. Мазепа вспомнилъ, какъ принуждали народъ къ уніи, какъ отдавали жидамъ-арендаторамъ право распоряжаться христіанскими таинствами [2]. Мазепа говорилъ, что «золотая вольность», которою такъ хвастались поляки, превращается у нихъ въ «желѣзное самовольство». Мазепа обличалъ суетность обѣщаній вольностей малороссійскому народу, когда Станиславъ, котораго поляки называютъ своимъ королемъ, самъ не болѣе какъ невольникъ шведскаго короля. Мазепа объявлялъ польскому пану, что Украинѣ подъ царскимъ скипетромъ вовсе не худо [3], и потому никакія обѣщанія благъ, никакія ласкательства не въ силахъ ни теперь, ни впредь отвести малороссійскій народъ отъ русскаго царя и его наслѣдниковъ [4]. Въ за-

[1] ... безъ всякой пощады обоего пола и вѣку пролитая кровь чрезъ Потоцкого воеводу кіевскаго, который по Украинѣ невинныхъ дѣтей отъ грудей отнимая жолнѣрамъ велѣлъ на копья втыкать и въ яму побросавъ огнемъ душить, женщинъ въ избы загнавъ жечь (Ibid).

[2] ... вольный народъ къ проклятой уніи принуждаете, которая не соединяетъ, а разлучаетъ, вольное отправленіе вѣры запрещаете, святыми Тайнами, крещеніемъ, супружествомъ жидамъ волно располагать допущаете и оные тому народу на аренду запродаете, и они имѣя въ своемъ управленіи Тайны, потамѣстъ крестить дѣтей и вѣнчать священникамъ не дозволяли, покамѣстъ арендаря не удовольствовано, и часто прилучалося, что тотъ ехидникъ зъ прирождаемой ку христіанамъ ненависти для вящихъ своихъ прихотей вѣнчаніе и дѣтей крещеніе продолжалъ, отчего многіе дѣти умерли безъ крещенія... (Ibid.)

[3] ... вольные есмы отъ всѣхъ податей, обогачены довольными маетностями, вѣра святая насъ съ храбрымъ народомъ московскимъ соединяетъ и церкви Божіи повсядневно прибавляются: какой еще вольному народу больше надобно вольности... (Ibid.)

[4] ... хотя бы оному землю плывущую млекомъ и медомъ давали, не прельстятъ его никакія ласкательства и не отведутъ не токмо

ключеніе, на просьбу Тарла объ отпускѣ Вольскаго, присланнаго къ Мазепѣ отъ Станислава еще въ 1705 г., Мазепа отвѣчалъ, что этого человѣка онъ не отпуститъ, потому что онъ достоинъ висѣлицы.

Поступокъ съ письмомъ Тарла и отвѣтъ послѣднему, присланный въ копіи Головкину, конечно должны были показаться московскому правительству новымъ доказательствомъ непоколебимой вѣрности гетмана и лживости всякихъ на него доносовъ. Замѣтимъ только, что для насъ нѣтъ доказательства, что именно такой отвѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ посланъ Мазепою, но во всякомъ случаѣ правительство другого не знало. Между тѣмъ тогда уже возникъ и разбирался доносъ самый крупный въ ряду всѣхъ доносовъ, которые въ продолженіе гетманства Мазепы сыпались на него такъ обильно. То было дѣло Кочубея, окончившееся въ то самое время, когда Мазепа велъ приведенную нами переписку съ Тарломъ.

Мазепа и Кочубей, какъ уже видѣли мы прежде, были издавна близкими пріятелями. Нѣкогда они служили вмѣстѣ у Дорошенка, потомъ у Самойловича и вмѣстѣ выкапывали яму, въ которую удалось имъ свалить Самойловича. Послѣ того, какъ Мазепа сталъ гетманомъ, нѣсколько лѣтъ господствовало между ними согласіе; по крайней мѣрѣ можно это заключить изъ того, что гетманъ сочеталъ своего племянника Обидовскаго съ дочерью Кочубея Анною и самому Кочубею исходатайствовалъ у царя жалованныя грамоты на маетности. Кочубей былъ долго въ чинѣ генеральнаго писаря, потомъ сдѣланъ былъ генеральнымъ судьею, что составляло повышеніе въ козацкомъ урядѣ. Есть отрывочныя извѣстія, что между ними

нынѣ, но и впредь отъ неосиленнаго защищенія пресвѣтлѣйшаго царскаго величества всемилостивѣйшаго государя и непобѣдимыхъ наслѣдниковъ его, въ которомъ себѣ лучшую часть избра... Того ради не належитъ того желать, чего получить невозможно... (Ibid).

бывали временныя неудовольствія; самъ гетманъ, послѣ того, какъ уже разсорился съ Кочубеемъ, вспоминалъ въ письмѣ къ нему, что въ теченіи 16 лѣтъ прощалъ ему какіе-то проступки [1]). Но событіе, положившее между ними роковую вражду, наступило въ 1704 году.

Мазепа отъ молодости до глубокой старости былъ большой женолюбецъ. Его супруга скончалась въ 1702 году. У Кочубея была красивая дочь по имени «Мотря» (Матрена), крестница гетманская. Существуютъ свидѣтельства, что Мазепа дѣлалъ ея родителямъ предложеніе, но получилъ отказъ, такъ какъ бракъ между нимъ и Мотрею былъ невозможенъ по уставамъ церкви. Тотъ же Мазепа «подговаривалъ» Мотрю черезъ своего служителя Демьяна... но намъ неизвѣстно—прежде ли такихъ «подговоровъ» было сватовство его, или же послѣ, и сватать ее онъ началъ только послѣ того, какъ не успѣлъ соблазнить безъ брака. Какъ отецъ Мотри смотрѣлъ на сватовство гетмана,—показываетъ то негодованіе, съ какимъ онъ относился объ этомъ въ своемъ донесеніи государю [2]).

Какъ бы то ни было, но, по извѣстію Кочубея, 2 декабря 1704 года Мазепа, находясь въ Бахмачѣ, послалъ своего служителя Демьяна въ Батуринъ къ Кочубею со свѣжею рыбой на гостинецъ и далъ Демьяну тайное порученіе предложить Мотрѣ сначала три, потомъ десять тысячъ червонцевъ съ тѣмъ, чтобъ она пришла къ гетману. Мотря не соглашалась. Тогда Демьянъ отъ имени своего пана

[1]) Чтенія М. О. И. и Д. 1859 г., т. I., стр. 131.

[2]) ... Егда же предастъ гробу жену свою, тогда новую изобрѣтаетъ на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертію прещаше, дабы вторую дщерь мою дѣвицу ему же воспріемлемую отъ св. крещенія духовную дщерь взяти моглъ въ супружество. Какую діавольскимъ дѣйствомъ возбудити мнѣ печаль, дабы азъ явленъ быхъ всея вселенныя законопреступный отецъ и маловѣрный христіанинъ, како бы желаніе свое исполнити зѣло о томъ мнѣ насилствуя и много шатаяся явѣ не возмогхъ (Чт. М. О. И. и Д. 1859 г., т. I, стр. 125).

просилъ у нея прядь ея волосъ. Черезъ два дня, въ день Св. Николая, тотъ же Демьянъ явился снова и сталъ подговаривать Мотрю на свиданіе съ гетманомъ. Въ огородѣ ея отцовскаго двора была дыра въ частоколѣ: туда звали Мотрю для разговора съ гетманомъ... Нѣсколько разъ были къ ней подобныя подсылки. Старый грѣховодникъ просилъ ее прислать ему—то рубашку съ тѣла, то монисто съ шеи; посылалъ ей на гостинецъ какую-то книжечку и брилліантовый перстень [1]).

Между тѣмъ положеніе Мотри въ родительскомъ домѣ стало несноснымъ: ея мать, какъ изъ многаго видно, была женщина крутого и суроваго нрава. Уклоняясь отъ родительскихъ преслѣдованій, Мотря убѣжала къ Мазепѣ. Родители стали бить тревогу [2]). Мазепа не стерпѣлъ укоровъ Кочубея и отослалъ Мотрю къ родителямъ съ полковникомъ великороссійскаго отряда Анненковымъ, находившимся при гетманской особѣ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Мотри, просилъ не гнѣваться на него за то, что такъ поступилъ съ ней, иначе ея родители безславили бы его; сверхъ того, и онъ и она не могли бы воздержаться и стали бы жить по супружески, а за это постигло бы ихъ неблагословеніе отъ церкви и потомъ она сама бы на него роптала [3]). Мазепа сносился съ Мотрею черезъ какую-то

[1]) Моя сердечная коханая Мотроненько! Поклонъ мой отдаю вашей милости мое серденько, а при поклонѣ посылаю в. м. гостинца книжечку и обручикъ діаментовый, прошу тое завдячне приняти, а мене въ любви своей неотмѣнно ховати нѣмъ дасть Богъ з лишшимъ привитаю. За тимъ цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленькіе и всѣ члонки тѣлца твоего бѣленкого, моя любенко коханая (Чт. И. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I. Дѣло Кочубея. Письма Мазепы, стр. 127—130).

[2]) Азъ же (слова Кочубея) не могій что творити въ колоколъ ударяя, да всякъ видитъ бѣдство мое (Ibid. Дѣло Кочубея, 125).

[3]) ...Мое серденько! Зажурилемся почувши отъ дѣвки такое слово же в. м. за зле на мене маешъ и же в м. при собѣ не задержалемъ але одославъ до дому. Уважъ сама щобъ з того выросло. Пер-

дѣвку Мелашку [1]), писалъ къ Мотрѣ разныя нѣжности, увѣрялъ, что никого такъ не любилъ какъ ее, скорбѣлъ о злобѣ ея родителей и просилъ не измѣняться къ нему въ любви, сообразно данному ею слову въ то время, когда отъ него выходила, а онъ вручилъ ей такой дорогой перстень, которому подобнаго другого у него не было [2]). Стараго гетмана безпокоило, что Мотря, какъ онъ узналъ, терпѣла отъ своей матери, которую онъ, по этому поводу, называлъ мучительницею [3]). Въ другомъ письмѣ онъ, сожалѣя, что не можетъ подробно поговорить съ нею, даетъ ей со-

шая: щобъ твои родичи по всѣмъ свѣтѣ розголосили, же взявъ у насъ дочку у ночи кгвалтомъ и держитъ у себе мѣсто подложницѣ. Другая причина-же державши в. м. у себе, я бымъ не моглъ жадною мѣрою витримати да и в. м. такъ же: мусѣлибисьмо изъ собою жити якъ малженство кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе од церкви и клятва жебы намъ съ собою не жити. Где жъ бы я на тотъ часъ подѣлъ. И мнѣ бъ же чрезъ тое в. м. жаль, щобъ есь на-потомъ на мене не плакала (Чт. 1858 г., т. I, стр. 127.—*Бант. Кам.*: „Ист. М Рос.“, т. III. Примѣч. стр. 31).

[1]) ... Посылаю теперъ до в. м. Мелашку, щобъ о всѣмъ розмовилася съ в. м.; не стережыся еѣ нѣ въ чемъ, бо есть вѣрная в. м. и менѣ во всѣмъ (Ibid).

[2]) ... Сама знаешъ якъ я сердечне шалене люблю в. м.; еще нѣкого на свѣтѣ не любивъ такъ. Мое бъ то счастье и радость, щобъ нехай ѣхала да жила у мене, тилко жъ я уважавъ якій конецъ с того можетъ бути, а звлаща при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ. Прошу, моя любенко, не одмѣняйся нѣ въ чомъ, яко южъ не поеднокротъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне поки живу буду, тебе не забуду... Припомни тилко слова свои под клятвою мнѣ даніе, коли выходила еси з покою мурованого од мене, коли далемъ тобѣ перстень діаментовій, над которій найлѣпшого найдорогшого у себе не маю, же хочъ сякъ хочъ такъ будеть, а любовь межи нами не одмѣнится (Ibid).

[3]) ... Тяжко зафрасовалемся почувши, же тая катувка не перестаетъ в. м. мучити... (въ другомъ письмѣ)... Не маючи вѣдомости о положенію в. м., чи вже перестали в. м. мучити и катовати (ibid).

вѣтъ идти въ монастырь [1]). Онъ порывался даже мстить своимъ врагамъ, которые его съ нею разлучали, и только связываетъ ему руки не кто иной, какъ она, сама; впрочемъ онъ не станетъ больше терпѣть и учинитъ своимъ врагамъ такое мщеніе, какое она сама увидитъ [2]). Но видно, что старикъ замѣчалъ уже въ Мотрѣ охлажденіе къ себѣ, какъ показываютъ его письма, въ которыхъ онъ дѣлаетъ ей укоры и припоминаетъ обѣщанія вѣчной любви [3]).

Мотря, находясь подъ строгимъ надзоромъ родителей, тайкомъ переписывалась съ гетманомъ и въ это время доходила до безумія — металась, плевала на отца и мать, а родители приписывали такія выходки вліянію чаръ [4]). Кочубей писалъ къ гетману, не обличалъ его прямо, а только жаловался на судьбу свою: «дѣлалось ли подобное съ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ, которые живали при своихъ регимен-

[1]) . . . Тяжко болѣю на тое що самъ не могу зъ в. м. обширне поговорити що за отраду в. м. въ теперешнемъ фрасунку учинити... Коли они проклятіи твои тебе цураются, иди въ монастырь, а я знатиму що на той часъ зъ в. м. чинити (Ibid).

[2]) . . . Богдай того Богъ з душею розлучить, хто насъ розлучаетъ! Знавъ бы я якъ надъ ворогами помститися, тилко ти минѣ руки звязала.... Прошу и велце мое серденько, якимъ колвекъ способомъ обачься зо мною що маю зъ в. м. далей чинити, бо южъ болшъ не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечне одомщеніе учиню, а якое: сама обачишъ!... (Ibid).

[3]) . . . Вижу же в. м. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнею ко мнѣ. Якъ собѣ знаешъ: воля твоя, чини що хочешъ! Будешъ на потымъ того жаловати... Моя сердечне коханая, наймилшая, найлюбезнѣйшая Мотроненько! Впередъ смерти на себе сподѣвався нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученки, которые мнѣ не поеднокротъ давала, же мене, хочь будешъ за мною, хочъ не будешъ, до смерти любити обѣщала (Чт. 1859 г., т. I, стр. 129).

[4]) ... егда не возмогъ лестію преклонися къ обаянію и чародѣянію и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ еже дщери моеи возбѣситися и бѣгати, на отца и матерь плевати (Чт. Ibid., стр. 126).

тaряхъ чиновно и не чиновно! выражался онъ. Горе мнѣ мизерному и всѣми заплеванному! Обратилась въ грусть надежда моя найти себѣ въ дочери будущую утѣху! Омрачился свѣтъ очей моихъ; обошелъ меня кругомъ мерзостный студъ; не могу прямо смотрѣть людямъ въ лицо; срамъ и поношеніе окрываютъ меня передъ ближними и домашними! Всегда съ бѣдною супругою своею плачу отъ сокрушенія» [1]). Мазепа отвѣчалъ ему, что причиною его непріятностей — велерѣчивая жена его, на которую надобно бы наложить мундштукъ, какъ на лошадь [2]). Онъ припоминаетъ Варвару великомученицу, убѣгавшую отъ злого отца [3]), совѣтуетъ Кочубею воздержаться отъ мятежническаго духа, угрожаетъ, что чрезъ его и жены его высокомѣріе онъ доживетъ до какой-нибудь бѣды [4]). Кочубей въ своемъ письмѣ къ гетману намекнулъ о *блудѣ*; гетманъ прикинулся, какъ будто не понимаетъ этого, и отвѣчалъ, что блудитъ вѣроятно самъ онъ, слушая жены своей, сообразно пословицѣ: «гдѣ хвостъ всѣмъ заправляетъ, тамъ голова блудитъ» [5]).

Неизвѣстно, эта переписка между гетманомъ и Кочу-

[1]) Чт. М. О. И. и Д., стр. 131.

[2]) ... рачій бы належало скаржитися на свою гордую велерѣчивую жену, которую якъ вижу не вмѣешъ, чи не можешъ повстягнути и предложити тое, же ровній мунштукъ якъ на конѣ такъ и на кобылы кладутъ (Чт., т. I. Дѣло Кочубея).

[3]) Утекала св. в.-м.-ца Варвара предъ отцомъ своимъ Діоскоромъ не въ домъ гетманскій але въ подлѣйшее мѣстце межи овчари въ розсѣлины каменнія страха ради смертнаго (Ibid).

[4]) И если же зъ Бозского презрѣнія теды и всему дому твоему зготувалася якая пагуба, то не на кого иншого нарѣкати и плакати тилко на свою и женскую проклятую пиху (Ibid).

[5]) ... а що взменкуешъ въ томъ своемъ пашквильномъ письмѣ, того я не знаю и не розумѣю, хиба самъ блудишъ коли жинки слухаешъ, бо посполите мовятъ: „gdzie ogon rządzi tam pewnie głowa błądzi“ (Чт., I, стр. 131).

беемъ, сохранившаяся въ дѣлѣ о Кочубеѣ, происходила ли тогда, когда Мотря убѣжала къ гетману и находилась въ его домѣ, или уже послѣ того, какъ гетманъ возвратилъ ее въ родительскій домъ. Исторія съ Мотрею происходила въ 1704 —1705 годахъ. Дошедшія до насъ черты достаточно показываютъ съ одной стороны стараго развратника, прибѣгавшаго къ самымъ пошлымъ мѣрамъ соблазна, съ другой стороны—очень ограниченное женское существо. Впрочемъ, все семейство Кочубея не переставало пребывать какъ бы въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Мазепѣ и нѣсколько времени послѣ приключенія съ Мотрею. Кочубей, какъ генеральный судья, постоянно находился въ приближеніи у гетмана, участвовалъ съ нимъ въ пирушкахъ, происходившихъ въ гетманскихъ дворцахъ то въ Бахмачѣ, то въ Гончаровкѣ. Самъ гетманъ посѣщалъ по-пріятельски Кочубея, пировалъ у него и велъ съ нимъ и съ его женою интимные разговоры, которые потомъ послужили въ числѣ матеріаловъ для доноса [1]). Когда гетманъ выступалъ въ походъ, то оставлялъ Кочубея, какъ генеральнаго судью, въ Батуринѣ вмѣсто себя наказнымъ гетманомъ, слѣдовательно временнымъ хозяиномъ и правителемъ всей Украины. Такъ было въ 1706 и 1707 годахъ.

Въ одно изъ такихъ наказныхъ гетманствъ Кочубея, въ августѣ 1707 года проходили черезъ Батуринъ монахи Сѣвскаго Спасскаго монастыря, возвращавшіеся изъ Кіево-Печерской Лавры, куда ходили на богомолье. Они сѣли отдыхать на скамьѣ близъ шинка, построеннаго на базарѣ, который располагался тогда за землянымъ валомъ батуринскаго за́мка. Какой-то козакъ сказалъ имъ, что наказной гетманъ Кочубей очень милостивъ къ странникамъ и щедръ на подаяніе. Монахи пошли въ церковь къ вечернѣ

[1]) Ibid., стр. 104.

и встрѣтили тамъ жену Кочубея; они подошли, поклонились ей и получили любезное приглашеніе ночевать во дворѣ у Кочубея. Это было наканунѣ воскреснаго дня. Въ этотъ день гостепріимный хозяинъ оставилъ ихъ у себя обѣдать; послѣ обѣда, по стариковскому обычаю, Кочубей легъ спать, а монахи часа два погуляли въ рощѣ, находившейся близъ двора, потомъ пришли въ домъ. Кочубей и жена его обдарили ихъ холстомъ, полотенцами, деньгами и дали пирогъ на дорогу. Но когда монахи, собираясь уже въ путь, стали прощаться съ хозяевами, Кочубей упросилъ ихъ остаться еще одну ночь ночевать. На утро, въ понедѣльникъ, они вмѣстѣ съ Кочубеемъ и его семьею отстояли заутреню и обѣдню, потомъ одинъ изъ монаховъ, по имени Никаноръ, былъ приглашенъ въ садъ, гдѣ засталъ Кочубея съ женою, но безъ дѣтей. Въ саду былъ разбитъ шатеръ. Туда ввелъ хозяинъ монаха. Тамъ находился въ черныхъ рамахъ образъ Пресвятой Богородицы, писанный на полотнѣ.—«Можно ли тебѣ вѣрить?—сказалъ Кочубей.—Хотимъ съ тобой говорить тайное,—не разнесешь ли?» Монахъ, глядя на образъ, перекрестился и увѣрялъ, что никому не объявитъ повѣренной ему тайны. Тогда Кочубей и жена его стали бранить Мазепу, говорили, что онъ беззаконникъ, хотѣлъ жениться на ихъ дочери—своей крестницѣ, но когда она на то не согласилась, то зазвалъ ее къ себѣ и насильно осквернилъ блудомъ.

Въ это самое время позвали Кочубея слушать челобитчиковъ, приходившихъ къ нему, какъ къ исправлявшему обязанность гетмана. Жена его, прогуливаясь съ монахомъ по саду, разсказала ему еще кое-что про гетмана. Кочубей, кончивъ свои дѣла съ челобитчиками, позвалъ въ домъ монаха, отдалъ ему дары и поручилъ просить пріѣхать къ нему самого сѣвскаго архимандрита, обѣщая дать вкладъ на монастырь. Монахи уѣхали, а 26 августа того же года снова пріѣхали въ Батуринъ и привезли Кочубею и семьѣ

его просфоры отъ архимандрита, который извѣщалъ, что самъ онъ не можетъ пріѣхать за дѣлами по управленію монастыремъ. Монахамъ во дворѣ Кочубея отвели особыя свѣтлицы. Женщина изъ Кочубеевой прислуги позвала монаха Никанора къ хозяину дома и предупредила его, что какъ будетъ онъ проходить черезъ панскія свѣтлицы, то долженъ за собою затворять всѣ двери. Слѣдуя по указанному пути, монахъ прошелъ три покоя, запирая за собою двери закладками и крючьями, и остановился передъ спальнею Кочубея, завѣшенною ковромъ. Вышелъ оттуда Кочубей, осмотрѣлъ всѣ двери и, удостовѣрившись, что въ комнатахъ нѣтъ никого, спрашивалъ монаха, можно ли ему вѣрить. Монахъ, разумѣется, далъ утвердительный отвѣтъ. Тогда явилась Кочубеиха съ изображеніемъ распятія на деревянной доскѣ, подала его Никанору и сказала: какъ Богъ за насъ пострадалъ на крестѣ, такъ и намъ надобно умереть за великаго государя. Всѣ трое поцѣловали крестъ и обѣщали хранить въ тайнѣ то, что будетъ сказано. Тогда Кочубей произнесъ: «гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ измѣнить великому государю и отложиться къ ляхамъ, чтобъ Московскому Государству учинить пакость и отдать въ неволю Украину. Съ этимъ словомъ ты долженъ отъ меня немедленно ѣхать въ Москву». Кочубей далъ ему на наемъ подводъ 7 червонцевъ и 12 ефимковъ.

Никаноръ поѣхалъ въ Москву, явился сначала въ Монастырскій Приказъ, а оттуда былъ отправленъ въ страшный Преображенскій Приказъ. Эта посылка такъ и застряла. Петръ, занятый иными дѣлами и ничего не довѣряя никакимъ доносамъ на Мазепу, оставилъ это дѣло, хотя Никаноръ и былъ задержанъ въ Преображенскомъ Приказѣ [1]).

[1]) Ibid., стр. 61—68.

Не дождавшись никакихъ послѣдствій, Кочубей въ началѣ 1708 года нашелъ себѣ другаго посыльнаго. Это былъ нѣкто Петръ Яценко, перекрестъ изъ іудеевъ; онъ жилъ въ Полтавѣ и занимался въ Ахтырскомъ полку арендовыми промыслами [1]). Кочубей зналъ его давно и уговорилъ ѣхать въ Москву, чтобы тамъ сообщить царскому духовнику словесно, что гетманъ Мазепа сносится съ Станиславомъ Лещинскимъ чрезъ посредство ксендза Заленскаго съ цѣлью отдать Украину Польшѣ, что онъ даже злоумышлялъ на особу самого государя: когда распространился слухъ, что царь самъ хочетъ пріѣхать въ Батуринъ, гетманъ разставилъ 300 сердюковъ и приказывалъ имъ стрѣлять въ пріѣзжихъ по данному знаку изъ гетманскаго дворца; но потомъ гетманъ отмѣнилъ свое распоряженіе, узнавши, что царь не пріѣдетъ [2]).

Отправивши Яценка, Кочубей, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ и своякомъ, бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою, зазвали въ маетность Кочубея, Диканьку, священника полтавской Спасской церкви Ивана Святайла и поручили послѣднему сообщить по секрету ахтырскому полковнику Ѳедору Осипову объ измѣнническихъ замыслахъ Мазепы: нынѣ, собравъ полки, онъ идетъ на правую сторону Днѣпра съ тою цѣлью, чтобы въ соумышленіи съ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ начать войну противъ царской державы. Чтобы вооружить козаковъ противъ царя, онъ обложилъ козаковъ поборами по талеру съ каждаго коня и по «копѣ» (полтинѣ) съ каждаго вола, распространяя слухъ, будто это дѣлается по волѣ царя, который намѣренъ всѣхъ козаковъ обратить въ солдаты. Кочубей и Искра, чрезъ посредство попа Святайла, поручили Ѳедору Осипову сообщить объ этомъ кіевскому губер-

[1]) Ibid., стр. 69.

[2]) Ibid., стр. 88.

натору на тотъ конецъ, чтобъ онъ впору могъ взять въ руки Мазепу, иначе можно опасаться, что на правой сторонѣ Днѣпра явятся къ нему на помощь ляхи, а на лѣвой—по его наущенію поднимутся гультаи, «хибкій (непостоянный) народъ», настроенный гетманомъ противъ царя. Ахтырскій полковникъ долженъ былъ сообщить это князю Голицыну такъ, чтобы о томъ не знали другіе ближніе совѣтники царя, особенно Меншиковъ, потому что какъ только довѣдаются, то сообщатъ о томъ гетману [1]).

Ахтырскій полковникъ исполнилъ порученіе, и кіевскій губернаторъ отправилъ его донесеніе въ Бѣшенковичи — тогдашнюю главную квартиру царя, гдѣ и получено было оно 27 февраля, но вслѣдъ затѣмъ пришло туда и письмо Мазепы отъ 24 февраля. Гетманъ провѣдалъ о посылкѣ Кочубеемъ доносовъ и поспѣшилъ написать къ царю объ этомъ самъ. Увѣряя въ своей догробной вѣрности государю, Мазепа находилъ, что сочиненная на него клевета достойна болѣе смѣха, чѣмъ вниманія, но умолялъ произвести надъ клеветниками розыскъ [2]).

И на этотъ разъ Мазепа такъ былъ счастливъ, что царь, вѣрившій преданности своего гетмана, прислалъ ему одно за другимъ два утѣшительныхъ письма: 1-го и 11-го марта. Царь увѣрялъ гетмана, что «клеветникамъ, на него ложно навѣтующимъ, никакая вѣра не дастся, но и паче оные купно съ наустителями воспріимутъ по дѣломъ своимъ достойную казнь». Царь поручалъ Мазепѣ самому какимъ нибудь удобнымъ способомъ поймать ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ царь изъявлялъ подозрѣніе въ участіи съ Кочубеемъ миргородскаго полковника Апостола и приказывалъ гетману зазвать его къ себѣ, какъ будто для команды надъ козацкимъ отрядомъ, а взявши его такимъ образомъ въ

[1]) Ibid., стр. 85—87.

[2]) Ibid., стр. 69 и 70.

руки, отправить вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Искрою въ оковахъ къ государю [1]). Миргородскій полковникъ былъ отецъ невѣстки Кочубеевой — жены его сына. Царь зналъ, что этотъ полковникъ прежде не ладилъ съ гетманомъ; поэтому царь и подозрѣвалъ его въ участіи съ Кочубеемъ въ доносѣ. Но царь Петръ не зналъ того, что Апостолъ уже поладилъ съ Мазепою и сдѣлался его тайнымъ соумышленникомъ во вредъ Петру.

Вотъ такимъ-то образомъ отнесся Петръ къ этому дѣлу. И не удивительно: въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ подавались на гетмана доносъ за доносомъ и ни одинъ не оправдался, а гетманъ между тѣмъ продолжалъ служить государю вѣрно, всегда исполнялъ царскую волю исправно и притомъ былъ такой милый и любезный человѣкъ, что и царю и всѣмъ близкимъ вельможамъ чрезвычайно нравился своимъ обращеніемъ. Приманивать гетману Апостола ни въ какомъ случаѣ не было нужно: Апостолъ былъ тогда при гетманѣ въ Хвастовѣ, но гетману не приходилось также посылать въ оковахъ одного изъ своихъ сообщниковъ. Зналъ ли въ мартѣ Апостолъ о затѣваемой измѣнѣ, или Мазепа тогда еще не открывалъ ему замысла, но уже видѣлъ въ немъ человѣка готоваго пристать къ дѣлу,—только гетманъ съ этихъ поръ постоянно выгораживалъ Апостола въ своихъ письмахъ къ Головкину и не помѣшалъ ему послать къ Кочубею посланца предупредить его о грозящей опасности.

Кочубей жилъ въ своей маетности Диканькѣ и уже нѣсколько мѣсяцевъ не былъ въ Батуринѣ, устраняясь нездоровьемъ. Мазепа, исполняя царскую волю столько же, сколько и выручая себя самого, отправилъ гадяцкаго полковника Трощинскаго съ 500 козаковъ и съ сотнею волоховъ, да охотнаго полковника Кожуховскаго съ его кон-

[1]) Ibid., стр. 71 и 72.

ными полчанами поймать и доставить ему въ обозъ Кочубея и Искру. Но разомъ съ ними ѣхалъ туда же и посланецъ миргородскаго полковника съ запискою къ Кочубею. Въ ночь съ четверга на пятницу (18 марта) Трощинскій и Кожуховскій съ своими отрядами ночевали въ Великихъ Будищахъ, а посланецъ Апостола перегналъ ихъ, явился въ Диканькѣ ранѣе и вручилъ Кочубею записку. Кочубей немедленно послалъ во всю ночь верхомъ своего слугу Завадовскаго въ Полтаву сказать Искрѣ, чтобъ онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Диканьку. Въ ту же ночь передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ Диканьку Искра, а съ наступленіемъ дня оба пріятеля переѣхали черезъ Ворсклу по мосту, устроенному противъ Диканьки, прибыли въ село Гавронцы на другой сторонѣ Ворсклы, потомъ отправились въ Красный Кутъ [1])—городъ Ахтырскаго полка. Тамъ нашли они полковника Ѳедора Осипова и отдались подъ его покровительство.

Едва успѣли Кочубей съ Искрою переправиться черезъ Ворсклу, какъ нагрянули Трощинскій и Кожуховскій съ козаками въ диканьскій дворъ Кочубея, съ тѣмъ, чтобы везти его въ Хвастовъ въ гетманскій обозъ. «Гдѣ хозяинъ?» спрашивалъ Трощинскій. Отвѣчали, что уѣхалъ, но куда—неизвѣстно. Трощинскій не повѣрилъ и сдѣлалъ въ домѣ обыскъ. Не нашли Кочубея. Трощинскій и Кожуховскій отправились снова въ Великія Будищи; въ Диканькѣ не видѣли ихъ послѣ того три дня: пятницу, субботу и воскресенье [2]). Кто-то извѣстилъ полковниковъ, что Кочубей съ Искрою ушли на Коломакъ, гдѣ у Искры была пасѣка, но потомъ извѣстили ихъ, что Кочубей съ Искрою, одумавшись, ушли къ Самарѣ. Полковники послали-было козаковъ зайти имъ дорогу, но тутъ пришло

[1]) Нынѣ Краснокутскъ, заштатный городъ Богодуховскаго уѣзда Харьковской губерніи, при р. Мерлѣ.

[2]) Чт. I. стр. 151.

къ нимъ новое извѣстіе, что бѣглецы сидятъ въ Красномъ-Кутѣ [1]).

Тогда Трощинскій и Кожуховскій опять поѣхали въ Диканьку и утромъ въ понедѣльникъ остановились въ Ковалювкѣ [2]), другой маетности Кочубея, въ новомъ дворѣ владѣльца, и оттуда послали волоховъ звать къ себѣ Кочубеиху. Была память священномученика Василія пресвитера 22 марта. Кочубеиха, вмѣстѣ съ невѣсткою, была въ церкви (чуть-ли это не былъ день именинъ ея мужа или сына, котораго звали также Василіемъ). Волохи стали около церкви, а ихъ ротмистръ Константинъ Великій съ тремя подчиненными вошелъ въ церковь и объявилъ Кочубеихѣ, что ее зоветъ Трощинскій. Кочубеиха отвѣчала: «непійду зъ церкви, нехай постражду межъ олтаремъ якъ Захарія!» Съ трудомъ убѣдили ее выйти изъ церкви [3]); тотчасъ волохи подхватили обѣихъ—ее и невѣстку, и посадили въ коляску. Ихъ повезли въ Ковалювку. Тамъ заставили хозяйку передъ собственнымъ дворомъ стоять добрый часъ и ждать пока доложатъ Трощинскому. Наскучивши долгимъ ожиданіемъ, Кочубеиха встала изъ коляски и пошла къ воротамъ двора узкимъ путемъ, протѣсняясь между козацкими лошадьми, которыхъ тамъ столпилось не мало.

Трощинскій вышелъ на крыльцо дома, одѣтый въ бѣломъ кафтанѣ, безъ пояса, въ желтыхъ туфляхъ. По тогдашнимъ обычаямъ, это былъ признакъ невѣжливости. Трощинскій былъ пьянъ. Кочубеиха съ видомъ достоинства выступила впередъ къ нему и произнесла: «за тое-то Мазепа прислалъ васъ зъ такимъ войскомъ по мого пана, що зичливе и вѣрне Войску Запорожскому писарст-

[1]) Гос. Ар. Кабинет. Дѣла. Отд., II, кн. № 8. Письма Головкина.

[2]) Нынѣ мѣстечко Зеньковскаго уѣзда, Полтав. губ., при рѣкахъ Ташанской-Грумѣ и Стехѣ.

[3]) . . . черезъ силу рѣчей мусила зъ церкви выйти.

вомъ и судействомъ служивъ?» Трощинскій съ перепоя забылся, пришелъ въ ярость и крикнулъ на волоховъ: «стрѣлять!» Волохи уже было и курки пистолетовъ взвели, но Кожуховскій, который былъ въ памяти, крикнулъ на нихъ: «стоять смирно!» Что̀ дальше тамъ говорилось—не знаемъ. Но Кочубеиху отправили назадъ въ Диканьку въ сопровожденіи козаковъ. Тамъ, кругомъ ея двора и около самого дома во дворѣ, поставлены были караулы. Невѣстку Кочубея Трощинскій, сообразно гетманскому приказанію, отпустилъ въ домъ ея родителя, миргородскаго полковника, куда уже прежде уѣхалъ и мужъ ея Василій Вас. Кочубей. Ей дозволили забрать съ собою свое приданое.

24 марта Трощинскій прибылъ въ Диканьку съ Кожуховскимъ и съ прибывшимъ вновь отъ Мазепы посланцемъ Валмусомъ, который привезъ приказаніе гетмана объ имуществѣ Кочубея. Трощинскій собралъ всякое движимое имущество въ домѣ, всѣ «скрини» со всякимъ добромъ, упаковалъ все въ «палубахъ» (большія воловьи повозки для тяжестей), а самую Кочубеиху съ дѣтьми и съ одною служанкою посадилъ въ карету и подъ карауломъ повезъ въ Батуринъ. Все привезенное съ нею имущество отвезено было на Гончаровку, въ гетманскій дворецъ. Кочубеиху помѣстили въ собственномъ дворѣ, находившемся на подворкѣ (посадъ) батуринскомъ, гдѣ прежде Кочубеи обыкновенно проживали, когда пребывали въ Батуринѣ. Черезъ недѣлю ее перевели въ другой кочубеевскій дворъ, старый, находившійся въ срединѣ города или за̀мка: тамъ назначили ей помѣщеніе—одну только тѣсную хату. Во дворѣ поставлено было два караула: одинъ жолдатскій, другой московскій (великорусскій); запрещалось кому бы то ни было посѣщать узницу; не дозволялось не только приходить во дворъ, но и приближаться къ огорожѣ двора.

Между тѣмъ въ Красный Кутъ, гдѣ скрылись диканьскіе бѣглецы, прибылъ великороссійскій офицеръ съ пись-

момъ къ Осипову отъ Головкина. Канцлеръ поручалъ Осипову увидѣться съ Искрою, сказать, что царь желаетъ лично отъ него слышать о такомъ важномъ дѣлѣ, и онъ, Искра, долженъ вмѣстѣ съ Осиповымъ ѣхать чрезъ Смоленскъ въ главную квартиру государя. Затѣмъ канцлеръ прибавлялъ, что Осиповъ и Искра должны быть благонадежны въ царской къ нимъ милости и оба они за свою вѣрность получатъ себѣ отъ царя награду [1]).

Осиповъ и Искра собрались ѣхать. Предполагалось Кочубею оставаться въ Слободскомъ краѣ, куда не простиралась власть гетмана и гдѣ поэтому не имѣлъ права самовольно добывать Кочубея Мазепа. Кочубей, однако, поѣхалъ проводить Осипова и Искру до Бѣлгорода, но едва всѣ доѣхали до Богодухова, какъ явился другой офицеръ съ письмомъ Головкина уже къ Кочубею [2]). Канцлеръ сообщалъ, что государъ указалъ и ему, Кочубею, какъ можно скорѣе пріѣхать въ ближнія мѣста къ Смоленску, для свиданія, разговора и совѣта о томъ, «какъ бы злое начинаніе возможно было утаить и какую бы вѣрную особу избрать на мѣсто того подозрительнаго неумѣшкавъ» [3]). Доставилъ это письмо офицеръ гвардіи Озеровъ, переодѣтый въ польское платье для сохраненія дѣла въ секретѣ.

Всѣ поѣхали. Повидимому, счастье повезло доносителямъ. Письма Головкина показывали довѣріе къ нимъ. Сами они заранѣе выбрали нужныхъ свидѣтелей къ своему дѣлу и ѣхали въ надеждѣ свергнуть гетмана и вернуться съ царскими наградами за вѣрность законному государю.

Они прибыли въ Смоленскъ. Головкинъ находился тогда съ своею походною канцеляріею въ Витебскѣ и, узнавши о прибытіи доносителей, послалъ въ Смоленскъ подполковника привезти ихъ въ Порѣчье сухопутьемъ, а изъ По-

[1]) Чт. М. О. И. и Д., т. I., стр. 89.

[2]) Ibid., стр. 150.

[3]) Ibid., стр. 91.

рѣчья въ Витебскъ водянымъ путемъ. Уже заранѣе, соображаясь съ образомъ воззрѣнія самого государя, Головкинъ не ожидалъ по розыску найти Мазепу виновнымъ, а считалъ своимъ дѣломъ только вывѣдать, нѣтъ ли въ этомъ доносѣ непріятельскаго вліянія, и въ концѣ концовъ предполагалъ отправить доносчиковъ въ Кіевъ, въ удовольствіе гетману [1]).

18 апрѣля, въ сопровожденіи подполковника Левашова, прибыли къ Витебску Ѳедоръ Осиповъ и двое главныхъ доносителей: Кочубей и Искра, а съ ними пріѣхали еще лица прикосновенныя къ дѣлу: священникъ Иванъ Святайло, сотникъ Коваљко, перекрестъ Петръ Яценко, привезенный нарочно изъ Москвы, гдѣ содержался; кромѣ этихъ лицъ, прибыли тогда двое писарей, племянникъ Искры и 8 служителей. Всѣхъ малороссіянъ помѣстили въ пустомъ панскомъ загородномъ дворѣ въ разныхъ свѣтлицахъ.

На другой день 19 апрѣля Головкинъ и товарищъ его Шафировъ пріѣхали въ этотъ дворъ и обратились прежде къ Ѳедору Осипову. Тотъ могъ сказать только, что, по приглашенію священника Святайло, онъ видѣлся съ Искрою въ своей пасѣкѣ на рѣкѣ Коломакѣ и отъ него услыхалъ обвиненіе гетмана въ измѣнническихъ замыслахъ, а потомъ къ нему въ Красный Кутъ пріѣхали Кочубей и Искра. Съ Кочубеемъ онъ не былъ вовсе знакомъ, а Искру зналъ только по войсковымъ дѣламъ [2]).

Министры, снявши такое показаніе съ ахтырскаго полковника, приказали позвать изъ другихъ покоевъ Кочубея

[1]) ...А сыскавъ основаніе того дѣла по домогательству гетманскому и по вашему указу пошлемъ ихъ для публичнаго окончанія того розыску къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну въ Кіевъ, чтобъ тѣмъ показать гетману довольство (Гос. Арх. Кабин. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донес. царю Головкина 18 апрѣля).

[2]) Чт. М. О. И. и Др., т. I, стр. 96.

и Искру. Они приняли ихъ ласково и сказали: «Государь къ вамъ милостивъ, надѣйтесь на царскую милость и подробно изложите все дѣло, ничего не опасаясь».

Головкинъ отпустилъ Искру, оставилъ при себѣ одного Кочубея, и тотъ, ободренный ласковымъ привѣтомъ, проговорилъ не короткую рѣчь, вспомнилъ измѣну Бруховецкаго, навлекшую на малороссійскій край смятеніе и кровопролитіе, вспомнилъ, какъ послѣ усмиренія края царь гнѣвался на генеральныхъ особъ за то, что, находясь близко къ гетману, не замѣтили его злокозненнаго намѣренія и заранѣе о немъ не сообщили. Теперь, замѣчая въ поступкахъ своего региментаря злое намѣреніе и услышавши собственными ушами такія слова отъ него: «подъ ляхами конечно будемъ»—они рѣшились объявить царскому величеству. Они поступаютъ такъ не ради какихъ нибудь выгодъ, а «единственно величая превысокое достоинство великаго государя».

Съ этими словами Кочубей подалъ доносъ, написанный въ 33-хъ пунктахъ, которые, по содержанію, сокращались въ 27.

1. Въ Минскѣ въ 1706 году гетманъ говорилъ ему Кочубею на-единѣ, что въ Бѣлой Криницѣ княгиня Дольская, мать князей Вишневецкихъ, передавала ему, что король Станиславъ хочетъ учинить гетмана княземъ черниговскимъ, а Войску Запорожскому даровать желанную вольность.

2. Гетманъ хулилъ князя Огинскаго, польнаго гетмана литовскаго, за то, что держится союза съ великимъ государемъ, тогда какъ всѣ уже паны отъ этого союза отступили.

3. Когда Мазепа услыхалъ, что Августъ уѣхалъ изъ Польши въ Саксонію, то произнесъ: «отъ! чего боялися, того не убоялися»!

4. Въ 1707 году мая 10-го, возвратившись изъ похода

и пріѣхавши въ Бахмачъ, Мазепа тихимъ голосомъ спрашивалъ его, Кочубея: справедливы ли слухи, что царскихъ ратныхъ людей побили поляки у Пропойска, и сказалъ, что къ нему не дошла почта, по которой это извѣстіе было ему сообщено въ обозъ отъ Кочубея.

5. 11-го мая того же года, въ своемъ дворѣ въ Гончаровкѣ, Мазепа бесѣдовалъ съ нимъ, Кочубеемъ, и со Скоропадскимъ, сказавши, что получилъ вѣдомость объ избіеніи царскихъ ратныхъ у Пропойска, смѣялся и произнесъ: «але судья плачетъ о томъ, але-жъ у нёго слезы текутъ»! Потомъ въ тотъ же день приглашалъ гостей пить общее здоровье и, между прочимъ, здоровье княгини Дольской, говоря: «выпіймо за здоровье ксенжны ей мосцѣ, бо есть зацная и розумная пани, моя голубка!» Много тогда всѣ пили и онъ говорилъ шутливыя рѣчи.

6. Въ одинъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней гетманъ говорилъ мнѣ: «дошли до меня достовѣрные слухи, что шведскій король хочетъ идти на Москву и учинить тамъ иного царя, а на Кіевъ пойдетъ король Станиславъ съ польскимъ войскомъ и со шведскимъ корпусомъ генерала Реншильда. Я просилъ у государя войска оборонять Кіевъ и Украину, а онъ отказался, и потому намъ поневолѣ придется пристать къ Станиславу.

7. Того же года 17-го мая я просилъ дозволенія отдать дочь свою за сына Чуйкевича и въ слѣдующее воскресенье устроить сватовство. Мазепа совѣтовалъ повременить, пока малороссіяне соединятся съ ляхами [1]). Послѣ того мы на другой же день рѣшили съ Чуйкевичемъ поскорѣй обвѣнчать нашихъ дѣтей.

[1]) ... Такъ мовячи: якъ будемъ зъ ляхами въ едности, тогда знайдеться твоей дочцѣ женихъ зъ тоеи стороны лядскоѣ знатній якій шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою, бо хочай бы мы ляхамъ по доброй волѣ не поддалися, то оны насъ завоюютъ и конечне будемо подъ ними (Дѣло Кочубея. Чт. 1859 г., т. I).

8. Того же года 28 мая сербскій епископъ Рувимъ говорилъ намъ, что былъ онъ у гетмана на Гончаровкѣ и гетманъ при немъ печаловался, что государь обремѣняетъ его требованіемъ доставки лошадей.

9. Того же года 29-го мая дочь моя призвана была имъ на Гончаровку крестить жидовку и въ этотъ день за обѣдомъ онъ сказалъ: «Москва возьметъ въ крѣпкую работу малороссійскую Украину».

10. Того же года 20-го сентября одинъ канцеляристъ писалъ записку: «былъ у гетмана въ Печерскомъ ксендзъ Заленскій, іезуитъ, ректоръ винницкій, и тотъ передъ знатными особами отозвался такими словами: вы, панове козаки: не бойтесь взглядомъ (относительно) шведа, который не на васъ готуется, але на Москву. Тотъ же ксендзъ говорилъ: никто не вѣдаетъ, гдѣ огонь крыется и тлѣетъ, але якъ разомъ выбухнетъ (вспыхнетъ), чего уже не заваромъ сподѣватись (не долго ожидать), тогда хиба (развѣ) всякъ познаетъ; лечъ (но) тотъ пожаръ не латво (не легко) угаситися можетъ».

11. Того же года 8 октября Мазепа въ Кіевѣ веселился съ полковниками миргородскимъ и прилуцкимъ; у него играла музыка; онъ всѣхъ заохочивалъ къ веселости, а на другой день послѣ того послалъ козака ко ксендзу Заленскому. Съ какой стати было ему сноситься письменно съ этимъ ксендзомъ, еслибъ у него не было злого намѣренія.

12. Полковой писарь полтавскій говорилъ своему племяннику, что того же года 10 октября въ Печерскомъ монастырѣ онъ приходилъ къ гетману, а гетманскій служитель сказалъ, что гетманъ, запершись съ полковниками, читаетъ Гадяцкій договоръ Выговскаго съ поляками.

13. Того же года въ декабрѣ пріѣзжалъ въ Батуринъ Александръ Кикинъ, и Мазепа собралъ около себя 300 человѣкъ вооруженныхъ сердюковъ. Вѣроятно, это онъ сдѣлалъ услыхавши, что за Кикинымъ пріѣдетъ въ Батуринъ

самъ государь, чтобы взять Мазепу съ собою въ Москву, и Мазепа намѣревался отстрѣливаться отъ государя.

14. Того же года на праздникъ Рождества Христова пріѣзжалъ къ гетману ксендзъ Заленскій, и гетманскій писарь Орликъ проводилъ его тайно въ гетманскій хуторъ близъ Бахмача, а ночью ксендзъ пріѣзжалъ къ Мазепѣ на Гончаровку.

15. Мазепа говорилъ, что если кто изъ старшинъ, полковниковъ или изъ какихъ бы то ни было особъ воспротивится ему, когда у него станетъ «совершенное подручнымъ объявленіе и приговоръ на измѣну порядку», того онъ засадитъ въ тюрьму на смерть безъ всякой пощады [1]). Видно изъ этого, что Мазепа хочетъ отклониться къ Станиславу.

16. Мазепа нѣсколько разъ посылалъ полтавскаго козака Кондаченка и другого человѣка, по прозванію Быевскаго, въ Крымъ и въ Бѣлогородчину къ татарскимъ салтанамъ и къ самому хану. Кажется, это онъ дѣлалъ для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ и въ свое время употребить на свои услуги.

17. Въ концѣ іюня 1706 года, по возвращеніи изъ Минска, Мазепа былъ въ гостяхъ у меня, Кочубея, и немного подгулявши, когда я, хозяинъ, провозгласилъ его здоровье, онъ, вздохнувши, сказалъ: «какая мнѣ утѣха, когда я всегда жду опасности, какъ волъ обуха» [2]). Потомъ, обратившись къ женѣ моей, началъ хвалить измѣнниковъ Выговскаго и Бруховецкаго [3]), говорилъ, что и онъ самъ

[1]) ... того взявши давити крѣпкимъ вязенемъ ажъ до смерти безъ пощады (Ibid.).

[2]) ... здохнувши мовилъ: благодарствую за тую пріязнь! Але що мнѣ за утѣха, коли я живу никогда не маючи совершенной надѣи своей цѣлости всегда не безпеченъ ждучи якъ волъ обуха (Ibid.).

[3]) ... говорилъ до жены моей передъ нимъ стоячой и похваляючи гетмановъ въ измѣнѣ будучихъ Выговскаго и Бруховецкаго: добрѣ

промышлялъ бы о своей цѣльности и вольности, да никто не хочетъ помогать ему, а также и мужъ ея [1]).

18. Въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1707 года гетманъ говорилъ полковникамъ: «не думайте, чтобъ я хотѣлъ послѣ себя возложить гетманство на Войнаровскаго. И теперь готовъ уступить свой санъ другому, лишь бы онъ могъ оборонять отчизну. Если же, по привычкѣ, хотите на мнѣ оставить эту тягость, то должны слушать меня. Я сношусь и съ ханомъ, и съ силистрійскимъ пашею, только отъ нихъ, кажется, мало надежды и придется намъ начинать свое дѣло съ иной бочки и браться за сабли». Вѣроятно, подъ этою бочкой онъ разумѣлъ короля Станислава [2]).

(мовилъ) почали были Выговскій и Бруховецкій, що хотѣли и зачали были зъ тое неволѣ выбиватися, але злые люди имъ въ томъ перешкодили (Ibid.).

[1]) ... И мы хотѣли бы о своей далшой цѣлости и вольности войсковой помыслити, да не маемо теперь еще способу, а звлаща же не всѣ наши въ одномысліи найдуются. О то (мовитъ) къ твоему мужу я килко разъ накидавъ слова о такихъ мыслехъ, якъ бы намъ безпечность въ цѣлости нашой въ потомніи часы учинити якъ для себе, такъ и тихъ, которіе по насъ будутъ, але онъ мовчитъ, жаднимъ словомъ мнѣ не поможетъ и ни зъ кого не маю помочи и не могу нѣкому поуфати (Ibid.).

[2]) ... Може (каже) вашъ мосць розумѣете же я гетманъ намѣраю гетманство взяти на Войнаровскаго, то не есть такъ, я того не желаю. Волно вашъ мосцемъ будетъ кого хотѣти з межи себе обрати на той урядъ, а Войнаровскій и безъ того на своемъ отчизномъ кутку и на моемъ собраніи можетъ виховатися, а того уряду я и теперъ вамъ готовъ уступити. А коли отказали: Боже, не дай того абысмо оного мѣли пожадати, повторивъ тое: „коли хто есть межи вами жебы въ сей часъ смоглъ отчизну свою ратовати, то я тому уступлю, а естли на мене той тяжаръ еще взвикли мнѣ будучи полагаете, то изволте мене слухати и на мой поводъ смотрите“. А за тимъ говорилъ Уже я (мовитъ) пробовалъ пріязнѣ ханской и былъ прихиленъ бывшій ханъ Казигирей, але того отставлено, а теперешный ханъ зъ початку пріятно до мене на мои листы отписовалъ, а теперь (мовитъ) посилалъ я до Крыму своего посильщика, але далеко отмѣнился. А

19. Мазепа держитъ около себя слугъ лядской породы и употребляетъ для посылокъ безъ царскаго указа, а это не годится.

20. Государь запретилъ пропускать людей съ лѣваго берега на правый, а гетманъ этого указа не исполняетъ. Мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей съ лѣваго берега на правый въ основанныя ею слободы. Да и кромѣ того, по всѣмъ опустѣвшимъ городамъ и селамъ правой стороны густо заселяются жители, уходя съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, правая сторона становится многолюдною, а на лѣвой населеніе умалилось и оставшимся жителямъ стало труднѣе содержать охотницкіе полки и всѣ думаютъ уходить за Днѣпръ.

21. На Коломацкой радѣ постановлено стараться, чтобы малороссіяне съ великороссіянами вступали въ родство и свойство, а гетманъ до того не допускаетъ и даже недоволенъ, когда узнаетъ, что малороссіяне съ великороссіянами водятъ хлѣбъ-соль. Отъ этого между тѣми и другими увеличивается удаленіе и незнакомство.

22. Въ прежнія времена малороссійскіе города были хорошо укрѣплены, а теперь уже «не оправляются», и самъ Батуринъ 20 лѣтъ стоитъ безъ починки. Но свой подворокъ Гончаровку, гдѣ гетманъ самъ живетъ, онъ обнесъ значительнымъ валомъ. Люди думаютъ, что города нарочно не оправляются для того, чтобы не въ силахъ были обороняться отъ тѣхъ, которыхъ гетманъ призоветъ.

23. Гетманъ предостерегалъ запорожцевъ, что государь хочетъ ихъ уничтожить; а когда разнеслась вѣсть, что запорожцы хотятъ, согласясь съ татарами, сдѣлать набѣгъ

до паши селистрійскаго сераскера якъ много посылалемъ, не получаю жадноп надѣи. А такъ з иншое бочки треба намъ дѣло свое зачати (мнится тутъ бочка иншая владза короля Станислава), а уговоривши (мовитъ) и постановивши намѣреніе свое треба заразъ и за шаблѣ взятися (Ibid.).

на слободскіе полки, то сказалъ: «чай нецнотливые сыны оніи (пусть бы эти недобрыя дѣти) всѣ, коли що маютъ чинити, коли бъ уже чинили, а то тилько оголошаются (только разглашаютъ), аки дражнютъ!»

24. Одна близкая къ Мазепѣ особа въ разговорѣ выразилась о татарахъ: «дайте вы той речи теперъ покой (перестаньте говорить объ этомъ!) Тіи люде будутъ намъ вскорѣ потребніи!»

25. Львовскій мѣщанинъ Русиновичъ привозилъ Мазепѣ письма отъ разныхъ польскихъ пановъ. Этотъ мѣщанинъ разсказывалъ, что гетманъ Сѣнявскій поручалъ сказать Мазепѣ, чтобы козаки были съ поляками, а Мазепа выразился, что онъ самъ шляхтичъ, природный полякъ, и жалѣетъ, что царь утѣсняетъ Польшу [1]). Этотъ Русиновичъ говорилъ, что всѣ ляхи любятъ Мазепу и надѣются, что онъ поможетъ Рѣчи Посполитой деньгами, а передавшійся къ шведамъ панъ Яблоновскій говорилъ: «маемъ добрую надѣю о Украинѣ, же въ ней найдуются шляхта, братья наши».

[1]) . . . Говорилъ тое онъ Русѣновичъ же и Сѣнявскій гетманъ коронный мовилъ ему: вивѣдайся, що на Украинѣ дѣется а особливе чи склоніи къ намъ полякамъ козаки чили ни, и предложи (мовитъ) самому его милости пану Мазепѣ гетману: нехай намъ будутъ зычливіи естьли хотятъ жебы имъ же было добре, бо (мовитъ) мы певне вѣдаемъ же государь шведовъ не выдержитъ, то тежъ и козаки если при немъ зоставатимутъ погинутъ: зъ нами бы зась будучи въ цѣлости и при своихъ вольностехъ найдовалися. Кгды теды я (мовитъ) доносилъ тое его милости пану гетману, отвѣтствовалъ въ тіе слова: „Богъ мнѣ свидитель той нехай подастъ мнѣ силу и крѣпость въ здровю моемъ, которое мѣю слабое, же естемъ паномъ полякомъ зычливый, не былъ бымъ шляхтичомъ, не былъ бымъ сыномъ коронnымъ естьли бымъ всего добра Коронѣ Польской не зычилъ. Вижу я и самъ, якъ государь оскорбилъ Полщу, але тежъ и Украину натто обтяжилъ. Я и самъ не знаю, що зъ собою чинити, если до чого прійде; я не змогу удержати козаковъ якъ на которую сторону схотятъ удатись.“ (Ibid.).

26. Гетманъ самовольно распоряжается войсковою казной, беретъ изъ нея сколько хочетъ и даритъ сколько и кому хочетъ, изъ арендныхъ и индуктныхъ (со ввозныхъ торговыхъ пошлинъ) сборовъ беретъ въ свою пользу 50.000 злотыхъ. Кочубей полагаетъ, что индуктный сборъ можно было бы обратить въ царскую казну. Съ гетмана довольно было десяти городовъ Гадяцкаго полка и нѣсколькихъ волостей: Шестаковской, Ропской, Быховской и Самборской. Онъ же беретъ себѣ еще не мало со всѣхъ полковъ изъ суммъ порукавичныхъ и арендовыхъ, отчего шинкари, платя высокія арендныя суммы, продаютъ дороже горѣлку и чрезъ то происходитъ народу отягощеніе.

27. Прежде полковники выбирались вольными голосами, а теперь за полковничьи уряды берутъ взятки и получаетъ урядъ не заслуженный товарищъ, достойный такой чести, а тотъ, кто въ силахъ заплатить. Умеръ кіевскій полковникъ Солонина: онъ служилъ царямъ вѣрно отъ самаго поступленія Малой Россіи подъ царскую державу и былъ 20 лѣтъ на полковничьемъ урядѣ. Гетманъ отобралъ его сёла и отдалъ своей матери, игуменьѣ Магдалинѣ, а оставшимся послѣ Солонины внукамъ и племянникамъ ничего не далъ. Умеръ обозный Борковскій, оставилъ вдову и двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Гетманъ отнялъ у нихъ село, которымъ покойникъ владѣлъ 30 лѣтъ по жалованной грамотѣ, и, кромѣ того, взялъ на гетманскій дворъ мѣстечко, принадлежавшее уряду генеральнаго обознаго.

Наконецъ, Кочубей, въ дополненіе ко всему, представилъ пѣсню, сложенную Мазепой, въ которой, по толкованію Кочубея, «значное противу державы великаго государя оказуется противленіе» [1]).

[1]) Всѣ покою щире прагнуть,
А не въ еденъ гужъ тягнуть;
Той направо, той налѣво,
А всѣ браття: то-то диво!

Министры задумали сдѣлать придирку, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ имѣть юридическое право, по обычаю тогдашняго судопроизводства, подвергнуть доносителей пыткѣ. Они нашли, что донесеніе Ѳедора Осипова, доставленное прежде кіевскому губернатору, въ одной чертѣ не сходится съ показаніемъ Кочубея.

Не машъ любви, не машъ згоды;
Отъ Жовтои взявши Воды
Презъ незгоду всѣ пропали,
Сами себе звоевали!
Ей, братища, пора знати,
Що не всѣмъ намъ пановати,
Не всѣмъ дано всее знати
И рѣчами керовати!
На корабель поглядимо,
Много людей полѣчимо,
Однакъ стирникъ самъ керуеть,
Весь корабель управуеть.
Пчулка бѣдна матку маеть
И оное послухаеть.
Жалься, Боже, Украины,
Що не вкупѣ маеть сыны!
Еденъ живеть и съ поганы,
Кличеть: „сюды, отаманы!
Идѣмъ матки ратовати,
Не даймо ей погибати“.
Другій ляхомъ за грошъ служить,
По Вкраинѣ и той тужить:
„Мати моя старенькая!
Чомъ ты вельми слабенькая?
Розно тебе розшарпали,
Кгды ажъ по Днѣпръ туркамъ дали.
Все то фортель, щобъ слабѣла
И ажъ въ конець силъ не мѣла“.
Третій Москвѣ южъ голдуеть
И ей вѣрне услугуеть.
Той на матку нарѣкаеть
И недолю проклинаеть.

Въ донесеніи Өедора Осипова, со словъ Искры, говорилось, что Мазепа, послѣ неудавшагося умысла на жизнь государя во время пріѣзда въ Батуринъ Кикина, «всячески тщился, чтобъ его, государя, смерти предать или въ руки взять и непріятелямъ отдать, а въ мимошедшій Филипповъ постъ, совокупившись съ полками своими, хотѣлъ

„Лѣпше було не родити,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити!
Отъ всѣхъ сторонъ ворогують,
Огнемъ, мечемъ руинують,
Отъ всѣхъ не машъ зычливости,
А ни слушной учтивости,
Мужиками называють,
А подданствомъ дорѣкають,
Чомъ ты братовъ не учила,
Чомъ отъ себе ихъ пустила?
Лѣпше було пробувати
Вкупѣ лихо отбувати.
Я самъ бѣдный не здолаю
Хиба тилко заволаю:
Ей, панове енералы,
Чому жъ есте такъ оспали?
И вы, панство полковники,
Безъ жадной политики,
Озмѣтеся всѣ за руки,
Не допустѣть горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти!
Нуте враговъ, нуте бити!
Самопалы набувайте,
Острыхъ шабель добувайте,
А за вѣру хочъ умрѣте
И вольностей боронѣте!
Нехай вѣчна буде слава
Же презъ шаблю маемъ права.

Сію пѣсню читаючи и уважаючи одинъ всечестний и розумный отецъ архимандритъ далъ мнѣ оную и радилъ въ спряту добромъ держати (Ibid).

идти на великороссійскіе городы» [1]). Въ дополнительныхъ же статьяхъ Кочубея о намѣреніяхъ гетмана отдать государя въ руки непріятелей и о походѣ войною на великороссійскіе городы не говорится [2]). Спрошенный по этому поводу Искра показалъ, что все это слышалъ онъ отъ Кочубея при женѣ послѣдняго, и тогда Искра совѣтовалъ Кочубею подождать съ доносомъ, пока не явятся очевидные признаки преступности Мазепы. Спросили объ этомъ Кочубея. Онъ показалъ, что отъ Искры ничего подобнаго не слыхалъ [3]). Этого было довольно. Нашли разнорѣчіе между показаніями доносителей, развели ихъ по разнымъ покоямъ и приставили къ нимъ караулъ, а пожитки и письма ихъ описали.

Спрошенный потомъ попъ Святайло показалъ, что о намѣреніяхъ Мазепы слышалъ отъ одного Кочубея и по просьбѣ послѣдняго приводилъ къ нему свояка своего Петра Яценка. Когда гетманъ послалъ взять Кочубея въ Диканькѣ, предувѣдомленный о томъ заранѣе Святайло поѣхалъ въ Красный Кутъ и оттуда, по просьбѣ Кочубея и Искры, отправился съ ними въ Смоленскъ [4]).

Сотникъ Кованько, на котораго указалъ Кочубей, какъ на свидѣтеля, слышавшаго слова ксендза Заленскаго въ Печерскомъ монастырѣ, показалъ, что видѣлъ какого-то ксендза у своего полковника, а какъ зовутъ ксендза — не знаетъ; козаки, бывшіе тамъ, спросили ксендза: гдѣ шведъ? Этотъ ксендзъ отвѣчалъ при немъ: «шведъ теперь притаился, но можетъ вдругъ поднять такой огонь, что не скоро затушишь!» Козаки спросили ксендза: «на кого пойдетъ шведъ, не на насъ ли?» А ксендзъ отвѣчалъ: «не на васъ». Кованько больше ничего не слыхалъ, а Кочубей

1) Чт. М. О. И. Д., т. I, стр. 86.

2) Ibid., стр. 103.

3) Ibid., стр. 118.

4) Ibid., стр. 119.

научилъ его говорить при царскихъ министрахъ объ этомъ «съ иными околичностями». Такимъ образомъ выходили не совсѣмъ тѣ рѣчи, какія приписывалъ этому ксендзу Кочубей въ своемъ донесеніи. 24-го апрѣля допрашивали Кованька вторично съ пристрастіемъ. Онъ объявилъ, что о невѣрности гетмана ничего не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ, кромѣ Кочубея [1]).

Перекрестъ Петро Яценко объявилъ, что онъ былъ только передатчикъ, съ Кочубеемъ прежде не былъ знакомъ, былъ у него одинъ только разъ при посредствѣ священника Святайла и получилъ отъ него извѣтъ съ порученіемъ передать его протопопу, духовнику государеву въ Москвѣ.

Писцы, бывшіе съ Кочубеемъ, сказали, что они не болѣе какъ только переписывали то, что имъ давалъ Кочубей.

По поводу разнорѣчія въ показаніяхъ, перваго привели къ пыткѣ Искру. «Никакой измѣны за гетманомъ не знаю, — показалъ онъ, — слышалъ о томъ только отъ Кочубея».

Его все-таки подвергли пыткѣ и дали 10 ударовъ кнутомъ. Подъ пыткою Искра объявилъ: «слышалъ я отъ Кочубея, что у него былъ совѣтъ съ миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ и съ генеральнымъ судьею Чуйкевичемъ противъ гетмана; думали они миргородскаго полковника избрать въ гетманы. Чуйкевичъ къ Кочубею присылалъ записку, гдѣ писалъ: «за Днѣпромъ огонь загорается, сохрани Богъ, какъ бы и у насъ не загорѣлся».

Тогда приведенъ былъ къ пыткѣ Кочубей. Не допуская себя до мученій, онъ объявилъ, что никакой измѣны за гетманомъ не знаетъ [2]), что все это выдумалъ онъ по

[1]) Ibid., стр. 124.

[2]) . . . и спрашивали въ застѣнкѣ Кочубея противъ Искриныхъ словъ, и онъ сначала мялся, а Искра его въ томъ уличалъ, а потомъ

домашней къ гетману злобѣ, а Чуйкевичъ такой записки, какъ говоритъ Искра, ему не писывалъ.

Искру вторично подвергли пыткѣ на томъ основаніи, что Кочубей отрицалъ то, что показывалъ Искра. Дали Искрѣ еще восемь ударовъ. Искра подтвердилъ, что за гетманомъ ничего не знаетъ, кромѣ вѣрности его государю. Весь доносъ выдумалъ Кочубей по злобѣ на гетмана, а его, Искру, убѣдилъ пристать по свойству и по дружбѣ.

Привели къ пыткѣ Кочубея. Еще разъ, желая избѣгнуть мученій, онъ твердо увѣрялъ, что затѣялъ на гетмана ложный доносъ по злобѣ, а отъ миргородскаго полковника ничего не слыхалъ, кромѣ того только, что тотъ запискою предостерегъ его въ то время, когда гетманъ посылалъ взять его въ Диканькѣ. Но Кочубея все-таки подвергли пыткѣ и дали ему пять ударовъ. Допытывались отъ него: «не было ли ему подсылки отъ непріятелей, не затѣялъ ли онъ доноса по непріятельскимъ факціямъ, чтобъ низвергнуть гетмана и выбрать иного къ тому ихъ злому начинанію склоннаго и кто были еще его единомышленники?». Кочубей повторялъ все то же, что и прежде: —не знаетъ онъ никакой невѣрности за гетманомъ, не было никакихъ отъ непріятелей подсылокъ, не было у него единомышленниковъ, кромѣ Искры, и весь доносъ затѣялъ онъ на гетмана ложно [1]).

Головкинъ писалъ къ гетману, что слѣдуетъ, заковавши въ желѣзахъ, прислать миргородскаго полковника къ слѣд-

Кочубей принесъ повинную, что онъ все то, что написалъ на гетмана, затѣялъ только съ единой злобы своей домашней за дочь и все, что въ томъ объявленіи своемъ къ уликѣ гетмана писалъ, все то затѣялъ, хотя тѣмъ свое воровство утвердить (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина).

[1]) . . . понеже Кочубей зѣло старъ и дряхлъ безмѣрно, того ради мы еще болѣе пытать его опасались, чтобы прежде времени не издохъ, о чемъ донесетъ вашему величеству Озеровъ, который при томъ самъ былъ. (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина).

ствію о дѣлѣ Кочубея и Искры. Нѣсколько разъ повторялось это требованіе. Мазепа всѣми способами старался выгородить Апостола и отписывался тѣмъ, что посылать его скованнымъ опасно, чтобы не произошло волненіе между козаками [1]).

[1]) . . . миргородскаго полковника здесь въ войску прежде времени безъ очевидного обличенія взять, ковать и до Кіева за караулъ посылать нельзя никакою мѣрою, покамѣстъ очною ставкою онъ полковникъ не уличится и не обличится, если онъ имѣлъ какое съ Кочубеемъ въ воровствѣ теперешнемъ согласіе, а наипаче нынѣ когда и самъ Кочубей зговорилъ и очистилъ его, полковника миргородскаго, отъ того согласія, и если подъ сее время а еще и въ войску возмется тотъ полковникъ, то можетъ учиниться мятежъ и бунтъ, чего сохрани Боже, понеже его, миргородскаго полковника, всѣ въ войскѣ почитаютъ и любятъ, а если его полковника та токмо вина изъявляется, что онъ перестерегъ Кочубея отъ посланныхъ моихъ, и о томъ вашей вельможности объявляю, что онъ то учинилъ не нарочно, но сталось то зъ пригоды нечаянно такимъ образомъ: когда я, исполняя премощный его царскаго величества указъ собственноручный, послалъ полковника гадяцкаго и полковника компанѣйскаго въ трисотномъ числѣ компанѣи тайно по Кочубея и Искру въ полкъ полтавскій и по отправкѣ той посылки удерживалъ въ собѣ тотъ секретъ чрезъ двѣ недѣли и никому о томъ указѣ не объявлялъ, тогда пришедъ ко мнѣ господа сотники и полковники при боку моемъ обрѣтаючіися, донесли мнѣ, что козакп ходя собраніемъ и пьяные и трезвые переговариваютъ и говорятъ о нѣкакихъ противныхъ чести моей плевелахъ отъ Кочубея разсѣянныхъ, а одинъ изъ монастыря печерскаго схимонахъ мужъ словомъ и дѣломъ святъ, у котораго для пользы духовной всегда бываютъ полковники и старшины, прислалъ мнѣ осторожность, что отъ Кочубея приносятся вредительныя гонору моему разглашенія въ народѣ. Того ради видя я, что воровство Кочубеево и Искрино въ явленіе приходитъ и предваряя дабы оттуды не учинился какой мятежъ а надѣясь, что посланные мои компанѣею имѣли уже стать въ полку Полтавскомъ, понеже той ихъ посылкѣ уже двѣ недѣли совершилося, призвалъ къ себѣ генеральную старшину и полковниковъ, где былъ и полковникъ миргородскій, объявилъ имъ дѣло и сказалъ, что по именному его царскаго величества указу собственноручному послалъ компанѣю для взятья Кочубея и Искры. Тогда полковникъ миргородскій падъ мнѣ въ ноги со слезами учалъ просить указу ли-

27-го апрѣля взяты въ бумагахъ Кочубея челобитная на имя государя, гдѣ изложена настоящая причина злобы къ гетману, письма гетмана къ Кочубеевой Мотри и письмо самого гетмана по этому поводу. Попъ Иванъ Святайло

стовного къ посланнымъ моимъ, чтобы они зятя его, а сына Кочубеева не брали и не ковали, дабы дочь его не испужалася и отъ печали не умерла, да и просилъ дозволенія дабы мочно было и ему, полковнику, написать до зятя своего, чтобъ онъ, когда отца будутъ брать въ то не мѣшался, который какъ самъ затѣялъ, такъ чтобы самъ и отбывалъ, а онъ зять чтобъ ѣхалъ съ своею женою до Сорочинецъ въ домъ его полковничій. И потому его полковника слезному прошенію далемъ ему до посланныхъ моихъ листъ, чтобъ зятя его не занимали и не возбраняли ѣхать въ Сорочинцы, и ему полковнику позволилемъ до того своего зятя писать, съ которымъ моимъ листомъ до зятя а не до Кочубея послалъ онъ полковникъ слугу своего прямо до маетности Кочубеевой, надѣясь, что тамъ уже посланныхъ моихъ застанетъ, который слуга не знаючи дѣла и розминувши съ посланными моими (которые за многими переправами а наипаче на рѣкахъ Днѣпрѣ, Пслѣ, Ворсклѣ и прочихъ и обходя прямой трактъ для порваныхъ гребель отъ роспаленія водного на Лубны, умедлили въ томъ пути) прибѣжалъ въ маетность Кочубееву до Диканьки и явився во дворѣ отдалъ сыну Кочубееву при самомъ отцѣ отъ полковника миргородскаго тестя его листъ, а Кочубей писмо то взявши и прочетъ того жъ часу ятся бѣгству. И того жъ дня котораго онъ съ Искрою ушолъ, нападши посланные мои нечаянно на дворъ, не застали уже Кочубея и Искры, а посланные за ними вслѣдъ гнали даже до Краснаго Кута, гдѣ уже не дерзая безъ вѣдома моего имъ чинить, возвратилися паки до Диканьки въ маетность Кочубееву и тамъ взяли было сына его зятя полковника миргородскаго и листъ до него писанный вышеупомянутый, изъ кармана вынявъ, ко мнѣ прислали, которой у себе имѣю и ничего въ немъ противнаго не обрѣтаю. Толко внутренняя и тайная Богъ вѣсть, для сего надобно бы тутъ Кочубея на очную съ нимъ ставку поставить, которою бы или осудился или оправдался, а покамѣстъ Кочубей пришлется, приказалъ я сотникамъ и полковникамъ политично миргородскаго полковника назирать да и самъ недримателное на оного имѣю око, хотя онъ еще ничего не знаетъ, кромѣ того, что Кочубей на пыткѣ былъ и повинился (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла Отд. II, кн. № 8. Письмо Мазепы къ Головкину, доставленное царю съ письмомъ Головкина отъ 9-го мая).

сознался, что челобитную составлялъ онъ, со словъ Кочубея, который просилъ его, какъ духовную особу, сочинить, «вынимая тексты изъ Священнаго Писанія» [1]).

30-го апрѣля Кочубей, Искра и всѣ прикосновенные къ дѣлу, исключая ахтырскаго полковника, отправлены въ оковахъ въ Смоленскъ. Ихъ везли подъ карауломъ до Порѣчья на суднѣ, а потомъ на повозкахъ въ Смоленскъ. Тамъ поразсаживали ихъ порознь, запретивши имъ видѣться и сноситься между собою. При Кочубеѣ и Искрѣ постоянно находились два офицера, перемѣняясь такъ, чтобы преступники не могли быть ни минуты безъ надзора. Хотя попъ Святайло, сотникъ Кованько, перекрестъ Яценко и писцы не обвинялись прямо въ доносѣ на гетмана, но министры нашли, что ихъ нельзя отпускать въ Украину, потому что тогда гетману будетъ это «не безъ сумнѣнія». Министры предоставляли окончательную судьбу всѣхъ преступниковъ царской волѣ, но представляли на утвержденіе царю приговоръ: Кочубея и Искру казнить смертію, попа Святайла сослать въ Соловки, а сотника Кованька въ Архангельскъ для поверстанія въ службу; Яценка и чернеца Никанора, которые собственно были только передатчиками доноса, за то, что впутались въ чужія дѣла, сочли неприличнымъ оставлять въ Украинѣ и приговорили ихъ сослать на жительство въ какіе-нибудь великороссійскіе городы [2]). Ѳедора Осипова отпустили съ похвалою, нашедши его «человѣкомъ добрымъ, умнымъ и на нынѣшнее время потребнымъ». О немъ написана была похвальная грамота къ кіевскому губернатору, которому указывалось распространить ее по всей Малороссіи.

Мазепѣ было не по вкусу, что дѣло о доносѣ на него разбиралось не въ Украинѣ, и онъ нѣсколько разъ пись-

[1]) Чт. М. О. И. и Д., 1859 г., т., I. стр. 124—133.

[2]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина. Донесеніе царю 16-го мая.

мами домогался отъ Головкина и Шафирова, чтобы враги его были присланы къ нему на расправу. Узнавши, что послѣ первыхъ допросовъ обвиненныхъ отправили въ Смоленскъ до дальнѣйшаго указа, Мазепа встревожился, такъ какъ это показывало, что дѣло еще не кончилось и можетъ повернуться иначе. Тогда Мазепа еще сильнѣе домогался присылки Кочубея и Искры къ нему на казнь и пугалъ царскихъ министровъ, что въ Малороссіи происходятъ толки и расходятся слухи, будто Кочубей придетъ снова въ царскую милость и станетъ гетманомъ [1]).

[1]) 23-го мая писалъ Головкинъ царю: „Кочубея и Искру отослали мы въ Смоленскъ и велѣли держать ихъ до указу вашего величества, только не было бы продолженіемъ того дѣла сумнѣнія гетману. Многократно проситъ онъ прислать оныхъ въ войско для обличенія ихъ воровства и потомъ каранія, какое ваше величесво надъ ними учинить повелите. А въ народѣ малороссійскомъ, отъ его Кочубеевыхъ единомышленниковъ, разсѣеваются многія плевелы: будто Кочубея и Искру изъ Смоленска въ Петербургъ препроводили и будто на него гетмана вашъ великій гнѣвъ; и нынѣ де обозного генералного челядника въ Кіевъ ѣдучого въ одномъ маломъ мѣстечкѣ Оленовцѣ за то только, что просилъ подводы, старшина тамошняя била и изъ мѣстечка, отнявши лошадь, выгнала съ таковыми выговорами: полно уже вашего гетманского панства! Пріѣдетъ на вашу всѣхъ погибель Кочубей! Тоже всюды въ простомъ народѣ безумныя повѣсти разглашаются, будто Кочубей въ великой милости вашей здѣсь, а Искра будто посланъ гетманомъ города какого-то добывать, а когда добудетъ отпущенъ будетъ на гетманство. Такое-де смущеніе и мятежъ отъ плевосѣятелей единомышленниковъ Кочубеевыхъ потамѣстъ не можетъ искорениться, пока народъ не увидитъ ихъ привезенныхъ туда къ гетману въ оковахъ и достойную казнь по дѣломъ своимъ воспріемлющихъ, ибо хотя де оныхъ Кочубея и Искру и въ уголь здѣсь сожгутъ, никто отъ тамошнихъ не будетъ вѣдать и вѣрить. Да и честь его гетманская въ великомъ пониженіи и обруганіи обрѣтается, ибо оные клеветники на него не только въ Великой Россіи письмами обругали и въ Малой Россіи много въ уши клеветали неправду, измѣнническимъ порокомъ славу и честь его испраздняя и возбуждая противъ него на бунтъ, но и по инымъ заграничнымъ землямъ,

Но царя Петра безпокоила въ то время мысль: не совершонъ ли былъ этотъ доносъ по непріятельскому подущенію. Время было военное и мысль эта естественно приходила царю въ голову. Ему казалось, что Кочубея и Искру допрашивали не достаточно строго. По отправленіи ихъ въ Смоленскъ, когда министры прислали къ царю проектъ рѣшенія дѣла, Петръ пріостановилъ утвержденіе и написалъ Головкину, чтобы преступниковъ еще разъ допросили съ пыткою. Напрасно Головкинъ представлялъ государю письменно, что Кочубея по старости и дряхлости пытать невозможно [1]), — Петръ далъ указъ привезти ихъ снова и сдѣлать имъ послѣдній допросъ подъ пыткою.

По такому царскому указу 28-го мая всѣхъ ихъ привезли изъ Смоленска въ Витебскъ и подвергли допросу подъ пыткою. Кочубею дали три удара, Искрѣ — шесть, попу Святайлу—двадцать, сотнику Кованькѣ—четырнадцать. Всѣ стояли на прежнемъ. Кочубей увѣрялъ, что онъ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, кромѣ Искры, затѣялъ

по Польшѣ, по Литвѣ и по инымъ то разсѣяли. Понеже гетманъ Сѣнявскій резидента его о томъ вопрошалъ, и желательные его корреспонденты изъ Волохъ и Мультанъ до него гетмана писали соболѣзнуя о немъ, о чемъ онъ гетманъ зѣло печалится и проситъ ваше величество о присылкѣ ихъ въ войско, дабы всякъ оныхъ увидя въ томъ увѣрился и тѣмъ бы плевелы и возмущенія пресѣклися. А хотя къ нему грамоты царскаго величества съ объявленіемъ воровства ихъ посланы, но оные ему въ простомъ народѣ повсюду внушить невозможно. (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8).

[1]) А о чемъ ваше величество повѣлевать изволите Кочубея еще спрашивать нѣтъ ли отъ непріятеля или отъ поляковъ или отъ запорожцевъ подсылки въ гетманскомъ или иномъ дѣлѣ, и о томъ подлинно при пыткѣ ихъ спрашивали, и они въ томъ не признались и говорили, что такой подсылки не бывало, а затѣяли все по злобѣ на гетмана. И при отпускѣ въ Смоленскъ паки съ пристрастіемъ пытки накрѣпко ихъ спрашивали, ино ничего не могли отъ нихъ увѣдать, а болѣй пытать Кочубея опаслись, чтобъ прежде времени не издохъ, понеже зѣло дряхлъ и старъ и послѣ того былъ едва не при смерти, и писано намъ уже изъ Порѣчья, что зѣло оный тамъ боленъ былъ,

ложный доносъ на гетмана по злобѣ; прочіе — что не знали ни о какихъ постороннихъ подущеніяхъ и повторяли только то, что слыхали отъ Кочубея [1]). Министры добивались отъ Кочубея, не сказывалъ ли ему чего нибудь миргородскій полковникъ, не подавалъ ли ему по свойству какого нибудь совѣта; Кочубей твердилъ, что ничего подобнаго не было, все онъ самъ затѣялъ на гетмана, единственно по старой къ нему злобѣ, на томъ твердо стоитъ и съ тѣмъ готовъ на смерть идти.

Во время производившихся пытокъ надъ доносчиками, по преданію, занесенному въ печатный міръ историкомъ Малороссіи Бантышъ-Каменскимъ, попъ Святайло и сотникъ Ковалько послѣ пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожами. Ковалько замѣтилъ, что московскій кнутъ такъ пріятенъ, что его годилось бы купить женамъ на гостинецъ. Онъ, какъ кажется, разумѣлъ жену Кочубея, которая настроила своего мужа, а черезъ него и прочихъ завлекла въ доносъ.—«А чтобъ тебя!—отвѣчалъ Ковальку Святайло.—Мало развѣ тебѣ спину исписали?» [2]).

Въ заключеніе допросили Кочубея о его сокровищахъ. Онъ показалъ, что у него въ домѣ осталось 4,000 червонцевъ въ одной «скрынькѣ», да въ другой — 500 червонцевъ и 2,000 талеровъ, затѣмъ по долгамъ до 18,000 золотыхъ. Страдалецъ счелъ долгомъ присовокупить, что многіе думаютъ, будто у него великія богатства, но это несправедливо: все, что имъ ни получалось, тратилось на домашніе расходы [3]). Свое показаніе Кочубей подписалъ

и еслибъ его паки пытать, то чаемъ, чтобъ конечно издохъ и опасно чтобъ отъ того не произошло какое сумнѣніе въ народѣ (Ibid).

[1]) Чт. М. О. И. и Д., 1859 г., т. I, стр. 144—146.

[2]) Отче Иване! Якажъ московьска пужка солодка! купимъ ее жинкамъ на гостинець! – Богдай тебе, Петре, побила лиха година, хиба трохи тоби спину исписали! — отвѣчалъ Святайло (Бантышъ-Каменскій: „Ист. Мал. Рос.“ т. III, прим. III, стр. 37).

[3]) ...А що многіе особы розумѣють быти у мене великіе скарбы,

очень оригинально: «окаянный проступца и згубца дому и дѣтей своихъ» [1]). Послѣ такого заявленія никто изъ производившихъ слѣдствіе не сомнѣвался въ томъ, что этотъ новый доносъ на Мазепу былъ также ложенъ, какъ и прежніе.

Головкину очень хотѣлось достать миргородскаго полковника и онъ роптал на гетмана, что тотъ, несмотря на неоднократныя требованія, не хочетъ прислать Апостола къ дѣлу. Мазепа, желая во что бы то ни стало спасти Апостола, доказывалъ, что наносить безчестіе такому лицу, какъ полковникъ Апостолъ—нельзя, и обѣщалъ приняться за него только тогда, когда будутъ доставлены къ нему главные доносчики [2]).

то тое кладутъ рѣчь мнѣ тѣсную, не розсуждаючи же мнѣ не дали того способу, абымъ умѣлъ з скарбу богатитися, воловъ гона до Гданска не отправлялемъ и горѣлокъ такъ достатнѣ не робилемъ, абы разомъ тридцать або пятдесятъ куфъ продати, и десятка никому не продалемъ и пяти гуртовою продажею; а що въ селахъ бывало горѣлка вышинкуется, тое все оборочалося въ дворовые расходы; треба было опрочъ харчей и напитковъ себѣ и на дѣтки суконки и чоботки и иншіе охендоженья купити и челядь одѣвати и плату давати а и духовнымъ особамъ, якъ чужеземскимъ такъ и тутешнимъ по прошенію и по зможности подлугъ моей мелкой особы въ милостыню давалося больше твердою нежели мелкою монетою. Бывало тежъ тое по многу, же когда бывало человѣкъ якій знакомитый талеремъ и другимъ поклониться, то и не принималемъ, назадъ отдавалемъ. А що убогимъ бѣднымъ чеховою давалося, нехай тое не будетъ въ лицемѣріе, и на будованье килкихъ церквей деревяныхъ що выложилося, того грѣхъ спроминати але по приказу докладаю... (Чтенія, 1859 г., т. I. стр. 142).

[1]) Чтенія М. О. И. и Др., 1859 г., т. I, стр. 142.

[2]) ... До обличенія миргородскаго полковника очною ставкою тутъ при войскѣ безъ явственныхъ доводовъ жестоко и ревностно поступать, приниматься за него и обезчесчивать его опасно, ибо онъ человѣкъ заслуженный и отъ всѣхъ полковниковъ старѣйшій, имѣючій повагу и любовь у всего войска, до того съ генералными особами якъ и съ полковниками спріятелился, понеже Ломиковскій обозный и

Наконецъ Кочубея и Искру, измученныхъ пытками, отправили въ оковахъ въ Смоленскъ, а 13 іюня повезли ихъ воднымъ путемъ по Днѣпру въ Кіевъ для отдачи гетману на казнь. Несчастныхъ провожалъ стольникъ Вельяминовъ-Зерновъ въ сопровожденіи роты солдатъ и достигъ Кіева 29 числа того же мѣсяца. Онъ помѣстилъ преступниковъ въ новой Печерской крѣпости, сдавши ихъ по наказу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а къ Мазепѣ, находившемуся съ обозомъ подъ Бѣлою Церковью, отправилъ гонца съ извѣстіемъ.

Доносъ Кочубея надѣлалъ Мазепѣ много страха; онъ чувствовалъ, что если Кучубей не въ силахъ будетъ представить правительству явныхъ доводовъ измѣны гетмана, то все-таки скажетъ кое что такое, что̀ будетъ на самомъ дѣлѣ правдою и можетъ подтвердиться показаніями другихъ, если царь вздумаетъ вести это дѣло пошире. Изъ окружавшихъ гетмана старшинъ о его тайномъ замыслѣ зналъ пока только одинъ генеральный писарь Орликъ. Мазепа, по собственному опыту съ Самойловичемъ, зналъ какъ удобно можетъ старшина подкопаться подъ гетмана, и побаивался предательства отъ Орлика. «Смотри, Орликъ,— говорилъ онъ ему,—будь мнѣ вѣренъ: самъ вѣдаешь, въ какой нахожусь я милости. Не промѣняютъ меня на тебя. Ты убогъ, я богатъ, а Москва гроши любитъ. Мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь»!

Опасенія Мазепы не были напрасны. У Орлика, какъ онъ самъ послѣ сознавался, шевелилось искушеніе сдѣлать доносъ на своего гетмана. Но онъ заглушилъ въ себѣ это искушеніе: совѣсть воспрещала ему покуситься на своего

Чуйкевичъ судья и прилуцкій полковникъ близкіе ему по сынахъ своихъ и по его миргородскаго полковника дочеряхъ сваты, лубенскій—дядя, нѣжинскій—швакгеръ, и другіе съ нимъ близки. Надобно подождать пока привезутъ Кочубея и Искру: тогда за него примемся. (Гос. Архивъ. Письма Мазепы).

господина и благодѣтеля, которому онъ присягнулъ въ вѣрности, тогда какъ для царя онъ былъ совсѣмъ чужой — иноземецъ, пришелецъ и даже не произносилъ царю присяги на вѣрность. Предъ нимъ являлся жалкій образъ Мокріевича, который предалъ Демка Многогрѣшнаго, а послѣ, по волѣ Самойловича, вмѣсто ожидаемой награды, лишился писарскаго уряда, подвергся изгнанію и во всю остальную жизнь терпѣлъ поношеніе отъ мірскихъ и духовныхъ особъ. «Устрашала меня,—говоритъ онъ,—страшная, нигдѣ въ свѣтѣ не бывалая суровость великороссійскихъ порядковъ, гдѣ многіе невинные могутъ погибать и гдѣ доносчику дается первый кнутъ; у меня же въ рукахъ не было и письменныхъ доводовъ».

Въ то время, какъ Мазепѣ не удалось поймать Кочубея и Искру, когда они успѣли ускользнуть и пробраться къ верховному правительству, страхъ до того одолѣлъ Мазепу, что онъ раскаявался въ своемъ замыслѣ и говорилъ, что оставитъ его [1]). Тогда Мазепа, какъ кажется, на нѣкоторое время прервалъ свои тайныя сношенія съ царскими непріятелями; по крайней мѣрѣ о нихъ отъ первой половины 1708 года не сохранилось свѣдѣній. Не мудрено, что гетманъ былъ недоволенъ и тѣми, съ которыми велъ эти сношенія, такъ какъ ему стало извѣстно, что между поляками распространялись уже слухи о его склонности передаться на шведскую сторону. Эти слухи исходили отъ самого Станислава и былъ большой поводъ порицать послѣдняго за недостатокъ скрытности. Но раскаяніе Мазепы скоро прошло, когда онъ съ одной стороны получалъ отъ Головкина и отъ самого царя милостивыя обнадеживанія, что клеветникамъ не будетъ дано вѣры, а съ другой — между своими старшинами замѣчалъ такое настроеніе,

[1]) ... видѣлемъ его Мазепу великою боязнію одержимаго и въ словахъ кающагося того своего начинанія. (Письмо Орлика).

которое могло ободрить его замыслы. Еще онъ не открывалъ тайны никому кромѣ Орлика, а уже обозный Ломиковскій и полковники: прилуцкій Горленко, миргородскій Апостолъ и лубенскій Зеленскій въ разговорахъ съ нимъ стали скорбѣть о нарушеніи москалями войсковыхъ правъ и заявлять желаніе воспользоваться текущими военными обстоятельствами, чтобъ утвердить цѣлость козачества и полную независимость всей Украины; выходило, что они сами предлагали то, что уже давно обдумывалъ Мазепа. Но гетманъ не только съ перваго раза имъ не поддавался, а испытывая искренность ихъ, спорилъ съ ними, доводилъ ихъ до того, что они горячились и увѣряли въ своемъ доброжелательствѣ, въ готовности не отступать отъ своего вождя и регментаря въ случаѣ самаго наибольшаго несчастія; и довелъ ихъ Мазепа до того, что они стали принуждать его сойтись со шведами, твердя, что надобно ему промышлять о пользѣ всего края. Тогда Мазепа мало-по-малу сталъ показывать видъ, будто начинаетъ колебаться и поддается ихъ доводамъ и обѣщаніямъ, и они, обрадовавшись, просили дать имъ клятвенное обѣщаніе въ вѣрности, а они дадутъ ему подобное отъ себя.—«Напишите сами,—сказалъ Мазепа,—какъ знаете, а я буду поступать какъ вы велите». Обозный Ломиковскій написалъ и подалъ Мазепѣ вмѣстѣ съ другими единомышленниками. Мазепа взялъ написанное, держалъ у себя, коечто исправилъ, потомъ позвалъ всѣхъ къ себѣ. Подали крестъ и евангеліе. Сначала они цѣловали то и другое и произнесли присягу, потомъ также присягнулъ и онъ передъ всѣми. Въ этой присягѣ положили, по соображенію обстоятельствъ, передаться на сторону Карла и Станислава и помогать имъ противъ московскаго царя съ тѣмъ, чтобы, при заключеніи мира, Украина была признана вполнѣ независимою страною. И такъ выходило, будто все это дѣло исходитъ отъ старшинъ, которые къ нему понуждаютъ

гетмана, тогда какъ собственно старшины, сами того не зная, исполняли давнее предрѣшенное желаніе своего гетмана и были его слѣпыми орудіями. Вотъ въ силу такого согласія со старшинами, гетманъ такъ упорно отстаивалъ миргородскаго полковника, запутавшагося въ Кочубеевское дѣло.

Послѣ обоюдной присяги, данной гетманомъ четыремъ лицамъ и обратно послѣдними гетману, мысль объ отложеніи отъ царя стала распространяться между другими генеральными старшинами, полковниками и войсковыми товарищами. Такимъ образомъ, самъ собою формировался заговоръ. Орликъ говоритъ, что ему еще разъ въ эту пору приходила въ голову мысль, чрезъ посредство подъячаго, состоявшаго при войсковой канцеляріи для изученія малороссійскаго языка, сообщить тайно Меншикову, что по поводу доноса Кочубея гетманъ находится въ боязни и опасеніи, а между генеральными старшинами и полковниками возникаетъ ропотъ за обиды великороссіянъ и за нарушенія войсковыхъ правъ; по этой причинѣ не худо было бы прислать отъ царя знатную особу, чтобъ отобрать присягу въ вѣрности царю отъ гетмана, отъ всѣхъ старшинъ, полковниковъ и сотниковъ. «Этимъ способомъ, — говоритъ Орликъ, — я намѣревался прервать Мазепины замыслы, отвратить отъ нихъ старшинъ и между тѣмъ исполнить это безъ поврежденія своей совѣсти и присяги». Намъ непонятно, что̀ собственно могло произвести хорошаго это намѣреніе Орлика. Если Мазепа и его соумышленники уже твердо задумали сдѣлать крутой поворотъ въ такомъ политическомъ дѣлѣ, то едва ли остановила бы ихъ эта присяга, тѣмъ болѣе, когда гетманъ, уже при самомъ своемъ избраніи, былъ связанъ ею. Орликъ далѣе говоритъ, что когда пришло извѣстіе о томъ, что Кочубея и Искру пришлютъ къ гетману для казни, онъ оставилъ свое намѣреніе дѣлать сообщеніе Меншикову, памятуя

совѣтъ латинскаго поэта — научаться осторожности изъ чужой бѣды [1]).

Тогда какъ Мазепа велъ у себя дѣло такъ, будто не онъ малороссіянъ, а малороссіяне его увлекаютъ отступать отъ царя ради независимости Украины, — его тайный агентъ, старшинамъ, какъ видно, неизвѣстный, низложенный болгарскій архіерей, переѣзжавшій отъ Мазепы къ царскимъ непріятелямъ и обратно отъ нихъ къ Мазепѣ, заключилъ по волѣ Мазепы тайный договоръ съ Карломъ и Станиславомъ. Съ первымъ условія были временныя и касались только военныхъ дѣйствій. Мазепа просилъ Карла вступить въ Украину съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и освободить козаковъ отъ московской тираннія. Въ этихъ видахъ онъ обязывался передать шведамъ для зимнихъ квартиръ укрѣпленныя мѣста въ Сѣверщинѣ: Стародубъ, Мглинъ, Новгородъ-Сѣверскъ и другіе города, причислявшіеся прежде къ Великому Княжеству Литовскому. Гетманъ обязывался доставлять изъ Украины провіантъ для расставленныхъ тамъ шведскихъ войскъ. Кромѣ того, онъ обѣщалъ склонить на сторону шведовъ донскихъ козаковъ, которые также какъ и малороссійскіе недовольны царемъ за стѣсненіе ихъ войсковыхъ правъ и вольностей. Наконецъ, Мазепа обѣщалъ употребить все стараніе, чтобы склонить къ союзу со шведами противъ московскаго царя калмыцкаго хана Аюку со всѣми подчиненными ему калмыцками полчищами. Карлъ, тѣмъ временемъ, съ остальнымъ шведскимъ войскомъ направится на Москву, а между тѣмъ изъ Финляндіи пойдетъ съ иными шведскими силами генералъ Либекеръ, завоюетъ и разрушитъ Петербургъ и проникнетъ въ земли новгородскую и псковскую. Такимъ образомъ царь московскій, стѣсненный съ разныхъ сторонъ, долженъ будетъ, покинувши свою столицу, удалиться къ

[1]) Felix quem faciunt aliena pericula cautum. (Письмо Орлика).

сѣверной части Волги, гдѣ край не такъ плодороденъ, какъ лежащія на югъ отъ Москвы области. Русскія войска уже доказали на опытѣ, что не могутъ устоять въ открытомъ полѣ противъ храбраго шведскаго войска и шведскій король можетъ надѣяться предписать своему врагу законы, а московскій царь долженъ будетъ или отдаться на волю побѣдителя, послѣ того, какъ увидитъ свое войско разбѣжавшимся во всѣ стороны, или же съ остатками своихъ военныхъ силъ погибать отъ голода и лишеній всякаго рода.

Со Станиславомъ, находившимся вмѣстѣ съ Карломъ, было заключено еще такое условіе. Вся Украина съ Сѣверскимъ княжествомъ, съ Черниговомъ и Кіевомъ, а также и Смоленскъ присоединялись къ польской Рѣчи Посполитой, а Мазепѣ, въ вознагражденіе за такую услугу, обѣщанъ былъ титулъ княжескій и предоставлялись ему во владѣніе воеводства Полоцкое и Витебское на такихъ правахъ, на какихъ владѣлъ герцогъ курляндскій подвластнымъ ему краемъ. Заранѣе предполагался день, когда Мазепа созоветъ своихъ полковниковъ, объявитъ имъ договоръ и постарается уговорить ихъ добровольно принять его, такъ какъ этотъ договоръ даетъ имъ средства возвратить себѣ прежнюю вольность, отъ которой москали оставили имъ одну тѣнь [1]).

[1]) ...Solte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogthümer Severien, Kiow, Tchernikow und Smolensko wieder unter polnischer Herschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen versprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Titul eines Fürsten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witepsk und Polotzk auf die Art, wie der Herzog von Curland sein Land, besetzet zu überlassen, endlich ward ein Tag anberaumet, an welchem Mazeppa seine Obristen zusammen ruffen ihnen diesen Vergleich vortragen und sie von freien Stücken darein zu willigen bereden solte, welches letzere desto eher zu vermuhten stünde, wann er ihnen die umwiedersprechlichen Vortheile vorstelle, so sie daraus zu gewarten hätten, in dem sie ihre vorige

Въ исторіи Карла XII, составленной Фрикселемъ [1]), который пользовался дѣлами въ шведскомъ государственномъ архивѣ, говорится, что Мазепа былъ склоненъ на сторону Станислава преимущественно іезуитами, которымъ онъ поддался, потому что съ юности былъ привязанъ къ римской церкви, и хотя впослѣдствіи изъ видовъ казался православнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ только притворялся и внутренно не терпѣлъ православнаго исповѣданія. Подобное качество въ Мазепѣ признается въ манифестахъ царя Петра и въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго [2]), гдѣ обличаютъ Мазепу въ намѣреніи отдать Польшѣ Малую Россію съ цѣлью ввести римскую вѣру и унію. Такое же намѣреніе приписывается Мазепѣ въ исторіи Петра Великаго до Полтавской битвы Өеофана Прокоповича. Въ договорахъ, сообщенныхъ Адлерфельдомъ, современникомъ близкимъ къ Карлу и много разъ видѣвшимъ Мазепу, о вѣрѣ нѣтъ ничего.

Само собою разумѣется, что Мазепа такого договора, заключеннаго польскимъ королемъ, не могъ объявлять никому изъ старшинъ: онъ хорошо зналъ, что никто изъ малороссіянъ не захотѣлъ бы добровольно отдаваться Польшѣ. Поэтому передъ земляками онъ выставлялъ цѣлію замысла независимость Украины. Къ этому давно уже стремились малороссійскіе патріоты. Это повидимому не было бы противно и посполитому народу, тѣмъ болѣе, что недовольство великороссіянами черезчуръ рѣзко вездѣ высказывалось и оно-то подавало Мазепѣ и его единомышленникамъ надежду, что ихъ замыселъ найдетъ себѣ благопріятный отзывъ въ народной массѣ.

Freiheit wieder erlangten, wovon die Moscowiter ihnen nichts als den Schatten übrig gelassen. (*Адлерфельдъ*, нѣмецкій переводъ, изд. 1742 г., ч. III, стр. 236).

[1]) Нѣмецкій переводъ, стр. 78—79.

[2]) Чт. М. О. И. и Д. 1859 г., т. I, стр. 183—184, 197—22 .

29-го іюня Мазепа съ обозомъ стоялъ подъ Бѣлою Церковью. Въ этотъ день полученъ былъ имъ царскій указъ воротиться къ Кіеву и расположиться по близости его до дальнѣйшаго царскаго указа. Въ этотъ же день было тезоименитство царя Петра и Мазепа отправилъ къ нему поздравительное письмо съ пожеланіями побѣдъ надъ врагами, что̀ изумительно становилось въ-разрѣзъ съ дѣйствительными чувствами малороссійскаго гетмана [1]).

Мазепа двинулся въ путь, какъ вдругъ прибѣжалъ къ нему изъ Кіева гонецъ отъ Вельяминова-Зернова съ извѣщеніемъ, что онъ привезъ Кочубея и Искру для совершенія надъ ними смертной казни. Гетманъ отправилъ туда своего генеральнаго бунчужнаго Максимовича съ сотней компанейцевъ. Несчастныхъ осужденныхъ привезли скованными 11-го іюля въ гетманскій обозъ, находившійся въ Борщаговкѣ, въ восьми миляхъ отъ Бѣлой Церкви. На другой день Вельяминовъ-Зерновъ подалъ гетману въ присутствіи всѣхъ старшинъ царскую грамоту, что Кочубей и Искра, за ложный доносъ на гетмана, осуждены

[1]) ... Благопривѣтствую убо вашему царскому пресвѣтлому величеству покорнымъ сердцемъ тезоименитаго ангела св. апостола Петра камени именнаго, желаю усердіемъ истиннымъ подданскимъ, дабы тотъ камень вѣры оружіе на пораженіе полчищъ непріятельскихъ изострилъ и горделиваго шведскаго Голіаѳа обезглавилъ, а православнаго вашего царскаго величества монархію непоколебимымъ основаніемъ утвердилъ и во всѣхъ путяхъ ваше царское величество сохранялъ, да не когда преткнеши о камень ноги твоея. А яко теперъ Божіею милостію ордынованы отъ мене полки полтавскій и компанѣйскій противъ вора Булавина получили надъ партіею его бунтовничою одолѣніе, тако и впредъ за молитвами тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, да покоритъ камень краеугольный сильный въ бранѣхъ Господь всякаго супостата подъ нозѣ вашего царского величества и всякъ падый на семъ камени да разбіется... (Гос. Арх. Письма Мазепы).

на смертную казнь. Грамота была прочтена всенародно. Кочубея еще разъ подвергли допросу объ имуществѣ, и онъ, въ дополненіе къ прежнему показанію, сообщилъ еще о 1.500 червонцахъ и 200 ефимкахъ, обѣщанныхъ имъ въ раздачу дѣтямъ, о 1.000 червонцахъ, принадлежащихъ его умершей дочери Забѣлиной по мужу, обѣщанныхъ на строеніе церкви въ Батуринѣ, о нѣсколькихъ штукахъ серебряной посуды и объ украшеніяхъ, наконецъ о нѣкоторыхъ суммахъ, состоявшихъ на долгахъ.

14-го іюля утромъ рано преступники выведены были передъ собраніе всего Войска Запорожскаго и передъ толпы стекшагося съ разныхъ мѣстъ малороссійскаго народа. Ихъ конвоировали три великороссійскія роты съ заряженными ружьями. Прочитаны были ихъ вины. Затѣмъ ихъ обоихъ подвели къ плахѣ и отрубили головы. Тѣла ихъ лежали въ продолженіи всей литургіи выставленными на позоръ. По окончаніи литургіи, положили ихъ въ гробы и повезли въ Кіевъ. Тамъ они были погребены въ Кіево-Печерской лаврѣ близъ трапезной церкви, гдѣ и теперь можно видѣть надъ ними каменныя плиты съ истершеюся отъ времени надписью, сложенною, конечно, уже послѣ измѣны Мазепы [1]).

[1]) Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій
Елицы здѣ естесмо положены сущи!
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
За правду и вѣрность къ монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу.
Зауданемъ Мазепы всевѣчно правы.
Посѣчены зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708 мѣсяца іюля 15 дня посѣчены средь обозу войскового за Бѣлою Церьковью на Борщаговкѣ и Ковшевомъ благородный Ва-

Въ наказѣ, данномъ Вельяминову-Зернову, привезшему преступниковъ, велѣно было объявить волю государя, чтобы преступники были казнены; но если гетманъ станетъ просить, чтобъ ихъ оставить въ живыхъ, то Вельяминовъ-Зерновъ долженъ былъ ограничиться отвѣтомъ, что въ наказѣ у него нѣтъ о томъ ничего и онъ не смѣетъ ничего чинить безъ царскаго указа. Такого великодушія со стороны гетмана не послѣдовало. Мазепа, въ посланной тогда государю грамотѣ, выразился, что христіанское милосердіе побуждало его просить освобожденія отъ смертной казни «лжеклеветниковъ и всенародныхъ возмутителей», но такъ какъ они дерзнули «языкомъ льстивымъ и лживымъ бл...словить о превысочайшемъ вашего царскаго величества гонорѣ и здравіи, за которое всѣмъ намъ подъ высокою вашею державою и сладчайшимъ государствованіемъ пребывающимъ должно и достойно до послѣдней капли крови стоять и умирать, а не токмо противное что оному чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душепагубно»,—поэтому онъ не оказалъ милосердія клеветникамъ [1]).

Въ письмахъ къ Головкину гетманъ изъявлялъ желаніе оказать милость семействамъ казненныхъ и отдать женамъ ихъ и дѣтямъ Кочубеевымъ имущества, «понеже,—выразился онъ, — многіе наипаче духовные докучаютъ мнѣ многими прошеніями, дабы и жена Кочубеева и дѣти ихъ

силій Кочубей судья генеральный и Іоаннъ Искра полковникъ полтавскій, привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и тогожъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.

Прим. автора: Свѣдѣнія о совершеніи казни 14 іюля взяты изъ донесенія стольника Вельяминова-Зернова; а по запискѣ диканьскаго священника и по надгробной надписи она совершилась 15 іюля.

[1]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго", т. XV, стр. 131.

и жена Искрина могли безъ жадной бѣды и скорби въ домахъ своихъ проживати спокойно и мирно и своихъ имѣній употреблять, понеже мужи ихъ за свое преступленіе смертную уже казнь воспріяли» [1]).

[1]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Возвращеніе гетмана Мазепы изъ похода.—Движеніе шведскаго короля къ предѣламъ Русской державы.—Неизвѣстность шведскихъ намѣреній.—Измѣнчивые указы царя.—Карлъ направляется къ Украинѣ.—Генералъ Лагеркрона въ Стародубщинѣ.—Царскій генералъ Инфлянтъ.—Вступленіе всего шведскаго войска въ Украину.—Станъ на берегу рѣки Ипути.—Неудовольствія малоросссіянъ противъ царскаго войска.—Шляхтичъ Якубъ Улашинъ.—Увертки Мазепы.—Хитрости со старшинами.—Соборованіе масломъ.—Посольство къ шведскому королю Быстрицкаго.—Прибытіе Меншикова въ Горскъ.—Войнаровскій.—Отъѣздъ Мазепы изъ Борзны.—Послѣднее посѣщеніе Батурина.—Походъ къ Деснѣ.—Переходъ черезъ Десну.—Открытіе замысла козакамъ.—Одиночные побѣги козаковъ.—Мазепа у шведскаго короля.—Поиски Меншикова за Мазепою.—Меншиковъ и Голицынъ подъ Батуриномъ.—Манифесты царя.—Пригласительныя письма царя.—Взятіе и истребленіе Батурина.—Письмо Мазепы къ Скоропадскому.—Переправа шведскаго войска черезъ Десну.

Послѣ казни Кочубея и Искры, гетманъ получилъ собственноручный царскій указъ отправить всю козацкую конницу и, если возможно, самому идти съ нею [1]). Ма-

[1]) . . . чтобъ вы со всѣмъ своимъ войскомъ шли какъ найскоряе къ Кіеву и оставя тамъ нѣсколько козаковъ въ гарнизонѣ, сами шли за Днѣпръ, а конницу всю съ добрымъ командиромъ изготовить налегкѣ въ походъ, а когда непріятель станетъ ближиться къ великороссійскимъ или малороссійскимъ городамъ, тогда мы всегда у онаго

зепа отвѣчалъ, что онъ былъ бы радъ вести свое войско на войну самъ, но ему не дозволяютъ недуги, и кромѣ того невозможно покинуть Украины, потому что непріятель тотчасъ воспользуется и произведетъ своими подсылками возмущеніе въ непостоянномъ и малодушномъ народѣ [1]). Такимъ образомъ гетманъ, старательно укрывая свой тайный замыселъ измѣнить царю, набрасывалъ тѣнь подозрѣнія въ наклонности къ измѣнѣ на весь народъ малороссійскій. 19-го іюля гетманъ писалъ канцлеру, что намѣренъ заложить станъ въ срединѣ лѣвобережной Украины недалеко отъ Нѣжина.

Между тѣмъ Карлъ, оставивши Радосовицы еще 6-го

потщимся перёдъ брать, а ваша бъ конница всегда сзади на непріятеля била и все послѣдующее оному и обозы разоряла, чѣмъ непріятелю великую диверсію можете учинить. Мы бы зѣло желали, дабы вы сами съ тою конницею были, но нудить не можемъ по вашей болѣзни. (Госуд. Арх. Письма Петра къ Мазепѣ).

[1]) . . . радъ бымъ и я сердечне на службѣ вашего царскаго величества присутственнѣ зоставать для лучшаго чиненя диверсіи непріятелю, если бы при надходящей глыбокой весьма знемощилой старости подакгричная и хиракгричная болѣзнь препятіемъ не была, для которой на конѣ труду понесть не могу и хотя мало верхомъ милю или другую проѣду то того много приболѣть мушу, однакожъ и въ такой немощи и болѣзнѣ не отрицалъ бымъ ся служить и услужить, хотя бы мнѣ пришло при боку вашего царскаго величества лучше нежелѣ где и житія пострадать. Только тое благоразумному вашего царскаго величества разсужденію предаю, что если я особою своею гетманскою оставя Украину удалюсь, то велми опасаюсь дабы подъ сее время внутреннее между здешнимъ народомъ непостояннымъ и малодушнымъ не произошло возмущеніе, наипаче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ-небудь образомъ прелестные листы свои въ городы посылать, а въ здешнихъ не токмо мало но и никого такъ вѣрного не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душею вѣрнѣ и радѣтельнѣ вашему царскому величеству подъ сей часъ служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недримателне смотрѣлъ, остерегалъ и всячески пресѣкалъ (Госуд. Арх. Письма Мазепы).

іюня, 15 числа этого мѣсяца перешелъ Березину, 3-го іюля произошла неудачная для русскихъ битва при Головчинѣ [1]), а 16-го іюля Карлъ сталъ въ Могилевѣ, откуда только что ушли русскія военныя силы. Въ Могилевѣ шведскій король стоялъ до 8-го августа. Въ это время являлся къ нему опять тайный агентъ Мазепы, отставленный отъ сана болгарскій архіерей Черезъ него гетманъ торопилъ шведскаго короля спѣшить въ Украину, иначе если шведы замедлятъ, то козаки станутъ приставать къ царскимъ войскамъ [2]). Квартирмейстеръ Гилленкрокъ совѣтовалъ королю не довѣряться Мазепѣ, не идти къ Украинѣ, а направиться къ Витебску, чтобы быть поближе къ Лифляндіи, откуда король дожидалъ вспомогательной силы корпуса генерала Левенгаупта. Того же мнѣнія былъ графъ Пиперъ и убѣждалъ короля не двигаться къ Украинѣ, покуда не присоединится къ нему Левенгауптъ съ своимъ корпусомъ, иначе на оставшагося позади нападетъ царь. Но другіе шведскіе генералы, Реншильдъ и Мейерфельдъ, противники первыхъ, настроивали короля къ иному: они хвалили ловкость и силу козаковъ, съ пренебреженіемъ отзывались о московитскихъ ратныхъ силахъ, увѣряли, что царь не посмѣетъ напасть на Левенгаупта, а Карлъ, со вступленіемъ своего войска въ Украину, увидитъ на своей сторонѣ весь украинскій народъ. Карлъ поддался тогда надеждамъ, оказавшимся скоро обманчивыми. Онъ надѣялся на помощь Турціи, но не зналъ, что падишахъ не одобрялъ политики великаго визиря, подававшаго шведамъ увѣренія въ помощи; онъ надѣялся на мятежи, возникшіе въ царской державѣ, но не зналъ, что эти мятежи были уже укрощены; онъ надѣялся на возстаніе Украины, какъ обѣщалъ ему гетманъ Мазепа, но не зналъ духа малороссій-

[1]) Нынѣ мѣстечко Могилевскаго уѣзда при р. Бабичѣ.

[2]) *Fryxel*, т. I, стр. 100.

скаго народа, какъ не зналъ его и самъ Мазепа, управлявшій болѣе двадцати лѣтъ этимъ народомъ. Наконецъ, Карлъ надѣялся, что генералъ Либекеръ, посланный къ Петербургу, возьметъ этотъ городъ, но не зналъ и не могъ знать, что Либекера постигнетъ неудача. Сверхъ всего Карла ободряло суевѣрное пророчество какого-то Урбана Гіарна, который предсказывалъ, на основаніи Парацельза и другихъ предсказателей, писавшихъ за 170 лѣтъ, что Золотой Левъ сѣвера съ малыми силами одолѣетъ Орла, притупитъ его когти, распространитъ свою власть на Азію и Африку, искоренитъ папизмъ и водворитъ повсюду истинную (т. е. лютеранскую) вѣру. Карлъ, всегда по-лютерански набожный, склонялся къ мистицизму и довѣрялъ предсказаніямъ. Эта вѣра до такой степени развила въ немъ высокомѣріе, что онъ вторично отвергъ предложеніе мира отъ Петра, который соглашался отдать шведскому королю даже Псковъ, но желалъ непремѣнно удержать за собою Петербургъ, за который, впрочемъ, готовъ былъ заплатить деньгами. Карлъ отвѣчалъ, что заключитъ миръ въ Москвѣ, когда побѣдитъ окончательно царя [1]).

Между тѣмъ Мазепа, торопя своего тайнаго союзника, прикидывался по-прежнему неизмѣнно-вѣрнымъ слугой царя Петра, дѣлалъ исправныя распоряженія въ Украинѣ къ отраженію шведскихъ силъ, когда онѣ туда вторгнутся. Онъ приказалъ устроить въ Черниговѣ хлѣбный магазинъ для русскаго войска и собрать туда 15.000 четвертей хлѣба, разложивши сборъ на жителей Черниговскаго полка — по четверику житной муки съ дыма, разсылая по всѣмъ полкамъ универсалы, въ которыхъ убѣждалъ народъ пребывать въ непоколебимой вѣрности царю, вездѣ по церквамъ приказывалъ публично молиться о дарованіи побѣды царю надъ еретиками шведами, а жителямъ приказывалъ прятать

[1]) Ibid, стр. 93, 107 и 109.

въ землю свои запасы и самимъ уходить въ города, спасаясь отъ непріятеля. Онъ дѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи городовъ: Стародуба, Чернигова, Ромновъ, Гадяча, въ виду возможнаго нападенія шведовъ. Ни царь, ни русскіе вельможи и военачальники не могли допустить и тѣни того, что открылось не далѣе какъ черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца [1]).

1-го августа гетманъ стоялъ въ Кіевѣ въ ожиданіи указовъ—куда ему посылать конницу. 4-го числа того же мѣсяца Петръ приказалъ ему, не отходя отъ Кіева, послать три или четыре (по своему соображенію) тысячи конницы въ Польшу на подмогу отправленнымъ туда еще ранѣе полковникамъ кіевскому и бѣлоцерковскому, «дабы поляковъ доброжелательныхъ содержатъ и все, что непріятелю къ пожитку можетъ быть, разорить». Другую партію указано было послать въ Литву, къ Пропойску, для содѣйствія великорусскимъ войскамъ, которыя должны были отражать идущую шведскую силу. Гетманъ исполнилъ волю государя и отправилъ въ Литву къ Пропойску 4.500 человѣкъ городовыхъ козаковъ разныхъ полковъ и 1.600 компанейцевъ, а въ Польшу, на подмогу бывшимъ тамъ полковникамъ, послалъ 2.000 гадячанъ, находившихся прежде въ кіевской крѣпости, и къ нимъ прибавилъ 1.000 «молодиковъ» (козаковъ, начинавшихъ воинскую службу). Кромѣ того, по царской волѣ, отправлено было къ Смоленску два полка — Нѣжинскій и Переяславскій въ числѣ двухъ тысячъ пѣхоты и одной тысячи конницы. Затѣмъ гетманъ жаловался, что остается съ небольшимъ числомъ людей [2]),

[1]) Ibid., стр. 128.—*Голиковъ*: „Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Вел.“, т. XV, стр. 172.

[2]) . . . при мнѣ же городовыхъ самыхъ недорослей и на худѣйшихъ лошадяхъ осталось 2.800, да 2.000 сердюковъ и едина короговь компанеи, кромѣ великороссійскихъ пѣхотныхъ полковъ, которыхъ болшъ на 2.000 не сберется (Гос. Арх. Письма Мазепы).

а 16 августа просилъ воротить ему посланныхъ къ Смоленску, чтобы помѣстить часть ихъ въ кіевскій гарнизонъ. Мазепѣ, конечно, было неподходящимъ дѣломъ разбрасывать козаковъ по разнымъ сторонамъ, и онъ жаловался, что многіе самовольно уходятъ [1]).

Въ половинѣ августа царь еще не зналъ навѣрное, куда обратится Карлъ съ своими силами—на Украину или на Смоленскъ, и приказывалъ гетману стоять между Кіевомъ и Черниговомъ до дальнѣйшаго указа, чтобы въ случаѣ, если шведы пойдутъ на Смоленскъ—идти къ Бѣлой Церкви для содѣйствія полякамъ, доброжелательнымъ царской сторонѣ. 6-го сентября царь положительно былъ увѣренъ, что непріятель пойдетъ на Смоленскъ, и писалъ къ гетману, чтобъ онъ готовился въ походъ къ Бѣлой Церкви. Это приказаніе подтверждено было 14 сентября. Но черезъ день, 16 числа, Головкинъ послалъ гетману указъ остановиться, потому что по непріятельскимъ оборотамъ видно было иное направленіе пути [2]).

[1]) . . . бо едны еще зъ весны якъ у Казань имъ въ походъ готовитися, убѣгая отъ походу, поуходили кто въ рѣчки, кто въ поля, кто по соль, кто въ Сѣчу, а теперъ уже другіе зъ войска когда отставивши походъ въ Польщу, я повернулъ въ Кіевъ, побѣгли ку домомъ своимъ, а чаю и тамъ ихъ не возможно будетъ знайти, понеже не токмо за мого уряду, но издревле такое въ томъ народѣ непостоянномъ утвердилось поведеніе: едны предъ походомъ, другіе зъ походу убѣгаютъ отъ службы военной, въ домахъ зоставать опасаются, но сокрываются до возвращенія гетмана и всего войска по домамъ и въ рѣчкахъ, поляхъ и въ Сѣчѣ упражняются промыслами. (Гос. Арх. Письмо Мазепы авг. 16).

[2]) . . . сегодня послалъ я къ гетману Мазепѣ, дабы онъ походомъ своимъ къ Бѣлой Церкви еще до другаго указу поумедлилъ для того, что вчерась слышали, что непріятель обратился отъ Мигоновичъ назадъ, по ко Мстиславлю или къ Могилеву, того подлинно не было вѣдомо. Опасаюсь, чтобъ непріятель не обратился на Украину, однакожъ былъ бы онъ, гетманъ, во всякой готовности къ походу и послалъ бы нынѣ къ Бѣлой Церкви для занятія квартиръ и приготов-

Изъ шведскихъ источниковъ мы узнаемъ, что именно въ это время Карлъ окончательно укрѣпился въ намѣреніи войти въ Украину и 16 сентября отправилъ передовой отрядъ генерала Лагеркроны овладѣть Стародубомъ. Этотъ Лагеркрона былъ человѣкъ чрезвычайно самонадѣянный и заносчивый, хотя вовсе не даровитый; онъ поддѣлался къ королю и не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ. Въ то время, когда онъ вступалъ въ полкъ Стародубскій, туда же вступалъ съ царскими силами и русскій генералъ Инфлянтъ; два враждебныхъ генерала на томъ могли выиграть одинъ передъ другимъ, кто прежде успѣетъ занять Стародубъ. Лагеркрона довѣрился крестьянину, взявшемуся провести шведское войско кратчайшимъ путемъ. Этотъ крестьянинъ, будучи подосланъ полковникомъ Скоропадскимъ, обманулъ шведскаго военачальника и повелъ его совсѣмъ не туда, куда нужно, такъ что въ то время генералъ Инфлянтъ успѣлъ войти въ Стародубъ [1]).

Вслѣдъ за Лагеркроною двинулся скоро и король, и 21 сентября съ восемью тысячами вступилъ въ предѣлы Гетманщины для занятія квартиръ войску. За нимъ послѣдовало остальное войско. Оно расположилось на берегахъ рѣки Ипути [2]). Главная квартира, которую Карлъ велѣлъ укрѣпить окопами, находилась въ Дроковѣ [3]) [4]). Край, въ который вошли шведы, показался имъ обильнымъ и населеннымъ; войско, расположившись по селеніямъ, могло отдохнуть отъ утомительныхъ походовъ; хлѣба и скота было такъ много, что шведы не испытывали бы недостатка, еслибъ имъ пришлось оставаться тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

ленія фуражу. (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина къ царю).

[1]) *Nordberg*, т. II, стр. 242.—*Fryxel*, т. I, стр. 126.

[2]) Гос. Арх. Письмо Меншикова отъ 25 сентября.

[3]) Нынѣ деревня Старый Дроковъ, Суражскаго уѣзда.

[4]) Гос. Арх. Письма Шереметева.

Шведы простояли тамъ двѣ недѣли. Между тѣмъ Левенгауптъ, слѣдовавшій чрезъ Литву изъ Ливоніи, 27-го сентября былъ разбитъ русскими подъ Лѣснымъ близъ Пропойска и съ остатками своихъ силъ [1]) прибылъ къ главному королевскому обозу. Король приказалъ раздѣлить эти остатки по арміи.

Орликъ въ своемъ письмѣ сообщаетъ, что когда Мазепа узналъ о поворотѣ короля шведскаго въ Украину, то воскликнулъ передъ старшинами: «Вотъ дьяволъ его сюда несетъ! Да онъ всѣ мои соображенія испортитъ и великороссійскія войска за собою внутрь Украины впровадитъ на конечное разореніе и на погибель нашу!» Мазепа хотя и завлекалъ на свою сторону старшинъ, но все еще только на половину открывалъ имъ свои сношенія и показывалъ видъ, что рѣшится пристать къ шведамъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда уже война будетъ перенесена въ Украину и весь малороссійскій край очутится въ опасности подвергаться опустошеніямъ отъ обѣихъ воюющихъ между собою сторонъ.

Съ отправкою генерала Инфлянта въ Стародубщину, царь Петръ указалъ и гетману дѣйствовать съ нимъ сообща. Мазепа, получивши такой указъ, пригласилъ Ломиковскаго и полковниковъ миргородскаго, прилуцкаго и лубенскаго, показалъ имъ указъ и говорилъ:

«Я опасаюсь, не приманиваютъ ли меня къ этому генералу, чтобы взять въ руки. Идти ли намъ по указу царскому въ слученіе съ этимъ генераломъ?»

«Нѣтъ, нѣтъ, не иди!—завопили всѣ единогласно.— Не медли больше и посылай къ шведскому королю просить протекціи: кáкъ бы намъ сойтись со шведами на границѣ и не впустить великороссійскихъ войскъ въ Украину!»

Но тутъ кто-то спрашивалъ его:

[1]) По Фрикселю 6.700 (стр. 124). Потеря въ бою: по Фрикселю — до 4.000, по Нордбергу (т. II, стр. 247)—до 3.000.

«Ты, гетманъ, объяви намъ, чего имѣемъ съ цѣлою Украиною и Войскомъ Запорожскимъ надѣятися и на якомъ фундаментѣ ты тую махину заложилъ?»

Мазепа разсердился и произнесъ:

«Для чого вамъ о томъ прежде времени вѣдать? Спуститеся вы на мою совѣсть и на мое подлое розумишко, на которомъ вы не заведетесь болшъ. Я по милости божой мѣю розумъ единъ нѣжъ вы всѣ.»

Обратившись къ Ломиковскому, Мазепа сказалъ: «Ты уже свой розумъ выстарилъ», а указавши на Орлика, Мазепа прибавилъ: «У того еще розумъ молодый, дитинный. Самъ я буду вѣдать, якого часу посылать до шведского короля».

Но потомъ, какъ бы удовлетворяя ихъ недовѣрчивости къ себѣ, гетманъ вынулъ изъ шкатулки универсалъ, присланный отъ Станислава съ ксендзомъ Заленскимъ, и велѣлъ Орлику прочитать его во всеуслышаніе. Всѣ казались имъ довольны («съ котораго были контенты»). Но едва ли тамъ были тайныя условія, заключенныя со Станиславомъ черезъ посредство болгарскаго эксъ-архіерея. Малороссіяне не были бы ими довольны, да и Мазепа едва ли бы рѣшился объявлять ихъ до поры до времени старшинамъ [1]). Мазепа былъ изъ такихъ личностей, которыя, получивъ власть, стараются внушить подчиненнымъ постоянную вѣру въ свою мудрость и потому умышленно не открываютъ имъ сразу всего, что замышляютъ, дабы тѣмъ пріучить ихъ съ благоговѣніемъ полагаться во всемъ на своего главу или владыку. Мазепа за 20 лѣтъ своего гетманства уже пріучилъ старшинъ къ такому повиновенію себѣ и теперь онъ только понемногу приподнималъ передъ ними завѣсу, скрывавшую его тайный замыселъ. Онъ прельщалъ старшинъ призракомъ независимости Украины, ука-

[1]) Письмо Орлика.

зывалъ имъ, что теперь представился случай освободиться отъ всякихъ налоговъ и повинностей, вымышляемыхъ московскою властію: самъ Богъ посылаетъ короля шведскаго для ихъ спасенія [1]). Сдѣлавши ихъ участниками замысла въ его главной идеѣ, онъ относительно подробностей не открывалъ имъ многаго, но каждый разъ спрашивалъ у нихъ совѣтовъ, какъ ему поступать, и показывалъ видъ будто предпринятый замыселъ начатъ и ведется не по его почину, а по ихъ общему желанію, и онъ у нихъ не болѣе, какъ мудрый исполнитель общей воли. Чтобъ укрыться отъ тѣхъ, кому онъ не хотѣлъ открывать тайны, онъ напустилъ на себя старческую немочь, говорилъ, что съ трудомъ можетъ на коня сѣсть, даже ходить и стоять на ногахъ, ложился въ постель, обвязывалъ себя повязками съ пластырями; въ такомъ видѣ, лежа на постели, онъ принималъ царскихъ посланцевъ, жаловался передъ ними на свои страданія и говорилъ съ ними чуть слышнымъ голосомъ [2]). Правда, Мазепа и въ самомъ дѣлѣ страдалъ старческими немощами, но также и преувеличивалъ ихъ, потому что въ то время для его тайныхъ цѣлей выгодно было передъ царскими людьми показываться близкимъ къ могилѣ. И самъ царь, и царскіе министры относились къ гетману довѣрчиво, снисходительно и не принуждали его къ отправленію своего долга выше силъ. Сначала потребовали отъ него, чтобъ онъ шелъ самъ къ Стародубу, но когда онъ извѣстилъ, что по болѣзни не можетъ, то ему дозволили послать козаковъ съ наказнымъ гетманомъ. Тогда гетманъ послалъ отрядъ козаковъ нѣжинскихъ, лубенскихъ и переяславскихъ въ Стародубскій полкъ на содѣйствіе генералу Инфлянту.

Но прежде, чѣмъ эти козаки пришли туда, въ Стародубскомъ полку произошелъ страшный переполохъ. Гене-

[1]) *Катифора*: „Житіе Петра Великаго", кн. IV, л. 248.

[2]) *Fryxel*, т. I, стр. 128.

ралъ Инфлянтъ, вступивши въ край, приказывалъ жителямъ уходить съ своими имуществами въ укрѣпленныя мѣста, а села, хутора, пасѣки, мельницы, гумна приказывалъ истреблять огнемъ, чтобъ не давать непріятелю прибѣжища и средствъ къ содержанію. Жители и старые и малые въ ужасѣ стали бѣжать и увлекли за собою присланныхъ козаковъ. Только часть послѣднихъ примкнулась къ четыремъ баталіонамъ и четыремъ-стамъ драгунамъ, составлявшимъ стародубскій гарнизомъ [1]). Отъ нихъ пошли по всей Украинѣ вѣсти, что вошедшіе въ Стародубскій полкъ шведы не дѣлаютъ жителямъ ничего дурнаго, а, напротивъ, великороссійскія войска, пришедшія будто защищать край, жгутъ селенія, грабятъ, разоряютъ жителей, насильно загоняютъ ихъ въ укрѣпленія, понуждаютъ къ непривычнымъ работамъ, безчестятъ и ругаются надъ ними, обзывая ихъ измѣнниками [2]). Бѣглецы распростра-

[1]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отдѣлъ II, кн. № 8. Письма Шереметева.

[2]) . . . многіе легкомысленные бѣглецы зъ полковъ переяславскаго, лубенскаго и нѣжинскаго отъ Стародуба зъ службы монаршои отбѣгшіи и самые жители полку Стародубского отъ наступленія непріятельскаго уходячи огласили всюды по сей сторонѣ Десны въ городахъ и селахъ будто отъ непріятеля жадныхъ нѣтъ налоговъ и разореній, а войска великорусскіе всюды въ полку Стародубскомъ палютъ, разоряютъ и рабуютъ, отъ чого многое въ народѣ и въ войскѣ происходить роптаніе... И тое насъ велми устрашило, же товариство полковъ лубенского, переяславского и нѣжинского, которое не могучи понести превеликихъ нуждъ имъ дѣючихся, зъ Стародубщины поуходило, тое пронесли, же ихъ не малое число разобрано и однихъ дано въ полки, где необычные войсковымъ людемъ поносять службы, а другихъ въ фортецу отколь трудно выйти впроважено. А найжалостнѣйше и найтяжнѣйше того намъ слухати, що тое зъ Стародубщины поуходившое товариство прекладало намъ, же дракгуны и солдаты не тилко инными ущыпливыми и тяжкими якъ хотя опыхъ и насъ безчестили и безчестятъ досадами, але що есть найтяжчое имъ змѣнниками называютъ. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Донес. Мазепы, октябрь).

нили такой страхъ между козаками, что товарищи полковъ Миргородскаго, Лубенскаго и Прилуцкаго въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ явились къ гетману въ обозъ у мѣстечка Салтыковой-Дѣвицы и подали просьбы, написанныя отъ каждаго полка особо, но по одному пошибу [1]).

Въ связи съ такими явленіями, возбуждавшими вражду къ великороссійскому войску, стоитъ современная жалоба черниговскаго полковника на солдатъ маіора Геннинга, которые дѣлали обиды жителямъ [2]), какого-то Шевлюгу до пулусмерти избили, а маіоръ, когда ходили къ нему малороссіяне жаловаться, выгонялъ ихъ по шеямъ и одного атамана такъ ударилъ ружейнымъ дуломъ въ бокъ, что тотъ, полетѣвши внизъ головою по лѣстницѣ, сильно ушибся [3]).

Неудовольствіе противъ великороссіянъ въ малороссійскомъ народѣ все болѣе и болѣе разгоралось и было кстати для Мазепы, когда онъ намѣревался ввести въ Украину шведовъ, какъ освободителей отъ московской власти. Но тутъ случилось событіе, которое чуть было не открыло замысла Мазепы. Когда генералъ Лагеркрона вошелъ въ Стародубскій полкъ, тотчасъ стали разноситься воззванія, называемыя у русскихъ «прелестными» письмами. Шведскій генералъ убѣждалъ малороссіянъ не бояться шведовъ, жить спокойно въ своихъ домахъ, а изъ Стародуба пусть выходитъ къ нему навстрѣчу бурмистръ со знатнѣйшими

[1]) . . . Не вели намъ ходить за Десну, а въ своемъ полку зоставатися позволь. Бо голыми и босыми подравшися чрезъ цѣлорочную службу зостаемся. Стародубскіе жители освѣдчили имъ и тое же заледво сами зъ душою поуходили, домы и пашни всѣ пожаромъ спалени а иные розграблени. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Челобитная Прилуцкаго полка).

[2]) . . . непрестанно людей нашихъ поносятъ, бѣды и побои каждаго немалъ дня зъ допущеня самого маіора, Шевлюгу такъ немилосердо били, же ледве живой зостався. . . (Ibid. Донес. чернигов. полковника).

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г., сентябрь.

обывателями и пусть везутъ къ нимъ на продажу хлѣбъ и всякое съѣстное. Жители не поддавались на эти прельщенія, а бѣжали безъ оглядки, спасаясь какъ отъ шведовъ, такъ и отъ великороссіянъ [1]). Между разносителями такихъ «прелестныхъ» писемъ попался польскій шляхтичъ Якубъ Улашинъ: онъ везъ письмо отъ пана Понятовскаго, находившагося резидентомъ Станислава при шведскомъ королѣ. Письмо было къ Мазепѣ. Понятовскій просилъ малороссійскаго гетмана отпустить на свободу его плѣннаго брата, въ воспоминаніе добраго пріема, оказаннаго когда-то Мазепѣ въ Луцкѣ. Почему-то этотъ господинъ показался подозрителенъ и генералъ Инфляитъ 1-го октября отправилъ его въ походную канцелярію, бывшую тогда въ Почепѣ. Улашина подвергли пыткѣ огнемъ и тотъ, не стерпя мученій, объявилъ, что Мазепа поколебался въ вѣрности царю, и Понятовскій послалъ къ нему передать словесно, чтобы, какъ шведы войдутъ въ Украину, онъ отписалъ бы къ Понятовскому и при Божіей помощи со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ приставалъ къ шведамъ. Улашина еще разъ поджарили, но онъ болѣе ничего не открылъ [2]) Показанію Улашина не придали вѣры и копію съ него отправили къ гетману. Не только всѣ происходившія передъ тѣмъ явленія въ такомъ родѣ настроили царя и его министровъ считать всякія обвиненія на Мазепу лживыми, но въ это самое время Мазепа заявлялъ свою преданность, сообщая Головкину вѣсть, что Станиславъ съ шведскими и польскими войсками направляется на Волынь, чтобъ оттуда ворваться въ Украину, просилъ скорѣйшей присылки регулярныхъ войскъ, потому что малороссіяне могутъ измѣ-

[1]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, кн. № 8. Письмо Ушакова отъ 29 сентября.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1708 г., № 19.

нить и пристать къ непріятелю [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ снова звали гетмана на соединеніе съ царскими силами [2]). Мазепа отвѣчалъ, что показанія поляка Улашина не болѣе, какъ коварныя затѣи непріятеля, который хочетъ привести вѣрность гетмана въ подозрѣніе у государя и тѣмъ посѣять въ Украинѣ смятеніе. «Никакого брата Понятовскаго у меня нѣтъ, я о немъ не слыхалъ», писалъ гетманъ [3]). Что касается до требованія ѣхать самому къ великороссійскому войску, то Мазепа отговаривался тѣмъ,

[1]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 8. Письмо Головкина къ царю 9 октября.

[2]) . . . вѣдомость получилъ, что шведскій король идетъ на насъ. Зѣло потребно, чтобъ ваше сіятельство съ полками регименту своего походомъ своимъ ускорилъ и съ нами какъ возможно случился, ибо мы еще не обычны какъ съ народомъ малороссійскимъ обходиться, хотя всячески оный охраняемъ. Однако пишетъ мнѣ господинъ Скоропадскій полковникъ стародубскій, что при немъ въ Стародубѣ полку его осталось только 500 человѣкъ, а прочіе всѣ разбѣжались и не знаетъ, гдѣ оныхъ сыскать. И для того вашему сіятельству весьма нужно прибыть сюда. А что ваше сіятельство пишете, что войска при васъ мало обрѣтается, и тому мы зѣло удивляемся, понеже въ отлученіи отъ васъ здѣсь 3.000, да въ Польшу на суккурсъ послано 5 000 человѣкъ. Изволь ваше сіятельство разослать во всѣ полки вашего регимента жестокіе указы, дабы оные немедленно шли за вашимъ сіятельствомъ и самъ изволь поспѣшать какъ скоро возможно къ намъ, что зѣло нужно. Извольте писать къ намъ чрезъ нарочныхъ, гдѣ вы обрѣтаетесь. Зѣло надлежитъ смотрѣть дабы какихъ факцій не учинилъ король шведскій въ народѣ малороссійскомъ; понеже обрѣтающійся при немъ резидентъ Станислава Понятовскій послалъ къ вамъ одного шляхтича будто просить васъ о свободѣ взятаго въ плѣнъ своего брата, и мы его пытали, и что онъ съ пытки сказалъ, съ того при семъ вашему сіятельству посылаю списокъ. Изволишь ваше сіятельство сего накрѣпко предостерегать, дабы не было такихъ прелестниковъ въ малороссійскомъ народѣ отъ непріятеля подосланныхъ (Гос. Арх. Письмо Головкина).

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письмо Мазепы изъ Салтыковой-Дѣвицы 13 октября.

что въ малороссійскомъ краѣ возникли безпорядки отъ пьяныхъ бродягъ, безобразничающихъ толпами въ полкахъ Полтавскомъ, Гадяцкомъ, Прилуцкомъ, Миргородскомъ, Лубенскомъ и Переяславскомъ и это зло переходитъ уже въ полки: Черниговскій, Нѣжинскій и Стародубскій, гдѣ прежде велось смирнѣе [1]). Гетманъ, на основаніи присланныхъ ему донесеній, сообщалъ, что появилось двѣ шайки разбойниковъ: одна подъ начальствомъ Перебійноса въ числѣ 800 человѣкъ, другая—Молодца въ числѣ 1.000. Они своевольствовали, грабили и убивали людей въ приднѣпровскомъ краѣ и къ нимъ притекали со всѣхъ сторонъ «купы» бродягъ, словно вода. Если гетманъ съ войскомъ отдалится въ Стародубскій полкъ, то своевольники нападутъ на города и встрѣтятъ себѣ единомышленниковъ въ посполъствѣ. Полковники и полковые старшины ропщутъ и говорятъ, что если ихъ поведутъ въ Стародубщину, то на крайнюю погибель ихъ семействъ и на разореніе ихъ имуществъ, потому что тогда простонародье захочетъ грабить и убивать честныхъ и богатыхъ людей [2]). Кромѣ этихъ

[1]) . . . въ Украинѣ внутренно огонь бунтовничей отъ гультаевъ, пьяницъ и мужиковъ во всѣхъ полкахъ началъ расширятися, которые услыша о вступленіи непріятельскомъ въ малороссійскій край и о мемъ къ Стародубу малолюдномъ отдаленіи всюду въ городахъ великими купами с кіями и с ружьемъ ходятъ, арандаровъ бьютъ до смерти, вино насильно забираютъ и выпиваютъ, яко въ полку Лубенскомъ арендаря и ктитора убили до смерти, во Мглинѣ сотника тамошняго косами изрубили и списами покололи, въ Стародубѣ шевцы, кравцы и все посполство во дворѣ войта тамошняго учинили нападеніе зъ дубьемъ, склепы отбили, бочки съ виномъ побрали и перепився жидовъ 50 до смерти побили, изъ Сосницы сынъ обозного генералного з жоною своею уходомъ насилу спаслись, въ Гадячомъ на за̀мокъ тамошній наступали, хотя добро мое тамъ разграбить и господаря убить, котораго постигла бы смертная кончина, еслибъ зъ мѣщанами отъ тыхъ гультаевъ не остерегся. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г.).

[2]) . . . гультайство и посполство похотятъ людей честныхъ и богатыхъ побивать и пожитки ихъ разграблять (Ibid).

причинъ, гетманъ указывалъ на опасность скораго вторженія Станислава въ Украину.

Мазепѣ естественно хотѣлось во что бы то ни стало оставаться съ козаками въ Украинѣ до того времени, какъ войдетъ шведская сила, и тогда внезапно и неожиданно объявить себя на сторонѣ враговъ царя Петра. Но прежде, чѣмъ шведскій король появился съ своимъ войскомъ, отъ гетмана требовали идти на соединеніе съ великорусскими войсками, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать противъ шведскаго короля. Тамъ уже никакъ неудобно было ему сдѣлать крутой поворотъ на противную сторону. 6-го октября, когда Мазепа получилъ новое приказаніе идти съ войскомъ на соединеніе съ великороссіянами и самому быть въ главной царской квартирѣ, онъ призвалъ на совѣтъ своихъ единомышленниковъ и спрашивалъ: ѣхать ли ему къ великому государю. Старшины закричали: «Нѣтъ. Если поѣдешь, то погубишь и себя и всю Украину». Тогда Мазепа приказалъ написать и послалъ письмо, о которомъ сказано выше. Но, по замѣчанію Орлика, Мазепа спрашивалъ старшинъ только для вида и испытывалъ ихъ: онъ даже наружно показывалъ передъ ними видъ готовности ѣхать по царскому указу, на самомъ же дѣлѣ не помышлялъ о такой поѣздкѣ; напротивъ, онъ опасался, какъ бы министры не заманили его съ тѣмъ, чтобы взять его въ свои руки, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ, какъ Мазепу извѣщали, повсюду носились слухи о его тайномъ соглашеніи со Станиславомъ и о сношеніяхъ со шведами [1]).

На посланное 6 октября письмо Мазепа 10-го числа того же мѣсяца получилъ отвѣтъ. Царскіе министры сообщали, что, по совѣту съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, они постановили послать царскій указъ кіевскому воеводѣ князю Дм. Мих. Голицыну, чтобъ онъ съ царскими ратными

[1]) Письмо Орлика.

людьми, находившимися въ Кіевѣ, и съ пристойною артиллеріей шелъ въ средину Украины съ цѣлію не допускать въ малороссійскомъ народѣ «шатости». Гетманъ долженъ послать къ нему для той же цѣли козацкій отрядъ изъ разныхъ полковъ своего регимента, а самъ со всѣмъ остальнымъ войскомъ немедленно долженъ идти къ Новгородъ-Сѣверску, разставить свое войско надъ Десною и самъ лично пріѣхать въ главную армію для совѣта съ фельдмаршаломъ. Выставлялась между прочимъ и такая необходимость его прибытія: въ народѣ носились слухи, будто гетманъ покидаетъ Украину во время непріятельскаго наступленія и гетману слѣдуетъ своимъ появленіемъ при царскомъ войскѣ разсѣять такіе слухи. Притомъ, ему извѣстны нравы и мѣстные обычаи народа и онъ можетъ наставлять царскихъ министровъ и военачальниковъ. Своевольства, начавшіяся въ Украинѣ, скорѣе усмирятся, когда народъ увидитъ, что великорусскія войска, вмѣстѣ съ козаками, могутъ ихъ усмирить. На счетъ опасности вторженія Станислава министры успокоивали гетмана: слухи, полученные имъ о Станиславѣ, невѣрны; министрамъ, напротивъ, подлинно извѣстно, что Станиславъ находится еще въ Маріенбургѣ и ранѣе конца октября не выступитъ изъ Пруссіи [1]).

Страшная тревога волновала душу Мазепы. Онъ долженъ былъ скрываться и каждую минуту находиться въ страхѣ, что вотъ-вотъ откроется его коварство, вотъ-вотъ министры догадаются. И дѣйствительно, кажется, министры уже начинали догадываться, что въ поведеніи гетмана есть что-то зловѣщее, но никто не смѣлъ заявить объ этомъ царю, такъ какъ Петръ не переставалъ довѣрять честности и прямотѣ своего гетмана. Петръ настолько вѣрилъ въ него, что когда ему представили показаніе Ула-

[1]) Гос. Арх. Переписка Мазепы.

шина, то онъ заботился о томъ, что гетманъ можетъ этимъ потревожиться, и писалъ къ Меншикову, чтобы князь повидался съ гетманомъ и утѣшилъ его, потому что «бездѣльники опять своимъ воровствомъ стали оскорблять его» [1]). Чтобы лучше отклонить отъ государя всякое подозрѣніе на себя, гетманъ въ этомъ же мѣсяцѣ октябрѣ отправилъ къ Петру войсковаго асаула Максимовича — одного изъ своихъ соумышленниковъ — съ просьбою дать указъ утвердить и отмежевать земли, скупленныя имъ у помѣщиковъ рыльскаго уѣзда, и дозволить населить ихъ пришлыми вольными людьми [2]). Кто бы могъ послѣ этого подумать, что этотъ человѣкъ намѣренъ оторваться отъ царской державы, когда онъ въ этой державѣ пріобрѣтаетъ себѣ поземельную собственность! Максимовичъ, отъ имени гетмана, поднесъ царю въ даръ 2.000 червонцевъ, а царь вѣроятно тогда въ нихъ нуждался. Въ то же время Мазепа поздравлялъ царя съ побѣдою при Лѣсномъ въ краснорѣчиво составленномъ письмѣ, въ которомъ, по своему обычаю, желалъ царю «до конца» сокрушить своихъ враговъ [3]).

[1]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XV, стр. 198.

[2]) Ibid., стр. 184.

[3]) Двѣ препочтеннѣйшіе вашего царскаго величества грамоты о богодарованной надъ генераломъ непріятельскимъ Левенгауптомъ викторіи писаные получихъ съ неописанною и неизглаголанною радостію чрезъ нарочнаго в. царскаго в—ства куріера, з которыхъ извѣстясь какъ ваше царское величество помазанникъ Божій дражайшаго своего не щадя живота и здравія самъ превысочайшею своею особою монаршою на толь жестокіе непріятельскіе огни отъ полудни даже до нощи неустрашимымъ мужественнымъ сердцемъ наступая, помощію Того имъ же царіе царствуютъ и побѣждаютъ укрѣпляемый свыше крѣпкого непріятеля одолѣлъ, разорилъ, попралъ и до конца побѣдилъ возрадовахся неизреченно и во знаменіе толь великой радости воздавъ молебнымъ пѣніемъ Богу благодареніе торжествовахъ чрезъ увесь день съ всѣмъ войскомъ при мнѣ будучимъ пушечнымъ и изъ ручного ружа̀ стрѣляніемъ, во всѣ же регименту моего малороссійскіе городы разослахъ универсалы оглашая толь преславную в—му ц—му

Царь послѣ побѣды при Лѣсномъ находился въ Смоленскѣ и по обычаю своему, наблюдаемому послѣ каждой военной удачи, праздновалъ побѣду, въѣзжалъ въ городъ тріумфально, при пушечной пальбѣ; за нимъ везли отнятые отъ непріятеля знамена и пушки; онъ посылалъ разныя распоряженія на Донъ, гдѣ князь Долгорукій добивалъ булавинцевъ, и на сѣверъ, гдѣ Апраксинъ расправлялся съ шведскимъ генераломъ Либекеромъ, а 20-го октября выѣхалъ изъ Смоленска къ войску въ Украину [1]).

Надобно было предупредить пріѣздъ царя и провести какъ-нибудь царскихъ министровъ до тѣхъ поръ, пока Карлъ подойдетъ поближе. Царь требовалъ во что бы то ни стало, чтобы Мазепа ѣхалъ къ русскимъ военачальникамъ на совѣтъ: Мазепа отвѣчалъ, что исполнитъ царскій указъ, хотя бы его постигла въ пути смерть; онъ поплыветъ въ суднѣ изъ Салтыковой-Дѣвицы вверхъ по Деснѣ, а потомъ по Борзнѣ до города Борзны; сухопутьемъ же, во время осенней колоти, ему ѣхать невозможно по причинѣ его хирагрическихъ и подагрическихъ припадковъ [2]). Въ это время собралъ онъ старшинъ и сказалъ:

в—ству надъ непріятельскимъ корпусомъ дарованную отъ Бога викторію, которой я по должности и вѣрности своей подданской благопривѣтствуя в. ц. в—ству желаю усерднѣ, дабы Той же побѣдоносецъ Богъ крѣпкій и сильный въ бранехъ не токмо мужественное в. ц—го в—ства сердце неопредѣленною храбростію, но и руцѣ силою своею божественною укрѣпляя на брань, яко нынѣ надъ генераломъ непріятельскимъ Левенгауптомъ вожделѣнную всему православію, а врагомъ всѣмъ многопечальную и отчаянную даровалъ в—му ц—му в—ству побѣду тако и самого его принципала при окончаніи нынѣшней компаніи пособилъ со всею его силою до конца потребити и сокрушити, прославляя въ концы вселенныя преславное в. ц—го в—ства имя безсмертными побѣдительными тріумфами. (Гос. Арх. Письмо Мазепы 11 окт.).

[1]) *Голиковъ*. „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 30.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письмо Мазепы 13 октября.

«Меня зовутъ въ царское войско. Но тамъ у меня есть искренніе пріятели; они предостерегли моего канцеляриста Болбота, чтобы я не ѣздилъ къ царскому двору, а паче старался бы охранять и себя и весь малороссійскій народъ; пусть бы всякъ зарывалъ въ землю все что есть дорогого, потому что царь, не надѣясь отъ Украины постоянства въ случаѣ непріятельскаго вторженія, хочетъ устроить что-то недоброе надъ гетманомъ и надъ всѣмъ народомъ». Это сообщалось подъ большимъ секретомъ.

Все это, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ вымыселъ, противуположный тому, что происходило на самомъ дѣлѣ: канцеляристу Болботу, напротивъ, говорили, что царь милостивѣе къ гетману, чѣмъ къ Меншикову, и не станетъ слушать никого, кто бы о немъ дурно ни говорилъ. Относительно же совѣта зарывать въ землю все дорогое — совѣтъ этотъ, какъ мы уже видѣли, давался и прежде гетманомъ въ предостереженіе отъ шведовъ [1]).

Дѣйствительно царь и его министры показывали заботливость о здоровьи гетмана. Къ нему послали Семена Протасьева съ указомъ, позволяющимъ ради болѣзни оставаться при обозѣ на лѣвой сторонѣ Десны, а за Десну послать по своему разсмотрѣнію легкое войско компанейцевъ и сердюковъ. Протасьевъ увидѣлъ гетмана въ Борзнѣ, куда онъ прибылъ водою изъ Салтыковой-Дѣвицы [2]). Мазепа лежалъ въ постелѣ, едва говорилъ и казался уже при смерти, однако онъ изъявлялъ готовность идти далѣе, хотя бы пришлось гробъ за собою везти, хвалилъ министровъ за то, что указали Голицыну оберегать Украину отъ народнаго возмущенія [3]). Протасьевъ, воротившись, говорилъ Головкину, что гетманъ, можно сказать, совсѣмъ при смерти.

[1]) Письмо Орлика.

[2]) Нынѣ мѣст. Черниговскаго уѣзда, при р. Деснѣ и Дѣвицѣ.

[3]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.

Въ Борзну, по приглашенію умирающаго Мазепы, пріѣхалъ кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, возвращавшійся изъ Москвы съ своего посвященія, и совершилъ надъ нимъ обрядъ елеосвященія [1]. Министры и послѣ посѣщенія Протасьева продолжали посылать къ нему письма и торопить скорѣйшимъ выступленіемъ, а Мазепа, въ своемъ письмѣ къ Головкину, жаловался, что какъ будто недовѣряютъ его недугу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здоровье его и жизнь въ безнадежномъ состояніи [2]. Головкинъ въ своемъ отвѣтѣ увѣрялъ гетмана, что онъ ему вполнѣ вѣритъ и сожалѣетъ о его болѣзни, никакой клеветникъ не посмѣетъ говорить о гетманѣ дурно, потому что ему не повѣрятъ [3].

Между тѣмъ изъ письма Орлика мы узнаемъ, что у гетмана въ Борзнѣ происходило вотъ что.

Уже нѣсколько дней Ломиковскій и полковники настаивали, чтобы Мазепа посылалъ къ шведскому королю. Ма-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 года.

[2]) . . . давно бы уже я пошелъ въ дорогу, но въ своей болѣзни не только не могу ѣхать, но и на ложку самъ собою подняться и повернуться не могу, развѣ мене служащіи поднявъ перевернутъ на другую сторону; полкъ стрѣлецкій посылаю, а самъ въ Борзнѣ для обереженія Украины подожду, ожидая или смерти или облегченія, которое развѣ молитвами архіерейскими получу. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письма Мазепы).

[3]) . . . извольте ваше сіятельство сему, какъ и во всемъ прочемъ мнѣ вѣрить, что я есть истинный вашъ пріятель и о скорби вашей имѣю усердное сожалѣніе, какъ для особливой пріязни, такъ и для общихъ интересовъ; а что ваше сіятельство изволишь писать въ цидулѣ, будто нѣкакой лжеклеветникъ васъ обнесъ, что вы себѣ болѣзнь будто притворяете, то я вашему сіятельству истинно доношу, что ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а еслибъ сіе кто и дерзнулъ говорить, какъ бы могли оному въ томъ вѣрить, видя вашего сіятельства письма! — Мы вѣримъ вашему сіятельству во всемъ и безъ свидѣтельственныхъ писемъ, и зѣло о томъ соболѣзнуемъ (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письмо Головкина).

зепа все откладывалъ, представляя разныя неудобства. Наконецъ, въ Борзнѣ, вечеромъ, зоветъ къ себѣ гетманъ Орлика и говоритъ: «иди къ Ломиковскому и къ полковникамъ, пусть рѣшительно скажутъ, посылать ли къ королю, или оставить эту посылку». — «Я думаю, — говоритъ въ своемъ письмѣ Орликъ, — тогда Мазепа, говоря это, насъ испытывалъ».

Ломиковскій и полковники, выслушавши этотъ запросъ, говорили съ досадою: «мы видимъ у Мазепы «оспалость» и умедленіе; сколько разъ мы предлагали и просили его объ этомъ; надобно было посылать къ королю еще тогда, когда онъ только доходилъ до границы, а Мазепа все медлилъ и черезъ то навелъ великороссійскія войска въ Украину на разореніе и всенародное кровопролитіе; и теперь, когда уже шведы у насъ подъ носомъ, онъ невѣдомо зачѣмъ медлитъ».

Такимъ образомъ гетманъ довелъ старшинъ до того, что они заговорили такимъ тономъ, какъ будто гнѣваются на гетмана, зачѣмъ онъ, сообразно ихъ общей волѣ, не пристаетъ къ шведскому королю. Услышавши такія рѣчи отъ Орлика, онъ позвалъ къ себѣ Ломиковскаго и другихъ соумышленниковъ. «Все это лысый чортъ Ломиковскій мутитъ», сказалъ онъ.

Когда явились соумышленники, Мазепа принялъ гнѣвный видъ и говорилъ: «Чтò это? Вы не совѣтуетесь, а только меня судите! Ахъ чортъ васъ побери! Я вотъ возьму съ собою Орлика и поѣду ко двору царскаго величества, а вы себѣ тутъ хоть пропадайте!» [1]).

Но спустя немного времени онъ успокоился и уже безъ

[1]) . . . знаю я, что не хто иншій тое переговариваетъ, токмо тотъ чортъ лысый Ломиковскій. И призвавъ ихъ къ себѣ зъ великимъ гнѣвомъ сказалъ: вы не совѣтуете, токмо о мнѣ переговоруете, бери васъ чортъ! Я взявши съ собою Орлика до двору царского поеду, а вы хочъ пропадайте. (Письмо Орлика).

гнѣва спрашивалъ: «Ну, что же, посылать къ королю?» Ему отвѣчали: «Какъ же не посылать! Давно бы это надлежало сдѣлать и теперь не надобно откладывать» [1]).

Тогда Мазепа, какъ бы соображаясь съ тѣмъ, что услышалъ отъ старшинъ, приказалъ позвать Быстрицкаго. Это былъ полякъ, управитель у Мазепы въ его гетманской Шептаковской волости. Онъ, какъ говорятъ, состоялъ въ какотъ-то родствѣ или свойствѣ съ гетманомъ. Прежде всего Мазепа велѣлъ ему передъ всѣми присягнуть, что онъ будетъ хранить въ секретѣ то, что ему поручится. Быстрицкій исполнилъ это. Тогда Мазепа велѣлъ Орлику составить инструкцію къ графу Пиперу по-латыни, а своему аптекарю перевести ее на нѣмецкій языкъ, и вмѣстѣ съ латинскимъ подлинникомъ вручилъ Быстрицкому. Не было ни печати, ни подписи на этой инструкціи. Отъ себя лично Мазепа также не посылалъ никакого письма ни къ королю, ни къ графу Пиперу. Содержаніе этой инструкціи было таково: гетманъ поручалъ Быстрицкому передать свою радость по поводу вступленія шведскаго короля въ Украину, просилъ Карла оказать протекцію гетману Войска Запорожскаго и всему народу малороссійскому въ дѣлѣ освобожденія отъ тяжелаго московскаго ига. Онъ предлагалъ шведскимъ войскамъ безопасность и просилъ скорѣе прислать къ нему напередъ вспомогательный отрядъ для обороны, которому обѣщалъ устроить паромы для переправы на Деснѣ у Макошинской пристани [2]).

Мазепа, отправляя Быстрицкаго съ неподписанною и неприпечатанною инструкціею, не присоединивши къ ней

[1]) . . . и оставивши гнѣвъ вопрошалъ ихъ если посылать до короля?—Отвѣщали они: якъ же не посылать? Давно тое належало учинить и теперь не треба откладать (Письмо Орлика).

[2]) Макошинъ—село на Деснѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губ.

собственноручнаго письма, подвергалъ Быстрицкаго опасности, попавшись въ руки русскимъ, быть признаннымъ за одно изъ тѣхъ орудій, какими, по увѣренію Мазепы, его тайные и явные недоброжелатели много разъ старались набросить подозрѣніе на вѣрность гетмана своему государю. Конечно, на это разсчитывалъ Мазепа, отпуская Быстрицкаго съ такимъ недодѣланнымъ письменнымъ видомъ [1]). Въ исторіи, писанной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [2]), приводится письмо, посланное будто бы гетманомъ къ шведскому королю; но свидѣтельство Орлика о томъ, что Мазепа отправилъ Быстрицкаго съ неподписанною инструкціею, вѣроятнѣе, какъ извѣстіе лица ближе тогда стоявшаго къ этому дѣлу. Быть можетъ однако, письмо, приводимое Ѳеофаномъ въ переводѣ [3]), состав-

[1]) Письмо Орлика.

[2]) *Ѳеоф. Прокоповичъ*: „Ист. Петра Вел.", стр. 211 и 212.

[3]) . . . многими обидами малороссійскій народъ отъ великороссійскаго отягощенъ, ничего иного желати можетъ только удобнаго къ отмщенію времени и сильнаго нѣкоего избавителя, яковаго лучшаго не видитъ какъ твое величество, государя, своимъ природнымъ и людей своихъ мужествомъ, вездѣ славнаго и страшнаго; ниже быти можетъ удобнѣйшій къ тому часъ, яко время сіе, когда народъ нашъ поощряется къ дерзновенію, которое давно имѣлъ въ своихъ помыслахъ, но еще удобствія не видѣлъ. Не упустить же бы такъ полезнаго благовременія и не откладать начатаго поспѣха, дабы возженная въ народѣ ревность за продолженіемъ желанія своего не прохолонула (какъ то обыче бывати). Что про мене самого—съ клятвою извѣстно творю величеству вашему быти во мнѣ неотложное и ниже мало зыблющееся намѣреніе и вскорѣ подтвердити оное потщуся всякимъ прилежнѣйшимъ тщательствомъ, хотя того уже и не малая часть доселѣ дѣломъ явилася: уготованы лучшіе городы къ квартирамъ и оборонѣ, фуражъ, провіантъ и потребная амуниція, елико мощно намъ, готово довольно и выборныхъ платежныхъ козаковъ, кромѣ посполитыхъ городовыхъ полковъ; о запорожцахъ, что съ нами будутъ вѣдаемъ подлинно, да кромѣ того и татарской зъ Крыма помощи, по ихъ къ людямъ черкаскимъ склонности, надѣемся. А что двѣ несчастливыя мимошедшія баталіи

ляло смыслъ инструкціи, данной Быстрицкому, т. е. сущность того, что онъ долженъ былъ сказать графу Пиперу отъ имени своего гетмана.

Отправивши такимъ образомъ Быстрицкаго къ шведамъ, Мазепа въ тотъ же день послалъ Головкину письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ уже болѣе десяти дней не ѣстъ и не спитъ и едва живъ, только надѣется чудотворнаго облегченія отъ елеосвященія [1]).

Шведское войско шло по направленію къ Стародубу. Главная квартира русской арміи была въ Погарѣ. Высланный противъ непріятеля генералъ Инфлянтъ принужденъ былъ отступить. Русскіе думали, что непріятель попытается овладѣть Стародубомъ, но шведы прошли Стародубъ мимо и пошли вправо двумя колоннами, изъ которыхъ одна была подъ личнымъ предводительствомъ короля. Въ ночь съ 20 на 21 октября они были въ Семе-

не имѣютъ быти прогностикомъ дальшого поведенія, лучше толкуетъ ваша вамъ и храбрость и мудрость, такожъ и знаемый обычай фортуны, которая какъ смутное по веселомъ, такъ и по смутномъ веселое лице являетъ. Что и непріятель разсуждая (какъ то намъ его помыслы не невѣдомы) больше мню къ боязни нежели къ дерзости преклоненъ есть. Того ради вседушно просимъ и ожидаемъ поспѣшнѣйшаго в—ства вашего къ намъ пришествія, яко единого того всему намѣренному дѣлу счастія. Если же и король Станиславъ съ помощными силами не умедлитъ, то уже въ рукахъ нашихъ викторія.

[1]) ... устрашаютъ мя псаломническія словеса: всякаго брашна возгнушася душа ихъ и приближишася до вратъ смертныхъ; понеже болшъ отъ десяти день якъ ничого не ѣмъ ниже сплю и Богъ вѣсть если тые псаломническіе словеса не исполнятся на мнѣ; развѣ молитвами новаго архипастыря нашего преосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго, который возвращаяся з царствующаго великаго града Москвы засталъ мене тутъ въ болезнѣ и отправилъ надо мною елеосвященіе, обновитъ Господь Богъ здравіе мое облегченіемъ. (Арх. Ин. Дѣлъ Подлин. Письмо Мазепы 21 окт.).

новкѣ [1]); очевидно было, что они направлялись на Новгородъ-Сѣверскъ. Русская главная квартира перешла въ Гримячъ [2]). Русскіе военачальники рѣшили идти за непріятелемъ [3]). Меншиковъ съ кавалеріей находился между тѣмъ на другой сторонѣ—между Стародубомъ и Черниговомъ, слѣдилъ за движеніемъ непріятеля и, узнавши что непріятель поворотилъ отъ Стародуба, писалъ государю, что шведы вѣроятно намѣреваются удалиться на Волынь, потому что наступающая зима недозволитъ имъ идти далѣе въ Украину. Меншиковъ послалъ къ Мазепѣ и просилъ пріѣхать для совѣщанія, а самъ 20-го октября остановился со своею кавалеріей въ Горскѣ [4]). Но вмѣсто Мазепы пріѣхалъ къ Меншикову племянникъ гетмана Войнаровскій и привезъ отъ дяди письмо. Мазепа извѣщалъ Меншикова, что онъ при послѣднемъ издыханіи: отъ подагры и хирагры приключилась ему эпилепсія; извѣщая объ этомъ государя, Меншиковъ изъявлялъ сожалѣніе о болѣзни гетмана [5]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Меншиковъ отзывался вообще неодобрительно о козакахъ, которыхъ гетманъ, по царскому приказанію отправилъ на службу противъ шведовъ [6]).

[1]) Нынѣ село Глуховскаго уѣзда при р. Есмани.

[2]) Село Стародубскаго уѣзда на р. Судости.

[3]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина.

[4]) Нынѣ мѣстечко Городненскаго уѣзда при р. Сновѣ.

[5]) ... гетмана со дня на день къ себѣ ожидалъ, но вмѣсто него получилъ вчерашняго дня видѣть Войнаровскаго... о болѣзни своей гетманъ пишетъ, что отъ подагричной и хирагричной приключилась ему апелепсія. И сія вѣдомость зѣло меня опечалила—первое тѣмъ, что не получилъ его видѣть, другое тѣмъ, что жаль такова добраго человѣка ежели отъ болѣзни Богъ его необлегчитъ. (Гос. Арх. Письма Меншикова).

[6]) ... а что велѣно идти войску гетманскому и на то слабая надежда, понеже здѣсь мы видимъ ихъ, что всѣ въ великомъ страхѣ зъ домовъ своихъ совсѣмъ убравшись кой куда врознь разъѣзжаются, здѣшняго черниговского полку только съ полтараста человѣкъ здѣсь мы изобрѣли и тѣ изъ послѣднихъ, а изъ старшинъ почитай никого

Дѣйствительно отправленные гетманомъ въ походъ полковники, бывшіе въ соумышленіи съ гетманомъ, докладывали ему рапортомъ, что козаки миргородскіе, прилуцкіе и другихъ полковъ заволновались и просятъ, чтобъ ихъ не посылали за Десну, потому что великороссіяне причиняютъ ихъ братіи всякаго рода обиды и утѣсненія [1]). Подобное настроеніе козаковъ, показывавшее непріязненныя отношенія къ великороссійскому войску, было тогда на́-руку Мазепѣ и могло подавать ему надежды, что Карлъ найдетъ себѣ въ Украинѣ союзниковъ.

не видно, а который появится, да того жъ часу спѣшитъ до двора, чтобъ убратися и бѣжать. За благо вашей милости совѣтую, что мнѣ кажется время и самимъ вамъ скорѣе путешествовать ради лучшаго при сихъ обстоятельствахъ распоряженія. (Гос. Арх. Письма Меншикова).

[1]) По ординансу вашей вельможности приняли мы трактъ съ полками къ Новымъ Млинамъ для переправованя Сейму и простованя ку Деснѣ на службу вашего царскаго величества, кгды уже минулисьмо Борзну зайшло насъ зо всѣхъ полковъ при насъ знайдуючихся товариство со старшиною полковою и сотники большимъ гуртомъ нежели въ Салтыковой-Дѣвицѣ передъ окна станціи вашей вельможности приходили, не бунтуючись (чего уховай Боже) але з тымь озываючись, ижъ не тилько здоровя свого готовы не щадѣти за достоинство его царского пресвѣтлого величества але и головы з вылянемъ остатней кропли крови зложити рады. А просили насъ о донесеню вашей вельможности такого прошенія: понеже увѣдомилися они отъ приходячихъ зъ переяславскаго и нѣжинскаго полковъ въ Стародубщинѣ зостаючихъ товариства ижъ тамъ обрѣтаючимся великіи долегливости и тягости дѣются,—едныхъ выпрацовавши работою въ фортецы запроважено, другихъ не малое число на приватные войсковымъ людямъ необыклые послуги порозбирали, а найбарзѣй кгды отъ бѣглыхъ у Стародубщинѣ людей почули ижъ тыи худобы и жилищъ своихъ чрезъ спалене и руину позбывши съ самыми тилко душами въ сыи по семъ боку Десны знайдуючися збѣгли городы цѣле при упору ставши просили обы имъ не было указу вашей вельможности идти за Десну. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. Окт. 1708 г.).

Быстрицкій, отправившись вмѣстѣ со шведскимъ плѣнникомъ, представился шведскому королю въ селеніи Панoровкѣ [1]) на пути отъ Стародуба къ Деснѣ [2]). Отпущенный немедленно назадъ, онъ не привозилъ Мазепѣ ничего писаннаго, но устно сообщилъ, что король обѣщалъ быть къ Деснѣ 22 числа въ пятницу, когда воротился и Быстрицкій. 23 числа пріѣхалъ второпяхъ въ Борзну Войнаровскій и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ въ Борзну самъ Меншиковъ и прибудетъ къ обѣденному времени въ воскресенье. Самъ Войнаровскій говорилъ, что убѣжалъ отъ Меншикова тайно, покинувши и свои возы и прислугу, потому что услыхалъ, какъ одинъ офицеръ нѣмецкаго происхожденія говорилъ другому офицеру: «помилуй, Господи, этихъ людей! Завтра они будутъ въ кандалахъ».— «Я не знаю до сихъ поръ, — говоритъ передающій событія тѣхъ дней Орликъ, — точно ли слышалъ это Войнаровскій, или Мазепа научилъ его такъ говорить, чтобъ насъ всѣхъ обольщать» [3]). Но изъ писемъ Меншикова къ царю видно, что Меншиковъ дѣйствительно имѣлъ тогда намѣреніе посѣтить Мазепу.

Гетманъ, получивши извѣстіе, что пріѣдетъ къ нему Меншиковъ, тотчасъ «порвался какъ вихоръ», по выраженію современника, и поспѣшилъ въ свой Батуринъ. За нимъ поѣхали бывшіе при немъ старшины. Въ Батуринъ прибылъ онъ въ субботу уже поздно. Послѣдняя ночь, проведенная Мазепою въ своей резиденціи, прошла въ распоряженіяхъ. Нужно было спустить царскаго полковника Анненкова и гетманъ отправилъ его къ Меншикову съ письмомъ, въ которомъ просилъ прощенія своему племяннику Войнаровскому, ускользнувшему тайно отъ Мен-

[1]) Нынѣ мѣстечко Стародубскаго уѣзда при р. Ревкѣ въ 26 верстахъ отъ Стародуба.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 146.

[3]) Письмо Орлика.

шикова, и называлъ его поступокъ легкомысленнымъ [1]). Такъ-то благовиднымъ образомъ гетманъ успѣлъ удалить изъ Батурина царскаго наблюдателя за своими поступками, не смѣвшаго, разумѣется, подозрѣвать ничего дурного за Мазепой.

Послѣ того гетманъ поручилъ Батуринъ сердюцкому полковнику Чечелу, арматному асаулу Кенигсену, нѣмцу по происхожденiю, и батуринскому сотнику, по имени Димитрiю. Съ ними военной силы оставлено было въ Батуринѣ четыре сердюцкихъ полка (Чечеловъ, Покотиловъ, Денисовъ и Максимовъ) и часть городовыхъ полковъ Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго, которыхъ другая часть уведена была гетманомъ съ собою [2]). Начальныя лица, оставляемыя въ Батуринѣ, уже настроены были къ замыслу Мазепы. Гетманъ наказывалъ имъ не сдавать города, если придутъ русскiе, отбиваться отъ нихъ и дождаться шведской помощи; онъ обнадеживалъ, что возвратится къ нимъ на выручку скоро и приведетъ съ собою самого шведскаго короля съ его храбрымъ войскомъ. Утромъ въ воскресенье гетманъ простился на-вѣки съ своимъ Батуриномъ, переправился черезъ Сеймъ и въ тотъ же день къ вечеру прибылъ въ Коропъ [3]), переночевалъ тамъ съ 24 на 25 октября и въ понедѣльникъ 25 числа переправился черезъ Десну у Оболонья [4]). Козаки были увѣрены, что гетманъ по царскому указу ведетъ ихъ противъ непрiятеля [5]). Съ Мазепою переправилось войска отъ четырехъ до пяти тысячъ [6]). Другая часть, отъ пяти до ше-

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 146.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. Показанiе казака Дубяги.

[3]) Нынѣ заштатный городъ Кролевецкаго уѣзда, при р. Коропѣ.

[4]) Нынѣ мѣстечко Кролевецкаго уѣзда, на р. Деснѣ, въ 38 верстахъ отъ Кролевца.

[5]) *Голиковъ:* „Дѣянiя Петра Вел.“, т. III, стр. 38.

[6]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., т. III, стр. 147.

сти тысячъ, оставлена была на лѣвомъ берегу Десны [1]). Такъ какъ иные козацкіе полки заранѣе были разосланы на царскую службу въ разныя мѣста, то вмѣсто тысячъ двадцати готовыхъ и вооруженныхъ, какъ надѣялся Карлъ по обѣщаніямъ отъ Мазепы, его новый союзникъ едва могъ привесть и четверть обѣщаннаго числа. Но и съ тѣми нужно было еще объясняться. Кромѣ немногихъ единомышленниковъ, никто изъ старшинъ, ни изъ рядовиковъ не воображалъ узнать внезапно отъ своего предводителя, что онъ ведетъ ихъ вовсе не на бой съ царскимъ непріятелемъ. Послѣ переправы черезъ Десну, двинувшись немного впередъ, гетманъ приказалъ козакамъ построиться и началъ говорить рѣчь. Тутъ только гетманъ объявилъ своему козачеству, что онъ ведетъ его не противъ короля, а противъ царя — утѣснителя козацкой вольности. Гетманъ исчислялъ разныя утѣсненія, которыя творилъ царь на Украинѣ, и какъ на главное указывалъ, что онъ хочетъ козаковъ повернуть въ солдаты. Такіе слухи давно уже ходили между козаками. Гетманъ увѣрялъ, что, часто бесѣдуя съ царемъ, онъ вывѣдалъ всѣ его тайныя намѣренія: хочетъ онъ потоптать всѣ вольности и права Украины и ввести московское правительство въ краѣ. Мѣтко было задумано Мазепою затронуть козацкое сердце: боязнь московскаго правительства и начальствующихъ лицъ великороссійскаго происхожденія вмѣсто туземцевъ тревожила малороссіянъ при прежнихъ гетманахъ и передавалась въ поколѣнія.

«Я, — говорилъ Мазепа, — много разъ старался отвратить царя отъ намѣреній погибельныхъ для всего народа малороссійскаго. Но изъ того не вышло ничего добраго: только я самъ подпалъ его гнѣву и злобѣ и не нашелъ иного способа спасенія себѣ, какъ обратиться къ велико-

[1]) *Fryxel*, т. I. стр. 129.

душію шведскаго короля. Онъ обязывается уважать наши права и вольности и защищать ихъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые на нихъ посягаютъ и впередъ станутъ посягать. Братія! пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаемъ: отомстимъ москалямъ за ихъ долговременное насиліе надъ нами, за всѣ совершенныя ими жестокости и несправедливости, охранимъ на будущія времена нашу свободу и права козацкія отъ ихъ посягательствъ! Вотъ когда пришло время свергнуть съ себя ненавистное ярмо и сдѣлать нашу Украину страною свободною и ни отъ кого независимою. Вотъ къ какой будущности я васъ всѣхъ призываю. Вы, братія, вѣрно достигнете этой цѣли при вашемъ мужествѣ и при содѣйствіи шведскаго короля, который предлагаетъ вамъ воевать противъ москалей вмѣстѣ со шведами» [1]).

Рѣчь гетмана прослушана была безъ отвѣта [2]). Каждый изъ непосвященныхъ заранѣе въ замыслы гетмана не смѣлъ ему противорѣчить: каждый думалъ, что вѣроятно у гетмана есть уже много желающихъ поступать по его волѣ; слѣдовательно, открытое противорѣчіе не остановитъ предпріятія, а только можетъ повредить тому, кто станетъ говорить наперекоръ предводителю [3]). Поэтому многіе, сразу не пожелавшіе идти по пути указываемому гетманомъ, предпочли, не сопротивляясь ему, улизнуть отъ него, когда придетъ удобное время.

Гетманъ послалъ обознаго Ломиковскаго и писаря Орлика къ начальникамъ передоваго шведскаго поста, состоявшаго изъ двухъ драгунскихъ полковъ. Они квартировали въ деревнѣ за Орловкою [4]). Командирами были Гьельмъ и

[1]) Ibid. — *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.", т. III, стр. 38.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., т. III, стр. 147.

[3]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.", т. III, стр. 39.

[4]) Нынѣ мѣстечко Новгородсѣверскаго уѣзда, при рѣкѣ Убѣди, въ 37 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска.

Гилленстіерна. Они были изумлены такимъ неожиданнымъ появленіемъ. Полковникъ Гьельмъ рѣшительно не повѣрилъ и подозрѣвалъ непріятельскую уловку. У него въ полку служилъ капитаномъ одинъ итальянецъ, который былъ прежде въ русской службѣ и зналъ Мазепу лично. Гьельмъ послалъ его къ козакамъ узнать навѣрное, что это значитъ. Не долго исполнялъ свое порученіе итальянецъ; онъ вернулся быстро и донесъ полковнику, что самъ гетманъ прибылъ съ нимъ.

Гьельмъ принялъ Мазепу съ честью, подобавшею высокому званію главы народа и войска, и гетманъ оставался у шведскихъ полковниковъ до 28 октября. Между тѣмъ полковники немедленно дали знать о всемъ своему королю, котораго главная квартира находилась въ Горкахъ [1]), надъ самою Десной [2]).

Король долженъ былъ уже ожидать прихода козацкаго гетмана, такъ какъ о томъ предварилъ его Быстрицкій. Но король еще не довѣрялъ искренности человѣка, такъ долго и вѣрно служившаго своему государю, тѣмъ болѣе, что королю дѣлались извѣстными универсалы гетмана къ малороссійскому народу, писанные на-показъ русскимъ и потому не выражавшіе расположенія къ шведамъ. Это-то и было причиной, что король не торопился переходить Десну, тогда какъ у Мазепы было желаніе, чтобы король перешелъ эту рѣку прежде, чѣмъ гетманъ объявитъ себя во всеуслышаніе на его сторонѣ [3]). Вѣроятно, гетманъ разсчитывалъ, что край, лежащій по лѣвую сторону Десны, ему будетъ болѣе послушенъ: жители его въ этнографическомъ смыслѣ были коренные малороссіяне и притомъ

[1]) Нынѣ мѣстечко Новгородсѣверскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, по дорогѣ въ Сосницу.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 147 и 148.

[3]) *Ѳеофанъ Прокопов.*: „Исторія Петра Вел.“, стр. 213. — *Катифора:* „Житіе Петра Вел.“, IV, 247.

этотъ край присоединенъ былъ съ остальною Малороссіей къ московской державѣ только при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда какъ правая сторона Десны въ давнія времена, еще въ XV и въ XVI вѣкахъ, составляла достояніе Москвы и жители ея образовывали переходную народность между великороссійскою и малороссійскою. Очень можетъ быть, что такія соображенія побуждали гетмана желать, чтобы шведскій король скорѣе перешелъ Десну, и тогда уже гетманъ могъ прямо открыться съ своимъ замысломъ. Карлъ, по замѣчанію современниковъ, сомнѣвался и потому, достигши Десны, заложилъ свой станъ на ея правомъ берегу.

Пока извѣщали шведскаго короля, Мазепа опять созвалъ своихъ козаковъ и велѣлъ имъ присягнуть, что вступаютъ въ союзъ со шведами для освобожденія Украины отъ московскаго ига [1]). Но тутъ только увидалъ Мазепа, какъ мало военной силы приходилось ему представить своему союзнику. Осталось у него, по однимъ извѣстіямъ, полторы тысячи человѣкъ [2]), по другимъ—нѣсколько сотъ,—много до тысячи [3]). Всѣ остальные дали тягу, раскусивши въ чемъ дѣло и что̀ съ ними замышляютъ творить, не спросивши у нихъ предварительно о желаніи [4]).

Вечеромъ 28 октября Мазепа пріѣхалъ къ шведскому королю. Гетманъ представился ему на другой день, 29 октября. Около короля находились тогда знатнѣйшіе вельможи и военачальники; между ними были: канцлеръ графъ Пиперъ, генералъ-квартирмейстеръ Гилленкрокъ, верховный судья, два генералъ-адъютанта и нѣсколько полковниковъ. Съ Мазепою внесли два знака его гетман-

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 148.

[2]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 39.

[3]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 148.—*Fryxel*, т. I, стр. 129.

[4]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 39.

скаго достоинства—бунчукъ и булаву. Мазепа произнесъ передъ королемъ короткую, но складно составленную рѣчь на латинскомъ языкѣ. Въ этой рѣчи онъ просилъ короля оказать козакамъ покровительство и благодарилъ Бога за то, что посылаетъ имъ избавленіе отъ царскаго рабства. Въ уваженіе къ лѣтамъ и къ подагрическимъ страданіямъ гетмана, его пригласили сѣсть. Король бесѣдовалъ съ нимъ стоя.

Такъ велась бесѣда шведскаго короля съ гетманомъ до полудня. Шведы съ любопытствомъ смотрѣли на Мазепу и слушали его рѣчи. По извѣстію секретаря Карла XII, передъ ними былъ старикъ 66 лѣтъ отъ роду, средняго тѣлосложенія, худощавый, безъ бороды, но съ усами по польскому обычаю. Вообще онъ имѣлъ видъ важный, но временами проявлялъ проблески веселаго и живаго нрава, шутилъ съ очень мѣткимъ остроуміемъ и развеселялъ слушателей; въ рѣчахъ его замѣчали большой тактъ и много ума. Видно было, что онъ былъ человѣкъ образованный и превосходно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Карлу онъ сразу понравился и былъ приглашенъ къ королевскому столу, вмѣстѣ съ ближайшими къ нему особами изъ генеральныхъ старшинъ. Для прочихъ козаковъ накрыто было два большихъ стола и, кромѣ того, нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласили еще обѣдать къ себѣ графъ Пиперъ и генералъ Реншильдъ.

Послѣ обѣда король отошелъ въ свои покои, а за нимъ Мазепа съ бунчукомъ и булавой; въ знакъ своей покорности королевской волѣ, онъ положилъ эти знаки къ ногамъ шведскаго короля. Наконецъ, гетманъ простился съ королемъ и сѣлъ на коня при звукѣ трубъ, на которыхъ заиграли его люди.

Пришло извѣстіе, что партія царскаго войска была выслана схватить Мазепу, не допустивъ его до переправы черезъ Десну, и овладѣла нѣсколькими экипажами изъ его обоза,

не успѣвшими переправиться. Король послалъ въ тотъ же вечеръ полковника Дельдорфа съ шведскою кавалеріей и козаками внизъ Десны къ Оболонью слѣдить за движеніями непріятеля и прикрывать лѣвое крыло войска [1]). Отъ 25 до 30 октября шведская главная квартира продолжала находиться въ Горкахъ.

29 числа совершился переходъ царскаго войска черезъ Десну. Русскіе, слѣдуя позади шведовъ, спѣшили предупредить переходъ черезъ Десну своихъ непріятелей, приказавши заднимъ частямъ войскъ жечь на покидаемомъ берегу жилыя мѣстности, въ томъ числѣ Почепъ [2]) и Погаръ [3]). Русскій главнокомандующій Шереметевъ долго не подозрѣвалъ Мазепы и, въ день своего перехода черезъ Десну, писалъ къ нему, убѣждая послать универсалы по всей Малороссіи, чтобы народъ не склонялся на «прелестные» шведскіе универсалы, распущенные по краю [4]).

Между тѣмъ въ воскресенье, 24 октября, Меншиковъ, какъ обѣщалъ посѣтить лично гетмана, отправился въ путь; но, доѣхавши до Мены [5]), встрѣтилъ ѣдущаго къ нему полковника Анненкова. Тотъ подалъ Меншикову письмо отъ Мазепы и извѣстилъ, что Мазепа пріѣхалъ въ Батуринъ. Меншикову не приходилось уже ѣхать въ Борзну и онъ сказалъ Анненкову: «пошли же скорѣй нарочнаго къ гетману извѣстить, что я къ нему ѣду». Но вдругъ пріѣзжаетъ кіевскій губернаторъ, князь Дм. Мих. Голицынъ. Должно быть онъ находился гдѣ нибудь вблизи, такъ какъ на него возложена была обязанность наблю-

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 150.

[2]) Нынѣ мѣст. Мглинскаго уѣзда, при р. Судости.

[3]) Нынѣ Зашт. городъ Стародуб. уѣзда, при той же рѣкѣ.

[4]) Гос. Арх. Письма Шереметева къ царю.

[5]) Нынѣ мѣстечко Сосницкаго уѣзда, на р. Менѣ, въ 21 верстѣ отъ Сосницы и въ 65 отъ Чернигова.

дать за спокойствіемъ народа въ Малороссіи. Оба военачальника стали догадываться, что происходитъ что-то недоброе: послѣдніе поступки Мазепы заставляли всѣхъ и даже самого царя призадумываться и приглядываться, хотя ни царь, ни вельможи не рѣшались оскорблять гетмана явными сомнѣніями [1]).

Меншиковъ и Голицынъ переправились въ ночь съ 24 на 25 число черезъ Десну и быстро покатили въ Батуринъ. Въ селѣ Обмачевѣ, близъ Батурина, явился къ Меншикову нѣкто Соболевскій и объявилъ за собою *слово и дѣло государево*. Его позвали на свиданіе съ Меншиковымъ въ одну сельскую хату.

Онъ сказалъ: «Мазепа уѣхалъ къ шведскому королю, а въ Батуринѣ далъ приказаніе не впускать русскихъ, пока онъ самъ не придетъ со шведскими силами, если русскіе придутъ въ большомъ числѣ; если же въ небольшомъ, то впустить, но задержать военачальниковъ».

Поразительна была такая вѣсть. Меншиковъ обошелся ласково съ Соболевскимъ, но вполнѣ ему еще не повѣрилъ. Оба военачальника поѣхали далѣе въ Батуринъ и пріѣхали туда къ полудню [2]).

Въ батуринскомъ подворкѣ оставались русскіе офицеры и солдаты полка Анненкова. Они объявили, что гетманъ вчера, въ воскресенье, уѣхалъ въ Коропъ. Сердюки и батуринскіе обыватели ушли въ замокъ и заперлись въ немъ. На стѣнахъ стояли вооруженные люди; наведены были пушки. Меншиковъ отправилъ Анненкова объясниться съ запершимися въ осаду.

«Что это значитъ? — спрашивалъ Анненковъ подъѣхавши къ стѣнамъ. — Зачѣмъ вы укрѣпились будто противъ непріятеля? Отворите ворота, впустите въ городъ князей и съ ними царскихъ ратныхъ людей».

1) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.", т. III, стр. 38.

2) Арх. Юст., 1718 г., № 23/1750, стр. 750.

Ему отвѣчали со стѣнъ: «Гетманъ не велѣлъ впускать никого изъ великороссійскихъ людей, потому что отъ нихъ дѣлается великое разореніе малороссійскимъ людямъ, и уже не мало городовъ и селъ совсѣмъ отъ нихъ пропали».

«Но гдѣ же гетманъ? «спрашиваетъ Анненковъ.

Ему отвѣчали: «Онъ уѣхалъ въ Коропъ, оттуда отправится къ царскому войску».

«Злой у нихъ поступокъ!»—сказали военачальники и отправились въ Коропъ, гдѣ надѣялись быть можетъ застать гетмана.

Доѣхали они до мѣстечка Новые Млины [1]). Тамъ получили они извѣстіе, что Мазепа переправился черезъ Десну подъ Оболонью.

«Теперь,—сказалъ Меншиковъ,—уже ясно, что онъ отъѣхалъ къ непріятелю! Вотъ зачѣмъ Войнаровскій въ прошлую пятницу ночью, не простясь со мною, уѣхалъ отъ меня и съ тѣхъ поръ гетманъ ко мнѣ не отзывался! Вотъ зачѣмъ, уѣзжая изъ Батурина, онъ никого изъ русскихъ съ собою не взялъ, а заранѣе ихъ по сторонамъ разослалъ! Иначе нельзя разсуждать о томъ, какъ только что совершенно измѣнилъ».

Меншиковъ отправился въ Макошинъ [2]). Тамъ къ нему стали являться сотники и разные козаки изъ ближнихъ мѣстъ, подтверждали извѣстіе объ отъѣздѣ Мазепы къ непріятелю, порицали его поступокъ и просили ходатайствовать за себя предъ царемъ, такъ какъ они вовсе не причастны измѣнѣ гетмана. Меншиковъ отправилъ къ царю курьера, извѣщалъ о случившемся и подавалъ совѣтъ поскорѣе «утвердить» простой народъ чрезъ публичное извѣщеніе, выставивши на видъ всѣ озлобленія и тягости

[1]) Нынѣ мѣстечко Сосницкаго уѣзда, при рѣкѣ Сеймѣ, въ 15 верстахъ отъ Сосницы.

[2]) Нынѣ село Сосницкаго уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ, въ 13 верстахъ отъ Сосницы.

какія чинились народу во время гетманскаго управленія Мазепы, чтобы такимъ образомъ народъ не склонялся къ его «прелестямъ». Впрочемъ, ни между полковыми старшинами, ни въ простонародьи Меншиковъ не замѣчалъ пока ничего дурного [1]).

Понятно, какъ была должна поразить царя такая новость; ни для кого она не была такъ неожиданна, какъ для него, потому что никто какъ онъ не былъ такъ твердо убѣжденъ въ прямотѣ и вѣрности къ себѣ Мазепы. Но никакая неожиданность не могла поразить и потрясти царя Петра; онъ всегда и вездѣ умѣлъ найтись и сообразить что̀ ему въ данное время дѣлать. Онъ получилъ письмо утромъ 27-го числа въ Погребкахъ, а въ слѣдующую ночь послалъ Меншикову такой отвѣтъ:

«Мы получили письмо ваше о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской съ великимъ удивленіемъ. Надлежитъ трудиться какъ бы тому злу забѣжать и не допустить войску козацкому переправляться черезъ рѣку Десну по прелести гетманской: немедленно пошли къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они, нѣсколько полковъ драгунъ, которые бы имъ помѣшали. А полковниковъ и старшину вели сколько возможно ласково призывать и говорить имъ, чтобъ они тотчасъ ѣхали сюда для избранія новаго гетмана. А буде полковникъ миргородскій гдѣ по близости обрѣтается, то прикажи его сыскавъ къ намъ прислать, обнадежа его милостію нашею, потому что онъ великій былъ непріятель Мазепѣ. И вы немедленно пріѣзжайте».

[1]) ... при семъ еще доношу, что въ здѣшней старшинѣ, кромѣ самыхъ высшихъ, такожъ и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго злого гетманского учинку, никакова худа ни въ комъ не видѣть, но токмо ко мнѣ изо всѣхъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчане и приносятъ на него въ томъ нареканіе и много просятъ меня со слезами, чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить до погибели (Госуд. Арх. Письмо Меншикова къ царю 26 октября).

Ни царь, ни его близкіе совѣтники не знали еще, какъ отзовется отступленіе гетмана къ шведамъ на малороссійскій народъ, и потому первое, за что тогда ухватились, было обращаться съ малороссіянами ласково, чтобы расположить ихъ къ себѣ и отвратить отъ гетмана. Царю мало были извѣстны внутреннія отношенія въ Гетманщинѣ и оттого въ письмѣ къ Меншикову, писанномъ такъ-сказать сгоряча, обращается вниманіе на миргородскаго полковника, считавшагося врагомъ гетмана. Никто не подозрѣвалъ, что этотъ мнимый врагъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ участниковъ замысла Мазепы.

Въ тотъ же день написанъ былъ манифестъ: царь извѣщалъ все войско козацкое, стоявшее у Десны и по инымъ мѣстамъ, а равно и всѣ духовные и мірскіе чины въ Малой Россіи, что гетманъ Мазепа куда-то безвѣстно пропалъ и возникаетъ сомнѣніе, нѣтъ ли тутъ непріятельскихъ «факцій». Поэтому вмѣнялось въ обязанность всѣмъ генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ и прочимъ немедленно ѣхать въ царскій обозъ для совѣта, а еслибы оказалось, что гетманъ измѣнилъ, то и для выбора новаго гетмана. Видно было, что царь до такой степени довѣрялъ гетману, что и теперь еще сомнѣвался и не рѣшался заявить, что гетманъ измѣнилъ. Этотъ манифестъ разосланъ былъ во многихъ спискахъ по всѣмъ полкамъ съ собственноручною царскою подписью, а на оберткѣ было означено приказаніе разсылать его отъ сотни до сотни какъ можно скорѣе (пилно, пилно).

На слѣдующій день явился къ царю убѣжавшій изъ Батурина канцеляристъ Андрей Кандыба и принесъ царю несомнѣнное извѣстіе: гетманъ съ нѣкоторыми генеральными старшинами и полковниками ушелъ къ шведамъ, а для защиты въ Батуринѣ оставилъ сердюковъ и козаковъ [1]).

[1]) *Ригельманъ*: „Лѣтоп. Повѣств. о Малой Россіи“, ч. III, стр. 35.

Тогда изданъ былъ другой манифестъ, гдѣ уже прямо заявлялось, какъ вполнѣ извѣстное государю: гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свое крестное цѣлованіе, отъѣхалъ къ непрі́ятелю, шведскому королю, по договору, заключенному прежде съ нимъ и съ Лещинскимъ, дабы при ихъ содѣйствіи поработить малороссійскій край по прежнему подъ польское владѣніе и отдать въ унію церкви Божія и славные монастыри. Приглашались всѣ старшины генеральные и полковые съѣзжаться въ городъ Глуховъ для выбора новаго гетмана вольными голосами, сообразно стариннымъ козацкимъ правамъ [1]).

29-го числа октября царь разослалъ пригласительныя письма къ полковникамъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и къ кошевому атаману въ Сѣчу [2]). Царь убѣждалъ всѣхъ ихъ отвращаться отъ «прелестей» измѣнника, который имѣетъ замыселъ поработить малороссійскій народъ полякамъ и ввести унію, каждаго приглашалъ въ Глуховъ для выбора гетмана, а тѣхъ, которые за отступленіемъ настоящихъ полковниковъ были наказными, заранѣе давалъ обѣщаніе произвести въ настоящіе. Тогда же было послано письмо полковнику Чечелу, начальствовавшему въ Батуринѣ. Ни мало не показывая тѣни сомнѣнія въ вѣрности Чечела, царь указывалъ впустить въ за́мокъ одинъ полкъ велико-

[1]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 172.

[2]) Одно изъ такихъ писемъ къ наказному полковнику нѣжинскому Жураховскому показываетъ, что государю были извѣстны уже тогда обстоятельства, сопровождавшія переходъ Мазепы къ шведамъ: „указъ нашъ получилъ идти за Десну противъ непріятеля, и когда перешедъ за Десну приблизился къ войску непріятельскому, тогда войско малороссійское поставя въ боевой строй, объявилъ, что онъ пришелъ не биться, но служить королю шведскому, и тако тѣмъ льстивнымъ образомъ вся старшина и полковники достались въ руки непріятелю (*Ригельманъ*: „Лѣт. Повѣтств. о Малой Россіи“, ч. III, стр. 37).

россійской пѣхоты для безопасности отъ непріятеля и обѣщалъ скоро самъ лично пріѣхать въ Батуринъ [1]).

Тогда же царь написалъ объ отступленіи Мазепы къ своимъ любимцамъ генераламъ, находившимся въ разныхъ сторонахъ: къ Толстому, къ Апраксинымъ, Шереметеву, Долгорукимъ и другимъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, къ графу Ѳед. Матв. Апраксину, царь выражался: «нужда повелѣваетъ явити, что учинилъ новый Іуда Мазепа, ибо 21 годъ бывъ въ вѣрности, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Однакожъ Богъ правосуденъ, который такимъ злымъ никогда исполнить не допускаетъ своего намѣренія. Понеже какъ слышимъ, что житіе его кромѣ Бога было, то надежда въ Богѣ, что себѣ вящее зло исходатайствуетъ (чему пособитъ и кровь Самуйлова) нежели тому, кому зла хотѣлъ» [2]). Такъ въ первый разъ вспомнилъ русскій царь о несчастномъ Самойловичѣ, тогда какъ послѣдній уже успѣлъ умереть въ ссылкѣ и нищетѣ, а его семейство и родные гибли въ угоду ласкаемаго царемъ Мазепы, который только теперь показалъ себя чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

30-го октября пріѣхалъ въ Погребки [3]) Меншиковъ и тогда состоялся военный совѣтъ, положившій взять Батуринъ и, въ случаѣ сопротивленія, истребить его какъ главный притонъ силы непріязненной царю Малороссіи. Ранѣе Меншикова пріѣхалъ къ Батурину князь Дм. Мих. Голицынъ и послалъ въ замокъ царскій указъ. Бывшіе тамъ старшины и товарищи дали такой отвѣтъ: «безъ новаго гетмана мы не пустимъ въ замокъ москалей, а гетмана выбрать надлежитъ общими вольными голосами; те-

1) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XV, стр. 218.

2) Ibid. „Дѣянія", т. III, стр. 44.—„Дополн. къ Дѣян.", т. XV, стр. 200.

3) Нынѣ село Новгородсѣверскаго уѣзда, при р. Деснѣ.

перь же, когда непріятель шведъ стоитъ въ нашей землѣ, невозможно выбирать гетмана» [1]).

Къ полудню 31-го октября прибылъ къ Батурину Меншиковъ съ великорусскими силами и послалъ въ замокъ сотника Андрея Марковича. Замокъ былъ отовсюду запертъ, ворота засыпаны землею, но сотнику дали возможность туда проникнуть, встащивши его по стѣнѣ. Сперва Марковичъ подвергся трёпкѣ отъ мятежной толпы и не безъ труда добился, чтобъ его провели къ сердюцкому полковнику Чечелу. Кромѣ Чечела и Фридриха Кенигсена, арматнаго асаула, которымъ Мазепа поручилъ охрану Батурина, тамъ были въ тѣ дни вліятельными лицами: Левонъ Герцикъ, бывшій полтавскій полковникъ, генеральный асаулъ Гамалѣя, *реентъ* (дѣлопроизводитель) Мазепиной канцеляріи, батуринскій сотникъ и батуринскій городничій [2]). Марковичъ отъ княжескаго имени убѣждалъ отворить ворота и впустить царское войско въ Батуринъ. Ему отвѣчали: «этого мы не смѣемъ сдѣлать, потому что гетманъ не приказалъ».

«Но гетманъ вашъ измѣнилъ, переѣхалъ къ непріятелю, — представлялъ имъ Марковичъ. — Вы же вѣрные подданные люди государя, а князь Меншиковъ министръ нашего государя, такъ какъ же можно вамъ передъ нимъ завторяться?»

Ему отвѣчали:

«Мы не смѣемъ безъ региментарскаго приказанія, а чтобъ нашъ гетманъ измѣнилъ и отъѣхалъ къ непріятелю, тому повѣрить мы никакъ не можемъ».

Напрасно сотникъ уговаривалъ ихъ не прикидываться незнайками, напрасно представлялъ имъ доводы, что въ

[1]) Гос. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова отъ 31 октября.
[2]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 39.

царскомъ войскѣ уже всѣ довольно объ этомъ знаютъ [1]), всѣ убѣжденія остались безуспѣшны.

Послѣ полудня царскіе полководцы стали готовить полки къ переправѣ черезъ рѣку Сеймъ: тамъ уже прежде были мосты, но передъ приходомъ царскихъ силъ осажденные ихъ разметали. Надобно быдо наводить и исправлять ихъ, какъ вдругъ изъ замка выставлено было шесть пушекъ и направлено на царское войско.

Полки двинуты были по берегу ниже и поставлены въ строй: неизвѣстно, находили ли тамъ удобнѣе строить мосты или переходить рѣку въ-бродъ. Но, увидя движеніе русскаго войска, изъ за́мка выѣхали пять человѣкъ мазепинцевъ и кричали черезъ рѣку: «не ходите, а если пойдете силою, то станемъ васъ бить».

Изъ царскаго войска имъ закричали: «пусть придутъ къ намъ человѣка два-три на разговоръ». Но изъ Батурина отвѣчали ругательными криками.

Тогда въ двухъ лодкахъ предводители переправили 50 гренадеровъ на другой берегъ и тотчасъ тѣ батуринцы, которые были высланы изъ замка съ пушками, «съ великою тревогою» побѣжали въ городъ, а русскіе свободно стали направлять мосты, съ тѣмъ, чтобы перебраться черезъ рѣку ночью. «Ни малѣйшей склонности къ добру у нихъ не является и всѣ говорятъ, что хотятъ до послѣдняго человѣка всѣ держаться», писалъ Меншиковъ въ донесеніи своемъ царю вечеромъ 31 октября.

Наступила ночь. Меншиковъ помѣщался въ хатѣ, въ поселкѣ, находившемся за рѣкою. Тутъ явились къ нему депутаты изъ Батурина: они увѣряли, что еслибы въ самомъ дѣлѣ гетманъ измѣнилъ государю, то они остаются въ прежней вѣрности и готовы впустить царскія военныя силы въ батуринскій замокъ, только просили дать имъ на

[1]) Ibid., стр. 40.

размышленіе три дня сроку. Меншиковъ понялъ, что это говорилось «съ звычайною политикою» и батуринцы думаютъ выиграть время, пока успѣютъ шведы явиться къ нимъ на выручку.—«Довольно съ васъ времени намыслиться одной ночи до утра» [1).—сказалъ имъ Меншиковъ. Депутаты ушли, дожидаясь впрочемъ письменнаго отвѣта.

Наступило утро. Не получивши письменнаго отвѣта, батуринцы стали палить изъ пушекъ и въ это время вспыхнулъ пожаръ на подворкѣ, иначе на посадѣ. Это показывало, что, собираясь защищаться и согнавши жителей въ за̀мокъ, мазепинцы готовы стоять до послѣдней капли крови и истребляютъ жилища около замка, чтобы не дать своимъ непріятелямъ тамъ пристанища. Меншиковъ, въ видѣ отвѣта на ихъ письмо, принесенное ночью, послалъ къ нимъ письменное предложеніе. Письмо послано было съ ка̀кимъ-то Зажарскимъ. Батуринцы впустили его въ за́мокъ, собрали раду и хотѣли читать письмо Меншикова, но тутъ раздались рѣзкіе крики: «нѐкогда чинить намъ отповѣди». Противъ самого Зажарскаго возбудилась такая злоба, что его чуть-чуть не растерзали въ куски, однако удержались отъ убійства и только выгнали съ такимъ единогласнымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ: «всѣ здѣсь помремъ, а президіума не пустимъ» [2]).

Въ ночь на 2-е ноября все измѣнилось. Въ батуринскомъ замкѣ между козаками была часть Прилуцкаго полка; одинъ изъ полковыхъ старшинъ, Иванъ Носъ, явился къ Меншикову и указалъ ему тайный способъ добыть Батуринъ [3]). По преданію, Носъ указалъ въ батуринской стѣнѣ незамѣтную ни для кого калитку, черезъ которую

[1]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова 1 ноября.— *Ригельманъ*, ч. Ш, стр. 40.

[2]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова 1 ноября.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ, № 83. Жалованная царская грамота Носу 14 ноября 1708 года.

возможно было во время ночи, гуськомъ, царскимъ людямъ проникнуть въ замокъ. Меншиковъ отрядилъ туда солдатъ. Тайный входъ былъ открытъ; за первыми, туда вошедшими, послѣдовали другіе, а съ другой стороны былъ начатъ приступъ и батуринцы, отбивавшись въ продолженіи двухъ часовъ, наконецъ сдались [1]). Осталось еще преданіе, что когда въ Батуринѣ услыхали, что тайный входъ открытъ, туда поспѣшила горсть осажденныхъ, предводительствуемая діакономъ, съ которымъ неразлучно находилась его дочь дѣвица. И отецъ и дочь погибли въ сѣчѣ.

Петръ получилъ извѣстіе о взятіи Батурина, находясь уже въ Воронежѣ [2]). Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, немедленно благодарилъ письменно Меншикова и отдавалъ судьбу взятаго города на волю и благоусмотрѣніе побѣдителя: если найдетъ, что Батуринъ можетъ отстояться отъ непріятеля, то оставить въ немъ гарнизонъ, въ противномъ случаѣ сжечь его и всю артиллерію постараться скорѣе увезти оттуда, а также взять съ собою булаву, знамена и всю гетманскую канцелярію [3]).

Тогда Батуринъ былъ сожженъ. Жители отъ мала до велика подверглись поголовному истребленію, исключая начальныхъ лицъ, которыхъ пощадили для казни. Впрочемъ, многіе успѣли уйти заранѣе и остаться цѣлыми. Это видно изъ того, что впослѣдствіи возвращались въ Батуринъ многіе обыватели на свои мѣста. Кенигсенъ, тяжело раненый, думалъ скрыться, но былъ схваченъ. Чечелъ успѣлъ убѣжать, но въ одномъ ближайшемъ се-

[1]) Гос. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова 2 ноября въ 2 часа пополудни.

[2]) Нынѣ большое мѣстечко Глуховскаго уѣзда, при рѣкѣ Осакѣ, въ 34 вер. отъ Глухова, на дорогѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 годъ. Подлин. письмо Петра отъ 2 ноября.

леніи его узнали козаки и выдали Меншикову [1]). Общія свидѣтельства единогласно говорятъ, что надъ жителями Батурина совершено было самое варварское истребленіе. Самъ Меншиковъ не писалъ о томъ къ царю, предоставляя сообщить ему обо всемъ изустно [2]).

Вѣсть о судьбѣ гетманской столицы произвела страш-

[1]) „Въ Лѣтописномъ Повѣствованіи" *Ригельмана* (ч. III, стр. 42): ...повелѣлъ (Меншиковъ) не щадить ни одного человѣка, кромѣ начальниковъ ихъ и двухъ полковниковъ сердюцкихъ, буде можно, яко главныхъ въ крѣпости оной бунтовщиковъ и измѣнниковъ, представить къ нему для доставленія государю къ учиненію имъ достойной казни, а прочее все, исключая орудія, предать въ добычу солдатамъ, что въ самое короткое время и исполнено: люди всѣ мечу преданы, какъ въ крѣпости, такъ и въ предмѣстьи безъ остатку, не щадя ниже младенцевъ, не только старыхъ; начальники, какіе скрыться не могли и убиты не были, тѣ плѣнными взяты. Богатство Мазепино великое въ добычь побрано, орудіе съ спарядами забрано, а провіантъ и припасы ради шведовъ заготовленные и зданіе всякое сокрушены и огню преданы, крѣпость разорена и совсѣмъ опровержена и съ тѣмъ безъ возобновленія оставлена.

У *Адлерфельда* (франц. перев., ч. III, стр. 215):Меншиковъ овладѣлъ Батуриномъ безъ большой потери. Перебили и старыхъ и малыхъ, не щадя ни пола ни возраста, остатокъ женщинъ похитили. Взяли 40 пушекъ. Сожгли городъ и 30 мельницъ стоявшихъ на рѣкѣ Сеймѣ. Все ограбили. Комендантъ, родомъ пруссакъ, былъ взятъ; съ нимъ худо поступили.

У *Фрикселя* (нѣмец. перев., ч. I, стр. 136): Городъ Батуринъ взятъ приступомъ. Всѣ жители безъ различія пола и возраста перерѣзаны: это въ нравахъ безчеловѣчныхъ московитовъ. Замокъ построенный въ польскомъ вкусѣ и 30 мельницъ—все было обращено въ груды угля и щебня. Изъ запасовъ, чего не могли захватить съ собою—все было сожжено. Увезено было 40 пушекъ. Меншиковъ приказалъ привязать къ доскамъ трупы начальныхъ козацкихъ людей и пустить по рѣкѣ Сейму, чтобъ они подали вѣсть другимъ о погибели Батурина.

[2]) ... Пространно нынѣ доносить оставляю и о всѣмъ, о чемъ надлежитъ, обстоятельно донесу вашей милости изустно (Госуд. Арх. Письма Меншикова. Письмо отъ 3 ноября царю изъ Конотопа).

ный переполохъ въ малороссійскомъ краѣ. Жители окрестныхъ городковъ и селъ покидали свои жилища, бѣжали безъ цѣли сами не зная куда, раздавались отчаянные крики: «Москва неистовствуетъ, Москва весь Батуринъ разорила, всѣхъ тамошнихъ людей перебила и малыхъ дѣтокъ не пожалѣла!»—«Ой, не зарѣкаймось, братцѣ, въ московской крови по колѣна бродить!» восклицали въ запальчивости слышавшіе объ этомъ козаки, а когда кто нибудь, подслушавши подобныя рѣчи, и замѣчалъ, что такъ говорить непристойно, на того накидывались какъ на измѣнника, били, трепали, даже связывали и запирали въ погреба. Одинъ изъ такихъ, ушедши изъ рукъ ревностныхъ патріотовъ, доносилъ о томъ Меншикову, но тотъ, кого обвиняли, указывалъ на доносчика, что его сажали въ тюрьму за пьянство и буйство, и онъ теперь въ отместку вздумалъ доносить на другихъ [1]). Впрочемъ, такіе порывы народнаго негодованія скоро улегались и не принесли большой пользы дѣлу Мазепы.

Отправляясь послѣ своего военнаго подвига къ царю въ Глуховъ, Меншиковъ, уничтоживши прежде нѣсколько тяжелыхъ пушекъ, везъ съ собою часть артиллеріи, знаки гетманскаго достоинства и скованныхъ старшинъ [2]), изъ которыхъ одинъ Кенигсенъ не былъ довезенъ до Глухова и умеръ въ Конотопѣ, гдѣ надъ его трупомъ совершена была казнь колесованія, ожидавшая его живымъ въ Глуховѣ [3]).

1) Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 г., декабрь. Подлин. Показаніе лицъ, привлеченныхъ по поводу измѣны Мазепы.

2) ... изволите повелѣвать прислать къ вашей милости булаву, знамя въ Глуховъ къ потребному времени; и у нихъ есть не токмо одна, но три булавы, также и бунчукъ, и между доволнымъ числомъ знаменъ знамя первое, которое всегда передъ гетманомъ važивали; и оные всѣ купно съ воровскою старшиною привезу съ собою (Гос. Арх. Письма Меншикова. Письмо 3 ноября изъ Конотопа).

3) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 41.

Послѣ присоединенія Мазепы къ шведамъ, главная квартира шведская переведена была въ Дехтеревку [1]), за четыре версты ниже Горокъ, по теченію Десны. Оттуда Мазепа отправилъ письмо къ стародубскому полковнику Скоропадскому. Гетманъ выставлялъ причины, побудившія его сдѣлать настоящій шагъ: издавна враждебная власть московская въ послѣднее время возъимѣла намѣреніе отобрать въ свою область малороссійскіе города, ограбить и выгнать изъ нихъ обывателей и наполнить ихъ своими войсками. Такъ поступали москали не только въ полкахъ Стародубскомъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ, подъ лживымъ предлогомъ будто дѣлаютъ такъ ради наступленія шведовъ, но и въ другихъ болѣе отдаленныхъ полкахъ, гдѣ шведовъ никакъ не ожидали. «Насъ предостерегли по секрету пріятели, что москали хотятъ прибрать въ свои руки гетмана, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и запровадить въ тиранскую неволю, затѣмъ всѣхъ козаковъ обратить въ драгуны, изгладить совершенно со свѣта имя запорожское и поработить на-вѣки весь малороссійскій народъ.» Съ этой цѣлью Меншиковъ и Голицынъ заманивали гетмана въ московскій обозъ. Но гетманъ, съ согласія генеральныхъ особъ, полковниковъ и всѣхъ старшинъ Войска Запорожскаго, прибѣгнулъ къ покровительству шведскаго короля въ надеждѣ, что онъ оборонитъ малороссійскую ихъ отчизну отъ тиранскаго московскаго ига и не только возвратитъ козакамъ отнятыя права и вольности, но еще умножитъ и расширитъ ихъ, и въ этомъ король далъ свое слово и письменное удостовѣреніе. Гетманъ убѣждалъ Скоропадскаго въ согласіи съ полковниками переяславскимъ и нѣжинскимъ искоренить московскій гарнизонъ въ Стародубѣ, а если у него къ тому не хватитъ силъ и способа, то убѣгать въ Батуринъ, ста-

[1]) Нынѣ село Новгородсѣвер. уѣзда, въ 14 вер. отъ Новгородъ-Сѣверска.

раясь не попасться въ московскую неволю [1]). Шведскіе историки говорятъ, что стародубскій полковникъ прежде былъ единомышленникомъ Мазепы въ замыслѣ отступить къ шведамъ, но потомъ отсталъ отъ замысла послѣ неудачъ, понесенныхъ генераломъ Либекеромъ подъ Петербургомъ, и сталъ соображать, что счастіе можетъ измѣнить шведамъ [2]). Въ оффиціальныхъ источникахъ того времени нѣтъ чертъ, которыя бы подтверждали шведское извѣстіе, но обращеніе Мазепы къ Скоропадскому показываетъ возможную до нѣкоторой степени справедливость такого извѣстія [3]). Какія побужденія ни руководили бы Скоропадскимъ, но онъ не сдѣлалъ никакого шага по желанію гетмана, да едва ли бы и могъ сдѣлать, еслибы на то покусился, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ великорусскими военными силами.

31-го октября шведскій король подвинулся еще ниже по Деснѣ къ селу Игнатовкѣ [4]) и въ сопровожденіи генераловъ, принца Виртембергскаго, своего родственника, Аксель-Спарре и своей гвардіи намѣтилъ мѣсто удобное для переправы черезъ Десну близъ села Мезина [5]). Пе-

[1]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., ч. I, стр. 174.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 251 и 252.

[3]) Замѣтимъ мимоходомъ: о братѣ жены гетмана Скоропадскаго, сынѣ простого козака Марка, поднятаго и надѣленнаго маетностями новымъ гетманомъ, сохранилось оффиціальное извѣстіе, что онъ „былъ при противной сторонѣ его царскому величеству", а нѣкто Кендзеровскій, мужъ сестры гетманши, служилъ при Мазепѣ въ качествѣ покоеваго и оставилъ Мазепу только послѣ полтавскаго пораженія. По волѣ государя, объявленной заранѣе, такія лица не могли уже воспользоваться прощеніемъ и царскою милостію, но Скоропадскій, опираясь на силу своего гетманскаго званія, укрылъ это обстоятельство и даже надѣлилъ своего зятя маетностію, отнятою у другаго лица (Горленка), участвовавшаго въ измѣнѣ Мазепы.

[4]) Нынѣ село Кролевец. уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ.

[5]) Нынѣ село Кролевец. уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ.

реправа совершилась 4 и 5 ноября, и притомъ съ большимъ трудомъ. Русское войско берегло противоположный берегъ и устроило баттареи, съ которыхъ палили на готовившихся переходить рѣку. Это побудило шведовъ начать переправу тамъ, гдѣ русскіе никакъ не могли ожидать ее, въ мѣстѣ неудобномъ. Берегъ былъ крутъ; солдаты и офицеры должны были сползать, а лошадей стаскивать веревками. У подошвы берега, близъ рѣки, шведы наскоро нарубили деревьевъ, надѣлали колодъ, связывали ихъ веревками и на такихъ плотахъ переправлялись на другой берегъ. Первымъ очутился тамъ отрядъ генералъ-маіора Стакельберга, пробиваясь сквозь ряды русскихъ и холоднымъ, и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Установленныя на крутомъ берегу 12 шведскихъ орудій между тѣмъ осыпали русскихъ картечью. Это заставило русскихъ отступить и тогда шведы построили два моста, черезъ которые уже свободно переправилось все ихъ войско [1]). Во время этой переправы Мазепа находился близъ короля. 5 ноября день былъ холодный. Король Карлъ XII, по своему всегдашнему обычаю, былъ одѣтъ очень легко. Гетманъ замѣтилъ ему:

«Вы, государь, надѣетесь на свою молодость. Я понимаю, въ молодости есть огонь, который грѣетъ, но онъ съ лѣтами проходитъ. И мнѣ когда-то холодъ былъ нипочемъ, а теперь, вотъ, какъ пришла старость, такъ не лишнею оказывается и шуба. Ваше величество вынесли уже долговременную войну, отъ которой не мало потерпѣло и ваше государство и ваши подданные. Настоящая война можетъ еще затянуться на многіе годы. Вашему величеству необходимо сохранять свое здоровье, чтобъ вы могли жить еще долгое время для счастія вашихъ подданныхъ, тогда какъ Богъ пошлетъ миръ».

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 151—154.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 134.—*Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 248.

Карлъ отвѣчалъ: «Не привыкъ я къ мѣхамъ и никогда ихъ не носилъ».

Однако Мазепа на другой день представилъ королю въ даръ нѣсколько черныхъ лисицъ дорогой цѣны. Король, думая, что это подносится отъ искренняго сердца, принялъ даръ и приказалъ подбить себѣ мѣхами сюртукъ. Но скоро до короля дошелъ слухъ, что въ его войскѣ какой-то весельчакъ сказалъ: «съ чего это нашъ король такъ потолстѣлъ?» Карлъ сбросилъ съ себя обновку и уже никогда не надѣвалъ мѣховыхъ одеждъ. [1])

Главная квартира русскаго главнокомандующаго находилась въ Чарторіи [2]). Къ Шереметеву пріѣхалъ тогда князь Юрій Ѳедоровичъ Ромодановскій—страшный человѣкъ своего времени, начальствовавшій Преображенскимъ Приказомъ, гдѣ, какъ извѣстно, производились ужасающія пытки. Онъ былъ такъ пораженъ новостію объ измѣнѣ Мазепы, что впалъ въ безчувственное состояніе и потомъ разразился ругательствами [3]).

[1]) *Nordberg*, ч. II, стр 251.

[2]) Нынѣ село Глуховскаго уѣзда, при рѣкѣ Сливкѣ, въ 15 верстахъ отъ Глухова.

[3]) ...николи такого его не видали, какъ нынѣ пріѣхавъ ко мнѣ, не только чтобы могъ говорить, но члены его безчувственны были, и когда разогрѣлся и открылъ коробку (сія аллегорія касается измѣны Мазепы), что о Мазепѣ испустилъ не можно всего и описать (Госуд. Арх. Письма Шереметева).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Нерасположеніе малороссійскаго народа къ замыслу Мазепы.—Избраніе въ гетманы Скоропадскаго.—Проклятіе Мазепы.—Царскій манифестъ къ малороссійскому народу.—Царскія милости.—Движенія шведскаго войска послѣ перехода черезъ Десну.—Мазепа въ Бахмачѣ.—Универсалъ Мазепы къ народу.—Универсалъ Скоропадскаго къ народу.—Станъ шведскаго короля въ Ромнахъ.—Походъ Мазепы къ Гадячу.—Универсалы Карла XII къ малороссіянамъ.—Вѣрность малороссіянъ къ царю.—Миргородскій полковникъ Кгалаганъ.—Отвѣтъ Мазепѣ отъ канцлера Головкина.—Коварство Мазепы.—Перехваченное письмо къ Лещинскому.—Недовѣріе шведовъ къ козакамъ.—Походъ короля Карла и Мазепы къ Веприку.—Жестокая стужа.—Взятіе Роменъ русскими.—Взятіе Веприка шведами.—Занятіе шведами Зенькова.—Походъ Карла и Мазепы въ Слободскую Украину.—Сраженіе подъ Краснымъ Кутомъ.—Возвращеніе.—Внезапная распутица.—Успѣхи русскихъ въ Прилукахъ и въ Рашевкѣ.—Изгнаніе шведовъ изъ Лохвицы.—Главная квартира шведовъ въ Великихъ Будищахъ.—Царскія милости семейству Кочубея и другимъ.

Отступленіе Мазепы отъ царя ни въ какомъ случаѣ не могло увлечь по тому же пути малороссійскаго народа, въ особенности, когда великороссійское войско, съ самимъ царемъ во главѣ, находилось въ предѣлахъ Гетманщины. Правда, малороссіяне показывали часто недовольство царскими служилыми людьми, тѣмъ болѣе въ военное тяжелое время, когда послѣдніе, иногда и сами того не хотя, обра-

щались съ туземцами сурово; по этому поводу во всемъ малороссійскомъ краѣ раздавались рѣзкіе и враждебные крики противъ «московскаго панованння». Но тотъ очень ошибся бы, кто по этимъ крикамъ заключалъ бы, что народъ пристанетъ ко всякой иноземной силѣ, которая станетъ разжигать его противъ московской власти. Факты, возбуждавшіе въ народѣ нерасположеніе къ москалямъ, не были еще ни столько многочисленны, ни столько сами по себѣ сильны, чтобъ образовать въ народѣ такую вражду, какая могла бы сплотить его ко всеобщему возстанію, а руководители къ такому возстанію не имѣли въ народѣ столько любви, чтобъ увлечь его. Гетманъ Мазепа до сихъ поръ главнымъ образомъ держался только могуществомъ московской власти; для малороссіянъ это былъ польскій панъ, передавшійся на московскую сторону, но оставшійся навсегда съ польскими панскими пріемами: всегда было огромное число такихъ, которые были бы рады, еслибы только узнали, что царь его смѣняетъ. Великорусскіе ратные люди съ полковникомъ Анненковымъ постоянно берегли его особу и гости, посѣщавшіе Гетманщину, замѣчали, что еслибы не эти охранители, то малороссіяне скоро бы избавились отъ своего гетмана. Если въ народѣ малороссійскомъ, какъ доносилъ постоянно Мазепа, и была наклонность къ мятежамъ и переворотамъ, то ужъ никакъ не въ духѣ Мазепы. Народъ, при удобномъ случаѣ, могъ до нѣкоторой степени поддаться подущеніямъ запорожцевъ и неразлучныхъ съ ними «гультаевъ», т. е. непосидячихъ бродягъ, искавшихъ сами не зная чего,—могъ начать истреблять пановъ и орандарей съ неясными и неосмысленными желаніями всеобщаго окозаченія; но это стремленіе, легко притомъ укротимое, какъ показало дѣло Петрика, никакъ не могло подготовить народъ къ тому, чтобы теперь идти за Мазепой. Противъ такого стремленія до сихъ поръ постоянно вооружался Мазепа и въ этомъ случаѣ

дѣйствовалъ въ согласіи съ московскою властію. Еслибы теперь онъ и сталъ вторить народнымъ инстинктамъ, то ему бы меньше, чѣмъ кому-нибудь иному, повѣрили. Но ужъ никакъ не долженъ былъ надѣяться на народное сочувствіе гетманъ, опиравшійся на вступившую въ предѣлы Гетманщины иноземную шведскую силу, которой народъ почти вовсе не зналъ, и на поляковъ, которыхъ народъ изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкъ ненавидѣть.

При такомъ настроеніи народныхъ умовъ и чувствованій не удивительно, что какъ только стало извѣстнымъ, что Мазепа отступилъ къ шведской сторонѣ, непріязненной царю, такъ тотчасъ же послѣдовали челобитныя, заявлявшія о преданности малороссіянъ московскому престолу, и притомъ не только изъ того края, гдѣ уже находились великороссійскія ратныя силы, но и изъ такихъ полковъ, гдѣ ихъ еще не было,—слѣдовательно, нельзя признавать ихъ только дѣйствіемъ страха. 5-го ноября пришли къ царю челобитныя изъ Прилукъ [1]), Лубенъ [2]),

[1]) Жители Прилукъ и всей сотни прилуцкой наше нижайше отдавши работнѣ поклоненіе чрезъ сію нашу недостойную челобитную вѣрность и неотмѣнную зичливость освѣдчаемъ, ижъ яко мы прежде въ сердцу нашомъ жадной и наименшои никогда не помышляли противъ пресвѣтлого престола монаршого змѣны и противниками быти, такъ и теперь и въ потомніи часы маемъ вѣрне и ни въ чомъ не противне со всякимъ усердіемъ служить и повелѣніе в. в—ства должнисмо творити. Тилько зась найпокорнѣй ваше царское пресвѣтлое в—ство просимъ: не отрини насъ убогихъ отъ своей царской благодати и не предай насъ въ вѣчную работу и плѣненіе на насъ и на вѣру нашу православную наступаючимъ и паки о томъ смиренно просимъ (Арх. Ин. Дѣлъ, 1708 г., № 67).

[2]) Мы граждане Лубенцѣ яко духовного тако и мірского чину не токмо насъ наказной старшины и всѣхъ жителей нашихъ обрѣтаючихся за премощную милость челомъ бьемъ, обовязуючися въ единомысліи яко и преже вѣрными к вашему царскому пресвѣтлому в—ству подданными бути. Ради бы въ назначенный путь въ Глуховъ шествовати по указу в. ц. в—ства исполняючи совершенно ради бы

городовъ—Лохвицы, Новгородъ-Сѣверска, изъ сотенъ полковъ Прилуцкаго (Варвинской, Сребненской, Иченской), Лубенскаго и Миргородскаго,—тѣхъ полковъ, откуда полковники ушли съ Мазепою, — всѣ въ одномъ духѣ, съ обѣщаніемъ вѣрной службы царю [1]).

1-го ноября въ Богдановкѣ [2]) явились по призыву царской грамоты къ государю полковники: стародубскій — Скоропадскій, черниговскій—Полуботокъ и наказные: переяславскій—Тамара и нѣжинскій—Жураховскій. Каждый приходилъ съ кружкомъ сотниковъ и войсковыхъ товарищей своего полка. Петръ мѣстомъ выбора назначилъ Глуховъ и поручилъ открыть избирательную раду ближнему царскому боярину, князю Григ. Ѳед. Долгорукому, при которомъ долженъ былъ находиться дьякъ Посольскаго Приказа Родостамовъ съ двумя подъячими. Царь, для бе-

всеусердственно отъѣхать, тилько подъ сей часъ не маемъ цѣлого начального въ городѣ, яко атаманъ и войтъ наказными зостаемъ а вашего царского повелѣнія не противни и неотступни. А городка нельзя оставити безъ досмотра яко и тое в. ц. п. в—ства яко защитника и предстателя всей Малой Россіи упрашаемъ, а самыхъ начальныхъ нашихъ здесь нѣтъ и мы ихъ не вѣдаемъ где обрѣтаются на службѣ вашей монаршой. При покорственномъ чоломбитіи нашемъ записуемся всегдашними подножками и зостаемъ вѣрнѣйшими подданными подъ скридла в. и. в—ства бути яко и на завше зостаемъ (ibid.).

[1]) ... Яко отъ чина духовнаго, такъ и отъ мірскаго сословія всѣ едностойно и единодушно такъ товариство войсковое, якъ и люди посполитые заховуючи теперь и на потомніи часы противно Е. Ц. маестату вѣрное наше сердце подданское не токмо теперешнихъ временъ, але и в потомныи часы за православного монарха, за милую малороссійскаго края нашего отчизну безъ жадноп нашеи здрады и змѣны, единъ на другому даже до смерти противъ непріятелей нашихъ ку отпору отъ рода въ роды присно готовыми обѣцуемъ бути, па чомъ и крестное цѣлованіе предъ маестатомъ Божіимъ въ храмѣ его выконавши (ibid.).

[2]) Нынѣ село Новгородсѣвер. уѣзда, при р. Шосткѣ, въ 15 вер. отъ Новгородъ-Сѣверска и въ 3-хъ отъ Десны.

зопасности въ пути, придалъ имъ бѣлозерскій драгунскій полкъ. Все дѣлалось по старымъ обычаямъ, съ тѣми пріемами, какіе всегда соблюдались при выборѣ гетмана.

3-го ноября всѣ прибыли въ Глуховъ. Сотникъ Туранскій встрѣчалъ ихъ какъ хозяинъ мѣста, куда они прибывали. Вечеромъ въ этотъ же день полковники и прочія начальныя лица были у князя Долгорукаго и обмѣнялись съ нимъ взаимными предположеніями о выборѣ. На другой день, 4-го ноября, прибылъ туда и самъ государь.

Князь Долгорукій, поговоривши такимъ образомъ съ полковниками, сообщилъ царю, что достойнѣйшими получить гетманскій санъ козаки считаютъ двухъ полковниковъ: черниговскаго и стародубскаго. «Полуботокъ очень хитръ,— сказалъ Петръ,—съ него можетъ выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберутъ Скоропадскаго». Обстоятельства были таковы, что, при малочисленности участниковъ, выборъ вольными голосами могъ считаться только для вида, а на самомъ дѣлѣ гетманомъ долженъ стать тотъ, на кого укажетъ государь [1]).

5-го ноября совершено было отрѣшеніе Мазепы отъ гетманства Оно совершилось театральнымъ способомъ. Устроенъ былъ эшафотъ, на немъ воздвигнута висѣлица; взнесли на эшафотъ куклу, изображавшую Мазепу въ андреевской лентѣ. Затѣмъ взошли на возвышеніе Меншиковъ и Головкинъ и разодрали патентъ на званіе кавалера. Потомъ прочитано было длинное писаніе, гдѣ излагались благодѣянія Петра, долговременная довѣренность государя къ гетману и неблагодарность послѣдняго. Вслѣдъ за тѣмъ сорвали съ куклы андреевскую ленту, палачъ зацѣпилъ куклу веревкою и повѣсилъ на висѣлицѣ [2]). Такая казнь надъ отсутствующимъ врагомъ была въ духѣ

[1]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 150.

[2]) *Nordberg,* франц. пер., стр. 251.

того времени. Почти около того же времени, по поводу политической вражды между Франціей и Англіей, во Франціи подобнымъ способомъ творили поруганіе надъ изображеніемъ англійскаго короля Вильгельма III, а въ Лондонѣ надъ изображеніемъ Людовика XIV.

Въ-вечеру 5-го числа полковники, призванные одинъ по одному къ Долгорукову, объявили, что во всемъ будутъ поступать по произволенію царскому.

Рада совершилась 6-го ноября. Послѣ литургіи и молебна въ церкви Св. Троицы, всѣ вышли на улицу, гдѣ уже стояла толпа козаковъ и посполитыхъ. Князь Григорій Ѳедоровичъ проговорилъ къ нимъ вступительную рѣчь, а посольскій дьякъ Родостамовъ, взошедши на столъ, прочиталъ съ этого возвышенія царскую грамоту.

«Теперь,—сказалъ князь Долгорукій,—по древнему вашему обыкновенію пусть все войско малороссійское и народъ, съѣхавшійся на избраніе гетмана, подаютъ голоса, кому быть гетманомъ».

Онъ отошелъ. Должно было произойти совѣщаніе. Но все уже было рѣшено заранѣе.

«Быть гетманомъ стародубскому полковнику Ивану Ильичу Скоропадскому!—провозгласили начальные люди,—понеже онъ человѣкъ есть царскому величеству вѣрный и въ войскѣ малороссійскомъ заслуженный и въ дѣлахъ искусный».

«Я старъ,—отвѣчалъ Скоропадскій.—Я не могу снести такого тягостнаго уряда. Гетманомъ быть слѣдуетъ человѣку молодому и заслуженному. Изберите черниговскаго полковника Полуботка.»

Большинство козаковъ дѣйствительно расположено было тогда избрать Полуботка. Его всѣ любили. Полуботокъ притомъ былъ всегда вѣренъ царю, не приставалъ къ замыслу Мазепы, да и самъ Мазепа не рѣшился бы открывать ему своего замысла: прежнія отношенія гетмана къ нему, а еще болѣе къ

его родителю Леонтію, никакъ не могли подготовить въ немъ друга Мазепѣ. Но царь, заранѣе предувѣдомленный, что найдутся желающіе избрать въ гетманы Павла Полуботка, уже заявилъ, что его не желаетъ. Старшины, зная это, предупредили дальнѣйшіе толки, еще разъ провозгласили имя Скоропадскаго, схватили его подъ-руки и поставили на столъ, съ котораго передъ тѣмъ посольскій дьякъ читалъ царскую грамоту. Скоропадскій еще разъ кланялся, говорилъ, что недостоинъ такой чести. «Нѣтъ, нѣтъ, — кричали старшины,—ты достоинъ! Ты—старый и вѣрный слуга царскаго пресвѣтлаго величества». Затѣмъ всѣ ему кланялись и поздравляли съ возведеніемъ въ гетманское достоинство.

Тогда князь Долгорукій, по принятому уже прежде обычаю, вручилъ новоизбранному гетману одинъ за другимъ клейноты: бунчукъ, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссійскаго края, сдѣланную по образцу печати, употреблявшейся прежними гетманами. По окончаніи этого обряда всѣ пошли въ церковь. Тамъ послѣ эктеніи, въ которой за именемъ царя помянули имя новаго гетмана, Скоропадскій присягалъ по присяжному листу, выданному изъ Посольскаго Приказа. Въ этой присягѣ, кромѣ обычнаго обѣщанія вѣрности, гетманъ обязывался не водить пересылки и сообщенія съ царскими непріятелями, особливо съ бывшимъ гетманомъ Мазепою, и доносить царю о всякой шатости и склонности къ сношеніямъ съ непріятелями въ малороссійскомъ народѣ. Произнесеніемъ присяги руководилъ глуховскій протопопъ Борзаковскій. Полковники съ своими полковыми старшинами стояли тутъ же, но сами присягнули уже послѣ, 9-го ноября, когда къ нимъ присоединился пріѣхавшій на избирательную раду наказной лубенскій полковникъ Василій Савичъ съ своими полковыми старшинами [1]).

[1]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 181—182.

Во время рады царь находился въ помѣщеніи Меншикова. Съ царемъ были: фельдмаршалъ Шереметевъ и канцлеръ Головкинъ. Новоизбранный гетманъ съ полковниками и полковыми старшинами явился къ царю на поклонъ. Царь поздравилъ его, а за царемъ поздравили и вельможи. Гетманъ отправился отъ царя съ почетомъ, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, въ сопровожденіи князя Долгорукаго. Въ тотъ день былъ у гетмана обѣдъ и къ столу его приглашены были полковники и полковые старшины. Цѣлый день происходила стрѣльба, а народу разбрасывались отъ новоизбраннаго гетмана деньги въ бумажныхъ сверткахъ отъ семи алтынъ до гривны въ каждомъ сверткѣ. Едва уѣхалъ отъ царя новоизбранный гетманъ, какъ явился пріѣхавшій на избраніе черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ, поднесъ государю образъ Пресвятой Богородицы Черниговской и былъ со всѣми своими духовными допущенъ въ рукѣ государевой, а потомъ отправился къ себѣ на подворье.

Царь, ближніе вельможи и походная канцелярія оставались въ Глуховѣ нѣсколько дней. 11-го ноября пріѣхали туда съ своимъ духовенствомъ кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій и переяславскій епископъ Захарія Корниловичъ. 12-го ноября въ той же Троицкой церкви, гдѣ происходила присяга гетмана, послѣ литургіи, въ присутствіи царя, вельможъ и малороссійскихъ чиновъ, служился молебенъ, а послѣ молебна духовными властями провозглашена была анаѳема и вѣчное проклятіе вору и измѣннику Мазепѣ. Новгородсѣверскій протопопъ Аѳанасій Заруцкій говорилъ проповѣдь, въ которой пространно вспоминалъ прежде бывшихъ измѣнниковъ и оправдывалъ проклятіе, наложенное на Мазепу [1]). Малороссійскіе архіереи, черниговскій и переяславскій, издали отъ себя па-

[1]) Ibid., стр. 181.

стырское посланіе къ народу о преданіи Мазепы проклятію и увѣщевали повиноваться новоизбранному гетману Скоропадскому. [1]) Въ тотъ же самый день, по заранѣе сообщенному царскому распоряженію, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, послѣ литургіи, въ присутствіи царевича Алексѣя Петровича и царскихъ вельможъ, духовныя власти произнесли анаѳему надъ Мазепою. Митрополитъ рязанскій, блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій произнесъ поученіе, сообразное настоящему событію, помянулъ съ похвалою прежнія доблести и добродѣтели Мазепы, потомъ порицалъ его измѣну и, заканчивая свою рѣчь, сказалъ: «Намъ, собраннымъ во имя Господа Бога Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ, дано отъ самого Бога вязати и рѣшити, и аще что свяжемъ на земли, будетъ связано и на небеси! Измѣнникъ Иванъ Мазепа, за клятвопреступленіе и за измѣну великому государю, анаѳема!» Онъ провозгласилъ эти слова три раза. Всѣ остальные архіереи за нимъ возгласили трижды: «анаѳема, анаѳема, анаѳема, буди проклятъ» [2]).

Во время пребыванія своего въ Глуховѣ, царь издалъ два манифеста къ малороссійскому народу. Въ одномъ, отъ 9 ноября, онъ увѣщевалъ всѣхъ малороссіянъ не вѣрить «прелестнымъ» универсаламъ враговъ, старающихся увѣрить народъ, будто московская власть нарушаетъ права и вольности. «Можемъ непостыдно сказать, что нѣтъ ни одного народа подъ солнцемъ, который бы похвалился такою свободою и льготами, какъ малороссійскій, такъ какъ во всемъ малороссійскомъ краѣ мы не беремъ ни единаго пенязя въ казну». Объявлялась денежная награда за каждаго поиманнаго и приведеннаго шведскаго плѣнника, сообразно чину его: за генерала 2.000 рублей, за полковника—тысячу, за прочихъ офицеровъ менѣе по ихъ

[1]) Ibid., стр. 183.—Арх. Ин. Дѣлъ, 1708 г., № 76.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 77.

чинамъ, а за рядоваго по пяти рублей; за убіеніе же каждаго непріятельскаго воина по три рубля. Подъ страхомъ смертной казни запрещалось привозить непріятелю на продажу всякіе припасы. Царь убѣждалъ народъ изъ селъ и деревень скрывать свои семьи и пожитки. Списки съ этого манифеста приказано прибить по городскимъ ратушамъ и по приходскимъ церквамъ и сверхъ того прочитывать ихъ народу [1]). Другимъ манифестомъ, отъ 10 ноября, царь убѣждалъ всѣхъ тѣхъ, которые «измѣною вора Мазепы заведены были въ непріятельскія руки», отлучиться отъ него и вернуться къ вѣрной службѣ своего государя. Объявлялось прощеніе тѣмъ, которые знали о зломъ намѣреніи Мазепы, «но не доносили, опасаясь его власти, и потому были съ нимъ въ согласіи». Имъ давалось срока одинъ мѣсяцъ со дня 10-го ноября. Если въ теченіе этого срока они явятся, то имъ обѣщалось сохраненіе чиновъ и маетностей ихъ безъ всякаго умаленія, въ противномъ случаѣ они будутъ объявлены царскими измѣнниками, лишатся чиновъ, урядовъ и маетностей, которыя отдадутся другимъ лицамъ, вѣрнымъ государю, жены и дѣти измѣнниковъ будутъ посланы въ ссылку, а всякій изъ такихъ измѣнниковъ, когда будетъ пойманъ, подвергнется смертной казни [2]).

Пребывая въ Глуховѣ, царь оказалъ милости тѣмъ, которые показали свою вѣрность во время измѣны Мазепы. 14 ноября наказные полковники получили званіе настоящихъ полковниковъ и жалованныя грамоты на разныя села и маетности; Ивану Носу, получившему прилуцкое полковничество, дана похвальная грамота за содѣйствіе при взятіи Батурина. Щедрѣе всѣхъ былъ тогда надѣленъ черниговскій полковникъ Полуботокъ: ему пожалованы

[1]) Ibid., № 72.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 187 и 193.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., №№ 68, 69, 74.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 185—186.

маетности шурина его, бывшаго гадяцкаго полковника Михайла Василѐвича [1]), котораго когда-то такъ настойчиво преслѣдовалъ Мазепа, и кромѣ того богатыя маетности въ Черниговскомъ полку [2]),—все это за вѣрность къ царю, какъ выражено въ жалованной грамотѣ [3]).

Переправившись черезъ Десну, шведы сразу увидали, что народъ не расположенъ принимать ихъ какъ своихъ избавителей; напротивъ, всѣ сельскіе жители разбѣгались при появленіи незванныхъ гостей. Исключеніе было, неизвѣстно почему, въ одной Атюшѣ [4]), гдѣ ихъ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью. 12 ноября переправились шведы черезъ Сеймъ близъ Батурина. Страшное зрѣлище представила имъ тогда гетманская резиденція, гдѣ Мазепа еще недавно надѣялся принимать своихъ союзниковъ и благодѣтелей. Все превратилось въ безобразную кучу угля и щебня; воздухъ былъ испорченъ испареніями отъ гніющихъ и полуобгорѣлыхъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ, такъ что отъ смрада дышать было невозможно. Король остановился на нѣсколько дней въ Городищѣ [5]). На Мазепу видъ Батурина произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ сталъ жалѣть, что ударился въ такой замыселъ, который, какъ ему теперь стало казаться, не будетъ имѣть успѣха. «О, злые и несчастные наши початки!—говорилъ онъ своему писарю.—Вижу, что Богъ не благословилъ мое намѣреніе! Но Богъ мнѣ свидѣтель, не желалъ я христіанскаго кровопролитія, а замышлялъ такъ: прибуду въ Ба-

[1]) Михайловская, Коровинцы.

[2]) Мѣстечко Любечъ съ перевозами на Днѣпрѣ лоевскимъ и любецкимъ, села: Кувѣчичи, Выблое, Жабчичи, Новые Млины, Новые и Старые Боровичи, Орловку, Кизилевку, Оболонное съ мельницами, покосами и всякими угодьями.

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 83.

[4]) Село Атюша, Кролевецкаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ Кролевца.

[5]) Село Конотоп. уѣзда, при рѣкѣ Дочи, въ 28 верстахъ отъ Конотопа.

туринъ съ королемъ шведскимъ и оттуда напишу къ царскому величеству благодарственное письмо за его протекцію, да въ немъ же пропишу всѣ наши прежнія и теперешнія обиды, отнятіе правъ и вольностей, крайнее разореніе и приготовленную пагубу всему нашему народу, а наконецъ приложу, что мы, какъ добровольно ради единаго восточнаго православія отдались подъ царскую руку, такъ и теперь, будучи свободнымъ народомъ, добровольно отходимъ, благодарствуемъ царскому величеству за протекцію, не хотимъ рукъ нашихъ простирать на кровопролитіе и будемъ ожидать подъ протекціею шведскаго короля совершеннаго нашего освобожденія. Я надѣялся получить свободу не войною, а миромъ, черезъ трактатъ; я думалъ всякими способами склонить шведскаго короля къ такому миру съ царскимъ величествомъ. Но теперь все пойдетъ иначе: Украина, устрашенная судьбою Батурина, будетъ бояться держаться съ нами за одно» [1]). Конечно, не одно разореніе Батурина растревожило Мазепу: онъ слышалъ отовсюду—и ему самому въ значительной степени стало ясно, что народъ не туда обращается, куда онъ думалъ обратить его. Даже и между единомышленниками, приставшими разомъ съ нимъ къ шведамъ, онъ сталъ замѣчать колебаніе, особенно послѣ манифеста Петра, гдѣ царь обѣщалъ прощеніе и сохраненіе чиновъ и маетностей всѣмъ тѣмъ, кто захочетъ обратиться отъ непріятеля къ законному государю. Это побудило Мазепу пригласить всѣхъ ихъ въ свою Поросючку подъ Бахмачемъ, гдѣ уцѣлѣлъ его дворецъ отъ разоренія, постигшаго Гончаровку подъ Батуриномъ. Тамъ Мазепа устроилъ съ ними совѣтъ и взаимную присягу на Евангеліи. Мазепа клялся, что не ради своихъ «приватныхъ выгодъ, а въ виду добра отчизны—Украины и всего Войска За-

[1]) Письмо Орлика.

порожскаго», онъ принялъ протекцію шведскаго короля. Бывшіе тогда съ нимъ старшины, полковники, сотники и знатные войсковые товарищи присягнули оставаться вѣрными гетману и надѣяться на протекцію шведскаго короля. Съ ихъ совѣта Мазепа разослалъ по разнымъ сторонамъ универсалы, гдѣ излагалъ причины, побудившія его отступить отъ царя и искать покровительства шведскаго короля [1]). Причины къ такому поступку намъ извѣстны по опроверженіямъ, написаннымъ противъ нихъ въ универсалѣ Скоропадскаго отъ 8 декабря [2]). Мазепа писалъ, что Москва, издавна ненавистная малороссійскому народу, постоянно замышляла приводить его къ погибели, а въ послѣднее время хотѣла, опустошивши города, села, выгонять малороссіянъ на селитьбу въ Московщину [3]): благопріятели, бывшіе при царскомъ дворѣ, предостерегли гетмана о такихъ намѣреніяхъ, иначе его взяли бы въ неволю со всѣми генеральными старшинами, козаковъ обратили бы въ драгуны, все посполъство перевели за Волгу, а малороссійскій край заселили бы своими великороссійскими людьми. Мазепа выставлялъ вступленіе въ Украину Меншикова и Голицына дурнымъ замысломъ надъ малороссіянами, хотя всѣмъ генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ хорошо было извѣстно, что такое вступленіе великороссійскихъ войскъ совершилось по его же ходатайству, для предотвращенія бунтовъ, о которыхъ онъ доносилъ правительству ложно, какъ выражается въ

[1]) Ibid.

[2]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 197—205.—Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 108.

[3]) ... Москва хочетъ городы знищивши, его всю старшину енералную и полковниковъ въ неволю запровадити, козаковъ въ драгуны и солдаты устроити, народъ зась посполитый въ Московщину альбо за Волгу загоняти, а нашъ край великороссійскими людьми осадити.

своемъ универсалѣ Скоропадскій. Въ добавокъ, въ числѣ причинъ приводилъ Мазепа и то, что шведы одерживали успѣхи надъ царскими войсками, а послѣдніе бѣжали [1]). Собственно говоря, это послѣднее, т. е. вѣра въ могущество шведскаго короля и въ слабость московской державы предъ побѣдоноснымъ сѣвернымъ героемъ, и было настоящею и единственною причиною измѣны: Мазепа привыкъ всю жизнь соразмѣрять свои поступки съ тѣмъ, что казалось ему выгодно въ данную минуту, и здѣсь остался вѣренъ самому себѣ. Не трудно было Скоропадскому опровергнуть обвиненія противъ царя и великороссіянъ вообще: самые близкіе къ Мазепѣ люди не вѣрили въ правдивость того, что онъ тогда выдумывалъ [2]).

Не ограничиваясь общими универсалами, разсылаемыми чрезъ своихъ агентовъ повсюду, Мазепа посылалъ и особыя письма къ начальствующимъ лицамъ. Полковникъ полтавскій Левенецъ, котораго долго подозрѣвали въ склонности къ замысламъ Мазепы, отвѣчая канцлеру Головкину на его приглашеніе прибыть въ Глуховъ, препроводилъ къ нему Мазепины письма, но не успѣлъ схватить того, кто ихъ привозилъ [3]). Въ письмѣ, посланномъ къ запо-

[1]) ... же войска московскіе не военные и отъ шведа утѣкаючіи.

[2]) ... а что онъ Мазепа въ тѣхъ же своихъ унѣверсалахъ велѣлъ приложить, будто онъ отъ зычливыхъ собѣ отъ министровъ царскаго величества пріятелей мѣлъ перестроги, то я вашей святынѣ подъ клятвою душевною объявляю, что жаденъ зъ министровъ, ани о измѣнѣ Мазепы не вѣдалъ, ани его ни въ чомъ не перестерегалъ (Письмо Орлика).

[3]) . . . заразъ послалемъ по всѣхъ сотниковъ полку моего и тѣ якъ прибудутъ и я з ними в дорогу выберусь. А же сими днями зъ Сѣчи Запорожской прибувши посланецъ гетмана бывшого езмѣнника Мазепы з листами подалъ мнѣ оные до рукъ, а самъ удалился до господы, по якого кгды послалемъ, хотячи его взяти до вязеня, але вже его не знайшли, утеклъ; листы оные посылаю, не вѣдаючи що въ нихъ написано (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 68. Письмо Левенца отъ 10 ноября).

рожцамъ, Мазепа увѣрялъ, что передался шведскому королю ради защиты Украины отъ московской тиранніи [1]), и убѣждалъ запорожцевъ пристать къ нему и постараться искоренить построенные близъ Сѣчи московскіе городки [2]).

Нѣжинъ находился во власти великорусскаго войска; крѣпость нѣжинская была пунктомъ власти царской надъ окрестнымъ краемъ и Головкинъ туда велѣлъ отправить жену Мазепина управителя Быстрицкаго, схваченную на дорогѣ [3]). Нѣжинскій полковникъ Жураховскій былъ на царской сторонѣ. Желая удержать за собою Нѣжинскій полкъ, Мазепа писалъ къ веркѣевскому [4]) сотнику, побуждая его и козаковъ не слушаться московскихъ указовъ и обѣщая скорую помощь отъ шведовъ [5]).

[1]) . . . ради защиты отъ Москвы, которая добрами въ городахъ украинскихъ своихъ людей осадити желаетъ, а нашимъ людямъ чиня не малыя кривды и здырства и знущенія, пожаковати и зрабовати и въ Московщину загнати в вѣчное тяжкое неключимое мучителство тщится (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 года, № 91).

[2]) . . . абы для обороны отчизны забиралися къ намъ постаравшися искоренити по близу будучіе Каменный Затонъ и Самарскіе городки (Ibid.).

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 68.

[4]) Веркѣевка—нынѣ большое мѣстечко Нѣжинскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ Нѣжина, на почтовой дорогѣ въ Черниговъ.

[5]) Ознаймуемъ ижъ головный всѣмъ намъ ворогъ Москва въ Нѣжинѣ зостаючися повелѣваетъ вамъ своимъ указомъ и примушаетъ цѣле чтобъ есте ишли въ осаду до фортецы нѣжинской, за чимъ предостерегаемъ васъ, а оразъ пилно и приказуемъ абысьте жадныхъ московскихъ указовъ не слухали и на прелести ихъ не склонялися и в осаду помянутой фортецы не ишли, жебысте в оной з головами и з худобами не пропали; кгды жъ мы вскорѣ при помощи божіей и при помощи его милости короля шведского з данными намъ от его милости войсками не тилько около той нѣжинской фортеціи лечъ и около всѣхъ будучихъ в Малороссіи фортецъ московскихъ промыселъ чинити хочемъ. А вѣдяете вы всѣ тое, же и Москва, зостаючися въ Нѣжинѣ, войскомъ не можетъ дати отсѣчь, понеже и сами къ своимъ границамъ отъ войскъ тихъ уступаютъ, оставивши насъ и нашу Ма-

И полковники, шедшіе съ шведскимъ войскомъ, разсылали отъ себя универсалы, возбуждая къ принятію Мазепина замысла. Такъ, миргородскій полковникъ Апостолъ 16 ноября изъ Краснаго-Колядина [1]) писалъ къ своего полка обозному Онисимовичу, извѣщалъ, что шведскія войска разставляются отъ Борзны до Ромна, самъ король будетъ имѣть пребываніе въ Ромнѣ, а обозный съ полковымъ судьею и со всѣми сотниками долженъ спѣшить на поклонъ къ гетману; тѣхъ же, которые будутъ шататься съ грамотами царя и новаго гетмана Скоропадскаго, велѣно ловить и приводить въ шведскій станъ [2]).

лую Россію безоборонною и безпомощною. И тое всѣмъ вамъ явно есть же тая нѣжинская фортеца московская цѣлому полку Нѣжинскому тяжкая на сердцѣ болячка. А такъ повторе предостерегаемъ и напомѣнаемъ васъ абысте жаднымъ московскимъ указамъ не повиновалися и в осаду в нѣжинской фортецѣ не сходилися, лечъ по прежнему на своихъ осѣдлостяхъ мѣшкаючи были певни цѣлости. Региментарскимъ словомъ и христіанскою совѣстію обнадежую (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 83).

[1]) Нынѣ село Конотопскаго уѣзда, въ 29 вер. отъ Конотопа, при рѣкѣ Зарукавной.

[2]) . . . войска шведскіе почавши отъ Борзны всюды по городамъ и седамъ для защиты отчизны нашей отъ наступленія московского ажъ до самого Ромна постановлены на станціяхъ, да и около Ромна въ полку Лубенскомъ стоятимуть; самъ зась король его милость зъ добродіемъ его милостію паномъ гетманомъ въ Ромнѣ свою станцію имѣтимуть; завтрешняго дне цѣле 16 числа прибыти сподѣваемся з оттоль не бавлячись скоро к Гадячу ясневельможный панъ добродій съ 10.000 шведовъ поспѣшати будетъ. За чимъ многократне о неповѣреню жаднымъ плёткамъ вашимъ милостямъ листовне упоминалисьмо, такъ и теперъ упоминаемъ и пилно прекладаемъ абысте прослухуючи о поворотѣ регментара где обрѣтатимется и якъ скоро его милость до Гадяча прибудетъ, такъ заразъ ваша милость з паномъ судьею и з панами сотниками для отданя поклону ясневельможному добродієви пану гетману туды до Гадяча ѣдте, а если бы якіе мѣли з грамотою государскою и новаго гетмана Скоропадского пресмыкатися, теды таковыхъ ловѣте и до насъ ихъ пришлѣте (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 84).

16 ноября шведскій король выступилъ изъ Городищъ на Голенки, откуда послалъ генерала Лимрота къ шедшимъ позади своимъ войскамъ, но козаки напали на него на дорогѣ и убили, въ добавокъ поиздѣвавшись надъ нимъ и надъ сопровождавшими его шведами, такъ что одинъ только шведскій воинъ, самъ раненный смертельно, былъ въ состояніи сообщить королю объ этомъ вѣсть [1]). Это было, такъ-сказать, первое заявленіе тѣхъ чувствованій, съ какими готовились малороссіяне принимать своихъ освободителей шведовъ.

17 ноября король былъ въ Дмитровкѣ [2]), а 18 въ Ромнѣ[3]).

На другой день, 19 ноября, Мазепа отправился къ Гадячу съ отрядомъ шведовъ подъ командой полковника Дальдорфа. Они овладѣли городомъ безпрепятственно. Мазепа оставилъ при Дальдорфѣ часть своихъ козаковъ, сдѣлалъ нѣкоторыя необходимыя распоряженія объ укрѣпленіи городка и отправился снова въ Роменъ, чтобы находиться при королѣ.

Шведская армія расположилась отъ Ромна и Гадяча до Лохвицы и Прилукъ на разстояніи десяти и двѣнадцати миль вокругъ. Край этотъ былъ довольно заселенъ, селъ и хуторовъ было много и въ началѣ все обѣщало шведамъ большое изобиліе; только малороссіяне, на первыхъ же порахъ, стали относиться къ нимъ такъ, что шведы начали сомнѣваться, едва ли въ этомъ краѣ будутъ они желанными гостьми. Такъ, въ городкѣ Смѣломъ [4]) жители ни за что не хотѣли впустить шведовъ, которымъ отводились тамъ квартиры, и въ виду ихъ впустили

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 162.

[2]) Нынѣ село Конотопскаго уѣзда при рѣкѣ Ромнѣ, въ 44 вер. отъ Конотопа, на Либаво-Роменской жел. дорогѣ.

[3]) Роменъ, иначе Ромны, городъ Полтавской губ.

[4]) Нынѣ большое мѣстечко Роменскаго уѣзда, при рѣкѣ Бышкинѣ, въ 25 вер. отъ Ромна.

отрядъ русскаго войска генерала Рена. Послѣ сраженія, которое было довольно кровопролитно и два шведскихъ полка потерпѣли пораженіе, Ренъ скоро удалился, а король послалъ сжечь Смѣлое [1]). Русскія войска расположены были на рубежѣ Гетманщины и Слободской Украины. Царь былъ въ Лебединѣ, Меншиковъ въ Хоружевкѣ [2]). Въ срединѣ Гетманщины оставалось два отряда царскихъ войскъ: одинъ—въ Миргородѣ, другой—въ Нѣжинѣ.

Король распускалъ по Украинѣ свои универсалы, въ которыхъ увѣрялъ, что пришелъ избавить малороссіянъ отъ московскаго владычества [3]), и убѣждалъ народъ повиноваться гетману Мазепѣ, такъ какъ онъ вступилъ въ союзъ со шведами не по легкомыслію и не ради собственной корысти, а изъ желанія освободить свое отечество, и притомъ по настоятельному прошенію и желанію первенствующихъ въ народѣ лицъ [4]). Такой универсалъ, составленный въ подлинникѣ по-латыни Гермелиномъ и переведенный по-малорусски какимъ-нибудь мазепинцемъ (вѣроятно, Орликомъ), повторялся дважды и возбудилъ съ

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 166 и 167.

[2]) Нынѣ село Роменскаго уѣзда, при рѣкѣ Гусѣ, въ 35 вер. отъ Ромна.

[3]) . . . постановилисмо не токмо все насилство отъ тыхъ воздержати, которыи спокойнѣ противъ насъ и войскъ нашихъ будутъ поступовати, лечъ гетмана, Войско Запорожское и весь народъ малороссійскій въ оборону нашу приняти, яко тежъ публичнымъ симъ универсаломъ же принялисмо оглашаемъ зъ тымъ намѣреніемъ яко его и ихъ отъ неправого и непріязненного московского панованя при помощи божіей боронити хочемъ и поты охраняти и защищати обѣщаемъ, покы утѣсненый народъ низвергши иго московское до давныхъ своихъ не прійдетъ волностей (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 114.— Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 206—212).

[4]) . . . уставичнымъ прошеніемъ и побудкою первенствующихъ въ народѣ семъ, которыи набожною купно присягою вѣрность свою обовязали . . . (ibid).

противной стороны царскій манифестъ, въ которомъ опровергались обвиненія, взводимыя царскимъ соперникомъ [1]). Такъ, между двумя воюющими сторонами возникла въ нѣкоторомъ родѣ полемика манифестами, обращенными къ малороссійскому народу. И та и другая сторона хотѣла оправдать себя передъ этимъ народомъ и взвалить вины на противную сторону. Но, по признанію самихъ шведовъ, универсалы Карла и Мазепы со всѣми увѣреніями въ желаніи возстановить права и вольности народныя, попранныя московскою властію, дѣйствовали на малороссійскій народъ менѣе, чѣмъ царскіе манифесты и универсалы гетмана Скоропадскаго [2]), потому что послѣдніе лучше съумѣли подѣйствовать на духъ народа, особенно увѣривши народъ, что въ дѣлахъ, найденныхъ у Мазепы во дворцѣ послѣ взятія Батурина, оказался договоръ бывшаго гетмана со Станиславомъ, по которому гетманъ отдавалъ Украину Польшѣ. Только тотчасъ за прибытіемъ Мазепы съ королемъ въ Роменъ явились къ бышему гетману по его зову сотники: лохвицкій, лукомскій, чигиринъ-дубровскій, пирятинскій, чернукскій и сѣнецкій—и Мазепа приказалъ имъ собрать на шведовъ съ Лубенскаго полка провіанта 24.000 воловъ, 40.000 свиней, 60.000 «осмачекъ» ржаной и 40.000 «осмачекъ» пшеничной муки. Но собрать этого было невозможно, потому что народъ бѣжалъ, а шведы, не дожидаясь, что имъ дадутъ, сами стали по-непріятельски брать себѣ все, въ чемъ нуждались, и тѣмъ еще болѣе озлобляли противъ себя малороссіянъ. Лохвицкій сотникъ Яковъ Еременко, по приказанію шведскаго генерала Мейерфельда, стоявшаго въ Лохвицѣ съ четырьмя тысячами шведовъ, поѣхалъ для сбора запасовъ въ Сѣнчи [3]), а тамошній атаманъ препроводилъ его въ Соро-

[1]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I. стр. 215—221.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 168.

[3]) Нынѣ Сѣнча, мѣстечко Лохвицкаго уѣзда, при р. Сулицѣ.

чинцы [1]) къ русскому генералу Волконскому, который отправилъ сотника въ Лебединъ въ главную квартиру на расправу [2]). Не многіе, однако, сотники подъ гнетомъ шведскихъ войскъ заявляли готовность повиноваться Мазепѣ; многіе сотники съ перваго раза отвергли его требованія, какъ, напримѣръ, въ Опошнѣ, Грунѣ, Котельвѣ, и за то получили отъ Головкина похвалу за свою вѣрность [3]). Полтавскій полковникъ остался вѣренъ царю, хотя на него, какъ уже было выше сказано, и бросалось подозрѣніе. Сосѣдъ его по полку, ахтырскій полковникъ Осиповъ, уже признанный вѣрнымъ человѣкомъ еще по кочубеевскому дѣлу, писалъ Головкину, что полтавскій полковникъ Левенецъ не хочетъ повиноваться царской волѣ, не ѣдетъ въ Глуховъ и даже приказываетъ молиться въ церквахъ не за царя, а за шведскаго короля [4]).

Однако, хотя Левенецъ и не поѣхалъ въ Глуховъ по зову Головкина, но ему за то не было преслѣдованія, такъ какъ онъ отговорился необходимостію находиться въ Полтавѣ, въ виду опасности отъ шведовъ, и охотно, по приказанію генерала Волконскаго, впустилъ военныхъ великороссійскихъ людей въ Полтаву [5]), а вслѣдъ затѣмъ возбуждалъ универсалами свой полкъ служить вѣрно царю

[1]) Большое мѣстечко Миргородскаго уѣзда, при р. Пслѣ, въ 24 верстахъ отъ Миргорода.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 54.

[3]) Ibid, № 93.

[4]) Полтава издавна нестатечная и теперъ з неи добра не сподѣватися. Сими недавными часы полковникъ збиралъ къ собѣ старшину, радились, чили ѣхати въ Глуховъ, и такъ полковникъ, чинячись болнымъ, самъ не поѣхалъ, а старшины хоть якъ чулемъ и хотѣли ѣхать, возбранилъ и повѣдалъ правѣ: кто къ намъ будетъ скорѣе, того мѣтимемо за пана. И такъ то есть: бо тамъ знайдуються Мазепины и Орликовы пріятели, а Чуйкевичовъ рожоный братъ полковый писарь всему голова (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 101).

[5]) Ibid., № 94.

и самъ привезъ въ Харьковъ заложниками своей вѣрности семью свою, отдавши своихъ сыновей въ тамошнее училище [1]). Самые запорожцы, впослѣдствіи горячо предавшіеся Мазепѣ, на первыхъ порахъ не довѣрялись его подущеніямъ и допрашивались отъ него, какую судьбу готовитъ имъ гетманъ, отводя ихъ отъ русскаго царя [2]). Правобережная Украина еще хуже отнеслась къ гетману. Бѣлоцерковскій полковникъ Михайло Омельченко, несмотря на то, что Мазепа прежде ему покровительствовалъ, заявлялъ царю, что на правой сторонѣ Днѣпра всѣ козаки вѣрны законнымъ властямъ и ненавидятъ имя Мазепы, тѣмъ паче, что Мазепа въ этой сторонѣ обращалъ козаковъ въ мужиковъ и заставлялъ ихъ исполнять разныя панщины [3]). Въ Чигиринѣ, въ Корсуни, въ Богуславѣ жители похватали мазепиныхъ агентовъ, пріѣзжавшихъ туда съ возмутительными посланіями, и доставили ихъ въ Кіевъ. Тогда въ бѣлоцерковской крѣпости была забрана казна, которую туда заранѣе отправилъ для храненія Мазепа; другую не малую казну, принадлежавшую Мазепѣ, взялъ князь Голицынъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ [4]). Царь издалъ манифестъ, которымъ повелѣвалъ отыскивать повсюду пожитки Мазепы и всѣмъ объявлять, гдѣ найдется что-либо принадлежавшее измѣннику: половина указаннаго обѣщалась указателю, «понеже измѣнникъ раздаетъ свои пожитки единомышленникамъ для возмущенія народа» [5]).

Мужики, возбуждаемые универсалами гетмана Скоро-

[1]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

[2]) . . . хочемъ знати отдалившися отъ царя московского, подъ кимъ будемъ жити и кого себѣ за зверхнѣйшого пана мѣти (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 91)-

[3]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 108.

[4]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 56.

[5]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. № 109.

падскаго, стали составлять шайки и нападать на шведовъ; «и мы,—замѣчаетъ Адлерфельдъ,—неожиданно очутились въ необходимости постоянно драться, какъ съ непріятелями, съ жителями того края, куда мы вошли. Это сильно огорчало старика Мазепу, который пришелъ въ неописанную скорбь, когда услышалъ, что русскіе овладѣли въ Бѣлой Церкви его сокровищами, а онъ на нихъ возлагалъ надежды» [1].

Изъ перешедшихъ уже на сторону шведовъ и находившихся въ станѣ шведскаго короля малороссіянъ стали являться охотники воспользоваться обѣщаніями прощенія и милости со стороны царя. 21 ноября изъ шведскаго стана ушли миргородскій полковникъ Апостолъ и генеральный хоружій Иванъ Сулима. За ними послѣдовали нѣкоторыя другія лица, увлеченныя прежде надеждою на шведскаго короля. Адлерфельдъ говоритъ, что Мазепа приказалъ привезти ихъ семьи въ Роменъ и это было поводомъ къ побѣгу [2]. Но по нѣкоторымъ даннымъ оказывается, что они ушли съ тайнаго вѣдома самого Мазепы, который, уже разувѣрившись въ силѣ своего союзника, подумывалъ, какъ бы улизнуть отъ него и найти средства примириться съ царемъ. Онъ видѣлъ ясно, что обманулся въ разсчетѣ и нѣтъ возможности привлечь къ своему замыслу малороссійскій народъ. 21-го ноября Апостолъ пріѣхалъ въ свою маетность Сорочинцы и тотчасъ написалъ къ Скоропадскому, просилъ ходатайствовать передъ царемъ о смягченіи царскаго гнѣва, увѣрялъ, что былъ завлеченъ Мазепою по собственному незнанію и долженъ былъ поневолѣ повиноваться ему, пока не предсталъ случай освободиться [3].

[1] *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III. стр. 168.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 51 и 52.

[2] *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 166.

[3] . . . абы его царское величество не мѣлъ на мене вѣрного под-

Царь потребовалъ Апостола въ Лебединъ, допустилъ его лично къ себѣ, принялъ чрезвычайно ласково, объявилъ ему, что за нимъ остаются его прежній чинъ и маетности, и обѣщалъ на будущее время царскія милости. Тогда Апостолъ сообщилъ государю тайное предложеніе Мазепы. Государь принялъ эту вѣсть съ веселымъ тономъ, но замѣтилъ, что это сомнительно, такъ какъ Мазепа не прислалъ съ Апостоломъ ничего письменнаго; впрочемъ, царь предоставилъ Головкину разсмотрѣть это предложеніе Мазепы. Канцлеръ позвалъ къ себѣ миргородскаго полковника и прежде всего приказалъ ему самому отъ себя присягнуть въ вѣрности, потомъ подвергъ секретному допросу и объясненію. Апостолъ сообщилъ, что, бывши съ Мазепою, видѣлъ у него привилегію Станислава Лещинскаго, въ которой обѣщались Украинѣ по окончаніи войны всѣ тѣ вольности, какими славились Польская Корона и Великое Княжество Литовское; Мазепа показывалъ ему и письма, полученныя отъ великаго канцлера короннаго Яблоновскаго и Щуки подканцлера литовскаго, увѣряющія въ томъ, что привилегія Станислава будетъ утверждена сеймомъ, но ни съ привилегіи ни съ писемъ Апостолъ не могъ составить списковъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Апостолъ сообщилъ, что изъ

данного гнѣву и не похотѣлъ карати, же при измѣннику царского величества бывшему гетману до тыхъ часъ обавилемся, понеже усиловне з онымъ затягненъ будучи, жаднымъ способомъ не моглемъ свободитися и той его змѣнѣ, которая неявна намъ була сопротивитися. Албо самъ вельможность ваша естесь свѣдкомъ добре в якомъ мы оного рикгорѣ и суровости всѣ зоставали. Яко теды з детинныхъ лѣтъ моихъ вѣрне во всемъ его царскому величеству служилемъ, такъ и до згону житя мого тому жъ монарсѣ въ непремѣнной вѣрности облѣкгуюся подъ владѣнемъ благоразумнымъ региментарства вашего (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 90).

[1]) ...абы всюды по всей Украинѣ тотъ привилій былъ читанъ, а сеймомъ дальнимъ, якій потребовати бы мѣла Украина по укончѣню войны, на все позволити обѣщано. Въ листѣ помянутыхъ (пановъ)

Бахмача Мазепа посылалъ къ королю Станиславу какого-то Нахимовича съ письмами отъ себя и отъ шведскаго короля, просилъ поспѣшать въ Украину и обѣщалъ для его польскаго войска помѣщеніе въ трехъ полкахъ: Кіевскомъ, Нѣжинскомъ и Переяславскомъ. Онъ, Апостолъ, слышалъ что у непріятеля такой планъ: король шведскій пойдетъ на Москву, но подлинно неизвѣстно, черезъ какіе города, а Станиславъ—на слободскіе полки. Наконецъ,—что важнѣе всего,—миргородскій полковникъ сообщилъ, что Мазепа обѣщаетъ предать въ руки царя шведскаго короля съ знатнѣйшими генералами, но просилъ непремѣнно, чтобы договоръ съ нимъ о его безопасности гарантировали иностранные дворы, имъ указанные. Головкинъ нѣсколько затруднился относительно вопроса о гарантіи; но Апостолъ сразу сказалъ, со словъ Мазепы, что безъ этого условія ничего быть не можетъ. Тогда Головкинъ объявилъ, что согласны будутъ и на гарантію, но все еще не показывалъ къ этому дѣлу полнаго довѣрія и не позволялъ Апостолу давать письменный отвѣтъ Мазепѣ.

Черезъ нѣсколько дней явился къ Апостолу съ письмами отъ Мазепы цирульникъ, служившій у Войнаровскаго, и тогда Апостолъ писалъ Мазепѣ, — впрочемъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—о принятіи его предложенія [1]). Спустя мало времени явился новый перебѣж-

подяковане до его жъ Мазепы за одозвъ той, который онъ писалъ до кроля, поддаючи Украину подъ ихъ власть и всякихъ правъ и вольностей о що тилько мѣли бъ потребовати, Украина и все Войско Зап. нѣчого не отмовити обѣщано. Старалемся всякими способами жебы привиліе и листъ канцлера переписати собѣ, але не моглемъ того доказати наветъ якого часу и чрезъ кого тое принесено не показано и не освѣдчено (Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 213).

[1]) ...и хотя на всѣ кондицiи предложенные именемъ вашей ясновельможности соизволено отъ его царскаго величества, однако жъ о гарантіи не малая трудность являлась. Но какъ отъ меня предложено,

чикъ изъ шведскаго стана, охотный полковникъ Игнатъ Кгалаганъ [1]), и принесъ отъ Мазепы повтореніе прежняго предложенія. Тогда уже Головкинъ написалъ Мазепѣ, что государь изъявляетъ полное согласіе на его предложеніе

что жадною мѣрою безъ того быть не можетъ, то и на то соизволено, только твержено о исполненіи съ вашей стороны (ibid. Письмо Апостола къ Мазепѣ).

[1]) Любопытныя подробности появленія Кгалагана передъ царемъ изложены въ лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана, слышавшаго ихъ отъ самаго Кгалагана, жившаго въ глубокой старости въ Прилукахъ въ 1745 году. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Кгалаганъ, ушедши изъ шведскаго стана съ своими компанейцами, успѣлъ напасть на шведскихъ драбантовъ и привелъ къ царю ихъ плѣнными въ числѣ шестидесяти, какъ доказательство своей искренности. Подходя къ мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ представиться государю, Кгалаганъ сбросилъ съ себя саблю, а увидавши царя, упалъ на колѣни, просилъ прощенія и милости, отдавая и своихъ козаковъ въ волю государя. Петръ, посмотрѣши на него пристально, сказалъ:

„Кгалаганъ, ты измѣнилъ мнѣ вмѣстѣ съ Мазепою?"

„Нѣтъ, государь," отвѣчалъ Кгалаганъ.

„Однако ты съ нимъ убѣжалъ?" возразилъ Петръ.

„Не бѣжалъ я съ нимъ,—сказалъ Кгалаганъ:—намъ было сказано, что по царскому указу ведутъ насъ противъ шведовъ: когда мы уже подошли близко къ шведамъ, Мазепа объявилъ намъ тогда, что предался королю съ тѣмъ, чтобъ отбыть отъ Россіи и оставаться вольнымъ отъ всѣхъ монарховъ народомъ подъ его, Мазепинымъ, правленіемъ. Нѣкоторые бывшіе тамъ козаки разбѣжались, но меня съ моимъ полкомъ, какъ и другихъ, Мазепа взялъ за собою. Уйти отъ силы непріятельской было невозможно, и я рѣшился отдаться на волю судьбы и дожидаться времени, когда можно будетъ освободиться. Король шведскій принялъ насъ всѣхъ ласково и милостиво и приказалъ помѣстить внутри лагеря. На третій день я упросилъ Мазепу исходатайствовать намъ дозволеніе, ради продовольствія лошадей, расположиться не въ шведскомъ станѣ, а особо. Король съ тѣхъ поръ посылалъ насъ на поиски и разъѣзды, обязавши присягою не подумать объ измѣнѣ ему. Но я хотя и обѣщалъ ему служить, а въ мысляхъ своихъ держалъ, что не ему, а своему государю обязанъ присягою прежде. И вотъ, когда мы стали совсѣмъ на свободѣ, мы оправились

съ тѣмъ, чтобъ онъ постарался «добыть главнѣйшую особу», или по крайней мѣрѣ другихъ знатныхъ особъ [1]).

какъ будто на разъѣзды, нечаянно напали вотъ на этихъ шведскихъ драбантовъ, которые, не опасаясь насъ, какъ своихъ людей, были оплошны. Мы окружили ихъ, взяли со всею аммупиціею, поскакали въ путь свой и теперь отдаемъ ихъ и себя въ волю вашего царскаго величества. Дозвольте намъ, государь, быть такими же вѣрными слугами вашими, какими были мы прежде.

„Смотри, Кгалаганъ, не сдѣлай со мною такой штуки, какъ съ Карломъ!“ сказалъ Петръ.

„Государь,—отвѣчалъ Кгалаганъ,—развѣ понесу къ нему свою голову за этихъ взятыхъ его драбантовъ? Вотъ вамъ, государь, эти шведы въ залогъ нашей вѣрности“.

Петръ объявилъ Кгалагану прощеніе и приказалъ ему съ своими компанейцами дѣлать разъѣзды и ловить непріятельскихъ языковъ. Кгалагану такъ посчастливилось, что онъ поймалъ и привелъ въ главную царскую квартиру шведскихъ курьеровъ съ письмами, а потомъ захватилъ обозъ, слѣдовавшій изъ Польши къ шведской арміи съ аммуниціею и денежною казною. Царь милостиво пожаловалъ отнятую денежную казну Кгалагану съ его полкомъ, какъ ихъ военную добычу.

[1]) Ясневельможный господинъ! Доношеніе ваше чрезъ господина полковника миргородскаго его царскому величеству донесено, которой, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребывати и начатое намѣреніе свое во исполненіе привесть потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и свою милость принять, но оную къ вамъ умножить изволитъ, и на тѣ кондиціи чрезъ помянутаго г. полковника предложенные соизволилъ и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той амнистіи принимаетъ (хотя только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ, по предложенію своему, безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и невозможно, то хотя бъ о протчихъ знатнѣйшихъ то учинити по предложенію; а удобно то учиниться можетъ, понеже наши войска въ близости оттуду въ мѣстечкѣ Веприкѣ обрѣтаются въ готовности, куда и убѣжище безопасное можетъ отъ нихъ восприято быть съ тѣми особами). Отвѣту же вашей милости на то предложеніе, съ господиномъ полковникомъ миргородскимъ посланное, по се число не было того ради, понеже сумнѣвались истинноль то; но понеже цар-

Апостолъ былъ обдаренъ очень щедро. Ему, черезъ гетманскій универсалъ, не только возвратили всѣ прежнія маетности [1]), но придали еще новыя во вниманіе къ ущербу, понесенному отъ непріятельскаго вторженія [2]). И Апостолъ, и его товарищи, возвратившіеся изъ шведскаго стана, подписались «на выборѣ» гетмана Скоропадскаго заурядъ съ участвовавшими при избраніи [3]).

Въ какой степени давалась вѣра не только предложенію Мазепы, но даже искренности самыхъ тѣхъ лицъ, которыя словесно передавали это предложеніе,—мы не знаемъ, но политика царя, сообразно тогдашнимъ нравамъ, не пренебрегала никакими случайностями, когда онѣ являлись и могли отнять у непріятеля надежду на дальнѣйшій успѣхъ. Предположеніе о примиреніи съ Мазепою не состоялось. Понятно, что со стороны Мазепы оно никакъ не могло быть искреннимъ; оно дѣлалось человѣкомъ, способнымъ всѣхъ и каждаго обманывать и обращаться на всякую сторону, когда того требовать будутъ обстоятель-

ское величество изъ присылки сюда отъ васъ полковника компанѣйскаго Кгалагана съ полкомъ и изъ устнаго его доношенія отъ вашей милости ему приказаннаго истину того дѣла призналъ, того ради повелѣлъ мнѣ съ крѣпкимъ обнадеживаніемъ милости своей къ вамъ писать. Впрочемъ ссылаюся на письмо г. полковника миргородскаго, не смѣя болѣе и перу повѣрить и не вѣдая имѣетъ ли ваша милость при себѣ съ нами учиненную цифирь, которую на удачу въ семъ письмѣ написалъ. Головкинъ. Изъ Лебедина. Декабря въ 22 день 1708 г. (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 120).

Слова, заключенныя въ скобкахъ въ подлинникѣ, писаны условною азбукою, которая прежде употреблялась въ сношеніяхъ съ Мазепою по секретнымъ дѣламъ. *Примѣч. автора.*

[1]) Собственныя его села и деревни: Крыловъ, Хомутецъ, Сакумовку, Савинцы, Поповку, Перевозъ, Хведоровку, Чухрабовку, Вергуны, Овдѣевку въ Миргородскомъ полку.

[2]) Села: Шаболтасовку, Хлопянско, Лузики, на р. Обѣдѣ стоячіе во владѣніе и зуполное подданство (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 110).

[3]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 181.

ства. Затѣвая сношенія съ царемъ и показывая готовность предать своего новаго союзника, Мазепа, однако, не зналъ, какъ посмотрятъ русскіе на его предложеніе, и продолжалъ дѣйствовать въ пользу Карла, такъ точно, какъ онъ прежде работалъ и дѣйствовалъ въ пользу Петра, когда исподтишка велъ во вредъ Петру сношенія съ Карломъ. Еще не получая никакого извѣстія отъ миргородскаго полковника, 5 декабря Мазепа отправилъ роменскаго жителя Ѳеська Хлюса съ письмомъ къ Станиславу Лещинскому, въ которомъ вторично убѣждалъ его поспѣшить съ войскомъ для взаимнаго дѣйствія оружіемъ противъ «Москвы», которая своими грамотами возбуждаетъ простой народъ въ Украинѣ [1]). Но посланецъ Мазепы былъ задержанъ въ Лисянкѣ и препровожденъ къ Кіевъ; тамъ у него вынули собственноручное письмо Мазепы съ его печатью и отправили къ Петру, а Петръ приказалъ передать его Скоро-

[1]) Nayiaśnieyszy Miłościwy Królu, Panie móy miłościwy! Już to powtórny list cum expressione paddańskiey moiey subiectiey do W. Królewskiey Msci adressuię, wątpiąc ieśli mógł pierwszy in hoc turbido rerum statu suum adire Corinthum. A iakom w tamtym effuso corde et publico całey Ukrainy voto pokornie prosił Waszey Kr. Msci abyś ad salvandam haereditatem suam victricem raczył movere manum, tak y teraz geminatâ prece toż samo powtarzam y expectans expecto szczęśliwego y prętkiego Waszey Kr. Mości przybycia żebyśmy mogli unitis armis et animis nieprzyiacielskiey Moskiewskiey imprezy in herba sopire draconem, teraz naybardziey kiedy Moskwa zaczęła hramotami swemi prosty fomentować naród y civile wyrabiać bellum, y lubo go ieszcze żadney nie mamy apparencyi iednak te iskierki suppositas cineri doloso zawczasu by trzeba gasić żeby ztąd in publicum damnum iakowe nie wybuchnęły incendia, dla czego tanquam patres in lymbo oczekiwamy przyyścia Wszey Kr. Msci iako salvatora naszego y supplikuiąc o to pokornie całuię mille basiis waleczną Jego rękę. Waszey Królewskiey Mości pana mego miłościwego wierny poddany y sługa nayniższy Jan Mazeppa Hetman. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники).

падскому, для того чтобъ обнародовать въ переводѣ [1]), въ обличеніе лживости Мазепы, который увѣрялъ соотечественниковъ, будто отступилъ отъ царя затѣмъ, чтобы малороссійскій край былъ независимъ и не находился ни подъ царскою, ни подъ польскою властію, на самомъ же дѣлѣ въ своемъ письмѣ обличаетъ себя, именуя себя подданнымъ Лещинскаго, а Украину называетъ его наслѣдіемъ и тѣмъ показываетъ, что у него было намѣреніе предать малороссійскій народъ подъ польское иго [2]). Кромѣ того, былъ схваченъ въ селѣ Коренцѣ, близъ Глухова, послан-

[1]) Малороссійскій переводъ письма Мазепы: „...Якъ въ прежнемъ листу всеусерднымъ желаніемъ и общимъ всей Украины согласіемъ смиренно просилемъ вашеи кролевскои милости, абы для избавленія дѣдизны своей крѣпкую и незвитяжоную руку простерти изволилъ, такъ и сего часу повторнымъ прошеніемъ сіежъ едино повторяю и все глядаючи чекаю счастливого вашои кролевскои милости къ намъ прибытя, да возможемъ соединеннымъ оружіемъ и единомысліемъ непріятелскую московскую силу во способное побѣдити время, а найпаче теперъ, когда Москва зачала грамотами своими простый побужати народъ и съ сограждааны творити брань, и аще по сіе время отъ неи не узналисьмо свѣдетельства, еднакъ же тые малые искры въ пепелѣ утаенные завчасу бы треба угашати, абы зъ оныхъ на общую всѣхъ шкоду великыи не учинились огнѣ. Того ради, 'аки овцы на кровѣ (далѣе по нечоткости разобрать было трудно)... ожидаемъ пришествія вашеи кролевскои милости аки избавителя и прося о томъ покорно лобзаю тысячнократно непобѣдимую вашу десницу. В. кр. мил. моего милостивого пана вѣрный подданный и слуга нижайшій Янъ Мазепа гетманъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 102).

[2]) . . . и потому явно съ какою совѣстію оный богомерзкій измѣнникъ предаетъ себя Всевышняго суду, будто оный измѣну свою учинилъ для пользы Малороссійскаго края и содержанія вольностей и чтобъ имъ будто ни подъ нашею ни подъ польскою властію не быть, но особливо свободными остатися; а нынѣ, по тѣмъ его богоотступнаго измѣнника письмамъ, явилась явная ложь и предательство подъ польское иго малороссійскаго народу (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 102.— Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 194—196.—*Бант. Камен.*: „Исторія Малой Россіи“, изд. 1-е, т. IV, стр. 175—178).

ный Мазепою козакъ Грицько Пархоменко. Онъ показалъ, что посланъ Мазепою съ письмами къ черниговскому архіепископу и къ князю Четвертинскому и отдалъ имъ эти письма. Когда его подвергли пыткѣ, то онъ сознался, что ходилъ волновать народъ, а писемъ никакихъ съ нимъ не было, только Мазепа приказалъ ему разглашать о такихъ письмахъ, чтобы лицъ, не сочувствующихъ его замысламъ, привести въ подозрѣніе и немилость у государя. И это событіе, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о перехваченномъ письмѣ Мазепы къ Станиславу, царь огласилъ въ своемъ манифестѣ, чтобы внушить въ народѣ омерзѣніе къ злобѣ и коварству бывшаго гетмана [1]).

Станиславъ Лещинскій конечно не получилъ письма Мазепы, доставшагося Петру, но вѣрилъ ему и заохочивалъ своихъ поляковъ, указывая на примѣръ Мазепы, какъ на доблестный подвигъ, достойный подражанія [2]).

И такъ, затѣвая устроить путь къ примиренію съ царемъ, Мазепа самъ себѣ испортилъ этотъ путь. Само собою разумѣется, царь, получивши въ руки доказательство, что Мазепа не оставляетъ своей измѣны, не хотѣлъ болѣе вести съ нимъ сношенія. Но и шведы, послѣ побѣга миргородскаго полковника, стали не довѣрять малороссіянамъ: такъ показывали лица. одно за другимъ появлявшіяся въ русскомъ станѣ и бывшія передъ тѣмъ въ Ромнѣ. За Апо-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 г., январь. Манифестъ Петра.

[2]) . . . ponimus ad oculos dignum aeviterna laude et gloria ducem Zaporoviensem Mazeppam qui primus misertus patriae subdens se in nomen nostrum cum gente et terra sua priusque vias justitiae ingressus restituendo aliena antequam exercitus Kwarcianorum stipendiario titulo una cum ductoribus suis eat in leges debiti tam custodiendi. quam recuperandi proprios limites. Quis non putaret tam praeclarum externorum exemplum allis additurum alas ad festinandum eo quo tota se offert Ukraina et ecce signa militaria audimus Cracoviam versus dividi loco Kijoviae vel Ukrainae (*Załuski*: „Epis. Hist. Fam.", t. III, p. 867).

столомъ хотѣлъ было уйти лубенскій полковникъ Зеленскій, но шведы провѣдали о его замыслѣ и поставили во дворѣ его караулъ въ 50 человѣкъ: одни стояли у воротъ, другіе въ сѣняхъ, а третьи въ домѣ. Въ такой тѣснотѣ держали Зеленскаго. пока прибыла въ Роменъ его жена, и только тогда ему стало льготнѣе. Генеральный асаулъ Максимовичъ также находился подъ стражей за то, что хотѣлъ, какъ говорили, писать письмо къ царю. И за другими старшинами устроенъ былъ караулъ по два человѣка шведскихъ солдатъ за каждымъ. Болѣе довѣрія стали оказывать старшинамъ только тогда, когда ихъ жены пріѣхали къ нимъ, но все-таки и послѣ того шведы наблюдали надъ тѣми и другими и не дозволяли разомъ выходить изъ дома мужьямъ съ женами. У Мазепы стоялъ всегда неотступно почетный караулъ, какъ будто ради чести, а въ сущности за нимъ присматривали. Главную силу Мазепы составляли компанейцы, которыхъ у полковника Кожуховскаго было 500, а у полковника Андріаша 150 человѣкъ. Изъ старшинъ близки были тогда къ Мазепѣ: Орликъ, Чуйкевичъ, Ломиковскій и Горленко; прочіе держались съ нимъ на благородной дистанціи. Самъ Мазепа, воротившись изъ похода къ Гадячу, постоянно болѣлъ и лежалъ въ постелѣ, обложившись пластырями. Недовѣріе шведовъ къ козацкимъ старшинамъ прекратилось только тогда, когда окончился срокъ, положенный царемъ для амнистіи, но и то несовершенно. Такимъ образомъ, если-бы царь имѣлъ поводъ возобновить начавшіеся-было переговоры съ Мазепою, то уже самъ Мазепа мало имѣлъ возможности не только оказать царю обѣщанную услугу, но даже и вести дальнѣйшіе секретные переговоры съ Головкинымъ [1]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1708 г., № 54. Бумаги чиселъ дерабря: 8. 13, 18 и 19.

Съ половины декабря открылись постоянно и надолго военныя дѣйствія между русскими и шведами. Въ Лебединѣ, въ главной царской квартирѣ, собирался военный совѣтъ и составилъ планъ выгнать шведскаго короля изъ Ромна. Для этого прежде положили сдѣлать нападеніе на Гадячъ—передовой пунктъ шведовъ; надѣялись выманить туда короля, разсчитывая, что съ своимъ горячимъ характеромъ онъ не утерпитъ, чтобы не пойти на выручку своимъ, а тѣмъ временемъ, какъ онъ выйдетъ изъ Ромна, отправить туда другой русскій отрядъ и занять этотъ городъ. Уже вблизи отъ Гадяча и прежде стояло русское войско. Въ 12-ти верстахъ отъ Гадяча есть мѣстечко Веприкъ; въ оное время оно было укрѣпленнымъ городомъ. Послѣ занятія Гадяча шведами и мазепинцами, вооруженные малороссійскіе мужики, не желая повиноваться Мазепѣ и предпочитая служить царю, просили себѣ помощи отъ русскихъ [1]). Къ нимъ пришелъ туда русскій гарнизонъ изъ 1,500 солдатъ [2]). По окрестнымъ селамъ и хуторамъ расположился отрядъ генерала Рена. Этому генералу поручено было взять Гадячъ, занятый непріятелемъ. Шведы, какъ только услышали, что русскіе собираются напасть на Гадячъ, бросились туда изъ Ромна, и какъ только подошли къ Гадячу, русскіе, стоявшіе подъ нимъ, ушли, успѣвши однако зажечь предмѣстье, и это не осталось безъ большаго вреда для шведовъ: они потеряли возможность имѣть тамъ помѣщеніе въ домахъ, а въ это время наступали жестокіе морозы.

Между тѣмъ, пользуясь удаленіемъ шведовъ, русскій генералъ Алартъ пошелъ на Роменъ. Планъ, составленный заранѣе въ Лебединѣ, удался; шведскаго войска въ Ромнѣ не было, и ночью, на 18 декабря, русскіе безпре-

[1]) *Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 263.

[2]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 54

пятственно вошли въ Роменъ. Мазепа за два часа до прихода русскихъ убѣжалъ изъ Ромна и едва-было не попался въ плѣнъ. Роменскіе жители,—говоритъ современникъ [1]),—обрадовались, но ихъ радость тотчасъ же обратилась въ печаль: солдаты стали грабить и безчинствовать, а ихъ командиры не достаточно укрощали ихъ и допустили безъ нужды сжечь мѣстечко и пригородныя села. Впослѣдствіи Петръ, по поводу этого событія, посылалъ туда нарочно производить слѣдствіе и наказать виновныхъ [2]).

Между тѣмъ, потерявши Роменъ, Карлъ уже не воротился туда, но рѣшился оставить часть войска въ Гадячѣ, а съ другою идти далѣе. Едва онъ дошелъ до селенія Красная Лука [3]), какъ настала такая ужасная стужа, что невозможно было слѣдовать далѣе. Часть войска воротилась въ Гадячъ, но тамъ не доставало помѣщенія. Городъ былъ самъ по себѣ не великъ, а тутъ еще русскіе недавно сожгли цѣлую треть его и многіе шведы принуждены были проводить ночи на снѣгу на открытомъ воздухѣ за недостаткомъ хатъ [4]).

По общему свидѣтельству современниковъ, въ эту зиму по всей Европѣ была ужасная стужа. Въ Швеціи снѣжные сугробы до такой степени были высоки, что захватили въ себя деревья до самыхъ вершинъ; все Балтійское море стояло покрытое льдомъ; въ озерахъ вода замерзла до самаго дна. Въ средней Европѣ погибли всѣ плодовыя деревья; даже въ Италіи и Испаніи, гдѣ обыватели никогда не видывали льда на рѣкахъ, теперь замерзли рѣки и болота и земля очень глубоко промерзла. Въ открытыхъ украинскихъ равнинахъ морозы были тѣмъ нестерпимѣе,

[1]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письмо А. И. Ушакова.

[2]) Ibidem, № 9.

[3]) Нынѣ село Гадяцкаго уѣзда, при р. Груни, въ 7 вер. отъ Гадяча.

[4]) *Nordberg*, франц. перев., ч. II, стр. 263.

что тамъ свирѣпствовали бури и вьюги. Птицы падали на-лету; повсюду валялось множество замерзшихъ дикихъ животныхъ. Снѣга нападало такъ изобильно, что за непроѣздными сугробами прекращались сообщенія между жилыми мѣстностями. Тогда отъ трехъ до четырехъ тысячъ шведскихъ воиновъ погибло отъ невыносимой стужи. Конные окоченѣвали сидя верхомъ на лошадяхъ, пѣхотинцы примерзали къ деревьямъ или повозкамъ, на которые облокачивались въ послѣднія минуты борьбы со смертію. Самъ король приморозилъ себѣ носъ и долженъ былъ долго тереть его, пока не возбудилъ правильнаго кровообращенія. Иные шведскіе солдаты думали согрѣться водкою, которой было большое изобиліе въ малорусскомъ краѣ, но водка имъ не помогала: при ея содѣйствіи они только скорѣе дѣлались добычею смерти. Городъ Гадячъ обратился въ лазаретъ, такъ какъ туда при возможности тащили полуживыхъ отъ холода; изъ домовъ слышались раздирающіе крики больныхъ, которымъ хирурги отпиливали отмороженные члены, а передъ домами валялись куски отрубленныхъ человѣческихъ членовъ и между ними ползали еще живые, но обезумѣвшіе отъ боли и отчаянія калѣки [1]). Но неутомимый шведскій король не хотѣлъ терять времени: 27 декабря онъ двинулся къ Веприку и хотѣлъ во что бы то ни стало взять его. Осажденные стали обороняться отчаянно. Комендантъ Веприка не хотѣлъ сдаваться, несмотря ни на какія убѣжденія и угрозы; между тѣмъ морозъ не ослабѣвалъ, мерзли волы и лошади, погибали бѣдные солдаты, оставаясь на открытомъ воздухѣ, такъ какъ не всѣмъ удалось подѣлать себѣ изъ соломы шалаши, гдѣ можно было спрятаться, хотя собственно и такая защита представляла мало надежды на спасеніе. Раздосадованные упорствомъ коменданта, шведскіе

[1]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 139.

генералы кричали, что, взявши городокъ, непремѣнно слѣдуетъ коменданта повѣсить. Король принялъ сторону своего генералъ-квартирмейстера Гилленкрока, который доказывалъ своимъ товарищамъ, что, напротивъ, этотъ комендантъ достоинъ уваженія, потому что свято исполняетъ долгъ присяги своему государю. 30 декабря шведы отступили и пошли къ Зенькову. Тамъ засѣли вооруженные мужики, не хотѣвшіе впускать къ себѣ ни шведовъ, ни русскихъ: они были постоянно пьяны и горячились. Но городокъ Зеньковъ былъ укрѣпленъ худо: валъ былъ не высокъ, ровъ не глубокъ. Вся городская стѣна состояла изъ деревяннаго частокола. Шведы зажгли подгороднее село и бросились разбивать городскія ворота. Тогда осажденные сдались на милость побѣдителя.

Въ Зеньковѣ Карлъ встрѣтилъ новый 1709 годъ. Морозъ по прежнему былъ жестокъ, но Веприкъ не выходилъ изъ ума у короля. Когда, наконецъ, морозъ сталъ ослабѣвать, 6 января король снова явился подъ Веприкомъ и опять послалъ къ коменданту убѣжденіе сдаться, а въ случаѣ сопротивленія грозилъ всѣхъ истребить безъ пощады. Комендантъ отвѣчалъ въ почтительномъ тонѣ, что онъ, сообразно волѣ своего государя, будетъ защищаться до послѣднихъ силъ, но надѣется, что король, уважающій мужество своихъ воиновъ, оцѣнитъ это качество и у враговъ, если возьметъ крѣпость послѣ упорнаго сопротивленія. Пользуясь ослабленіемъ мороза, комендантъ приказалъ полить городскіе валы водою, такъ что они покрылись ледяною корою; ворота были завалены.

7 января, въ полдень, шведы начали приступъ. Они приставляли лѣстницы, думая взобраться до гребня вала, окаймлявшаго Веприкъ, но осажденные поражали ихъ и выстрѣлами, и камнями, и лили на нихъ кипятокъ; шведскія ядра отскакивали отъ оледенѣвшаго вала и наносили вредъ самимъ шведамъ. Вечеромъ король приказалъ пре-

кратить приступъ, еще разъ послалъ коменданту предложеніе сдаться, обѣщалъ оставить плѣннымъ все ихъ имущество, но замѣчалъ, что крѣпость не можетъ быть невзятою, когда придетъ болѣе войска и тогда, во время новаго приступа, никого не оставитъ въ живыхъ [1]). Комендантъ согласился сдаться. Отворили ворота. Вошли шведы и взяли въ плѣнъ 1.400 русскихъ и 400 малороссіянъ; у нихъ были только четыре пушки [2]). Коменданта, родомъ шотландца, Карлъ принялъ ласково и оставилъ ему шпагу [3]). Плѣнный гарнизонъ былъ отправленъ въ Зеньковъ, много плѣнныхъ погибло отъ мороза, а прибывшіе въ Зеньковъ получали хорошее содержаніе и ходили почти на свободѣ. Каждому изъ нихъ король выдалъ по десять злотыхъ польскихъ. Веприкъ, по королевскому приказанію, былъ сожженъ маіоромъ Вильдемееромъ. Всѣ малороссіяне обоего пола были пущены на свободу по настоянію Мазепы [4]).

Съ этихъ поръ король, лишившись Ромна, которымъ овладѣли русскіе, заложилъ свою главную квартиру въ Зеньковѣ. Войско размѣстилось по окрестностямъ; генералъ Спарре съ шестью пѣхотными полками стоялъ въ Лютенкѣ [5]); весь обозъ съ канцеляріею находился въ Гадячѣ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ и Мазепа. 13 января они перешли въ Зеньковъ. Побывавшіе въ шведскомъ станѣ говорили, что неизвѣстно почему Мазепу и въ Зеньковѣ постоянно сопровождалъ шведскій караулъ, тогда какъ взятымъ въ плѣнъ русскимъ въ Веприкѣ дозволялось ходить всюду безъ караула. Была надежда прибытія короля Станислава

1) Ibid., стр. 142.

2) *Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 263.

3) Ibid., стр. 261.

4) Ibid., стр. 263.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 79—182.

5) Нынѣ большое мѣстечко Гадячскаго уѣзда, при рѣкѣ Лютенкѣ, въ 24 верстахъ отъ Гадяча.

съ поляками своей партіи; уже русское войско, подъ начальствомъ генерала Гольца, выслано было препятствовать королю Станиславу соединиться со шведами. Но противъ Гольца стоялъ въ Лохвицѣ шведскій генералъ Крейцъ; Прилуки также были еще заняты шведами [1]).

Карлъ, не дождавшись Станислава, считалъ важнѣйшимъ дѣломъ выгнать русскія войска изъ Гетманщины и перенести войну за ея предѣлы. Графъ Пиперъ, всегда разсудительный и осторожный, а потому часто расходившійся въ планахъ съ пылкимъ и задорнымъ королемъ, совѣтовалъ, напротивъ, удалиться за Днѣпръ и открыть сообщеніе съ поляками Станиславовой партіи. «Черезъ это, —говорилъ онъ,—король умножилъ бы свои силы, тогда какъ теперь въ чужой странѣ, отрѣзанные отъ Швеціи, онѣ безпрестанно умаляются и отнюдь не пополняются». «Нѣтъ,—отвѣчалъ Карлъ,—отступленіе за Днѣпръ походило бы на бѣгство; непріятель станетъ упорнѣе и высокомѣрнѣе. Мы прежде выгонимъ изъ козацкой земли русскихъ, укрѣпимъ за собою Полтаву, а между тѣмъ наступитъ лѣто и тогда оно покажетъ намъ, куда направляться» [2]). Мазепа со всѣхъ силъ старался удерживать короля въ Гетманщинѣ и отклонить отъ совѣта переходить за Днѣпръ. Это было естественно: переходъ на правую сторону Днѣпра показывалъ бы совершенное оставленіе той цѣли, съ какой Мазепа затянулъ короля въ Гетманщину, и его-то вліянію главнымъ образомъ приписывали современники возникшее у короля желаніе во что бы то ни стало выгнать русскихъ изъ Гетманщины и овладѣть Полтавою.

Въ ночь съ 27 на 28 января король съ двумя тыся-

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 183,

[2]) Ibid.

чами конницы отправился лѣсомъ къ Опошнѣ [1]), гдѣ стоялъ русскій генералъ Шаумбургъ съ шестью драгунскими полками, съ 600 гренадеровъ и съ 2.000 козаковъ. Шведы получили успѣхъ, овладѣли городкомъ Опошнею, взяли у русскихъ много багажа, захватили даже обѣдъ, приготовленный Шаумбургомъ для Меншикова, который прибылъ туда, выѣхавши изъ Ахтырки для обозрѣнія Полтавы: оба русскіе генерала едва успѣли уйти. Но изъ письма Меншикова къ царю отъ 29 января видно, что успѣхъ шведовъ былъ непродолжителенъ и русскіе тотчасъ же овладѣли Опошнею [2]).

Карлъ изъ Опошни двинулся къ Котельвѣ [3]). Русскіе отступили въ Ахтырку [4]). Карлъ вступилъ въ Слободскую Украину съ своими драбантами, съ семью или восемью кавалерійскими полками и съ полевою артиллеріей [5]). Русскіе ждали, что король пойдетъ на Ахтырку, укрѣпили ахтырскій замокъ и сожгли предмѣстья, чтобы не дать непріятелю въ нихъ установиться. Но король двинулся на Красный Кутъ 11 февраля. Тамъ стоялъ генералъ Шаумбургъ съ семью драгунскими полками. Послѣ перваго нападенія русскіе отступили къ Городѣ [6]). Шведскіе историки говорятъ, что русскіе убѣгали тогда въ галопъ, а сподвижникъ Мазепы, Герцикъ, отличился передъ всѣми храбростію, убивши собственноручно до тридцати непріятельскихъ воиновъ [7]). Полковникъ Дукертъ вогналъ бѣ-

[1]) Нынѣ мѣстечко Зеньковскаго уѣзда, при рѣкѣ Ташани, въ 30 верстахъ отъ Зенькова.

[2]) Гос. Арх. Письма Меншикова.

[3]) Нынѣ мѣстечко Ахтырскаго уѣзда.

[4]) *Adlerfeld*, франц. пер., ч. IV, стр. 414.

[5]) *Nordberg*, фр. пер., ч. III, стр. 268.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 145.

[6]) Нынѣ Городное, слобода Богодух. уѣзда, при рѣкахъ Мерлѣ и Мерчикѣ.

[7]) *Nordberg*, фр. пер., стр. 269.—*Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.

гущихъ русскихъ въ городъ: сдѣлалась давка, суматоха, рѣзня; лошади, оставленныя павшими воинами, метались и увеличивали безпорядокъ; русскіе падали на землю, притворяясь мертвыми, чтобы снова встать на ноги, когда минетъ опасность. Между тѣмъ, слѣдуя за Дукертомъ, король, увлеченный погонею, сошелъ съ высоты на плотину съ тѣмъ, чтобъ опять взойти на другую высоту, но тутъ появился русскій генералъ Ренъ съ шестью драгунскими эскадронами и двумя баталіонами царской гвардіи, и такъ ударилъ на шведовъ, что они попятились назадъ на высоту, съ которой сходили и увлекли за собою короля. Русскіе заняли плотину; у русскихъ силы было больше, чѣмъ у шведовъ и воины короля были сильно истомлены. Оставалось отбиваться, дожидаясь подкрѣпленія. По русскому извѣстію, король ретировался тогда въ мельницу, которая была окружена русскими драгунами, и только наступившая ночная темнота спасла короля отъ плѣна [1]). По шведскимъ извѣстіямъ, полковникъ Дукертъ, прогнавши русскихъ въ Городню, ворочался назадъ и наткнулся на русскую засаду, установившуюся возлѣ болота, за плетнями и кустарниками. Шведы обратились въ бѣгство: сначала бѣжала прислуга, а за нею драгуны. Шведскій генералъ Крузе встрѣтилъ ихъ, остановилъ, привелъ въ порядокъ и повелъ туда, гдѣ находился король. Генералъ Ренъ не сталъ болѣе вести битвы и удалился къ Богодухову [2]). Шведы признавали эту стычку для себя побѣдою; русскіе приписывали побѣду себѣ. Извѣстія объ этомъ дѣлѣ не ясны: достовѣрно только то, что это сраженіе, совершенно безполезное для шведовъ, какъ и весь походъ ихъ въ Слободской край, обезсилило шведскую армію [3]).

[1]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“ т. III, стр. 74.

[2]) *Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.—*Nordberg*, фр. пер., ч. III, стр. 269—272.

[3]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 146.

12 февраля Карлъ пошелъ на Мурахву [1]) и оттуда далъ приказаніе сжечь городки Красный Кутъ и Городню, а жителей вывести прочь. Генералъ Гамильтонъ опустошилъ и сжегъ нѣсколько городковъ и слободъ, лежавшихъ въ сторонѣ, и между прочимъ городокъ Олешну [2]): тамъ шведы встрѣтили сопротивленіе; нѣсколько сотъ русскихъ, составлявшихъ гарнизонъ, были истреблены, воевода взятъ въ плѣнъ [3]).

У русскихъ уже возникало опасеніе, какъ бы отважный король, для котораго, какъ говорится, было и море по колѣна, не вздумалъ прорваться до Воронежа, чтобъ истребить тамъ царскіе корабли; у шведовъ же были до такой степени слабы географическія свѣдѣнія о южнорусскомъ краѣ, что они, слыша, что царь строитъ суда въ Воронежѣ, думали, что этотъ городъ лежитъ у Чернаго моря [4]).

Но всякія отважныя затѣи разбивала природа. Послѣ ужаснѣйшихъ морозовъ, какихъ не помнили старожилы въ краѣ, наступила оттепель, а 13 февраля произошло странное явленіе: полился сильный дождь съ громомъ и молніей. Въ это время король ѣхалъ верхомъ рядомъ съ Мазепою, который получилъ тогда облегченіе отъ своей болѣзни и отважился пуститься въ путь съ королемъ. Приближались къ Коломаку [5]). Мазепа, по своему обычаю, любившій говорить любезности, сказалъ: «война для вашего величества идетъ очень счастливо: мы уже дошли только за восемь миль отъ рубежей Азіи!» Король отвѣ-

[1]) Нынѣ слобода Богодух. уѣзда, при р. Мерчикѣ, въ 24 верстахъ отъ Богодухова.

[2]) Нынѣ слобода Лебединскаго уѣзда, при р. Олешни, въ 35 верстахъ отъ Лебедина.

[3]) *Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.

[4]) *Nordberg*, франц. пер., т. III, стр. 273.

[5]) Нынѣ слобода Валковскаго уѣзда, при рѣкѣ Коломакѣ, въ 25 верст. отъ Валокъ.

чалъ: «sed geographi non conveniunt (съ этимъ не согласятся географы)». «Это,—замѣчаетъ современный историкъ,—заставило покраснѣть добраго старика» [1]). Зная, что король часто толковалъ о подвигахъ Александра Македонскаго и во всемъ ставилъ себѣ за образецъ этого древняго героя, Мазепа, въ угоду королю, сочинилъ тогда, будто въ этихъ странахъ недавно отысканъ «александрійскій» камень, воздвигнутый Александромъ Македонскимъ.

Когда войско остановилось на отдыхъ, король сообщилъ своему генералъ-квартирмейстеру Гилленкроку, что Мазепа сказалъ ему, будто отсюда не далеко до Азіи.—«Ваше величество шутите,—сказалъ Гилленкрокъ.—Не по этому направленію можно достигнуть предѣловъ Азіи».—«Я никогда не шучу,—отвѣчалъ король.—Ступайте и узнайте отъ Мазепы путь въ Азію точнѣе». Гилленкрокъ отправился къ Мазепѣ. Тотъ встревожился, узнавши, какое дѣйствіе произвела на короля его болтовня, и сознался, что говорилъ королю только изъ любезности. «Съ нашимъ королемъ опасно говорить пустяки о такихъ предметахъ,—сказалъ Гилленкрокъ.—Этотъ государь любитъ болѣе всего славу и легко поддастся желанію двинуться туда, куда нѣтъ необходимости идти для его цѣлей» [2]).

Началась полнѣйшая распутица; нельзя было идти въ невѣдомый путь. Короля убѣдили отложить свое намѣреніе и воротиться въ Гетманщину. Но и обратный путь не обошелся безъ затрудненій и потерь. Берега Коломака уже походили на большое озеро. Рѣка Мерла въ полсутки покрылась водою. Мелкія рѣчонки разливались съ неимовѣрною быстротою. Снѣгу въ предшествовавшую зиму было чрезвычайное изобиліе и теперь отъ быстраго таянія полились водные потоки. Пѣхота, въ продолженіи цѣлыхъ

[1]) *Adlerfeld*, франц. пер., ч. IV, стр. 420.

[2]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I стр. 153.

дней, шла въ водѣ по косточки и если не было возможности добраться къ вечеру до сухаго мѣста, то приходилось всю ночь оставаться въ водѣ. Воды вездѣ было такъ много, что впереди невозможно было замѣтить, гдѣ находятся рѣки и протоки, а на рѣчкахъ, покрывшихся водою, ледъ сталъ такъ хрупокъ, что многіе шведскіе солдаты потонули съ лошадьми, наткнувшись нечаянно на рѣку, которой не могли заранѣе распознать въ пространствѣ, обнятомъ водою. Отъ Коломака до Будищъ было на пути нѣсколько плотинъ длинныхъ и высокихъ; на такихъ-то плотинахъ приключалась бѣда съ людьми и лошадьми, особенно въ темныя ночи: кто только на такой плотинѣ споткнулся, тотъ и погибалъ [1]). На рѣкѣ Мерлѣ, прежде, когда шли шведы въ Слободскую Украину, была большая плотина: теперь отъ ней ни малѣйшаго слѣда не оставалось; кавалерія переходила рѣку вплавь; лошади плыли, положивши головы на заднія части лошадей переднихъ; много тогда пропало и лошадей, и повозокъ. Переправа на Мерлѣ шла полтора дня. На Ворсклѣ шведскіе полки переправлялись вплавь въ теченіи четырехъ сутокъ и еще съ большими затрудненіями. Ворскла была наполнена маленькими островками, которыхъ вершины едва можно было замѣтить въ водѣ, а между островками рѣка была особенно глубока; многіе, попавши въ такія мѣста, потонули. Король благополучно переѣхалъ Ворсклу на лошади вплавь въ числѣ первыхъ; его примѣру слѣдовали многіе офицеры. По прибытіи въ Опошню, король приказалъ строить на Ворсклѣ мосты для переправы остальнаго войска и всего обоза. Много погибло шведовъ въ этомъ походѣ, но тѣ, которые вернулись цѣлыми, восхваляли своего короля за то, что онъ раздѣлялъ всѣ неудобства наравнѣ съ простыми солдатами [2]).

[1]) Ibid., стр. 146.

[2]) *Nordberg*, франц. пер., стр. 275.

Въ то время, когда король совершалъ свой безполезный походъ въ Слободскую Украину, позади его, въ Гетманщинѣ, русская сторона брала верхъ. Еще въ январѣ князь Григорій Долгорукій, находившійся въ Нѣжинѣ, послалъ генералъ-майора Гинтера взять Прилуки. Шведы, занимавшіе этотъ городъ съ конца ноября, ушли оттуда, не дождавшись прихода русскихъ, а съ ними вмѣстѣ уѣхали находившіяся тамъ нѣкоторыя семейства лицъ, перешедшихъ къ Мазепѣ. Гинтеръ занялъ Прилуки, поставилъ тамъ коменданта и прислалъ къ царю составленную имъ опись этого города [1]). Изъ этой описи мы узнаемъ, что въ Прилукахъ былъ тогда довольно обширный за́мокъ или городъ съ высокимъ валомъ и рвомъ около него, но валъ требовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починки. Прилуки страдали недостаткомъ воды, такъ что въ за́мкѣ не было ни одного колодца и генералъ Гинтеръ приказалъ туда навозить льду, «дабы въ самой послѣдней нуждѣ можно оный вмѣсто воды употреблять». Вслѣдъ за Гинтеромъ явился новопоставленный царемъ прилуцкій полковникъ Носъ, былъ встрѣченъ подначальными съ покорностію и тотчасъ распорядился о сборѣ и доставленіи въ Прилуки провіанта. 22 января князь Долгорукій изъ Нѣжина послалъ туда солдатскій ямбургскій полкъ съ пушками, приказавши командиру этого полка, Вестову, держаться въ Прилукахъ до послѣдняго. Ревностнымъ дѣятелемъ въ пользу царя явился тогда миргородскій полковникъ, еще недавній соумышленникъ Мазепы. Онъ дѣятельно трудился противъ непріятеля, отбивалъ шведскіе и Мазепины возы, взялъ Гамалѣю и зятя своего съ женами ихъ, которыхъ везли шведы [2]), укрощалъ и искоренялъ своевольныхъ разбойниковъ, которые безчинствовали, пользуясь военнымъ вре-

[1]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8.

[2]) Ibid., № 9. Письмо Долгорукаго отъ 3 марта.

менемъ и суматохою [1]). Мазепа много полагалъ надежды на правобережныхъ козаковъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Не говоря уже о томъ, что бѣлоцерковскій полковникъ въ числѣ первыхъ объявилъ себя на сторонѣ царя, въ другихъ городахъ то и дѣло что ловили и доставляли русскому генералу Инфлянту Мазепиныхъ коммиссаровъ, то подъ видомъ чумаковъ, то подъ другими видами являвшихся для возмущенія народа противъ царя [2]).

[1]) . . . нѣкоторые своевольцы не зъ коша а знать з рѣчокъ зобравшися були въ Крыловѣ, а з Крылова пошли до Чигирина; теперъ засъ листы мене поткали на дорозѣ же тые своевольцѣ людей много порабовали, наветъ и родича мого, который былъ отъ вельможнаго пана гетмана посланъ по указу монаршому въ Чигиринскій полкъ для повстягненя своеволѣ высланнымъ на смерть убили; прето ежели бы о тыхъ помененыхъ своевольцахъ прочулемъ же бы добре было на нихъ ударити и ихъ распудити, дабы з оныхъ болшая не повстала своеволя (Гос. Арх. Кабинетн. Дѣла, № 9. Письмо Апостола къ Долгорукому).

[2]) Сотеннаго городового письмо къ генералу Инфлянту: Велце намъ премилостивый и великоусердный добродѣю! Нижайшій мой поклонъ служебниче предположивши милости вашей извѣствуемъ, ижъ прибувши до насъ в городокъ неякіи чумаки для прикупленія соли человѣка три полку Переяславскаго з межиякихъ сидючи въ дому Давида Литвинка еденъ чумакъ зовомый Ѳесько шинкарь пани Мировичовыи мовилъ войту нашому и многимъ людямъ чили для прелщеня народу, чили що в таковый способъ: отъ вы не повѣрайте цару московському, бо онъ мѣлъ всѣхъ насъ запропастити. Теды войтъ пытаетъ его: якже бъ тое чинилося? Ажъ онъ мовитъ: мѣлъ насъ всѣхъ царь на Сибиръ загнати, такъ вы теперъ его не слухайте що онъ письмами позасылалъ. Здоровъ бы, мовитъ, еще нашъ Мазепа з шведомъ, той насъ не подастъ въ неволю московськую. Якую ту его блюзнерскую мову войтъ слышачи намъ ознаймилъ, в чомъ мы со всѣмъ желаніемъ нашимъ и вѣрностію служаще его ц—скому пр—му вел—ству и не хотячи такого безчестя на высоцѣповажную особу отъ онаго легкомысленника рыгованного оставити до вашей милости панскои сіе до извѣщенія подаючи онаго росколника между народомъ вдаючагося посылаемъ. З Черкасъ іануарія 18 року 1709 в. пан. м—сти велце

Въ февралѣ фельдмаршалъ Шереметевъ отправилъ бригадира Бема съ четырьмя драгунскими полками и съ двумя баталіонами лейбъ-гвардіи, въ числѣ которыхъ были преображенцы, выгнать изъ Рашевки [1]) тамъ стоявшихъ шведовъ. Въ Рашевкѣ находился шведскій полковникъ Албедиль съ 325 драгунами, а къ нему изъ Гадяча отправлены были еще 130 пѣхотинцевъ съ артиллерійскими лошадьми и значительнымъ количествомъ скота подъ прикрытіемъ капитана Дидрона. Албедиль вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ своими драгунами и наткнулся на русскихъ. Произошла схватка, Албедиль былъ взятъ въ плѣнъ, Дидронъ убитъ, а тѣ, которые пустились въ бѣгство, были переловлены и истреблены мужиками [2]). Тогда Шереметевъ покусился взять Лохвицу, гдѣ стоялъ шведскій генералъ-поручикъ Крейцъ и куда для безопасности Мазепа отправилъ свою текущую гетманскую казну. Въ Лохвицу пришли тогда шведы, ушедшіе изъ Прилукъ; тамъ же были козацкія госпожи изъ семействъ соучастниковъ Мазепы, послѣдовавшія за шведами изъ Прилукъ. Генералъ Крейцъ понималъ, какъ важно было охранить гетманскія богатства и не выпускать изъ шведскихъ рукъ малороссійскихъ госпожъ, заложницъ вѣрности шведскому королю своихъ мужьевъ. Крейцъ снялся изъ Лохвицы, перешелъ Хоролъ, потомъ Пселъ въ Савинцахъ [3]). Русскіе пытались помѣшать ихъ переправѣ и захватили нѣсколько возовъ, гдѣ, между прочимъ, были и пожитки Мазепы. Здѣсь-то съ русскими отличился и миргородскій полковникъ, захватившп въ плѣнъ, какъ уже было выше ска-

премилостивѣйшему панови и добродѣеви нижайшій слуга Алексѣй Даниловичъ Сотенный городовый (ibid).

[1]) Нынѣ мѣстечко Гадячскаго уѣзда, при р. Пслѣ.

[2]) *Nordberg*, стр. 277.—Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9. Донесеніе маіора Глѣбова отъ 14 февраля.

[3]) Нынѣ село Миргородскаго уѣзда, при р. Пслѣ.

зано, двухъ соумышленниковъ Мазепы—генеральнаго асаула Гамалѣя и своего зятя Андрея Горленка, сына прилуцкаго полковника: оба увѣряли, что слѣдовали за шведами съ намѣреніемъ уйти отъ нихъ и отдаться русскимъ. Крейцъ сталъ въ Рѣшетиловкѣ [1]). За Крейцомъ оставили свои позиціи шведы, стоявшіе въ Камышнѣ [2]), въ Зуевѣ [3]), въ Лютенкѣ [4]),—и всѣ пошли къ главному войску, которое расположилось вдоль праваго берега Ворсклы, а главная квартира перенесена была въ Великія Будищи [5]). Шереметевъ стоялъ въ Голтвѣ [6]). Таково было расположеніе враждебныхъ войскъ въ мартѣ 1709 года. Скорой тревоги не ожидалось до окончанія половодья, которое въ этомъ краѣ прекращается только въ іюнѣ, и въ это время не могло быть большихъ столкновеній между войсками. Тогда обыкновенно низменныя мѣста заливались водою и даже прерывалось сообщеніе между жителями различныхъ мѣстностей.

Время это можно считать завершеніемъ перваго періода военныхъ дѣйствій Карла противъ русскихъ въ Малороссіи. Начинается второй періодъ, завершившійся Полтавскимъ боемъ, эпоха самая знаменательная въ нашей исторіи.

Въ предшествовавшую зиму послѣдовало нѣсколько царскихъ милостей малороссіянамъ, оказавшимъ вѣрность своему государю. Первое мѣсто между ними занимаетъ семейство Кочубея. Вдова несчастнаго Василія Леонтьевича, какъ мы уже говорили, ограбленная, увезена была въ Батуринъ и содержалась тамъ подъ строгимъ карауломъ. Въ самое критическое время, когда Батурину угрожало ра-

[1]) Нынѣ мѣст. Полтавскаго уѣзда, при р. Голтвѣ, въ 36 верст. отъ Полтавы.

[2]) Нынѣ мѣст. Миргородск. уѣзда, въ 30 верст. отъ Миргорода.

[3]) Нынѣ село Зуевцы, Миргородск. уѣзда, на р. Хороли, въ 35 верст. отъ Миргорода.

[4]) Нынѣ больш. мѣст. Гадяч. уѣзда, при р. Лютенкѣ.

[5]) Нынѣ мѣст. Зеньковск. уѣзда, въ 47 верст. отъ Зенькова.

[6]) Нынѣ мѣст. Кобылякск. уѣзда, при р. Пслѣ, у впаденія Голтвы.

зореніе, въѣхала въ Батуринъ какая-то черница въ повозкѣ, крытой будкою. Содержавшіяся въ Батуринѣ вдовы казненныхъ Кочубея и Искры были кѣмъ-то предувѣдомлены объ этомъ, вышли переодѣтыя вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ Кочубея, Ѳедоромъ, сѣли въ повозку подъ видомъ черницъ и выѣхали изъ города, а дочь Кочубея Пpacкoвія съ прислугою, переодѣвшись въ платье простолюдинки вышла пѣшкомъ и соединилась съ остальными за городомъ. Такъ освободились онѣ и уѣхали въ село Шишаки [1]), маетность пана Кулябки, женатаго на одной изъ дочерей миргородскаго полковника Апостола. Оттуда пробрались онѣ въ Сорочинцы, маетность Апостола. Тамъ уже находился старшій сынъ Кочубея, Василій, съ женою; туда съѣхались и другіе родственники. Пробывши въ родномъ кругу нѣсколько дней, они разъѣхались: Василій Кочубей съ женою, тещею и своею сестрою, Анною Обидовской, уѣхалъ въ Крыловъ, а вдова Кочубея и сестра ея, Искрина, съ давнимъ пріятелемъ дома Кочубеевъ, Захаржевскимъ, поѣхали въ Слободскую Украину и остановились въ Ровненскомъ хуторѣ [2]) на Коломакѣ, принадлежавшемъ Искрѣ. Туда пріѣхалъ родственникъ ихъ, Жученко, и привезъ письмо отъ Меншикова, писанное изъ Конотопа къ сыну казненнаго Кочубея, такого содержанія: «Господинъ Кочубей! Кой часъ сіе писмо получишь, той часъ поѣзжай до царскаго величества въ Глуховъ и возьми матку свою и жену Искрину и дѣтей, понеже великая милость государева на васъ обращается». Мать немедленно послала въ Кременчугъ звать сына, а сама, въ ожиданіи, отправилась съ Искриной къ старому родителю ихъ войсковому товарищу, пану Жученку, жившему въ Жукахъ, въ 10 верстахъ отъ Полтавы. Но на дорогѣ ей случилось препят-

[1]) Нынѣ село Хорольск. уѣзда, на р. Хороли въ 8 верст. отъ гор. Хорола.

[2]) Нынѣ хуторъ Полтавскаго уѣзда, на р. Коломакѣ.

ствіе, какъ она потомъ жаловалась, будто отъ полковника полтавскаго Левенца, находившагося въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Кочубеямъ. Вдова опасалась даже, что онъ отошлетъ ихъ къ Мазепѣ, и въ такомъ опасеніи они снова ушли въ Слободскую Украину, чуть-было не попавшись въ руки пьяныхъ мужиковъ въ селѣ Петровкѣ [1]), которые ихъ сначала не узнали, но узнавши тотчасъ отпустили [2]). Обѣ сестры изъ Жуковъ уѣхали въ Харьковъ, а оттуда пробрались въ Лебединъ, въ главную царскую квартиру, узнавши, что царь уже находится въ этомъ городѣ. Въ своемъ письмѣ къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому онѣ описывали свои приключенія [3]).

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно свиданіе царя со вдовами несчастныхъ вѣрныхъ слугъ, осужденныхъ имъ на

[1]) Нынѣ село Полтавскаго уѣзда, въ 14 верстахъ отъ Полтавы.

[2]) *Чтенія* М. О. И. и Др. 1859 г, т. I, стр. 153—154.

[3]) ...несмотря на ходатайство митрополита, Мазепа нудилъ насъ заключеніемъ для того, же хотѣлъ цѣле отдать шведу. Аже Господь невинность пановъ нашихъ и великое терпѣніе въ увѣреніе всему народу объявилъ, такъ и насъ бѣдныхъ въ самую великую руину надъ непокоривыми людми ставшуюся отъ той тяжкой неволѣ свободилъ, подавши намъ до выпровоженя з тое непокоривои и страшнои руины до належитыхъ мѣстъ черницю, которая насъ отоль вывела. А теперъ Божимъ изволенемъ от тои тяжкои неволи свободившися намѣрилисмо были поѣхати до дому отца нашого к Полтавѣ въ Жуки едно для полученія благословенія отцовского, где намъ въ той дорозѣ повелѣніемъ великаго государя отъ свѣтлѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова указъ зашолъ, же бы мы бѣдные сироты, совокупно з наименьшимъ сыномъ нашимъ Кочубеемъ для полученія милости пресвѣтлѣйшаго монарха нашого становилися въ Глуховъ. Прето ради бысмо вседушно якъ наискорѣе поспѣшатися; еднакъ же учинилося намъ препятіе полтавского полковника измѣною и великому государю неповолною склонностію и великимъ бунтовствомъ ихъ старшинъ: не дали намъ з дому отца нашого въ Жукахъ въ ту дорогу убратися, а мусилисмо устрашившися полковника полтавского измѣны зъѣхати въ Рашковъ, ожидаючи наимилшого сына своего, который по указу кн. Меншикова готовъ бы поспѣшити до его царскаго пресвѣт-

смерть по ошибкѣ, изъ довѣрія къ Мазепѣ. Но, по царскому повелѣнію, гетманъ Скоропадскій далъ универсалъ, которымъ возвращались вдовѣ Кочубея съ дѣтьми и ея сестрѣ, вдовѣ Искры, оставшейся бездѣтною, всѣ маетности покойныхъ мужьевъ съ нѣкоторою прибавкою новыхъ [1]). Около того же времени, 16-го декабря, пожалованы были маетности разнымъ войсковымъ товарищамъ: Андрею Лизогубу, Ивану Бутовичу и другимъ [2]). Затѣмъ царь издалъ грамоту объ охраненіи малороссійскихъ обывателей отъ безчинствъ и самовольствъ великороссійскихъ солдатъ, которые безъ офицеровъ, малыми партіями, самовольно вторгались въ мѣстечки и селенія, брали насильно у жителей хлѣбъ, всякую живность, лошадей, рѣзали скотъ, врывались даже въ клѣти и выбирали оттуда платье, принадлежавшее хозяевамъ [3]). Чтобы сколько-нибудь изгладить впечатлѣніе, произведенное въ малороссійскомъ народѣ разрушеніемъ Батурина и истребленіемъ его обывателей, Скоропадскій по царской волѣ издалъ универсалъ, дозволявшій ра-

лого величества, но не можетъ за шведскими войсками переправити Днѣпръ и написалъ матери, чтобъ ѣхала въ великороссійскіе городы просить инстанціи предъ государемъ выручить ея сына, чтобъ мочно было ему ѣхать (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. ноября 20. Письмо двухъ сестеръ къ митрополиту).

[1]) Въ полку Полтавскомъ: село Диканьку, въ полку Нѣжинскомъ сёла: Ярославецъ, Дубовичи, слободку Ретикъ, съ другой стороны надъ Днѣпромъ сёла: Головенку, Змѣтневъ, Тиницу, Рудаково, за Днѣпромъ на правой сторонѣ хуторъ въ селѣ Стайкахъ, въ Стародубскомъ полку слободку Улицу и сверхъ того въ Полтавскомъ полку село Сталовцы, а въ Нѣжинскомъ село Курнашеву, принадлежавшія прежде измѣннику Герцику. Искриной — сёла: Ивашко, Звончицы, Демидовку, Трибовскій хуторъ съ мельницами на Ворсклѣ, Грабиновку и Ровничи на Коломакѣ съ разными лѣсными дачами и заведенными на нихъ пасѣками (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 127.—Чтенія М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 206).

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 116 -117.

[3]) Ibid., № 118—119.

зогнаннымъ остаткамъ батуринскаго населенія водворяться вновь на прежнихъ мѣстахъ [1]).

Тогда вспомнили объ одной изъ прежнихъ жертвъ Мазепы—о Палѣѣ, томившемся въ сибирскихъ пустыняхъ. Первый, подавшій мысль объ его освобожденіи, былъ князь Григорій Долгорукій, который, находясь въ Нѣжинѣ, имѣлъ возможность прислушаться къ народному голосу и узнать, что память о Палѣѣ оставалась въ уваженіи у всѣхъ его соотечественниковъ, а это казалось особенно важнымъ, когда Скоропадскій и миргородскій полковникъ старались склонить къ вѣрности царю запорожцевъ [2]).

Царь далъ указъ о возвращеніи Палѣя.

[1]) ...на дозволеніе батуринскимъ жителямъ вновь селиться въ разоренныхъ дворахъ своихъ, въ посадахъ и хуторахъ. А яко оные батуринскіе жители не будучи ни въ чомъ винными при змѣнникахъ Мазепѣ единомышленныхъ пострадали не тилко худобы, но и многихъ сродниковъ своихъ также бы околичные городы и села жадного дѣла не мѣли укоризнами, досадами и долегливостями не важилися до остатку съ посадовъ и хуторовъ батуринскихъ розгоняти (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 120).

[2]) . . . о воровствѣ запорожцевъ неоднократно писалъ я до миргородскаго полковника, дабы оный, выбравъ изъ своего полка добрыхъ козаковъ и удовольствовавъ послалъ въ Запороги въ разные курени, чѣмъ бы возможно тамо заводчиковъ кошевого и судью испровергнуть и во всѣхъ противникахъ довѣріе учинить, такожъ и господинъ гетманъ въ свою сторону съ общого совѣту отвращая оныхъ своевольниковъ писалъ и другими способы тайно и неусыпно трудился, какъ и нынѣ удовольствовавъ деньгами, посылалъ съ письмами козаковъ, которые прежде сего были въ Сѣчѣ кошевыми. . . чрезъ которыхъ надѣемся съ помощію Божіею оныхъ удержать, а ежели отчего не дай Боже не можемъ удержать, не изволите ли на такое время въ Сѣвскъ или, гдѣ въ иныя мѣста приказать привезть ближе къ Москвѣ Палѣя, понеже онъ въ такихъ легкомысленныхъ имѣетъ любовь и не малый кредитъ, однако изволите приказать изъ онаго выразумѣть—какимъ себя признаетъ пріятелемъ богоотступника Мазепы, знаетъ что все его несчастіе и ссылка отъ онаго измѣнника (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 8 Письмо Долгорукаго 3-го марта 1709 г.).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Запорожцы.—Попытки русскихъ удержать ихъ въ покорности.—Кошевой Гордѣенко у Мазепы.—Колебаніе запорожцевъ.—Малороссійское поспольство и запорожцы.—Запорожцы присягаютъ Карлу.—Взаимныя посольства царя и Карла.—Дѣятельность полковника Яковлева.—Шведы приступаютъ къ Полтавѣ.—Разореніе Сѣчи Яковлевымъ и Кгалаганомъ.—Русское войско подъ Полтавою.—Прибытіе фельдмаршала Шереметева.—Прибытіе царя Петра къ арміи.—Сношенія между Полтавою и арміею.—Стѣснительное положеніе шведовъ.—Взятіе русскими Стараго Санжарова.—Рана, полученная шведскимъ королемъ.

Въ половинѣ февраля царь уѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ постоянно устроивался его флотъ. По отношенію къ войнѣ съ Карломъ, Петръ намѣревался пустить нѣсколько кораблей въ Азовское и Черное море, чтобы внушить туркамъ уваженіе къ своимъ силамъ въ случаѣ, еслибы съ турецкой стороны оказалось поползновеніе къ нарушенію мира. Въ то же время царскій посланникъ въ Константинополѣ, Толстой, всѣми средствами старался вооружить Диванъ противъ Карла XII и его союзниковъ; онъ представлялъ, что предпріимчивый Карлъ, если удастся ему побѣдить Россію, оборотитъ свои завоевательные замыслы на Турцію [1]).

[1]) *Голиковъ*; „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. VIII, стр. 207—208.

Въ Украинѣ военными дѣлами распоряжался главнымъ образомъ князь Меншиковъ, состоявшій въ постоянной перепискѣ съ царемъ. Съ 1 апрѣля его постоянное пребываніе было въ Харьковѣ, откуда онъ дѣлалъ недолговременные разъѣзды для осмотра войскъ и для наблюденія надъ театромъ военныхъ дѣйствій. Важнѣйшею задачею было удержать запорожцевъ въ покорности государю и отклонить отъ соединенія съ Мазепою. Для усовѣщенія запорожцевъ былъ посланъ въ Сѣчу архимандритъ межигорскій Иродіонъ Жураховскій. Съ нимъ царскіе стольники и гетманскій посланецъ повезли царское денежное жалованье и сверхъ того особые денежные подарки кошевому, старшинамъ и всѣмъ товарищамъ. По извѣстію малорусскаго лѣтописца, задорная толпа «гультаевъ» оскорбляла присланнаго къ нимъ духовнаго сановника и гетманскаго посланца: ихъ грозили сжечь или утопить [1]). Но такого рода обращеніе съ лицами, которыхъ запорожцы должны были уважать, было не рѣдкостью въ грубомъ запорожскомъ обществѣ и составляло обычную выходку, часто не имѣвшую послѣдствій. И въ эту пору на нѣкоторое время въ Сѣчѣ взяла было верхъ партія старыхъ козаковъ, всегда стоявшая на сторонѣ спокойствія и покорности царю. Расположеніе къ законности до того проявилось у сѣчевиковъ, что они послали къ Мазепѣ письмо, въ которомъ, именуя себя царскимъ войскомъ, извѣщали, что вмѣстѣ съ царскими ратями будутъ стараться объ освобожденіи Украины отъ вторженія иноплеменниковъ. Петръ писалъ, что надобно всѣми силами утвердить въ вѣрности къ царю кошевого атамана, какъ главнаго начальника и руководителя запорожцевъ. Но этимъ кошевымъ атаманомъ былъ тогда Костя Гордѣенко—непримиримѣйшій врагъ московской власти—и этотъ-то именно

[1]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 57.

человѣкъ снова свелъ братію на противный путь. Мазепа послалъ къ запорожцамъ воззваніе, но Костя предупредилъ пріѣздъ мазепиныхъ посланныхъ въ Сѣчу, собралъ до тысячи единомышленниковъ, взялъ съ собою девять пушекъ и пошелъ къ Переволочной [1]), которую Запорожская Сѣча считала своею собственностію и держала тамъ начальника, называемаго полковникомъ. Въ это время запорожскимъ полковникомъ въ Переволочнѣ былъ Нестулей. По зову Гордѣенка, онъ выѣхалъ къ нему съ 500 запорожцевъ, находившихся въ Переволочнѣ при полковникѣ; туда уже прибыли ѣхавшіе въ Сѣчу мазепины посланцы— генеральный судья Чуйкевичъ, кіевскій полковникъ Мокіевскій и бунчуковый товарищъ Өедоръ Мировичъ, сынъ переяславскаго полковника.

12 марта, въ субботу, собрали раду. Прочли длинное посланіе Мазепы. Въ немъ излагались разныя тягости, которыя терпѣла Украина отъ московскаго ига, а для Запорожья эти тягости выставлялись еще чувствительнѣе. Мазепа увѣрялъ, что самъ слышалъ, какъ царь говорилъ: «надобно искоренить этихъ воровъ и злодѣевъ запорожцевъ». У шведскаго короля,—объяснялъ Мазепа,—нѣтъ вовсе злыхъ умысловъ ни противъ Украины, ни противъ Запорожья. Король только преслѣдуетъ своихъ непріятелей—москалей, которые сами раздражили шведовъ, а теперь не въ силахъ противостоять имъ и бросились на Украину, гдѣ поступаютъ хуже, чѣмъ шведы, которыхъ выставляютъ чужими непріятелями. Запорожцы, вмѣстѣ съ малороссіянами, должны радоваться прибытію шведскаго государя, потому что оно подаетъ всѣмъ возможность свергнуть съ себя московское ярмо и стать свободнымъ, счастливымъ народомъ. Затѣмъ, въ посланіи Мазепы, при-

[1]) Нынѣ мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при р. Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

водилась прежняя сказка о намѣреніи царя перевести малороссіянъ за Волгу.

Мазепины посланцы привезли кошевому деньги. Костя Гордѣенко тотчасъ же сталъ раздавать ихъ товарищамъ и тѣ, выслушавши письмо Мазепы, кричали: «за Мазепою, за Мазепою! Правда,—разсуждали тогда на этой радѣ,—царь прислалъ въ Сѣчу деньги, но за это мы не должны служить царю противъ шведскаго короля и Мазепы: деньги, присланныя къ намъ, были прежде отняты москалями у нашихъ же братьевъ козаковъ». Вѣроятно, они разумѣли тутъ удержаніе назначаемаго въ Сѣчь жалованья по поводу бывшей жалобы турецкаго паши за грабежъ греческихъ купцовъ. Много подѣйствовало на запорожцевъ и полученное письмо крымскаго хана: онъ подавалъ совѣтъ держаться гетмана Мазепы и обѣщалъ помогать запорожцамъ въ нуждѣ. Нестулей съ своими товарищами, бывшими въ Переволочнѣ, нѣсколько-было поупрямился, но потомъ склонился на сторону Мазепы. Костя Гордѣенко написалъ къ шведскому королю, что всѣ запорожцы—на его сторонѣ, испрашиваютъ его покровительства, готовы на всякія усилія для возстановленія своей свободы и молятъ Бога объ успѣхахъ шведскаго короля. [1]). По настоянію кошевого, съ письмомъ въ такомъ смыслѣ отправлена была депутація изъ запорожцевъ къ шведскому королю. Депутаты прибыли въ Будища [2]) 19 марта и были допущены къ королевской рукѣ. Имъ устроили угощеніе, но фельдмаршалъ Реншильдъ замѣтилъ, что запорожцы безобразно пьянствуютъ, и постановилъ съ ними условіе, чтобы десять изъ нихъ, которые представятся королю при послѣдней аудіенціи, не напивались ранѣе обѣда, потому

[1]) *Nordberg*, стр. 284.—*Adlerfeld*, франц. пер., стр. 429.

[2]) Нынѣ большое мѣстечко Зеньковскаго уѣзда.

что король пьяныхъ не терпитъ. Запорожцы сдержали свое обѣщаніе, но съ трудомъ [1]).

Въ то время, когда эти запорожскіе депутаты находились въ шведскомъ станѣ, другіе ихъ братія, возбужденные Костею Гордѣенкомъ и Нестулеемъ, начали непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ. Сперва въ Кобылякахъ напали они врасплохъ на 60 человѣкъ сонныхъ и 40 изъ нихъ изрубили, а на другой день въ Цариченкѣ [2]) напали на бригадира Кампеля, стоявшаго тамъ съ тремя полками, и задали такой переполохъ, что Кампель едва убѣжалъ съ 400 своихъ солдатъ; 115 человѣкъ было взято запорожцами въ плѣнъ [3]). Этотъ успѣхъ сразу ободрилъ низовскую удаль; набралось тысячъ до пятнадцати сѣчевиковъ и гультаевъ; они овладѣвали городками по Орели и по Ворсклѣ, прогоняли великороссійскіе гарнизоны, а жители того края, которые передъ тѣмъ изъ боязни, не зная къ кому приставать, скрывались въ лѣсахъ, теперь возвращались въ свои жилища и, повинуясь запорожцамъ, доставляли запасы шведамъ [4]).

26-го марта прибылъ къ Будищамъ самъ Костя Гордѣенко съ своими товарищами. Не допуская ихъ за полмили до Будищъ, Мазепа послалъ къ нимъ на встрѣчу какихъ-то двухъ полковниковъ съ отрядомъ въ 2.000 человѣкъ, чтобы ихъ провести въ Диканьку, куда приглашалъ Костю на свиданіе. Костя Гордѣенко вступилъ въ домъ, гдѣ уже находился Мазепа (вѣроятно, то былъ домъ Кочубея, котораго хозяйка находилась тогда въ Слободской Украинѣ). Запорожскихъ гостей встрѣтили Мазепины старшины—и Костя Гордѣенко, въ знакъ уваженія, склонилъ передъ ними свой бунчукъ. Въ другой комнатѣ

[1]) *Nordberg*, стр. 285.—*Adlerfeld*, нѣмецк. пер., ч. III, стр. 197.

[2]) Нынѣ мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при р. Орели.

[3]) *Adlerfeld*, ibid.—Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8.

[4]) *Nordberg*, стр. 285.

стоялъ Мазепа передъ столомъ, на которомъ лежали знаки его гетманскаго достоинства. Гордѣенко поклонился ему, склонилъ передъ нимъ свой бунчукъ и говорилъ: «Мы войско запорожское низовое благодаримъ вашу милость за то, что вы, какъ и подобало главному вождю украинскому, приняли близко къ сердцу судьбу, постигшую нашъ край, и предприняли освободить его отъ московскаго рабства. Мы увѣрены, что съ этою цѣлію, а не для вашихъ собственныхъ выгодъ, не изъ какихъ-нибудь приватныхъ видовъ, рѣшились вы прибѣгнуть къ протекціи шведскаго короля. Мы хотимъ вѣрно вамъ содѣйствовать, мы разомъ съ вами будемъ жертвовать и кровію и жизнію своею, будемъ во всемъ повиноваться вамъ, лишь бы достигнуть желанной цѣли. Умоляемъ вашу милость понести на себѣ эту тяготу, а мы, по возможности, станемъ помогать вамъ нести ее. Благодаримъ васъ равно и за то, что извѣстили насъ о намѣреніяхъ и о благосклонности къ намъ шведскаго короля. Мы за тѣмъ сюда прибыли, чтобы испросить у его величества протекцію себѣ и надѣемся получить ее при содѣйствіи вашей вельможности. Готовы предъ Богомъ принести присягу въ вѣрности и повиновеніи вашей милости, но желаемъ, чтобъ и ваша вельможность обязали себя присягою дѣйствовать въ согласіи съ нами и оказывать намъ содѣйствіе въ дѣлѣ спасенія отечества».

Мазепа отвѣчалъ: «Благодарю васъ, запорожцы, за довѣріе ко мнѣ. Славлю ваше ревностное желаніе добра отчизнѣ. Богъ мнѣ свидѣтель, что, отдаваясь въ руки шведскаго короля, я поступалъ не по легкомыслію и не изъ приватныхъ видовъ для себя, а изъ любви къ отчизнѣ. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей; я могъ бы удалиться въ Польшу, или куда-нибудь и спокойно провести тамъ остатокъ дней моей жизни; но, управлявши столько времени Украиною, съ заботливостію и вѣрностію, насколько доставало у меня способностей, я по долгу чести и сер-

дечной любви не могу сложа руки оставлять этотъ край на произволъ неправеднаго угнетателя. Мнѣ слишкомъ извѣстно, что царь намѣревался переселить насъ всѣхъ въ иной край, а васъ, запорожцы, всѣхъ повернуть въ драгуны и ваши жилища разорить до тла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу, то этимъ обязаны вы только мнѣ, Мазепѣ. Еслибы замыселъ царскій осуществился, вы всѣ были бы перевязаны, перекованы и отправлены въ Сибирь. Уже Меншиковъ двигался съ ужасающею силою войска и нужно признать особое руководительство Провидѣнія надъ нами, что въ эту самую пору шведскій король вступилъ въ нашъ край и подалъ всѣмъ доброжелательнымъ людямъ надежду на освобожденіе отъ угнетателей. Я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ шведскому королю и надѣюсь, что Богъ, избавившій насъ недавно отъ опасности, поможетъ намъ свергнуть съ себя постыдное иго. Будемте за одно, запорожцы! Я обяжусь вамъ присягою, а вы съ своей стороны присягните мнѣ въ неизмѣнной вѣрности и дружбѣ».

Всѣ бывшіе съ Гордѣенкомъ слушали этотъ разговоръ. Запорожцы не позволили бы своему кошевому говорить съ гетманомъ наединѣ безъ свидѣтелей. Ничто такъ не поддерживало независимости въ запорожскомъ товариществѣ, какъ обычай, всегда соблюдаемый, чтобы вождь не говорилъ ничего иначе, какъ отъ имени своихъ товарищей и въ ихъ присутствіи. Отъ этого—счастливый ли исходъ получали ихъ предпріятія или несчастливый—никто за то единично не отвѣчалъ, потому что всѣ принимали участіе на совѣщаніи и каждый могъ тамъ свободно высказать свое мнѣніе.

Не легко было воздержаться запорожцамъ отъ своихъ обычныхъ пріемовъ грубости и дикости. Послѣ представленія гетману, запорожцевъ пригласили къ обѣду; кошевой и старшины сидѣли за однимъ столомъ съ гетманомъ;

всѣхъ равно угощали изобильно. Въ теченіи обѣда они всѣ хвалились своею привязанностію къ гетману и готовностію во всемъ повиноваться ему; но когда опьянѣли и стали уходить изъ гетманскаго покоя въ отведенное имъ помѣщеніе, то стали хватать и уносить съ собою разную утварь. Дворецкій дома хотѣлъ не допустить такого безчинства и обратился къ запорожцамъ съ жесткими замѣчаніями, хотя за обѣдомъ пилъ съ ними вмѣстѣ не меньше прочихъ. «Вы,—говорилъ онъ запорожцамъ,—рады были бы ограбить этотъ домъ; такой у васъ обычай—дѣлать подобное, куда вы только заберетесь». Запорожцы не стерпѣли такихъ замѣчаній отъ человѣка, котораго происхожденіе считали низкимъ, и пожаловались своему кошевому. Гордѣенко вообразилъ, что обида была сдѣлана умышленно ему лично и что самъ Мазепа напустилъ дворецкаго. Въ досадѣ Гордѣенко приказалъ всѣмъ запорожцамъ сѣдлать лошадей и хотѣлъ съ ними уѣзжать, не простившись съ гетманомъ. Но Мазепа узналъ объ этомъ впору и послалъ къ Гордѣенку сказать, что сожалѣетъ о случившемся безпорядкѣ, а чтобы доказать свою невиновность въ этомъ дѣлѣ, готовъ имъ отдать дворецкаго на расправу. Такая снисходительность утишила Гордѣенка и его товарищей. Дворецкій былъ имъ выданъ головою. Запорожцы повалили его на землю, топтали ногами, перебрасывали его между собою отъ одного къ другому, наконецъ одинъ изъ нихъ ударилъ дворецкаго ножомъ въ животъ и дворецкій умеръ подъ этимъ ударомъ.

На другой день послѣ того Гордѣенко съ 50 товарищами представлялся королю въ Будищахъ. Всѣ были допущены къ королевской рукѣ. Представили королю приведенныхъ съ собою 115 русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Цариченкѣ. Гордѣенко произнесъ рѣчь, выражалъ благодарность королю за обѣщаніе покровительствовать имъ и всей Украинѣ противъ общаго врага. Государственный секретарь Гер-

мелинъ отъ имени короля произнесъ имъ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ, а коммиссаръ Сольданъ перевелъ его. Въ этомъ отвѣтѣ увѣряли запорожцевъ въ неизмѣнной благосклонности къ нимъ короля и поставляли имъ на видъ, какъ много хорошаго могутъ они получить, если воспользуются представившимися обстоятельствами, чтобъ утвердить свою старинную вольность; воздали, наконецъ, запорожцамъ хвалу за ихъ храбрость, оказанную въ Царичeнкѣ. «Мы,—сказалъ Гордѣенко,—уже послали съ сотню москалей крымскому хану на-показъ и надѣемся, что когда ихъ увидятъ татары, то станутъ съ нами за-одно».

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней по королевскому приказанію угощали запорожцевъ; тѣ, которые воевали въ цариченской битвѣ, получили 1.000 золотыхъ въ раздѣлъ между собою. Гордѣенко и старшины получили еще особо суммы отъ короля при открытомъ письмѣ, которое надлежало прочитать въ Сѣчѣ на радѣ: иначе сѣчевики стали бы домогаться, что и эти суммы слѣдуетъ раздѣлить между всѣми поровну, какъ обыкновенно у нихъ дѣлилась добыча. Мазепа отъ себя подарилъ запорожцамъ 50.000 золотыхъ въ раздѣлъ, а сѣчевымъ старшинамъ особо каждому не малыя суммы. Запорожцы и украинскіе козаки заключали между собою обязательство дѣйствовать взаимно—и Мазепа, какъ гетманъ козацкій, за все украинское козачество присягнулъ на евангеліи и на распятіи, въ которомъ вложены были частицы св. мощей. Мазепа сдѣлался опять нездоровъ, не выходилъ изъ покоевъ и произнесъ присягу у себя. Запорожцы присягали въ будищанской церкви [1].

Тогда составленъ былъ проектъ договора со шведами въ четырехъ пунктахъ и Мазепа представилъ его на утвержденіе королю. Король шведскій обѣщалъ не заклю-

[1]) *Adlerfeld*, франц. пер., стр. 430; нѣм. пер., ч. III, стр. 199.

чать съ царемъ мира иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Украина и Запорожье навсегда были изъяты отъ московскаго владычества со своими древними правами и привилегіями, какими пользовались съ незапамятныхъ временъ. Король обѣщалъ во все время пребыванія шведовъ въ предѣлахъ Украины размѣщать свои военныя силы такъ, чтобъ онѣ занятіемъ квартиръ не причиняли обывателямъ вреда. Король обѣщалъ прощеніе сельскимъ жителямъ, покидавшимъ свои жилища и показывавшимъ вражду къ шведамъ, если они возвратятся въ мѣста своего жительства и станутъ доставлять шведамъ продовольствіе. Король дастъ своимъ войскамъ приказаніе по отношенію ко всѣмъ малороссіянамъ соблюдать строгую дисциплину. Все это подписалъ король шведскій.

Тогда запорожцы заявили передъ королемъ желаніе, какъ бы открыть поскорѣе генеральный бой съ непріятелемъ. На это отъ короля данъ былъ имъ въ такомъ смыслѣ отвѣтъ: военныя операціи зависятъ отъ времени и отъ намѣреній непріятеля, заранѣе невозможно опредѣлять времени и мѣста для битвы; но король похваляетъ запорожцевъ за ихъ воинственныя побужденія и будетъ по возможности имъ содѣйствовать. Запорожцы были довольны такимъ отвѣтомъ и въ знакъ удовольствія махали шапками и саблями [1]). Въ послѣдній день запорожцы были допущены къ цѣлованію королевской руки и приглашены къ королевскому обѣду на два стола [2]). Послѣ того они уѣхали.

Гордѣенко толковалъ съ Мазепою и присягалъ въ будищанской церкви съ 50 человѣками, какъ говорятъ шведскіе историки: то были, вѣроятно, куренные атаманы, но съ ними приходилъ въ королевскую квартиру не малый отрядъ сѣчевиковъ. По отходѣ отъ короля, проѣзжали они

[1]) *Nordberg*, стр. 287 и 288.

[2]) *Adlerfeld*, франц. пер, стр. 436.

мимо Полтавы. Русскіе, завидя ихъ со стѣнъ, начали по нимъ палить. Тогда, по приказанію Гордѣенка, сотня запорожцевъ подскочила къ городскимъ стѣнамъ, дала залпъ и повалила нѣсколькихъ человѣкъ на стѣнахъ. Одинъ запорожецъ ловко попалъ пулею въ стоявшаго на башнѣ офицера царскаго войска въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, и Гордѣенко замѣтилъ провожавшимъ его шведамъ, что у нихъ наберется 600 молодцовъ, умѣющихъ такъ мѣтко попадать изъ ружья. Запорожцы взялись провезти служившаго въ шведской арміи волоха Сандула съ письмами отъ Мазепы къ сераскиру. Мазепа извѣщалъ послѣдняго, что теперь самая удобная пора атаковать москалей. Король шведскій былъ тогда очень недоволенъ медлительностію турецкаго двора и говорилъ: «турки ослѣпли: не видятъ случая воротить себѣ отнятыя у нихъ московитами провинціи».

То обстоятельство, что запорожцы объявили себя за Мазепу, отчасти могло поднять его дѣло хоть на короткое время. Малороссійское поспольство не любило гетмана Мазепу, издавна привыкши считать его ляхомъ, перекинувшимся въ козачество, но могло поддаться обаянію запорожцевъ, на которыхъ издавна смотрѣло какъ на борцовъ за простой народъ, и не даромъ князь Григорій Долгорукій писалъ царю отъ 3 апрѣля: «воръ кошевой ядъ свой злой продолжаетъ и непрестанно за Днѣпръ пишетъ, чтобъ побивали свою старшину и къ нему черезъ Днѣпръ переходили и уже такая каналія за Днѣпромъ собирается и разбиваетъ пасѣки» [1]).

Наказнымъ атаманомъ въ Сѣчѣ, за отсутствіемъ Гордѣенка, былъ Яковъ Симонченко. Неутомимый миргородскій полковникъ прислалъ въ Сѣчь козаковъ съ письменнымъ увѣщаніемъ не слушать Гордѣенка и пребывать въ

[1]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣлъ, № 9.

вѣрности государю. Симонченко приказалъ прочитать письмо Апостола въ «радѣ» и спрашивалъ совѣта —что̀ дѣлать. Запорожцы закричали: послать кошевому «листъ» миргородскаго полковника, а тѣхъ, что привезли этотъ листъ, приковать за ноги къ пушкѣ. Немногіе стали говорить, что не нужно поступать такимъ образомъ, но голоса ихъ оказались въ меньшинствѣ. Перекричали сторонники Гордѣенка, приковали къ пушкѣ козаковъ и послали письмо Апостола къ Гордѣенку, совершенно отдаваясь на волю послѣдняго. Черезъ пять дней воротился въ Сѣчу асаулъ, ѣздившій къ Гордѣенку, и тогда козаковъ миргородскихъ приковали къ пушкамъ за шеи, а не за ноги, и сказали имъ, что наказной кошевой Симонченко хочетъ ихъ разстрѣлять. Но ловкіе козаки ночью разломали другъ у друга оковы и ушли изъ Сѣчи къ своему полковнику. Они сообщали, что въ Сѣчѣ осталось запорожцевъ не болѣе тысячи; изъ нихъ козаки старые не хотятъ измѣнять царю, но вѣрный товарищъ Гордѣенка, Симонченко, и съ нимъ вся «сирома» склонны къ бунту противъ царя и ненавидятъ москалей [1]).

Вообще, однако, запорожское братство стояло на такой тряской нравственной почвѣ, что нельзя было поручиться за долговременность ни такого, ни иного направленія: сегодня въ Сѣчѣ возьметъ верхъ одна партія, на другой день пересилитъ ее противная. Не могли слишкомъ полагаться и шведы на обѣщанныя Гордѣенкомъ единодушіе и горячую готовность запорожцевъ идти въ бой противъ москалей. Самъ Гордѣенко, ворочаясь отъ короля и Мазепы въ Сѣчу, говорилъ на пути жителямъ: «разглядѣлъ я этихъ шведовъ,—полно при нихъ служить! Мнѣ теперь кажется, лучше намъ по прежнему служить царскому величеству».

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 г. Подлинн. Допросы лицъ, прикосновенныхъ къ измѣнѣ Мазепы.

У него то было обычное запорожское «вередованіе» (капризничанье): часто запорожецъ говорилъ вслухъ совсѣмъ противное тому, что думалъ. Но дѣйствительно въ Сѣчѣ не совсѣмъ еще безсильна была партія старыхъ козаковъ, нерасположенныхъ вообще къ крутымъ перемѣнамъ. Еще не успѣлъ вернуться Гордѣенко въ Сѣчу, какъ къ нему прибыло 17 человѣкъ съ письмомъ, въ которомъ запорожцы писали своему кошевому: «какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай; ты безъ насъ вымышлялъ, а мы, вѣрные слуги царскаго величества, выберемъ себѣ вмѣсто тебя другаго кошевого». Объ этомъ извѣстился 5 апрѣля Меншиковъ, находившійся въ Харьковѣ, а 12 апрѣля въ Харьковъ пришло извѣстіе, что въ Сѣчѣ «рада» отрѣшила Гордѣенка и выбрала въ кошевые атаманы Петра Сорочинскаго [1]. Этотъ человѣкъ правительственными лицами считался благонамѣреннымъ, и когда извѣстили царя Петра о такомъ выборѣ, онъ отвѣчалъ Меншикову: «Сорочинскій человѣкъ добрый, я его самъ знаю» [2]. Сначала этотъ новый кошевой такимъ дѣйствительно и показалъ себя: онъ отправилъ универсалъ къ запорожцамъ, находившимся при Гордѣенкѣ, и своею властію приказывалъ имъ покинуть отрѣшеннаго кошевого, воротиться въ Сѣчу и оставаться въ вѣрности государю. Но въ Сѣчѣ затѣмъ собирались рады за радою и на этихъ радахъ происходили междоусобныя драки; подробностей мы не знаемъ, но изо всего вышло то, что хваленый Петро Сорочинскій передался на сторону Мазепы и по его порученію отправился лично въ Крымъ просить у хана помощи противъ москалей [3].

Еще въ февралѣ царь послалъ къ шведскому королю генералъ-аудитора предлагать размѣнъ плѣнныхъ. Рус-

[1]) Гос. Арх. Письма Меншикова.

[2]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго“, т. VIII, стр. 235.

[3]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

скимъ особенно хотѣлось освободить изъ плѣна русскаго резидента въ Швеціи Хилкова, арестованнаго при самомъ началѣ войны въ Стокгольмѣ, тѣмъ болѣе, что царь уже отпустилъ на свободу шведскаго резидента въ Россіи Клипперкрона. Карлъ не согласился отпускать Хилкова, представляя, что Клипперкронъ нѣсколько лѣтъ сряду прежде былъ резидентомъ въ Москвѣ, а Хилковъ пріѣхалъ и задержанъ тогда, когда уже царь началъ войну. Царскій посланникъ привезъ письмо отъ Головкина къ Пиперу съ предложеніемъ съѣзда уполномоченныхъ для заключенія мира съ тѣмъ условіемъ, чтобы Россіи уступлена была часть Кареліи, издавна составлявшая часть Русской державы, и часть завоеванной въ Ингріи полосы, гдѣ находился Петербургъ: за это, однако, изъявлялось желаніе дать Швеціи вознагражденіе деньгами. Сверхъ того царь хотѣлъ, чтобы обѣ стороны обязались не вмѣшиваться въ дѣла Польши, предоставивъ ей самой устроиться. Но такія предложенія были не новы для короля и Карлъ сказалъ: «Это предложеніе дѣлается намъ только для того, чтобы раздуть огонь войны. Пусть царь заплатитъ намъ всѣ убытки, нанесенные Швеціи войною, которую онъ поднялъ» [1]). Такіе убытки цѣнили тогда шведы до милліона рублей [2]). Послѣ того въ мартѣ пріѣхалъ къ царю въ Воронежъ, по дѣлу о размѣнѣ плѣнныхъ, посланникъ отъ короля шведскаго и между прочимъ просилъ у царя отъ имени Карла позволеніе купить лѣкарствъ и вина для шведскаго войска. Петръ не только дозволилъ, но велѣлъ отпустить то и другое безденежно [3]).

[1]) *Nordberg*, стр. 295.

[2]) *Катифора*: „Житіе Петра Вел.", кн. IV, стр. 248.

[3]) Голиковъ предполагаетъ, что этотъ посланецъ Карла, пріѣзжавшій въ Воронежъ, былъ тотъ самый генералъ-аудиторъ, который ѣздилъ отъ царя къ Карлу, но у Нордберга, сообщающаго о пріѣздѣ перваго, онъ называется Эренросъ, а тотъ, который пріѣзжалъ отъ

Между тѣмъ шведы, занявши Украину, нашли тамъ своихъ единоземцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, между которыми были женщины и дѣти. Иные съ радостію обращались къ соотечественникамъ и просили ихъ взять съ собою, но были и такіе, что живучи долгое время въ чужой землѣ, приняли православную вѣру, завели семейныя связи, а нѣкоторые, будучи невольниками, полюбили своихъ господъ и не хотѣли съ ними разлучаться [1]). Не зная, что такое шведы, ненавидя Мазепу, приставшаго къ нимъ, и возбуждаемые царскою стороною, малороссіяне съ перваго раза относились къ нимъ враждебно; но когда съ ними ознакомливались, то начинали относиться къ нимъ иначе. И это было замѣтно по окраинамъ Полтавскаго полка въ сосѣдствѣ съ запорожцами, которые всегда имѣли на жителей этого края нравственное вліяніе. Съ своей стороны русскіе военачальники не слишкомъ мягко относились къ тѣмъ малороссіянамъ, которые приставали къ шведамъ. Генералъ Ренъ, русской службы нѣмецъ и лютеранинъ, посылалъ народу универсалъ, угрожая бѣдою тѣмъ, которые будутъ оказывать расположеніе шведамъ, и честилъ послѣднихъ невѣрными. Другой русскій военачальникъ, также нѣмецъ, Кампель взялъ городки Маячку [2]) и Нехворощу [3]) и въ обоихъ городкахъ истребилъ всѣхъ жителей [4]). За то запорожцы овладѣли Новымъ Санжаровымъ [5]) и другими городками вдоль Ворсклы до ея устья у Переволочны [6]), и просили шведовъ выгнать москалей

Карла къ царю въ Воронежъ, у барона Гизена, изъ котораго Голиковъ заимствовалъ извѣстія, носитъ имя Клингстерлона (*Голиковъ*. „Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Вел.“, т. VIII, стр. 222).

[1]) *Nordberg*, стр. 291.

[2]) Нынѣ мѣстечко Кобыляк. уѣзда, при рѣкѣ Орели.

[3]) Нынѣ мѣст. Константиноградскаго уѣзда, при рѣкѣ Орели.

[4]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

[5]) Больш. мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.

[6]) Мѣст. Кобыляк. уѣзда, при рѣкѣ Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

изъ полтавской территоріи, чтобъ открыть сообщеніе съ Запорожьемъ. Король, въ содѣйствіе запорожцамъ, послалъ туда съ отрядомъ генерала Крузе. Шведы и козаки перешли Ворсклу у Соколки [1]) вплавь и 12 апрѣля нанесли пораженіе генералу Рену [2]).

Но этотъ успѣхъ былъ не долговременен. Шереметевъ отправилъ полковника Яковлева съ двумя тысячами солдатъ на Келеберду [3]). Приплывши къ этому мѣстечку 16 апрѣля, Яковлевъ послалъ требованіе, чтобы жители покорились царю. Келебердинцы, поджигаемые запорожцами, «учинились противны» [4]). Тогда Яковлевъ приказалъ идти на приступъ. Келебердинскій сотникъ предлагалъ покорность, но она показалась Яковлеву не искреннею, и онъ приказалъ солдатамъ продолжать приступъ. Сотникъ и жители успѣли уйти; сотникъ убѣжалъ въ Переволочну. Яковлевъ сжегъ Келеберду, пощадивши только церковь. Это сдѣлано было въ отместку за то, что прежде келебердинцы доставляли провіантъ Мазепѣ и запорожцамъ, а свои семьи отправили подъ защиту запорожцевъ. 18 апрѣля Яковлевъ прибылъ къ Переволочной. Тамъ находился запорожскій полковникъ Зинецъ съ тычячью сѣчевиковъ. Ему повиновались тамошніе обыватели и набѣжавшіе въ Переволочну люди изъ окрестныхъ селеній въ числѣ двухъ тысячъ. Въ мѣстечкѣ Переволочнѣ былъ замокъ съ гарнизономъ изъ 600 запорожцевъ и достаточно запасовъ, такъ что можно было держаться нѣсколько дней. Яковлевъ, по данному ему наказу, прежде всего послалъ предложеніе сдаться и признать власть царя; запорожцы отвѣчали выстрѣлами изъ пушекъ и ружьевъ. Запорожцы считали себя искуснѣе москалей въ военномъ дѣлѣ, но ошиблись. Русскіе военные

1) Нынѣ мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.

2) *Nordberg*, стр. 297.— *Adlerfeld*, франц. пер., ч. III, стр 434.

3) Нынѣ мѣст. Кременчуг. уѣзда, при рѣкѣ Днѣпрѣ.

4) Гос. Арх. Письма Меншикова. Донесеніе Яковлева Меншикову.

люди были многочисленнѣе и искуснѣе защитниковъ Переволочной: они ворвались въ мѣстечко, разсѣяли защищавшихъ его козаковъ и стали метать въ замокъ ядра и бомбы; защитники отстрѣливались, но ничего не могли сдѣлать. Послѣ двухчасоваго дѣла за́мокъ былъ взятъ, запорожцы въ числѣ 1,000 человѣкъ побиты, иные засѣли обороняться въ избахъ и сараяхъ и были тамъ сожжены вмѣстѣ съ ихъ убѣжищами; прочіе всѣ бросились спасаться бѣгствомъ, но попали въ Ворсклу и въ Днѣпръ и потонули. Взято было въ плѣнъ только 12 человѣкъ; солдаты въ погонѣ за бѣглецами безъ разбора всѣхъ убивали, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Въ Переволочной была самая удобная переправа черезъ Днѣпръ и потому тамъ находился большой запасъ судовъ, на которыхъ сразу можно было переправить черезъ рѣку до 3.000 человѣкъ. Полковникъ Яковлевъ приказалъ всѣ эти суда сжечь, также велѣлъ истребить огнемъ въ мѣстечкѣ мельницы и все хоромное строеніе, котораго тамъ было не мало, потому что Переволочна считалась въ Украинѣ городомъ богатымъ, торговымъ, гдѣ существовала и таможня, съ которой доходъ шелъ въ войсковый скарбъ Запорожской Сѣчи [1]. Неудача въ Переволочнѣ до такой степени навела уныніе на запорожцевъ, что они стали покидать городки на Ворсклѣ, гдѣ уже размѣстили свои гарнизоны.

Исключительно только тамъ, гдѣ находились запорожцы, проявлялось до нѣкоторой степени въ народѣ расположеніе къ шведской сторонѣ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Украины народъ продолжалъ выказывать вражду къ шведамъ. Въ апрѣлѣ, какъ только началась теплая погода, мужики, составляя шайки, уходили въ только что развившіеся лѣса и оттуда выскакивали на партіи шведскихъ солдатъ, ѣздившихъ за фуражомъ, а самые смѣлые даже

[1]) Ibid. - *Nordberg*, стр. 298.

безпокоили шведовъ въ ихъ квартирахъ: какъ только офицеры и солдаты выйдутъ за чѣмъ нибудь изъ своихъ помѣщеній, такъ внезапно и нападутъ на нихъ мужики; не было возможности помѣшать такимъ набѣгамъ послѣ того, какъ изъ Гадяча и Зенькова удалились шведскія войска. Напрасно Мазепа разсылалъ свои универсалы и въ нихъ убѣждалъ собиравшихся въ лѣса мужиковъ возвратиться въ свои дворы, увѣрялъ, что шведы люди добрые, за каждую малую услугу щедро вознаграждаютъ, что, наконецъ, напрасно хозяева прячутся въ лѣсныхъ трущобахъ, потому что шведы тамъ могутъ удобнѣе ихъ истребить и овладѣть всѣмъ, что они туда сносятъ, тогда какъ во дворахъ шведы съ хозяевами ничего дурнаго не дѣлаютъ. Малороссійскіе мужики выходили изъ своихъ лѣсныхъ берлогъ только за тѣмъ, чтобы красть шведскихъ лошадей или убивать шведскихъ солдатъ. Нѣкоторые были пойманы шведами и казнены. Въ Рѣшетиловкѣ [1]), гдѣ стоялъ генералъ Крейцъ, схватили двухъ мужиковъ, которые подкладывали огонь подъ избу; имъ отрѣзали уши и носы и въ такомъ видѣ отправили къ Шереметеву [2]). Но эти примѣры не прекратили повсемѣстной партизанской войны малороссіянъ противъ шведовъ. Въ самой главной квартирѣ короля и Мазепы, Будищахъ, дѣлалось опасно, ожидали ночныхъ нападеній, а смѣлый король, презирая всякія опасности, не заботился учреждать караулы.

Шведское войско, не пополняемое свѣжими силами, умалялось и начинало деморализоваться. Хотя короля своего всѣ уважали, но повиновеніе генераламъ ослаблялось. Возникали сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ войны, а служившіе въ шведскомъ войскѣ чужеземцы стали ма-

[1]) Нынѣ больш. мѣст. Полтав. уѣзда, при рѣкѣ Голтвѣ.

[2]) *Nordberg*. стр. 279 и 292.

ло-по-малу переходить къ русскимъ [1]). Въ военномъ совѣтѣ генераловъ происходила рознь. Нѣкоторые по прежнему совѣтовали отступить за Днѣпръ, въ польскую территорію. Пиперъ былъ того же мнѣнія, представляя, что тогда король можетъ соединиться съ Станиславомъ и съ корпусомъ генерала Красова, стоявшимъ въ Польшѣ. Мазепа болѣе всѣхъ противился этому и добивался прежде овладѣть Полтавою, дабы имѣть опору въ Украинѣ и находиться въ постоянномъ сношеніи съ Запорожьемъ. Карлу казалось, что Полтаву взять легко, потому что она укрѣплена не особенно искусно, а работы осадныя предоставлялись запорожцамъ. Тогда генералъ-квартирмейстеръ Гилленкрокъ, вообще не расположенный оставаться въ Украинѣ и постоянный противникъ Мазепы, иронически сказалъ своему королю: «если съ нами не станется какое-нибудь чудо, то ни одинъ изъ насъ не выйдетъ изъ Украины; потеряетъ король и свое войско и свое государство и будетъ несчастнѣйшій изъ государей въ исторіи» [2]).

Еще 17 апрѣля Карлъ отправилъ часть своего войска держать въ блокадѣ Полтаву. Копанье траншей возложено было на запорожцевъ и на малороссійскихъ мужиковъ, которыхъ согнали туда по неволѣ. 24 апрѣля, по приказанію короля, вышелъ изъ Рѣшетиловки генералъ Крейцъ, счастливо избѣгнулъ преслѣдованія отъ Шереметева и примкнулъ къ королевскому войску [3]). 1 мая Меншиковъ изъ Харькова прибылъ съ частію царскаго войска къ Полтавѣ и установился по лѣвому берегу Ворсклы, противъ Опошни, до Котельвы. Шереметевъ 19 апрѣля сталъ между Сорочинцами и Голтвою и находился въ постоянной коммуникаціи съ Меншиковымъ, для чего учреждена была почта: письма передавались черезъ мужиковъ генералу

[1]) Ibid., стр. 302.

[2]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 158.

[3]) Госуд. Арх. Письма Шереметева.—*Nordberg*, стр. 305.

Рену, стоявшему съ кавалеріею на берегу Ворсклы, ниже Полтавы. Нѣсколько времени не было никакихъ дѣйствій между непріязненными военными силами, которыхъ раздѣляла рѣка Ворскла. Но у самой Полтавы происходила дѣятельная работа: копались траншеи, насыпались шанцы, въ Полтаву бросались понемногу бомбы [1]). По временамъ посылались партіи для ловленія языковъ.

Между тѣмъ изъ шведскаго стана и изъ мазепинскаго кружка приходили перебѣжчики. Такъ, къ миргородскому полковнику пришли два ротмистра съ двумя волоскими хоругвями и Мазепинъ конюшій [2]), а потомъ отъ Мазепы ушелъ какой-то полковникъ съ 80 козаками — человѣкъ, въ которомъ Мазепа такъ былъ увѣренъ, что сказалъ: теперь не знаю кому вѣрить [3]).

1-го мая шведскій король переѣхалъ въ Жуки поближе къ Полтавѣ. Мазепа съ обозомъ оставался въ Будищахъ. Король наблюдалъ надъ ходомъ осады.

7-го мая, когда шведская артиллерія дѣйствовала противъ Полтавы сильнѣе, чѣмъ прежде, Меншиковъ созвалъ генераловъ на военный совѣтъ. Порѣшили: для отвлеченія непріятеля отъ Полтавы, отправить внизъ по теченію Ворсклы сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Беллинга, перейти Ворсклу, обойти Полтаву и направляться къ Опошнѣ, а другой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстера Гольца послать вверхъ по теченію

[1]) ... Тому пятый день (писано 5 мая) непріятель пришедъ подъ Полтаву совсѣмъ блокировалъ и шанцы повелъ, а вчерашняго дня получили мы отъ коменданта Келина письмо, въ которомъ объявляетъ, что шанцы подъ самый ровъ проведены и бомбардируется, но не гораздо жестоко, въ сутки бомбъ по пяти пускаетъ, а оный комендантъ при помощи божіей, добрый отпоръ чинитъ (Гос. Арх. Письма Меншикова).

[2]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

[3]) *Nordberg*, стр. 303.

Ворсклы, переправиться черезъ мостъ противъ Опошни и изъ этого отряда послать къ Будищу часть кавалеріи подъ командою генерала Шаумбурга и полковника Кропотова. Переходъ черезъ Ворсклу въ обоихъ пунктахъ совершился ночью съ большими трудностями: конница принуждена была переходить черезъ безмѣрныя болота и вплавь черезъ глубокія воды. Посланные вверхъ по теченію Ворсклы, по переходѣ ея, встрѣчены были сперва огнемъ изъ ретраншамента, устроеннаго на берегу, а потомъ натискомъ трехъ конныхъ и двухъ пѣшихъ шведскихъ полковъ, выдвинувшихся изъ Опошни на выручку сидѣвшимъ въ ретраншаментѣ; но русскіе отбились, заставили непріятеля уйти въ Опошню и зажгли предмѣстье за нимъ. Непріятель заперся въ замкѣ. Еслибы генералъ Беллингъ могъ подоспѣть, — замѣчалъ въ своемъ донесеніи Меншиковъ,—то ни одного бы человѣка не ушло тогда отъ русскаго оружія; но Беллингъ не могъ поспѣть впору и дѣйствовать на непріятеля съ-тыла, потому что ему приходилось совершить большой обходъ ночью. Тѣмъ не менѣе русскіе успѣли взять въ плѣнъ 750 шведовъ и освободить нѣсколько сотъ малороссійскихъ мужиковъ, согнанныхъ шведами изъ разныхъ селеній на работы къ Полтавѣ. Между тѣмъ изъ Будищъ поднималось шведское войско; самъ король шелъ на помощь къ своимъ съ графомъ Реншильдомъ. Русскіе благополучно отступили черезъ мостъ, разрушивши его за собою. Цѣль была достигнута. Непріятель встревожился, сталъ отступать отъ Полтавы. Комендантъ Келинъ сдѣлалъ вылазку; изрубили многихъ шведовъ, оторвали часть шведскаго обоза, а на другой день перекопали непріятельскій подкопъ, веденный подъ часть полтавскихъ укрѣпленій, называемыхъ Мазуровскимъ валомъ, и выбрали подложенный шведами порохъ [1]).

Послѣ этого шведы оставили Будища и разрушенную

[1]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

Опошню—и все шведское войско приблизилось къ Полтавѣ. Главная квартира короля и Мазепы заложена была въ Жукахъ.

Русское войско перешло рѣку Мерлу и стало прямо противъ Полтавы. Почва, гдѣ оно расположилось, была болотиста; русскіе устроили себѣ родъ мостовой изъ фашинъ и возвели нѣсколько батарей; противъ нихъ король приказалъ устроить два редута съ четырьмя орудіями [1].

Полтавскій гарнизонъ умалялся. Надобно было впустить въ городъ свѣжія силы. Меншиковъ приказалъ въ разныхъ мѣстахъ насыпать новые редуты и строить мосты, показывая видъ, будто намѣренъ переправлять войско. Но то были ложныя атаки, предпринимаемыя и вверхъ и внизъ по теченію Ворсклы, чтобы привлечь туда вниманіе шведовъ. Между тѣмъ, при помощи малороссійскихъ поселянъ, знавшихъ хорошо мѣстность, насыпана была въ иномъ мѣстѣ плотина и ночью съ 15 на 16 мая по этой плотинѣ благополучно проведенъ былъ бригадиръ Головинъ съ 1.200 солдатъ [2] (а по инымъ извѣстіямъ съ 900) и со всею потребною аммуниціею въ Полтаву. Но за этимъ удачнымъ событіемъ, по оплошности того же Головина, произошло другое событіе, непріятное для русскихъ. 18 мая, когда между шведскими и русскими редутами шла горячая перестрѣлка, Головинъ изъ Полтавы сдѣлалъ вылазку съ 400 человѣкъ, но такъ неудачно, что шведы двѣ роты положили на мѣстѣ, а самъ бригадиръ Головинъ былъ взятъ въ плѣнъ съ сорока солдатами; остальные, «приведенные въ великую конфузію», ушли въ Полтаву [3].

[1]) *Nordberd*, стр. 307.

[2]) *Adlerfeld*, фран. пер, стр. 440—441.—Госуд. Арх. Письма Меншикова.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 94.

[3]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.—*Adlerfeld*, франц. пер., стр. 441.—*Nordberg*, стр. 307.

Въ то же время совершилась окончательная расправа съ Запорожьемъ. Полковникъ Яковлевъ 28 апрѣля получилъ изъ Харькова отъ Меншикова царскій указъ и поплылъ по Днѣпру въ Старый Кодакъ. Запорожскій полковникъ, начальствовавшій въ этомъ городкѣ, не сопротивлялся съ большинствомъ товарищества и принесъ повинную, но нѣкоторые удалые убѣжали на острова. Яковлевъ всѣхъ покорившихся законной власти отправилъ въ Новобогородскъ, а противъ убѣжавшихъ на острова послалъ погоню. Спасаясь отъ погони, многіе изъ бѣжавшихъ ушли изъ островов въ степь. Русскіе успѣли нѣсколькихъ побить и взяли въ плѣнъ 11 человѣкъ, изъ которыхъ трое оказались великороссійскими бѣглыми солдатами изъ Кіева; были тамъ и бабы съ дѣтьми—остатки жителей, убѣгавшихъ изъ Украины въ Запорожскій край.

30 апрѣля Яковлевъ переплылъ черезъ Кодацкій порогъ; разбило у него два судна, но людей на нихъ не погибло никого. Причиною такой потери было то, что лоцмановъ, умѣвшихъ проводить суда черезъ пороги, не было: всѣ кодацкіе жители разбѣжались, а мѣсто ихъ на судахъ занимали новобогородскіе стрѣльцы. Тутъ стали приходить къ Яковлеву запорожцы съ повинною, но Яковлевъ замѣтилъ, что это дѣлается неискренно: взятые въ плѣнъ на островахъ показали, что пріѣзжавшіе къ нимъ запорожцы уговаривали ихъ, чтобъ они не склонялись на царскую сторону, а шли бы въ Сѣчу чинить отпоръ царскому войску. Полковникъ Яковлевъ приказалъ сжечь Старый и Новый Кодакъ съ ихъ предмѣстьями, съ тою цѣлію, чтобы тамъ уже не было болѣе пристанища «ворамъ». Онъ отправилъ въ обѣ стороны отъ Днѣпра въ степи отряды, въ одну сторону—царскаго войска подполковника Барина и козацкаго полковника Кандыбу, въ другую—царскаго войска подполковника Башмакова, и приказалъ истреблять безъ остатка бѣжавшихъ мятежниковъ. Скоро

затѣмъ подоспѣла конница, отправившаяся по берегу Днѣпра въ то время, какъ пѣхота сѣла на суда. Тогда полковникъ Яковлевъ сообразилъ, что теперь плывущіе по Днѣпру будутъ обезопасены отъ внезапнаго нападенія противниковъ съ берега, и плылъ далѣе.

7 мая приплылъ Яковлевъ съ своимъ отрядомъ къ Каменному Затону, къ городку, построенному близъ самой Сѣчи. Вступать въ городокъ было небезопасно: слышно было, что тамъ есть люди, хворающіе заразительною болѣзнію. Яковлевъ расположился близко городка и послалъ въ Сѣчу козака Сметану съ увѣщательнымъ письмомъ князя Меншикова къ запорожцамъ. Сметана не возвратился. Пойманный запорожскій козакъ сказалъ, что посланца, привезшаго письмо, вмѣсто отвѣта, бросили въ воду. Яковлевъ попытался послать въ Сѣчу другое письмо, уже лично отъ себя, примѣняясь къ прежде посланному письму князя Меншикова. Пришелъ отъ запорожцевъ отвѣтъ—неизвѣстно, словесный или письменный—въ такомъ смыслѣ, что запорожцы не бунтовщики, держатся стороны царскаго величества, но царскихъ посланныхъ близко не допускаютъ. Между тѣмъ одинъ запорожецъ, подвергнутый допросу, сообщилъ, что кошевой Петро Сорочинскій и Кирикъ Менькô ѣздили въ Крымъ и потомъ ханъ прислалъ изъ Крыма въ Сѣчу 15 татаръ, которыхъ запорожцы отправили къ Мазепѣ, а сами съ часу на часъ ожидаютъ вспомогательной татарской силы. Яковлевъ послалъ сдѣлать осмотръ, какъ бы ему проникнуть въ Сѣчу. Оказалось, что по случаю сильнаго половодья, вся Сѣчь была окружена водою и многіе курѣни затоплены. Невозможно было пристать къ Сѣчѣ судами, а по степи, гдѣ обыкновенно въ другія времена года былъ сухой путь, глубокая вода захватила пространство сажень на тридцать. Яковлевъ послалъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ козацкое платье, разсмотрѣть, откуда бы можно было

приступить къ Сѣчѣ. Они сообщили, что вода нигдѣ не допускаетъ проходить. Посланная на лодкахъ партія солдатъ напала на запорожскій отъѣзжій караулъ; русскіе перебили и потопили многихъ запорожцевъ, привели живьемъ одного плѣнника и тотъ показалъ, что всѣ запорожцы, какъ одинъ человѣкъ, не хотятъ склоняться къ царскому величеству. «Замерзѣло воровство во всѣхъ», выражался Яковлевъ въ своемъ донесеніи Меншикову.

Яковлевъ приказалъ насыпать шанцы и поставить на нихъ орудія, но стрѣлять приходилось трудно на далекое пространство черезъ воду, а сухопутьемъ никакъ нельзя было приблизиться къ Сѣчи. Приступъ начали на лодкахъ: онъ пошелъ неудачно для царскихъ силъ. У Яковлева было убито отъ 200 до 300 человѣкъ, а раненыхъ было еще больше и въ томъ числѣ офицеровъ: тѣ, которые попадались запорожцамъ въ плѣнъ, были подвергаемы безстыднымъ истязаніямъ и мучительной смерти [1]).

Но вдругъ поворотилось дѣло иначе. Явился присланный отъ генералъ-маіора Волконскаго компанейскій полковникъ Игнатъ Кгалаганъ съ своимъ полкомъ и съ драгунами, повѣренными ему отъ генерала Волконскаго. Кгалаганъ не былъ незнакомъ съ запорожцами. Онъ провелъ молодость въ Сѣчѣ, отличался много разъ въ удалыхъ козацкихъ подвигахъ; его избирали даже въ кошевые. Воротившись отъ Мазепы, онъ получилъ царское прощеніе и милость, сталъ вѣрно служить своему государю и теперь, исполняя царскую волю, шелъ громить Сѣчу, ему когда-то близкую и, такъ сказать, родную. Онъ зналъ всѣ входы и исходы этой Сѣчи; всѣ козацкіе «звычаи» сѣчевой братіи ему были извѣстны. Сначала запорожцы, увидя идущую къ нимъ новую ратную силу, думали: не татары

[1]) . . . а которыхъ живьемъ они измѣнники побрали и тѣхъ такожъ срамно и тирански рубали (Гос. Арх. Письма Меншикова. Донесеніе Яковлева).

ли это, которыхъ обѣщалъ ханъ прислать. Но потомъ, когда узнали, что̀ за гости прибыли къ нимъ, пришли въ смятеніе. Русскіе ворвались въ городъ и начали избіеніе. Кгалаганъ кричалъ: «положите оружіе и сдавайтесь, будетъ вамъ пощада!» Запорожцы впослѣдствіи говорили, что Кгалаганъ далъ тогда присягу, и только довѣрившись такой присягѣ, запорожцы покорились. 300 человѣкъ было взято въ плѣнъ; въ числѣ ихъ были старшины запорожскаго коша. Яковлевъ приказалъ знатнѣйшихъ изъ плѣнниковъ заковать, а прочихъ казнить на мѣстѣ «по достоинству». Запорожцы впослѣдствіи говорили, что казни эти сопровождались страшною свирѣпостію [1]). Всѣ пушки, военныя принадлежности и войсковые клейноты были описаны и взяты. Яковлевъ, исполняя царскій указъ, сжегъ всѣ курѣни и всякое строеніе въ Сѣчѣ, «чтобъ оное измѣнничье гнѣздо весьма искоренить», а Кгалаганъ, въ ревности къ исполненію царской воли, не остановился только на этомъ, но отправился въ погоню за разбѣжавшимися запорожцами, ловилъ ихъ и отдавалъ на расправу войсковому русскому начальству [2]).

[1]) ... тое учинилося у насъ въ Сѣчи, где по присязѣ Кгалагановои и московськои товариству нашому головы луплено, шію до плахи рубано, вѣшано и иные тиранскіе смерти задавано, а надто що и въ поганствѣ за древнихъ мучителей не поводилося мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не тилко товариства, но и чернецовъ откопувано, головы онымъ утинано, шкуры луплено и вѣшано (Арх. Ин. Дѣлъ 1710 г., № 3. Письмо кошевого Стефаненка гетману Скоропадскому).

[2]) ... ненасытившися такового душепагубного прибытку, а заостривши сердце свое жаломъ сатанинскимъ, чатами своихъ единомышленныхъ людей въ Тернувцѣ и по иныхъ годностяхъ и урочищахъ працею кровавою на добычахъ звѣриныхъ козаковъ невинныхъ въ московскіе тиранные безцѣнно запродалъ руки. И тотъ своего безчеловѣчія не престаючи, посылаетъ своихъ къ нимъ шпѣговъ и копѣ займати злодѣевъ и всякіе подступки чинити легкомысленныхъ людей, яко теды всякіе утиски, кривды и неволи людемъ украин-

Петръ, получивши извѣстіе о разореніи Сѣчи, былъ чрезвычайно доволенъ, потому что считалъ Запорожье важнѣйшимъ корнемъ измѣны и всякой смуты въ Украинѣ [1]). Онъ издалъ манифестъ ко всѣмъ малороссіянамъ, излагалъ въ немъ вины запорожцевъ, ихъ коварство, съ какимъ они въ послѣднее время старались обмануть русское правительство, прикидываясь покорными, и въ то же время вели вредныя для Россіи сношенія съ непріятелями. Царь оповѣщалъ, что запорожцы сами виновны въ своей погибели, приказывалъ ловить убѣжавшихъ изъ Сѣчи и доставлять полковникамъ и сотникамъ для отсылки на расправу. Но тѣмъ изъ нихъ, которые сами явятся съ повинною и принесутъ раскаяніе, обѣщалась пощада [2]).

27-го мая къ войску, стоявшему напротивъ Полтавы, прибылъ Шереметевъ, а 1-го іюня пріѣхалъ туда же давно ожидаемый царь и привелъ съ собою свѣжія военныя силы.

Съ этихъ поръ сторона шведская замѣтно стала оказываться слабѣйшею въ сравненіи съ русскою. У русскихъ безпрестанно прибывали силы и скоро у нихъ было, какъ говорили, до 80.000; шведы, между тѣмъ, без-

скимъ за поводомъ и причиною его помянутого безбожника Кгалагана нанеслося (ibid).

[1]) Царь писалъ Меншикову: „Сегодня получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю было, что мы съ превеликою радостію услышавъ, Господу отомстителю злымъ благодарили со стрѣльбою“. Въ письмѣ къ Апраксину: „Полковникъ Яковлевъ Запорожье штурмовалъ, однакожъ оное проклятое гнѣздо взялъ и оныхъ воровъ всѣхъ порубили и тако послѣдній корень Мазепинъ съ помощію божіею выкорененъ, съ чѣмъ вашу милость поздравляю (Гос. Арх. Письма Петра.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 90.—„Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“, т. VIII. стр. 241).

[2]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 221–227.—*Ригельманъ*, ч. III, стр. 78.

престанно теряли свои силы отъ большаго числа побитыхъ въ бояхъ и умершихъ по причинѣ болѣзней и всякаго рода лишеній. Все чаще и чаще становились случаи перебѣга къ русскимъ. Добываніе Полтавы не удавалось такъ легко, какъ думалъ вначалѣ король, поддаваясь совѣтамъ Мазепы и своего фельдмаршала Реншильда, который надѣялся, что русскіе, неучи и варвары, не съумѣютъ вести правильной защиты и скоро сдадутся. Осада затянулась. Попытки небольшихъ приступовъ были отражены. Шведамъ удавалось иногда взобраться на крѣпостной валъ; тогда изъ Полтавы бѣжали отбивать ихъ не только царскіе воины, но и жители со всякимъ оружіемъ, даже старики, женщины и полувзрослые ребята. Шведы подводили подъ крѣпостной валъ мины, но одинъ унтеръофицеръ изъ шведскаго войска, похитившій ротныя деньги и страшившійся за то кары, убѣжалъ къ русскимъ и открылъ имъ куда ведется мина, а русскіе, по его указанію, устроили контрмину и выбрали порохъ, подложенный въ шведской минѣ. Король съ своею обычною отвагою и стойкостію употреблялъ всякія усилія, чтобы воодушевить воиновъ собственнымъ примѣромъ. Онъ приказалъ устроить помѣщеніе для себя близко полтавскаго вала, такъ что до стѣнъ домика, построеннаго для короля, долетали непріятельскія пули. Все это поддерживало высокое уваженіе въ шведахъ къ своему государю, но дѣлу не могло помочь на столько, чтобы дать шведамъ перевѣсъ въ войнѣ. У шведовъ уже чувствовался недостатокъ пороха и боевыхъ запасовъ и шведскіе солдаты подбирали на полѣ непріятельскія пули, чтобы снова заряжать ими свои ружья. Почти всѣ инженерные офицеры были у нихъ побиты и ихъ замѣняли офицерами изъ строевыхъ полковъ, мало свѣдущими въ инженерномъ искусствѣ. Запорожцы, работавшіе въ траншеяхъ, послѣ нѣсколькихъ пораженій, нанесенныхъ имъ вылазками осажденныхъ, стали

покидать свои земляныя работы и кричали, что копаться въ землѣ—дѣло мужицкое, недостойное ихъ рыцарскаго званія. Уже въ шведскомъ станѣ чувствовался и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; истощился небольшой округъ окрестностей Полтавы, гдѣ размѣщалось шведское войско; солдаты питались кониною и плохимъ хлѣбомъ, а кружка водки у маркитантовъ продавалась отъ семи до десяти талеровъ. Бѣдные голодные солдаты вопили: или смерти, или хлѣба!

Петръ, на другой сторонѣ Ворсклы, ошанцовалъ свой станъ и устроилъ на берегу редуты, откуда безпрестанно палили на шведское войско, стоявшее вдоль другаго берега Ворсклы, а между русскимъ войскомъ на лѣвой сторонѣ рѣки и осажденною на правомъ берегу Полтавою— не прерывались сношенія. Русскіе передавали между собою извѣстія посредствомъ писемъ, заложенныхъ въ пустыхъ ядрахъ и картечахъ [1]). Вскорѣ послѣ своего прибытія къ войску, 4-го іюня, Петръ послалъ въ пустой бомбѣ къ полтавскому коменданту письмо, извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ, благодарилъ весь гарнизонъ за стойкость и утѣшалъ его скорымъ освобожденіемъ. Такимъ способомъ переброшено было въ Полтаву нѣсколько списковъ и къ солдатамъ и къ горожанамъ. Это возбудило въ Полтавѣ такую бодрость, что, по прочтеніи царскаго письма, дали въ соборной церкви присягу защищаться до послѣдней капли крови и заранѣе объявляли измѣнникомъ всякаго, кто захочетъ поступать противно этой присягѣ. Одинъ *благоразумный* обыватель на сходкѣ сталъ толковать, что, въ виду ослабленія силъ и недостатка средствъ для осажденныхъ, не лучше ли будетъ сдать Полтаву, выговоривъ у непріятеля льготныя условія. Полтавцы, услышавши такое слово отъ своего земляка, пришли въ неистовство,

[1]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч I, стр. 161.

тотчасъ позвали протопопа, приказали ему напутствовать оратора причащеніемъ Св. Таинъ, а когда дѣло духовное было исполнено, вывели изъ храма и побили камнями и дубинами [1]). Въ русскую армію слались изъ Полтавы такимъ же способомъ письма съ извѣщеніями о положеніи гарнизона [2]). Кромѣ того, малороссіяне съ правой стороны Ворсклы безстрашно переплывали рѣку и приносили рускимъ извѣстія о томъ, что дѣлается у шведовъ, такъ что русскимъ извѣстны были всѣ движенія ихъ непріятелей.

14 іюня шведы потеряли городокъ Старый Санжаровъ [3]), лежавшій внизъ по Ворсклѣ, покоренный ими еще въ апрѣлѣ и съ тѣхъ поръ служившій пунктомъ опоры шведской линіи и связи съ запорожцами, которыхъ притонъ съ кошевымъ Гордѣенкомъ находился нѣсколько ниже по теченію Ворсклы въ городкѣ Новомъ Санжаровѣ. Въ Старомъ Санжаровѣ поставленъ былъ немногочисленный шведскій отрядъ, но туда отправлены были, въ качествѣ военноплѣнныхъ, русскіе, составлявшіе веприкскій гарнизонъ, сдавшійся шведамъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ тамъ подполковникъ Юрловъ. Онъ чрезъ шпіона далъ знать въ русскій станъ, что шведовъ, охраняющихъ Старый Санжаровъ, немного; стóитъ только послать поскорѣе войско и можно будетъ овладѣть имъ, потому что содержащіеся тамъ плѣнные русскіе тотчасъ помогутъ соотечественникамъ. По этому сообщенію, Петръ отрядилъ туда генералъ-поручика Гейкинга съ семью полками, который прежде прогналъ шведскаго генералъ-майора Крузе, потомъ 14 числа напалъ на Старый Санжаровъ. Русскіе плѣнные перебили своихъ

[1]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“ т. XV, стр. 314–315.

[2]) Протопопъ полтавскій писалъ государю: „Спаси ны погибающихъ, пріиди и неукосни, простри руку помощи, изми ны изъ глубины обышедшихъ ны золъ“. (ibid., стр. 292).

[3]) Нынѣ мѣст. Старый Санжаровъ, Полтавскаго уѣзда, въ 23 верст. отъ Полтавы.

караульныхъ и способствовали Гейкингу овладѣть городомъ. Шведы, однако, оборонялись упорно; 800 пало въ битвѣ, а остальные сдались въ числѣ 300 человѣкъ. Освобождено было 1.200 русскихъ плѣнныхъ. Эта побѣда стоила русскимъ убитыми и ранеными до двухсотъ слишкомъ человѣкъ [1]).

Въ половинѣ іюня, къ довершенію неудобствъ для шведовъ, стоявшихъ подъ Полтавою, наступили чрезвычайные жары, которые усиливали болѣзненныя страданія раненыхъ. Король собралъ военный совѣтъ затѣмъ, чтобы подумать, какъ далѣе вести дѣло. Шведскіе генералы находили, что всего лучше оставить осаду Полтавы и уйти за Днѣпръ въ польскія владѣнія. Но теперь это не такъ-то легко было: позади стоялъ гетманъ Скоропадскій съ малороссійскимъ войскомъ въ Сорочинцахъ, а къ нему примкнулъ князь Григорій Долгорукій съ шестью полками и съ 4.000 калмыковъ и волоховъ. Далѣе фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ вступилъ на правый берегъ Днѣпра, двинулся на Волынь и соединился съ польскимъ войскомъ Огинскаго, противника Станислава. Они въ половинѣ мая одержали побѣду надъ сторонникомъ Станислава, старостой бобруйскимъ Сапѣгою, при рѣкѣ Стыри, недалеко Берестечка [2]). Поэтому возвращеніе Карла назадъ, въ виду большаго русскаго войска, стоявшаго за Ворсклой, было предпріятіемъ слишкомъ отважнымъ и не безопаснымъ.

Въ такомъ положеніи Карлъ началъ сходиться съ генераломъ Левенгауптомъ, на котораго косился за неудачную битву подъ Лѣснымъ. 16 іюня вечеромъ, когда Левенгауптъ не раздѣваясь легъ на постель, неожиданно вошелъ къ нему король, много дней уже не говорившій съ нимъ, и сталъ спрашивать совѣта—что́ дѣлать. Левен-

[1]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел." т. XV, стр. 300.

[2]) Ibid., стр. 294.—Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9.

гауптъ отвѣчалъ, что не можетъ дать никакого совѣта. Король сталъ ходить взадъ и впередъ и потомъ снова сталъ его спрашивать съ особенно ласковымъ видомъ. Левенгауптъ сказалъ: «остается оставить осаду Полтавы и ударить всѣми силами на непріятельскій станъ». Но генералъ тогда же замѣтилъ, что королю этотъ совѣтъ не понравился. Ударило 11 часовъ. «Я слышалъ, — сказалъ король, — что русскіе хотятъ переходить черезъ рѣку; поѣдемъ вмѣстѣ верхомъ къ рѣкѣ».

Поѣхали. Король сталъ ѣздить взадъ и впередъ по берегу неизвѣстно зачѣмъ, и такъ прошла ночь. Стало разсвѣтать. Наступилъ день 17 іюня—день рожденія короля. Тутъ король спустился еще ниже къ рѣкѣ; изъ-за рѣки засвистали пули русскихъ, увидавшихъ непріятелей, совершающихъ рекогносцировку. Карлу такая прогулка подъ непріятельскими пулями составляла пріятнѣйшее удовольствіе. Это у него носило названіе: amusement à la moutarde -- и онъ нерѣдко любилъ такимъ образомъ проѣзжаться съ своими генералами, чтобы показать врагамъ удальство и отвагу шведовъ. «Ваше величество,— сказалъ ему Левенгауптъ, — не оставайтесь здѣсь такъ долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простаго солдата, не то что королевскую особу». Вдругъ въ это время непріятельская пуля убила подъ Левенгауптомъ лошадь. «Ваше величество!—закричалъ падающій Левенгауптъ,—ради самого Бога оставьте это мѣсто!»—«Bagatelle!—воскликнулъ Карлъ:—вы получите другую лошадь».

Послѣ этихъ словъ Карлъ спустился еще ниже къ рѣкѣ и сталъ ѣздить взадъ и впередъ, явно издѣваясь надъ опасностію. Левенгаупту привели другую лошадь. Его безпокоила безразсудная дерзость короля, онъ подъѣхалъ къ нему, пытался еще разъ отвлечь его и сказалъ ему въ дружескомъ тонѣ: «ваше величество! нельзя безполезно губить и солдатъ, не то что генераловъ. Я поѣду

своей дорогой». И съ этими словами онъ повернулъ свою лошадь. Королю стало неловко: выходило, что онъ подвергаетъ опасности безъ всякой цѣли не только себя, но и своихъ вѣрныхъ генераловъ. Онъ поѣхалъ за Левенгауптомъ, но ѣхалъ медленно. Вдругъ король завидѣлъ или услышалъ, что непріятель пытается переходить Ворсклу. Встрѣтились ему свои воины и онъ приказалъ имъ ѣхать съ нимъ отгонять русскихъ. Русскихъ не было: быть можетъ, королю невѣрно показалось, что они переходили, или, быть можетъ, они уже отступили, сдѣлавши ложное движеніе. Король снова сталъ ѣздить по берегу то взадъ, то впередъ; наконецъ, когда онъ повертывалъ свою лошадь, чтобъ удалиться отъ рѣки, вдругъ непріятельская пуля задѣла ему пятку лѣвой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между ножными пальцами. Король держалъ себя такъ, какъ будто съ нимъ ничего не произошло. Служитель, провожавшій его верхомъ, замѣтилъ, что у него изъ сапога выступаетъ кровь. Карлъ не тревожился, но сталъ ослабѣвать и блѣднѣлъ. Подогнали его лошадь, чтобы скорѣе онъ могъ достигнуть стана. На пути встрѣчаетъ его Левенгауптъ. «Ахъ, ваше величество!—произнесъ онъ,—сталось таки то, чего я такъ боялся и что предрекалъ».—«Ничего,—отвѣчалъ король,—это только въ ногу; пуля въ ногѣ застряла, но я велю ее вырѣзать». Несмотря на свое ослабленіе, онъ поѣхалъ не къ себѣ, а къ траншеямъ, раздавалъ приказанія своимъ генераламъ Спарре и Гилленкроку и не раньше какъ черезъ часъ вернулся въ свое помѣщеніе. Рана между тѣмъ произвела воспаленіе, такъ что нога разбухла и нельзя было снять сапога: пришлось его разрѣзать—и это причинило королю жестокую боль. Много костей въ ступнѣ оказалось раздробленными. Хирургъ производилъ глубокіе взрѣзы и вынималъ осколки костей. Карлъ не кричалъ отъ боли, но ободрялъ хирурга, говоря: «рѣжьте живѣе,—

это ничего». Онъ даже не допустилъ никого изъ присутствующихъ помогать себѣ и собственными руками поддерживалъ изуродованную ногу. Когда послѣ того явились къ нему генералы Реншильдъ и графъ Пиперъ, Карлъ увидѣлъ въ ихъ чертахъ соболѣзнованіе и сталъ ихъ утѣшать: «Не безпокойтесь за меня,—говорилъ онъ,—рана вовсе не опасна; я черезъ нѣсколько дней опять буду ѣздить верхомъ».

Однако, какъ ни бодрился отважный король, а рана заставила, противъ его воли, пролежать нѣсколько дней въ постелѣ. Послѣ первой операціи появилось дикое мясо; хирургъ боялся употреблять въ дѣло инструментъ и хотѣлъ выжигать больное мѣсто ляписомъ. Король не допустилъ его, взялъ у него изъ рукъ ножницы и собственноручно, по указанію хирурга, обрѣзывалъ себѣ дикое мясо. Была сильная жара, — всѣ боялись, что образуется гангрена и придется королю отнимать ногу. Медики оставляли уже ему какіе нибудь сутки жизни. Это состояніе постигло короля на пятый день послѣ полученія раны. Только тогда уговорили его принимать предписываемыя врачами лѣкарства, такъ какъ онъ всегда не терпѣлъ лѣчиться. Когда его, наконецъ, принудили принять медикаментъ, онъ заснулъ и послѣ того ему становилось лучше. Въ продолженіи того времени, когда раненый долженъ былъ оставаться въ постелѣ, его «тафельдекеръ» Гутманъ потѣшалъ больного короля разсказами о старыхъ скандинавскихъ битвахъ героическихъ временъ; особенно королю понравилась сага о Рольфѣ Гетрегсонѣ, который одолѣлъ русскаго волшебника на островѣ Ретузари, покорилъ своей власти русскую и датскую земли и черезъ то пріобрѣлъ себѣ славу на всемъ сѣверѣ. Очевидно, Карлу хотѣлось тогда сдѣлаться такимъ сказочнымъ богатыремъ [1]).

[1]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 165.—*Nordberg*, нѣм. пер., ч. III, стр. 308.—*Adlerfeld*, франц. пер., ч. III, стр. 450.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ереходъ русскаго войска на правый берегъ Ворсклы.—Приготовленія шведовъ къ сраженію.—Ночь наканунѣ битвы.—Утро.—Нападеніе шведовъ на русскіе редуты.—Неудача у русскихъ.—Выступленіе Меншикова на поле битвы.—Плѣнъ шведскихъ генераловъ Шлиппенбаха и Рооса.—Принятіе Петромъ главной команды надъ арміею.—Носилки шведскаго короля.—Плѣнъ Реншильда.—Совѣтъ Левенгаупта.—Карлъ въ своемъ обозѣ.—Совершенное пораженіе шведовъ.—Мужество Карла и Петра.—Плѣнъ Пипера и шведскихъ генераловъ.—Пиръ царя Петра.—Тостъ за Карла и за учителей.—Погоня за разбитымъ непріятелемъ.—Погребеніе убитыхъ.—Вступленіе Петра въ Полтаву.—Мирныя предложенія Карла.—Отвѣтъ Петра.—Царскія именины.—Вторичный пиръ на полѣ битвы.—Шведскіе плѣнники.—Мазепинцы.

Для обѣихъ враждующихъ сторонъ стало одинаково несносно стоять долгое время на двухъ берегахъ рѣки и не предпринимать ничего рѣшительнаго. Обѣ стороны желали скорѣе чѣмъ нибудь кончить. Шведы въ чужой землѣ оставались безъ свѣжихъ силъ, имъ грозило оскудѣніе средствъ къ жизни, но и русскихъ не могли не безпокоить извѣстія изъ Полтавы, что жизненныхъ средствъ могло тамъ стать не болѣе какъ на двѣ недѣли. Сначала Петръ думалъ освободить Полтаву отъ осады, не вдаваясь въ генеральное сраженіе, но 18 іюня пришелъ къ

иному убѣжденію. На военномъ совѣтѣ вечеромъ этого дня рѣшено перевести всю армію на правый берегъ Ворсклы. 19 іюня русскіе начали переходъ подъ селомъ Петровкою [1]) по устроенному тамъ мосту, а 20 числа все войско уже было переправлено [2]). 25 іюня русскіе подвинулись къ Полтавѣ и выстроились версты за полторы отъ шведскаго войска. Съ чрезвычайною быстротою русскіе вывели въ одну ночь ретраншементъ, по правую сторону отъ него расположили свою кавалерію между лѣсомъ, а впереди кавалеріи устроили 10 редутовъ [3]).

Ни въ русскомъ военномъ совѣтѣ, ни въ шведскомъ стратеги не пришли окончательно къ рѣшенію—начинать ли аттаку, или ожидать ее отъ противниковъ. Этотъ вопросъ рѣшилъ Карлъ съ своей обычною отвагой и горячностію. Въ шведскій станъ явился изъ русскаго перебѣжчикъ нѣмецъ и сообщилъ, что русскіе ожидаютъ прибытія многихъ тысячъ калмыковъ. Такимъ образомъ русскія силы должны будутъ умножиться. Король рѣшилъ, что надобно предупредить усиленіе непріятеля и вызвать русскихъ на бой ранѣе, чѣмъ успѣютъ присоединиться къ нимъ калмыки [4]). Русскія силы въ ихъ настоящемъ размѣрѣ несравненно превосходили количествомъ шведскія, но король не вѣрилъ ни въ храбрость, ни въ искусство русскихъ, и потому при малочисленности своихъ войскъ не устрашился еще и разъединить ихъ. Двѣ тысячи человѣкъ послалъ онъ охранять траншеи, прорытыя около полтавскаго вала, такъ какъ не оставлялъ желанія во что бы то ни стало овладѣть упрямою Полтавою. 2.400 чело-

[1]) Нынѣ село Полтавскаго уѣзда при рѣкѣ Ворсклѣ, въ 14 верстахъ отъ Полтавы.

[2]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9. Письма царя къ Григорію Долгорукому.

[3]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 102.

[4]) Ibid., „Дополненіе къ Дѣян. Петра Велик.“, т. XV, стр. 330.

вѣкъ посланы были для охраненія багажа, гдѣ находился Мазепа, который отъ старости и тревогъ видимо уже день ото дня угасалъ. 1.200 человѣкъ посланы были караулить Ворсклу ниже Полтавы, чтобы не дать русскимъ въ этихъ мѣстахъ переправиться и окружить шведовъ съ тыла. Сверхъ того, шведы разставлены были въ городкахъ: Ново-Санжаровѣ, Бѣликахъ [1]), Соколкахъ и Кобылякахъ, что составляло вмѣстѣ до 1.200 человѣкъ. У Карла оставалось въ дѣлѣ, по шведскимъ источникамъ, въ строю только 13.000, кромѣ запорожцевъ [2]). По русскимъ источникамъ шведовъ было около сорока тысячъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что шведскія свѣдѣнія о такой малочисленности войска, бывшаго въ дѣлѣ на полтавскомъ полѣ, не выдерживаютъ никакой критики, какъ показываетъ извѣстное намъ число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ.

Въ воскресенье, 26 іюня, послѣ вечерней молитвы, которую Карлъ XII, какъ благочестивый лютеранинъ, всегда слушалъ въ походахъ, было объявлено въ шведскомъ станѣ, что завтра будетъ генеральное сраженіе. Карлъ объявилъ, что будетъ принимать участіе въ битвѣ, но по причинѣ раны не можетъ командовать войскомъ лично: онъ назначилъ вмѣсто себя на время битвы главнокомандующимъ фельдмаршала графа Реншильда. Король былъ въ самомъ бодромъ настроеніи духа и говорилъ своимъ генераламъ: «завтра мы будемъ обѣдать въ шатрахъ у московскаго царя. Нѣтъ нужды заботиться о продовольствіи солдатъ,—въ московскомъ обозѣ всего много припасено для насъ».

И въ русскомъ войскѣ готовились къ генеральному сраженію. Петръ объѣзжалъ свои войска, и остановив-

[1]) Нынѣ мѣстечко Кобылякскаго уѣзда при рѣкѣ Ворсклѣ.

[2]) *Fryxel*, нѣмец. пер., ч. I, стр. 169.

[3]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр 112.

шись передъ дивизіею Аларта, произнесъ такую ободрительную рѣчь:

«Король шведскій и самозванецъ Лещинскій привели къ своей волѣ измѣнника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россію, учинить изъ оныя независимое княжество подъ властію того измѣнника, присоединивъ къ оному Волынь и подчиня ему же, Мазепѣ, козаковъ запорожскихъ и донскихъ. Такою надеждою льстяся, измѣнникъ уповалъ собрать войска козацкаго до двухсотъ тысячъ, подкупилъ Порту, крымскаго хана и орды на насъ, и для исполненія сего злоумышленія призвалъ въ Малороссію короля шведскаго со всѣми его силами и Лещинскаго, поспѣшавшаго уже въ соединеніи съ нимъ съ 25.000 польскихъ войскъ. Но помощію Божіею козацкіе и малороссійскіе народы вразумлены, остались намъ вѣрными, шведскаго войска черезъ разныя побѣды и лютость прешедшей зимы истребилось до половины, войска Лещинскаго побиты и разогнаны, султанъ миръ съ нами подтвердилъ и отъ помощныхъ войскъ имъ отказалъ, хану и ордамъ соединяться съ ними строго воспретилъ; и нынѣ непріятельскаго войска противъ насъ осталось только 34 полка и тѣ неполные, изнуренные, оробѣвшіе. Остается надъ сими оставшими довершить вамъ побѣду. Порадѣйте же товарищи! Вѣра, церковь и отечество сего отъ васъ требуютъ» [1]).

Въ сумерки вся шведская пѣхота была выведена въ поле. Приказано было всѣмъ каждоминутно быть готовыми къ бою. Кавалеристамъ данъ былъ приказъ, чтобъ у всѣхъ лошади были осѣдланы. Наступила ночь темная; луна была въ ущербѣ. Карлъ велѣлъ обвязать себѣ больную ногу свѣжею повязкою, другую ногу обулъ въ са-

[1]) Ibid., стр. 108.—„Дополненіе къ Дѣян. Петра Великаго“, т. XV. стр. 336.

погъ и сѣлъ въ носилки, держа обнаженную шпагу въ рукѣ. Его главный министръ Пиперъ, генералы Реншильдъ и Левенгауптъ легли на землѣ около королевскихъ носилокъ. Нѣкоторые изъ шведовъ на короткое время уснули, другіе не хотѣли заснуть и развлекали себя разговорами, толковали, какъ на этихъ самыхъ поляхъ, по ихъ представленію, Тамерланъ покорилъ себѣ западные народы [1]). Съ полуночи, когда взошла луна и стало виднѣться, шведы стали двигаться впередъ различными колоннами. Занялась заря; шведы замѣтили, что и въ русскомъ станѣ уже копошатся. Стало всходить солнце и шведамъ представилась русская кавалерія: она уже стояла въ строю, прикрытая только-что выведенными редутами, изъ которыхъ три не были еще вполнѣ оконченными.

Черезъ два часа послѣ солнечнаго восхода Реншильдъ приказалъ сдѣлать аттаку на русскіе редуты. Начальство надъ этою пѣхотою поручено было генераламъ — Акселю Спарре и Роосу; первый долженъ былъ овладѣть тремя редутами влѣво, а Роосъ—другими четырьмя вправо. Первый удачно исполнилъ свое дѣло. Русская кавалерія была смята, пѣхота покинула редуты. Впослѣдствіи Петръ сознавался плѣннымъ шведскимъ генераламъ, что въ это мгновеніе въ русскомъ станѣ произошелъ большой переполохъ; русскіе собирались уже запрягать багажныя телѣги и отступать. Увидя замѣшательство русскихъ, Пиперъ испросилъ у короля дозволеніе двинуть генерала Крейца, командовавшаго лѣвымъ крыломъ, въ содѣйствіи со Спарре и вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовать русскихъ, покинувшихъ свои редуты, и не допустить ихъ придти въ себя послѣ пораженія; но Реншильдъ оскорбился: какъ смѣютъ другіе безъ его вѣдома вмѣшиваться въ распоряженія, когда король назначилъ его одного главнокоман-

[1]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 170.

дующимъ. Прибѣжавши къ Пиперу, Реншильдъ, въ присутствіи короля, сталъ выговаривать министру. Король остановилъ порывъ своего фельдмаршала, но въ угоду ему тотчасъ послалъ приказаніе Крейцу оставить преслѣдованіе русскихъ и занять лѣсное возвышеніе, находившееся на западной сторонѣ, внѣ дѣйствія русскихъ орудій.

Эта ошибка внезапно поправила дѣло русской арміи, начинавшей уже разстроиваться. Кавалерія, порученная генералу Боуэру, за раною командовавшаго прежде генерала Рена, пришла въ порядокъ, а тѣмъ временемъ царь приказалъ Меншикову, командовавшему лѣвымъ крыломъ русской арміи, ударить на непріятеля съ десятью полками, составлявшими 10.000 воиновъ. Тутъ судьба всей битвы повернулась иначе. Меншиковъ ударилъ на часть корпуса Рооса, находившуюся подъ командою Шлиппенбаха, и нанесъ ему такое пораженіе, что самъ Шлиппенбахъ со всѣмъ своимъ штабомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Генералъ Роосъ обратился въ бѣгство, но Меншиковъ отправилъ за нимъ въ погоню генерала Ренцеля: тотъ загналъ Рооса до шанцовъ, воздвигнутыхъ шведами подъ самою Полтавою, и принудилъ его сдаться въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ.

Былъ девятый часъ утра. Между шведскими военачальниками не было никакого ладу. Когда генералу Спарре былъ данъ приказъ спѣшить на выручку Рооса, онъ, воротившись безъ успѣха, говорилъ, что у Рооса достаточно войска, и если Роосъ съ нимъ не сможетъ оборониться, то пусть идетъ къ чорту. Левенгаупту король далъ приказаніе соединиться съ Крейцомъ, но Реншильдъ, уже прежде не ладившій съ Левенгауптомъ, раздражился за то, что это дѣлается безъ его вѣдома, и началъ браниться съ Левенгауптомъ, а король заперся въ томъ, что самъ далъ Левенгаупту приказъ. Отдѣлы шведскаго войска дви-

гались съ мѣста на мѣсто, не зная сами что дѣлаютъ. Это замѣтилъ царь Петръ, двинулъ на нихъ все свое войско и принялъ надъ нимъ самъ верховное начальство.

Тогда наступило полное замѣшательство. Короля повезли въ носилкахъ лошадьми; 12 драбантовъ и 24 гвардейца окружали его. Карлъ велѣлъ везти себя въ самый огонь битвы. Подъ его носилками убита была лошадь; гвардейцы выпрягли изъ-подъ носилокъ остальную лошадь и понесли носилки на рукахъ. Но близъ короля пало трое драбантовъ, побиты были носильщики и наконецъ самыя носилки раздроблены пулями. Тафельдекеръ Гутманъ коекакъ связалъ ихъ уздами съ павшихъ лошадей. Пользуясь минутнымъ перерывомъ битвы, Карлъ выпилъ воды, приказалъ перевязать себѣ раненую ногу и нести себя далѣе въ разгаръ битвы, чтобы собственнымъ примѣромъ отваги возбуждать своихъ воиновъ. Генералы: Левенгауптъ, Спарре, Гердъ употребляли всѣ усилія, чтобы привести въ порядокъ войско, но все было напрасно. Вдругъ подъ королемъ опять раздробило носилки и онъ упалъ на землю. Солдаты, издали увидѣвъ эту сцену, думали, что король уже убитъ, и это увеличило смятеніе. Король, лежа на землѣ, думалъ еще какъ нибудь остановить потерянныхъ воиновъ и кричалъ: «шведы! шведы!..», но его отчаянный крикъ терялся въ суматохѣ. Подбѣжалъ къ королю Реншильдъ и, обращаясь на всѣ стороны, громко вопилъ: «наша пѣхота пропала,—ребята, спасайте короля!» Затѣмъ самъ Реншильдъ бросился въ омутъ битвы и тотчасъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Подобно кораблю, разбитому бурею, метался остатокъ разбитой шведской арміи, говоритъ шведскій историкъ. Офицеры были побиты или взяты въ плѣнъ; солдаты безъ команды метались то въ ту, то въ другую сторону, сами не зная, что имъ нужно дѣлать. Левенгауптъ, увидя, что̀ дѣлается съ королемъ, кричалъ: «ради самого Христа не

оставляйте короля въ бѣдѣ!» Кучка солдатъ подняла короля, къ нимъ пристали конные. Драбантъ Брадке посадилъ короля на свою лошадь. Положивши больную ногу на шею лошади, Карлъ отдался другимъ спасать его отъ опасности быть убитымъ или полоненнымъ. «Что теперь дѣлать?» спрашивалъ онъ, встрѣтивши Левенгаупта. — «Отступать къ багажу», говорилъ Левенгауптъ. Но отступленіе было уже немыслимо. Происходило полное безпорядочное бѣгство разбитаго въ пухъ и прахъ войска. Командиры кричали на подчиненныхъ: «стой», подчиненные кричали одинъ къ другому: «стой!» — и всѣ бѣжали. Вдругъ непріятельская пуля поразила лошадь, на которую посадили Карла, и въ это время настигали его русскіе; шведскій король неизбѣжно попалъ бы въ плѣнъ, но капралъ Гіерта поспѣшно далъ ему свою лошадь. Не безъ труда Карлъ, при помощи другихъ, сѣлъ на нее и ускакалъ во всю прыть, все-таки каждую минуту ожидая, что его или убьютъ выстрѣломъ, или нагонятъ и возьмутъ въ плѣнъ. Капралъ Гіерта, отдавши королю свою лошадь и самъ будучи раненъ, дотащился подъ плетень, чтобы тамъ умереть, но увидѣлъ его королевскій конюхъ, который велъ одну изъ королевскихъ лошадей, посадилъ на лошадь и такимъ образомъ капралъ Гіерта догналъ короля, скакавшаго къ тому мѣсту, гдѣ находился шведскій обозъ.

Если Карлъ въ этотъ день показалъ рѣдкій примѣръ храбрости, отваги и неустрашимости, то не менѣе его доблестнымъ оказался и соперникъ его Петръ. На немъ была прострѣлена пулею шляпа, другая пуля попала въ пуговицу на сѣдлѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, третья ударила его въ грудь, но наткнулась на длинный крестъ (тѣльникъ) и это спасло царя.

Графъ Пиперъ, постоянно находившійся при своемъ государѣ, когда увидалъ, что все уже пропало, поворотилъ къ обозу вслѣдъ за Карломъ. Пипера сопровождало нѣ-

сколько особъ и въ числѣ ихъ былъ историкъ Карла XII, Нордбергъ, котораго сочиненіе служило намъ въ числѣ источниковъ. Онъ описываетъ, что когда они, слѣдуя за бѣжавшимъ королемъ, переходили небольшую долину, заросшую кустарникомъ, и уже выходили на ровное мѣсто, вдругъ появились калмыки и татары. Идти далѣе казалось невозможнымъ, чтобы не попасться въ руки этимъ азіятскимъ варварамъ, отъ которыхъ европейцы шведы не ждали пощады. Они повернули къ Полтавѣ и сами отдались въ плѣнъ. Ихъ привели въ русскій станъ къ Шереметеву. Фельдмаршалъ принялъ графа Пипера очень любезно и почетно. Ему приготовили богато убранный шатеръ. Шереметевъ бесѣдовалъ съ нимъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и шведамъ рѣчь его показалась очень умною.

Много шведскихъ генераловъ попалось тогда въ плѣнъ. Изъ нихъ знатнѣйшіе были: Реншильдъ, Стакельбергъ, Шлиппенбахъ, Гамильтонъ, Роосъ, принцъ Максиміліанъ Виртембергскій. Когда ихъ представили царю, Петръ принялъ послѣдняго за короля и, узнавши свою ошибку, воскликнулъ: «неужели таки я не увижу сегодня брата Карла?» Но тутъ царю принесли разбитыя носилки короля, до сихъ поръ показываемыя въ сокровищницѣ московской Оружейной палаты. Нѣсколько времени Петръ думалъ, что Карлъ убитъ; вскорѣ, однако, принесли ему извѣстіе, что король успѣлъ убѣжать къ обозу, и Петръ, узнавши, что Карлъ живъ, былъ этимъ очень доволенъ. Онъ питалъ большое уваженіе къ своему врагу [1]).

Послѣ полудня всему русскому войску приказано было выстроиться. Царь выѣхалъ безъ шляпы, благодарилъ всѣхъ за храбрость, далъ приказаніе перевязывать раны и лѣчить раненыхъ, показывалъ къ нимъ состраданіе. Между тѣмъ на полѣ приготовлена была походная церковь.

[1]) *Катифора*: „Житіе Петра Вел.“, кн. IV, л. 248.

Въ часъ пополудни тамъ отслужили благодарственный молебенъ, и во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» дано было три пушечныхъ залпа. По окончаніи молебна, царь позвалъ сподвижниковъ на пиръ, устроенный въ шатрахъ. Царь съ генералитетомъ пировалъ въ особомъ царскомъ шатрѣ, котораго полы были подобраны, а передъ шатромъ на караулѣ стояла гренадерская рота Преображенскаго полка. Къ этому пиру приглашены были знатные шведскіе плѣнники—генералы и полковники. Во время пира привели Пипера; и его усадили также за столъ. Царь ласково обращался со всѣми плѣнниками, собственноручно вручилъ фельдмаршалу Реншильду шпагу и похвалилъ его за храбрость и вѣрное исполненіе своего долга. У прочихъ плѣнниковъ хотя шпаги были отобраны, но тутъ же милостиво возвращены царемъ. «Господа!—сказалъ обратившись къ плѣнникамъ Петръ,—братъ мой Карлъ приглашалъ васъ на сегодня къ обѣду въ шатрахъ моихъ, но не сдержалъ королевскаго слова; мы за него исполнимъ и приглашаемъ васъ съ нами откушать» [1]). Поднявши налитой виномъ заздравный кубокъ, Петръ воскликнулъ: «пью за здоровье моего брата Карла!» Потомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, Петръ провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ учителей.—«Кто эти учителя?» осмѣлился спросить Реншильдъ. «Вы, шведы» отвѣчалъ царь.— «Хорошо же ваше величество отблагодарили своихъ учителей», сказалъ Реншильдъ [2]).

[1]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 388.

[2]) Ibid., „Дѣян. Петра Вел.“, т. III, стр. 104—113.—„Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.„, т. XV, стр. 324—373.—*Ѳеоф. Прокоповичъ*: „Исторія Петра Вел.“, стр. 247—252.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр 264—282.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 169—179 —*Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 310—315.—*Ригельманъ*: „Лѣтоп. Пов. о Малой Россіи“, ч. III, стр. 80, 82, 85 и 88.—Брошюры, означенныя въ перечнѣ источниковъ подъ №№ 47—54.

Еслибы русскіе, говоритъ шведскій историкъ [1]), неустанно преслѣдовали шведское войско, то, безъ сомнѣнія, не выпустили бы съ полтавскаго поля ни короля, ни всего остатка его арміи, но Петръ увлекся пиромъ на радости о побѣдѣ, одержанной въ такой степени, въ какой быть можетъ онъ даже и не ожидалъ, и не прежде, какъ уже вечеромъ спохватился отправить въ погоню за отступившимъ съ поля непріятелемъ генералъ-поручиковъ: князя Мих. Голицына и Боуэра. Они не застали уже непріятеля, и дѣйствительно это была большая ошибка со стороны Петра: вся цѣль Сѣверной войны была бы уже достигнута въ этотъ день и Россія безъ дальнѣйшихъ потерь пріобрѣла бы все то, что получила по Ништадтскому миру.

На другой день утромъ, по приказанію царя, съ 4-хъ часовъ начали копать могилы для погребенія убитыхъ. Все войско было выстроено на этомъ мѣстѣ. Двѣ могилы были готовы и въ 6 часовъ прибылъ туда государь. Въ одну могилу положили тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ; всѣхъ ихъ клали въ мундирахъ, въ которыхъ они пали на полѣ битвы. Отслужили надъ ними обычное послѣдованіе погребенія. Царь, обращаясь къ убитымъ, произнесъ предъ всѣми такую рѣчь: «Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свой души свои положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчалися и у праведнаго подвигоположника Господа дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія, молитвами вашими да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги» [2]). Затѣмъ царь положилъ передъ убитыми три земныхъ поклона и первый собственноручно сталъ засыпать могилы землею. Другіе

[1]) *Fryxel*, ч. I, стр. 179.

[2]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XVI. стр. 9.

командиры послѣдовали ему, и такъ совершилось погребеніе при громѣ пушекъ, бѣглой ружейной пальбѣ и звукахъ полковой музыки. Образовался высокій курганъ; на его вершинѣ Петръ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «воины благочестивіи за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня».

Послѣ отправленія всего обряда надъ убитыми русскими, Петръ приказалъ похоронить непріятельскія тѣла, поручивши совершить надъ ними погребальный обрядъ плѣннымъ протестантскимъ священникамъ. Дано было приказаніе жителямъ вездѣ отыскивать и хоронить человѣческіе и конскіе трупы [1]).

Наконецъ послѣ всего этого, въ тотъ же день, Петръ, вообще любившій торжественные въѣзды и выходы, въ сопровожденіи своихъ генераловъ въѣхалъ въ Полтаву, принималъ поздравленія отъ освободившихся изъ осады солдатъ своихъ и всѣхъ полтавскихъ жителей, хвалилъ

[1]) Въ „Гисторіи Шведской войны“ царь разсказываетъ о Полтавской битвѣ: хотя и зѣло жестоко оба войска бились, однакожъ то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія съ малымъ урономъ нашихъ войскъ еже найвящше удивительно есть. Кавалерія и инфантерія весьма опровергнуты, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колоты и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнаты, притомъ въ началѣ генералъ-маіоръ Стакельбергъ, потомъ генералъ-маіоръ Гамильтонъ, также послѣ фельдмаршалъ Реншильдъ и принцъ виртембергскій купно съ многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которыхъ большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые врозни по лѣсамъ и по полямъ побиты и отъ ранъ померли (Гос. Арх. „Гист. Шведск. войны“. Рукопись).

ихъ за храбрость и стойкость и при всѣхъ, въ знакъ своей милости, поцѣловалъ въ голову коменданта Келина. Въ Полтавѣ царь слушалъ въ церкви благодарственное молебствіе при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, посѣщалъ раненыхъ, объявлялъ награды и въ заключеніе сталъ обѣдать у коменданта «чѣмъ Богъ послалъ» [1]. Во время этого обѣда явился къ царю въ Полтаву шведскій генералъ Мейерфельдъ. Карлъ послалъ его изъ подъ Стараго-Санжарова безъ всякаго письменнаго вида, но съ словеснымъ заявленіемъ согласія заключить миръ на такихъ условіяхъ, на какихъ самъ царь предлагалъ прежде. Петръ сказалъ: «поздно король принимается за миръ; прежде предложенныя нами кондиціи уже не соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ. Впрочемъ, я не отрицаюсь отъ мира, но только на условіяхъ приличныхъ и сходныхъ со справедливостію». Онъ послалъ такой отвѣтъ съ трубачомъ, пріѣхавшимъ съ Мейерфельдомъ, а самого генерала Мейерфельда на время задержалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ явился безъ письменнаго вида [2]. Вслѣдъ затѣмъ царь отправилъ Меншикова съ цѣлымъ корпусомъ преслѣдовать шведовъ, давши приказаніе, если поймаютъ въ плѣнъ Карла, то возвратить ему шпагу и провожать его не стѣсняя, съ подобающимъ уваженіемъ, а измѣнника Мазепу везти заковавши подъ строгимъ карауломъ и наблюдать, чтобы онъ надъ собою чего-нибудь не учинилъ. Вѣроятно эта отправка происходила уже не рано, послѣ всѣхъ описанныхъ церемоній, и это было причиною, что Меншиковъ уже не могъ поймать ни Карла, ни Мазепы, какъ этого желалъ государь.

29 іюня былъ день царскихъ именинъ. Устроенъ былъ въ шатрахъ другой такой же пиръ, какъ и въ день по-

[1]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. т. XVI, стр. 8 и 9.

[2]) *Adlerfeld*, нѣмецк. перев., ч. III, стр. 290.—*Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XVI, стр. 11.

бѣды, и опять были приглашены къ нему шведскіе плѣнные военачальники [1]). На этомъ второмъ пирѣ былъ между прочимъ и шведскій историкъ Нордбергъ. По его извѣстіямъ, шатры, въ которыхъ происходилъ этотъ пиръ, были каждый болѣе чѣмъ въ 50 аршинъ длиною. Шведскихъ плѣнныхъ было тамъ много. Когда уже вставали изъ-за стола, вошелъ царь, заговорилъ ласково съ нѣкоторыми изъ плѣнниковъ и провозгласилъ тостъ за здравіе шведскаго короля. Нордбергъ при этомъ замѣчаетъ, что хотя писали и разглашали, будто Петръ ласково говорилъ съ Пиперомъ, но онъ, Нордбергъ, какъ очевидецъ, можетъ удостовѣрить, что Петръ не сказалъ ни единаго слова шведскому министру [2]). Послѣ пира въ тотъ же день плѣнные шведскіе военачальники розданы были подъ наблюденіе русскимъ вельможамъ: Меншикову порученъ былъ принцъ виртембергскій, Головкину Пиперъ, Шереметеву Реншильдъ,—всѣ другіе были розданы русскимъ офицерамъ, сообразно чинамъ, какіе носили шведскіе плѣнники, до самыхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Всѣхъ отправили въ Россію черезъ нѣсколько дней. Худшая участь постигла малороссіянъ мазепинцевъ, которые взяты были въ плѣнъ и большею частію сами сдались, увидя шведское дѣло проиграннымъ. Нордбергъ, въ качествѣ очевидца, говоритъ, что ихъ подвергали ужаснѣйшимъ истязаніямъ, ломали имъ руки и ноги и выставляли на колесахъ изуродованныя тѣла ихъ; другихъ вѣшали и на колъ сажали [3]). Шведскій историкъ, сообщая эти извѣстія, тутъ же счелъ умѣстнымъ опровергать какого-то другаго историка, котораго имени онъ не называетъ и который утверждалъ, будто Петръ оказалъ козакамъ милость. Нордбергъ положительно заявляетъ, что такой милости не было. Мы не

[1]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел." т. III, стр. 115.

[2]) *Nordberg*, стр. 315

[3]) Ibid.

можемъ безусловно отвергать извѣстія Нордберга, такъ какъ свирѣпыя казни надъ мятежниками и царскими измѣнниками были въ обычаѣ у Петра; но есть несомнѣнныя оффиціальныя свѣдѣнія, что нѣкоторые самые крупные изъ Мазепиныхъ соумышленниковъ еще до полтавскаго сраженія добровольно явились съ повинною въ русскій станъ. То были бывшіе генеральный судья Чуйкевичъ, генеральный асаулъ Максимовичъ, лубенскій полковникъ Зеленскій, компанейскій полковникъ Кожуховскій, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило, Антонъ Гамалѣя, Семенъ Лизогубъ, канцеляристъ Григорій Григоровичъ и писарь Яковъ Гречаный. Имъ не было объявлено прощенія, какъ они того просили,—напротивъ, ихъ подвергли аресту какъ преступниковъ, и уже послѣ 8 августа сняли съ нихъ допросы, которые сохранились въ дѣлахъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ [1]). Всѣ они увѣряли, что не были заранѣе въ соумышленіи съ гетманомъ, прикидывались завлеченными посредствомъ обмана [2]).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 года, августъ, № 52.

[2]) . . . Судья Чуйкевичъ показалъ: Прежде перехода за Десну онъ не зналъ объ измѣнѣ, ибо гетманъ всѣмъ говорилъ, что идетъ на слученіе съ Шереметевымъ, а уже когда перешли Десну, тогда только сказалъ мнѣ, что идетъ подъ протекцію шведскую, опасаясь чтобы царское величество по бывшему доносу на него отъ Кочубея когда нибудь не велѣлъ его взять. Я говорилъ ему, зачѣмъ это дѣлать и вести насъ невѣдомо куда, а Мазепа меня лаялъ и приказалъ гречанину Згурѣ Стиглѣеву смотрѣть за мною и Згура всегда былъ въ квартирѣ со мною и смотрѣлъ, чтобы я не ушелъ. Въ близкихъ совѣтахъ съ Мазепою не былъ ни я, ни другіе старшины, кромѣ родственника Мазепина Мокіевскаго, да генеральнаго писаря Орлика Жены своей я не бралъ съ собою, жила она за 15 миль отъ Батурина, а потомъ перебралась въ Гадячъ и хотѣла оттуда ѣхать въ слободскіе полки, но гадяцкіе жители не пустили ее до прихода шведскихъ войскъ. Меня, Чуйкевича, Мазепа посылалъ одинъ разъ въ Переволочну къ запорожцамъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Мокіевскимъ, я отговаривался, но Мазепа слушать меня не хотѣлъ, по-

Но срокъ, объявленный для тѣхъ, которые отстанутъ отъ Мазепы, давно прошелъ и ясно было, что эти малороссіяне явились уже только тогда, когда увидали, что затѣи осво-

тому, какъ онъ говорилъ, что я генеральный судья. Однако, приказъ данъ былъ не мнѣ, а Мокіевскому и я запорожцевъ къ измѣнѣ не подговаривалъ и съ собою къ непріятелю не проваживалъ и воръ кошевой съ запорожцами приходили къ Мазепѣ по его письмамъ и подговору Мокіевскаго. Мокіевскій держалъ меня за карауломъ и поѣхалъ въ Крымъ съ племянникомъ кошевого, а я поѣхалъ назадъ къ Мазепѣ, но подъ карауломъ у запорожцевъ. Наипаче я былъ въ подозрѣніи у Мазепы оттого, что сватомъ былъ покойному Кочубею и онъ часто мнѣ про то словами напоминалъ и называлъ бунтовщикомъ противъ себя. Я все собирался уйти да не могъ, оттого что гречанинъ Згура Стиглѣевъ меня стерегъ, а когда этотъ гречанинъ въ Гадячѣ умеръ, то ко мнѣ приставили шведскій караулъ, который оставался при мнѣ до полтавской баталіи. Я давно только о томъ и думалъ, какъ бы уйти и совѣтовался о томъ съ Максимовичемъ, Зеленскимъ и Кожуховскимъ и они писали о томъ къ миргородскому полковнику и къ Сулимѣ, только никакъ не подручно было уйти намъ.

Генеральный асаулъ Димитрій Максимовичъ показалъ: Прежде перехода за Десну я объ измѣнѣ не зналъ. Когда же перешли Десну и были за полверсты отъ шведскаго обоза, то послалъ меня Мазепа съ капитаномъ иноземцемъ и Згурою Стиглѣевымъ и со слугою Быстрицкаго къ шведамъ, только объявлялъ не я, а капитанъ, который отъ нихъ же шведовъ былъ прежде посланъ къ Мазепѣ. Посыланы были также къ шведамъ Ломиковскій и Орликъ. Мнѣ Мазепа говорилъ, будто убѣгаетъ отъ Меншикова, который хотѣлъ его, гетмана, и всѣхъ старшинъ казнить. Потомъ посылалъ меня Мазепа трижды провѣдывать, гдѣ будетъ шведскаго короля квартира занята. Жена моя была въ Лубнахъ. Тамъ ее взяли шведы и препроводили въ Роменъ съ лубенскимъ полковникомъ. По уходѣ Апостола и Сулимы, посылалъ меня Мазепа въ Гадячъ, будто для раздачи денегъ компанейцамъ, и велѣлъ меня держать за карауломъ. И послѣ, находясь при Мазепѣ, я былъ постоянно за карауломъ и подъ надзоромъ.

Лубенскій полковникъ Зеленскій показалъ: Объ измѣнѣ Мазепы я прежде ничего не зналъ, какъ приближаясь къ Деснѣ были мы подъ Короповъ, говорилъ Мазепа, что ѣдетъ для свиданія съ Шереметевымъ, а какъ уже перешли Десну, то онъ сказалъ, что Менши-

бодиться отъ московской власти никакъ удаться не могутъ. Ихъ увертки не были приняты во вниманіе. Царь указалъ, что хотя они за измѣну достойны смертной казни,

ковъ хочетъ его и всѣхъ старшинъ забить въ колодки. Я на это сказалъ: мы вины своей передъ царемъ не вѣдаемъ и намъ невозможно убѣжать отъ царскаго гнѣва. А Мазепа сказалъ: смотрите на меня: куда пойду я, туда и вы идите. На другой день привелъ насъ гетманъ къ шведскому войску. Какой былъ у него уговоръ со шведами—я того не знаю. Въ дѣло меня не употреблялъ Мазепа, жилъ я при немъ какъ плѣнникъ. Получивши вѣсть о смерти моей дочери, отправился я въ Лубны, и въ этомъ помогъ мнѣ миргородскій полковникъ; по его прошенію меня отпустили, но за шведскимъ карауломъ. Когда же миргородскій полковникъ убѣжалъ, то Мазепа прислалъ въ Лубны 500 человѣкъ, изъ нихъ 300 осталось въ Лубнахъ, а 200 меня препроводили въ Роменъ, а черезъ нѣсколько дней привезли туда мою жену и жену Максимовича. Уйти мнѣ было никакъ невозможно, а я хотѣлъ уйти, и на то имѣю свидѣтельства—письма Меншикова и Головкина.

Полковникъ компанейскій Юрій Кожуховскій показалъ: О замыслахъ Мазепы я не зналъ, былъ въ походѣ противъ Булавина, а воротившись прожилъ недѣлю въ своемъ дому и получилъ приказъ ѣхать въ Борзну. Мазепа разглашалъ будто ему присланъ царскій указъ идти въ слученіе съ царскимъ войскомъ. Узналъ я, Кожуховскій, правду только тогда, когда меня со 150 человѣкъ моего полка привелъ Мазепа къ шведамъ. Когда Кгалаганъ ушелъ, Мазепа боялся, чтобы и я того же не сдѣлалъ и держалъ меня за карауломъ вмѣстѣ съ женою моею, которая и умерла у шведовъ. Я думалъ убѣжать, и по совѣту съ Чуйкевичемъ, Максимовичемъ и Зеленскимъ писалъ къ Меншикову съ нарочнымъ, но Мазепа о томъ увѣдалъ и держалъ меня за крѣпчайшимъ карауломъ.

Сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило показалъ: Я былъ при гетманѣ, а моего полку было меньше ста человѣкъ; остальныхъ Мазепа оставилъ въ Батуринѣ. Я узналъ объ измѣнѣ уже тогда, когда прибылъ къ шведамъ. Въ Гадячѣ мнѣ отдали жену мою и я содержался подъ карауломъ. Ни въ какую службу меня Мазепа не посылалъ, а послѣ ухода Апостола и Кгалагана мнѣ не довѣрялъ.

Антонъ Гамалѣя показалъ: Объ измѣнѣ Мазепы я прежде не зналъ и жилъ въ маетностяхъ своихъ все лѣто, а какъ шведъ пришелъ въ

но онъ ихъ милуетъ и даруетъ имъ жизнь, замѣняя смертную казнь ссылкою—однихъ въ отдаленныя мѣста Сибири, другихъ въ городъ Архангельскъ. Послѣ этого приговора слѣдовало ихъ отправить въ Москву, но они оставались въ Украинѣ за карауломъ до апрѣля 1711 года. Предлогомъ къ такой отсрочкѣ служило появившееся въ краѣ моровое повѣтріе. Изъ этого видно, что все-таки смертная казнь не постигла ихъ. Если извѣстіе Нордберга о жестокихъ казняхъ, совершенныхъ надъ малороссійскими измѣнниками, не вовсе ложно, то оно можетъ относиться къ какимъ-нибудь запорожцамъ, взятымъ въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи.

Ромны, тогда за мною прислалъ Мазепа компанейщиковъ 50 человѣкъ, которые меня привезли въ Ромны и шведы отдали меня за караулъ. Жену свою до взятія своего за недѣлю я выслалъ въ Сумы и самъ хотѣлъ вслѣдъ за нею туда же ѣхать, но удержался для прибранія дому моего, потому что мои подданные стали бунтовать и домы грабить. Ни въ какой службѣ я прежде при Мазепѣ не былъ и уряда на мнѣ не было никакого.

Семенъ Лизогубъ показалъ: Былъ въ войскѣ, когда перешли Десну, но объ измѣнѣ не зналъ. Въ Черниговѣ домъ нашъ ломали для шатровъ и крѣпости и потому жена моя съѣхала въ Переяславъ къ дядѣ своему Томарѣ, нынѣшнему полковнику переяславскому, а потомъ вернулась опять въ Черниговъ. Ни въ какую службу меня Мазепа не посылалъ. Не разъ я пытался бѣжать, но меня ловили: одинъ разъ, какъ Мазепа шелъ черезъ разоренный Батуринъ, другой—въ Будищахъ.

Яковъ Гречаный показалъ: Въ войскѣ при переходѣ черезъ Десну я не былъ, а сидѣлъ дома въ Гадячѣ; когда шведы заняли Гадячъ я ушелъ въ Кіевъ, меня поймали на дорогѣ шведы, а я ушелъ отъ нихъ и ночевалъ въ Лохвицѣ у своего зятя; но на слѣдующее утро меня опять взяли шведы и повезли вмѣстѣ съ женою. До баталіи я не могъ уйти, потому что находился за карауломъ (Ibid.).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Карлъ послѣ пораженія.—Ужасъ Мазепы.—Отступленіе шведовъ.—Карлъ въ Новомъ Санжаровѣ.—Кобыляки.—Переволочна.—Толки о переправѣ.—Упорство Карла.—Король соглашается на переправу.—Переправа Мазепы.—Послѣднія распоряженія Карла.—Помощь, оказанная запорожцами.—Переправа короля и шведовъ.—Прибытіе Меншикова съ войскомъ.—Упадокъ духа въ шведскомъ войскѣ.—Капитуляція шведскаго войска.—Отчаяніе запорожцевъ.—Бѣгство шведовъ и мазепинцевъ за Днѣпромъ въ степи.—Недостатокъ съѣстнаго.—Погоня за бѣглецами.—Прибытіе къ Бугу.—Толки съ турецкимъ пашею.—Переправа черезъ Бугъ.—Русскіе берутъ въ плѣнъ шведовъ, не успѣвшихъ переправиться.—Прибытіе въ Бендеры.—Пріемъ, оказанный сераскиромъ.—Смерть и погребеніе Мазепы.—Новый гетманъ.—Историческое значеніе личности Мазепы.

Карлъ XII, убѣгая отъ погони съ поля битвы, достигъ своего обоза въ первомъ часу пополудни и увидѣлъ тамъ раненыхъ генерала Мейерфельда и полковника Гіерта. Верховая ѣзда, и притомъ быстрая, развередила рану короля и причинила ему страданіе. Онъ кричалъ: «снимите меня съ лошади и посадите въ коляску!» Карла сняли и внесли въ шатеръ. Онъ съѣлъ холоднаго жаркого и спрашивалъ про своихъ генераловъ, которыхъ не видалъ близъ себя. «Гдѣ Реншильдъ?»—«Въ плѣну» отвѣчали ему. «Гдѣ тотъ, гдѣ другой генералъ, гдѣ Пиперъ?»—«Въ плѣну,»

былъ одинъ отвѣтъ. «Въ плѣну у русскихъ!—воскликнулъ король.—Да это хуже чѣмъ у турокъ... Впередъ!» Онъ думалъ сначала, что съ русскими придется еще схватиться. Но тутъ одинъ за другимъ возвращались съ поля битвы растрепанные отряды пораженнаго войска. Явился къ королю и Мазепа, во все время битвы находившійся въ своемъ шатрѣ въ обозѣ.

Намъ теперь трудно вообразить себѣ тѣ ужасныя минуты, которыя переживалъ тогда украинскій гетманъ. Всѣ надежды его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его кончалась. Ни на что не пригодился ему весь рядъ коварствъ и козней, которыми такъ богатъ былъ пройденный имъ путь. Уже скоро послѣ своей измѣны сталъ онъ предчувствовать неудачу. Уже не разъ сожалѣлъ онъ, что ступилъ на скользкую дорогу, и пробовалъ сойти съ нея, но ему не удалось. Тоска и раскаяніе мучили его уже не одинъ день. И вотъ ударилъ рѣшительный, страшный часъ. Медлить было невозможно. Никто въ побѣжденномъ станѣ не имѣлъ такого повода страшиться, какъ Мазепа. Русскіе съ минуты на минуту могли появиться, взять его и повезти—куда?—къ царю! Что тамъ ожидало его—отъ одного воображенія должна была останавливаться въ жилахъ кровь у слабаго старика. Онъ принялся просить, умолять Карла немедленно бѣжать съ остатками силъ своихъ въ турецкія владѣнія. Не было иного притона. Въ Польшу невозможно было пробраться. Однѣ русскія силы преслѣдовали бы бѣгущихъ сзади, а за Днѣпромъ стоялъ Гольцъ съ другими. Бѣжать степью въ Турцію казалось тогда самымъ подходящимъ дѣломъ. Запорожцы брались перевезти короля черезъ Днѣпръ [1]).

«Позвать Левенгаупта!» закричалъ король.

Прибылъ Левенгауптъ.

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 283.

«Ну, что теперь намъ дѣлать?» спрашивалъ Карлъ.

Левенгауптъ сходился въ мнѣніи съ Мазепою.

«Ваше величество!—отвѣчалъ онъ, — остается поступить такъ, какъ сдѣлано было подъ Лѣснымъ: бросить всѣ тяжести, артиллерію, провіантъ, аммуницію, лошадей распредѣлить между воинами, сколько кто можетъ взять, а остальное все сжечь и уходить какъ можно скорѣе. Русскіе скоро здѣсь будутъ».

Воспоминаніе о Лѣсномъ не понравилось Карлу. Онъ никакъ не могъ забыть этой неудачи своего лучшаго генерала. Карлъ услалъ Левенгаупта по какому-то незначительному поводу. Тогда Мазепа опять сталъ настаивать, чтобъ уходить какъ можно скорѣе. Къ нему присоединили свой голосъ нѣкоторые шведскіе военачальники: всѣ хоромъ умоляли Карла не терять времени и уходить. Карлъ все еще храбрился, кричалъ, что бѣгство постыдно, что лучше биться съ врагомъ до послѣдней капли крови, когда онъ наступитъ, но потомъ, наконецъ, склонился на усиленныя моленія Мазепы и своихъ генераловъ. Впрочемъ, онъ далъ приказъ отступленія совершенно противный тому, что совѣтовалъ Левенгауптъ: онъ приказалъ забирать съ собою весь багажъ и артиллерію съ 31 пушкою и двигаться вдоль Ворсклы по направленію къ ея устью. Въ виду у него было присоединить къ себѣ отряды шведскаго войска, разставленные въ городахъ: Ново-Санжаровѣ, Бѣликахъ, Кобылякахъ и Соколкахъ. Карлъ, вмѣстѣ съ Мазепою, сѣлъ въ коляску генерала Мейерфельда. Вечеромъ шведы двинулись съ распущенными знаменами. Они надѣялись переправиться черезъ Днѣпръ у Переволочны, какъ обѣщали имъ запорожцы. Но русскіе успѣли уже заранѣе истребить тамъ суда и паромы.

Шведскія войска шли довольно медленно и спокойно, такъ что отступленіе ихъ на первыхъ порахъ не походило на бѣгство. Кромѣ военной силы, при шведскомъ обозѣ

было множество рабочихъ малороссіянъ; были тамъ сверхъ того и поселяне, привозившіе въ шведскій станъ живность на продажу. Карлъ не хотѣлъ, чтобъ эти люди попались въ руки великороссіянъ и приказалъ не спѣшить, чтобы дать имъ время уйти [1]).

Передъ свѣтомъ на другой день Карлъ былъ въ Новомъ Санжаровѣ. Хирургъ перевязалъ ему раненую ногу; Карлъ уснулъ глубокимъ сномъ. Но едва сталъ заниматься день, какъ короля разбудили.

«Русскіе гонятся за нами, ваше величество,—сказали ему.—Прикáжете слѣдовать далѣе?

«Дѣлайте, что хотите!» отвѣчалъ Карлъ.

Тогда генералъ Крейцъ, взявши на себя отвѣтственность, сталъ поступать такъ, какъ совѣтовалъ прежде Левенгауптъ. Зажгли тяжелый багажементъ, а лошадей роздали пѣхотѣ. Съ этой поры походъ сталъ совершаться такъ быстро, что русскіе не успѣвали гнаться за шведами. Въ погоню за ними шли еще только генералы Голицынъ и Боуэръ; Меншиковъ съ корпусомъ выступилъ только послѣ полудня 28-го числа [2]). Съ Карломъ въ этотъ день случилось приключеніе: коляска его повредилась и онъ принужденъ былъ приказать посадить себя снова на лошадь, а съ наступленіемъ ночи съ 28-го на 29-е число король заблудилъ въ лѣсу и это, разумѣется, замедлило еще болѣе бѣгство шведовъ [3]). Къ счастію шведовъ, Меншиковъ съ своимъ корпусомъ былъ еще не близко. На разсвѣтѣ бѣглецы добрались до Кобылякъ. Къ восьми часамъ утра прибылъ туда Меншиковъ. Но шведовъ тамъ уже не было; только, при переходѣ черезъ рѣчку Кобылячку, шведскій аріергардъ задерживалъ переправу рус-

[1]) Ibid., стр. 284.

[2]) *Туманскій*: „Записки о Петрѣ Великомъ“, т. IX, стр. 8.

[3]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 399.

скихъ съ цѣлію дать время уйти далѣе своему войску съ королемъ [1]).

Къ вечеру 29-го числа бѣглецы достигли Переволочны. Она была расположена въ углу, образуемомъ Днѣпромъ и устьемъ впадающей въ него Ворсклы. Пространство между этими рѣками было не велико, покрыто болотистыми топями и открыто для непріятельскихъ выстрѣловъ, если они начнутся съ возвышенностей. Не было ни судовъ, ни паромовъ, не было и людей въ Переволочнѣ; торчали только груды развалинъ послѣ посѣщенія ея русскими. Шведы успѣли отыскать запасъ строеваго дерева, годнаго для постройки паромовъ, но имъ не доставало ни цѣпей, ни веревокъ, а главное—недоставало времени: непріятеля могли ожидать каждую минуту. Нельзя было помышлять объ отпорѣ: мало было у шведовъ пушекъ, ядеръ не было, порохъ былъ подмоченъ и войско упало духомъ. Господствовалъ безпорядокъ; незамѣтно было ни заботливости о спасеніи арміи, ни дисциплины. Король, всегда отважный и самонадѣянный, все еще вѣрилъ въ стойкость своихъ шведовъ и въ волшебную силу своихъ рѣчей.

«Пусть только увидятъ меня солдаты верхомъ на лошади,—станутъ они сражаться также храбро, какъ и прежде», говорилъ онъ.

«Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ ему Гилленкрокъ,—если непріятель явится, то многіе наши солдаты или положатъ оружіе, или бросятся въ воду, чтобы спасти свою честь».

[1]) Письмо Меншикова къ царю изъ Кобылякъ въ 8 часовъ утра 29 іюня: „Поздравляю ваше величество съ днемъ тезоименитства. Мы сейчасъ съ кавалеріею пришли до Кобылякъ и черезъ рѣчку Кобылячку переправляемся, гдѣ отъ непріятеля была стрѣльба, не хотѣлъ нашихъ пропустить. Однако мы съ помощію Божіею чуть не всѣ перебрались, и какъ переберемся, то съ помощію Божіею за ними слѣдовать будемъ“ (Госуд. Арх. Письма Меншикова).

Тотчасъ стало оказываться, что король заблуждался насчетъ воинственной стойкости своихъ воиновъ. Многіе самовольно стали овладѣвать паромами, приготовленными ихъ товарищами для себя, а не для нихъ [1]). Тогда Мазепа сталъ умолять короля переправиться какъ можно скорѣе черезъ Днѣпръ и уходить въ турецкія владѣнія. Стали разсуждать, какимъ путемъ уходить, потому что представлялось два пути: въ Крымъ къ хану—подручнику турецкаго султана, или въ Бендеры—къ сераскиру-пашѣ. Многіе склонялись къ тому, чтобъ уходить въ Крымъ, полагая, что тамъ за нихъ станетъ готовая воинственная сила орды. Случившійся здѣсь какой-то татарскій мурза обѣщалъ Левенгаупту самъ проводить войско черезъ степь. На пути въ Крымъ,—представлялъ онъ, — послѣ Днѣпра не будетъ уже большихъ рѣкъ, черезъ которыя трудно было бы переправиться. Но Мазепа совѣтовалъ избрать путь на Бендеры. «Слѣдуя въ Крымъ,—говорилъ онъ,— намъ придется проходить слишкомъ большое степное пространство и русскіе, погнавшись за нами съ большою силой, могутъ нагнать насъ, тогда какъ много-много на пятый день мы уже достигнемъ границы и будемъ безопасны» [2]). Король не рѣшался ни на то, ни на другое; онъ никакъ не могъ побѣдить въ себѣ чувство стыда при мысли, что онъ побѣжитъ отъ непріятеля.

Тогда Левенгауптъ, уговаривая короля, сталъ передъ нимъ на колѣни и говорилъ:

«Всемилостивѣйшій государь! дозвольте спасти вашу особу, пока еще возможно. Если непріятель сюда явится, то всѣхъ насъ истребитъ или въ плѣнъ заберетъ».

«Нѣтъ, нѣтъ, ни за что,—говорилъ съ жаромъ король,— не покину своихъ солдатъ. Вмѣстѣ будемъ обороняться, вмѣстѣ погибнемъ!»

[1]) *Fryxel*, нѣм. перев., ч. I, стр. 182.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 293.

«Невозможно,—говорилъ Левенгауптъ:—солдаты видимо упали духомъ; мѣстоположеніе здѣсь неудобно для обороны. Повторяю: насъ непремѣнно или истребятъ, или въ плѣнъ заберутъ. Богъ поставилъ ваше величество правителемъ народа и вы должны будете отдать Богу отчетъ за него. Если спасете вашу особу, то найдете еще способъ спасти отечество и всѣхъ насъ, своихъ несчастныхъ подданныхъ. Если же попадете въ непріятельскія руки, тогда все пропало.»

«Я,—сказалъ рѣшительно король, — согласенъ скорѣе попасть въ непріятельскія руки, чѣмъ умышленно покинуть войско.»

Пришелъ Гилленкрокъ и присталъ къ совѣту Левенгаупта.

«А что будетъ со мною, если русскіе возьмутъ меня въ плѣнъ?» спрашивалъ король.

Гилленкрокъ отвѣчалъ:

«Сохрани насъ Богъ отъ этого!...Но еслибы такая бѣда насъ постигла, то русскіе влачили бы вашу особу съ тріумфомъ по своей землѣ и вынудили бы отъ васъ унизительныя для Швеціи условія.»

На это Карлъ сказалъ:

«Шведы не будутъ обязаны соблюдать условія, вынужденныя отъ меня насиліемъ».

«Вы сами,—сказалъ Гилленкрокъ,—не предадите себя такому безчестію и не подумаете о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, чтобъ они нарушили обѣщанія, данныя ихъ королемъ хотя бы вслѣдствіе насилія.»

Карлъ вдругъ опомнился и сказалъ:

«Господа! не вѣрьте тому, что я сейчасъ говорилъ».

Но когда генералы принялись снова его уговаривать, Карлъ уже не возражалъ имъ, а порывисто произнесъ:

«Господа, оставьте меня въ покоѣ!»

Всѣ въ тихой скорби отъ него удалились. Но вошелъ

къ королю генералъ Крейцъ и неизвѣстно, одумался ли король, или рѣчи Крейца подѣйствовали на него болѣе, чѣмъ рѣчи Левенгаупта и Гилленкрока, только Крейцъ, вышедши отъ короля, сказалъ генераламъ:

«Король рѣшается оставить свою армію и переправиться черезъ Днѣпръ [1]).

Мазепа, видя упорство короля, которое могло довести до того, что появятся русскіе, сталъ заботиться о собственномъ спасеніи и не дожидаясь болѣе, чѣмъ кончатся толки у короля съ его генералами, поспѣшилъ воспользоваться стоявшими судами и часовъ въ шесть вечера переправился черезъ Днѣпръ съ своими единомышленниками и съ нѣсколькими козацкими госпожами [2]). Онъ успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми монетами [3]). Мазепа заторопился бѣжать именно тогда, когда у короля съ генералами шла рѣчь о томъ, что́ станется съ королемъ, если его возьмутъ въ плѣнъ: онъ зналъ, что какъ ни тяжелъ былъ бы такой плѣнъ для шведскаго короля и для шведскаго войска, но о томъ, что сталось бы съ нимъ, приходилось уже думать только ему самому, а не его союзникамъ. Говорятъ, что въ это время Карлъ высказалъ Мазепѣ свое неудовольствіе и назвалъ его своимъ обольстителемъ, и хотя шведскій историкъ [4]), сообщая это свѣдѣніе, отвергаетъ его, но оно не лишено правдоподобія, тѣмъ болѣе, что самъ этотъ историкъ не находился тогда уже при королѣ.

Послѣ отплытія Мазепы, король назначилъ Левенгаупта главнокомандующимъ оставляемой на берегу Днѣпра арміи, а съ собою переправляться черезъ Днѣпръ опредѣлилъ генераламъ Акселю Спарре, Лагеркронѣ, генералъ-квартир-

1) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 184.

2) *Nordberg*, франц. пер., ч. III, стр. 317.

3) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 185.

4) *Nordberg*, стр. 318.

мейстеру Гилленкроку, полковникамъ Герду, Гіертѣ, Дальдорфу и Гротгузену, статсъ-секретарю Мюллерну, нѣсколькимъ писцамъ и служителямъ. Для прикрытія взялъ онъ изъ войскъ, не участвовавшихъ въ полтавскомъ сраженіи, 1.100 человѣкъ и сверхъ того оставшихся цѣлыми драбантовъ и такъ-называемыхъ одноупряжныхъ (einspänner). Нѣкоторые офицеры и солдаты заранѣе успѣли уйти за Днѣпръ и могли пристать къ королю въ степи, такъ что всей военной силы, сопровождавшей короля въ Турцію, могло набраться отъ двухъ до трехъ тысячъ [1]).

Гилленкрокъ успѣлъ отыскать на берегу Ворсклы нѣсколько паромовъ и пустить ихъ до Переволочны. На эти паромы посадили избранное войско [2]). Запорожцы проводили черезъ Днѣпръ шведскихъ лошадей и приводили въ изумленіе своихъ иноплеменныхъ союзниковъ ловкостію, съ какою они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей. Когда королю приближалось время переправляться, то кромѣ тѣхъ, которыхъ король назначилъ для переправы съ собой, на берегу стали толпиться шведскіе солдаты, пытаясь и сами, вслѣдъ за прочими, какимъ нибудь способомъ перебраться за рѣку. Ломали багажныя телѣги, усаживались на нихъ, и на такихъ, на-скоро сработанныхъ, плотахъ пускались въ волны, а вмѣсто веселъ употребляли телѣжныя колеса. Однако, сравнительно немного нашлось тогда шведовъ, которые такимъ способомъ перебрались на противоположный берегъ. Нѣкоторые тутъ же утонули. Запорожцы переправляли войско, отобранное королемъ и посаженное на паромахъ. Они приготовляли веревки, одинъ конецъ вправляли въ паромъ, а другой держали въ рукахъ, и даже брали въ зубы, и такимъ образомъ, плывя верхомъ на своихъ лошадяхъ,

[1]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 184.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III стр. 293.

[2]) *Fryxel*, ч. I, стр. 185.

перетащили союзниковъ на другой берегъ. Переправа окончилась въ одиннадцать часовъ ночи. Въ это время понесли и короля на берегъ рѣки, чтобы посадить его для отплытія. Успѣли взять его серебряный сервизъ и немалыя денежныя суммы, доставшіяся ему съ контрибуціи, наложенной на Саксонію. Короля посадили въ коляску, самую же коляску поставили на двухъ суднахъ, такъ что переднія колеса стояли на одномъ, а заднія на другомъ.

У берега подошелъ къ нему Левенгауптъ и сказалъ: «Ваше величество, всемилостивѣйшій государь! я человѣкъ небогатый. Если со мною что нибудь случится, не оставьте моей жены и дѣтей, чтобъ имъ не пришлось нищенствовать».

«Ваша просьба будетъ исполнена, -- отвѣчалъ король,—только и вы исполните въ точности мои приказанія, —сохранить въ цѣлости войско и перейти въ татарскую степь.

Левенгауптъ поцѣловалъ королю руку.

Въ полночь отчалили отъ берега. 12 драбантовъ служили королю гребцами [1]).

Отправивши своего короля, утомленное до крайности войско легло спать, а для безопасности оставлены были караулы [2]).

Утромъ Левенгауптъ и Крейцъ стали приводить въ извѣстность и порядокъ свои военныя силы. Тутъ Крейцъ первый провозгласилъ зловѣщую новость: «Мы опоздали,— Меншиковъ уже за высотами». Вслѣдъ затѣмъ на возвышеніи появилось 9.000 русской кавалеріи съ прибавкою пѣхоты. Русскіе отъ одного пойманнаго шведскаго полковаго квартирмейстера узнали уже о бѣгствѣ короля за

[1]) Ibid., стр. 186.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 293.—*Nordberg*, франц. пер., ч. III, стр. 318.

[2]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 294.

Днѣпръ. Такимъ образомъ главная цѣль—взятіе въ плѣнъ короля и Мазепы—достигнута быть не могла [1]). Оставалось русскимъ раздѣлаться съ оставшимся шведскимъ войскомъ.

Но русское войско было тогда чрезвычайно истомлено быстрымъ маршемъ. Меншиковъ приказалъ бить въ барабаны, чтобы шведамъ показалось, что на нихъ идетъ большая сила, а князь Михайло Голицынъ позади войска, вдали, поставилъ нѣсколько сотъ лошадей съ солдатами при нихъ, чтобъ издали они могли показаться шведамъ еще однимъ наступающимъ корпусомъ русскихъ войскъ. Въ шведскомъ войскѣ сразу наступило уныніе и Левенгауптъ сообразилъ, что нечего и думать бороться съ непріятелемъ. Онъ послалъ къ Меншикову генерала Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и капитана Дугласа узнать, не расположенъ ли русскій военачальникъ, не вступая въ бой, заключить какія-либо условія. Меншиковъ отъ имени царя объявилъ имъ, что они должны сдаться на капитуляцію какъ военноплѣнные и выдать побѣдителямъ всѣ запасы и оружіе. Шведы, чтобы дать время своему королю уѣхать подалѣе, думали тянуть переговоры о сдачѣ и просили у Меншикова дозволенія снестись о такомъ важномъ дѣлѣ съ Левенгауптомъ. Меншиковъ дозволилъ Дукеру ѣхать къ Левенгаупту, а Крейца съ другими его товарищами задержалъ. Тогда Крейцъ, находясь у русскихъ въ станѣ, видѣлъ непріятную для него сцену: козаки приводили плѣнными къ Меншикову шведовъ, бѣжавшихъ изъ шведскаго лагеря, а другіе шведы кучками сами являлись въ русскій станъ, заранѣе избѣгая возможности сраженія, котораго не надѣялись выиграть. Левенгауптъ, получивъ черезъ полковника Дукера требованіе Меншикова, собралъ воен-

[1]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 83.

ный совѣтъ. Шведовъ было отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ, но изъ нихъ тысячъ до пяти было нездоровыхъ и раненыхъ, такъ что годныхъ къ бою могло набраться не болѣе какъ отъ восьми до девяти тысячъ. Левенгауптъ сказалъ полковникамъ: «Проѣзжайте по своимъ полкамъ и спросите солдатъ, будутъ ли они драться».

Когда сдѣланы были полковниками такіе запросы, три полка объявили, что готовы биться на жизнь и на смерть. Мужественнѣе всѣхъ заявила себя рота Альбедиля, состоявшая изъ самыхъ опытныхъ солдатъ. Когда подошли къ нимъ, они лежали на землѣ и читали молитвенники. Имъ сдѣлали запросъ. «Зачѣмъ это насъ спрашиваютъ?— сказали они, поднявши головы.—Насъ прежде не спрашивали; скажутъ, бывало, только: впередъ!—и мы идемъ». Но иные не съ такою охотой отзывались, хотя и не противились изъ чувства стыда, чтобы не показаться трусами; нѣкоторые же не дали никакого отвѣта. Обо всемъ этомъ принесъ Дукеръ извѣстіе Левенгаупту, замѣтивши тогда же, что тѣ, которые больше обѣщаютъ и храбрятся, первые убѣгаютъ. Дисциплины въ войскѣ совсѣмъ не стало. Солдаты самовольно расхищали багажъ.

Между тѣмъ Меншиковъ, вслѣдъ за Дукеромъ, прислалъ парламентера къ Левенгаупту и торопилъ шведскаго военачальника скорѣйшимъ отвѣтомъ. Левенгауптъ выпросилъ еще одинъ часъ и поѣхалъ самъ лично обозрѣвать свое войско. Онъ узналъ, что во многихъ полкахъ не достаетъ уже половины солдатъ, а многіе сдались уже русскимъ, не дождавшись команды. Ясно было, что Меншиковъ не станетъ уже ждать болѣе, и надобно было на что нибудь рѣшаться. Въ полдень Левенгауптъ, соображая, что король уже отъѣхалъ далеко, послалъ сказать Меншикову, что сдается на капитуляцію. Запорожцы умышленно были изъяты отъ капитуляціи Меншиковымъ. Узнавши это, они бросались въ рѣку, предпочитая до-

бровольную смерть мукамъ, которыя ожидали бы ихъ, еслибъ они сдались русскимъ. Ихъ примѣру послѣдовали нѣкоторые раненые шведы; они не хотѣли идти въ плѣнъ къ русскимъ, которыхъ считали лютыми варварами. Они срывали сами съ себя повязки и бросались въ Днѣпръ. Два шведскихъ офицера прокололи другъ друга шпагами. Но большинство вообще было довольно. Сдались въ качествѣ военноплѣнныхъ: три генерала, 11 полковниковъ, 14 подполковниковъ, 20 маіоровъ, 250 капитановъ, 300 поручиковъ, 320 корнетовъ и фендриховъ и отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ рядовыхъ [1]). По русскимъ извѣстіямъ число плѣнныхъ, по одному [2]) простиралось до 16.275 человѣкъ, по другому [3]) 15.753, по ретьему [4]) всѣхъ взятыхъ въ полтавскомъ бою и въ Переволочнѣ—16.947 [5]).

[1]) *Fryxel*, ч. I, стр. 186—192.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 296 - 298.—*Nordberg*, франц. пер., стр. 320.—Specification 1709.

[2]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XVI, стр. 23—37.

[3]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 83.

[4]) *Соловьевъ*: „Истор. Россіи“, т. XV, стр. 379.

[5]) Письмо Меншикова къ царю изъ Переволочны 30 іюня, въ 2 часа по полудни: „Сего числа мы непріятеля здѣсь въ Переволочнѣ настигли, который сталъ уже перебираться, а имянно: король самъ съ драбантами и съ Мазепою перебрался прошедшей ночи, а на сей сторонѣ остался Левенгауптъ, который противъ насъ въ ордеръ баталію построился. А какъ мы усмотрѣли, что не въ маломъ числѣ обрѣтаются, а имянно, что по послѣдней мѣрѣ будетъ у него войска около восьми тысячъ, того ради разсудили мы, что если съ такимъ не безсильнымъ и отчаяннымъ непріятелемъ въ бой вступить, то не безъ великаго урона у насъ было бы и для того я, построя своихъ людей противъ онаго непріятеля въ ордеръ баталію, послалъ къ нему Левенгаупту своего генералъ-адъютанта съ такимъ предложеніемъ, что понеже они къ спасенію своему никакого иного способа не имѣютъ, то хотятъ ли сдаться на аккордъ или нѣтъ. На что отповѣдью присланъ къ намъ генералъ Крейцъ, и хотя отъ онаго и были къ ихъ пользѣ нѣкоторые запросы, однако съ малою имъ пользою тотъ ак-

Всѣ запорожцы лишены были всякой надежды на сколько нибудь милостивое и человѣколюбивое снисхожденіе къ себѣ, но не у всѣхъ достало отчаянной рѣшимости утопиться въ Днѣпрѣ. Со шведскимъ войскомъ взято было ихъ въ плѣнъ русскими 220 человѣкъ [1]).

Вслѣдъ за Меншиковымъ пріѣхалъ въ Переволочну самъ государь. Тогда бывшіе съ Мазепою малороссіяне, не успѣвшіе съ нимъ переправиться, терпя голодъ, рѣшились отдаться на милосердіе государя. По извѣстію Голикова, царь оказалъ всѣмъ имъ пощаду, ограничивши кару надъ ними только тѣмъ, что приказалъ ихъ обратить изъ козаковъ въ посполитство, т. е. въ мужиковъ, и запретилъ имъ носить оружіе [2]). Это вѣроятно были прежніе мужики, только недавно поступившіе въ козаки, по приглашенію Мазепы, увлекшись давно уже господствовавшею въ посполитствѣ страстію окозачиваться. Такихъ было тогда 2.700 человѣкъ. Не такъ милостиво относился царь къ запорожцамъ, которые съ своею Сѣчею были уже обречены царемъ на истребленіе въ видахъ государственной безопасности и спокойствія. Ихъ заковали и болѣе виновныхъ отправили на казнь, а другихъ на вѣчныя времена въ Сибирь. Государь принялъ очень ласково плѣннаго Левенгаупта и всѣхъ его офицеровъ. Узнавши отъ нихъ, что шведскій король побѣжалъ въ Турцію, Петръ отправилъ въ погоню за нимъ бригадира Кропотова и генералъ-маіора Волконскаго съ четырьмя конными полками.

кордъ учиненъ и всѣхъ ихъ какъ генераловъ, такъ и прочихъ офицеровъ и рядовыхъ со всею аммуниціею черезъ тотъ аккордъ мы приняли, которые сего числа пришли и всѣ строемъ кладутъ оружіе и нашъ караулъ къ нимъ приставленъ. Также и плѣнные наши, колько ихъ въ непріятельскихъ рукахъ было, всѣ выручены, межъ которыми и зять мой и иные многіе офицеры" (Гос. Арх. Письма Меншикова).

[1]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XVI, стр. 36.

[2]) Ibid., стр. 45.

Шведскій король съ остаткомъ своей арміи и Мазепа съ кучкою соумышленниковъ бѣжали по дикой степи въ совершенномъ бездорожіи. Сначала за Днѣпромъ почва была болотиста, покрыта кое-гдѣ камышомъ и осокою, но потомъ бѣглецы очутились въ необозримой степной равнинѣ, въ которой однообразіе нарушалось кое гдѣ выдававшимися изъ степнаго уровня возвышеніями. По всѣмъ сторонамъ не могъ увидѣть глазъ ни человѣческаго жилья, ни людей, ни домашнихъ животныхъ; бѣглецы увидали только множество дичи въ высокой травѣ, никогда не кошеной и не сожигаемой. Не было ни малѣйшаго признака лѣса. Туда шелъ путь въ Брацлавское воеводство,— путь, по которому ходили чумаки: тамъ была проложенная послѣдними дорога; тамъ были еще развалины прежняго жительства, уничтоженнаго эпохою *руины*. Бѣглецы не пошли по этому пути, потому что ихъ тамъ могли удобнѣе нагнать русскіе. Они свернули влѣво и пошли не по проложенной дорогѣ, а по такой дѣвственной степи, что, казалось, нога человѣческая не ходила тамъ съ сотворенія міра. Идучи по степи, шведы охотились за дичью и за одичалыми овцами, которыхъ встрѣчали тамъ во множествѣ. У нѣкоторыхъ шведовъ сохранилась провизія, взятая съ собою. По замѣчанію очевидцевъ, нужда заставила всѣхъ дѣлаться бережливыми и скупыми; всѣ припрятывали полученную добычу. Самъ король ѣлъ овсянку. Все войско было раздѣлено на двѣ половины: одна шла за королемъ, другая за Мазепою и его козаками. Конные ѣхали верхомъ; у рѣдкихъ не было въ началѣ лошадей; пастбища были превосходныя; дикая степь для лошадей представляла болѣе удобствъ, чѣмъ для людей. Самъ Мазепа ѣхалъ въ коляскѣ съ какою-то козацкою госпожею, которая, какъ видно, ухаживала тогда за дряхлымъ старикомъ. Потрясенный послѣднимъ пораженіемъ, онъ видимо приближался къ своему концу: постоянно лежалъ въ

подушкахъ, едва въ состоянiи былъ привстать на ноги, и притомъ находился въ ужасающей душевной тревогѣ, ожидая съ минуты на минуту русской погони, отъ которой отбиться было уже невозможно. Тѣмъ не менѣе злосчастный измѣнникъ приносилъ еще своимъ союзникамъ большую пользу. Ему были извѣстны всѣ пути по этой дикой степи; онъ ходилъ по ней много разъ и въ молодости, и во время своего гетманства, когда воевалъ турецкiе городки. Впрочемъ, не одинъ Мазепа, а и другiе бывшiе съ нимъ козаки обладали также знанiемъ примѣтъ въ безграничной степи и тѣмъ приводили въ изумленiе шведовъ. Первый день бѣглецы проколесили по степи подъ томительнымъ зноемъ въ безпрестанномъ страхѣ появленiя погони, а къ вечеру, руководимые Мазепою, добрались до какого-то болота. Тогда они обрадовались, думали, что послѣ знойнаго дня могли наконецъ прохолодиться и напиться воды. Но вода оказалась дурная, хотя солдаты все-таки набирали ее себѣ во фляги, такъ какъ вожди предупреждали ихъ, что на другой день долго не увидятъ воды. Тутъ бѣглецы постояли не болѣе двухъ часовъ и притомъ не выпуская изъ рукъ лошадей въ опасности заснуть и потерять ихъ, а нѣкоторые, не въ силахъ будучи преодолѣть усталости, задремали и лошади ушли отъ нихъ искать пастбища. Проснувшись, они должны были пѣшкомъ ловить ихъ, и было нѣсколько такихъ несчастныхъ, что не поспѣли за отходившими товарищами и остались въ степи на произволъ дикихъ звѣрей или русской погони. Въ два часа по полуночи бѣглецы двинулись далѣе, не выспавшись и не поѣвши какъ бы слѣдовало. На разсвѣтѣ они стали жаловаться на холодъ, который, къ ихъ удивленiю, казался для нихъ почти такъ же несноснымъ, какъ дневной зной. Съ восходомъ солнца продолжали бѣглецы спѣшить, а часамъ къ восьми началась такая же томительная жара, какъ и прежде, и еще хуже, потому

что не утолялась даже и маленькимъ вѣтеркомъ. Къ полудню увидали бѣглецы воду и сдѣлали привалъ. Вода здѣсь была чистая, гораздо лучше той, какою довольствовались на ночлегѣ, но голодъ безпокоилъ многихъ. Козаки, привыкшіе къ татарскимъ обычаямъ, рѣзали лошадей отставшихъ и неспособныхъ къ дальнѣйшему пути, сушили на солнцѣ мясо, или клали подъ сѣдло, чтобы оно тамъ помякло и согрѣлось; шведы отвращались отъ такой ѣствы. На бѣду здѣсь не видно было дичи. Простоявши три часа, бѣглецы отправились снова и продолжали свой путь до полуночи.

Въ слѣдующій, въ третій день своего пути (14 іюля нов. ст.) голодные бѣглецы увидали по сторонамъ зайцевъ, дикихъ овецъ, дрофъ и стрепетовъ. Они занялись охотою. Травы были такъ высоки, что овцы бродили въ нихъ какъ въ лѣсу, а птицы не могли летать высоко, и козаки не только ихъ стрѣляли, но даже ловили руками. Набрали они не мало такой добычи, но у нихъ недоставало дерева развести огонь. Тогда козаки показали шведамъ туземный, степной способъ топлива: они набрали конскаго навоза, скоро высушили его, благодаря необычному солнечному жару, и, смѣшавши съ сухою травой и камышомъ, сдѣлали кизякъ, развели огонь и приготовили себѣ жареную баранину и дичь. Шведы научались отъ нихъ такому неизвѣстному для нихъ способу. Другіе козаки въ густой травѣ нашли кустарники дикихъ вишень, на которыхъ, сообразно времени года, поспѣвали ягоды. Хотя онѣ были кислы, но зной и жажда мучили всѣхъ пуще голода, и эта находка показалась очень пригодною. Слѣдуя далѣе въ путь, шведы, по указанію козаковъ, безпрестанно бѣгали въ сторону рвать ягоды на вишневыхъ кустахъ.

На слѣдующій затѣмъ день (15 іюля н. с.) наткнулись бѣглецы на дорогу, которая вела изъ Брацлавскаго

воеводства въ Украину. По ней ѣхали чумаки съ солью. Козаки отняли у нихъ соль, чтобы не давать этого необходимаго матеріала непріятелю, которому соль должна была достаться. Они отняли также и лошадей, которыхъ также, по татарскому обычаю, употребили въ пищу. Такъ повѣствуетъ современникъ, хотя для насъ странно, что чумаки везли соль на лошадяхъ, а не на волахъ, какъ это обыкновенно водилось.

Вотъ уже проходилъ четвертый день, а погоня, которой всѣ такъ боялись, не показывалась. Русскій отрядъ Волконскаго и Кропотова, посланный царемъ за Днѣпръ, пустился въ степь, не зная хорошо ея примѣтъ, и напалъ на слѣдъ оставленный повозкою. Ѣхалъ какой-то больной шведскій офицеръ; онъ отсталъ отъ своихъ и заблудился. Хотя Волконскій, какъ говорили, надъ этимъ офицеромъ выместилъ свой собственный промахъ, но уже не могъ догнать короля; самый шведъ, котораго русскіе принуждали быть ихъ вожемъ, не могъ указать имъ пути [1]). Это-то неожиданное событіе спасло бѣглецовъ въ эти опасные дни.

Мазепа, слѣдившій за движеніемъ этого похода, объявилъ, что уже пройдена большая половина разстоянія между Днѣпромъ и Бугомъ; по его совѣту, Карлъ отправилъ польскаго генерала Понятовскаго и своего секретаря Клинковстрема къ турецкому коменданту очаковской крѣпости просить сообщить Дивану о прибытіи шведовъ и распорядиться приготовленіемъ судовъ для переправы черезъ Бугъ. «Паша,—говорилъ Мазепа,—мой давній пріятель и все для меня сдѣлаетъ». Понятовскій отправился, взявши съ собой козаковъ въ путеводители. Доѣхавши до Буга, онъ не увидалъ тамъ никакихъ признаковъ переправы и нашелъ тамъ только пять рыбаковъ, показав-

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 304. Записка Понятовскаго.

шихся ему по наружному ихъ виду разбойниками. Они за деньги перевезли его на лодкѣ на другой противоположный берегъ: это были уже турецкія владѣнія. Тамъ онъ нашелъ турецкихъ рабовъ, изъ которыхъ одинъ оказался понимавшимъ по-французки; съ нимъ могъ Понятовскій объясниться, не зная турецкаго языка. Турецкій рабъ далъ ему лошадь и Понятовскій на ней доскакалъ до Очакова. Остановившись въ городскомъ предмѣстьѣ, Понятовскій просилъ караульныхъ доложить объ немъ пашѣ, но паша заставилъ прождать его до 9 часовъ слѣдующаго утра. Когда, наконецъ, его допустили къ пашѣ и онъ изложилъ ему просьбу короля дать суда для перевозки, то паша оказался вовсе не такимъ любезнымъ, какимъ описывалъ его Мазепа. Онъ не прежде согласился, какъ послѣ предложенія ему 2.000 дукатовъ. Тогда паша сказалъ, что пришлетъ пять суденъ съ запасами для продажи шведамъ и на этихъ судахъ можетъ переправиться король. Понятовскій обратнымъ путемъ принесъ извѣстіе королю. Между тѣмъ паша очаковскій послалъ дать знать сераскиру въ Бендеры.

Тѣмъ временемъ шведы, отправивши впередъ Понятовскаго, шли за нимъ и вступили въ край нѣсколько отличный отъ той степи, которую проходили прежде. Они дошли до Великаго Ингула—первой рѣки, встрѣтившейся имъ послѣ Днѣпра. Почва была песчана и безтравна. Они перешли Ингулъ и достигали до Буга. Не доходя за милю отъ этой рѣки, пришлось имъ спать на ночлегѣ. И людямъ, и лошадямъ стало тяжело. Вмѣсто превосходной травы, на солонцеватой степи росло плохое зелье. И воды хорошей не было. Къ счастію, козаки отыскали маленькій родникъ, и когда разнесся объ этомъ слухъ, всѣ шведы бросились туда и въ одну минуту родникъ могъ быть исчерпанъ, такъ что къ роднику приставили караулъ, чтобы сохранить свѣжей воды по крайней мѣрѣ для ко-

роля. На этомъ ночлегѣ явилась близъ шведскаго стана стая волковъ, и своимъ страшнымъ воемъ произвела большой переполохъ. Шведы долго не могли сообразить, что это значитъ.

Утромъ 6 іюля (15 нов. ст.), послѣ двухчасоваго пути, бѣглецы приблизились къ Бугу, который въ этомъ мѣстѣ, уже за нѣсколько миль отъ своего устья, былъ шириною около двухъ верстъ. У берега стояли турецкія суда съ присланными турецкими запасами. Голодные шведы съ жадностію бросались покупать ихъ, но, не зная по-турецки, только пальцами указывали на то, что желали купить, а сами развязывали свои кошельки, и продавцы брали изъ нихъ, что хотѣли: шведы замѣтили, что турки съ особенною жадностію хватались за червонцы. Всего привезли въ изобиліи: баранины, говядины, куръ, хлѣба, сухарей, разныхъ пряностей, крымскаго и греческаго вина, преимущественно краснаго, смоквъ, которыя, по турецкому обычаю, продавались нанизанными наниткахъ. Баранина оказалась превосходнаго достоинства, хлѣбы были свѣжи и вкусны, вино пріятное и крѣпкое. Самъ король накупалъ всего этого для своихъ солдатъ, а одинъ турецкій купецъ представилъ ему въ даръ барана, нѣсколько куръ и хлѣба, за что король отблагодарилъ его 12 червонцами. Увидя это, другіе турки стали подносить Карлу дары, чтобъ и себѣ получить что нибудь отъ его щедротъ.

Но королю сообщили, что присылаютъ судно только одно, для переправы его лично съ нѣсколькими господами, а для переправы всего войска нужно подождать разрѣшенія изъ Константинополя. Ждать было невозможно. Козаки, рыскавшіе по сторонамъ, принесли извѣстіе, что уже русская погоня приближается. Волконскій, проблудивши въ степи, исправилъ свою ошибку: онъ потерялъ время, чтобы нагнать бѣглецовъ въ степи между Днѣпромъ

и Бугомъ, но потомъ напалъ на слѣдъ бѣгущихъ и шелъ къ Бугу. Король послалъ къ пашѣ снова, ссылался на то, что сераскиръ уже прежде обѣщалъ ему пріютъ въ Турціи съ его войскомъ. Паша остался непреклоненъ. Онъ дозволялъ переправиться только королю съ приближенными особами, а прочимъ шведамъ запретилъ давать суда. Нѣкоторые тогда же толковали, что очаковскій паша потому именно не пускаетъ шведовъ, что съ ними находится Мазепа и козаки: турки мстятъ теперь козакамъ за то, что они дѣлали нападеніе на Очаковъ. Другіе подозрѣвали даже, что турки нарочно хотятъ задержать шведовъ и козаковъ, чтобъ ихъ выдать русскимъ и за то получить отъ царя награду. Тогда шведы и козаки обратились къ купцамъ, пріѣхавшимъ съ товарами, и обѣщали имъ не мало денегъ, лишь бы они дали суда переправиться на другую сторону. Купцы артачились, хотѣли сорвать съ нихъ побольше и отговаривались тѣмъ, что не смѣютъ этого сдѣлать безъ дозволенія паши. Такъ прошелъ цѣлый день, прошла за нимъ ночь. Утромъ 8 іюля (18 нов. ст.) шведы самовольно начали хватать суда, бросая, однако, за нихъ деньги хозяевамъ, и поплыли. Въ одномъ суднѣ сѣлъ король съ Мазепою, генералы и козацкіе старшины; запорожцы были у нихъ гребцами. Хозяинъ судна, увидя, что королевскіе офицеры и драбанты хотятъ взять другое судно, поднялъ крикъ и требовалъ, чтобы шведы вернулись назадъ. Шведы не слушали. Турокъ кричалъ: стрѣлять!—шведы стали показывать ему карабины и сабли. Однако, все ограничилось взаимною перебранкою. Турки успокоились и даже помогали шведамъ и козакамъ въ переправѣ, потому что имъ заплатили по два червонца за каждаго человѣка. Козаки переправлялись вплавь, держась за хвосты своихъ лошадей. За полмили вверхъ они увидали отмель, поплыли туда и оттуда тѣмъ же способомъ удобнѣе добрались до противоположнаго берега.

По винѣ упрямаго очаковскаго паши, продержавшаго бѣглецовъ понапрасну на лѣвомъ берегу Буга, не всѣ шведы и козаки успѣли благополучно перебраться на турецкій берегъ. Наскочила русская кавалерія съ Волконскимъ, когда еще отъ 800 до 900 человѣкъ шведовъ не успѣли отчалить отъ берега. Часть ихъ была загнана въ рѣку и утонула; другіе, числомъ до пяти сотъ, были взяты въ плѣнъ и принуждены были совершать обратно пройденный уже ими путь по дикой степи; нѣкоторые изъ такихъ не вынесли утомленія и умерли. Были такіе, что, завидя русскихъ, бросались въ рѣку, но не утопились подобно своимъ отчаяннымъ товарищамъ, а запрятавшись въ тростникахъ, просидѣли тамъ до тѣхъ поръ, пока русскіе не отошли; потомъ благополучно перешли черезъ рѣку вплавь и соединились со своими. Удачно избѣжали бѣды и козаки, которые не успѣли прежде переправиться: они какъ только завидѣли русскихъ, тотчасъ пустились бѣжать въ широкую безпримѣтную степь; она многимъ изъ нихъ была извѣстна, а русскіе не осмѣливались искать ихъ тамъ, какъ въ морѣ.

Переправившись черезъ Бугъ, слѣдовало идти въ Бендеры. Путь лежалъ вблизи Чернаго моря вдоль Днѣстра. «Мы думали,—говоритъ шведскій описатель этого послѣдняго путешествія Карла съ Мазепой, — что теперь наши неудобства кончились, мы будемъ проходить черезъ жилыя мѣста, находить вездѣ пріютъ и средства содержанія. Но еще не пришелъ конецъ всѣмъ нашимъ печалямъ. Опять пустыня, зной, томительная жажда, безсонница». Теперь, правда, бѣглецамъ было что ѣсть, потому что за ними изъ Очакова ѣхали торгаши съ съѣстными припасами; они хотя были не высокаго достоинства и продавались по высокимъ цѣнамъ, но всетаки и то было хорошо, что шведы могли что-нибудь достать, а не терпѣть голодъ, какъ прежде. Нѣкоторые закупили себѣ въ Очаковѣ крытыя войлокомъ повозки въ одну лошадь, и такія повозки служили имъ

для спасенія отъ зноя, а ночью для спанья. Въ нихъ сберегали они себѣ и дорожные запасы.

Два дня простояли шведы близъ Очакова. Въ это время Карлъ отправилъ въ Константинополь нѣмца Нейгебауэра, который служилъ нѣкогда въ Московскомъ Государствѣ, былъ въ приближеніи у царя, училъ его сына, а потомъ перешелъ къ шведамъ. Король вручилъ ему письмо къ падишаху. Въ этомъ письмѣ король сообщалъ о своемъ несчастіи, просилъ дать ему убѣжище въ султанскихъ владѣніяхъ и оказать содѣйствіе къ возвращенію въ отечество черезъ Польшу. О полтавскомъ пораженіи и о бѣгствѣ шведовъ падишахъ уже зналъ отъ аги, бывшаго недавно у шведскаго короля и скоро побѣжавшаго домой, чтобъ извѣстить своего государя о томъ, что сталось подъ Полтавою.

На другой день послѣ отправки Нейгебауэра (23 іюля новаго стиля) пріѣхалъ къ Карлу отъ сераскира посланецъ изъ Бендеръ. Сераскиръ писалъ королю разныя мудрыя утѣшенія и приглашалъ въ Бендеры. Онъ присылалъ королю въ даръ разные турецкіе товары и между прочимъ превосходный шатеръ, въ чемъ дѣйствительно король нуждался. Крымскій ханъ прислалъ Карлу въ подарокъ коляску, запряженную четырьмя лошадьми. Король подарилъ обоимъ посланцамъ—и ханскому и сераскирову—по тысячѣ червонцевъ.

Послѣ продолжительнаго и спокойнаго пути по знойной аккерманской степи, полтавскіе недобитки достигли, наконецъ, Бендеръ 1 августа (10 новаго стиля). Тамъ королю сообщили, что царь посылалъ просить падишаха не принимать подъ свое покровительство измѣнника Мазепу, а выдать его царю. Падишахъ отвергъ такое домогательство. У мугамеданъ считалось противнымъ Корану выдавать тѣхъ, которые, будучи гонимы судьбою, прибѣгаютъ подъ ихъ покровительство. Царскій посолъ Толстой напрасно

предлагалъ великому муфтію 300.000 талеровъ за содѣйствіе къ выдачѣ Мазепы. Два раза сряду была повторена царемъ такая просьба къ падишаху (іюля 10-го и 27-го стараго стиля). Подобное предложеніе царь сдѣлалъ и своему сопернику. Пока была надежда поймать бѣжавшаго изъ-подъ Полтавы шведскаго короля, Петръ задержалъ присланнаго къ нему генерала Мардефельда; но узнавши, что соперникъ перебрался въ турецкія владѣнія, царь отпустилъ Мардефельда и бывшаго въ плѣну королевскаго секретаря Цедергельма и поручилъ имъ словесно сообщить шведскому королю, что онъ, царь, готовъ заключить миръ, если Карлъ уступитъ ему всю Ингрію, Карелію съ городомъ Выборгомъ, Эстляндію съ городомъ Ревелемъ и Лифляндію, признаетъ Августа польскимъ королемъ и выдастъ царю измѣнника Мазепу. Такія условія были сообщены Карлу въ Бендерахъ. Король отвергъ ихъ и особенно раздражился за требованіе выдать Мазепу. Въ такомъ смыслѣ онъ послалъ протестъ свой графу Пиперу, находившемуся въ плѣну. Когда Петру сообщили этотъ протестъ, онъ замѣтилъ, что его требованіе относительно выдачи Мазепы таково, каково было требованіе Карла отъ Августа выдать ему Паткуля. Это настойчивое желаніе гнѣвнаго царя во что бы то ни стало добыть въ свои руки павшаго измѣнника окончательно потрясло старика. Его жизненныя силы и безъ того уже были такъ надорваны послѣдовательными ударами судьбы, что нужна была необыкновенно твердая, закаленная въ бѣдахъ, козацкая натура, чтобъ эти силы еще держались. Теперь онѣ окончательно исчезли. Сераскиръ принялъ Мазепу ласково, сообщилъ ему, что падишахъ приказывалъ беречь его; но Мазепа хорошо зналъ нравы и обычаи мусульманскаго Востока. Онъ зналъ, что при оттоманскомъ дворѣ червонцы пользуются громаднымъ могуществомъ. Если Петръ, котораго Мазепа зналъ всегда бережливымъ, не щадилъ уже большихъ суммъ единственно изъ-за того

только, чтобы добыть хилаго старика въ свои руки, то Мазепа могъ опасаться, что еще два-три такихъ настойчивыхъ домогательства, сопровождаемыхъ подарками, и Диванъ прикажетъ его выдать. Этотъ страхъ ускорилъ разрушеніе одряхлѣвшаго организма. Съ прибытія своего въ Бендеры Мазепа уже не покидалъ постели и съ каждымъ днемъ угасалъ все болѣе и болѣе. Онъ умеръ 22 августа. Распространяли слухъ, будто онъ, отъ страха быть выданнымъ Петру, отравилъ себя ядомъ, но это извѣстіе не имѣетъ за собою никакой исторической достовѣрности. Тѣло его было, по распоряженію Войнаровскаго, отвезено Григоріемъ Герцикомъ въ Галацъ и тамъ опущено въ землю, вѣроятно въ тамошнемъ монастырѣ. По шведскимъ источникамъ, спустя немного времени, перевезли гробъ его въ Яссы и тамъ совершили торжественные похороны. Карлъ присутствовалъ при отдачѣ послѣдняго долга своему союзнику. Впереди погребальнаго поѣзда играли королевскіе трубачи; гробъ, обитый краснымъ бархатомъ съ широкими золотыми позументами, везли на повозкѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми. По обѣимъ сторонамъ его шли рядами козаки съ обнаженными саблями. Передъ гробомъ гетманскій бунчужный несъ гетманскую булаву, блиставшую жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. За гробомъ шла толпа малороссіянокъ, послѣдовавшихъ за мужьями и родными, приставшими къ гетману: по народному обычаю онѣ голосили и кричали. Сзади за ними ѣхали верхомъ два тогдашніе претендента на гетманство: неизмѣнный товарищъ и довѣренный Мазепы Орликъ и болѣе всѣхъ родственно-любимый покойникомъ его племянникъ Войнаровскій. За ними слѣдовали всѣ старшины. Козаки шли съ опущенными внизъ знаменами и оружіемъ; гробъ малороссійскаго гетмана опустили въ могилу, приготовленную въ церкви, находившейся за городомъ, и козаки, въ

знакъ почести, въ эту минуту дали залпъ изъ своихъ мушкетовъ.

Въ Малороссіи составилось преданіе, сохранившееся до сихъ поръ, будто Мазепа не умеръ и не былъ погребенъ въ Молдавіи, а для вида устроили тамъ фиктивные похороны; самъ же бывшій гетманъ тайкомъ пробрался въ Кіевъ, принялъ иночество, а потомъ и схиму въ Печерской Лаврѣ подъ чужимъ именемъ и тамъ окончилъ дни свои въ покаяніи. Эта легенда, переходившая изъ устъ въ уста, не подтверждается никакими фактами и соображеніями, также точно какъ и анекдотъ, сообщенный фальшивою исторіей Конискаго, будто Мазепа передъ смертію приказалъ принести къ себѣ свои бумаги и сжегъ ихъ съ тѣмъ, чтобы не открылось участіе въ его замыслѣ такихъ лицъ, о которыхъ никому и въ голову не приходило. «Пусть,—говоритъ онъ,—я одинъ буду несчастенъ; я хотѣлъ счастія своему отечеству, но судьба рѣшила иначе на непредвидѣнный конецъ».

О послѣднихъ минутахъ гетмана не осталось намъ достовѣрныхъ извѣстій. Мазепа оставилъ послѣ себя 160.000 червонцевъ, изъ которыхъ король взялъ себѣ 40.000 въ займы; по другимъ извѣстіямъ [1]), Карлъ еще прежде занялъ у Мазепы 240.000 талеровъ, обѣщая въ случаѣ кончины Мазепы заплатить его племяннику Войнаровскому. Это подало поводъ къ извѣстію совершенно легендарнаго свойства, будто Мазепа, собираясь приставать къ шведамъ, послалъ Карлу 30 возовъ, наполненныхъ золотыми и серебряными монетами [2]). Какъ бы то ни было, Мазепа успѣлъ увезти съ собой въ изгнаніе и оставить послѣ своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ни-

[1]) *Scherera*: „Annales de la Petite Russie", I, 226.—*Engel*: „Geschichte der Ukrain", 322.

[2]) *Ригельманъ*: „Лѣтописн. повѣств. о Малой Россіи", т. III, стр: 99.

чтожные обломки огромнаго богатства, которое онъ пріобрѣлъ въ Украинѣ во время своего гетманства, благодаря щедротамъ искренно любившаго его Петра. Всѣ его имѣнія— и жалованныя, и купленныя—были конфискованы. Множество движимаго имущества и принадлежавшихъ ему денежныхъ суммъ отнято русскими. Все нажитое имъ и правыми и кривыми способами пошло прахомъ, какъ и всѣ его планы, замыслы и затѣи [1]).

Послѣ смерти Мазепы, по волѣ короля, козаки должны были выбрать себѣ новаго гетмана. Но голоса раздѣлились. Два соперника стали одинъ противъ другаго: Орликъ и Войнаровскій. Споръ между ними доходилъ до того, что Орликъ подозрѣвалъ у Войнаровскаго замыслы на свою жизнь [2]). Тогда выдвинулся еще третій претендентъ — прилуцкій полковникъ Горленко, свойственникъ Мазепы по женѣ послѣдняго [3]). Однако избранъ былъ Филиппъ Орликъ, такъ какъ ему покровительствовалъ король шведскій, прежде расположенный къ Войнаровскому, но потомъ

[1]) *Fryxel*, нѣм. перев., ч. I, стр. 186—211.—*Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 298—342. Дневникъ, приложенный къ сочиненію Адлерфельда.—*Nordberg*, француз. перев., ч. III, стр. 322—339.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 118 и 166. „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XVI, стр. 20-44.—*Ригельманъ*, ч. III, стр. 83—84, 96—97.—*Бантышъ-Каменскій*: „Исторія Малой Россіи", т. III, стр. 115—116. Примѣч., стр. 157 и 158.

[2]) Письмо Орлика.

[3]) Starszyzna Kozacka znayduie się z żonami i z dziećmi in continuo planctu do swoiey ziemi, nie maią się po co kwapić znaiąc rygorem cara, a bardziey justiciae. Kojarzyła się elekcya hetmańska na mieysce Mazeppy, posłał był na to i król szwedski votum na Wojnarowskiego siestrzeńca Mazeppy, ale kozactwo starszyzna nie pozwoliła na to dando rationem: mołod na hetmaństwo. Horlenka tedy półkownika przyłuckiego obrać suadeband, ale y ta konkordancya ustała, a to z tey przyczyny kiedy uważali że nie maią żadney nadziei od Porty... (Рукопись Импер. Публ. библ. Польская, folio. № 39, стр. 126. Письмо Тургута къ воеводѣ Бельзскому въ февралѣ 1710 года).

увидавшій, что Войнаровскаго за молодостью не хотятъ выбрать. Новаго гетмана въ его званіи могли признавать только одни чужіе люди—шведы, да немногіе козаки, которые находились съ нимъ въ изгнаніи, такъ какъ во владѣніи у него не было ни одного сажня козацкой земли [1]).

Гетманъ Мазепа, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой національной идеи. Это былъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Полякъ по воспитанію и пріемамъ жизни, онъ перешелъ въ Малороссію и тамъ сдѣлалъ себѣ карьеру, поддѣлываясь, какъ мы видѣли, къ московскимъ властямъ и отнюдь не останавливаясь ни передъ какими безнравственными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности будетъ сказать, что это была воплощенная ложь. Онъ лгалъ передъ всѣми, всѣхъ обманывалъ—и поляковъ, и малороссіянъ, и царя, и Карла, всѣмъ готовъ былъ дѣлать зло, какъ только представлялась ему возможность получить себѣ выгоду или вывернуться изъ опасности. Онъ воспользовался существовавшимъ у малороссіянъ желаніемъ сохранить автономію своей страны и свою національность и обманывалъ старшинъ, будто у него планъ—пріобрѣсть для Украины самостоятельность. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ его тайный договоръ съ Лещинскимъ, онъ думалъ отдать Украину подъ власть Польши,—иначе сказать, онъ въ старости дѣлалъ то, что дѣлалъ въ юности, когда король Янъ-Казимиръ посылалъ его агентомъ въ Украину проводить планъ возвращенія этого отпавшаго отъ Польши края къ прежнему господству. Онъ и не могъ добиваться передъ королями шведскимъ и польскимъ независимости Украинѣ: Станиславъ, какъ польскій король, не могъ и не долженъ былъ отрекаться отъ наслѣдственныхъ правъ Рѣчи Посполитой на Украину; притомъ самъ Мазепа зналъ

[1]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 222.

хорошо, что народъ, ненавидѣвшій его, не будетъ повиноваться новой династіи, которая должна была бы начаться съ него, Мазепы. Онъ благоразумно выговаривалъ себѣ владѣніе въ бѣлорусскомъ краѣ, а Малороссію отдавалъ на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы съ поляками, еслибы Украина поступила подъ польскую власть: это Мазепа зналъ по опыту, разыгравшемуся уже въ правобережной Украинѣ. Но ему не жаль было того народа, у котораго онъ за 20 лѣтъ своего правленія не могъ пріобрѣсть любви. Что онъ только обманывалъ своихъ малороссійскихъ соумышленниковъ призракомъ независимости, а на самомъ дѣлѣ собирался ввергнуть ихъ со всею страною въ рабство—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и Петръ, обличавшій въ томъ Мазепу передъ всѣмъ малороссійскимъ народомъ, былъ совершенно правъ; шведскій историкъ, королевскій секретарь, близко стоявшій къ дѣлу и лично видѣвшій Мазепу, сообщаетъ о его коварномъ замыслѣ, безъ всякой задней цѣли чернить новаго шведскаго союзника. Не довѣрять этому источнику нѣтъ никакого основанія. Ясно, что Мазепа не измѣнилъ бы царю Петру, еслибы не показалось ему, что, такъ сказать, акціи царя падаютъ, а акціи Карла подымаются. Карлъ заставилъ Августа отречься отъ польской короны, Карлъ ограбилъ Саксонію контрибуціями; польскіе паны одинъ за другимъ спѣшили признавать королемъ Станислава; государства европейскія присылали Карлу поздравленія и благожеланія. Карлъ собирался идти расправляться съ царемъ. Между тѣмъ въ царской державѣ происходили внутреннія смуты, а царскія войска терпѣли отъ шведовъ и поляковъ пораженія за пораженіями. Уже царь трепеталъ даже за свою столицу и собирался увозить оттуда всѣ драгоцѣнности, чтобъ онѣ не попали въ руки враговъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ эгоистъ-гетманъ не задумался измѣнить своему благодѣ-

телю и, конечно, думалъ, что онъ совершаетъ актъ мудрой и проницательной политики. Но не прошло и мѣсяца, какъ Мазепа увидалъ, что онъ ошибся. И большинство козаковъ, и весь малороссійскій народъ—все пошло не за него, а противъ него. Думая оказать важную услугу царскому непріятелю, онъ причинилъ ему только зло. И что же?—Не задумался Мазепа измѣнить и своему свѣжему союзнику, замышлялъ онъ, какъ мы видѣли, купить его гибелью свое примиреніе съ оскорбленнымъ царемъ. Никогда во всю свою жизнь не проявилъ себя этотъ человѣкъ во всей полнотѣ, какъ въ этомъ новомъ замыслѣ. Но коварство не удалось. Нить, которую онъ началъ вести такъ осторожно, оборвалась прежде времени. Приходилось, вмѣстѣ съ подведеннымъ въ бѣду героемъ, отважиться на конечную гибель.

Во всей русской исторіи ни одно сраженіе не имѣло такихъ важныхъ послѣдствій, какъ полтавское, и ни одно, исключая развѣ Куликовской битвы, не отпечатлѣлось до такой степени въ народной памяти. Церковь русская освятила его на вѣки ежегоднымъ воспоминаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ счастіе для Русскаго государства было неизмѣримое. Честь Русской державы вырвана была изъ бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмѣрно велика. Еслибы, какъ того надѣялся Карлъ, малороссійскій народъ прельстился обольщеніями своего гетмана и славою сѣвернаго побѣдителя, Петру ни за что бы не сладить съ своимъ соперникомъ. И если кто былъ истиннымъ виновникомъ спасенія Русской державы, то это—малороссійскій народъ, хотя эта сторона дѣла не выставлялась до сихъ поръ исторіею въ настоящемъ свѣтѣ. Въ послѣднее время много было говорено о внутреннемъ смыслѣ, какой проявляетъ масса народная въ важныя минуты своего историческаго бытія. Нигдѣ эта истина не явилась такъ наглядно, какъ въ эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы въ

тѣ времена народъ малороссійскій питалъ какую-то привязанность къ Русской державѣ и къ соединенію съ «москалями»; напротивъ, мы на каждомъ шагу натыкаемся, такъ сказать, на факты взаимнаго недружелюбія и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народъ малороссійскій не сознавалъ своей народной личности и не желалъ національной независимости. Много было условій, дѣлавшихъ возможнымъ отпаденіе малороссіянъ отъ вѣрности къ русскому царю. И однако вышло не то. Народъ инстинктивно почуялъ ложь въ тѣхъ призракахъ свободы, которые ему выставляли. Онъ уже и прежде лучше самого Петра и его министровъ раскусилъ своего гетмана, считалъ его ляхомъ, готовымъ измѣнить царю съ тѣмъ, чтобъ отдать Украину въ рабство Польшѣ. Никакія увѣренія измѣнника, никакія лживыя обвиненія, разсыпаемыя имъ на московскія власти, не перемѣнили къ нему народной антипатіи. Народъ инстинктивно видѣлъ, что его тянутъ въ гибель, и не пошелъ туда. Народъ остался вѣренъ царю, даже не изъ какой-либо привязанности, не изъ благоговѣйнаго чувства къ монарху, а просто оттого, что изъ двухъ золъ надобно было выбирать меньшее. Какъ бы ни тяжело было ему подъ гнетомъ московскихъ властей, но онъ по опыту зналъ, что гнетъ польскихъ пановъ сталъ бы для него тяжелѣе. Подъ русскою властію по крайней мѣрѣ оставалось для него всегда духовное утѣшеніе — вѣра его отцовъ, которую никакъ уже не могли бы попирать «москали», какъ бы ни относились они ко всѣмъ остальнымъ народнымъ правамъ. Этого одного уже было достаточно.

Между тѣмъ послѣдующая исторія показала, что русская власть, еще менѣе чѣмъ русскіе историки, оцѣнила въ этомъ дѣлѣ здравый смыслъ малороссійскаго народа и заслугу, оказанную имъ Русскому Государству. Измѣна Мазепы ни въ какомъ случаѣ не могла падать на мало-

россійскій народъ, который въ продолженіе двадцати лѣтъ такъ не любилъ этого гетмана, что послѣдній долженъ былъ охранять свою особу великороссійскими стрѣльцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости. Малороссійскому народу слѣдовало быть совершенно изъятымъ отъ пятна, павшаго на Мазепу: народъ за Мазепой не пошелъ. Память о Мазепѣ не испарилась совершенно въ народѣ, но осталась никакъ не въ привлекательномъ видѣ. Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ—это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человѣкъ, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» Болѣе всего сохранилась въ народной памяти его борьба съ Палѣемъ: Мазепа хочетъ самъ свергнуть царя съ престола и клевещетъ на Палѣя. Палѣя ссылаютъ, или засаживаютъ въ тюрьму, но скоро открывается злоба «проклятой Мазепы». Палѣй, хотя уже дряхлый старикъ, получаетъ свободу и побѣждаетъ Мазепу. Самая полтавская побѣда, по народному міровоззрѣнію, приписывается Палѣю. Однако измѣна Мазепы оставила надолго, если не на вѣки, подозрѣніе русскихъ властей на малороссійскую народность. Во все остальное царствованіе Петра въ отношеніи къ Малороссіи замѣчалась осторожность, переходившая неоднократно въ насиліе. Преемникъ Мазепы, Скоропадскій, былъ до того стѣсненъ недовѣрчивостію верховной власти, что долженъ былъ терпѣть нарушеніе своихъ правъ, предоставленныхъ ему закономъ. Послѣ кончины его, одно только вполнѣ справедливое и законное ходатайство о выборѣ новаго гетмана повергло Полуботка съ его товарищами въ заточеніе и повело къ устройству фальшиваго отзыва будто бы отъ всего народа о нежеланіи имѣть гетмана [1]). Потомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ заставляли

[1]) Мои „Историческія монографіи“, т. XIV, статья: „Павелъ Полуботокъ“.

Малороссію управляться безъ выборныхъ властей при посредствѣ особо учрежденной малороссійской коллегіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ великороссіянъ, мало знакомыхъ съ малороссійскимъ бытомъ и языкомъ. Появленіе избраннаго гетмана въ особѣ Апостола было только короткимъ промежуткомъ. Такъ было до избранія въ гетманы Разумовскаго, при императрицѣ Елисаветѣ, которая, однако, только по особому расположенію къ семейству Разумовскихъ, повидимому, оказала уваженіе къ стариннымъ формамъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, русская государственная политика нашла окончательно несообразнымъ съ своими видами удерживать отдѣльное гетманское устройство. Оно дѣйствительно имѣло рядомъ съ хорошими сторонами и нѣкоторыя отжившія, требовавшія коренныхъ измѣненій. Но предприняты ли были такія измѣненія въ пользу народа? Если и были, то мало,—напротивъ, изъ видовъ политики, принято было извѣстное правило: divide et impera. Опасались, чтобъ уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смутъ, и вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, всегда бываетъ язвою тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Поспольство закрѣпощается во власти этого новоизмышленнаго дворянства, и такимъ образомъ народъ разбивается на два сословія, противоположныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и селившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемыя какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей они узаконились и Малороссія, наравнѣ со всею остальною Россіей, подверглась надолго всей мерзости крѣпостничества, отъ котораго облегчилась только въ недавнее время.

Кромѣ того, въ великорусскомъ народѣ измѣна Мазепы, несмотря даже на царскіе указы, объяснявшіе непричастность малороссійскаго народа къ поступку бывшаго когда-то гетмана, не забывалась—и память о ней набрасывала всячески тѣнь на всѣ грядущія поколѣнія. Великороссіянинъ, разсердившись на малороссіянина, первымъ дѣломъ считаетъ помянуть Мазепу, и выраженіе: хохолъ-Мазепа—остается во всей силѣ до нашего времени. Даже въ послѣднее, близкое къ намъ, время, чему, какъ не памяти о Мазепѣ и его измѣнѣ, можно приписать гоненіе на «украинофиловъ»,—подозрѣніе, что въ намѣреніяхъ дать малороссійскому народу воспитаніе съ сохраненіемъ своей рѣчи и своей индивидуальности, въ стремленіи поднять путемъ литературной обработки родное нарѣчіе малороссійскаго края—кроется какое-то тайное политическое измышленіе, вредное для государственной цѣльности Русской имперіи? Все это—прямое послѣдствіе не вполнѣ понятаго администраціей и литературой отношенія малороссійскаго народа къ самому себѣ и къ своимъ сосѣдямъ въ эпоху Мазепы. Если въ тѣ времена, когда дѣйствительно поступки московскихъ властей возбуждали въ народѣ возможность стать враждебно къ Русской державѣ, народъ этотъ изъ инстинктивнаго чувства остался вѣренъ этой державѣ, то невозможно подозрѣвать что нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что ихъ расторженіе уже немыслимо въ силу освященнаго опытомъ сознанія обоюдной пользы ихъ соединенія.

МАЗЕПИНЦЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Федеративность и московская политика.—Мазепа какъ полякъ.—Народъ малороссійскій противъ Мазепы.—Малочисленность мазепиной партіи.—Лебединъ.—Судъ и расправа надъ мазепинцами. — Опоченокъ.—Дубяга.—Лохвицкій сотникъ Яременко.—Гамалія и Мартосенко. — Данило Таращенко и Яковъ Кудинъ. — Попъ Мловскій.—Сельскій попъ изъ Лубенскаго полка.—Люди Ломиковскаго. — Городецкій и Пекалицкій. — Миргородскій полковникъ и другіе переходятъ обратно отъ Мазепы къ Петру. — Полтавскій полковникъ Левенецъ.—Гамалія и Андрей Горленко.

Въ предшествовавшей исторической монографіи «Мазепа» было указано, что замыселъ измѣнить царю Петру и перейти на сторону его непріятелей не выработывался и не созрѣвалъ въ теченіе многихъ предъидущихъ лѣтъ, а возникъ уже не задолго до событія, такъ громко и вмѣстѣ такъ позорно обезсмертившаго память Мазепы. Этотъ малороссійскій гетманъ былъ по своей натурѣ эгоистъ; онъ былъ искренно вѣренъ царю Петру до тѣхъ поръ, пока Петръ былъ силенъ, пока Петру не угрожалъ могучій врагъ, въ многолѣтней борьбѣ съ нимъ достигшій такихъ успѣховъ, что уже можно было, казалось, смѣло пророчить ему скоро окончательное торжество. Онъ уже уни-

чтожилъ въ прахъ польскаго короля Августа, Петрова союзника, и готовился расправиться съ послѣднимъ своимъ врагомъ—съ русскимъ государемъ. Вся Европа посылала шведскому герою поздравленія и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ. Самъ Петръ уже терялъ надежду на успѣхъ и просилъ мира; но гордый побѣдитель не хотѣлъ мириться иначе, какъ на условіяхъ, унизительныхъ для Россіи. Ничто не допускало опасаться, чтобъ слава шведскаго короля скоро затмилась. Шведскій король заранѣе объявлялъ поставленному отъ него польскому королю Станиславу, что намѣренъ, побѣдивши Петра, возвратить Польшѣ отнятыя отъ нея Россіею области. Въ числѣ такихъ областей была и Малороссія, гдѣ управлялъ Мазепа въ званіи гетмана войска запорожскаго. Легко было разсудить, что вмѣсто невольнаго присоединенія къ Польшѣ, лучше было заранѣе изъявить желаніе соединиться съ нею добровольно. У тогдашнихъ культурныхъ малороссіянъ, получавшихъ всѣ задатки образованности не иначе, какъ изъ Польши или черезъ Польшу, давно уже засѣли въ головѣ принципы знаменитаго гадяцкаго договора съ его неудавшимся русскимъ княжествомъ, съ его самостоятельностью Украины, федеративно связанной съ Польшею. Народъ украинскій не принялъ этого договора, потому что отъ него отвращала каждаго истаго малороссіянина одна мысль о какомъ бы то ни было единеніи съ поляками, заклятыми врагами; заключившій этотъ договоръ гетманъ Иванъ Выговскій былъ изгнанъ, а его сотоварищъ и, какъ намъ кажется, истинный авторъ этого договора, Юрій Немиричъ, заплатилъ за него жизнію. Съ своей стороны и тогдашніе поляки находили этотъ договоръ невыгоднымъ для своей шляхетской Рѣчи Посполитой и сами, при самомъ зачаткѣ, содѣйствовали его неосуществимости. Впослѣдствіи, однако, поляки сознали свою ошибку и стали понимать, что этотъ договоръ представ-

нялъ наилучшій способъ удержать въ связи съ Рѣчью Посполитою отходившую отъ ней южную Русь и тѣмъ предохранить свое отечество отъ неминуемаго и скораго разложенія, такъ какъ уже тогда видно было, что если уже начали отъ Рѣчи Посполитой отпадать однѣ области, то со временемъ станутъ отпадать и другія и, наконецъ, придетъ тотъ страшный часъ, когда вся Рѣчь Посполитая разобьется въ дребезги. Въ видахъ предотвращенія отъ своего очечества грядущихъ бѣдъ, поляки стали мирволить козацкому желанію самостоятельности въ федеративной связи съ другою страною, хотѣли только, чтобъ эта страна была Польша и выставляли козакамъ гадяцкій договоръ желаннымъ идеаломъ для Украины, а когда приходилъ случай снова близкаго осуществленія этого идеала, то старались оставить въ этомъ договорѣ только то, что было удобно для нихъ самихъ, и выкинуть изъ него то, что имъ было не по душѣ. Такъ сдѣлалось при Дорошенкѣ, когда, согласившись съ послѣднимъ на примѣреніе на основаніи гадяцкаго договора, они предпочли сойтись съ соперникомъ Дорошенка, Ханенкомъ, который соглашался мириться, выбросивши изъ гадяцкаго договора то, что поляки считали неудобнымъ. Правду сказать, суть этого гадяцкаго договора, т. е. федеративная самобытность Украины, по духу не была противна малороссіянамъ. Богданъ Хмельницкій, освободившій козаковъ отъ шляхетскаго господства, не только не былъ противенъ федеративной идеѣ, но полагалъ ее въ основу будущимъ политическимъ стремленіямъ Украины. Если мы припомнимъ, каковы были требованія Богдана Хмельницкаго, предъявленныя посламъ Рѣчи Посполитой, прибывшимъ къ нему послѣ первыхъ успѣховъ его надъ поляками, то найдемъ, что они были очень умѣренны и представляли въ очертаніи то, что оформилось болѣе выпукло въ гадяцкомъ договорѣ. Послѣдующія событія научили

Хмельницкаго и всѣхъ вообще малороссіянъ не вѣрить полякамъ и искать союза и опоры у другихъ, но принципъ въ основѣ лежалъ все тотъ же. Малороссіяне легко понимали, что ни ихъ внутреннія силы, ни географическія условія положенія ихъ края и ихъ сосѣдства не дадутъ имъ возможности образовать изъ себя самобытно-отдѣльнаго, ни съ кѣмъ не связаннаго государства, но ихъ самобытность можетъ держаться только въ связи и въ постоянномъ союзѣ съ другою державою, такъ, чтобъ этотъ союзъ поддерживался обоюдною выгодою для двухъ сторонъ находиться въ такомъ союзѣ. Такой державы не находилось, и независимость Украины въ федеративной связи съ другимъ политическимъ тѣломъ осталась только идеаломъ и Хмельницкаго и послѣ него на долю всѣхъ его соотечественниковъ, которымъ дозволялъ ихъ умственный кругозоръ думать о политическомъ строѣ ихъ отечества. Хмельницкій дѣлалъ попытки устроить федеративную связь то съ Турціею, то съ Московскимъ Государствомъ, то даже съ тою же Польшею, еслибъ только эта Польша могла сколько нибудь измѣниться. Невозможность уладить дѣла ни съ турками, которыхъ малороссіяне боялись, ни съ поляками, которымъ малороссіяне не вѣрили, заставляла ихъ предпочитать связь съ Московскимъ Государствомъ и съ его народомъ, для украинцевъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ. Если бы Московское Государство сочувственно и притомъ искренно отнеслось къ федеративному идеалу малороссіянъ, то, безъ сомнѣнія, оно въ понятіи украинцевъ не нашло бы себѣ опаснаго соперничества ни въ Польшѣ, ни въ Турціи и, вѣроятно, ни въ какой иной державѣ. Но московская политика не допускала такого идеала, и присоединеніе Украины къ Московскому Государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ царскихъ холопей,—такъ, чтобы народъ южнорусскій усвоилъ себѣ

народность сѣвернорусскую и слился съ народомъ Московскаго Государства до потери собственнаго личнаго бытія, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Таковъ былъ идеалъ московской политики по отношенію къ Украинѣ послѣ присоединенія послѣдней къ Московской державѣ,—идеалъ, часто по благоразумію скрываемый, но почти всегда прозрачно видимый и всегда противный малороссіянамъ всѣхъ званій и состояній. Противъ этого-то московскаго идеала стоялъ, такъ сказать, ребромъ другой своеобразный идеалъ, выработанный предшествовавшею исторіею Украины,—идеалъ федеративной связи. Но съ кѣмъ возникнуть могла такая связь послѣ того, какъ Московская держава, принявшая Украину въ свое лоно, не хотѣла знать того, чего желала Украина? Конечно, съ тѣмъ, кто бы согласился принять Украину съ искреннимъ намѣреніемъ уважать ея политическій федеративный идеалъ. Но такого союзника не было; приходилось терпѣть московскую власть, особенно, когда она была сильна.

Успѣхи Карла XII заставляли думать, что сила московской власти скоро пошатнется и сама судьба стеченіемъ обстоятельствъ укажетъ Украинѣ, что наступаетъ часъ подумать самой о себѣ. Для Мазепы, какъ для бывшаго покоёваго при дворѣ польскаго короля Яна Казимира, который посылалъ этого покоёваго въ Украину въ качествѣ королевскаго агента, когда шелъ вопросъ объ удержаніи такъ или иначе Украины подъ властію Рѣчи Посполитой—какой идеалъ могъ быть желаннѣе соединенія Украины съ Польшею на основаніяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ гадяцкому договору! Но въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ со Станиславомъ Лещинскимъ и его покровителемъ, шведскимъ королемъ, уступая Украину

Польшѣ, а себѣ выговаривая удѣльное княженіе въ Бѣлоруссіи, Мазепа долженъ былъ скрывать это отъ малороссіянъ, а между тѣмъ возбуждать ихъ противъ Московской державы, чтобы, когда придетъ время, найти ихъ готовыми пристать къ его замыслу. Онъ манилъ ихъ призракомъ независимости. Не мало было способныхъ увлечься такимъ призракомъ, по крайней мѣрѣ, въ кругу тогдашнихъ генеральныхъ и полковыхъ старшинъ и войсковыхъ товарищей, составлявшихъ въ краѣ интеллигентный классъ, для котораго былъ доступенъ политическій кругозоръ. Съ самаго вступленія своего въ гетманскій санъ, Мазепа старался расположить къ себѣ этотъ классъ,—и за то во все продолженіе двадцати-двухлѣтняго его гетманства не терпѣли этого гетмана простолюдины, бѣдняки, всегда ненавидѣвшіе знатныхъ и богатыхъ по общей человѣческому существу завистливости: Мазепу считали покровителемъ и потатчикомъ своевольства значныхъ и ихъ гнета надъ людьми простыми и убогими. Никто изъ гетмановъ не надавалъ столько универсаловъ на маетности, подтвержденныхъ потомъ царскими грамотами, никто, какъ Мазепа, черезъ это не наплодилъ въ Украинѣ столько такъ называемыхъ пановъ, отдавая имъ въ распоряженіе живущихъ на ихъ земляхъ посполитыхъ. Во многихъ своихъ отпискахъ въ Приказъ гетманъ Мазепа часто обвинялъ простой украинскій народъ (посполъство) въ склонности грабить пановъ и вообще зажиточныхъ людей, и тутъ же отвергалъ справедливость слуховъ, будто паны владѣльцы маетностей дѣлаютъ живущимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ какія-то насилія и угнетенія. Какъ бы въ отместку Мазепѣ, малороссійское посполъство заявило себя противъ него въ самыя критическія для него минуты. Въ 1708 г., какъ только разнесся въ народѣ слухъ, что гетманъ измѣняетъ царю и переходитъ къ царскимъ непріятелямъ, въ разныхъ мѣстахъ начались бунты противъ

старшинъ и посягательства грабить и бить значныхъ и богатыхъ людей. Между прочимъ, такъ произошло въ Полтавѣ. Полтавскій сотникъ Зеленейскій привезъ въ Полтаву извѣстіе о переходѣ Мазепы къ шведамъ. Тотчасъ стали въ городѣ скопляться мужики изъ окрестныхъ селъ и деревень и кричать, что вотъ, наконецъ, пришла пора обдирать старшинъ и всѣхъ значныхъ и богатыхъ; отъ этого все, что было тамъ значнаго и богатаго, бѣжало искать себѣ спасенія въ иныхъ мѣстахъ. Такъ убѣжало тогда изъ Полтавы семейство Герциковъ. Люди значные, сыновья бывшаго нѣкогда полковникомъ полтавскимъ, владѣльцы маетностей въ Полтавскомъ полку, Герцики убѣжали отъ разъяренной толпы чернаго люда за Днѣпръ, съ намѣреніемъ укрыться въ Корсунѣ, гдѣ у нихъ былъ собственный дворъ, но когда доѣхали до Чигирина, оттуда по настоянію соумышленниковъ Мазепы, Гамалѣи, Кандыбы и Мокіевскаго, послѣдовали они снова на лѣвую сторону Днѣпра и очутились въ Ромнахъ при Мазепѣ [1]). Такихъ во всей Гетманщинѣ явилось бы, можетъ быть, гораздо болѣе того, сколько ихъ набралось тогда, если бы Мазепѣ не пришлось имѣть дѣло съ государемъ великаго ума и непреклонной энергіи, какимъ былъ Петръ Первый. Но партія Мазепы не могла разростись еще и оттого, что Мазепа не прилагалъ старанія, чтобъ дать возможность разростись ей. Мазепа, какъ всѣ эгоисты, былъ труcливъ за свою шкуру, крайне остороженъ и не твердо увѣренъ въ осуществимости своей цѣли, въ дѣйствительности избранныхъ средствъ. Да и времени у него было мало, такъ какъ и замыселъ измѣнить Петру возникъ у него не раньше года до событія. Мазепа въ свои планы посвятилъ только немногихъ, почему-либо стоявшихъ близко къ нему, преи-

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., мартъ, стр. 599. (Допросъ Герцика. Изъ Арх. Иностр. Дѣлъ).

мущественно своихъ родственниковъ и свойственниковъ. Многіе старшины генеральные и полковые не знали о его замыслѣ. Отъ этого и число соучастниковъ отпаденія отъ царя оказалось невелико. Правда, мы почти не въ состояніи произнести о такомъ числѣ хотя бы самый приблизительный приговоръ, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые заявили себя его соучастниками, а потомъ попадались въ руки царскаго правосудія, или сами заранѣе прибѣгали къ царскому милосердію, обыкновенно выставляли себя не знавшими истинныхъ замысловъ Мазепы, а винились только въ томъ, что повиновались гетману и должны были слѣдовать туда, куда онъ велъ ихъ или посылалъ, не смѣя у него допрашиваться о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Были и такіе, что съ перваго раза съ сочувствіемъ пристали къ замысламъ своего гетмана, но послѣ, замѣтивши, что нельзя надѣяться на удачу предпріятія, въ пору припрятались и показывали видъ, что не знали ни о чемъ и ни мало не сочувствовали тому, что было противно царю государю. Само собою разумѣется, никто не въ силахъ теперь открыть такихъ, а такихъ-то было безъ сомнѣнія очень много. Можемъ, слѣдовательно, говорить только о тѣхъ, которые, ставши соумышленниками и соучастниками гетмана Мазепы, бѣжали вмѣстѣ съ нимъ послѣ полтавскаго боя, или же о тѣхъ, которые сами сознались въ своемъ соучастіи съ Мазепою—добровольно или невольно. О такихъ только лицахъ мы и сообщимъ теперь свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ и частныхъ архивовъ.

Мы упомянемъ прежде всего объ одномъ соумышленникѣ Мазепы и притомъ, какъ можно думать, немаловажномъ, умершемъ во время стоянки Мазепы съ Карломъ XII въ Ромнахъ и этой смертію избѣжавшемъ вѣроятной возможности понести жестокую кару отъ московской власти. Это былъ Згура, родомъ грекъ, или молдаванинъ, вообще кто-то изъ христіанъ Балканскаго полуострова. Онъ уже

давно поселился въ Украинѣ и былъ неоднократно посылаемъ гетманомъ въ турецкія владѣнія съ разными порученіями. Мазепа выставлялъ его московской власти, какъ человѣка сметливаго, ловкаго и преданнаго царю.

Но втайнѣ Згура присталъ къ замыслу Мазепы и тогда исполнялъ такія порученія, о которыхъ самъ не посмѣлъ бы нигдѣ заикнуться. Не задолго до прибытія шведскихъ войскъ въ Украину, Згура былъ посылаемъ къ сераскиру-пашѣ [1]). Хотя въ донесеніи Мазепы говорится о посольствѣ этого человѣка, въ видахъ пользы для московскаго правительства, но такъ какъ въ это время Мазепа уже былъ окончательно готовъ встрѣчать въ Украинѣ враговъ Петра, то очень можетъ быть, что Згура у сераскира исправлялъ отъ Мазепы порученія, полезныя болѣе для шведскаго короля, чѣмъ для русскаго царя. Подобныя порученія возлагались и на какого-то болгарскаго эксъ-архіерея, передававшаго извѣстія отъ Мазепы шведскому королю и Станиславу Лещинскому и привозившаго извѣстія отъ нихъ къ Мазепѣ. Не знаемъ, что сталось съ этимъ эксъ-архіереемъ.

Изъ открытыхъ соумышленниковъ гетмана Мазепы болѣе извѣстными намъ стали тѣ, надъ которыми производились слѣдствіе и судъ. Это происходило въ Лебединѣ, гдѣ была главная царская квартира въ концѣ 1708 и въ началѣ 1709 годовъ. Въ *Исторіи Русовъ* приписываемой бѣлорусскому архіепископу, Георгію Конискому, разсказывается, будто въ Лебединѣ происходили страшныя казни и погибло множество малороссіянъ, не только дѣйствительно виновныхъ, но и невинныхъ, казненныхъ по одному подозрѣнію. Это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Это извѣстіе вполнѣ совпадаетъ съ суровостію Петра, безъ всякаго состраданія казнившаго государствен-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ, подлинн. 1708 г., май.

ныхъ преступниковъ и своихъ недруговъ; но это извѣстіе встрѣчается только въ одномъ источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ, преисполненномъ невѣроятностями и позднѣйшими выдумками; оно не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками. Кромѣ того, въ *Исторіи Русовъ* сообщается, что казненныхъ хоронили на особомъ кладбищѣ. которое въ народной памяти осталось съ названіемъ гетманцевъ [1]). Если бы тутъ была какая-нибудь правда и если бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно бы удержалось у мѣстныхъ жителей въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что начитали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи *Исторіи Русовъ*. Намъ отвѣчали, что ничего подобнаго не знаютъ и ни о какихъ гетманцахъ, погребенныхъ гдѣ-то въ Лебединѣ, не слыхали. Если старики тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, проведшіе юность свою въ концѣ XVIII, не слыхали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа?

Къ большому сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; быть можетъ, они гдѣ-нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливца, которому суждено будетъ открыть ихъ. Намъ извѣстны только отрывки изъ показаній нѣкоторыхъ изъ судимыхъ тамъ лицъ и приговоры надъ этими лицами, сохранившіеся въ дѣлахъ Архива Юстиціи и въ дѣлахъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

[1]) Ист. Руссовъ, 212.

Въ числѣ лицъ, ранѣе другихъ поступившихъ въ Лебединъ на расправу за участіе въ измѣнѣ Мазепы, были: войтъ шептаковской волости Опоченокъ и канцеляристъ Дубяга [1]).

Шептаковская волость подарена была царемъ гетману Мазепѣ въ потомственную собственность и находилась въ его владѣніи уже восемнадцать лѣтъ. Управителемъ или намѣстникомъ владѣльца былъ тамъ Быстрицкій, полякъ по происхожденію, родственникъ или свойственникъ гетмана. Въ октябрѣ 1708 года носился въ народѣ страхъ скораго вступленія непріятельскихъ войскъ. Заволновались обыватели Шептаковъ. Управитель Быстрицкій призываетъ къ себѣ войта и говоритъ: «Войдутъ къ намъ шведы; они дѣлать худаго народу не будутъ; объяви же мужикамъ, чтобъ не боялись шведовъ; пусть остаются у себя въ домахъ и сидятъ спокойно; разоренія никому не учинятъ». Сказавши это, Быстрицкій уѣхалъ въ Стародубъ по какому-то дѣлу. Прошло послѣ того дня два,—и вотъ, въ среду, вступаетъ въ Шептаки шведскій конный отрядъ. Опоченокъ ушелъ въ Новгородокъ-Сѣверскій извѣстить новгородъ-сѣверскаго сотника о вступленіи шведовъ. По его показанію, данному въ Лебединѣ при допросѣ, сотникъ, выслушавъ донесеніе шептаковскаго войта, хотѣлъ отправить въ Шептаки отрядъ козаковъ, но тутъ съ войтомъ шептаковскимъ встрѣчается служитель Быстрицкаго, по прозвищу Усовичъ, и говоритъ: «Вотъ приходятъ москали съ Меншиковымъ, они будутъ поопаснѣе шведовъ». Далѣе Опоченокъ на судѣ показывалъ, что послѣ того онъ воротился въ Шептаки и засталъ тамъ Быстрицкаго, уже успѣвшаго воротиться изъ Стародуба. У Быстрицкаго увидалъ онъ шведскаго генерала и Быстрицкій сказалъ войту: «Проведи генерала на большую дорогу, а самъ ступай въ

[1]) Арх. Иностр. дѣлъ, 1708, дек., № 52.

Новгородокъ-Сѣверскій и скажи сотнику: пусть не велитъ стрѣлять по шведамъ, а когда придетъ московская пѣхота, пусть велитъ ее рубить». Войтъ, прибывши въ Новгородокъ-Сѣверскій, передалъ приказаніе Быстрицкаго тамошнему сотнику черезъ городничаго, сотникъ отправилъ войта къ черниговскому полковнику, а тотъ отослалъ его къ русскому фельдмаршалу.

Снявши съ Опоченка такое показаніе, усомнились въ его искренности и подвергли его два раза пыткѣ. Подъ пытками онъ сознался, что, явившись въ Новгородокъ-Сѣверскій, онъ кричалъ по улицамъ, чтобъ люди не боялись шведовъ, а потомъ добавилъ, что и сотникъ новгородъ-сѣверскій въ соумышленіи съ Мазепою. Опоченка казнили смертью.

Въ одинъ и тотъ же день снимали показаніе съ канцеляриста Дубяги. Онъ показалъ, что находился за три мили отъ Батурина въ селѣ и тамъ услыхалъ, что гетманъ ѣдетъ къ царю въ Новгородокъ-Сѣверскій и намѣренъ переправиться черезъ Десну у Оболони. О шведахъ носились слухи, что они пошли къ Чернигову. «По всѣмъ этимъ вѣстямъ, говорилъ Дубяга, я поѣхалъ въ Батуринъ. Тамъ начальствовали сердюцкій полковникъ Чечелъ и гарматный асаулъ Кенигсенъ. Они сказали, что гетманъ уѣхалъ къ государю, а имъ двоимъ поручилъ надзирать надъ Батуриномъ и не велѣлъ пускать въ замокъ великороссійскихъ ратныхъ людей, потому что они чинятъ великое разореніе малороссійскому народу. Я тогда же хотѣлъ уѣхать изъ Батурина, но меня они не пустили: сказали, что уже вечеръ и скоро настанетъ ночь, а гетманъ приказалъ никого не выпускать изъ города въ ночное время. Такъ я пробылъ въ Батуринѣ до утра; утромъ выпустили меня, я намѣревался догнать гетмана и направился на Коропъ. Тамъ сказали, что гетманъ уже переправился черезъ Десну и поѣхалъ другимъ берегомъ въ Новгородокъ-Сѣверскій

къ государю. По такимъ слухамъ я поѣхалъ къ Оболонской переправѣ, а тамъ схватили меня и доставили къ генералъ-майору Беку».

Неизвѣстно, какъ поступлено было съ Дубягою.

Въ тотъ же день, когда происходилъ допросъ двухъ вышепоказанныхъ лицъ (то было въ одномъ изъ первыхъ чиселъ декабря 1708 года), подвергнутъ былъ допросу запорожскій атаманъ Тимоѳей Полугеръ, который со ста товарищами сѣчевиками перешелъ за Десну съ Мазепою, а потомъ посланъ былъ гетманомъ съ письмомъ къ Скоропадскому, котораго Мазепа хотѣлъ склонить на свою сторону. Полугеръ попался и былъ приведенъ въ Лебединъ на расправу. Онъ въ сдѣланномъ ему допросѣ не показалъ ничего особенно важнаго, кромѣ того, что указалъ ничтожность силъ козацкихъ, перешедшихъ съ Мазепою за Десну къ шведамъ: съ гетманомъ было не болѣе тысячи изъ трехъ охотницкихъ полковъ—Кожуховскаго, Андріяша, Кгалагана, да человѣкъ двѣсти изъ трехъ городовыхъ полковъ: Прилуцкаго, Лубенскаго и Миргородскаго съ полковниками этихъ полковъ. Неизвѣстна судьба, постигшая Полугера.

Замѣчательно дѣло, производившееся 8 декабря 1708 года о лохвицкомъ сотникѣ Яременкѣ. Изъ этого дѣла мы узнаемъ, что нѣкоторое время жители городковъ Лохвицы, Прилукъ, Варвы, Лубенъ находились во власти шведскаго войска, занявшаго этотъ край. Старшины вообще склонялись на сторону Мазепы, а простой народъ стоялъ за царскую власть. Сотника Яременка схватилъ и доставилъ въ Лебединъ атаманъ мѣстечка Сенчи, въ то время, когда этотъ сотникъ разъѣзжалъ по селамъ своей сотни и собиралъ провіантъ на шведовъ. Подвергнутый допросу, этотъ сотникъ сознался, что по зову гетмана Мазепы онъ вмѣстѣ съ другими сотниками и атаманами: лубенскими, лукомскими, чигриндубровскими, пирятинскими, чернух-

скими, сѣнченскими—былъ въ Ромнахъ у Мазепы. Гетманъ приказалъ имъ всѣмъ собрать для шведскихъ войскъ провіантъ: 24,000 воловъ, 40,000 свиней и сто тысячъ осьмачекъ муки; но исполнить такого приказанія было невозможно, потому что, при вступленіи шведовъ въ малороссійскій край, народъ разбѣгался, покидая жилыя мѣста. Въ Лохвицу вступилъ шведскій генералъ Мейерфельдъ съ четырьмя тысячами шведскаго войска и послалъ сотника собирать для своего отряда запасы. Сотникъ пріѣхалъ въ Сенчу, гдѣ не засталъ въ домахъ почти никого изъ обывателей. Тамъ его задержали и препроводили къ царскому генералу князю Волконскому, стоявшему въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, а князь Волконскій отправилъ его въ Лебединъ за карауломъ.

Порѣшили этого сотника сослать въ каторжную работу въ Петербургъ. Неизвѣстно, привлечены ли были къ отвѣту сотники и атаманы, ѣздившіе съ Яременкомъ въ Ромны къ Мазепѣ. Вѣроятно, если и они бывали въ Лебединѣ, то ихъ постигла та же участь.

Разомъ съ дѣломъ о сотникѣ лохвицкомъ Яременкѣ, въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ сохранился другой документъ, касающійся того же города Лохвицы. Это челобитная обывателей этого города къ царю, въ которой челобитчики заявляютъ свою вѣрность во время бывшей смуты. Тамъ разсказывается, что генеральный асаулъ Мазепы Гамалѣя прибылъ въ Лохвицу вмѣстѣ съ лохвицкимъ сотникомъ Павломъ Мартосенкомъ, и они уговаривали народъ послать значныхъ людей въ Ромны поклониться пану гетману Мазепѣ; а когда въ Лохвицу пришла царская увѣщательная грамота—они ругались надъ нею, приказали посадить въ тюрьму тѣхъ, которые привезли эту грамоту, грозили даже отрубить имъ руки и ноги и повѣсить. «На завтрее день»—разсказывается въ челобитной—обыватели «въ церкви стояли и въ службы (у обѣдни)

были, и вѣдомо намъ учинилося, что хотятъ насъ бить смертнымъ боемъ и повѣшать. Божіею помощію зъ церкви подъ часъ таинъ христовыхъ втеклисьмо и чрезъ килька дней крылись з домовъ нашихъ, покамѣстъ послѣ насъ и жоны наши з дѣтми з домовъ нашихъ поутикали, оставя всѣ пожитки свои. И они, асаулъ Гамалѣя да сотникъ Мартосенко, приказали разорить всю нашу худобу нажитковъ нашихъ; и разорено все до конца, и мы, утѣкаючи черезъ степы и поля пахотные до войска его царскаго величества, на дорогѣ встрѣтили двохъ змѣнниковъ Мазепы шпѣжниковъ и единъ з межи ихъ отъ насъ утикалъ, а другого поймалисмо и отвели въ Сорочинцы ко князю Григорію Семеновичу Волконскому» [1]).

Изъ двухъ документовъ, относящихся къ одному и тому же городу Лохвицѣ, видно, что тамъ происходили быстрыя смѣны начальства. Въ декабрѣ являются два лохвицкихъ сотника—Яременко и Мартосенко. Второй былъ, какъ видно, временно посланъ въ Лохвицу, быть можетъ, послѣ выбытія Яременка, потому что этотъ самый Павло Мартосенко былъ полковымъ обознымъ лубенскимъ и въ сентябрѣ того же 1709 года подписался на повинной челобитной къ царю отъ всего Лубенскаго полка. Въ Гетманщинѣ нерѣдко назначались временно для управленія полками лица изъ генеральныхъ старшинъ, а для управленія сотнями изъ—полковыхъ. Здѣсь, вѣроятно, былъ такой же случай.

Укажемъ еще на нѣсколько дѣлъ, болѣе или менѣе характеристическихъ, изъ производившихся въ Лебединѣ. Вотъ два человѣка изъ черкасъ, то-есть малороссіянъ: глуховскій обыватель Данило Таращенко и челядникъ писаря Черниговскаго полка Булавки—Яковъ Кудинъ. Послѣдній давалъ въ Лебединѣ такое показаніе: «Сошлись

[1]) Арх. Иностр. Дѣлъ 1708, декабрь, № 128.

мы въ Глуховѣ съ Даниломъ Таращенкомъ дней назадъ тому семь или восемь и стояли вмѣстѣ. Приходитъ челядникъ Даниловъ и говоритъ: «жители бѣгутъ, Москва вездѣ грабитъ и нашихъ людей разоряетъ». Данило на такую рѣчь сказалъ: «Москва Батуринъ разорила и людей тамошнихъ перебила, даже и малыхъ дѣтей не пощадила; за это и мы не зарекаемся въ московской крови по колѣна бродить, потому что за разореніе Батурина вся Украина встанетъ». Яковъ показывалъ, что онъ, Яковъ, замѣтилъ тогда ему, Данилу, что такія рѣчи непристойны, а Данило сталъ его, Якова, бить по щекамъ и Яковъ ушелъ отъ него, но потомъ, когда Яковъ снова воротился, Данило приказалъ его связать возжами и связаннаго бросить въ погребъ и говорилъ ему при этомъ: «Коли никому не скажешь, что̀ я про Москву говорилъ—выпущу тебя, а станешь доносить—велю голову отсѣчь!» Яковъ будто бы не захотѣлъ дать обѣщанія никому не разсказывать того, что сейчасъ слышалъ, и Данило приказалъ вытащить его изъ погреба, снова бить возжами и запереть въ пекарной избѣ. Яковъ ушелъ изъ своего новаго заключенія и явился съ доносомъ къ князю Меншикову. Призванный по этому поводу къ отвѣту Данило Таращенко заперся во всемъ, что на него показывалъ Яковъ Кудинъ, и объяснялъ все дѣло, бывшее у него съ этимъ человѣкомъ, въ такомъ видѣ: «Я увидалъ, что Яковъ въ нетрезвомъ видѣ безчинствуетъ и приказалъ запереть его, чтобъ тогда, какъ онъ проспится, объявить о немъ его господину Булавкѣ».

Чѣмъ кончилось это дѣло,—нѣтъ извѣстія, но оно достаточно показываетъ намъ вообще, какого рода дѣла въ то время производились въ Лебединѣ.

Любопытно по чертамъ того времени показаніе прилуцкаго попа Мловскаго отъ 6 декабря о томъ, какъ шведы вели себя, установившись на постоѣ въ городахъ Гадячѣ, Лохвицѣ, Варвѣ, Прилукахъ. «Я видѣлъ, —говорилъ этотъ

попъ—какъ прилуцкій полковникъ привелъ въ свой полкъ шведскаго генерала Крейца съ его отрядомъ и шведы наложили собрать съ Прилуцкаго полка 12,000 воловъ, 17,000 свиней, 20,000 барановъ, 30,000 осьмачекъ овса и ржаной муки, до 7,000 бочекъ соли, все это на одинъ мѣсяцъ, а на другой приказывали изготовить столько же всего этого». «Я видѣлъ, — говорилъ тотъ же попъ, — какъ въ домѣ мѣщанина Лихопеки на образъ Пресвятыя Богородицы шведы своя ветхая испражняли и тотъ образъ выкинули». Прилуцкіе жители ходили жаловаться шведскому командиру, находившемуся въ Прилукахъ, а тотъ имъ сказалъ, что поступать такимъ образомъ съ деревомъ нѣтъ грѣха. Другой попъ — изъ одного села въ Лубенскомъ полку,—въ Лебединѣ, на сдѣланномъ ему допросѣ, показалъ, что лубенскій полковникъ Зеленскій, у котораго въ полку жилъ священникъ, вызвалъ его къ себѣ въ Ромны, гдѣ самъ тогда находился при гетманѣ Мазепѣ. Священникъ засталъ у него генеральнаго асаула Максимовича. Зеленскій спрашивалъ попа: «ну что мои маетности, цѣлы ли? Не разграбила ли ихъ Москва? Ахъ колибъ только Днѣпръ скорѣе сталъ и поляки подоспѣли бы къ намъ. Тогда мы скоро бы разогнали московскія войска!» — «Не хвались, — замѣтилъ сидѣвшій съ нимъ Максимовичъ, — Богъ одинъ вѣдаетъ, что впередъ станется»! Попъ присовокупилъ, что лубенскій и прилуцкій полковники, живучи въ Ромнахъ, оба какъ-то «зѣло смутны». На дворѣ, гдѣ жилъ полковникъ лубенскій, стоитъ шведскій караулъ. Челядники лубенскаго полковника говорили попу, что, послѣ ухода миргородскаго полковника, ихъ господинъ хотѣлъ было, по примѣру миргородскаго полковника, и самъ уйти, да шведы, подмѣтивши, что у него есть такое намѣреніе, поставили караулъ въ сѣняхъ его помѣщенія, никуда его не выпускали, а когда пріѣхала къ Зеленскому жена его вмѣстѣ съ женою Максимовича, то

ихъ обоихъ стали выпускать, только женъ разомъ съ мужьями не выпускали, когда же выходили со двора жены, то мужья должны были оставаться дома. И у прочихъ старшинъ стояло по два человѣка шведовъ на караулѣ. Мазепа «зѣло болѣнъ». Дальнѣйшая судьба этого попа, какъ и прилуцкаго попа Мловскаго, неизвѣстна.

Былъ въ томъ же Лебединѣ допросъ людямъ Ломиковскаго, которые ушли отъ своего господина изъ Роменъ. Ихъ показанія были во многомъ схожи съ показаніемъ попа изъ Лубенскаго полка.—Мазепа зѣло болѣнъ—сообщали они, — лечитъ его шведскій аптекарь. У Максимовича и у Зеленскаго поставлены шведскіе караулы и за ними шведы политично присматриваютъ, потому что вслѣдъ за миргородскимъ полковниковъ и они думали уйти. Къ Мазепѣ теперь близки: ихъ господинъ Ломиковскій, судья Чуйкевичъ, бунчужный Ѳедоръ Мировичъ. Семенъ Лизогубъ, Зеленскій, Максимовичъ, но болѣе всѣхъ—Орликъ, Горленко и ихъ господинъ; прочіе «гораздо не въ такой конфиденціи». Ломиковскій говорилъ имъ, что король шведскій думаетъ идти съ войскомъ въ Московскую землю, а Мазепу оставить въ Украинѣ.

Изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ и намъ отчасти извѣстныхъ, бросаются въ глаза, по оригинальности и важности данныхъ при допросѣ показаній, дѣла конюшаго Мазепина, Ѳомы Городецкаго, и писаря Шептаковской волости, Пекалицкаго. Первый, по своей обязанности, ѣздилъ съ возами и лошадьми въ разныхъ мѣстахъ, а во время слѣдованія Мазепы со шведами изъ-за Десны къ Ромнамъ, явился къ своему господину въ его имѣніи въ Бахмачѣ, гдѣ Мазепа останавливался на день или на два. Тамъ гетманъ отдалъ его въ услуженіе шведскому генералу Крейцу и конюшій Мазепы былъ у послѣдняго до великаго поста, а тогда ушелъ отъ него и былъ доставленъ русскими въ Лебединъ. Другой, шептаковскій пи-

сарь Пекалицкій, Пархомъ, показывалъ, что Мазепинъ управитель въ Шептаковской волости, Быстрицкій, уѣзжая по порученію Мазепы въ шведскій станъ извѣстить, что гетманъ самъ намѣренъ туда прибыть, приказалъ своимъ челядникамъ разглашать по Шептаковской волости, что онъ, Быстрицкій, попался въ плѣнъ къ шведамъ. Пархомъ, услышавши такую вѣсть и считая ее за правду, поспѣшилъ въ Батуринъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, находилась жена Быстрицкаго. Она сказала ему, что дѣйствительно мужъ ея въ плѣну у шведовъ, а Мазепа въ Борзнѣ, но что шведы уже вступили въ Шептаки. По этой вѣсти Пекалицкій поспѣшилъ назадъ въ свои Шептаки, но на дорогѣ встрѣчаетъ его Быстрицкій и приказываетъ ѣхать вмѣстѣ съ собою въ Батуринъ. Въ Батуринѣ Быстрицкій отдалъ его подъ караулъ, приказавши помѣстить въ избѣ вмѣстѣ съ Мазепиными пѣвчими. На другой день явился въ Батуринъ самъ гетманъ Мазепа. Онъ переночевалъ въ Батуринѣ одну только ночь и на другой день утромъ уѣхалъ къ шведамъ. Когда русскіе подступили къ Батурину, Пекалицкій нашелъ возможность ускользнуть изъ Батурина вмѣстѣ съ какими-то другими лицами въ село Городище, за милю отъ Батурина, но потомъ въ селѣ Обмочевѣ мужики схватили его и отвезли къ Мазепѣ, а Мазепа передалъ его Быстрицкому. До праздника Рождества Христова Пекалицкій находился при Мазепиныхъ возахъ, а потомъ, улучивши удобный случай, убѣжалъ и не безъ труда достигъ царскаго войска.

Крупными событіями, въ ряду отпаденій отъ Мазепы приставшихъ къ нему козацкихъ старшинъ, были побѣги изъ шведскаго стана миргородскаго полковника Апостола, компанейскаго — Кгалагана и генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы. Двое первыхъ пришли въ царскій станъ не по собственному побужденію, а были подосланы самимъ гетманомъ Мазепою, по крайней мѣрѣ съ большею вѣроят-

ностью можно это сказать о первомъ. Мазепа соображалъ, что счастіе уже не везетъ шведамъ, какъ прежде, а главное, видѣлъ ясно, что малороссіяне не пристаютъ къ шведамъ, не вѣрятъ, чтобъ они являлись къ нимъ въ ихъ край для освобожденія отъ московскаго ига, и, напротивъ, повсюду встрѣчаютъ пришельцевъ какъ непріятелей: поэтому Мазепа пытался помириться съ царемъ и обѣщать ему загладить свою измѣну важною услугою — передать шведскаго короля во власть русскаго царя. Такое порученіе велѣлъ Мазепа передать царю. Отправляя тайно миргородскаго полковника, онъ сообщилъ ему о томъ только словесно: письменныхъ сношеній не рѣшался начинать Мазепа въ этомъ родѣ, не будучи увѣренъ, что можетъ вести ихъ безопасно для своей особы. Есть извѣстіе, что и прибывшій въ царскій станъ другой полковникъ изъ мазепинцевъ, Григорій Кгалаганъ, имѣлъ такое же порученіе отъ Мазепы. Коварная затѣя Мазепы не удалась, хотя царь Петръ благосклонно, если и не совсѣмъ довѣрчиво, отнесся къ этому. Самъ Мазепа испортилъ себѣ дѣло. Не дождавшись за мѣсяцъ отвѣта на свое секретное предложеніе и не зная, какъ примутъ его, онъ продолжалъ начатыя сношенія во вредъ царю Петру и въ пользу его противниковъ, они открылись — и были опубликованы русскимъ государемъ. Царь Петръ имѣлъ тогда болѣе, чѣмъ прежде, поводовъ не довѣрять ни въ чемъ тому, что исходило отъ Мазепы; узналъ это Мазепа; да и со стороны шведской за нимъ такой былъ надзоръ, что трудно было ему, и безъ того всегда крайне осторожному и трусливому, отважиться на слишкомъ опасное дѣло, притомъ же оъ рѣшительно терялъ послѣднее здоровье и явно опускался къ могилѣ. Такъ попытка помириться съ Петромъ, цѣною выдачи Петру новаго своего союзника и протектора, не состоялась, а лица, принявшія на себя званіе посредниковъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ,

Апостолъ и Кгалаганъ, увидѣвши къ себѣ чрезвычайную милость Петра, стали искренно и полезно служить ему противъ Карла и Мазепы, не заботясь болѣе объ устройствѣ примиренія царя съ отпавшимъ гетманомъ. О третьемъ лицѣ изъ старшинъ, перешедшемъ тогда изъ мазепинскаго стана въ царскій, о генеральномъ хоружемъ Иванѣ Ѳедоровичѣ Сулимѣ, мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что онъ былъ принятъ царемъ ласково [1], сообразно объявленной прежде амнистіи всѣмъ, кто явится въ опредѣленный срокъ съ повинною.

Шведскій историкъ Нордбергъ, передавши извѣстіе объ уходѣ миргородскаго полковника, говоритъ еще о какомъ-то полковникѣ, ушедшемъ отъ Мазепы, прибавляя, что гетманъ никакъ не ожидалъ этого, будучи особенно увѣренъ въ преданности къ себѣ этого полковника. О комъ здѣсь идетъ рѣчь,—неизвѣстно: разумѣть ли нужно кого-нибудь изъ двухъ, о которыхъ мы говорили, или тутъ говорится о комъ-то иномъ,—мы того рѣшить не можемъ по нашимъ источникамъ. Былъ, однако, въ то время еще одинъ полковникъ, но не изъ тѣхъ, которые перешли за Мазепою въ шведскій станъ, а изъ тѣхъ, которые оставались на своихъ урядахъ, и о вѣрности котораго происходило долго сомнѣніе,—это полковникъ полтавскій Левенецъ. Въ ноябрѣ 1708 года, когда измѣна стараго гетмана стала совершенно ясно извѣстна царю и его приближеннымъ государственнымъ сановникамъ, канцлеръ Головкинъ писалъ къ Левенцу приглашеніе прибыть въ Глуховъ для выбора новаго гетмана, вмѣсто измѣнившаго Мазепы. Левенецъ отъ 10 ноября отвѣчалъ канцлеру, что онъ послалъ созывать всѣхъ сотниковъ своего полка, и когда они съѣдутся, онъ вмѣстѣ съ ними немедленно отправится по назначенію. При этомъ Левенецъ извѣщалъ,

[1]) Ригельмана. Лѣтоп. повѣсв. о Мал. Росс. V, 15.

что къ нему привозилъ запорожецъ письмо отъ Мазепы, которое онъ, не читая, тогда же препровождалъ къ канцлеру. Но тутъ начались разныя заявленія о неискренности полтавскаго полковника. Вдова Кочубея, казненнаго при Мазепѣ за доносъ на послѣдняго, которую канцлеръ Головкинъ звалъ съ семействомъ въ Глуховъ для полученія царскихъ милостей, отвѣчала, что на пути своемъ встрѣтила препятствіе отъ полковника полтавскаго и его полковыхъ старшинъ, которыхъ всѣхъ съ своимъ полковникомъ обвиняла въ измѣнѣ царю. Затѣмъ, 30 ноября 1708 года, ахтырскій полковникъ Осиповъ, пріобрѣвшій царскую милость во время процесса надъ Кочубеемъ и Искрою, извѣщалъ письмомъ Головкина, что въ Полтавѣ замѣтны признаки шатости; полковникъ собиралъ полковыхъ старшинъ и совѣтовался съ ними, слѣдуетъ ли ѣхать къ царю въ Глуховъ, и когда старшины сказали, что ѣхать слѣдуетъ, полковникъ, напротивъ, отнесся къ этому неохотно и произнесъ: кто къ намъ скорѣе — тотъ намъ и панъ. Въ Полтавѣ, по словамъ Осипова, находились тогда Мазепины и Орликовы пріятели; полтавскимъ полковымъ писаремъ былъ родной братъ судьи генеральнаго Чуйкевича, и онъ всему былъ тамъ голова, а зять Левенца, Иванъ Герцикъ, съ двадцатью козаками зимою убѣжалъ изъ Полтавы въ Ромны къ Мазепѣ. Въ апрѣлѣ 1709 года, Меншиковъ, неувѣренный въ преданности престолу полтавскаго полковника, вытребовалъ его съ женою и дѣтьми въ Харьковъ. Левенецъ отдалъ дѣтей своихъ въ харьковскія словесныя школы и дѣти эти служили какъ бы залогомъ вѣрности ихъ родителя [1]).

Миргородскій полковникъ Апостолъ, послѣ своего возвращенія въ царскій станъ, старался загладить свое преступленіе противъ царя и ревностно дѣйствовалъ къ

[1]) Государств. Архивъ, письма Меншикова. Апрѣль 1709 г.

ущербу шведовъ и мазепинцевъ, отличаясь во многихъ битвахъ противъ нихъ. Въ одной изъ такихъ битвъ онъ взялъ въ плѣнъ одного изъ своихъ зятьевъ, сына прилуцкаго полковника Горленка, и вмѣстѣ съ нимъ генеральнаго асаула гетмана Мазепы, Гамалѣю. Препроводивъ ихъ обоихъ въ русскій станъ, Апостолъ ходатайствовалъ за нихъ и, по его ходатайству, они не были отправлены въ Сибирь, а тотчасъ по ихъ доставленіи въ главную царскую квартиру, имъ объявили, что они присуждаются жить въ Москвѣ на свободѣ, наравнѣ съ отправленнымъ уже туда Андреемъ Кандыбою, бывшимъ корсунскимъ полковникомъ, также соучастникомъ Мазепы. Однако, Андрей Горленко не былъ долго отправляемъ въ Москву по назначенію и жилъ въ Украинѣ до января 1711 года, когда Головкинъ приказалъ доставить его въ Москву, но и то произошло потому, что возникло подозрѣніе существованія сношеній между нимъ и его родителемъ, прилуцкимъ полковникомъ, находившимся въ Турціи и дѣйствовавшимъ враждебно царю [1]). И Гамалѣя оставался въ Украинѣ. Въ январѣ 1711 года, его потребовали въ Москву по дѣлу о сосланномъ участникѣ измѣны Мазепы, Гречаномъ, который подавалъ челобитную, увѣряя въ ней, что, если онъ былъ нѣкоторое время съ Мазепою, то оттого, что Мазепа держалъ его по неволѣ. Въ этомъ онъ слался на свидѣтельство Гамалѣи [2]).

[1]) Судьенка, Матеріалы. II, 165.

[2]) Судьенка, Матер. II, 169.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переходъ мазепинцевъ къ царю въ день полтавской битвы.—Судьба ихъ.—Андріяшъ.—Невінчаный.—Запорожцы.—Бѣглецы малороссійскіе въ турецкихъ владѣніяхъ.—Избраніе Орлика въ гетманы.—Его договоръ съ запорожцами и украинскими бѣглецами.—Протекторатъ шведскаго короля.—Помощь отъ Турціи.—Покушеніе Орлика.—Свирѣпства и вѣроломство татаръ.—Мѣры, предпринятыя противъ Орлика.—Прутскій миръ.—Какъ понимали его смыслъ малороссійскіе эмигранты.

Въ роковой день полтавской битвы нѣкоторые изъ мазепинцевъ уже заранѣе сообразили, что дѣло Карла будетъ проиграно, и явились въ царскій станъ съ повинною. Въ нашей исторической монографіи «Мазепа» мы привели ихъ показанія. Припомнимъ здѣсь, что всѣ эти показанія съ перваго вида отличаются неискренностію; господа, ихъ писавшіе, старались выставить себя жертвами обмана и насилія и извинить свой поступокъ незнаніемъ тайныхъ замысловъ своего гетмана, которому повиноваться обязаны были они по царской волѣ. Увертки ихъ не помогли имъ. Срокъ, назначенный царемъ въ 1708 году для явки въ царскій станъ съ увѣренностію получить прощеніе, давно истекъ. Слишкомъ было видно, что только одна крайность побу-

дила ихъ теперь явиться съ повинною. Царскою милостію должны были они считать для себя уже и то, что избѣгли смертной казни и она для нихъ была замѣнена ссылкою.

Указомъ 8 августа 1709 года опредѣлено было: генеральнаго судью Чуйкевича, генеральнаго асаула Максимовича, полковниковъ Зеленскаго, Кожуховскаго и Покотилу, Антона Гамалѣю, Семена Лизогуба, писаря Гречаного и канцеляриста Григоровича отправить въ Москву, для водворенія въ ссылкѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но они оставались въ Украинѣ въ тюремномъ заключеніи до апрѣля 1711 года. Тогда Головкинъ написалъ къ гетману Скоропадскому, чтобъ ихъ препроводили въ Москву и вмѣстѣ съ ними выслали бы ихъ семьи [1]). Головкинъ прибавлялъ, что, сколько помнится, былъ еще «седьмой» кто-то, котораго также слѣдовало отправить въ Москву, но имени его въ Москвѣ не помнятъ, и этого седьмаго требовалось также прислать съ женою и дѣтьми. Этимъ седьмымъ считали въ Москвѣ нѣсколько времени Гречаного, но послѣ довѣдались, что то долженъ быть Кожуховскій, уже отправленный въ Сибирь; оставалось доставить ему жену его, но это было невозможно, потому что жена его еще прежде умерла.

[1]) Измѣнниковъ его царскаго величества изъ генеральной старшины, Чуйкевича, Максимовича, полковниковъ Зеленскаго и Покотила, Гамалѣю, Гречаного, что писаремъ былъ при Мазепѣ, и Грицка, которые до полтавской баталіи, усмотря тогда невозможность уйти отъ войскъ царскаго величества, пришли сами, и хотя довелись они за измѣну смертной казни, но царское величество пожаловалъ — велѣлъ ихъ послать въ ссылку нѣкоторыхъ въ Сибирь, а другихъ къ городу Архангельску. А понеже въ 1710 году на Украинѣ было моровое повѣтріе, того ради не мочно было ихъ къ Москвѣ для ссылки взять. Нынѣ же тѣхъ измѣнниковъ прислать за карауломъ и женъ и дѣтей ихъ велѣть Протасьеву за карауломъ въ Москву отправить (Арх. Иностр. Дѣлъ 1711 г., апрѣль).

Украинскіе города, приставшіе къ Мазепѣ по неволѣ тогда только, когда къ нимъ приходили шведскія войска, спѣшили при первой возможности посылать царю челобитныя о прощеніи. Послѣднимъ, запоздалымъ въ такомъ заявленіи повинной, городомъ были Лубны. Челобитная о прощеніи подана была гетману Скоропадскому только 27 августа 1709 года, за подписомъ полковаго обознаго Павла Мартосенка и нѣсколькихъ сотниковъ Лубенскаго полка [1]).

Уже въ сентябрѣ 1709 года явилось съ повинною еще двое изъ мазепинцевъ: компанейскій полковникъ Андріяшъ и чигиринскій сотникъ Невінчаный, состоявшій временно въ должности полковника. Андріяшъ показывалъ, что не зналъ ничего о замыслахъ Мазепы, да и не могъ знать, потому что передъ вступленіемъ шведовъ онъ находился въ посылкѣ. Впослѣдствіи, хотя Мазепа отправлялъ его компанію въ военныя посылки, но его самого уже не посылалъ ни разу. На полтавской битвѣ онъ не былъ, хотя Мазепа и понуждалъ его къ тому: онъ убѣжалъ тогда въ степь. Тамъ поймали его татары и доставили къ своему хану, а крымскій ханъ, освѣдомившись, что онъ родомъ изъ волоской земли, отпустилъ его на родину. Теперь онъ заявлялъ, что снова желаетъ служить русскому государю. Андріяшъ сообщилъ, что въ Бендерахъ видѣлъ онъ Мазепу, который былъ такъ боленъ, что не могъ уже и говорить. Вѣроятно, Андріяшъ видѣлъ стараго гетмана не за-долго до кончины. Показанія Невінчанаго мы не имѣ-

[1]) Ижъ якіе наши есть преступленія и вина благоволи ваша вельможность, подражая корене милости человѣколюбиваго Бога, простити намъ тотъ грѣхъ и по своемъ панскомъ милосердіи приказать учинити насъ отъ нынѣшняго задержанія свободными, даби его милость панъ полковникъ на насъ яко на своихъ полчанъ былъ ласковымъ, а мы его милости будемъ по прежнему покорятися (Арх. Иностр. Дѣлъ 1709 г., № 67).

ли въ рукахъ. Оба получили прощеніе. О Невінчаномъ мы узнаемъ, что ему велѣно жить въ Москвѣ, но на слѣдующую зиму его отпустили въ Украину, откуда онъ послалъ въ Москву доносъ, что, возвращаясь изъ Москвы, онъ встрѣтился на дорогѣ съ посланцемъ гетмана Скоропадскаго, Подольскимъ, ѣхавшимъ въ Москву, и этотъ Подольскій говорилъ ему, Невінчаному: «Въ Украинѣ носятся слухи, будто царское величество хочетъ переселить малороссійскій народъ за Москву, а въ Украину перевести на поселеніе русскихъ». Невінчаный думалъ, вѣроятно, своимъ доносомъ угодить правительству и жестоко обманулся. Поставили его на очную ставку съ Подольскимъ. Послѣдній заперся и увѣрялъ, что подобныхъ рѣчей не говорилъ. Невінчанаго, какъ уже бывшаго виновнымъ въ измѣнѣ, подвергли три раза пыткѣ огнемъ; онъ и подъ пыткою показывалъ все то же на Подольскаго. По государственнымъ законамъ и уложеніямъ, послѣ того какъ доносчикъ подъ пыткою подтвердилъ свое обвиненіе, слѣдовало подвергнуть пыткѣ обвиняемаго; но Петръ оказалъ Подольскому особую милость и не велѣлъ его пытать; царю было донесено, что родственники Подольскаго издавна всѣ служили вѣрно, братъ Подольскаго былъ убитъ подъ Полтавою, да и самъ онъ участвовалъ въ полтавской битвѣ и получилъ тамъ рану. Однако, Подольскій все-таки не избѣгъ тогда царскаго гнѣва: представили царю, что Подольскій, сидя въ Петербургѣ подъ карауломъ, разглашалъ какія-то «бездѣльницы», и за это царь указалъ сослать его въ Соловецкій монастырь, держать его тамъ безъ ареста и давать пропитаніе. Судьба Невінчанаго осталась нерѣшенною по причинѣ скораго отъѣзда царскаго въ походъ: Головкинъ писалъ о немъ гетману Скоропадскому, что, вѣроятно, ему будетъ учинена смертная казнь или, по послѣдней мѣрѣ, вѣчная каторжная работа [1]).

[1]) Судьенка. Матер. II, 168.

Самые вѣрные сторонники Мазепы и заклятые царскіе противники были запорожцы. Этотъ народъ, какъ показываетъ вся его предшествовавшая исторія, всегда отличался крайнимъ непостоянствомъ и также легко могъ возмущаться, какъ, возмутившись и забурливши, утишаться и смиряться. Когда Мазепа перешелъ на сторону Карла XII и его подручника Станислава Лещинскаго, онъ старался склонить на свою сторону запорожцевъ. Запорожцы колебались. Сперва не многочисленна была между ними партія, рѣшавшаяся на явное отпаденіе отъ православнаго царя. Но рѣшительныя и суровыя мѣры, предпринятыя царскимъ правительствомъ противъ запорожцевъ, озлобили ихъ до крайнихъ предѣловъ. Царь Петръ какъ-то особенно не взлюбилъ ихъ и относился къ нимъ безжалостнѣе, чѣмъ къ преступникамъ изъ Гетманщины. Недостаточно было страшнаго разоренія Сѣчи и погони за разбѣжавшимися по днѣпровскимъ плавнямъ запорожцами, гдѣ отличался свирѣпостію Кгалаганъ, бывшій сѣчевикъ, хотѣвшій пролитіемъ крови прежнихъ товарищей загладить передъ царемъ свое короткое увлеченіе призраками, выставленными Мазепою. Много удалыхъ сѣчевиковъ, если вѣрить запорожцамъ, погибло тогда въ мучительныхъ истязаніяхъ. Но и этого всего было недостаточно. Послѣ пораженія шведовъ подъ Переволочною происходила новая бойня надъ тѣми запорожцами, которые не успѣли въ-пору переправиться черезъ Днѣпръ. Не пощадили даже и тѣхъ, которые сами остались и являлись съ повинною; шведскій историкъ съ особеннымъ ужасомъ отмѣтилъ ихъ казни въ своемъ повѣствованіи. Въ послѣдующемъ году еще продолжали совершаться жестокія кары надъ запорожцами. Изъ тѣхъ, которые были пойманы Кгалаганомъ, послѣ разоренія Сѣчи, гетманъ Скоропадскій, во исполненіе царской воли, приказалъ десятаго казнить смертію, а прочихъ сослать на вѣкъ въ каторжныя работы; но и по-

слѣ, когда миргородскій полковникъ поймалъ еще толпу запорожцевъ, покусившихся сдѣлать набѣгъ на Кременчугъ, верховная власть повелѣла гетману предать смертной казни двадцать четыре человѣка [1]). Обыкновенный способъ казни, совершаемый надъ запорожцами, было посаженіе на колъ. Но всѣ жестокія мѣры только ожесточали тѣхъ, которые оставались еще въ живыхъ. Тогда запорожцы составляли единственную военную силу изъ малороссіянъ, готовую бороться за дѣло, начатое Мазепою. Лишившись своего прежняго гнѣзда, запорожцы основали себѣ новую Сѣчь на устьѣ рѣки Каменки, впадающей въ Днѣпръ, ниже того мѣста, гдѣ была прежняя Сѣчь. Тамъ запорожцы жили до 1711 года, когда Петръ, преслѣдовавшій существованіе запорожцевъ на свѣтѣ, приказалъ гетману Скоропадскому и генералу Бутурлину разорить ихъ новое пристанище. Тогда запорожцы вышли изъ предѣловъ Русской державы и поселились на татарской землѣ, въ Алешкахъ на Днѣпрѣ же, и пробыли тамъ до 1734 года. Потерявши Мазепу, запорожцы служили Орлику, признанному гетманомъ послѣ Мазепы всѣми враждебными Россіи малороссіянами, и признали шведскаго короля протекторомъ надъ Украиною.

Орлика, бывшаго генеральнымъ писаремъ при Мазепѣ, избрали гетманомъ въ апрѣлѣ 1710 года. Избиратели были запорожцы и кружокъ малороссійскихъ бѣглецовъ, послѣдовавшихъ за Мазепою послѣ полтавскаго погрома. Тогда новоизбранный гетманъ заключилъ съ избирателями своими договоръ, или статьи на подобіе того, какъ всегда и прежде при выборѣ гетмана постановлялись статьи, или правила, на которыхъ обязывался управлять новый гетманъ. Конечно, мало знаменательны и неважны въ исторіи могутъ казаться статьи, постановленныя при из-

[1]) Судьенка. Матер. II, 158.

бранія въ гетманы Орлика, такъ какъ новый гетманъ избирался въ чужой сторонѣ не всѣмъ козачествомъ и не съ согласія всей Украины, избирался только кружкомъ людей, преслѣдуемыхъ законною верховною властію. Тѣмъ не менѣе, эти статьи замѣчательны по своему содержанію, какъ выраженіе политическихъ стремленій тогдашнихъ старшинъ.

Эти статьи, собственно говоря, и заключались съ запорожцами, потому что запорожцевъ, при выборѣ Орлика въ гетманы, вѣроятно, было болѣе, чѣмъ украинскихъ бѣглецовъ. Главными воротилами были тогда между послѣдними, кромѣ Орлика, Войнаровскій, племянникъ Мазепы, соперникъ Орлика, прилуцкій полковникъ Димитрій Горленко; два брата Ломиковскіе, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, трое братьевъ Герцики: Григорій, Иванъ и Аѳанасій, Нахимовскій и Третьякъ. Орликъ въ своемъ договорѣ говорилъ съ земляками гораздо открытѣе и прямѣе, чѣмъ Мазепа, который, постоянно опасаясь, чтобъ его тайные замыслы не стали преждевременно извѣстны московскому правительству, то и дѣло что притворялся и таился отъ окружающей его среды. Послѣдующія событія открыли, что Мазепа не высказывалъ всей правды даже тому небольшому кружку малороссійскихъ старшинъ, которымъ, казалось, особенно довѣрялъ передъ прочими; Орликъ же смѣло и прямо высказывалъ, чего онъ желалъ для Украины и какой, по его взгляду, порядокъ былъ для ней пригоденъ, когда удастся освободить ее отъ Московской державы. При Мазепѣ ничего подобнаго не только явно, но и тайно не дѣлалось. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа требовалъ полнѣйшаго довѣрія къ своему уму и безусловной покорности своей волѣ. Въ договорѣ, состоявшемся при избраніи Орлика, высказывалось, что прежніе гетманы Войска Запорожскаго присвоивали себѣ самодержавную власть и черезъ то над-

вередили старинные порядки, права и вольности войсковыя не безъ всенародной тягости. Теперь же генеральные старшины и кошевой низоваго запорожскаго войска, находясь подъ протекціею шведскаго короля, «для исправленія и воздвигновенія павшихъ правъ своихъ» постановляли правила, которыми должны руководствоваться и новоизбираемый гетманъ, и будущіе по немъ гетманы Войска Запорожскаго. По достиженіи Украиною освобожденія отъ «невольническаго ярма московскаго», гетманъ будетъ признавать православіе господствующею религіею и не допускать ни явнаго, ни тайнаго внѣдренія какого-либо иновѣрія въ Украинѣ, а наипаче зловѣрія жидовскаго, но будетъ стараться, чтобы «вѣчно процвѣтала единая православная восточная церковь въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха при расширеніи научнаго просвѣщенія между свободными сынами Малороссіи». Украина въ границахъ отъ Польши по рѣку Случь, проведенныхъ еще при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, должна быть признана навсегда самобытнымъ государствомъ подъ вѣчнымъ протекторствомъ шведскаго короля и его преемниковъ, которые будутъ оборонять ее и не дозволять никому нарушать какъ границъ ея, такъ равно ея правъ и вольностей; при заключеніи мира съ Московскимъ Государствомъ шведскій король потребуетъ, чтобы Москва возвратила всѣхъ украинцевъ, доставшихся ей въ плѣнъ въ военное время и вознаградила всѣ убытки и вредъ, причиненный въ странѣ московскими войсками.

По отношенію къ внутренней политикѣ въ этомъ договорѣ проектированы такія соображенія. Нѣкоторые прежніе гетманы, — замѣчалось въ немъ, — присвоили себѣ и узаконили право: такъ я хочу, такъ и повелѣваю. Отсюда происходили всякія нарушенія правъ и вольностей и отягощеніе посполитства. Чтобъ этого не было впередъ,

установляется такой порядокъ главнаго управленія: первенствующими совѣтниками при гетманѣ будутъ генеральные старшины и полковники, но, сверхъ того, изъ каждаго полка будутъ избираться по одной особѣ, совѣтники —старинные значные и благоразумные козаки; они будутъ засѣдать съ генеральными старшинами, и безъ общей воли такого совѣта гетманъ не будетъ имѣть права собственною волею ни начинать, ни рѣшать, ни приводить въ исполненіе какого-либо мѣропріятія. Назначаются въ годъ три собранія, народныя или генеральныя рады — первая о праздникѣ Рождества Христова, вторая о праздникѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова и третья о праздникѣ Покрова Пресвятой Богородицы. На этихъ генеральныхъ радахъ участвовать будутъ не только генеральные чины и всѣ полковники съ своими полковыми старшинами и съ сотниками своихъ полковъ, но и всѣ генеральные совѣтники, выбранные отъ полковъ, а также послы отъ войска запорожскаго низоваго, которые будутъ присылаться по гетманскому ординансу въ назначенный срокъ. Старшины и генеральные совѣтники должны оказывать гетману почитаніе какъ своему начальнику, но имѣютъ право дѣлать гетману выговоры публично на радѣ, и гетманъ не долженъ тѣмъ оскорбляться. Чтобъ преградить гетманамъ на будущее время возможность распоряжаться по своему произволу войсковымъ скарбомъ, возстановляется существовавшая прежде, а впослѣдствіи упавшая, должность генеральнаго подскарбія, который будетъ избранъ изъ значныхъ, зажиточныхъ и заслуженныхъ особъ для завѣдыванія войсковымъ скарбомъ, мельницами и всякими статьями доходовъ, относящимися до войсковаго достоянія. Подъ его вѣдѣніемъ будутъ находиться полковые подскарбіи: ихъ будетъ въ каждомъ полку по два; они будутъ избираться полковниками, полковыми старшинами и посполитымъ одобреніемъ

(посполитою ухвалкою) также изъ значныхъ и зажиточныхъ особъ своего полка, для завѣдыванія полковымъ скарбомъ и всѣми источниками его доходовъ. Всѣ чины Войска Запорожскаго должны быть выборные и, въ случаѣ какого-нибудь совершеннаго ими проступка, подлежатъ расправѣ генеральнаго суда, а безъ приговора этого суда гетманъ произвольно не можетъ никого подвергать наказаніямъ. Ни гетманъ, ни подчиненные ему козацкіе чины, какъ большіе, такъ и малые, не имѣютъ права распоряжаться работами козаковъ и посполитыхъ людей, не подлежащихъ непосредственно ихъ урядамъ. Аренды и стаціи для содержанія охотныхъ полковъ, компанейскихъ и сердюцкихъ, какъ учрежденія, отяготительныя для поспольства, отмѣнятся, а вмѣсто нихъ, для пополненія скарба, который черезъ такую отмѣну понесетъ ущербъ, на генеральной радѣ будутъ учинены распоряженія.

Была при этомъ показана заботливость объ удовлетвореніи старинныхъ претензій Запорожья. По счастливомъ окончаніи войны, гетманъ обязывался стараться, чтобъ уничтожены были крѣпости, построенныя московскимъ правительствомъ на грунтахъ, принадлежавшихъ изстари низовому запорожскому войску, чтобъ городъ Терехтемировъ съ госпиталемъ для содержанія престарѣлыхъ и увѣчныхъ козаковъ запорожскихъ и съ перевозомъ на Днѣпрѣ поступилъ въ вѣдѣніе Запорожской Сѣчи, чтобъ города: Переволочна, Келеберда и мельницы на рѣкѣ Ворсклѣ, сообразно давнимъ правамъ и привилегіямъ сѣчеваго товарищества, пребывали при низовомъ запорожскомъ войскѣ и, наконецъ, чтобы Днѣпръ, со всѣми рыбными промыслами на всемъ теченіи его отъ Переволочны до Очакова, находился въ исключительномъ владѣніи низоваго запорожскаго войска. Это были статьи, которыя уже прежде служили предметомъ споровъ между Сѣчью и гетманскимъ правительствомъ. Уступка ихъ въ пользу запорожцевъ

была неизбѣжнымъ плодомъ того положенія, въ какомъ находился Орликъ, избранный въ гетманы на чужой сторонѣ изгнанниками и не имѣвшій за собою никакой дѣйствующей силы, кромѣ сѣчевиковъ [1]).

10 мая, того же 1710 года, этотъ договоръ былъ утвержденъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, въ качествѣ признаннаго малороссіянами протектора [2]). Король шведскій хотя своими посланіями и поддерживалъ у запорожцевъ надежду на помощь отъ Турціи [3]), хотя и направлялъ крымскаго хана содѣйствовать козакамъ, враждебнымъ Россіи [4]), но за перемѣнами, происходившими тогда при константинопольскомъ дворѣ, не могъ долго получить оттуда обѣщанныхъ денегъ для раздачи запорожцамъ [5]). Онѣ были доставлены шведскому королю только осенью и Карлъ XII звалъ къ себѣ въ Бендеры запорожцевъ для полученія присланнаго пособія [6]). Тогда предположено было Орлику вмѣстѣ съ запорожцами, при содѣйствіи крымской орды, двинуться въ походъ съ цѣлію отобрать Украину отъ Московской державы. Составлены были договоры съ крымскимъ ханомъ отъ Карла XII [7]) и отъ Орлика и запорожцевъ [8]). Ханъ со всѣмъ своимъ царствомъ обязывался сохранять союзъ съ Войскомъ Запорожскимъ по тому образу, какъ нѣкогда состоялся союзъ Богдана Хмельницкаго съ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ, безъ вся-

[1]) Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. Переписка на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Стр. 1—17.—Чтенія 1859 г., книга I, стр. 242—257.

[2]) Переписка, стр. 17—19.—Чтенія 1859 г., I, 255—257.

[3]) Переписка, стр. 21, 24—27.

[4]) Ibid., стр. 22, 25—26.

[5]) Ibid., стр. 24.

[6]) Ibid., стр. 25.

[7]) Ibid., стр. 43—47.

[8]) Ibid., 47—49.

кихъ притязаній на господство надъ козаками и украинскими землями. Ханъ долженъ былъ только освободить козаковъ отъ Московской державы и въ продолженіе военныхъ походовъ строго запретить своимъ татарамъ брать плѣнниковъ изъ малороссійскаго народа и разорять церкви въ Украинѣ. Предполагалось вмѣстѣ съ Гетманщиною освободить изъ-подъ Московской державы Слободскую Украину и присоединить ее къ Гетманщинѣ, а въ случаѣ невозможности, по крайней мѣрѣ, способствовать выселенію оттуда малороссіянъ въ Гетманщину по ихъ желанію. Предположено было дѣйствовать разомъ на правобережной и лѣвобережной Украинѣ.

Послѣ такихъ договоровъ, въ мартѣ 1711 года Орликъ двинулся на правобережную Украину съ татарами бѣлогородскими и буджацкими, бывшими подъ начальствомъ салтана, сына крымскаго хана, при содѣйствіи хана, который тѣмъ временемъ долженъ былъ съ ордою идти на Слободскую Украину. Съ Орликомъ шелъ также отрядъ поляковъ, признававшихъ польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго и служившихъ шведскому королю. Ими начальствовали кіевскій воевода Іосифъ Потоцкій и панъ Галецкій. Посланы были впередъ агенты съ возмутительными воззваніями, въ которыхъ убѣждали малороссіянъ ополчиться противъ московской власти. Въ такомъ же духѣ отправилъ Орликъ письмо и къ гетману Скоропадскому, убѣждалъ стать за одно съ нимъ противъ Москвы, въ надеждѣ устроить въ Украинѣ свободную, ни отъ кого независимую республику, сообразивши, что, въ противномъ случаѣ, отчизна падетъ въ такую «руину», что послѣдующія поколѣнія съ ужасомъ будутъ вспоминать судьбу своихъ предковъ. «Если васъ,—говорилъ въ своемъ письмѣ Орликъ,—останавливаетъ носимый мною въ настоящее время санъ, то будьте увѣрены, что, для общаго блага, я уступлю его вамъ, какъ старѣйшему, надѣясь, что и вы

не захотите губить меня въ вознагражденіе собственныхъ заботъ и трудовъ. Не вѣрьте тѣмъ, которые станутъ говорить, будто Оттоманская Порта думаетъ господствовать надъ Украиною. Нѣтъ. Блистательная Порта, его величество король шведскій и ханъ крымскій уже поставили между собою такое условіе, чтобъ Украина не подлегала ни отъ кого вассальной зависимости, но пребывала бы навсегда независимою державою» [1]).

Ни письмо Орлика къ Скоропадскому, ни его универсалы, разосланные по лѣвобережной Украинѣ, не имѣли никакого успѣха. Скоропадскій выслалъ на правую сторону Днѣпра противъ Орлика генеральнаго асаула Бутовича, а самъ выступалъ съ генераломъ царскимъ Бутурлинымъ противъ крымскаго хана. Дошедшіе въ Переяславскій полкъ универсалы Орлика были сожигаемы палачомъ [2]). Впрочемъ, для осторожности (такъ какъ государь вообще тогда все-таки мало довѣрялъ преданности малороссіянъ) приказано было собрать въ Глуховъ женъ всѣхъ полковниковъ, дабы онѣ служили залогомъ вѣрности своихъ мужьевъ, а чтобы скрыть настоящую цѣль такого распоряженія, приказано было самому гетману и всѣмъ чинамъ генеральной старшины оставить женъ своихъ въ Глуховѣ, какъ будто ради безопасности [3]). Замѣчательно, что такая судьба постигла тогда Анну Обидовскую, вдову племянника Мазепы, умершаго давно уже въ походѣ противъ шведовъ въ Лифляндіи. Она была дочь Василія Леонтьевича Кочубея, котораго семейство было такъ милостиво обласкано царемъ, какъ бы въ вознагражденіе за ошибку правительства, учиненную противъ Кочубея. Анна Обидовская не только не была участницею царскаго благоволенія къ роду Кочубея, но по какому-то неизвѣстному

[1]) Переписка, стр. 36.

[2]) Судьенка. Матер. II, 182.

[3]) Судьенка. Матер. II, 173–177.

намъ дѣлу, касающемуся измѣны Мазепы, она содержалась въ Полтавѣ подъ карауломъ, а въ мартѣ 1711 года была доставлена въ Глуховъ, гдѣ опредѣлено было ей жить хотя безъ караула, но съ обязательствомъ никуда не отлучаться изъ Глухова [1]). Кіевскій губернаторъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ также поступилъ съ женами правобережныхъ полковниковъ—чигиринскаго Кгалагана, бѣлоцерковскаго Танскаго, недавно заступившаго мѣсто своего тестя, знаменитаго Палія, уже умершаго, и брацлавскаго Григораша, вызвавши всѣхъ ихъ въ Кіевъ во время вступленія Орлика въ правобережную Украину [2]).

Если на лѣвобережной Украинѣ воззванія Орлика рѣшительно не имѣли успѣха между обывателями, то на правобережной не остались онѣ безъ вліянія. Въ Черкасахъ, въ Каневѣ, въ Мошнахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоцерковскаго полка, а также полковъ Корсунскаго и Уманскаго, жители склонялись на сторону царскихъ противниковъ [3]). Сынъ богуславскаго полковника Самусь прибылъ въ Кіевъ и извѣщалъ, что жители рвутся къ Орлику [4]). Высланный противъ Орлика, генеральный асаулъ Бутовичъ потерпѣлъ подъ Лисянкою пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ [5]). Объ этомъ человѣкѣ возникали тогда подозрѣнія въ его вѣрности. Поданъ былъ на него доносъ отъ нѣкоего Жадковича. Головкинъ въ концѣ января 1711 года писалъ Скоропадскому, что лучше бы замѣнить Бутовича другимъ лицомъ, болѣе надежнымъ [6]). Послѣ Прутскаго мира, въ томъ же 1711 году, въ сентябрѣ, освобо-

[1]) Судьенка. Матер. II, 155.

[2]) Судьенка. Матер. II, 23.

[3]) Судьенка. Матер. II, 11.

[4]) Арх. Югоз. Росс. III, 2—181.—Судьенка. Матер. II, 28.

[5]) Судьенка. Матер. II, 29.

[6]) Судьенка. Матер. II. 172—173.

дился Бутовичъ изъ плѣна и сообщалъ о намѣреніяхъ Орлика, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ, опять начать войну [1]).

Послѣ побѣды, одержанной надъ высланнымъ отъ Скоропадскаго Бутовичемъ, дѣло Орлика пошло еще успѣшнѣе: городки сдавались ему безъ боя одинъ за другимъ. Оставалась въ царской власти одна Бѣлая Церковь да нѣкоторыя мѣстечки Бѣлоцерковскаго полка [2]). Орликъ осадилъ Бѣлую Церковь. Съ нимъ, кромѣ татаръ, былъ тамъ и кошевой съ запорожцами. Уже сѣчевики успѣли овладѣть нижнимъ городомъ, вывели тамъ шанцы и собирались громить верхній городъ или замокъ. Защищали его царскія силы подъ начальствомъ бригадира Анненкова и бѣлогородскіе вѣрные царю козаки [3]). Ночью сдѣлали осажденные вылазку, овладѣли запорожскими шанцами и прогнали запорожцевъ. Орликъ отступилъ, не взявши Бѣлой Церкви. Поляки, помогавшіе Орлику, бывшіе съ нимъ подъ Бѣлой Церковью подъ начальствомъ Галецкаго, отошли въ Полѣсье, а татары, не слушаясь Орлика, разсыпались загонами и стали набирать яссыръ по украинскимъ селамъ. Самъ Орликъ скоро также удалился за Днѣстръ, откуда явился въ Украину [4]). Тогда Орликъ написалъ шведскому королю письмо, въ которомъ изъяснялъ, что виною неудачи его предпріятія были коварные союзники —татары; въ противность договору Орлика съ крымскимъ ханомъ, они брали въ плѣнъ жителей и варварски разоряли край, и это происходило тогда уже, когда этотъ край готовъ былъ добровольно подчиниться ему, Орлику [5]). Салтанъ, бывшій съ Орликомъ подъ Бѣлою Церковью,

[1]) Судьенка. Матер. II, 346.

[2]) Судьенка. Матер. II, 30.

[3]) Судьенка. Матер. II, 35.

[4]) Арх. Югоз. Россіи. III, 2—189.

[5]) Переписка, стр. 38—42.

вдругъ оттуда бѣжалъ съ своею ордою къ Бугу; Орликъ погнался за нимъ, умолялъ остановиться, просилъ оставить ему хоть часть орды, хоть тысячъ десять,—салтанъ обѣщалъ, но не сдержалъ обѣщанія. Не смотрѣли татарскіе мурзы на представленія Орлика и его старшинъ, ссылавшихся на договоръ съ ханомъ, распустили свои чамбулы во всѣ стороны по украинской землѣ. «Какихъ неслыханныхъ подъ луною свирѣпствъ не учинили тогда дикіе татары!—выражается въ своемъ письмѣ къ шведскому королю Орликъ.—Они обдирали и опустошали церкви,—однѣ превращали въ лошадиныя стойла, другія сожигали въ пепелъ, иныя умышленно предавали всяческому оскверненію: опрокидывали престолы церковные, топтали ногами св. дары, издѣвались надъ иконами, насиловали недорослыхъ дѣвочекъ, замучивали людей обоего пола, уже ранѣе лишенныхъ мечемъ, огнемъ и грабежемъ всего своего достоянія. На всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Роси нахватали они въ яссыръ нѣсколько тысячъ духовныхъ и мірскихъ людей, козаковъ, посполъства, женщинъ и дѣтей, и погнали въ свои бѣлогородскія, буджацкія и ногайскія жилища, опустошили огнемъ и мечемъ весь край отъ Роси до Тетерева и до Днѣпра, въ полкахъ Бѣлоцерковскомъ и Каневскомъ истребили города и мѣстечки, а малыхъ дѣтей, неспособныхъ быть взятыми въ яссыръ, кидали въ воду или разсѣкали пополамъ. Перомъ трудно описать безчеловѣчія, какія совершалъ съ своими своевольными татарами сынъ Дзяунъ-бея въ Германовкѣ, несмотря на оберегательные универсалы, выданные отъ меня, отъ кіевскаго воеводы и даже отъ самого салтана. Его впустили въ городъ по его просьбѣ подъ предлогомъ дружбы, а онъ предалъ весь городъ съ святыми церквами расхищенію и пожару, болѣе пяти тысячъ туземцевъ и обывателей сосѣднихъ селъ, искавшихъ въ городѣ безопасности, татары погнали въ яссыръ, малолѣтнихъ дѣвочекъ

насиловали и потомъ бросали въ огонь, охватившій весь городъ; до пятидесяти младенцевъ было оторвано отъ матернихъ грудей и брошено въ огонь, другихъ раздирали пополамъ или, бравши за ножки, разбивали головками объ стѣны. Несмотря на мои представленія, за такія варварства виновные не подвергались наказаніямъ; напротивъ, когда я требовалъ обузданія татарской наглости, салтановъ визирь Муртаза-ага отвѣчалъ, что татарамъ дано дозволеніе обращать въ пепелъ города, мѣстечки и села и брать яссыръ на пространствѣ отъ Роси до Тетерева и Днѣпра, такъ какъ этотъ край сосѣдствуетъ съ Кіевомъ и Бѣлой Церковью и намъ враждебенъ, за одно съ этими городами. Это неправда. Всѣ жители этого края оказались мнѣ вѣрны и послушны и за свое послушаніе приняли отъ татаръ такое опустошеніе, что едва ли одинъ человѣкъ на мѣстѣ своего жительства цѣлъ и невредимъ. Во время своего бѣгства назадъ, татары, разсыпавшись по тремъ полкамъ: Кальницкому, Уманскому и Тарговицкому, а отчасти по Брацлавскому и Корсунскому, причинили такое же разореніе невинному народу; все разорено, разграблено, выжжено, народъ загнанъ въ неволю, только городъ Умань съ своими предмѣстьями одинъ остался оплакивать бѣдствіе, постигшее Украину. Довольно того сказать, что у меня было болѣе шестнадцати тысячъ козаковъ Войска Запорожскаго, кромѣ мѣщанъ, въ полкахъ Чигиринскомъ, Уманскомъ, Тарговицкомъ, Кальницкомъ, Корсунскомъ, Богуславскомъ, Каневскомъ, и нѣсколько сотенъ въ полку Бѣлоцерковскомъ, теперь же едва три тысячи осталось: не только мѣщане, но и козаки, имѣвшіе въ этихъ полкахъ свои домы и семьи, узнавши о непріятельскихъ поступкахъ татаръ, разошлись отъ меня въ разныя стороны, думая спасать своихъ женъ и дѣтей, а тѣ, что еще при мнѣ остаются, оплакиваютъ потерю своихъ семействъ, братій и друзей!» Посылая такое письмо,

Орликъ просилъ шведскаго короля принять къ сердцу вопль несчастной Украины и ходатайствовать предъ падишахомъ какъ о возмездіи татарамъ за бѣдствія, нанесенныя краю, такъ и объ освобожденіи угнаннаго изъ Украины яссыра. Дѣйствительно, Карлъ исполнилъ желаніе Орлика, такъ какъ 31 іюля 1711 года (по мухамеданскому лѣтосчисленію въ послѣдніе дни мѣсяца Ремазіеле увеле 1123 года) послѣдовалъ указъ падишаха сераскиру пашѣ бендерскому отыскать, собрать и передать Орлику, вождю козацкому, плѣнныхъ, какіе найдутся въ краѣ, управляемомъ этимъ пашею, изъ взятыхъ татарами въ прошлый ихъ походъ въ Украинѣ [1]).

Такимъ образомъ, неудача предпріятія на правобережной Украинѣ постигла Орлика и его соумышленниковъ отъ союзниковъ, которыхъ они пригласили.

Такъ же мало помогъ мазепинскому дѣлу и ханъ крымскій, покусившійся на Слободскую Украину въ то время, когда Орликъ подвизался въ правобережныхъ полкахъ Гетманщины. Сперва хану повезло, казалось, счастье. Онъ удачно расправился съ русскимъ городомъ Сергіевскимъ. Великороссійскіе ратные люди не въ силахъ были оборонять городъ. Малороссійскіе жители сдали городъ татарамъ и выдали имъ царскихъ солдатъ въ неволю. Послѣ этой побѣды, ханъ съ ордою вступилъ въ Слободскую Украину. Онъ дошелъ до мѣстечка Водолагъ Харьковскаго полка. Обыватели этого мѣстечка и другихъ слободъ встрѣчали крымскаго хана съ хлѣбомъ-солью. Ханъ, однако, не рѣшался слѣдовать далѣе въ глубь Гетманщины и повернулъ съ ордою назадъ. Передавшіеся ему слобожане отправлены были къ Вольному, вѣроятно, съ цѣлію разселить ихъ на пустопоросшихъ степяхъ, составлявшихъ владѣніе крымскаго хана. Но за ними отправился въ по-

[1]) Переписка, стр. 42.

гоню съ козаками полтавскій полковой судья Петръ Кованько, завернулъ ихъ назадъ и пригналъ къ Полтавѣ. Такъ какъ они хотѣли отбиваться оружіемъ въ то время, когда ихъ догналъ Кованько, то за измѣну царю и за поднятіе оружія противъ государевыхъ воиновъ приговорили десятаго изъ нихъ по жеребью казнить смертью, а остальныхъ, съ женами и дѣтьми, собравши всѣхъ, отправить въ Москву, дабы оттуда по назначенію Приказа разослать въ ссылку [1]). То же постигло и тѣхъ, что сдали Сергіевскій татарамъ.

Въ іюлѣ того же 1711 года произошло знаменитое въ исторіи прутское дѣло. Царь россійскій Петръ Первый съ своимъ войскомъ былъ окруженъ многочисленными турецкими силами и принужденъ былъ заключить съ визиремъ унизительный для себя миръ. Московскій государь очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ когда-то польскій король Янъ Казимиръ подъ Зборовомъ, когда его съ польскимъ войскомъ окружили Хмельницкій съ козаками и союзникъ Хмельницкаго, крымскій ханъ съ своими ордами. И теперь, противъ московскаго государя стояли такіе же козаки, только уже составлявшіе малый обломокъ той воинственной силы, которая такъ недавно наводила страхъ своею многочисленностію и отвагою. За то этотъ обломокъ козачества находилъ себѣ опору въ такой мусульманской силѣ, которая была въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ завлеченная Богданомъ Хмельницкимъ противъ поляковъ. Одинъ лѣтописецъ, передающій дѣянія Хмельницкаго, по поводу союза его съ татарами, замѣтилъ, что дружба христіанина съ мусульманиномъ также несостоятельна, какъ дружба между бараномъ и волкомъ. Тоже можно было произнесть и теперь. Политика мусульманскаго двора, вмѣшиваясь въ дѣла христіанскихъ об-

[1]) Судьенка. Матер. II, 186.

ществъ, всегда имѣетъ въ виду только свои корыстныя цѣли. И на этотъ разъ то же оказалось. Козаки были близки къ достиженію своихъ цѣлей: Петръ былъ уже въ рукахъ ихъ союзниковъ турокъ; ради спасенія жизни и своей державы, онъ долженъ былъ на все согласиться, что́ бы ему ни предложили, еслибъ онъ только сталъ плѣнникомъ турокъ. Но визирь не довелъ войны до того, чтобы взять русскаго царя въ плѣнъ. Визирь заранѣе согласился на миръ, предложенный побѣжденнымъ царемъ. Все обдѣлали деньги и обѣщанія денегъ, которыя всегда были всесильны у всѣхъ турецкихъ визирей, даромъ что едва ли не каждый изъ визирей платился за свое корыстолюбіе сверженіемъ съ своего достоинства, а нерѣдко и жизнію. Многочисленные примѣры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ непрерывно, не могли измѣнить порока, укоренившагося изъ поколѣнія въ поколѣніе. Впрочемъ, хотя по великодушію визиря царь россійскій съ своимъ воинствомъ могъ безопасно воротиться въ отечество, но договоръ, состоявшійся на берегахъ Прута, все-таки оставлялъ козакамъ-мазепинцамъ нѣкоторую надежду въ будущемъ. Въ числѣ условій, какія у царя вынудили турки, было такое: царь обязывался не вмѣшиваться какъ въ дѣла Польши, такъ и въ дѣла козаковъ и не безпокоить послѣднихъ. Эти неясныя выраженія Орликъ и его товарищи толковали такъ, что царь совершенно отрекся отъ Украины, и она теперь можетъ считать себя самобытнымъ, ни отъ кого независимымъ государствомъ. Недоразумѣнія, возникшія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, препятствовали утвержденію мира Турціи съ Россіею, заключеннаго на берегахъ Прута. Царь медлилъ уничтоженіемъ таганрогской крѣпости и возвращеніемъ Азова, требуя прежде удаленія шведскаго короля изъ турецкихъ предѣловъ, а турки были съ своей стороны недовольны неисполненіемъ

договора по вопросу о невмѣшательствѣ царя въ дѣла Польши и козаковъ. Зимою война готова была вспыхнуть снова. По отношенію къ козакамъ спорный вопросъ состоялъ въ томъ: обязываетъ ли Прутскій договоръ россійскаго царя считать себя отрекшимся отъ Украины, потому что статья, относящаяся непосредственно къ этому вопросу, въ мирномъ договорѣ выражена была не ясно, и подавала поводъ къ толкованіямъ на всякіе лады [1]). Бывшій тогда въ Константинополѣ царскій вице-канцлеръ Шафировъ, поддерживаемый послами англійскимъ и голландскимъ, указывалъ, что если бы при заключеніи мирнаго договора шло дѣло объ уступкѣ всей Украины, то зачѣмъ же было говорить объ уничтоженіи крѣпостей Каменнаго-Затона и Новобогородска: если признавать этотъ край уступленнымъ Россіею Турціи, то само собою во владѣніе послѣдней переходили и эти крѣпости [2]). На это козаки съ своей стороны указывали на прежде состоявшееся условіе между королемъ шведскимъ, протекторомъ козаковъ, и крымскимъ ханомъ, вѣрнымъ вассаломъ Турціи; тамъ объ этихъ именно крѣпостяхъ, построенныхъ Москвою, было сказано, что онѣ должны принадлежать Войску Запорожскому, которое должно быть объявлено ни отъ кого независимою державою, слѣдовательно если бы даже Московская держава дѣйствительно въ договорѣ съ

[1]) Соловьевъ: Истор. XVI, 92.—Въ перепискѣ, бывшей между лицами той эпохи, напечатанной Обществомъ исторіи и древностей въ 1848 г. по латыни: Poloniae atque ei adhaerentibus cosacis et zaporoviensibus et iis cosacis qui serenissimo Hano Crymeae domino Deuletgeraj confederati sunt ex parte Cari nulla in posterum molestia fiat, sedut a longa annorum serie nullumius habuit in illis locis ita modo ex iis omnibus sese subtrahere debeat (стр. 50).

[2]) Соловьевъ: Истор. XVI, 106.

Турціею отрекалась отъ владѣнія краемъ, въ которомъ построила эти крѣпости, то это не уничтожало бы права козаковъ считать эти крѣпости принадлежащими Украинѣ уже потому, что Москва уступила ихъ Турціи, а Турція заранѣе отдавала ихъ козакамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Козацкое посольство въ Константинополь.—Данная этому посольству инструкція.—Вліяніе козаковъ на вопросъ о примиреніи Турціи съ Россіею.—Колебаніе турецкой политики.—Царь приказываетъ собрать и прислать въ Москву родню малороссійскихъ эмигрантовъ, скрывавшихся въ Турціи.—Ихъ имущества.—Архимандритъ Одорскій и другіе малороссійскіе духовные.—Племянница Мазепы.—Челядники Мазепы. — Компанейскій полковникъ Новицкій. — Доносничество въ Украинѣ.—Данило Забѣла.—Гадяцкій протопопъ Ласогскій. — Лубенскій монахъ Дамаскинъ.—Письмо Шафирова изъ Константинополя.

Козаки старались во что бы то ни стало не допустить мира Россіи съ Турціею на такихъ условіяхъ, которыя бы оставляли царю возможность предъявить права на власть надъ малороссійскимъ народомъ. Въ декабрѣ 1711 года, изъ Бендеръ, отъ имени Орлика, носившаго титулъ гетмана, и отъ имени козачества, отправилось въ султанскую столицу посольство, состоявшее изъ слѣдующихъ лицъ: прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, Клима Довгополенка, носившаго званіе генеральнаго судьи, Ивана Максимовича, генеральнаго писаря, и Григорія Герцика, только что передъ тѣмъ пожалованнаго Орликомъ въ чинъ генеральнаго асаула. Съ ними поѣхалъ Костя Гордіенко, какъ представитель Запорожской Сѣчи и низоваго козацкаго войска.

Въ инструкціи, полученной для руководства этимъ посольствомъ отъ Орлика въ городѣ Бабѣ 3 декабря 1711 года, было сказано, что послы козацкіе прежде всего должны отъ имени Войска Запорожскаго и всей Украины изъявить благодарность Блистательной Портѣ за благодѣяніе, оказанное сосѣдствующему малороссійскому народу освобожденіемъ его отъ безчеловѣчнаго московскаго ига; малороссіяне, какъ будто бы, показывали себя увѣренными, что ихъ судьба на будущее время была рѣшена по милости Турціи: она своимъ побѣдоносным оружіемъ принудила москаля къ миру на подходящихъ для нея условіяхъ, и, между прочимъ, обязала москаля признать Малую Россію или Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра страною, навсегда свободною и никогда силою оружія не бывшею присоединенною къ Московской державѣ. Затѣмъ это посольство должно было просить Блистательную Порту привести окончательно въ исполненіе этотъ мирный договоръ и понудить москаля, отказавшись навсегда отъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, передать ее въ управленіе избраннаго гетмана и его преемниковъ, какихъ Войско Запорожское послѣ его смерти будетъ избирать вольными голосами; далѣе посольство должно было домогаться, чтобы Блистательная Порта приняла на себя посредничество въ томъ, чтобы москали на будущее время ни явно, ни тайно не отваживались заявлять притязаніе на господство надъ Украиною послѣ того, какъ она освободится отъ рабства на вѣки. «Москаль—говорилось въ инструкціи,— принужденный отречься отъ Украины навсегда, пусть обязанъ будетъ вывести изъ нашихъ предѣловъ свои военныя силы и выпустить на свободу задержанныхъ въ прошлую войну и сосланныхъ въ Сибирь или другія отдаленныя мѣста нашихъ военачальниковъ, чиновныхъ лицъ и всякаго званія людей украинскаго происхожденія, въ числѣ ихъ и посланцевъ изъ Запорожской Сѣчи, задержанныхъ

въ Лебединѣ, и тѣхъ запорожскихъ товарищей, которые, бывши приглашены на работы въ Петербургъ за деньги, впослѣдствіи были задержаны, — одни въ Сѣвскѣ, другіе въ Вильнѣ, — а потомъ отправлены въ каторжныя работы. Пусть также москаль отпуститъ на свободу женъ и дѣтей генеральныхъ старшинъ, полковниковъ, сотниковъ и другихъ чиновныхъ людей, которыхъ прошлою зимою москаль, услышавши о намѣреніи Блистательной Порты объявить войну, приказалъ свезти въ Глуховъ, чтобъ устрашить украинцевъ и тѣмъ утвердить свою власть въ Украинѣ. Уходя изъ малороссійскаго края, войско московское должно передать всѣ крѣпости во власть гетмана и само, отступая, отнюдь не должно причинять ни явныхъ, ни тайныхъ оскорбленій украинскимъ жителямъ, не уводить съ собой плѣнныхъ и никому не наносить никакого ущерба. Сверхъ того, всѣ орудія, взятыя въ Сѣчи и свезенныя въ Бѣлую Церковь, москали должны возвратить или, въ случаѣ, если это имъ окажется затруднительнымъ, замѣнить ихъ другими изъ украинскихъ крѣпостей, которыя тамъ должны будутъ остаться по выступленіи московскихъ гарнизоновъ. Вообще же слѣдуетъ домогаться, чтобъ вознаграждены были всѣ убытки и потери, понесенныя украинскими жителями отъ московскихъ войскъ въ предшествовавшую войну. Прошлою зимою москаль публиковалъ въ своихъ и чужихъ краяхъ манифестъ, въ которомъ увѣрялъ, будто шведскій король, побуждая Блистательную Порту къ войнѣ противъ Московскаго Государства, объявилъ ей, что польская Рѣчь Посполитая и Украина будутъ подвластны Турціи и станутъ платить харачъ. Чтобъ удерживать малороссійскій народъ подъ своей властію, москаль распространилъ вѣсть, будто наша греческая церковь будетъ унижена, церкви наши обратятся въ мечети, а народъ подвергнется взиманію тяжелыхъ налоговъ отъ Оттоманской имперіи. Для опроверженія такой клеветы

посольство козацкое будетъ просить Блистательную Порту утвердить договоръ, заключенный между гетманомъ Войска Запорожскаго и крымскимъ ханомъ, и издать отъ себя удостовѣрительный документъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ намъ былъ данъ подобный отъ шведскаго короля. Въ этомъ удостовѣрительномъ документѣ (assecuratorium) пусть означится, что Украина обѣихъ сторонъ Днѣпра, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ маллороссійскимъ народомъ, признается на вѣчныя времена независимою отъ всякаго внѣшняго господства [1]). Хотя козаки желаютъ пребывать въ братствѣ и въ дружественномъ союзѣ съ Крымскою державою, но никто не имѣетъ права подъ какимъ бы то ни было предлогомъ домогаться вассальнаго господства надъ Украиною, а тѣмъ менѣе брать съ малороссійскаго народа дань. Никто не можетъ занять оставляемыхъ московскимъ войскомъ крѣпостей, ни воздвигать другихъ на украинской землѣ. Гетманъ Войска Запорожскаго будетъ всегда избираться вольными голосами: Блистательная Порта не можетъ его низложить, ни вмѣсто него назначить иного. Гетманъ по своемъ избраніи будетъ оказывать Блистательной Портѣ честь не личнымъ явленіемъ, а письменнымъ извѣщеніемъ о своемъ избраніи. Козаки, живущіе въ низовьяхъ Днѣпра, имѣютъ право, по прежнему обычаю, заниматься рыбными и звѣриными промыслами по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и урочищамъ вплоть до Очакова, безъ всякихъ препятствій со стороны Блистательной Порты, а украинскимъ купцамъ должно быть предоставлено право торговать во всей Турецкой имперіи наравнѣ съ природными турками безъ платежа пошлинъ. Войско Запорожское признало надъ собою протекторство шведскаго короля и не желаетъ отступать отъ этого; но это не будетъ пре-

[1]) Ukraina ab utraque parte Borysthenis cum exercita Zaporoviensi Genteque Parvae Rossiae perpetuo sit ab omni extera dominatione libera.

пятствовать вѣчной дружественной связи съ Крымскимъ ханствомъ и не послужитъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между Портою и Украиною; напротивъ, дружественный союзъ между Портою и Шведскимъ королевствомъ чрезъ то прочнѣе можетъ утвердиться, для взаимной обороны отъ москалей—ближайшихъ сосѣдей съ Шведскимъ королевствомъ» [1]). Вотъ что должно было представить Портѣ козацкое посольство.

Посольство это на нѣкоторое время произвело въ Константинополѣ вліяніе, нежелательное для интересовъ россійскаго царя. При содѣйствіи крымскаго хана и французскаго посла, дѣйствовавшаго, сообразно политикѣ своего двора, въ пользу Карла XII и противъ царя Петра, турецкій дворъ осенью 1711 года сталъ уже наклоняться къ враждебному отношенію къ Россіи, а козацкіе послы, явившись въ Константинополѣ, подзадоривали турокъ надеждами на успѣхъ въ войнѣ съ Петромъ и увѣряли ихъ всѣми святыми, что вся Украина готова подняться противъ царской власти.

Вице-канцлеръ Шафировъ, видѣвшій близко ходъ тогдашнихъ дѣлъ, писалъ изъ Константинополя, что турокъ болѣе всего возстановляютъ противъ царя козаки и что нужно беречь Украину, чтобъ тамъ не произошло смятенія. Собственно самъ тогдашній визирь, заправлявшій политическими дѣлами, обдаренный русскимъ золотомъ, былъ на сторонѣ мира съ Россіею и, при посредствѣ англійскаго и голландскаго пословъ, постановлено было съ Россіею перемиріе, по которому Петръ отрекался отъ правобережной Украины, оставляя за собою только городъ Кіевъ на правой сторонѣ Днѣпра. Много, а быть можетъ

[1]) Ne pro eliberatione et tutela subtquivis praetextu praetendant sibi supra Ukrainam, Exercitumque Zaporoviensem absolutûm dominium vasallitum et subiectionem neve exigant aliquid vectigal aut tributum. (Переписка, стр. 64).

и болѣе всего, пособило россійскому государю то, что онъ приказалъ въ 1711 г. очистить и сдать туркамъ Азовъ и срыть укрѣпленія Таганрога, чего добивались отъ него турки. Козаки были сильно встревожены этимъ перемиріемъ и Орликъ въ письмѣ къ великому визирю представлялъ, что Кіевъ не можетъ существовать безъ Украины, а Украина безъ Кіева, что Кіевъ для всего малороссійскаго народа имѣетъ священное значеніе, какъ городъ, гдѣ была впервые принята и утвердилась христіанская вѣра греческаго обряда, гдѣ основался центръ просвѣщенія для малороссійскаго юношества,—что Кіевъ необходимо оставить при гетманѣ Войска Запорожскаго со всею Украиною, иначе москаль, владѣя Кіевомъ, будетъ повелѣвать и Украиною; а изъ того особенно произойдетъ вредъ тогда, когда Московская держава вздумаетъ объявить войну Турціи. Орликъ представлялъ, что если отдавать козакамъ правобережную Украину, освобождая ее отъ московской власти, то нѣтъ основанія оставлять въ рукахъ москаля лѣвобережную. «Отъ правобережной Украины москаль давно уже отказался, осуждая ее оставаться пустыней, — говорилъ Орликъ въ своемъ письмѣ,—и если намъ теперь отдаютъ только эту пустыню, а лѣвобережную, заселенную, оставляютъ въ московской власти, то что же это за освобожденіе? Не только всѣ мои предшественники со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ добивались освободить отъ московскаго ига лѣвобережную Украину, болѣе близкую къ Московщинѣ, чѣмъ прабережная, но и самъ гетманъ Мазепа не въ иныхъ видахъ соединилъ оружіе войска запорожскаго съ оружіемъ войскъ его величества шведскаго короля, и вмѣстѣ съ его величествомъ прибѣгнулъ къ покровительству Блистательной Порты, какъ въ тѣхъ именно, чтобъ увидѣть независимою всю Украину и преимущественно лѣвобережную, болѣе многолюдную. Что̀ могло этого вождя, уже

престарѣлаго, безпотомнаго, богатствами преисполненнаго, любовью, милостями и довѣріемъ царя московскаго почтеннаго что̀ могло побудить его всѣмъ этимъ пожертвовать, какъ не желаніе даровать свободу своему отечеству? Онъ пренебрегъ всѣмъ, что могло быть ему дорогимъ на свѣтѣ, пренебрегъ и самою жизнію, лишь бы поднять свое отечество и освободить его отъ московскаго ярма» [1]). Орликъ умолялъ визиря приложить все стараніе, чтобы Турецкая имперія, ради вѣчной славы своего имени и въ видахъ обезпеченія собственной безопасности, содѣйствовала освобожденію отъ московской власти всей Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра съ главнымъ ея городомъ Кіевомъ.

При турецкомъ дворѣ опять настало колебаніе. Визири, и прежній Болтаджи, и заступившій его мѣсто въ концѣ 1711 г. Юсуфъ-паша, одинаково были противъ войны съ Россіею; былъ противъ нея и великій муфтій, истолкователь божественнаго закона. Но самъ тогдашній падишахъ, султанъ Ахметъ III, напротивъ, расположенъ былъ воевать съ царемъ Петромъ и въ особенности принималъ къ сердцу козацкое дѣло.

Толстой извѣщалъ царя Петра, что 16 сентября султанъ въ разговорѣ съ своею матерью сказалъ: «Московскій царь не исполняетъ договора и не выводитъ войскъ своихъ изъ Польши: видно хочетъ онъ войны съ нами снова. Надѣюсь на Бога, что царь московскій насъ теперь не проведетъ! Я съ нимъ не помирюсь, пока не отниму отъ него всей козацкой земли» [2]).

Въ Москвѣ узнали, что препятствіемъ къ прочному утвержденію мира съ Турціею служатъ паче всего козацкія интриги, и весною прибѣгнули къ такой мѣрѣ — вывести изъ Украины родню тѣхъ мазепинцевъ, которые,

[1]) Переписка, хранящ. въ Оруж. палатѣ. 1847 г. стр. 57—60.

[2]) Соловьевъ: Истор. XVI, 113.

живя въ турецкихъ владѣніяхъ, искали опоры у турецкаго правительства. Возникало подозрѣніе, что ихъ родственники и свойственники, оставаясь въ Украинѣ, ведутъ съ ними тайныя сношенія. 8 апрѣля 1712 года, чрезъ канцлера Головкина послѣдовалъ царскій указъ гетману Скоропадскому и находившемуся при немъ постоянно царскому резиденту Протасьеву, выслать въ Москву на жительство близкихъ родственниковъ важнѣйшихъ мазепинцевъ, пребывающихъ въ Турціи: сына Ломиковскаго, брата Максимовичева, мать, жену и братьевъ Мировича, жену Дмитрія Горленка [1]), жену Бутовича, женъ двухъ братьевъ Герциковъ, шурьевъ Орлика и Семена Забѣлу, котораго жена тогда находилась при Орликѣ. По сенатскому указу опредѣлено жить имъ безвыѣздно въ Москвѣ, на Посольскомъ дворѣ, отпускать ихъ дозволено въ церковь и въ городъ за покупками; они могли держать при себѣ собственныхъ челядниковъ и посылать ихъ по своимъ дѣламъ въ Украину, но письма, которыя будутъ посылаться съ этими челядниками, а равно и письма, которыя будутъ доставляться изъ Украины къ нимъ въ Москву, должны просматриваться, и вообще запрещалось вовсе писать къ тѣмъ своимъ родственникамъ, которые находились въ Турціи, а въ тѣхъ письмахъ, которыя писались къ лицамъ, живущимъ въ Украинѣ, дозволялось писать только то, что касалось домашнихъ дѣлъ [2]). Надзи-

[1]) Требовалась по ошибкѣ. Ее въ Украинѣ не было. Она находилась съ мужемъ.

[2]) Изъ указа 8 апрѣля: „Понеже богоотступникъ измѣнникъ Орликъ и съ нимъ многіе другіе донынѣ въ области султана турецкаго живутъ, а нѣкоторые въ самомъ Царьградѣ обрѣтаются, что подаетъ великое подозрѣніе, и не можно инако разсудить, что они на содержаніе тамо себѣ довольство получаютъ изъ Украины отъ своихъ родственниковъ, которые въ домахъ ихъ живутъ и маетностями и пожитками владѣютъ, притомъ и корресподенціи и пересылки межъ собою имѣютъ, чего трудно усмотрѣть и пресѣчь, пока они тамо на

рать надъ помѣщенными въ Москвѣ на Посольскомъ дворѣ малороссіянами поручалось подъячему Ѳедору Рогову: его обязанность состояла въ томъ, что онъ каждый день долженъ былъ посѣщать ихъ, но денегъ имъ ни на кормъ, ни на подводы отправляемымъ въ Украину челядникамъ ихъ отнюдь не давать, потому что по великой царской милости имъ оставлены маетности (которыхъ списокъ былъ доставленъ) и имущества, и они съ нихъ могутъ себя содержать [1]).

Украинѣ жить будутъ. Сего ради указалъ великій государь всѣхъ измѣнниковъ, которые нынѣ въ турецкой землѣ и по многимъ увѣщательнымъ грамотамъ царскаго величества и обнадеженіямъ въ прощеніи вины ихъ въ отечество свое не возвратились и имѣніямъ ихъ роспись при семъ прилагается, женъ и дѣтей ихъ и матерей и братьевъ выслать къ Москвѣ за присмотромъ и велѣть имъ тамъ жить, покамѣстъ опасность со стороны турецкой минется, и тѣмъ корресподенціи сумнѣніе отнять, въ различность показавъ ихъ отъ тѣхъ, которые всегда въ вѣрности его царскому величеству пребывали. И ваша вельможность, исполняя то его величества повелѣніе, изволъте оныхъ измѣнничьихъ родственниковъ выслать къ Москвѣ, чтобъ тамъ жить безъ всякаго утѣсненія, какъ Андрей Горленко, Гамалѣя и иные тамъ на Москвѣ живутъ; тѣхъ нижеписанныхъ собрать и къ Москвѣ выслать мужеска пола съ женами, а женска съ мужьями и дѣтьми. А которыхъ дворы, маетности и всякіе заводы тѣхъ измѣнниковъ на Украинѣ есть и кому они безъ себя оное прикажутъ управлять изъ своихъ свойственниковъ или изъ постороннихъ, тѣмъ изволъте ваша вельможность указъ его величества подъ смертнымъ страхомъ оказать, чтобъ они отнюдь никому измѣнникамъ изъ тѣхъ маетностей денегъ и иного ничего не посылали и корреспонденціи съ ними не имѣли и въ томъ дать ихъ всѣхъ на поруки, а изъ тѣхъ маетностей довольствовали бы тѣхъ, которые нынѣ къ Москвѣ посланы будутъ. Тѣ ихъ маетности надлежало бы у нихъ вовсе отнять противъ иныхъ такихъ измѣнниковъ, однакожъ его царское величество по великой своей милости учинить сего не велѣлъ".

Прилагается роспись измѣнничьимъ родственникамъ. Архивъ Иностр. Дѣлъ 1712 г., апрѣль. Подлинники.

[1]) Имущества малороссійскихъ старшинъ, находившихся въ Турціи, значатся по актамъ того времени:

Присылка въ Москву требуемыхъ туда лицъ состоялась 6 сентября того же года. Отправленныя туда особы были: старуха Мировичева, мать генеральнаго бунчужнаго Өедора Мировича, который находился при Орликѣ въ званіи генеральнаго асаула, а ея дочь была за Семеномъ Забѣ-

Генеральнаго обознаго Ломиковскаго: въ Черниговскомъ полку въ сосницкомъ уѣздѣ въ селѣ Вербѣ два двора; на одномъ — хоромнаго строенія столовая свѣтлица съ комнатою, изба пекарная съ комнатою, конюшня, сарай, крытые тесомъ, баня, садъ, въ саду винница, въ винницѣ 4 котла. На другомъ дворѣ свѣтлица съ комнатою изба пекарная, одинъ амбаръ, двѣ клѣти.

Генеральнаго писаря Филиппа Орлика: въ Черниговскомъ полку въ менскомъ уѣздѣ въ селѣ Домашлинѣ дворъ, а въ немъ хоромнаго строенія свѣтлица съ комнатою, изба пекарная, двѣ конюшни (имѣніе Домашлино досталось Полуботку).

Полковника прилуцкаго Дмитрія Горленка въ городѣ Прилукахъ въ замкѣ дворъ, въ немъ хоромнаго строенія три свѣтлицы, пять комнатъ, на верху двѣ горницы, въ сѣняхъ фонарь большой, свѣтлица съ комнатою подлѣ воротъ на мшеникахъ, свѣтлица съ комнатою на леднику и на омшенику, челядная свѣтлица съ комнатою, изба пекарная съ сѣнцами, конюшня въ стани, сарай, крытый тесомъ, два погреба каменныхъ, скарбница каменная, баня съ сѣнцами, свѣтлица съ комнатою подлѣ бани, клѣтка подлѣ воротъ. Въ городѣ Прилукахъ на Чернявщинѣ на подворкахъ его же дворъ съ хоромнымъ строеніемъ—двѣ столовыхъ свѣтлицы, четыре комнаты съ сѣнцы, одна горница на верху, двѣ избы пекарныхъ, подлѣ одной пекарни свѣтлица, подлѣ другой пекарни двѣ клѣти, погребъ каменный, конюшня, амбаръ съ закромы, винница съ шестью котлами мѣдными, у тѣхъ котловъ 18-ть мѣдныхъ трубъ, подлѣ винницы клѣть. (Тѣмъ дворомъ владѣлъ Андрей Горленко. Прилуцкимъ полковникомъ послѣ Дмитрія Горленка былъ Иванъ Носъ).

Полковника лубенскаго Дмитрія Зеленскаго въ городѣ Лубнахъ дворъ, на дворѣ церковь св. мученицъ Татіаны и Параскевіи со всею утварью, домъ его—двѣ свѣтлицы столовыхъ, одна комната, двѣ свѣтлицы круглыя, покоевыя съ сѣнцами, двѣ свѣтлицы боковыхъ съ сѣнцами, одна комната съ простѣнкомъ, на верху двѣ горницы, да собрано въ одну горницу 15-ть стеклянныхъ оловооправныхъ оболоней, двѣ деревянныхъ оболони, на двухъ амбарахъ свѣтлица съ комнатою и съ сѣнцами, двѣ свѣтлицы челядныхъ, два простѣнка, на верху чер-

лою и съ мужемъ находилась при Орликѣ; съ старухою Мировичевою доставлены были въ Москву двое женатыхъ сыновей ея съ женами и дѣтьми: первый, Семенъ, былъ женатъ на дочери Ломиковскаго, второй, Василій, — на дочери кіевскаго полковника Мокіевскаго; оба тестя Мировичей находились при Орликѣ. Съ женатыми братьями

дакъ, конюшня со станями, два простѣнка, изба пекарная, свѣтлица съ комнатою, возлѣ нея пристѣнъ, деревянный погребъ съ выходомъ, амбаръ на леднику.

Семена Забѣлы въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Клишкахъ дворъ а въ немъ хоромное строеніе—свѣтлица столовая съ комнатою, а въ ней 4-ре иконы на полотнѣ, 5-ть на деревѣ неокладныхъ, два стола, на одномъ килимъ полосатый, а на стѣнѣ персидскій коверъ, на другомъ столѣ сукно голубое въ четыре аршина, въ свѣтлицѣ и комнатѣ 9-ть окончинъ стеклянныхъ въ сѣняхъ фонарь большой стеклянный, да двѣ окончины стеклянныя, да напротивъ двѣ свѣтлицы и двѣ комнаты, въ нихъ 9-ть оболоней стеклянныхъ, да коверъ на столѣ персидскій, да коверъ накладованъ на полотнѣ сукномъ травчатой, 5 иконъ окладныхъ, изъ которыхъ одна обложена серебромъ, окладъ чеканный, а 4-ре обложены мѣдью, да распятіе г-дне на полотнѣ, да килимецъ на столѣ полосатый, шкатулка изломана, обита мѣдью, 3 ручницы полосатыхъ, свѣтлица отхожая съ комнатою въ ней 30-ть оболоней стеклянныхъ, ледникъ, на немъ амбаръ, на амбарѣ горница, позади хоромъ садъ и въ немъ амбаръ, а за нимъ погребъ каменный да баня съ сажалкой, а рыбы нѣтъ. На дворѣ пекарная изба, амбаръ большой, конюшня, а въ ней коляска обита кожею, а сукно красное ободрано, колеса обиты желѣзомъ, да коломази полбочки. Изба у воротъ, сарай да закромъ подъ сараемъ, винница съ 5-ю котлами и мѣдными трубами, у 4-хъ котловъ 12-ть трубъ, одинъ котелъ для варенія браги, скотный дворъ подлѣ винницы, 14-ть коровъ, 19-ть свиней. Въ с. Клишкахъ 4-ре пруда, въ нихъ мельницы, 4-ре амбара и 9-ть камней, 10-тый немелетъ, толчея и вальница, гдѣ сукно валятъ. Да его же Забѣлы въ трехъ верстахъ отъ Клишекъ хуторъ, а въ хуторѣ пасѣка 20 ульевъ со пчелами, 12-ть гусей, 50-тъ утокъ, 12-ть индѣекъ, 15-ть русскихъ куръ, по обѣ стороны рѣки Азоты возлѣ хутора лѣса 12-ть десятинъ.

Григорія Герцика дворъ, а въ немъ хоромнаго строенія четыре свѣтлицы съ три комнаты, подлѣ воротъ двѣ свѣтлицы и двѣ комна-

Мировичами привезены были ихъ холостые братья: Яковъ, Дмитрій и Иванъ Мировичи. Затѣмъ были тогда же присланы: братъ уже прежде осужденнаго Максимовича (котораго дѣти жили въ то время на Двинѣ), Дмитрія, именемъ Степанъ, у котораго еще одинъ братъ находился

ты, челядная свѣтлица съ комнатою, изба пекарная, сарай, крытый тесомъ, 6 лавокъ торговыхъ пустыхъ.

Өедора Мировича, генеральнаго бунчужнаго въ Переяславскомъ полку, с. Столпяги—11 дворовъ, с. Нехайки—33 двора, деревня Жерноклевъ—17 дворовъ. Его же дворъ въ г. Переяславѣ, въ немъ хоромнаго строенія двѣ свѣтлицы, четыре комнаты, изба пекарная съ сѣнцами, амбаръ, сараи, крытые тесомъ, погребъ деревянный съ выходомъ, конюшня безъ крыши. Въ с. Столпягахъ дворъ, а въ немъ одна изба черная, а за дворомъ винница пустая, по сказкѣ Василія Чухны, человѣка Мировичева, было 4-ре котла винныхъ, и тѣ котлы побрали козаки отъ наказнаго полковника Бырла, что нынѣ судьею, и взяли кухву вина и два рыдвана, обитые кожею. Близь деревни Коломыецъ хуторъ и гребля, на той греблѣ одна клѣтка, одинъ камень и 4-ре ступы, на хуторѣ три избы, подлѣ хутора лѣсу на полверсты. Рухомыи речи — мужскіе—кунтушъ аксамитный зеленый съ золотымъ снуркомъ, кунтушъ табиновый чорный, подшитый попелицами, опушка соболья, другой табиновый віолетный, подшитый брюшками куничными, кафтанъ аксамитный червоный, крашениною жолтою подшитый, кафтанъ блакитный квитчастый, мусульбасомъ червонымъ подшитый, хутро лисье старое, шапка соболевая аксамитная червоная, талѣрокъ цыновыхъ 24, шабля срибломъ оправная съ позлоткою. Женскаго платья курта аксамиту рытого, подшитая соболями, курта жолтая лудановая, лисьемъ хутромъ подшитая, курта аксамитная червоная съ золотымъ голёнкомъ, мусульбасомъ червонымъ подшитая, курта адамашковая квіты золотыи и голёны пестрозлотистыи, подшитая крашениною зеленою, курта златоглавная червоная, голёнъ золотый, мусульбасомъ подшитая, три спідныци: одна табиновая червоная, голёны золотыи у двое, вторая лудановая блакитная, голёны пестрыи у двое, третья рожевая, матеріальная. (Арх. Юстиціи, книги №№ 116 — 127, листы 64 — 65. 142—143. 173—174).

Нѣтъ свѣдѣнія объ имуществѣ генеральнаго асаула Максимовача, полковника Юрія Кожуховскаго, обознаго полковаго полтавскаго До-

при Орликѣ, Иванъ Бутовичъ, у котораго родной братъ находился при Орликѣ, двѣ Герциковы, жены Григорія и Ивана, шурьевъ Орликовыхъ, — Анастасія, урожденная Громыковна, и Агриппина, урожденная Левенцовна.

Изъ свойственниковъ тѣхъ, которые были съ Орликомъ въ турецкихъ владѣніяхъ, не присланы въ Москву и оставлены въ Украинѣ по особымъ благоволеніямъ слѣдующія лица: сынъ Ломиковскаго, зять миргородскаго полковника, за котораго просилъ тесть, жена Өедора Мировича, сестра черниговскаго полковника, за которую просилъ ея братъ, и по заступничеству фельдмаршала Шереметева, одинъ изъ Забѣлъ, братъ находившагося при Орликѣ. Оставалась въ Украинѣ непосланною въ Москву жена лубенскаго полковника Зеленскаго, уже прежде присланнаго и осужденнаго на ссылку. По донесенію, отправленному отъ гетмана въ Приказъ, «она была баба старая, больная и зѣло убога: ни лошадей, ни людей, ни пожитковъ у ней нѣтъ ничего, живетъ по свойственникамъ своимъ» [1]).

Присланныхъ въ Москву родственниковъ мазепинцевъ помѣстили на Посольскомъ дворѣ, гдѣ уже жили прежде лица, доставленныя туда изъ Гетманщины. Изъ прежнихъ оставались тамъ еще: жена полковника Покотилы и жена канцеляриста Григорія; недавно передъ тѣмъ жила тамъ жена генеральнаго судьи Чуйкевича, но она перешла въ какой-то монастырь и подала на царское имя челобитную, извѣщавшую, что мужъ ея, сосланный въ Сибирь, тамъ

роша и полтавскаго полковаго судьи Ивана Красноперича. У кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго въ селѣ Козарахъ козелецкаго уѣзда домъ, а другой домъ въ г. Боришполѣ, при которомъ солодовня. У Григорія Бутовича домъ въ г. Прилукахъ. Умершій Тимоөей Згура имѣлъ крестьянъ въ селѣ Безукѣ яготинскаго уѣзда въ Переяславскомъ полку. (Замѣчаніе современное въ актахъ Юстиціи).

[1]) Судьенка. Матер. II, 444.

постригся, и она «для старости и скорби своей обѣщалась еще прежде царскаго о нихъ указу постричься, и нынѣ живетъ въ монастырѣ».

Кромѣ этихъ лицъ, содержавшихся по своемъ прибытіи въ Москву въ зданіи Посольскаго двора, жили въ Москвѣ въ дворахъ частныхъ лицъ, по особому изъятію, малороссіяне; такими были: Андрей Горленко, сынъ Дмитрія—зять миргородскаго полковника, Михайло Гамалѣя хоружій, полковникъ Кандыба, сотникъ Ждановичъ и, конечно, еще нѣкоторые другіе, о которыхъ нѣтъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Жена Михайла Гамалѣи по царской милости, вслѣдствіе своей челобитной, получила дозволеніе жить у своей матери въ Сумахъ.

Въ началѣ 1712 года доставлены были въ Москву два запорожскіе атамана, игравшіе немаловажную роль въ числѣ мазепинцевъ: Куценко и Нестулей; послѣдній былъ въ Переволочнѣ атаманомъ въ то время, когда кошевой Гордѣенко ѣздилъ для свиданія съ Мазепою и отданія поклона шведскому королю. Въ сентябрѣ того же 1712 года кіевскій губернаторъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, прислалъ въ Москву, въ качествѣ мазепинцевъ, архимандрита батуринскаго Николаевскаго монастыря, Гедеона Одорскаго, съ нимъ двухъ монаховъ и двухъ челядниковъ, лохвицкаго протопопа Іоанна Рогачевскаго, чернеца Іоанна Витковскаго, Мазепину племянницу черницу Марѳу, ея служительницъ: келейницу Магдалину и дѣвку Екатерину. Архимандритъ Одорскій обвинялся въ томъ, что принималъ на храненіе въ монастырѣ какія-то вещи отъ Орлика и, кромѣ того, составилъ какую-то духовную, которой содержаніе не одобрялось правительствомъ [1]).

[1]) Судьенка. Матер. II, 81.

Въ чемъ обвинялись прочія лица—не знаемъ. Государь указалъ сослать Одорскаго и другихъ духовныхъ особъ въ Соловецкій монастырь, а черницъ—въ Горицкій женскій монастырь на р. Шекснѣ [1]). Тогда же, или вслѣдъ за прежними, присланы были челядники Мазепы — Янъ Перевескій и Степанъ Рузановичъ, челядникъ Быстрицкаго Терновскій, краснянскій сотникъ и козакъ Прилуцкаго полка Иванъ Борисенко. Намъ неизвѣстно, за что ихъ привозили въ Москву, но извѣстно, что всѣхъ ихъ отправили въ Сибирь. Тогда же былъ доставленъ въ Москву, а оттуда отправленъ въ Сибирь Григорій Новицкій, бывшій при Мазепѣ компанейскимъ полковникомъ; онъ съ пятнадцатью козаками былъ сосланъ въ Тобольскъ и тамъ поверстанъ въ службу. Живучи въ Сибири, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательное сочиненіе о Сибири, отличающееся и богатствомъ сообщаемыхъ свѣдѣній, и наблюдательностію автора.

Возникшая у правительства подозрительность относительно вѣрности царю малороссійскаго края породила доносничество, на которое всегда падки были малороссіяне. Самымъ типичнымъ лицомъ въ этой области дѣятельности былъ тогда Данило Забѣла. Онъ сдѣлался извѣстенъ доносничествомъ еще при Мазепѣ. Въ 1699 году онъ подавалъ доносъ на гетмана, но не имѣлъ успѣха. Царь Петръ слишкомъ любилъ Мазепу и былъ увѣренъ въ его преданности престолу. Данило былъ преданъ въ распоряженіе гетмана, подвергся войсковому суду, приговоренъ былъ къ смерти, но, по благодушію гетмана, смертная казнь замѣнена была для него пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ; когда же Мазепа измѣнилъ и царь, милостями, оказанными семейству Кочубея, передъ цѣлымъ свѣтомъ заявилъ, что ошибался, считая Мазепу себѣ вѣр-

[1]) Арх. Иностр. Дѣлъ, № 27.

нымъ, и напрасно не довѣрялъ тѣмъ, которые своими доносами на гетмана предостерегали своего монарха,—Данило вообразилъ, что теперь пришла пора, когда его доносы будутъ приниматься съ полнымъ довѣріемъ, началъ писать доносы на самаго гетмана Скоропадскаго, извѣщая, что онъ приблизилъ къ себѣ людей, оказавшихся прежде сторонниками Мазепы. Не видно, чтобъ этотъ доносъ возъимѣлъ дѣйствіе, но замѣчательно, что резидентъ царскій, жившій при гетманѣ Скоропадскомъ, Ѳедоръ Протасьевъ, также сообщалъ, что гетманъ надѣлилъ маетностями подозрительныхъ лицъ [1]).

[1]) А именно: канцеляриста Терновскаго двумя селами въ Прилуцкомъ полку, когда вотчимъ его, батуринскій сотникъ, казненъ за измѣну; канцеляриста Трощинскаго—однимъ селомъ, а этотъ человѣкъ былъ свойственникомъ Мазепѣ и отецъ его умеръ въ Кіевѣ за карауломъ; сыновьямъ казненнаго Нестеренка Скоропадскій подарилъ село Свинопухи; прилуцкому попу Лесеновичу далъ универсалъ на село и мельницу, а этотъ попъ былъ прежде полковымъ писаремъ при Дмитріѣ Горленкѣ; прилуцкому козаку Якову, присланному нѣкогда Горленкомъ въ качествѣ наказнаго полковника въ Прилуки—подарилъ два села; сыну Карпеки, Данилу, Скоропадскій отдалъ пожитки бывшаго кіевскаго полковника Мокіевскаго—три села и двѣнадцать хуторовъ, тогда какъ этотъ Карпекинъ сынъ былъ съ женою при Мазепѣ, и тамъ жена его родила, а воспріемникомъ былъ шведскій полковникъ; племянникъ Чечела, казненнаго за сопротивленіе русскимъ въ Батуринѣ, получилъ отъ Скоропадскаго универсалъ на село Голубчичи въ Черниговскомъ полку; нѣкто Сергіенко, бѣжавшій съ Мазепою въ Турцію и возвратившійся уже по смерти Мазепы, получилъ въ сосницкомъ уѣздѣ хуторы и мельницы; въ Стародубскомъ полку получили села бывшій конюшій Мазепы Городинскій, слуги его Добрянскій и Деульскій: послѣдняго Мазепа отправлялъ въ Стародубскій полкъ изъ Ромна возмущать народъ; въ Нѣжинскомъ полку на села и мельницы далъ Скоропадскій универсалы сотнику Пиродскому и полковому асаулу Тарасенку, хотя оба находились въ подозрѣніи, а также выдалъ универсалы на такія же статьи Тополницкому и Самойленку, свойственникамъ Мазепы, которые, во время прихода шведовъ въ Украину, находились въ Поль-

Мы не находили рѣшенія, чѣмъ кончилось дѣло по этому сообщенію Протасьева, подтверждавшему доносы Данилы Забѣлы [1]).

Характеристичны того же времени доносы гадяцкаго протопопа Ѳедора Лисовскаго и чернеца Мгарскаго лубенскаго монастыря Дамаскина. Ѳедоръ Лисовскій, впослѣдствіи по волѣ царя ставшій изъ священника сотникомъ козацкимъ, доносилъ на гадяцкаго полковника Чарныша [2]), что тотъ во время царскаго молебна не велѣлъ палить изъ пушекъ и назначилъ у себя въ полку полковымъ асауломъ запорожца, бывшаго въ измѣнѣ, а городничимъ какого-то козака, во время шведскаго нашествія подводившаго непріятеля къ городу Веприку [3]).

Доносъ Дамаскина еще характеристичнѣе: здѣсь из-

шѣ, куда были отправлены для воспитанія, а родному ихъ брату была отсѣчена голова въ Сумахъ. Въ Гадяцкомъ полку получили маетности бывшій Мазепинъ канцеляристъ Яснопольскій и полковой писарь Сытенскій, говорившій во время вступленія шведскаго короля въ Гадячъ поздравительную рѣчь, и еще нѣкто Ращековскій, бывшій студентъ кіевской коллегіи, никогда не служившій въ козацкомъ войскѣ и неизвѣстно за что удостоившійся гетманской милости. Въ Лубенскомъ полку далъ гетманъ универсалъ на владѣніе селомъ полковому лубенскому писарю, а онъ съ своимъ полковникомъ Зеленскимъ находился при Мазепѣ и явился съ повинною уже послѣ полтавскаго боя. Сверхъ того, неизвѣстно въ какихъ полкахъ получили отъ гетмана универсалы на села и мельницы: челядникъ Кочубея Григоровичъ и попъ Кулаковскій, женатые на дочеряхъ измѣнника полковника Кожуховскаго, бывшій слуга Мазепы Малашевскій, Иванъ Борза, взятый на полтавской битвѣ и ускользнувшій отъ ссылки, куда бы слѣдовало его отправить, и бывшій сотникъ Иваницкій, подозрѣвавшійся въ измѣнѣ. Наконецъ, указывалось и на то, что гетманъ Скоропадскій оставилъ во владѣніи жены сосланнаго канцеляриста Грицка его маетность. Арх. Юст. Подлинники.

[1]) Арх. Юстиц. кн., № 79—1806, л. 352, 355—357.

[2]) Судьенка. Матер. II, 64.

[3]) Судьенка. Матер. II, 215.

вѣтъ на всѣхъ вообще малороссійскихъ жителей, преимущественно же Лубенскаго полка [1]).

[1]) „Удивляюсь не по малу,—выражается доносчикъ,—чому-то государь довѣряетъ намъ людямъ черкасскимъ: онѣ люди хитрыи, не можно ихъ дознатися правды, нынѣ будто-то государю споможенье даютъ, на подъѣзды ѣздютъ,—только змовлятися, абы тыхъ людей къ себѣ принять на помочъ; бо сами не могутъ того учинити, такъ въ раду на помощь затягаютъ запорожцевъ и турчина, абы государевы войска запропастить. Если государь того вчинити не изволитъ —побрати полковника лубенскаго, судію, писаря, асаула полковаго Максима Дорошенка, Сухановскаго, лекаря Косинскаго, Ничипора сотника войскового, а въ монастырю игумена и съ братомъ Каленикомъ и съ братіею палатною, имяны ихъ Филаретъ, Илія, Савватій, Иларіонъ, Діонисій пятый (казначей по руску) бо въ нихъ одна мысль з полковникомъ, также и переяславскаго полковника со всѣмъ улусомъ узети, а въ монастыри Межигорскомъ также побрати старшихъ усихъ; бо были въ одномъ совѣтѣ: студентовъ ховаютъ, запорожцовъ также ховаютъ по монастыряхъ, чернеческими чины покрываютъ, а по городамъ, по винницамъ, по броварнямъ ховаются, также и по степамъ. Если государь усихъ ихъ изволитъ выбрати по городамъ и по монастырямъ, и въ ихъ мѣсто русскихъ поставляти, по городамъ воеводъ, а по монастырямъ законниковъ русскихъ игуменовъ, намѣстниковъ духовныхъ, казначеевъ, писаревъ, да и сторожу въ монастыряхъ лубенскомъ и межигорскомъ, также и въ переяславскомъ, также изволте узять епископовъ и русскихъ поставляйте; у Кіевѣ также по всѣхъ поставляйте русскихъ, будете знати и скарбы монастырскіи. Бо у нихъ одна думка у всѣхъ яко епископовъ и архимандритовъ, такъ и игуменовъ. Мгарскій игуменъ хитрѣйшій зъ усихъ; изволь поискать отъ востока до запада, то такихъ не знайти хитрыхъ; бо одно сами хитрыи, а другое братовъ такихъ маютъ хитрѣйшихъ, бо зъ Мазепою за брата живали. А они за Мазепу безпрестанно Бога просятъ; а такіе каверзники: коли заочно они, то ихъ сѣкутъ и рубаютъ, а коли въ очи, то на образъ гледючи святыми мужами называютъ! Такіе то законники! Если государь изволитъ Украину подъ собою держати, то изволте русскихъ людей держать по городамъ, а то не только Украины ничего будетъ, але на столици и самъ не одержится: если сихъ часовъ не похватаютъ ихъ усихъ, то пождавши оны весны, да зберутся укупу и запорожцовъ и Орды межъ сіи люде; тогда имъ чаяти що будетъ столица

Доносъ мгарскаго монаха остался безъ послѣдствій, хотя доносчикъ не подвергся наказанію за доносъ, какъ дѣлалось въ прежнее время съ доносчиками на Мазепу, когда Мазепа пользовался царскимъ довѣріемъ. Дѣйствительнѣе оказались тогда доносы на обознаго Лубенскаго полка и на роменскаго сотника: ихъ обвиняли въ произнесеніи дерзкихъ ругательныхъ словъ о государѣ [1]). Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, кіевскій воевода, принявъ во вниманіе слухи о прежнемъ послушаніи этихъ лицъ Мазепѣ уже послѣ отпаденія гетмана отъ царя, приказалъ арестовать ихъ и не хотѣлъ выпустить ихъ, какъ ни просилъ за нихъ гетманъ Скоропадскій.

ихъ, а не твоя будетъ. Изволь, государь, во первыхъ гетмана узять, изволте духовный чинъ перемѣнить скоро, скоро, потомъ... мало пишу, много челомъ бью. Нанисшій слуга и богомолецъ за государя света великаго". Арх. Иностр. Дѣлъ 1712, № 52.

[1]) Судьенка. Матер. II, 18.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Письмо вице-канцлера Шафирова изъ Константинополя.—Попытка Дмитрія Горленка примириться съ царемъ.—Его письма къ Скоропадскому.—Письмо Горленка къ Орлику, доставшееся въ руки Скоропадскому.—Родственники мазепинцевъ пишутъ, подъ угрозами себѣ смерти, письма къ нимъ въ Турцію.—Новое колебаніе турецкой политики.—Окончательное примиреніе Турціи съ Россіею.—Переписка Дмитрія Горленка съ кн. Голицынымъ и съ гетманомъ Скоропадскимъ.—Прибытіе Дмитрія Горленка и его товарищей въ Украину.—Отъѣздъ въ Москву.—Челобитная царю отъ возвратившихся малороссійскихъ эмигрантовъ.—Ихъ положеніе въ Москвѣ.

Сильнѣе всѣхъ доносовъ подѣйствовало на правительство письмо вице-канцлера Шафирова, посланное изъ Константинополя въ августѣ 1712 года. Шафировъ извѣщалъ, что малороссійскіе измѣнники возбуждаютъ турецкій дворъ противъ Россіи и они-то есть главная причина, мѣшающая установленію мира; они живутъ въ турецкихъ владѣніяхъ оттого, что получаютъ пособія изъ Украины. Шафировъ подавалъ совѣтъ заставить ихъ родственниковъ написать къ нимъ и послать черезъ нарочнаго письма, въ которыхъ побуждать, чтобъ они или возвратились на родину, или поселились бы гдѣ-нибудь вдали отъ русскихъ границъ и не производили бы смутъ, угрожая имъ, что

если они такъ не поступятъ, то родню ихъ казнятъ смертію [1]).

Еще прежде чѣмъ успѣли по письму Шафирова сдѣлать распоряженіе о высылкѣ въ Москву малороссійскихъ семействъ съ цѣлію принудить ихъ писать письма къ своимъ роднымъ, пребывавшимъ въ турецкихъ владѣніяхъ, гетманъ Скоропадскій сталъ получать письма отъ одного изъ коноводовъ кружка мазепинцевъ, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, который рѣшился на этотъ шагъ послѣ того, какъ, пробывши всю зиму въ Константинополѣ, ничего не успѣлъ, и видѣлъ, что миръ съ Россіею заключается и малороссійскимъ изгнанникамъ мало остается надежды на помощь отъ Турціи. Онъ воротился въ Молдавію и оттуда написалъ Скоропадскому первое письмо, съ просьбою о ходатайствѣ за него предъ государемъ. Въ письмѣ своемъ Горленко старается выставить себя жертвою обмана и насилія и свое преступленіе называетъ невольнымъ прегрѣшеніемъ [2]). Во второмъ своемъ письмѣ къ

[1]) Арх. Юст., Малор., дѣла, № 120.

[2]) Арх. Юст., № 120. И счастливый той человѣкъ иже не соблазнялся за лукавою того вожда манудукціею, а той еще наисчастливѣйшій и видимая благодать Божія при немъ, которого судбы Божія той его слѣпого вожда нашого измѣны где инде отъ боку его на его царского пресвѣтлого величества службу воковали, бо певне всякъ на той часъ боку его присутствующій подобнымъ же способомъ якъ мы в сіе невивилняне забралъ быся лабиринты и кого колвекъ бы з женою и з дѣтми в свою вражую уплутавъ сѣтку, трудно бы всякому было з оной выплутатися, що наибарзѣй справило намъ неслушне чрезъ него привлащенное самодержавіе и власть незвычайная вишше мѣры ему надъ нами врученная; гды жъ если бы которий колвекъ зъ насъ прозрѣвши въ немъ злохитрное ку богохранимому монархи своего маестатовѣ намѣреніе схотѣлъ вѣрность свою в перестереженю освѣдчити, то певноби тиранско пострадалъ смертію. Устрашалъ кождого з насъ прикладъ виконаний над покойными Кочубеемъ и Искрою за правду и вѣрность пострадавшими; то зась наигоршая

Скоропадскому Горленко извѣщалъ, что ханъ крымскій хочетъ послать его въ правобережную Украину въ полки Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, въ край, который турки отдавали для водворенія козаковъ, уступая царю лѣвобережную Украину съ Кіевомъ. Горленко указывалъ, что для него это будетъ желаннымъ предлогомъ перейти на царскую сторону и обѣщалъ, при оставленіи турецкихъ владѣній, издать универсалъ къ народу, предостерегающій отъ признанія надъ собою бусурманской власти. Въ случаѣ, если бы не состоялось предположеніе о посылкѣ его въ Украину, онъ постарается пробраться черезъ Польшу въ Украину, заручившись ассекураціею со стороны царской въ своей безопасности. Наконецъ, если даже царь не даруетъ ему прощенія, онъ все-таки не будетъ до конца своей жизни царскимъ врагомъ, хотя при этомъ и оговаривался, что, находясь въ рукахъ враговъ, онъ, противъ собственнаго своего желанія, долженъ будетъ исполнятъ ихъ приказанія, какъ прежде дѣлалось, потому что онъ не въ силахъ будетъ избавиться отъ крайности [1]).

же онъ хитрецъ змершій вождъ нашъ престереженний зоставши з утѣчки нѣкоторихъ колвекъ нашихъ такъ насъ всѣхъ позосталихъ з жонами и дѣтми взялъ в клюби нжъ жодными мѣры отъ рукъ его избѣгти было невозможно: на всѣ поступки наши и на всѣ обороты не тилко полную мѣлъ анимадверсію, але всегда аки въ отхланѣ пекелнои ангели лукавими стрегоми бѣхомъ и въ той часъ от его неусыпной инспекціи свободихомся когда смертелнымъ сномъ очи его заслѣплены зостали.

[1]) ...Ханъ 14 марта посылалъ мурзу ко мнѣ чтобы я постомъ прибылъ и за пріѣздомъ моимъ въ Килію обнадежилъ меня скоро по возвращеніи везиря своего изъ Стамбула, который тогожъ времени посланъ, отпустить меня совсѣмъ въ Украину въ Чигиринскій, Каневскій и Черкасскій полки до которыхъ что уже поляки неимѣютъ тѣмъ увѣрялъ крѣпко. И ежели та ихъ деклярація мнѣ объявленная не солжется, то дай Боже, чтобъ я з женою и дѣтми моими вырвався къ Днѣпру моглъ приближитися, тамъ буду всемилостивѣйшого государя его царского пресвѣтлого величества за почтеннымъ хода-

Письма эти писаны были дѣйствительно въ крайности. Надежда на Турцію все болѣе и болѣе испарялась. Въ апрѣлѣ 1712 года заключенъ былъ турецкимъ правительствомъ съ Россіею миръ, который отнималъ у малороссіянъ возможность увидѣть всю свою Украину освобожден-

тайствомъ сіятельныхъ министровъ и вельможности вашей, моего давнего благодѣтеля, ассекураціи ожидати, которую если могу получити, то, отъѣзжая до милости монаршой, имѣю универсалами моими тое предъ народомъ тамъ будучимъ розголошати, хуля и уничтожая ихъ богомерзкую и вѣрѣ нашей христіанской противную бусурманскую оборону и защищеніе, чтобъ нихто не дерзалъ на землѣ той, которая не дай Боже имѣла бы подъ бусурманскою властію быти селитися и сноватися, не надѣясь на бусурманскую оборону и не уповая отъ нихъ себѣ добра и цѣлости, но чтобы люди тамошніи приходили подъ высоко державную руку православного монархи нашого... А че не дай Боже еслибъ я не имѣлъ милосердія монаршого еще совершенно получити (въ которого благоутробіе сумнѣватися не могу), то хотя бы мнѣ пришлось и подъ бусурманскою обороною вѣкъ кончати, то вельможности вашей объявляю душею христіанскою и Христа распятого во свидѣтелство ставлю, что какъ съ начала тои проклятои измѣны Мазепинои не былъ я врагомъ государю нашему, и до кончины живота моего никогда не буду и умирати съ вѣрностію моею праведному монарху всеусердно желаю. А что сія сторона мнѣ розказываеть и до какихъ ни есть посылокъ употребляла и употребляти имѣетъ, по неволѣ чинить принужденъ буду, ибо чѣмъ бы того избыть въ ихъ рукахъ живучи и способовъ изыскати не могу... А еже ли буду годнымъ милости Божіей подлинную амнистію всѣмъ винамъ моимъ з милосердія монаршого получу, а бусурманская соляжется декларація, что не отправятъ меня въ полки назначенные, тогда принужденъ буду до часу Орлика держатися и съ нимъ купно старатися, чтобъ я могъ какимъ ни есть способомъ з сеи земли жену мою и дѣтей выпроводити, хотя в державу лядскую, а какъ мнѣ зъ державы лядской къ дому пріѣхати, о томъ всемъ секретного наставленія и показанія способу вельможности вашои покорно для Христа распятого прошу, ибо подъ пресвѣтлымъ монархомъ моимъ подъ которымъ родился и умирать желаю.

Въ цидулѣ проситъ не показывать никому ни подателю писма сѣго. (Арх. Юст., № 120).

ною отъ московской власти и предоставлялъ имъ въ будущемъ прїютъ только въ трехъ правобережныхъ полкахъ, о которыхъ писалъ Горленко Скоропадскому.

Но апрѣльскій мирный договоръ не завершилъ дѣла. Оно затянулось еще на годъ и малороссіяне опять стали гоняться за призракомъ освобожденія Украины съ помощію турокъ. Опять начали они обивать пороги Дивана и пытаться возбуждать турокъ противъ москалей. По этому-то поводу написалъ Шафировъ вышесказанное письмо, совѣтуя употребить въ дѣло родню эмигрантовъ. Еще прежде полученія въ Россіи донесенія Шафирова, но, какъ предполагать можно, уже по полученіи Горленковыхъ писемъ, гетману попался въ руки документъ, изъ котораго Скоропадскій могъ ясно заключить, что увѣренія Горленка въ преданности царю и готовности служить ему съ вѣрностію не заслуживаютъ довѣрія. Попалось гетману письмо Горленка къ Орлику, доставленное нѣкіимъ переволочанскимъ козакомъ Ковальчукомъ, которому передалъ его по секрету Костя Гордѣенко, пріѣзжавшій изъ Бендеръ въ Сѣчу. Скоропадскому это письмо досталось въ маѣ, а было оно писано Горленкомъ Орлику немного ранѣе письма, посланнаго Горленкомъ Скоропадскому, которое мы привели выше. Изъ письма Горленка къ Орлику [1]) видно, что тогдашній визирь турецкій, склонный

[1]) Письмо Горленка къ Орлику изъ Стамбула 27 февр. 1712 г.

Ясневельможный милостивый господине гетмане нашъ зѣло милостивый господине и благодѣтелю!. 20 февраля настоящаго писали мы чрезъ его милость господина Багри-агу Капчи-башу вторицею в дѣлѣ нашемъ ѣдучого до наияснѣйшаго хана его милости листъ нашъ до вельможности вашей, объявляя, что о Кіевѣ написалъ до самого пресвѣтлѣйшаго салтанова величества, челобитную (также написалемъ какъ и листъ къ хану его милости писали мы) отдали до рукъ наияснѣшого везиря его милости, отъ котораго при поданіи челобитной отвѣтъ получили: мы де всѣ дѣла с Москвою кончили, толко в субботу имѣли мы о Украинѣ разговоры; уже Москва цѣлую

къ примиренію съ Россіею, еще манилъ малороссійскихъ эмигрантовъ пустыми надеждами, а Горленко, все еще принимая за чистую монету визирскія увѣренія, убѣждалъ Орлика ходатайствовать у крымскаго хана о содѣйствіи къ удержанію Кіева за козаками. Это дѣлалось за какой-нибудь мѣсяцъ съ небольшимъ до обращенія того же Горленка къ Скоропадскому. Понятно, что письма Горленка, посылаемыя въ Россію, не удостоивались отвѣта.

Семейства, на которыхъ указывалъ Шафировъ въ сво-

Украину уступаетъ только проситъ насъ объ одномъ Кіевѣ, того для мы потомъ намыслилися было (еслибы инако обойтись не мочно) не стояти за Кіевъ, а теперъ вырозумѣвши якъ Украинѣ Кіевъ есть потребенъ, будемъ старатися, чтобъ и Кіевъ при васъ былъ, о чемъ за нѣсколько дней какъ постановится будете отъ насъ имѣть извѣщеніе, котораго до сего времени не имѣли мы, понеже о томъ послано до нынѣшняго хана его милости господина Багри-агу Капичибашу, требуя отвѣта какъ бы с Кіевомъ поступити. Пишемъ къ вельможности вашей и покорно просимъ: изволте самъ какъ наискорѣе до наияснѣйшаго хана его милости ѣхати и прилѣжнымъ своимъ прошеніемъ къ тому его милость склонити, чтобъ склонянъ тутъ за Кіевъ стояти, понеже тутъ какъ видимъ мы всего нашего дѣла совершенство на его совѣтѣ выведется, и если оттуду сюды отвѣтъ о уступленю Кіева принесенъ будетъ, то тутъ оную с радостію примутъ. Для того тамъ бодро належитъ вельможности вашей старатися, чтобъ нихто со стороны нашей не далъ себѣ слышати о уступленю Кіева, ибо тутъ розные бываютъ на насъ искушенія, но мы пристойную сохраняемъ осторожность. Пространно о семъ для подлинныхъ оказій не дерзаемъ писати, токмо покорно просимъ: изволте вельможность ваша какъ наискорѣе всякими способами, пока Багри-ага оттуда сюда возвратится, о Кіевѣ старатися, ибо здесь по тѣхъ мѣстъ трактаты не скончаются, поки отъ его ханскои милости не будетъ вѣдомости о томъ.

Копію съ листа писаннаго нами до хана его милости чрезъ его милость господина диванъ-эффенди про занасъ и нынѣ посылаемъ до вельможности вашей, а насъ самыхъ съ вѣрными около общаго добра услугами господской его милости на всегда вручаемъ. (Арх. Юст.).

ихъ донесеніяхъ, уже ранѣе были привезены въ Москву и послѣ сообщенія, доставленнаго Шафировымъ, подвергнуты были стѣсненіямъ и угрозамъ. Ихъ принудили писать къ своимъ родственникамъ, находившимся въ турецкихъ владѣніяхъ, что если они не перестанутъ возбуждать турокъ противъ россійскаго царя, то за это ихъ родственниковъ, остающихся подъ царскою державою, казнятъ смертію. Бутовичъ и Максимовичъ написали къ своимъ братьямъ [1]), двѣ женщины, жены братьевъ Герциковъ,—къ своимъ мужьямъ [2]); мать Ѳедора Мировича

[1]) Бутовичъ къ брату: Я до васъ, брате мой пане брате, пишу. Когда Господа Бога въ сердцѣ маешъ, вспамятай-но принаимнѣй на матку, которая тебе родила, за тебе единого должна неволю терпѣти и за малымъ смертью в той неволѣ в Глуховѣ не пострaждала, также и я ажъ до сего часу въ царствующемъ градѣ Москвѣ за тебе, брате, въ неволѣ стражду. Вѣдаешъ ты тое же тамъ ты отнюдь непотребный: ты неспособный а нѣ до войны, а нѣ до рады якоп. Вспоминай же на указъ государственный, що въ немъ выражено: же за тебе единого, ежели не возвратишся до стороны государевои, то всѣ мы сродственники будемъ безъ жадного милосердія смертію казнены. Теды прошу со слезами: будь яко сынъ матцѣ, да не погибнетъ за тебе смертью, а менѣ не будь братоубійцею. Ежели сумнѣватимешся возвратитися ку сторонѣ государевои, то прошу тебе, брате, удалившися въ страны волоскіе албо мультанскіе, сиди тамъ щобъ тебе нѣ сычъ нѣ сова не знали. Зичливый братъ и вязень Иванъ Артамоновичъ Бутовичъ.

Въ письмѣ Максимовича къ брату такого же содержанія: ...Яви любовъ свою ко мнѣ брату своему, оставь свое намѣреніе, не будь самоволнымъ братнимъ убійцемъ, кгды ужъ и такъ пройшло заданное желѣзо душу мою; а на остатокъ ежели тово не престанешъ, лечъ еще болше забавишся въ своемъ передсявзятю, то Богъ на тебѣ позыщетъ моеи невинной напрасной смерти и неповинно в молодомъ вѣку моемъ мечнаго постеня.

Вашъ-мости зичливый братъ Стефанъ Максимовичъ.

[2]) Милые малжонки наши Григоріе и Иване! По указу пресвѣтлѣйшаго монарха нашого его царскаго величества запроважены мы въ царствующій градъ Москву, но безвинно, за ваше преступленіе

съ оставшимися при ней сыновьями, въ своемъ письмѣ къ сыну-эмигранту, вспоминаетъ о вѣрной службѣ его родителя, скончавшаго жизнь свою въ плѣну у тѣхъ враговъ, къ которымъ онъ, сынъ его, теперь присталъ, извѣщаетъ, что ее взяли подъ караулъ и держатъ съ дѣтьми въ неволѣ, послѣ того, какъ узнали, что онъ, ея сынъ, появлялся въ польскихъ владѣніяхъ съ Быстрицкимъ и полякомъ Грудзинскимъ. Мать умоляла его не губить родной матери и своихъ братьевъ, но возвратиться къ прежней покорности своему государю или, по крайней мѣрѣ,

противъ царскаго величества, и подъ жестокимъ карауломъ зостаемъ скованн, зачимъ по его жъ государеву указу пишемъ до васъ бѣдницы. Аще имѣете любви своей малженской хоть маленко ку намъ, то пощадѣте насъ и дѣтей своихъ и сами возвратитеся яко заблудшіе сыны къ первому его царскаго величества любимаго отца достоянію, а онъ, видѣвше ваше смиреніе, несумнительно, яко евангельскій отецъ, любезно воспріиметъ вы. Аще же ожесточенное сердце ваше о насъ не умилится, то мы за ваше преступленіе смертную безъ милости отъ его царскаго величества понесемъ казнь. А ежели нужды какія ради, отъ противныхъ вамъ нанесенныя, не можете возвратитися, то принаимнѣй не прилучайтесь до ихъ совѣтовъ противныхъ его царскому величеству, также и мѣсце собѣ близко границъ царскаго величества не старайтесь имѣти, но оподаль либо в волоской землѣ либо в мультанской либо где индѣ, для полегкости намъ сидючимъ у вязеню бо ежели будете поблизу мешкане имѣти, то народъ вами смущатиметься зъ чого болшѣй гнѣвъ и крайнюю бѣду на насъ и на себе отъ царскаго величества немилость пріобрѣтете. А що мы слезне зъ любви нашой малженской къ вамъ просимъ и себе сохранѣте и насъ вѣчне зъ дѣтками не погубѣте, но паче до прежней царскаго величества любви и милостиваго прощенія за преступленія ваши наклоняйтеся, которому васъ и насъ самихъ вручаемъ и зостаемъ ваши всего добра зичливые малжонки.

Анастасія Громиковна Герцикова,
Агриппина Левенцовна Герцикова.

(Арх. Юст., № 120).

отдалиться и не вмѣшиваться въ политическія дѣла, наносящія ущербъ царю [1]).

[1]) Письмо Мировичевой къ сыну.

Отдаленный отъ моего материнскаго благословенія сыну Өеодоре Мировичу, царскій же преступниче!

Приказалъ намъ его величество всѣмъ сидячимъ за карауломъ и скованнымъ здесь на Москвѣ: же бысьмо писали до васъ упамятаючи и приводячи вамъ на памъять грѣхъ вашъ и преступленіе, противное ему монарсѣ нашому, за що токмо, аще кающеся зъ повинною до его монаршого простительного милосердія прибѣгнете, безъ вонтпеня получите милостивную в животѣ своемъ свободу. Въ томъ тебе, сыну мой возлюбленный (аще и недостоинъ нарещи тя), матерински молю з сынами а братами твоими: вспомяни на первобытную отца твоего до его царскаго величества вѣрность, на которой васъ ради потомства своего и цѣлаго дому житіе свое скончалъ отъ стѣсненя того, которому теперь приключился еси, заслуговуючи вамъ на потомныи часы милость монархи своего, якую ты преступленіемъ предъ лицемъ монаршимъ царскаго величества вѣчнои памяти отдалесь и вмѣсто милости монаршой и благодаренія за явленную отцомъ вашимъ кровію и ранами своими заслуженную вѣрность, твоего ради преступленія, отъ царскаго величества воспріемлешъ казнь, аки въ разбойничествѣ и злодѣяніи якомъ. Аще па персвазію мою материнскую не возвратишися до первого вѣрности своеи познанія, молю тя слезне подъ неблагословеніемъ моимъ материнскимъ принаймнѣй в дѣла тамошніе противные царскому величеству не втручатися и помѣшканя себѣ близь границѣ царскаго величества избирати нехоти, только в одлеглости якои любъ волоскои любъ в молтанской границѣ любъ якои инпои далекости же бысь еси своимъ непостоянствомъ кровѣ моси материнской и братерской не пролилъ, яко-сь и прошлого лѣта явилесь въ Полщѣ з Быстрицкимъ и зъ полякомъ Грузѣнскимъ и з запорожцами, за якое твое преступленіе зо всѣми дѣтми моими з братами твоими взятамъ за караулъ и теперъ терплю тяжкое вязенье зо всѣми дѣтками моими. Затѣмъ яви улѣтоване надо мною маткою и братами твоими, ухилися отъ тои противнои стороны, а коли того не учинишъ, то безъ милосердія и безъ всякого пощадѣнія смертію будемъ казнены. Которое мое материнское листовное выражене совѣтую исполнити, Божію и монаршую милость, а мое материнское благослевеніе получити желаю, всего добра зичлива матка з братами твоими.

О томъ, что высочайшій указъ былъ объявленъ всѣмъ привезеннымъ въ Москву родственникамъ мазепинцевъ, скрывавшихся въ Турціи, сообщено было русскому посольству въ Константинополь 20 октября 1712 года, а письма ихъ къ роднымъ въ Турціи подписаны вторымъ числомъ декабря того же года. Они были отправлены съ курьеромъ по назначенію, но не достигли своей цѣли. Съ Турціей у Россіи опять возникалъ разрывъ; царское посольство заключено было въ Едикулъ. Опять турки заговорили объ оторваніи Украины отъ Московской державы. Опять, казалось, оживали надежды мазепинцевъ. Но на этотъ разъ обольщеніе было недолговремено. Колебаніе турецкой политики подъ враждебными другъ другу вліяніями, съ одной стороны, пословъ англійскаго, голландскаго и русскаго, съ другой—шведскаго и французскаго, улеглось не далѣе какъ лѣтомъ 1713 года. Подтверждено было прежде постановленное перемиріе съ россійскимъ царемъ на двадцать пять лѣтъ. Тутъ малороссіяне увидали, что нѣтъ имъ болѣе надежды,—и оставаться въ Турціи безполезно. Уже признанный ими протекторъ Карлъ XII собирался уходить изъ султанскихъ владѣній: турки прогоняли его изъ своего края. Немногіе изъ мазепинцевъ готовы были слѣдовать за нимъ, но другіе хватились за попытки примириться съ царемъ и испросить себѣ отъ государя прощеніе. Они обратились къ іерусалимскому патріарху и упрашивали его ходатайствовать за нихъ передъ царскимъ посольствомъ. 14 августа 1713 года Шафировъ извѣстилъ царя, что іерусалимскій патріархъ ходатайство-

Пелагія Сологубовна Мировичевая, Семенъ, Василь, Яковъ, Димитрій и Іоаннъ Мировичи.

А ежели паки ты в сторону царскаго величества возвратишися то будешъ дарованъ животомъ.

Декабря 2. 1712. року.

(Арх. Юст., № 120).

валъ за малороссіянъ, по просьбѣ бывшаго прилуцкаго полковника Горленка, писаря Максимовича и булавничаго (вѣроятно, такъ передѣлали чинъ генеральнаго бунчужнаго) Мировича, чтобы подканцлеръ далъ царскимъ именемъ удостовѣреніе, что они будутъ приняты въ отечествѣ и оставлены цѣлыми и невредимыми въ здоровьѣ и имуществѣ. Подканцлеръ, уже имѣвшій отъ государя наставленіе, какъ ему поступать въ подобномъ случаѣ, отвѣчалъ патріарху, что если эти виновные царскіе подданные возвратятся, то не будетъ никакой напасти ихъ здоровью и жизни, и получатъ они прощеніе за всѣ свои прежнія вины, но возвращенія ихъ прежнихъ маетностей онъ не можетъ обѣщать, потому что послѣ ихъ измѣны большая часть этихъ маетностей была роздана другимъ лицамъ, остававшимся всегда вѣрными царю. Современемъ, однако, могутъ быть пожалованы имъ кое-какія изъ отобранныхъ маетностей, если въ теченіе извѣстнаго времени они покажутъ свою вѣрность. Послѣ того Шафировъ, по условію, постановленному съ кіевскимъ губернаторомъ, послалъ патріарху тридцать какихъ-то знаковъ съ цифрами и съ словами: «сему изволь вѣрить!» Эти знаки могли малороссіяне, возвращаясь въ отечество, представить кіевскому губернатору для своей безопасности. Въ то же время подканцлеръ сообщилъ объ этомъ кіевскому губернатору и фельдмаршалу Шереметеву и извѣстилъ о томъ царя, котораго просилъ отъ себя послать приказаніе этимъ сановникамъ принимать малороссіянъ, являющихся со знаками. Посылая знаки патріарху, подканцлеръ извѣщалъ, что кто явится съ этими условными знаками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ милостивомъ пріемѣ, «дабы то вѣдая всѣ возвратились безъ сумнѣнія и безъ опасенія кары за свои преступленія». Патріархъ, получивши знаки, отвѣчалъ, что, когда время позоветъ, онъ раздастъ ихъ знатнымъ особамъ, «а подлые и такъ идутъ».

Царь отвѣчалъ на извѣщеніе Шафирова, что уже посланы указы кн. Голицыну и фельдмаршалу Шереметеву принимать знатныхъ особъ изъ измѣнниковъ козаковъ со знаками отъ посольства, а простыхъ, когда придутъ изъ чужой земли въ Украину, принимать и безъ всякихъ знаковъ [1]).

Съ тѣхъ поръ до апрѣля 1714 года мы не встрѣтили сношеній съ эмигрантами. Весною 1714 года кіевскій губернаторъ получилъ изъ Яссъ письмо отъ Дмитрія Горленка и Максимовича съ приложеніемъ секретной информаціи, гдѣ были изложены желанія, съ которыми эмигранты возвращались. Въ письмѣ была просьба къ кіевскому губернатору о ходатайствѣ передъ царемъ за раскаявшихся и возвращавшихся преступниковъ [2]). Информаціи мы

[1]) Арх. Юстиц., Малор. дѣла, № 120.

[2]) Изъ письма Горленка къ кн. Голицыну:

... теперъ зась когда головы неспокойніе передсявзяте свое преломили, отверзаетъ намъ двери ходатай нашъ вашему сіятелству свѣдомый благоутробія вашей княжей милости присного моего патрона и древняго благодѣтеля, которому чрезъ сію мою подлую карту доземне чоломъ упадаючи, всепокорственно прошу дабы ваше сіятелство, з натуралной своей доброты и милости, поважную и многомощную свою до всемилостивѣйшаго монархи его царскаго величества внести инстанцію и отческаго своего приложити старанія, же бы тѣ наши прегрѣшенія в онъ же насъ злоба вожда нашого впровадила во всемъ простити и до прежней приняти ласки подъ высоко державную и богохранимую свою руку по прежней своей милости изволилъ для доховани нашей подданской до кончины живота нашего вѣрности. И что намъ потребно есть, о томъ вашей княжей милости изъ информаціи секретной при семъ включенной извѣстно будетъ, въ которой информаціи выраженныя прошенія благоволи ваша княжеская милость повагою своею исполнити. Сердечне супликую и призрительной мя его же давней ласцѣ и милосердію навсегда вручаю яко есмь вашей княжеской милости патрона моего и благодѣтеля всеизящнѣйшаго уставичный слуга и наинисшій подножокъ

Дмитрій Горленк

З Ясъ. Апрѣля 18, 1714. року (ibid).

не нашли при письмѣ Горленка. Шафировъ и Толстой, завѣдывавшіе русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ, дали всѣмъ вообще малороссіянамъ, остававшимся въ турецкихъ владѣніяхъ, удостовѣреніе (ассекурацію) отъ имени государя, что всѣмъ имъ безъ изъятія, въ какомъ бы тяжкомъ преступленіи кто-нибудь изъ нихъ ни обвинялся, даруется полная амнистія и обѣщается не только безопасность жизни, но и свобода отъ всякой укоризны.

Въ мартѣ 1714 года толпами приходили въ Украину городовые козаки и запорожцы, возвращающіеся изъ Турціи. Однихъ запорожцевъ пришло 555. Главные измѣнники—Горленко съ товарищами старшинами—все еще добивались особой царской ассекураціи: выданная Шафировымъ съ его подписью казалась имъ недостаточною.

Прибывавшихъ въ отечество изгнанниковъ водворяли въ сѣверныхъ предѣлахъ Гетманщины, по рубежу съ Московскимъ Государствомъ, вблизи Конотопа и Глухова, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, что оттуда труднѣе будетъ уйти снова, если бы кому захотѣлось [1]). Только въ концѣ лѣта прибыли въ Гетманщину Дмитрій Горленко, Максимовичъ, зять Горленка, двое Ломиковскихъ: Илья и Михаилъ, Максимъ Самойловичъ, Антонъ Антоновичъ. Они явились въ Кіевѣ къ губернатору, и князь Голицынъ сообщилъ имъ, что по царской волѣ они должны будутъ пребывать въ Москвѣ; впрочемъ, дозволялось имъ остаться нѣкоторое время въ Украинѣ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. Горленко захватилъ съ собою изъ Турціи гетманскіе клейноты, переданные ему Орликомъ, и отдалъ ихъ Скоропадскому. Максимовичъ, состоявшій въ званіи писаря, отдалъ свою печать. О Горленкѣ мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ, по возвращеніи своемъ изъ турецкихъ владѣній, пробылъ въ Гетманщинѣ до лѣта 1715 года, посѣтилъ Кіево-печер-

[1]) Судьенко. Матер. II, 227.

скую Лавру, гдѣ былъ іеромонахомъ сынъ его Пахомій, пожертвовалъ въ пользу обители тысячу золотыхъ на поминъ души своей послѣ своей смерти и усѣлся было въ Прилукахъ, всячески оттягивая время своей поѣздки въ Москву, тогда какъ гетманъ Скоропадскій, по приказанію верховнаго правительства, торопилъ его ѣхать въ столицу. Въ отсутствіи Горленка, Скоропадскій, по царскому соизволенію, раздавалъ бывшія Горленковы маетности разнымъ лицамъ, не оставляя при этомъ и себѣ получить малую толику; поэтому Скоропадскому не мило было встрѣчаться съ бывшимъ изгнанникомъ, и онъ искренно желалъ, чтобъ и Горленко, и всѣ ему подобные скорѣе убрались изъ Гетманщины. Горленко уклонялся отъ поѣздки то подъ предлогомъ разныхъ домашнихъ дѣлъ, то, наконецъ, по болѣзни. Онъ потребовалъ слѣдовавшихъ ему прежде, по званію прилуцкаго полковника, арендныхъ денегъ съ шинковъ. Скоропадскій по этому поводу писалъ къ нему, что сдѣлать этого скоро нельзя, но обѣщалъ произвесть розыскъ. Горленко въ это время былъ также занятъ двумя родственными спорами объ имуществѣ. Первый споръ былъ съ сестрою, дочерью матери Горленка, Евфросиніи, бывшей прежде первый разъ замужемъ за Раковичемъ и имѣвшей дочь отъ этого брака. Дочь эта по смерти матери хотѣла захватить въ свои руки все оставшееся послѣ нея имѣніе, устранивъ отъ наслѣдства дѣтей своей матери отъ втораго брака съ Лазаремъ Горленкомъ. Другой споръ былъ съ племянникомъ Якимомъ Горленкомъ. Послѣдній претендовалъ, что, по смерти дѣда, Лазаря Горленка, родитель его не получилъ слѣдуемой ему наслѣдственной части. Дмитрій Горленко оба эти спора кончилъ взаимнымъ соглашеніемъ. Уже наступила весна 1715 года. Дмитрій Горленко продолжалъ сидѣть въ Прилукахъ, отговариваясь болѣзнію. Скоропадскій посылалъ къ нему гонцовъ за гонцами, письма за письмами, убѣждалъ ѣхать скорѣе въ Москву, чтобъ

иначе не навлечь на себя царскаго гнѣва, тѣмъ болѣе, что уже прочіе товарищи его изгнанія, воротившіеся подъ царскую державу, уже уѣхали въ Москву [1]). Наконецъ, уже не ранѣе іюня, Горленко двинулся въ невольную дорогу вслѣдъ за своими товарищами. Въ Москвѣ объявили отъ имени государя возвратившимся изъ изгнанія малороссіянамъ, что всѣ ихъ преступленія прощаются, но они должны жить безвыѣздно въ Москвѣ и не ѣздить болѣе въ Украину. Такимъ образомъ желанное и такъ щедро обѣщанное имъ царское прощеніе оказалось на дѣлѣ призрачнымъ благополучіемъ, особенно, когда у нихъ отобраны были маетности и на возвращеніе какихъ-нибудь частицъ отъ нихъ, въ видѣ милости, оставлялась слабая надежда. Воротившись изъ чужой земли, имъ пришлось все-таки жить не въ своей землѣ, не посреди своего народа, не на мѣстахъ, знакомыхъ изъ-дѣтства, а въ Московщинѣ, которую въ тѣ времена не любили малороссіяне, даже такіе, которыхъ вѣрность къ престолу всегда была безукоризненна.

[1]) Третье письмо Скоропадскаго къ Горленку.

Мой ласкавый пріятелю пане Горленку!

Поневажъ превосходительный его милость господинъ Ѳедоръ Ивановичъ Протасьевъ при боку нашемъ резидуючій кучитъ вамъ о скорой вашъ-мостиной къ Москвѣ выправѣ а и повторной царскаго пресвѣтлаго величества указъ, о якомъ и вашъ-мость вѣдаешъ, повелѣваетъ немедленно вашмости ехать до Москвы, куда уже панъ Максимовичъ и прочіе з вашмостю прибывшіе выправлены. Теды мы первое наше листовное предложеніе потвержаючи, жадаемъ вашъмости. если хоча и мало въ своемъ здоровю чуешъ сили, належите прибравшися въ тую дорогу прибувалъ до насъ въ Глуховъ, о чемъ полецилисмо обширнѣй пану Тарнавскому вашмости предложити. При семъ зичимъ вашмости доброго здоровя, з Глухова мая 23, року 1715.

Вашмости зичливый пріятель Іоаннъ Скоропадскій гетманъ. (Переписка Дмитрія Горленка съ Скоропадскимъ. Изъ фамильныхъ бумагъ, сообщенныхъ однимъ изъ потомковъ Дмитрія Горленка, Василіемъ Петровичемъ Горленкомъ).

Тѣмъ не менѣе, въ сентябрѣ того же 1715 года, Горленко отъ имени своего и другихъ товарищей подалъ благодарственную челобитную, составленную въ самомъ униженномъ тонѣ и подписанную шестью лицами. Челобитчики называютъ себя извергами, поношеніемъ человѣковъ, прахомъ и пепломъ. Они просили постоянной выдачи опредѣленныхъ имъ кормовыхъ суточныхъ денегъ [1]).

[1]) Мы, изверги, поношеніе человѣковъ и уничиженіе и покиваніе главы въ людехъ ниже достойны нарещися рабы вашего царскаго величества, кое благодарствіе принесемъ своему владыцѣ и благодателю, кими побѣдными вѣнцы увѣнчаемъ побѣдоносные стопы государя своего за сію неизреченную и неисчетную намѣстнику и помазаннику Божію свойственную милость, что ваше царское священнѣйшее величество, образъ Божій на себѣ носящъ, послѣдовательнымъ Божію милосердію прикладомъ насъ грѣшниковъ почаявшихся приняти и житіемъ и здравіемъ неповредимымъ пожаловати благоизволилъ. Точію самого Бога истиннаго всѣхъ благъ подателя молебствуемъ и молебствовати до кончины живота нашего не престанемъ да сей возблагодаритъ вашему царскому величеству счастливымъ всѣхъ вашихъ намѣреній окончаніемъ. А сами мы, припадше предъ праведнѣйшимъ маестатомъ вашего царскаго величества до лица земли, горючими слезами нашими омочаемъ побѣдоносные стопы ваши монаршескіе государя своего всемилостивѣйшаго, молящеся смиренно: благоволѣте, государь всемилостивѣйшій, тое житіе и здравіе наше, которыми насъ ваше царское величество изволили пожаловати препитати, повся лѣта кормовое давать жалованье, ибо безъ сего зде въ Москвѣ пребывающе иного житія нашего препитаніе имѣти невозможно, токмо донеле же указъ премощный вашего царскаго величества, о сіе наипаче милосердіе и милость монаршескую падши до лица земли сторицею челомъ бьемъ. Вашему царскому священнѣйшему величеству государю своему всемилостивѣйшему подножки ногъ побѣдоносныхъ прахъ и пепелъ.

Дмитрій Горленко.
Иванъ Максимовичъ.
Илія Ломиковскій.
Михаилъ Ломиковскій
Максимъ Самойловичъ.
Антонъ Антоновичъ.

Трудно было отказывать имъ послѣ того, какъ у нихъ отобрали ихъ маетности. Прежде сосланнымъ въ Москву изъ Украины малороссіянамъ выдавались суточныя въ различномъ размѣрѣ. Въ 1712 году присланные въ Москву «колодники» Кандыба съ товарищами въ числѣ восьми человѣкъ подавали челобитную о прокормленіи своемъ «для своей всеконечной нищеты», жаловались, что «они конечно таютъ отъ голода и могутъ съ голода помереть вскорѣ, если не получатъ что-либо на пропитаніе». По этой челобитной указано было давать Кандыбѣ по десяти денегъ въ день, сотникамъ короповскому Логиненку и корсунскому Ждановичу—по шести денегъ, а прочимъ по четыре деньги. Привезеннымъ теперь малороссіянамъ назначенъ былъ различный размѣръ суточныхъ: Горленку и Максимовичу по 10 копѣекъ, прочимъ по пяти. Впослѣдствіи имъ прибавляли, такъ что Горленку въ 1729 году давали по 50 копѣекъ, Максимовичу по 10, прочіе оставались при пяти. Горленку счастливилось паче другихъ и просьбы его о прибавкѣ суточныхъ ради «скудости и старости» имѣли успѣхъ. Сынъ его Андрей присылалъ ему пособіе изъ Украины, куда былъ отпущенъ изъ Москвы съ Кандыбою, Ждановичемъ, Гамалѣею и Степаномъ Бутовичемъ тотчасъ по прибытіи изъ Турціи малороссіянъ и въ ихъ числѣ брата Бутовичева Ивана [1]). Положеніе другихъ было горькое. Сохранилась слезная челобитная къ царю двухъ женъ Герциковыхъ [2]), писанная

Григорій (фамильное прозвище въ подлинникѣ вырвано). (Арх. Юст., № 120).

Сентября 18 въ Москвѣ.

¹) Судьенка. Матер. II, 243.

²) Пресвѣтлѣйшій и великодержавнѣйшій государь царь нашъ всемилостивѣйшій!

Уже се третій годъ якъ мы здесь на Москвѣ за премощнымъ указомъ вашего царскаго величества пребываемъ тоея ради вины, что

на третій годъ послѣ прибытія въ Москву. Что положеніе ихъ всѣхъ не поправилось съ годами заточенія, показываетъ челобитная отъ имени всѣхъ содержавшихся въ Москвѣ малороссіянъ, составленная Горленкомъ по ихъ общему желанію въ 1729 году. Въ ней жаловались они, что «живутъ въ крайней нищетѣ и многими долгами одолжали и никакого ни откуда не имѣютъ вспомогательства на пропитаніе и одѣяніе».

Такъ колонія малороссійскихъ эмигрантовъ, проживавшая въ Турціи и нѣсколько лѣтъ сряду возбуждавшая эту державу къ враждѣ съ Россіею, съ постоянно проводимою задачею освобожденія Украины, разсыпалась совершенно. Горленко съ товарищами воротился въ Россію. Немногіе не пошли за этими господами, но уже не оставались въ Турціи, убѣждаясь, что уже тамъ имъ нечего дѣлать. Орликъ ранѣе всѣхъ пытался сблизиться съ Россіею и примириться съ царемъ. Съ этою цѣлью онъ посылалъ къ миргородскому полковнику Апостолу письмо вскорѣ послѣ полтавскаго сраженія и въ этомъ письмѣ проклиналъ Мазепу [1]). То была, кажется, только проба. Орликъ остался главнымъ двигателемъ замысла возстано-

мужи наши Григорій и Иванъ Герцики вашему царскому величеству измѣнивши пошли за богоотступнымъ Мазепою на сторону непріятельскую, где и нынѣ препомнѣвши страха Божія обрѣтаются, а мы за ихъ злодѣянія и противность здесь з дѣтми своими бѣднѣ живемъ и отъ глада изнемогаемъ, не мѣючи нѣ отколь помощи и ратунку на пропитаніе наше, убо повергаемъ себе до лица земли предъ пресвѣтлѣйшимъ вашего царскаго величества маестатомъ и со слезами молимъ: благоволи ваше царское величество яко благоутробный монарха намъ бѣднѣ живущимъ на пропитаніе наше и дѣтей нашихъ повелѣть опредѣленіе учинить да здѣсь при великой нищетѣ нашей отъ глада не погибнемъ. Вашего царскаго величества

нижайшіи рабынѣ

Анастасія и Горпина Герцикове (Арх. Юст., кн. 120).

[1]) Судьенка Матер. II, 182.

вить противъ Россіи Турцію. Но когда Турція заключила съ Россіею миръ, а шведскій король долженъ былъ оставить Турцію, Орликъ не присталъ къ тѣмъ, которые обратились къ царю съ просьбою о прощеніи: Орликъ пошелъ вслѣдъ за Карломъ XII искать пріюта и опоры въ Шведскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ Орликомъ ушли изъ Турціи за Карломъ: Войнаровскій, племянникъ Мазепы, братья Герцики, Нахимовскій, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, бывшій дозорца переволоченскій Ѳедоръ Третьякъ и, вѣроятно, еще другіе, которыхъ имена не сдѣлались извѣстными. Орликъ самъ усѣлся въ Христіанштадтѣ съ женою и дѣтьми. У него ихъ было — одинъ сынъ Григорій, взрослый, другой, — неизвѣстный намъ по имени, моложе Григорія, третій Яковъ, малолѣтній, родившійся во время пребыванія родителя въ Бендерахъ, крестникъ Карла XII; было у него двѣ дочери: одна уже взрослая, лѣтъ за двадцать, другая, рожденная въ Бендерахъ. Пока живъ былъ Карлъ XII, Орликъ на себя и на своихъ товарищей получалъ королевскую субсидію въ 13,000 шведскихъ талеровъ въ годъ. Но по кончинѣ Карла XII малороссійскіе изгнанники перестали получать это пособіе, хотя имъ подтверждали прежнія увѣренія въ покровительствѣ [1]). Орликъ изъ своего убѣжища заправлялъ поступками своихъ товарищей.

[1]) „Кіевск. Стар." 1883 г., мартъ, стр. 603, 606.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Войнаровскій. — Его показаніе и ссылка. — Григорій Герцикъ. — Его показаніе и судьба.—Участь прочихъ малороссіянъ, содержимыхъ подъ карауломъ.—Ссылка въ Сибирь семейства Мировичей.—Ихъ освобожденіе.

Число эмигрантовъ, упорно не хотѣвшихъ мириться съ царемъ, рѣдѣло. Нѣкоторые попались мимо собственной воли въ руки царскаго правосудія.

Такая судьба неожиданно постигла Андрея Войнаровскаго, племянника по сестрѣ гетмана Мазепы и любимца послѣдняго. Онъ былъ арестованъ въ Гамбургѣ по требованію русскаго резидента, получившаго о томъ приказъ отъ своего государя. Войнаровскій былъ отправленъ въ Россію. Его подвергли допросу, но онъ не объявилъ ничего важнаго, тогда какъ особенно отъ него надѣялись узнать многое: никто не былъ такъ близокъ къ Мазепѣ. какъ онъ. По показанію Войнаровскаго [1]), умыселъ дяди его возникъ въ 1705 году, когда онъ былъ съ козацкимъ войскомъ близъ Дубна и видѣлся съ княгинею Дольскою, матерью по первому браку князей Вишневецкихъ, сродницею Станислава Лещинскаго. Она-то уговорила его

[1]) Арх. Иностр. Дѣлъ. миллеровскія бумаги.

дядю поступить снова въ подданство польскаго короля, прельщала его милостями отъ Станислава, обѣщала ему сама выйти за него замужъ. Съ того времени сталъ Мазепа вести съ нею корреспонденцію, и Станиславъ къ нему писывалъ: одно письмо Станиславово нашелъ Войнаровскій по смерти дяди въ шкатулкѣ, показывалъ его Орлику и другимъ, но не знаетъ, куда оно дѣлось. Войнаровскій отозвался незнаніемъ — кто изъ генеральныхъ особъ зналъ въ самомъ началѣ о замыслахъ его дяди, но сообщалъ, что за нѣсколько дней до того, какъ государь проѣзжалъ черезъ Кіевъ, слѣдуя въ Жолкву, у Мазепы въ собраніи были полковники, и онъ, Войнаровскій, слышалъ, какъ дядя его говорилъ: «когда-бъ я за васъ не стоялъ, то васъ бы уже солдатами сдѣлали!» На то миргородскій полковникъ отвѣчалъ: «мы покойнаго Богдана Хмельницкаго благодаримъ за то, что насъ освободилъ отъ ляхскаго ига, а васъ будемъ проклинать, ежели вы за насъ стоять не будете и насъ погубите!» Болѣе ничего не слыхалъ онъ ни отъ дяди, ни отъ кого другого, --не былъ онъ, Войнаровскій, допущенъ въ совѣтъ ихъ никогда, и не чаетъ, чтобъ кромѣ Орлика, его креатуры, кто о томъ зналъ до самаго послѣдняго времени, какъ уже онъ переѣзжалъ изъ Коропа за Десну въ шведскую армію. Войнаровскій увѣрялъ, что ему, Войнаровскому, неизвѣстно: объявлялъ ли его дядя о своемъ замыслѣ перейти на шведскую сторону заранѣе тѣмъ полковникамъ, которые съ нимъ перешли за Десну. Это произошло оттого, что Войнаровскій былъ тогда въ отсутствіи: дядя изъ Салтыковой Дѣвицы посылалъ его съ «комплиментами» къ князю Меншикову, когда Меншиковъ, послѣ побѣды, одержанной надъ Левенгауптомъ, маршировалъ съ драгунскими полками въ Украину. Дядя поручилъ ему, Войнаровскому, сообщить князю Меншикову, что видѣться съ нимъ не можетъ, потому что самъ

«гораздо болѣнъ». Пріѣхавши къ князю Меншикову въ Горскъ, Войнаровскій послалъ къ дядѣ извѣстіе, что князь желаетъ съ гетманомъ видѣться вскорѣ. Мазепа того же посланнаго къ нему отъ Войнаровскаго опять отправилъ съ письмомъ къ Меншикову и приказывалъ вручить Войнаровскому для передачи князю письма, а изустно приказалъ, чтобъ Войнаровскій поскорѣе уѣзжалъ къ шведу, такъ какъ онъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Меншиковъ ѣдетъ къ гетману съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ гетмана взять. Войнаровскій, услышавши объ этомъ, былъ въ недоумѣніи, на что рѣшаться: отдавать ли князю письма, или немедленно уходить; онъ сообразилъ, что дядя его и прежде, бывало, тревожился, какъ только услышитъ, что къ нему ѣдетъ кто-нибудь отъ царскаго величества, опасаясь, что его возьмутъ: и на этотъ разъ Войнаровскій, какъ изъяснялъ въ своемъ показаніи, подумалъ, что дядя его напрасно тревожится, а потому отдалъ письма Меншикову и, по отдачѣ писемъ, послалъ къ дядѣ человѣка извѣстить, что Меншиковъ хочетъ съ нимъ видѣться въ воскресенье. Потомъ, самъ не зная что дѣлать, вздумалъ Войнаровскій ѣхать вслѣдъ за тѣмъ же посланнымъ къ дядѣ человѣкомъ, не простясь съ княземъ. Войнаровскій тогда опасался, чтобъ кто-нибудь изъ людей, бывшихъ съ нимъ, узнавши, что онъ хочетъ отъѣзжать, не довелъ объ этомъ до свѣдѣнія князя, и князь бы не задержалъ его безвинно. Войнаровскій догналъ своего посланнаго за три мили и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до Борзны, а дядя его переѣхалъ тогда въ этотъ городъ. Войнаровскій остановился въ предмѣстьѣ и послалъ къ дядѣ о себѣ извѣстіе. У Мазепы готовъ былъ обѣдъ, но Мазепа, получивши отъ племянника извѣстіе, что Меншиковъ скоро пріѣдетъ, не сталъ обѣдать и наскоро уѣхалъ въ Батуринъ, а Войнаровскому приказалъ ѣхать туда же, но стороною, такъ, чтобъ никто его не видалъ и не замѣтилъ; къ Меншикову

же гетманъ отправилъ полковника Анненкова съ «экскузаціею» за своего племянника, чтобъ князь не изволилъ сомнѣваться по поводу внезапнаго его отъѣзда: племянникъ испугался чего-то, самъ не зная чего, и ушелъ. Прибывши въ Батуринъ, дядя его пробылъ тамъ только одну ночь и на другой день утромъ, забравши свои пожитки, уѣхалъ въ Коропъ, приказавши ѣхать вслѣдъ за собою всѣмъ старшинамъ и ему, Войнаровскому, но чтобъ идти къ шведу, тогда не сказывалъ, да и всю дорогу до Коропа Войнаровскій. ѣдучи съ дядею, не слыхалъ отъ него объ этомъ ни слова, а говорилъ ли дядя о томъ со старшинами и полковниками — ему, Войнаровскому, неизвѣстно. На слѣдующій день переправились черезъ Десну. Тутъ прибылъ къ гетману Быстрицкій, котораго Мазепа посылалъ къ шведскому королю, придавши ему капитана изъ иноземцевъ въ качествѣ толмача. Быстрицкій проводилъ гетмана до шведскихъ аванпостовъ. Тамъ его приняли съ почетомъ. Оттуда гетманъ поѣхалъ въ каретѣ; передъ каретою, по бокамъ ея и позади, слѣдовало четыреста человѣкъ шведской кавалеріи, а въ сторонѣ стояло шведское войско, выстроенное въ парадѣ. Такимъ образомъ, переночевавши одну ночь на шведскихъ аванпостахъ, пріѣхалъ гетманъ къ шведскому королю и король шведскій принялъ «пріятно дядю и всѣхъ бывшихъ съ дядею».

Войнаровскій отозвался незнаніемъ: велъ ли его дядя съ кѣмъ корреспонденцію въ то время, какъ находился у шведскаго короля, съ лицами, оставшимися вѣрными царскому величеству, потому что онъ, Войнаровскій, къ дѣламъ ихъ не былъ допущенъ, но знаетъ, что, по приходѣ своемъ къ шведамъ, дядя его неоднократно посылалъ къ Оттоманской Портѣ и къ хану, возбуждая ихъ противъ царскаго величества. Послѣ Полтавской битвы, когда уже дядя былъ въ Очаковѣ и въ Бендерахъ, имѣлъ ли онъ корреспонденцію съ кѣмъ-нибудь въ Украинѣ, того онъ

не знаетъ, «но чаетъ, что не имѣлъ, потому что былъ тогда гораздо болѣнъ», да и тѣ, которые при немъ тогда находились, отъѣзжали отъ него въ Яссы. Также Орликъ и прочіе имѣли ли съ кѣмъ въ Украинѣ корреспонденцію —того онъ, Войнаровскій, не знаетъ, а слыхалъ только отъ Орлика, что всѣ они считали опаснымъ писать къ своимъ свойственникамъ въ Украину, чтобъ ихъ тѣмъ не погубить. По смерти дяди, онъ, Войнаровскій, никакими дѣлами не интересовался и, когда его хотѣли избрать гетманомъ, онъ того чина принять не захотѣлъ, отчего откупаясь, далъ Орлику триста, а кошевому двѣстѣ червонныхъ. Былъ онъ, Войнаровскій, при шведскомъ королѣ затѣмъ, что король шведскій, по смерти дяди, забралъ остававшіеся послѣ дяди 240,000 талеровъ. Войнаровскій хотѣлъ ихъ отъ короля получить и отдать ихъ для храненія куда-нибудь въ банкъ, а самъ думалъ просить милости царскаго величества, и въ этихъ видахъ не принималъ у шведскаго короля службы. Другихъ денегъ у него нѣтъ. Будучи въ Бендерахъ, онъ женился на вдовѣ Забѣлиной, которая теперь живетъ въ Бреславлѣ: при ней нѣтъ никакого пожитка. Съ королемъ шведскимъ пошли Орликъ, Довгополенко, двое Герциковъ, Мировичъ и Третьякъ. Орлику и инымъ даны, какъ онъ слышалъ, маетности въ Швеціи. Самъ онъ, Войнаровскій, въ Швеціи не бывалъ и, по выѣздѣ изъ Турціи, проживалъ въ Вѣнѣ и Бреславлѣ.

Вмѣстѣ съ допросомъ Войнаровскаго, въ дѣлахъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилась на нѣмецкомъ языкѣ челобитная царю Войнаровскаго въ такомъ смыслѣ: «Я боялся обратиться къ царю, страшась его гнѣва, но когда получилъ ордеръ, то добровольно явился къ царскому резиденту Беттигеру и отдался ему. Я никогда не былъ допущенъ въ совѣтъ съ гетманомъ; дядя всегда удалялъ меня изъ той комнаты, гдѣ сходились съ нимъ его

адгеренты; быть можетъ, имѣя въ виду мою юность, онъ подозрѣвалъ, что, памятуя царскія милости, къ нимъ я не пристану. Послѣ кончины дяди, я не принялъ гетманскаго чина и тѣмъ навлекъ на себя нерасположеніе шведскаго короля, послѣ того какъ гетманское достоинство дано было Орлику. Я не чинилъ ничего противнаго царскому величеству и оттого въ службу шведскую не вступалъ. При жизни дяди и послѣ его смерти не могъ я добиться отъ шведскаго короля возвращенія моихъ 240,000 талеровъ: отъ меня отдѣлывались только добрыми словами, а, между тѣмъ, это меня удерживало отъ исполненія моего постояннаго желанія просить царскаго милосердія. Много разъ имѣлъ я мысль повергнутьси къ стопамъ царевича, сына царскаго, но не представлялось удобнаго случая. Надѣюсь, что царь великій государь не станетъ наказывать меня неповиннаго за грѣхъ моего дяди». Царь указалъ сослать Войнаровскаго въ отдаленныя мѣста Сибири. Онъ былъ отправленъ въ Якутскъ, гдѣ и прожилъ до старости, одичалый и забытый всѣми.

Въ 1720 году достался въ руки россійскаго правительства другой изъ эмигрантовъ, ушедшихъ изъ Турціи за шведскимъ королемъ. То былъ Григорій Герцикъ. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ Станислава Лещинскаго, Понятовскій, неразлучный спутникъ Карла XII въ его изгнаніи, вмѣстѣ съ нимъ прибывшій въ Швецію, по смерти Карла XII перебрался въ свое польское отечество и взялъ съ собою туда малороссійскихъ эмигрантовъ Нахимовскаго и Мировича [1]). За ними вслѣдъ поѣхалъ туда же Григорій Герцикъ съ порученіями отъ Орлика, остававшагося тогда еще въ Швеціи. Царскій резидентъ въ Варшавѣ, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, приказалъ арестовать Герцика и отправилъ его въ Петербургъ.

[1]) Сенатск. дѣла Архива Юстиціи, кн. № 36—1823, стр. 311.

Его посадили въ Петропавловскую крѣпость, а 15 марта 1721 года повезли въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и тамъ, въ «публичномъ аппартаментѣ», передъ полковникомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и предъ ассессорами, Герцикъ былъ подвергнутъ допросу. О началѣ измѣны Мазепы этотъ соумышленникъ не могъ сообщить почти ничего, такъ какъ онъ присталъ къ Мазепѣ уже тогда, когда Мазепа находился съ шведскимъ королемъ въ Ромнахъ; о самомъ себѣ, по отношенію къ этому времени, Герцикъ сказалъ только то, что, пребывая съ Мазепою и другими соумышленниками въ Ромнахъ, онъ ради насущныхъ нуждъ занимался шинковымъ промысломъ, несмотря на то, что свойство его съ Орликомъ (женатымъ на сестрѣ Герцика) давало право на лучшее мѣсто въ обществѣ мазепинцевъ. Послѣ Полтавской битвы, Григорій Герцикъ, вмѣстѣ съ другими своими братьями, Иваномъ и Аѳанасіемъ, послѣдовалъ за Карломъ XII и Мазепою въ турецкія владѣнія. Тамъ, по порученію Войнаровскаго, Григорій Герцикъ отвозилъ тѣло умершаго гетмана Мазепы въ Галацъ для погребенія, потомъ Орликъ посылалъ его къ запорожцамъ съ девятью кесами (кошельками), изъ которыхъ въ каждомъ было по 500 левковъ, всего 4,500 левковъ; потомъ Герцикъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ Горленкомъ въ числѣ другихъ въ посольство, снаряженное въ Константинополь. Вспоминая объ этомъ времени, Герцикъ въ своемъ показаніи сообщаетъ интересное извѣстіе, показывающее, что между мазепинцами, пребывавшими тогда въ турецкихъ владѣніяхъ, не было взаимнаго довѣрія. Отправляя посольство въ Константинополь, Орликъ составилъ три инструкціи: одну представилъ онъ шведскому королю, и въ ней старался сколько возможно поддѣлаться къ нему; другая составлена была для Турціи: тамъ просили Порту оказать протекцію, дать денегъ и провіанта, и, сколько помнилось Герцику, посылалось обѣщаніе вѣр-

ности Портѣ. Третья инструкція была секретная, извѣстная только Орлику да Максимовичу, бывшему тогда въ званіи генеральнаго писаря. Ни Горленко, бывшій во главѣ этого посольства, ни Герцикъ, пожалованный передъ тѣмъ отъ Орлика чиномъ генеральнаго асаула, никакъ не могли узнать, что заключалось въ этой третьей инструкціи, а только догадывались, что въ ней было что-то такое, что укрывалось и отъ шведскаго короля. Но потомъ Горленко, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, таились отъ Герцика и показывали къ нему недовѣріе: турецкій визирь выдалъ на содержаніе козацкаго войска восемь «кесъ» денегъ, но не вручилъ ихъ посольству, а отправлялъ съ агою при письмѣ къ Орлику. Горленко и Максимовичъ достали себѣ латинскій переводъ этого турецкаго письма, но не показали его Герцику. Когда шведскій король уѣзжалъ изъ Турціи, Герцикъ, вслѣдъ за Орликомъ и другими, перебрался въ Швецію. Оттуда-то, уже по кончинѣ Карла XII, Орликъ, не безъ вѣдома тогдашняго шведскаго короля, преемника Карлова, послалъ Герцика въ Польшу съ намѣреніемъ, при посредствѣ благосклонныхъ польскихъ пановъ, заручиться ходатайствомъ польскаго короля Августа предъ царемъ о прощеніи изгнаннымъ малороссіянамъ или же высмотрѣть возможность пріютиться въ Польшѣ. Герцикъ, по этому поводу, разсказалъ въ своемъ показаніи о такой продѣлкѣ Орлика: онъ составилъ письмо будто бы отъ запорожцевъ къ нему, призывающее его, Орлика, къ себѣ въ войско, поручилъ Герцику найти въ Бреславлѣ какого-то малороссіянина, по имени Костю, служившаго когда-то у Войнаровскаго, дать ему переписать это письмо, запечатать посланною Орликомъ печатью и препроводить къ нему, Орлику, чрезъ почту. Орликъ надѣялся, показавши это письмо въ шведской королевской канцеляріи, получить изъ королевской казны денежное пособіе и найти лучшій способъ къ своему отправленію

изъ Швеціи. Герцикъ получилъ отъ Орлика письма къ запорожцамъ и хану крымскому, но самъ не поѣхалъ съ этими письмами, а съ согласія пана Понятовскаго и съ вѣдома королевскаго министра Флемминга, отправилъ туда Нахимовскаго съ Орликовыми грамотами [1]). Польскій король, какъ сообщали Герцику паны, былъ склоненъ ходатайствовать у царя о прощеніи Орлику и его товарищамъ, совѣтовалъ, однако, самому Орлику прекратить корреспонденціи съ турками, татарами и запорожцами, а написать о ходатайствѣ передъ царемъ къ англійскому королю [2]).

Герцикъ содержался въ Петропавловской крѣпости подъ строгимъ карауломъ до 1724 года, а съ этого времени въ адмиралтействѣ подъ такимъ же строгимъ карауломъ, получая посуточно сперва только по три копѣйки, а потомъ по шести копѣекъ на свое прокормленіе. По кончинѣ царя Петра Перваго, уже въ 1727 году, Герцикъ билъ челомъ, чтобъ его перевели въ Москву и отдали въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дабы можно было ему жить въ Москвѣ, гдѣ находились его жена и дѣти. Прошеніе его было исполнено въ декабрѣ 1727 же года. Въ маѣ 1728 года онъ жилъ въ Москвѣ съ семьею и былъ отданъ подъ строгій надзоръ капралу Быкову и солдату Лободину, которые должны были находиться въ его помѣщеніи неотступно и смотрѣть, чтобъ ни онъ, ни семья его не съѣхали изъ Москвы [3]). Жена его Анастасія Громыковна (т.-е. урожденная Громыка), привезенная въ Москву съ тремя сыновьями, въ 1722 году подавала на царское имя челобитную, жалуясь, что князь Алексѣй Васильевичъ Долгорукій, пріѣхавши изъ Петербурга въ Москву, нашелъ въ своемъ домѣ поступившаго туда на службу ея сына Петра, заперъ его въ банѣ, держалъ его такимъ образомъ

[1]) „Истор. Малор“. Марк. IV, 350.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883 года, мартъ, стр. 601—610.

[3]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 58—1785.

шесть недѣль, подвергая истязаніямъ, наконецъ, отправилъ въ Преображенскій приказъ къ розыску. Молодой Герцикъ сидѣлъ «въ бѣдности» и былъ помѣченъ въ ссылку въ Сибирь. О его освобожденіи и о доставкѣ изъ Преображенскаго приказа въ Посольскій, вѣдавшій всѣхъ малороссіянъ, била челомъ его мать [1]). Неизвѣстно, что послѣ того съ нимъ сталось, какъ равно неизвѣстно, въ чемъ былъ онъ обвиненъ и за что посланъ былъ въ Преображенскій приказъ. Но въ 1728 году, когда Григорій Герцикъ былъ водворенъ въ Москвѣ и жилъ вмѣстѣ съ семьею, въ числѣ лицъ, составлявшихъ его семейство, мы встрѣчаемъ жену его Анастасію Васильевну, четырехъ дѣтей: Василія, Семена, Павла и Параскевію, но о сынѣ Петрѣ нѣтъ помина. При Григоріѣ Герцикѣ значатся двое лицъ прислуги.

Еще до перевода своего мужа на жительство въ Москву, въ 1724 году била челомъ Анастасія Герцикова о дозволеніи воротиться на родину, но не получила такой милости [2]).

Вступленіе на престолъ государыни Анны Ивановны не ознаменовалось никакимъ знакомъ милосердія къ Герцику. Въ 1732 г. умерла жена его, а самъ онъ тогда находился въ такой нищетѣ, что не могъ ее похоронить на свой счетъ [3]). Оставаясь въ Москвѣ вдовцемъ, Григорій Герцикъ въ 1735 году былъ освобожденъ изъ подъ постояннаго караула и сталъ получать по 25 копѣекъ въ сутки. Ему предоставили жить на свободѣ, но въ Москвѣ, съ обязательствомъ не съѣзжать въ Малороссію [4]).

О другой Герциковой, женѣ Ивана, не возвратившагося въ Россію, въ сенатскихъ дѣлахъ сохранилось свѣдѣніе, что родитель ея, Левенецъ, бывшій въ 1727 году пра-

[1]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. Экспед., № 31—1758.

[2]) Ibid. Сенатск. кн. № 41—1768, стр. 279, № 58—1785.

[3]) Бант.-Каменск.: «Истор. Малоросс.» III примѣч., стр. 55

[4]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. № 110—1837 стр. 116.

вителемъ генеральной канцеляріи, билъ челомъ о возвращеніи къ нему дочери и не получилъ желаемаго [1]).

Изъ всѣхъ сосланныхъ малороссіянъ счастливѣе всѣхъ обошлось сравнительно Дмитрію Горленку. Ему легче было переносить лишенія, какъ мы уже указывали, а въ 1731 году онъ получилъ свободу, «ради своей старости и дряхлости». Ему дозволили жить на родинѣ, но запрещено было выбирать его въ какую бы то ни было должность [2]). Ограниченіе въ сущности неважное, такъ какъ престарѣлый и истомленный невзгодами Горленко едва ли уже и былъ способенъ къ исправленію какой-либо должности. Онъ окончилъ дни свои при нѣжно любимой женѣ Марьѣ Голубовнѣ и при сынѣ Андреѣ и былъ погребенъ въ Густынскомъ монастырѣ.

Изъ фамиліи Максимовичей, обвиненныхъ за участіе въ измѣнѣ Мазепы, мы знаемъ, что Дмитрій Петровичъ Максимовичъ, бывшій при Мазепѣ генеральнымъ асауломъ и отдавшійся на волю царя въ день Полтавской битвы, былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ находился у дѣлъ до 1726 г. и умеръ въ 1732 году [3]). Братъ его, Иванъ, воротившійся изъ Турціи разомъ съ Горленкомъ, въ 1722 г. былъ сдѣланъ справщикомъ сунодальной типографіи; по приговору протектора Троицко-Сергіевской лавры, архимандрита Гавріила (впослѣдствіи рязанскаго архіерея), поручено было ему наблюдать за библіотекою и составлять каталогъ; Максимовичъ исполнялъ это порученіе удовлетворительно [4]), но въ 1726 году, по доносу какого-то лица,

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. № 58—1785, стр. 824—825.

[2]) Ibid. Сенатск., кн. по Малоросс. экспед. 1731 г., № 90—1817, стр. 13.

[3]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс, экспед. 1826 г., № 46—1773.

[4]) Ibid. Сенатск. кн, по Малоросс. экспед. 1727 г., № 58—1785, стр. 662.

былъ удаленъ отъ этихъ занятій въ виду того, что былъ прежде прикосновенъ къ измѣнѣ Мазепы. По освобожденіи его товарища Горленка, Максимовичъ не былъ, подобно послѣднему, отпущенъ на родину, но оставался въ Москвѣ, получая на свое содержаніе по 25 копѣекъ въ сутки [1]). О сыновьяхъ умершаго въ Архангельскѣ Дмитрія Максимовича, Ѳедорѣ и Иванѣ, извѣстно, что они оба, находясь на царской службѣ, хлопотали о возвращеніи себѣ отцовскихъ маетностей, розданныхъ разнымъ лицамъ и доставшихся, между прочимъ, частью и самому Скоропадскому. Хлопоты ихъ были безуспѣшны; они не могли обѣлить память своего родителя, увѣряя, что, будучи увлеченъ обманомъ въ шведскій станъ, онъ принималъ всякія мѣры, чтобъ уйти оттуда и писалъ къ разнымъ государственнымъ сановникамъ, сообщая въ своихъ письмахъ изъ непріятельскаго стана извѣстія, полезныя для русскаго войска. На такое заявленіе Ѳедору и Ивану Максимовичамъ данъ былъ такой оффиціальный отвѣтъ. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, чтобъ отецъ ихъ Дмитрій Максимовичъ изъ шведскаго войска къ государственному канцлеру и къ князю Меншикову и къ прочимъ бывшимъ тогда министрамъ писалъ о благопотребныхъ тогда вѣдомостяхъ къ россійской сторонѣ, а можетъ быть что и писалъ, но во время турецкаго похода при рѣкѣ Прутѣ бывшія при походной посольской канцеляріи всѣ такія письма утрачены [2]).

Болѣе всѣхъ изъ опальныхъ малороссійскихъ семействъ того времени представляетъ интереса богатствомъ и оригинальностью домашней жизни событій семейство Мировичей. Старуха Пелагея Захарьевна, вдова переяславскаго

[1]) Ibid. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1736 г., № 110—1837, стр. 114—115.

[2]) Арх. Юстиц., сенатск. дѣла по Малоросс. экспед. 1732 г., № 95—1822.

полковника Ивана Ивановича, доставлена была, какъ выше сказано, съ дѣтьми и внуками на житье въ Москву и принуждена была посылать къ сыну Ѳедору, находившемуся за рубежомъ, увѣщательное письмо, которое не произвело вліянія. Ѳедоръ Мировичъ хотя вначалѣ и обращался вмѣстѣ съ Горленкомъ къ патріарху съ просьбою о ходатайствѣ предъ царемъ, но потомъ не прибылъ въ Россію по ассекураціи, выданной Горленку съ товарищами, а послѣдовалъ за Карломъ XII. Это воспрепятствовало освобожденію его матери и братьевъ изъ Москвы. Мировичи, удержанные въ столицѣ, были размѣщены по разнымъ дворамъ, подъ надзоръ учрежденнаго надъ ними караула. Но вотъ 4 іюля 1715 г. въ Посольскомъ приказѣ одна женщина, иноземка, жена занимавшагося парикмахерскимъ ремесломъ мастера, заявила, что ея знакомая, жена сосланнаго малороссіянина Василія Мировича, хочетъ объявить о какомъ-то противогосударственномъ умыслѣ своего мужа.

Доставили указанную особу въ Посольскій приказъ. Это была дочь бывшаго кіевскаго полковника Мокіевскаго, Анна Константиновна, жившая съ мужемъ дурно [1]). Она доносила, что мужъ ея, Василій Ивановичъ Мировичъ, собирается убѣжать за границу и посылалъ служившаго у него шведа Ирика къ своему брату Ѳедору сказать ему, чтобъ онъ не ѣздилъ въ Россію, и что самъ Василій съ братьями будетъ искать способовъ убѣжать къ нему [2]).

[1]) Показ. Анны Константиновны: Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., № 137—1864, стр. 610—613.

[2]) ...Тотъ шведъ при отходѣ своемъ зъ малоросс. двора, зная то, что мужъ еѣ съ нею живетъ въ несогласіи и нелюбовно и вѣдая его секреты, сказалъ ей на одинѣ, что мужъ еѣ посылаетъ его зъ Москвы къ брату своему родному къ Ѳедору Мировичу, который нынѣ обрѣтается при шведѣ и велѣлъ его сыскавъ гдѣ можетъ объявить, чтобъ онъ зъ той стороны въ Москву не ѣздилъ, а былъ бы тамъ неотмѣн-

Позвали къ допросу Василія Мировича. Онъ отрицалъ все, что показывала на него жена его, объяснялъ, что шведъ Ирикъ Витманъ служилъ у него съ годъ и по его желанію отпущенъ, потомъ онъ приходилъ въ гости къ другимъ иноземцамъ, состоящимъ въ прислугѣ у него и у брата его Якова. Шведъ этотъ, вѣроятно, въ Москвѣ, такъ какъ онъ его недавно встрѣтилъ у Чистыхъ прудовъ. Онъ, Василій, желалъ бы, чтобъ этого шведа поставили съ нимъ на очную ставку [1]). Послѣ этого показанія Василій Мировичъ заявилъ секретарю Павлу Шафирову и Михайлу Ларіонову, что онъ научалъ этого шведа нарочно сказать женѣ его и кухаркѣ-иноземкѣ, будто онъ отправляетъ его, Ирика, въ шведскую землю отдать поклонъ брату Ѳедору, а это сдѣлалъ онъ только затѣмъ, чтобъ испытать жену — станетъ ли она объявлять о томъ или нѣтъ [2]). Этимъ не кончились допрашиванія Василія Мировича. Возникли подозрѣнія по поводу сношеній его съ плѣнными шведами [3]). Отыскана была, при обыскѣ, про-

но, а они де будутъ промыслъ имѣть какъ бы имъ туда же уйти, улуча къ тому способное время. Ibid.

[1]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. эвспед., № 134—1864, стр. 614—620.

[2]) Тамъ же.

[3]) Арх. Юстиц., сенатск. дѣла по Малоросс. экспед., кн. № 137—1864, стр. 604—609. Василій Мировичъ показалъ: напредъ сего съ прибытія нашего въ Москву со шведскими офицеры и съ ихъ служителями знаемости совершенной и разговоровъ противныхъ сторонѣ царскаго величества ни съ кѣмъ онъ не имѣлъ, а бывалъ въ компаніи для гулянья въ слободѣ Нѣмецкой, ѣздя зъ Посолскаго двора съ солдатами, а именно въ домѣ майора Кольберга съ пять разъ, гдѣ были многіе иноземцы и шведскіе офицеры, а именно поручикъ Люндиюль, учитель Александра Ивановича Головина да поручикъ Панфельтъ, который нынѣ въ Сибири, и иные которыхъ именъ не знаетъ, и въ домѣ генерала Инфлянта и у дѣтей его, и тутъ прихаживали шведскіе офицеры, а кто имяны того не знаетъ, только противныхъ разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ и писемъ никакихъ

изведенномъ у него, переписка съ какимъ-то лейтенантомъ, замѣтили въ письмѣ Василія Мировича неясныя выраженія, возбуждавшія двусмысленныя толкованія; при письмѣ, кромѣ того, приложены были записочки на шведскомъ языкѣ, которыя, для перевода ихъ на русскій языкъ, нарочно посылались въ Петербургъ [1]). Тѣмъ временемъ отыскали шведа Ирика Витмана. По распоряженію адмирала Апраксина, онъ былъ взятъ въ городѣ Або въ Финляндіи, гдѣ опредѣлился служить у шведскаго офицера,

въ шведскую сторону къ брату своему и ни къ кому ни о чемъ во всю бытность свою въ Москвѣ не посылалъ и никому шведамъ не отдавывалъ и словесно противнаго ничего не приказывалъ.

[1]) Переводъ латинскаго письма къ какому-то лейтенанту:

P. S. Доношу також de: по отъѣздѣ вашемъ третьяго мѣсяца наша свобода премѣнилась въ плѣнъ, въ иные перевели насъ дворы, мы два съ Яковомъ братомъ живемъ на одномъ дворѣ, прочая братія на другомъ; изъ двора никуда не пущаютъ, ни къ намъ; развѣ по прошенію солдатъ можемъ съ пріятели въ ночи поговорить и сойтись нечастымъ временемъ посѣтити и то съ великою трудностію и опасеніемъ бываетъ.

Такъ скоро вороны какъ прежде лебеди были, и такъ живемъ какъ птица въ оборонѣ безъ крылъ или художникъ какой безъ снасти, такъ и мы живемъ безъ компаніи, какъ русаки отъ собачія суть близкіе или голова безъ разсужденія, которыя статейки... предай огню! Довольно разумному! Превосходительство ваше такожде братъ мой добрымъ здоровьемъ и поведеніемъ поздравляетъ и услуги любвѣ предпосылаетъ Яковъ Мировичъ што больши цвѣтами свѣтлый давно безъ почтенія компанеи обрѣтается и великои меланхоли себе предалъ, что болѣзнь тому припала, котораго нынѣ лечатъ доктора.

А по шведски писаное на двухъ лоскуткахъ переведено въ Санктпетербургѣ, а по переводу написано:

1. Короля да сохрани и защити своею рукою, жизни его время умножи.

2. Азъ окаянный и грѣшный человѣкъ во грѣхѣ зачатый и рожденный и потому во грѣсехъ днехъ живота моего.

3. Отъ Бога отлучатися не хощу, понеже и онъ отъ меня не отлучается; онъ будетъ меня по...

надѣясь съ нимъ воротиться въ отечество. По требованію государственной посольской канцеляріи, его доставили въ Санктпетербургъ. Тамъ сняли съ него показаніе: выяснилось, что онъ служилъ въ шведской арміи рейтаромъ, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Полтавою и отправленъ на работы. Прапорщикъ Мироновъ отпустилъ его на свободу, замѣнивъ въ спискѣ другимъ плѣннымъ шведомъ. Онъ находился въ услуженіи сперва у одного шведскаго офицера, а потомъ пробылъ цѣлый годъ у Василія Мировича. Живучи у послѣдняго, узналъ онъ, что у него есть братъ за границею, и самъ Василій Мировичъ говорилъ, что если бъ ему не жаль было матери и жены, то ушелъ бы за границу къ брату. Когда же Ирикъ отходилъ отъ Мировича, то послѣдній поручилъ ему, если увидитъ брата, передать отъ него, Василія, чтобъ онъ не возвращался въ Россію, а оставался бы въ чужомъ краѣ, потому что тѣ, которые отъ шведа воротились, содержатся подъ карауломъ.

29 января 1716 года Ирикъ Витманъ изъ государственной посольской канцеляріи присланъ былъ въ Москву въ Посольскій приказъ, а 21 февраля того же года поставленъ на очную ставку съ Василіемъ Мировичемъ.

Шведъ уличалъ Василія Мировича въ произнесеніи желанія уйти къ брату за границу. Василій Мировичъ запирался. Василія Мировича подвергли пыткѣ, и не одинъ разъ, а два раза сряду. Онъ во всемъ повинился, но утверждалъ, что его мать и братья ничего про то не знали. О двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя находили въ его письмѣ къ плѣнному шведскому офицеру, онъ отзывался, что то писано было только для забавы [1]).

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. дѣла по Малоросс. экспедиц. 1716 г., кн. 137—1864, стр. 640—642.

На очной ставкѣ шведъ Ирикъ Витманъ говорилъ, что онъ Василій въ словахъ при немъ нѣсколько разъ говаривалъ, что братъ его

После всѣхъ вопросовъ и пытокъ, Василій Мировичъ былъ закованъ въ кандалы и отосланъ въ Сибирскій приказъ для отправки въ дальніе сибирскіе города на работу,

при шведскомъ королѣ и при отъѣздѣ его изъ Москвы онъ Василій Мировичъ приказывалъ ему сказать тому брату своему, чтобъ онъ въ Россію не возвращался и былъ бы тамъ для того де, что которые малороссіяне и возвратились отъ шведа въ Россію, и тѣ держатся въ арештѣ, и ежели бъ не жаль ему было матери своей и жены, то бы онъ и самъ туда уѣхалъ.

Василій Мировичъ въ томъ запирался. А потомъ онъ, Василій, подыманъ на виску и по поднятіи просилъ, чтобъ его спустить для того: скажетъ правду.

И потомъ говорилъ, что онъ при отъѣздѣ зъ Москвы того шведа съ нимъ приказывалъ сказать брату Ѳедору, который нынѣ при королѣ шведскомъ чтобъ онъ въ Россію не возвращался и былъ бы тамо, для того, что которые де малороссіяне возвратились отъ шведа въ Россію и тѣ держатся за арештомъ, такожъ и тѣ слова: ежели бъ ему Василію не жаль матери своей и жены, то бъ и онъ зъ Москвы давно уѣхалъ. И то онъ говорилъ во болѣзни своей предъ отъѣздомъ того шведа за мѣсяцъ, а не при самомъ отъѣздѣ, а при отъѣздѣ ему такихъ словъ не говаривалъ, и такова де подлиннаго намѣренія, чтобъ ему зъ Москвы уѣхать въ шведскую сторону къ брату своему, не было и говоритъ де онъ то самое истиною, а не ради страху и истязанія.

Владиміръ Мировичъ, Василій тожъ.

Потомъ онъ Василій Мировичъ пытанъ: дано тринадцать ударовъ и на вискѣ держанъ долгое время. И съ пытки говорилъ тѣже слова что и передъ пыткою.

И Василій Мировичъ на пыткѣ сказалъ, что иного никакого противнаго намѣренія у него, такожъ и съ шведскими плѣнными никакого согласія и къ брату его Ѳедору въ Швецію ни чрезъ кого пересылки никакой не было, а въ письмѣ латинскомъ писанномъ отъ него къ поручику Панфелю скрытныя рѣчи писаны яко къ другу для забавы и съ простоты своей и съ печали, что въ компанею никуды долгое время былъ не отпускиванъ и чтобъ такіе враки кому не попались, для того и огню предать написалъ, а не для иного какого противнаго намѣренія и умыслу ко злу.

А мать его и братья Яковъ и Семенъ въ намѣреніи противномъ ни въ какомъ съ нимъ не были и ни про что не вѣдаютъ.

а мать его Пелагея Захарьевна съ дочерью Мариною, съ женатымъ сыномъ Семеномъ и его женою Еленою, съ ихъ дѣтьми Григоріемъ и Ульяною, и, кромѣ того, съ холостыми сыновьями Яковомъ, Дмитріемъ и Иваномъ послѣдовала въ Тобольскъ и тамъ была водворена на вѣчное житье. Доносчица, жена Василія, получила свободу и отпущена въ Украину, съ письмомъ къ гетману Скоропадскому, которому поручено было пристроить ее у ея родственниковъ.

Василій Мировичъ, сосланный неизвѣстно въ какой дальній сибирскій городъ, вступилъ вторично въ бракъ съ сибирячкой дворянкой Марьей Ѳедоровной Фефиловой и умеръ въ 1732 году, оставивши послѣ себя сына отъ втораго брака, Степана, который не ранѣе какъ уже въ 1747 году получилъ дозволеніе жительствовать во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи съ обязательствомъ не выѣзжать за границу [1]).

Пелагея Захарьевна Мировичъ пробыла въ ссылкѣ въ Тобольскѣ двадцать восемь лѣтъ. Воцарялись одни за другими на русскомъ престолѣ: Екатерина I, Петръ II, Анна Іоанновна, оказывались разныя милости, и никто не вспомнилъ объ этихъ отверженныхъ малороссіянахъ: облегчалъ ихъ судьбу только зять Пелагеи Захарьевны, Лизогубъ, владѣвшій маетностями Мировичей, порученными ему въ досмотръ съ обязательствомъ содержать тещу и ея семейство въ ссылкѣ [2]). Не ранѣе какъ по воцаре-

[1]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. № 150—1877, стр. 386.

[2]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. № 41—1768, стр. 286.

Изъ челобитной Лизогуба: Чтобы мнѣ съ тѣхъ же маетностей всякое ей тещѣ моей Мировичевой съ дѣтми въ пищи и одѣяніи чинити вспоможеніе, и я оные маетности въ собственномъ моемъ завѣдываніи лѣтъ семь имѣвши знатнымъ моимъ стараніемъ и працею

ніи Елисаветы, да и то не тотчасъ, блеснула заря освобожденія для этого опальнаго семейства. 21 января 1744 года состоялся сенатскій указъ объ освобожденіи, по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста 15 декабря 1741 года, Пелагеи Захарьевой Мировичевой съ сыномъ Димитріемъ [1]). Прочихъ сыновей уже не было на свѣтѣ. 21 мая 1745 года Пелагея Захарьевна, находясь уже въ Москвѣ, подала челобитную, чтобъ ее за старостію и дряхлостію отпустить въ Малую Россію къ свойственникамъ для пропитанія и дать ей изъ правительствующаго сената паспортъ. На эту челобитную послѣдовало разрѣшеніе. Опальные возвратились на родину, но съ принятіемъ мѣръ, чтобъ они не сносились съ Ѳедоромъ Мировичемъ и ни съ кѣмъ изъ пребывающихъ за границею, подъ опасеніемъ лишенія живота [2]).

во всемъ государствѣ устроилемъ разводъ и пріобрѣтеніе; изъ того по указу и по моей должности помянутой старой Мировичцѣ съ дѣтми ея для пропитанія изъ того потребную грошми и запасами разными чинилемъ посылку...

[1]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. 31—1758, стр. 283.

[2]) Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малорос. экспед., кн. № 137—1864, стр. 675—676 и № 150—1877, стр., 624. — По челобитью малороссійской бывшей полковницы переяславской Пелагеи Мировичевой съ сыномъ ея Дмитріемъ, которою объявляетъ, что блаженныя и вѣчно достойныя памяти вседражайшаго родителя ея императорскаго величества Петра Перваго указомъ въ 1712 году взята она со всѣмъ ея домомъ въ Москву, а въ 1716 году сослана въ ссылку въ Сибирь, гдѣ черезъ двадцать восемь лѣтъ обрѣталась, и при счастливѣйшемъ восшествіи на наслѣдный престолъ ея императорскаго величества по всемилостивѣйшимъ имяннымъ ея императорскаго величества указамъ съ прочими она изъ той ссылки освобождена, и проситъ, чтобъ съ сыномъ ея Димитріемъ за старостію и дряхлостію ее отпустить въ Малую Россію къ свойственникамъ ея для пропитанія и для того бы дать ей изъ правительствующаго сената пашпортъ. И по справкѣ въ Сенатѣ оная полковница Мировичева съ дѣтми сослана въ Си-

Отъ старшаго сына Мировичевой, Семена, умершаго въ 1726 году, остался сынъ Григорій, который воспитывался у бабки; съ 1743 года былъ на службѣ въ Сибири, а въ 1743 году отпущенъ съ правомъ жительствовать и служить, гдѣ пожелаетъ [1]).

Кромѣ Пелагеи Захарьевны и ея дѣтей и внуковъ, бывшихъ въ ссылкѣ въ Сибири, находились въ Россіи сыновья пребывавшаго за границею мазепинца Ѳедора, Петръ и Яковъ. Объ нихъ остались намъ такія свѣдѣнія: въ 1724 году они, по доносу Данила Забѣлы (прославившаго свое имя цѣлымъ рядомъ доносовъ), были привлечены къ политическому дѣлу черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка, ихъ роднаго дяди по матери. На допросѣ, которому они были подвергнуты, они показывали, что не знаютъ за ихъ дядею Полуботкомъ злого умысла и противности его императорскому величеству. Указомъ 4 февраля 1725 года императрица Екатерина I повелѣла: «Полуботковыхъ племянниковъ, братьевъ Мировичей, которыхъ отецъ находится въ измѣнѣ, опредѣлить въ школы или въ академію, въ какое

бирь за измѣну сына ея Ѳедора Мировича, который нынѣ въ Россію не возвратился. Приказали: вышеписанной бывшей полковницѣ Мировичевой и сыну ея Дмитрію для проѣзду ихъ въ Глуховъ дать пашпортъ, съ которымъ явиться имъ въ Малой Россіи въ министерской канцеляріи, а той канцеляріи велѣть оную вдову Мировичеву и сына ея обязать крѣпко съ подпискою съ знатными поруками, чтобъ они за границу никуда не отъѣзжали и никакой бы съ вышеупомянутымъ сыномъ ея Ѳедоромъ Мировичемъ или съ кѣмъ заграничными жители корреспонденціи не имѣли подъ лишеніемъ живота; буде же въ томъ по нихъ знатныхъ порукъ не будетъ, то выслать ихъ для житья въ Москву немедленно, и что учинено будетъ, въ Правительствующій Сенатъ репортовать. И о томъ въ генеральную войсковую канцелярію послать указъ.

[1]) Арх. Юстиц., сенатс. кн. по Малорос. экспед, 1744 г., кн. № 137—1864, стр. 663—664.

дѣло будутъ достойны по разсмотрѣнію директоровъ, а въ Малую Россію не отпускать никогда» [1]). Далѣе, мы узнаемъ, что Петръ Мировичъ сталъ секретаремъ царевны Елисаветы Петровны, въ 1729 году отправился по паспорту въ Малороссію и, не явившись обратно въ срокъ, велъ тяжбу съ своими двоюродными братьями Полуботками объ имѣніи [2]), а Яковъ находился при подстоліи Великаго Княжества Литовскаго, Антоніи Потоцкомъ, его секретаремъ [3]). Въ 1732 году оба брата, Петръ и Яковъ, неизвѣстно за что и откуда, были отправлены въ Сибирь и опредѣлены тамъ въ службу въ званіи дѣтей боярскихъ [4]). Въ 1735 году Петръ Өедоровичъ былъ воеводою въ Енисейскѣ; находясь въ этомъ званіи, онъ сообщилъ Миллеру рукописный экземпляръ Сибирской лѣтописи, которая въ настоящее время издается археографическою коммисіею. Въ 1743 г. оба брата были освобождены съ правомъ поступить въ службу, куда пожелаютъ [5]).

Яковъ Мировичъ былъ, по его желанію, назначенъ воеводою въ гор. Кузнецкъ, сибирской губерніи [6]), а Петръ былъ сперва опредѣленъ экзекуторомъ при св. синодѣ, а потомъ, согласно своему желанію, воеводою въ гор. Енисейскъ [7]). Извѣстіе, приведенное нами выше о Сибирской лѣтописи, показываетъ, что онъ уже тамъ былъ прежде и отпросился на знакомое мѣсто. Видно, онъ сжился съ сибирскимъ краемъ, когда самъ добровольно

[1]) Архивъ Юстиціи, сенатск. книги по Малорос. экспед., № 96 - 1823, стр. 517.

[2]) Ibid., стр. 144—145.

[3]) Ibid., стр. 317.

[4]) Ibid., № 132—1859 стр. 328—330.

[5]) Ibid., стр. 329.

[6]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед. 1743 г., № 132—1859, стр. 331.

[7]) Ibid., стр. 341.

пожелалъ туда воротиться, а не просилъ о водвореніи на родинѣ. Сынъ кузнецкаго воеводы, подпоручикъ Василій Яковлевичъ, былъ казненъ смертію 15 сентября 1764 года на Петербургской сторонѣ въ С.-Петербургѣ за попытку освободить заточеннаго въ Шлиссельбургѣ императора Іоанна Антоновича.

Когда уже семейство Мировичей томилось въ ссылкѣ, виновникъ всѣхъ его злоключеній Ѳедоръ Мировичъ не хотѣлъ искать царскаго прощенія, и съ другими, уже немногочисленными мазепинцами продолжалъ безплодныя усилія освободить Украину отъ Россійской державы. Мы выше упомянули, что онъ изъ Швеціи перебрался вмѣстѣ съ Нахимовскимъ въ Польшу, вслѣдъ за возвратившимся туда сторонникомъ Карла XII, Понятовскимъ. Это произошло въ 1719 году. Съ той поры Ѳедоръ Мировичъ нашелъ себѣ пріютъ у князей Вишневецкихъ. Онъ былъ помѣщенъ гостепріимными владѣльцами въ особомъ, уступленномъ ему дворѣ и имѣлъ собственную козацкую команду, предоставленную ему въ распоряженіе. Сыновья его, какъ уже было показано, пребывали въ Россіи. Въ 1732 году Ѳедоръ Мировичъ писалъ къ гетману Данилу Апостолу, что сынъ его Яковъ былъ у отца во время прошедшаго Гродненскаго сейма, и сообщалъ родителю, что гетманъ вообще милостивъ къ нему и къ его брату. Мировичъ благодарилъ гетмана за вниманіе къ его дѣтямъ [1]). Письмо свое онъ отправилъ съ козакомъ своей команды и съ нимъ же послалъ письмо къ своему зятю, генеральному обозному Лизогубу, касавшееся его семейнаго дѣла [2]). Гетманъ, получивши эти письма, задержалъ привезшаго ихъ козака и сообщилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. О томъ же доносилъ въ коллегію жившій

[1]) Арх. Юст., сенатск. кн. по Малорос. экспед., № 96—1823, стр. 306—307.

[2]) Ibid., стр. 308—309.

при гетманѣ царскій резидентъ Тургеневъ. Коллегія, не видя ничего политическаго въ письмахъ изгнанника, порѣшила отправить козака назадъ и приказать ему словесно сказать Мировичу, что съ нимъ, какъ съ измѣнникомъ, не дозволяется никому изъ россійскихъ подданныхъ вести сношеній, а потому пусть онъ впередъ не отправляетъ въ Россію никакихъ посылокъ [1]).

[1]) Ibid., стр. 310—311. Въ указѣ гетману Апостолу изъ коллегіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дѣятельность Орлика за границею.—Его письма къ европейскимъ дворамъ.—Попытки образовать и утвердить военный союзъ противъ Россіи.—Орликъ въ Бреславлѣ.—Посылка въ Турцію, къ хану крымскому и къ запорожцамъ.—Посланіе Орлика, возбуждающее запорожцевъ противъ Россіи.—Попытка Орлика примириться съ царемъ.—Письмо Орлика къ митрополиту Стефану Яворскому.—Орликъ въ Салоникахъ.—Безкоролевье въ Польшѣ по кончинѣ короля Августа II.—Попытки возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго.—Орликъ у крымскаго хана.— Неудачныя старанія выдвинуть украинскій вопросъ въ рядъ политическихъ вопросовъ европейской политики.—Новое посланіе Орлика къ запорожцамъ.—Отвѣтъ запорожцевъ.—Послѣдки эмиграціонныхъ интригъ.—Орликъ во Франціи.—Мировичъ и Нахимовскій въ Крыму.—Предположеніе гетмана Разумовскаго о мѣрахъ противъ эмигрантовъ.—Эмиграціонное движеніе испаряется.

Орликъ, оставаясь нѣкоторое время въ Швеціи, продолжалъ трудиться надъ своею идеею и успѣлъ было убѣдить шведское правительство приложить стараніе объ образованіи военнаго союза европейскихъ государствъ вмѣстѣ съ Швеціею противъ Россіи. На самую Швецію, однако, плоха была надежда малороссіянамъ, такъ какъ предварительныя условія мира съ Россіею безпрестанно составлялись и передѣлывались, и, между прочимъ, царь соглашался, чтобъ съ обѣихъ сторонъ послѣдовала амнистія, но требовалъ изъятія изъ нея малороссійскихъ измѣнниковъ,

ушедшихъ изъ Турціи за шведскимъ войскомъ, и шведы на то уже соглашались. Дѣла клонились къ болѣе или менѣе близкому заключенію мира между воюющими сторонами. Орликъ, пытаясь во что бы то ни стало не допустить этого, осенью 1720 года отправился изъ Швеціи въ Германію и сначала помѣстился въ Ганноверѣ. Оттуда, отъ имени шведскаго правительства и отъ своего имени, онъ отправилъ письма къ англійскому королю, съ предложеніемъ военнаго союза противъ Россіи. Англія, недавняя еще союзница русскаго царя, теперь становилась враждебною политическому могуществу Россіи: успѣхъ морскаго дѣла въ этой державѣ безпокоилъ ее. Изъ Ганновера Орликъ въ ноябрѣ того же года прибылъ въ Бреславль и оттуда отправилъ Ѳедора Нахимовскаго съ письмами къ хану крымскому, къ силистрійскому сераскиру и къ запорожцамъ; послѣднихъ утѣшалъ онъ извѣстіями о военномъ союзѣ европейскихъ державъ противъ Россіи, съ цѣлію доставленія назависимости Украинѣ [1]).

[1]) Письмо Орлика къ запорожцамъ.

Мои зело милостивые пріятели и братія пане кошовый и все старшое и меншее войска запорожского низового товариство.

Листъ отвѣтный отъ вашъ мостей добрыхъ молодцовъ милои братьи нашей чрезъ пана Ѳедора Нахимовскаго до мене писаный благодарственнымъ и радостнымъ сердцемъ принялъ я еще будучи въ Швеціи въ городѣ Стокгольмѣ при сторонѣ его королевскаго величества шведскаго, з которого то листу когда увѣдомился о добромъ вашъ мостей добрыхъ молодцовъ милои братіи моей здоровью, счастливомъ ихъ поведеніи и о непремѣнной ко мнѣ пріязни, благодареніе Господу Богу всемогущему воздалъ я и неисповѣданно утѣшился, что меня въ далекую сторону для дѣлъ публичныхъ и общей пользы вашей также всего народу малороссійского пользы въ посторонній край полуночный удалившагося въ благопріязномъ своемъ сердцѣ, любвѣ, пріязнѣ и памяти незабвенной ховаете, и яко собѣ притомнаго за вожда своего голосами вольными отъ себе избраннаго узнаете. Таковою тогда отъ вашъ мостей добрыхъ молодцовъ правдивою любовію и пріязнію побужденный, стараемся усилне о отпускѣ изъ Швеціи у королев-

Но бѣдный Орликъ не понималъ еще, какъ видно, что его дурачили, что во всѣхъ дипломатическихъ предположеніяхъ, которыми его тѣшили, не было правды. Не прошло и года, какъ Орликъ на опытѣ узналъ это. Швецiя помирилась съ Россiею окончательно. Тогда Орликъ при-

скаго величества, чтобъ я могъ тамъ къ вашъ мостямъ добрымъ молодцамъ милои братiи моей зближитися, якъ и у розныхъ монарховъ, наипаче тихъ, которые съ Королевствомъ Шведскимъ союзомъ военнымъ противъ Московскаго государства совокупились и соединились неусыпное мое стараніе о общей пользѣ вашъ мостей добрыхъ молодцовъ милои братiи моей и о высвобожденiи всего народу малороссiйского стараніе приложити, якожъ и упросившее у королевскаго величества шведского причинныхъ за собою листовъ и за вашъ мостями добрыми молодцами до цесарского величества христiанского, до королевскаго величества англинского, до королевского величества польского, также до блистательной Порты Оттоманской, до наияснѣйшого хана его милости и до иныхъ, выѣхалъ счастливо изъ Стокгольма 11 октября и переправившись съ Божiею помощiю чрезъ море и прибывши въ Нѣмецькую землю поотсылалъ тѣ всѣ письма при моихъ листахъ до наияснѣйшихъ монарховъ христiанскихъ, одни изъ Ганновера дѣдичнаго княженiя королевского величества англинского, а другiе отсель изъ Шленска изъ города Бреславля, где прибылъ я настоящаго года 8 ноября до наияснѣйшей Порты Оттоманской листъ причинный королевского величества шведского и до наияснѣйшого везиря при себѣ еще удержалъ, ожидая на листъ причинный также отъ королевского величества англинского до наияснѣйшей Порты Оттоманской который когда отберу не омедлю съ нимъ и съ листами королевского величества шведского отсель туда куда надлежитъ поспѣшати, а теперь посылаю предъ собою Өедора Нахимовскаго съ листами королевского величества шведского до наияснѣйшого хана крымского его милости и сераскира силистрiйского въ Хотѣнью пребывающого и до вашъ-мостей добрыхъ молодцовъ братiи милой, о чомъ и до всѣхъ тихъ монарховъ ко христiанскихъ якъ и до Порты Оттоманской и до хана его милости изволилъ королевское величество шведское за моимъ старанемъ и прошенiемъ причинные свои въ дѣлахъ нашихъ писати листы, также какiя я подалъ до покоя придучого пункты до вписанiя оныхъ въ инструкцiю королевского величества шведского посламъ его величества полномочнымъ о Украинѣ по обѣ-

бѣгнулъ къ иного рода попыткѣ: онъ испробовалъ, нельзя ли помириться съ царемъ, и обратился съ письмомъ къ архіепископу рязанскому Стефану Яворскому, хотя всегда вѣрному царю, но истому малороссіянину, страстно любившему свою родину съ ея народомъ.

Письмо это доставлено было чрезъ посредство голштинскаго посольства и оставлено безъ послѣдствій для Орлика, но оно сохранилось въ дѣлахъ Государственнаго Архива, какъ драгоцѣннѣйшій источникъ для исторіи мазепинской эпохи. Въ немъ Орликъ излагаетъ довольно под-

имъ сторонамъ Днѣпра обрѣтающейся, какіе монархи съ Швеціею военный союзъ учинили противъ Москвы какія чинятся приготовленія и съ какими силами на войну которая дастъ Богъ сего лѣта отворится, и о иныхъ всякихъ поведеніяхъ публичныхъ донесетъ вашъ мостямъ добрымъ молодцамъ милой братіи моей словесно Нахимовскій, которому во всемъ изволте вашъ мости добрые молодцы милая братія моя повѣрити и оному всякую помощь учинити, чтобъ безопасно могль съ тѣми всѣми листами королевскими и моими до хана его милости доѣхати, а оттоль возвратясь до паши силистрійского его милости Хотѣнского перебратися, где для пересылки листовъ имѣетъ на резиденціи отъ мене заставати нимъ я къ вашъ-мостямъ добрымъ молодцамъ милой братіи моей соединюся. Прошу только вашъ мостей добрыхъ молодцовъ милой братіи моей абысте въ хвалебномъ своемъ предвзятіи статечне и постоянне знайдуючися на жадные московскіе прелести и неподлинное надѣяніе ушей своихъ не преклоняли, и сердце свое мужественное отъ оныхъ отвращали, зде же если бы не дай Боже неприятель прелестми своими вашъ мостей добрыхъ молодцовъ милой братіи моей войско запорожское уловилъ и до своей стороны и соединенія потягнулъ, то подлинно бы народъ весь погубили въ вѣчную неволю оныхъ и самыхъ себе отдали и передъ цѣлымъ свѣтомъ недостатокъ свой показали, чего яко нигде по вашъ мостяхъ добрыхъ молодцахъ войску запорожскому милой братіи моей несподѣваюся такъ имъ же желаю доброго отъ Бога здоровья и счастливого поводженія. Вашъ мостямъ добрымъ молодцамъ милой братіи моей всего добра зичливый пріятель и братъ Филиппъ Орликъ гетманъ Войска Запорожскаго. Данъ въ Бреславлѣ 1721 року января 11 дня. (Маркевичъ. IV. 352).

робно какъ зародилась и какъ развивалась у гетмана Мазепы мысль измѣнить царю Петру и перейти на сторону враговъ его. Во многихъ чертахъ это письмо представляетъ сходство съ показаніемъ Войнаровскаго, и это придаетъ имъ обоимъ достоинство достовѣрности. Орликъ и Войнаровскій были люди близко стоявшіе къ Мазепѣ и къ дѣламъ, совершавшимся въ Украинѣ въ оное время. Но письмо Орлика драгоцѣннѣе показанія Войнаровскаго, какъ по сравнительно большей подробности излагаемыхъ событій, такъ и потому, что Орликъ находился въ болѣе независимомъ положеніи, когда писалъ свое письмо, чѣмъ Войнаровскій, дававшій свое показаніе, находясь подъ стражею.

Когда, по заключеніи Россіею вѣчнаго мира со Швеціею и Турціею, не представлялось долго возможности устроивать противъ Россіи козни, Орликъ ушелъ во Францію, потомъ очутился въ Турціи и поселился въ Салоникахъ. Онъ выжидалъ времени, когда можно будетъ снова явиться въ политическій міръ съ украинскимъ вопросомъ. Онъ таки дождался, что въ европейской политикѣ настали компликаціи, среди которыхъ возможно было въ мутной водѣ ловить рыбу. Францiя, вмѣстѣ съ Испаніею, тѣсно привязанною къ Франціи династическими интересами, находилась въ открытой войнѣ съ Германскою имперіею. Омрачался политическій горизонтъ и на сѣверѣ. Умеръ польскій король Августъ II. Явилась въ Польшѣ немалочисленная партія, желавшая возвратить корону Станиславу Лещинскому. Она себѣ находила опору во Франціи.

Французскій король былъ въ супружествѣ съ дочерью Станислава Лещинскаго и сталъ поддерживать оружіемъ своего тестя. Это поставило Францію во враждебное положеніе съ Россіей, которая въ Польшѣ поддерживала другаго кандидата на польскій престолъ—саксонскаго князя-избирателя.

Европа раздѣлялась на два враждебные стана: въ одномъ была Франція съ Испаніей, а къ нимъ по стариннымъ симпатіямъ примкнуть готовы были Швеція и Турція, въ другомъ—Россія, Германская имперія, Данія, Голландія, Англія. Польша на половину была на той, на половину на другой сторонѣ. Среди такихъ сложныхъ вопросовъ удобно казалось воскресить вопросъ объ отторженіи Украины отъ Московской державы и объ образованіи изъ нея отдѣльнаго самобытнаго государства. И вотъ Орликъ, проживавшій въ Салоникахъ, ѣдетъ къ крымскому хану въ его лѣтнюю резиденцію въ Каушаны (въ Бессарабіи) и оттуда посылаетъ въ Сѣчь воззваніе, гласившее, что пришло время не пожалѣть жизни для освобожденія Украины и всего малороссійскаго народа изъ-подъ московскаго ярма [1]). Онъ сообщалъ, что теперь настало самое благопріятное къ тому время, какого не скоро придется дождаться. Французскій король, могущественнѣйшій изъ всѣхъ христіанскихъ государей, въ соединеніи съ испанскимъ королемъ и съ сардинскимъ, одерживаетъ побѣды надъ цесарскими войсками въ Италіи и на Рейнѣ, и уже цесарское величество не въ силахъ обороняться, а тѣмъ болѣе не можетъ подавать помощь союзной съ нимъ Москвѣ, находящейся подъ угрозою враждебныхъ дѣйствій и со стороны Турціи [2]). У нихъ есть еще надежда на по-

[1]) Не только житія, але и послѣдней крови капли не жаловати для вызволенья той же отчизны своей отъ тяжкаго и тиранскаго подданства московскаго („Кіевск. Стар.“ 1882 г., апр., стр. 108).

[2]) . . . Издавна пожаданый пришелъ часъ, когда зъ едной стороны наияснѣйшій король французскій найсильнѣйшій и найпотужнѣйшій въ цѣломъ христіанствѣ непобѣдимый монарха, соединившися съ королевскимъ величествомъ Гишпанскимъ дядькомъ своимъ и зъ королевскимъ величествомъ Сардинскимъ братомъ своимъ противъ цесаря его милости христіянскаго и противъ Москвы, праведную и слушную выказалъ имъ войну и знатное уже, помощію Божіею, не тилько надъ войсками цесарскими въ Италіи звѣтяжество одержалъ, але и цѣлое

мощь Англіи, Голландіи, королей датскаго и прусскаго, на князя баварскаго и другихъ имперскихъ князей; всѣ эти государства, видя богопротивные поступки цесаря и Москвы, не расположены помогать имъ въ войнѣ, чтобъ не навлечь на себя гнѣва Божія за пролитіе неповинной крови [1]). Орликъ извѣщалъ запорожцевъ, что въ Польшѣ и въ Литвѣ уже всѣ воеводства, земли и повѣты поднялись за Станислава, своего избраннаго короля, и войско польское и литовское поражаетъ повсюду Москву. Уже и Швеція съ своей стороны готовится къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Московской державы, вступивши въ союзъ съ французскимъ и польскимъ королями; Оттоманская Порта держитъ на-готовѣ свои неисчислимыя войска, а ханъ

тамъ королевство Ломбардѣйское и два великія княженія Медіоланское и Мантуанское за малижъ барзо часъ, бо тилько въ трехъ мѣсяцевъ отъ цесарскаго величества одобралъ. А опричъ тихъ силѣ и войскъ союзныхъ французскихъ, гишпанскихъ и сардинскихъ, которыхъ 150.000 въ Италіи теперь знайдуется, особливо двѣстѣ еще тысячей самого войска французскаго, одобравши два княженія отъ князя Лотарингскаго, зятя цесарского, и добывши килько фортецъ цесарскихъ надъ рѣкою Реномъ, переправилися уже черезъ тую рѣку и идутъ теперь до панства цесарскаго и до Вѣдни, которымъ такъ великимъ въ Италіи силамъ французскимъ же цесарское величество малолюднымъ своимъ войскомъ не выдолаетъ постояти, звлаща когда и отъ турковъ треба стерегтися и въ поготовости быти и же не тилько союзной собѣ Москвѣ жадной помощи давати, але и себе самого оборонити не можетъ. (Тамъ же).

[1]) . . . всѣ тіи королевства и панства видячи же цесарское величество и Москва неслушне и неналежне а до того и богопротивне на права и волности Рѣчи Посполитой Польской до себе ни въ чимъ не належачой гвалтовно наступуютъ, въ чужомъ панствѣ владѣти хотятъ и вольными голосами отъ всѣхъ единостайне наиясиѣйшого короля Станислава за пана обраного законно зъ королевства польского вызути усилуютъ—не хотѣли и не хотятъ цесарскому величеству и Москвѣ зъ войнѣ зъ ихъ стороны неправедной допомогати: жебы за тое Богу не отповѣдали и за пролитіе крови неповинной помсты отъ себя зъ неба не натягнули. (109).

крымскій уже двинулъ свои орды къ польскимъ предѣламъ [1]).

Въ такое-то удобное время, — укорялъ запорожцевъ Орликъ,—войско запорожское допустило увлечься коварными обѣщаніями своихъ давнихъ заклятыхъ непріятелей [2]).

Далѣе, въ своемъ посланіи Орликъ припоминалъ запорожцамъ всякіе непріязненные поступки московскаго правительства противъ нихъ, достаточно показывающіе, что не слѣдуетъ ни въ чемъ довѣрять такой власти, вспомнилъ и разореніе Сѣчи въ 1709 году и казни запорожскихъ старшинъ и товарищей, попавшихся въ бѣду чрезъ то, что повѣрили обѣщаніямъ царской милости; не забылъ помянуть построенія крѣпости въ Каменномъ Затонѣ и самарскихъ городковъ со лживыми увѣреніями, будто эти городки строятся только на время войны противъ татаръ и турокъ, съ цѣлью храненія боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ для войска, а по окончаніи войны будутъ срыты; вспомнилъ и о томъ, какъ во время шведской войны зазывали на службу не мало низоваго товарищества, потащили ихъ въ Петербургъ и развели на каторжныя работы, отъ которыхъ они всѣ погибли. Указывалъ, наконецъ, Орликъ на примѣръ Украины: не послушалась она доброжелательныхъ и правдивыхъ предостереженій покойнаго своего гетмана Мазепы, а повѣрила болѣе московскимъ увѣреніямъ въ грамотахъ, подписанныхъ

1) Тамъ же, стр. 110.

2) Въ тотъ часъ теды такъ погодный, такъ счастливый, такъ помысльнный и такъ до ратованя отчизны способный, далисте вашмость добріи молодци Войско Запорожское увести известись московскими хитрыми и прелестными обѣтницами, которыхъ яко рѣдко кому додержують, такъ и вашъ-мостемъ добрымъ молодцамъ, Войску Запорожскому, тимъ барзѣй не додержать, нимъ барзѣй имъ и всему нашему народу отъ давнихъ часовъ головными суть непріятельми. (Тамъ же, стр 110.

царскою рукою и читанныхъ по церквамъ, гдѣ, призывая во свидѣтельство Бога, увѣряли Войско Запорожское и весь народъ малороссійскій, что всѣ люди войсковые и посполитые будутъ пользоваться такою свободою, въ какой пребывали ихъ предки во времена славной памяти гетмана Богдана Хмельницкаго [1]). Но по окончаніи шведской войны, московское правительство такъ сдержало свои клятвы и обѣщанія: упразднило въ Украинѣ гетманскую власть и вмѣсто нея учредило коллегію, набравши изъ своего народа двѣнадцать мучителей, которые совершали надъ украинскимъ народомъ неслыханныя мучительства, а когда генеральныя особы обратились къ царю съ жалобою черезъ своихъ пословъ, то ихъ всѣхъ потащили въ Петербургъ, однихъ въ ссылку заслали, другихъ въ тюрьму засадили [2]). Здѣсь, конечно въ по-

[1]) Тамъ же, стр. 111—112.

[2]) Якъ скоро зъ шведами тая жъ Москва войну скончила и покой съ ними потвердила, такъ заразъ обѣтницы свои поприсяжные и грамотами царскими отверженные отмѣнила, вольности всѣ поломала, судъ и права свои мучитетельскіе въ Украину впровадила и установила, а наши войсковіе знесла, урядъ гетманскій отстановила и искоренила, коллегіумъ якоесь свое зъ 12 народу своего особъ, а барцей зъ 12 округныхъ мучителей зложенное въ Глуховѣ утвердила, которые якъ людей нашихъ зъ худобъ здирали едному зъ другимъ на единѣ розмовляти не позволялы, тиранско мучили, кнутовали, на страстку тянули, ребра ломали; якъ свиней повязавши на жару пекли, смолою кипячою поливали, вѣшали, стинали, чвертовали и иные многія мучительства въ свѣтѣ неслыханные надъ народомъ нашимъ пополняли! И когда енеральніе особы, полковники и вся старшина зо всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ городовымъ и зо всѣмъ народомъ до царскаго величества покорне и слезне чрезъ пословъ своихъ о заховании правъ и вольностей своихъ и о додержаніи слова царскаго упевненя и обѣтницъ грамотами подтвержденныхъ супликовали и упоминалися, теды, всѣхъ ихъ забравши и до Петербурга подъ вартою запровадивши, еднихъ помученно, другихъ въ ссылку на выгнане позасилано, а иныхъ въ тяжкомъ вязеню осажено. (Тамъ же стр. 112—113).

сланіи Орлика идетъ рѣчь о наказномъ гетманѣ Павлѣ Полуботкѣ и о его товарищахъ, но Орликъ, живучи вдали, не могъ знать въ точности, какъ происходили событія, —и дѣлалъ ошибки. Такъ, въ числѣ пострадавшихъ съ Полуботкомъ, онъ считаетъ миргородскаго полковника Апостола, хотя тутъ же помянулъ его недобрымъ словомъ, назвавши клятвопреступникомъ за переходъ отъ мазепиной стороны на царскую сторону [1]), Орликъ не зналъ того, что этотъ человѣкъ, послѣ возвращенія отъ Мазепы къ царю, находился постоянно въ чести и довѣріи у верховнаго правительства, а потому и достигъ гетманскаго званія. Далѣе Орликъ въ своемъ посланіи припомнилъ и то, какъ московское правительство посылало десятками тысячъ малороссіянъ на земляныя работы и множество ихъ поморило непомѣрнымъ трудомъ и дурною пищею, желая, по толкованію Орлика, не только обезсилить, но и выгубить все Войско Запорожское [2]). Увѣряя въ справедливости своихъ словъ, Орликъ ссылался на тѣхъ изъ запорожцевъ, которые были самовидцами всего этого и могутъ подвердить все сказанное имъ [3]). Возможность примиренія и дружбы съ Московскою державою

[1]) Въ якомъ (тюремномъ заточеніи) мусилъ килка лѣтъ страждати и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ небожчикъ, миргородскій полковникъ Данило Апостолъ, любодобре барзо Москвѣ прислужился, зламавши присягу свою, отступивши отъ насъ на сторону противную. (Тамъ же, стр. 113).

[2])... Хотячи Москва Войско Зопорожское городовое не тилько обезсилити, але и выгубити, вынайшла была на тое способъ—копанье якогось тамъ въ далекой своей сторонѣ каналу и фундоване въ Персіи фортецъ, на якіе мѣсца, такъ одлегліе по килькадесятъ тысячей казаковъ указами своими спровадивши, еднихъ тяжкими и незвычайными роботами помордовалы, другихъ голодомъ поморилы, а иныхъ борошномъ гнилымъ струхлымъ зъ ящурками и зъ вапномъ помѣшанымъ потруили. (Тамъ же, стр. 113).

[3]) Тамъ же.

признавалась Орликомъ только тогда, когда бы эта держава оставила неприкосновеннымъ гетманскій санъ въ Украинѣ, предоставляя вольному избранію какъ этотъ санъ, такъ и прочіе чины, не навязывала бы Войску Запорожскому въ начальство какихъ-то москалей, волоховъ, сербовъ и перекрестовъ, не отзывала бы козаковъ отъ ихъ служебныхъ обязанностей посылкою ихъ на тяжелыя работы, возвратила бы подъ гетманскую власть города и села, розданныя чужеземцамъ, изъяла бы отъ постоя своихъ войскъ малороссійскіе города, кромѣ Кіева, Чернигова и Переяслава, не вмѣшивалась бы отнюдь въ права малороссійскія, не учреждала бы своихъ судовъ, карающихъ малороссіянъ смертною казнію, отнятіемъ имуществъ, тяжелыми поборами. Запорожцы, вступая подъ власть Московской державы, всего этого не вытребовали отъ нея въ условіяхъ, слѣдовательно, и не могутъ ожидать себѣ ничего хорошаго подъ московскою властію. Притомъ, въ московскихъ владѣніяхъ и Сѣчи основать уже негдѣ: край на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были старыя запорожскія угодья, Москва уступила въ область турецкую и татарскую по рѣку Орель, а на правой сторонѣ Днѣпра Москвѣ не принадлежитъ уже ни одной пяди земли, кромѣ Кіева, Триполья и Василькова; даже и то мѣсто, гдѣ находилась старая Сѣчь, отошло отъ ней на вѣки. Негдѣ Московской державѣ пріютить запорожцевъ и ужъ она навѣрное не станетъ заводить войны съ турками и татарами, чтобы завоевать земли, лежащія по Днѣпру, для поселенія тамъ запорожцевъ; напротивъ, еще будетъ довольна, когда имя Войска Запорожскаго исчезнетъ съ береговъ Днѣпра, чего давно уже хотѣлъ царь Петръ Алексѣевичъ [1]). За невозможностію поселить запорожцевъ

[1]) Певне Москва не схощеть для васъ, ани зъ турками, ани зъ татарами за тіе земли по обоимъ сторонамъ Днѣпра зостаючія войны

въ приднѣпровскихъ странахъ, Московская держава переведетъ ихъ куда-нибудь за Волгу, и тогда уже ни турки, ни татары, ни ляхи не захотятъ подавать имъ помощи къ освобожденію [1]).

Оканчивая свое посланіе, Орликъ счелъ нужнымъ сообщить запорожцамъ, что, проживая двѣнадцать лѣтъ въ Салоникахъ, онъ не сидѣлъ сиднемъ безъ дѣла, а велъ письменныя сношенія и заручился обѣщаніями королей: французскаго, шведскаго, польскаго, Оттоманской Порты и крымскаго хана помогать въ дѣлѣ освобожденія Украины [2]).

провадити, овшемъ рада будетъ жебы и имени тамъ никогда Войска Запорожскаго низового не было, яко тое былъ уже постановилъ небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, тилько чекалъ доконченя войны зъ шведами. (Тамъ же, стр. 115).

[1]) Не могучи вашмостей добрыхъ молодцовъ Войска Запорожскаго нигдѣ по обоимъ сторонамъ Днѣпра осадити, исполнитъ латво давнее свое намѣреніе и непріязненные замыслы, и забравши вашмостей добрыхъ молодцовъ Войско Запорожское занесетъ ихъ за Волгу рѣку и искоренитъ тимъ самымъ въ вѣчные часы и гнѣздо войсковое и имя Войска Запорожскаго низового. До кого прето на потимъ въ таковомъ своемъ несчастю въ оборону удастеся? Певне ани турки, ани татары, ани ляхи дале не схотятъ васъ приняти, охороняти и оборонити, видя вашъ теперешній, такъ безчестній и такъ сромотній нестатокъ. (Тамъ же, стр. 116).

[2]) Признаюсь вашмостемъ добрымъ молодцемъ, милой братіи моей: же мушу теперь не тилько предъ Портою Оттоманскою, але и предъ такъ великимъ монархомъ королевскимъ величествомъ французскимъ, королевскимъ величествомъ польскимъ и королевскимъ величествомъ шведскимъ стыдитися для теперешнего вашего непостояннаго поступку, поневажъ такъ Порта Оттоманская яко и всѣ тіе монархи будучи отъ мене многими письмами (гдыжъ я въ Солонику чрезъ 12 лѣтъ руки зложивши даремне не сидѣлъ) упевненни и добре увѣдомленни о мужествѣ, отвагахъ и о статечномъ и непоколебимомъ вашмостей добрыхъ молодцовъ Войска Запорожскаго едностойномъ и поприсяжномъ ку высвобоженню отчизны предсявзятіи и замыслахъ обѣщали намъ при помощи божіей и при помощи наияснѣйшаго хана цѣлымъ

Краснорѣчіе Орлика не подѣйствовало. Запорожцы въ письменномъ отвѣтѣ ему выставили на видъ разныя недавнія выходки татаръ: какъ они угоняли у запорожцевъ стада овецъ, табуны лошадей и невозможно было добиться управы въ татарскихъ судахъ, вспоминали, какъ ногаи присвоивали себѣ степное пространство, которымъ съ незапамятныхъ временъ пользовались одни запорожцы для пастбищъ, но болѣе всего упрекали татаръ за ловлю людей русскихъ въ яссыръ, что препятствовало запорожцамъ быть за одно съ татарами [1]). Они съ своей стороны совѣтовали Орлику, по примѣру другихъ, просить милости и прощенія у государыни, въ надеждѣ, что она оставитъ его при давнихъ угодьяхъ и маетностяхъ [2]).

Въ такомъ смыслѣ отвѣтъ отправленъ былъ и къ крымскому хану Капланъ-Гирею съ изложеніемъ разныхъ несправедливостей отъ татаръ [3]).

Хотя возбужденія Орлика не подѣйствовали тогда на запорожцевъ, мы не имѣемъ данныхъ указать, насколько въ Украинѣ въ то время была живучею идея независимой Гетманщины, но есть доказательства, что въ верхнихъ слояхъ, какъ россійскаго правительства, такъ и дворянскаго сословія, существовало опасеніе, что, при первой возможности, козацкая Украина заявитъ поползновеніе освободиться отъ московскаго господства. Представители иноземныхъ дворовъ, бывшіе свидѣтелями эпохи восшествія на престолъ Анны Ивановны, въ своихъ депешахъ сообщали, что такое опасеніе было одною изъ главныхъ

сердцемъ намъ жичливаго и ласкового всякими способами и войною и мирными договорами въ томъ допомогати. (Тамъ же, стр. 116).

[1]) Тамъ же, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 121.

[3]) „Кіевск. Стар". 1882 г., апрѣль, ст. Скальковскаго: „Филиппъ Орликъ и Запорожцы", стр. 122—124.

причинъ, почему шляхетство не захотѣло ограниченія самодержавія въ Россійскомъ государствѣ [1]).

Эти сношенія между Орликомъ и запорожцами происходили въ то самое время, когда запорожцы покидали свой пріютъ въ Алешкахъ на землѣ Крымскаго ханства, гдѣ поселились они послѣ разоренія ихъ послѣдняго гнѣзда въ русскихъ предѣлахъ близъ устья Каменки. Теперь они вели переговоры съ генераломъ Вейсбахомъ о переселеніи въ державу Россійскаго государства. Орликъ пытался всѣми мѣрами удержать запорожцевъ въ ханскихъ владѣніяхъ, надѣясь имѣть въ нихъ постоянное орудіе вражды противъ Россіи [2]).

Надежды Орлика и его партіи опять ни въ чемъ не осуществлялись. Запорожцы перешли весною 1734 года въ предѣлы россійскіе, заложили Сѣчь на рѣкѣ Подпольной, вблизи прежняго своего пепелища, и послали Орлику письмо, въ которомъ объявляли себя вѣрными подданными русской государыни, и просили уже болѣе не писать къ нимъ [3]).

Не вспыхнуло европейской войны въ томъ видѣ, въ какомъ желательно было мазепинцамъ для ихъ видовъ; не утвердился Станиславъ Лещинскій на польскомъ престолѣ, не помогъ ему зять его, французскій король, котораго малороссіяне считали могущественнѣйшимъ государемъ между всѣми христіанскими государями; не удалось поссорить Швецію съ Россіею. Болѣе надежды, ка-

[1]) La Russie et les russes p. Tourgeneff, т. I, стр. 278.

[2]) Истор. Нов. Сѣчи Скальковскаго. II, стр. 32—54

[3]) ...Не изволите большъ до насъ писати, занеже естесмо уже Ея императорскаго величества мы Войско Запорожское слуги, а не гханскіе, которой имѣемъ до живота отъ рода въ родъ служить и за счастливое Ея владѣніе и всего посполитого христіанскаго народу становитися. (Истор. Нов. сѣчи Скальк. II, стр. 62. „Кіевск. Стар“. 1882 г. апр., стр. 121).

залось, было на Турцію; и дѣйствительно, вскорѣ началась война, прославившая имя Миниха. Орликъ на этотъ разъ хотѣлъ сюда связать украинскій вопросъ и опять попытался въ 1739 г. послать въ Запорожье посланіе, въ которомъ представлялъ, что онъ принесъ присягу избавить Украину отъ мучительства московскаго; упрекалъ запорожцевъ за то, что они отступили отъ него, избраннаго вольными голосами гетмана, и отдались подъ протекцію непріязненной Москвы; выражался, что они тѣмъ змѣю у себя на груди пригрѣли и отчизну свою и самихъ себя погубили, что они не жалѣютъ несчастной своей матери Украины, не трогаются воплемъ матерей, отцовъ, сестеръ и братьевъ своихъ; извѣщалъ, что на немировскомъ конгрессѣ, куда съѣзжались уполномоченные воюющихъ державъ разсуждать о мирѣ, русскіе послы называли запорожцевъ плутами и ворами, которые, вѣрно не служа ни русскимъ, ни полякамъ, ни туркамъ, только производятъ нарушеніе мира между сосѣдними державами. Орликъ увѣрялъ, что у россійскаго правительства есть намѣреніе взять за караулъ кошевого атамана и съ нимъ всѣхъ старшинъ сѣчевыхъ, всѣхъ же остальныхъ запорожцевъ оставить на произволъ турокъ и татаръ: хотятъ—всѣхъ истребятъ, хотятъ—всѣхъ въ неволю заберутъ. Такимъ образомъ окончательная погибель угрожаетъ козачеству [1]).

Эта грамота послана была генералъ-фельдмаршалу Миниху не только не бывши прочитанною, но даже распечатанною.

Воротившись въ прежнее отечество, запорожцы на первыхъ порахъ вели себя самымъ одобрительнымъ образомъ. Они дѣятельно участвовали въ войнѣ противъ турокъ и помогали Миниху въ его славныхъ подвигахъ [2]).

[1]) Соловьевъ, т. XX, стр. 154—155.

[2]) Истор. Нов. Сѣчи Скальковскаго. II, стр. 95—109.

Орликъ съ своимъ малочисленнымъ кружкомъ эмигрантовъ не могъ помѣшать заключенію бѣлградскаго мира, прекратившаго войну Россіи и Австріи съ Турціею. Вопросъ украинскій не выступалъ тогда на сцену. Тогда уже можно было видѣть, что онъ былъ вычеркнутъ изъ ряда вопросовъ европейской политики.

Только, такъ сказать, послѣдушки прежняго проскальзывали еще нѣкоторое время, но то были искорки, не дававшія ни свѣта, ни огня настолько, чтобы для всѣхъ быть замѣтными и жгучими. Въ 1757 году резидентъ русской государыни при варшавскомъ дворѣ провѣдалъ, что въ Крыму близко ханской особы проявились два малороссійскіе эмигранта—Өедоръ Мировичъ и Нахимовскій. Они сообщали бригадиру французской службы Орлику [1]), что изъ Запорожской Сѣчи пріѣзжало къ хану посольство подъ видомъ торговыхъ дѣлъ съ цѣлію изъявить хану о желаніи запорожцевъ перебраться въ ханскія владѣнія, потому что запорожцы были недовольны постройкою московской крѣпости на урочищѣ Микитиномъ Рогѣ, поставленной на землѣ, которую запорожцы издавна уже привыкли считать своею неприкосновенною собственностію. Нахимовскій и Мировичъ говорили съ запорожскими посланцами и старались усилить непріязненныя чувствованія къ Россіи [2]). Москаль,—говорили они,—васъ, запорожцевъ, совсѣмъ окружилъ своими крѣпостями и словно васъ подъ карауломъ всѣхъ держитъ, а земля, на которой онъ строитъ свои крѣпости, не его земля, а ваша, запорожская, дарованная вамъ когда-то польскими королями; границы же мос-

[1]) Ист. Рос. Соловьева, т. XXIV, стр. 156. Этотъ Орликъ, вѣроятно, былъ сынъ Филиппа. Едва ли можно допустить, что здѣсь идеть дѣло о самомъ Филиппѣ. Такъ какъ онъ въ 1707 году состоялъ уже генеральнымъ писаремъ, то въ описываемое время, если былъ еще живъ, то былъ уже очень старъ.

[2]) Ист. Рос. Соловьева, т. XXIV, стр. 156.

ковской земли доходятъ только до Сѣвска, а никакъ не до Ингула и Ингульца.

Тогдашній малороссійскій гетманъ Разумовскій получилъ объ этомъ извѣстіе изъ Петербурга разомъ съ высочайшимъ рескриптомъ, повелѣвавшимъ имѣть осторожность на счетъ лицъ малороссійскаго происхожденія, проживавшихъ въ Крыму, въ Молдавіи и въ Польшѣ. По этому поводу Разумовскій писалъ графу Воронцову, что въ Малороссіи все спокойно, и только какихъ-то двое или трое бездѣльниковъ, живущихъ въ Крыму, по давней связи своей съ этимъ краемъ, «будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что Украина послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ, почитай, люди и, слѣдовательно, не тѣ ужъ и мысли въ нихъ пребываютъ».

Въ заключеніе всего гетманъ находилъ, что «можно сихъ плутовъ оттуда украсть или какимъ способомъ истребить», но не ручался за успѣхъ, а только изъявлялъ, что съ его стороны въ этомъ дѣлѣ «стараніе удобовозможное употреблено будетъ».

Такимъ образомъ органъ верховной власти въ Малороссіи готовился прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ противъ преступниковъ, которыя были нравственно преступнѣе того, что признавалось государственнымъ преступленіемъ. Впрочемъ, гетманъ Разумовскій не бралъ на себя совершенія такого дѣла иначе, какъ только тогда, когда получитъ разрѣшеніе и повелѣніе свыше. «Сіе дѣло,—выражался Разумовскій,—какъ весьма деликатное и требуетъ политическаго размышленія, то я собою отнюдь дѣйствовать не дерзаю, ежели мнѣ не повелѣно будетъ свыше, а вамъ, яко другу моему, мое мнѣніе открываю для единственнаго вашего знанія. Я хотѣлъ было о сей матеріи письмо писать къ персонѣ ея императорскаго величества

съ представленіемъ моего мнѣнія, только поудержался съ тѣмъ. Ежели вы разсудите, что сіе будетъ не лишнее, то и тогда можно будетъ сіе сдѣлать. И такъ васъ прошу при первой оказіи дать мнѣ знать, что̀ вы о семъ думаете; а здѣсь всѣ жестоко злятся на сихъ пребывающихъ въ Крыму бездѣльниковъ, яко рушителей здѣшняго покоя наведеніемъ на сей край подозрѣнія и сумнѣнія о вѣрности той, которую всѣ единодушно къ ея императорскому величеству имѣютъ» [1]).

На это письмо Воронцовъ отвѣчалъ такъ:

«...На своеручной вашего сіятельства Ps. чрезъ сіе имѣю честь донести, что хотя весьма желательно-бъ было, дабы извѣстные два злодѣи, находящіеся въ Крыму, могли какимъ случаемъ истреблены или украдены быть, но какъ сей способъ есть весьма ненадежный, къ тому-жъ и можетъ за собою непріятныя слѣдствія нанести, я думаю, что лучше-бъ было совсѣмъ въ презрѣніи оставить, толь болѣе, что никакого опасенія отъ ихъ каверзъ имѣть не можно и они уже престарѣлые люди и скоро въ гробъ пойдутъ» [2]).

Впрочемъ, канцлеръ Воронцовъ совѣтовалъ сдѣлать объ этомъ донесеніе императрицѣ, но «единственно для показанія тѣмъ вашего усердія и ревности къ службѣ», увѣряя гетмана, что «оное предложеніе не инако, какъ весьма пріятно здѣсь принято быть можетъ» [3]).

Кромѣ этого намъ не встрѣчалось болѣе находить признаки дѣятельности мазепинцевъ. Не знаемъ, гдѣ и когда окончили дни свои послѣдніе поборники идеи независимой Гетманщины. По всему видно, что эта идея, высиженная всею предшествующею исторіею Гетманщины и въ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. IV, стр. 383.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. IV, стр. 431.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, т. IV, стр. 432.

послѣднее время брошенная въ омутъ политическихъ вопросовъ, испарилась отъ собственнаго безсилія и безпочвенности поприща, на которомъ ей суждено было развиваться.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

КЪ XVI ТОМУ ИСТОРИЧЕСКИХЪ МОНОГРАФІЙ.

А.

Абазынъ, полковникъ, 118, 198, 204, 213, 227, 235.
Або, гор. 692.
Августъ II, король польскій, 212, 216, 218, 232, 234, 242, 245, 248, 249, 251—254, 257, 258, 260, 261, 267, 268, 270—277, 285—289, 298—302, 307, 308, 310, 344, 374, 381, 386, 596, 685, 705.
Австрія, 716.
Агаѳія, игуменья, 73.
Адлерфельдъ, историкъ, 333, 400, 477.
Азія, 24, 495, 496.
Азовская крѣпость, 353.
Азовское море, 131, 506.
Азовъ, гор. 120, 122, 125, 131, 132, 135, 136, 138, 140, 143, 171, 176, 351, 353, 354, 637, 645.
Айтемировъ, Василій, подъячій, 87.
Акмечетъ, гор. 91.
Аксель-Спарре, шведс. генералъ, 453. см. Спарре.
Алартъ, русс. генералъ, 487, 543.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 58.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 313, 464.
Алексѣй, сотникъ, 254.
Алёшки, гор. 623, 714.
Альбедиль, шведскій полковникъ, 500, 569.
Альтранштадтскій миръ, 300, 310.
Альтранштадтъ, замокъ, 299, 308.
Англія, 298, 308, 461; 702, 706, 707.
Андріашъ, компанейскій полковникъ, 486, 607, 620.
Андрущенко, сотникъ, 206.
Анна Ивановна, импер. 687, 695, 713.
Анненковъ, бригадиръ, 632.
Анненковъ, стрѣлецкій полковникъ, 125, 172, 359, 432, 439—441, 457, 681.
Антоновичъ, Антонъ, 671.
Апостолъ, Данило, миргородскій полковникъ, 32, 65, 246, 253, 260—263, 305, 313, 367—369, 385, 387, 393, 471, 477—479, 482, 485, 486, 502, 517, 590 упом. какъ гетманъ, 613, 615—617, 676, 699.
Апраксинъ, 310.
Апраксинъ, 423.
Апраксинъ, адмиралъ, 692.
Апраксинъ, гр. Ѳед. Матв., 445.
Арсеній, сербс. патріархъ, 25.
Артополотъ, урочище, 104.
Архангельскъ, гор. 68, 389, 557, 688, 689.
Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, 682.
Асланъ-Керменъ, гор. 28.
Атюша, село, 466.
Ахматовъ, гор. 147.

Ахметъ III, султанъ, 646.
Ахтырка, гор. 61, 128, 133, 493.
Ахтырскій полкъ, 366, 369.
Аюка, калмыц. ханъ, 398.

Б.

Баба, гор. 641.
Бадаква, село, 104.
Балканскій полуостровъ, 602.
Балтійское море, 488.
Бальчикъ, р. 112.
Барабашъ, полковникъ, 213, см. Кутискій-Барабашъ.
Барановичъ, Лазарь, архіеп. 19.
Барановскій, польскій полковникъ, 254.
Баринъ, подполковн. царс. войска, 528.
Баришевскій повѣтъ, 41.
Баръ, гор. 226.
Басань, мѣст. 44.
Батуринъ, гор. 11, 13—15, 17, 22, 26, 51, 52, 58, 62, 64, 66, 69—72, 82, 83, 88, 115, 125, 127, 129, 135, 154, 172, 174, 175, 193, 199, 231, 239, 241, 245, 250, 257, 260, 291, 306, 314, 331, 332, 358, 363, 364, 366, 368, 371, 376, 379, 383, 402, 432, 433, 439—441, 443—447, 449 сожженъ и разоренъ Меншиковымъ, 450—452, 465—467, 474, 501, 502, 504, 606, 610, 613, 680, 681.
Батырча-мурза- 92.
Бауэръ, русск. ген. 318.
Бахмачъ, мѣст. 331, 332, 358, 363, 375, 377, 467, 472.
Бахмутъ, гор. 350, 352.
Бахчисарай, гор. 103.
Бахчисарайскій миръ, 30.
Башмаковъ, подполковн. 528.
Безпалый, атам. 352.
Бекъ, русс. ген. 607.
Беллингъ, русс. ген. 525, 526.
Бемъ, бригадиръ, 500.
Бендеры, гор. 354, 563, 576, 579, 580, 582, 620, 628, 640, 663, 677, 681, 682.
Берда, рѣка, 92, 93. 95, 99, 194.
Бердичевъ, гор. 224, 225, 255, 257, 258.
Березань, село, 20.
Березина, р. 407.
Берестечко, мѣст. 536.
Берестовая, р. 12, 135, 140, 143.
Бериславъ, гор. 122.
Бессарабія, 706.
Беттигеръ, царскій резидентъ въ Гамбургѣ, 682.
Биздюкевичъ, комендантъ гор. Быхова, 249.
Билоцкій, осадчій, 229, см. Шпакъ.
Биржи, мѣст. 244.
Битюгъ, р. 350.
Бишофсверденъ, гор. 299.
Блистательная Порта, 641—645.
Бобынинъ, Василій, дьякъ, 33.
Богачка, бывш. городокъ, 127.
Богдановка, село, 459.
Богодуховъ, гор. 372, 494.
Богоявленская церковь въ Кіевѣ, 74.
Богуславскій полкъ, 634.
Богуславъ, гор. 163, 198, 219, 222—224, 235, 476.
Богушъ, Василій, 144, 146.
Болботъ, канцеляристъ, 424.
Болгарія 24.
Болтаджи, визирь тур. 646.
Бончъ, гербъ Мазепы, 1.
Борзаковскій, протопопъ, 462.
Борзна, гор. 199, 423—426, 432, 439, 471, 613, 680.
Борисенко, Иванъ, козакъ, 654.
Борисовъ, гор. 290.
Борисъ Михайловъ, дьякъ, 51, 52, 55—58, 245, 246.
Борковскій, Василій, обозный, 9, 10, 32, 58, 381.
Боруховичъ, гадяцкій полковникъ и наказн. гетманъ. 244.
Борщаговка, село, 410.
Борятинскій, кн. 97, 98, 112.
Боуэръ, русс. ген. 545, 550, 561.
Брадке, шведс. драбантъ. 547.
Бракенгеймъ, капитанъ, 298.
Брандтъ, польс. ген. 214, 235, 261, 262, 300, 302.
Братковскій, Данило, православн. шляхтичъ, писатель, 230, 231.
Братскій монастырь въ Кіевѣ, 73, 74.
Брацлавское воеводство, 572, 574.
Брацлавщина, 204.
Брацлавъ, гор. 198, 204.
Бреславль, гор. 682, 685, 702.

Брестъ, гор. 269, 289, 322.
Броды, гор. 61, 261, 263.
Бруховецкій, гетманъ, 20, 188, 374, 377,
Брюэль-Плятеръ, графъ, 1.
Брянскъ, гор. 131, 133, 134, 146.
Бугъ, р. 45, 96, 127, 169, 181, 221, 223, 254, 263, 268, 269, 575—578 переправа Карла XII и Мазепы, 633.
Буджакъ (нынѣ Бессарабія) 24, 169.
Буджацкая орда, 203, 204.
Будищи, Великія Будища, мѣст. 44, 369, 497, 501, 509, 510, 513, 523, 525, 526.
Бузскій, Василій, 85, 94, 95.
Бузулукъ, р. 335.
Булавинъ, Кондратій, донск. атам. 335, 347, 353.
Булавка, писарь, 609, 610.
Бутовичъ, генеральный асаулъ, 630—632, 647.
Бутовичъ, Иванъ (Артамоновичъ), 652, 665.
Бутовичъ, Иванъ, войсковой товарищъ, 504. 675.
Бутовичъ, Степанъ, 675.
Бутурлинъ, ген. 623, 630.
Бухвостовъ, царс. посолъ, 132, 155.
Буцкій, полковой судья, 153.
Быевскій, посланецъ Мазепы, 377.
Быковъ, капралъ, 686.
Быстрицкій, управитель у Мазепы, 427 — 429, 432, 436, 470, 605, 606, 613, 654, 666. 681.
Быховская волость. 381.
Быховъ, гор. 249, 259, 289, 290, 317, 318, 341.
Бѣлая-Криница, имѣніе Вишневецкихъ, 283, 374.
Бѣлая-Церковь, гор. 2, 7, 196, 214, 220, 222, 224—226, 234, 236—238, 241, 252, 255—257, 316, 317, 340, 342, 343, 346, 347, 349, 394, 401, 410, 477, 632, 634, 642.
Бѣлгородъ, гор. 132, 139, 372.
Бѣлградъ, гор. 23.
Бѣлики, мѣст. 542, 560.
Бѣлогородка, мѣст. 200.
Бѣлогородская орда, 185.
Бѣлогородчина, 377.
Бѣлоруссія, 600.
Бѣлоцерковка, городокъ, 127.
Бѣлоцерковскій полкъ, 631—634.
Бѣлоцерковское староство, 2.
Бѣлоцерковщина, 205.
Бѣлый Камень, мѣст. 263.
Бѣшенковичи, мѣст. 367.

В.

Валки, гор. 146.
Валмусъ, посланецъ Мазепы, 371.
Валозонъ, козац. старш. 223.
Валуйки, гор. 133.
Варва, бывш. городокъ, 607, 610.
Варвинская сотня козац. 459.
Варшава, гор. 46, 47, 60, 75, 230, 232, 248, 252, 260, 261, 263, 274, 275, 683.
Василевичъ, Герасимъ, охотн. полковникъ, 41.
Василевичъ, Данило, 67.
Василевичъ-Галицкій, Михайло, 18, 49, 53, 54, 56, 61, 62, 64, 65, 67, 466.
Василій, батурин. попъ, 54.
Васильковъ, гор. 711.
Вейсбахъ, генералъ, 714.
Великая Польша, 319.
Великій Ингулъ, р. 576. см. Ингулъ.
Великій, Константинъ, ротм. 370.
Великое Княжество Литовское, 309, 310, 339, 398, 478, 698.
Великороссія, 20, 126, 264.
Величко, лѣтописецъ, 7, 14.
Вельяминовъ - Зерновъ, полковн. 684.
Вельяминовъ- Зерновъ, стольникъ, 394, 401, 403.
Велюнъ, гор. 263.
Венгрія, 25.
Венеціанская республика, 23, 24, 48.
Веприкъ, нынѣ мѣст. 487, 489—491, 656.
Верхотурье, гор. 265.
Вестовъ, команд. ямбургс. полка, 498.
Вечирка (Вечирченко), Якимъ, козакъ, 130 убилъ Петрика.
Вильга, полякъ, 209, 210.
Вильгельмъ III, король англ. 461.
Вильдемееръ, шведс. маіоръ, 491.
Вильно, гор. 287, 340, 642.

Виніусъ, дьякъ, 131.
Винница, гор. 204, 219, 331, 333.
Виртембергскій принцъ, 453, см. Максиміліанъ, принцъ Виртембергскій.
Висла, р. 207, 211, 263, 322.
Витебское воеводство, 399.
Витебскъ, гор. 372, 373, 391, 407.
Витковскій, Іоаннъ, чернецъ, 653.
Витманъ, Ирикъ; шведъ, 690—693.
Витуславскій, второй мужъ сестры Мазепиной, бывш. за Обидовскимъ, 71.
Вишневецкая, кн. Анна, 163.
Вишневецкіе, кн. 1, 288, 309, 310, 374, 678, 699.
Вишневецкій, кн. Константинъ, воевода бельзскій, 283.
Вишневецкій, кн. Михаилъ, литовс. вел. гетманъ, 236, 289, 290, 309.
Вишневецкій, кн. Янушъ, краковскій каштелянъ, 236, 283, 307, 309, 366.
Віельгорскій, каштелянъ волынс. 316.
Вовчая, р. 183.
Водолаги, мѣст. 635.
Воздвиженское село, 37.
Возницынъ, рус. посолъ, дьякъ, 27, 170.
Войнаровскій, Андрей, племянникъ Мазепы, 71, 282, 294, 318, 329, 332, 378, 430, 432, 441, 479, 582—585 въ Турціи, 624, 677 ушелъ въ Швецію, 678 арестованъ, 679 — 683 сосланъ въ Якутскъ, 684, 685, 705.
Войнаровскій, зять Мазепы, 68, 71, 72.
Войско Запорожское. 91, 95, 96, 161, 200, 205, 229, 238, 254, 312, 325, 327, 333, 346, 355, 370, 374, 452, 467, 468, 624, 625, 627, 628, 634, 638, 641, 643, 645, 709—711.
Войско Низовое, 16.
Войца-Сербинъ, генеральный асаулъ, 20.
Волга, р. 297, 399, 468, 509, 712.
Волковъ, московс. резидентъ въ Варшавѣ, 47.
Волконскій, воевода, 16.
Волконскій, кн. Григорій Семеновичъ генералъ, 318, 475, 530, 571, 575, 577, 579, 608, 609.
Воловичъ, панъ, 307.
Волощина, 343.
Волынскій кн., Ив. Ѳед. 27.
Волынь, 5, 177, 179, 205. 252, 259, 260, 269, 270, 279, 280, 291, 294, 317, 319, 344, 417, 430, 536, 543.
Вольная Слобода, 335.
Вольный-Бродъ, урочище. 15.
Вольный, гор. 635.
Вольскій, полякъ, 278, 282, 357.
Ворона, предводитель ватаги, 254.
Воронежъ, гор. 69, 126, 168, 175, 495, 506, 519.
Воронежъ, мѣст. 449.
Воронинъ, Ѳеофанъ, 163.
Вороное, урочище, 349, 352.
Воронцовъ, графъ, канцлеръ, 717, 718.
Ворочченко, Онисимъ, 175.
Ворскла, р. 83, 98, 99, 129, 149, 153, 359, 497, 501, 510, 520—522, 524—527, 534, 536, 538, 541, 542, 560, 562, 566, 627.
Вуеховичъ, генеральный судья, 41, 44, 45, 72 архимандритъ, 73, 177.
Выборгъ, гор. 581.
Выговскій, Иванъ, гетманъ, 2, 240, 376, 377, 596.
Вѣна, гор. 27, 682.

Г.

Гавріилъ, архиман. 688, потомъ рязанс. архіерей.
Гавріилъ, ректоръ Братскаго монастыря, 73.
Гавронцы, село, 369.
Гадяцкій договоръ, 313, 376.
Гадяцкій полкъ, 45, 133, 381.
Гадячъ, гор. 12, 13, 19, 127, 129, 135, 168, 191, 409, 472, 486—489, 491, 500, 523, 610.
Гайдаръ, р. 335, 350, 351.
Галаганъ, Игнатъ, атам. 304. (см Кгалаганъ, Игнатъ).
Галацъ, гор. 582, 684.
Галецкій, панъ, начальникъ польскаго отряда, 629, 632.
Гамалѣя, Андрей, генеральный асаулъ, 32, 446, 498, 501, 601, 606, 609, 617.

Гамалѣя, Антонъ, 554, 619.
Гамалѣя, Михайло, хоружій, 41, 46. 653, 675.
Гамбургъ, гор. 678.
Гамильтонъ, швед. генералъ, 495, 548.
Ганна, жена Петрика, 84.
Ганноверъ, 308, 702.
Гассанъ-Арасланъ, азовскій бей, 137.
Гданскъ, гор. 258, 321, 339.
Гедеонъ, кіевск. митроп. 19, 51, 56, 62.
Гейкингъ, русск. генералъ, 535, 536.
Гейсенъ, русск. полковн. 305.
Геннингъ, маіоръ, 411.
Герасименко, Андрей, сумской полковникъ, 352.
Гервасій, монахъ, 112.
Гердъ, шведск. ген. 546.
Гердъ, шведск. полковникъ, 566.
Германія, 299, 702.
Германовка, мѣст. 633.
Германская имперія, 705, 706.
Гермелинъ, шведск. госуд. секретарь, 473, 513, 514.
Герцики, 601, 624, 647, 665, 675, 677, 682.
Герцикова, Агриппина, урожденная Левенцовна, жена Ивана Герцика, 652, 687.
Герцикова, Анастасія Васильевна, урожденная Громыковна, жена Григорія Герцика, 652, 686, 687.
Герцикова, Параскевія, дочь Григорія, 687.
Герцикъ, Аѳанасій, братъ Григорія 624, 684.
Герцикъ, Василій, сынъ Григорія, 687.
Герцикъ, Григорій, 582, 624, 640 генеральный асаулъ, 683 арестованъ и закл. въ Петроп. крѣп., 684—687.
Герцикъ, Иванъ, братъ Григорія 616, 624, 684.
Герцикъ, Левонъ, бывш. полтавск. полковн. 446.
Герцикъ, Павелъ, полтавск. полковникъ, 55, 100, 101, 493.
Герцикъ, Павелъ, сынъ Григорія, 687.
Герцикъ, Петръ, сынъ Григорія, 686, 687.
Герцикъ, Семенъ, сынъ Григорія, 687.
Герцъ, полковн. сакс. войска, 300.
Гетманщина, край, 82, 105, 106, 109, 126, 130, 251, 268, 282, 296, 302, 304, 312, 335, 343, 350, 443, 456—458, 473, 492, 496, 498, 601, 609, 622, 629, 635, 652, 671, 713, 718.
Гилленкронъ, шв. ген. квартирмейстеръ 407, 437, 490, 496, 524, 538, 562, 564—566.
Гилленстіерна, шв. нач. передоваго поста, 436.
Гинтеръ, русск. ген. 498.
Гіарнъ, Урбанъ, 408.
Гіерта, капралъ, 547.
Гіерта, шв. полковн. 558, 566.
Гладкій, атаманъ, 208.
Гладкій, Ярема, полковн. 209.
Глуховскій повѣтъ, 41.
Глуховъ, гор. 7, 67, 307, 444, 451, 459, 460 избирательная рада, 463—465, 469, 475, 502, 610, 615, 616, 630, 631, 642, 671.
Голицынъ, кн. Вас. Вас. 26—31, 34—39, 42.
Голицынъ, кн. Димитрій Мих., комиссаріусъ, 253, 305 кіевск. губернаторъ и воевода, 315, 367, 394, 420, 424, 439, 440, 445, 452, 476, 631, 653, 658, 670, 671.
Голицынъ, кн. Мих. генералъ-поручикъ, 550, 561, 568.
Голландія, 296, 706, 707.
Голландскіе штаты, 308.
Головинская, пани, 217.
Головкинъ, Гавр. Ив., канцлеръ, 307, 312, 314, 316, 317, 329, 338, 343, 345—347, 349, 355, 357, 368, 372—374, 390, 391, 393, 395, 403, 410, 417, 425, 429, 460, 463, 469, 470, 475, 478—480, 486, 519, 553, 615—617, 619, 621, 631, 647.
Головчинъ, мѣст. 407 битва русскихъ съ шведами.
Голтва, мѣст. 501, 524.
Голтва, р. 127.
Гольцъ, генер. квартирмейстеръ, 492, 525, 536, 559, фельдмаршалъ-лейтенантъ.
Гольцъ, подполк. польск. 215

Голый, атаманъ, 351.
Гончариха, шляхъ, 253.
Гончаровка, дача и дворецъ Мазепы близъ Батурина, 332, 363, 371, 375—377, 379, 467 разорена Меншиковымъ.
Горбачевскій, Вас., козакъ, 48.
Гордонъ, Патрикъ, русск. ген., 27, 29, 153.
Гордѣенко (Гордіенко), Костя, кошевой атаманъ, 183, 192, 194, 250, 269, 285, 304, 348, 507—511, 513—518, 535, 640, 653, 663.
Горицкій женскій монастырь, 654.
Горки, мѣст. 436 квартира швед. короля, 439, 452.
Горленко, Андрей, сынъ прилуц. полковн. Димитрія, 281, 501, 617, 653, 675, 688.
Горленкова, Евфросинія, мать Димитрія, 672, см. Раковичъ, Евфр.
Горленко, Дим., прилуцкій полковникъ, 7, 129, 162, 269, 280, 281, 305, 396, 486, 584 въ Турціи, 612, 617, 624, 640, 647, 653, 660, 661, 663, 664, 669—671 въ Кіевѣ, 672—676, 684, 685, 688—690.
Горленко, Лазарь, отецъ Димитрія, 672.
Горленко, Якимъ, плем. Дим. 672.
Горнъ, шв. ген. 261.
Городецкій, Ѳома, конюшій Мазепы, 612.
Городище, село, 466, 472, 613.
Городня, городокъ, 493—495.
Горскъ, мѣст. 430, 680.
Государственный Архивъ, 704.
Гречаный, Яковъ, писарь, 554, 617, 619.
Грибовскій, Созонтъ, писарь, 108.
Григорашъ, брацлавск. полк. 631.
Григоровичъ, Григорій, канцеляристъ, 554, 619, 652.
Гримячъ, село, 430.
Гродненскій сеймъ, 699.
Гродно, гор. 280—282, 287—289, 339.
Громыка, фамильное прозвище, 686.
Громыковна, Анастасія Вас., жена Григ. Герцика, 686, 687, см. Герцикова, Анастасія.
Гротгузенъ, шв. полковн. 566.
Грубешовъ, гор., 274.
Грудзинскій, полякъ, 666.
Груня, мѣст. 475.
Гуркò, 199, см. Палѣй.
Гусакъ, кошевой атам. 46, 76, 85, 86, 88, 92—94, 105, 116, 134.
Густавъ, шв. король, 276.
Густынскій монастырь, 688.
Гутманъ, тафельдекеръ шв. короля, 539, 546.
Гьельмъ, шв. полковн. 435, 436.

Д.

Дабижа, полковн. мятежной шайки, 229.
Дальдорфъ, шв. полковн. 439, 472, 566.
Дамаскинъ, чернецъ Мгарскаго мон. 656.
Данія, 706.
Дарій, персидск. царь, 34.
Дашковъ, русск. резидентъ въ Польшѣ, 345.
Двина, р. 290, 651.
Де-Бонакъ, фр. посланникъ, 344.
Демьянъ, служит. Мазепы, 359.
Денгофъ, панъ, 320.
Денисовъ, полковн. 433.
Дерикалика, полковн. мят. шайки, 229.
Деркулъ, урочище, 353, 354.
Десна, р. 131, 133, 146, 421, 423, 424, 427, 431—434 переправа Мазепы къ Карлу, 436—438, 439—440 переправа царск. войска, 441—443, 452, 453, 466 переправа шв. войска, 606, 607, 612, 679, 681.
Дехтеревка, село, 452.
Дзяунъ-бей, татаринъ, 633.
Диванъ, правительство тур. 506, 575, 582, 663.
Дидронъ, шв. капитанъ, 500.
Диканька, село, жалованное Кочубею В. Л. 41, 366, 368—371, 384, 386, 510.
Димитрашко, войск. товарищъ, 311.
Димитрій, сотникъ, 433.
Діонисій, патріархъ констант. 23.
Дмитрашка-Райча, полковн. 20, 21, 54.
Дмитровка, село, 472.
Днѣпровская пристань, 46.
Днѣпръ, р. 12, 27, 28, 44—46, 50, 53, 57, 82, 88, 89, 91, 96, 109,

111, 113, 116, 119, 121, 122, 127, 129—133, 135, 140, 143, 145, 146, 149, 151—154, 157, 160, 162—165, 169, 171, 178, 180, 183, 186—189, 192—194, 200, 220—222, 224, 232, 234, 237, 246, 252, 257, 260, 269, 284, 314, 315, 318, 330, 349 переправа Булавина, 351, 367, 379, 385, 394, 444, 476, 492, 516, 522, 524, 528, 529, 536, 559, 560, 562, 563, 565 бѣгство Мазепы и переправа, 566 переправа Карла, 568, 570—572, 575—577, 601, 611, 622, 623, 627, 630, 633, 634, 641, 643, 644, 646, 711.
Днѣстръ, р. 119, 169, 221, 223, 224, 254, 268, 579, 632, 633.
Довгополенко, Климъ, 624, 640, 677, 682.
Довмонтъ, польс. резидентъ въ Москвѣ, 63.
Долгорукіе, кн. 445.
Долгорукій, кн. Алексѣй Вас. 686.
Долгорукій, кн. Василій, 350, 352, 354, 423.
Долгорукій, кн. Григ. Ѳед., царск. резид. въ Варшавѣ, 232, 459—463, 498, 505, 516, 536, 683.
Долгорукій, кн. Лука Ѳед. военач. 153.
Долгорукій, кн. Юрій, военач. 335. убитъ Булавинымъ.
Долгорукій, кн. Яковъ Ѳед. военач. 145, 146, 149, 150, 153, 154, 158—161, 165.
Дольская, кн. 283, 288, 291—293, 296—298, 313, 323—325, 328, 374, 375, 678.
Дольскій, кн. вел. марш. лит. 283.
Домарацкій, шляхтичъ, 55, 56, 59, 63.
Донецъ, р. 165, 335.
Донское Войско, 350, 351.
Донъ, р. 54, 132, 136, 335, 348, 351, 423.
Дорошенко, Петро, гетманъ, 7, 8, 39, 61, 94, 132, 196, 338, 357, 597.
Драбовецъ, село, 163.
Драный, Семенъ, атаманъ, 351—353.
Дрозденко, (Дроздъ), Василій, 338, 339.
Дроковъ, мѣст. 411.
Дружкевичъ, панъ, 207, 209.
Дубно, гор. 254, 280, 281, 283, 345, 678.
Дубяга, канцеляристъ, 605—607.
Дугласъ, шв. капитанъ, 568.
Дукертъ, (Дукеръ), шв. полковн. 493, 494, 568, 569.
Дунаевецъ, хуторъ, 54.
Дунай, р. 24, 169.
Дуровы, помѣщики, 166.

Е.

Евдокія, царица, 37.
Евпаторія, гор. 140.
Европа, 596, 706.
Евстратка, стрѣлецъ, 49.
Едикулъ, тур. крѣп., 668.
Екатерина I, импер. 695, 697.
Екатерина II, импер. 590.
Екатерина, служит. Мазепиной плем. 653.
Елецъ, кіевск. торговецъ, 47.
Елисавета, импер. 696.
Енисейскъ, гор. 265, 698.
Еременко, Яковъ, сотникъ, 474.
Есмань, р. 41.

Ж.

Жадковичъ, 631.
Жванецъ, городокъ, 229.
Ждановичъ, корсунскій сотникъ, 653, 675.
Живоноснаго Источника церковь, 16.
Жолква, гор. 59, 60, 306, 307, 309, 311—315, 318, 320, 325, 328, 331, 332, 679.
Жолкѣвскій, панъ, 227.
Жуки, село, 502, 503, 525 квартира шв. короля, 527.
Журавскій, Иродіонъ, игуменъ, 73, 507.
Жураховскій, наказной полковникъ, 459, 470.
Жученко, войсковой товарищъ, 502.
Жученко, Ѳед. полтав. полковн. 32, 82.

З.

Забіяка, войск. товарищъ, 46.

Забѣла, Данило Васильевичъ, бунчуковый товарищъ, 174—177, 654—656, 697.
Забѣла, Семенъ, 647, 649.
Забѣла, Степанъ, нѣжинскій полковникъ, 41.
Забѣлина, вдова, во втор. бракѣ за Войнаровскимъ, 682.
Забѣлина, дочь Кочубея В. Л., 402.
Забѣлы, 652.
Завадовскій, слуга Кочубея, 369.
Зажарскій, посланецъ, 448.
Заленскій, іезуитъ, 313, 328, 331—333, 366, 376, 377, 384, 413.
Залозцы, мѣст, 272.
Залускій, еписк., писатель, 226, 275.
Замойскій, ординатъ, 276, 277, 279.
Замостье, крѣпость, 276, 277.
Запорожская Сѣчь, 45, 46, 48, 75—77, 134, 135, 140—142, 627, 640—643.
Запорожское Низовое Войско, 94.
Запорожье, 16, 24, 45, 46, 54, 81—83, 85, 90, 101, 106, 109, 134, 144, 149, 187, 199, 205, 250, 251, 257, 335, 336, 343, 347, 348, 350, 508, 515, 521, 524, 528, 532, 627, 715.
Заруцкій, Аѳан. писарь, 42.
Заруцкій, Аѳан. протоп. 463.
Захаржевскій, 502.
Збаражъ, гор. 273.
Зборовъ, гор. нынѣ мѣст. 272, 273, 636.
Згура, грекъ, посланецъ Мазепы, 194, 354, 602, 603.
Зеленая Долина, уроч. 28, 29.
Зеленейскій, полтавск. сотникъ, 601.
Зеленскій, лубенск. полковн. 396, 486, 554, 611, 612, 619, 652.
Зеньковъ, гор., 490, 491, 523.
Зерщиковъ, атаманъ, 353.
Зинецъ, запорожск. полковн. 521.
Зміевъ, Венед., окольничій, 30, 35, 36.
Зміевъ, гор., 91.
Зоненштейнъ, крѣпость, 276.
Зуевъ, (Зуевцы), село, 501.
Зыковъ, Ив. Павл. 282.

И.

Иванковъ, село, 206.
Игнатовка, село, 453.
Изюмъ, гор., 352.
Илинцы, имѣніе, ст. Лещинскаго, 204, 226.
Ильинскій Крестецъ, часть Москвы, 34.
Имгофъ, баронъ, 299, 310.
Ингрія, 245, 308, 519, 581.
Ингулецъ, р. 717.
Ингулъ, р. (Великій Ингулъ) 181, 576, 717, см. Великій Ингулъ.
Инфлянтъ, русск. ген. 411, 412, 414, 415, 417, 429, 499.
Ипуть, р. 411.
Исаія, архим. 24, 25.
Искра, корсун. полковн. 198, 204, 205, 213, 219, 224, 225, 236, 238, 239, 270.
Искра, наказной гетм., полтавскій полковн., 153, 154, 243, 244, 251 отставленъ Мазепою, 366 доноситъ на Мазепу, 368, 369, 372—374, 383—387 подъ допросомъ и пыткой, 389—391, 394 отправленъ къ Мазепѣ на казнь, 395, 397, 401, 402 казненъ, 405, 502 504, 616.
Искрина, урожд. Жученко, вдова казненнаго полт. полков., сетра Кочубеихи, 502.
Искрицкій, полякъ, 52, 55, 56, 59, 209.
Исламъ-Гирей, ханъ крым. 184, 628.
Исламъ-Кермень, тур. крѣп., 124, 125, 149, 150.
Испанія, 488, 705, 706.
Исторія Русовъ, соч. Конискаго, 603, 604.
Италія, 488, 706.
Иченская козацкая сотня, 459.

І.

Іезекіиль, игуменъ, 73.
Іоакимъ, патр. москов. 35, 56.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, 31, 34.
Іоаннъ Антоновичъ, импер. 699.
Іосафатова долина, 216.
Іуда, 445.

К.

Кадашевская слобода, 68.

Казанское государство, 296.
Казань, гор. 317.
Каирка, р. 28, 29.
Каланчакъ, р. 28, 29.
Калга, салтанъ, 88, 91—95, 99, 101, 102, 104, 109, 128—130.
Калиновка, село, 212.
Калитва, р. 335.
Калишъ, гор. 300.
Калміусъ, р. 347.
Калужскія ворота, въ Москвѣ, 34.
Кальницкій полкъ, 634.
Калюсъ, гор. 229.
Каменецъ, гор. 170, 223, 227, 230, 254.
Каменка, р. 2, 623, 714.
Каменный Затонъ, гор. крѣпость, 88, 90—92, 94, 95, 102, 106, 109, 114, 115, 149, 183, 194, 529, 638, 708.
Камень-мурза, 90.
Каминскій, комендантъ львовскій, 261.
Кампель, рус. бригадиръ, 510, 520.
Камышня, мѣст. 501.
Кандія, остр. 23.
Кандыба, Андрей, канцеляристъ, 443.
Кандыба, Андрей, корсунскій. полковн. 528, 601. 617, 653, 675.
Каневскій полкъ, 633, 634, 661.
Каневъ, гор. 318, 631.
Кантакузинъ, стольникъ, 345.
Капланъ-Гирей, крым. ханъ, 713.
Карасубазаръ, гор. 184.
Каргополь, гор. 36.
Карелія, 245, 519, 581.
Карловица, гор. 170.
Карлъ XII, шведскій король, 248, 260, 275, 286, 289, 291, 293, 294, 298—302, 307—310, 322, 323, 334, 339, 350, 396, 398, 399, 406—408, 410, 411 вступилъ въ Украину, 423, 427, 431, 434, 437, 438, 454, 474, 483, 488, 490—493, 495, 501, 506, 519, 524 подъ Полтавою, 536—539 раненъ, 541—543, 546—549 битва и пораженіе Карла, 552, 558 бѣгство съ поля битвы, 559—561, 564, 565 переправа черезъ Днѣпръ, 575, 577 бѣгство въ Турцію, 579 переправа черезъ Бугъ, 580—583, 585—587, 599, 602, 615, 618, 622, 628, 635, 644, 668, 677, 683—685, 690, 699.
Карнаухъ, начальн. разбойн. шайки, 194.
Каушаны, лѣтняя резиденція кр. хана, 706.
Кгалаганъ, Игнатъ, полковникъ охотный компанейскій, 480, 530, 531, 607, 613—615, 622, см. Галаганъ.
Кгалаганъ, чигиринскій полковн. 631.
Келеберда, гор. 127, 189, 521, 627.
Келинъ, коменд. Полтавы, 526, 552.
Кенигсенъ, Фридрихъ, арматный асаулъ, 433, 446. 449, 451, 606.
Кенигштейнъ, кр. 310.
Кизикерменъ, гор. 85, 86, 90, 116, 122, 124, 143, 150, 152, 154, 155, 158, 171, 207.
Кикинъ, Александръ, 376, 383.
Кинбурнъ, крѣп. 159.
Кисляковскій, войск. тов. 46.
Китай-городокъ, 98, 99, 102, 127.
Кишенка, гор. 110, 111, 127, 130, 188.
Кишки, село, 41.
Кіево-Николаевскій монастырь, 42, 73.
Кіево-Печерская Лавра, 73, 173, 363, 402, 583, 671, 672.
Кіево-Софійскій соборъ, 173, 200.
Кіевскій полкъ, 97, 123, 127, 268, 479.
Кіевъ, гор. 7, 22, 49, 51, 52, 56, 68—72, 148, 149, 202, 203, 205—207, 221, 231, 252, 282, 291, 293, 294, 297, 298, 304, 306, 307, 314, 315, 323, 332, 335, 338, 340, 351, 373, 375, 376, 378, 394, 399, 401, 402, 409, 410, 421, 476, 483, 528, 583, 631, 634, 644—646, 661, 664, 671, 679, 711.
Кленково, урочище, 347.
Клинковстремъ, секретарь Карла XII, 575.
Клипенкронъ, шв. резидентъ въ Москвѣ, 519.
Клишинская побѣда, 248.
Кобыляки, гор. 44, 100, 510, 542, 560, 561.

Кобылячка, р. 561.
Ковальчукъ, козакъ, 663.
Ковалювка, мѣст. 370.
Кованько, Петръ, полтавск. полковой судья, 636.
Кованько, сотникъ, соучастникъ въ дѣлѣ Кочубея и Искры, 373, 384, 385, 389, 391, 392.
Кодакъ, крѣп. 12, 149, 285, 348, 351.
Кодацкій порогъ, 528.
Кодыма, р. 118, 209.
Кожуховскій, охотн. полковн. 41, 349, 354, 368—371, 486, 554, 607, 619 сосланъ въ Сибирь.
Козелецъ, гор. 177.
Козій-Рогъ, урочище, 141.
Козловъ, гор. 140, 149, 229.
Коломакъ, р. 8, 12, 30, 135, 149, 159, 369, 396. 397, 502.
Коломакъ, слобода, 495.
Коломацкая рада, 397.
Колончакъ, р. 135, 149.
Кольцо-Мосальскій, ген. 171, 180, 181.
Комарницкая волость, 36, 190.
Кондаченко, козакъ, 377.
Кондратъ, сообщникъ Петрика, 92, 95.
Конискій, Георгій, писатель, 583, 603.
Конка, р. 140.
Конотопъ, гор. 451, 502, 671.
Конская Вода, р. 150, 154.
Константинополь, гор. 102, 170, 506, 577, 580, 638, 644, 659, 660, 668, 671, 684.
Коратымъ, р. 140.
Коренецъ, село, 484.
Корниловичъ, Захарія, епископъ переяславск. 463.
Корона Польская, (Польша), 50, 60, 240, 433, 440, 441.
Коропъ, гор. 606, 679, 681.
Коростышевъ, гор. 221.
Корсунскій полкъ, 631, 634.
Корсунъ, гор. 7, 52, 110, 163, 194, 197, 198, 219, 220, 222—224, 476, 601.
Корсунъ, предводитель ватаги, 254.
Косаговъ, Григ. Ив., воевода, 15, 16, 18, 35, 36.
Космаха, протокъ, 154.
Косовскій, посланецъ, 224.
Костя, слуга Войнаровскаго, 685.
Котельва, мѣст. 475, 493, 524.
Котельня, слобода, 224.
Коцелъ, панъ, 240.
Кочубеевна, Анна, дочь Вас. Леон. (въ бракѣ съ плем. Мазепы Обидовскимъ) 357, см. Обидовская, Анна.
Кочубеевна, Мотря, дочь Вас. Леон. 358—361, 363, 368.
Кочубеевна, Прасковія, дочь Вас. Леон. 502.
Кочубеи, 371, 502, 503.
Кочубеиха, жена Вас. Леон. 365, 370, 371.
Кочубей, Вас. Вас., старшій сынъ Вас. Леон. 371, 502.
Кочубей, Вас. Леонтьевичъ, генеральный писарь, потомъ наказной гетманъ, 32, 41 пожалованъ селами Диканькой и Ярославцемъ, 56, 57, 63. 84—86, 103, 104, 178 получилъ званіе стольника, 357—359 ссора съ Мазепой, 361—375 доносъ на Мазепу, 377, 381, 382, 384—387 подверженъ пыткѣ, 392, 394 повезенъ въ Кіевъ къ Мазепѣ, 395, 397, 401, 402 казненъ, 405, 501, 502, 504, 510, 616, 630, 654.
Кочубей, Ѳед., младшій сынъ Вас. Леон. 502.
Кочюровка, село, 41.
Кошеватая, мѣст. 253.
Краковъ, гор. 248, 263.
Крапивное, село, 41.
Красная Лука, селеніе, 488.
Красненскій повѣтъ, 41.
Красноярскъ, гор. 67.
Красвый Колядинъ, село, 471.
Красный Кутъ, нынѣ гор. Краснокутскъ, 369—371, 373, 389, 493, 495.
Красовъ, ген. 524.
Крейцъ, шв. ген. 492, 500, 501, 523, 524, 544, 545, 561, 565, 567, 568, 611, 612.
Кременецъ, гор. 263.
Кременчугъ, гор. 127, 502, 623.
Креховскій монастырь, 59.
Кривая Лука, слобода, 352.
Кроковскій Іоасафъ, игуменъ Кіево-Николаевскаго монастыря, 73, 425 кіевскій митрополитъ, 463, 503.

Кропотовъ, полковникъ, 352, 525, 571, 575.
Крузе, шв. ген. 494, 521, 535.
Крупецкая волость, 250.
Крыловъ, гор. 502.
Крымская держава, ханство, 643, 644, 714.
Крымская орда, 18.
Крымъ, 18, 26, 27, 34, 36, 48, 54, 75, 86—89, 91, 92, 95, 102—104, 107—109, 112, 114, 118, 119, 135, 152, 157, 160, 183—185, 377, 518, 529, 563, 716—718.
Крыса, Герасимъ, бывш. кошевой атаманъ, 182, 193, 194,
Кубанская орда, 185.
Кудинъ, Яковъ, челядникъ, 609, 610.
Кузнецкъ, гор. 698.
Кузьменко, Вас. кош. атам. 106, 114, 116.
Кулаковскій, нач. ватаги 162.
Куликовская битва, 587.
Кулябка, панъ, 502.
Куницкій, ловчій, 273.
Курляндія, 276.
Кутискій-Барабашъ, козац. полковникъ, 212, 213, см. Барабашъ.
Куценко, 653.

Л.

Лабунь, маетность Любомирскихъ 345.
Лагеркрона, шв. ген. 411, 416, 565.
Ладогинъ, стрѣлецъ, 32.
Ладожское озеро, 266.
Ладыжинъ, гор. 235.
Лазука, Прокопъ, посланецъ, 46, 48.
Ларіоновъ, Михайло, 691.
Ласкова, пани, 216.
Ластовцы, селеніе, 229.
Лебединъ, атам. разб. шайки, 335.
Лебединъ, гор. 61, 473, 475, 478, 487, 503, 603—605, 607—612, 642.
Левашевъ, полуполковникъ, 188, 189, 373.
Левенгауптъ, шв. корпусный ген. 309, 407, 412 разбитъ русскими подъ Лѣснымъ, 536—538, 544—547, 559—561, 563—565, 567—569 сдался Меншикову, 571, 679.
Левенецъ, полтавскій полковн. 349, 354, 469, 475, 503, 615, 616, 687 правитель генеральной канцеляріи.
Лейонгельмъ, шв. маіоръ, 261.
Лейпцигъ, гор. 299.
Ленчинскій, подскарбій, 354.
Леонтій, попъ, 174.
Лещинскій, панъ, 226, 270, 272 избранъ въ короли. См. Станиславъ, король.
Либекеръ, шв. ген. 398, 408, 423, 453.
Ливонія, 242, 309, 319, 412.
Лизогубъ, Андрей, войск. товар. 504.
Лизогубъ, генеральный обозный, 695, 699.
Лизогубъ, Евфимъ, генеральный бунчужный, 32, 41, 141 генеральн. хоружій.
Лизогубъ, Семенъ, 554, 612, 619.
Лизогубъ, Яковъ, черниговскій полковн. 32, 119, 132 наказн. гетм. 138, 139, 149.
Лиманъ, 134.
Лимротъ, шв. ген. 472.
Липницкая, старица, 49, 70.
Липохой, посланецъ изъ Сѣчи, 16.
Лисовскій, Ѳедоръ, гадяцкій протопопъ, 656.
Лисянка, мѣст. 197, 219, 220, 483, 631.
Литва, 240, 269, 280, 286, 287, 289, 290, 296, 299, 309, 332, 409, 412, 707.
Литовское княжество, 276.
Лифляндія, 296, 407, 581, 630.
Лихопёка, мѣщанинъ, 611.
Лободинъ, солдатъ, 686.
Логиненко, сотникъ 675.
Лоевцы, селеніе, 229.
Ломиковскіе, 624.
Ломиковскій, генеральный хоружій, 46, 51, 313 ген. обозный, 396, 412, 413, 425, 435, 486, 612, 647, 650, 652.
Ломиковскій, Илія, 671.
Ломиковскій, Михаилъ, 671.
Лондонъ, гор. 461.
Лохвица, гор. 128, 459, 472, 474, 492, 500, 607—610.
Лубенскій полкъ, 45, 97, 133, 135, 194, 433, 459, 474, 607, 611, 620, 657, 658.
Лубны, гор. 113, 459, 607, 620.
Лукьяновъ, Іоаннъ, свящ. 200, 202.
Лукьянъ, посланецъ Палѣя, 223.

Луцкъ, гор. 231, 417.
Лучинченко, сотникъ, 335.
Лысенко, Ив. управлялъ полтавскимъ полкомъ, 49.
Львовъ, гор. 231, 260, 263, 273, 307, 323.
Лѣсное, мѣст. 412 пораженіе шведовъ, 423, 536, 537, 560.
Любаръ, мѣст. 259.
Любецкій повѣтъ, 41.
Люблинъ, гор. 263.
Любомирскіе, паны, 238, 252, 253, 256, 257, 259, 260, 321, 345.
Любомирскій, Іеронимъ, вел. корон. гетманъ, 224, 246, 273, 275.
Любомирскій, Юрій, корон. обозный, 227, 236.
Любомирскій, Юрій, корон. подкоморій, 236, 253, 257, 268, 272, 290.
Людовикъ XIV, фр. король, 461.
Лютенка, мѣст. 491, 501.
Лятава, селеніе, 229.
Ляховичи, гор. 287, 289, 290.

М.

Магдалина, игуменья, мать Мазепы, 70—72, 329, 381.
Магдалина, келейница, 653.
Мазепа-Колединскій, Иванъ Степановичъ, 1—8, 9 избранъ гетман., 10, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 30, 32, 34, 36—41, 48—50, 52, 54—57, 59—64, 66—72, 75, 76, 86, 93, 97, 104, 113, 120, 121, 126, 128, 130, 131, 138—140, 142, 144, 146, 147, 163, 165, 166, 168, 172—174, 178, 186, 200, 205—210, 217, 220—222, 223, 226, 231—234, 236—241, 243, 245, 247, 249—260, 264—277, 279, 280, 282—297, 302, 306, 311—318, 322—335 сносится съ царскими непріятелями, 338—350, 354—359, 362—368, 370—381, 383, 384, 387, 390, 393—403, 406—408, 410, 412—414, 416—418, 420—423, 425—434, 436, 437 пріѣхалъ къ шведскому королю, 438—446, 451—454, 456—459, 460 отрѣшенъ царемъ отъ гетман., 465—480, 482—488, 491—493, 495, 496, 498—505, 507—518, 520, 521, 523—525, 527, 529, 530, 532, 542, 543, 552, 554, 555, 559, 560, 563, 565, 568, 571, 572 бѣгство съ шв. королемъ въ Турцію, 573, 575, 576, 578—581, 582 смерть Мазепы, 583—589, 591, 595, 596, 599—603, 605—609, 611—618, 620, 622—624, 631, 645, 653—655, 658, 676, 678—681, 684, 688, 689, 705, 708, 710.
Мазепа - Колединскій, Николай, шляхтичъ, предокъ Ив. Степ. 2.
Мазепинцы (Мазепичи), село, имѣніе гетм. Мазепы, 2, 68.
Мазуровскій валъ, 526.
Макошинская пристань, 427.
Макошинъ, село. 441.
Максимиліанъ, принцъ Виртембергскій, 548, см. Виртем. принцъ.
Максимовичи, 688.
Максимовичъ, Димитрій Петровичъ, войсковой канцеляристъ, 257, 270, 346, 422 генеральный асаулъ, 486, 554, 611, 612, 619, 647, 651, 688, 689 умеръ въ ссылкѣ въ Архангельскѣ.
Максимовичъ, Иванъ (братъ Димитрія), ген. бунчужный, 401, 640 генеральн. писарь у Орлика въ Турціи, 669—671 въ Кіевѣ, 675, 685, 688 въ Петерб. 689.
Максимовичъ, Иванъ, сынъ Дим. 689.
Максимовичъ, Іоаннъ, архіеп. 463.
Максимовичъ, Степанъ, братъ Дим. 651, 665.
Максимовичъ, Ѳед., сынъ Дим. 689, 699.
Максимовъ, Лукьянъ, атам. 350.
Максимовъ, сердюцкій полк. 433.
Малороссійскій Приказъ, 2, 20, 33, 48, 291, см. Приказъ малор.
Малороссія (Малая Россія), 10, 17, 18, 20, 40, 44, 45, 52, 59, 63, 69, 80, 113, 144, 247, 249, 258, 284, 337, 381, 437, 439, 440, 443, 445, 501, 543, 583, 585, 586, 589, 590, 596, 625, 641, 687, 696, 698, 717.
Мандрика, сотникъ, 268.
Мардефельдъ, шв. ген., 299, 300, 302, 581.
Маріанна (Витуславская), племянница Мазепы, 71, 329.
Маріенбургъ, гор. 421.
Марія Голубовна, жена Дм. Горленка, 688.

Марковичъ, Андрей, сотникъ, 446.
Марльборо, герцогъ, 308.
Мартосенко, Павелъ, лохвицкій сотникъ, 608, 609, 620.
Марѳа, черница, племянница Мазепы, 653.
Матросская слобода, 353.
Маяковъ, бывш. городокъ, 352.
Маячка, мѣст. 89, 99, 100, 102, 520.
Мгарскій Лубенскій монастырь, 656.
Мглинъ, гор. 398.
Медвѣдица, р. 335, 350, 351.
Медвѣдково, вотчина Голиц., 35.
Меджибожъ, гор. 226.
Межигорскій монаст., 73, 257.
Мезинъ, село, 453.
Мейерфельдъ, шв. ген., 310, 407, 474, 552, 558, 560, 608.
Мелашка, посланная Мазепы, 360.
Мельновъ, стрѣлецъ, 32.
Мена, мѣст., 439.
Меншиковъ, кн. Алексан. Данилов., 269, 293—298, 300, 308, 311, 313, 367, 397, 422, 424, 430, 432, 433, 439—443, 445, 446—452, 460—464, 468, 473, 493, 502, 507, 512, 518, 524—530, 545, 552, 553, 605, 610, 616, 679, 680, 689.
Менько, Кирикъ, запорожецъ, 529.
Мерла, р. 496, 497, 527.
Мидопака, полковн. мят. шайки, 229.
Микитинъ-Рогъ, урочище, 181, 716.
Миклашевскій, стародуб. полковн., 44, 46, 240, 249, 250, 287.
Микульскій, панъ, 217.
Миллеръ, писатель, 698.
Минихъ, ген.-фельдм, 715.
Минскъ, гор. 286—289, 340, 374, 377.
Миргородскій полкъ, 45, 93, 97, 286, 433, 459, 473, 607.
Миргородъ, гор. 473.
Мировичева, Анна Конст., урож. Мокіевская, первая жена Вас. Мировича, 690.
Мировичева, Елена, жена Семена, 695 въ Сибири.
Мировичева, Марина Ив., 695 въ Сибири.
Мировичева, Пелагея Захарьевна, вдова переясл. полковн. Ивана Ив., 649, 650, 690, 695, въ Сибири, 696 освоб. 697.
Мировичева, Ульяна Сем. 695 въ Сибири.
Мировичи, 650, 651, 689, 690, 695, 697, 699.
Мировичъ, Вас. Ив., сынъ переясл. полковн. 650, 690—695.
Мировичъ, Василій Яковл., казн. при Екатеринѣ II, 699.
Мировичъ, Григ. Ив. сынъ преясл. полк. 652.
Мировичъ, Григ. Сем. 695 въ Сибири, 697.
Мировичъ, Дим. Ив., сынъ переясл. полк. 651, 695 въ Сибири, 696 освоб.
Мировичъ, Иванъ Ив., переяславскій полковн. 118, 162, 163, 238, 258 наказ. гетм. 260, 261, 263, 287, 289—291, 690.
Мировичъ, Иванъ Ив., сынъ переяславскаго полк. 651, 652, 695 въ Сибири.
Мировичъ, Петръ Ѳед. 697, 698 секретарь имп. Елисаветы, отпр. въ Сибирь.
Мировичъ, Сем. Ив., сынъ переяславскаго полковн. 650, 695 въ Сибири, 697.
Мировичъ Степанъ, сынъ Вас. Ив. 965.
Мировичъ, Яковъ Ив., сынъ переяславскаго полковн. 651, 691, 695 въ Сибири.
Мировичъ, Яковъ Ѳед., 697—699 въ Сибири.
Мировичъ, Ѳедоръ Ив., сынъ пер. полк., генер. бунчужный, 508, 612, 624, 647, 649, 652, 665, 669, 677 ушелъ изъ Турціи въ Швецію, 682, 683, въ Польшѣ, 690, 696, 697, 699, 700, 716 въ Крыму.
Мироновка, село, 201.
Мироновъ, прапорщ. 693.
Миронъ, наказной гет., Могиленка 197.
Миронъ, рейтаръ, 338.
Михайловка, слоб. 18, 62, 63, 67.
Михайловскій монаст. въ Кіевѣ, 73.
Міусскій городокъ, 171.
Мловскій, прилуцкій попъ, 610, 612.
Многогрѣшный, Демьянъ, гетм. 20, 89, 395.
Могилевъ, гор. 229, 249, 282, 290, 340, 407.

Могильницкій, полякъ, 163.
Мокіевскій, кіевс. полковн. 134, 135, 141, 142, 147, 243, 281, 343, 508, 601, 650, 690.
Мокріевичъ, доносч. 395.
Молдавія, 126, 194, 199, 204, 322, 583, 660, 717.
Молодецъ, атам. разбойн. 419.
Молочныя Воды, р. 92, 93, 95, 99.
Монастырскій приказъ въ Москвѣ, 365.
Морея, 24, 25.
Морозъ, Яковъ, атам. 134, 140, 141.
Москаль, Андрюшка, кур. атам. 194.
Москва, гор. 8, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 25—27, 32—34, 40—45, 47, 50, 51, 53—55, 58, 61—69, 80, 82, 83, 87, 97, 112, 113, 115, 117, 131, 139, 144, 147, 148, 169, 171, 172, 174—178, 182, 184, 193, 242, 247, 248, 250, 255, 264, 266, 267, 282, 332, 338, 345, 348, 365, 366, 373, 375, 377, 385, 398, 399, 408, 425, 479, 519, 557, 617, 619, 621, 636, 646—650, 652—654, 660, 665, 668, 671—673, 675, 676, 686, 687, 689—691, 693, 696.
Москва, какъ собирательное, 21, 47, 59, 86, 89, 91, 95, 96, 103, 104, 108, 111, 119, 130, 137, 160, 184, 249, 334, 345, 376, 437, 451, 468, 483, 610, 611, 706, 707, 711, 715.
Москворѣцкія ворота, 34.
Московское Государство (Моск. держава, Моск. земля), 10, 103, 216, 240, 285, 328, 335, 339, 347, 348, 350, 365, 580, 598—600, 612, 624, 625, 628, 629, 638, 639, 641, 642, 645, 668, 671, 706, 707, 710—712.
Московщина, 244, 468, 645, 673.
Мошны, слоб. 163, 631 мѣст.
Мурабекъ-Кермень, крѣп. 124, 125.
Муравскій шляхъ, 140.
Мурахва, слобода, 495.
Муртаза-ага, визирь тур. 634.
Мустритъ-Кермень, крѣп. 124.
Мюллернъ, швед. статсъ-секретарь, 566.

Н.

Назуленко, сотникъ, 254.
Накваскій, комис. 277.
Напуга, посланецъ Палѣя, 210.
Нарва, гор. 243.
Наталія Кирилловна, царица, 32, 37, 105.
Нахимовичъ, посланецъ Мазепы, 479.
Нахимовскій, Өед., 624, въ Тур. 677 въ Швеціи, 683 въ Польшѣ, 686, 699, 702, 716, въ Крыму.
Нева, р. 250, 266.
Невінчаный, сотникъ чигир. 620, 621.
Нейгебауэръ, посланецъ Карла, 580.
Немиричъ, Юрій, панъ, 596.
Немировъ, гор. 169, 201, 202, 204, 206, 208, 226, 235, 254.
Неплюевъ, думный дворянинъ, 143, 146, 149 начальн. великор. отряда, 277, 289.
Неплюевъ, Леонтій Романовичъ, 15, 35, 36, сосланъ, 38, 39.
Несвижъ, гор. 287.
Нестулей, запорож. полковн. 508—510, 653.
Нехворощи, мѣст. 98, 520.
Низъ, 45, 46.
Никаноръ, монахъ, 364, 365, 389.
Николаевскій батуринскій монастырь 653.
Николаевскій монаст. въ Кіевѣ, 73.
Ништадтскій миръ, 550.
Новгородскій разрядъ. 9.
Новгородъ - Сѣверскій (Новгородокъ-Сѣв.) 398, 421, 430, 605, 606.
Новицкій, Григ. компанейскій полковн. 41, 126, 129, 654.
Новобогородскъ, гор. и крѣп. 16, 20, 99, 145, 179, 528, 638.
Новогрудокъ, гор. 299.
Новые Млины, мѣст. 441.
Новый Кодакъ, кр. 528.
Новый Санжаровъ, городокъ, 83, 520, 535, 542, 560, 561.
Ногайская орда, 185.
Нордбергъ, шведск. историкъ, 261, 333, 548, 553, 554, 557, 615.
Носъ, Иванъ, прилуцкій полковн. 447, 465, 498.
Нуррединъ- салтанъ, 107—113, 119, 122, 123, 135.
Нѣжинскій полкъ, 20, 44, 97, 127, 153, 199, 263, 270, 452, 470, 479.
Нѣжинъ, гор. 238, 406, 470, 473, 505.

Нѣманъ р. 339, 340.
Нѣмецкая имперія, 308.

О.

Обидовская, Анна 502, 630, см. Кочубеевна Анна.
Обидовскій, зять Мазепы, 71.
Обидовскій, племян. Мазепы, 67, 72, 217, 243 наказной нач. отр., 244, 357.
Обмачевъ, село, 440, 613.
Оболонье (Оболонь), мѣст. 433, 439, 441, 606, 607.
Огильви, рус. фельдм., 286, 288.
Огинскій, кн. польный гетманъ литовскій, 286, 374, 536.
Одорскій, старецъ, 51, 52, 653 архим. Гедеонъ, 654.
Озеровъ, офицеръ, 372.
Озерянскій, Аѳан., 61.
Окраса, Янъ, гонецъ, 63.
Оленовка, село, 331.
Олешна, городокъ, 495.
Оливскій договоръ, 242.
Олизаръ, панъ, 217.
Омельникъ, городокъ, 127.
Омельченко, Мих. полковн. палѣевск. коз. 224, 225, 255. 264, 476.
Онисимовичъ, обозный, 471.
Опоченокъ, войтъ, 605, 606 казненъ.
Опошня, мѣст. 153, 475, 493, 497, 524—527.
Орель, р. 12, 99, 126, 133, 153, 510, 711.
Орликъ, генер. писарь, 288, 291, 292, 297, 298, 312, 313, 323—332, 334, 377, 394, 396, 397, 412, 413, 420, 425—428, 432, 435, 473, 486, 582, 584 избранъ (въ Турціи) гетманомъ, 612, 616, 623, 624, 628—633, 635, 637, 640, 641, 645—647, 649, 650, 652, 653, 663, 664, 671, 676, 677 ушелъ въ Швецію, 679, 682—686, 701, 702 въ Германіи, 703—708, 710, 716.
Орликъ, Григорій, сынъ ген. писаря, 677.
Орликъ, Яковъ, сынъ ген. писаря, 677.
Орловка, мѣст. 435.
Оружейная палата въ Москвѣ, 548.
Орчикъ, р. 12.
Орша, гор. 288.
Орѣшекъ, гор. 308.
Осиповъ, Ѳедоръ, ахтырскій полковникъ, 366. 369, 372, 373, 382, 383, 389, 475, 616.
Остапъ, городокъ, 127.
Остзейскій край, 245.
Острогожскъ, городъ, 139.
Острочъ, село, 41.
Отвиновскій, историкъ, 3.
Оттоманская имперія (тур. имперія) 642, 643.
Оттоманская Порта, 170, 322, 345, 354, 543, 630, 681, 684, 685, 707, 712.
Очаковъ, гор. 133—135, 140, 141, 146, 159, 181, 203, 576, 578—580 627, 681.

П.

Паволочь, мѣст. 201, 202, 253, 257, 270.
Паланка, крѣп. 119.
Палладій, коз. старшина, 223.
Палѣй (Палій), Семенъ Филипповичъ, хвастовс. полковн. 118, 119, 129, 130, 162, 178, 198—228, 231—234; 236—239, 241, 252—258, 264, 265 сосланъ въ Сибирь, 267, 505, 589, 631, см. Гурко.
Паноровка, сел. 432.
Пархоменко, Грицько, коз. 485.
Пасекъ, авторъ записокъ, 4, 5, 7.
Паткуль, шв. ген. 234, 242, 262, 273, 276 арестованъ, 300, 310 казненъ, 581.
Пахомій, іеромонахъ, сынъ Дм. Горленка, 672.
Пашковскій, охотный полков. 97, 118, 129.
Пекалицкій, Пархомъ, писарь, 612, 613.
Перебійнисъ. нач. разб. шайки 419.
Перевескій, Янъ, челядникъ Мазепы, 654.
Переволочна, мѣст. 91, 110, 111, 133, 149, 189, 508, 509, 520—522,

560, 562, 566, 570 пораженіе шведовъ, 571, 622, 627.
Перекопъ, гор., 28, 29, 34, 59, 88, 90, 102, 103, 159, 171.
Перепетыха, урочище, 252.
Переяславскій полкъ, 20, 41, 44, 49, 91, 127, 135, 163, 222, 256, 286, 479, 630.
Переяславъ, гор. 8, 10, 238, 711.
Песчаный Бродъ, уроч. 15.
Петербургъ, гор. 308, 398, 408, 453, 519, 608, 621, 642, 683, 686, 692, 693, 699, 708, 709, 717.
Петрикъ, (Петръ Ив., Петро Иваненко тоже) войск. канцеляристъ, 82—88, 91—95, 97—105, 107—115, 118, 127, 128, 130 убитъ 175, 184, 185, 191, 208, 221, 457.
Петровка, село, 509, 541.
Петровская крѣпость, 353.
Петропавловская крѣпость, 684, 686.
Петръ I Алексѣевичъ, царь, 31, 32, 34 — 39, 50, 62, 63, 65, 69, 121, 131, 136, 139, 144, 148, 164, 169, 170, 242, 244, 245, 251, 253, 266, 274, 276, 282, 286, 293, 296, 301, 303, 304, 307—310, 313, 315, 319, 323, 336, 339, 341, 344, 350, 365, 368, 391, 400, 408, 409, 412, 420—422, 442, 449, 459, 460, 467, 483, 485, 488, 519, 532, 534, 535, 540, 542, 544, 546—554 поражаетъ Карла XII подъ Полтавой, 571, 581, 582, 586—589, 595, 596, 601, 603, 614, 615, 621—623, 636, 637, 644, 646, 654, 686, 705, 711.
Петръ II Алексѣевичъ, имп., 695.
Печерскій монастырь въ Кіевѣ, 41, 70, 304, 314, 326, 376, 384, 476.
Печерское мѣстечко, 49.
Пинега, гор. 36.
Пиперъ, графъ, швед. канцлеръ, 298, 323, 407, 427, 429, 437, 438, 492, 519, 524, 539, 544, 547—549 въ плѣну у русскихъ, 553, 558, 581.
Плечникъ, Максимъ, сотникъ, 140.
Плотничья слобода, 353.
Побужье, 237.
Погаръ, зашт. гор. 429, 439.
Погребки, село, 41, 442, 445.
Подлипное, село, 20.
Поднѣпровье, 129.
Поднѣстровщина, 204, 237.
Поднѣстрье, 254.
Подоль, 77, 198, 229, 230, 252.
Подольскій, посланецъ гет. Скороп. 621.
Подольскій, шляхтичъ, 48.
Подпольная, р. 714 заложена Сѣчь Зап.
Познань, 262.
Покотило, Яковъ, полковн. сердюцкій, 433, 554, 619, 652.
Полонное, имѣніе Любомирскихъ, 253, 257, 272, 290, 318.
Полонскій дѣвичій монастырь, 70.
Полоцкое воеводство, 399.
Полоцкъ, гор. 340.
Полтава гор. 83, 98, 100, 101, 105, 112, 129, 366, 369, 475, 492, 493, 502, 516, 524 — 526 осада Полтавы шведами, 532 — 537, 540 — 542, 548 пораженіе шведовъ, 551 въѣздъ царя Петра, 552, 580, 581, 601, 616, 621, 631, 636, 693.
Полтавская битва, 400, 681, 684, 688.
Полтавскій курѣнь, 116.
Полтавскій новѣтъ, 41.
Полтавскій полкъ, 44, 81, 93, 95, 100, 101, 103, 104, 107, 114, 153, 160, 183, 190, 251, 255, 335, 520.
Полтавщина, 111.
Полуботки, фамильное прозв. 66, 67, 69, 698.
Полуботокъ, Леонтій, переяславскій полковн. 18, 49, 54, 62, 63, 65, 66, 462.
Полуботокъ, Павелъ Леонт., черниговскій полковникъ и наказ. гет. 65, 66, 282, 459 — 462, 465, 589, 697, 710.
Полугеръ, Тимоѳей, запор. атам. 607.
Польская Корона, 307, 478, см. Корона Польская.
Польское королевство, 274.
Польша, 2, 4, 7, 11, 22, 39, 47—50, 53, 55, 57—63, 66, 69, 71, 75, 170, 192, 199, 205, 210, 212, 218, 220, 221, 227, 228, 230, 233, 239, 240, 248, 249, 251, 252, 258, 267, 268, 275, 276, 285, 294, 296, 299—301, 307—310, 315, 317—319, 322, 323,

325, 330, 332 333, 338, 340, 343—345, 347, 354, 366, 374, 380, 400, 409, 420, 474, 511, 519, 524, 559, 580, 585, 588, 596—600, 625, 637, 638, 646, 661, 685, 699, 705—707, 717.
Полѣсье, 162, 196, 197, 204, 208, 231, 263, 632.
Полянскіе, помѣщики, 165.
Понятовскій, ген., резидентъ Станислава Лещ. при швед. корол. 417, 418, 575, 576, 683, 686, 699.
Поповичъ (Самойловичъ, гетм.) 89. См- Самойловичъ.
Порваницкій, малороссіянинъ, 69.
Поросючка, дача и дворецъ Мазепы, 467.
Порѣчье, гор. 372, 373.
Посольскій дворъ, въ Москвѣ, 34, 35, 647, 648.
Посольскій Приказъ, 307, 338, 459, 462, 687, 690, 693.
Потокъ, городокъ, 127.
Потоцкій, Антоній, подстолій, 698.
Потоцкій, Іосифъ, кіевс. воевода, 235, 236, 254, 270, 271, 273, 286, 299, 300, 321, 356, 629.
Потоцкій, Яковъ, староста хмѣльницкій, 224, 225, 236.
Почепъ, мѣст. 417, 439.
Пребендовскій, подскарбій, 275.
Преображенскій полкъ, 549.
Преображенскій Приказъ, 365, 687.
Преображенское, село, 32, 242.
Приказъ Большой Казны, 144, 146, 160.
Приказъ малороссійскій, въ Москвѣ, 49, 62, 70, 76, 106, 133, 161, 176, 177, 186, 188, 190, 194, 208, 217, 220—222, 236, 238, 251, 252, 258, 260, 270, 278, 600, 636, 652. См. Малор. Приказъ.
Прилуки, городъ, 127, 128, 458, 472, 492, 498, 500, 607, 610, 611, 672.
Прилуцкій полкъ, 97, 263, 433, 459, 607, 654.
Примъ, кош. атам. 119.
Пристанный, городокъ, 350.
Прокоповичъ, Савва, ген. судья, 32.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архіеп. 400, 428.
Прокопъ, рабочій, 211.
Пропойскъ, гор. 375, 409, 412.
Протасьевъ, Семенъ, 424, 425.
Протасьевъ, Ѳедоръ, стольникъ, 193, 647 царскій резидентъ при гетм. Скороп., 655, 656.
Пруссія, 281, 308, 421.
Прутскій миръ (договоръ), 631, 638.
Прутъ, р. 637, 689.
Пселъ, р. 127, 129, 500.
Псковъ, гор. 243, 408.
Пустозерскъ, гор. 36.
Путивль, гор. 22, 98, 127.
Пфингстенъ, комиссаръ, 299, 300.
Пятка, городокъ, 225.
Пятницкія ворота (въ Печерскомъ монаст.) въ Кіевѣ, 49.

Р.

Радзіевскій, панъ, 268.
Радивиловскій, писатель, 42.
Радичъ, Пантелеймъ., гонецъ, 87.
Радосовицы, глав. квар. шв. короля, 340, 406.
Разумовскіе, 590.
Разумовскій, гетманъ, 590, 717.
Раковичъ, 672, см. Горленкова Евросинія.
Ракочи, седмиградскій князь, 308.
Рашевка, мѣст. 129, 500.
Ревель, гор. 581.
Ревускій, коронный референдарій, 261, 262.
Рейнъ, р. 706.
Ренцель, рус. ген. 545.
Реншильдъ, шв. фельдм., 228, 375, 407, 438, 509, 526, 539, 542, 544—546, 548 въ плѣну у русскихъ, 549, 553, 558.
Ренъ, русс. ген. 297, 473, 487, 494, 520, 521, 525, 545.
Ретузари, островъ сказачнаго богатыря, 539.
Реутинцы, село, 175, 176.
Рига, гор. 248, 280.
Римское государство, 297.
Ровненскій хуторъ, 502.
Рогачевскій, Іоаннъ, лохвиц. протопопъ, 653.
Роговъ, Ѳедоръ, подъячій, 648.
Родзянко, козац. сотникъ, 262.
Родостамовъ, дьякъ, 459, 461.
Рольфъ Гетрегсонъ, сказочный богатырь, 539.

Ромны, гор. 44, 409, 471, 472, 474, 477, 485—488, 491, 601, 602, 608, 611, 612, 616, 684.
Ромодановскій, кн. кіевс. воевода, 49, 71.
Ромодановскій, кн. Юрій Өед. нач. Преображенскаго Приказа, 455.
Ронъ, русс. ген. 280.
Роосъ, швед. ген. 544, 545, 548 въ плѣну у рус.
Ропская волость, 381.
Роптѣевъ, 282.
Ропуха, нач. разб. ватаги, 194.
Россія, Росс. Государство, Русская держава, 24, 27, 49, 76, 87, 119, 233, 239, 245, 252, 308, 312, 334, 506, 519, 532, 550, 553, 587, 588, 590, 591, 596, 623, 628, 637, 638, 640, 644, 659, 660, 662—644, 668, 676—678, 687, 690, 693, 695, 697, 699—703, 705, 706, 714, 716.
Рось, р. 633, 634.
Рубанъ, Семенъ, кошевой атам., 116, 118.
Рувимъ, сербск. еписк. 376.
Ругодивъ, гор. (Нарва), 246.
Рузановичъ, Степанъ, челяд. Мазепы, 654.
Румелія, страна, 24.
Руморъ, вдова, невѣста Паткуля, 276.
Русиновичъ, мѣщанинъ, 380.
Русь, 347.
Русь южная, 597.
Рутковскій, „дозорца", 83.
Рущицъ, региментарь, 224, 225.
Рыбицкій, панъ, 321.
Рыбный городъ (Острогожскъ), 139.
Рынгошъ, козац. старшина, 223.
Рѣчь Посполитая, 47, 48, 51, 59, 192, 197, 203, 206, 209, 213, 214, 216, 224, 231, 232, 242, 245, 248, 252, 253, 268, 274, 308—310, 316, 330, 331, 335, 380, 399, 585, 596, 597, 599, 642.
Рѣшетиловка, мѣст. 127, 501, 523, 524.
Рязанскій разрядъ, 9.

С.

Саадетъ-Гирей, ханъ, 87.
Савва, шуринъ Палѣя, 200, 210.
Савинцы, село, 500.
Савичъ, Василій, лубенс. полковн. 462.
Сагайдачный, Григ. кошевой, 16.
Сажка, писарь, 46—48.
Саксонія, 252, 275, 276, 298—301, 308, 313, 322, 325, 328, 331, 374, 567, 586.
Салоники, гор. 705, 706, 712.
Салтовъ, городокъ, 165.
Салтыкова-Дѣвица, мѣст. 416, 423, 424, 679.
Самара, р. 12, 15—17, 27, 30, 89, 91, 95, 99, 125, 146, 182, 193, 335, 369.
Самборская волость, 381.
Самбуръ, село, 41.
Самойленко, Якимъ, 175.
Самойловичъ, гетм. 8, 12—14, 18—21, 38, 39, 54, 61, 82, 160, 264, 357, 394, 395, 445.
Самойловичъ, Максимъ, 671.
Самойловичъ, Семенъ, сынъ гетм. 53.
Самусь, козац. богуславскій полковникъ, 198, 204, 205, 213, 219—226, 228, 232—236, 238, 253, 256, 270, 330.
Самусь, сынъ богуславскаго полковника, 631.
Сандулъ, волохъ, 516.
Санъ, р. 322.
Сапѣга, староста бобруйскій, 249, 309, 536.
Сапѣги, паны, 249, 250, 276.
Свѣчка, Леонтій, лубенскій полковникъ, 32, 129.
Святайло, Иванъ, священникъ, 366, 373, 384, 385, 388, 389, 391, 392.
Сеймъ, р. 41, 433, 447, 466.
Селимъ-Гирей, ханъ, 102, 104, 107, 108.
Семеновка, село, 430.
Сендомиръ, гор. 248, 269, 273.
Сенча, (Сѣнча), мѣст. 474, 607, 608.
Сербія, 23, 24.
Сергіевскій, гор. 635, 636.
Серетъ, р. 272.
Сибирская лѣтопись, соч. Миллера, 698.
Сибирскій Приказъ, 67, 694.
Сибирь, 64, 67, 190, 265, 511, 557, 571, 617, 619, 641, 652, 654, 683, 687, 697, 698.

Сивашъ, 135.
Сигизмундъ-Августъ, польс. кор. 2.
Силезія, страна, 258.
Силенко, стародубс. полковникъ, 290.
Симашко, пасынокъ Палѣя, 200, 214, 219, 220, 223, 227, 257.
Симонченко, Яковъ, наказн. кош. атаманъ, 516, 517.
Симферополь, гор. 91.
Синицкій, быховс. коменд. 290.
Скоропадскій, Ив. ген. асаулъ, 193, 267, 375, 400, 411 полковн. стародубскій 452, 453, 459, 460, 461, избранъ въ гетманы, 462, 464, 468, 469, 471, 474, 476, 477, 482—484, 504, 505, 536, 589, 607, 619—623, 629—632, 647, 655, 658, 660, 661, 663, 664, 671, 672, 689, 695.
Скорычъ, полковн. мят. шайки, 229.
Скотинъ, нач. великорос. отряда, 189.
Слободище, городокъ, 225.
Слободская Украина, 18, 119, 129, 132, 164, 165, 343, 350, 372, 473, 493, 494, 497, 498, 502, 503, 510, 629, 635.
Слуцкъ, гор. 287, 290.
Случъ, р. 207, 224, 271, 625.
Сметана, козакъ, 529.
Смоленскъ, гор. 372, 384, 389—391, 394, 399, 409, 410, 423.
Сморгоны, гор. 340.
Смѣлая, мѣст. 118, 472, 473.
Соболевскій, 440.
Соболевъ, ротм., 67, 68.
Собѣскіе, 252, 257.
Собѣскій, Александръ, королевичъ, 273, 308.
Собѣскій, Констант. 252.
Собѣскій, Яковъ, 252.
Собѣскій, Янъ, король польс. 196, 198, 203, 239, 252, 283, 318.
Сожь, р., 245, 246.
Соколка, мѣст. 521, 542, 560.
Солка, сельцо близь Варшавы, 60.
Соловецкій монаст., Соловки, 389, 621, 653.
Соломонъ, чернецъ, 59—64, 66, 67, см. Троцкій, С.
Солонина, Андрей, 174, 177.
Солонина, Сергѣй, кіевс. полковн. 21, 141, 177, 381.
Солунь, гор. 23.
Сольданъ, швед. комис. 514.
Сорока, гор. 201.
Сорочинскій, Петръ, кош. атам. 182, 518, 529.
Сорочинцы, мѣст., 474, 475, 477, 502, 524, 536, 608, 609.
Сотникъ, Аксент., полковн. ватаги, 229.
Софійскій соборъ въ Кіевѣ, 72.
Софія, царевна, правительница, 26, 31, 32, 34—36, 38, 50.
Спарре, Аксель, шведс. ген. 453, 491, 538, 544—546, 565, см. Аксель Спарре.
Спасская церковь въ Полтавѣ, 366.
Сребненская сотня, 459.
Стайки, мѣст. 245.
Стакельбергъ, шведс. генер. 454, 548 въ плѣну у русскихъ.
Станиславъ, Лещинскій, польс. король, 272, 275—277, 278, 282, 286—293, 296, 299, 301, 302, 307—310, 313, 317, 319 — 325, 328—334, 338, 339, 344—347, 350, 354—357, 366, 374, 375, 377, 378, 395, 396, 398—400, 413, 417, 420, 421, 444, 474, 478, 479, 483—485, 491, 492, 524, 536, 543, 585, 586, 596, 599, 603, 622, 629, 678, 679, 683, 705, 707, 714, см. Лещинскій Станиславъ.
Стародубскій полкъ, 97, 245, 315, 415, 416, 419, 452.
Стародубъ, быв. полк. гор. 81, 398, 409, 411, 414, 429, 432, 452, 605.
Старый Кодакъ, кр., 528.
Старый Константиновъ, гор. 229, 271, 272.
Старый Санжаровъ, гор. 511, 535, 552.
Стаховичъ, сотн. 302.
Стебельскій, историкъ, 3.
Стецикъ, козакъ, 77.
Стецкій панъ, 210.
Стокгольмъ, гор., 291, 519.
Стремоуховы, помѣщики, 166.
Стрѣлица, 140.
Стырь, р. 536.
Сулешовъ, кеманъ-мурза, 30.
Сулима, Ив. ген. хоружій, 477, 613, 615.
Сумской слободской полкъ, 352.
Сумы, гор. 126, 653.

Суринъ, судья каптуровый, 212.
Сусла, стародуб. житель, 146—148.
Суховѣенко, гетм. 94, 184.
Суходольскій, капит. 178.
Сысой, Левко, запор. посланецъ, 90, 95 полковникъ у Петрика.
Сѣверный Донецъ, р. 132, 133, 350—352.
Сѣверщина, 398, 399.
Сѣвскій Спасскій монаст. 363.
Сѣвскъ, гор. 20, 67, 68, 131, 642, 717.
Сѣнявскій, польн. гетм. 230, 235, 237, 318, 340, 342—347, 380.
Сѣчь Запорожская, Сѣча, 16, 18, 81—88, 90, 92—95, 102, 105, 107—110, 114, 118, 120, 124, 125, 149, 152, 153, 171, 180—183, 186, 187, 192—194, 199, 251, 254, 284, 285, 303, 304, 347, 350, 351, 444, 470, 507—509, 514, 516—518, 522, 528—532, 571, 622, 623, 706, 708, 711, 716, см. Запор. Сѣчь;
Сѣчь, (новая), на устьѣ р. Каменки, 623.

Т.

Таванскъ, крѣп. 124, 131, 135, 141, 143 — 146, 149 — 155, 157—160, 171, 180.
Таванскъ, островъ, 124 — 126, 150, 151.
Таганрогъ, гор. 645.
Тамара, переясл. наказн. полк. 459.
Тамерланъ, ханъ, 544.
Танскій, бѣлоцерков. полковн. 199, 311—313, 318, 631.
Таракановъ, стольникъ, 104.
Таращенко, Данило, глухов. обыв. 609, 610.
Тарговицкій полкъ, 634.
Тарло, панъ, 354, 355, 357.
Тарновскія горы, 248.
Татарка, р. 95, 102.
Татарчукъ, Данило, коз., 141.
Терехтемировъ, (Трехтемировъ) гор. 245, 627.
Терновая слобода, 46.
Терновскій, челяд. Быстрицкаго, 654.
Тетеревъ, р. 633, 634.
Тетеря, Павелъ, гетм., 2, 7.
Тобольскъ, гор., 67, 265, 651, 695.
Толстой, азовс. губернаторъ, 353.
Толстой, ген. 445, посланникъ, 506, 580, 646, 671.
Томаковка, остр. 149, 152, 153.
Томскъ, гор., 265.
Тонконогъ, запор. асаулъ, 181.
Тора, городокъ, 352.
Траутфеттеръ, швед. подполк. 568.
Третьякъ, Өед., сподвиж. Орлика, 624, 677, ушелъ изъ Тур. въ Швецію, 682.
Тригубъ, предв. мят. шайки, 226.
Тринитарскій Орденъ, 313.
Триполье, городокъ, 207, 245, 711.
Троицкій, монастырь, ин. Троицко-Сергіевская Лавра подъ Москвою, 32, 35, 37, 65, 688.
Троицкой Посадъ, 37.
Троцкій, Семенъ, (инокъ Соломонъ), разстрига Сенька тожъ, 64, 65, см. Соломонъ.
Трощинскій, гадяцкій полк. 368 — 371.
Туранскій, сотникъ, 460.
Тургеневъ, царс. резид. при гетм. Апостолѣ, 700.
Тургеневы, помѣщики, 165.
Турція (Тур. Имперія), 8, 27, 48, 103, 107, 170, 171, 179, 202, 212, 227, 354, 407, 506, 559, 566, 571, 578, 598, 617, 628, 637—643, 645—647, 660, 662, 668, 671, 675—677, 682—685, 702, 705, 706, 715, 716.
Тыкоцынъ, 263.
Тышко, сотникъ, 206.

У.

Украина, 2, 7, 17, 59, 78, 81, 83, 85, 86, 89 — 91, 93, 99, 101, 103, 104, 106, 108—110, 113, 116—118, 124, 126, 131, 184, 186, 188, 191—194, 196, 197, 199, 203—205, 221, 223, 224, 231, 233, 239, 240, 244, 249—251, 259, 263, 264, 268, 285, 290, 291, 294, 297, 298, 302, 305, 322, 327, 328, 330—333, 339, 342, 343, 345, 347, 354, 356, 363, 365, 366, 434, 435, 437, 467, 468, 470, 473, 474, 478, 479, 507, 508, 511, 513, 515, 520, 522, 524, 528, 532, 557, 575, 584—586, 588, 596—600, 603,

610, 612, 617, 619, 621, 623—625, 628,—630, 632, 634, 635, 637—639, 641—648, 652, 659, 661—663, 668, 670, 671, 673, 675, 676, 679, 681, 682, 695, 699, 702, 705, 706, 708, 709, 711—713, 715, 717.
Украина лѣвобережная, 210, 211, 629—631, 645, 661.
Украина правобережная, 45, 46, 48, 214, 245, 269, 307, 315—317, 340, 343, 344, 346, 376, 629, 631, 644, 645, 661.
Украинцевъ, Емельянъ, думн. дьякъ, 35—37, 63, 170, 269, 270, 345.
Улашинъ, Якубъ, шляхт. 417, 418, 422.
Уманскій полкъ, 631, 634.
Умань, гор. 197, 254, 634.
Уразова, р. 352.
Усовичъ, служит. Быстрицкаго, 605.
Успенскій соборъ въ Москвѣ, 464.
Устряловъ, историкъ, 66.
Ухань, гор. 276.
Ушица, гор. 229.

Ф.

Фальбовскій, панъ, 5, 6.
Фефилова, Марья Ѳед., вторая жена Вас. Ив. Мировича, 695.
Фингстенъ, 310.
Финляндія, 398, 692.
Флеммингъ, швед. королев. министръ, 686.
Франція, 308, 461, 705, 706.
Фрауэнштадтъ, гор. 286.
Фридрикевичъ, вдова, впосл. жена Мазепы, 7.
Фридрикевичъ, Крыштовъ, пасынокъ Мазепы, 7.
Фриксель, шведс. историкъ, 333, 400.
Фроловскій дѣв. монаст. въ Кіевѣ, 69, 70.

Х.

Халецкій, староста мозырс. 249, 250.
Ханенко, гетм. 597.
Харьковскій полкъ, 91, 635.
Харьковъ, гор. 165, 476, 503, 507, 518, 524, 528, 616.
Хвастовщина, 205, 209, 210, 215.
Хвастовъ, мѣст. 198, 200—203, 206, 208, 210, 213—216, 221—223, 225, 260, 340, 347, 368, 369.
Хведоринъ, предвод. мят. шайки, 226.
Хилковъ, русс. резид. въ Швеціи, 519.
Хлюсъ, Ѳесько, посланецъ Мазепы, 483.
Хмельницкій, Богданъ, гетм. 10, 11, 80, 88, 89, 91, 93, 94, 96, 97, 107, 111, 113, 147, 148, 184, 219, 226, 305, 437, 597, 598, 625, 628, 636, 679, 709.
Ходоровская, Анна, впосл. Вишневецкая, и кн. Дольская, 283, см. Дольская, Анна.
Хозлевъ, гор. (Евпаторія), 140.
Хоментовскій, воевода мазовецкій, 307.
Хороль, р. 500.
Хоруговка, село, имѣніе Гамалѣи, 46.
Хоружевка, село, 473.
Хоперъ, р. 335, 350, 351.
Христіанштадтъ, гор. 677.

Ц.

Цаполовскій, ксендзъ, 226.
Цариченка, мѣст. 98, 99, 510, 513, 514.
Царьградъ (Константинополь) 25, 149, 150.
Цвѣль, сотникъ, 212.
Цедергельмъ, швед. кор. секретарь, 581.
Циклеръ, Ив., стольникъ, 33.
Цинскій, региментарь, 215.
Цыганчукъ, полк. обозный у Палѣя, 238.

Ч.

Чаліенко, Лука, 69.
Чаліенко, Михайло, 68, 69.
Чалый, запорожс. атаманъ, 134, 140, 141 убитъ.

Чарнышъ (Чернышъ), гадяцкій полковн. 282, 656.
Чарторія, село, главн. квартира рус. главноком.. 455.
Черкасскій полкъ, 661.
Черкасскъ, гор. 350, 353.
Черкасы, быв. полк. гор. 68, 318, 631.
Червонная Русь, 197, 205, 260.
Черная Долина, уроч. 28, 29, 91.
Черниговскій полкъ, 97, 123, 135, 282, 291, 452, 466.
Черниговщина, 162.
Черниговъ, гор. 282, 398, 408—410, 430, 606. 711.
Черное море, 29, 131, 134, 140, 141, 495, 506, 579.
Чернухи, мѣст. 44.
Чеснокъ, племян. Палѣя, 216.
Четвертинскій, кн. Юрій, 19, 54, 185, 485.
Чечелъ, сердюцкій полк. 144, 433, 444, 446, 449, 606.
Чигиринскій полкъ, 634, 661.
Чигиринщина, 104, 245.
Чигиринъ, гор. 110, 181, 197, 318, 476, 601.
Чингаръ, уроч. 119.
Чистые Пруды въ Москвѣ, 691.
Чора-Мурза, 204.
Чортково, гор. 147.
Чубаровъ, царс. стольникъ, 76.
Чуйкевичъ, канцеляристъ, 147.
Чуйкевичъ, ген. судья, 375, 385, 386, 486, 508, 554, 6'2, 616, 619, 652.

Ш.

Шакловитый, стрѣл. нач. 26, 32, 35.
Шарпило, кош. атам. 118, 119.
Шаумбургъ, русс. ген. 493, 526.
Шафировъ, царс. вицеканцлеръ, 281, 373, 390, 638, 644, 659, 660, 663—665, 668—671.
Шафировъ, Павелъ, секретарь, 691.
Швейцарія, 276.
Швеція, Шведское Королевство, 169, 216, 242, 251, 276, 291, 308, 492, 519, 564, 644, 677, 682, 683, 685, 686, 699, 701—703, 705—707, 714.
Шевлюга, 416.
Шексна, р. 654.
Шембекъ, панъ, 268, 274, 307.
Шептаки, имѣніе Мазепы, 605, 613.
Шептаковская волость, 381, 427, 612, 613.
Шереметевъ, Борисъ Петр., кіевс. воевода, 62, 97, 98, 112, 121, 128, 129, 132, 133, 135, 139, 140, 143, 174, 176, 177, 294, 297, 318 фельдмаршалъ, 319, 420, 439, 445, 455, 463, 500, 501, 521, 523, 524, 652, 669, 670.
Шереметевъ, бояринъ, 53.
Шибанъ-Липка, писарь, 123.
Шидловскій, бригадиръ, 352.
Шингирей, гор. 143, 146, 149, 150.
Ширинъ-бей, 107, 122, 123.
Ширковы, помѣщики, 166.
Шишаки, село, 502.
Шлиппенбахъ, швед. ген. 246, 545, 548 въ плѣну у русскихъ.
Шлиссельбургъ, кр., 699.
Шмигельскій, 301.
Шпакъ, Хведоръ, предвод. ватаги, 229, 235, 254. См. Билоцкій.
Штеттинъ, гор. 291.
Шуленбергъ, саксон. главноком. 286.
Шульцъ, царск. полковн. 319.
Шумлянскій, львовск. еписк. 51, 55, 60, 64.
Шумлянскій, Самуилъ, панъ, 217.

Щ.

Щербанъ, волоск. господарь, 24.
Щербина, атам. запорож. 181.
Щука, литовск. подканцлеръ, 478.

Э.

Эрестферская мыза, 246.
Эстляндія 581.

Ю.

Юрловъ, подполковн. 535.
Юсуфъ-паша, визирь, 186, 646.

Я.

Яблоновскій, вел. канцлеръ кор. 478.

Яблоновскій, кор. гетманъ, 215, 216.
Яблоновскій, панъ, 380.
Яворскій, охотн. полковн. 41.
Яворскій, Стефанъ, митроп. рязанс. 288, 325, 464, 704.
Ягорлыцкій, Стецикъ, гетм. отъ татаръ, 208.
Ядловка, село, 41.
Языковъ, гонецъ, 64, 65.
Яковенко, кошевой, 149, 150, 154.
Яковлевъ, полковн. 521, 522, 528—531.
Якутскъ, гор. 683 мѣсто ссылки Войнаровскаго.
Ямполь, мѣст. 131.
Ямполь, слобода, 351, 352.
Янковичъ, сотникъ, 41.
Янсонъ, инжен. 121, 137.
Янъ Казиміръ, король польскій, 2, 4, 7, 57, 199, 212, 213, 219, 585, 599, 636.
Яременко, лохвиц. сотникъ, 607—609.
Яренскъ, гор. 36.
Ярославецъ, село, жалован. Кочубею, 41.
Ярышовъ, мѣст. 229.
Ясинскій, Варлаамъ, Кіев. митр. 62, 64, 72.
Ясликовскій, полковн. 124, 144.
Яссы, гор. 338, 582, 670, 682.
Яценко, Петръ, посланецъ Кочубея, 366, 373, 384, 385, 389.

Ѳ.

Ѳедоровичъ, панъ, 206.
Ѳедоръ, братъ Палѣя, 199.
Ѳедько, кош. атам. 88, 92.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI ТОМА.

стр.

МАЗЕПА.

Источники . I

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе Мазепы. — Его юность. — Пребываніе при польскомъ королевскомъ дворѣ. — Приключеніе съ Фальбовскими.—Переходъ Мазепы къ козакамъ.—Событія въ его жизни до избранія въ гетманы.—Избраніе.—Укрощеніе своевольствъ.— Поступокъ съ имуществомъ Самойловича.—Постройка Новобогородска.—Недовольство запорожцевъ.—Преслѣдованіе сторонниковъ Самойловича.—Нерасположеніе гетмана къ митрополиту Четвертинскому, его племяннику и нѣкоторымъ старшинамъ.— Первый доносъ на гетмана 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленія къ новому походу на Крымъ.—Извѣстія отъ турецкихъ христіанъ. — Архимандритъ Исаія.—Шакловитый у Мазепы.—Мнѣнія о гетманѣ въ Малороссіи.—Походъ въ степь.— Встрѣча съ татарами.—Возвращеніе.—Восхваленія и награды Голицыну.—Пріѣздъ Мазепы со старшинами въ столицу.—Переворотъ въ правленіи. — Гетманъ у Троицы. — Прибавочныя статьи.—Царскія милости 23

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Волненія въ Малороссіи въ отсутствіе гетмана.—Смута изъ Запорожья.—Писарь Сажка.—Сношенія запорожцевъ съ Польшею.—Атаманъ Лазука.—Подозрѣнія на Польшу.—Недруги Мазепы въ Малороссійскомъ краѣ.—Леонтій Полуботокъ.—Михайло

Василевичъ Галицкій.—Пасквиль на гетмана.—Подсылка Шумлянскаго. — Домарацкій. — Чернецъ Соломонъ.—Выдача ихъ и казнь.—Чаліенко и другіе враги гетмана.—Новый пасквиль.—Мать и сестра Мазепы.—Довѣріе и милость къ гетману московскаго правительства 44

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Охлажденіе между польскимъ и московскимъ дворами. — Опасеніе мира Польши съ Крымомъ. — Народныя бѣдствія въ Украинѣ.—Бѣгство народа въ Сѣчу. — Смуты въ Сѣчѣ.—Петрикъ. — Его явленіе въ Сѣчѣ. — Его письма къ женѣ и Кочубею.—Мятежныя затѣи. — Бѣгство Петрика въ Кизикермень и въ Крымъ.—Возмутительныя воззванія къ запорожцамъ.—Договоръ татаръ съ запорожцами у Каменнаго-Затона.—Возмутительный универсалъ Петрика къ малороссійскому народу. — Неудачи. — Бѣгство татаръ и Петрика. — Станъ Петрика у Перекопа.—Новыя неудачныя попытки.—Приступъ къ Полтавѣ.—Бѣгство изъ-подъ Полтавы.—Колебаніе въ Запорожской Сѣчѣ.—Мѣры относительно владѣльцевъ и арендарей. — Военные походы козацкихъ отрядовъ въ дикія поля 75

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первая осада Азова Петромъ. — Дѣйствія Шереметева и Мазепы на Днѣпрѣ. — Покореніе турецкихъ приднѣпровскихъ городковъ.—Гарнизонъ въ Таванскѣ.—Вѣсти о намѣреніи бусурманъ вторгнуться въ Украину. — Приготовленіе къ отпору.—Нашествіе татаръ зимою 1695—1696 годовъ.—Разореніе городковъ и селеній.—Отступленіе татаръ.—Смерть Петрика.—Приготовленія ко второму азовскому походу.—Отправка козаковъ къ Азову.—Запорожскій атаманъ Чалый.—Стоянка Шереметева и гетмана на Коломакѣ. — Взятіе Азова. — Подвиги козаковъ подъ Азовомъ.—Царскія милости.—Свиданіе Мазепы съ царемъ въ Острогожскѣ.—Гибель запорожскаго атамана Чалаго.—Бунтъ Кіевскаго полка противъ своего полковника 121

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Исправленіе крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра.—Приготовленія къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ.—Доносъ стародубца Сусла.—Неудачный походъ боярина князя Долгорукаго и гетмана въ

низовья Днѣпра.—Оборона Таванска.—Попытки склонить козаковъ къ измѣнѣ.—Отступленіе мусульманъ отъ Таванска.—Безполезный походъ гетмана и князя Долгорукаго въ 1698 году.—Неурожаи въ Малороссіи.—Побѣги на правую сторону Днѣпра.—Переселеніе въ Великороссію.—Гетманскія имѣнія въ Рыльскомъ уѣздѣ. — Подсусѣдки. — Свиданіе гетмана съ царемъ въ Воронежѣ.—Съѣздъ 1699 года въ Гадячѣ.—Мѣры обороны края.—Мысль вести великую войну противъ турокъ. — Конгрессъ въ Карловицѣ.—Перемиріе съ турками на два года.—Миръ Турціи съ императоромъ и съ польскимъ королемъ.—Дьякъ Украинцевъ въ Константинополѣ.—Перемиріе Россіи съ Турціей на 30 лѣтъ. 143

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Преслѣдованіе стрѣльцовъ.—Доносъ Забѣлы и Солонины на гетмана.—Судъ надъ доносчиками. — Благосклонность царя къ гетману. — Пожалованіе гетмана кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго.—Торговля селитрою.—Корчемство.—Разореніе турецкихъ крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра. — Постройка крѣпости близь Сѣчи.—Своевольство запорожцевъ.—Греческій караванъ.—Неудачныя попытки запорожцевъ склонить хана.—Волненія въ Малороссіи.—Оскорбленія малороссіянамъ отъ великороссіянъ.—Попытки примиренія съ запорожцами.—Безчинства и разбои . 172

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возобновленіе козачества въ правобережной Украинѣ. — Палѣй.—Самусь.—Искра.—Абазынъ.—Прежняя судьба Палѣя.—Жизнь Палѣя въ Хвастовѣ. — Его подвиги противъ татаръ.—Столкновеніе съ поляками.—Сеймовой декретъ объ уничтоженіи козачества. — Неудачныя попытки поляковъ выгнать Палѣя.—Возстаніе русскаго народа противъ польскихъ пановъ.—Взятіе козаками Бѣлой-Церкви. — Свирѣпости съ обѣихъ сторонъ.—Укрощеніе возстанія. — Требованіе сдать полякамъ Бѣлую-Церковь. — Упорство Палѣя. — Самусь и Искра переходятъ на лѣвую сторону Днѣпра.—Обвиненіе Палѣя въ сношеніи съ царскими врагами.—Планъ Мазепы заманить и схватить Палѣя . 196

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Участіе малороссіянъ въ Сѣверной войнѣ въ ея первые годы.—Дьякъ Борисъ Михайловъ у гетмана.—Совѣты Мазепы.—

Первыя посылки козаковъ въ Ливонію и Ингрію. — Участіе козаковъ въ Эрестферской битвѣ.—Успѣхи шведскаго короля въ Польшѣ.—Взятіе Быхова козаками.—Милости царя къ гетману.—Волненія въ Запорожьи. — Походъ гетмана на правую сторону Днѣпра. — Мировичъ и Апостолъ съ козаками въ Польшѣ.—Дѣло съ Палѣемъ.—Арестованіе Палѣя.—Возвращеніе Мазепы съ войскомъ назадъ.—Судьба отправленныхъ въ Польшу козацкихъ отрядовъ.—Ссылка Палѣя въ Сибирь. 242

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Милость царя къ гетману.—Поѣздка гетмана въ Москву.—Недовѣріе къ полякамъ. — Казнь сотника Мандрики. —Дѣло о размежеваніи границъ Турціи.—Запорожье въ этомъ вопросѣ.—Новый походъ Мазепы съ войскомъ въ Польшу. — Новый король въ Польшѣ.—Неудовольствіе польскихъ пановъ.—Подчиненіе Замостья.—Возвращеніе козаковъ на Волынь. — Мазепа въ Дубно. — Полковникъ Горленко. — Оскорбленія, наносимыя великороссіянами малороссіянамъ. —Крестины въ Бѣлой Криницѣ.—Княгиня Дольская.—Первое искушеніе 266

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Запорожское своевольство.—Козаки въ Литвѣ.—Новое искушеніе Мазепѣ черезъ посредство княгини Дольской. — Нерасположеніе Мазепы къ Меншикову. — Успѣхи шведскаго короля въ Саксоніи. — Альтранштадтскій договоръ. — Отреченіе Августа отъ польской короны. — Своевольства великороссіянъ въ Малороссіи. — Строеніе Печерской крѣпости въ Кіевѣ. — Жалобы старшинъ и полковниковъ. — Пребываніе царя въ Жолквѣ.—Неудачныя попытки примиренія съ шведскимъ королемъ.—Союзъ царя съ поляками, непризнавшими Станислава.—Мазепа въ Жолквѣ.—Меншиковъ и Мазепа. — Іезуитъ Заленскій.—Ксендзъ тринитарій.—Продолженіе работъ надъ Печерскою крѣпостью.—Польскія попытки овладѣть правобережною Украиною.—Козаки въ Польшѣ.—Сношеніе Карла и Станислава съ Турціею.—Третье искушеніе Мазепѣ отъ княгини Дольской и короля Станислава. — Мазепа открывается своему генеральному писарю. — Непосланныя письма къ царю и канцлеру. — Пріѣздъ къ Мазепѣ іезуита Заленскаго. — Тайный посланецъ

Мазепы у короля Станислава. — Безпорядки въ царской державѣ.—Успокоительная царская грамота къ малороссійскому народу . 284

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Видимое дружелюбіе гетмана къ царю и его вельможамъ.— Доносъ на гетмана, поданный козакомъ Мирономъ. — Довѣріе къ гетману.—Движеніе шведовъ въ Литву.—Взятіе Гродна шведами. — Карлъ въ Сморгонахъ и Радосовицахъ. — Булавинъ и запорожцы. — Бунтъ Булавинскій. — Участіе козаковъ въ его укрощеніи.—Письмо къ Мазепѣ пана Тарла.—Мотря Кочубеевна. — Доносъ Кочубея и Искры на гетмана. — Розыскъ по этому доносу. — Боязнь Мазепы во время производства розыска.—Колебаніе Орлика.—Старшины пристаютъ къ замыслу Мазепы.—Выдача Кочубея и Искры Мазепѣ и казнь ихъ . . . 337

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Возвращеніе гетмана Мазепы изъ похода.—Движеніе шведскаго короля къ предѣламъ Русской державы.—Неизвѣстность шведскихъ намѣреній.—Измѣнчивые указы царя.—Карлъ направляется къ Украинѣ.—Генералъ Лагеркрона въ Стародубщинѣ.— Царскій генералъ Инфлянтъ.—Вступленіе всего шведскаго войска въ Украину.—Станъ на берегу рѣки Ипути. — Неудовольствія малороссіянъ противъ царскаго войска. — Шляхтичъ Якубъ Улашинъ.—Увертки Мазепы.—Хитрости со старшинами.—Соборованіе масломъ.—Посольство къ шведскому королю Быстрицкаго.—Прибытіе Меншикова въ Горскъ.—Войнаровскій.—Отъѣздъ Мазепы изъ Борзны.—Послѣднее посѣщеніе Батурина.— Походъ къ Деснѣ.—Переходъ черезъ Десну.—Открытіе замысла козакамъ.—Одиночные побѣги козаковъ.—Мазепа у шведскаго короля.—Поиски Меншикова за Мазепою.—Меншиковъ и Голицынъ подъ Батуриномъ.—Манифесты царя.—Пригласительныя письма царя. — Взятіе и истребленіе Батурина. — Письмо Мазепы къ Скоропадскому.—Переправа шведскаго войска черезъ Десну . 405

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Нерасположеніе малороссійскаго народа къ замыслу Мазепы. — Избраніе въ гетманы Скоропадскаго. — Проклятіе Мазепы.—Царскій манифестъ къ малороссійскому народу.—Цар-

скія милости.—Движенія шведскаго войска послѣ перехода черезъ Десну.—Мазепа въ Бахмачѣ.—Универсалъ Мазепы къ народу.—Универсалъ Скоропадскаго къ народу.—Станъ шведскаго короля въ Ромнахъ.—Походъ Мазепы къ Гадячу.—Универсалы Карла XII къ малороссіянамъ. — Вѣрность малороссіянъ къ царю.—Миргородскій полковникъ Апостолъ.—Кгалаганъ.—Отвѣтъ Мазепѣ отъ канцлера Головкина.—Коварство Мазепы.—Перехваченное письмо къ Лещинскому. — Недовѣріе шведовъ къ козакамъ.— Походъ короля Карла и Мазепы къ Веприку.—Жестокая стужа.— Взятіе Роменъ русскими. — Взятіе Веприка шведами.--Занятіе шведами Зенькова. —Походъ Карла и Мазепы въ Слободскую Украину.—Сраженіе подъ Краснымъ Кутомъ.—Возвращеніе.— Внезапная распутица.— Успѣхи русскихъ въ Прилукахъ и въ Рашевкѣ.—Изгнаніе шведовъ изъ Лохвицы.—Главная квартира шведовъ въ Великихъ Будищахъ.—Царскія милости семейству Кочубея и другимъ 456

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Запорожцы. — Попытки русскихъ удержать ихъ въ покорности. — Кошевой Гордѣенко у Мазепы. — Колебаніе запорожцевъ.—Малороссійское попольство и запорожцы. — Запорожцы присягаютъ Карлу.—Взаимныя посольства царя и Карла.—Дѣятельность полковника Яковлева. — Шведы приступаютъ къ Полтавѣ.—Разореніе Сѣчи Яковлевымъ и Кгалаганомъ.—Русское войско подъ Полтавою.—Прибытіе фельдмаршала Шереметева. — Прибытіе царя Петра къ арміи. — Сношенія между Полтавою и арміею. — Стѣснительное положеніе шведовъ. — Взятіе русскими Стараго Санжарова.—Рана, полученная шведскимъ королемъ , ... 506

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Переходъ русскаго войска на правый берегъ Ворсклы. — Приготовленія шведовъ къ сраженію.—Ночь наканунѣ битвы.— Утро.—Нападеніе шведовъ на русскіе редуты.—Неудача у русскихъ. — Вступленіе Меншикова на поле битвы.—Плѣнъ шведскихъ генераловъ Шлиппенбаха и Рооса.—Принятіе Петромъ главной команды надъ арміею.—Носилки шведскаго короля.— Плѣнъ Реншильда. — Совѣтъ Левенгаупта. — Карлъ въ своемъ обозѣ.—Совершенное пораженіе шведовъ.—Мужество Карла и

Петра.—Плѣнъ Пипера и шведскихъ генераловъ.—Пиръ царя Петра.—Тостъ за Карла и за учителей.—Погоня за разбитымъ непріятелемъ.—Погребеніе убитыхъ.—Вступленіе Петра въ Полтаву.—Мирныя предложенія Карла.—Отвѣтъ Петра.—Царскія имянины.—Вторичный пиръ на полѣ битвы. — Шведскіе плѣнники.—Мазепинцы 540

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Карлъ послѣ пораженія.—Ужасъ Мазепы.—Отступленіе шведовъ. — Карлъ въ Новомъ Санжаровѣ. — Кобыляки. — Переволочна.—Толки о переправѣ.—Упорство Карла.—Король соглашается на переправу.—Переправа Мазепы.—Послѣднія распоряженія Карла.—Помощь, оказанная запорожцами.—Переправа короля и шведовъ. — Прибытіе Меншикова съ войскомъ. — Упадокъ духа въ шведскомъ войскѣ.—Капитуляція шведскаго войска.—Отчаяніе запорожцевъ.—Бѣгство шведовъ и мазепинцевъ за Днѣпромъ въ степи.—Недостатокъ съѣстного.—Погоня за бѣглецами.—Прибытіе къ Бугу.—Толки съ турецкимъ пашею.—Переправа черезъ Бугъ.—Русскіе берутъ въ плѣнъ шведовъ, не успѣвшихъ переправиться. — Прибытіе въ Бендеры. — Пріемъ, оказанный сераскиромъ. — Смерть и погребеніе Мазепы. — Новый гетманъ.—Историческое значеніе личности Мазепы . . 558

МАЗЕПИНЦЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Федеративность и московская политика.—Мазепа какъ полякъ.—Народъ малороссійскій противъ Мазепы.—Малочисленность мазепиной партіи. —Лебединъ. —Судъ и расправа надъ мазепинцами.—Опоченокъ.—Дубяга.—Лохвицкій сотникъ Яременко.—Гамалѣя и Мартосенко. —Данило Таращенко и Яковъ Кудинъ.—Попъ Мловскій.—Сельскій попъ изъ Лубенскаго полка.—Люди Ломиковскаго.—Городецкій и Пекалицкій.—Миргородскій полковникъ и другіе переходятъ обратно отъ Мазепы къ Петру.—Полтавскій полковникъ Левенецъ.—Гамалѣя и Андрей Горленко 595

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переходъ мазепинцевъ къ царю въ день Полтавской битвы.—Судьба ихъ.—Андріяшъ.—Невінчаный.—Запорожцы.—Бѣглецы малороссійскіе въ турецкихъ владѣніяхъ.—Избраніе Орлика въ гетманы.—Его договоръ съ запорожцами и украинскими бѣглецами.—Протекторатъ шведскаго короля.—Помощь отъ Турціи.—Покушеніе Орлика.—Свирѣпства и вѣроломство татаръ.—Мѣры, предпринятыя противъ Орлика.—Прутскій миръ.—Какъ понимали его смыслъ малороссійскіе эмигранты 618

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Козацкое посольство въ Константинополѣ. — Данная этому посольству инструкція.—Вліяніе козаковъ на вопросъ о примиреніи Турціи съ Россіею. —Колебаніе турецкой политики.—Царь приказываетъ собрать и прислать въ Москву родню малороссійскихъ эмигрантовъ, скрывавшихся въ Турціи. — Ихъ имущества. — Архимандритъ Одорскій и другіе малороссійскіе духовные.—Племянница Мазепы.—Челядники Мазепы.—Компанейскій полковникъ Новицкій.—Доносничество въ Украинѣ.—Данило Забѣла.— Гадяцкій протопопъ Лисовскій. — Лубенскій монахъ Дамаскинъ.—Письмо Шафирова изъ Константинополя... 640

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Письмо вице-канцлера Шафирова изъ Константинополя. — Попытка Дмитрія Горленка примириться съ царемъ. — Его письма къ Скоропадскому. — Письмо Горленка къ Орлику, доставшееся въ руки Скоропадскому.—Родственники мазепинцевъ пишутъ, подъ угрозами себѣ смерти, письма къ нимъ въ Турцію.—Новое колебаніе турецкой политики.—Окончательное примиреніе Турціи съ Россіею.—Переписка Дмитрія Горленка съ кн. Голицынымъ и съ гетманомъ Скоропадскимъ. — Прибытіе Дмитрія Горленка и его товарищей въ Украину.—Отъѣздъ въ Москву. — Челобитная царю отъ возвратившихся малороссійскихъ эмигрантовъ.—Ихъ положеніе въ Москвѣ 659

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Войнаровскій. — Его показаніе и ссылка. — Григорій Герцикъ.—Его показаніе и судьба.—Участь прочихъ малороссіянъ, содержимыхъ подъ карауломъ. — Ссылка въ Сибирь семейства Мировичей.—Ихъ освобожденіе 678

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дѣятельность Орлика за границею. — Его письма къ европейскимъ дворамъ.—Попытки образовать и утвердить военный союзъ противъ Россіи. — Орликъ въ Бреславлѣ. — Посылка въ Турцію, къ хану крымскому и къ запорожцамъ. — Посланіе Орлика, возбуждающее запорожцевъ противъ Россіи.—Попытка Орлика примириться съ царемъ.—Письмо Орлика къ митрополиту Стефану Яворскому.—Орликъ въ Салоникахъ. — Безкоролевье въ Польшѣ по кончинѣ короля Августа II. — Попытки возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго. — Орликъ у крымскаго хана. — Неудачныя старанія выдвинуть украинскій вопросъ въ рядъ политическихъ вопросовъ европейской политики.—Новое посланіе Орлика къ запорожцамъ.— Отвѣтъ запорожцевъ. — Послѣдки эмиграціонныхъ интригъ. — Орликъ во Франціи. — Мировичъ и Нахимовскій въ Крыму. — Предположеніе гетмана Разумовскаго о мѣрахъ противъ эмигрантовъ.—Эмиграціонное движеніе испаряется 701

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Buchbinderei
Theo Storfing
826 Altmühld

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Istoričeskija monografii i izslědovanija Nikolaja Kostomarova

Bd.: 16

1885

Russ. 220 a-16
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11887911-9